

История ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СССР:
1941–1945 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока

История ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Том 3

Книга 3

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СССР: 1941–1945 гг.

Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН Н.Н. Крадина

Ответственный редактор
доктор исторических наук Г.А. Ткачева

Владивосток
Дальнаука
2020

УДК 947.085 (571.6)

Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.- корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 944 с. – (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3).

ISBN 978-5-8044-1692-9

Монография является первым обобщающим коллективным исследованием, в котором на обширном материале раскрываются страницы истории Дальнего Востока СССР в эпохальный исторический период 1941–1945 гг. В научный оборот вводится значительный корпус неопубликованных источников, который позволяет объективно рассмотреть исторические процессы и отвергнуть многочисленные фальсификации в освещении событий Великой Отечественной войны. Показана сложная геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне и в годы Второй мировой войны. Рассмотрены деятельность промышленных предприятий, сельское хозяйство, транспортная система, численность и состав населения, реалии повседневности, оборонный потенциал региона, мероприятия по обеспечению безопасности восточных рубежей страны. Проанализированы завершающий этап Второй мировой войны и её итоги.

Монография предназначена для историков, преподавателей вузов, краеведов, учителей, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей Дальнего Востока России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Дальний Восток СССР, безопасность, мобилизация, оборонный потенциал, социально-экономические, социокультурные процессы, вооружённые силы.

Редколлегия:

д-р ист. наук Л.И. Галлямова, чл.- корр. РАН Н.Н. Крадин (гл. ред.), академик РАН В.Л. Ларин, канд. ист. наук А.В. Маклюков (уч. секр.), канд. ист. наук А.Е. Савченко, канд. ист. наук О.И. Сергеев, д-р ист. наук Г.А. Ткачева (отв. ред.), канд. ист. наук В.А. Тураев, канд. филол. наук Л.Е. Фетисова, чл.- корр. РАН В.С. Христофоров

Рецензенты:

д-р ист. наук С.И. Кузнецов, д-р ист. наук О.Б. Мозохин, д-р ист. наук Н.М. Платонова

Утверждено к печати Учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Монография подготовлена
при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»
и Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-8044-1692-9

© Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, 2020
© Дальневосточное отделение РАН, 2020
© «Издательство Дальнаука», 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archeology and Ethnography
of the People of the Far East

History of the **RUSSIAN** **FAR EAST**

Vol. 3

Book 3

THE FAR EAST OF THE USSR: 1941–1945

General Editor
Corresponding Member of RAS N.N. Kradin

Editor-in-Chief
Doctor of Historical Sciences G.A. Tkacheva

Vladivostok
Dalnauka
2020

The Far East of the USSR: 1941–1945 / General Editor Corresponding Member of RAS N.N. Kradin, Eitor-in-Chief G.S. Tkacheva. – Vladivostok: Dalnauka, 2020. – 944 p. – (History of the Russian Far East. Vol. 3. Book. 3).

ISBN 978-5-8044-1692-9

This volume is the first integrating collective research that reveals the history of the Far East of the USSR during the epochal historic period of 1941–1945. A significant number of unpublished sources have been introduced into scientific discourse and can help to objectively review historical processes and deny numerous falsifications in the coverage of the events of the Great Patriotic War. A complex geopolitical situation in the Asia-Pacific Region in the eve and during the World War II is shown. The activities of industrial enterprises, agriculture, transport system, population and composition of population, realities of daily routine, defense potential of the region, safety and security arrangements of the eastern borders of the country are examined. The final stage of the World War II and its results are analyzed.

The book is intended for historians, university professors and teachers, local history specialists, teachers as well as for all readers who are interested in the history of the Russian Far East.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, Far East of the USSR, economical history, social history, political mobilization, demography, population, armed forces, the Soviet-Japanese War.

Editorial board:

Doctor of Historical Sciences L.I. Gallyamova, Corresponding member of RAS N.N. Kradin (Editor-in-Chief), Member of RAS V.L. Larin, Candidate of Historical Sciences A.V. Maklyukov (Academic Secretary), Candidate of Historical Sciences A.E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences O.I. Sergeev, Doctor of Historical Sciences G.A. Tkacheva (Editor-in-Chief), Candidate of Historical Sciences V.A. Turaev, Candidate of Philological Sciences L.E. Fetisova, Corresponding member of RAS V.S. Hristoforov

Reviewers:

Doctor of Historical Sciences S.I. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences O.B. Mozohin, Doctor of Historical Sciences N.M. Platonova

It is approved for printing by the Institute of History, Archaeology and Ehtnology of the Peoples of the Far East FEB RAS

The volume published with financial support of the «History of Russia» Foundation and the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

ISBN 978-5-8044-1692-9

© Institute of History, Archeology and Ethnography of the People of the Far East FEB RAS, 2020

© Far Eastern Branch of RAS, 2020

© Dalnauka, 2020

*К 75-летию Победы
советского народа
в Великой Отечественной
войне 1941–1945 гг.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый Читатель!

Вы держите в руках завершающий том «Истории Дальнего Востока СССР/России». Это не последний по хронологии том, но так получилось, что издания, посвященные более поздним периодам между 1945–1991 гг., вышли несколько ранее. Символично, что данный том вышел в год 75-летия Великой Победы. К сожалению люди стали забывать об ужасах той войны, о тех, кто был главным виновником, и о тех, кто вынес на своих плечах наибольшие тяготы и кто внес самый значимый вклад в Победу над коричневой чумой. В разных странах подняли голову неофашисты и подобные им радикальные группировки. В ряде государств активно идет процесс реабилитации лиц, сотрудничавших с нацистами. Им устанавливаются памятные стелы, их именами называют улицы. В то же самое время уничтожаются памятники советским солдатам, главным освободителям человечества от коричневой чумы. Дело дошло до того, что Европарламентом была принята специальная резолюция от 19 сентября 2019 г., в констатирующих пунктах В и С которой пакт Молотова–Риббентропа назван главной причиной, приведшей ко Второй мировой войне, начавшейся с захвата двумя тоталитарными режимами территории Польши¹.

При этом документ стыдливо умалчивает о Мюнхенском сговоре, аншлюсе, разделе Чехословакии, которые предшествовали заключению вышеупомянутого пакта. Освобождение стран Восточной Европы Красной армией в 1945 г. названо оккупацией. Прибалтийские страны представлены жертвами коммунизма, ни слова не говорится о коллаборационизме населения данных стран с нацистами. Ряд заключительных пунктов резолюции (п. 17, 18) фактически призывают к продолжению политики уничтожения памятников советским солдатам, приравнивая монументы воинам – освободителям Европы от фашизма к памятникам тоталитаризма. Читая документ, можно констатировать: так формируется историческая память забвения Правды о Великой войне.

Невольно на память приходят слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». В данном случае грустная ирония произведения Оруэлла состоит в том, что он описывал западное общество. Противником Запада в его произведении была Евразия, то есть, вероятно, русскоговорящий мир. Что там происходит, из книги неизвестно. Оруэлл описывал тоталитарное общество на примере европейского сообщества. Как это ни печально констатировать, мрачные пророчества великого писателя сбываются. Все, что он приписывал своей цивилизации, происходит на наших глазах. Все чаще встречаются попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны, поставить в один ряд германский нацизм и советский народ.

Нужно сказать, что данная ситуация не возникла вдруг. Это результат многолетней длительной и постепенной политики переписывания истории Второй мировой войны в разных странах. Прочитав и просмотрев большое количество книг и учебников на английском языке, могу констатировать, что существует устойчивая тенденция минимизировать упоминания о роли и значении Советского Союза во Второй мировой войне². Для примера можно сослаться на одно из последних фундаментальных изданий, опубликованное в весьма солидном издательстве «Блэквел». В тысячастраничном издании, разделенном на 58 глав, только три посвящены Советскому Союзу. В 6-й главе говорится о роли Советского Союза в международных отношениях, приведших к началу войны, а в 11-й и 19-й главах описываются события на так называемом Восточном фронте³.

Подобная ситуация типична и для учебных пособий. Еще М. Ферро много лет назад убедительно показал, что каждая страна старается выставить свою роль в мировой истории в более благосклонном свете⁴. Поэтому не удивительно, что в американских или британских учебниках роль их стран преподносится как внесших самый главный вклад в победу во Второй мировой войне⁵. Наверное, американцы тоже хотели бы, чтобы в наших учебниках упоминались ленд-лиз, Перл-Харбор и Мидуэй. Но это все вопрос дискурса, и задача историков – в первую очередь установить нормальный профессиональный диалог, чтобы прийти если не к общему знаменателю, то хотя бы приблизиться к сбалансированной объективной картине.

Гораздо хуже и серьезнее другое: когда история Второй мировой войны перекрашивается в угоду амбициям отдельных политиков. Особенно много неправды в последний год было сказано политиками Польши. Это очень нездоровая и опасная тенденция потому, что вместо объективной и многогранной картины мировой истории, основанной на фактах, чем как раз должны заниматься историки, населению своих стран они преподносят фальшивый суррогат, в котором содержатся прямые призывы к необходимости пересмотра Нюрнбергского процесса, чем как раз и является пресловутая вышеупомянутая резолюция Европарламента. К счастью, и в Восточной Европе, и в странах Запада есть много разумных исследователей и публицистов, которые стремятся к объективному осмыслению этого сложного этапа истории XX века⁶.

Совершенно некорректно обвинять в непосредственном развязывании Второй мировой войны только Германию и СССР. Несомненно, в секретном приложении к пакту Молотова–Риббентропа содержатся договоренности о разделе территорий Польши и стран Балтии. Однако нужно учитывать более широкий контекст проблемы. Во-первых, все-таки речь шла не об исконных территориях Польши, а о возвращении славянских (белорусских и украинских территорий), которые вошли в состав Польши в условиях подписания неравноправного договора с молодой Советской Россией. То, что сейчас преподносится польскими политиками как агрессия СССР, в 1939 г. воспринималось даже на Западе несколько иначе. В Солк-Лейк-Сити 27 сентября 1939 г. газета «Desert News» писала: «А что же русское вторжение? Против кого оно направлено? Эти вопросы наиболее часто задаются общественностью в последние несколько дней. Но Белоруссия – это не Польша. Обе данные нации существенно отличаются от поляков. Белоруссия была завоевана Польшей в 1920 г., а Польская Украина аннексирована поляками в 1919, несмотря на вооруженное сопротивление украинского населения. Получается, что русские и не вторгались на польскую землю»⁷.

Во-вторых, за год до подписания пакта при полном попустительстве ведущих стран Запада произошла аннексия Чехословакии, а Польша приняла в этом самое активное участие. В так называемом Мюнхенском створе приняли участие руководители ведущих стран Запада – Даладье, Муссолини, Чемберлен и др., которые фактически развязали Гитлеру руки, а американский журнал «Тайм» признал в 1938 г. Гитлера человеком года.

Дополнительно можно напомнить, что американские промышленники многие годы последовательно взращивали германский милитаризм. Наверное, нужно упомянуть и британско-японское соглашение 1939 г., по которому Великобритания признала легитимность завоевания Японией территории Китая. По большому счету, историкам давно следует признать, что 1 сентября 1939 г. – это не более чем условная дата⁸. Фактически Вторая мировая война началась ранее: может быть, ее следует отсчитывать уже с 1931 г., когда Япония вторглась в Китай. За ней последовали итальянская экспансия в Африке и гражданская война в Испании и др. Дважды в 1938–1939 гг. Япония пыталась померяться силами с Советским Союзом. Все приведенные выше факты свидетельствуют о сложности международной обстановки в мире в конце 1930-х годов и о том, что мировая война стала продолжением попустительской политики не одной, не двух, а многих стран.

С какой целью история Второй мировой войны переписывается в наши дни? Логика этого посыла достаточно проста. Сегодня пересмотрим итоги Нюрнберга. Завтра на основании этого можно поставить вопрос о лишении некоторых стран постоянного членства в Совете Безопасности ООН. Послезавтра объявим их и некоторых других международными изгоями и потребуем пересмотра границ. Но это очень опасная тенденция. Фактически это путь в никуда. Подобный шаг будет способствовать серьезной эскалации международной напряженности. Он может привести к разжиганию конфликтов между нациями и к серьезной политической нестабильности, а затем и к катастрофическим, непоправимым последствиям для всего человечества.

Историки не могут остановить войны. Но они должны предостеречь от опасности эскалации войн и глобальных конфликтов в будущем. Предостережения ученых и историческая память сконцентрированы в больших обобщающих монографиях. С этой точки зрения книга, которую Вы держите в руках, – это серьезное академическое издание, написанное коллективом профессиональных историков, за плечами каждого из которых фундаментальная университетская подготовка, длительная работа в архивах и библиотеках. Данный том обобщает огромное число самых разнообразных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. Широкая и многогранная источниковая база позволила раскрыть целый комплекс взаимосвязанных вопросов истории Дальнего Востока – от международной обстановки в регионе до описания жизни простых людей, их настроений, культуры и искусства. Отдельный большой блок посвящен коренным народам. Несмотря на то что хронологические рамки монографии насчитывают всего пять лет, они охватывают множество крупных и локальных событий, которые отдельными лоскутками создают целостную картину региональной истории на фоне одного из самых масштабных событий мировой истории XX в. Без преувеличения можно сказать, что это настоящий энциклопедический труд по истории региона.

Несколько слов о структуре тома. Книга состоит из десяти глав, которые композиционно дополняют друг друга. В первой главе рассматривается

международная обстановка накануне и во время Второй мировой войны, раскрыты отношения СССР с основными игроками на дальневосточном геополитическом фронте – Японией и Маньчжоу-го, США, Китаем. Большое внимание уделено таким важным аспектам межгосударственных отношений, как помощь Китаю в борьбе против японской экспансии в Маньчжурии, дальневосточный канал ленд-лиза и его роль в обеспечении победы. Вторая глава коллективной монографии посвящена описанию функционирования органов власти на Дальнем Востоке, рассмотрению обществено-политической ситуации в регионе. Показаны патриотические настроения дальневосточников, сформировавшиеся в условиях сложной международной обстановки, постоянного психологического напряжения, обусловленного приграничным положением региона.

В третьей главе дана информация о динамике численности народонаселения в Дальневосточном регионе, его демографическом составе, профессиональной структуре. Четвертая глава показывает, какой вклад в Великую Победу внесли своим трудовым подвигом дальневосточники. Показано, как работали предприятия промышленности и транспорта, колхозное крестьянство. За столбиками цифр из сухих отчетов не всегда можно увидеть напряжение и страдания обычных людей. Поэтому авторы тома постарались насытить богатый архивный материал рассказами о конкретных людях, их биографиях для того, чтобы их вклад остался в памяти последующих поколений, для которых написана эта книга. Особый раздел главы уделен подготовке рабочих профессий. Пятая глава демонстрирует читателям существование простого населения – его жилищно-бытовые условия, обеспечение продовольствием и другими товарами, медицинское обслуживание. Это первый шаг к разработке такой важной темы, как повседневная история жителей региона в годы Великой Отечественной войны.

В шестой главе рассматриваются среднее и высшее образование, наука, искусство, религиозная жизнь. Седьмая глава посвящена жизни коренных малочисленных народов Дальнего Востока и их вкладу в общую для всех народов страны Победу. В восьмой и девятой главах приведены данные по оборонному потенциалу Красной армии на Дальнем Востоке, функционированию различных силовых ведомств (пограничников, таможни, милиции и контрразведки) по обеспечению безопасности в регионе, а также сведения о подготовке к войне с Японией.

В завершающей десятой главе описываются события августа 1945 г. Показаны стратегические планы советского командования, а также в сжатой форме изложены основные события августовской войны 1945 г. Это была уникальная в своем роде военная операция, когда за короткий период времени через всю страну было обеспечено перемещение огромных людских и материальных ресурсов, в режиме секретности проведены процедуры развертывания боевых сил и наступательных операций в Маньчжурии и Внутренней Монголии. В главе также показана роль органов разведки и контрразведки на завершающем этапе войны. Особый интерес представляют страницы книги, посвященные жизни дальневосточных регионов в этот период. В заключительном разделе дана оценка итогов войны по материалам Токийского и Хабаровского процессов.

Данный том – это важный этап в развитии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Необходимо напомнить, что Институт был создан в 1971 г. и одной из важнейших его задач была подготовка и издание «Истории Дальнего Востока». Уже в 1974 г. были изданы небольшим тиражом краткие по объему книжки для обсуждения внутри круга специалистов.

Путь к полноценному изданию затянулся на полтора десятилетия, и только в 1989 г. вышел первый, а через два года второй том⁹.

Выход второго тома совпал с распадом СССР и изменением политической системы в стране. Встал серьезный вопрос, как историки должны оценивать события XX века. Необходимо было время, чтобы по-новому переосмыслить историю последнего века минувшего тысячелетия. Одновременно открылись многие ранее недоступные историкам архивы и потребовались годы, чтобы проработать огромное количество новых фондов, осмыслить собранный материал и приступить к его обобщению. На это тоже понадобилось время. Публикация третьего тома, состоящего из пяти книг, растянулась почти на два десятилетия. Тома были изданы не в хронологическом порядке по объективным историческим причинам. Настоящий том, посвященный истории региона в 1941–1945 гг., завершает публикацию этого длительного, фактически полувекового проекта¹⁰.

Это уникальный труд, аналога которому нет ни в отечественной, ни тем более в зарубежной историографии. Искренне надеюсь, что книга будет благожелательно принята читателями, и считаем своим долгом посвятить этот том светлой памяти всех тех, кто отдал свою жизнь и силы для приближения великого и воистину всенародного праздника – Дня Победы!

*Главный редактор
член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин*

Сноски и примечания

¹ Importance of European remembrance for the future of Europe European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) P9_TA-PROV(2019)0021.

² «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии. М., 2015.

³ A Companion to World War II / ed. by T.W. Zeiler, D.M. DuBois. Vol. III. Oxford etc.: Wiley-Blackwell, 2013.

⁴ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

⁵ Вторая мировая война в зарубежных учебниках истории. Хрестоматия – сборник переводов. М., 2017.

⁶ Gačko G. Liberální falzifikátori prepisujú dejiny – Sovietsi nás vraj „okupovali“, čo bude ďalej, zbúrame Slavín? // Hlavné správy, 5 septembra 2019; Roberts J. Poles Apart: Putin, Poland and the Nazi-Soviet Pact // History News Network, January 19, 2020.

⁷ «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии. С. 67.

⁸ Buchanan A. World War II in Global Perspective, 1931–1953. A Short History. Madlen etc.: Wiley-Blackwell, 2019.

⁹ История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991.

¹⁰ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период Революций 1917 г. и Гражданской войны. Владивосток, 2003; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года. Владивосток, 2018; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток, 2009; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на Российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. Владивосток, 2018.

Авторы разделов

- Н.Н. Крадин*, член-корр. РАН – предисловие;
Л.И. Галлямова, д-р ист. наук – раздел по историографии (использован материал Г.П. Белоглазова, Л.Н. Гарусовой, Ю.М. Зайцева, Р.В. Кулепанова, Л.А. Слабниной, К.Т. Тихого, И.Ф. Шугалея);
Л.Н. Гарусова, д-р ист. наук – разд. 1.4;
Н.А. Беляева, д-р ист. наук – разд. 8.3;
Г.П. Белоглазов, канд. ист. наук – разд. 1.1;
С.Б. Белоглазова, канд. ист. наук – разд. 6.1, 6.2, 6.3;
Е.В. Васильева, канд. ист. наук – разд. 6.4;
С.А. Власов, канд. ист. наук – разд. 5.4;
С.М. Дударёнок, д-р ист. наук – разд. 6.7;
А.В. Жадан, канд. ист. наук – разд. 8.4;
А.С. Заколотная – приложение;
Ю.М. Зайцев, канд. ист. наук – разд. 10.3, 10.4,
В.Г. Зеляк, д-р ист. наук – разд. 4.5;
В.В. Кожевников, канд. ист. наук – разд. 1.2;
Б.Б. Кондратенко – разд. 8.2, 10.5;
Р.В. Колесник – разд. 9.2;
К.Ю. Колесниченко, канд. полит. наук – разд. 9.4;
Л.В. Курас, д-р ист. наук – разд. 1.3;
И.В. Крюков, канд. ист. наук – разд. 9.5, 9.6;
Р.В. Кулепанов – разд. 10.1;
В.Г. Макаренко, канд. ист. наук – разд. 6.3;
А.В. Маклюков, канд. ист. наук – разд. 4.1;
Л.М. Медведева, д-р ист. наук – разд. 4.3;
Г.Н. Романова, канд. ист. наук – разд. 1.1;
Л.А. Слабнина, канд. ист. наук – разд. 5.3;
О.И. Сергеев, канд. ист. наук – разд. 10.2;
Г.А. Ткачева, д-р ист. наук – гл. 2, гл. 3; разд. 4.2, 4.6, 5.1, 5.2, 9.1, 10.7, выводы, заключение;
С.В. Тужилин, канд. ист. наук – разд. 8.1, 10.6, 10.8;
В.А. Тураев, канд. ист. наук – гл. 7;
О.П. Федирко, д-р ист. наук – разд. 6.7;
Н.А. Шабельникова, д-р ист. наук – разд. 8.4;
Н.И. Широков, д-р ист. наук – разд. 4.5;
И.Ф. Шугалей, доцент – разд. 10.3, 10.4;
Е.Н. Чернолуцкая, д-р ист. наук – разд. 4.4;
Л.Е. Фетисова, канд. филол. наук – разд. 6.5, 6.6 (использован материал Н.С. Позиной);
А.В. Усов, канд. ист. наук – разд. 9.3;
В.С. Христофоров, член-корр. РАН – разд. 8.1, 10.6, 10.8.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1941–1945 гг.

История Дальнего Востока в освещении отечественных авторов

Изучение истории Дальнего Востока, охватывающей период Великой Отечественной войны и окончания Второй мировой войны, характеризуется сложностью проблематики, трансформацией целевых установок, изменением методологических подходов, переформатированием оценочных выводов и оценок. В целом в зависимости от методологических подходов к проблеме, наличия необходимых источников, поднимаемых проблем в историографии темы можно выделить два больших периода: советский и постсоветский (современный). Первый из них можно разделить на три этапа: 1941–1945 гг., 1945-й–середина 1950-х гг., середина 1950–конец 1980-х гг. Выделение этапа 1941–1945 гг. непосредственно связано с самим ходом войны. Глубокий отпечаток на характер публикаций, появившихся в этот период, наложилась обстановка на фронте, которая требовала активизации пропагандистской работы. Литература военного времени носила преимущественно агитационно-пропагандистский и информационный характер, в связи с чем большинство работ отличалось патриотическим пафосом, содержало много лозунгов и призывов, опиралось на сформулированные партией и её вождём политические концепции и императивы. В печати тиражировались главным образом небольшие публицистические статьи, фронтовые письма, информационные материалы о дальневосточных войнах, о трудовых достижениях, патриотических начинаниях и т.д., ставшие впоследствии основой многих брошюр и сборников по истории Великой Отечественной войны. Тем не менее был накоплен определённый фактический и документальный материал, а в публикациях историков, обществоведов, партийных, советских руководителей и журналистов заложены основы для разработки темы¹.

С наступлением Победы тема войны, разумеется, не утратила своей актуальности. На этапе 1945-й–середина 1950-х гг., начиная с первых послевоенных лет, на Дальнем Востоке вышли в свет работы по истории отдельных краёв и областей, сборники документальных очерков, воспоминаний, хроник и других материалов, в которых описывались многочисленные факты участия дальневосточников в защите Отечества, изданы работы по различным аспектам военной истории Дальнего Востока СССР². Хотя данные публикации не претендовали на глубину научных обобщений, но именно в эти годы сложились исходные концепции и основные направления в освещении темы, а собранный и в определённой степени систематизированный материал позволил начать работу по

его обобщению и анализу. Значительное влияние на развитие историографии оказал неоднократно переиздаваемый сборник выступлений И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», многие авторы в своих работах опирались на его суждения и оценки, подкрепляя их конкретными фактами³.

Первой комплексной обобщающей монографией послевоенного десятилетия явились «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945», однако события в книге изложены в популярной форме, на основе преимущественно уже известных источников, без использования архивных материалов, но они положили начало соответствующему научному направлению в дальневосточной историографии⁴.

С середины 1950-х гг. начался новый этап советской историографии, наступивший после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.): середина 1950 – конец 1980-х гг., который характеризовался либерализацией политики в сфере истории, предоставлением историкам большей свободы в исследованиях. В частности, были облегчены доступ в архивы и получение в них ранее секретных материалов, изданы новые исторические журналы, стало возможным более быстрое накопление фактического материала о войне. 1970-е – начало 1980-х гг. ознаменовались выходом значительных обобщающих трудов по проблемам Великой Отечественной войны, в том числе по тылу⁵, продолжились исследования социально-экономических источников победы СССР в войне⁶. Авторы этих трудов, используя частично приоткрытые для этих целей архивные материалы, значительное внимание уделили освещению проблем государственного руководства, организации обороны и борьбы с вражеским нашествием, переводу экономики на военные рельсы, созданию сложного военного хозяйства, производственной деятельности и социально-бытовому положению тружеников тыла и т.д.

В этот период заметно расширился круг авторов, повысился их профессиональный уровень. Учёные разрабатывали и апробировали методологические подходы к изучению истории советского общества, методики исследований, выявляли общие закономерности развития советского общества. В их работах раскрывалась противоречивость развития общества, освещались негативные явления, оппозиционная борьба, т.е. очевидным стал уход от лакировки советской действительности. В целом к концу советского периода насчитывалось 20 тыс. публикаций по истории войны⁷, и среди них заметное место заняли работы учёных-дальневосточников.

На Дальнем Востоке в 1950–1980-х гг. значительно изменились организация исторической науки, её структура. Создание в 1954 г. в составе Дальневосточного филиала СО АН СССР Отдела истории и археологии (реорганизованного в 1971 г. в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока), восстановление Дальневосточного государственного университета с историческим факультетом, открытие в краях и областях вузов с историческими кафедрами, издание новых журналов гуманитарного профиля (учёные записки, труды и пр.) способствовали формированию кадров, повышению их профессионализма. Создавались предпосылки для целенаправленной систематической работы по изучению истории Дальневосточного региона и смежных территорий. Этому способствовала также мобилизация научных работников Сибирского и Дальневосточного регионов на создание большого комплексного труда «История Сибири», а после его издания – коллективной монографии «История Дальнего Востока», подготовка которых заметно расширила спектр исследуемых проблем.

На повышение профессионализма дальневосточных историков позитивное влияние оказывали регулярно проводимые конференции, исторические чтения, семинары и другие научные форумы. На Дальнем Востоке именно в этот период развития историографии формируется проблематика исследований, которую вырабатывало научное сообщество, руководствуясь как задачами исторической науки, её внутреннего развития, так и задачами общественной практики. Формирование дальневосточной историографии в период 1950–1980-х гг. происходило в русле общесоюзных тенденций, следуя которым, историки первостепенное внимание уделяли изучению роли ВКП(б) в годы войны. В частности, различным аспектам этой проблемы посвящены исследования А.А. Востриковой, Н.А. Гоголева, А.В. Красновой, Б.И. Любимова и др.⁸ Изучению мобилизующей, военно-патриотической роли партийных и комсомольских организаций в обеспечении рабочей силой промышленности, транспорта и сельского хозяйства, в организации всенародной помощи фронту посвятили свои работы Ф.Ф. Кокорин, М.И. Фабричный, Г.С. Шлапунов, В.А. Самарина, А.К. Лемза и др.⁹ Деятельность партии по организации и функционированию сферы народного образования, системы просвещения и периодической печати в годы войны проанализировали и показали Р.Ф. Назарова, Л.Я. Иващенко, Г.Е. Леонова¹⁰.

Значительное внимание в дальневосточной историографии 1960–1980-х гг. уделялось изучению индустриального развития региона в военные годы, состоянию отдельных отраслей промышленности. Исследования по истории рыбодобывающей промышленности вели А. Иванис, А.Т. Мандрик, К.И. Шипилова, горнодобывающей – Г.Г. Рошупкин, лесозаготовительной – Д.А. Шулятьев, машиностроительной – С.П. Ефимов, лёгкой – Е.В. Заруцкая, электроэнергетики – А.Г. Липицкий, функционирование дальневосточного морского транспорта анализировал К.И. Добрюк; изучая экономические возможности Дальневосточного региона, авторы обращали внимание на изменения в составе рабочей силы и особенности подготовки кадров¹¹. Как и в общесоюзной историографии, идёт разработка истории тыла в годы войны. В публикациях Н.А. Гоголева, А.А. Востриковой, А.Т. Мандрика, С.Ф. Клишина, М.А. Коростылёва, В.А. Приходько, В.П. Омельчака, Г.А. Ткачёвой и др. освещаются такие вопросы, как трудовой подвиг дальневосточников, их политическая активность и трудовой героизм, подготовка кадров, роль тыла в помощи фронту¹².

Продвигалось исследование особенностей сельскохозяйственного производства в годы войны, акцентировалось внимание на освещении самоотверженного труда и роли колхозного крестьянства в военные годы, этим вопросам посвятили свои работы А.А. Беляев, В.С. Кравцов, Т.Я. Иконникова, А.Р. Тибекин¹³, а опубликованная в 1991 г. обобщающая монография «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.» стала определённым итогом изучения дальневосточной аграрной истории, в том числе и в военный период¹⁴. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и положения сельских тружеников Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны нашли отражение в работах ведущих специалистов-аграрников В.Т. Анискова и Ю.В. Аругянна, проанализировавших экономическое состояние колхозов и колхозного крестьянства Дальнего Востока¹⁵. В исследованиях историков Л.Я. Иващенко и Г.Е. Леоновой получили освещение организация и функционирование системы просвещения и периодической печати в годы войны¹⁶.

Существенный вклад в изучение истории Дальнего Востока периода 1941–1945 гг. внесли военные специалисты, подготовившие ряд изданий, посвящённых боевой летописи Дальневосточного пограничного округа, Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии, а также дивизий и соединений, воевавших или сформированных на Дальнем Востоке¹⁷. В многочисленных публикациях историков А.Г. Макарова, Л.Н. Внотченко, Б.И. Гусинского, В.С. Акшинского, Г.М. Гельфонда, С.Д. Гусаревича, А.П. Санжара, А.Н. Приходько, В.А. Матрохова, А.М. Пашкова, П.Т. Петренко, Г. Руднева, А.М. Поликова и других авторов показаны мужество, героизм, самоотверженность и патриотизм воинов дальневосточников, дана всесторонняя оценка их вклада в Победу над фашистской Германией и милитаристской Японией¹⁸.

Отличительной чертой дальневосточной историографии стало существенное накопление фактического материала о войне. Издано множество документальных сборников, статистических материалов, воспоминаний и очерков, в которых раскрывались различные аспекты укрепления обороноспособности страны и её вооружённых сил, характеризовались проблемы перестройки политического и экономического руководства, трансформации всей тыловой жизни, освещались вопросы воспитания воинов, подготовки командного состава в военно-учебных заведениях региона, формирования новых частей и соединений, участия дальневосточников в боях и сражениях и т.д.¹⁹

Внушительный комплекс источников позволил подготовить и издать крупные обобщающие труды. В первую очередь, следует отметить фундаментальные научные издания: 12-томник «История Второй мировой войны 1939–1945», в 11-м томе которого детально рассматривались вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии, события на Дальнем Востоке в августе–сентябре 1945 г., решающим образом повлиявшие на окончание Второй мировой войны и безоговорочную капитуляцию Японии²⁰. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока подготовил и издал в 1978 г. книгу «Дальний Восток СССР в годы 3-й пятилетки и в период Великой Отечественной войны (1938–сентябрь 1945 г.)»²¹. Это комплексное издание являло собою прообраз будущей фундаментальной монографии, в нём впервые была представлена обобщённая история Дальнего Востока СССР 1938–1945 гг., которая охватывала широкий круг проблем, освещаемых с активным привлечением архивных документов и других разнообразных источников, хотя, к сожалению, реализовать издание этой монографии не удалось.

Особенностью историографии советского периода являлась приверженность единой методологической модели. Тотальный политический контроль со стороны партии и цензуры обеспечивал единомыслие историков, господство официальной, выверенной и санкционированной сверху концепции войны. Изучение проблематики носило заидеологизированный характер, исторические процессы рассматривались сквозь призму коммунистической идеологии, подчёркивающей единство интересов партии и народа, их сплочённость в тяжёлый период внешней агрессии.

С начала 1990-х гг. начался современный период в изучении истории Дальнего Востока 1941–1945 гг. Его главными отличиями стали повышение интереса обществоведов к теоретическим проблемам, изменение методологических подходов к изучению истории, расширение источниковой базы и новое прочтение источников, переоценка ключевых исторических событий, явлений и процессов,

обновление и обогащение тематической палитры исторических исследований. Произошедшие в стране политические перемены позволили исторической науке отказать от официальной идеологии и проанализировать исторические события с различных точек зрения.

В современной отечественной историографии тема Великой Отечественной войны СССР 1941–1945 гг. выдвинулась на одно из главных мест в плане её значимости и актуальности. Наряду с появлением новых книг проводятся научные конференции, круглые столы, ведутся дискуссии и полемика на страницах газет и журналов. В сфере изучения истории этого периода сложилась новая историографическая ситуация, свободная от идеологического диктата, сформировались различные, порой прямо противоположные взгляды на события Второй мировой войны, расширилась источниковая база благодаря рассекречиванию и публикации архивных документов²².

Институт военной истории Министерства обороны издал сборники документов и материалов под общей рубрикой «Русский архив: Великая Отечественная», в том числе и отражающие участие СССР в войне с Японией 1945 г.²³ В коллективном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (12 томов), изданном с привлечением новых источников, рассмотрены обстановка на дальневосточном и азиатско-тихоокеанском театрах военных действий, отмечена роль Красной армии, Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской военной флотилии при разгроме японских вооружённых сил в Китае, Корее, на Сахалине и Курильских островах²⁴.

Важнейшим фактором, повлиявшим на развитие отечественной историографии, стало расширение контактов с зарубежными учёными, участие отечественных историков в международных конференциях и симпозиумах, знакомство с работами иностранных исследователей, с их достижениями и концепциями, участие в дискуссиях по актуальным проблемам мировой истории. В частности, рассмотрены проблемы образования Маньчжоу-го, его социокультурного и экономического развития²⁵ и место в системе международных отношений 1930–1940 гг.²⁶

Процессы обновления развернулись и в дальневосточной историографии, начавшись с переосмысления методологических установок²⁷. Идет расширение источниковой базы, в частности, публикуются новые документы, мемуары, хроники, создаются Книги Памяти²⁸, проводятся многочисленные конференции, изучение проблематики Второй мировой и Великой Отечественной войны заметно активизировалось.

В фокусе интересов современной дальневосточной историографии продолжает оставаться такое традиционное направление, как социально-экономическая ситуация на Дальнем Востоке в период войны. В частности, рассекречивание архивных фондов стимулировало изучение различных отраслей народного хозяйства Дальнего Востока в 1941–1945 гг. Усилиями историков И.Л. Глазунова, А.И. Широкова, И.Д. Бацаева, В.Г. Зеляка, Г.А. Шалкус, М.В. Тетюевой, Н.В. Толкачёвой заметно продвинулось исследование промышленности в целом и таких её отраслей, как горнодобывающая, угольная, нефтяная, рыбная²⁹. Состоянию дальневосточной электроэнергетики посвящён ряд публикаций А.В. Маклюкова, в которых рассматриваются особенности функционирования отрасли, определена её роль в техническом оснащении промышленности, транспорта, жилищно-коммунального и сельского хозяйства на Дальнем Востоке в годы Великой

Отечественной войны³⁰. Историки Е.В. Алтунин, И.Е. Негенбля, О.П. Еланцева, А.В. Лаврентьев, В.Ф. Зуев, И.П. Тесельская, А.Ф. Поздняков и другие авторы исследовали модернизацию транспортной отрасли, конкретные компоненты её структуры и особенности развития отдельных видов транспорта в годы войны³¹. Л.М. Медведева комплексно проанализировала роль железнодорожного, морского, речного, автомобильного и авиационного транспорта Дальнего Востока в социально-экономическом потенциале страны в период Великой Отечественной войны³².

В контексте исследований по истории транспорта актуализировалась тема ленд-лиза как важного показателя эффективности транспортных перевозок и серьёзного фактора, обеспечивавшего успех военных операций. В целом ряде публикаций авторы акцентируют внимание на освещении одного из основных маршрутов доставки грузов – тихоокеанского. А.Х. Паперно, Г.С. Сараджан, В.Н. Краснов, И.В. Краснова, В.М. Прохоров, В.А. Чирухин, С.И. Боякова, Т.В. Юшина, В.С. Юшин, М.Н. Супрун и др. анализируют участие Тихоокеанского и гражданского флотов в дальневосточном ленд-лизе, представлявшем собой путь самых значительных поставок стратегических материалов и вооружения в СССР, виды задействованного транспорта, объёмы перевозок, характер и структуру грузов, стратегическое значение поставок по ленд-лизу и т.д.³³

Открывшийся доступ в архивы позволил исследователям приступить к разработке такого сложного направления, как оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. В изучение этой обширной темы большой вклад внесли Г.А. Ткачёва, Ю.М. Зайцев, И.Ф. Шугалей, в трудах которых на основе впервые введённых в научный оборот архивных материалов комплексно рассматриваются вопросы создания и развития оборонной промышленности, транспортных коммуникаций, в том числе военного назначения, топливно-промышленной базы, сельскохозяйственного производства, системы инженерно-оборонительных объектов. Более того, в контексте истории оборонного потенциала получили освещение такие проблемы, как демографическая ситуация и трудовой потенциал Дальнего Востока, мобилизационные процессы, стратегическое развёртывание вооружённых сил, дальневосточники в рядах защитников Отечества и др.³⁴

В постсоветский период значительно расширилась тематика научных исследований, касающихся проблем национальной безопасности, истории организации пограничного и таможенного контроля на Дальнем Востоке, органов охраны безопасности и правопорядка, чему способствовало начавшееся рассекречивание архивов НКВД-МВД. Весомым вкладом в историографию стали обобщающие работы В.С. Христофорова с уникальными документальными приложениями, освещающие советско-японское противостояние в годы Второй мировой войны, деятельность органов госбезопасности на Дальнем Востоке СССР, правовые последствия Хабаровского процесса 1949 г. и др.³⁵; вышли монографии, статьи А.В. Полутова, посвящённые деятельности советских органов безопасности на Дальнем Востоке, работы С.В. Тужилина, в которых анализируется противодействие спецслужбам иностранных государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁶.

Заметный импульс получило изучение темы пограничного и таможенного контроля на Дальнем Востоке и обеспечения государственной безопасности в военный период. Существенную лепту в разработку истории дальневосточного

направления обеспечения государственной охраны, её тесной связи с политической обстановкой внутри государства и межгосударственными отношениями, форм и методов их деятельности и других аспектов темы внесли историки В.Ф. Печерица, Н.А. Беляева, Л.А. Лаврик, Н.Я. Гурбан, А.В. Грачев, Ю.Н. Ципкин, А.В. Маковский и др.³⁷

Существенно увеличилось количество публикаций, посвящённых деятельности милиции Дальнего Востока в годы войны. В работах Г.Г. Довгалея, П.М. Лемешко, В.С. Серветникова, А.М. Буякова, В.С. Шеронова, Н.А. Шабельниковой, С.Н. Бакшутова, К.Н. Петрова, А.В. Жадана и др. многогранное освещение получили такие проблемы, как борьба с преступностью, бандитизмом, воинскими преступлениями, взаимодействии органов МВД с местными органами власти и населением, кадровые проблемы, предотвращение нарушений законности и служебной дисциплины и пр.³⁸

Характерное для современного этапа переосмысление истории страны, появление публикаций, освещающих непопулярные, т.е. запретные в советское время, темы, привлекло пристальное внимание историков к проблеме ГУЛАГа, к различным аспектам массовых репрессий и потерь населения в 1937–1945 гг. Региональная историография пополнилась работами Е.Н. Чернолуцкой, С.М. Мельникова, С.А. Шулубиной, Г.А. Ткачёвой, П.П. Худякова, А.В. Швеца, Н.В. Сидорова, в которых освещаются процессы принудительных миграций, формирование подневольных контингентов, роль штрафной колонизации и феномена принудительного труда, использование спецпереселенцев и подневольного населения в годы войны, условия труда и быта этих категорий населения, оценивается их влияние на социальное развитие региона³⁹.

За последние десятилетия заметные результаты достигнуты в изучении различных аспектов истории тыла Дальнего Востока. В первую очередь, исследователи акцентировали внимание на тыловом обеспечении нужд фронта, освещая вклад в достижение Победы конкретных территорий и отраслей экономики, этой теме посвящены публикации Н.В. Берестенко, К.С. Денисова, Л.И. Проскуриной, П.Н. Боярской, Г.А. Ткачёвой, Д.А. Сафонова и др.⁴⁰ Разнообразные вопросы помощи фронту, производственной деятельности, вклада в развитие народного хозяйства отдельных слоев населения: женщин, молодёжи, рыбаков, железнодорожников, таможенников, энергетиков, учёных и др. – освещаются в трудах В.П. Омельчака, А.Т. Мандрика, Н.В. Берестенко, И.П. Тесельской, А.И. Широкова, А.В. Маклюкова, С.А. Власова, В.П. Халиман, А.Д. Ковтуна и других авторов⁴¹.

Конкретные аспекты социальной политики государства и повседневной жизни дальневосточников в годы войны, их материально-бытовые условия, обеспечение жильём, продовольствием, предметами первой необходимости, особенности торгового обслуживания, развития подсобного хозяйства и т.д. рассматривают в своих работах А.Н. Исаков, С.А. Власов, Л.А. Дударь, В.П. Голубев, Г.А. Ткачёва, Е.Н. Гнатовская, У.В. Ежеля, Л.А. Слабнина, А.В. Ярославцев, Н.В. Ляскина, А.В. Жадан и др.⁴²

Особенно весомый вклад в исследование состояния дальневосточного общества в годы Великой Отечественной войны внесли историки А.А. Исаев, Н.В. Камардина, Г.А. Ткачёва, в трудах которых получили обстоятельное, многоаспектное освещение политические процессы в Дальневосточном регионе в чрезвычайных условиях войны, демографические изменения, военно-патриотическое воспитание и политико-идеологическая работа, поиск ценностных ориентиров

населения, особенности менталитета и общественно-патриотические настроения дальневосточников⁴³.

В фокусе внимания исследователей неизменно остаётся тема участия дальневосточников в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны. О.И. Сергеев одним из первых рассмотрел использование кавалерийских формирований в качестве самостоятельных боевых единиц, В.П. Омельчак, И.И. Кузнецов освещают подвиги амурцев, Н.В. Вишневецкий посвятил свои труды солдатам сахалинцам, об участии дальневосточников в защите Отечества повествуют Г.А. Ткачёва, Е.В. Суверов, В.П. Омельчак, П.Д. Фризен и др.⁴⁴

В дальневосточной историографии, посвящённой проблемам тыла и жизни населения, большое место занимают исследования по истории коренных малочисленных народов. В работах В.Г. Балицкого, А.С. Кисличко, А.Ф. Старцева, В.Г. Булдаковой, В.А. Тураева В.В. Доржеевой, А.Ю. Левковской и др. рассматриваются проблемы переустройства сельского и промыслового хозяйства малочисленных народов, производственная интенсификация таких традиционных отраслей народного хозяйства, как оленеводство, промысел рыбы, морского и пушного зверя, а также самоотверженный труд аборигенов, добивавшихся повышения заготовок мяса, рыбы, пушнины и другой продукции для фронта⁴⁵. Исследователи истории малочисленных народов отмечают, что война явилась важнейшим этапом в формировании у коренных народов чувства патриотизма, и ярким его проявлением стало добровольческое движение представителей коренных малочисленных народов, отправлявшихся защищать Родину и героически сражавшихся на всех фронтах. Исследователи А.Ф. Старцев, М. Бельды, Р.Л. Атлонова, Г.Д. Вогзыбина, С.В. Горбунов, Д.И. Райзман, В.В. Петров, А.Ю. Левковская, Н.В. Юдина, К.Р. Мухина описывают многочисленные факты мужества и героизма фронтовиков из коренных народов Дальнего Востока, указывая на высокий процент награждённых среди них за подвиги и отвагу⁴⁶.

В трудах историков и специалистов-демографов, анализирующих демографические последствия войны для малочисленных коренных народов, акцентируется внимание на резком снижении у них рождаемости и отмечается, что это «долгое эхо войны» стало для аборигенов одной из наиболее существенных проблем, дающих знать о себе и поныне⁴⁷.

В обширной историографии восточной ветви русской эмиграции выделилась целая серия исследований, посвящённых жизни бывших россиян в годы Второй мировой войны. Историки С.В. Смирнов, И.Ф. Царёк, С.В. Онегина, В.Ф. Печерица, С.И. Лазарева, О.И. Сергеев, Е.Е. Аурилене, О.И. Кочубей, С.В. Смирнов, А.Л. Худобородов и др. акцентировали внимание на социальных, военно-политических и культурных проблемах адаптации эмигрантов в период японской оккупации Маньчжурии, что в первую очередь влияло на молодое поколение. Исследователи анализируют процесс становления и развития юношеского движения среди российской эмигрантской молодёжи в период Второй мировой войны, роль Христианского союза молодёжи в организации обучения и воспитания юношества, деятельность русских военизированных и армейских подразделений в Маньчжоу-го, Российского фашистского союза и т.д.⁴⁸

Дальневосточные историки всё чаще обращаются к проблемам, не получавшим в советский период сколько-нибудь серьёзной разработки. В частности, значительный акцент на изучении религиозной политики Советского государства,

взаимоотношений церкви и государства, роли церкви в военные годы делается в трудах Ю.Н. Бакаева, Е.Б. Бакшеевой, А.И. Костанова, М.Б. Сердюк, И.А. Ермацанс и др.⁴⁹ Следует отметить большой вклад в исследование религиозной тематики С.М. Дударёнок, в работах которой нашли отражение проблемы истории церкви и религиозных течений на Дальнем Востоке, включая деятельность церкви в годы Великой Отечественной войны⁵⁰.

В современной историографии Дальнего Востока находят отражение особенности культурной жизни региона в период военного лихолетья, когда дальневосточное население, как и вся страна, переживало тяжёлые испытания, тревоги и потери. Сфера культуры подвергалась глубокой трансформации, но её творческая роль сохранялась, и это вызывает неослабный интерес исследователей. Одно из активно разрабатываемых направлений – история образования на Дальнем Востоке. Серьёзное внимание привлечено к проблеме подготовки кадров в годы войны, причем не только через систему профессионального образования, но и через систему подготовки резервов для вооружённых сил и спортивно-массовой работы. Становление и развитие военно-профессионального образования на Дальнем Востоке получили освещение в трудах Н.Н. Крицкого, В.П. Королюка, А.В. Грачёва, В.А. Бурого, Н.В. Фоминой, И.Ф. Шугалея и др.⁵¹ И.В. Крюков исследовал тему подготовки боевых резервов для вооружённых сил через систему добровольных оборонных обществ и физкультурно-спортивных объединений, а также обязательной военной подготовки гражданского населения Дальнего Востока⁵².

Отдельные аспекты истории профессионально-технического и среднего специального образования в военный период нашли отражение в публикациях Н.И. Берёзкиной, Р.П. Денисова, Ф.И. Гуменюка и А.П. Ткалича, Н.А. Касаткиной, В.В. Романова, Г.П. Турмова, Н.В. Хисамутдиновой, Д.М. Лихарева, О.Б. Лынши и др.⁵³ С.С. Балдин сделал ретроспективный анализ изменений профессиональной подготовки рабочих специалистов на российском Дальнем Востоке за длительный исторический период, в том числе в годы войны; С.Н. Бакшутлов, Т.А. Орнацкая, Н.А. Шабельникова подготовили монографическое исследование о месте дальневосточной милицейской школы в государственной системе профессионального образования; А.С. Заколотная заострила внимание на особенностях профессиональной подготовки адвокатского корпуса⁵⁴. В многочисленных публикациях В.Г. Макаренко рассмотрел состояние материально-технического и научно-педагогического обеспечения технических вузов, уровень подготовки специалистов высшей и средней квалификации в период Великой Отечественной войны⁵⁵. Исследование особенностей развития науки и научных достижений на Дальнем Востоке в годы войны продвинулось благодаря целенаправленным разработкам Е.В. Васильевой, А.Г. Козлова, Г.А. Пустовойта, Л.В. Кобылинского, Ю.В. Прусса и др.⁵⁶

В последние десятилетия заметные успехи достигнуты в исследовании истории художественной культуры Дальнего Востока периода 1940–1945 гг. Анализу развития музыкальной культуры в Дальневосточном регионе в годы войны уделяют внимание А.А. Акулов, В.А. Королёва, В.П. Матвейчук, Л.П. Журомская, Н. Позина⁵⁷. Особенности театрального искусства на Дальнем Востоке в 1941–1945-е гг. получили освещение в монографиях, диссертациях и статьях А.С. Иванова, А.Г. Козлова, И.А. Цупенковой, Э.В. Осиповой, С.А. Богданова, Е.В. Кищик и др.⁵⁸

В современной дальневосточной историографии круг рассматриваемых проблем культурной жизни региона в период 1941–1945 гг. весьма широк, региональная историография пополнилась научными исследованиями, посвящёнными развитию художественной литературы, библиотечного и музейного дела на Дальнем Востоке (Л.Я. Иващенко, А.А. Акулов, В.В. Петухов), становление и развитие радиовещания на Дальнем Востоке России рассмотрел В.В. Погарцев и т.д.⁵⁹ Многие вопросы освещаются в малоформатных публикациях, однако уже появляются обобщающие труды – диссертации и монографии, позволяющие более обстоятельно представить картину культурной жизни Дальнего Востока в военные годы.

Сложившаяся в постсоветский период историография освещения событий Второй мировой войны в полной мере отразилась и на изучении её финального этапа – войны Советского Союза с империалистической Японией. Авторы большинства публикаций, например П.В. Боженко, Ю.М. Зайцев, Н.Н. Крицкий, И.Ф. Шугалей, А.О. Вербовой, А.Н. Конеев, Н.В. Гордеев, Н.Н. Жданова, В.И. Бугреев, А.В. Полутов, А.Г. Смирнов, А.А. Чернышёв, К.Б. Стрельбицкий, освещают военные операции, боевые действия на суше или на море, действия пограничных войск, подводного или морского флота⁶⁰, деятельность Аварийно-спасательной службы ВМФ на Тихом океане в боевых условиях рассмотрел А.В. Усов⁶¹.

В создании обобщающего исследования по истории войны СССР и Японии большая заслуга принадлежит В.П. Зимонину⁶². Необходимо отметить также крупные труды по истории советско-японской войны 1945 г. таких авторов, как А.А. Кошкин, К.Е. Черевко, А.Б. Широкоград, В.П. Сафронов и др.⁶³

Большое внимание уделяется дипломатическим аспектам советско-японского противостояния, что нашло отражение в книгах и многочисленных статьях Б.Н. Славинского, С.Л. Тихвинского, В.Я. Сиполса, А.А. Кошкина, В.Э. Молодякова, В.П. Сафронова, В.П. Зимонина, В. Гаврилова и др.⁶⁴

В процессе переосмысления официальной концепции истории Великой Отечественной войны, сформированной традиционной историографией, началась также переоценка событий и итогов войны СССР и Японии 1945 г.⁶⁵ В результате ряд проблем и аспектов войны между СССР и Японией приобрели дискуссионный характер, причём достаточно острый⁶⁶. Одной из таких вызывающих споры проблем стала оценка советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. и его денонсации. Б.Н. Славинский наиболее радикально подошёл к переосмыслению пакта и его значения, возложив всю ответственность за нарушение пакта на СССР. Его точка зрения нашла обоснование в книге В.Э. Молодякова «Россия и Япония; меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование». Книгу Б.Н. Славинского резкой критике подвергли историк-японист А.А. Кошкин, известный востоковед С.Л. Тихвинский, ряд российских авторов – В.К. Зиланов, И.А. Латышев, В.П. Зимонин, В.В. Аладьин, которые указывают на то, что с самого начала пакт о нейтралитете со стороны Японии фактически не соблюдался, а милитаристская Япония выступила в роли подлинной зачинщицы войны на Тихом океане.

В центре внимания многих дискуссий, посвящённых войне СССР и Японии 1945 г., находятся также итоги этой войны. Неутихающие споры вызывает в первую очередь территориальная проблема – вопрос о присоединении к СССР Южного Сахалина и Курильских островов. Современная историография этой темы весьма обширна, точки зрения на правомерность изъятия

Курильских островов из-под японского суверенитета по итогам Второй мировой войны высказываются диаметрально противоположные. Часть авторов (Б.Н. Славинский, А. Загорский, В. Рамзес, К. Саркисов, В. Саплин, В. Молодяков) расценивают установление Советским Союзом суверенитета над Курилами как акт агрессии в отношении Японии и оккупацию части её территории⁶⁷. Исследователи К.Е. Черевко, Н.А. Нарочницкая и др. обосновывают закономерность и правомерность присоединения к СССР Южного Сахалина и Курильских островов⁶⁸. В целом же следует отметить, что в современной историографии Второй мировой войны и завершающего её этапа – войны между СССР и Японией 1945 г. – дискутируемых вопросов достаточно много⁶⁹.

Таким образом, анализ показывает, что в дальневосточной историографии, ориентированной на изучение истории региона в сложную и трагическую эпоху 1941–1945 гг., произошёл отказ от идеологического диктата. Существенно увеличилось количество и разнообразие источников, в том числе за счёт рассекреченных архивных документов, не доступных ранее для исследователей.

История Дальнего Востока в освещении иностранных авторов

Формирование историографии советского Дальнего Востока за рубежом происходило в очень сложных условиях. Эпоха союзничества между ведущими державами мира на почве борьбы с германским фашизмом и японским милитаризмом закончилась сразу после достижения Победы. Окончание Второй мировой войны ознаменовалось развязыванием новой «холодной» войны. Кризис неолиберальной модели государства, повсеместное укрепление неоконсервативных идей в западном обществе, рост антисоветизма существенно сказывались на изучении зарубежными исследователями истории советского Дальнего Востока 1941–1945 гг.

В развитии американских (и в целом западных) исследований по истории советского Дальнего Востока 1941–1945 гг. можно выделить три больших периода: первый длился до середины 1950-х гг., второй – до середины 1980-х гг., третий начался с 1990-х годов. Для работ зарубежных исследователей, рассматривавших историю советского Дальнего Востока 1940-х гг., характерен интерес к таким темам, как приграничные политические отношения Советского государства с Китаем, Японией и Соединёнными Штатами, а также перспективы экономического сотрудничества Дальневосточного региона со странами Тихоокеанского бассейна⁷⁰. Одними из популярных вопросов зарубежной историографии советского Дальнего Востока являлись вопросы советской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Среди работ, увидевших свет в 1940-е гг., несомненный интерес представляют публикации В. Мандела, О. Латтимора и Р. Моссе. Американский исследователь В. Мандел в течение года жил в России, где по заданию Института тихоокеанских отношений собирал материал о Дальнем Востоке СССР. В результате в 1942 г. в Нью-Йорке увидела свет его книга «Советский Дальний Восток», в которой дана общая характеристика развития дальневосточных владений в предвоенный период⁷¹.

О. Латтимор опубликовал большую статью о положении национальных меньшинств при советской власти после пребывания на Дальнем Востоке СССР в составе американской делегации Г. Уоллеса⁷². В 1944 г. под редакцией профессора Р. Моссе издан сборник очерков «Советский Дальний Восток и Тихоокеанский Северо-Запад», в котором основное внимание уделено экономике советского Дальнего Востока, а также проблемам сотрудничества с этим регионом СССР⁷³. Для всех вышеназванных авторов характерны вполне дружеский тон, но и большой дефицит достоверного фактического материала. Советская внешняя политика в регионе в предвоенный период рассматривалась в основном в благожелательном тоне, что свойственно также публикациям Г. Филлипса, Х.Л. Моора и В.А. Яхонтова⁷⁴.

Начавшаяся холодная война привела к быстрому исчезновению симпатий к СССР у подавляющего большинства англоязычных авторов, в той или иной степени интересовавшихся историей Дальнего Востока. Начиная со второй половины 1950-х гг. можно говорить о новом этапе в истории изучения англоамериканскими авторами истории Дальнего Востока, поскольку в это время в англоязычных странах начинается интенсивное накопление достоверного фактического материала о советском Дальнем Востоке.

Начиная со второй половины 1950-х гг. существенно расширяется источниковая база исследований, публикуются как американские, так и японские документы, издаются мемуары участников войны. Основные опубликованные источники по внешней политике США освещают внешнеполитическую деятельность американского президента и Госдепартамента, в том числе на советском направлении. Значительным вкладом в изучение событий периода войны стала публикация У. Кимболлом переписки между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, в которой представлен практически весь комплекс военно-политических проблем в годы Второй мировой войны. В США переведена опубликованная Министерством иностранных дел СССР переписка И. Сталина с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном⁷⁵. Изданы документальные сборники о деятельности Управления стратегических служб США, которые занимались подготовкой для американского правительства специальных аналитических материалов о военно-экономическом потенциале СССР⁷⁶.

В числе источников, которые стали доступны англоязычным авторам, материалы спецслужб Японии, японские военные планы по отношению к советскому Дальнему Востоку⁷⁷, документы Международного военного трибунала⁷⁸, позволившие англоязычным исследователям представить военные и внешнеполитические аспекты истории Дальневосточного региона. Из успешных проектов, реализованных военными историками, следует отметить пятнадцатитомное исследование «Война в Азии и на Тихом океане, 1937–1949»⁷⁹.

Необходимо также указать на большой пласт мемуарной литературы государственных, военных и общественных деятелей США, уделявших в своих воспоминаниях внимание СССР и советской внешней политике. Среди них выделяются Дж.Ф. Бирнс, К. Хэлл, Э. Стеттиниус, Э. Рузвельт, А. Гарриман, Дж. Дин, Ч. Болен, Дж. Кеннан, А. Даллес и др.⁸⁰ Подавляющее число мемуаров написано в разгар холодной войны, поэтому многие оценки действий СССР на международной арене были не просто негативными, но и наполнены обвинениями, что позволяло обосновать жесткую линию Вашингтона в отношении Москвы. Нужно выделить книгу Р. Шервуда, представившего достаточно объективную картину сотрудничества и поиска взаимоприемлемых компромиссов между СССР и США

в 1941–1945 гг., а также деятельности Ф. Рузвельта и его ближайшего помощника Г. Гопкинса. Этот труд был переведен на русский язык⁸¹.

Зарубежная историография формировалась при закрытости советских (российских) источников: жизнь советского Дальнего Востока в условиях войны рассматривалась в общих чертах⁸². Две основные темы с использованием зарубежных архивных фондов и дипломатических документов привлекали внимание исследователей – роль Дальнего Востока при транзите военной техники и стратегического сырья по программе ленд-лиза и военно-стратегическое положение региона в условиях войны с милитаристской Японией⁸³.

Весьма примечательными в этом отношении выглядят соображения американских военных экспертов, в частности главы американской военной миссии в Москве генерал-майора Дж. Рида, который отмечал трудности при планировании совместных военных действий СССР и США против Японии, когда каждая из сторон отстаивала свои интересы⁸⁴.

В американской историографии завершающего этапа войны на Тихом океане большое место отведено событиям августа–сентября 1945 г. и их роли в истории Второй мировой войны. Несмотря на то что на работы западных авторов о советско-американских отношениях, выходящих в свет в 1950–1980-х годах, большой отпечаток накладывала холодная война, независимо от сделанных ими оценок и выводов, многие из которых были подчеркнута обвинительными по отношению к Москве, они вводили в научный оборот значительный пласт архивных документов и ранее неизвестных фактов, подробно анализировали деятельность президента США, Госдепартамента, других американских министерств и ведомств. В этой связи заслуживают внимания работы М. Столера, Р. Гэннона, Р. Мессера, Р. Дивайна, Р. Даллека, Л. Гарднера, А. Полонски, Дж. Папахристана и других авторов⁸⁵.

В иностранной литературе нашли отражение и дипломатические отношения СССР и Японии. Так, в монографии крупнейшего американского учёного Дж.А. Ленсена освещается негласное противостояние Советского Союза и Японии после заключения пакта о нейтралитете в годы Великой Отечественной войны⁸⁶. Весомым вкладом в историографию являются три монографии американского исследователя Дж. Стефана, в которых на основе публикаций на японском, русском, китайском, немецком, английском и польском языках автор рассматривает различные аспекты советско-японских территориальных проблем и связанных с ними внешнеполитических осложнений между двумя странами⁸⁷.

Особый интерес у зарубежных исследователей вызывал феномен Маньчжоу-го, ее роль в японской колониальной системе, значение Маньчжоу-го для японской военной промышленности и т.д., этим проблемам посвящены труды А.М. Шерер, К. Макдауэлла, Р. Майерса⁸⁸. Общая оценка советской политики на Дальнем Востоке в период наибольшего обострения дипломатических отношений с японцами дается в книге Л. Харриет «Soviet Far Eastern Policy 1931–1945»; анализ внешней политики Японии – в монографии западного историка Э.П. Хойта; наиболее подробный анализ экономических аспектов планов Японии дан в книге М.А. Барнхарта; характеристика различных проблем военно-политического и экономического положения в регионе – в трудах А.Р. Преста, М. Мурина, М. Парилло и др.⁸⁹

При рассмотрении причин войны на Тихом океане большое внимание в зарубежной историографии уделяется националистическим группировкам

в японской армии и их влиянию на принятие внешнеполитических решений. По мнению Г. Бикса⁹⁰, Д. Кроули⁹¹ и М.М. Мундерло⁹², наличие радикальных националистов в японском обществе во многом предопределило оккупацию Маньчжурии, локальные конфликты и подготовку войны с Советским Союзом.

В иностранной научной литературе определённое отражение получила тема дальневосточных советских военно-морских и речных сил, но она носит самый общий характер в контексте освещения истории Второй мировой войны. Особо можно выделить труды Ж. Дарси, В. Роговера, Дж. Гумилена, Л.-М. Шассена, П.К. Кемпа, Дж. Жюли⁹³. Зарубежные исследователи не обошли вниманием и работу советского торгового морского флота, а также проблему ленд-лиза, которые освещаются в трудах Т. Армстронга, У. Макнейла, Б.Б. Шофилда, Р.Х. Йоанеса, С.А. Роскилла, М. Парилло и др.⁹⁴

Но в целом в американской исторической литературе 1950–1980-х годов превалировали труды, подчиненные интересам холодной войны. Наиболее влиятельными на раннем этапе холодной войны стали книги У. МакНейллы⁹⁵, Г. Фейса⁹⁶, А. Шлезингера (мл.), Дж. Комбса⁹⁷, по мнению которых истоки холодной войны лежали в идеологии марксизма-ленинизма и в советской доктрине классово-борьбы, в связи с чем советская политика представлялась изначально враждебной.

В соответствии с этим освещение Второй мировой войны вообще и военных действий на тихоокеанском театре военных действий в частности велось с идеологических позиций. В англо-американской историографии боевых действий завершающего этапа войны на Тихом океане большая роль принадлежит освещению периода августа–сентября 1945 г., осмыслению и оценке происходивших тогда событий, их роли в истории Второй мировой войны, но при этом основное внимание сконцентрировано на анализе причин отдельных сражений американской армии, её боевых действий и их военных последствий, например, в трудах Дж.Д. Олдена, Дж.Х. Брэдли, Е. Грисса, Б.Т. Бьюэлла, Дж. Костелло и др.⁹⁸ Особенно упорно замалчивается роль Советского Союза и его вооруженных сил в разгроме милитаристской Японии. В очень немногочисленных работах можно найти информацию о стратегической операции советских вооруженных сил в Маньчжурии. Одними из таких редких работ являются монографии американского историка полковника Д. Гланца о советской стратегической наступательной операции в Маньчжурии 1945 г., по мнению автора, главными факторами советских побед было взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и инженерных войск, так как советские военачальники использовали все средства, чтобы потери войск были минимальными⁹⁹.

Во многих публикациях обосновывается тезис о ненужности советского участия в войне с Японией или о его незначительности. Так, Э. Экшен в вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке книге «Россия: настоящее и прошлое» пишет: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии – шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки»¹⁰⁰. В трудах Р. Спектора, П. Далла, Э. Хойта утверждается, что вступление Советского Союза в войну против Японии не было вызвано политикой японского правительства¹⁰¹, что вооружённая борьба на азиатско-тихоокеанском театре войны из-за его специфики и удалённости от европейско-атлантического театра носила совершенно независимый характер и являлась самостоятельной войной, и её результаты

были достигнуты лишь усилиями американской стороны. Особенно выпукло обосновываются эти идеи в официальных изданиях, например, в энциклопедии «Американа» или в энциклопедии «Британика»¹⁰².

На фоне перемен, происходящих в Советском Союзе, с открытием ранее недоступных архивных фондов как в СССР (после 1991 г. – в России), так и в США интерес западных историков к проблеме взаимодействия Москвы и Вашингтона в 1941–1945 гг. получил новый импульс. Были введены в оборот ранее неизвестные источники, посвящённые деятельности Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, И. Сталина, видных государственных и военных деятелей. Исследователи приступили к более глубокому рассмотрению проблем сотрудничества СССР и США, анализу достижений и просчётов лидеров обеих стран. В работах Дж. Гэддиса, Р. Нисбета, П. Бойля, Р. Эдмондса, Л. Гарднера, Д. Мэйерса, Д. Дилкса, Дж. Эриксона, Дж. Робертса и других авторов анализируется совокупность факторов, влиявших на советско-американское взаимодействие в годы войны, которые имели геополитический, военный, экономический и идеологический характер¹⁰³.

За последние 20–25 лет вновь появились труды, авторы которых (например, известный американский военный историк П. Далл) стремятся объективно отразить перипетии вооружённой борьбы того времени. Одним из серьёзных трудов является исследование Г. Вайнберга, уделившего внимание военным действиям Красной армии в Маньчжурии и её роли в разгроме японской группировки войск. Он выдвинул обвинение, что советская сторона неоправданно долго держала в плену японских военнопленных в отличие от американцев, но более важным и более объективным представляется другой его вывод: «...Великая Отечественная война стала “огромным консолидирующим опытом” для советского народа. Гордость и осознание главной его роли в разгроме Германии придавали власти внешнюю легитимность. С точки зрения международной, страна стала признанной как одна из ведущих держав мира, чья территория увеличилась, влияние которой возросло, а статус остался после войны неизменным»¹⁰⁴.

Значительный интерес представляет работа Ц. Хасегавы «Наперегонки с врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии», подготовленная с использованием не только американских источников, но и материалов из архива внешней политики Российской Федерации, советской периодической печати и российских научных исследований. Особо следует отметить главу, в которой автор раскрывает тему вступления в войну с Японией Советского Союза и реакцию советского руководства на сообщение Г. Трумэна о создании атомного оружия¹⁰⁵.

В последние десятилетия все больше политических деятелей и историков признают влияние побед советских вооружённых сил на ход борьбы на театрах военных действий, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁰⁶.

Одной из проблем, которой англоязычные авторы уделяли самое пристальное внимание, стала национальная политика советского руководства в отношении этнического населения Дальнего Востока. В числе исследователей были американский философ К. Ламонт¹⁰⁷, канадский историк Б. Грант, посвятивший свою книгу судьбе сахалинских нивхов¹⁰⁸, британский учёный В. Коларц, изучавший историю корейцев, депортированных с Дальнего Востока в 1937 г.¹⁰⁹ Позднее проблемой депортации занимались Р. Конквест, Д. Стефан, И. Гурвич, Х. Вада и др.¹¹⁰ Внимание авторов С. Шварца, Ч. Абрамски, И. Эмиота, Б. Арновича, Н. Левина привлекало положение евреев в СССР¹¹¹. Истории Еврейской автономной области посвящена книга американского исследователя Р. Вейнберга¹¹².

Материалы по истории Дальнего Востока вошли в ряд обобщающих работ по истории сталинского ГУЛАГа¹¹³. Определённую концептуальную новизну несут работы специалистов по экономической истории. Особый интерес представляют исследования видного американского учёного П. Грегори для понимания процессов, которые происходили на Дальнем Востоке в советскую эпоху¹¹⁴.

Актуальным сюжетом зарубежной историографии является история русской эмиграции в Китае. Среди работ исследователей-эмигрантов следует отметить труд П.П. Балакшина «Финал в Китае»¹¹⁵, посвящённый борьбе эмигрантских политических группировок, направляемых действиями японцев и советской разведкой, и ставший важной вехой как для зарубежной, так и для отечественной историографии. Среди зарубежных исследователей к истории русской эмиграции обращались также американские историки, в частности, теме русского фашизма посвящены труды Дж. Стефана и У. Лакера. Если в работе У. Лакера фашистским организациям в Маньчжурии уделено сравнительно немного внимания¹¹⁶, то Дж. Стефан представил подробные сведения о фашистской организации, о деятельности её руководителей, а также информацию об отдельных структурах русской фашистской партии, в том числе детско-юношеских¹¹⁷.

В японской историографии события Великой Отечественной войны Советского Союза раскрываются через призму геополитической обстановки на Тихом океане и деятельности руководителей ведущих мировых держав. Исследователи во многом находятся под влиянием официальных трудов и монографий историков США, Англии, Франции и Германии. Переводы работ европейских и американских авторов, анализирующих участие Советского Союза во Второй мировой войне, являются преобладающими в японской историографии.

Так, известному японскому историку и политологу, почётному профессору университета «Гакусюин» Сайто Такаси, являвшемуся переводчиком на японский язык работ английских историков и политологов Э. Кара, Э. Хобсбаума, Э. Майера, Л. Вульфа, принадлежит ряд работ по истории мировых войн, в том числе книга, посвящённая проблемам международных отношений накануне Второй мировой войны¹¹⁸. Он также является одним из авторов фундаментального труда «История войны на Тихом океане».

Говоря о причинах Второй мировой и Великой Отечественной войн, японские историки придерживаются точки зрения, что её истоки находятся в системе, сложившейся в результате Версальского договора, череды региональных войн и конфликтов за раздел сфер влияния и усиление противоречий между Германией, Францией и Англией, с одной стороны, и противостояния между СССР и Германией – с другой. Война же между Советским Союзом и Германией японскими историками рассматривается как фактор, повлиявший на планы военно-политического руководства Японии на Дальнем Востоке, в Китае и на Тихом океане.

Японские историки и политологи уделяют много внимания проблемам участия Советского Союза в войне на Тихом океане в 1945 г. и особенно её итогам, но, как и в западной историографии, оценки авторов во многом носят негативный характер. Нередко грубо искажаются мотивы вступления СССР в войну против Японии. Автор статьи «Проблемы Токийского трибунала» в японском журнале «Japan Echo» М. Такэяма обвиняет СССР в том, что его вступление в войну не было вызвано политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период, и что участие советской стороны в войне с Япони-

ей явилось «...местью за японскую войну 1904–1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918–1922 гг.»¹¹⁹

Отрицательные оценки политики СССР во Второй мировой войне на Тихом океане высказываются в трудах Х. Кимура¹²⁰, К. Накамура¹²¹, С. Такаяма¹²². Эта война традиционно изображается не как единое целое, а как некий «триптих», в котором выделяются агрессивные действия Японии в Азии, за что Япония готова принести (и принесла) извинения и выразила сожаления; война с США и Англией, которая, по мнению японцев, была «обычной войной»; и наконец, война с СССР, в которой Япония оказалась «беззащитной жертвой» и за которую должен, по её мнению, извиняться именно Советский Союз (сейчас Россия). И, несмотря на то что премьер-министр М. Хосокава ещё летом 1993 г. назвал действия Японии во Второй мировой войне агрессией, это не изменило отношения японцев к участию СССР в войне на Тихом океане.

В японской историографии Второй мировой войны преобладают работы, посвящённые отдельным операциям. Так, в 1960–1980-е гг. японскими специалистами был подготовлен и издан фундаментальный труд, посвящённый событиям войны на Тихом океане – «Официальная история войны Великой Восточной Азии»¹²³. В этом фундаментальном издании два тома полностью посвящены войне в Северном Китае и противодействию советским войскам в Маньчжурии¹²⁴. Оборонительным мероприятиям Японии на Курильских островах, Сахалине и в самой метрополии в августе 1945 г. посвящены отдельные тома Кавада Кюсиро, Ито Цунэо и Тайра Кагаёси¹²⁵, в томе, подготовленном Икута Макото, анализируются действия военно-воздушных сил на Маньчжурском направлении и действия экспедиционной армии в Китае в 1942–1943 гг.¹²⁶

Необходимо отметить исследование Хаттори Токусиро. Автор книги – кадровый офицер, опираясь на официальные документы, раскрывает обстоятельства, связанные с началом войны Японии с США, Англией, Голландией, которую в Японии, в совокупности с «китайским инцидентом», называют «войной в Великой Восточной Азии». В двух главах освещаются вступление в войну СССР, прекращение военных действий и капитуляция¹²⁷.

Заслуживает внимания также книга бывшего полковника японской армии Сабуро Хаяси, проанализировавшего взгляды японского командования на начальный период Второй мировой войны и ту роль, которую отводила себе Япония в войне против Советского Союза, Китая, США и стран Юго-Восточной Азии¹²⁸. Несомненный интерес вызывает ещё ряд работ, которые содержат оценку авторами военно-политической обстановки¹²⁹.

В современной японской историографии среди наиболее актуальных остаются вопросы о причинах Второй мировой войны и участии в ней Японии. Данным проблемам посвящены, в частности, труды историков Ириэ Акира, Кокэцу Ацуси, Нагаи Кадзу¹³⁰. О факторах, повлиявших на поражение Японии, пишет Асада Садао¹³¹. Большой интерес представляют исследования Миякэ Масаки, Кокэцу Ацуси и Хасэгава Цуёси¹³², в которых акцентируется внимание на роли политических лидеров, и публикация Ёкотэ Синдзи¹³³, раскрывающая отдельные аспекты советско-японских отношений.

Констатируя превалирование в японской историографии отрицательных суждений об участии СССР в войне на Тихом океане, нельзя не отметить, что публикуются работы японских авторов, признающих, что все действия по подготовке СССР к войне явились ответными мерами на японскую угрозу

и использование Маньчжурии в качестве плацдарма для нападения на советский Дальний Восток. Японский историк Киосукэ Тэраяма хотя и называет оккупацию Маньчжурии политкорректно «маньчжурским инцидентом», приходит к выводу, что военная угроза со стороны Японии «...оказала определённое влияние на решение вопросов внутренней политики СССР на Дальнем Востоке»¹³⁴.

Японские исследователи рассматривают ещё одну тему – историю корейцев, завезённых японскими властями на Южный Сахалин (Карафуто) в предвоенный период, и их трагическую судьбу. Они освещают особенности японской иммиграционной политики, насильственную мобилизацию и доставку корейцев на Сахалин в целях колонизации острова. В аспекте обозначенной темы следует выделить работы японских исследователей Пак Ген Сик, Китахара Митико, Хаяси Эйдай, М. Миямото и др.¹³⁵ Интересные материалы о международной ситуации в регионе содержатся в ряде публикаций японских исследователей Т. Охата, И. Ната и К. Хосойя, подготовленные Японской ассоциацией международных отношений, переведённые и опубликованные в США¹³⁶.

В историографии Китайской Народной Республики многие аспекты политического, экономического и культурного развития российского Дальнего Востока можно проследить по работам, посвящённым истории национально-освободительной борьбы китайского народа против японского господства, антияпонского сопротивления, истории КВЖД и российской эмиграции.

Китайская историография после окончания Второй мировой войны при освещении военных действий Красной армии и десантов Тихоокеанского флота, которые принесли освобождение от порабощения народам Северного Китая и Кореи, носила однозначно позитивный характер. Одним из факторов, определивших такую оценку, стало заявление лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна, сделанное ещё до вступления СССР в войну на Тихом океане: «Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно»¹³⁷. В статье «Обстановка после победы и наш курс» он отметил: «...Красная Армия пришла на помощь китайскому народу в изгнании агрессора. Это небывалое в истории Китая событие. Его влияние трудно переоценить... Вступление Советского Союза в войну предопределило капитуляцию Японии»¹³⁸.

Политические деятели и историки Китайской Народной Республики, в отличие от западных коллег, уделяют много внимания роли СССР в разгроме Японии и всей фашистско-милитаристской коалиции, хотя иногда объективные оценки чередуются с конъюнктурными. В частности, обострение взаимоотношений между СССР и Китаем в 1960–1970-е гг. изменило мнение китайских исследователей об участии СССР в освобождении Северного Китая.

С начала 1980-х гг. в китайской историографии начался пересмотр взглядов на мировую войну и участие в ней китайского народа. Так, группа авторов (Лю Сыму, Ван Чжэньдэ, Хоу Чэньдэ и Ма Синь-минь) в статье «Антияпонская война в Китае и её место и роль во Второй мировой войне» отмечают, что до начала войны на Тихом океане китайский фронт был главным в борьбе против Японии и оставался таким же после её начала. Антияпонская война китайского народа истощала силы японцев и приковывала к себе основную массу японских сухопутных войск, поэтому японские милитаристы не посмели начать наступление против Советского Союза, а устремились в южном направлении. Помощь союзникам со стороны Китая огромна – таков лейтмотив работ многих

китайских исследователей, среди которых Чжу Гуйшэн, Ху Цяому, Сунь Шилунь, Чжэн Вэйчи и другие¹³⁹. Аналогичное утверждение обосновывают современные китайские историки Луань Цзинхэ и Сюй Чжиминь в статье «Важный фронт всемирной антифашистской войны – война китайского народа против японских захватчиков»¹⁴⁰.

Высоко оценивает роль СССР во Второй мировой войне ректор Академии военных наук Национально-освободительной армии Китая генерал Сунь Шилунь: «Когда в 1941 г. вспыхнула советско-германская война, основные силы германской армии были направлены на восток, и советско-германский фронт стал основным фронтом мировой антифашистской войны, тем фронтом, где решалась судьба войны»¹⁴¹. В книге «История Второй мировой войны» отмечается, что «...победа под Сталинградом повлекла за собой коренные изменения в развитии антифашистской войны. Эта битва явилась поворотным пунктом мировой антифашистской войны. Она прямо повлияла на развитие событий на Дальнем Востоке»¹⁴².

Одновременно китайские историки обязательно акцентируют внимание на важной роли борьбы китайского народа против японского милитаризма. Так, профессор Ли Тяньцзы, выражая точку зрения большого числа китайских учёных, отмечает, что «...советско-германский фронт был самым главным фронтом Второй мировой войны, а Советская армия – основной силой, уничтожившей германский фашизм», тогда как «...китайский фронт – важнейший театр военных действий в мировой антифашистской войне на Востоке»¹⁴³.

В китайской исторической литературе подчёркивается, что вклад в антифашистскую войну участников антифашистской коалиции неодинаков. Высоко оценена помощь Китаю в статье Ли Юньчана «Немеркнущая страница антияпонской войны»¹⁴⁴. Наибольшую решительность и активность показала Красная армия¹⁴⁵. В этой связи показательно письмо командующего 8-й армией Чжао Вэньцинзнь: «...Мы особенно благодарны Красной Армии Советского Союза. Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Красная Армия нас спасла от гибели, и мы ей особенно благодарны»¹⁴⁶.

Признавая огромную роль Советского Союза во Второй мировой войне, влияние его крупных побед на весь её ход, авторы отдают должное помощи Советского Союза китайскому народу в борьбе за его национальное освобождение, в том числе заключению «Советско-китайского договора о ненападении» в августе 1937 г., предоставлению Китаю займов и поставок, посылке в Китай советских военных специалистов и советников, а также прибытию в Китай большого числа добровольцев¹⁴⁷.

Совместная борьба советских и китайских военно-воздушных сил против японских захватчиков отражена в многочисленных публикациях в Китае (включая Тайвань). Среди них следует выделить работы Чэнь Кайке, доктора исторических наук, профессора Института новой истории при Академии общественных наук Китая, в том числе сделанный им обзор китайской историографии по этому вопросу¹⁴⁸. Многие китайские исследователи стремятся дать объективную оценку участию Военно-воздушных сил СССР на китайском театре военных действий, в частности, об этом пишут Ван Сяогэ, Ван Ци¹⁴⁹. Доктор исторических наук, профессор Института новой истории при Академии общественных наук

Китая Сюз Сянь-тянь в своей работе «Бессмертные звезды в небе Китая. В память о советских добровольческих подразделениях ВВС, пришедших на помощь Китаю в антияпонской войне» весьма патетически описывает действия советских добровольческих подразделений ВВС, пришедших на помощь Китаю¹⁵⁰. Многочисленные исследования в КНР посвящены ещё одной странице совместной борьбы советских и китайских военных с японскими агрессорами, а именно истории особой воинской части, имевшей два названия: 88-я отдельная стрелковая бригада Краснознаменной Дальневосточной армии СССР и 88-я учебная бригада Объединенной армии Северо-Восточного Китая¹⁵¹.

В целом основной массив историографии о совместной борьбе СССР и Китая представлен материалами об участии советских солдат в боях на территории Китая, причем интерес к этому вопросу не ослабевает. Так, в 2015 г. впервые вышла в свет монография, подготовленная советскими и китайскими исследователями, «СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны», книгу выпустили на русском и китайском языках соответственно российское издательство «Вече» и Народное издательство Китая¹⁵². Кроме обстоятельного освещения совместной борьбы народов Китая и СССР против японской агрессии, большой раздел книги содержит описание дипломатической помощи СССР Китаю, предоставления кредитов, оказания разнообразной материальной помощи, подготовки и обучения кадров, направление в Китай военных специалистов и советников, помощи тылу и т.д.

В современной китайской историографии сформировалось направление, занимающееся проблемой российской эмиграции в Китае. Изучению истории российской эмиграции в Китае способствовало открытие доступа к архивным источникам для китайских исследователей, а также к публикациям русских эмигрантов, сохранившимся в Китае. За последние десятилетия в КНР вышли такие труды, как «История российской эмиграции в Шанхае» Ван Чжичэна¹⁵³, «История русской эмиграции в Харбине» Ши Фана, Гао Лина и Лю Шуана¹⁵⁴, «Ряска в непогоду: русские эмигранты в Китае», написанная большим коллективом учёных из разных городов Китая¹⁵⁵. В перечисленных работах принята попытка показать целостную историю формирования российских колоний в разных районах Китая, многогранную общественно-политическую, хозяйственно-экономическую, культурно-просветительную, образовательную деятельность россиян в Китае, культурную жизнь эмиграции. Почти во всех крупных монографических исследованиях китайские авторы стремятся представить периодизацию истории российской эмиграции с выделением в ней основных этапов, раскрывая роль эмигрантов в развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли и т.п. Так, акцент на этапе 1940-х гг. присутствует в монографии Ли Дэбина и Ши Фана¹⁵⁶. Авторы книги «Ряска в непогоду: русские эмигранты в Китае» выделяют дооктябрьский и послеоктябрьский (послеревolutionный) периоды, разделяя их на исторические этапы. В работе харбинских исследователей Ши Фана, Гао Лина и Лю Шуана уделено внимание истории российских эмигрантов в Харбине 40-х гг. XX столетия. Историк Ван Чжичэн на примере шанхайской группы российских эмигрантов выделяет этап с 1941 по 1949 г.

Историки единодушно отмечают, что после установления в 1932 г. японского господства в Маньчжурии и особенно после продажи КВЖД в 1935 г. перед многочисленной русской колонией встала сложная задача выбора дальнейшей

своей судьбы. Часть белоэмигрантов перешла на службу к японцам, советско-подданные возвращались в Советский Союз, китайско-подданные продолжали жить в Китае, а лица без гражданства предпочитали уезжать в Америку, Австралию, Канаду и другие страны. Насаждение японского образа жизни, продажа КВЖД Японии в 1935 г. оставили многих русских без работы, и потоки русских беженцев устремились из Маньчжурии¹⁵⁷.

Фактически во всех исследованиях китайских историков акцентируется внимание на созидательной роли русских эмигрантов в развитии многих отраслей экономики и культуры. Так, оценивая значение деятельности россиян, Жао Лянглун пишет: «...они внесли свой вклад в городское строительство, просвещение, литературу, искусство, издательское дело, спортивные движения Харбина и т.д.». ¹⁵⁸ С ним солидарен шанхайский исследователь Ван Чжичэн, который подчёркивает, что экономический расцвет Шанхая произошёл благодаря притоку состоятельных русских эмигрантов, чьи капиталы вкладывались в развитие местной инфраструктуры, включая и годы японской оккупации.

Весьма разнообразной представлена в публикациях китайских авторов общественно-политическая жизнь русской эмиграции. Отмечается, что созданный в 1936 г. в Тяньцзине Русский эмигрантский комитет по борьбе с коммунизмом стал центром всех антикоммунистических обществ, появившихся одновременно в Пекине, Чжанцзякоу, Циндао и Яньтае. Комитет призывал эмигрантов оказывать помощь антикоммунистическому движению и подчиняться японскому и немецкому господству, была открыта офицерская школа, в которой русская молодежь проходила военную подготовку. Некоторые эмигранты вступали в охранные отряды на железную дорогу и в полицию¹⁵⁹. Начало Второй мировой войны вызвало разную реакцию среди русских эмигрантов, часть из них надеялась на поражение СССР. Однако большинство встало на сторону поддержки Советского Союза в войне. Более того, в Шанхае русские эмигранты, придерживавшиеся просоветской ориентации, приняли решение оказать посильную помощь советскому народу. 25 июня 1941 г. был создан Фонд сбора военных пожертвований, который занимался сбором вещей и денег для воюющей Родины. Военные организации белоэмигрантов и представители других общественных объединений выступили с совместным воззванием «К русским людям», выразив своё отношение к войне и свою позицию, они внесли более 20 тыс. юаней в фонд помощи России¹⁶⁰.

Кроме политических объединений, существовали и благотворительные организации, такие как Русское благотворительное общество, Русское общество медицинской взаимопомощи, Русский дом милосердия, Общество помощи престарелым русским эмигрантам, молодежные, студенческие и женские организации, различные национальные землячества и союзы. «Благотворительные движения в русском зарубежье – одна из самых ярких страниц всей филантропической истории России. ...Никогда больше ... подобное движение не достигало такого размаха и такой глубины и бескорыстия», – отмечает китайский историк Че Чуньин¹⁶¹. В китайской историографии отмечается ещё одна важная особенность российских колоний в Китае: православная вера являлась поддержкой россиян за рубежом. На этом важном аспекте культурной жизни российской эмиграции акцентируют своё внимание китайские исследователи Юэ Фэн, Чжан Суй, Ли Шусяо, Чжан Цзунхай и др.¹⁶² В итоге можно отметить, что история российской диаспоры на территории Китая освещается китайскими исследователями довольно

обстоятельно и разносторонне, отмечается большой вклад российской эмиграции в развитие экономики, культурных связей народов двух стран.

Очевидно, что в зарубежной историографии накоплен довольно большой пласт исследований по истории советского Дальнего Востока, которые представляют значительный интерес для отечественных специалистов.

* * *

Таким образом, обзор исторической литературы показывает, что историография Дальнего Востока весьма обширна, ей присущи неоднозначность методологических подходов, разнообразие познавательного инструментария, широта проблемного поля исследований. Однако нельзя не отметить, что в дальневосточной историографии значительно преобладают малоформатные публикации, имеется неравномерность освещения истории региона в годы войны, анализу военных проблем уделено более пристальное внимание, что, конечно, вполне оправданно, хотя жизнь тылового населения нуждается в не менее глубоком изучении. И всё же можно констатировать, что дальневосточная историография значительно продвинулась вперед и накопленный огромный массив фактов, документов, выводов и наблюдений является основательным фундаментом для написания обобщающего труда, посвящённого масштабному, многоаспектному и объективному освещению истории Дальнего Востока России 1941–1945 гг.

Ссылки и примечания

¹ Комсомол Хабаровского края – фронту. Хабаровск, 1942; Стахановцы военного времени. Хабаровск, 1942; Фронт и тыл. Переписка дальневосточников с фронтовиками. Хабаровск, 1942; Борков Г. Дальневосточники работают на фронт // Партийное строительство. 1942. № 22; Лунинские методы в паровозном хозяйстве: опыт передовых бригад дальневосточной железной дороги. Хабаровск, 1943; Сухаревский Б.М. Организация крепкого тыла. Хабаровск, 1943; Краснознамённый Тихоокеанский флот. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1943; Зырянов П. Пограничники Приморья в боях против японского империализма // Пограничник. 1945. № 20; Великая победа советских войск на Дальнем Востоке: сб. статей. Хабаровск, 1945; Моряки-транспортники в войне с немецкими захватчиками. Владивосток, 1945; Бои в Маньчжурии и Корее. Сб. материалов о боевых действиях 1-го Дальневосточного фронта. Владивосток, 1945; Дьяконов А. Действия наших войск на Южном Сахалине (Карафуту) // Военный вестник. 1945. № 23; О работе школ Приморского края в дни Великой Отечественной войны. Владивосток, 1941; и др.

² Приморский край: 25 лет со дня освобождения Приморья от интервенции и белогвардейщины. Владивосток, 1947; Хабаровский край (География, история, экономика, культурное строительство). Хабаровск, 1948; Лешкевич В.В. Сахалин. Хабаровск, 1947; Герасимов С. Патриоты Дальнего Востока. М., 1946; Малыгин В. На краю земли. Владивосток, 1949; Митин А. Тихоокеанский флот в Великой Отечественной войне. М., 1949; Краснознамённая Амурская флотилия: материалы по истории. М., 1946; Тихоокеанский флот в боях против японских захватчиков. Владивосток, 1946; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М., 1949; Опыт работы лучших трактористов и комбайнеров Приморья. Владивосток, 1946; и др.

³ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.

⁴ Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1955.

⁵ Во главе защиты Советской родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной

- войны. М., 1970. Изд. 2-е, доработ. М., 1975; Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982; Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1975; Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу. Л., 1980; Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970; Советское крестьянство. Краткий очерк истории / под ред. В.П. Данилова, М.П. Кима, Н.В. Тропкина. М., 1973; и др.
- ⁶ Кравченко Г.С. Военная экономика СССР, 1941–1945 гг. М., 1963; Его же. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 1985; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965; Его же. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Изд. 2-е перераб. и доп. М., 1985; Лаговский А. Стратегия и экономика. М., 1957; Гладков И.А. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970; Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1962; Её же. Великая битва за металл. М., 1974; Митрофанова А.В. Рабочий класс в первый период Великой Отечественной войны. М., 1960; Её же. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; и др.
- ⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия. М., 1985. С. 307.
- ⁸ Вострикова А.А. Партийные организации Дальнего Востока в борьбе за мобилизацию трудящихся на помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1959; Гоголев Н.А. Хабаровская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны. Хабаровск, 1957; Его же. Работа партийных организаций Дальнего Востока в массах в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 1968; Краснова А.В. Деятельность Амурской партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1967; Любимов Б.И. Идеино-политическая работа Приморской краевой партийной организации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1968; и др.
- ⁹ Кокорин Ф.Ф. Военно-организаторская деятельность партийных организаций Дальнего Востока накануне и в годы Великой Отечественной войны 1939–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1968; Лемза А.К. Комсомол Приморья – боевой помощник партии в годы Великой Отечественной войны (на примере комсомола в промышленности и транспорте): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1971; Самарина В.А. Работа партийных организаций рыбной промышленности Приморья по развитию трудовой активности женщин в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материалы XIV науч. конф. Дальневост. ун-та. Сер. Общественные науки. Владивосток, 1970; Её же. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по подготовке квалифицированных кадров в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Учён. зап. ДВГУ. Владивосток, 1972. Т. 37; Фабричный Н.И. Деятельность сахалинской партийной организации по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1925–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973; Шлапунов Г.С. Приморская краевая партийная организация во главе трудового подъёма масс в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; и др.
- ¹⁰ Назарова Р.Ф. Деятельность Амурской областной партийной организации по руководству народным образованием в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1974; Иващенко Л.Я. Организация просвещения и руководство им местными Советами депутатов трудящихся Дальнего Востока СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977; Леонова Г.Е. Периодическая печать советского Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны – июнь 1941–сентябрь 1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1988; и др.

- ¹¹ Иванис А. Рыбная промышленность Дальнего Востока. Владивосток, 1963; Шипилова К.И. Развитие рыбной промышленности Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Учён. зап. ДВГУ. Владивосток, 1968. Сер. Историческая; Мандрик А.Т. Трудовой подвиг рыбаков Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; Рощупкин Г.Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности Чукотки. 1917–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1967; Шулятьев Д.А. Лесозаготовительная промышленность Дальнего Востока: ист.-экон. очерк. Хабаровск, 1974; Ефимов С.П. Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность Магаданской области (1941–1945) // Краеведческие записки. Вып. 14. Магадан, 1986; Липицкий А.Г. Энергетические мускулы Севера: краткий обзор электрификации Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1986; Заруцкая Е.В. Лёгкая промышленность Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Тр. Новосиб. ун-та. Сер. Историческая. 1967. Вып. 1. Вопросы истории советской Сибири; Добрюк К.И. Морской транспорт на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1985; и др.
- ¹² Вострикова А.А. Трудовой подвиг транспортников в годы Великой Отечественной войны // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958; Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту. Хабаровск: Кн. изд-во, 1967; Захаров С.В. Помощь трудящихся Камчатки фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История социалистического строительства на Камчатке. Владивосток, 1979; Клишин С.Ф. Трудовые подвиги приморской молодёжи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968; Бевз С.С., Бокань И. и др. Дальневосточники в Великой Отечественной. Хабаровск, 1973; Коростылёв М.А. Социалистическое соревнование рабочих угольных, металлообрабатывающих и горнорудных предприятий Дальнего Востока в 1940–1945 гг. // Материалы XIV науч. конф. ДВГУ. Сер. Общественные науки. Владивосток, 1970; Приходько В.А. Социалистическое соревнование на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны (на примере промышленных предприятий и транспорта): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977; Омельчак В.П. Укрепление единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Дальнего Востока): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1980; Ткачёва Г.А. Трудовая и политическая активность рабочих промышленных предприятий Дальнего Востока накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Владивосток, 1983. Деп. в ИНИОН АН СССР // Новая советская литература по общественным наукам. 1983. № 7; и др.
- ¹³ Беляев А.А. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. Историческая. Владивосток, 1961. Т. 2; Кравцов В.С. Крестьянство Сахалинской области в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Научные доклады аспирантов. Владивосток, 1974. Вып. 2; Иконникова Т.Я. Колхозы Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1895–1985 гг.). Хабаровск, 1989; и др.
- ¹⁴ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории / под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991.
- ¹⁵ Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту (1941–1945). Барнаул, 1966; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. Изд. 2-е, доп. М., 1970.
- ¹⁶ Иващенко Л.Я. Организация просвещения и руководство им местными Советами депутатов трудящихся Дальнего Востока СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977; Леонова Г.Е. Периодическая печать советского Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–сентябрь 1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1988; и др.

- ¹⁷ Багров В.Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. Август 1945 г. М., 1959; Краснознамённый Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981; Краснознамённый дальневосточный. М., 1986; Богданов В.Н., Бокань И.К. Всегда в боевом дозоре: Очерк истории войск Краснознам. Дальневост. погран. окр. Хабаровск, 1980; Багров В.Н. Сунгоркин Н.Ф. Боевая слава амурцев: очерк истории Краснознамённой Амурской флотилии. Хабаровск, 1982; Дальневосточный пограничный: очерк истории войск Краснознамённого Дальневост. погран. округа. Хабаровск, 1983; и др.
- ¹⁸ Макаров А.Г. В Моряки-тихоокеанцы в боях против японских империалистов в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Владивосток, 1958; Макаров А., Демьянчук А. 30 лет на боевом посту. Владивосток, 1962; Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. М.: Воениздат, 1958; Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке: военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. М.: Воениздат, 1971; Гусинский Б.И. Подготовка тыла и войск Красной Армии на Дальнем Востоке к разгрому милитаристской Японии (1944–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1978; Пашков А.М. Бессмертие подвига: ист. очерки о Героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны... Южно-Сахалинск, 1978; Санжара А.П. Подвиг тридцати трёх. Владивосток, 1969; Руднев Г. Огненные рейсы. Владивосток, 1975; Поликов А.М. Бессмертие подвига: ист. очерки. Южно-Сахалинск, 1978; Здесь России рубеж: героическое повествование о подвигах дальневосточников. Хабаровск, 1981; Гусаревич С.Д., Сеоев В.Б. На защите дальневосточных рубежей. М., 1983; Золотые звёзды Приморья. Владивосток, 1983; Золотые звёзды тихоокеанцев. Владивосток, 1982; Подвиги их бессмертны. Хабаровск, 1985; Воробьёв В.П. Впереди атакующих. М., 1983; От Амура до Дуная и Эльбы: рассказ о дальневосточных частях и соединениях, отличившихся на фронтах Великой Отечественной войны. Хабаровск, 1983; Победа на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М. Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. Акшинский В.С. Курильский десант. Петропавловск-Камчатский, 1984; Мотрохов В.А. Советский Тихоокеанский флот и Краснознамённая Амурская флотилия в войне с империалистической Японией в 1945 году. Л., 1987; Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986; Приходько А.Н. Почерк тихоокеанских героев. Владивосток, 1986; Петренко П.Т. В бою «Приморский комсомолец». Владивосток, 1987; Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Зимонин В.П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: военно-политический очерк. М., 1989; и др.
- ¹⁹ Амурская область в годы Великой Отечественной войны. Сб. материалов и документов. Хабаровск, 1964; Благовещенск, 1976; Хабаровская краевая партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. материалов и документов. Хабаровск, 1964; Партийная организация Приморья в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. Сб. документов и материалов. Владивосток, 1966; Летопись героических дней. Воспоминания участников боёв за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов от японских захватчиков (август – сентябрь 1945 г.). Южно-Сахалинск, 1969; Время. События. Люди. Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / сост. Б.И. Мухачев, Л.И. Юрченко. Магадан: Кн. изд-во, 1970; Камчатская область в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов о трудовом подвиге камчатцев в 1941–1945 гг. Петропавловск-Камчатский, 1975; Заря над бухтой. Петропавловск-Камчатский, 1976; На стальных магистралях. Хабаровск, 1976; Дальневосточное морское пароходство. 1880–1980. Владивосток, 1980; Рыжков А.Н. Бои за родные острова: дневники, воспоминания, встречи. Южно-Сахалинск, 1980; Единым дыханием. Хабаровский край в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 1985; и др.
- ²⁰ История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980.

- ²¹ История Дальнего Востока СССР: от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней. В 4 т. Кн. 8. Дальний Восток СССР в годы 3-й пятилетки и в период Великой Отечественной войны (1938–сентябрь 1945 г.). Макет / под ред. член-корр. А.И. Крушанова. Владивосток, 1978.
- ²² Неизвестная война. Россия XX века. М., 1996; Другая война. 1939–1945. М., 1996; Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: Историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2002; Война 1941–1945 годов: современные подходы / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005; Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф., Москва, 15–16 марта 2005 г. / отв. ред. М.Ю. Мягков, Ю.А. Никифоров. М.: Наука, 2008; Галлямова Л.И. О новых подходах к изучению истории Великой Отечественной войны на современном этапе // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников: дальневосточное общество в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.: сб. статей. Хабаровск, 2012. Вып. 2; и др.
- ²³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М.: ТЕРРА, 1996; Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1997; Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. 1941 г. Т. 23. М., 1998; Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–13). М., 2001; Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17 (17–6). М., 1996; Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997; Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). М., 1999; Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: документы и материалы. Т. 24 (13). М., 1996; Георгий Жуков: документы. М., 2001; ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2001; Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М.: Летний сад, 2000; Того С. Воспоминания японского дипломата / пер. с англ. М., 1996; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1993; Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997; Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. Кн. 1–5. М., 2011–2015; и др.
- ²⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013.
- ²⁵ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии: 1932–1945 гг. М.: Наука, 1990; Досовицкая В.В. Япония в маньчжуро-монгольском регионе в 20–30-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2015.
- ²⁶ Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая, Л.В. Курас, С.В. Карасев, А.В. Тубчинов, В.М. Фоменко, Б.Д. Цыбенков, А.В. Шемелин / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016.
- ²⁷ Камардина Н.В. Советский Дальний Восток в годы Великой Отечественной войны: поиск ценностных ориентиров // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3; Песков В.М. Духовные ценности новой России (аналитический взгляд на проблему) // Материалы 55-й науч. конф. преподавателей и аспирантов Дальневосточного гуманитарного университета. Секция «Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России». Хабаровск, 2009; и др.
- ²⁸ Книга Памяти. Амурская область. Благовещенск, 1993. Т. 1–2; Книга Памяти. Приморский край. Владивосток, 1994. Т. 1–3; Книга Памяти: здесь поименно названы жители Хабаровского края, павшие смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Хабаровск, 1994. Ч. 1–2; Книга Памяти. Еврейская автономная область: док.-худож. повествование. Биробиджан, 1995; Книга Памяти. Камчатская область. Петропавловск-Камчатский, 1995; Сахалинская Книга Памяти: книга воинской доблести и трудовой славы жителей Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2002; ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2001; Свет мужества: документы и судьбы. Хабаровск, 1995; Дело Рихарда

- Зорге. Неизвестные документы. М.: Летний сад, 2000; Военно-морские сообщения в воспоминаниях ветеранов. К 75-летию органов военных сообщений Тихоокеанского флота / под ред. А.А. Флусова. Владивосток: ООО ПК «Поликон», 2007; Соловьёв И.А. У ворот Татарского пролива: Амуро-лиманская воднотранспортная проблема, 1937–1943 гг. Воспоминания. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1996; Комсомольская магистраль: очерки, воспоминания, статьи. Хабаровск, 1996; Дальневосточная магистраль России. Хабаровск, 1997; Гончаров А. Вагонное рефрижераторное депо. Уссурийск, 1998; Путь к Тихому океану: Владивостокскому отделению ДВЖД – 55 лет. Владивосток, 2001; Филатов А.Е. Люди и судьбы. К 60-летию Уссурийского рефрижераторного депо. Владивосток, 2003; Таможня на Тихом океане. Документы и материалы / сост. Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая, Е.Д. Яворская. Вып. 1–5. Владивосток, 2002–2012; Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / авт.-сост. А.С. Колесников. Хабаровск, 2011; и др.
- ²⁹ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002; Его же. Очерки истории Магаданской области (начало 20–середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007; Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; Его же. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2009; Глазунов И.Л. Развитие угледобывающей промышленности северо-востока СССР. 1917–конец 50-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. JL, 1989; Зеляк В.Г. История горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1932–1957 гг. (социально-экономический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001; Его же. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004; Зеляк В.Г. Золото для Победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2; Толкачёва Н.В. Рыбная промышленность Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2015. № 33; Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине (середина XIX в. –1945 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003; Шалкус Г.А. Промышленность Северного Сахалина в 1925–1945 годах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 1; Её же. История развития нефтяной промышленности на Сахалине (1879–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004; и др.
- ³⁰ Маклюков А.В. Развитие энергетической базы военно-промышленного производства на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 2; Его же. Электроэнергетика Дальнего Востока в решении оборонных задач в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 октября 2015 г. Владивосток: ДВФУ, 2015; Его же. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018.
- ³¹ Алтунин Е.В. Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1990; Его же. Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945). Иркутск, 1990; Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток: ДВГУ, 1995; Негенбля И.Е. Аляска – Сибирь. Трасса мужества. Якутск, 2000; Лаврентьев А.В. Автомобильный транспорт юга Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001; Его же. Автомобильный транспорт юга Дальнего Востока СССР (30-е – середина 80-х годов XX в.). Исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001; Его же. Автомобильный транспорт российского Дальнего Востока (20–90-е гг. XX века). Исторический опыт. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008; Бродкин М.С. История снабжения Дальстроя водным транспортом в 1932–1957 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; Зуев В.Ф. Байкало-Амурская

- магистраль – магистраль жизни: [30-летию со дня начала строительства БАМа посвящается]. Хабаровск: Частная коллекция, 2004; Тесельская И.П., Ципкин Ю.Н., Ежеля У.В. Железные дороги советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014; Поздняков А.Ф. Курс – на Север! Морское судоходство на Севере Дальнего Востока СССР в 1920–1950-х гг. Магадан: СВГУ, 2012; Третьяков М.В. Авиация в Дальстрое (история становления и развития воздушного транспорта на Северо-Востоке СССР в 1932–1957 гг.). Магадан: ООО «Типография», 2014; и др.
- ³² Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток, 2005.
- ³³ Паперно А.Х. Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998; Сараджан Г.С. Характер и объём поставок по ленд-лизу из США в СССР // Вторая мировая война и мир в XX в.: материалы регион. конф. Владивосток, 2001; Краснов В.Н., Краснова И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008; Юшина Т.В., Юшин В.С. К вопросу о значении ленд-лиза в Великой Отечественной войне. Рязань, 2007; Боякова С.И. Ленд-лиз: плавания на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1; Прохоров В.М., Чирухин В.А. Морская и наземная логистика грузового фронта // Мир транспорта. 2017. Т. 15, № 5; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои // Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф. Москва, 1–16 марта, 2005 г. М.: Наука, 2008; и др.
- ³⁴ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005; Её же. Транспортное обеспечение военно-промышленного комплекса Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Кн. 5. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003; Её же. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хабаровск, ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013; Зайцев Ю.М. Инфраструктура Тихоокеанского флота в системе морской обороны дальневосточных рубежей СССР (1932–1941 гг.). Владивосток: ТОВМИ, 2003; Её же. Инженерно-строительные органы Тихоокеанского флота в 1932–1945. Владивосток: ТОВМИ, 2007; Её же. Базовое строительство и оборона Дальнего Востока СССР в 1932–1945 гг. Теория, планы, проблемы, решения. Владивосток: ТОВМИ, 2009; Её же. Транспортные коммуникации военного назначения Дальнего Востока СССР и их роль в обеспечении обороноспособности страны (1932–1945). Владивосток, 2012; Её же. Создание и развитие базы военного судостроения и судоремонта на Дальнем Востоке СССР (1932–1945). Владивосток: ТОВВМУ им. С.О. Макарова, 2015; Её же. Проблемы инженерной подготовки побережья Дальнего Востока СССР к обороне (1932–1945). Владивосток: ТОВВМУ им. С.О. Макарова, 2018; Шугалей И.Ф. Из истории Тихоокеанского флота России. М.: Вече, 2014; и др.
- ³⁵ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы. М., 2010; Их же. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М., 2015; Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011; Её же. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. М., 2013; Её же. Деятельность органов государственной безопасности накануне и в период войны с Японией (1945) // Уроки Второй мировой войны и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию окончания Второй мировой войны. 2–3 сентября 2010 г. Южно-Сахалинск, М., 2011; Её же. Хабаровский процесс 1949 г. (по документам Центрального архива ФСБ России) // Великая Победа / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова. Т. 8: Расплата. М., 2011.
- ³⁶ Грачев А.В., Ципкин Ю.Н. Деятельность советских органов безопасности на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2019; Полутов А.В. По обе стороны границы. Контрразведка флота против японской разведки // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002; Тужилин С.В. Противостояние спецслужб Японии и СССР на Дальнем Востоке накануне Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Её же. Из истории советской контрразведки:

«дальневосточный «Трест» (1939–1945 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1; Его же. «Было бы наивно верить в искренность “дружбы” японских империалистов». Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1938–1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 6.

- ³⁷ Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. В 2 ч. Ч. 1. 1899–1945 гг. Владивосток, 2002; Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. Краткий очерк истории. Владивосток: ВОРОН, 2001; Их же. Дальневосточные таможенники накануне и в годы Великой Отечественной войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2(43); Беляева Н.А. Таможня в условиях войны: история, историография, источники // Уроки и итоги Второй мировой войны и современность. Материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию окончания Второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2–4 сентября 2015 г. Владивосток: Дальпресс, 2016; Её же. Таможенная служба Дальнего Востока в годы Второй мировой войны: общие проблемы и региональные особенности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (72); Грачев А.В., Ципкин Ю.Н. Обстановка на Государственной границе СССР с Маньчжурией (июль – декабрь 1941 г.) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 1 (28); Гурбан Н.Я. Пограничники-дальневосточники накануне и в годы войны с гитлеровской Германией и милитаристской Японией (1930-е – 1945 гг.). Хабаровск, 2015; Его же. Пограничная охрана Дальнего Востока в контексте государственной безопасности СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1922–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009; Маковский А.В. Советский опыт организации пограничного и таможенного контроля на Дальнем Востоке (1922–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018; Шахворостов В.В. Роль местного населения в обеспечении неприкосновенности дальневосточных рубежей в годы Великой Отечественной войны // Социальные гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2013. № 3; Его же. Участие местного населения Дальнего Востока в охране государственной границы (1922–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2011; Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане / сост. А.Г. Смирнов. Владивосток, 2006; и др.
- ³⁸ Довгаль Г.Г. Милиция Хабаровского края в годы войны (1941–1945 гг.) // Государственно-правовое развитие Дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе. Хабаровск, 1994; Лемешко П.М., Шеронов В.С. Дальневосточная милиция в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 1995; Серветников В.С. Борьба с детской преступностью в годы войны в Хабаровском крае // Там же; Кузнецов Д.А. Борьба с преступностью на Северном Сахалине в 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Буяков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. Очерки. Биографический справочник. Владивосток, 2003; Худяков П.П., Швец А.В. Преступность несовершеннолетних, детская безнадзорность и беспризорность на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и основные направления работы органов дальневосточной милиции по их ликвидации // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 1. Дальний Восток России в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.Н. Гродекова, 2010; Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015; Жадан А.В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018; Его же. Историко-криминологический анализ условий деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) //

- Теория и практика общественного развития. 2015. № 18; Его же. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...». Социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943–1945 гг. // Исторический архив. 2018. № 5; Его же. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в 1941–1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4; Его же. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с хищениями грузов в портах и на железнодорожном транспорте (1941–1945 гг.) // Дальний Восток России на перекрестке эпох [Электронное научное издание]: сб. науч. тр. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017; Жадан А.В., Петров К.Н. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Инновационные технологии научного развития: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (15 июня 2016 г., г. Тюмень). В 3 ч. Ч. 3. Уфа: АЭТЕРНА, 2016; и др.
- ³⁹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6; Её же. «Кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Её же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011; Её же. Мобилизация спецпоселенцев на строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (1943–1946 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1; Мельников С.М. Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД – МВД СССР (1932–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; Шулубина С.А. Система Севвостоклага в 1932–1957 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4; Худяков П.П., Швец А.В. Создание в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) лагерей для военнопленных и интернированных в СССР и на его Дальнем Востоке, руководство ими // Приамурье – век двадцатый. Материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2008; Их же. Исправительно-трудовые учреждения Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хабаровск: Дальневост. юр. ин-т МВД РФ, 2009; Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Т. 1. Владивосток: Издат. группа «Восток-Контракт», 2011; и др.
- ⁴⁰ Денисова К.С. Тыл – фронту // Амурский краевед (Информационный вестник). Благовещенск, 1995, № 3(12); Мандрик А.Т. Рыбаки Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники ВМФ: сб. статей. Владивосток, 2005. Вып. 54; Проскурина Л.И. Дальневосточная деревня в начале 40-х годов XX в. // Дальневосточники на фронте и в тылу. 1941–1945: материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск: Амур. обл. краевед. музей им. Г.С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2006; Омельчак В.П., Берестенко Н.В. Вклад Амурской области в победу под Сталинградом // Приамурье – век двадцатый: материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2008; Ткачёва Г.А. Вклад рыбной промышленности Дальнего Востока СССР в продовольственную базу страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2012. Кн. 5; Её же. Состояние сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке России в 1941–1945 гг. // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015; Боярская П.Н. Природные ресурсы Дальнего Востока и Сибири в помощь фронту // Там же; Сафонов Д.А. Колхозная деревня Дальнего Востока в условиях перехода страны к мирной жизни (1945–1946 гг.) // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; и др.
- ⁴¹ Омельчак В.П. Женщины Приамурья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Приамурье – форпост России в АТР: сб. материалов междунар. конф. Благовещенск, 2008; Тесельская И.П. Деятельность железнодорожников и портовиков Владивостока по приёмке и отправке грузов ленд-лиза на советско-германский фронт в годы Великой Отечественной

войны // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XI науч.-метод. конф. Усурийск, 2009; Широков А.И. Далеко от войны... (вольнонаёмные работники Дальстроя в 1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 2; Дальневосточные таможенники накануне и в годы Великой Отечественной войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2(43); Власов С.А. Молодежь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2 ч. Ч. II; Маклюков А.В. Вклад энергетиков Дальнего Востока в Победу в Великой Отечественной войне (1941–1945) // Ойкумена. Владивосток, 2015. № 1; Халиман В.П., Ковтун А.Д. Рыбаки и учёные Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015; и др.

- ⁴² Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17; Его же. Снабжение и торговля на Северо-Востоке России в годы Великой Отечественной войны // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996; Власов С.А. Повседневная жизнь жителей Владивостока в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Его же. Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941–середина 50-х) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015; Его же. Государственная социальная политика и её влияние на повседневную жизнь населения Приморского края в годы Великой Отечественной войны // Восьмые Гродековские чтения. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. В 2 т. Т. 2; Гнатовская Е.Н. Между трудом и политикой. Повседневная жизнь дальневосточных железнодорожников в 1930–1950-е гг. Усурийск: Изд-во ПГСХА, 2011; Ежеля У.В. Женщины Дальнего Востока в годы военных испытаний 1941–1945 годов (в контексте российской истории XX века) // История и культура Приамурья. № 1 (7). 2010; Ткачёва Г.А. Скрытая правда войны. Нормированное снабжение дальневосточников в 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 2; Дударь Л.А. Система нормированного снабжения дальневосточников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–50-е годы XX в.: сб. науч. статей. Владивосток, 2004. Кн. 2; Голубев В.П. Развитие подсобного хозяйства и огородничества в г. Куйбышевка-Восточная в годы Великой Отечественной войны // Дальневосточники на фронте и в тылу. 1941–1945 гг. Материалы региональной науч.-практ. конференции. Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2006; Слабнина Л.А. Жилищная политика государства на Дальнем Востоке в 1930–1960-е годы // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015; Её же. Дальний Восток в годы войны и послевоенный период // Война и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы. Материалы XIX Всероссийской науч.-теоретич. конф. Москва: РУДН, 2015; Ярославцев А.В. Жилищная политика в Хабаровском крае (1939–1945 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3; Лякина Н.В. Деятельность государственных органов и общественных организаций Приморского края по поддержке детских домов (1941–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2019; Жадан А.В. Материально-бытовые условия жизни и службы сотрудников органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Ойкумена. 2016. № 2; и др.

- ⁴³ Исаев А.А. Общество Дальнего Востока в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006; Его же. Общество Дальнего Востока СССР в условиях японской опасности (1930-е–середина 1940-х гг.). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014; Камардина Н.В. Изменение идеологии советского общества в 1941–1953 гг. (на материалах Дальнего Востока СССР): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Ткачёва Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010; Её же. Партийно-государственная номенклатура Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). Владивосток: Дальнаука, 2011; и др.
- ⁴⁴ Сергеев О.И. Казачество в войне Советского Союза с фашистской Германией (1941–1945 гг.) // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Его же. Российское казачество в боях за Родину // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 3; Его же. Дальневосточные казаки в войне Советского Союза с фашистской Германией // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XII Междунар. науч.-метод. конф. Усурийск: Изд-во УГПИ, 2010; Его же. Казаки Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–60-е годы XX в. Владивосток, 2005. Кн. 3; Его же. Казаки Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федеральный ун-т, 2015; Вишневский Н.В. Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны. Краткий энциклопедический справочник. Южно-Сахалинск, 2000; Товарищ память. Приморцы в Великой Отечественной войне. Владивосток, 2005; Кузнецов И.И., Омельчак В.П. Амурская слава. Благовещенск, 1990; Омельчак В.П., Кондратенко С.А. Генерал армии А.П. Белобородов (К 100-летию со дня рождения). Благовещенск, 2003; Омельчак В.П. Снайперы-дальневосточники в боях за Родину (1941–1945 гг.) // Материалы межвузовской науч.-практ. конф., посвящённой 55-летию Великой Отечественной войны. Благовещенск, 2000; Его же. Военные династии дальневосточников на службе Отечеству // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Ткачёва Г.А. Дальневосточники в рядах защитников Отечества // Военно-исторический журнал. 2006. № 10; Её же. На алтарь Отечества... Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2; Суверов Е.В., Фризен П.Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23).
- ⁴⁵ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока в Великой Отечественной войне. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985; Балицкий В.Г., Старцев А.Ф. История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIX–XX вв.). Владивосток, 2000; Буддакова В.Г. Коренные народы Приамурья в Великой Отечественной войне // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. Т. 2. Хабаровск, 2005; Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008; Доржеева В.В. Женщины коренных малочисленных народов Северо-Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного ун-та. 2015. № 7; Левковская А.Ю. Вклад коренных малочисленных народов Севера Сахалина в Победу во Второй мировой войне // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны. Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015; и др.
- ⁴⁶ Батянова Е.П. Коряки рассказывают о себе // Гуманитарные науки в России: соросовские лауреаты. М., 1996; История и культура улчей в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994; История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003; История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки. СПб.:

- Наука, 2008; Бельды М. Найхинцы – земляки, фронтовики, герои // Записки Гродековского музея. Вып. 11. Хабаровск, 2005; Аглонова Р.Л., Вогзыбина Г.Д., Горбунов С.В. Солдаты земли сахалинской: нивхи – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тымовское: Тымовский краеведческий музей, 2007; Райзман Д.И. Коренные северяне в боевых действиях против Германии и Японии // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2; Старцев А.Ф. Удэгейцы на фронтах Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Петров В.В. Якутяне – одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне. Якутск, 2008; Мухина К.Р. Долгий путь к награде (история Максима Пассара) // Победа многонационального народа во Второй мировой войне. Сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 28 сент., 2018. Хабаровск, 2018; Юдина Н.В. 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта // Там же; и др.
- ⁴⁷ Михалев С.Н. Цена войны: демографический аспект // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма: Российско-германская конференция историков в Волгограде. Май 1995 г. М., 1997; Гурвич И.С. О результатах исследования верхнеколымских юкагиров // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004; Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья (по материалам поездки в Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края) // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004; Серебренников В.И., Сухомиров Г.И. Проблемы сохранения традиционных форм природопользования коренного малочисленного народа Приамурья в новых социально-экономических условиях // Амурские эвенки. Большие проблемы мало этноса. Вып. 1. Благовещенск, 2003; Смоляк А.В. О положении коренного населения Комсомольского и Нанайского районов Хабаровского края // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004; Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера: динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5; Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2013; Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2; и др.
- ⁴⁸ Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. 1997. № 6; Царёк И.Ф. Роль ХСМЛ в организации обучения и воспитания молодежи в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Материалы междунар. науч. конф. Благовещенск, 2001. Ч. 2; Печерица В.Ф., Кочубей О.И. Исход и возвращение (русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). Владивосток, 1999; Сергеев О.И. Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 3; Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950 гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008; Лазарева С.И., Сергеев О.И. Война за «Великую Восточную Азию» и российская эмиграция (конец 30–середина 40-х гг. XX в.) // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Лазарева С.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в. // Ойкумена. Владивосток, 2011. № 2; Её же. Проблемы социальной адаптации дальневосточных казаков-эмигрантов в городах Маньчжурии в 20–40-е гг. XX в. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2014. Вып. 4; Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблема социальной адаптации). Екатеринбург, 2007; Его же. Русские военизированные и армейские подразделения в Маньчжоу-го (1930-е–1945 гг.) // Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2004. № 6; Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... докт. ист. наук. М., 1997; и др.
- ⁴⁹ Бакаев Ю.Н. Политика Советского государства в отношении религии, церкви и верующих: опыт реализации и уроки (1917–1941 гг.). Хабаровск, 1992; Его же. Власть и религия: история отношений (1917–1947). Хабаровск, 2002; Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской православной церкви на Дальнем Востоке России

- (октябрь 1922 – июнь 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Её же. Положение русской православной церкви на Дальнем Востоке РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки: сб. науч. статей. Владивосток, 2010; Костанов А.И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах: ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1992; Чурилина Т.А. Отношения советского государства и Русской православной церкви на Дальнем Востоке в период 1941–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; Её же. Государство и Русская православная церковь на Дальнем Востоке в 1941–1964 годах. Хабаровск, 2010; Ермацанс И.А. Религиозная составляющая социокультурной среды Амурской области (1918–начало 1970-х гг.) // Сборник материалов междунар. конф. «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск, 2002; Сердюк М.Б. Государство и религиозные организации на советском Дальнем Востоке в 1940-е годы // История государства и права. М., 2009. № 1; Её же. Русская православная церковь на советском Дальнем Востоке (1939–1955 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 1; Её же. Религиозные организации в советском обществе 1941–1954 гг. (на примере Дальнего Востока): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2012; Её же. Русская православная церковь на советском Дальнем Востоке в период Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет // Иннокентьевские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. Биробиджан, 2008; и др.
- ⁵⁰ Дударёнок С.М. Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004; Её же. Баптизм на российском Дальнем Востоке (1917–1955 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. статей. Вып. 5. М., 2007; Её же. Евангельские христиане-баптисты и власть на Дальнем Востоке России (1940–1980-е гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. [Российское объединение исследователей религии]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. Вып. 11; Её же. Протестантские церкви и власть в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, Владивосток, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015; Её же. Протестанты Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Уроки Второй мировой войны и современность: Материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию окончания Второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2–4 сент. 2015 г. Южно-Сахалинск; Владивосток: Дальпресс, 2016; Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941–1954). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009; и др.
- ⁵¹ Шугалей И.Ф., Крицкий Н.Н. Тихоокеанский военно-морской институт: ист. очерк. Владивосток, 2001; Крицкий Н.Н. Подготовка командных кадров Военно-Морского флота на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая половина XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002; Его же. Подготовка офицеров флота Тихоокеанским ВВМУ во время войны 1941–1945 гг. // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–60-е годы XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2005. Кн. 3; Бурый В.А. Подготовка военных кадров в ТОВВМУ имени С.О. Макарова в период Великой Отечественной войны и участие выпускников училища в боевых действиях в августе – сентябре 1945 г. // Российский флот на Тихом океане: История и современность: материалы Тихоокеанской конф. Владивосток, 1996; Шугалей И.Ф. Подготовка специалистов торпедного оружия Военно-Морского Флота СССР в 20–40-е годы XX в. // Российский флот на Тихом океане: история и современность: материалы Тихоокеанской конф. Владивосток, 1996; Королук В.П. Подготовка командных кадров для морского торгового флота на Дальнем Востоке России в конце XIX – первой половине 40-х годов XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; Грачев А.В. Подготовка кадров для подразделений НКВД, НКГБ и Красной Армии на территории Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2011. № 11; Алепо А.В. Подготовка офицерского состава в Дальневосточном регионе в годы Великой Отечественной войны // Дальневосточники во Второй мировой войне. Благовещенск, 2011; Дальневосточный военный институт. Краткий исторический очерк. Благовещенск,

- 2000; Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Омский научный вестник. 2007. № 3; Её же. К вопросу о военной подготовке студентов в высших и специальных учебных заведениях Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. молодых исследователей, аспирантов и соискателей. Ч. 2. Экономика, управление, общество: история и современность. Хабаровск, 2007; Её же. К вопросу о подготовке командного состава на Дальнем Востоке России (1918–1945 гг.) // Сб. науч. статей адъюнктов и соискателей. Хабаровск, 2006; Её же. Становление и развитие военного образования в дальневосточном регионе Советского государства (1922–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007; и др.
- ⁵² Крюков И.В. Деятельность добровольных оборонных обществ и физкультурно-спортивных объединений по подготовке боевых резервов на Дальнем Востоке в период Великой Отечественной войны // Материалы 55-й науч. конф. преподавателей и аспирантов Дальневост. гос. гуманит. ун-та, секция «Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России» (январь 2009 г.). Хабаровск, 2009; Его же. Обязательная военная подготовка гражданского населения Дальнего Востока в период боевых действий // Военно-исторический журнал. 2016. № 1; Его же. Деятельность комсомольских организаций Дальнего Востока по подготовке боевых резервов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Шестые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Т. 3. Хабаровск, 2009; Его же. Боевая подготовка в войсках Дальневосточного фронта в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2012. № 7 (262); Его же. Подготовка боевых резервов на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной войны и на завершающем этапе Второй мировой войны (июнь 1941–сентябрь 1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2013.
- ⁵³ Берёзкина Н.И., Гуменюк Ф.И., Ткалич А.П. От неграмотности ко всеобщему среднему образованию. Исторический очерк развития Приморской общеобразовательной и профессиональной школы в 1917–1987 гг. Владивосток, 1991; Касаткина Н.А. Из истории профессионально-технического образования в Хабаровском крае. Хабаровск, 1999; Романов В.В. Становление педагогического образования в Приамурье. Страницы истории. Кн. 1 (конец XIX в. –1955 г.). Хабаровск, 2006; Наш Дальневосточный технический: к 75-летию университета. Владивосток, 1993; Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет. 1934–2004. Хабаровск, 2004; Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009; Благовещенский государственный педагогический университет: 1930–2010. Благовещенск: ООО Издат. компания «РИО», 2010; Кочешков Н.В., Мизь Н.Г., Турмов Г.П. Ректоры... от Восточного института до наших дней. Владивосток: ДВГТУ, 2002; Лихарев Д.В., Лынша О.Б. Учителя учителей: история Уссурийского государственного педагогического института (1909–2004 гг.). Уссурийск, 2004; и др.
- ⁵⁴ Балдин С.С., Моисеенко В.В. История профессионально-технического образования в Приморье: Вторая половина XIX–XX в. Владивосток, 2001; Балдин С.С. Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке России XIX–XX вв. Владивосток, 2007; Его же. Трудовые резервы – важнейший фактор повышения обороноспособности Дальнего Востока СССР (1940–1945 гг.) // Материалы 51-й Всероссийской науч. конф. Т. 1. Проблемы тактики Военно-Морского Флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток: ТОВМИ, 2008; Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицеевская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017; Заколотная А.С. Профессиональная подготовка адвокатов на Дальнем Востоке в 40–50-е гг. XX века // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. Владивосток: ДВФУ, 2014.
- ⁵⁵ Макаренко В.Г. Из истории высшего и среднего специального образования Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Значение Победы в Великой Отечественной

войне 1941–1945 годов в контексте развития современного российского общества: материалы краев. науч.-практ. конф. Владивосток, 2005; Его же. Высшее и среднее специальное образование на Дальнем Востоке СССР в 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток. 2005. № 1; Его же. Высшее образование на Дальнем Востоке СССР в 1922–1945 гг. // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Хабаровск, 2013. Вып. 2; Его же. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 2; Его же. Высшее образование на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн (1939–1945 гг.) // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Международного форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны, 19–21 окт. 2015 г. Владивосток: ДВФУ, 2015; Его же. Студенты и преподаватели вузов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Война в судьбах людей: сб. материалов молодёжной конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и приуроченной ко Дню рождения Выборгского района Санкт-Петербурга. 22 мая, 2015. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015; Его же. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР (1939–1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX в. в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015; и др.

⁵⁶ Васильева Е.В. Наука Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–60-е годы XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2005. Кн. 3; Её же. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки. В 2 ч. Ч. 1. Структурно-когнитивный компонент. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017; Козлов А.Г. Наука Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Колымские вести. 2005. № 27; Кобылинский Л.В. Гидрографические и гидрометеорологические исследования Тихого океана: Гидрографическая служба ТОФ: 1856–2006. СПб., 2006; Пустовойт Г.А. Геологическое изучение Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. Ч. 1; Прусс Ю.В. Геологическая служба Северо-Востока России. 1931–2014. Магадан: Охотник, 2017; и др.

⁵⁷ Акулов А.А. Из истории ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа в 30–50-е гг. XX века // Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России (Четвёртые Гродековские чтения): материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. II. Хабаровск, 2004; Его же. Формирование и деятельность военных учреждений культуры и органов печати в войсках Дальневосточного военного округа (1922–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007; Королёва В.А. Многонациональное музыкальное искусство – приморцам накануне и в годы Великой Отечественной войны // Приморье: народы, религии, общество. Владивосток: Управление внутренней политики Приморского края, 2011; Её же. Музыканты Приморья в 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 4; Матвейчук В.П. Военные оркестры на Тихоокеанском флоте и развитие музыкальной культуры Дальнего Востока: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2003; Журомская Л.П. Из истории развития Ансамбля песни и пляски КДВО // Культурный облик Хабаровска в XX веке: материалы городской науч.-практ. конф. Хабаровск, 1999; Позина Н. Дальневосточные гастроли Исаака Дунаевского // Словесница искусств. Хабаровск, 2017. № 1; и др.

⁵⁸ Иванов А.С. Дорога длиною в век. Хабаровск, 1994; Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. Из истории Магаданского театра 1930–1950-х гг. Магадан: Раритет, 1992; Цупенкова И.А. Сахалинский театр в годы сталинских репрессий // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–1950-е годы XX века. Владивосток, 2004. Кн. 2; Осипова Э.В. Приморский драматический театр им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010; Богданов С.А. Театры Хабаровского

края в годы Великой Отечественной войны // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26); Кищик Е.В. Репертуар военных театров Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4; и др.

⁵⁹ Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России: 1917– середина 1980-х годов. Владивосток, 1995; Акулов А.А. Образование и деятельность военных библиотек в 20–40-х гг. XX века на Дальнем Востоке в воинских формированиях // Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Проблемы сохранности и безопасности библиотечных, архивных, музейных фондов». Хабаровск, 2006; Петухов В.В. Становление и развитие художественных музеев на юге Дальнего Востока России (1930–1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Погарцев В.В. Становление и развитие системы радиовещания на Дальнем Востоке России (1901–1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006.

⁶⁰ Боженко П.В. Подводники-тихоокеанцы в боях с противником. М., 1999; Сечкин Г.П. Граница и война: пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993; Стрельбицкий К.Б. Август 1945. Советско-японская война на море – цена Победы. Львов: Московский клуб истории флота, 1996; Смирнов А.Г. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток, 2004; Крицкий Н.Н., Шугалей И.Ф. Боевые действия флотов союзников на Тихом океане (1941–1945). Ч. 2; Стратегическое наступление вооруженных сил союзников (1944–1945). Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2003; Гордеев Н.В., Жданова Н.Н., Бугреев В.И. Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 7; Шугалей И.Ф. Формирование в бухте Новик сил высадки морского десанта в порты Северной Кореи // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 40. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2003; Его же. Некоторые аспекты вступления СССР в войну с Японией в 1945 г. // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 54. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2005; Зайцев Ю.М. Трансокеанский переход подводных лодок ТОФ в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2006. № 1; Зайцев Ю.М., Шугалей И.Ф. Действия Тихоокеанского флота в морских десантных операциях на заключительном этапе Второй мировой войны // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 54. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2005; Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010; Вербовой А.О., Конеев А.Н. Амурская флотилия в Маньчжурской наступательной операции // Гангут, 2015. № 88; Чернышёв А.А. Триумф Тихоокеанского флота СССР. Реванш за Цусиму. М.: Изд-во «Э»: Яуза, 2015. Полутов А.В. Разгром Квантунской армии в августе 1945 г. // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. статей. Владивосток: Рея, 2016; и др.

⁶¹ Усов А.В. Особенности деятельности аварийно-спасательной службы ВМФ на Тихом океане в годы Великой Отечественной войны // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2019; Его же. Специфика деятельности аварийно-спасательной службы ВМФ в условиях изменения стратегических позиций СССР в Тихом океане в 1945 г. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1; Его же. Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941–1945 гг. // Клио. 2018. № 1 (133); Его же. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941–1945) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9.

⁶² Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002; Его же. Победная точка во Второй мировой войне: советско-японская война 1945 г. происхождение, ход, итоги. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005; Его же. Военная кампания на Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. третья. Освобождение.

- М.: Наука, 1999; Его же. Военная кампания на Востоке // Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2004; и др.
- ⁶³ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004; Его же. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М.: Вече, 2012; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; Сафронов В.П. Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта, 1931–1945 гг. М.: БИМПА, 2007; Широкопад А.Б. Дальневосточный финал. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- ⁶⁴ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989; Его же. Японская дилемма: удар на Север или на Юг? Японские документы 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М., 1999; Зимонин В.П. Принуждение Японии к миру (Советско-японская война 1945 г.: происхождение, ход, уроки) // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М.: ТОО «Новина», 1995; Его же. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996; Его же. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1939–1945 гг. М., 1999; Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг. М.: Новина, 1997; Его же. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его последствия // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; Нарочницкая Н.А. Россия и проблема Курильских островов. История на службе политики // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010; Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценки экспертов). М., 1999; Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М.: Вече, 2004; Его же. Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2005; Его же. Тайный сговор, или Сталин и Гитлер против Америки. М.: Алгоритм, 2008; Его же. Рихард Зорге: супер-шпион или суперполитик // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5; Его же. Эпоха борьбы Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. М.: АИРО-XXI, 2001; Гаврилов В. Некоторые новые аспекты предыстории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4; Прошлое и будущее российско-японских отношений по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума. М.: АИРО-XXI, 2005; и др.
- ⁶⁵ Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М., 1992; Латышев И.А. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992; Его же. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М.: Алгоритм, 2005; Зиланов В.К. и др. Русские Курилы: история и современность. М., 1995; Курилы – острова в океане проблем. М.: РОССПЭН, 1998; Еремин В. Россия и Япония: территориальная проблема: поиски решения. М., 1992; Русские Курилы: история и современность. М., 2002; Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). М.: Известия, 2007; Черевко К.Е. Территориальная проблема в российско-японских отношениях // Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. Вып. 6. М.: Наука, 2006; и др.
- ⁶⁶ Кунадзе Г.Ф., Саркисов К.О. Размышляя о советско-японских отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 5; Пунжин С.М. СССР – Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»? // Советское государство и право. 1991. № 7; Гинзбург Дж., Лукашук И.И. Курильские острова и международное право // Советский журнал международного права. 1991. № 3–4; Гайдар В.М. Проблема Курильских островов: международно-правовой аспект // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 4; Плотников А. Курилы – исконно российская земля // Азия и Африка сегодня. 1994. № 8/9; № 10; Марков А.П. Проблемы российско-японских отношений // Международная жизнь. 1995. № 10; Нарочницкая Н.А. Президент Ф. Рузвельт: русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто // Международная жизнь. 2005. № 3–4; Знакомьтесь – Япония. К визиту Б.Н. Ельцина (гл. ред. В.Б. Рамзес). М., 1992; Советско-японская декларация 1956 года

- и проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний 12–13 сент. 2001 года // Ведомости Сахалинской областной думы. № 33. Южно-Сахалинск, 2001; Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности. Материалы парламентских слушаний. М.: Издание Гос. думы, 2003; Лужков Ю.М., Титов И.Б. Курильский синдром. М.: ОАО «Московские учебники и картолитография», 2008; и др.
- ⁶⁷ Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август – сентябрь 1945 г.). Документальное исследование. М., 1993; Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в АТР. М., 1993; Независимая газета. 2002. 11 сент.; и др.
- ⁶⁸ Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы в отношениях России, СССР с Японией: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992; Его же. Территориальная проблема в российско-японских отношениях // Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. Вып. 6. Нарочницкая Н.А. [Выступление на парламентских слушаниях] // Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности. Материалы парламентских слушаний. М.: Издание Гос. думы, 2003.
- ⁶⁹ Галлямова Л.И. Современная отечественная историография о завершающем этапе Второй мировой войны на Дальнем Востоке (дискуссионные проблемы) // Уроки Второй мировой войны и современность: материалы междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 65-летию окончания Второй мировой войны. Москва, 2–3 сент. 2010 г. М.: ОО «РПЦ ОФОРТ», 2011; Её же. Финал Второй мировой войны на Дальнем Востоке (дискуссионные вопросы современной отечественной историографии) // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 3; и др.
- ⁷⁰ The Soviet Far East and Central Asia / Ed. by Mandel W.N.Y., 1944. P. XI.
- ⁷¹ Mandel W. The Soviet Far East. New York: International Secretariat, Institute of Pacific Relations, 1942; Mandel W. The Soviet Far East and Central Asia. New York: International secretariat, Institute of Pacific relations, 1944.
- ⁷² Lattimore O. Minorities in the Soviet Far East // Far Northern Survey. 1944. V. 13, № 13–19.
- ⁷³ Soviet Far East and Pacific Northwest. Edited by R. Mosse, special research professor of economics and business, University of Washington. Seattle, Wash., University of Washington press, 1944.
- ⁷⁴ Phillips G.D.R. Russia, Japan and Mongolia. London: F. Muller, 1942; Moore H.L. A record of Soviet Far Eastern relations, 1931–1942. Submitted as a document for the eighth conference of the IPR. New York, International Secretariat, Institute of Pacific Relations, 1942; Moore H.L. Soviet Far Eastern policy, 1931–1945. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1945. (Последняя книга Х.Л. Моора переиздана в 1973 г. См.: Moore H.L. Soviet Far Eastern Policy, 1931–1945. New York: H. Fertig, 1973; Yakhontoff, V.A. USSR foreign policy. New York: Coward-McCann, inc., 1945); и др.
- ⁷⁵ Черчилль У. Вторая мировая война / пер. с англ. М., 1955. Т. 1–6; The Churchill War Papers / [compiled by] M. Gilbert. 1st ed. N.Y., 1993–1995. Vol. 1–3; Vol. 3: The Ever Widening War. 1941. L., 2000; и др.
- ⁷⁶ Foreign Relations of United States (FRUS); Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed.W. Kimball. Princeton, 1984. 3 Vols.; For the President: Personal and Secret: Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Ed.O. Bullitt. Boston, 1972; Stalin's Correspondence with Roosevelt and Truman, 1941–1945. N.Y., 1965 (a publication of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR); McCauley M. The Origins of the Cold War, 1941–1949. 3rd ed. London; New York, 2003; Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L., 2003.
- ⁷⁷ Japanese operational planning against the USSR / prepared by Military History Section, Headquarters, Army Forces Far East. Distributed by Office of the Chief of Military History, Dept. of the Army, 1955.
- ⁷⁸ The Tokyo Judgment: the International Military Tribunal for the Far East, 29 April 1946–12 November 1948 / edited by B.V.A. Roling and C.F. Ruter. V. I-3. Amsterdam: APA – University Press Amsterdam, 1977–1978.
- ⁷⁹ War in Asia and the Pacific, 1937–1949: a fifteen volume collection / Donald S. Detwiler, editor, Charles B. Burdick, editors. V. I-15. New York: Garland, 1980.
- ⁸⁰ Byrnes J.F. Speaking Frankly. N.Y., 1947; Hull C. Memoirs. N.Y., 1948; Stettinius E.R. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y., 1949; Roosevelt E. As He Saw It. N.Y., 1946;

- Harriman A. *Special Envoy to Churchill and Stalin*. N.Y., 1975; Sherwood R. *Roosevelt and Hopkins*. N.Y., 1948; Kennan G. *Russia and the West Under Lenin and Stalin*. Boston, 1960; Kennan G. *Memoirs, 1925–1950*. N.Y., 1967; Bohlen C.E. *Witness to History*. N.Y., 1973; Deane J. *The Strange Alliance: The Story of our Efforts at Wartime Co-operate with Russia*. N.Y., 1947; Dulles A. *The Secret Surrender*. N.Y., 1966.
- ⁸¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1957.
- ⁸² Bohlen C.E. *Witness to History, 1929–1969*. N.Y., 1973; Duranty W. *USSR: The Story of Soviet Russia*. Hamilton-London, 1945; Fischer L. *Russian's Road from Peace to War*. N.Y., 1969; Hull C. *The Memoirs of Cordell Hull*. N.Y., 1948; Ickes, Harold L. *The Secret Diary of Harold L. Ickes*. N.Y., 1954; Kennan J.F. *Memoirs*. Toronto, 1967; Simson H., Bundy, M.G. *On Active Service in Peace and War*. N.Y., 1948.
- ⁸³ Cole W.S. *Roosevelt and the Isolationists, 1932–1945*. University Nebraska Press, 1983. XII+698 p.; De Santis H. *The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947*. Chicago-London, 1980; Gaddis J. *Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History*. N.Y., 1978. Etc.
- ⁸⁴ Дин Дж.З. *Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова; предисл. и коммент. А.С. Орлова*. М., 2005. С. 228–229, 233.
- ⁸⁵ Stoler M. *The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941–1943*. Westport; London, 1977; Gardner L. *Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949*. Chicago, 1970; Messer R. *The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War*. University of North Carolina Press, 1982; Robert I., Gannon S.J. *The Cardinal Spellman Story*. N.Y., 1962; Divine R. *Second Chance: The Triumph of Internationalism in America During World War II*. N.Y., 1967; The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945: A Documentary Study in Cold War Origins / Ed.A. Polonsky. L., 1976; Papachriston J. *American-Soviet Relations and United States Policy in the Pacific, 1933–1941*. Ph.D. Dissertation. Boulder, 1968.
- ⁸⁶ George A. Lensen. *The strange neutrality: soviet-japanese relation during the Second World War, 1941–1945*. Tallahassee: The Diplomatic Press, 1972.
- ⁸⁷ Stephan, John. *Sakhalin: A History*. Oxford: Clarendon Press, 1971; Stephan, John. *The Kuril Islands: russo-japanese Frontier in the Pacific*. Oxford: Clarendon Press, 1974; Stephan, John. *The Russian Far East: A History*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1994.
- ⁸⁸ Scherer A.M. *Japanese Emigration to Manchuria: Local Activists and the Making of the Village-Division Campaign*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades einer Dr. phil. / Bochum: Ruhr-Universität Bochum. Fakultät für Ostasienwissenschaften. 2006; McDowell K. *Japan in Manchuria: Agricultural Emigration in the Japanese Empire, 1932–1945*. *Eras Journal* 2008; Myers, R.H. *The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945 / A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy*. University of Washington, 1960.
- ⁸⁹ Harriet L. *Soviet Far Eastern Policy 1931–1945*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1945; Hoyt Edwin P. *Japan's War: The Great Pacific Conflict 1853 to 1952*. New York, 1986; Prest A.R. *War economic of primary producing countries*. Cambridge, 1948; Mourin M. *Les tentatives de paix dans la seconde Guerre mondiale (1939–1945)*. Paris, 1949; Buchheit G. *Hitler der Feldeherir: Die Zerstörung einer Legende*. Rastatt (Baden), 1958; Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total: The Search for Economic Security, 1919–1941*. Ithaca; New York, 1987; Parillo M.P. *The Japanese Merchant Marine in World War II*. Annapolis, Md., 1993; и др.
- ⁹⁰ Bix Herbert P. *Hirohito and the Making of Modern Japan / Harper Collins*, 2009.
- ⁹¹ Crowley B. James. *Japanese Army Factionalism in the Early 1930's. // The Journal of Asian Studies*. 1962. Vol. 21, № . 3. P. 309–326.
- ⁹² Munderloh M., *The Imperial Japanese Army as a Factor in Spreading Militarism and Fascism in Prewar Japan*. Munchen: Japan – Zentrum der LMU., 2012.
- ⁹³ Darcy J. *Histoire de la guerre. Septembre 1939 – a out 1945*. Paris, 1946; Rohover V., Hummelen G. *Chronology of the war at sea 1939–1945*. London, 1992; Chassin L.-M. *Histoire*

- militaire de la Seconde Guerre mondiale 1939–1945. Paris, 1947; Kemp P.K. Victory at Sea 1939–1945. London, 1958; Gigli G. La seconda guerra mondiale (1939–1945). Bari, 1951.
- ⁹⁴ Armstrong T. The Northern Sea Route: Soviet Exploitation of North East Passage. Cambridge, 1952; The Russians in the Arctic. London, 1958; McNeill W.H. America: Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict, 1941–1946. London – N.Y. – Toronto, 1953; Schofield B.B. The Russian Convoys. L., 1964; Schofield B.B. The Arctic Convoys. London, 1977; Yoanes R.H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Univ. of Oklahoma, 1969; Roskill S.A. Merchant Fleet in War. London, 1962; Edwards B. The Merchant Navy Goes to War. Hale, 1990; Ruegg B., Hague A. Convoys to Russia; Allied Convoys and Naval Surface Operations in Arctic Water 1941–1945. London, 1992; Parillo M.P. The Japanese Merchant Marine in World War II (Японский торговый флот во Второй мировой войне). Annapolis, Md., 1993.
- ⁹⁵ McNeill W.H. America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–1946. N.Y., 1953.
- ⁹⁶ Feis H. Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton; New York, 1957.
- ⁹⁷ Schleisinger A. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. № 46; Combs J. American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations. University California Press, 1983.
- ⁹⁸ Alden J.D. U.S. Submarine Attacks During World War II. Annapolis: Naval Institute Press, 1989; Bradley J.H., Griess T.E., Buell T.B., Dice J. The Second World War: Asia and the Pacific. New York, 2003; Costello J. The Pacific War. New York, 1981; The War in the Far East, 1941–1945: A Military History. New York, 1969.
- ⁹⁹ Glantz, David M. August Storm: The Soviet 1945 Strategic Offensive in Manchuria. – Leavenworth Papers No. 7, Combat Studies Institute, February, 1983; Glantz, David M. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945. London-Portland, 2003.
- ¹⁰⁰ Action E. Russia the Present and the Past. L.; N.Y., 1986. P. 252.
- ¹⁰¹ Spector R. Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N.Y., 1985; Dull P. Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis (Maryland), 1979; Hoyt E. How They Won the War in the Pacific: Nimitz and His Admirals. N.Y., 1970.
- ¹⁰² Dupuy R., Dupuy T. The Encyclopedia of Military History from 3500 B. C. to the Present (Second Revised Edition). N.Y., 1986. P. 1188.
- ¹⁰³ Nisbet R. Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship. Wash., 1988; Boyle P. American-Soviet Relations: From the Russian Revolution to the Fall of Communism. N.Y., 1993; Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. N.Y., 1991; Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997; Gardner L. Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe from Munich to Yalta. Chicago, 1993; Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy. N.Y., 1988; Ericlson J. Barbarossa / Ed.D. Dilks. Edinbourg, 1994; Роберте Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5.
- ¹⁰⁴ Weinberg G.L. A World at Arms. A Global History of World War II. N.Y., 1994. P. 896, 904, 905.
- ¹⁰⁵ Hasegawa Tsuyoshi. Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. London, 2005. P. 177.
- ¹⁰⁶ Зимолин В.П. Военная кампания на Востоке // Война и общество. 1941–1945. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2004. С. 284.
- ¹⁰⁷ Lamont C. The Peoples of the Soviet Union. New York: Harcourt, Brace and Company, 1946.
- ¹⁰⁸ Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroika's. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995.
- ¹⁰⁹ Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. London: G. Philip, 1954; Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. New York: Praeger, 1954; Kolarz, W. The Peoples of the Soviet Far East. Archon Books; USA; 1969.
- ¹¹⁰ Conquest R. Soviet deportations of nationalities. London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960; Stephan J. The Korean Minority in the Soviet Union // Mizan (Central Asia Review). 1970. Vol. 13. № 3; Gurvich I. How Chinese lands were occupied by Russia: slaughter of the Chinese, deportation of the Koreans, forced settlement of the Russians on Chinese lands. New

- York: Russian Problems, 1977; Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii, 1987; и др.
- ¹¹¹ Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. New York: Praeger, 1954; Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union. Foreword by Alvin Johnson. Syracuse: Syracuse University Press, 1951; Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union. New York, Arno Press, 1972; Abramsky Ch. The Birobidzhan Project, 1927–1959 // The Jews in the Soviet Union Since 1917. New York: Oxford University Press, 1970; Jewish history: essays in honour of Chimen Abramsky / edited by Ada Rapoport-Albert and Steven J. Zipperstein: foreword by Isaiah Berlin. London: P. Halban, 1988; Emiot I. Birobidzhan Affair: a Yiddish writer in Siberia. Introduction by Michael Stanislawski. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1981; Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917: paradox of survival. Vol. 1–2. New York: New York University Press, 1988; и др.
- ¹¹² Weinberg R. Stalin's forgotten Zion: Birobidzhan and the making of a Soviet Jewish homeland: an illustrated history, 1928–1996 / With an introduction by Zvi Gitelman. Berkeley: University of California Press, Judah L. Magnes Museum, 1998.
- ¹¹³ Pohl J.O. The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953. Jefferson, North Carolina and London: McFarland & Company, Inc., Publishes, 1997; Applebaum A. Gulag: a history. New York: Anchor, 2004; Kizny T. Gulag. Richmond Hill, Ont; Buffalo, N.Y.: Firefly Books, 2004; и др.
- ¹¹⁴ Gregory P.R. The political economy of Stalinism: evidence from the Soviet secret archives. Cambridge, United Kingdom; New York: Cambridge University Press, 2004; Behind the facade of Stalin's command economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives / ed. by P.R. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 2001; The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Foreword by Robert Conquest. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2003; и др.
- ¹¹⁵ Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк. Т. 1. 1985; Т. 2. 1959.
- ¹¹⁶ Лакер У. Черная сотня: истоки русского фашизма / Уолтер Лакер; пер. с англ. В. Меникер. Вашингтон, 1994.
- ¹¹⁷ Стефан Д. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 / пер. с англ. Л.Ю. Мотылева. М., 1992.
- ¹¹⁸ Сайто Такаси. Историческое исследование причин возникновения Второй мировой войны. Токио, 1965.
- ¹¹⁹ In: Japan Echo. 1984. № 11.
- ¹²⁰ Kimura H. The Love-Hate Relations with the Polar Bear // Japan Quarterly. 1981. Vol. 28. P. 43.
- ¹²¹ Nakamura M. Foreign massages for a stronger Japan // Far Eastern Review. 1980. 19 Jun. P. 47.
- ¹²² Такаяяма С. Ниссо канкэй = Японо-советские отношения. Токио, 1978. С. 62–64.
- ¹²³ Дайтоа сэнсо кокан сэн си = Официальная история войны в Великой Восточной Азии. В 102 т. Токио, 1966–1980.
- ¹²⁴ Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 42. Нагао Масао. Экспедиционная армия в Китае в 1945 г. Ч. 1. Токио, 1971; Т. 64. Его же. Экспедиционная армия в Китае в 1945 г. Ч. 2. Токио, 1973.
- ¹²⁵ Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 44. Операции армии на северо-восточном направлении. Ч. 2. Оборона Курильских островов, Сахалина и Хоккайдо. Токио, 1971; Т. 51. Подготовка к решающему сражению на территории Японии. Ч. 1. Оборона района Канто. Токио, 1971; Т. 57. Подготовка к решающему сражению на территории Японии Ч. 2: Оборона Кюсю.
- ¹²⁶ Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 53. Операции ВВС армии на Маньчжурском направлении. Токио, 1972; Т. 55. Экспедиционная армия в Китае в 1942–1943 гг. Токио, 1972.
- ¹²⁷ Хаттори Токусиро. Япония в огне 1941–1945 гг. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. 880 с.: ил.

- ¹²⁸ Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М.: Воениздат МО СССР, 1964.
- ¹²⁹ Футида М., Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй / пер. с англ. М.: Воениздат, 1958; Хорикоши Д., Окумия М., Кайдин М. «Зеро!» (Японская авиация во Второй мировой войне) / пер. с англ. А.Г. Больных. М: ООО «Издательство АСТ», 2001. 461 с.
- ¹³⁰ Ириэ Акира. Тайхэйё сэнсоно кигэн (Происхождение Тихоокеанской войны). Токио, 1991. Akira Irie. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London, 1987; Кокэцу Ацуси. Киндай Нихон сэйгун канкэйно кэнкю (Исследование отношений в новейшей истории Японии политических и военных кругов). Токио, 2010; Нагаи Кадзу. Ниттю сэнсо кара сэкай сэнсоэ (От японо-китайской войны к мировой войне). Токио, 2007.
- ¹³¹ Асада Садао. Гэмбаку токано сэгэки то кофукуно кэттэй (Воздействие атомных ударов и решение о капитуляции). Статья в сборнике «Тай хэйё сэнсоно сюкэцу» (Окончание Тихоокеанской войны). Токио, 1997; Вопрос о причинах капитуляции Японии шире раскрыт в работе Асада Садао «Вступление Советского Союза в войну важнее атомной бомбардировки?» // Сёкун. Сентябрь 2006.
- ¹³² Миякэ Масаки. Сутарин, Хитора то Ниссодокуи рэнго косо (Сталин, Гитлер и идея японо-советско-германо-итальянской коалиции). Токио, 2007. Кокэцу Ацуси. Синряку сэнсо. Рэкиси дзидзицу то рэкиси нинсики (Агрессивная война. Факты истории и историческое мышление). Токио, 1999; Хасэгава Цуёси. Анто. Сталин, Трумэн то Нихон кофуку (Скрытая борьба. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии). Токио, 2006. С. 54–55. См. Tsuyoshi Hasegawa, Racing the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan, (Цуеси Хасэгава, Бегущий наперегонки с врагом: Сталин, Трумэн и Капитуляция Японии.) Harvard University Press, 2005.
- ¹³³ Ёкотэ Синдзи. Дайнидзи тайсэнкино Сорэнно тайнити сэйсаку 1941–1945 (Политика Советского Союза в отношении Японии в годы Второй мировой войны) // Хогаку кэнкю (Исследования проблем юриспруденции). Январь 1998. С. 201–227.
- ¹³⁴ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР // ACTA SLAVICA IAPONICA. 1996. Т. 14. Sapporo. P. 179–198; Soviet Policies toward Mongolia after the Manchurian incident: 1931–1934 / Center for Northeast Asian Studies. Tohoku University. 1998. P. 37–66.
- ¹³⁵ Пак Ген Сик. Документы о насильственной мобилизации корейцев. Токио, 1967. (На яп. яз.); Китахара Митико. Военная мобилизация корейцев на Карафуто // Исследования истории японских корейцев. 1998. № 28 (на яп. яз.); Хаяси Эйдай. Свидетельства о зверских убийствах корейцев на Карафуто. Нагоя, 1991 (на яп.яз.); Миямото М. Японские исследования быта корейцев на Сахалине в период Карафуто // Исторический опыт колонизации Сахалина в период Карафуто: материалы международного симпозиума в Сахалинском государственном университете в мае 2008 года. Хоккайдо, 2010. (На яп. яз.); и др.
- ¹³⁶ Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. Ed. by J.W. Morley. New York: Columbia University Press, 1976. [В сборник вошли переведённые с японского языка очерки: Охата Т. Анतिकоминтерновский пакт, 1935–1939; Ната И. Советско-японская конфронтация, 1935–1939; Хосойя К. Тройственный пакт, 1939–1940].
- ¹³⁷ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 4. С. 552.
- ¹³⁸ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. III. Пекин, 1969. С. 332.
- ¹³⁹ Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чунънань. Диэрцы шицзе дачжань ши (История Второй мировой войны). Пекин, 1982. С. 356; Шицзе лиши. 1985. № 18. С. 10–12; Beijing Review. 1985. № 18; Жэньминь жибао. 1985. 31 авг.
- ¹⁴⁰ Луань Цзинхэ, Сюй Чжиминь. Важный фронт всемирной антифашистской войны – война китайского народа против японских захватчиков // Партитура Второй мировой: Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 129–157.
- ¹⁴¹ Жэньминь жибао. 1985. 31 авг.
- ¹⁴² Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чунънань. Диэрцы шицзе дачжань ши (История второй мировой войны). Пекин, 1982. С. 356.
- ¹⁴³ Ли Тяньцзы. К вопросу о значении антияпонского сопротивления китайского народа в мировой войне против фашизма // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тез. докл. Рос.-кит. науч. конф. Москва,

- 5–6 мая 2015 г. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2015. С. 130–136.
- ¹⁴⁴ Жэньминь жибао. 1985. 16 авг.
- ¹⁴⁵ Хуан Юйчжан и др. Диэрцы шицзе дачжань, 1939–1945 (Вторая мировая война, 1939–1945). Пекин, 1984. С. 523.
- ¹⁴⁶ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1974. С. 425.
- ¹⁴⁷ Чжу Гуйшэн, Ван Чжэнъдэ, Чжан Чунънань. Диэрцы шицзе дачжань ши (История второй мировой войны). Пекин, 1982. С. 356; Чжан Цзипин и др. Диэрцы шицзе дачжань ши (История второй мировой войны). Ланьчжоу, 1984. С. 62.
- ¹⁴⁸ Чэнь Кайке. Советские летчики-добровольцы на антияпонской войне в Китае // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы Междунар. науч. конф. Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2015. С. 277–281; Его же. Помощь добровольческих подразделений Военно-воздушных сил СССР в истории Китая (обзор научных исследований) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3/2 (227). С. 20–34.
- ¹⁴⁹ Ван Сяогэ. Добровольческие отряды ВВС СССР в Японо-китайской войне // Сб. науч. ст. Музея военного дела. 1997. № 2. С. 50–59; Ван Ци. Стратегия СССР на Дальнем Востоке в поздний период Второй мировой войны – Дальневосточная военная кампания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3/2 (227). С. 40–48.
- ¹⁵⁰ Сюэ Сяньтянь. Бессмертные звезды в небе Китая. В память о советских добровольческих подразделениях ВВС, пришедших на помощь Китаю в антияпонской войне // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3/2 (227). С. 35–39.
- ¹⁵¹ Приветственное слово посла КНР в России Ли Хуэя // Константинов Г.Д. Особая интернациональная: 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2015.
- ¹⁵² СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны. М.: Вече, 2015. 160 с.
- ¹⁵³ Ван Чжичэн. Шанхай цзяо ши. (История российской эмиграции в Шанхае). Шанхай, 1993.
- ¹⁵⁴ Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. Хаэрбинэцяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин, 1998.
- ¹⁵⁵ Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэньюй фупин. Эго цяоминьцзай Чжунго (Ряска в непогоду: русские эмигранты в Китае). Пекин, 1997.
- ¹⁵⁶ Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлунцзян иминьгайяо (Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1987.
- ¹⁵⁷ Ли Дэбин, Ши Фан. Краткий очерк... С. 91, 141; Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. История русской эмиграции... С. 81.
- ¹⁵⁸ Жао Лянглун. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1988. С. 288.
- ¹⁵⁹ Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэн юй фупин. Эго цяоминь цзай Чжунго (Ряска в непогоду: русские эмигранты в Китае)... С. 415–416.
- ¹⁶⁰ Ван Чжичэн. Шанхай цзяо ши (История российской эмиграции в Шанхае)... С. 80–87, 328.
- ¹⁶¹ Че Чуньин. Благотворительная деятельность русской колонии в Китае // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая Междунар. науч. конф. Владивосток, 12–14 окт. 2016 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 363.
- ¹⁶² Юэ Фэн. Православные проповедники и культура Китая // История Российской духовной миссии в Китае: Сб. статей. М., 1997; Чжан Суй. Дунчжэнцзяо хэ дунчжэнцзяо дцзай джунго (Православие и история православия в Китае). Шанхай, 1986; Ли Шу Хиао. Деятельность Харбинской православной епархии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 172–174; и др.

Глава 1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Версальско-вашигтонская система международных отношений 1920–1930-х гг. упорядочила политическую карту мироустройства, но не устранила ни национальные, ни социально-экономические противоречия между странами. Ведущие западноевропейские державы, преследуя определенные геополитические цели, с помощью Лиги Наций стремились закрепить свое доминирующее положение, отстранили СССР от решения проблем международного сотрудничества, что не позволило обеспечить безопасность на Европейском и Азиатском континентах.

1.1. Дальневосточный вектор советско-китайского сотрудничества

Советско-китайские отношения развивались в тесной взаимосвязи со сложившейся ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В начале японо-китайской войны СССР усилил политическую, военно-техническую, экономическую и финансовую помощь Китайской Республике, поддерживал её в международных организациях и дипломатической переписке. Особое место занимала проводимая через Коминтерн (вплоть до его самороспуска в 1943 г.) политика укрепления в стране внутривнутриполитического единства как необходимого условия организованного сопротивления агрессору¹.

В июле 1937 г. Чан Кайши активизировал переговорный процесс с советским правительством по заключению советско-китайского двустороннего договора. «Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой» был подписан 21 августа 1937 г. сроком на 5 лет с последующей пролонгацией каждые 2 года. С советской стороны документ подписал полпред СССР в Китае Д.В. Богомолов, с китайской – министр иностранных дел Китая Ван Чжунхай.

Договор не предполагал советско-китайского военного союза, как рассчитывал Чан Кайши. Однако в нём осуждалась японская агрессия против Китая, и, главное, статьи документа не возлагали на СССР прямых обязательств помогать Китаю в войне против Японии, но и не лишали его такого права, не давая Японии формального повода для агрессивных действий против Советского Союза. Стороны обязались «...воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению»².

«Договор о ненападении» явился первым документом в сфере дипломатических отношений, закрепившим сотрудничество двух стран в рамках противодействия агрессии, ознаменовав начало стратегического сотрудничества между

Китаем и Советским Союзом, первым шагом на пути формирования антифашистской коалиции, оказавшей влияние на ход Второй мировой войны³.

Расширение Японией агрессивных действий по отношению к Внутреннему Китаю поставило на повестку дня вопрос о сплочении патриотических сил китайского народа. СССР выступил за создание единого антияпонского фронта в Китае на базе военно-политического союза Коммунистической партии Китая и Гоминьдана (Национальная народная партия – Kuomintang or Guomindang). Мысль о том, что прекращение гражданской войны, создание единого фронта является неременным условием улучшения отношений с СССР и получения от него материальной помощи в войне с Японией, находила в Китае всё больше сторонников среди патриотических сил и среди высшей гоминьдановской военной и политической элиты⁴.

В сентябре 1937 г. правительство Чан Кайши официально дало согласие на создание единого фронта с Коммунистической партией Китая для отражения японской агрессии и обратилось к правительству СССР за поддержкой китайского народа в его антияпонской освободительной борьбе. 1 марта 1938 г. СССР и Китай заключили соглашение о предоставлении кредита на сумму 50 млн долл. из расчёта 3% годовых (предполагалось ежегодно возвращать кредит товарами и сырьём на сумму 10 млн долл.), 1 июля 1938 г. – на сумму 50 млн долл. и 13 июня 1939 г. – на сумму 150 млн долл. на аналогичных условиях⁵.

В отличие от Англии и США, которые в качестве гарантии за предоставление кредитов требовали политических (право контроля над китайскими таможнями и рудниками) и экономических преференций (цены на поставляемые китайские товары должны быть ниже рыночных цен на четверть), СССР соглашался на то, чтобы Китай расплачивался товарами на льготных условиях⁶. Сроки погашения кредитов составляли от 5 до 13 лет. Китай, не имевший свободной иностранной валюты, погашал их поставками в СССР сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых, причём зачастую цены на китайские товары были выше среднемировых на 30–50%⁷.

Значение этих соглашений для Китая было весьма велико, поскольку по существу они являлись единственным дополнительным источником для ведения войны против японской агрессии. 16 июня 1939 г. между СССР и Китаем был подписан торговый договор, предусматривавший на правах взаимности решение вопросов торговой деятельности и мореходства. По его условиям стороны пользовались режимом наибольшего благоприятствования во всём, что касалось ввоза товаров, захода морских судов в порты каждой из сторон и пользования там причалами и портовыми сооружениями, обложения пошлинами и сборами. Договор закладывал прочные основы для развития торговли между СССР и Китаем и укреплял позиции последнего в его отношениях с другими странами⁸.

На основании соглашения СССР начал поставлять в Китай вооружение и имущество для армейских формирований Гоминьдана и КПК, в том числе самолёты, а также направил советников и лётчиков для участия в боевых действиях. Уже в счёт первого кредита Китай закупил в СССР вооружение более чем для 20 дивизий, которое переправлялось как морским путём, так и сухопутным – через Сынцзян.

Сотни советских добровольцев вместе с китайским народом сражались против японских захватчиков. Большую роль в защите воздушного пространства Китая сыграли советские лётчики. К 21 октября 1937 г. в Алма-Ату приехали

около 450 добровольцев, в том числе авиационные техники. До середины февраля 1939 г. в Китае в течение разных сроков находилось 712 добровольцев – лётчиков и авиатехников⁹.

С сентября 1937 г. по июнь 1941 г. СССР поставил Китаю 904 самолёта (318 средних и тяжёлых бомбардировщиков, 542 истребителя и 44 учебных самолёта), 82 танка, 602 тягача, 1516 автомобилей, 1140 орудий, 9720 ручных и станковых пулемётов, 50 тыс. винтовок, около 180 млн патронов, 31,6 тыс. авиабомб, около 2 млн снарядов и другое вооружение и материалы¹⁰.

С октября 1937 г. по июнь 1941 г. были полностью оснащены советским артиллерийским вооружением свыше 40, а стрелковым – около 50 пехотных дивизий китайской армии. Поставки оружия и боевой техники дали возможность практически воссоздать военно-воздушные силы, артиллерию и бронетанковые войска Китая. Он получал из СССР вооружение более четырёх лет, до нападения Германии на Советский Союз.

Существенную помощь оказывали советские военные советники, первая группа которых прибыла в июне 1938 г., в октябре 1939 г. в Китае находился 81 советник, к началу 1941 г. – 140 чел. Среди них были уже известные советские военачальники, имевшие опыт Гражданской войны в России, некоторые из них являлись советниками во время гражданской войны в Испании и в прежние годы в Китае: В.И. Чуйков, А.И. Черепанов, П.Ф. Батицкий, П.Ф. Жигарев, А.Я. Калягин, П.С. Рыбалко, П.В. Рычагов и мн. др. К середине февраля 1939 г. в Китае работали 3665 советских инструкторов, военных лётчиков-добровольцев, гражданских лётчиков, техников, шоферов. Непосредственно в боевых операциях участвовали 2 тыс. лётчиков-добровольцев, более 200 из них отдали жизнь за свободу китайского народа¹¹.

Активная помощь СССР сыграла огромную роль в срыве планов Японии – молниеносного разгрома не готовой к войне китайской армии. В первой половине 1940 г. Чан Кайши направил ряд писем в Москву – И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову, в которых благодарил за поддержку и просил в дальнейшем оказывать помощь Китаю, чтобы китайский народ смог завершить дело освобождения своей родины. При этом, пользуясь тем, что из-за обострения противоречий с США Япония, по существу, прекратила крупномасштабные операции в Китае, Чан Кайши инициировал прямые враждебные акции гоминьдановских войск против вооружённых сил КПК. Поэтому в 1940–начале 1941 г. Советский Союз сократил военные поставки, поскольку они использовались не для борьбы с японской агрессией, а против китайского народа. Советская дипломатия предостерегала гоминьдановское правительство относительно того, что «...гражданская война будет губительной для Китая»¹². Тем не менее СССР продолжал поддерживать Китайскую Республику.

Нападение немецко-фашистских войск на Советский Союз радикально изменило международную обстановку в мире, и советско-китайские отношения перешли в новую фазу. 8 декабря 1941 г. Чан Кайши вручил советскому послу декларацию, в которой заявил о готовности Китая вступить в войну против держав оси Берлин – Рим – Токио, выражая надежду на то, что СССР вступит в войну с Японией.

Советское правительство, опасаясь втянуть страну в войну на два фронта, 12 декабря 1941 г. официально отклонило предложение Чан Кайши. В ответе И.В. Сталина отмечалось, что антияпонский фронт на Тихом океане, равно

как и антияпонская борьба в Китае, является частью общего фронта против стран оси. Одновременно он сообщил, что советские войска ведут тяжёлые бои с гитлеровской Германией, и борьба на Западе также является важной частью общего антифашистского фронта.

Несмотря на отказ СССР вступить в войну с Японией, советско-китайские межгосударственные отношения имели доверительный характер как с официальным правительством Чай Кайши, так и с руководством ЦК КПК. Поставки оружия продолжались в основном через гоминьдановские структуры, китайское правительство регулярно получало информацию о тех или иных шагах Москвы в данном направлении¹³.

Оказывая помощь Китаю в войне с Японией, советское правительство ожидало, что Гоминьдан и КПК начнут наступательные операции против Квантунской группировки войск, ослабив тем самым вероятность вступления Японии в войну против Советского Союза. Однако партийные руководители имели свои стратегические планы. Мао Цзэдун считал, что более выгодно вести партизанскую войну, не ввязываться в крупные сражения и сохранять силы для решающих схваток за власть. В свою очередь, Чан Кайши планировал использовать создавшуюся международную обстановку (занятость СССР в войне с Германией и подготовку Японии к нападению на Советский Союз) для разгрома Коммунистической партии Китая¹⁴, что спровоцировало обострение советско-китайских отношений.

Из-за тяжёлого положения на советско-германском фронте СССР с трудом поддерживал прежний уровень военных поставок Китайской Республике. В середине 1943 г. советское руководство вынуждено было принять в одностороннем порядке решение об отзыве своих военных советников из Китая, мотивируя этот шаг потребностью в военных специалистах. Началась ликвидация советских торговых организаций в провинции Синьцзян, последовало сокращение экспорта из СССР жизненно важных для населения товаров – хлопчатобумажных тканей, сахара, муки и других продуктов питания, до минимума сократились поставки промышленного и транспортного оборудования, нефтепродуктов. При этом СССР сохранил влияние на ситуацию в Китае, что позволило ему параллельно с американской дипломатией предотвратить в 1943 г. междуусобную войну Гоминьдана и КПК, а по мере кардинальных изменений ситуации на советско-германском фронте возобновить процесс нормализации отношений с Китайской Республикой.

В конце 1944 г. при посредничестве Советского Союза между Гоминьданом и коммунистической партией начался переговорный процесс по вопросам укрепления национального единства в стране, активизации военных действий против Японии и развёртывания на оккупированных Японией китайских территориях партизанского движения. Для советской стороны партизанское движение являлось фактором сдерживания японской агрессии против СССР.

Развернув партизанскую войну на Северо-Востоке Китая после японской оккупации региона в сентябре 1931 г., китайские патриоты положили начало антияпонскому сопротивлению. В январе 1936 г. в уезде Тяньюань – опорной базе партизан – состоялся объединительный съезд представителей партизанских отрядов и патриотических организаций, который принял решение об укреплении единого антияпонского национального фронта и создании Северо-восточной антияпонской объединённой армии¹⁵. Она состояла из трёх воинских формирований: 1-е (командующий – Ян Цзинъюй, действовало в провинции Ляонин),

2-е (командующий – Чжоу Баочжун, действовало в провинции Гиринь) и 3-е (командующий – Ли Чжаолинь, действовало в провинции Хэйлунцзян). К июлю 1937 г. освободительная армия насчитывала 44 тыс. чел., а численность всех вооружённых партизанских отрядов на Северо-Востоке Китая составляла примерно 50 тыс. чел.¹⁶

Армия вела партизанскую войну в районах, расположенных вдали от крупных городов, успешно действовала в провинции Цзилинь вблизи пограничных районов СССР. В 1938 г. японское командование развернуло в бассейнах рек Амур, Сунгари и Уссури крупномасштабную карательную экспедицию 24-тысячного корпуса армейских частей Маньчжоу-го против плохо вооружённых и малознакомых с военным делом китайских партизан, что привело к уничтожению более 3 тыс. повстанцев. Окружённые остатки китайских армейских и партизанских формирований, мирное население Маньчжурии повсеместно переходили дальневосточную границу в поисках спасения на территории СССР¹⁷.

Для поддержки китайских партизан 15 апреля 1939 г. последовало указание Наркомата обороны и Наркомата внутренних дел СССР «Об оказании помощи китайскому партизанскому движению в Маньчжурии», по которому разрешалось оказывать отрядам китайских партизан помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Китайцев из числа партизан после проведённой органами НКВД проверки для выявления японских шпионов небольшими группами перебрасывали в Маньчжурию «...в разведывательных целях и в целях оказания помощи партизанскому движению»¹⁸.

В этот период в Китае появились такие руководители, как Чжоу Баочжун на востоке, Ли Чжаолинь, Фын Чжунюнь на севере и Ким Ир Сен на юге Северо-Восточного Китая¹⁹. В неравной борьбе погибли большинство руководителей объединённой антияпонской армии и маньчжурской организации Коммунистической партии Китая – Ян Цзиньюй, Бэй Ян, Вэй Чэньминь, Чжао Шанчжи, Ся Юньцзе, Ван Дэтай, а также тысячи командиров, политработников и рядовых бойцов²⁰.

Для сохранения сил и подготовки к будущим боевым действиям уцелевшие отряды сосредоточились на северной границе, откуда они регулярно переходили на советскую территорию до середины 1942 г. Всего с 1940 по 1941 г. на территорию СССР под руководством Чжоу Баочжун было переправлено более 600 чел.²¹ Они отдыхали и лечились, а затем возвращались в Маньчжурию. По воспоминаниям бывшего партизанского командира генерала Ван Мингуя, его отряд, действовавший в горах Большого Хингана, подвергся ожесточённому натиску японцев. За два месяца боёв 1940 г. он поредел более чем на 2/3, в строю оставались лишь 60 чел., да и те в большинстве своём раненые. В создавшихся условиях было принято решение перейти на территорию СССР, где после реформирования отряда и пополнения боеприпасов они снова вернутся в Большой Хинган для продолжения партизанской борьбы²².

Воинские формирования антияпонских сил и партизанские отряды располагались на советской территории в двух лагерях – южном и северном: северный лагерь (или лагерь «А») находился на правом берегу р. Амур в районе г. Хабаровск, южный (лагерь «Б») – вблизи небольшой железнодорожной станции Манзовка (ныне Сибирцево) Приморского края. На базе этих лагерей на основании приказа за № 00132 от 21 июля 1942 г. командующего Дальневосточным фронтом генерала армии И.Р. Апанасенко создана интернациональная 88-я отдельная

стрелковая бригада, включённая в состав Красной армии. Официально бригада создана под названием: 88-я Отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта РККА (войсковая часть 8461). Целью создания этого формирования являлась подготовка национальных военных кадров для объединённых армий сопротивления на Северо-Востоке Китая. Бригада вошла в состав 5-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта. В случае войны с Японией предполагалось также использовать её подразделения в тылу Квантунской группировки войск²³.

Командиром бригады был назначен майор (впоследствии подполковник) Чжоу Баочжун, комиссаром – майор Чжан Шоуцзян (Чжан Шоуцань), начальником штаба с января 1943 г. – майор В.А. Самарченко, а начальником разведки – Фын Чжунъюань. Командиром 1-го батальона, состоявшего из корейцев, стал капитан Цзин Жичэн, он же – Ким Ир Сен.

Таким образом, Чжоу Баочжун, объединив северный и южный лагеря, принял под своё командование 1500 чел.²⁴ В штабе Дальневосточного военного округа вручили боевое знамя бригады. Она состояла из четырёх учебных батальонов и двух рот прямого подчинения. В 1943 г. личный состав интернациональной бригады увеличился до 3000 чел.²⁵ Костяк её подразделений составляли китайцы и корейцы – участники антияпонского сопротивления, а также советские граждане китайской и корейской национальности, нанайцы, эвенки, ульчи и другие представители малочисленных народов Дальнего Востока. Постоянным местом дислокации бригады стало с. Вятское-на-Амуре (с. Вятское) в 72 км от Хабаровска.

Военная учёба личного состава началась весной 1941 г., ещё до официального утверждения приказа о создании бригады. Занятия вели офицеры – преподаватели и инструкторы РККА. Они обучали стратегии и тактике, правилам ведения боя и взаимодействию партизанских отрядов с регулярной армией, радиотехнике, оказанию медицинской помощи и правилам санитарии. Большое внимание уделялось вопросам конспирации, скрытности, изучению обстановки в районе ведения разведки, знанию работы контрразведывательных служб Японии. Проводились занятия по десантированию, которые вели советские специалисты. В июле 1941 г. Чжоу Баочжун приказал всем бойцам пройти месячную тренировку на большом аэродроме в Хабаровске. Известно, что десантную подготовку прошли и 32 женщины²⁶. Также изучали язык, быт и нравы населения тех мест, где предстояло вести разведку. Через определённое время бойцы, прошедшие подготовку, возвращались на Северо-Восток Китая воевать против японцев²⁷.

В 1941–1945 гг. из состава бригады регулярно формировали небольшие подразделения или специальные группы, которые отправляли на китайскую территорию для разведки и проведения военных операций. Всего до августа 1945 г. было послано более 30 отрядов общей численностью свыше 300 чел. Доставленные ими сведения об японской армии были очень важны для советского командования. Информация касалась ситуации в более чем 30 уездах китайского Северо-Востока, где японцы возвели 17 военных укрепрайонов. Разведгруппы доставали сведения о расположении боевых частей, их численности, количестве артиллерийских боеприпасов, наличии аэродромов, мостов, о передвижении войск противника. Благодаря разведчикам накануне вступления в войну с Японией советская сторона располагала подробной картой японской обороны в приграничных районах Китая²⁸.

В конце июля 1945 г. из состава бригады отобрали 340 командиров и бойцов, которых после специальной подготовки направили в различные соединения в качестве проводников на местности, а некоторые из них участвовали в специальных операциях совместно с китайскими воинскими формированиями²⁹. В ночь на 8 августа 1945 г. около десяти небольших китайских отрядов вылетели на советских самолётах и десантировались в районах Северо-Востока Китая, где участвовали в боях за освобождение Маньчжурии.

Советское правительство высоко оценило вклад, который внесли в дело освобождения Маньчжурии от японской оккупации силы 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта. 29 августа 1945 г. около 100 её военнослужащих награждены советскими боевыми орденами и медалями. Подполковник Чжоу Баочжун, майор Чжан Шоуцзян, капитаны Ким Ир Сен, Ван Сяомин, Ван Мингуй и ряд других командиров и бойцов удостоены ордена Красного Знамени. Кроме того, все командиры и бойцы бригады получили медаль «За победу над Японией». В 1945 г. бойцы и офицеры 88-й бригады – китайские граждане – были включены в состав китайской Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, став её мощным высококвалифицированным костяком, а впоследствии вошли в состав Народно-освободительной армии Китая.

Незадолго до окончания Второй мировой войны, 14 августа 1945 г., в Москве был заключён «Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем» сроком на 30 лет. Он предусматривал военное сотрудничество СССР и Китая в целях предотвращения повторения военной агрессии со стороны Японии, а также экономическое сотрудничество для восстановления хозяйства обеих сторон. Были заключены вытекающие из принципов Договора соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре, порте Дальний, а также соглашение об отношениях между советским командованием и китайской местной администрацией после вступления войск СССР на территорию Маньчжурии, связанное с боевыми действиями против Квантунской армии. Для Советского Союза данные документы имели большое значение, так как СССР возвращались права и привилегии, которыми пользовалась в прошлом Россия в Маньчжурии по договору 1896 г. и по другим соглашениям с Китаем, утраченным в результате поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Договор и соглашения предусматривали совместную эксплуатацию в течение 30 лет КЧЖД на правах общей собственности, совместное пользование военно-морской базой Порт-Артур и объявление Дальнего свободным портом с передачей в аренду СССР пристаней и сооружений³⁰. Эти незамерзающие порты позволяли беспрепятственный выход военным и торговым судам СССР на просторы Тихого океана, а Китайско-Восточная железная дорога и Южно-Маньчжурская железная дорога, построенные в своё время на русские деньги, обеспечивали кратчайший путь, связывающий Москву с дальневосточными рубежами СССР. Вместе с железными дорогами в совместную с Китаем собственность переходили десятки крупных промышленных предприятий и многие другие объекты, также построенные Россией.

Китайское правительство согласилось на паритетное использование мощного военно-промышленного и хозяйственного комплекса в Маньчжурии, что укрепило не только экономические, но и политические, и военно-оборонительные стратегические позиции СССР на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В экономическом отношении Маньчжурия обладала мощным по тем

временам промышленным потенциалом и располагала богатыми природными ресурсами. В перспективе советско-китайское сотрудничество в Северо-Восточном Китае могло послужить базой для развития районов советского Дальнего Востока и Сибири. Договор от 14 августа 1945 г. гарантировал возвращение северо-восточных территорий под суверенитет Китая и рассеивал укоренившиеся в правящих кругах Гоминьдана опасения, что после поражения Японии они не будут возвращены Китаю³¹.

Уже в первые дни военных действий в Маньчжурии против Японии советские военно-транспортные организации, продвигаясь вслед за передовыми частями Красной армии, принимали на себя управление транспортом, выполняли большой объём восстановительных работ³². К 1 сентября 1945 г. основная железнодорожная магистраль на всём своём протяжении (ст. Маньчжурия – Харбин – ст. Пограничная – направление на Владивосток) была перешита с узкой японской колеи (1435 мм) на стандартную русскую (1524 мм), на южном направлении (Харбин – Мукден – Дальний) оставлена японская (европейская по стандарту) колея³³.

После разгрома Квантунской группировки войск в Маньчжурии СССР оказывал содействие в восстановлении транспортных коммуникаций Северо-Восточного Китая, что ускорило стабилизацию экономической жизни региона, а также имело решающее значение для наступления войск Народно-освободительной армии Китая на территориях, контролируемых Гоминьданом.

Таким образом, Китай, оказавший сопротивление агрессии милитаристской Японии, понёс огромные жертвы в годы Второй мировой войны. Согласно данным китайских и российских исследователей, Китай за время войны потерял около 40 млн чел., включая приблизительно 4–5 млн китайских солдат и офицеров и более 35 млн чел. мирного населения страны; косвенные потери китайской экономики оцениваются в 500 млрд долл.³⁴

Советско-китайское сотрудничество в годы войны сочетало политику защиты государственных интересов СССР с интернациональной помощью Китаю в его борьбе с японской агрессией. Советская военная и военно-техническая помощь, финансовая и политическая поддержка предотвратили капитуляцию Китайской Республики в антияпонской войне, вывела её из международной изоляции, превратив в активный субъект международной политики.

1.2. Советско-японские отношения

Пришедшее к власти в июле 1940 г. японское правительство во главе с Ф. Коноэ одобрило внешнеполитическую программу, предусматривающую укрепление союза Японии с Германией и Италией, стабилизацию японо-советских отношений для завершения войны в Китае и подготовку к началу военных действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии.

13 апреля 1941 г. был заключён советско-японский пакт о нейтралитете сроком на пять лет, где обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные отношения, уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В тексте соглашения говорилось, что если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, то другая будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего

конфликта. Одновременно была подписана совместная декларация о взаимном уважении неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и государственного образования Маньчжоу-го³⁵.

В отличие от политиков, негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Москвой военные круги Японии не придавали ему особого значения. На этот счёт определённо высказался в апреле 1941 г. японский военный министр Х. Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»³⁶. 22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Ё. Мацуока стал убеждать императора, не отказываясь от выступления на юге, скорее нанести удар по Советскому Союзу: «...Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытаскишь тигренка. Нужно решиться»³⁷.

Опубликованные в Японии совершенно секретные стенограммы заседаний японского правительства и императорской ставки свидетельствуют о том, что японцы, особенно генералитет, не собирались следовать положениям пакта о нейтралитете. Увеличенная за июль–август более чем вдвое японская группировка войск в Маньчжурии и Корее была готова в любой момент перейти границу и развивать наступление вглубь советской территории в Приморье, Амурской области и Забайкалье³⁸.

Генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали план военно-стратегических операций против СССР, который корректировался исходя из геополитической ситуации в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению японских военно-политических кругов, с началом войны между Германией и СССР предпочтительно «сохранение спокойствия» в отношениях между СССР и Японией с тем, чтобы вывести Советский Союз из военного противостояния с Германией и, включив его в свой лагерь, сосредоточить немецкие и японские силы на военных действиях против США и Англии.

Рассматривались два варианта вывода СССР из войны: дипломатический, через посредничество Японии при заключении мира между СССР и Германией, и военный – присоединение к войне против Советского Союза. Первый вариант позволял добиться выгодных для Японии условий посредством дипломатических усилий, второй – достичь того же результата, нанеся Советскому Союзу поражение, ударив одновременно с востока и запада³⁹.

Оба подхода обсуждались в японских правительственных и военных кругах лишь в качестве потенциальных, однако с началом военных действий на Тихом океане стали рассматриваться как актуальные альтернативы. Германия требовала от Японии именно вступления в войну с СССР, да и в генеральном штабе японской армии было немало тех, кто поддерживал такой выбор. Однако нанести удар по Советскому Союзу, как того требовала Германия, означало сражаться одновременно на юге и на севере, что было затруднительно как исходя из потенциала страны, так и с точки зрения реализации военных планов, исходивших из представления о несокрушимости Германии и возможной капитуляции Англии.

Япония не отказывалась от планов угрожать Британской империи посредством совместных японско-немецких операций в Западной Азии. В любом случае выбор в пользу удара по Советскому Союзу был возможен при реализации следующих сценариев: абсолютного превосходства немецкой армии над советскими войсками или размещения на территории советского Дальнего Востока

американских военных баз для бомбардировки японских островов.

В конце июля 1942 г. координационный совет императорской ставки и правительства принимает решение не выполнять просьбу Германии о начале военных действий против СССР, но, с другой стороны, в Токио прорабатывается внешнеполитический курс на включение СССР в лагерь оси Берлин – Рим – Токио посредством советско-германского примирения, которое рассматривалось в качестве средства для обеспечения выгодных для Японии позиций в войне против Англии и США. Представители армии и флота обсуждали такую возможность и зондировали на этот счёт почву через немецкое посольство в Японии. Министр иностранных дел Т. Сигэнори убеждал всех содействовать советско-германскому миру, утверждая, что «...в нынешней войне война дипломатическая – это борьба за СССР». Однако в начале 1943 г. стало очевидно, что Гитлер ожидает не мира с Советским Союзом, а вступления Японии в войну против СССР⁴⁰. После Сталинградской битвы в Токио пришли к выводу, что начинать войну с СССР опасно.

В отношениях СССР и Японии во время войны большое внимание уделялось проблеме японских концессий на Северном Сахалине и предоставления японским предпринимателям рыболовных участков в советских территориальных водах. Японская сторона старалась не поднимать данные вопросы на двусторонних переговорах, а министр иностранных дел С. Того в феврале 1942 г. даже пояснил, что «...можно продолжать политику затягивания в решении вопроса о возвращении концессий на Северном Сахалине»⁴¹.

Противники переговоров с СССР по экономическим проблемам составляли большинство в правительственных и военных кругах Японии. Они полагали, что сближение с Советским Союзом повлечёт за собой охлаждение в отношениях с Германией, и диалог начался только при министре иностранных дел Сигэмицу Мамору (апрель 1943 г.–март 1945 г.), который настаивал на том, что «...укрепление дружественных отношений с СССР есть дело безотлагательное, требующее первоочередного внимания». В июне 1943 г. В.М. Молотов напомнил полномочному представителю Японии в СССР Н. Сато об условиях заключения 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией, о заверении Ё. Мацуока о ликвидации концессии на Сахалине в течение нескольких месяцев, а в мае 1943 г. – о готовности Японии разрешить вопрос о концессиях в течение шести месяцев.

На координационном совете 19 июня 1943 г. принимается решение – передать концессии на Северном Сахалине советской стороне с компенсацией, так как их передача без реальной прибыли для Японии окажет негативное влияние на ситуацию внутри страны. В качестве компенсации наряду с денежным возмещением Япония потребовала от СССР ежегодных поставок в течение пяти лет по 200 тыс. т нефти и 100 тыс. т угля. Однако советская сторона эти условия отвергла, и переговоры были перенесены на следующий год. В конце января 1944 г. В. Молотов предложил компромиссный вариант, предполагающий денежную компенсацию в размере 5 млн руб. и ежегодные поставки 50 тыс. т нефти в течение пяти лет после завершения войны. Японская сторона, будучи неудовлетворенной, все же усмотрела в данном предложении возможность отстоять принцип «передачи с компенсацией» и 2 февраля 1944 г. согласилась на предложенные условия⁴².

Параллельно обсуждались и проблемы рыболовства, традиционно являвшиеся наиболее важными в экономических отношениях между Советским Союзом

и Японией и оказывавшие влияние на политический климат в двусторонних отношениях. В центре проблемы находились вопросы японского рыболовного промысла в советских территориальных водах, регулируемые советско-японской рыболовной конвенцией 1928 г., срок которой истёк в 1936 г. Она ежегодно продлевалась на один год (последний раз 25 марта 1943 г.). Исходя из того, что в бассейне Тихого океана шли военные действия, Советский Союз предложил японской стороне не только воздерживаться от заходов рыболовных судов в заливы и устья рек, закрытых по конвенции 1928 г., но и отказаться от управления рыболовными участками у восточных берегов п-ова Камчатка и Олюторского залива. Этот район должен считаться закрытым для военных операций военно-морского флота, сухопутных и военно-воздушных сил Японии до окончания войны на Тихом океане. Советская сторона обращала внимание японских партнёров на то, что в 1942 г. только 15 из 149 предоставленных Японии рыболовных участков эксплуатировались японскими рыбопромышленниками, а в 1943 г. их эксплуатация вовсе прекратилась⁴³.

После длительных переговоров 30 марта 1944 г. протокол о продлении советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. был подписан (одновременно с протоколом о ликвидации японских концессий на Сахалине). В ноте полномочного представителя Японии в СССР Н. Сато на имя заместителя министра иностранных дел СССР С.А. Лозовского выражалось согласие закрыть до окончания войны на Тихом океане рыболовные участки у восточного побережья п-ова Камчатка и в Олюторском заливе. Японские газеты поместили полные тексты этих документов и коммюнике информбюро Японии, в котором, как отмечал полномочный представитель СССР в Японии Я.А. Малик, подписанные советско-японские протоколы нарочито увязывались с договоренностями между Токио и Москвой, зафиксированными в советско-японском пакте о нейтралитете 1941 г.⁴⁴

Разрешение вопросов концессий и рыболовства вселило в японское руководство надежду на улучшение японо-советских отношений, что воспрепятствует «...активизации процесса формирования кольца окружения против Японии» американцами, англичанами и русскими, позволит выступить посредником в установлении мира между СССР и Германией и достичь компромисса с СССР по вопросу Китая.

Проблема советско-японских конфликтов в связи с препятствиями судоходству в морях Дальнего Востока имеет большое значение с точки зрения понимания того, как обе стороны соблюдали пакт о нейтралитете. В официальных советских документах, которые фигурировали на Токийском процессе 1946–1948 гг. над главными японскими военными преступниками, утверждается, что с июня 1941 г. по 1946 г. военно-морской флот Японии задержал 178 и потопил 18 советских торговых судов, нанеся СССР убытки на общую сумму в 637 млн руб.⁴⁵

Факты препятствия со стороны Японии в отношении СССР постоянно приводятся в советской и российской историографии для доказательства несоблюдения Японией пакта о нейтралитете с СССР⁴⁶. Однако российские историки (К.Б. Стрельбицкий, К.Е. Черевко) подчёркивают, что советские суда были потоплены американскими подводными лодками по ошибке. Американские подводники действовали на Тихом океане под девизом «Топи их всех!», зачастую не заботясь ни о судах своих союзников по антигитлеровской коалиции, ни о спасении их команд. За 1941–1945 гг. американские подводные лодки потопили

в Тихом океане 6 советских судов – 5 грузовых и 1 рыболовный траулер. При этом погибли 128 советских граждан, находившихся на борту, в том числе 21 женщина и трое детей. В этот же период Дальневосточное морское пароходство потеряло от действий японской авиации суда «Перекоп» и «Майкоп» и артиллерии – «Кречет».

В результате проведённых в последние годы исследований известно, что за всю войну на Тихом океане командование подводных лодок японского флота, опасаясь нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете, не потопило ни одного советского судна. Советские суда также опасались проявлять враждебность и стремились не давать поводов Японии для вступления в войну против СССР на стороне Германии. Однако в 1942 г. все же имело место исключение из этого правила, когда советский пароход «Уэлен» потопил у берегов Австралии японскую подводную лодку и советские моряки были награждены правительственными наградами⁴⁷.

Советское руководство имело все основания рассматривать Японию не как нейтральное, а как враждебное государство, активно помогавшее Германии в войне. По мере улучшения ситуации на советско-германском фронте проекты участия СССР в разгроме Японии стали приобретать практическое значение. Впервые Советский Союз заявил о своём решении присоединиться к вооружённой борьбе против милитаристской Японии на Тегеранской конференции. Там И.В. Сталин подчеркнул, что СССР пока не может присоединиться к войне против Японии: «...это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать, а тогда общим фронтом против Японии»⁴⁸.

Это оказало серьёзное влияние на выработку стратегических планов США и Великобритании в Тихоокеанской войне и последующих шагах правительства Японии. Уже в сентябре 1944 г. Генеральный штаб Японской империи отменил действовавший с некоторыми изменениями с 24 апреля 1942 г. план нападения на СССР под названием «Основной курс разрешения северной проблемы» и приступил к составлению оперативного плана оборонительных мероприятий на случай объявления Советским Союзом войны Японии⁴⁹.

Японская дипломатия предприняла ряд шагов, направленных на то, чтобы избежать безоговорочной капитуляции и найти пути для достижения компромиссного мира. Она действовала по трём направлениям: во-первых, японское правительство стремилось заключить сепаратный мир с чанкайшистским Китаем; во-вторых, – начать переговоры о мире непосредственно с США и Великобританией; в-третьих, – использовать Советский Союз в качестве посредника в переговорах и удержать его от вступления в войну. Япония стремилась получить от СССР подтверждение отказа от вступления в войну с ней либо путём пролонгации пакта о нейтралитете, либо заключением нового договора, лучше всего пакта о ненападении. Она была готова выполнить все требования СССР в том случае, «...если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключён общий мир при посредничестве Советского Союза»⁵⁰.

Известны попытки японского правительства установить новые контакты с СССР, послав в Москву специальную миссию с предложением посредничества Японии в достижении перемирия между СССР и Германией. Эту идею СССР отверг, и в условиях изменившейся военной ситуации правительство Японии выступило с новым предложением – СССР должен стать посредником в мирных переговорах между США и Великобританией с одной стороны и Японией – с другой.

Окончательно вопрос об участии СССР в войне с Японией был решён в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции союзных держав – СССР, США и Великобритании. В Ялте для У. Черчилля было важно склонить И. Сталина к политическим уступкам в Европе, а Ф. Рузвельт стремился добиться определения даты вступления СССР в войну с Японией. Президент США откровенно заявлял, что он не хочет высаживать американские войска в Японии, если можно будет обойтись без этого. По этому поводу лучше всего высказался государственный секретарь Соединённых Штатов Э. Стеттиниус: «...без участия России победа над Японией обойдется США в миллион жизней»⁵¹.

11 февраля 1945 г. в ходе Крымской конференции было подписано соглашение, определявшее условия участия СССР в войне с Японией. Оно предусматривало согласие руководителей трёх великих держав – Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании в том, что через 2–3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1) сохранения статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2) восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации КВЖД и ЮМЖД, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохранит в Маньчжурии полный суверенитет;

3) передачи Советскому Союзу Курильских островов⁵².

В секретном соглашении в части, касающейся обязательств союзников о территориальных изменениях после выполнения Советским Союзом своих обязательств, обращает на себя внимание тот факт, что в окончательном тексте документа Курильские острова были выделены в отдельный пункт в качестве территории, которая не возвращается, а передаётся Советскому Союзу.

Достигнутое в Ялте соглашение о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке с облегчением было воспринято союзниками. Командование США весьма беспокоила переброска сохранявшей свою боевую мощь Квантунской армии в метрополию, что значительно усиливало японскую оборону в случае вторжения союзных войск. Предотвратить такое развитие событий могла только Красная армия. Поэтому для США участие СССР в войне оставалось не только желательным, но в высшей степени необходимым. Американский генерал Дж. Маршалл отмечал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать»⁵³. Даже после получения сообщения об успешном испытании атомной бомбы Г. Трумэн на Потсдамской конференции прямо заявил: «...США ожидают помощи от СССР»⁵⁴. У. Черчилль признавал в своих мемуарах, что согласие советского правительства принять участие в войне с Японией «...имело величайшее значение»⁵⁵.

Хотя японские официальные историки до сих пор продолжают утверждать, что японское правительство ничего не знало о решении руководства СССР вступить в войну с Японией, но известно, что японской разведке удалось получить сведения о договоренностях. В частности, посланник Японии в Швеции Окамото Суэмаса в телеграмме сообщал, что речь И. Сталина 6 ноября 1944 г. в годовщину Октябрьской революции, в которой он наряду с Германией назвал Японию «страной-агрессией», есть прямое указание на «...принципиальное обещание, данное Москвой на Тегеранской конференции, вступить в войну против Японии после завершения войны с Германией»⁵⁶. Воспоминания шифровальщицы Ю. Онодэра японского представительства в одной из скандинавских стран свидетельствуют о своевременной передаче в японский МИД содержания достигнутых в Ялте секретных соглашений⁵⁷.

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 г., через два дня после завершения Ялтинской конференции, влиятельный политический деятель Японии князь Ф. Коноэ, трижды возглавлявший японское правительство, спешно представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал монарха «...как можно скорее закончить войну». Он писал: «...С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением... Существует серьёзная опасность вмешательства в недалёком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии»⁵⁸.

Хотя по понятным причинам решения Крымской (Ялтинской) конференции не были обнародованы, СССР, готовясь к войне с Японией, действовал в соответствии с нормами международного права. 5 апреля 1945 г. В.М. Молотов принял посла Японии в СССР Н. Сато и сделал заявление, которое гласило: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключён 13 апреля 1941 года, т.е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и Соединёнными Штатами Америки – с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление его стало невозможным. В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, Советское правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 года»⁵⁹.

Советское правительство официально объявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., угроза вступления СССР в войну с Японией стала очевидной. Решение Высшего совета по руководству войной (с мая 1945 г. в него входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр, министр военно-морского флота, начальники штабов армии и флота) от 14 мая 1945 г. предусматривало проведение переговоров с руководством СССР на предмет посредничества по прекращению войны. В правительстве Японии сошлись во мнении, что «...если существует страна, которая сможет привести к миру на условиях лучших, чем безоговорочная капитуляция, то это – Советский Союз...». Советский Союз представлялся как противодействующая

сила, и для его заинтересованности было озвучено намерение о предоставлении вознаграждения в виде аннулирования Портсмутского договора и советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений. В зависимости от обстоятельств предполагались возвращение Южного Сахалина, отказ от прав на рыболовство и открытие пролива Цугару, передача железнодорожных путей в Северной Маньчжурии и северной половины Курильских островов. Более того, участники совещания были готовы поддержать «нейтралитет» Кореи и «независимость» Маньчжурии, а также учредить «Содружество трёх государств: СССР, Японии и Китая»⁶⁰.

Это решение было принято вопреки мнению министра иностранных дел Японии. Он считал, что «...позиция Японии и особенно японской армии в течение многих лет вызвала у русских сильнейшие подозрения и обусловила их твёрдую решимость нейтрализовать нашу страну, и поэтому не только Япония не могла питать реальных надежд на проявление какой-либо благосклонности со стороны СССР, но и должна была понимать, что когда истощение ее национального потенциала в ходе войны станет очевидным, он вместо переговоров с ней, вероятно, окончательно солидаризуется с США и Англией с целью принять участие в дележе плодов победы»⁶¹.

От японской разведки поступали сведения о переброске советских войск на Дальний Восток. 6 июня 1945 г. на заседании Высшего совета по руководству войной его членам была представлена следующая оценка ситуации: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»⁶².

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Это было серьёзное предупреждение. Оно давало возможность правительству Японии осознать бесполезность сопротивления. 26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, призывавшая Японию к немедленной безоговорочной капитуляции. Хотя там не было подписи СССР, советское правительство солидаризировалась с её положениями. В целом декларация носила характер последнего предупреждения японским правящим кругам.

В течение нескольких дней в правительстве не могли выработать единую точку зрения. Одни министры предлагали изучать реакцию СССР на японские предложения, другие – принять декларацию, а руководство армии и флота, рассчитывая на армию в Маньчжурии, настаивало на отклонении декларации. В конечном итоге под давлением генералитета премьер-министр К. Судзуки 28 июля 1945 г. выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительство «...будет неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»⁶³.

Для стран-союзников это означало, что настало время переходить к решительным действиям. 6 августа 1945 г. США осуществили атомную бомбардировку г. Хиросима, 9 августа – г. Нагасаки. 8 августа 1945 г. советское правительство объявило Японии войну. В сообщении ТАСС в связи с этим, в частности,

говорилось: «Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира... Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»⁶⁴.

Побудительным мотивом решения о вступлении СССР в войну с Японией было стремление выполнить союзнический долг и в результате быстрого разгрома милитаристской Японии ускорить окончание Второй мировой войны. 9 августа 1945 г. около 1 часа ночи по хабаровскому времени, ещё до получения в Токио сообщения об объявлении СССР войны, передовые и разведывательные отряды Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов пересекли государственную границу и вклинились на территорию противника.

Император Хирохито в императорском эдикте от 14 августа 1945 г. объявил об окончании войны⁶⁵. Опасение за сохранение в Японии монархической власти прозвучало в рескрипте императора «К солдатам и матросам» 17 августа 1945 г. В нём, обойдя молчанием атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, в качестве основной причины капитуляции император назвал вступление в войну СССР. Там было прямо сказано: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи»⁶⁶.

16 августа 1945 г. командование японской группировки войск в Маньчжурии получило приказ Императорской ставки – всем подразделениям прекратить бои, вести переговоры о прекращении военных действий и сдаче оружия. Кроме того, 17 августа в её расположение из Токио был направлен принц Такэда Цунэси, который передал решение императора принять Потсдамскую декларацию.

Правда, несмотря на приказ о прекращении военных действий, бои по-прежнему продолжались, поскольку передовые отряды, непосредственно противостоящие Красной армии, получали его в различные даты. В соответствии с приказом Императорской ставки 19 августа командование Квантунской группировки войск направило в расположенный в с. Жариково штаб 1-го Дальневосточного фронта начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хикосабуро. На переговорах обсуждались вопросы разоружения японских частей и соединений, обеспечения общественной безопасности и защиты проживающих на территории Маньчжурии японцев. Следует упомянуть о существовании точки зрения, согласно которой именно её представители в ходе встречи завели разговор о возможном использовании японских военнослужащих в качестве рабочей силы, что привело к их интернированию в Сибирь⁶⁷.

16 августа 1945 г. И. Сталин направил президенту США Г. Трумэну письмо, в котором потребовал включить в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам все Курильские острова, а также северную половину о-ва Хоккайдо, проведя демаркацию по линии, соединяющей Куширо и Румои. Данное требование обосновывалось тем, что, поскольку в период интервенции часть территории России находилась под контролем Японии, «...русское общественное мнение было бы серьёзно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории». Более того, 17 августа 1945 г. представителю СССР при штабе Главнокомандующего союзными оккупационными войсками А.Н. Деревянко было приказано провести

консультацию с Д. Макартуром по поводу оккупации северной половины Хоккайдо и учреждения в Токио советской оккупационной зоны⁶⁸.

Однако в письме, которое И. Сталин получил 18 августа, президент США согласился включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед советскими вооружёнными силами, но отказал в оккупации северной половины Хоккайдо. Советское руководство в свою очередь отказалось от оккупации Хоккайдо и отклонило требование Г. Трумэна о создании в центральной части Курильских островов американской авиабазы.

По вопросу о характере боёв между советскими и японскими войсками в историографии имеются разные точки зрения. Так, А.М. Дубинский пишет: «Бои с японскими военными носили ожесточённый характер. Противник опирался на мощную систему обороны и оказывал упорное сопротивление»⁶⁹. Имеется и другая точка зрения по этому вопросу. Так, в «Истории войны на Тихом океане» о состоянии японской военной группировки на август 1945 г. высказывается мнение, что «...эта огромная армия по своей подготовке и снаряжению имела мало общего с прежней отборной Квантунской армией», так как «...все кадровые части, входившие в её состав до войны, были переброшены в другие районы», она «...состояла из недостаточно обученных недавно мобилизованных солдат и не была как следует укомплектована снаряжением», в результате чего «...первая линия обороны очень быстро рухнула, и японские части вовремя сконцентрировались для отражения советского наступления уже не успели»⁷⁰.

Едва ли кто из исследователей может подвергнуть сомнению вклад советских вооружённых сил в достижение этих целей. Факты истории заставляют даже непримиримых критиков политики СССР признавать очевидное. Так, в книге профессора Калифорнийского университета этнического японца Ц. Хасэгава признаётся определяющее влияние вступления Советского Союза в войну на решение императора и японского правительства принять условия капитуляции. Не следует забывать и то, что в расположенных в Маньчжурии секретных лабораториях японцы накопили к 1945 г. огромное количество бактериологического и химического оружия, которое могло быть применено в ответ на атомные удары. Командующий Квантунской армией О. Ямада признал на судебном процессе: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение советских войск в глубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие»⁷¹.

Без вступления в войну СССР США не смогли бы быстро покорить Японию с помощью атомного оружия. По расчётам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на японские острова требовалось, по меньшей мере, девять атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. «Эти бомбы, сброшенные нами, – свидетельствовал военный министр США Г. Стимсон, – были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими»⁷².

Дипломатическая активность Советского Союза не была направлена против союзника Германии – милитаристской Японии. Он соблюдал условия советско-японского пакта о нейтралитете. По-иному вела себя Япония – продолжала подготовку к войне против СССР, создавала угрозу советскому Дальнему Востоку, сотрудничала с Германией в различных областях, передавала ей разведывательные сведения как политического, так и экономического и военного характера.

С нападением Японии на США и Великобританию объявили войну Соединённым Штатам союзники Японии – Германия и Италия, что придало Второй мировой войне глобальный характер и ускорило складывание антифашистской коалиции. Сам факт её образования означал усиление позиций свободолюбивых народов, объединившихся в борьбе с агрессорами.

Япония активно апеллировала к паназиатским лозунгам, провозглашая «освобождение» Азии от гнёта европейских империалистов, и рассчитывала на поддержку со стороны деятелей антиколониального движения. В ноябре 1943 г. в Токио прошла конференция представителей стран «великой Восточной Азии», формально провозгласившая появление нового геополитического блока и нового порядка в регионе. Режимы, созданные на оккупированных и зависимых территориях, держались на японских штыках и не имели широкой поддержки. Усиленное выкачивание японцами ресурсов «освобождённых» колоний и жестокое обращение с местным населением привели к росту антияпонского сопротивления. С осени 1944 г. японская политическая элита обсуждала условия, на которых бы СССР мог пойти на продление действия пакта о нейтралитете, и уступки, которые Япония могла бы сделать СССР, включая передачу Южного Сахалина и Северных Курил.

Разгром японского милитаризма, в котором важнейшую роль сыграл Советский Союз, и как следствие – ликвидация последнего очага Второй мировой войны привели к подъёму национально-освободительного движения в Восточной и Юго-Восточной Азии, дали японскому народу буржуазно-демократические свободы, создали предпосылки для ускоренного развития японского общества.

1.3. Маньчжоу-го в системе международных отношений

В 1920–1930-х гг. японские милитаристские круги использовали принципы «Хакко ити у» и «Коо Доо» – призыв к сплочению и патриотизму японского народа как идеологический постулат завоевания чужих территорий – «священной исторической миссии» Японии по освобождению стран Восточной Азии от «белого империализма» и созданию восточноазиатской сферы совместного процветания. Под эгидой Японской империи в неё должны были входить территории Маньчжурии, Китая, Филиппин, Нидерландской Индии, Французского Индокитая, Британской Малайи, Таиланда, Бирмы, Индии, Австралии и Новой Зеландии, а также советского Дальнего Востока⁷³.

Япония, решая свои геополитические и социально-экономические проблемы, проявляла повышенный интерес к северным территориям Китая. В 1931 г. японцы вторглись в Маньчжурию и восстановили маньчжурское государство. 1 марта 1932 г. решением Всеманьчжурской ассамблеи было образовано государство Маньчжоу-го (Маньчжурия, Государство Маньчжурия, «Даманьчжоудиго», Великая Маньчжурская империя со столицей Синьцзин, ныне Чанчунь), которое существовало по 19 августа 1945 г. Во главе стоял последний китайский император из маньчжурской династии Цин Генри Пу И – верховный правитель (1932–1934 гг.), император (1934–1945 гг.).

Девизом правителя нового государства стало «Кандэ», или «Спокойствие и добродетель». 9 марта 1932 г. была проведена церемония его инаугурации,

обнародованы законы об организации органов государственного управления, и от их имени направлены телеграммы правительствам зарубежных стран с надеждой и пожеланием на установление дипломатических отношений.

Мировая общественность слабо отреагировала на события в Маньчжурии. Французский политик А. Бриан (неоднократно занимал пост премьер-министра) на заседании Лиги Наций призвал китайских делегатов «к уступчивости»⁷⁴, английский посол в Токио Ф. Линдли (1931–1934 гг.) выразил уверенность, что «...Япония сможет урегулировать вопрос в Маньчжурии самостоятельно»⁷⁵.

Лишь спустя три месяца после захвата Маньчжурии Совет Лиги Наций принял первую резолюцию по этому инциденту, в котором Япония не была признана агрессором, и в отношении её не вводились никакие санкции. Создавалась авторитетная международная комиссия для расследования событий в Маньчжурии. В неё вошли представители Великобритании, Франции, Германии, Италии и США, возглавил её британский политический деятель В. Литтон.

Среди мировых держав более чёткую позицию в отношении Японии в Маньчжурии заняли Соединённые Штаты Америки, отказавшиеся признавать любые действия, нарушающие суверенитет и территориальную целостность Китая, считать законными международные соглашения, навязанные с помощью военной силы. Соответствующие ноты были отосланы в адрес правительств европейских и азиатских стран, но они не поддержали позицию США, а Япония проигнорировала и продолжила вести агрессивную политику⁷⁶.

В рассматриваемый период в Маньчжоу-го (с 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Диго) существовало Законодательное собрание, чья роль фактически сводилась к формальному одобрению решений Госсовета. Предполагалось сосуществование различных национальностей в рамках единого централизованного государства, чтобы избежать его возможного ослабления. Единственной разрешённой политической партией являлось финансируемое правительством «Общество согласия», концептуально обосновывающее самоопределение азиатских народов по образцу советской модели «союза народов». В нём были представлены китайцы, монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русские эмигранты. При этом для организации характерна опора на традиционные устои для национальных общин и их религиозных лидеров.

Основной комплекс признаков государственности в Маньчжоу-го имел место, и оно характеризуется как минимум государствовподобным образованием⁷⁷. Его признали 23 из 80 существовавших на тот момент государств мира⁷⁸. Каждая из стран заняла свою позицию о признании Маньчжоу-го актором международных отношений. Первым государством, признавшим Маньчжоу-го, была Япония. В сентябре 1932 г. Страна восходящего солнца установила дипломатические отношения с Маньчжоу-го. Более того, во втором пункте японо-маньчжурского протокола от 15 сентября 1932 г. констатировалось: «...В случае наличия угрозы общественному спокойствию и существованию одной из договаривающихся сторон Япония и Маньчжоу-го будут совместно оборонять пострадавшую сторону. В этих целях Япония вводит на территорию Маньчжоу-го необходимое количество войск»⁷⁹. Согласно этому протоколу японские военные гарнизоны могли находиться в Северо-Восточном Китае на постоянной основе. Их присутствие являлось законным, причём командующий японской армией одновременно занимал пост посла Японии и обладал правом вето на решения императора Пу И.

Одним из первых новое государство признал Ватикан с целью создания католической миссии на территории страны. В 1939–1941 гг. как суверенное государство Маньчжоу-го официально признали Германия, Италия, Испания, Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария, Финляндия, Дания, Хорватия и Таиланд, правительство Ван Цзинвэя в Нанкине. На его территории фактически сохранилась деятельность консульских учреждений Великобритании и Франции, хотя их сотрудникам было рекомендовано заниматься лишь делами, связанными с охраной жизни и собственности подданных и граждан этих стран.

Позицию стран по поводу признания Маньчжоу-го можно выразить словами польского консула, который в беседе с сотрудником газеты «Заря» заявил: «...Если несколько провинций пожелали образовать самостоятельное государство, то не наше дело вмешиваться»⁸⁰. Это доказывает, что правительства ведущих европейских стран не спешили делать скоропалительные выводы и предпринимать какие-либо действия в отношении Японии.

Советский Союз, полагая, что позиция ряда стран направлена на обострение геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в 1932 г. восстановил дипломатические отношения с Китаем, в 1935 г. продал Маньчжоу-го при посредничестве Японии Китайско-Восточную железную дорогу, признал его де-факто (консульства открылись в Москве, Чите и Благовещенске), а 13 апреля 1941 г. – де-юре. Консульства СССР располагались в городах Маньчжурия, Синьцзин, Генеральное консульство находилось в Харбине.

Вполне естественно, что Япония учитывала международную обстановку и стремилась придать легитимность процессу экспансии с учётом внутривосточной войны в Китае. С целью определения оптимального способа управления были подготовлены документы: «Доклад по вопросу управления оккупированной Маньчжурией» (1929), а на его основе – «Основная политика урегулирования маньчжурского вопроса» (24 октября 1931 г.) и «Проект общих принципов, касающихся учреждения монголо-маньчжурского свободного государства» (7 ноября 1931 г.). 22 сентября 1941 г. принята «Программа экстренной экономической политики», которая предусматривала рост экономики, снижение притока товарной массы из Японии, увеличение производства сырья и снабжения им Японии. В этих документах главными принципами управления стало сохранение существующих структур самоуправления в сочетании с центральным военным правительством, находящимся под контролем Японии. Обосновывалось это тем, что «...китайцы народ с чувством собственного достоинства, поэтому, если бы стало очевидно, что они подчинены японскому руководству, их власть была бы неэффективной»⁸¹.

Таким образом, Япония предприняла попытку создания принципиально нового государственного образования на основе идеи «неформального империализма». Хотя абсолютно очевидно, что Маньчжоу-го не играло самостоятельной роли на международной арене и во внутренней политике на протяжении 14 лет своего существования неуклонно следовало в русле интересов метрополии.

По состоянию на 1934 г. население Маньчжоу-го составляло 30 880 тыс. чел.: 29 510 тыс. китайцев и маньчжур, примерно 680 тыс. корейцев, 590 796 японцев, 98 431 представителей других национальностей. За время существования Маньчжоу-го численность населения увеличилась на 18 млн чел., 80% проживали в деревнях.

На пути укрепления своего статуса как субъекта международного права Маньчжоу-го проводило активную и национальную политику в отношении российской эмиграции⁸². Они организовывались в колонии и общины по национальному признаку и закреплялись Японской военной миссией (ЯВМ) при Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) как административные единицы и рассматривались как сегмент белой эмиграции. При этом армянская, грузинская, еврейская, тюрко-татарская и украинская⁸³ колонии составляли Совет национальностей при БРЭМ, а греческая, латышская и литовская не входили в этот совет, хотя и имели свои органы в лице соответствующих консульств.

С образованием Маньчжоу-го Япония оказалась перед лицом полиэтнической эмиграции и коренного населения. Встала задача выработки национальной политики в отношении каждой отдельной этнической группы, что выразилось в доктрине «расовой гармонии» как прообразе неокOLONIALИЗМА, рождавшегося в практике на территории Маньчжурии под углом зрения её политических, экономических, военных и идеологических мероприятий⁸⁴.

Для решения этой задачи действий БРЭМ было явно недостаточно, и весной 1938 г. Министерство иностранных дел Японии создало межминистерский комитет по проблемам мусульман и евреев, чтобы «...установить основы политики ... в свете международной ситуации». В 1938 г. состоялся первый Всемирный конгресс мусульман, а через год правительство Маньчжоу-го принимает закон о религии, который уравнивал в правах мусульман, синтоистов, буддистов и христиан.

Наиболее многочисленной этнической группой в Маньчжурии была еврейская колония (до 28 тыс. чел., в том числе 20 тыс. в Харбине). При этом на Дальнем Востоке имелось 10 еврейских общин, объединённых «Национальным советом» (исполком располагался в Харбине), из них пять общин находилось в Маньчжурии: Харбин, Хайлар, Цицикар, Мукден и Дайрен.

«Национальный совет» являлся филиалом Всемирной сионистской организации и имел на Дальнем Востоке свой печатный орган «Еврейская жизнь», выходивший на русском и английском языках. Еврейская эмиграция насчитывала 14 организаций различного толка, большинство – сионистского. Среди них следует выделить «Сионистское общество», организацию сионистов-ревизионистов, молодёжную еврейскую организацию «Маккаби», Всемирную женскую сионистскую организацию «Вицо», сионистов-ортодоксов «Мизрах», боевую организацию «Брит-Трумпельдор» (Бейтар). Это было обусловлено принятием в 1918 г. английской декларации о передаче Палестины под мандат Великобритании, что способствовало пробуждению у евреев чувства национального самосознания и в «...перспективе сулило возможность создания собственного национального государства». Все организации находились под покровительством ЯВМ⁸⁵.

В Маньчжурии существовали и благотворительные еврейские организации, финансовые учреждения, спортивные и образовательные общества. Такое разнообразие еврейской жизни было обусловлено не толерантностью режима, выраженного в девизе «Кандэ». Причина была в другом. В 1934 г. Япония подготовила «план Фугу» по привлечению в Маньчжоу-го от 18 тыс. до 600 тыс. евреев, который возник после образования в СССР Еврейской автономной области⁸⁶.

Вероятно, японцы предполагали, что евреи Советского Союза и евреи Маньчжурии будут стремиться к объединению, способствуя укреплению международного статуса Маньчжоу-го. Существовала уверенность, что реализация плана

улучшит отношения с США, убедит американских евреев вкладывать капитал в Японию и оккупированные районы Китая, превратив Маньчжурию в доходную, процветающую колонию Японской империи. Кроме того, Япония таким образом помогла бы и Германии «избавиться» от евреев. Возможно также, что японцы хотели создать в евреях образ врага и перенаправить ненависть китайцев на евреев.

В 1938 г. «план Фугу» был утверждён на Конференции пяти министров, но его реализация не осуществилась. Большинство еврейских беженцев жили при финансовой поддержке из Америки и не могли вкладывать средства в развитие Японии. Тем не менее в японском Китае сумели спастись 24 тыс. евреев, бежавших от Холокоста. Японский дипломат (генконсул в Ковно) Т. Сугихара, оформлявший зачастую липовые визы, один из немногих иностранцев, удостоен звания Праведника народов мира, присуждённого израильским правительством в 1985 г.

Японская военная миссия активно работала с украинской колонией, одной из самых многочисленных в Маньчжурии и насчитывавшей 11 тыс. чел., из их числа в Харбине создана украинская военизированная организация «Сич». В советском Приморье украинцы составляли треть населения (313 тыс. чел.), и в перспективе Япония планировала создание буферного Гетманского дальневосточного украинского государства, используя движение украинцев в Европе «за самостийность», полагая, что украинцы Особой Дальневосточной армии, переживающие трагедию голодомора, поддержат этот проект⁸⁷.

Этот проект получил название «Зелёный клин» как территория, компактно заселённая украинцами, находящимися на известном удалении от собственно украинских земель, – Забайкалье, Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края⁸⁸. Таких проектов имелось ещё три – «Желтый клин» – Нижнее Поволжье, «Малиновый клин» – Кубань, «Северный клин» (бывший Степной край) – Северный Казахстан, юг Омской области, Барабинская степь Новосибирской области и Кулундинская степь (часть Новосибирской области и Алтайского края). В каждом из этих регионов существовали значительные группы малороссов, образующие в сельской местности своеобразные анклав⁸⁹.

Украинская колония в Маньчжурии условно делилась на несколько групп: младороссы, центральная, независимая и красная. Младороссы рассматривали Украину как часть России и самостоятельность Украины не признавали. Японская военная миссия прекрасно понимала, что лозунг борьбы за независимость Украины для этой категории использовать нельзя, но в антисоветском движении младороссы были готовы принять активное участие.

Центральная группа сочувствовала национальному движению за независимость, в случае успеха готова была принять участие в движении, но при первых же неудачах сразу же отходила в сторону. К коммунистическому режиму относились негативно, и японцы стремились привлечь их к борьбе с советской властью. Независимая группа представляла молодёжный состав, отличалась импульсивностью, испытывала неприязнь к русским и принимала активное участие в антисоветском движении. К красной – относились украинцы из числа коммунистов и имевших советское подданство, и хотя они не принимали участия в украинском национальном движении, но японская военная миссия делала ставку и на них, так как была убеждена в наличии у них стремления к независимости. В этой связи ЯВМ обсуждала идею о создании «красного независимого» движения⁹⁰.

Среди украинских организаций явной антисоветской направленностью выделялись гетманцы (сторонники гетмана Скоропадского) – ориентированные на восстановление гетманской Украины, «Украинская народная республика» (УНР) со штаб-квартирой в Польше – на восстановление республики, «Организация украинских националистов» (ОУН) – нелегальная и малочисленная, сотрудничала с германским абвером.

Таким образом, в Северо-Восточном Китае японцы создали не просто типичную колонию, а принципиально новое образование с развитым центром единения «пяти дружественных народов» (китайцы, корейцы, маньчжуры, монголы, японцы), основной задачей которого стало не только формальное, но и территориальное их объединение, где можно продемонстрировать возможность мирного сосуществования азиатских народов, где должно зародиться будущее паназиатское государство в миниатюре.

К 10-летию юбилею Маньчжоу-го в официальном издании «Великая Маньчжурская империя» об этой идее написано следующее: «...В этом и кроется особая миссия Японии – объединение всех наций в одну семью под божественным стягом. Где бы ни находилась нация “Ямато”, она всегда будет лидером азиатских народов. Япония усвоила цивилизацию Востока и Запада и претворила их в японскую культуру. Объединив высокую японскую культуру с культурой Маньчжурии, будет создана новая материковая культура»⁹¹.

В конце XIX–первой половине XX в. Япония взяла курс на создание в Юго-Восточной Азии так называемой великой азиатской сферы процветания. Причём борьба за лидерство достигла апогея в годы Второй мировой войны. Именно тогда складывается концепция «неформального империализма», которая не предполагала прямого политического контроля при наличии других способов господства, например, через идеологическую и культурную экспансию. Этот империализм без колоний получил теоретическое обоснование в середине 1960-х гг. в работе президента Ганы Кваме Нкруме⁹².

Именно в годы Второй мировой войны Япония создала ряд марионеточных государств и правительств, где позиционировала себя в качестве демократической силы и освободительницы народов Азии от колониального господства Британии и Франции. К таким режимам можно отнести: Временное правительство свободной Индии (1943–1945 гг.), основанное в Сингапуре после его захвата (управлялся экспатриантами из Индии и японскими военными); Временное правительство Китая (14 сентября 1937 г.–30 марта 1940 г.), на смену которому пришло Нанкинское национальное правительство (30 марта 1940–1945 гг.) со столицей в Нанкине; Государство Бирма (1943–1945 гг.); Вьетнамская империя (март–август 1945 г.); Королевство Камбоджа (март–август 1945 г.); Королевство Лаос (март–август 1945 г.).

Кроме формально независимых государств, имелись ещё и подчинённые государства: Чахарский Политический Совет (октябрь 1935–апрель 1937 г.); автономная область Восточный Хопей (ноябрь 1935–апрель 1937 г.); Мэнзянь (апрель 1937–1945 гг.), созданное во Внутренней Монголии, имевшее автономию, но не получившее даже формальной независимости; правительство Дадао в Шанхае (1937–1940 гг.)⁹³. В планах Японии было создание марионеточного русского государства во Внешней Маньчжурии (российский Дальний Восток), установление административной власти Японии в Забайкалье, Владивостоке и на Камчатке⁹⁴.

Среди этих государств особое место занимало Маньчжоу-го, которое стало базовой площадкой японского эксперимента, известного как «Миссия Японии в Азии», и сыграло не последнюю роль в милитаристских планах Страны восходящего солнца. Однако в отношении политического режима не может быть никаких дискуссий: режим был антидемократическим, авторитарным, при активном участии японской политической системы и милитаристских кругов. Хотя Маньчжоу-го стало субъектом международного права, существовавший там в течение 1932–1945 гг. политический режим неокOLONиального государства выстраивался японской политической системой при опоре на японскую группировку войск.

Победа Красной армии на заключительном этапе Второй мировой войны разрушила планы Японии на мировое господство. В ходе маньчжурской операции Маньчжоу-го прекратило своё существование, 19 августа 1945 г. император Пу И был захвачен советскими десантниками. В 1949 г. территория Маньчжоу-го вошла в состав Китайской Народной Республики.

1.4. Советско-американские отношения на Тихом океане

Надежда обеспечить мир в Европе на основе дипломатического взаимодействия Великобритании, Франции, Германии и Италии не оправдалась, политика «умиротворения» агрессора со стороны Запада способствовала превращению Германии в европейского гегемона, усилилась экономическая и военная мощь Японии, что вызвало обеспокоенность западных держав.

Восточноазиатские государства, включая Китай, оставались преимущественно пассивными объектами политики великих держав. Британские интересы концентрировались в основном в прибрежной зоне и в районах крупных городов – Пекина, Тяньцзиня и Шанхая. Великобритания была озабочена безопасностью своих военных баз в Гонконге и Сингапуре, реальную угрозу для которых могла представлять только Япония. В условиях обострения отношений между европейскими державами сформировавшийся очаг войны на Дальнем Востоке грозил Великобритании войной на два фронта, и защита колоний становится трудной задачей⁹⁵.

США, отстаивая принцип «открытых дверей» в Китае, с беспокойством следили за попытками Токио превратить Китай в зону исключительно своего влияния. Тем не менее США долгое время придерживались политики нейтралитета в отношении Японии. Действия Японии в Азии хотя и вызывали недовольство и тревогу Вашингтона, не воспринимались американскими политиками как требующие немедленного противодействия военными средствами. США осуждали действия Японии, но это не мешало американским компаниям продолжать экспорт в Японию металлического лома, нефти и нефтепродуктов и других видов важного для японской военной экономики стратегического сырья. Только летом 1939 г. правительство Рузвельта разорвало подписанный ещё в 1911 г. торговый договор с Японией⁹⁶.

27 сентября 1940 г. в Берлине сроком на 10 лет был подписан Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, предусматривавший всестороннюю взаимную поддержку стран-союзниц в случае, если одна из них окажется в состоянии конфликта с третьей державой, не участвовавшей в момент подписания

в европейской войне или японо-китайском конфликте. Япония не была обязана немедленно вступить в войну против Британии, но Германия и Италия обязывались поддержать Японию в случае её войны с США. Берлин и Рим также признали руководство Японией в деле установления «нового порядка» в Восточной Азии, что означало отказ Германии от претензий на колониальные владения побеждённых ею Франции (Индокитай) и Голландии (Индонезия). В ответ на подписание Тройственного пакта руководство США стало рассматривать события в Европе и Азии в качестве единого целого и, как настаивал президент Ф. Рузвельт, отдавать приоритет не Тихоокеанскому региону, а европейскому театру военных действий.

Ещё одним шагом, способствовавшим усложнению военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стало подписание договора о нейтралитете между СССР и Японией. Германская дипломатия одобрительно отнеслась к данному соглашению, поскольку смотрела на ситуацию в Азии через призму способности США вести войну на два фронта – в Европе, помогая Британии, и на Тихом океане, противостоя Японии. При таком подходе стабилизация советско-японских отношений, которая бы позволила Токио более свободно действовать против США, отвечала германским интересам⁹⁷.

Последней попыткой США избежать столкновения с Японией стали секретные переговоры между Вашингтоном и Токио весной 1941 г. 21 июня 1941 г. государственный секретарь К. Хэлл вручил японскому послу ноту, в которой излагалась американская позиция по основным спорным вопросам. Япония видела в переговорах лишь способ маскировки своих истинных намерений – военной экспансии и уклонилась от ответа. Нота Хэлла лишь укрепила решимость Токио ускорить подготовку нападения на опорные пункты американского флота на Тихом океане, чтобы лишить США возможности контролировать ситуацию в Азии⁹⁸.

Нарастание напряжённости между Японией и американско-британским блоком приобрело необратимый характер. В июле 1941 г. японские войска вошли в Индокитай. В это же время президент Ф. Рузвельт одобрил рекомендации министерства обороны о призыве примерно 900 тыс. чел. на военную службу. Предполагалось довести численность американской армии до 8,8 млн (1,7 млн в декабре 1941 г.)⁹⁹. Военное столкновение с Японией становилось неизбежным.

Советский Союз занимал в тихоокеанском региональном раскладе особое место. С одной стороны, его вооружённые силы во Внешней Монголии и Приморье воспринимались Японией как постоянная угроза для её интересов в Маньчжурии, с другой – СССР сам опасался японского удара со стороны Маньчжоу-го по Забайкалью и Приморью. С учётом возрастания германской угрозы Советскому Союзу пришлось бы одновременно вести войну на два фронта – против Германии в Европе и против Японии на Дальнем Востоке.

Договор с Японией о нейтралитете давал некоторые возможности для манёвра СССР, находившемуся в дипломатической изоляции. Договор о нейтралитете был заключён в Москве 13 апреля 1941 г. Согласно ему обе стороны обязывались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой. В случае если одна из сторон будет вовлечена в военный конфликт со стороны третьих держав, то, согласно ст. 2, «...другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»¹⁰⁰.

В одном пакете с договором была подписана и советско-японская декларация о взаимном уважении, территориальной целостности и неприкосновенности

границ Монголии и Маньчжоу-го, которая, по существу, фиксировала частичный раздел сфер влияния СССР и Японии на Дальнем Востоке. Договор с Японией снижал вероятность войны Советского Союза на два фронта.

Соединённые Штаты первоначально с пониманием отнеслись к данному соглашению. Так, американский посол в Москве Штейнгардт в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским 5 июня 1941 г. признал, что «...этот пакт является ещё одним шагом к сохранению мира на Тихом океане. Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет угрозу для США, он, Штейнгардт, отвечает, что Советский Союз имеет опасного соседа на западе и заинтересован в сохранении мира на востоке. Он сам поступил бы точно так...»¹⁰¹.

В то время как Гитлер неуклонно укреплял свои позиции в Европе, в США шли споры о внешнеполитических приоритетах. Вопрос о том, откуда – из Европы или Восточноазиатского региона – исходит главная угроза Соединённым Штатам и остальному миру, приобретал всё большую остроту. Американская политическая элита в этом вопросе оказалась расколотой. В ней традиционно сильными позициями обладали те, кто полагал, что главное внимание США должно быть направлено на укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В духе заветов «отцов-основателей» они считали целесообразным избегать вовлечения в опасную обстановку в Европе, где у США нет серьёзных интересов, за исключением отдельных финансовых групп. В результате в августе 1935 г. конгресс принял Закон о нейтралитете, который с последующими поправками вплоть до вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. оставался фундаментом внешней политики Соединённых Штатов.

Опасность новой мировой войны и стремление избежать участия в ней заставили американских законодателей принять 1 мая 1937 г. наиболее радикальную версию закона. Согласно ему, в случае войны «...считается незаконным экспортировать, пытаться экспортировать или способствовать экспорту оружия, боеприпасов или военного снаряжения из любого пункта Соединённых Штатов в любое из указанных президентом воюющих государств или в любое нейтральное государство для передачи их через него воюющему государству или для использования их последним»¹⁰².

Объективно политика нейтралитета попустительствовала государствам-агрессорам, способствуя росту военной угрозы в мире. Экономическая и военная экспансия Германии, Италии и Японии заставила президента Ф. Рузвельта посмотреть на политику нейтралитета с позиции интересов жертв агрессии, а также безопасности своей страны. 4 января 1939 г. Ф. Рузвельт обратился с посланием к конгрессу, в котором заявил, что идёт подготовка к войне. «...Всё это создаёт непосредственную опасность для Соединённых Штатов. Мы убеждены, что наш закон о нейтралитете может оказать содействие агрессору»¹⁰³.

Однако начало Второй мировой войны США встретили ещё в традициях изоляционизма, дистанцируясь от европейского конфликта. 3 сентября 1939 г. в обращении к народу Ф. Рузвельт обещал, что Соединённые Штаты сохранят нейтралитет и не будут участвовать в европейской войне. 5 сентября 1939 г. американская администрация заявила о распространении на германо-польский конфликт закона о нейтралитете 1937 г., запрещавшего поставки военного снаряжения воюющим странам. В американском истеблишменте по-прежнему сохраняли влияние мощные изоляционистские настроения, а главным потенциальным противником США виделась не Германия, а Япония¹⁰⁴.

Только в ноябре 1939 г. президент Ф. Рузвельт сумел преодолеть давление «изоляционистов». 4 ноября он подписал «Четвёртый закон о нейтралитете». В стране было объявлено чрезвычайное положение с целью увеличения полномочий президента. Закон предоставлял президенту право признавать наличие состояния войны, разрешать продажу боеприпасов воюющим странам за наличный расчёт и перевозить их на неамериканских судах по принципу «cash and carry», определять воюющие стороны, военные зоны, в которые запрещалось заходить американским судам, и вооружение торговых судов. Запрещалось предоставлять займы и кредиты воюющим странам. Президент имел право регулировать заход и отплытие подводных лодок и вооружённых торговых судов в американские порты¹⁰⁵. Эта версия закона о нейтралитете решала вопрос помощи и продажи оружия воюющим с Германией Англии и Франции. Изменение закона о нейтралитете положило начало новой внешнеполитической стратегии Вашингтона и стало основой формирования антигитлеровской коалиции.

Победоносные операции вермахта в Европе повлияли на настроения американской правящей элиты и электората. Возможная победа Германии стала восприниматься как реальная угроза. В мае-июне 1940 г. по инициативе Ф. Рузвельта была запущена масштабная программа «Национальная оборона» и началось форсированное укрепление вооружённых сил. Также был взят курс на сближение с Англией, которая практически в одиночку продолжала вести войну с нацистской Германией. Важным шагом в этом направлении стало предоставление Англии 50 эсминцев в обмен на аренду английских военных баз. 2 сентября 1940 г. США подписали с Великобританией первое соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривало поставки для британской армии американских вооружений и 50 боевых кораблей. Взамен Британия передала в аренду США сроком на 99 лет восемь своих военно-морских и военно-воздушных баз в Северной и Южной Америке¹⁰⁶.

Такая политика американской администрации явно означала отход от политики нейтралитета и принципа невмешательства в европейский конфликт. В начале 1941 г. в конгрессе началось обсуждение программы по оказанию помощи союзникам – программы ленд-лиза. Система ленд-лиза предполагала передачу Соединёнными Штатами займы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия странам-союзникам. Военный министр Г. Стимсон выступил по американскому радио и заявил, что 13 европейских стран находятся под контролем Германии, и призвал оказать помощь Англии, так как это в интересах США¹⁰⁷.

11 марта 1941 г. закон о ленд-лизе, разрешавший администрации за счёт государственного бюджета оказывать помощь государствам, сопротивление агрессии которых имело жизненно важное значение для обороны США, был принят конгрессом и подписан Ф. Рузвельтом. Закон включал следующие положения: поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырьё, другие предметы), уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате; переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединёнными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов); в случае заинтересованности американской стороны неразрушенные и неутраченные техника и оборудование должны быть возвращены после войны в США. Закон

о ленд-лизе заложил основы коалиционной стратегии стран, боровшихся с нацистской Германией. Первоначально в программу ленд-лиза вовлекались страны Британской империи и Китай. 7 ноября 1941 г. в эту программу был также включён Советский Союз.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. На следующий день последовало официальное заявление правительства США, в котором в общей форме выражалась готовность сотрудничать в борьбе с общим врагом. 23 июня 1941 г., выступая от имени правительства США, исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес заявил: «По мнению правительства Соединённых Штатов, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет неизбежное падение нынешних германских руководителей и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для американского континента»¹⁰⁸. 24 июня 1941 г. президент Ф. Рузвельт заявил, что США намерены предоставить СССР помощь, и советское правительство представило американской стороне перечень необходимых поставок.

Отношения США с Советским Союзом складывались в целом непросто. Мешали противоположность социальных систем, инерция антисоветизма в военно-политических кругах и общественном мнении США, неверие в способность СССР противостоять натиску Германии. Однако президент Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение придерживались другого мнения. Для них германская угроза была опасней, чем гипотетическая советская. Они иначе оценивали потенциал СССР и не считали идеологические различия непреодолимым препятствием к сотрудничеству. Поэтому президент распорядился придать советскому ленд-лизу высший приоритет и упростить его процедуру по сравнению с другими странами, включая Великобританию. Уже в июле 1941 г. президент дал указание отделу по оказанию международной помощи Госдепартаменту взять на себя ответственность за скорейшее предоставление транспортных средств для России. В течение трёх месяцев были подготовлены грузы на сумму 145 млн долл.¹⁰⁹

Чтобы прояснить ситуацию, в Европу был направлен Г. Гопкинс, который прибыл в Москву 30 июля 1941 г. и передал И. Сталину послание Ф. Рузвельта. США были готовы оказать СССР всю возможную помощь в кратчайшие сроки. И. Сталин заверил Г. Гопкинса, что Советский Союз выстоит; в то же время он приветствовал бы объявление Соединёнными Штатами войны Германии и даже появление американских войск на любом участке советско-германского фронта – даже под американским командованием. Г. Гопкинс вынес твёрдую уверенность в том, что СССР будет воевать до конца. Он постарался убедить Ф. Рузвельта в том, что США должны как можно быстрее оказать эффективную поддержку Москве. «...Я глубоко уверен в этом фронте, – писал Г. Гопкинс Ф. Рузвельту из Москвы, – моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твёрдая решимость победить»¹¹⁰. 9 августа 1941 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль, совещавшиеся у берегов Ньюфаундленда, направили послание И. Сталину, обещая максимально возможную материальную помощь, а также предлагая созвать конференцию в Москве, которая бы обсудила проблемы помощи СССР.

Таким образом, уже в первые месяцы войны СССР с фашистской Германией началось формирование антигитлеровской коалиции, включавшей в себя две главные составляющие: военно-экономическое сотрудничество и идейно-

политическое взаимодействие стран «Большой тройки», практическая реализация которых осуществлялась как в Европе, так и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-экономическое сотрудничество СССР и США приняло преимущественно форму программы ленд-лиза. Идеино-политический компонент антигитлеровской коалиции сложился в результате поиска и формулирования идейных и политических ценностей, разделяемых союзниками как в период ведения войны, так и в послевоенное время, и выразился в согласовании военных и политических действий.

28 сентября 1941 г. британская (во главе с лордом У.М. Бивербруком) и американская (во главе с А. Гарриманом) делегации прибыли в Москву. В ходе трехсторонних переговоров были согласованы программа помощи СССР и сумма, в пределах которой США были готовы начать поставки необходимых товаров с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1942 г., что и зафиксировали в протоколе, подписанном в Кремле. По первому московскому протоколу «...Соединённые Штаты брали на себя обязательства поставить в следующем году в Россию товаров на сумму приблизительно 1015 млн долларов»¹¹¹. Согласно соглашению, в СССР ежемесячно поставлялось 400 самолётов, в том числе 100 бомбардировщиков, 500 танков, значительное количество автомобилей, зенитных и противотанковых орудий, телефонное оборудование, алюминий, никель, медь, сталь, нефть, медикаменты. Американская и британская стороны не обязались доставлять соответствующие грузы, но обязались способствовать СССР в их доставке¹¹².

Дальнейшее военно-экономическое сотрудничество двух стран определяло «Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подписанное 11 июня 1942 г. в Вашингтоне. Соглашение стало основным документом, регулирующим советско-американские отношения в годы войны. Оно отражало специфику ленд-лиза, нацеленного на длительное торгово-экономическое сотрудничество двух стран и в послевоенный период, призывало к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле, к сокращению пошлин и других торговых барьеров. Соглашение фактически дублировало основные статьи законодательства о ленд-лизе, в том числе обязывая советское правительство вернуть после войны «оборонные материалы», которые «...окажутся не уничтоженными, утраченными или потребленными и ...смогут быть использованы Соединёнными Штатами Америки»¹¹³.

В это же время был подписан второй протокол (всего их четыре) о поставках в СССР на период до 30 июня 1943 г., предусматривавший поставку 8 млн т материалов (на практике поставлено меньше). Для обеспечения поставок по ленд-лизу и поддержания контактов с советским командованием в Москву направлялись постоянные военные миссии США и Великобритании. В октябре 1943 г. учреждена американская военная миссия под руководством генерал-майора Дж. Дина, действовавшая до конца Второй мировой войны. Главной задачей её являлось налаживание и поддержание военного взаимодействия между вооружёнными силами обеих стран, контроль за поставками оружия и боевой техники из США в СССР по ленд-лизу¹¹⁴.

Всего по ленд-лизу американцы поставили союзникам (Великобритании, СССР, Франции и Китаю) материальных ценностей примерно на 55 млрд долл.¹¹⁵ (в ценах 2015–2016 гг., это составляет 1 трлн долл.), из них в Советский Союз – на сумму около 11,5 млрд (21%). После войны СССР выплатил после всех

согласований с американской стороной 722 млн долл. – менее 7% от суммы поставок. Согласно данным главы американской военной миссии в Москве генерала Дж. Дина, отвечавшего за доставку грузов по ленд-лизу в СССР, с 1 октября 1941 г. по 31 мая 1945 г. в Советский Союз отправлено «...2660 судов с общим весом грузов 16 529 791 тонна. Из этого общего числа в Россию прибыла 15 234 791 тонна. Разница в сравнении с общим объёмом получается из-за того, что 52 судна были выделены для Объединённого королевства, а 77 судов погибли в результате вражеского воздействия»¹¹⁶.

Среди «тысяч видов продукции», направленных в Россию, первыми по значимости генерал Дин выделяет транспортные и боевые средства. «...Из этой категории мы отправили в СССР 427 284 грузовые машины, 13 303 боевые машины, 35 170 мотоциклов и 2328 джипов»¹¹⁷. Общее же число поставленных в СССР по ленд-лизу автомобилей составило 477 785 ед., из них около 300 000 грузовых автомобилей повышенной проходимости. Поставки по ленд-лизу автомобильной техники и бронетранспортёров восполнили недостаток механической тяги для артиллерии. Следующими по важности были нефтепродукты. С октября 1941 г. по май 1945 г. американцы поставили 2 670 371 т в Советский Союз¹¹⁸.

Транспортировка грузов по ленд-лизу в СССР осуществлялась по трём главным маршрутам: через Атлантику («северные конвои»), по «персидскому коридору» и через Тихий океан. Дальневосточное государственное морское пароходство (ДВГМП) обеспечивало транспортно-коммуникационное сопровождение программы военной помощи США. К 1945 г. через Тихий океан в СССР доставлено более половины тоннажа всех американских грузов для Советского Союза (9 млн т)¹¹⁹ и несколько тысяч тонн – по воздуху по трассе Алсиба – из Аляски в Якутск¹²⁰.

Для дипломатического сопровождения военно-технических и экономических связей СССР и США на Дальнем Востоке возобновило работу после длительного перерыва американское консульство во Владивостоке. Его возглавил А. Уорд (Angus I. Ward) – первый секретарь посольства США в Москве, прибывший во Владивосток в январе 1941 г. Сотрудники консульства занимались в том числе решением вопросов, связанных с американской программой ленд-лиза¹²¹.

Осенью 1941 г. во Владивосток из США с грузом прибыл караван судов в составе «Ангарстрой», «Менжинский», «Узбекистан», «Уралмаш», «Ударник», «Большой Шантар», «Сахалин», «Хабаровск», «Сергей Киров» и «Кузнец Лесов»¹²². В дальнейшем грузооборот между советским Дальним Востоком и США (преимущественно портами американского западного побережья) только нарастал. Фактически все порты Дальнего Востока были задействованы для транспортировки грузов из США, хотя Владивостоку при этом принадлежало главное место.

О структуре американского «ленд-лизовского» экспорта в Советский Союз можно судить по данным ДВГМП. Так, в 1943 г. мука и зерно доставлялись во Владивосток из Сиэтла, Олимпии, Беллингхема, Такомы, Портленда, Сан-Франциско. Наливная нефть во Владивосток ввозилась из Портленда, Сан-Франциско и Сан-Педро, металлы – из Такомы, Сиэтла, Портленда, Сан-Франциско, Олимпии, Филадельфии и Нью-Йорка. Машины транспортировались из Такомы, Сиэтла, Олимпии, Портленда, Сан-Франциско, Нью-Йорка и Филадельфии¹²³. Наиболее эффективными по количеству совершённых рейсов и перевезённых грузов в этом же году оказались три линии: Владивосток – Портленд – Лонгвью – Владивосток – 35 рейсов и 186 302 т грузов; Владивосток – Сиэтл – Такома – Микальтео –

Олимпия – Беллингхем – Анакортес – Владивосток – 21 рейс и 102 531 т; Сиэтл – Такома – Олимпия – Микальтео – Билленгхем – Владивосток – 20 рейсов и 102 995 т. В 1943 г. дальневосточный наливной флот совершил 42 рейса в порты США, доставив из них 333 108 т нефтепродуктов¹²⁴.

В 1944 г. дальневосточные сухогрузные и транспортные суда перевозили грузы из американских портов Акутан Харбор, Дейч Харбор, Адак, Унион Бэй, Лос-Анджелес, Сиэтл, Такома, Микальтео, Олимпия, Анакортес, Беллингхем, Портленд, Калама, Лонгвью, Бивер, Ванкувер, Астория, Сан-Франциско, Сан-Пабло, Ричмонд, Мартинес, Сан Педро, Лонг-Бич, Вильмингтон и др. Наливные суда работали в основном с портами Сан Педро, Лос-Анджелес, Лонг-Бич, Нью-Йорк, Нью-Орлеан и Филадельфия¹²⁵.

В 1945 г. напряжение в транспортировке американских грузов на Дальний Восток несколько снизилось. Дальневосточные суда в основном посещали крупные порты западного побережья США: Портленд, Сиэтл, Ванкувер, Сан-Франциско и Такому. Реже в документах упоминаются рейсы в маленькие порты: Олимпию, Лонгвью, Адак, Бивер, Беллингхем. Единичными были рейсы на отдалённое восточно-атлантическое побережье, например в Нью-Йорк или Филадельфию. Наливной флот по-прежнему загружался преимущественно в Сан-Франциско, Сан Педро и Лос-Анджелесе¹²⁶.

По специальной программе в США ремонтировались и строились суда для СССР. В разных американских портах в 1942 г. моряками ДВГМП принято 27 судов, в 1943 г. – 46, в 1944 г. – 20, в 1945 г. – 35. Новейшими судами, полученными от американцев, были 38 сухогрузов типа «либерти» и 10 танкеров. Владивостокское арктическое пароходство получило в аренду американские ледоколы «Северный полюс», «Северный ветер» и «Адмирал Макаров». В 1944 г. в арктическое пароходство из США поступил вспомогательный и буксирный флот – 15 морских буксиров, малотоннажный теплоход «Чукотка» и новые дизель-электрические ледоколы для перевозки грузов из Сиэтла, Ванкувера и Сан-Франциско в Арктику¹²⁷.

Помимо транспортировки грузов из США на Дальний Восток морем в годы войны изыскивались новые и сравнительно безопасные транспортные коридоры. Одним из них стал Алсиб – воздушный мост между Аляской и сибирскими городами. Советские лётчики пилотировали американские самолёты с крупнейшей военной авиабазы США Л. Филд (Ladd Field), находившейся в г. Фербэнкс на Аляске, по сложнейшей трассе через Уэлькаль, Сеймчан, Якутск, Киренск до Красноярска. Истребители и бомбардировщики с американских авиационных заводов доставляли через Канаду на Аляску экипажи пилотов 7-й перегонной группы ВВС США. В Фербэнксе машины поступали специалистам военной приёмки ВВС Красной армии, а они передавали их личному составу 1-й Краснознамённой перегонной авиационной дивизии, состоявшей из 5 авиаперегоночных полков, штаб которой находился в Якутске. «...Русские лётчики поднимали американские бомбардировщики в Фербэнксе, чтобы лететь на них в Россию»¹²⁸. В 1943–1944 гг. около 300 самолётов с советскими и американскими экипажами летали по маршруту Алсиба ежемесячно¹²⁹. Всего за годы войны с Аляски в Сеймчан на Колыме по ленд-лизу переправлено около 8000 боевых самолётов¹³⁰. Путь американских самолётов на советско-германский фронт составлял 14 000 км.

Наличие общего врага и союзнические отношения СССР и США формировали и поддерживали дружеские чувства двух народов. Вице-президент США Генри

Уоллес, посетивший по поручению президента Ф. Рузвельта летом 1944 г. Сибирь и Дальний Восток, отметил, что «...русский и американский народы инстинктивно нравятся друг другу»¹³¹, и надеялся на продолжение сотрудничества после войны. Подобные взгляды разделяли многие американцы, искренне сочувствовавшие борьбе советского народа с фашизмом.

Идейно-политическая составляющая антигитлеровской коалиции оформилась через ряд договоренностей, совместных действий и деклараций главных её участников – СССР, США и Великобритании («Большой тройки»). Начало идейно-политическому оформлению антифашистской коалиции положила англо-американская Атлантическая хартия от 14 августа 1941 г. Хартия декларировала отказ от территориальных приобретений, уважение права народов «избирать себе форму правления», равенство в торговле, а также чтобы «...все страны... имели бы доступ на равных основаниях к торговле и мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран»¹³². Лидеры двух стран обещали после разгрома «нацистской тирании» построить мировой порядок «без страха, нужды и агрессии». 24 сентября 1941 г. Советский Союз объявил, что поддерживает основные положения Атлантической хартии.

Другим документом, определившим идейно-политическое содержание антигитлеровской коалиции, можно считать Декларацию Объединённых Наций (термин президента Рузвельта), подписанную в Вашингтоне 1 января 1942 г. После согласования представителями 26 государств, включая СССР и Китай, Декларация подтверждала цели Атлантической хартии и стала фактически идеологической платформой союзнических отношений. Она провозглашала единство «Объединённых Наций» в борьбе со странами «оси» вплоть до полной победы. Декларация запрещала заключение сепаратного мира и была открыта для подписания всеми странами, готовыми внести материальный вклад в дело победы над гитлеризмом. «Каждое правительство обязуется сотрудничать с другими правительствами, подписавшими сие, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами»¹³³. До конца войны к Декларации присоединилось ещё 21 государство, хотя реальный вклад большинства из них в победу был невелик.

Декларация Объединённых Наций была сформулирована почти сразу же после вступления в войну Соединённых Штатов. После массированной бомбардировки японцами ключевой тихоокеанской военно-морской базы США – Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., а также баз Гуам, Уэйк, Мидуэй война стала свершившимся фактом для Америки. 8 декабря Британия также объявила войну Японии. Мир окончательно раскололся на две противостоящие коалиции, и война приняла общемировой характер.

К лету 1942 г. Япония захватила все главные колонии и базы Великобритании, США и Голландии в регионе: Малайю, Бирму, Филиппины, Голландскую Ост-Индию, Индокитай, ряд островов в Алеутской гряде. Готовилась японская высадка в Австралии и Новой Зеландии. Преобладание Японии на море было явным. В ответ Соединённые Штаты в годы Второй мировой войны сконцентрировали на тихоокеанском театре военных действий около 40% своей боевой мощи. Здесь США проводили «периферийную стратегию», избегая столкновения с главными силами Японии. Американские войска не пытались высадиться в Китае для удара по японским оккупационным войскам или даже выдвинуть свои силы непосредственно к японской территории, рискуя быть втянутыми

в затяжную войну, опасность которой уже была продемонстрирована неспособностью Японии добиться решающей победы над гораздо более слабо подготовленным к войне режимом Чан Кайши.

Вступление США во Вторую мировую войну поставило перед Вашингтоном главный вопрос о поиске союзников и укреплении американского «тыла» в Тихоокеанском полушарии. Поэтому формирование коалиции СССР – США было во многом связано с вопросом участия СССР в войне на Тихом океане против Японии – союзницы фашистской Германии. По мнению генерала Дж. Дина, «...если бы могли заранее подготовить планы взаимодействия между Россией и США в борьбе с Японией, тогда необходимости дальнейшего сохранения советско-японского нейтралитета больше не было бы»¹³⁴.

В свою очередь СССР избегал обострения отношений с Токио, чтобы исключить войну на два фронта. Поводом для войны на Тихом океане могло стать согласие Москвы на продвигаемое Вашингтоном с начала 1943 г. предложение создать на советском Дальнем Востоке американские военные базы и транспортные коридоры. В США считалось, что американским ВВС необходим «...воздушный коридор с Аляски, через Алеутские острова, Датч-Харбор на Камчатку, Владивосток и Японию»¹³⁵. Поэтому «сверхзадачей» для главы американской военной миссии в Москве, которую поставил ему президент Ф. Рузвельт, было добиться от Советского Союза предоставления авиабаз и военно-морских баз на советском Дальнем Востоке для стратегической авиации и флота США, откуда они могли бы наносить удары по Японии¹³⁶.

Объективности ради следует отметить, что наряду с теми, кто надеялся на использование «русских авиабаз в Сибири», находилось немало скептиков, предупреждавших о неосуществимости подобных планов. По замечанию профессора университета штата Вашингтон А. Спектора, «...в то время как большинство американцев мысленно рассчитывает на временное использование сибирских баз, русские, всегда с подозрением относящиеся к замыслам, угрожающим территориальной безопасности Советского Союза, рассматривают наш интерес в отношении этих баз как проявление американского империализма»¹³⁷.

Для Советского Союза первостепенное значение, в свою очередь, имело открытие второго фронта в Европе. С 1943 г. эти два вопроса – открытие англо-американского фронта против Германии и вступление СССР в войну с Японией стали увязываться на встречах лидеров стран «Большой тройки». Этапным событием в формировании союзнической коалиции для войны против Японии стала американо-британская конференция в г. Касабланка (Марокко) в январе 1943 г. США добились того, что Великобритания впервые чётко заявила о готовности начать полномасштабные боевые действия против Японии на Тихом океане после победы над Германией. Кроме того, Соединённые Штаты и Великобритания сошлись во мнении о необходимости убедить Советский Союз вступить в войну против Японии после победы над Германией. США твёрдо следовали линии не вступать в полномасштабные военные действия на материке без сильных союзников, которыми считались СССР и Китай.

На Третьей Московской конференции в октябре 1943 г. с участием министров иностранных дел «Большой тройки» формирование коалиции для войны с Японией продолжилось. Основной задачей делегации США во главе с госсекретарем К. Хэллом было получить от Кремля «...хотя бы неформальные заверения относительно вступления СССР в войну с Японией»¹³⁸.

Следующим шагом в направлении координации сил союзников на Тихом океане стало подписание Соединёнными Штатами, Британией и Китаем 27 ноября 1943 г. Каирской декларации. Декларация не только формулировала цели войны с Японией, но и планировала послевоенное территориальное переустройство региона. «...Цель вышеупомянутых союзных держав заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике»¹³⁹. Каирская декларация впервые включала в себя положение о безоговорочной капитуляции Японии. И. Сталин согласился с Каирской декларацией, но умело подвёл союзников к тому, чтобы предоставить СССР сферу влияния на Дальнем Востоке.

Начиная с Тегеранской конференции (28 ноября–1 декабря 1943 г.) к проблеме вступления СССР в войну с Японией добавился вопрос об американском военном присутствии на советском Дальнем Востоке. Это нашло отражение в меморандуме, переданном делегацией США И. Сталину на Тегеранской конференции. Президент Ф. Рузвельт поставил ряд конкретных вопросов: согласен ли И. Сталин обеспечивать Соединённые Штаты военной информацией о борьбе с Японией; желательно ли, чтобы США создали на Аляске и Алеутах опорные пункты для защиты советских эскадренных миноносцев и подводных лодок, находящихся в советских портах, от возможных атак японцев; согласен ли И. Сталин дать информацию о сибирских портах, которые могли бы быть использованы американскими вооружёнными силами при определённых обстоятельствах; согласен ли И. Сталин предоставить информацию о расположенных на береговой линии авиабазах, которые могли бы принять до 1000 самолётов и быть использованы американской стороной¹⁴⁰.

На Тегеранской конференции И. Сталин ответил принципиальным согласием на вступление СССР в войну с Японией. В ответ на это Ф. Рузвельт проявил уступчивость в отношении требований советской стороны о сохранении контроля над Прибалтикой, переносе польских границ на Запад, получении части Восточной Пруссии с Кенигсбергом, а также о возвращении части прав и привилегий России на Дальнем Востоке¹⁴¹.

В декабре 1943 г. посол А. Гарриман через наркома иностранных дел В. Молотова получил ответ на Тегеранский меморандум, в котором сообщалось, что советское правительство готово поделиться имеющейся информацией о японцах, «насколько это возможно». И. Сталин также сказал, что Советский Союз может выступить против Японии только после разгрома Германии и дал принципиальное согласие на создание американских авиабаз в СССР¹⁴². 2 февраля 1944 г. состоялась встреча А. Гарримана и Дж. Дина с И. Сталиным, где американцев проинформировали о том, что после объявления Советским Союзом войны Японии Соединённым Штатам разрешалось проводить воздушные операции с территории Сибири. Договорились создать 12 аэродромов для тяжёлых бомбардировщиков ВВС в районе Владивостока и Советской Гавани¹⁴³.

Однако в дальнейшем советская сторона уклонилась от своих обещаний. Попытка американских представителей в СССР добиться согласия СССР на предоставление дальневосточных аэродромов для американских ВВС и военно-морских баз на Камчатке не увенчалась успехом. 16 декабря 1944 г. заместитель

начальника Генштаба А. Антонов сообщил Дж. Дину, что американским ВВС не будут предоставлены аэродромы на Дальнем Востоке и военно-морские базы для кораблей ВМС США на Камчатке. Возражения Дж. Дина были доложены И. Сталину, но и после этого отказ остался в силе¹⁴⁴.

Советское правительство решительно отказалось сотрудничать с США из-за опасений, что американские спецслужбы смогут получить доступ к стратегически важной информации и дислокации советских сил на Дальнем Востоке. Даже вынужденные посадки американских самолётов на советских аэродромах воспринимались весьма подозрительно. В период между 1942 и 1945 гг. 291 американский лётчик совершил посадку в Приморье и на Камчатке. В некоторых случаях американские авиаторы были интернированы и держались в изоляции, как это произошло с экипажами бомбардировщика Б-25, севшего на аэродром вблизи Владивостока в апреле 1942 г., а также Б-24 и Б-25, приземлившихся в Петропавловске в 1944 г.¹⁴⁵ Это вызывало протесты Госдепартамента и американских военных. В то время как русские лётчики тепло принимались на Аляске, американским интернированным пилотам было трудно понять союзническую логику советских властей.

К концу 1944 г. отношения между СССР и США стали охлаждаться, но в вопросе о войне с Японией командование США продолжало исходить из необходимости масштабного советского участия. На встрече руководителей трёх держав в Ялте в феврале 1945 г. Ф. Рузвельт и И. Сталин согласовали планы как в отношении Японии, так и послевоенного переустройства Тихоокеанского региона. Согласно Ялтинскому соглашению от 11 февраля 1945 г., руководители трёх держав согласились с тем, что «...через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников»¹⁴⁶.

Взамен Сталин на двусторонней встрече с Рузвельтом 8 февраля поднял вопрос о «политических условиях», которые в основном были удовлетворены и нашли отражение в Ялтинском соглашении. Речь шла о передаче СССР Южного Сахалина и южных островов Курильской гряды («главы правительств трёх держав согласились на передачу Советскому Союзу Курильских островов после победы над Японией»), аренде железных дорог в Маньчжурии, порта Дайрена (Дальнего) и морской базы в Порт-Артуре. Рузвельт в целом поддержал эти запросы, но высказался за совместное советско-китайское управление КВЖД и ЮМЖД, а также за статус свободного порта для Дайрена («интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту»), в котором США видели возможность для реализации своей политики «открытых дверей» в Китае. Взамен обязательства вступить в войну против Японии СССР фактически добился принятия Соединёнными Штатами и Великобританией своих условий в полном объёме¹⁴⁷.

Объединённый штаб вооружённых сил США предложил на Ялтинской конференции советскому руководству план военного строительства в контексте подготовки к войне с Японией. Он включал такие пункты, как обеспечение безопасности Транссибирской железнодорожной магистрали и полуострова в районе Владивостока; создание советских и американских стратегических ВВС, чтобы проводить операции против Японии с прибрежных областей; прервать морское и воздушное сообщение японцев между Азией и Японией. Для обеспечения безопасности маршрутов снабжения через Тихий океан предлагалось

сделать Петропавловск опорным пунктом ВМФ США; улучшить портовые сооружения на Амуре, осуществить военную оккупацию Южного Сахалина, проводить совместные советско-американские операции ВМФ¹⁴⁸. Таким образом, роль СССР выделась в разгроме японской группировки войск в Маньчжурии, бомбардировках японской территории с аэродромов Дальнего Востока и пресечении японских морских коммуникаций с Азиатским материком. Намеченное на август 1945 г. испытание атомной бомбы не меняло этих расчётов.

В формате военного сотрудничества и подготовки СССР к войне с Японией на Тихоокеанский флот СССР из Америки поступило 95 торпедных катеров, 56 сторожевиков, столько же тральщиков, 32 больших охотника за подводными лодками и более полусотни сторожевых катеров, десантных судов и различных плавсредств¹⁴⁹. С мая по сентябрь 1945 г. американский флот обучил около 15 тыс. советских моряков Тихоокеанского флота в Колд-Харборе (штат Аляска) управлять 138 надводными судами, переданными СССР по ленд-лизу¹⁵⁰. Более 500 советских лётчиков проходили обучение на Аляске¹⁵¹.

После капитуляции Германии и окончания войны в Европе США стали стремиться к большей самостоятельности в Тихоокеанском регионе и независимости от поддержки и взаимодействия с советской стороной. Потсдамская конференция (июль 1945 г.) стала последней встречей лидеров «Большой тройки» и первой, на которой спорные политические вопросы стали доминировать над военными проблемами. Президент Г. Трумэн считал основной задачей для американской дипломатии – добиться участия Советского Союза в войне на Тихом океане. 24 июля 1945 г. объединённый комитет начальников штабов доложил Г. Трумэну и У. Черчиллю план, в котором предлагалось «...поощрять вступление России в войну против Японии»¹⁵². По словам генерала Дж. Дина, «...все двери для вступления России в войну с Японией были открыты»¹⁵³.

В Потсдаме советское правительство подтвердило своё обязательство, взятое на Крымской конференции, о вступлении в войну против Японии на стороне союзников. При этом оно руководствовалось чувством союзнического долга, а также исходило из того, что Япония на всём протяжении войны вела в отношении СССР явно враждебную политику, систематически нарушала принятые на себя обязательства по договору о нейтралитете с Советским Союзом. Начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии А.И. Антонов подтвердил на конференции, что советские войска сосредотачиваются на Дальнем Востоке, но открытие военных действий будет зависеть от советско-китайских переговоров, начавшихся накануне Потсдамской конференции. Целью советских вооружённых сил на Дальнем Востоке является разгром японских войск в Северо-Восточном Китае и выход к Ляодунскому полуострову¹⁵⁴.

В Потсдаме СССР и США продолжили обсуждение вопросов, связанных с координацией совместных действий в войне с Японией. Так, 26 июля 1945 г. с одобрения начальников штабов советской стороне было предложено обменяться офицерами связи и создать систему быстросредств дальней телеграфной. Кроме того, предлагалось создать в Хабаровске и Петропавловске две американские метеостанции для содействия операциям на море и в воздухе. Предлагалось двустороннее использование авиабаз и морских опорных пунктов, где можно было бы отремонтировать повреждённые в боях самолёты и корабли¹⁵⁵. Советская сторона полностью или частично согласилась с большинством из этих предложений за исключением последнего.

26 июля 1945 г. США, Великобритания и Китай подписали Потсдамскую декларацию, в которой повторялось требование безоговорочной капитуляции Японии. «...Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооружённых сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японии ждёт быстрый и полный разгром»¹⁵⁶. В декларации излагались условия капитуляции: полное разоружение, отказ от всех захваченных территорий, искоренение милитаризма и демократизация государственного устройства. Для образования свободно избранного и миролюбивого правительства Япония подлежала оккупации силами союзников.

9 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. По словам генерала Дж. Дина, вряд ли кто-то «...из ответственных американцев сомневался в окончательном участии России в войне с Японией. Советский Союз имел слишком широкие сферы интересов на Дальнем Востоке, чтобы спокойно наблюдать, как будет устроен порядок этого района после войны без участия России. С другой стороны, Советский Союз вряд ли мог претендовать на место в мирных переговорах, не встав в ряд ведущих победителей в войне с Японией»¹⁵⁷.

После этого японское правительство начало переговоры о капитуляции на условии сохранения института императорской власти. США ответили согласием, потребовав признания верховенства главнокомандующего союзными силами генерала Д. Маккартура. Посол США А. Гарриман в Москве отбил попытку В. Молотова назначить в помощь Д. Маккартуру маршала А.В. Василевского. Американская дипломатия также активно вмешивалась в ход советско-китайских переговоров, пытаясь скорректировать ялтинские соглашения. В итоге Договор о дружбе и союзе с Китаем, подписанный 14 августа в Москве, предусматривал лишь незначительные преимущества СССР в управлении маньчжурскими железными дорогами и портом Дайрен¹⁵⁸.

С исчезновением общих врагов идейно-политический союз «Большой тройки» начал разваливаться. В это же время начался распад советско-американского экономического сотрудничества. Летом 1945 г. американская администрация внезапно прекратила поставки по ленд-лизу, а 21 августа 1945 г. президент Г. Трумэн объявил об окончании программы. На этом шаге настаивали многие американские политики и дипломаты (в том числе посол А. Гарриман), опасаясь военно-экономического усиления СССР. Сотрудник американского посольства в Москве Дж. Кеннан в докладной записке Госдепартаменту объяснил «целесообразность» такого шага: «...Нынешняя советская экономическая программа представляет собой милитаристскую индустриализацию, цели которой совершенно расходятся с нашими интересами, и у нашего правительства нет оснований её поддерживать»¹⁵⁹. Всё это способствовало дальнейшему охлаждению советско-американских отношений.

15 августа 1945 г. император Японии подписал подготовленный в Вашингтоне и согласованный с союзниками текст Общего приказа № 1 всем вооружённым силам Японии. В соответствии с ним вооружённые силы Японии в Малайе и Юго-Восточной Азии к югу от 16-го градуса северной широты должны были сдаваться представителям командования Великобритании, в Маньчжурии, на Сахалине и в Корее к северу от 38-го градуса – Советской армии, все остальные японские части и соединения в Китае, на Тайване и во Французском Индокитае к северу от 16-го градуса – Чан Кайши. США принимали капитуляцию

на островных территориях и в самой Японии. Некоторая корректировка приказа была проведена по предложению СССР. 16 августа 1945 г. советские представители потребовали включить в зону советского оккупационного контроля Курильские острова и северную часть о-ва Хоккайдо. Американская администрация согласилась с вводом советских войск на Курилы, но энергично отвергла предложение о размещении их на Хоккайдо¹⁶⁰.

Общая угроза сплотила Советский Союз и страны Запада. Идеологические и социально-политические различия не помешали созданию коалиции для борьбы с фашистской Германией и милитаристской Японией. Военно-экономическая помощь Соединённых Штатов Советскому Союзу в годы войны, безусловно, заслуживая уважения, тем не менее, оценивается в настоящее время по-разному. При оценке вклада США в общую победу следует принять во внимание и мнение ближайшего советника президента Ф. Рузвельта, Г. Гопкинса, непосредственного организатора этой помощи: «...мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии. Этого добивались воины Красной Армии, которые отдавали свою жизнь и кровь в борьбе с общим врагом»¹⁶¹.

Интересы и взгляды союзников совпадали не во всем. Усилия Советского Союза были сконцентрированы преимущественно в Европе, а интересы США – в Тихоокеанском регионе. С исчезновением общего врага антифашистская коалиция государств распалась. Однако взаимно исключаящими интересы бывших союзников стали далеко не сразу. Логика биполярных отношений СССР и США закрепилась в Азиатско-Тихоокеанском регионе позже, чем в Европе, лишь к началу 1950-х гг.¹⁶² Тем не менее эпоха «холодной войны» и конфронтации бывших союзников неотвратимо приближалась.

* * *

Военно-политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии характеризовалась нарастанием напряжённости, каждая из стран стремилась создать для себя наиболее благоприятные условия для передела сфер влияния. Германия и Италия, стремясь не только установить господство в Европе и Африке, но и усилить контроль в Азии, были заинтересованы в складывании широкого военно-политического блока, способного бросить вызов западноевропейским странам, США и СССР. Япония нуждалась в стратегических партнерах, способных блокировать вмешательство кого-либо в зоне Тихого океана.

Захват Маньчжурии и создание марионеточного государства Маньчжоу-го стали прологом Второй мировой войны. Заключив в 1936 г. Анτικοинтерновский пакт с Германией (в феврале 1939 г. присоединилось Маньчжоу-го), в 1940 г. – Тройственный пакт с Германией и Италией, Япония, признав создание нового порядка в Европе, получила согласие на превращение восточноазиатского пространства (от Урала на севере до Афганистана и Пакистана – на юге) в зону своих интересов. После нападения 22 июня 1941 г. фашистской Германии на СССР она начала реализовывать планы по захвату колониальных владений США, Англии и Голландии, активизировала разработку военно-стратегических операций по захвату восточных районов СССР. Однако военно-экономический

потенциал Японии был недостаточен для активных военных действий на южном и северном направлениях.

Внешнеполитическая деятельность Советского Союза в годы войны была направлена на повышение своего международного авторитета (имел дипломатические отношения с 52 государствами), создание коалиции государств для укрепления национальной безопасности, принятия эффективных мер против фашистско-милитаристского блока. Антияпонское сопротивление в северо-восточных территориях Китая сковывало японскую группировку войск в Маньчжурии, позволило укрепить дальневосточные рубежи. Руководители СССР, США и Великобритании не выработали единой точки зрения о принципах урегулирования геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ссылки и примечания

- ¹ Мамаева Н.Л. Роль СССР в отражении японской агрессии в Китае // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 22.
- ² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. (1935–июнь 1941 г.). М., 1946. С. 291.
- ³ Ли Тяньцзы. К вопросу о значении антияпонского сопротивления китайского народа в Мировой войне против фашизма // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 269.
- ⁴ Лузянин С.Г. 65-летие окончания Второй мировой войны. Международное значение советско-китайского сотрудничества в годы антияпонской войны // Роль СССР и Китая в достижении Победы во Второй мировой войне. Сб. материалов науч. конф., организованной Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом международных исследований МИД КНР / сост. А.Ф. Клименко. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 8.
- ⁵ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 167–170, 172–179; Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4 кн. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. Сер. «Размышления историка». Кн. 1. Две нации – две трансформации (XVII – начало XX в.); Кн. 2. Два государства – три партии (1917–1949 гг.). С. 361–362; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. С. 129–133; 中苏经济 贸易关系史 = Чжунсу цзинцзи маои ши=История китайско-советских торгово-экономических отношений / гл. ред. Мэн Сяньчжан. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1992. С. 296–298.
- ⁶ Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1957. С. 99–100.
- ⁷ Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.) // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М.: Наука, 1968. С. 99–100; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950-е гг.). Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 101.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2557. Л. 43–49; Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 179–184; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). С. 133–134.
- ⁹ Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.)... С. 101–102; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М.: Наука, 1977. С. 194.
- ¹⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). С. 138.
- ¹¹ Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.)... С. 105–106; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. С. 9; Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской

- войны: 1941–1945 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 51; Ледовский А.М. Китайская политика США и советско-китайская дипломатия. 1942–1954. М.: Наука, 1985. С. 20; Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. М.: Наука, 2002. С. 348.
- ¹² Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М.: Мысль, 1980. С. 124; Лузянин С.Г. Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). С. 221–237.
- ¹³ Лузянин С.Г. Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). С. 221–237.
- ¹⁴ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 256.
- ¹⁵ 中国东北的通史=Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 664; 东北抗联教导旅 (88 旅) 历史画传 = Дунбэй канлян цзяодао люй (88 люй) лиши хуачуань = История 88-й антияпонской учебной бригады в иллюстрациях. Пекин, 2016. С. 24–25.
- ¹⁶ 周保中. 东北的抗日游击战争和抗日联军 = Чжоу Баочжун. Дунбэйдэ канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянцзюнь = Антияпонская партизанская война и Объединённая антияпонская армия в СВК // Даши цзыляо, 1954. № 9. С. 13; Лю Юнъань. К истории партизанского движения на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 гг. // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 93.
- ¹⁷ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 693; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 203.
- ¹⁸ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 707; Константинов Г.Д. Особая интернациональная: 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск: Дальневосточный издательский центр «Приамурские ведомости», 2015. С. 7.
- ¹⁹ 周保中. 东北的抗日游击战争和抗日联军 = Чжоу Баочжун. Дунбэйдэ канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянцзюнь = Антияпонская партизанская война и Объединённая антияпонская армия в СВК // Даши цзыляо, 1954. № 9. С. 20; Лю Юнъань. К истории партизанского движения на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 гг. // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 93.
- ²⁰ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 668; Новейшая история Китая. 1928–1949. М.: Наука, 1984. С. 143; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. С. 227.
- ²¹ 李敏. 风雪征程. 东北抗日联军战士的回忆录 = Li min..Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2012. С. 546.
- ²² 二战文化城-东宁 = Эрчжань вэньхуа чэн – Дуннин = Дуннин в годы Второй мировой войны, отражённый в культурном наследии города. Харбин: Чжунго ю цзитуань гунсы хэйлунцзян фэнь гунсы, 2016. С. 6; Учебная бригада антияпонской армии Северо-Востока Китая. URL: // <http://www.ruchina.org/heilongjiang-article/china/1188.html> (дата обращения: 04.09.2019).
- ²³ 东北抗联教导旅 (88 旅) 历史画传 = Дунбэй канлян цзяодао люй (88 люй) лиши хуачуань = История 88-й антияпонской учебной бригады в иллюстрациях. Пекин, 2016. 120 с.
- ²⁴ 李敏. 风雪征程. 东北抗日联军战士的回忆录 = Li min. Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2012. С. 579; Гао Сяоянь. Памятная дата совместной борьбы Советской армии и Объединённой армии на Северо-Востоке Китая в годы антияпонской войны на Дальнем Востоке // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 95.
- ²⁵ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 706; 李敏. 风雪征程. 东北抗日联军战士的

- 回忆录 = Li min. Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2012. С. 580.
- ²⁶ 东北 抗联 教导旅 (88 旅) 历史画传 = Дунбэй канлян цзяодао луй (88 луй) лиши хуачуань = История 88-й антияпонской учебной бригады в иллюстрациях. Пекин, 2016. С. 60; 李敏. 风雪征程. 东北抗日联合军 战士的回忆录 = Li min. Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2012. С. 605, 607.
- ²⁷ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэйдэ тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 706; 李敏. 风雪征程. 东北抗日联合军战士的回忆录. Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян, 2012. С. 582.
- ²⁸ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэйдэ тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 708; Гао Сяоянь. Памятная дата совместной борьбы Советской армии и Объединённой армии на Северо-Востоке Китая в годы антияпонской войны на Дальнем Востоке // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 96; 李敏. 风雪征程. 东北抗日联合军战士的回忆录 = Li min. Fengxue zhengcheng. Dongbei kangri lianhejun zhangshi de huiyiliu = Ли Минь. Сквозь снег и ветер. Мемуары солдата антияпонской объединённой армии Северо-Востока. Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2012. С. 581.
- ²⁹ 中国东北的通史 = Чжунго дунбэй тунши = Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 712.
- ³⁰ Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950-е гг.). Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 196–206; 中国最新的历史字典=Чжунго сяньдай ши цыдянь = Новейшая история Китая 1919–1986 гг. Словарь-справочник. Пекин, 1987. С. 122–123.
- ³¹ Мясников В.С. Россия и Китай. 400 лет межгосударственных отношений. Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 24. Нью-Йорк: Эдвин Меллен Пресс, 2001. С. 349–350.
- ³² РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 14. Л. 8; Романова Г.Н. Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 2. С. 147; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. С. 159–160.
- ³³ Борисов О.Б. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945–1945). 3-е изд. доп. и перераб. М.: Мысль, 1985. С. 161–162.
- ³⁴ Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931–1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 13; Ли Тяньцзы. К вопросу о значении антияпонского сопротивления китайского народа в Мировой войне против фашизма // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 132; Лю Хун. Некоторые особенности войны Китая против японского фашизма // Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 149; Ледовский А.М. СССР и Китай в 1937–1945 гг. Записки советского дипломата // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 85.
- ³⁵ Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, заключенный в Москве 13 апреля 1941 г. // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. IV (1935–июнь 1941 г.). М., 1946. С. 550.
- ³⁶ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект // Новая и новейшая история. М.: Наука, 2011. С. 32.
- ³⁷ Кошкин А.А. Россия и Япония. Узлы противоречий. М., 2010. С. 231.
- ³⁸ Кошкин А. Курильский пинг- понг. 100 лет борьбы за острова. СПб.: Питер, 2018. С. 189–193, 207–209.

- ³⁹ Хатано Сумио. Японо-советские отношения в 1941–1945 гг. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 424–425.
- ⁴⁰ Хатано Сумио. Японо-советские отношения в 1941–1945 гг. ... С. 424–425.
- ⁴¹ Хатано Сумио. Японо-советские отношения... С. 426.
- ⁴² Хатано Сумио. Японо-советские отношения... С. 427.
- ⁴³ Lensen G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. THE DIPLOMATIC PRESS, Tallahassee, Florida. P. 101–102.
- ⁴⁴ Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1999. С. 335.
- ⁴⁵ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 269.
- ⁴⁶ СССР и Япония. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. С. 222.
- ⁴⁷ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Институт российской истории. 2003. С. 211–219; Стрельбицкий К.Б. Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй мировой войны на море. 1939–1945 гг. Львов, 1996. С. 89.
- ⁴⁸ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. 28 ноября–1 декабря 1943 г. (сборник документов). М.: Политиздат, 1984. С. 84.
- ⁴⁹ СССР – Япония. М., 1987. С. 229.
- ⁵⁰ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. С. 273–274.
- ⁵¹ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча... С. 235.
- ⁵² Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 254–255.
- ⁵³ Савин А.С. Японский милитаризм во Второй мировой войне. М., 1979. С. 191.
- ⁵⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля–2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 40.
- ⁵⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 3. Т. 5–6. С. 232.
- ⁵⁶ Като Киёфуми. Наступление СССР в Маньчжурии и репатриация японцев // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 448.
- ⁵⁷ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году... С. 34.
- ⁵⁸ История войны на Тихом океане. Т. 4. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. С. 252–254.
- ⁵⁹ История Японии. 1968–1998. Т. 2. М.: ИВ РАН, 1999. С. 461.
- ⁶⁰ Хатано Сумио. Японо-советские отношения... С. 434–435.
- ⁶¹ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча... С. 272.
- ⁶² Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945. М.: Воениздат, 1973. С. 541.
- ⁶³ СССР и Япония... С. 237.
- ⁶⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 362–363.
- ⁶⁵ История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958. С. 275–276.
- ⁶⁶ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией... С. 36.
- ⁶⁷ Като Киёфуми. Наступление СССР в Маньчжурии и репатриация японцев... С. 452–453.
- ⁶⁸ Хатано Сумио. Японо-советские отношения... С. 444.
- ⁶⁹ Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия в Азии. М., 1985. С. 11.
- ⁷⁰ История войны на Тихом океане. Т. 4. М., 1958. С. 207–208.
- ⁷¹ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией... С. 36–37.
- ⁷² Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией... С. 36–37.
- ⁷³ Doak K.W. A History of Nationalism in Modern Japan. Boston, 2007. P. 97.
- ⁷⁴ Четвертый отдел Штаба ОКДВА. Захват и освобождение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск: Дальпартиздат, 1934. С. 9.
- ⁷⁵ Четвертый отдел Штаба ОКДВА. Захват и освобождение Маньчжурии... С. 10.
- ⁷⁶ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918–1939 гг. М.: Полиграф, 2008. С. 353.
- ⁷⁷ Ряд учёных характеризуют Маньчжоу-го как «марионеточное государство». Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М.: Книга по требованию, 1981. С. 266; Караева К.А. Маньчжоу-го

- (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 75–89; Кейдун И.Б., Елисева Я.А. Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-го // Вестник Амурского гос. ун-та. 2010. Вып. 48. Сер. «Гуманитарные науки». С. 31–36.
- ⁷⁸ Nish, Ian Hill. Japanese foreign policy in the interwar period, Westport, CT: Praeger, 2002. P. 95.
- ⁷⁹ Nish Ian. Japanese foreign policy in the interwar period. London, 2002. P. 87.
- ⁸⁰ Четвертый отдел Штаба ОКДВА. Захват и освобождение Маньчжурии... С. 16.
- ⁸¹ Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance and Collaboration in Modern China. Berkeley, Los-Angeles, London: University of California Press, 2000. P. 82.
- ⁸² Курас Л.В. Российская этническая эмиграция в Маньчжоу-го (по материалам советской разведки) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 2. С. 148–156.
- ⁸³ Белоэмиграция в Маньчжурии. В трех томах. Т. 1. Чита: Управление НКВД по Читинской области, 1942. С. 50–55.
- ⁸⁴ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945 гг. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1990. 262 с.
- ⁸⁵ Курас Л.В. Еврейская эмиграция из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. Сб. статей. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Выпуск пятый. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 156–163.
- ⁸⁶ Курас Л.В. СССР – Маньчжоу-го: «еврейский вопрос» по обе стороны границы (1934–1941 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2016. Т. 17. С. 89–99.
- ⁸⁷ Курас Л.В. Украинская этническая группировка в Харбине в 30-е годы в освещении советской разведки // Материалы исторических чтений на Лубянке. М.: ЦА ФСБ РФ, 1997.
- ⁸⁸ Ефименко А. Сибирская Украина: несостоявшийся альянс. Дальневосточные «самостийники» и колчаковская разведка // Родина. 2006. № 7. С. 79–83.
- ⁸⁹ Білий Д.Д. Малиновыи клин (Нариси з істoїї українського населення Кубани). Киев: Украина, 1994. 124 с.
- ⁹⁰ Курас Л.В. Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР // Из истории спецслужб Бурятии. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1997; Его же. Украинская этническая группировка в 1930-е годы в освещении советской разведки // Российские спецслужбы: история и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке, 1997. М.: ФСБ РФ, 1997.
- ⁹¹ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 51–52.
- ⁹² Kwama Nkrumah. Neo-Colonialism the Last Stage of Imperialism [Неоколониализм: последняя стадия империализма]. Sons, Ltd, London, 1965.
- ⁹³ Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. 300 с.
- ⁹⁴ Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки [монография] / П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая, Л.В. Курас, С.В. Карасев, А.В. Тубчинов, В.М. Фоменко, Б.Д. Цыбенков, А.В. Шемелин / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 243–244.
- ⁹⁵ Бизюкин С.С. Дальний Восток в оборонительной стратегии Великобритании: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Рязань. 2007.
- ⁹⁶ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 1. События. 1918–1945. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.
- ⁹⁷ Системная история международных отношений... Т. 1. События. 1918–1945. 243 с.
- ⁹⁸ Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения. 2012. С. 249.
- ⁹⁹ Системная история международных отношений... Т. 1. События. 1918–1945. 243 с.
- ¹⁰⁰ Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, подписанный 13 апреля 1941 г. // Системная история международных отношений, 1918–2000 / отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 2. Документы 1910–1940 годов / сост. А.В. Малыгин. М.: Московский рабочий, 2000. С. 152.

- ¹⁰¹ История дипломатии. Т. 4 / под ред. А.А. Громыко и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1975. С. 175.
- ¹⁰² Закон США о нейтралитете, принятый 1 мая 1937 г. (извлечение) // Системная история международных отношений... Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. С. 155.
- ¹⁰³ Congressional Record 76. V. 84. Pt. 1, 1939/ P. 75–76.
- ¹⁰⁴ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения. 2012. С. 237.
- ¹⁰⁵ Congressional Record 77. V. 87. Pt. 7, 1941. P. 2196–2197.
- ¹⁰⁶ Системная история международных отношений... Т. 1. События. 1918–1945. 243 с.
- ¹⁰⁷ Бурова Т.Т. Критика политики нейтралитета в Конгрессе США // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 185.
- ¹⁰⁸ История дипломатии. Т. 4. С. 188.
- ¹⁰⁹ Дин Дж.Р. Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова. Предисл. и коммент. д-ра ист. наук А.С. Орлова. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2005. С. 82.
- ¹¹⁰ История внешней политики СССР. В 2 т. Т. 1. 1917–1945 / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. М.: Наука, 1980. С. 427.
- ¹¹¹ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 83.
- ¹¹² Системная история международных отношений Т. 1. События. 1918–1945. 243 с.
- ¹¹³ Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии // Системная история международных отношений... Т. 2. С. 201.
- ¹¹⁴ Орлов А. О книге Джона Р. Дина «Странный союз» // Дин Дж.Р. Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова; предисл. и коммент. д-ра ист. наук А.С. Орлова. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2005. С. 5.
- ¹¹⁵ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. С. 270.
- ¹¹⁶ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 87.
- ¹¹⁷ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 87.
- ¹¹⁸ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 87.
- ¹¹⁹ Stephan J. The Russian Far East. A History. Stanford University Press. 1994. P. 238.
- ¹²⁰ Forsyth J.A. History of the People of Siberia. Russia's North Asian Colony. 1581–1990. Cambridge, 1992. P. 354.
- ¹²¹ Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 114.
- ¹²² Дальневосточное морское пароходство. 1880–1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980. С. 192.
- ¹²³ ГАПК. Ф. 46. Оп. 68. Д. 70. Л. 69 об., 70 об., 73 об., 74, 76.
- ¹²⁴ Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке... С. 116.
- ¹²⁵ ГАПК. Ф. 46. Оп. 68. Д. 75. Л. 25–27
- ¹²⁶ Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения... С. 116.
- ¹²⁷ Дальневосточное морское пароходство. 1880–1980. С. 237, 233.
- ¹²⁸ Michael F.H. New Bridges to Asia // Soviet Far East and Pacific Northwest. Seattle, 1944. P. 2.
- ¹²⁹ Stephan J. The Russian Far East... P. 239.
- ¹³⁰ Forsyth J. A. History of the People of Siberia... P. 54.
- ¹³¹ Wallace H.A. Soviet Asia Mission. New-York, 1946. P. 212.
- ¹³² Атлантическая хартия, подписанная президентом США Ф.Д. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 14 августа 1941 г. // Системная история международных отношений... Т. 2. С. 196.
- ¹³³ Декларация о создании Союза Объединённых наций. 1 января 1942 г. // Системная история международных отношений... Т. 2. С. 199.
- ¹³⁴ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 200.
- ¹³⁵ Michael F.H. New Bridges to Asia... P. 2.
- ¹³⁶ Орлов А. О книге Джона Р. Дина «Странный союз»... С. 5.

- ¹³⁷ Spector I. *Soviet Foreign Policy in the Pacific* // *Soviet Far East and Pacific Northwest*. Seattle, 1944. P. 38.
- ¹³⁸ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. С. 266.
- ¹³⁹ Каирская декларация, подписанная США, Великобританией и Китаем 27 ноября 1943 г. // Системная история международных отношений... Т. 2. С. 212.
- ¹⁴⁰ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 203.
- ¹⁴¹ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. С. 268.
- ¹⁴² Орлов А. О книге Джона Р. Дина «Странный союз»... С. 5–6.
- ¹⁴³ Дин Дж.Р. Странный союз... С. 206–207.
- ¹⁴⁴ Орлов А. О книге Джона Р. Дина «Странный союз»... С. 6.
- ¹⁴⁵ Stephan J. *The Russian Far East*. P. 240.
- ¹⁴⁶ Ялтинское (Крымское) соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока 11 февраля 1945 г. (Извлечение) // Системная история международных отношений ... С. 225.
- ¹⁴⁷ Ялтинское (Крымское) соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока... С. 225.
- ¹⁴⁸ Дин Дж.Р. Странный союз. С. 215.
- ¹⁴⁹ Музей Тихоокеанского флота // Владивосток, 1992. 10 сент.
- ¹⁵⁰ Стефан Дж. Русско-американские экономические отношения в Тихом океане: исторический аспект // Советско-американские отношения в бассейне Тихого океана: прошлое и будущее. М.: Прогресс. 1987. С. 119.
- ¹⁵¹ Stephan J. *The Russian Far East*. P. 239.
- ¹⁵² История дипломатии. С. 687.
- ¹⁵³ Дин Дж.Р. Странный союз. С. 239.
- ¹⁵⁴ История дипломатии. С. 688–689
- ¹⁵⁵ Дин Дж.Р. Странный союз. С. 240–241.
- ¹⁵⁶ Потсдамская декларация трех держав – США, Великобритании и Китая – от 26 июля 1945 г. // Системная история международных отношений... Т. 2. С. 227.
- ¹⁵⁷ Дин Дж.Р. Странный союз. С. 201.
- ¹⁵⁸ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения. 2012. С. 287–288.
- ¹⁵⁹ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана М.: Центрполиграф, 2002. С. 175.
- ¹⁶⁰ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 1. События. 1918–1945. М.: Московский рабочий, 2000. С. 263–283.
- ¹⁶¹ Орлов А. О книге Джона Р. Дина «Странный союз»... С. 8.
- ¹⁶² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. С. 70.

Иллюстрации гл. 1, п. 1.1

Командиры 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта РККА. Нижний ряд (слева направо): Н.С. Баталин (СССР, замкомандира бригады), политкомиссар бригады Чжан Шоуцзян (Ли Чжаолинь), Ван Ичжи (переводчик-преподаватель, супруга Чжоу Баожуна), Чжоу Баочжун (командир 88-й бригады), Ким Ир Сен (командир 1-го учебного батальона), Т.Н. Ширинский (начальник штаба 88-й бригады).

Хабаровский край, с. Вятское. 5 октября 1943 г.

Полномочный представитель НКВД СССР в Китае А.С. Панюшкин.
1940 г.

Советский военный советник при правительстве Чан Кайши В.И. Чуйков.
1940–1942 гг.

Специальный представитель ИККИ в особом районе Китая, полковник ГРУ ГШ РККА П.П. Власов («Владимиров»).
1945 г.

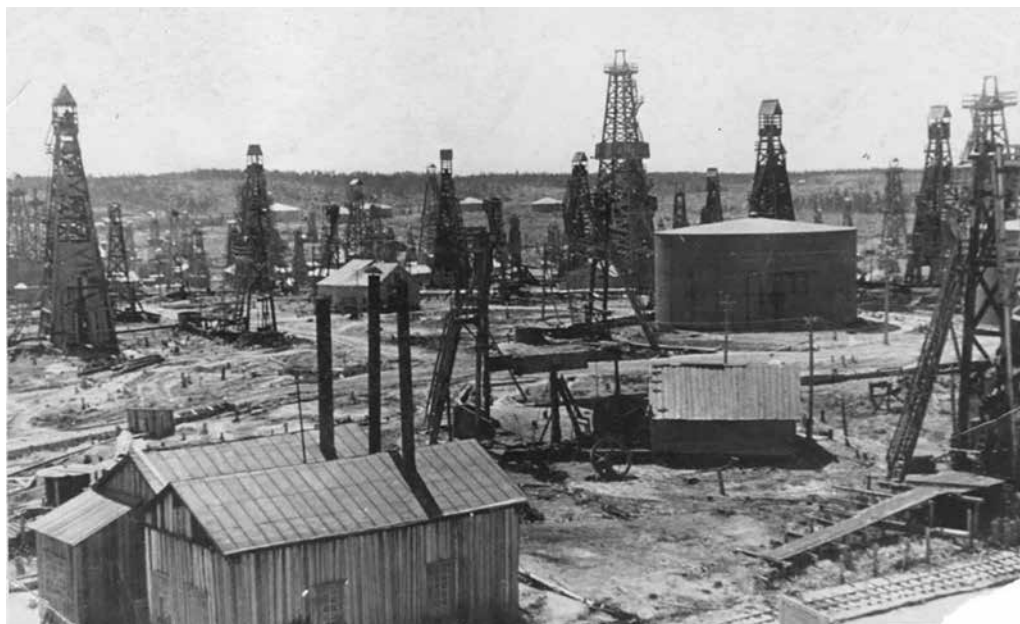

Солдаты и офицеры-инструкторы 88-й бригады на сборах перед отправкой на фронт в Маньчжурию. Июль 1945 г.

Чан Кайши, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль на Каирской конференции. 25 ноября 1943 г.

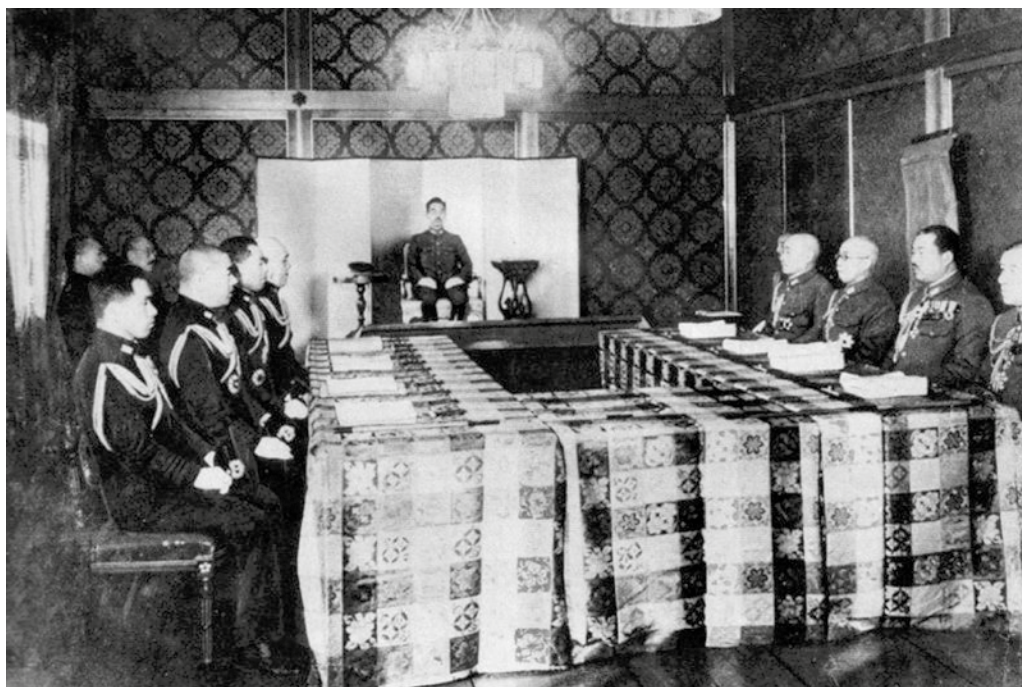
Иллюстрации гл. 1, п. 1.2

Буровые вышки японской нефтедобывающей концессии. о-в Сахалин. 1930-е гг.

Заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский встречает министра иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ на вокзале Владивостока. 1941 г.

Император Хирохито во главе Генерального штаба Японии. 1943 г.

Министр иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ подписывает советско-японский пакт о нейтралитете. 13 апреля 1941 г.

Представитель СССР генерал-лейтенант К.Н. Деревянко подписывает акт о безоговорочной капитуляции Японии. Токийский залив. 2 сентября 1945 г.

Кантаро Судзуки. Премьер-министр Японии. 1945 г.

Сигэмицу Мамору. Министр иностранных дел Японии в 1943–1945 гг. Фото 1947 г.

Хирохито. Император Японии. 1930-е гг.

Иллюстрации гл. 1, п. 1.3

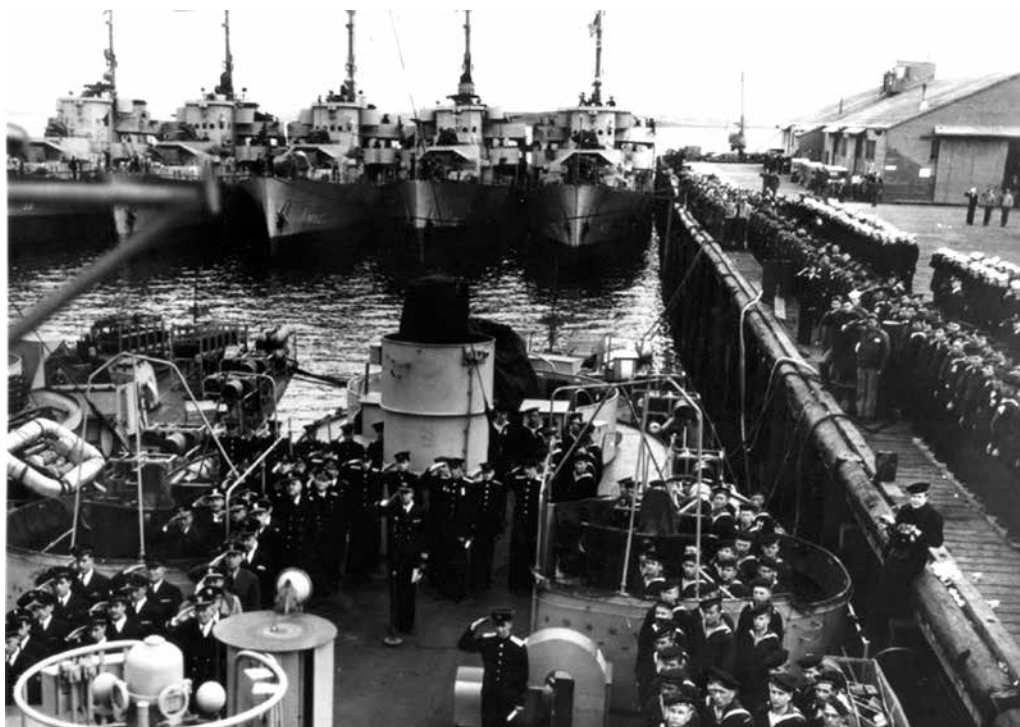

Император Маньчжоу-го Пу И. 1940-е гг.

Иллюстрации гл. 1, п. 1.4

Бомбардировщики В-25, А-20 и истребители Р-39, подготовленные к поставке в СССР по ленд-лизу. Авиабазы Лэдд-Филд, Аляска. 1942 г.

Передача советским морякам фрегатов из состава ВМС США.
Колд-Бэй, Алеутские о-ва. 1945 г.

Представители Антигитлеровской коалиции на Потсдамской конференции. 1945 г.

Председатель Государственного Комитета
Обороны СССР И.В. Сталин. 1945 г.

Президент США Г. Трумэн. 1945 г.

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И.В. Сталин на Ялтинской конференции. 1945 г.

Глава 2

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1. Функционирование органов государственной власти и управления в чрезвычайных условиях

В годы Великой Отечественной войны защита национальных интересов Советского Союза определила изменения в системе органов государственной власти: создавались чрезвычайные структуры (не предусмотренные конституционно-нормативными актами), изменялось соотношение законодательной и исполнительно-распорядительной власти. Совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) 30 июня 1941 г. создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), наделённый неограниченными полномочиями. В его состав вошли представители высшего партийно-государственного руководства: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, с февраля 1942 г. – Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, с ноября 1944 г. – Н.А. Булганин (выведен К.Е. Ворошилов)¹.

За время существования (с 30 июня 1941 г. по 3 сентября 1945 г.) Государственный Комитет Обороны подготовил 9971 постановление и распоряжение (2256 подписал лично И.В. Сталин). Они не публиковались (за редким исключением), а рассылались исполнителям – наркомам, первым секретарям ЦК ВКП(б) союзных республик, крайкомов, обкомов и первым секретарям исполкомов. В них определялись кадровые перестановки в системе управления, использование трудовых и материальных ресурсов, строительство оборонных объектов и транспортных коммуникаций, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в регионах, областях и районах².

Высшим органом Вооружённых Сил СССР стал созданный 23 июня 1941 г. особый коллегиальный орган – Ставка Главного Командования, преобразованный 10 июля 1941 г. в Ставку Верховного Командования, а 8 августа 1941 г. – в Ставку Верховного Главнокомандования. В её состав вошли С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, И.В. Сталин, Г.К. Жуков, С.М. Будённый, Н.Г. Кузнецов. Позже были введены Н.А. Булганин и занимавшие должности начальника Генерального штаба Б.М. Шапошников (июль 1941 г.–май 1942 г.), А.В. Василевский (май 1942 г.–февраль 1945 г.), А.И. Антонов (февраль 1945 г.–март 1946 г.). Верховным главнокомандующим до упразднения Ставки (4 сентября 1945 г.) был И.В. Сталин³. За годы войны Ставка спланировала и осуществила 51 стратегическую и более 250 фронтовых операций, ряд воздушных, морских десантных и противодесантных, а также три централизованные операции с участием партизанских отрядов⁴.

Верховный Совет СССР первого созыва (с 12 декабря 1937 г. по 10 февраля 1946 г.) и постоянно действующие Президиумы Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик являлись высшими органами государственной власти. В состав Президиума Верховного Совета СССР (высшего коллегиального органа, избранного Верховным Советом СССР на первой сессии) входили: председатель (М.И. Калинин) и 15 заместителей (по одному от союзной республики), секретарь (А.Ф. Горкин) и 20 членов, секретариат и специализированные отделы и группы, которые решали вопросы гражданства, международных связей и связей с общественностью, награждений и помилований, контролировали работу Советов депутатов трудящихся.

За годы войны Совет народных комиссаров СССР – исполнительно-распорядительный орган – почти не изменился по составу. В него входили председатель (И.В. Сталин), два первых заместителя (Н.А. Вознесенский, В.М. Молотов) и 12 заместителей, которые по занимаемым должностям были руководителями союзных наркоматов и республиканских совнаркомов, представителями Госплана СССР и комитетов⁵. Для оперативного решения конкретных задач при совнаркомах СССР и союзных республик создавались специальные учреждения: Советское информационное бюро, Совет по эвакуации, комитеты продовольственного и вещевого снабжения Красной армии, по учёту и распределению рабочей силы, восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации, управления по снабжению топливом, военно-промышленному строительству, государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, а в ряде наркоматов – ведомства оборонного характера. Во все структурные подразделения обязательно входили члены Государственной плановой комиссии (председатель М.З. Сабуров, затем Н.А. Вознесенский). Реорганизация сопровождалась изменениями в системе отраслевого руководства по вертикали: наркомат – управление – предприятие (учреждение).

Ведущую роль в системе управления играла жёстко централизованная, идеально приспособленная к работе в чрезвычайных условиях Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Хотя она не являлась конституционным органом власти, руководство страной фактически было сосредоточено в высших исполнительных партийных органах – Политбюро, Оргбюро и Секретариате. И.В. Сталин занимал одновременно пять должностей – секретарь ЦК ВКП(б), председатель Совета народных комиссаров СССР (с марта 1941 г.) и Государственного Комитета Обороны (с 30 июня 1941 г.), народный комиссар обороны (с 19 июля 1941 г.) и Верховный главнокомандующий. В состав Политбюро входили А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев и кандидаты в члены Политбюро – Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, А.С. Щербаков. Членами Оргбюро являлись А.А. Андреев, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис, Н.А. Михайлов, И.В. Сталин, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков. Секретариат состоял из 5 чел. – А.А. Андреева, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, И.В. Сталина, А.С. Щербакова⁶.

Регулярный созыв съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета не соблюдался, состоялось более 200 заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии. Решения принимались не только по вопросам партийно-государственного строительства, но и по военно-политическим и социально-экономическим проблемам, влияющим на ход Великой

Отечественной войны и относящимся к компетенции союзных и республиканских органов власти. С сентября 1943 г. по июнь 1945 г. Оргбюро и Секретариат заслушали первых секретарей 56 организаций (областных, краевых и республиканских), причём некоторые докладывали дважды. По каждому отчёту принимались решения, которые содержали рекомендации по расширению организационно-распорядительных функций на подконтрольных территориально-административных единицах⁷.

ГКО объединял высшие исполнительные и распорядительные органы государственной власти, координировал работу общесоюзных и республиканских наркоматов, подотчётных им ведомственных структур. Вопросы оборонного характера входили в компетенцию руководителей ключевых аппаратных структур – оборонных отделов ЦК ВКП(б), СНК и Верховного Совета СССР, Красной армии, наркоматов. Эти же проблемы рассматривались военными советами округов, членами которых в обязательном порядке были первые секретари партийных комитетов административно-территориальных единиц, а решения по ним готовились в управленческих структурах соответствующих ведомств в тесном взаимодействии с отраслевыми отделами Советов и партийных организаций.

Политический центр упорядочивал социальное пространство, обеспечивая целостность и преобладание интеграционных тенденций. Большое значение в объединении военно-экономических и социально-политических ресурсов СССР имела властно-управленческая деятельность региональных структур, где самым массовым звеном являлись Советы депутатов трудящихся, сформированные 24 декабря 1939 г. на основе административно-территориального деления страны.

Дальний Восток СССР (Дальневосточный регион) – локализованная территория с определённой однородностью географического, социально-производственного и управленческого состава – включал Хабаровский и Приморский края, образованные 20 октября 1938 г. В состав Хабаровского края (центр г. Хабаровск) вошли Хабаровская (ликвидирована в 1939 г.), Амурская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная, Камчатская и Сахалинская области. На 1 января 1941 г. в край входили 5 областей, 2 национальных округа, 58 районов, в том числе 4 района г. Хабаровска, 12 городов, 26 рабочих поселков, 845 сельских Советов. В Приморский край включались Приморская (ликвидирована в 1939 г.) и Уссурийская области (ликвидирована в 1943 г.). К началу 1941 г. здесь имелось 29 районов, 7 городов, 24 рабочих поселка, 423 сельсовета⁸.

Система органов власти на Северо-Востоке СССР имела региональные особенности. Постановлением СНК СССР от 4 марта 1938 г. Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (создан в ноябре 1931 г.) был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР (Дальстрой). Подведомственная ему территория выделена в самостоятельную административно-территориальную единицу (в 1932–1935 гг. охватывала 400–450 тыс. км², в 1953 г. – 3 млн км²)⁹.

Для руководства существовавшими на этой территории национальными (Ольским, Среднеканским, Северо-Эвенским), промышленными (Ягоднинским, Сусуманским, Тенькинским) районами и городским Советом г. Магадана

в июне 1938 г. приказом НКВД СССР № 00 363 был образован административно-гражданский отдел Дальстроя. На него возлагались административные функции по руководству деятельностью Магаданского горисполкома, поселковых Советов, утверждение местных бюджетов, руководство учреждениями народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, организация работы коммунальных и бытовых предприятий, учёт и регистрация гражданского населения. Начальник АГО находился в непосредственном подчинении у начальника Главного управления Дальстроя¹⁰.

Сформированное административно-территориальное деление соответствовало не только социально-политической структуре советского общества, но и планово-распорядительной системе управления. Представительная система (исключая районы, находившиеся на военном или осадном положении) продолжала работать в рамках существующих конституционных норм, но сложившаяся неоднородность общесоюзного пространства оказывала влияние на структуру институциональных преобразований. На Дальнем Востоке в декабре 1939 г. в состав Советов было избрано 21,7 тыс. депутатов, из них 244 чел. – в краевые, 2,2 тыс. – районные, 2,76 тыс. – городские, 14,18 тыс. – сельские Советы. По роду занятий имелось 12,7% рабочих, 31,4 – колхозников, 25,6 – руководящих работников, 13,8 – инженеров и служащих, 8,7 – военнослужащих; по социальным группам: 19,7% – рабочие, 39,1 – крестьяне и 41,2 – служащие¹¹.

Главной особенностью деятельности Советов в военное время было оперативное изменение структуры исполкомов: создавались новые отделы и управления (после войны большинство из них упразднили), реорганизовывались существующие. В краевых, областных, районных и городских дальневосточных Советах образовали карточные бюро, промышленные и сельскохозяйственные отделы, отделы по социальному обеспечению инвалидов и семей военнослужащих, учёту и распределению рабочей силы, всеобщему военному обучению, местной противовоздушной обороны, состоявшие из 1–3 оперативных работников. Сократилась штатная численность обязательных отделов здравоохранения, культуры, образования, социального обеспечения, местной промышленности, торговли, коммунального хозяйства.

За годы войны из 8072 депутатов Приморского края в вооружённые силы мобилизовали 3342 чел., или 41,4%. В первые военные годы председателей сельских и поселковых Советов сменялось 50–60% ежегодно, в 1944–1945 гг. – 30–35%. В частности, в 1943 г. 40% из них были мобилизованы, 27% – выдвинуты на более высокую должность и 14% – отстранены от работы. В последующие два года без указания причин были освобождены от должности 29% председателей сельских и поселковых Советов, 27% – как не обеспечившие руководство, 10% – по болезни, 23% – переведены на другие должности, 3% – направлены в освобождённые районы и 8% – мобилизованы в РККА¹².

К началу 1945 г. из 13 702 депутатов Хабаровского края выбыли по разным причинам 7633 чел., или 55,7%, включая 1983 чел. (25,9%) в РККА и ВМФ. Самые большие сокращения произошли в городах – 59,3% (в Хабаровске в пределах 65–70%), минимальные (36,7%) – в краевом Совете. В районных сельских Советах осталось 46,2% депутатов, в сельских и поселковых – 43,9%, в отдельных местностях – значительно меньше, например, в Верхне-Буреинском, Кумарском, Вяземском, Ленинском, Сталинском, Комсомольском районных Советах – от 1 до 4 депутатов (10–15% первоначального состава)¹³.

Так как очередные выборы депутатов в связи с войной отменили (состоялись в 1947–1948 гг.), то выбывших заменяли путём довыборов или кооптации из числа номенклатурных работников и наиболее активных общественников. Так, за 1942–1943 гг. в состав Советов в Приморском крае были введены 1079 чел., к окончанию войны в 1651 комиссии работали 8074 чел.¹⁴

Государственно-политическая система усиливала своё влияние на местах путём подбора и расстановки кадров. В середине 1942 г. в Советах Дальнего Востока значилось 634 номенклатурных работника, утверждённых на должность партийными органами, из них 145 – в отделе кадров ЦК ВКП(б). В начале 1945 г. прошли утверждение 478 чел., из них 79 – в центральном аппарате. В основном это были лица мужского пола, выходцы из крестьян-середняков, бедняков или рабочих, прошедшие школу партийно-советской работы на различных должностях¹⁵.

На 1 января 1945 г. 242 работника местных органов власти Приморского края (в возрасте 30–40 лет) были членами партии. В 1940 г. беспартийные составляли 17%, в 1945 г. – 10%. За годы войны изменился состав руководителей по образовательному уровню: с 49 до 54% увеличилось число лиц с низким образованием, с 5 до 13% – с высшим и сократилось с 46 до 33% – со средним. Стаж работы в должности у большинства руководителей был минимальный: до года проработали 33% сотрудников, до двух лет – 28, до трёх – 21, свыше – 18%¹⁶.

В составе краевого, областных, городских и районных Советов Хабаровского края на 1 июля 1945 г. 82% руководителей являлись членами ВКП(б) и 3,9% – ВЛКСМ; 16,9% имели высшее, 33,2% – низшее образование; 30,9% происходили из рабочих, 41,9% – из крестьян и 21% – из служащих. Стаж работы до одного года был у 23% руководителей. Членами партии были 49,2% и членами ВЛКСМ – 18,1% председателей сельских и поселковых Советов. Начальное образование имели 85,5%, среднее – 14,5%. Социальный состав соответствовал структуре населения региона: 71,6% председателей и 61,2% секретарей происходили из крестьян, 15 и 15,7% – из служащих. Среди председателей сельских и поселковых Советов женщины составляли 18,5%, секретарей – 65,7%¹⁷.

В представительной системе действовал принцип планируемого отбора. В начале войны Хабаровский краевой исполнительный комитет возглавлял В.М. Истомина*, с декабря 1942 г. – Г.Ф. Аксёнов¹⁸. В Приморском крае пост

* **Владимир Михайлович Истомина**, 1905 г. рождения, выходец из крестьян-середняков Тамбовской губернии. После окончания Высшего педагогического института (1933–1938 гг.) работал начальником политотдела в совхозах Московской области. В сентябре 1938 г. по решению ЦК ВКП(б) направлен на Дальний Восток и вскоре стал первым секретарём Амурского обкома партии, а затем назначен председателем Хабаровского крайисполкома. В этой должности он проработал с 13 января 1940 г. по 8 декабря 1942 г., освобождён по состоянию здоровья (уехал в Москву, умер 23 декабря 1942 г.). С декабря 1942 г. исполком возглавил **Григорий Фёдорович Аксёнов**. Он родился в 1899 г. в семье крестьянина-середняка, с 1919 по 1929 г. служил в рядах Красной армии в должности начальника отделения хозяйственного довольствия. Учился в Комвузе, затем в Самарском научно-исследовательском институте социалистического земледелия, с апреля 1933 г. по ноябрь 1939 г. работал в партийных и советских органах Куйбышевской области и был направлен ЦК ВКП(б) на должность первого секретаря Камчатского обкома партии. С этой должности был рекомендован на пост председателя Хабаровского крайисполкома.

председателя исполкома занимали Б.К. Чубаров* и А.Ф. Блощаненко** (с ноября 1943 г.)¹⁹. Назначение номенклатурных работников на ответственные должности осуществлялось при наличии таких качеств, как партийность, компетентность, высокая работоспособность. Востребованным стал тип целеустремленного, дисциплинированного и организованного руководителя, а не справлявшиеся со своими обязанностями работники понижались в должности и в крайних случаях исключались из членов партии и соответственно из номенклатурной системы (в 1943–1944 гг. в регионе частично обновился сформированный в 1939–1940 гг. номенклатурный аппарат).

Кадровая расстановка сил на Дальнем Востоке СССР как результат компромисса между центральной и региональной властью позволяла более эффективно использовать методы командно-административного управления. При анализе практической деятельности местных органов власти видно, что основная роль принадлежала исполкомам. На областном и городском уровнях они почти повсеместно состояли из чиновников, которые занимались решением текущих хозяйственных и социальных вопросов. Формы работы оставались прежними – заседания с присутствием заведующих отделами и приглашённых лиц. Когда обстановка требовала экстренных, а порой и неординарных шагов, предпочтение отдавалось использованию жёстких административных мер. Практически было узаконено проведение суженных заседаний исполнительных комитетов, оперативных совещаний.

Широкое распространение получила практика принятия совместных решений партийных и советских структур без предварительного обсуждения. Так, по неполным сведениям, Хабаровский крайисполком за семь месяцев 1943 г. получил 13 тыс. различных указаний. В свою очередь он утвердил 662 решения опросным порядком, из них 132 – без согласования с другими членами исполкома, 530 – с участием 3–6 чел. Амурский облисполком совместно с обкомом партии за 1943 г. принял 114, Хабаровский горисполком и горком – 48 совместных постановлений²⁰.

По аналогичной схеме Приморский крайисполком с июля 1941 г. по июнь 1945 г. принял 4,7 тыс. решений (в среднем 98 решений в месяц), Владивостокский горисполком за 1941–1945 гг. – 2,5 тыс. решений на 331 заседании (в среднем 7–8 на одном заседании)²¹.

При структурной перестройке, сокращении численности депутатов практически не соблюдался кворум (2/3 состава), и заседания проводились с учётом

* **Борис Константинович Чубаров** родился 28.10.1904 г. Советский партийный и государственный деятель. 12.1939 – 01.1940 гг. – председатель Организационного комитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Приморскому краю. 01.1940 – 11.1943 гг. – председатель исполнительного комитета Приморского краевого Совета. Министр транспорта СССР (1952–1954 гг.).

** **Антон Фёдорович Блощаненко** родился 11 июня 1904 г. в с. Емчиха Мироновского района Киевской области в семье крестьянина-бедняка. Окончил семилетнюю, затем агрономическую школу по специальности агротехника. Принимал участие в создании сельскохозяйственной артели им. Шевченко, одной из первых на Украине. В 1934 г. командирован на Дальний Восток, где возглавлял Нестеровскую и Суйфунскую МТС. В январе 1938 г. избирается председателем Ворошиловского райисполкома, а в декабре 1938 г. стал начальником Приморского краевого земельного отдела. В 1940 г. избран заместителем председателя Приморского крайисполкома, в январе 1943 г. – председателем Уссурийского исполкома, в октябре 1943 г. – председателем Приморского крайисполкома.

наличного состава. Круг обсуждаемых вопросов был чрезвычайно широк и охватывал проблемы военно-оборонного, социально-бытового, организационного характера, текущего делопроизводства и личного плана, но краевые, городские, областные исполкомы Дальнего Востока ни разу не отчитывались перед депутатами в период своей деятельности. Тем самым депутаты лишались одной из основных возможностей воздействовать на работу исполнительного комитета и его отделов.

Замена коллегиального органа управления привела к преобладанию канцелярско-бюрократических методов работы. По отчётным данным, наиболее активно работали бюджетно-финансовые комиссии (налоговая политика, формирование бюджета и ассигнования), отделы здравоохранения и образования, социального обеспечения, т.е. те подразделения, которые обеспечивали самые необходимые нужды населения. Решения принимались ограниченным кругом руководителей. В соответствии с идеей централизации правления многократное голосование фактически не допускалось.

Сессии депутатов трудящихся всех уровней проводились также с нарушениями конституционных норм: сессии краевых Советов собирались два раза в год вместо четырёх, областных и районных – со средней периодичностью 2–3, городских – 3–4 раза. Например, Владивостокский городской Совет депутатов трудящихся на сессии в 1941 г. после начала войны не собирался, в 1942 г. заседал 2 раза, в 1943 г. – 3, в 1944 г. и 1945 г. – по 4 раза.

С 1940 г. по июль 1947 г. областные Советы Хабаровского края должны были провести 31 сессию, но в действительности Амурский областной Совет провёл только 19, ЕАО – 18, Нижне-Амурский – 16, Камчатский – 11, причём оснований для нарушений планомерного их созыва не было. В силу малочисленности депутатов в 23 районных Советах (из 55 районов) сессии вовсе не проводились, а среди сельских и поселковых Советов это было обычным явлением. Общие собрания граждан села (общие сходы) даже при наличии кворума собирались от случая к случаю. Уже в конце войны, когда по этому поводу принимались многочисленные решения вышестоящих партийно-советских органов, сессии проводились согласно установленным нормам не более чем в 23% сельских Советов²².

В годы войны местные органы власти на Дальнем Востоке решали вопросы организационного, военно-мобилизационного, хозяйственного, социально-бытового характера. Так, с декабря 1939 г. по июль 1947 г. Хабаровским городским Советом было проведено 29 сессий, из них 8 – по вопросам коммунального хозяйства, 5 – финансовым. Проблемы народного образования, здравоохранения, утверждение планов народного хозяйства, организационные вопросы рассматривались на трёх сессиях. Положение дел в сельском хозяйстве, местной промышленности, меры, направленные на улучшение положения семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны, анализировались на двух сессиях.

Городской Совет г. Свободный Амурской области за такой же период провёл 43 сессии, где рассмотрел 77 вопросов. В повестке 23 раза рассматривались организационные вопросы, по 9 раз – состояние дел в бюджетно-финансовой сфере и местной промышленности, 6 раз – работа школ и 5 раз – разных организаций. Подготовка государственных учреждений к зиме обсуждалась на заседаниях 5 раз, положение дел в сельском хозяйстве, ремонт дорог и благоустройство городов – по 2 раза²³.

На сессиях обычно рассматривалось не более двух вопросов: первый, как правило, посвящался одному из направлений хозяйственной или социально-культурной деятельности, второй – организационный (утверждение бюджета на текущий год, изменения в структуре управлений и персональные назначения в рамках полномочий Советов). В результате обсуждения принималось общее решение, содержащее конкретные предложения, среди которых встречались и явно невыполнимые.

В работе сессий ввиду отсутствия кворума участвовали секретари партийных организаций, руководители промышленных предприятий и сельского хозяйства, командование воинских частей всех уровней. Численность приглашённых возрастала из года в год, превышая депутатский корпус. Так, на шести краевых сессиях Хабаровского края (июль 1942 г.–апрель 1945 г.) присутствовали 268 депутатов и 283 председателя и секретаря исполкомов различного уровня. В качестве приглашённых было 265 специалистов, непосредственно участвующих в рассмотрении поднятых проблем, и 775 руководителей всех рангов²⁴. По сути, сессии превращались в расширенное совещание партийно-хозяйственного актива.

Выполнение мероприятий по укреплению ближайших подступов к стратегически важным районам Дальнего Востока стало одним из важнейших направлений военной деятельности Советов депутатов трудящихся. Существующая на региональном уровне система управления не предусматривала создания комитетов или комиссий по вопросам взаимодействия с командованием Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии*. Отсутствие единых законодательных норм и расплывчатость формулировок подзаконных актов ведомственного уровня создавали правовую неопределённость в действиях должностных лиц.

Согласно постановлениям ГКО, ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР местные органы власти были обязаны заниматься подготовкой боевых резервов для вооружённых сил, обучать население приёмам противовоздушной и противохимической обороны, возводить оборонительные рубежи и укрытия, создавать запасы фондируемых материалов и оборудования, выделять помещения, транспорт для нужд военного ведомства. Мощности хлебопекарен, бань и прачечных должны были полностью обеспечить потребности военных. Кроме того, местные органы власти отвечали за выпуск образцов военной техники по заказам Наркомата обороны местной и кооперативной промышленностью, за ремонт подъездных путей и постройку мостов местного значения для беспрепятственного следования воинских подразделений, артиллерии и бронетанковых войск²⁵.

На исполнительные органы были возложены обязанности учёта и распределения рабочей силы, мобилизация трудоспособного населения на постоянную и временную работу в оборонные отрасли, на транспорт и строительство, заготовку топлива, расчистку путей и т.д. Обращалось внимание на медицинское обслуживание и снабжение дальневосточников, оказание помощи семьям

* В Дальневосточном регионе особое положение не вводилось, но почти в каждом населённом пункте находились воинские подразделения, где военные советы, особенно в 1941–1942 гг., присваивали властные полномочия руководителей прифронтовой полосы, зачастую не согласовывая свои действия с местными органами власти.

военнослужащих и инвалидам войны. Под особым контролем находилась проблема защиты материнства и детства.

Депутаты в лучшем случае привлекались для подготовки отдельных вопросов и в прениях почти не участвовали. Они зачастую выступали как агитаторы по месту жительства, освещая положение на фронтах, выполнение производственных планов, пропагандируя опыт передовиков производства. Приём избирателей и реализация наказов заменялись беседами и встречами, на которых принимались жалобы и заявления трудящихся.

Нарушение законодательства оказывало отрицательное действие на деятельность Советов, особенно в условиях территориальной разбросанности населённых пунктов со слабой внутрорегиональной коммуникационной связью. В местной периодической печати публиковались краткие сообщения о прошедших сессиях, поставленных вопросах и докладчиках. Почти полностью отсутствовала информация о характере обсуждения и содержании принятых решений. О текущей работе исполкомов население информировалось ещё в меньшей степени. В сельских местностях сход жителей подменял работу выборных структур и выполнял функции законодательной и исполнительной власти.

В деятельности Советов и их исполнительных комитетов преобладали административные методы работы. На места поступал поток решений вышестоящих инстанций, директив и распоряжений, приказов и телеграмм, запросов, которые усиливали приказной смысл повседневной работы Советов. Вместо постановлений сессий преобладали распоряжения исполкомов и заведующих отделами. Так, по вопросу развития сельского хозяйства Приморья только краевые структуры за восемь месяцев 1944 г. приняли 96 постановлений²⁶.

Если учесть, что по вертикальным и горизонтальным ветвям управленческой структуры существовали дублирующие отделы с аналогичными методами работы, то становится очевидной малая эффективность такой распорядительной деятельности. Множество различных указаний расплывчатого характера было трудно выполнить. В частности, за второе полугодие 1944 г. и первое полугодие 1945 г. в порядке надзора за соблюдением законности органами прокуратуры было опротестовано 324 решения краевых и областных, 4331 – районных и 7468 – нижестоящих исполнительных комитетов РСФСР²⁷.

На местном уровне функционирование государственного механизма управления во многом определяла ВКП(б), представляя собой систему, которая опиралась на разветвлённую сеть партийных организаций и в случае необходимости легко корректировалась и приспосабливалась к выполнению мобилизационных задач в условиях военного времени. К концу войны на Дальнем Востоке действовали 2 крайкома, 5 обкомов, 2 окружкома, 17 горкомов, 82 сельских райкома ВКП(б)²⁸. Хабаровский и Приморский краевые комитеты партии включали бюро, особый отдел и отдел кадров с 8 секторами (партийных и комсомольских организаций, науки, культуры, искусства и печати, промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства и заготовок, судебных органов). Далее шли отделы пропаганды и агитации с 4 секторами и лекторской группой, организационно-инструкторский с 2 секторами, военный, сельскохозяйственный, промышленности и транспорта, где по мере развёртывания военно-оборонного комплекса вводились должности секретарей.

Дальневосточные партийные организации в своих рядах насчитывали 65,7 тыс. членов и кандидатов в члены партии, что на 9,6 тыс. больше, чем в начале войны (рис. 2.1.1).

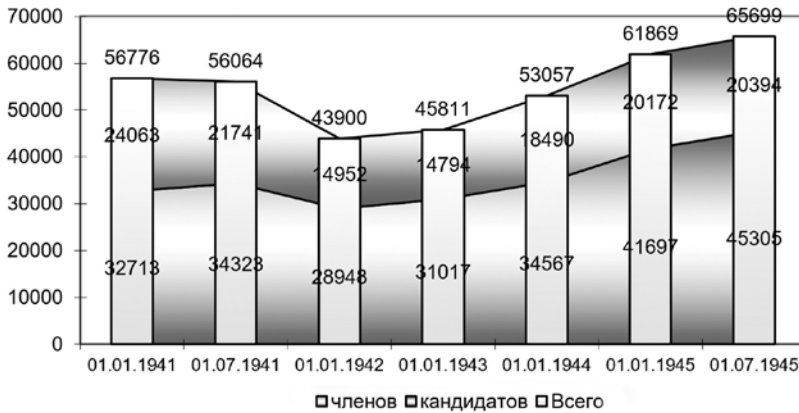

Рис. 2.1.1. Численность ВКП(б) на Дальнем Востоке СССР в 1941–1945 гг., чел.

Социальное положение коммунистов представлено следующими данными: на 1 июля 1941 г. служащие – 41%, на 1 июля 1945 г. – 50%, рабочие 44 и 39% соответственно, крестьяне – 15 и 11%. В составе партийных организаций всех уровней: в начале 1941 г. среди коммунистов Дальнего Востока было 17% рабочих, в начале 1945 г. – 21%, колхозников – 4 и 6% соответственно, служащих – 74 и 66%²⁹.

Война внесла коррективы в систему межрегиональных и внутрирегиональных отношений на уровне исполнительской деятельности. Первые секретари Хабаровского и Приморского краевых комитетов партии Г.А. Борков* и Н.М. Пегов** являлись представителями ЦК ВКП(б) и наравне с руководителями ведомственных структур отвечали за социально-экономическое положение и морально-психологическое состояние населения на вверенных территориях, предприятиях и в организациях. Они имели право контролировать деятельность административных структур всех уровней вплоть до назначения своего представителя.

Централизация власти ещё выше подняла значение партийного аппарата. Подбор на партийную и хозяйственную работу осуществлялся структурными подразделениями ЦК ВКП(б), которые вели учёт членов партии. Получила распространение практика назначения и перемещения отдельных лиц

* **Геннадий Андреевич Борков** родился в 1905 г. в семье крестьянина-середняка. В 1919–1927 гг. находился на руководящей комсомольской, затем – партийной работе в Ярославской области. В 1930–1934 гг. обучался в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. После её окончания поступил в аспирантуру, но был отозван в аппарат ЦК ВКП(б). С ноября 1937 г. по январь 1940 г. работал вторым и первым секретарём Воронежского и Новосибирского обкомов партии. Со 2 января 1940 г. по 20 июня 1945 г. возглавлял Хабаровский крайком партии и был отозван в распоряжение Центра.

** **Николай Михайлович Пегов** родился в 1905 г. в семье рабочего. Трудовой путь начал батраком, затем работал на московских заводах рабочим. В 1927–1931 гг. находился на комсомольской работе. С 1932 по 1934 г. прошёл путь от заместителя до директора фабрики «Красная Роза» в Москве. Закончил три курса Московской промышленной академии им. И.В. Сталина. С октября 1938 г. по 1947 г. – первый секретарь Приморского крайкома и одновременно (с 1940 г.) Владивостокского горкома партии. Отозван в аппарат ЦК ВКП(б) и находился на ответственных должностях.

по номенклатурным должностям, предусматривавшая, в зависимости от ведомственной значимости, обязательное согласование и утверждение кандидатуры на уровне местного (районного, областного, краевого) или высшего (республиканского, общесоюзного) масштаба. Во всех случаях персональный состав в значительной мере определялся партийными структурами. Эта вертикаль оптимально соответствовала военной обстановке, так как позволяла быстро производить замену выбывших руководителей и сохранять непрерывность партийного влияния.

Ответственные работники партийных, советских, правоохранительных органов, общественных организаций и средств массовой информации, культурных и образовательных учреждений, отраслевого аппарата управления производством (директора, главные инженеры, уполномоченные) утверждались в должности через структурные подразделения ВКП(б) и выполняли исполнительно-распорядительные функции, так или иначе ориентируясь на двойственность подчинения.

Структура крайкомов, обкомов и райкомов, создаваемая в соответствии с административно-территориальным делением региона, была призвана осуществлять организационные функции партийных органов, но формировалась и изменялась таким образом, чтобы в наибольшей мере соответствовать задачам руководства всеми сферами жизнедеятельности общества. За годы войны на Дальнем Востоке создали вновь более 2,1 тыс. первичных парторганизаций и приблизительно столько же ликвидировали. Если в начале 1941 г. дальневосточных коммунистов объединяли 2843 первичные партийные организации, 398 кандидатских и 73 партийно-комсомольские группы, то в начале 1945 г. 3441, 351 и 71 соответственно³⁰.

Структурные партийные подразделения формировались с учётом отраслевой специализации, и большинство из них были малочисленными. На 1 января 1945 г. из 2133 первичных партийных организаций Хабаровского края численность до 5 коммунистов имели 406 первичных парторганизаций, до 10 – 750, до 15 – 373, до 50 – 507, до 100 – 66, до 250 – 23, до 500 – 6, до 1000 коммунистов и свыше – 2 организации³¹.

Стремление охватить партийным влиянием решающие участки производства сказалось на количественных показателях партийных организаций. Так, на 1 января 1945 г. в Приморском крае 10,7% (2468 чел.) численности коммунистов были заняты в сельском хозяйстве, 12,1% (2773) – на железнодорожном и 7% (1608) – на водном транспорте, 7,4% (1703) – в рыбной, 6% (1394) – угольной, 1,2% (278) – цветной, 1,9% (445) – лесной промышленности и 1,6% (383 чел.) – в торговле и общественном питании³².

Однако партийная прослойка была незначительной: члены и кандидаты в члены партии составляли 9–11,5% занятых во всех отраслях производства Дальнего Востока. На 1 января 1945 г. в оборонной промышленности Хабаровского края коммунистов было 8,2% от численности рабочих и служащих, в нефтяной – 10,7, угольной – 7,4, на железнодорожном транспорте – 7, водном – 4,6, в строительных организациях – 8,8, на предприятиях связи – 8,6%. Доля коммунистов в Приморском крае составляла на железнодорожном транспорте 12,4%, водном – 9,8, в угольной промышленности – 7,9, рыбной – 8%³³.

Освобождённые партийные секретари работали на предприятиях, игравших важную роль в структуре производства Дальнего Востока. Среди них были номенклатурные работники: 41 парторг ЦК ВКП(б) (35 чел. в Хабаровском и 6 –

в Приморском крае) и 114 партторгов обкомов и крайкомов (32 – в Приморском и 82 – в Хабаровском крае). Среди утверждённых партторгов в ЦК партии 20% были в возрасте до 30 лет, по 37% – до 35 и 45 лет, 6% – старше. Высшее и незаконченное высшее образование имели 39% партторгов, среднее – 24% и незаконченное среднее и низшее – 37%. Подавляющее большинство (90%) стали членами партии в предвоенный период и работали на должности продолжительный период: 7% более 5 лет, 56% – до 5 лет и 37% – до 2 лет³⁴.

Трудовой путь большинства руководителей первичных партийных комитетов и исполкомов проходил в основном на производстве Дальневосточного региона и учитывался при выдвижении в местные органы власти. Работая в течение продолжительного времени в той или иной отрасли народного хозяйства, будущий лидер приобретал знания, разбирался в её проблемах и специфике.

Социальный состав секретарей первичных партийных организаций отражал не только изменения в составе партии, но и систему политического контроля. Так, на 1 января 1945 г. из 3519 секретарей дальневосточных партийных организаций 37% составляли рабочие, 15% – крестьяне, 48% – служащие. Основная часть их имела большой партийный стаж: 3% секретарей стали членами партии до начала 1920-х гг., 19% – в 1920-е гг., 40% – в 1930-е и 38% – в военные годы. Молодёжи было мало – более половины секретарей были в возрасте от 31 до 40 лет и 30–32% – старше. Продолжительность работы отражает частую смену партийных кадров: 48% секретарей работали не более года, 22% – не более двух лет, 14% – трёх, 10% – пяти и 6% – свыше пяти лет, а в 5–7% партийных организаций секретари сменились по 2 раза в год. Образовательный уровень был низким: не более 8–10% имели высшее и 25–30% среднее образование³⁵.

Дальневосточные партийные организации, прежде всего партийные бюро, отодвинув на второй план организационно-партийную работу, занимались оперативными и производственными вопросами и принимали огромное количество решений по использованию оборонного потенциала Дальневосточного региона. С декабря 1941 г. по июль 1945 г. в Хабаровском крае состоялось 160 заседаний краевого комитета партии, 9 пленумов краевой партийной организации, на которых было рассмотрено 32 основных вопроса, в том числе 12 – о состоянии дел в сельском хозяйстве, 4 – в рыбной промышленности, 3 – касались пропаганды и агитации. В связи с выбытием большинства членов и кандидатов в члены райкомов, горкомов с ноября 1943 г. по апрель 1944 г. было проведено 10 городских, 2 окружных, 40 районных партийных конференций с участием 5180 коммунистов с решающим и 1341 – с совещательным голосом³⁶.

Приморский краевой комитет партии с декабря 1941 г. по декабрь 1945 г. провёл 227 заседаний, 16 пленумов и одно собрание партийного актива с анализом социально-экономического развития Приморья. Чаше других поднимались проблемы сельскохозяйственного производства (11 раз) и организационно-массовой работы (3 раза). В 1945 г. на низовом уровне состоялись 222 пленума и 28 собраний партийного актива, 14 партийных конференций, на которых обсудили 266 наиболее актуальных вопросов, в том числе 74 – по росту партийных рядов и воспитанию молодых коммунистов³⁷.

Постановления касались не только определения стратегических направлений по усилению безопасности региона, расстановки кадров и распределения трудовых ресурсов, но и инновационных процессов на каждом отдельном предприятии, в учреждении, колхозе и совхозе. Для обеспечения эффективности

управления партийный аппарат, курируя соответствующие отрасли и ведомства, устанавливал межотраслевую производственную кооперацию, маневрировал оборудованием, сырьём и материалами, переводил специалистов и рабочих с одних предприятий на другие, осуществлял мобилизационные и агитационно-пропагандистские программы.

Система отбора по политическим качествам и существующая практика перемещения по номенклатурной лестнице с учётом специфических условий Дальневосточного края (перед войной в аппаратах горкомов и райкомов оставались вакантными 15–20% должностей) не способствовали стабильности кадрового потенциала. Выполнение партийными структурами административных функций, особенно на низовом уровне, приводило к подмене и дублированию деятельности хозяйственных руководителей. Обилие всевозможных постановлений приводило к тому, что принятые решения имели недостаточную мотивацию и слабую практическую составляющую. Механизм участия рядовых коммунистов в управлении государственными и общественными делами на практике был сведён до уровня реализации принимаемых решений. И всё же в региональных партийных организациях действовали традиционные уставные демократические принципы. Деятельность коммунистов была направлена на снижение социальной напряжённости, остроты социально-бытовых и хозяйственных проблем и использовалась руководством страны как весьма эффективное средство повышения устойчивости общества.

В поле зрения представителей центральных структур находились все аспекты мобилизационной политики. Осуществлялся строжайший организационный централизм не только по вертикали (ведомственная линия), но и по горизонтальной соподчинённости путём усиления исполнительской деятельности. Протоколы заседаний бюро, пленумов райкомов, горкомов, а также справки работников партийного аппарата, подготовленные после всесторонней проверки на местах, представлялись по вертикали подчинённости. Так, за 1942–1945 гг. Приморский крайком получил с мест не менее 280 различных развёрнутых информационных отчётов. Они, как правило, содержали сведения о выполнении плановых заданий, организации социалистического соревнования, имена передовиков производства, но в них отсутствовала информация о методах партийно-политической работы³⁸. В ЦК ВКП(б) направлялись отчётные и аналитические материалы не только по различным аспектам внутрипартийной деятельности, но и об оборонном состоянии региона. Особенно много таких документов подготовлено при проверке в 1943 г. деятельности Хабаровской и в 1944 г. – Приморской краевых партийных организаций.

В административной системе управления огромное значение придавалось государственному и ведомственному контролю, на местах через уполномоченных ГКО, Госплана СССР, Наркомата государственного контроля СССР, Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Они были призваны контролировать не только выполнение распоряжений правительства, но и деятельность наркоматов, управлений, государственных и кооперативных учреждений на территории СССР.

Структура существующих подразделений, учитывая широкие полномочия, позволяла оперативно принимать наиболее рациональные решения. Так, с начала 1941 г. и по апрель 1943 г. группа контролёров Приморья провела 213 проверок и ревизий на различных предприятиях и в организациях. Кроме того, по своей инициативе проверялся порядок рассмотрения жалоб трудящихся в краевом земельном и торговом отделах, приёмной крайисполкома³⁹.

Хабаровские контролёры с октября 1942 г. по январь 1944 г. осуществили проверку более 210 объектов, около половины из них были связаны с сельскохозяйственным производством, 40 – с торговлей, по 11 – с рыбной и местной промышленностью, 5 – с оборонной и 2 – с нефтяной. Систематически контролировались деятельность 11 важнейших предприятий, работа транспорта, системы государственных материальных резервов⁴⁰.

В 1944 г. и первом полугодии 1945 г. помимо плановых проверок по социально-экономическим вопросам оперативно контролировалось выполнение 21 постановления ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б) в Приморском крае и 35 – в Хабаровском. Одновременно уполномоченный Госплана по Приморскому краю получил около 600 распорядительных документов, в том числе 5 постановлений ГКО, 64 постановления и распоряжения СНК СССР, 32 – ЦК ВКП(б) и Приморского крайкома партии, 496 – от наркоматов и ведомств. Даже если не учитывать направленность и степень их важности, то, прежде всего, поражает обилие поступающих директив и указаний, которые требовалось исполнить. Например, с января по июль 1945 г. в ответ было подготовлено и отправлено 159 различных справок, 364 экз. рабочих материалов⁴¹.

Учитывая отдаленность региона, большинство актов проверок реализовывались на региональном уровне. Своевременное доведение материалов проверок до сведения местных советских и партийных органов во многих случаях приводило к быстрому и оперативному устранению выявленных недостатков, привлечению виновных к ответственности.

Лавируя между общесоюзными и региональными интересами, советско-партийное руководство на Дальнем Востоке выполняло интеграционные функции и функции ретранслятора нормативно-ценностных ориентиров. Советы депутатов трудящихся всех уровней стали важным звеном мобилизационной политики. В условиях противоречивых тенденций централизации и децентрализации системы управления они сохранили основные составляющие народовластия, опираясь на национально-патриотический и морально-психологический потенциал, выступали как координирующий, сплачивающий элемент и при наличии традиционных культурно-хозяйственных укладов и различий в социально-экономическом развитии административно-территориальных единиц региона обеспечили интеграцию дальневосточного общества в общесоюзные процессы. Взаимодействие дальневосточных партийных организаций и легитимных исполнительных комитетов позволило согласовать в рамках отведённых полномочий внутри- и межрегиональные интересы и обеспечить выполнение оборонных заданий с использованием их административных резервов, которые стали эффективным инструментом контроля над дальневосточным обществом.

2.2. Общественно-политические настроения в регионе

Сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз, учитывая разницу во времени, в Дальневосточном регионе стало распространяться поздним вечером 22 июня 1941 г. Митинги, собрания (стихийные и организационно подготовленные) в последующие дни проходили фактически во всех коллективах с вынесением единодушной резолюции осуждения агрессора, решимостью отстаивать свою Отчизну и уверенностью в победе. «Советский

народ кровью добывал своё счастье и никому и никогда его не отдаст! ...Советский народ разгромит гнездо фашизма. Ибо поднявший меч на нашу страну от меча и погибнет!» Эти слова первого секретаря Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегова, произнесённые на митинге рабочих Дальзавода 23 июня 1941 г., отражали мысли и чувства дальневосточников⁴².

Не дожидаясь призыва, дальневосточники обращались в военкоматы с просьбой направить их на фронт добровольцами. Только 24 июня 1941 г. в Приморский краевой военкомат поступило 783 заявления. «Я сын Советского Союза, прошу зачислить меня в действующие части и направить на фронт», «Я сын советской страны, горю гневом и ненавистью к подлым фашистским псам, осмелившимся напасть на мою Родину. Горе врагу! ... Вся моя жизнь принадлежит советскому народу, за свободу и счастье которого я буду сражаться до последней капли крови!», «Мой долг – не щадить своей жизни для достижения победы над фашистским агрессором. Все свои силы и энергию я готов отдать, чтобы с честью выполнить любое задание нашего советского правительства», – так приморцы обосновывали свои просьбы отправить их на фронт⁴³.

Среди широких слоёв населения, воспитанных на героических символах, преобладала уверенность в быстротечном характере сражений преимущественно на чужой территории. Последние известия, подготовленные дальневосточными журналистами и транслируемые местным радиовещанием, содержали выдержки уверенных, бодрых выступлений: «Одобряем приказ тов. Сталина – очистить советскую землю...», «Владивостокцы горячо одобряют решения советского правительства, отдавшего распоряжение доблестным войскам Красной армии очистить нашу землю от германских фашистов». С ликованием была встречена сводка Главного Командования, в которой сообщалось, что после ожесточённых боев противник был отброшен с большими потерями⁴⁴.

«Когда Красная армия разобьёт фашистов, пойдёт ли она дальше?» – задавали вопросы военкомам. Высказывались предположения о взятии Варшавы советскими войсками. Задержка призыва (на Дальнем Востоке мобилизация началась 1 июля 1941 г.) вызывала обиду у добровольцев («Два родных и 36 двоюродных братьев уже воюют на Западном фронте», – сообщал И.М. Степанов) и заставляла обращаться за содействием к руководству страны.

Коммуникационное пространство в СССР создавало условия для активного формирования и распространения различного рода неформальных сообщений. Причина объявления войны почти не подвергалась сомнению: Гитлер напал на СССР, а вот повод имел несколько вариантов: предательство «врагов народа» и наркома обороны С.К. Тимошенко, убийство К.Е. Ворошилова на переговорах с Германией, мистическое библейское предсказание. Военные действия за тысячи километров от региона воспринимались пока как далёкая реальность.

Жители Дальнего Востока испытывали чувство незащищённости от возможных внешних угроз. В обыденном сознании дальневосточников укоренилось мнение, подкрепляемое свидетельствами очевидцев Гражданской войны, конфликтов 1929 г. на КВЖД и 1938 г. на Хасане, что рядом находится более коварный и опасный враг. «Нас кругом начали бить – с 23 июня идёт война на Хасане, но в газетах об этом не пишут», «Поймали 12 шпионов-корейцев, сбит японский самолёт, а другой заставили приземлиться», – типичные высказывания в первые дни войны⁴⁵.

По Приморью распространялись слухи, которые усилились после введения светомаскировки, об объявлении 27 июня Японией войны и наступлении

японцев в районе с. Барабаш силами до 169 тыс. чел., о нарушении воздушного пространства японской авиацией и сбитых самолётах противника, поимке 50 диверсантов-парашютистов, обстреле с сопредельной стороны Хасанской железнодорожной ветки. На железнодорожных станциях Хабаровского края обсуждались мнимое предложение советского правительства Японии – отвести войска от границы на 100 км и встречный ультиматум японского правительства И.В. Сталину – о передаче Камчатки и Сахалина Японии и начале войны в случае невыполнения требований⁴⁶.

Масштабы фашистской агрессии, стремительное продвижение противника вглубь страны при явном запаздывании разъяснительной работы негативно действовали на психологическое состояние дальневосточников. Семьи военнослужащих, ожидая эвакуации, в срочном порядке снимались с учёта, распродавали вещи и предметы домашнего обихода на рынках и в скупочных магазинах. Детей увозили из пионерских лагерей. Переселенцы, особенно вновь прибывшие, упаковывали вещи. Молодые рабочие, принятые на производство после окончания ремесленных училищ, стремились под любыми предлогами покинуть производство. Наблюдались случаи, когда выселенные в годы репрессий возвращались на прежнее место жительства и требовали освободить принадлежавшие им дома, хозяйственные постройки.

Ожидание правдивой информации было столь велико, что выпуска газет ждали у дверей типографии до глубокой ночи, требовали увеличить тиражи, лимиты для розничной торговли. Народная молва неоднократно называла не только день, но и час выступления И.В. Сталина по Всесоюзному радио, поэтому выступление в полдень 3 июля 1941 г. было встречено с большим воодушевлением. «...Родной Сталин выразил все думы и чаяния советских людей», «...Всё внимание фронту, все усилия к разгрому кровожадного фашизма. Мы должны победить!» – рефреном звучало во всех выступлениях⁴⁷.

Население Дальнего Востока в большинстве своём демонстрировало мировоззренческую цельность. «Говорить не умею. ... Слово моё будет коротким. ... Не будет нам ни нормального отдыха, ни нормального дня до той поры, пока ни одна нога поганой немчурой не останется на нашей земле. Мы все как один даем клятву трудиться по-стахановски и все как один готовы в любой момент встать на защиту своей Родины», «...У нас есть кому защищать Родину, есть чем защищать и есть чем защитить правое дело. От старого до малого все мы откликнемся на призыв», – заявили кадровые рабочие Владивостокского торгового порта Локтионов и Д.С. Муханов⁴⁸.

Домохозяйки Хабаровска 3 июля 1941 г. по собственной инициативе собрали 400 руб. в Фонд обороны. На собрании пенсионеров 7 июля 130 чел. решили вернуться на производство, заменить ушедших на фронт и также начали собирать деньги в Фонд обороны. Инвалид 2-й группы, потерявший сына при конфликте у оз. Хасан, отказался получать пенсию и стал перечислять её государству⁴⁹.

«А немец-то зверь лютый, чёртом будет лезть на нашу землю. Война будет нелегкой, долгой», «Ему всю землю подавай, все богатство выкладывай ...Накось выкуси», – эти простые выражения женщин-матерей лучше других слов отражали дискурс общественного мнения⁵⁰. 29 июля 1941 г. 11 тыс. жителей г. Владивостока, многие по собственной инициативе, поддержанной в других городах и посёлках, вышли на возведение оборонительных сооружений. Такого патриотического порыва не ожидали и не были готовы: в спешном порядке

определялись объекты первостепенной важности, собирался инструмент, которого не хватало⁵¹.

Постепенно приходило осознание смертельной опасности. Вместо просьб о немедленной отправке на фронт, преобладавших в июне-июле 1941 г., появляются призывы – самоотверженно стоять на своём посту, работать по-военному, навести образцовый порядок и железную дисциплину, вести беспощадную борьбу с благодушием, беспечностью, трусами, сеющими неверие, страх, панику⁵².

«Все силы на помощь фронту, все силы на разгром врага – этим сейчас живут дальневосточники. ...Советский Дальний Восток есть и будет несокрушимым форпостом на Тихом океане. ...Каждый из дальневосточников готов сражаться с фашистами до полного их уничтожения», – констатировал В.М. Истомин, председатель Хабаровского крайисполкома, в выступлении по радио 1 мая 1942 г.⁵³

Стремление сплотиться перед лицом внешней опасности приводило к подъёму патриотических настроений и одновременно порождало атмосферу подозрительности. В партийные органы всех уровней поступали предложения об усилении агентурной работы среди населения с указанием причин: нездоровые разговоры и контрреволюционные настроения проявляются в большей части скрыто, и поэтому методы политической агитации в этом случае не дают положительных результатов. Отступление Красной армии объяснялось не столько внезапностью нападения фашистской Германии, сколько превосходством противника в военно-стратегическом отношении и техническом оснащении. Специальные сводки зафиксировали лишь единичные прогнозы скорого падения Советского Союза под совместными ударами Германии и Японии. Ожидания отдельных лиц, считавших себя пострадавшими от произвола советских властных структур и стремившихся восстановить свой утраченный статус, не находили широкой поддержки⁵⁴.

Осознание слабой подготовленности страны к отражению агрессии, как ни парадоксально, укрепило убеждённость дальневосточников, что в предстоящих сражениях решающая роль принадлежит народу. «Гитлер всё предусмотрел, а нас спросить забыл», – гласила народная молва. «...Я совсем недавно из РККА, и мои мозолистые руки не разучились держать оружие. Нас таких миллионы. В нашей груди бьётся сердце, полное любви к нашей партии и тов. Сталину. Мы готовы в любой момент стать на защиту нашей Родины, не жалея своей жизни», – заявил один из рабочих Дальневосточной железной дороги⁵⁵.

Деятельность коммунистической партии, её вождя, даже с определённой долей критики, представлялась мудрой и дальновидной. Не случайно большое количество писем, телеграмм, заявлений было направлено в адрес И.В. Сталина, ЦК ВКП(б), Наркомата обороны СССР. Текст обращения молодёжи Владивостока, принятый на антифашистском митинге 1 октября 1941 г., изобилует экспрессией: «Никогда мы не будем рабами! Никогда фашистским головорезам не властвовать на нашей земле! ...Враг будет разбит! Жестоким мщением ему оплатит советский народ за все его злодеяния. Он получит смерть за смерть, кровь за кровь! Фашизм должен быть и будет уничтожен! Всё для фронта, всё для разгрома врага! Победа будет за нами! Поднимайся молодёжь! Не отдадим фашистским бандитам своей юности. Поднимайся молодёжь! Мы должны отобрать назад наши родные советские города и сёла, временно попавшие в лапы врага! Поднимайся молодёжь! Мы должны отомстить за кровь, пролитую советскими юношами, девушками, детьми! Молодое поколение народов Европы

и Америки! В нашем единстве – залог скорой победы над гитлеризмом». «Кто не хочет быть рабом, тот идёт вместе с нами в бой!», – так звучал призыв молодого инженера Дальзавода В. Лисовченко на радиомитинге в честь принятия Конституции СССР⁵⁶.

Безусловно, это своего рода фиксирование реакции дальневосточников на официальные политические мероприятия, но не совсем правомерно видеть в данных фактах идеологическую направленность. Речь идёт о готовности населения в условиях войны защищать «свою власть», хотя, несомненно, трудно выделить властную компоненту в общем понятии защиты Отечества.

Слухи как следствие государственной монополии на информацию оказывали вполне конкретное воздействие на общество. Распространяясь с поразительной быстротой, они формировали мотивацию поведения отдельных социальных слоёв и возрастных групп. В Дальневосточном регионе, как и по всей стране, началась массовая скупка продовольственных и промышленных товаров. Население в первую очередь запаслось солью. Только Уссурийский гастроним 24 июня продал 2500 кг, а на руднике Тавричанка с 22 по 27 июня реализовано 3900 кг соли, почти двухмесячная норма обычных дней.

Установленные наркомом финансов СССР ограничения на выдачу денежных накоплений (не более 200 руб. на одну сберегательную книжку) спровоцировали ещё больший ажиотаж. Фиксировались случаи задержки кассирами предприятий выдачи заработной платы рабочим под предлогом недостатка денежных средств. Уже в начале войны сформировалось стойкое мнение о предстоящих материальных лишениях (недостаток самого необходимого, прежде всего хлеба) и было предсказано введение в ближайшее время карточек (введены в ноябре 1941 г.)⁵⁷.

Подготовительная работа по введению карточной системы оказалась недостаточной, но в целом была воспринята одобрительно. «...Наконец отдохнём от ночных дежурств в очереди», «...Большая экономия государству будет. Уж теперь гусей, свиней да коров хлебом кормить не будут...». Опасения по поводу материального благополучия видны из высказываний строительного рабочего: «...Разве рабочему человеку хватит 800 граммов хлеба, когда нет приварка ...» – и домохозяйки: «...Тяжеловато мне будет с моей оравой – восемь ртов иждивенцев, а работник один»⁵⁸.

По мере обострения продовольственной проблемы риторический вопрос об исчезновении 5–10-летних государственных запасов всё чаще и чаще звучал во всех слоях дальневосточного общества. Наиболее правдоподобной для многих казалась версия поставок Германии в качестве платы за сохранение видимости миролюбия. Помощь Соединённых Штатов Америки и Великобритании принималась с благодарностью⁵⁹.

На Дальнем Востоке отношение к иностранцам, при почти непрерывном соприкосновении, всегда оставалось доброжелательным, хотя и носило двойственный характер. После подписания соглашений с Великобританией возникла уверенность в успешном окончании войны. «Советский Союз и сам в состоянии уничтожить фашистскую гадину, а теперь два таких крупных государства Европы ускорят полный разгром гитлеризма. Они тем самым освободят многие народы, находящиеся в настоящее время под пятой оккупантов, от произвола и тирании германского фашизма», – зафиксировано высказывание на заводе им. Горького. Задержка с открытием второго фронта объяснялась прагматичными мотивами:

«На Америку и Англию не стоит надеяться – не помогут они в войне с Германией», «Второго фронта не будет. Англия и Америка делают политику хитро ... ждут момента, когда Советский Союз и Германия ослабнут в ходе войны и тогда предложат: хватит, повоевали, а теперь вы наши», – высказывались железнодорожные рабочие⁶⁰.

Западные промышленные технологии вызывали восхищение, усиливавшееся по мере увеличения объёмов поставок по ленд-лизу, однако особого стремления внедрять их не наблюдалось. Китайцам и корейцам, признавая изворотливость, трудолюбие и тех, и других, сочувствовали с лёгким оттенком иронии и некоторого превосходства. По отношению к японцам проявлялась сдержанность, переходящая в откровенную враждебность, подкреплённую не только свидетельствами очевидцев недалёкого прошлого, но и агрессивной направленностью постоянных вооружённых конфликтов на пограничных участках. С другой стороны, дальневосточники, хорошо осведомлённые о депортации лиц корейской и китайской национальностей в 1930-е гг., напряжённо ожидали выселения из региона так называемых социально опасных элементов.

Агрессия выявила широкий спектр настроений в обществе. Факты жестокого обращения фашистов с военнопленными и мирными жителями на оккупированных землях среди определённой части населения воспринимались с недоверием⁶¹. Безусловно, в данном случае можно говорить об определённой психологической установке, сформированной советской пропагандой на принципах пролетарского интернационализма в предвоенные годы. Не случайно появилось мнение, что начало военных действий – это ошибка, Гитлер уже прибыл в Москву с извинениями.

Потребовалось время для осознания истинных целей фашизма. Ценой непомерных жертв излечивались от наивного представления о враге, излишнего добродушия и беспечности. Общая направленность неформального общения изменилась: большинство разделяло провозглашенные способы достижения победы над врагом, но отрицать наличие антисоветских настроений нет оснований. В качестве деструктивных факторов они представляли определённую угрозу и пресекались по законам военного времени. Так, в начале 1943 г. в лагерях и колониях УНКВД по Приморскому краю отбывали наказание 507 осуждённых за различные антиправительственные выступления и 23 – за распространение провокационных слухов. За первое полугодие 1945 г. в Хабаровском крае были арестованы 67 чел. за антисоветскую агитацию (допрошено 420 чел.), в том числе 23 – в Хабаровске, 4 – в Амурской, 10 – Нижне-Амурской, 21 – Сахалинской, 8 – Камчатской, 1 чел. – в Еврейской областях⁶².

Законодательная и уголовно-процессуальная база психологически влияла на мотивацию поведения дальневосточников. Жёсткое противостояние атеистического характера официальной идеологии религиозным ценностям грозило вызвать деструктивное отношение к власти, и отношение к религии изменилось. Возрождалось религиозное мировоззрение, проводились службы о даровании Победы над фашизмом, панихиды по убиенным на поле брани.

Самой распространённой формой выражения общественных умозаключений являются вопросы. В январе 1943 г. в Хабаровском крае (по самым приблизительным подсчётам) на собраниях, лекциях было задано 397 вопросов, из них 22,7% касались материально-бытовых проблем, положением на фронтах Великой Отечественной войны интересовались 16,6% слушателей, международным

положением – 11,3%, работой предприятий и колхозов – 7,8%. О судьбе второго фронта дальневосточники задали 4,8% вопросов и по 5,5% – о положении на Дальнем Востоке и взаимоотношениях СССР с Японией⁶³.

Внешнеполитическая деятельность правительства СССР осознавалась на практическом уровне. Вопросы были конкретными: о военных ресурсах Германии и Японии, о ходе военных операций в Северной Африке, Китае и на Тихом океане, размерах помощи СССР со стороны США и Англии, об участии польской и чехословацкой армий в сражениях. Дальневосточников интересовали положение немецких военнопленных в Советском Союзе, судьба стран фашистского блока и будущее антигитлеровской коалиции. Учитывая масштабы разрушений в стране, помощь народам Западной Европы ассоциировались с дополнительными материальными трудностями⁶⁴.

Не имея опыта и возможности отстаивать свои права в рамках демократических процедур, дальневосточники обращались с заявлениями, жалобами, письмами во все структурные подразделения государственной власти. Анализ сведений по Хабаровскому краю на начало 1943 г. показывает, что 70% обращений касались материально-бытовых проблем, 18% отмечали недостатки в работе отдельных руководителей предприятий, колхозов и учреждений, 12% имели патриотическую направленность. В январе–октябре 1943 г. в краевой комитет партии, крайисполком, редакцию газеты «Тихоокеанская звезда», по неполным сведениям, поступило более 6,5 тыс. писем, из них 76% содержали просьбы, направленные в той или иной степени на улучшение личного положения⁶⁵.

В Приморском крае из 3461 письма, зарегистрированного в краевом комитете партии в 1943 г. и первой половине 1944 г., 70,7% касались материальной помощи, 10,5% – увольнения, перевода на другую работу и выплаты отпускных, 4% – невыплаты денежной и натуральной оплаты труда трактористам и комбайнёрам. Неправомерное распределение нормированных промышленных и продовольственных товаров отмечалось в 3,5% индивидуальных и коллективных писем, в 2% – жаловались на необеспеченность жилплощадью, в 3,3% – содержались факты неправомерных действий руководителей предприятий и колхозов и в 1% – информация о хищениях государственного имущества⁶⁶.

К окончанию войны количество обращений возросло. В январе–феврале 1945 г. в крайкоме и крайисполкоме, редакциях газет Хабаровского края было зарегистрировано около 2 тыс., за первый квартал этого же года в Приморском крае – около 1,5 тыс. писем, по содержанию почти не отличавшихся от предыдущих периодов: 80–87% обращались за социальной помощью, 4% – указывали на неправомерные действия конкретных лиц⁶⁷.

Апеллировали они и в высшие инстанции. Так, в 1945 г. в приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР поступило 2840 обращений от дальневосточников (1004 – Приморского и 1836 – Хабаровского краев), из них 32% – по трудовым вопросам, 30% – административно-судебным, 24% – социально-бытовым, 10% – сельскохозяйственным и 4% – жилищным. В них содержались жалобы на злоупотребления должностных лиц и неправомерность судебных решений, ошибки при начислении подоходного и военного налога, социального пособия, определении размера приусадебного участка, оплате трудовых и коммунальных услуг, просьбы об оказании материальной и медицинской помощи, определении детей в дошкольные учреждения и разрешениях на выезд с территории Дальнего Востока⁶⁸.

Судя по количеству зарегистрированных посланий дальневосточники чаще обращались в партийные структуры и редакции газет, чем в органы советской власти, надеясь на оперативное и более объективное разбирательство. Источниковая база позволяет составить весьма общий социальный портрет респондентов. Так, в начале 1945 г. в Приморье более половины обращений фиксировались как коллективные (от семей военнослужащих), около 20% – от разных лиц, в том числе и анонимные, примерно 12% – от служащих, 11% – от колхозников и 4–5% – от рабочих⁶⁹.

В рассматриваемых материалах выделяются несколько повторяющихся составляющих: оценки и суждения, обещания и заверения, предложения и пожелания, требования и запросы, просьбы и жалобы, в которых проявлялась определённая гражданская позиция дальневосточников. Следует отметить в них не только идеализацию центральных властных структур как защитников Отечества, но и конкретные предложения по улучшению работы советско-партийных организаций. Универсально-гуманистические устремления не утрачивали актуальности: стабильно 1–2% корреспондентов обращались с просьбами об отправке на фронт.

На уровне взаимодействия с органами власти прослеживается стремление к социальной справедливости. Связанное с реалиями военной повседневности, оно достаточно противоречиво и включает элементы прагматизма, почерпнутые из различных источников, усиливается неприязнь к тем, кто, используя военные трудности, стремился к обогащению.

2.3. Дальневосточники – защитники Отечества

В годы войны защита Отечества являлась священным долгом граждан СССР. Конституция 1936 г. (ст. 49) и Закон о всеобщей воинской обязанности 1939 г. (ст. 75) определили принцип формирования, а административно-территориальная система воинского учёта – порядок комплектования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), Рабоче-крестьянского Военно-морского флота (РК ВМФ), пограничных и внутренних войск НКВД, формы исполнения воинской обязанности.

22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране была объявлена частичная мобилизация военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 гг. рожд.) на территории 14 военных округов (Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского). В двух округах (Забайкальском и Среднеазиатском) и на территории Дальневосточного фронта она осуществлялась скрытым порядком с 1 июля 1941 г. (объявлена с 21 июля), с августа – мобилизация стала всеобщей: призывались военнообязанные старших возрастов (1885–1904 гг. рожд.) и лица, достигшие 18 лет (в 1944 г. с 17 лет), повышался предельный возраст для военнообязанных (с 50 до 55 лет). На воинский учёт и действительную военную службу принимались также женщины со специальной подготовкой.

Главное управление формирования и комплектования войск Красной армии, созданное 14 июля 1941 г. по постановлению ГКО, было призвано исходя из складывающейся военно-политической обстановки, экономических

и демографических возможностей страны оптимизировать численность и состав Вооружённых сил СССР. Во второй половине 1941 г. при наличии примерно 31,5 млн чел. годных к военной службе (16,4% населения страны) и 19,8 млн состоящих на учёте мобилизовали до 14 млн чел. 32 возрастов, что дало возможность развернуть воинские формирования, укомплектовать личным составом дивизии второго стратегического эшелона и внутренних округов⁷⁰.

Быстрое продвижение противника (на захваченной территории остались более 2 млн военнообязанных), бронирование 2,5 млн военнообязанных запаса и 200 тыс. призывников 1919–1923 гг. рожд., исключение из призывного контингента 1,3 млн чел. рабочих колонн и 1182 тыс. осуждённых, 250 тыс. военнообязанных некоторых национальностей (немцы, румыны и др.) сократили мобилизационные возможности страны, которые в начале 1942 г. (без учёта забронированных) составляли приблизительно 2,7 млн чел., из них 550 тыс. военнообязанных 1922–1923 гг. рожд., 1063 тыс. – в возрасте до 40 лет, 425 тыс. – до 45 лет, 627 тыс. – до 50 лет⁷¹.

Из-за больших потерь личного состава потребовались дополнительная передислокация воинских соединений из внутренних тыловых округов, очередные и досрочные мобилизации военнообязанных запаса и призывников. С Дальнего Востока направили на фронт военнообязанных запаса 1900–1922 гг. и призывников 1923–1924 гг. рождения. Призыв проводился по нарядам, где особо оговаривалось направление в части, расположенные в приграничной полосе, и в укрепрайоны. В рабочие батальоны зачислялись лица, имеющие ограничения по национальному признаку, морально-политическим мотивам и физическому состоянию. Некоторые категории рабочих и служащих оборонных предприятий истроек, железнодорожного и водного транспорта Дальневосточного региона, согласно правительственным постановлениям, закреплялись на производстве и не подлежали мобилизации.

Прокуратура СССР усилила надзор за бронированием и предоставлением отсрочек от воинской службы. С объявлением очередного или дополнительного призыва в военкоматах всех территориальных образований региона проходила перерегистрация военнообязанных и призывников. Им запрещалось покидать постоянное место жительства без письменного разрешения военного комиссариата, и при выезде (служебная командировка) следовало в течение 48 ч встать на военный учёт в органах милиции независимо от приписки с соответствующей отметкой в военном билете. Освобождённые из мест заключения принимались на учёт без воинских документов на основании справок и анкет. Все уклонившиеся от постановки на учёт привлекались к уголовной ответственности по ст. 293 (п. 10-а) Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей союзных республик, а от призыва – подлежали суду военного трибунала⁷².

Сокращалась штатная численность военных тыловых и запасных частей, управленческих структур предприятий и организаций, пересматривались списки забронированных рабочих (годные к строевой службе военнообязанные в возрасте до 35 лет бронировались в исключительных случаях), сворачивалось строительство второстепенных объектов и прекращалось формирование рабочих колонн. За счёт переосвидетельствования военнообязанных, призыва добровольцев, осуждённых и высланных, а также граждан, ранее не призывавшихся на военную службу, из региона изымалось максимально возможное число людских ресурсов.

Наиболее интенсивно мобилизационные ресурсы Дальнего Востока использовались с июня 1941 г. по 1943 г. В Приморском крае (на 26 сентября 1942 г.) в ряды Красной армии и Военно-морского флота было призвано 136 тыс. чел. (127,5 тыс. рядового и младшего командного, 6,96 тыс. – командного и 1,5 тыс. – политического состава)⁷³, в Хабаровском крае (на 1 ноября 1943 г.) – 241 тыс. чел., из них 9,9 тыс. женщин⁷⁴.

Перерегистрация военнообязанных позволила призвать в июле–августе 1943 г. 7,8 тыс. дальневосточников, включая 4,7 тыс. строевых и 2,8 тыс. – нестроевых, 364 призванного 1922–1925 гг. рождения. В промышленности и сельском хозяйстве были забронированы 100,2 тыс. военнообязанных (81 тыс. рядовых и 19,2 тыс. чел. младшего и среднего командного состава). В резерве осталось около 10 тыс. чел., подлежащих мобилизации в первую очередь⁷⁵.

К ноябрю 1943 г. на Дальнем Востоке численность военнообязанных, годных к строевой службе, сократилась в 3,6 раза по отношению к июню 1942 г., годных к нестроевой – в 1,5 раза (рис. 2.3.1). Наибольшие сокращения произошли в возрастных категориях 41–45 лет – в 7,5 раза и 46–50 лет – в 4,5 раза. Изъятие рабочих и инженерно-технических работников с любого предприятия воспринималось крайне негативно. Так, решение о мобилизации 4694 чел. с оборонных заводов Хабаровского края, по мнению руководителей, принималось без учёта специфики производства и превышало реальные возможности высвобождения рабочей силы в 5 раз⁷⁶.

При передислокации воинских соединений на запад требовалось пополнение списочного состава дальневосточной группировки войск. Новые формирования укомплектовывались военными запасных и тыловых частей, эвакогоспиталей, мобилизованными военнообязанными запаса и женщинами. Так, в ноябре 1943 г. на Дальневосточный фронт прибыли 100,6 тыс. чел., из них 43,7 тыс. из Московского военного округа, 18 тыс. – Приволжского, по 9 тыс. – из Архангельского и Южно-Уральского, по 5 тыс. – из Орловского и Сибирского военных округов и 8,9 тыс. – из военкоматов Дальнего Востока⁷⁷.

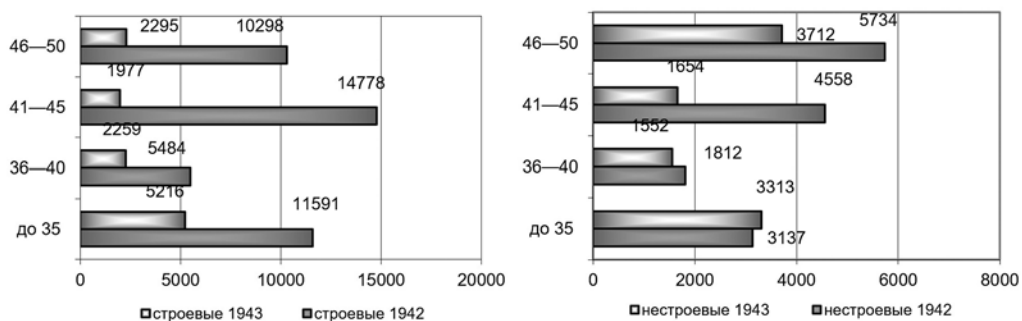

Рис. 2.3.1. Численность военнообязанных запаса общего учёта по военкоматам Дальневосточного фронта на 1 июня 1942 г. и 1 ноября 1943 г., чел.

Сбалансировать потребности дальневосточной оборонной промышленности, транспорта и вооружённых сил в людских ресурсах было крайне проблематично. На предприятиях оборонного значения рабочие, имевшие разряд выше третьего, ведущие инженерно-технические работники и служащие не подлежали мобилизации (призывали, как правило, рабочих массовых профессий и низкой

квалификации), что позволяло вернуть наиболее квалифицированных специалистов на производство. По постановлению ГКО и СНК СССР отсрочка от призыва по мобилизации на Дальнем Востоке была предоставлена на 1 сентября 1944 г. 112,8 тыс. военнообязанных, на 1 января 1945 г. – 114,4 тыс., на 1 июня 1945 г. – 75,4 тыс., но заявки на бронирование рабочих и служащих удовлетворялись лишь на 50%⁷⁸.

С января 1944 г. по апрель 1945 г. в регионе численность военнообязанных запаса общего учёта возросла на 40,6% с одновременным увеличением (с 23 до 27%) ограниченно годных к военной службе. Процентное соотношение забронированных лиц по возрастным категориям колебалось незначительно: лица рядового и сержантского состава 46–50 лет составляли 13%, 41–45 лет – 15%, 36–40 лет – 18%, 31–35 лет – 23%, 26–30 лет – 20%, 21–25 лет – 10%, до 20 лет – 3%. С весны 1945 г. в регионе началась мобилизация военнообязанных всех возрастных категорий. Особенно она затронула 17–20-летних, затем 21–25-летних и лиц в возрасте 41–50 лет. На производстве максимально сохраняли рабочих-военнообязанных 26–40 лет, как правило, с опытом работы. В части ВМФ мобилизовали практически всех состоявших на данном виде учёта по военкоматам региона⁷⁹.

Большое значение имел призыв на военную службу граждан, достигших призывного возраста. К середине 1942 г. на Дальнем Востоке приблизительно 92% молодёжи 1922–1923 гг. рождения были призваны в ряды Вооружённых Сил СССР, в пределах 4% – получили отсрочку, 3% – признаны годными к нестроевой службе и 1% – комиссованы. С августа 1942 г. по декабрь 1944 г. подлежали мобилизации 61,6 тыс. дальневосточников 1924–1927 гг. рождения (табл. 2.3.1). В военкоматы прибыли 61,2 тыс. чел., из которых были признаны годными к строевой службе 53,2 тыс. (86,9%) и к нестроевой – 3,4 тыс. (5,5%), комиссованы – около 1,1 тыс. (1,8%), предоставлена отсрочка по болезни 2,1 тыс. чел. (3,4%).

На военную службу призвали 55 тыс. чел. (63% учтённых лиц 1924–1927 гг. рождения), в том числе в 1942 г. – 74% призывной молодёжи, в 1943 г. – 60% и в 1944 г. – 42%, из них имели среднее образование 1,9%, 7–9 классов – 26,5%, 4–6 классов – 55,2% и 5% – малограмотные и неграмотные. Дальневосточников направляли в основном в стрелковые дивизии и запасные части Дальневосточного фронта (более 43%), на Тихоокеанский флот (24%), в войска НКВД (10%), в военные училища (6%), части ПВО (3%), а также в бронетанковые и артиллерийские соединения, разведывательные и снайперские школы, полки связи⁸⁰.

На Дальнем Востоке проводились мобилизации по патриотическим призывам. За годы войны в Хабаровском крае по решению комсомольских организаций мобилизовано 9335 чел., в том числе 3835 чел. – в войска ПВО, 375 чел. – в воздушно-десантные, 160 чел. – в подразделения истребителей танков, 125 чел. – политработников. В Приморском крае по комсомольско-молодёжной мобилизации призвали более 4 тыс. чел. для формирования воздушно-десантных войск, 2,8 тыс. девушек – в войска противовоздушной обороны и 440 чел. – в ряды Тихоокеанского флота. На фронт ушли 86,9 тыс. комсомольцев из Хабаровского края и 49 тыс. – Приморского⁸¹.

За годы войны на военную службу в стране привлечено 29 574,9 тыс. чел., а с учётом военнослужащих, находившихся в строю на 22 июня 1941 г., – 34,5 млн чел., из них 570 тыс. женщин (490 тыс. рядовых и 80 тыс. офицеров). Таким

образом, для укомплектования армии, флота и других военизированных ведомств изъято около 17% населения страны. По территориальным образованиям Российской Федерации призвано 21 187,6 тыс. чел., или 71,6% общего числа мобилизованных по стране.

Таблица 2.3.1. Призыв на военную службу молодёжи 1924–1927 гг. рождения (с августа 1942 г. по декабрь 1944 г.) на Дальнем Востоке СССР, чел.

Показатели	1924 г. рожд., авг. – сент. 1942 г.	1925 г. рожд., дек. 1942 г. – январь. 1943 г.	1926 г. рожд., окт. – нояб. 1943 г.	1927 г. рожд., нояб. – дек. 1944 г.
Состояли на учёте	28 471	Н/с	19 422	19 506
Подлежали мобилизации	22 923	15 632	13 122	9986
Прибыли по мобилизации, из них признаны годными	22 731	15 521	12 974	9991
к строевой службе	20 068	13 800	11 023	8312
к нестроевой службе	1031	840	832	689
к физическому труду	Н/с	43	129	71
сняты с учёта	351	156	375	195
отсеяны по национальным признакам	Н/с	15	21	8
отсеяны по морально- политическим мотивам	343	14	13	8
предоставлены отсрочки по болезни	938	653	356	147
по слабому физическому развитию	Н/с	Н/с	224	572
Предоставлено отсрочек для работы в промышленности	5801	Н/с	5491	8288
Не явились	192	111	147	97
Призвано	21 099	13 842	11 815	8312

Источник. ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 94. Л. 197–198; Д. 182. Л. 33, 77–80; Д. 217. Л. 29–29 об., 30, 348–348 об., 349, 353–354 (сост. авт.).

На Дальнем Востоке мобилизовано 517 тыс. чел., что составило 2,4% ушедших на военную службу с территории РСФСР. Однако если учесть общую численность и возрастной состав дальневосточников на 1939 г., то на защиту Отечества встали около 22% учётного населения, 37% лиц призывного возраста и более 50% населения, занятого в общественном производстве.

В годы Великой Отечественной войны военными комиссариатами Амурской области сформировано 8 дивизий, одна бригада и шло пополнение Амурской флотилии. Одной из первых в действующую армию с Дальневосточного фронта убыла 107-я мотострелковая дивизия, сформированная на базе 3-й колхозной дивизии Особого корпуса ОКДВА на территории Ивановского района. Боевое крещение она получила в Смоленской области на Западном фронте, вступив в бой 23 июля 1941 г. против 20-й танковой дивизии противника. За четыре дня

упорных боёв дивизия освободила 12 населённых пунктов, уничтожила большое число боевой техники и живой силы врага. В январе 1942 г. дивизия получила почётное наименование 2-й гвардейской мотострелковой, в октябре 1942 г. переименована в 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию и с декабря – сражалась на Сталинградском фронте. После разгрома немцев под Сталинградом 49-я участвовала в освобождении Херсона, Николаева, Одессы, форсировала Днепр, сражалась на территории Румынии, Венгрии, Австрии, отличилась при взятии Будапешта, Вены, получила почётное наименование «Херсонская», награждена орденами Красного Знамени и Суворова 2-й степени⁸².

В сентябре 1941 г. из 27-й стрелковой бригады сформировали 413-ю стрелковую дивизию численностью около 14 тыс. чел. Командир дивизии – участник боёв в Испании генерал-майор А.Д. Терешков, военный комиссар дивизии – бригадный комиссар Д.И. Карпенко, начальник политотдела – полковой комиссар Т.К. Наумов. На её формирование направлялись военнообязанные из Амурской и Новосибирской областей, Южного Казахстана, выпускники Благовещенского пехотного училища, Хабаровских пехотного, артиллерийского, военно-политического училищ, а также Владивостокских артиллерийских курсов усовершенствования командного состава и наиболее подготовленные офицеры, сержанты и красноармейцы 1-й и 2-й Краснознамённых армий. В её рядах сражались воины бывшего Особого строительного корпуса, 735 участников боёв у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол и советско-финской войны, 1283 члена партии и 1291 комсомолец. По национальному составу и социальному положению дивизия состояла из русских – 70%, украинцев – 13, казахов – 7, представителей других национальностей – 10%; рабочих – 30, крестьян – 40, служащих – 21, учащихся – 9%. Она участвовала в обороне Москвы и Тулы, в освобождении городов Калуга, Брест, Варшава. В июле 1944 г. получила почётное наименование «Брестская». Награждена орденом Красного Знамени (февраль 1945 г.) и орденом Суворова 2-й степени (июнь 1945 г.)⁸³.

Одно из самых важных направлений – Волоколамское шоссе обороняла 78-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.П. Белобородова (впоследствии – генерал армии, дважды Герой Советского Союза), одна из первых дивизий в стране, получившая почётное наименование «гвардейская». На Можайском направлении прославились воины 32-й Краснознамённой дивизии полковника В.И. Полосухина, отличившиеся в боях у оз. Хасан. Несколько суток дивизия вела непрерывные бои на историческом Бородинском поле. Противник в составе 4-го моторизованного корпуса предпринял в полосе обороны дивизии до 30 танковых атак. Наводчик орудия из Благовещенска Фёдор Чихман подбил в бою пять вражеских танков. «...Воины 32-й стрелковой дивизии не уронили славы, а приумножили её», – писал впоследствии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В мае 1942 г. дивизии присвоено почётное наименование гвардейской⁸⁴.

О боевых успехах гвардейцев полковника Я.П. Безверхова не раз сообщало Совинформбюро. «...За последние дни боёв, – передавало в вечерней сводке Совинформбюро 5 февраля 1942 г., – гвардейская часть командира Я.П. Безверхова разгромила 3 полка вражеской пехоты и захватила 15 немецких танков, 460 автомашин, 5 броневиков, 15 транспортёров, 20 орудий, 50 пулемётов, 30 миномётов, 200 автоматов, 500 винтовок, 7 радиостанций, 350 тыс. винтовочных патронов и обоз с большим количеством медикаментов». Мужество дальневосточников отражают и их письма к родным и близким. «Дорогая, возможно, это и последние

строки, – писал с фронта старший сержант Николай Иевлев своей жене 4 ноября 1941 г., – я иду в бой за вас с дочкой, за Родину, с чувством бесстрашия перед смертью...». За успешные боевые действия соединение удостоено ордена Красного Знамени⁸⁵.

Обороняла Сталинград 422-я стрелковая дивизия, укомплектованная в основном рабочими с хабаровских заводов, амурскими колхозниками и рыбаками, охотниками из числа коренных народов края. В сражениях ею было уничтожено свыше 24 тыс. солдат и офицеров противника, взято в плен около 14 тыс. чел., захвачено 114 орудий, 6 самолётов, 160 танков, 183 миномёта, 307 автомашин, 391 пулемёт. Воины 422-й стрелковой, удостоенной за подвиги в Сталинградской битве звания гвардейской (переименованной в 81-ю гвардейскую), с честью пронесли боевое знамя по полям сражений. Боевой путь 81-й гвардейской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии закончился 9 мая 1945 г. освобождением Праги⁸⁶.

Девизом воинов-дальневосточников, защищавших Сталинград, стали слова прославленного снайпера, воспитанника Тихоокеанского флота, Героя Советского Союза Василия Зайцева: «За Волгой для нас земли нет!» По всему фронту гремела слава о 19-летнем Максиме Пассаре из Хабаровского края. Защищая крепость на Волге, он уничтожил 237 гитлеровских солдат и офицеров. В боях под Сталинградом отличился и другой сын нанайского народа – Александр Самар, прибывший из Комсомольска-на-Амуре, тихоокеанец Михаил Паникаха, бросился горящим факелом под танк. Осенью 1942 г. вся страна узнала о подвиге 33 воинов 87-й стрелковой дивизии во главе с политруком-приморцем Леонидом Ковалевым, которые сдерживали натиск 70 вражеских танков. Бойцы подбили и сожгли 27 танков, уничтожили 150 гитлеровцев. Все вышли из боя живыми и были удостоены правительственных наград. Бесстрашие политрука, его умелое командование отмечены орденом Ленина. «...Скажу я, товарищи, от всего сердца горячее спасибо морякам-тихоокеанцам. Не первый день я воюю с немцами, но таких бойцов, как моряки, встречал нечасто», – писал на Дальний Восток командир 284-й стрелковой дивизии Н.Ф. Батюк⁸⁷.

Весь Ленинградский фронт знал о подвиге Ивана Скуридина, закрывшего своим телом амбразуру. Обогранный кровью комсомольский билет № 8 034 488, выданный в Магадане 9 марта 1940 г., хранится в Музее истории Ленинграда. Капитан Г. Масловский ценой собственной жизни проложил проход в минных заграждениях и подорвал склад боеприпасов, красноармеец Н. Никитченко бросился с противотанковыми минами под боевую машину. На Курской дуге отличился житель с. Переяславка Хабаровского края И.И. Виноградов. Среди тех, кто первым форсировал Днепр, были и дальневосточники – более 40 из них удостоены звания Героя Советского Союза⁸⁸.

В ноябре 1942 г. из бойцов амурских и уссурийских пограничных застав была сформирована 102-я Дальневосточная стрелковая дивизия. В начале 1943 г. она сражалась под Курском, форсировала Десну и Снов, Сейм и Сож, Днепр и Березину, за освобождение Гомеля удостоена ордена Красного Знамени. За участие в разгроме немецкой группировки в районе Мазурских озёр на боевом знамени 102-й Дальневосточной Новгород-Северской ордена Суворова Краснознамённой стрелковой дивизии засверкала высшая награда Родины – орден Ленина. Многие части и соединения, сформированные на Дальнем Востоке, завершили боевой путь на территории фашистской Германии. Так, 413-я Брестская Краснознамённая

ордена Суворова стрелковая дивизия брала с боями Штеттин, Ростов, многие другие города. Более 11 тыс. её солдат, сержантов, офицеров за годы войны награждены орденами и медалями. В Берлинской операции участвовала 44-я гвардейская танковая бригада, овладевшая в ожесточённых боях почти 80 кварталами фашистской столицы. Она отмечена семью правительственными наградами.

Первыми, кто водрузил Красное знамя на государственной границе Советского Союза, были бойцы батальона под командованием учителя дальневосточника Г.Н. Губкина. Воспитанник пограничных войск П.П. Кагыкин помог тем, кто водружал над рейхстагом Знамя Победы. Первым комендантом поверженного Берлина стал генерал-полковник, в прошлом командир 32-й Краснознамённой дивизии Герой Советского Союза Н.Э. Берзарин. На всех флотах отважно сражались посланцы Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии: на Чёрном море – генерал-майор авиации Н.А. Остряков, катерник капитан 2-го ранга В.Т. Проценко, морской пехотинец капитан А.С. Гегешидзе, на Балтике – лётчик лейтенант Бринько, командир торпедного катера А.И. Афанасьев, командир катера-тральщика мичман И.Я. Ларин, на севере – офицер-подводник, капитан 2-го ранга М.И. Гаджиев, катерник капитан-лейтенант А.И. Кисов, лётчик И.Т. Колынкин и мн. др.⁸⁹

Легендарна судьба подводной лодки С-56, которая совершила беспрецедентный по тому времени переход через три океана. Подводники С-56 потопили в Заполярье 10 и повредили 4 судна противника с живой силой и военными грузами. Германское командование 18 раз объявляло, что лодки больше не существует. За успешное проведение операции она удостоена звания гвардейской, награждена орденом Красного Знамени, поставлена на пьедестале Вечной славы во Владивостоке⁹⁰.

Пройдя на Тихоокеанском флоте боевую выучку, его воспитанники показали в боях с фашистами свою зрелость, высокие моральные качества, отвагу и мужество. Так, подводные лодки соединения, которым командовал М.И. Гаджиев, только за первые полтора года войны уничтожили 27 вражеских транспортов и военных кораблей. В боях за Новороссийск отличились моряки капитан-лейтенанта Н.И. Сипягина: первыми ворвавшись в Новороссийскую бухту, дивизион его катеров в сентябре 1943 г. обеспечил захват плацдарма. Дивизион отмечен благодарностью Верховного главнокомандующего, а командир удостоен звания Героя Советского Союза. В боях за Новороссийск и Таманский полуостров отличились также корабли тихоокеанца Героя Советского Союза П.И. Державина. Дальневосточники по праву гордятся земляками-авиаторами Е.А. Савицким, Л.П. Глущенко, В.А. Борисовым, Н.И. Готовым, Д.Л. Каларашем, Н.М. Никитенко, Н.А. Рожновым и др. Среди них есть и маршалы, дважды Герои Советского Союза и кавалеры Золотой Звезды⁹¹.

Многие дальневосточники – наиболее отличившиеся в боях солдаты, сержанты, старшины, офицеры и генералы приняли участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. 102-я Дальневосточная Новгород-Северская ордена Ленина Краснознамённая ордена Суворова II степени стрелковая дивизия удостоилась чести направить для участия в параде делегацию из 25 офицеров, сержантов и рядовых во главе с командиром соединения генерал-майором Погребняком.

Самыми тяжёлыми последствиями Великой Отечественной войны являются людские потери. За годы войны с учётом военнослужащих, находившихся

на военной службе на 22 июня 1941 г., общие безвозвратные потери составили 11,4 млн чел. разных возрастных групп. Так, из 8,7 млн военнослужащих погибли и умерли от ран в возрасте до 20 лет – 18%, 21–25 лет – 22%, 26–30 лет – 17,5%, 31–35 лет – 16,5%, 36–40 лет – 12%, 41–45 лет – 7,4%, 46–50 лет – 5% и на возраст старше 51 года приходится 1%⁹². Обращают на себя внимание большие потери военнослужащих в возрасте до 25 лет. Жертвами войны стали молодые и дееспособные.

Потери личного состава фронтов, отдельных армий, флотов и флотилий, пограничных и внутренних войск по месту призыва в административных границах РСФСР составили 7922,5 тыс. чел., или 39,9% призванных. Наибольшие потери отмечаются в тех военных округах, где проходили ожесточённые сражения: Ленинградский военный округ недосчитался 56,5% мобилизованных, Московский – 35,3%, Северо-Кавказский – 46,1%, Приволжский – 79,4%, Уральский – 21,3%, Сибирский – 31,2%, Забайкальский – 22,6%⁹³.

По территориальным образованиям Дальневосточного фронта безвозвратные потери составили 83 тыс. чел., или 16% призванных на военную службу в годы Великой Отечественной войны. Вполне вероятно, что в статистические показатели безвозвратных потерь невольно вкрались ошибки. В Книгу Памяти занесено 123,4 тыс. имен дальневосточников, которые отдали свои жизни во имя Великой Победы (по Приморскому краю – 45 000 чел., Хабаровскому – 31 000, Амурской области – 35 000, Камчатской – 2104, Сахалинской – 4388, Еврейской автономной области – 5346, Магаданской – 587 чел.). С учётом напряжённой геополитической обстановки в регионе дальневосточники направлялись на замену передислоцированным частям, на охрану рубежей Дальнего Востока СССР. Интересы различных социальных групп и слоёв населения объединила одна общая цель – защита Отечества.

2.4. Патриотическое движение дальневосточников

В годы Великой Отечественной войны общественное сознание определяло поведение отдельных социальных групп и оказывало влияние на политические, социальные, духовные процессы общества. Подлинно народный характер приняло движение по оказанию материальной помощи государству. Первенство в создании Фонда обороны и вооружения оспаривают многие регионы страны, но важно другое – социальное единство. По сообщению печати, уже 23 июня 1941 г. на Дальнем Востоке повсеместно звучали призывы дать государству «...больше средств на укрепление обороны страны, усиление отпора врагу», поступали просьбы о принятии личных сбережений и драгоценностей в Фонд обороны страны⁹⁴.

Однако решения о приёме добровольных пожертвований в специальный фонд ещё принято не было, а из-за большого количества обращений дальневосточников потребовалось разъяснение финансовых органов страны. 4 июля 1941 г. Хабаровская контора Госбанка получила телеграфное сообщение, что поступающие от населения денежные средства необходимо перечислять в государственный бюджет, а драгоценности – оставлять на месте до особого распоряжения. Аналогичные извещения поступили в адрес других подразделений

государственной финансовой системы, и с 7 июля 1941 г. в краевых конторах Госбанка открылись специальные счета для аккумуляции средств⁹⁵.

Народный фонд обороны был создан 1 августа 1941 г., и движение приобрело всесоюзный характер. По предложению населения в регионе началась дополнительная подписка на заем третьей пятилетки (выпуск четвёртого года), отчислялись двух-, трёх-, пятидневный заработки и десятипроцентная надбавка, получаемая по закону о льготах для работников Дальнего Востока, сдавались ценные вещи и драгоценные металлы, облигации госзаймов, сельхозпродукты, перечислялись личные денежные вклады. Так, в первые дни войны В.А. Петров перечислил в Фонд обороны 3144 руб., К.Д. Белковский внёс 8 золотых монет, много разменного серебра и на 900 руб. облигаций⁹⁶.

«Все силы на укрепление обороны страны. Пусть мои сбережения послужат делу нашей Родины», – таким был основной лейтмотив заявлений. К началу 1942 г. в Фонд обороны страны труженики сельского хозяйства Хабаровского края передали 36,4 тыс. трудодней, Приморья – 5,3 тыс. ц зерновых и технических культур, 9,6 тыс. ц овощей и картофеля, 1,1 тыс. голов крупного рогатого скота, свиней, коз. От рабочих и служащих Хабаровского и Приморского краёв поступило соответственно 5,2 и 5% от общей суммы выплаченной зарплаты⁹⁷.

Патриотическое движение по оказанию помощи вооружённым силам наполнилось конкретным содержанием – построить и передать боевую технику, нехватка которой наиболее ощутима. С октября 1941 г. на Дальнем Востоке начался сбор средств на бронепоезд «Приморский комсомолец» и звено самолётов «Хабаровский комсомол». За месяц на текущие счета госбанков поступило 4 млн руб. от жителей Приморского и 20 млн руб. – Хабаровского края, которых было более чем достаточно для строительства новой техники⁹⁸.

На митинге 21 декабря 1941 г. эскадрилью самолётов «Хабаровский комсомол» (звенья «Комсомол Колымы», «Хабаровский комсомол», «Амурский комсомол», «Сталинский Комсомольск»), построенную на авиационном заводе Комсомольска-на-Амуре, передали воинской части. Экипажам эскадрильи * вручили наказ, в котором, в частности, говорилось: «...Боевые товарищи! Машины, врученные вам, построены на трудовые рубли дальневосточной молодёжи. Помните это. Берегите их как зеницу ока, держите крепче в руках штурвал краснознамённых боевых машин...»⁹⁹. Эскадрилья бомбардировщиков и бронепоезд стали продолжением традиций первых лет советской власти и первой военной техникой, построенной на средства тружеников Дальневосточного региона.

Во время сражения под Сталинградом осенью 1942 г., когда по инициативе тамбовских колхозников создаётся Фонд вооружения Красной армии, начался новый этап сбора средств на боевую технику. Работники дальневосточных учреждений НКВД собирали средства на строительство эскадрильи бомбардировщиков «Дальневосточный чекист». На счёт № 14 014 поступило 9,76 млн руб., что позволило выпустить 10 боевых машин с именами «Хабаровский чекист», «Чекист Приморья», «Чекист Забайкалья», «Дальневосточный пограничник», «Дальстроевец», и уже 24 января 1943 г. от командования авиации дальнего действия в адрес дальневосточников поступило благодарственное письмо¹⁰⁰.

* Лётчики эскадрильи совершили тысячи боевых вылетов, награждены орденами и медалями, а 13 из них, в том числе дальневосточники С.И. Куликов и М.В. Симонов, удостоены звания Героя Советского Союза.

К концу января 1943 г. по призыву горняков Артёма и рабочих Дальневосточного пароходства труженики Приморского края собрали (соответственно) 57,7 млн руб. на строительство эскадрильи бомбардировщиков «Советское Приморье» и 4,2 млн руб. – танковой колонны «Приморский комсомолец»*. Из числа лучших комсомольцев Приморья сформировали 20 танковых экипажей. Слесаря сучанской шахты А.П. Булычева, кочегара депо Первая Речка Ю.И. Чепурного, слесаря завода «Металлист» А.А. Лазоренко и их товарищей направили в танковую школу Нижнего Тагила. Каждому была выдана книжка «Члену экипажа танковой колонны “Приморский комсомолец”» с напутствием: «Дорогой товарищ! Наш наказ тебе: в жестокой схватке с врагом не посрами чести дальневосточника. Бей насмерть проклятых немцев, рази их в самое сердце! Смерть немецким оккупантам!...», «...Смело идите туда, где решается судьба нашей Родины. Пусть воодушевляет вас в борьбе вера земляков в ваши силы. Пусть вашим талисманом-хранителем в боях будет наша горячая любовь к вам, идущим на решающий натиск против истекающего кровью врага. Вперед же, молодые танкисты!»¹⁰¹

На деньги дальневосточных колхозников построены эскадрильи боевых самолётов «Колхозник Нижнего Амура», «Еврейский колхозник», «Амурский колхозник», «Ударник», «Советский Сахалин», «Камчатский рыбак», ряд танковых колонн, в том числе «Рыбник Приморья». Средства трудящихся Колымы и Чукотки воплотились в танковые колонны «От трудящихся Дальстроя НКВД», «Горняк Северного управления Дальстроя», «От горняков Юго-Западного управления Дальстроя», «Чукотский колхозник», авиаэскадрилью «Советский полярник», самолёты «Комсомол Колымы», «Полярник бухты Угольная», «Колымский колхозник», звено бомбардировщиков «Дальстроевец»¹⁰².

Рабочие, инженерно-технические работники Сахалинской области вносили средства на строительство боевых самолётов «Советский Сахалин», а жёны и матери фронтовиков, по призыву А.И Карпенковой, – звена «Дальневосточница». Трудящиеся Камчатской области собрали 8,6 млн руб. наличными и 6,1 млн руб. – облигациями госзайма на строительство боевых самолётов «Камчатка – фронту», а всего за годы войны они перечислили в Фонд обороны, на вооружение и боевую технику Красной армии 71,3 млн руб. деньгами и 80,5 млн руб. облигациями госзаймов, 6,8 млн руб. со специальных вкладов за неиспользованный отпуск¹⁰³.

По примеру саратовского колхозника Ф.П. Головатого внесли крупные суммы денежных средств Ф.И. Скирда – председатель колхоза «Красный рыбак» Ханкайского района Приморского края (130 тыс. руб.), А.С. Чуйко – бригадир тракторной бригады колхоза им. XVII партсъезда (101 тыс. руб.), М.А. Новиков – колхозник сельхозартели «Красный Восток» Уссурийской области (40 тыс. руб.)¹⁰⁴.

Всей стране стали известны супруги Бойко – работники автотранспорта Колымы. Они внесли на строительство танка 50 тыс. руб. и воевали на собственной боевой машине. На собственных боевых машинах прибыли на фронт супруги Доценко из Биробиджана, владивостокцы Н. Баенко, Ф. Курилов, А. Синявский. Со своим оружием – четырьмя миномётами с надписью «Изготовлено рабочими

* В ноябре 1943 г. танковая колонна прибыла на 1-й Украинский фронт и влилась в 56-ю бригаду 3-й танковой армии. С этого момента танкисты-дальневосточники почти не выходили из боёв. Они освобождали Фастово и Житомир, Шепетовку и Львов, форсировали Вислу, Одер, Шпрее, штурмовали Берлин.

Магнитогорска на сбережения Дмитрия Федоровича и Евдокии Борисовны Хохониных» дошли до Берлина супруги-дальневосточники¹⁰⁵.

Нередко, внося сбережения на строительство боевой техники, дальневосточники просили передать её своим землякам, родственникам, коллегам или назвать именем отличившегося в боях воина. Трактористы колхоза «Искра» Приморского края Н.П. Глушин, И.П. Линник, А.П. Фирсов и В.М. Швец внесли 100 тыс. руб. на танк для своего товарища по работе С.А. Побережного, командира танкового экипажа. На личном танке «Амурский мститель» сражались Л. Рудниченко, Н. Агапов, И. Бинюков, прошедшие с боями Польшу, Венгрию и Германию. Надпись «Личный танк Андреева» была нанесена на башню «тридцатьчетвёрки» командира взвода одного из отдельных батальонов Дальневосточного фронта И.С. Андреева. На подаренном самолёте с надписью «Семёну Роговому от амурских краснофлотцев» лётчик С.И. Роговой сбил 19 самолётов противника.

Построенные на средства дальневосточников катера вошли в состав Северного флота («Морской охотник»), Черноморского («Хабаровский комсомолец» и «Советский старатель»). Краснознамённому Балтийскому флоту были переданы торпедные катера «Артемовец» и «Трудящиеся Артема», выпущенные на средства трудящихся г. Артём¹⁰⁶.

В начале 1944 г. трудящиеся Хабаровского края собрали 2,5 млн руб. на вооружение для 2-го Украинского фронта. На фронт отправили звено самолётов-истребителей с лучшими лётчиками-дальневосточниками, 11 танков, 83 автомашины, 22 орудия, 37 миномётов, 154 пулемёта и 154 единицы различного оружия. Размеры этой помощи поможет представить письмо полковника 31-й отдельной истребительно-танковой артиллерийской бригады, который отмечал, что за короткое время воины бригады уничтожили вооружением, построенным на средства трудящихся, более одной тысячи солдат и офицеров противника, подбили и сожгли 93 танка, в том числе 21 танк типа «тигр»¹⁰⁷.

Всего за годы Великой Отечественной войны добровольные поступления в Фонд обороны на Дальнем Востоке составили (подсчитано на основании документов Госбанка СССР) по Хабаровскому краю 346,7 млн руб. денежных взносов и 322,7 млн руб. – облигациями госзайма (без данных за 1941 г.), по Приморскому – соответственно 220,5 млн и 265,1 млн руб.¹⁰⁸

Всесоюзные, отраслевые и местные воскресники играли важную роль в производстве дополнительной продукции и являлись одной из форм материальной помощи фронту. Так, на Камчатке за два с половиной месяца войны в воскресниках приняли участие 33,5 тыс. чел., и в Фонд обороны было перечислено 559,7 тыс. руб. Более 425 тыс. приморцев участвовали в четырёх всесоюзных воскресниках, передав на нужды обороны 4,5 млн руб.¹⁰⁹

Трудящиеся Дальнего Востока поддержали инициативу куйбышевских рабочих об организации Всесоюзного социалистического соревнования за сдачу сверхплановой продукции в Фонд обороны, затем – в Фонд Главного Командования. Одни сдавали добытый в сверхурочное время уголь, золото, рыбопродукцию, другие – сэкономленные материалы и топливо. Молодёжь рыбной промышленности Хабаровского края за годы войны сдала в Фонд Главного Командования более 200 тыс. пудов рыбы, изготовила 2,4 тыс. ящиков консервов, намыла в нерабочее время более 9 кг золота, добыла сверх плана 86 тыс. т угля¹¹⁰.

В целях привлечения дополнительных средств на военные расходы с 1942 г. стали выпускаться ежегодные Государственные военные займы, контрольные

задания реализации которых перевыполнялись. Так, приморцы выполнили задание по подписке на первый Государственный заем на 134%, на второй – на 138,6%, на третий – на 107,8%, на четвёртый – на 112,5%.

На митингах, собраниях коллективов предприятий неизменно одобрялась политика партии и правительства, принимались решения ознаменовать дни проведения подписки новыми производственными успехами. «Приветствуем выпуск нового займа. Нам не страшны никакие трудности, встречающиеся в борьбе за свободу своей страны. Никакие тяжести не сломят нашего стремления к победе!» – резолюция митинга рабочих и служащих завода «Дальдизель»¹¹¹.

Подписка на военные займы по Приморскому краю составила в годы войны 720 млн руб., по Хабаровскому краю – 1371 млн руб., что вывело его на второе место среди 14 автономных республик, краёв и областей Сибири и Дальнего Востока. Поступления по четырём государственным займам намного превысили сумму довоенных займов с 1928 г. и составили 2,6 млрд руб., что составляло 3,2% общесоюзных поступлений.

Значительные средства попали в бюджет страны от реализации четырёх денежно-вещевых лотерей. Все годы войны (кроме 1945 г.), Хабаровский край по реализации билетов денежно-вещевой лотереи занимал призовое место среди автономных республик, краёв и областей Сибири и Дальнего Востока. Занял он первое место и по суммарным итогам подписки за все годы войны. От реализации билетов денежно-вещевой лотереи в Хабаровском крае получено более 363,8 млн руб., в Приморском – 304 млн руб., общая сумма – 667,8 млн руб., что составило одну треть средств Сибири и Дальнего Востока по этой статье, или 6,7% общесоюзных поступлений (рис. 2.4.1).

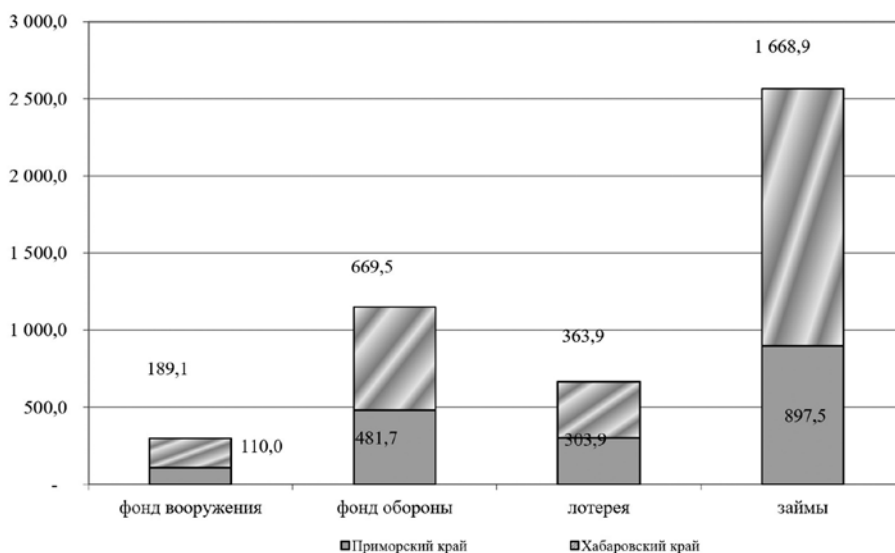

Рис. 2.4.1. Мобилизация средств дальневосточников на оборону в 1941–1945 гг., млн руб. по текущему курсу

Безусловно, можно говорить о добровольно-принудительном характере мобилизации средств населения на укрепление обороноспособности страны.

Утверждённые государственными структурами планы денежных вложений с разбивкой по административно-территориальному делению страны, отраслям, предприятиям и учреждениям в условиях несбалансированности денежной массы и товарного покрытия сохраняли покупательную способность рубля. Посредством платежей из обращения изымались излишки денег. Всего за годы Великой Отечественной войны трудящиеся Дальнего Востока собрали и перечислили в Фонд обороны, на строительство боевой техники, по займам и лотереям 4,9 млрд руб., что составило почти 4% общесоюзных доходов по этой статье¹¹². Мобилизация средств населения, несмотря на денежную эмиссию, стабилизировала финансовую систему страны, а значит, устойчивость экономики.

Единство армии и народа, фронта и тыла явилось источником могущества страны. Особенно тесной была связь дальневосточников с теми частями и подразделениями, которые формировались в регионе. Постановление ГКО от 18 мая 1942 г. № 1768с «Об улучшении организации доставки по назначению и упорядочению учёта подарков, поступающих для Красной армии от населения страны» обязывало начальников тыла и военных комиссаров выдавать именные подарки строго по назначению, а не имеющие адресата – отправлять в действующие армии и вручать наиболее отличившимся военнослужащим¹¹³.

Трудящиеся Хабаровского края были почётными гостями 9-й гвардейской и 32-й Краснознамённой, 102-й Новгород-Северской дальневосточных дивизий, они передали для воинов действующих армий 1,5 млн тёплых вещей, 16 тыс. кг шерсти, 80 тыс. м мануфактуры, отправили 157 вагонов подарков, 22,8 тыс. индивидуальных посылок с письмами – «Дальневосточный привет героическим защитникам нашей Родины»¹¹⁴.

Тесные связи поддерживали трудящиеся Приморского края с защитниками Ленинграда. По почину портовиков Владивостока, горняков шахты № 10 треста «Сучануголь», рыбаков рыбокомбината о-ва Попова, рабочих и служащих масложиркомбината Уссурийска на Ленинградский фронт труженики края собрали и отправили 4 эшелона индивидуальных и коллективных подарков, причём приморская делегация была первой, прибывшей в Ленинград сквозь кольцо блокады в январе 1942 г.¹¹⁵

В знак нерушимого единства фронта и тыла воины 54-й армии генерала М.М. Федюнинского передали трудящимся Приморского края боевое Красное знамя. «Это знамя, завоеванное в огне семнадцатого года, это знамя, пронесённое сквозь тяжёлые годы гражданской войны, сквозь годы пятилеток, это знамя, овеянное новой боевой славой в дни Отечественной войны, мы будем вручать лишь самым достойным предприятиям и колхозам. Великую честь завоюют те, кто так же самоотверженно, как и вы на фронте, куют в тылу победу над нашим общим врагом», – заверил бойцов горняк-стахановец И.Е. Божок. По итогам социалистического соревнования в честь Дня Победы за досрочное выполнение производственных планов, увеличение выпуска высококачественной продукции рыбокомбинат «Зарубино» получил его на вечное хранение.

В мае 1942 г. вместе со вторым эшелоном подарков трудящиеся Приморского края вручили защитникам Ленинграда Красное знамя тружеников тыла, за которое на фронте было развёрнуто социалистическое соревнование. Приказом Военного совета оно было вручено за проявленные мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами и примерное выполнение боевых приказов армий лучшей стрелковой дивизии 54-й армии¹¹⁶.

Большое значение для укрепления связей фронта и тыла имели встречи трудящихся Дальнего Востока с земляками-фронтовиками, приезжающими на побывку в родные края. Хабаровская краевая организация ОСОАВИАХИМ за годы войны провела 769 встреч трудящихся с Героями Советского Союза и фронтовиками-дальневосточниками. К курсантам Владивостокского военно-пехотного училища летом 1944 г. приезжал выпускник училища Герой Советского Союза З.З. Закиров. Такая же встреча состоялась в 1945 г. в Хабаровском стрелково-миномётном училище с его выпускниками Героями Советского Союза Г.В. Бондарем и Е.Н. Полтавским¹¹⁷.

В архиве воинской части, где служил коммунист-дальневосточник капитан Гавриил Масловский, после окончания Великой Отечественной войны было обнаружено письмо-завещание, которое герой оставил сыну: «Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое, живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умереть за Родину ... Славному городу Ленина – колыбели революции – грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови... Вырастешь большим – осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной»¹¹⁸.

Письма фронтовиков обсуждались в коллективах промышленных предприятий и среди тружеников сельского хозяйства, в школах и вузах, в воинских частях. Ответом становился ударный труд, увеличение помощи фронту. Большую работу с письмами фронтовиков и тружеников тыла проводили редакции дальневосточных газет – печатали тематические полосы, составленные из писем, вели поиски авторов. «Тихоокеанская звезда», например, за годы войны подготовила более ста таких полос. Коллектив редакции вёл на страницах газеты патриотическую переключку Дальнего Востока с фронтом, что способствовало значительному потоку писем в редакцию. Только за последний год войны от бойцов и командиров армии и флота было получено более 600 писем¹¹⁹.

Значительную помощь дальневосточники оказали населению районов, пострадавших от немецких оккупантов. Когда началась эвакуация из прифронтовых городов, первые 6 тыс. вещей были посланы в Ташкент от трудящихся Хабаровского края. Населению Калининской, Тульской, Ростовской областей, Сталинграда, Харькова, Киева, Полтавы было собрано и послано 306,2 тыс. вещей, 13 тыс. м мануфактуры¹²⁰. Только на восстановление Сталинграда рабочие и инженерно-технические работники завода «Дальдизель» за первое полугодие 1943 г. передали 384,9 тыс. руб., а коллектив Владивостокской электростанции отчислил двухдневный заработок. В порядке шефства горняки Приморского края, подсчитав свои внутренние ресурсы, передали на восстановление шахт Донбасса 9,5 млн руб., выделили оборудование, материалы. Предприятия Дальстроя собрали 1650 тыс. руб., и в ноябре 1944 г. делегация дальстроевцев с 5 вагонами подарков «От горняков Дальстроя – шахтерам Донбасса» выехала в Кадиевку¹²¹.

Сбор средств на строительство боевой техники, поддержка государственных займов, донорство и тесные связи с бойцами, командирами Красной армии и Военно-морского флота, помощь семьям военнослужащих и населению освобождённых районов характеризуют менталитет дальневосточников.

* * *

В годы войны в административно-командной системе управления, как в вертикальных, так и в горизонтальных структурах, усилилась централизация, приобретая милитаризированные черты, чрезвычайность и директивность. Законодательные и исполнительно-распорядительные полномочия советско-партийных структур Дальнего Востока СССР определялись властными отношениями между центром и периферией, не обладая эффективными способами воздействия на политическую и социально-экономическую ситуацию, ориентировались на решения вышестоящих инстанций.

Сложившаяся социально-политическая и административная система базировалась на директивных методах управления с повсеместным стремлением к максимальной централизации и унификации политической, экономической и духовной жизни советского общества. Митинги и собрания, беседы, обсуждения военных событий и социальных проблем повседневности стали основными формами межличностного (межгруппового) общения по месту жительства и трудовой деятельности. Принадлежность к разным социально-территориальным группам воздействовала на личность и накладывала отпечаток на ее политическое, трудовое и самосохранительное поведение.

Дискурс дальневосточного социума определялся атмосферой военного времени, пониманием происходящих событий. Усиление его идейно-патриотической направленности не являлось политическим принуждением. Сформированное в условиях социально-экономических перемен поколение дальневосточников считало себя частью советского общества, независимо от политических, национальных, конфессиональных различий было настроено на решение задач военного времени – спасение Отечества.

Ссылки и примечания

- ¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941–1951 гг. М., 1968. Т. 3. С. 40; Источник. М., 1995. № 2. С. 117, 118.
- ² Комаров Н.Я. Государственный Комитет Оборона постановляет. Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990. С. 10; Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945): Цифры. Документы. М., 2002. С. 80.
- ³ Похлёбкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир. 1941–1945–1994. Военный и внешнеполитический справочник. М., 1999. С. 24, 25.
- ⁴ Никифоров Н.И. Роль Государственного Комитета Оборона и Ставки Верховного Главнокомандования в обеспечении единства тыла и фронта в годы войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 апр. 2005 г. М., 2007. С. 33, 34.
- ⁵ Конституция общенародного государства. М., 1978. С. 230–237.
- ⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. документов. М., 1995. С. 94; Чернев А.Д. 229 кремлёвских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах: справочник. М., 1996. С. 39, 40.
- ⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958 гг. Кн. 1. (1938–1945 гг.). М.: Политиздат, 1970. С. 366.
- ⁸ ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 10. Л. 5
- ⁹ Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. С. 108.

- ¹⁰ Доржиева В.В. Документы Государственного архива Магаданской области об изменении положения коренных малочисленных народов Северо-Востока СССР (1930–1953 гг.) // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 202.
- ¹¹ Итоги выборов в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР 24 декабря 1939 г. М., 1939. С. 12, 15, 17, 21, 27, 37, 58, 67, 76, 85, 93, 99, 110, 118, 127, 136; ГАКО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 27. Л. 3, 6, 7 (сост. авт.).
- ¹² ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 19. Л. 49; Ф. П-68. Оп. 28. Д. 289. Л. 5 об., 6 об.; Д. 292. Л. 48; Д. 295. Л. 84 (подсчит. авт.).
- ¹³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 88; Ф. 137. Оп. 14. Д. 10. Л. 25, 26, 38, 38 об., 39, 39 об.; Д. 53. Л. 32, 43 (подсчит. авт.).
- ¹⁴ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 34. Л. 168, 169, 170; Ф. П-68. Оп. 28. Д. 120. Л. 47.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 287. Л. 1; Д. 292. Л. 30, 32; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 18. Л. 5; Д. 20. Л. 63 (подсчит. авт.).
- ¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 292. Л. 30, 31; Д. 293. Л. 1; Ф. П-84. Оп. 1. Д. 23. Л. 16 (подсчит. авт.).
- ¹⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 86 (подсчит. авт.).
- ¹⁸ Руководители Хабаровского края (1938–1998 гг.). Хабаровск, 1998. С. 12–15.
- ¹⁹ ГАПК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–23.
- ²⁰ ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 33. Л. 30, 30 об., 31, 31 об.; Ф. П-35. Оп. 2. Д. 683. Л. 37.
- ²¹ Анализ проведён на основе протокольной части заседаний. ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Л. 16, 35; Оп. 22. Д. 22. Л. 1–338; Ф. 85. Оп. 3. Л. 49–53.
- ²² ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 9. Л. 18; Д. 53. Л. 33, 35, 36; Д. 56. Л. 41.
- ²³ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 53. Л. 43, 44; Д. 56. Л. 138 (подсчит. авт.).
- ²⁴ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 9. Л. 1–6, 18; Д. 11. Л. 1–2, 12; Д. 13. Л. 1; Д. 15. Л. 1, 1 об.; Д. 16. Л. 1 (подсчит. авт.).
- ²⁵ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 161. Л. 88, 295–298.
- ²⁶ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 34. Л. 95; Ф. П-68. Оп. 6. Д. 43. Л. 114, 116.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 22. Д. 116. Л. 163–165.
- ²⁸ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. Хабаровск, 1987. С. 100.
- ²⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 37. Д. 15. Л. 53; Д. 49. Л. 49; Д. 50. Л. 48; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 63. Д. 12. Л. 130–135 (подсчит. авт.).
- ³⁰ Структура партийных организаций подвижна и в разных источниках варьируется по абсолютным показателям. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 61. Л. 135–138; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 63. Д. 12. Л. 132 (подсчит. авт.).
- ³¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 63. Д. 12. Л. 132; Оп. 2. Д. 761–6. Л. 152, 153 (подсчит. авт.).
- ³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 1097. Л. 15; Д. 1168. Л. 30; Д. 1436. Л. 54 (подсчит. авт.).
- ³³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 20. Л. 74; Д. 1096. Л. 30; Д. 1097. Л. 54; Ф. 131. Оп. 1. Д. 164. Л. 111 (подсчит. авт.).
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 128. Л. 99, 170–172 (подсчит. авт.).
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 424. Л. 10, 12; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 70; Оп. 63. Д. 12. Л. 138, 139, 140; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 292. Л. 12 (подсчит. авт.).
- ³⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 679. Л. 42.
- ³⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 1097. Л. 21, 22, 34; Ф. П-84. Оп. 1. Д. 42. Л. 79–81.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 212. Л. 23; ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 51. Л. 13; Д. 55. Л. 5, 6.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 2. Д. 159. Л. 7, 8, 10; ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 2. Д. 37. Л. 20, 21; Д. 159. Л. 20, 22; ГАХК. Ф. 740. Оп. 2. Д. 39. Л. 2 об., 3 (подсчит. авт.).
- ⁴¹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 163. Л. 3, 14, 71 (подсчит. авт.).
- ⁴² Красное знамя. Владивосток, 1941. 26 июня.
- ⁴³ ГАПК. Ф. 84. Оп. 2. Д. 46. Л. 37; Приморская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Т. 1. Деятельность краевой партийной организации по руководству промышленностью, транспортом, сельским хозяйством и укреплению тыла. Владивосток, 1965. С. 26.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. 84. Оп. 2. Д. 13. Л. 288; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 206. Л. 107.
- ⁴⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 405. Л. 260.
- ⁴⁶ ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 296. Л. 7; Д. 302. Л. 12, 13; Ф. П-35. Оп. 3. Д. 206. Л. 143.

- ⁴⁷ ГАПК. Ф. 84. Оп. 2. Д. 46. Л. 13, 17.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 8045. Оп. 3. Д. 1364. Л. 35, 49.
- ⁴⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 206. Л. 86, 161.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 8045. Оп. 3. Д. 1364. Л. 44.
- ⁵¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 692. Л. 5.
- ⁵² ГАПК. Ф. П-68. Текущий архив. Л. 74–78.
- ⁵³ ГАХК. Ф. 137. Оп. 6. Д. 6. Л. 150, 151.
- ⁵⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 350. Л. 43; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 932. Л. 25; Оп. 2. Д. 405. Л. 264.
- ⁵⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 206. Л. 149.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. 84. Оп. 2. Д. 46. Л. 280, 282.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. П-68 – текущий архив. Л. 9, 21, 28, 42, 53, 60, 167; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 405. Л. 251, 295, 296; Оп. 3. Д. 206. Л. 160.
- ⁵⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 405. Л. 348.
- ⁵⁹ ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 302. Л. 12; ГАПК. Ф. П-68 – текущий архив. Л. 9.
- ⁶⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1554. Л. 2–3; Оп. 3. Д. 206. Л. 149.
- ⁶¹ ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 296. Л. 7; Д. 302. Л. 12, 20.
- ⁶² ГАПК. Ф. П-87. Оп. 1. Д. 46. Л. 9; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1867. Л. 174, 174 об.
- ⁶³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 584. Л. 50, 136–138 (подсчит. авт.).
- ⁶⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 56. Л. 140; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245. Л. 25, 26, 34.
- ⁶⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 584. Л. 15–18, 39–41, 75, 98, 116, 117, 134, 217 (подсчит. авт.).
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 2. Д. 103. Л. 187, 188, 192; ГАПК. Ф. 84. Оп. 1. Д. 42. Л. 92, 93 (подсчит. авт.).
- ⁶⁷ ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 52. Л. 107; Ф. П-35. Оп. 3. Д. 206. Л. 11; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 15. Л. 106, 107 (подсчит. авт.).
- ⁶⁸ ГАРФ. А-385. Оп. 25. Д. 129. Л. 185–191 (подсчит. авт.).
- ⁶⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 15. Л. 106, 107 (подсчит. авт.).
- ⁷⁰ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание. М., 2009. С. 35.
- ⁷¹ Война: 1941–1945 // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2010. С. 123–124.
- ⁷² ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 96. Л. 2; Д. 163. Л. 126; Д. 187. Л. 35.
- ⁷³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 668. Л. 73, 93, 118, 169, 171; Д. 669. Л. 28.
- ⁷⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1484. Л. 2; Д. 1531. Л. 45; Д. 1672. Л. 97, 110.
- ⁷⁵ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 163. Л. 209–210.
- ⁷⁶ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 75. Л. 14, 14 об.
- ⁷⁷ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 182. Л. 77–80, 350, 390, 391.
- ⁷⁸ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 271. Л. 107, 178, 241, 251; Д. 326. Л. 108, 119.
- ⁷⁹ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 271. Л. 16, 17, 52, 59, 99, 101, 151 об.; Д. 326. Л. 16 об., 20, 122, 126 об., 160 об., 164 (подсчит. авт.).
- ⁸⁰ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 94. Л. 197–198; Д. 182. Л. 33, 77–80; Д. 217. Л. 29–29 об., 30, 348–348 об., 349, 353–354 (подсчит. авт.).
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 289. Л. 5, 9, 19; Д. 336. Л. 38, 84.
- ⁸² Задорожный В.Н., Катаргин И.А. Военный комиссариат Амурской области в годы Великой Отечественной войны // Материалы межвузовской научно-теоретической конференции ... С. 29, 30, 31.
- ⁸³ Краснознаменный Дальневосточный: история Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М., 1985. С. 150, 151, 159.
- ⁸⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972. С. 334.
- ⁸⁵ Правда. 1942. 6 февр.; Письма ... Письма. Сб. док. Владивосток, 1970. С. 22.
- ⁸⁶ Морозов И.К. Полки сражались по-гвардейски. М., 1964. С. 87.
- ⁸⁷ Битва за Сталинград. Волгоград, 1969. С. 183; Санжара А.П. Подвиг тридцати трех. Владивосток, 1969. С. 17; Красное знамя. 1945. 19 июля.
- ⁸⁸ Время. События. Люди. (1941–1945). Магадан, 1970. С. 83–84; Партийная организация Приморья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 2. Деятельность краевой партийной организации по воспитанию советского патриотизма у трудящихся, укреплению

- связей тыла с фронтом, обеспечению разгрома фашистских агрессоров и империалистической Японии: сб. документов и материалов. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1966. С. 294–295.
- ⁸⁹ Крылов Н.И. Навстречу победе. М., 1970. С. 303, 327, 329; Захаров С.Е. и др. Тихоокеанский флот. М., 1966. С. 149.
- ⁹⁰ Красное знамя. 1975. 10 мая.
- ⁹¹ Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005. С. 104.
- ⁹² Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 10, 410, 413.
- ⁹³ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. М., 2001. Т. 2. (1940–1959). С. 32–34, 38–39.
- ⁹⁴ Красное знамя. Владивосток, 1941. 24 июня; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1941. 24 июня.
- ⁹⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 945. Л. 70.
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 37. Л. 1; Красное знамя. Владивосток, 1941. 20 июля.
- ⁹⁷ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 37. Л. 2; Ф. П-68. Оп. 1. Д. 866. Л. 1; ГАХК. Ф. 479. Оп. 4. Д. 34. Л. 84; Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту. Хабаровск, 1967. С. 36.
- ⁹⁸ Комсомол Хабаровского края – фронту: сб. Хабаровск, 1942. С. 9; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1941. 14 нояб.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2508. Л. 30; Оп. 43. Д. 2373. Л. 46; ГАМО. Ф.26. Оп. 1. Д. 17. Л. 42.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. П-87. Оп. 1. Д. 46. Л. 12; Д. 69. Л. 18, 19.
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 38. Л. 161.
- ¹⁰² Время, события, люди. 1941–1945 гг. Магадан, 1970. С. 17–18; Время, газета, люди. Хабаровск, 1970. С. 57.
- ¹⁰³ ГАКО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 97. Л. 25; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1943. 17 марта; Камчатская правда. Петропавловск-Камчатский, 1944. 7 мая.
- ¹⁰⁴ Приморский край. Владивосток, 1947. С. 347.
- ¹⁰⁵ Время, события, люди. Магадан, 1970. С. 99; Красное знамя. Владивосток, 1965. 21 апр.; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1974. 11 июня.
- ¹⁰⁶ ГАХК. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 227. Л. 41; Дальневосточники. Хабаровск, 1964. С. 243–244; Время, газета, люди. Хабаровск, 1970. С. 58; Красное знамя. Владивосток, 1944. 25 нояб.
- ¹⁰⁷ ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 15. Л. 117; Д. 16. Л. 11; Д. 20. Л. 13.
- ¹⁰⁸ Кузнецов И.И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Иркутск, 1974. Табл. 8, 9, 10, 11.
- ¹⁰⁹ Красное знамя. 1941. 9 сент., 25 нояб.; 1942. 17 февр.; Приморская партийная организация ... Т. 2. С. 125.
- ¹¹⁰ ГАПК. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 227 а. Л. 3.
- ¹¹¹ ГАХК. Ф. 705. Оп. 31. Д. 30. Л. 57.
- ¹¹² История Коммунистической партии... Т. 5. Кн. 1. С. 327; Кузнецов И.И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1974. Табл. 8, 9, 10, 11 (подсчит. авт.).
- ¹¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 25 (14). М., 1998. С. 252.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 2332. Оп. 43. Л. 38; ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 70.
- ¹¹⁵ В литературе и источниках имеются различные сведения о размере помощи защитникам Ленинграда. На пленуме Приморского краевого комитета ВКП(б) в ноябре 1942 г. была названа цифра – 185 вагонов, без учета 4-го эшелона (40 вагонов). Газета «Красное знамя» на этот период – 180 вагонов, Худякова Н.Д., без указания источника – 157 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1495. Л. 41; Худякова Н.Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943 гг.). Л., 1960. С. 139.
- ¹¹⁶ Красное знамя. Владивосток, 1942. 22 марта, 5 июля.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 8355. Оп. 1. Д. 342. Л. 83, 144; Годы и строки. Владивосток, 1967. С. 132.
- ¹¹⁸ Говорят погибшие герои. М., 1961. С. 230.
- ¹¹⁹ Газета, время, люди... С. 56.
- ¹²⁰ ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 20, 26, 57, 74, 75; Д. 20. Л. 6; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 346. Л. 8; ГАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; Д. 29. Л. 12.
- ¹²¹ ГАХК. Ф. 705. Оп. 31. Д. 44. Л. 101; Ф. 689. Оп. 2. Д. 21. Л. 28 об.; ГАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 51. Л. 2, 2 об.; Приморский край. Владивосток, 1947. С. 352.

Иллюстрации гл. 2, п. 2.1

Борков Геннадий Андреевич.
Первый секретарь Хабаровского
крайкома ВКП(б)
в 1940–1945 гг.
г. Хабаровск, 1940-е гг.

В.М. Истомина,
председатель
Хабаровского краевого
исполнительного
комитета в 1940–1942 гг.

Первый секретарь
Приморского краевого
комитета ВКП(б)
Н.М. Пегов. 1942 г.

Первый секретарь Приморского краевого комитета ВКП(б) Н.М. Пегов (слева)
с делегатами XVIII съезда ВКП(б). *г. Москва, 1939 г.*

Иллюстрации гл. 2, п. 2.2

Жители Владивостока слушают объявление о начале войны. 22 июня 1941 г.

Агитатор П. Карасенко читает газету «Биробиджанская звезда» рыбакам колхоза «Рыбак» Смидовичского района. 26 сентября 1943 г.

Заведующая отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б) А.С. Попова проводит очередную консультацию к 9-й главе Краткого курса истории ВКП(б) для партийно-хозяйственного актива г. Благовещенска. *г. Благовещенск, 17 января 1945 г.*

Занятие кандидатской школы ведет руководитель школы – инженер Ф.Е. Суровенко. *г. Хабаровск, 15 декабря 1943 г.*

Изучение трудов Сталина в парткабинете Хабаровского завода им. Молотова.
г. Хабаровск, 16 сентября 1943 г.

Иллюстрации гл. 2, п. 2.3

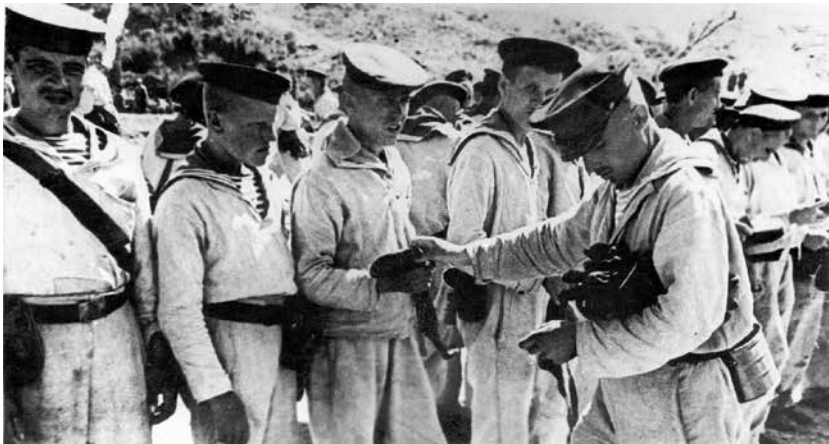
Бойцы 32-й стрелковой дивизии
С. Скопцов и А. Могорин ведут огонь
из пулемета.
Бородино, октябрь 1941 г.

Командир 32-й стрелковой дивизии
полковник В.И. Полосухин. 1941 г.

Командир 71-й морской стрелковой
бригады полковник Я.П. Безверхов. 1941 г.

Моряки Тихоокеанского флота перед отправкой на фронт. 1942 г.

Группа добровольцев танковой колонны «Приморский комсомолец».
г. Владивосток, 1943 г.

Отправка эшелона на фронт со станции Вторая Речка. г. Владивосток, 1943 г.

Командир подводной лодки С-56 капитан 2-го ранга Г.И. Щедрин. пос. Полярный, 1944 г.

Подводная лодка Тихоокеанского флота С-54 проходит Панамский канал. 1942 г.

Лидер «Баку», танкер «Лок-Батан» и ледокол «А. Микоян» проходят по Севморпути в составе ЭОН-18. 1942 г.

Эсминец Тихоокеанского флота «Разумный» во время перехода на Северный флот в составе ЭОН-18. 1942 г.

Иллюстрации гл. 2, п. 2.4

Бомбардировщик Ил-4 из состава эскадрильи «Хабаровский комсомол». 1942 г.

Сбор донорской крови для нужд фронта. г. Владивосток, 1943 г.

Теплые вещи, собранные сотрудниками ихтиологической лаборатории ТИНРО для партизан Ленинградского фронта. г. Владивосток, 1942 г.

Глава 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

3.1. Численность и состав населения

Война как масштабное социальное явление обусловила пертурбационные изменения в демографических процессах. В результате модернизации в 20–30-х гг. XX в. за двадцатилетний исторический период численность населения СССР в неизменных границах увеличилась на 55,5–57,7 млн чел., в годы войны людские потери исчисляются примерно 26,6–27,0 млн чел., из них более 76% (20 млн) мужчин. На начало 1946 г. в стране насчитывалось 170,6 млн чел. (74,4 млн – мужчины и 96,2 млн – женщины) из них 159,5 млн (68,8 млн – мужчины и 90,7 млн – женщины) родились до середины 1941 г. Только к 1955 г. в стране была достигнута довоенная численность населения¹.

Ведущие демографы определяют, что население страны (в неизменных границах) составляло в 1941 г. 196,8 млн чел., 1942 г. – 192,9 млн, 1943 г. – 186,5 млн, 1944 г. – 179,9 млн, 1945 г. – 173,5 млн чел.² В тыловых районах РСФСР, не подвергавшихся оккупации, численность населения уменьшилась на 20,6%, составив в начале 1941 г. 111,5 млн чел., 1942 г. – 91,2 млн, 1943 г. – 78,6 млн, 1944 г. – 90,7 млн, 1945 г. – 88,5 млн чел. Население Сибири сократилось на 9,9% (с 14,9 млн до 13,5 млн чел.), Урала – на 4,5% (с 14 млн до 13,3 млн чел.). Изменилось соотношение городского и сельского населения: в тылу численность городских жителей уменьшилась на 11,1%, но увеличилась в Сибири на 14% и на Урале – на 20,2%³.

Согласно разработкам краевых статистических структур численность населения Дальнего Востока СССР за военное время сократилась примерно на 15%, составив к июлю 1945 г. (без учёта районов Колымы) 2475 тыс. чел.⁴ Хабаровский край лишился около 17% жителей. Наиболее ощутимые потери населения наблюдались в Еврейской автономной области – 29%, в районах Хабаровского краевого подчинения – 21%, Амурской и Сахалинской областях – 18–19%, а на Камчатке численность населения увеличилась. Большая часть населения сконцентрировалась в наиболее благоприятных для проживания южных районах Приморского и Хабаровского краёв, увеличивая диспропорцию по административно-территориальным образованиям: 44% жителей Хабаровского края приходилось на долю Амурской и Еврейской автономной областей, 35% – на районы краевого подчинения (табл. 3.1.1).

Приморский край, на долю которого приходилось 40,3% жителей региона (в районах, прилегающих к Транссибирской магистрали, проживали около 80% приморцев), потерял до 20% жителей (табл. 3.1.2).

Увеличился демографический дисбаланс: численность в городских поселениях фактически осталась на довоенном уровне, а в сельских – уменьшилась на 29–34% (рис. 3.1.1).

3.1. Численность и состав населения

Таблица 3.1.1. Численность населения Хабаровского края, 1939–1946 гг., тыс. чел.

Показатели		17.01. 1939 г.	1.01. 1941 г.	1.01. 1942 г.	1.01. 1943 г.	1.01. 1944 г.	1.01. 1945 г.	1.01. 1946 г.
Амурская область	Всего	448,4	531,1	461,5	444,6	442,3	431,1	457,7
	Город	190,9	210,2	215,6	216,7	212,1	205,2	209,3
	Село	257,4	320,9	245,9	227,9	230,2	225,9	248,4
Еврейская автономная область	Всего	108,9	139,3	121,9	110,6	106,6	99,2	100,3
	Город	71,6	88,9	89,4	81,0	76,1	66,8	61,4
	Село	37,4	50,4	32,5	29,6	30,5	32,4	38,9
Сахалинская область	Всего	99,9	110,9	99,8	91,4	88,4	90,7	94,1
	Город	55,7	57,4	53,7	55,5	51,1	50,9	53,1
	Село	44,2	53,5	46,1	40,9	37,3	39,8	41,0
Нижне-Амурская область	Всего	98,5	111,9	97,3	104,6	100,3	103,5	109,1
	Город	20,3	24,9	24,7	26,2	226,3	26,1	26,9
	Село	78,2	87,0	72,6	78,4	74,0	77,4	82,2
Камчатская область	Всего	86,1	104,0	82,3	96,7	107,5	109,5	110,0
	Город	38,6	45,0	46,7	43,1	48,4	50,2	52,2
	Село	47,5	59,0	45,6	53,6	59,1	59,3	57,8
Районы краевого подчинения	Всего	421,5	541,5	514,3	482,0	472,4	429,3	458,9
	Город	312,9	401,2	399,3	377,1	368,8	338,5	345,7
	Село	108,5	140,3	115,0	104,9	103,6	90,8	113,2
Хабаровский край (без районов Колымы)	Всего	1310,0	1589,5	1433,2	1375,2	1362,6	1307,8	1376,2
	Город	694,4	831,8	833,9	798,3	785,6	740,5	751,6
	Село	615,6	747,7	599,3	576,9	577,0	567,3	624,6

Источник. ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64–70 (сост. авт.).

Примечание. Расчёты произведены Хабаровским краевым статистическим управлением в административных границах 1946 г.

Прослеживается ярко выраженная тенденция повышения численности городского населения в связи с индустриальной направленностью региона. Если в начале 1941 г. в сельских местностях проживали 48,7% жителей, то в начале 1946 г. – 41%, что объясняется взаимообусловленными процессами – массовой мобилизацией и миграцией в города и посёлки городского типа⁵.

На Дальний Восток, в отличие от Сибири и Урала, эвакуация и реэвакуация, а также переселение жителей из западных и центральных областей страны не проводились. Изменение численности населения происходило главным образом за счёт внутри- и межтерриториального перемещения. За 1941–1945 гг. в города Приморского края прибыло 276,5 тыс., а убыло – 273,3 тыс. чел., Хабаровского за 1941–1944 гг. – соответственно 360,8 тыс. и 387,9 тыс. чел. Показатели весьма динамичны: если в 1941 г. число прибывших в города Дальнего Востока приблизительно соответствовало убывшим, то в 1942 г. число убывших в 1,5 раза превысило численность прибывших (за счёт мобилизации в РККА и ВМФ). В последующие годы сократилась численность мобилизационных и трудовых ресурсов, миграционные потоки стабилизировались приблизительно на равных величинах (рис. 3.1.2).

Таблица 3.1.2. Численность населения Приморского края, 1939–1945 гг., тыс. чел.

Годы	Население		
	Городское	Сельское	Всего
1.1.1939	472,5	434,3	906,8
1.1.1940	503,8	433,3	937,1
1.1.1941	546,8	475,2	1022,0
1.1.1942	564,9	510,2	1075,2
1.1.1943	561,2	370,8	932,6
1.1.1944	586,6	327,8	914,4
1.1.1945	577,5	321,0	898,5
1.1.1946	602,0	327,3	929,5

Источники. ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 127. Л. 1; Д. 170. Л. 25, 33; Управление статистики Приморского края. Текущий архив. Д. 1. Л. 1 (сост. авт.).

Примечание. Расчёты произведены Приморским краевым статистическим управлением в административных границах 1946 г. По другим данным численность населения составляла в 1941 г. – 1159,4 тыс. чел. (567,6 тыс. городского и 591,8 тыс. – сельского), в 1942 г. – 1211,1 тыс. (585,4 тыс. и 625,7 тыс.), в 1943 г. – 1058 тыс. (530,5 тыс. и 527,5 тыс.), в 1944 г. – 916,4 тыс. (598,3 тыс. и 318,1 тыс. чел.).

После освобождения оккупированных территорий под предлогом воссоединения семей начался массовый отъезд бывших переселенцев, центральные ведомства отзывали прикомандированных специалистов и рабочих. Анализ статистических материалов показал, что дальневосточники стремились выехать в промышленные центры Донбасса, Бакинского, Московского и Ленинградского округов, демобилизованные военнослужащие оставались в центральных районах страны и не возвращались в места призыва. В частности, по неполным данным, за 1943–1944 гг. в Хабаровский край прибыли из других регионов 29,2 тыс. чел., а выбыли 59,8 тыс. – в 2 раза больше. По отдельным административным единицам показатели были ещё разительнее. Так, без учёта призыва в вооружённые силы из Амурской области выехало жителей в 4 раза больше, чем прибыло, из Комсомольска-на-Амуре – в 7 раз⁶.

Данная проблема существовала во все периоды освоения восточных окраин страны и имела логическое объяснение: предоставляемые ранее льготы не компенсировали материальные и трудовые затраты на обустройство в регионе. Их отмена в годы войны при тех же тяжёлых условиях труда и низком культурно-бытовом обслуживании усугубила ситуацию: большинство дальневосточников было готово к переезду на новое место жительства.

Война повлияла на процесс возобновления поколений*. В 1941–1945 гг. в СССР, учитывая безвозвратные потери военнослужащих и потери населения на оккупированной территории, естественный прирост составил отрицательную величину: 15,1 млн рождений (средний коэффициент 16,5‰) и 43,1 млн смертных случаев (средний коэффициент 47,1‰). По тыловым районам РСФСР

* По шкале оценки рождаемость менее 16‰ считается низкой, с 16 до 24 – средней, с 30 до 39 – высокой, 40 и более – очень высокой; смертность более 20‰ – очень высокой.

3.1. Численность и состав населения

(при коэффициенте рождаемости в 1941 г. 33,3‰, в 1942 г. – 20,2, в 1943 г. – 9,9, в 1944 г. – 10,5, в 1945 г. – 10,8‰) убыль населения составила 1,5 млн чел. Таким образом, для демографических процессов страны была характерна депопуляция⁷.

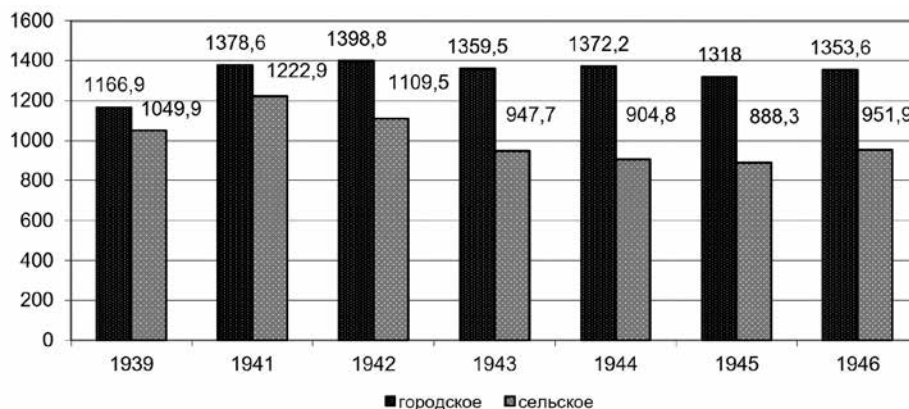

Рис. 3.1.1. Динамика численности населения на Дальнем Востоке СССР (без Магаданской области) на начало 1939–1946 гг., тыс. чел.

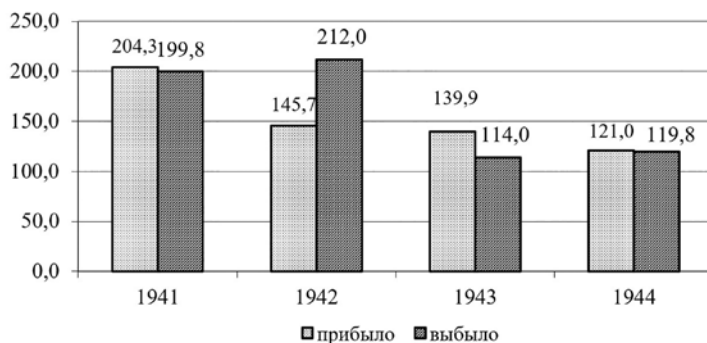

Рис. 3.1.2. Механическое движение городского населения Дальнего Востока СССР в 1941–1944 гг., тыс. чел.

Дальний Восток всегда относился к территориям со сравнительно благоприятным показателем воспроизводства населения, который, в частности, в 1940 г. был в 1,5 раза выше, чем по РСФСР⁸. В годы войны параметры возобновления поколений в регионе изменились, но преимущество сохранялось. Так, общая величина прироста населения в Приморском крае за 1941–1945 гг. составила 93,2 тыс. чел., в том числе 44,8 тыс. в городской и 48,4 тыс. – в сельской местностях, в Хабаровском (с июня 1941 г. по 1 января 1945 г.) – 55,5 тыс. чел. (170,7 тыс. рождений на 115,2 тыс. смертей). Инерционность процесса воспроизводства обусловила высокие показатели рождаемости в 1941 г. и примерно такие же в следующем году. Самый низкий уровень рождаемости в регионе фиксируется в 1943 г., прирост – в 1944 г., а начало компенсаторной рождаемости – в 1945 г.

Относительные показатели (число рождений и смертей на тысячу человек населения) свидетельствуют о неоднозначности явлений не только по годам, но и по отдельным территориальным образованиям (рис. 3.1.3, 3.1.4). В частности,

рождаемость в Приморском крае за военные годы составила в сельской местности 36,9‰, в городской – 34,2‰⁹.

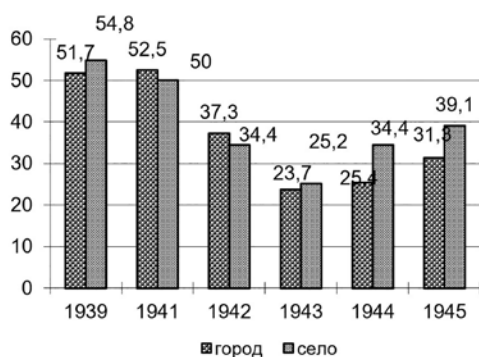

Рис. 3.1.3. Коэффициент рождаемости в Приморском крае в 1939–1945 гг., ‰

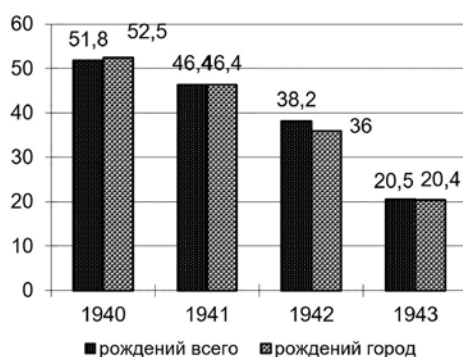

Рис. 3.1.4. Коэффициент рождаемости в Хабаровском крае в 1940–1943 гг., ‰

Самые низкие показатели в отмеченный период были в Комсомольске-на-Амуре и Николаевске-на-Амуре. В Амурской области за годы войны коэффициент естественного прироста равнялся 14‰ (рождаемость – 24‰ и смертность – 10‰) при коэффициенте рождаемости до 31‰ в некоторых районах и 27–28‰ – в отдельных городах. Высокий естественный прирост наблюдался в Ивановском – 20‰, Константиновском – 22, Благовещенском, Тамбовском – 19, низкий (до 7–8‰) – в Шимановском, Кагановическом районах и г. Благовещенск¹⁰.

Декреты о запрещении аборт (1936 г.) и помощи многодетным матерям (1944 г.) оказывали положительное влияние на семейно-брачные отношения. В Хабаровском крае за 1941–1944 гг. в среднем один развод приходился на семь зарегистрированных браков (47,6 тыс. браков и 6,5 тыс. разводов). В Приморском крае за исследуемый период зарегистрировано 63 тыс. браков, причём в 1943 г. число регистраций сократилось почти в 2 раза, а в 1945 г. произошёл резкий скачок – показатели 1941 г. были превышены в 1,5 раза. Дестабилизация семейно-брачных отношений наблюдалась повсеместно, однако разводы в сельской местности отмечались реже, чем в городских поселениях (в среднем один случай на 5 тыс. браков)¹¹.

Изменились моральные нормы и ценности. Институт семьи как ячейка общества и первооснова воспитания молодого поколения в военных условиях перестал выполнять свои основные функции. Увеличивалось число неполных семей и с незарегистрированными браками, что косвенно свидетельствует о кризисе семейно-брачных отношений. Возросла доля населения с низким уровнем *прорекреационных* отношений. В Приморском крае кривая прерывания беременности имела устойчивую тенденцию к повышению. В 1940 г. на одну тысячу рождений было официально зарегистрировано 89 случаев прерывания беременности, в 1941 г. – 112, 1942 г. – 156, 1943 г. – 262, 1944 г. – 269 и 1945 г. – 257. Как видим, в 1945 г. число аборт по отношению к довоенному времени увеличилось почти в 3 раза¹². Часть женщин Дальневосточного региона не реализовала репродуктивные возможности.

Одним из показателей, определявших возобновление поколений, являлась смертность. На Дальнем Востоке даже в относительно благополучные периоды

она была очень высокой. В годы войны максимальное количество зарегистрированных смертей приходилась на апрель–август 1942 г., в дальнейшем в течение трёх лет этот показатель снизился, по сравнению с предвоенным годом, почти в 2 раза. В Хабаровском крае в 1940 г. он составлял – 20,9‰, 1941 г. – 20,4, 1942 г. – 23,8, 1943 г. – 17,3‰ (рис. 3.1.5, 3.1.6).

Производственные и психологические перегрузки влияли на смертность населения. Так, если в 1939 г. смертность лиц Приморского края в возрасте 20–29 лет составляла 9%, 30–39 лет – 4,9%, 40–49 лет – 3,3% общей смертности, то за 1941–1945 гг. по этим же возрастным категориям соответственно 10,8, 8,4 и 5,9%. Смертность мужчин (59,1% против 57,9% в 1940 г.) была на порядок выше во всех возрастных группах до 75 лет¹³.

В северных районах с неблагоприятными климатическими условиями, низкой плотностью населения отмечено больше смертных случаев по сравнению с рождаемостью. Например, с 1939 по 1945 г. у коренного населения Чукотки родились 1492 ребёнка, а умерли 2309, численность коренных жителей уменьшилась на 4,7%¹⁴.

Репрезентативные данные показывают, что коэффициент рождаемости в Приморском крае в 1940 г. составлял 62,2‰, в 1946 г. – 42,6‰ (самые высокие показатели среди областей, включённых в разработку), а в среднем по РСФСР – соответственно 33,5 и 22,1‰. В Хабаровском крае рождаемость за эти же годы равнялась 41,9 и 23,6‰. Смертность по Приморскому краю составила в 1940 г. – 18,8‰, в 1946 г. – 10,3‰, по Хабаровскому – соответственно 15,1 и 6,8‰. Смертность по РСФСР за эти же годы определялась в 19,9 и 10,6‰¹⁵.

Смертность на Дальнем Востоке СССР, оставаясь высокой, не превысила средних показателей других регионов и была ниже, чем в тыловых районах, а по рождаемости регион сохранил ведущие позиции. Это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, население Дальневосточного региона сравнительно молодое – 41% жителей были в возрасте от 20 до 34 лет (по СССР только 26,1%), среди них отмечалось меньше смертных случаев, чем в других возрастных группах. Во-вторых, природно-климатические условия региона позволяли иметь дополнительные источники продовольственного обеспечения, в-третьих, достижения в развитии здравоохранения помогли стабилизировать ситуацию с инфекционными заболеваниями и не допустить эпидемий.

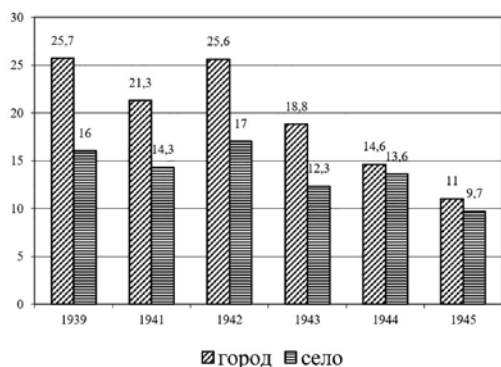

Рис. 3.1.5. Коэффициент смертности в Приморском крае в 1939–1945 гг., ‰

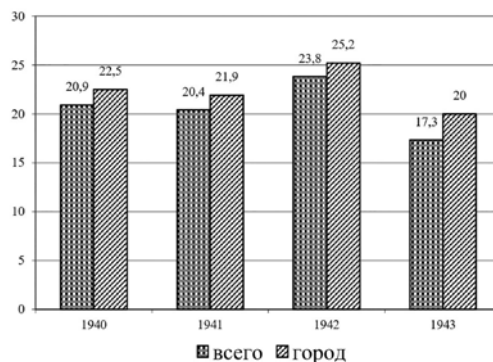

Рис. 3.1.6. Коэффициент смертности в Хабаровском крае в 1940–1943 гг., ‰

Война изменила половозрастной состав населения региона. В начале 1939 г. в составе населения региона преобладали мужчины: в Приморском крае – 479,9 тыс. (52,9%), в Хабаровском – 827,9 тыс. (56,7%)¹⁶. В годы войны впервые было зафиксировано преобладание женского населения. В 1946 г. женщины составляли 55,3% общей численности населения Хабаровского края. Данные по Приморскому краю аналогичные: численность женского населения в возрасте 18–29 лет, превышая численность мужского в 1,7 раза, постепенно к 50–55 годам уменьшалась, увеличиваясь в самых старших возрастных группах.

Относительно стабильный переход из одной возрастной группы в другую в предвоенный период в годы войны сменился диспропорциями. Это связано со снижением рождаемости, увеличением смертности, безвозвратными потерями в результате военных действий. С 1939 по 1946 г. в регионе сократилось количество населения в возрасте 18–29 лет с 32,7 до 18,2% и увеличилось в возрасте 30–39 лет с 14,7 до 18,2%, 40–49 лет – с 7 до 9,8%. В выделенных возрастных категориях преобладали женщины, а среди мужского населения – лица старшего возраста. Сложившаяся половозрастная структура населения послужила основой демографических процессов на десятилетия: сузилась база воспроизводства, изменились приоритеты и социальные нормы поведения (рис. 3.1.7).

Миграция и естественное движение формировали структуру трудоспособного населения региона. Согласно переписи населения 1939 г., трудовые ресурсы Приморского края в возрасте 16–59 лет составляли 561,4 тыс. чел. На 1 января 1943 г. в Приморье насчитывалось 548 тыс. чел. трудоспособного возраста, стариков и подростков (359,8 тыс. в городской и 188,2 тыс. – сельской местностях), на 1 января 1945 г. – 384,5 тыс. (соответственно 228,6 тыс. и 155,9 тыс.)¹⁷. По подсчётам краевого статистического управления на 1 января 1941 г., в Хабаровском крае проживали 1072,5 тыс. чел. работоспособного возраста (16–59 лет), включая 647,5 тыс. мужчин и 425 тыс. женщин. По данным единовременного учёта на 1944 г., в сельской местности Хабаровского края трудовые ресурсы в возрасте 16–59 лет составляли в 299,2 тыс. чел. – 111,2 тыс. мужчин и 188 тыс. женщин¹⁸.

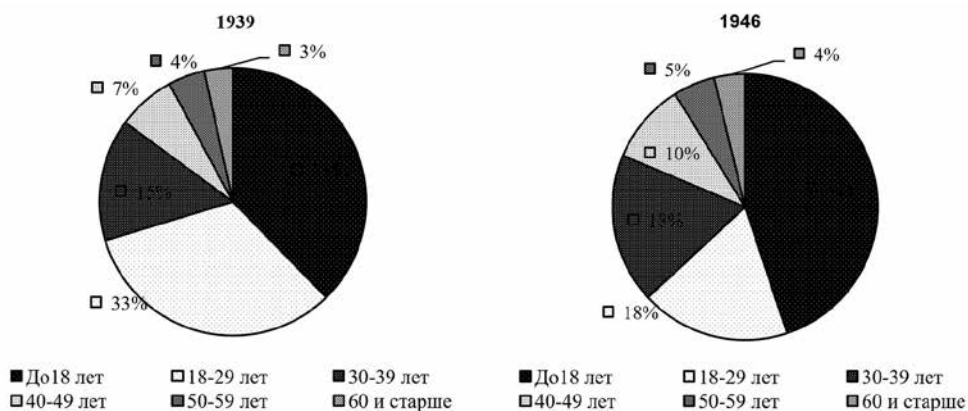

Рис. 3.1.7. Распределение населения Дальнего Востока СССР по возрасту в 1939 и 1946 гг.

Возобновление поколений не смогло компенсировать крупномасштабные мобилизации, и к концу войны численность трудоспособного населения на

Дальнем Востоке сократилась в 1,2–1,5 раза. Трудовой потенциал формировался за счёт максимального привлечения к трудовой деятельности лиц старшей и младшей возрастных категорий незанятого населения, а также направления рабочих и служащих из других областей страны.

3.2. Трудовые ресурсы промышленности и транспорта

Стремительное продвижение противника, временная оккупация территории с численностью населения 84,9 млн чел. (44,5% населения СССР), включая 11,9 млн рабочих и служащих (38% общей численности), ограничили интегральные возможности страны. При отступлении удалось эвакуировать 10–12 млн жителей (11–14%)*, и оптимальное соотношение численности вооружённых сил и работающих на производстве поддерживалось при помощи радикальных административных мер¹⁹.

При Совете народных комиссаров СССР 30 июня 1941 г. был создан Комитет по учёту и распределению рабочей силы – общегосударственная структура с широкими полномочиями и обязанностями, куда вошли представители Совнаркома, Госплана, Наркомата внутренних дел и Управления трудовых резервов. Возглавил Комитет член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) Г.П. Москатов, а с конца 1942 г. – член Оргбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверник. Соответствующие подразделения организовали во всех административно-территориальных образованиях. На начало 1944 г. в стране действовали 116 республиканских и областных бюро по учёту и распределению рабочей силы со штатом 1190 чел., 220 городских бюро – 1445 чел., в 2180 районах имелись заведующие по мобилизации²⁰.

Созданная структура совместно с Советом по эвакуации, отделами и комиссиями партийно-советских органов, исполнительными комитетами Советов всех уровней представляла разветвлённую систему мобилизации трудовых ресурсов. Специальными постановлениями были введены трудовая мобилизация и трудовая повинность, определены порядок распределения рабочей силы между отраслями, режим рабочего времени. Администрации предприятий и учреждений предоставлялось право переводить любого трудоспособного работника (кроме номенклатурных лиц) без его согласия и разрешения профсоюзного комитета для выполнения другого вида работы. Новые законодательные акты закрепляли рабочих и служащих на предприятии и предусматривали суровые санкции в отношении лиц, самовольно его покинувших. Увеличивался рабочий день, вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись очередные и дополнительные отпуска.

Для пополнения рядов рабочих использовали не занятое в общественном производстве сельское и городское население, выпускников школ

* Основная нагрузка приходилась на центральные и северные районы страны (Кировская, Горьковская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, частично Московская области, Мордовская, Чувашская, Марийская АССР), Поволжье без Сталинградской и Астраханской областей (Куйбышевская, Ульяновская, Саратовская области, Татарская АССР), Урал, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток. Средняя Азия, Казахстан, Закавказье, Дагестанская АССР в силу специфики социально-экономического развития располагали ограниченными возможностями мобилизации трудовых ресурсов.

и государственной системы профессионально-технического обучения, инвалидов и пенсионеров. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. неработающее население (мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины – от 16 до 50 лет) регистрировалось по месту жительства. От регистрации освобождались женщины, имеющие детей раннего возраста, при отсутствии других членов семьи, обеспечивающих уход, учащиеся высших и средних учебных заведений, инвалиды первой и второй групп. В дальнейшем для более эффективного контроля в 47 городах страны, в том числе во Владивостоке, Уссурийске, Артёме, Лесозаводске, Хабаровске, Биробиджане, Комсомольске-на-Амуре, устанавливалась обязательная ежемесячная регистрация неработающего населения в бюро по учёту и распределению рабочей силы. На основании собранных данных не занятые в государственных, кооперативных и общественных организациях граждане вызывались повестками в бюро или местные Советы, где им выдавались мобилизационные листки – направления на работу. Не прошедшие регистрацию не получали хлебных и продовольственных карточек, а не явившиеся – привлекались к уголовной ответственности²¹.

Мобилизация трудоспособного населения осуществлялась по указам Президиума Верховного Совета СССР, решениям ГКО, СНК союзного и республиканского уровня через Комитет по учёту и распределению рабочей силы. За годы войны Комитет по учёту и распределению рабочей силы мобилизовал около 12 млн чел. (свыше 3 млн чел. – на постоянную и более 6,7 млн – сезонную работу, более 2,1 млн чел. – в трудовые резервы), из них 487,2 тыс. чел. – в оборонную, 454,4 тыс. – топливную промышленность, 411,3 тыс. – чёрную и цветную металлургию, 168,4 тыс. – машиностроение, 116,7 тыс. – на электростанции, 212,1 тыс. – предприятия Наркомата путей сообщения. Сезонно и временно работали 1,1 млн мобилизованных на торфоразработках, 2,6 млн – на лесозаготовках и 427,6 тыс. – на лесосплаве, 649,4 тыс. – на строительно-восстановительных и 386,4 тыс. чел. – снегоочистительных работах²².

Составной частью трудовой мобилизации стала видоизменённая специфическая военизированная форма труда (тыловые ополченцы, строительные и рабочие батальоны, колонны), существовавшая в СССР ещё с 1920-х гг. для определённых категорий советских граждан. На альтернативную службу в годы войны призывались военнообязанные, не подлежащие мобилизации в действующую армию по политическим и национально-этническим признакам, по состоянию здоровья или возрасту, но не потерявшие способности к физическому труду. За годы войны для постоянной и временной работы в промышленности, на транспорте, в строительстве было мобилизовано через военкоматы 4940 тыс. чел., из них 2860 тыс. городских и сельских жителей и 2080 тыс. военнообязанных, ограниченно годных к строевой²³.

Призыв на военную службу, эвакуация, временная потеря ряда территорий привели к сокращению числа работающих. За счёт внутри- и межрегионального перераспределения рабочей силы удалось стабилизировать ситуацию. Накануне войны в общественном производстве СССР были заняты 63,9 млн чел. (в промышленности – 13 млн, на строительстве – около 2 млн, транспорте – 3,5 млн чел.). Среднегодовая численность рабочих и служащих составляла в 1940 г. – 31,2 млн чел., 1941 г. – 27,3 млн, 1942 г. – 18,4 млн, 1943 г. – 19,4 млн, 1944 г. – 23,6 млн, 1945 г. – 27,3 млн чел.²⁴

Использование трудовых ресурсов Дальнего Востока являлось отражением общегосударственной интеграционной политики. Мобилизованные работники страны направлялись в первую очередь на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, затем – на освобождённые территории (Сталинград, Ростов, Донбасс, Харьков, Запорожье), а Дальневосточный регион должен был ориентироваться на собственный потенциал.

Вовлечение трудовых ресурсов в общественное производство зависело от сложившейся территориально-отраслевой структуры. Дальневосточные предприятия привлекали военнослужащих в качестве временной и постоянной рабочей силы. В частности, в декабре 1942 г. на Дальнем Востоке СССР в рабочих колоннах НКВД насчитывалось 10,9 тыс. чел., Дальстроя – 7 тыс., военно-строительного управления – 10,3 тыс. Для формирования одной колонны в угольной промышленности и двух – в строительных организациях Владивостока и Комсомольска-на-Амуре Дальневосточный фронт дополнительно мобилизовал 3,6 тыс. чел. В 1943 г. увольнялись и передавались 14 тыс. военнослужащих для работы в рыбной промышленности, 2 тыс. – на строительство Петропавловского порта и 1 тыс. – во Владивостокский торговый порт²⁵.

В Хабаровском крае по постановлениям ГКО, СНК и советско-партийных структур к началу 1944 г. удалось мобилизовать 57 291 чел., в том числе на постоянную работу в промышленность и на строительство 11 776 чел., включая 3233 городских жителя (запланировано 14 372 чел.), на лесо- и дровозаготовки 7129 чел. при плане 7940 чел. (2736 горожан), сельскохозяйственные работы 33 240 чел. при плане 37 545 чел., включая в него 3511 чел. городского населения²⁶.

Предполагалась дальнейшая мобилизация в различные отрасли промышленности 1035 чел. из городских местностей и 6190 чел. – из сельских, что выполнить было просто невозможно. К этому времени в городах Хабаровского края насчитывалось неработающих 10 030 чел., включая 260 мужчин и 9770 женщин (343 чел. в возрасте 16–17 лет). Из этого количества подлежали мобилизации 3307 чел. – в основном женщины с детьми или проживающие в местах ограниченного трудоустройства²⁷.

Аналогичная ситуация складывалась во всех территориально-административных образованиях региона. К началу 1944 г. мобилизационный фонд Приморского края насчитывал 44 647 чел. (без 2275 возчиков), из них удалось мобилизовать только 35 863 чел., в том числе 19 238 чел. городского населения и 1889 возчиков. В промышленность и на строительство из запланированных 8410 чел. направили 6210 чел., включая 4543 горожанина, на лесо- и дровозаготовки при плане 13 248 чел. – 9955 чел. (1098 чел. городского населения) и из плановых 1930 возчиков – 1657, на сельскохозяйственные работы при плане 22 504 чел. – 19 335 чел. (при плане 22 504 чел.), включая 13 597 горожан. Ресурсы для дальнейшего привлечения на работу практически были исчерпаны. Оставшиеся составляли всего 4 тыс. чел. по пяти городам (в основном женщины), ограниченно использовавшиеся в угольной, лесной промышленности и на транспорте²⁸.

Дальневосточный регион ещё в начале войны фактически исчерпал возможности мобилизации трудовых ресурсов, исключая, пожалуй, труднодоступные местности, где население не могло быть использовано в силу слабого развития общественного производства. Задания по мобилизации были явно завышенными,

и директивные письма прокуратуры СССР с указанием на необходимость выполнения указов о всеобщей трудовой повинности не могли коренным образом изменить сложившуюся ситуацию. К августу 1945 г. на Дальнем Востоке было мобилизовано на постоянную работу 19,5 тыс. чел. (10,4 тыс. в Приморском и 9,1 тыс. – Хабаровском краях) и на сезонную – 59,1 тыс. (соответственно по краям 17,1 тыс. и 42 тыс.)²⁹.

Комплектование рабочих кадров осуществлялось за счёт сокращения административно-управленческого аппарата, вспомогательных рабочих, труженников непромышленной сферы и менее значимых по меркам военного времени отраслей экономики. Незначительное число работников было прикомандировано и переведено по ведомственным линиям наркоматов. Не обходилось и без нарушений. Прикрываясь постановлениями ГКО и СНК, на дальневосточные предприятия направляли лиц, не подлежащих мобилизации по состоянию здоровья или семейному положению, граждан без удостоверений и сопроводительных документов. Справки о привлечении на временные работы подменялись направлениями на постоянную работу, путём повторного перераспределения укрывались дезертиры.

За годы войны значительного сокращения рабочей силы на Дальнем Востоке не произошло. В 1945 г. в общественном производстве были заняты 697,6 тыс. рабочих и служащих (без членов кооперативов), что составило 98,8% уровня 1940 г.* Количественные изменения численности работников по отраслям имели разные показатели: в промышленности, по сравнению с предвоенным временем, она увеличилась на 3,9 тыс. чел., на железнодорожном транспорте – на 3,3 тыс., на водном – на 8,3 тыс. чел., в непромышленной сфере уменьшилась – на предприятиях коммунального и жилищно-эксплуатационного хозяйства на 22%, в кредитных и страховых учреждениях – на 20%, торговле – 19%, общественном питании – на 2%. Однако наиболее ощутимые потери (около половины списочного состава) наблюдались в строительстве (табл. 3.2.1).

Отраслевое соотношение осталось на прежнем уровне и отражало территориальную специфику общественного производства. К концу войны в промышленности было занято 33% рабочих и служащих, на железнодорожном транспорте – 8%, водном – 3%, на прочих видах транспорта и погрузо-разгрузочных работах – 5%, на строительно-монтажные работы приходилось 5%, а на совхозное производство и подсобные сельскохозяйственные предприятия – 8%. По сравнению с общесоюзными показателями заметно сократилась численность работников в государственных и общественных организациях, хозяйственных управлениях. В отраслевом разрезе на основном производстве в промышленности среднегодовая численность рабочих и служащих составляла 34,9%, в строительстве – 5,6%, машинно-тракторных станциях – 1,4, на железнодорожном – 6,7, водном – 0,7 и прочих видах транспорта – 4, в здравоохранении – 5,2, просвещении – 9,4, учреждениях торговли, общественного питания, материально-технического снабжения – 9, аппарате управления – 6%³⁰.

* Ведомственная статистика изобилует показателями, что связано с особенностями исчисления динамических рядов без указания способа получения расчётных данных, в одних случаях учитывались все занятые на производстве, в других – основной промышленно-производственный персонал. Учитывая административно-территориальные изменения, автор оперирует источниками более полной информативной насыщенности.

Таблица 3.2.1. Численность рабочих и служащих на Дальнем Востоке СССР, 1940–1946 гг., чел.

Показатели	Годы					
	1940	1942	1943	1944	1945	1946
Промышленность	225 003	218 634	217 989	228 130	229 870	294 410
Строительно-монтажные работы	63 884	36 123	23 744	43 100	33 930	46 608
Совхозы и подсобные сельскохозяйственные предприятия	23 582	36 997	45 055	50 504	53 885	43 074
Машинно-тракторные станции	9775	4981	5423	5770	5493	7067
Транспорт и связь	132 724	103 318	108 349	124 543	130 354	149 694
В т.ч.						
железнодорожный транспорт	50 866	52 986	53 269	54 790	54 122	62 052
водный транспорт	15 032	13 214	18 191	20 430	23 340	20 309
прочий транспорт и погрузо-разгрузочные работы	47 673	21 671	21 508	34 334	37 369	50 121
связь	19 153	15 447	15 381	14 989	15 523	17 212
Коммунальные предприятия и жилищно-эксплуатационное хозяйство	7950	7758	7631	7431	6163	9140
Торговля, заготовки и снабжение	38 176	26 375	24 556	27 315	30 961	37 418
Общественное питание	20 218	21 054	21 655	18 649	19 777	18 172
Кредитные и страховые учреждения	5869	4313	4104	4347	4717	5457
Просвещение	32 434	33 833	30 570	34 607	36 491	39 109
Учреждения здравоохранения	25 008	26 744	28 319	28 237	27 209	26 829
Государственные и общественные учреждения	34 153	24 800	25 343	27 957	33 730	43 125
Не распределены	87 093	89 607	93 470	74 357	85 066	106 786
Всего рабочих и служащих по всем отраслям	705 869	634 537	636 708	674 947	697 646	826 889
Члены артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов	н/с	13 837	14 241	14 387	15 252	14 188

Источник. Разработка в административных границах 1947 г. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2143. Л. 15.

Природно-ресурсная направленность решения стратегических задач определила основные параметры регионально-хозяйственной специализации. К началу 1945 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 1585 предприятий крупной и 7703 – мелкой промышленности. В основных производственных процессах заняты 199,7 тыс. чел., включая 148,8 тыс. рабочих, в том числе в крупной промышленности – 132,2 тыс. рабочих (89%), в мелкой – 16,6 тыс. (около 11%)³¹.

Лидирующее положение занимали машиностроительная, угольная и рыбная отрасли. На заводах судоремонта, авиастроения, боеприпасов и вооружения Хабаровского края работало в среднем 32% рабочих, в Приморском – 29%,

на предприятиях пищевой промышленности соответственно 26 и 27%. Угольная промышленность Приморья с численностью 10,7 тыс. рабочих доминировала в регионе.

Война обострила традиционную для Дальневосточного региона проблему сохранения рабочих рук. В Приморье к середине мая 1942 г. из основной производственной группы уволились приблизительно 59 тыс. рабочих и служащих. В ряды Красной армии призваны 36,6 тыс. чел., из них с железнодорожного транспорта – 26%, морского – 47% работников. Кроме того, 2,5 тыс. чел. оставили производство по собственному желанию, 2,1 тыс. – по суду и 17,8 тыс. – по другим причинам³².

В Хабаровском крае с 1 октября 1941 г. по 1 октября 1943 г. на предприятиях союзной промышленности численность рабочих сократилась со 109,7 тыс. до 89,8 тыс., на железнодорожном транспорте – с 35,1 тыс. до 31,7 тыс., на водном – с 7,9 тыс. до 7,8 тыс., в местной промышленности – с 12 тыс. чел. до 11,6 тыс., промкооперации – с 11,1 тыс. до 10,4 тыс. чел. По приблизительным подсчётам за 1941–1944 гг. с предприятий края (без данных АКО, трестов «Амурзолото», «Дальтранслес», рудника «Умальта» и других мелких предприятий) выбыли 112,3 тыс. чел., или 64,1% численности работавших на этих предприятиях к началу войны³³.

В 1942–1943 гг. практически во всех отраслях отмечены самые высокие показатели текучести рабочей силы. Основная часть работников оставляла производство в связи с мобилизацией или переводом на другую работу. Однако текучесть рабочих кадров объяснялась и субъективными обстоятельствами. Например, с судостроительного завода № 199 Комсомольска-на-Амуре (7,3–8,5 тыс. работающих) в 1942–1944 гг. уволились 5,1 тыс. чел., из них 50% по призыву в РККА, 28% – по собственному желанию и 13% – самовольно, 2% – по инвалидности, 4% – ввиду смерти, 3% – переведены на другие предприятия. Аналогичная ситуация наблюдалась и на авиационном заводе № 126 (8,1–10 тыс. работающих): за 1943–1944 гг. выбыли 2,1 тыс. чел., в том числе 6% в РККА, 20% – по собственному желанию и 13% – по различным причинам, 12% – переведены в другие организации, 30% – осуждены, 8% – по болезни и 11% – ввиду смерти³⁴.

Различия в условиях и оплате труда, социальных льготах на ведомственных предприятиях, отсутствие жилья и приемлемых бытовых условий влияли на текучесть кадров. Так, в 1941–1945 гг. на Владивостокский судоремонтный завод были приняты 7 тыс. рабочих, а уволены 6,5 тыс., на авиационный завод пос. Семёновка соответственно 2,1 тыс. и 1,4 тыс. За этот же период на основные предприятия пищевой и местной промышленности Приморья зачислили 24,6 тыс. чел. и 27 тыс. уволили. Текучесть кадров в рыбной промышленности была ещё выше: на 47,1 тыс. вновь принятых на производство пришлось 49,7 тыс. уволенных³⁵. Если в начальный период войны можно было говорить о влиянии на неё мобилизационных факторов, то в последующие годы высокие показатели оставивших производство по личной инициативе свидетельствуют о неустойчивости социальных процессов на Дальнем Востоке.

На транспортном флоте текучесть кадров объяснялась и особенностями комплектования трудовых коллективов. Так, для работы на судах Дальневосточного пароходства в 1944–1945 гг. набрано 4810 чел., в том числе 337 чел. командного состава, численность уволившихся составила 4201 чел., что связано с возвращением судов с личным составом к месту приписки. В 1944 г. для пополнения

кадров пароходства отправлено 1658 чел., в 1945 г. – ещё 1804 чел. В результате военных действий к началу 1944 г. числились погибшими 316 чел. (249 членов экипажа, 57 военных моряков и 10 пассажиров)³⁶.

Высокие требования к личному составу судов заграничного плавания также влияли на увеличение текучести рабочих. Во втором полугодии 1941 г. тщательную проверку прошли более 3 тыс. работников Дальневосточного пароходства, из них 752 чел. не получили новые назначения (в том числе 31 капитан, 34 старших помощника). В 1944 г. из 9450 работников (2154 члена командного и 7296 – рядового состава) не получили новые мореходные книжки 6,9% проверенных, из них 149 чел. командного и 504 – рядового состава. Основными причинами являлись: политические мотивы – 26 чел. (4%), нарушение правил поведения за границей – 146 чел. (22,4%) и дисциплины – 279 чел. (42,7%), бытовое разложение (так квалифицировались нарушения семейного права и норм социалистического общежития) – 54 чел. (8,3%). За четыре месяца 1945 г. отказали в выдаче виз на выезд за границу ещё 524 лицам³⁷.

Источниками формирования кадрового потенциала были различные социальные группы Дальневосточного региона и других областей страны. Отсутствовал резерв работников и повсеместно отмечался их дефицит. В 1943 и 1944 гг. дополнительная годовая потребность в рабочей силе на Дальнем Востоке (без колхозов) составляла 82–85 тыс. чел., или приблизительно 14% фактической численности рабочих и служащих на начало года. В промышленности не хватало 44,1 тыс. чел. (17%), строительстве – 5,8 тыс. (32%), на железнодорожном транспорте – 5,7 тыс. (11%), водном – 3,6 тыс. чел. (20%). Дефицит рабочей силы планировалось уменьшить на 24% за счёт выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ (19,7 тыс. чел.), на 15% (12,3 тыс.) – подготовки собственных кадров, на 16% (13,2 тыс.) – мобилизации трудоспособного населения, на 12% (9,8 тыс.) – спецконтингента, на 3% (2,7 тыс.) – совместительства, на 2% (1,3 тыс.) – выпускников вузов и техникумов³⁸.

Расчёт необходимой численности работников производился исходя из запланированных объёмов производства с учётом повышения производительности труда на основе максимального использования рабочего времени и механизации трудоёмких процессов. При этом обращалось внимание на соотношение работников основного и вспомогательного производства, применение сдельно-прогрессивных систем оплаты труда и технически обоснованных норм, без учёта потерь рабочего времени. Так, по данным ЦСУ в годы войны средняя продолжительность рабочего месяца увеличилась на 2,02 дня по сравнению с довоенным временем за счёт отмены отпусков и выходных дней, но одновременно увеличились и потери рабочего времени в среднем на 1,13 дня на одного рабочего, включавшие увеличение невыходов на работу с разрешения администрации – 0,19 дня и по болезни – 0,51 дня, ежедневных простоев – 0,26 дня³⁹.

Нарушения трудовой дисциплины, дезертирство становились обычным явлением на всех предприятиях страны. Производственную дисциплину пытались укрепить силовыми методами: ужесточался порядок увольнения работников по семейным обстоятельствам, создавалось негативное общественное мнение к нарушителям внутреннего распорядка, им объявлялись взыскания и выговоры, проводились показательные судебные процессы.

Руководители региона при явно завышенных производственных заданиях преувеличивали дефицит рабочей силы и стремились любой ценой увеличить

численность работников за счёт привлечения трудовых ресурсов, используя на основном производстве специфический контингент – военнотрудовых, заключённых, рабочих военных колонн, а на сезонных работах – вторых и третьих членов семьи.

Женщины и подростки стали социально значимой составляющей дальневосточного общества. С 1 октября 1943 г. по 1 октября 1945 г. удельный вес женщин на производстве в регионе увеличился с 41,6 до 48,2% от общей численности работающих, в промышленности – с 31 до 39% (среди рабочих основного производства с 30 до 36%), на транспорте – с 27,8 до 30,9%⁴⁰. Увеличилось их число в отраслях с изначально высокими показателями: в здравоохранении и образовании они составляли 84–88%, общественном питании – 82, торговле – 59, государственных и общественных учреждениях – 56–62%⁴¹.

Профессии, которые ранее считались мужскими, стали осваивать женщины. Если в 1940 г. в рыболовецких колхозах Приморья добычей рыбы занимались 5,8% женщин, то в 1945 г. – 24,6%⁴². К началу 1942 г. женщины, работающие на шахтах Сахалина, составляли 22%, в 1943–1944 гг. – около 40%, на комбинате «Сихали» – 30,8%, на нефтяных промыслах в предвоенные годы их работало не более 6%, а в 1945 г. – 47%⁴³.

На предприятиях металлообработки процент женщин стал более значительным: если на Дальзаводе в 1941 г. они составляли 5,3%, то в 1945 г. – 21% от числа рабочих, а на заводах им. Молотова к июлю 1944 г. – 36,2% работников основного производства, им. Кагановича – 41,1%, им. Орджоникидзе – 47,2%, им. Горького – 33,4, им. Кирова – 41,2%⁴⁴.

Отраслевая структура производства предопределяла состав рабочих и служащих региона. Судя по текущей отчётности, на 1 октября 1941 г. на предприятиях союзной промышленности Хабаровского края насчитывалось 109,7 тыс. рабочих, из них 31,5 тыс. женщин (28,7%), на 1 октября 1943 г. – 89,8 тыс., включая 36,8 тыс. женщин (41%). В начале 1945 г. они составляли 33% численности рабочих и служащих Хабаровского края, в том числе 40% – в нефтяной и 24% – угольной промышленности, 31% – на водном и 28% – железнодорожном транспорте⁴⁵.

Применение женского труда всё же ограничивалось в традиционно мужских профессиях – на транспорте, в угольной, рыбной, горнодобывающей промышленности. Так, на судах Дальневосточного пароходства в начале 1941 г. работали 264 женщины (7,3% от численности работников транспортного флота), в 1942 г. – 330 (10,3%), 1943 г. – 454 (10,2%), 1944 г. – 886 (11,8%). Большинство из них – обслуживающий персонал (буфетчицы, уборщицы, повара), некоторые выполняли обязанности палубной, машинной команды, входили в командный состав. Так, в 1943 г. две женщины работали старшим и вторым помощником капитана, четыре – третьим и четвёртым штурманом, пять – учениками штурманов, 18 – радиооператорами. А.И. Щетинина стала первой в мире женщиной-капитаном дальнего плавания (теплоход «Родина») ⁴⁶. В 1946 г. на комбинате «Приморскуголь» среди эксплуатационных рабочих женщины составляли в среднем 11%, хотя по отдельным управлениям этот показатель был выше (Тавричанское управление – 17,5%, Ворошиловское – 18%)⁴⁷.

Сформировалась социально активная общность тружениц, которые стремились наравне с мужчинами участвовать в создании оборонного потенциала Дальневосточного региона. На производство стали возвращаться рабочие старших возрастных групп, как правило, высококвалифицированные специалисты.

В общественное производство интенсивно вовлекалась молодёжь. К январю 1945 г. в регионе на производстве было 3% рабочих и служащих в возрасте до 15 лет, 7% – 16–17 лет, 25% – 18–25 лет. На самый трудоспособный возраст (26–36 лет) приходился 31% занятых, 36–49-летние составляли 23%, 50–54-летние – 6%, старше 54 лет – 5%. В возрастной категории 18–36 лет на производстве преобладали женщины, причём в возрасте от 18 до 25 лет их было почти в 3 раза больше, чем мужчин (рис. 3.2.1).

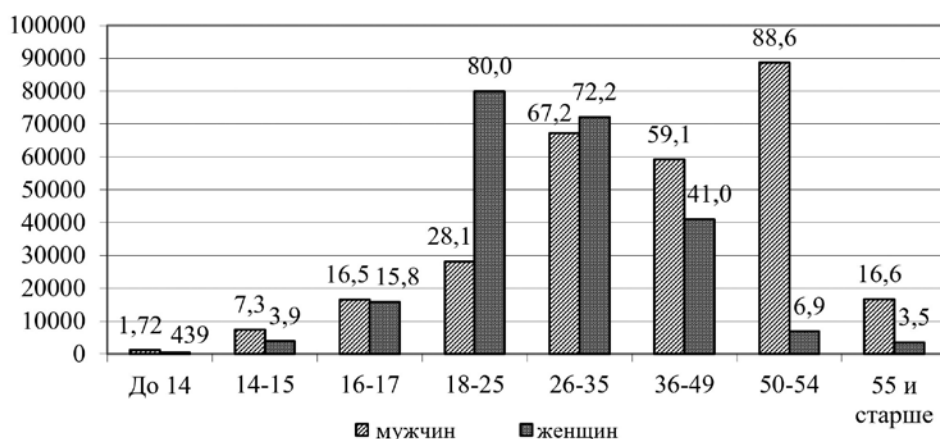

Рис. 3.2.1. Распределение рабочих и служащих Дальнего Востока СССР по полу и возрасту на 1 января 1945 г., тыс. чел.

Территориально-отраслевое распределение по возрастным группам имело свою специфику. Так, на промышленных предприятиях региона 12% составляли подростки, 21% – лица 18–25 лет, 29% – 26–35 лет, 26% – 36–49 лет. В промышленности Приморского края отмечался более высокий удельный вес 26–35-летних – 31%, 36–49-летних – 27% и более низкий (9%) – молодёжи до 17 лет. Среди строителей преобладали работники зрелого возраста: 29% имели возраст 26–35 лет и 37% – 36–49 лет. Возрастная категория 26–35 лет составляла 34–35%, подростки до 17 лет – 12–17% от численности рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта⁴⁸.

Военные реалии изменили состав рабочей силы. Например, за годы войны общая численность работающих на заводе «Дальдизель» увеличилась на 47,5%, но рабочие со стажем свыше 5 лет составляли всего 22%, в то время как в 1940 г. – до 70%, удельный вес молодёжи в возрасте 15–17 лет – 68%. Среднесписочное число работающих на судостроительном заводе № 199 сократилось незначительно (с 4908 чел. в 1941 г. до 4254 чел. – в 1944 г.), но по мобилизации с завода ушли почти 3 тыс. квалифицированных рабочих, и 16-летние подростки в эти годы составляли 31–36% списочного состава (в 1941 г. – 15%). Преобладала молодёжь в возрасте до 21 года – почти 46% работающих⁴⁹.

На тенденции уменьшения численности кадровых рабочих сказывалась региональная специфика отраслевой структуры производства. Практически всё население, в том числе и ранее не занятое общественно полезным трудом, направлялось на предприятия оборонного значения. Изменения в демографической структуре, в законодательстве о труде, наличие большого объёма трудоёмких

работ низкой квалификации обусловили соответствующее распределение рабочей силы. Регион, ориентировавшийся в довоенное время на широкомасштабное промышленное и сельскохозяйственное переселение, закрепление бывших военнослужащих, в годы войны не смог восполнить дефицит трудовых ресурсов.

3.3. Производственные кадры дальневосточной деревни

Война изменила социальную структуру советского общества. В вооружённые силы и промышленность из деревни мобилизовали не менее 13,5 млн трудоспособных (38%), из них 12,4 млн мужчин (73,7%). Крестьянское население страны за четыре военных года сократилось на 13,9 млн чел.⁵⁰ Дальний Восток СССР (исключая Колыму) относился к районам наиболее интенсивного сокращения населения сельской местности: в начале 1941 г. насчитывалось 1 222,9 тыс. сельских жителей, в 1945 г. – 888,3 тыс.⁵¹ Таким образом, за годы войны сёла региона не досчитались 334,6 тыс. чел., или 27,4% предвоенной численности. Если в Хабаровском крае после потери 23–24% сельских жителей наступила некоторая стабилизация на отметке 590–570 тыс., то в Приморском – их отток продолжался вплоть до окончания войны, составив 32,4% уровня 1941 г. (рис. 3.3.1).

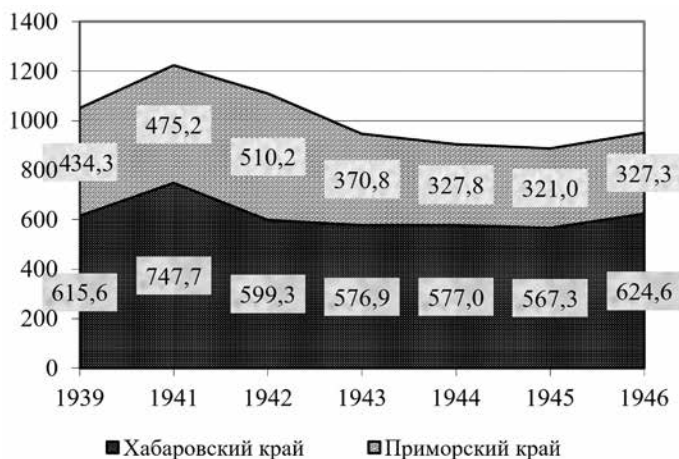

Рис. 3.3.1. Численность сельского населения Дальнего Востока СССР в 1939–1946 гг., тыс. чел.

Социальная структура сельского населения Дальнего Востока весьма специфична. Проживая близ промышленных предприятий,строек и путей сообщения, большая его часть не занималась сельскохозяйственным производством. Так, в 1945 г. в Хабаровском крае 62% наличного сельского населения относилось к рабочим и служащим, 36% – к колхозникам, по 1% – к единоличникам и временным работникам⁵².

Земледельческие районы отличались высокой урбанизацией. Так, в Приморском крае на начало 1945 г. 43,3% трудоспособного сельского населения края было занято на производстве в качестве рабочих и служащих (24% – в промышленности, 15% – в просвещении, здравоохранении и коммунальном хозяйстве,

10% – в совхозах и МТС, 9% – в государственных учреждениях и 3% – на транспорте, остальные – в прочих отраслях), 37,8% – работали в колхозах, 16,8% – учащиеся, 1% – кооперированные кустари⁵³.

Мобилизация мужчин призывного возраста в вооружённые силы, подростков – в школы и училища профессионально-технического образования, женщин – в оборонные отрасли изменила численность и структуру трудовых ресурсов дальневосточной деревни: увеличилась социальная группа рабочих и служащих и уменьшилась – колхозников⁵⁴.

В 1940 г. в колхозах Хабаровского края насчитывалось 172,5 тыс. чел. наличного и 75,7 тыс. чел. трудоспособного населения, в 1945 г. – соответственно 141,8 тыс. и 53,9 тыс. чел. В Приморском крае численность колхозников уменьшилась в 1,3 раза (со 128,8 тыс. до 101,2 тыс.), в том числе трудоспособных в 1,7 раза (с 59,1 тыс. до 36 тыс.). Если в 1940 г. дальневосточные колхозы, имея 44,8% трудоспособных, могли рассчитывать на помощь других социальных групп, то к 1945 г. наличное население сократилось в 1,2 раза, трудоспособное – в 1,5 раза, составив всего 37% наличного населения (рис. 3.3.2).

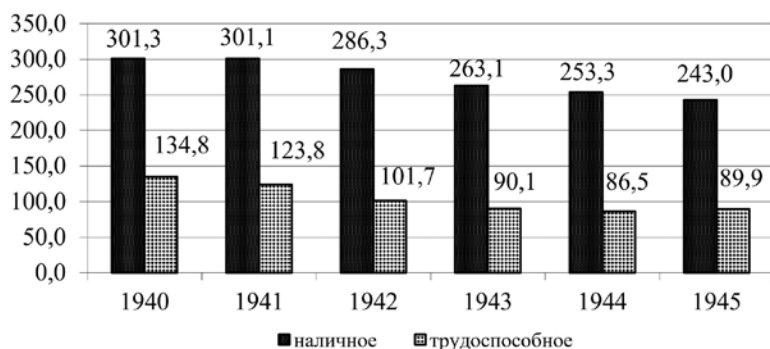

Рис. 3.3.2. Численность наличного и трудоспособного населения колхозов Дальнего Востока в 1940–1945 гг., тыс. чел.

Статистические данные показывают, что при проведении сельскохозяйственных работ дальневосточная деревня могла рассчитывать не более чем на 35–40% людских ресурсов сельской местности. Реально этот процент был ещё ниже. Из производственного процесса исключались дети 4–7 лет (15%), ограничивалось использование труда 8–13-летних (18%) и 14–17-летних подростков (10–12%), а также лиц старше 55 лет (7–9%). На трудоспособный возраст 18–24 лет приходилось 8%, 25–49 лет – 24–27%, 50–54 лет – 4% сельского населения Дальневосточного региона⁵⁵.

Отток мужчин призывного возраста усилил неравномерность трудовых ресурсов по половому признаку. Например, в конце 1943 г. из Хабаровского края (без данных по Камчатской и Сахалинской областям) в ряды РККА призвали 43,1 тыс. колхозников, что составило 50% их численности января 1941 г., 4,9 тыс. рабочих МТС (30%) и 2,2 тыс. рабочих совхозов (43,2%)⁵⁶. Среди трудоспособных колхозников большой процент составляли женщины. К концу войны в колхозах Хабаровского края насчитывалось 27% трудоспособных мужчин, 50% – женщин, 23% – подростков, в то время как в 1940 г. соотношение было более равномерным: 41% мужчин, 40% женщин и 19% подростков (рис. 3.3.3).

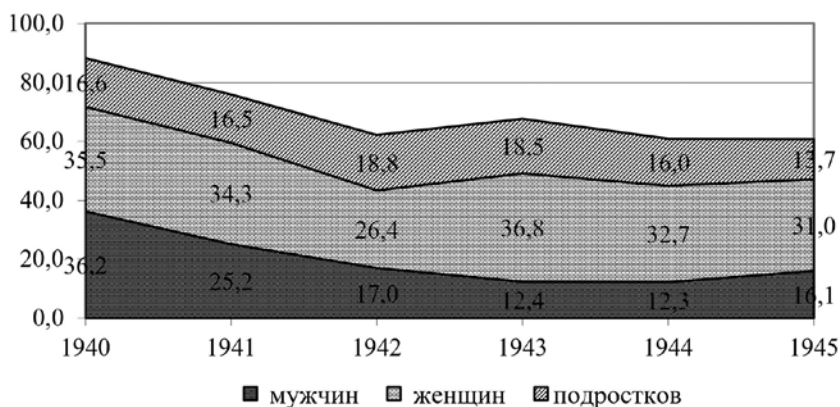

Рис. 3.3.3. Динамика численности трудоспособного населения и подростков в колхозах Хабаровского края в 1940–1945 гг., тыс. чел.

На Дальнем Востоке положение с трудовыми ресурсами, по сравнению с общесоюзными показателями, внешне было более благополучным, однако в реальности потери сельского населения носили разрушительный характер. Проектируемые затраты труда исчислялись по четырём основным периодам сельскохозяйственных работ с учётом оптимальных агротехнических сроков и фактических норм выработки, утверждённых краевыми земельными отделами в 1942 г. для колхозов и приказом Наркомата совхозов № 128 от 11 апреля 1939 г. – для совхозов. В животноводстве расчёт производился на основании приказов № 1042 от 1 августа 1938 г. Наркомата земледелия СССР и № 55–59 от 25 марта 1942 г. Наркомата совхозов об организации и оплате труда на молочно-товарных, коневодческих, овцеводческих и свиноводческих фермах. При этом использовалась шкала коэффициентов по основным социальным группам с учётом объёмов работ, выполненных взрослым трудоспособным работником с полным рабочим днём, при оценке труда подростков применялся коэффициент 0,7, детей – 0,2, престарелых – 0,3⁵⁷.

Фактические затраты труда за пять месяцев осенне-зимнего периода составляли примерно 17%, за два месяца весеннего – 18%, за два с половиной месяца летнего – 28% и за такое же время уборочного периода – 37% годовых объёмов. В летние месяцы, учитывая интенсивность труда, численность работников требовалось увеличить в 3–3,5 раза, в период уборки – в 4–5 раз. Таких ресурсов дальневосточная деревня практически не могла обеспечить даже при условии привлечения к производственной деятельности мужчин и женщин от 16 до 60 лет и старше, подростков – от 12 до 16 лет, детей – от 8 до 12 лет.

Дефицит трудовых ресурсов частично покрывался за счёт внутривоспроизводственного перераспределения рабочей силы управленческого и обслуживающего персонала, а также мобилизации населения городской и сельской местности. Порядок привлечения на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС был определён в апреле 1942 г. специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б), а затем уточнён постановлениями № 1395 от 18 августа 1942 г. и № 795 от 17 июля 1943 г. Законодательно закреплялось право использовать свободное трудоспособное население временно на сельскохозяйственных работах в течение

1,5–2 месяцев и отпускать при выработке взрослыми тружениками 40–50 трудодней в колхозах и 50–60 – в совхозах, учащимися – 20–30 дневных норм.

Предусматривались меры морального и материального стимулирования труда. Директорам совхозов разрешалось производить денежную и натуральную оплату (1,5 кг зерна за выполнение дневной выработки, но не более 5–6 пудов на одного работающего за весь период). В зависимости от объёма выполненных работ трактористы и комбайнёры дополнительно получали за сезон 10, 15 или 25 пудов зерна⁵⁸.

По подсчётам, недостаток рабочих рук дальневосточная деревня покрывала на 28–30% за счёт неработающего населения сельской местности, примерно столько же – внутренних резервов, 10% – рабочих и служащих деревни, 4–5% – временно проживающих, остальные – учащиеся и мобилизованных на сельскохозяйственные работы. Так, в колхозах Приморского края на 1 июня 1942 г. насчитывалось 58,7 тыс. чел., участвующих в сельскохозяйственном производстве (44,6 тыс. трудоспособных взрослых и 14,1 тыс. подростков). В сельскохозяйственных работах в 1943 г. принимали участие 47,7 тыс. колхозников (27,5 тыс. трудоспособных, 12,4 тыс. престарелых, 7,8 тыс. чел. прочих групп населения) и 14 тыс. мобилизованных, в 1944 г. – 41 тыс. чел. (34,2 тыс. трудоспособных, 6,8 тыс. подростков) и 10,8 тыс. мобилизованных⁵⁹.

Количественные показатели привлечения дополнительной рабочей силы зависели от экстремальных условий военного времени. На уборку урожая 1941 г. из городов Хабаровского края в колхозы было направлено 13 тыс. чел., в 1942 г. – более 20,5 тыс., в 1943 г. – 35,6 тыс., в том числе 18,9 тыс. городского населения и 16,7 тыс. студентов и школьников⁶⁰.

Общее количество вырабатываемых горожанами трудодней постепенно снижалось. В 1942 г. в колхозах Дальнего Востока мобилизованным на сельскохозяйственные работы было начислено 3593,7 тыс. трудодней, в 1943 г. – 2941,0 тыс., в 1944 г. – 2466,0 тыс., в 1945 г. – 1788,8 тыс.⁶¹ Такое положение объяснялось, с одной стороны, увеличением норм выработки для колхозников, с другой – сокращением трудовых ресурсов города. Самое главное – отсутствовали резервы продовольствия, которые можно было выделить для питания и последующих расчётов за работу.

Шефская помощь, инициатива и предприимчивость трудовых коллективов промышленных и транспортных предприятий стали насущной необходимостью. Активное участие в проведении сельскохозяйственных работ принимали воинские части Дальневосточного фронта. Руководители краевых партийных организаций систематически обращались с просьбами о массовом выделении военнослужащих для уборки урожая, заготовки сена, ремонта материально-технической базы МТС и других, в том числе строительных, работ.

Распоряжения военных советов армий, изданные на основе директив командующих дальневосточной группой войск, свидетельствуют о том, что ежегодно в проведении сельскохозяйственных работ в Приморском крае участвовали от 7 до 22 тыс., в Хабаровском – от 15 до 35 тыс. военнослужащих⁶². Проводились также воскресники с максимально возможным привлечением личного состава воинских частей. Например, в воскресниках 10 и 17 сентября 1944 г. приняли участие 61,6 тыс. военнослужащих дальневосточных армий, в том числе 34,9 тыс. чел. по Хабаровскому краю и 26,7 тыс. чел. – по Приморскому краю. По неполным данным, за эти дни в Хабаровском крае скопили более 1,2 тыс. га

зерновых и травяных культур, убрали 85 га овощей и картофеля, заготовили 2,2 тыс. т кормов, выкопали 90 силосных ям и заложили 1,8 тыс. т силоса. Кроме этого, построили 30 новых и отремонтировали 120 животноводческих помещений, привели в порядок 235 скотных дворов. В Приморском крае помощь оказана 135 колхозам и совхозам. Воины отремонтировали 230 и построили 18 помещений для скота, выкопали 77 силосных ям ёмкостью 3 тыс. т и заложили 650 т силоса, скосили и убрали 425 га зерновых культур, намолотили и вывезли 5,5 тыс. ц зерна. Все заработанные средства перечислены в Фонд обороны страны⁶³.

Приведённые данные лишь частично отражают участие привлечённых лиц в сельскохозяйственном производстве Дальнего Востока. Предположительно, военнослужащие, школьники и рабочие убрали не менее одной трети выращенного урожая, и лишь при их непосредственном участии дальневосточная деревня справлялась с возросшими нагрузками, испытывая острую нужду в специалистах. Дефицит механизаторов составлял от 40 до 50%. Например, в 1943 г. в МТС Приморского края при наличии 5149 трактористов, 909 комбайнёров, 243 механиков, 174 шоферов дополнительно требовалось соответственно 4798, 879, 223, 172 специалиста. Потребность Хабаровского края в механизаторах различного профиля на 1945 г. составляла 14 382 чел., а имелось 11 351 чел. Машинно-тракторным станциям не хватало 1839 чел., в том числе 544 тракториста, совхозам – 1192 чел. (493 тракториста)⁶⁴.

Сказывалась нехватка руководящих кадров, пополнение которыми за годы войны было незначительным. Так, если в 1939–1940 гг. после окончания учебных заведений в Хабаровский край прибыло 388 специалистов сельского хозяйства, то в 1941–1945 гг. – 115. В крае не хватало 257 агрономов, 215 зоотехников, 53 ветфельдшера, 150 ветврачей, 117 землеустроителей, 140 механиков, 53 инженера-строителя. Из 393 агрономов высшее образование имели 107, из 169 зоотехников – 36, из 350 механиков – 38⁶⁵. В Приморском крае в 1945 г. требовалось 252 агронома, а имелось 168, ветврачей – 81, фактически – 30, ветеринарных техников соответственно 168 и 146, зоотехников 145 и 62⁶⁶.

Целенаправленное распределение специалистов из центральных районов страны не могло компенсировать их убытие, а с учётом предвоенного дефицита проблема ещё более обострилась. Уже в предвоенный период нагрузка на одного дальневосточного специалиста сельского хозяйства была велика, а в годы войны возросла ещё больше.

Частая смена руководителей усугубляла ситуацию. К началу 1944 г. в 505 колхозах Хабаровского края (всего 752 колхоза без Камчатки) сменилось 770 председателей, из них были призваны в РККА – 343, освобождены от работы как не справившиеся – 283, назначены на более высокие должности – 37, по другим причинам – 107; стаж работы менее одного года имели – 336, до двух лет – 269, довоенный – 247 председателей. Из 114 директоров МТС и совхозов стаж работы менее года был у 38, до двух лет – 34 и довоенный – 42; 85 директоров возглавили МТС и совхозы, 53 – сняты, 4 – призваны в РККА и 28 – освобождены по разным причинам⁶⁷.

В 1943 г. из 735 номенклатурных работников сельского хозяйства Приморского края сменились 264 чел. (35,9%). В колхозах заменили 195 председателей (41,4%), из них 48 – сняли, из 14 директоров совхозов и МТС сняли шесть (26,9% от общей их численности). На 1 января 1946 г. стаж работы в должности до 6 месяцев имели 38 председателей колхозов, до года – 69, до трёх лет – 186,

до пяти – 110, свыше пяти лет – 56 чел.; высшее образование – 2 чел., среднее – 9, незаконченное среднее – 33, начальное – 415 председателей. Членами ВКП(б) были 294 председателя, ВЛКСМ – 1, кандидатами в члены ВКП(б) – 47, беспартийными – 118. Среди руководителей было 9 женщин и 46 инвалидов⁶⁸.

По доступным показателям можно представить обобщённый образ руководителя низшего звена, от которого во многом зависело состояние сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке. Председатели колхозов в 90% случаев имели начальное образование, до 7% – незаконченное среднее и крайне редко (до 2%) – среднее; от 70 до 74% руководителей были членами или кандидатами в члены партии, около 10% являлись инвалидами. На должности выдвигали в основном из числа членов коллективного объединения (до 60%), а также волевым решением назначали партийных работников, активистов городов и рабочих посёлков.

Процент женщин среди руководителей низового звена в сельском хозяйстве увеличился к 1945 г., однако был намного ниже, чем в целом по РСФСР: 1,5% женщин занимали должности председателя колхоза Приморского и 0,4% – Хабаровского краёв, 41,3 и 43,3% – бригадиров, 24,0 и 36,9% – заведующих животноводческими фермами⁶⁹. Такое положение можно объяснить наличием резервов среди мужского населения и консервативностью вышестоящих руководителей. Следует учитывать и мировоззренческие установки дальневосточной деревни – женское население почти не участвовало в общественной работе.

Кандидатуры на ту или иную должность согласовывались в советско-партийных структурах. Ежегодно по тем или иным причинам сменялось 30–40% председателей колхозов (в начале войны – больше). Не всегда учитывались деловые и организаторские способности претендентов: 30–36% председателей снимали как не справившихся с работой, 13–20% – за злоупотребления. К концу войны только 12–15% руководителей имели предвоенный опыт работы, около 20% – не менялись на протяжении военного времени.

Привлечение к партийной ответственности стало основной мерой воздействия на руководителей. Например, в Амурской области за 1942 г. получили партийные взыскания 103 председателя колхоза (из 275) и 41 директор МТС (из 56), в 1943 г. – соответственно 101 (из 326 председателей) и 21 (из 56 директоров). За два года из членов партии исключили 57 председателей и 6 директоров. Руководители, имея несколько партийно-служебных наказаний, зачастую поступали таким же образом с подчинёнными. Так, директор Благовещенской МТС за неполный год имел 6 партийных взысканий, за то же время его подчинённые – 113⁷⁰.

Справка за 1944 г. о специалистах сельского хозяйства Приморского края, осуждённых народным судом, позволяет в самых общих чертах представить меру ответственности в военное время. За указанный год к уголовной ответственности привлекли 102 чел., из них 20 председателей колхозов, 15 бригадиров, столько же трактористов и комбайнёров, 13 заведующих фермами, 4 ветеринаров, 3 члена правления колхоза, 2 председателей сельского Совета и 30 – прочих. Были осуждены: за падёж скота – 28 чел., различные хищения – 23 чел. и прочие проступки – 19, аварии сельхозмашин – 12, невыполнение плана по государственным поставкам – 9, потери урожая – 6, небрежное отношение к лошадям – 3, некачественный посев – 2 чел. Не оспаривая правомерности принятых решений, констатируем, что более 70% осуждённых являлись специалистами и руководителями, 58,8% приговоров квалифицировались как должностные преступления,

связанные с нарушением профессиональных обязанностей⁷¹.

При остром дефиците трудовых ресурсов стремились повысить производительность труда методами административно-правового воздействия. В колхозах и совхозах вводились бригадная и звеньевая системы организации труда, повышался обязательный минимум трудодней. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. предусматривало, что в зависимости от региона каждый работоспособный член сельхозартели должен был выработать в год не менее 100–150 трудодней (вместо 60–100) с основной долей трудового участия в важнейшие периоды сельскохозяйственных работ. Впервые вводился обязательный минимум трудового участия для подростков (в половинном размере). Применялись материальные и моральные стимулы – авансирование и дополнительная оплата труда при перевыполнении планов, премирование победителей социалистического соревнования и первоочередное предоставление социальных льгот. Злостные нарушители трудовой дисциплины исключались из колхоза, лишались приусадебного участка, приговаривались к исправительно-трудовым работам на срок до 6 месяцев с удержанием 25% заработка.

Все меры законодательного и общественного характера были направлены на укрепление организационно-хозяйственной дисциплины и увеличение трудовой активности непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции. Показатели трудового участия дальневосточников в производстве сельскохозяйственной продукции превысили общесоюзные. В среднем на одного трудоспособного колхозника на Дальнем Востоке в 1940 г. приходился 261 трудодень, в 1941 г. – 285, в 1942 г. – 365, в 1943 г. – 330, в 1944 г. – 320, в 1945 г. – 316 трудодней (рис. 3.3.4). Среднегодовая выработка трудодней на Дальнем Востоке была на порядок выше среднестатистической и не ниже достигнутого предельного уровня отдельных районов, что подтверждают также основные показатели работы колхозов в тыловых районах.

Во время войны труженики Дальневосточного региона несли максимальную нагрузку. Так, если в среднем по стране один трудоспособный член колхоза обрабатывал в 1940 г. 3,3 га посевных площадей, в 1943 г. – 4,0 га, 1944 г. – 3,7 га⁷², то на одного трудоспособного колхозника Дальневосточного региона приходилось в 1941 г. – 7,2 га, 1945 г. – 7,8 га, а в отдельные военные годы – от 10 до 13 га, в полеводстве – до 15 га (рекордная для СССР цифра)⁷³.

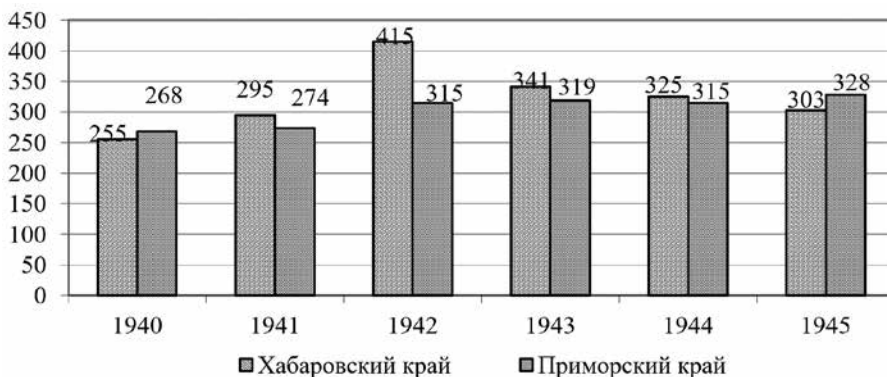

Рис. 3.3.4. Динамика выработки трудодней на одного трудоспособного колхозника на Дальнем Востоке в 1940–1945 гг.

Перед войной нагрузка на одного колхозника Хабаровского края составляла 6,3 га по зерновым культурам, 0,9 га – пропашным, по 0,5 га – по картофелю и овощам, в 1946 г. – по зерновым – 7 га, техническим – 1,5 га, по картофелю и овощам – по 0,8 га. Одновременно имелись колхозы с численностью 20–35 трудоспособных колхозников, которые засевали 2–3 тыс. га вместо закрепленных 300–500 га, и нагрузка достигала 16–20 га на одного трудоспособного⁷⁴.

Начисление трудовых производилось на основании примерных норм выработки, утвержденных Наркоматом земледелия СССР в 1933 г. и действовавших почти без изменений до 1948 г. Все занятые в сельскохозяйственном производстве с учётом квалификации, сложности и важности выполняемой работы разбивались на семь групп: первая – с низкой квалификацией (уборщица, сторож) оценивалась в 0,5 трудодня, вторая – 0,75, третья – 1,0, четвёртая – 1,25, пятая – 1,5, шестая – 1,75, седьмая группа, требующая наивысшей квалификации (машинисты, механизаторы), – 2 трудодня за установленную дневную норму выработки. Начисление трудовых в животноводстве производилось за определённый период, например, дояркам – каждые 15 дней в зависимости от количества надоенного молока и числа обслуживаемых коров, скотнице – за откорм скота по результатам привеса⁷⁵.

Критерии оценки затраченного труда даже в пределах отдельного района были разными. Фактически доля денежных и натуральных доходов каждого труженика определялась субъективно. Зачастую получалось, что сторожить контору выгоднее, чем работать в поле или на ферме. Повышение норм выработки являлось, прежде всего, административной мерой, которая не способствовала увеличению производительности труда. Сокращение механизации основных работ неизбежно вело к увеличению ручного труда и продолжительности рабочего дня. Если в промышленности производительность труда за годы войны в целом выросла на 14%, то в колхозах, совхозах и на других сельскохозяйственных предприятиях она снизилась на 40%⁷⁶.

Следует иметь в виду, что трудовые ресурсы дальневосточной деревни широко использовались практически во всех сферах производства, требующих сезонного увеличения рабочих рук. Трудовая и гужевая повинности отрабатывались на лесоразработках, строительстве и ремонте автогужевых дорог, оборонных объектах, использовались для поддержания пропускной способности железных дорог и аэродромов в зимний период. По трудовой повинности на работы выделялись из расчёта: от 50 трудоспособных – 4 чел., 100–8 чел., 150–12 чел., 200–16 чел. и свыше – 20 чел.⁷⁷ Кроме того, сельские жители являлись резервом рабочей силы в любой отрасли. Мобилизации были столь велики, что трудовая нагрузка на оставшихся требовала крайнего напряжения физических сил.

Таким образом, в годы войны дальневосточная деревня могла рассчитывать на изначально ограниченные собственные трудовые ресурсы. Практически все не занятые общественно полезным трудом направлялись непосредственно на предприятия оборонного значения. В результате такой государственной политики возросла урбанизация региона. Сельское население, являясь основным источником увеличения численности рабочих, не могло выполнить производственную программу без привлечения дополнительной рабочей силы. Методами административно-правового воздействия укреплялась дисциплина и повышалась ответственность, но доминанта общественного сознания тружеников дальневосточной деревни была одна – всё для фронта, всё для победы!

3.4. Подготовка рабочих на Дальнем Востоке

Наращивание военного производства требовало не только численно-го увеличения работников, но и повышения их квалификации. Централизованные структуры при СНК СССР, представленные Главным управлением трудовых резервов (начальник П.Г. Москатов), на основе государственного планирования осуществляли подготовку рабочих массовых профессий. Ведомственные структуры (наркомат – управление – предприятие) выполняли аналогичные функции с учётом потребностей по узкой отраслевой специализации.

Сложившаяся система государственного и отраслевого профессионально-технического образования предвоенных лет при сохранении преемственности была упрощена. Существенные коррективы внесены в работу государственной системы набора, обучения и распределения трудовых ресурсов. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. для подготовки квалифицированных рабочих сложных профессий создавались ремесленные и железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения, массовых профессий – школы фабрично-заводского обучения – 6 месяцев. В ремесленные и железнодорожные училища путём призыва (мобилизации) и добровольного набора принимались юноши и девушки в возрасте 14–15 лет, в школы ФЗО – 16–17 лет. Государственные структуры брали на себя все организационные затраты, выпускники направлялись для работы на предприятия в централизованном порядке на четыре года с отсрочкой от призыва в Красную армию и Военно-морской флот⁷⁸.

Государственные трудовые резервы страны стали важнейшим источником пополнения производственных предприятий квалифицированной рабочей силой. Новые школы и училища создавались с учётом отраслевых производственных потребностей. Основным методом их комплектования стали очередные и дополнительные мобилизации (призывы) молодёжи в возрасте 14–17 лет. За 1941–1945 гг. на обучение было принято 3,1 млн чел. (2 млн в школы ФЗО и 1,1 млн – в училища), включая 927,9 тыс. (29,9%) девушек. Из городских местностей направлены на обучение 1 млн чел., что составило 32,3% от общего числа принятой молодёжи, причём в школах ФЗО численность городской молодёжи была незначительной – 392,8 тыс. (19,2%), но в училищах она преобладала – 609 тыс. (57,5%)⁷⁹.

Профиль подготовки специалистов устанавливался базовыми предприятиями в зависимости от объёмов производства, что и обуславливало профессиональную специализацию. В ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО страны обучали по 504 специальностям (в том числе в военной промышленности – 122). Только училища готовили слесарей 95 специализаций, машинистов – 24, электромонтёров – 19⁸⁰.

За два первых военных года, когда потребность в рабочих массовых профессий на Дальнем Востоке ощущалась наиболее остро, сеть профессиональной подготовки была расширена за счёт организации новых училищ и школ. Так, в Приморском крае первоначально было создано 12 школ ФЗО, два ремесленных училища и одно железнодорожное, в Хабаровском крае – 20 школ ФЗО и три ремесленных училища. В последующем из-за трудностей комплектования часть школ ФЗО преобразовали в училища, а часть из-за отсутствия соответствующей учебно-производственной базы и жилищно-бытовых условий – закрыли. К концу войны в Приморском крае действовали 16 ремесленных и железнодорожных

училищ, пять школ ФЗО, в Хабаровском – 19 ремесленных и 6 железнодорожных училищ, 4 школы ФЗО. По региону число школ ФЗО сократилось примерно в 3 раза, а училищ увеличилось в 5 раз⁸¹.

За 1940–1945 гг. в трудовые резервы Дальнего Востока призвали 73 467 чел., в том числе 46 088 чел. в школы фабрично-заводского обучения и 27 379 чел. в ремесленные и железнодорожные училища (табл. 3.4.1). На обучение направили 28 586 городских жителей, или 39% общей численности, сельских – 44 881 чел., или 61%. Лица мужского пола составили 54 814 чел. (75%), женского – 18 653 чел. (25%)⁸².

Таблица 3.4.1. Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке СССР, 1940–1945 гг.

Годы	Приняли на обучение, чел.								
	Дальний Восток			Хабаровский край			Приморский край		
	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ
1940	10 575	8 200	2 375	5 475	4 200	1 275	5 100	4 000	1 100
1941	18 614	10 180	8 434	10 995	6 245	4 750	7 619	3 935	3 684
1942	22 193	16 669	5 524	15 710	11 869	3 841	6 483	4 800	1 683
1943	11 772	8 491	3 281	7 152	5 602	1 550	4 620	2 889	1 731
1944	4 544	1 363	3 181	3 064	602	2 462	1 480	761	719
1945	5 769	1 185	4 584	2 602	578	2 024	3 167	607	2 560
Итого	73 467	46 088	27 379	44 998	29 096	15 902	28 469	16 992	11 477
Годы	Закончили обучение и распределены на производство, чел.								
	Дальний Восток			Хабаровский край			Приморский край		
	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ	Всего	ФЗО	РУ и ЖУ
1941	9 879	8 945	934	5 032	4 698	334	4 847	4 247	600
1942	22 551	16 967	5 584	14 072	11 159	2 913	8 479	5 808	2 671
1943	16 056	13 771	2 285	11 662	10 789	873	4 394	2 982	1 412
1944	8 429	3 418	5 011	5 106	2 059	3 047	3 323	1 359	1 964
1945	6 341	1 591	4 750	2 925	501	2 424	3 416	1 090	2 326
Итого	63 256	44 692	18 564	38 797	29 206	9 591	24 459	15 486	8 973

Источник. За 1940–1945 гг. по плану необходимо было подготовить 68 965 чел. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 25, 30, 31, 35, 36, 54, 55; Д. 218. Л. 7 (сост. и подсчит. авт.).

В годовых отчётах Хабаровского (начальник Л. Терехов) и Приморского (начальник М. Легенченко) краевых управлений профессионально-технического образования подчёркивалось, что набор молодёжи осуществлялся с большим трудом, а планы призыва, особенно в школы ФЗО, несмотря на все усилия, зачастую не выполнялись. Не располагая сведениями о наличии молодёжи соответствующих возрастных категорий, призывные комиссии не могли проводить разъяснительную работу и влиять на мировоззренческие установки, а законодательной базы воздействия на уклонявшихся от призыва не существовало.

Фактически учебные заведения в регионе открывались на старой производственно-технической базе бывших учебных комбинатов при ограниченных возможностях промышленных предприятий. Дальневосточные органы

власти пытались создать более благоприятные производственные и бытовые условия будущим специалистам, но оказать помощь в широких масштабах не представлялось возможным: в 1940–1945 гг. примерно 14% учащихся трудовых резервов так и не начали трудовую деятельность.

Учебные заведения профессионально-технического образования Дальнего Востока за 1941–1945 гг. подготовили 63 256 молодых рабочих (44 692 чел. – школы фабрично-заводского обучения и 18 564 чел. – ремесленные и железнодорожные училища), что составило 2,8% от подготовленных трудовыми резервами СССР. Самые большие выпуски рабочей молодёжи из школ ФЗО состоялись в 1942 и 1943 гг. – соответственно 16 967 и 13 771 чел., затем число выпускников стало снижаться. Ремесленные училища подготовили в 1942 г. 5584 молодых специалиста, в 1943 г. их выпуск уменьшился до 2285, в 1944–1945 гг. они направили на производство 9761 чел., почти в два раза больше, чем школы ФЗО (рис. 3.4.1).

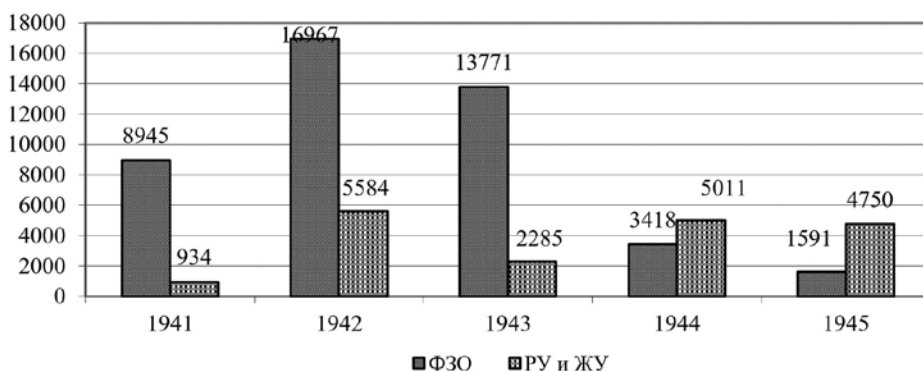

Рис. 3.4.1. Динамика подготовки рабочих в системе профессионально-технического образования Дальнего Востока за 1941–1945 гг., чел.

Молодые рабочие-дальневосточники в первую очередь направлялись на предприятия оборонного значения. Так, в угольную промышленность распределили 10 тыс. чел., судоремонтную – 8 тыс., авиационную – 5,9 тыс., вооружения и боеприпасов – 2,2 тыс., нефтяную – 1,2 тыс., чёрной металлургии – 2,5 тыс., на военно-морской флот – 1,9 тыс., железнодорожный и морской транспорт – 8 тыс. и 2,9 тыс., строительство – 4,3 тыс. чел. Как видим, с учётом территориальной специфики доминирующие отрасли получили 79% выпускников⁸³.

Учащиеся школ и училищ Дальнего Востока в годы войны выполняли около 50 видов работ. В частности, они добыли 557,5 тыс. т угля, выплавляли 5 тыс. т стали, пробурили 1,9 тыс. пм скважин и поставили 30 буровых вышек, собрали 291 самолёт, изготовили 188,2 тыс. ед. слесарно-монтажного инструмента, 1,1 тыс. радиоприёмников «Рекорд», построили 319 зданий различного назначения. Отремонтировали 250 танков, 643 паровоза, 718 вагонов, 1,6 тыс. автомобилей, 236,9 тыс. км железнодорожных путей, помогли колхозам и совхозам в ремонте сельскохозяйственного инвентаря, прополке и уборке урожая⁸⁴.

Чрезмерная дробность специальностей, трудности в организации учебно-воспитательного процесса, минимальное изучение теоретических и специальных дисциплин при низком общеобразовательном уровне сказались на качестве подготовки работников. Если в мае 1941 г. (первый выпуск) 2-й квалификационный

разряд получили 6% выпускников Приморского края, то в декабре этого же года – 62%, в 1944 г. – 45%, 3-й разряд имели соответственно 52, 24, 33%. На четвёртый разряд сдали 32% выпускников первого выпуска, 4% – декабрьского 1941 г. и 18% – 1944 г. В первой половине 1945 г. в регионе выпустили 42% рабочих по третьему разряду, 44% – по четвёртому и 14,5% – по пятому⁸⁵.

Таким образом, средний тарифный разряд свидетельствует о низкой квалификации учащихся трудовых резервов, и не случайно на заседаниях советских и партийных руководителей различных уровней неизменно отмечалось, что молодых рабочих с большим нежеланием берут в бригады, так как выпускников даже четвёртого разряда необходимо дополнительно обучать.

Резкий переход к самостоятельной жизни, низкая обеспеченность элементарными жилищно-бытовыми условиями (зачастую они оказывалась значительно хуже, чем во время учёбы), использование на подсобных работах, занижение разрядов, низкая заработная плата, отсутствие внимания и заботы со стороны администрации, профсоюзных и комсомольских органов не способствовали закреплению молодых рабочих.

Проверка, проведённая в начале 1945 г. на предприятиях судоремонтной, угольной промышленности, морского и железнодорожного транспорта Приморья, показала, что на производстве закрепилось меньше половины молодых специалистов. Среди причин увольнения призыв в вооружённые силы составил 33,1%, перевод на другие предприятия – 14%, уход по семейным обстоятельствам – 8,2%, по болезни работу оставили 1,4% выпускников, самовольно покинули производство – 14% и были осуждены – 2,7%. На некоторых предприятиях закреплялось ещё меньше выпускников трудовых резервов. Так, Дальзавод сохранил на 1 января 1946 г. всего 1114 чел. (34,3%) из 3251 прибывшего по распределению из училищ и школ. Выбыло в РККА 38% и 15% – по семейным обстоятельствам, 9% – отправлены на учёбу и на другие предприятия, 36% – самовольный уход и 2% – осуждённых⁸⁶.

Выявленных статистических материалов недостаточно, чтобы определить отраслевую занятость выпускников трудовых резервов. По косвенным данным, этот процент был выше в первые военные годы, а к концу войны имел тенденцию к понижению. Статистическая разработка на 1 июля 1945 г. показала, что на 56 промышленных предприятиях Приморского края работали 8779 выпускников системы трудовых резервов, в том числе 3753 женщины, на 1 мая 1946 г. – 8009 чел., включая 4616 женщин. Среди вошедших в разработку закончили обучение в 1941 г. 6% рабочих, в 1942 г. – 21, в 1943 г. – 18, в 1944 г. – 29, в 1945 г. – 24, в 1946 г. – 2%⁸⁷.

Профессионально-техническое образование как единый источник централизованного распределения трудовых ресурсов не могло заменить ведомственную систему подготовки рабочих массовых профессий, ориентированную на территориально отраслевые потребности и состоявшую из индивидуального, бригадного и курсового обучения с отрывом (стационарный тип) и без отрыва от производства. Все формы включали обязательные краткосрочные курсы для вновь пришедших на производство (техминимум) и производственные курсы профессионального мастерства (стахановские школы, курсы мастеров социального труда и целевого назначения) со сроком обучения от 1–3 до 6 месяцев, от одного года до двух лет.

Техническое обучение не имело чёткого планирования, проводилось по мере необходимости по 20–30 специальностям вместо 50, как в предвоенные годы.

С учётом специфики производства предприятия определяли первоначальный минимум профессиональных навыков (знакомство с технологическими процессами, инструментами, чертежами) и уровень квалификационных знаний при переподготовке.

Бригадно-индивидуальное ученичество (БИУ) и краткосрочные курсы-школы обеспечивали массовую подготовку новых рабочих. Например, за 2,5 года войны через различные курсы, а также индивидуальное обучение для нефтяной, угольной, рыбной промышленности Сахалинской области было подготовлено свыше 6 тыс. рабочих, на заводах Хабаровска – более 7 тыс., а 4 тыс. – повысили свою квалификацию, из них 700 стали бригадирами, наладчиками, мастерами⁸⁸.

Рабочие выпускались в основном низких разрядов. Например, в мае 1942 г. вошедшим в разработку 10 предприятиям Приморского края требовалось 2913 рабочих основных специальностей (токари, слесари, кузнецы, жестянщики, электрики, газосварщики и др.), в том числе 38 рабочих – второго разряда, 507 – третьего, 661 – четвёртого, 808 – пятого, 554 – шестого, 345 – седьмого разряда. Фактически имелось 2373 чел., из них 74 чел. – второго разряда, 566 – третьего, 711 – четвёртого, 532 – пятого, 326 – шестого, 163 – седьмого разряда. Для выполнения плановых заданий необходимо, чтобы в среднем 59% рабочих имели 5–7-й разряд (фактически – 43%), причём потребность в специалистах высшего разряда удовлетворялась менее чем наполовину⁸⁹.

В начале войны почти прекратили работу целевые курсы с отрывом от производства (курсы для руководителей, мастеров социалистического труда), требовавшие не только условий для организации учебного процесса, но и относительно стабильного и подготовленного состава слушателей. Почти не работали курсы массовых профессий и стахановские школы. Помещения для занятий не выделялись, слушатели не обеспечивались учебными пособиями. Квалификационные комиссии ограничивали свои обязанности лишь определением разряда, а стимулирующие факторы, направленные на повышение квалификации рабочих, не работали. Пользуясь тем, что прикрепленные ученики имели фиксированный оклад, мастера использовали их для выполнения своих заданий (оплачивались по более высокому тарифному разряду) и задерживали выпуск.

С 1941 г. по май 1943 г. на заводы «Дальдизель» и «Энергомаш» прибыли 2214 новых рабочих (1016 чел. из трудовых резервов и 1198 чел. через отдел найма), из них 572 токаря, 537 слесарей и 1005 чел. разных специальностей. Низкий образовательный уровень (на Энергомаш пришли с образованием 5–6 классов – 70%, 7 классов – 23%, средним и среднетехническим – 7%) затруднил процесс обучения. Работали по первому разряду 352 чел., второму – 717, третьему – 704, четвёртому – 380, пятому – 56 и шестому – 5 чел. Таким образом, 48,3% рабочих имели квалификацию 1–2-го разряда. Из-за несогласованности в работе цехов и простоя оборудования вновь прибывшие рабочие использовались не по специальности (на заводе «Дальдизель» приблизительно 13,8%) или имели вынужденные прогулы. Однако производительность труда была довольно высокая. Из 2097 чел., которые вошли в разработку, 40% рабочих выполняли нормы на 100–130%, 18% – на 150, 22% – на 200 и 17% – свыше 200, не выполняли нормы всего 3% рабочих⁹⁰.

Для производства военной продукции требовались специалисты высокой квалификации, но, к сожалению, дальневосточные предприятия не были ими обеспечены. Возникла необходимость в упорядочении профессионально-

технической подготовки. Вопрос повышения квалификации рабочих на производстве приобрёл столь актуальное значение, что при подведении итогов соревнования учитывалась эффективность подготовки кадров. Восстанавливаются отделы технической учёбы, учебно-курсовые комбинаты, планы и объёмы теоретического и практического обучения специальностям.

За 1944 г. в ведущих отраслях промышленности и транспорта Хабаровского края было подготовлено и переподготовлено 40 тыс. рабочих массовых профессий, в том числе 12 тыс. индивидуально-бригадным методом обучения (30% общей численности), 5,7 тыс. – на курсах техминимума (14%) и 13,1 тыс. – курсах повышения квалификации (33%), 9,3 тыс. – в стахановских школах (23%). Обучение прошли 18,2 тыс. женщин. Одновременно почти 4,5 тыс. руководящих и инженерно-технических работников повышали квалификацию на различных курсах, в том числе 1,7 тыс. – на постоянно действующих семинарах, 1,9 тыс. – на технических семинарах, 0,8 тыс. – в одно- и двухгодичных школах. В результате обучения количество выполнявших нормы более чем на 200% увеличилось на 11,4 тыс. чел.⁹¹

На предприятиях оборонной промышленности из 9,1 тыс. рабочих прошли подготовку методом индивидуального и бригадного обучения 28%, на курсах техминимума – 30%, на курсах повышения квалификации – 26%, в стахановских школах – 16%; на железнодорожном транспорте из 16,9 тыс. рабочих соответственно 24, 8, 26 и 42%⁹².

Особая роль в подготовке и переподготовке кадров отводилась стахановским школам (школы передового опыта), создаваемым во всех отраслях производства по мере необходимости. Состав групп слушателей (8–15 чел.) подбирался по стажу работы и квалификации рабочих – 5–6-го, 3–4-го и 1–2-го разрядов. Данные школы давали практические навыки непосредственно на рабочем месте путём выполнения более сложных работ под руководством инженерно-технических работников и наиболее опытных, квалифицированных рабочих. Практическое обучение, дополненное знаниями техники и технологии, давало экономический эффект без особых инновационных изменений. Например, за три года постоянно работающие стахановские школы токарей и фрезеровщиков завода «Дальдизель» и судостроительного завода Комсомольска-на-Амуре обучили с повышением квалификации на 1–2 разряда более 1,5 тыс. рабочих, предприятия рыбной промышленности Дальнего Востока – 9,5 тыс. чел. С 1942 г. по июнь 1945 г. 34,5 тыс. чел. обучались в стахановских школах Дальстроя⁹³.

Все попытки унифицировать сроки обучения, найти оптимальное соотношение между общеобразовательной и общетехнической, практической и специальной подготовкой не увенчались успехом. Поставленные задачи решались в зависимости от отраслевой специализации, наличия материально-технической базы и с учётом сложившихся условий на предприятии. Объём полученных знаний, уровень квалификации были разными даже в пределах одной профессии.

Для подготовки специалистов морского транспорта создавались 10-месячные курсы штурманов, механиков, радистов и 6-месячные курсы электромехаников. Учебный комбинат Дальневосточного пароходства готовил командные кадры практически для всего региона. После сдачи вступительных экзаменов по русскому языку, физике и математике в объёме семи классов из специалистов-практиков готовили штурманов, механиков, электромехаников, навигаторов, радиотелеграфистов, радиооператоров. За 1944–1945 гг. окончили обучение

117 штурманов малого плавания, 77 механиков 3-го разряда, 63 электромеханика, 113 радиооператоров, 6 судоводителей маломерных судов. Прошли переаттестацию 575 механиков и их помощников, 740 электромехаников, 366 радистов⁹⁴.

После соответствующей аттестации лучшие специалисты переводились на более высокие должности. В Дальневосточном пароходстве за 1942–1945 гг. стали капитанами 147 чел., старпомами – 199, вторыми помощниками – 202, третьими – 112, старшими механиками – 92, вторыми – 129, третьими – 141 и электромеханиками – 23 чел.⁹⁵

Кадры для плавсостава готовили созданная в 1943 г. школа мореходного обучения № 7 (выпустила в 1943/44 г. 83 матроса, 31 машиниста, 27 мотористов, 33 кочегара, 28 радистов), школа № 5 в Находке и школа юнг. Обучение юнг организовали по приказу НКМФ № 300 от 16 октября 1942 г., который регламентировал учебный процесс непосредственно на судах морского флота и в стационарных условиях. Из-за отсутствия помещения и преподавателей школу так и не открыли, и юнги постигали азы профессии непосредственно на судах⁹⁶.

В начале 1944 г. на судах Дальневосточного пароходства числился 271 юнга. В течение года приняли 47 чел., выбыли – 57, передано в штат по разным специальностям 129 чел. На 1 января 1945 г. насчитывалось 132 юнги, которых в соответствии с указанием НКМФ № Б-10 594/64 от 13 ноября 1944 г. объединили в группы по образовательному и возрастному уровню. Шестнадцатилетние юноши зачислялись на штатные должности по освоённой специальности, а пятнадцатилетние с образованием ниже пяти классов переводились в разряд учеников с последующим зачислением в штат. Юнги в возрасте 14–16 лет, имеющие образование пять классов (50 чел.), направлялись для обучения на пароход «Трансбалт». Самые младшие с начальным образованием или без него отчислялись и отправлялись по месту жительства⁹⁷.

Для решения проблемы укомплектования судов заграничного плавания Дальневосточного и Северного морских пароходств ГКО постановлением № 6145 от 7 июля 1944 г. обязал Комитет по учёту рабочей силы направить к 25 июля 1944 г. 1,2 тыс. 16–18-летних юношей, годных по состоянию здоровья для работы на флоте. Для Дальневосточного пароходства планировалось мобилизовать около 800 чел., в том числе по 150 чел. из Приморского и Хабаровского краёв, по 50 чел. – из Красноярского и Алтайского краёв, Омской, Новосибирской, Иркутской, Читинской областей, Чувашской АССР и 100 чел. – из Узбекской ССР⁹⁸.

Обучение судовым специальностям осуществлялось в Архангельске и Владивостоке на 2-месячных курсах и 2-месячной производственной практике. На Дальнем Востоке приступили к теоретическому обучению 837 чел., из них отчислили по разным причинам 16 чел., а 33 – направили в высшее мореходное училище. Из окончивших обучение (283 матроса, 298 кочегаров, 94 машиниста, 58 мотористов, 52 электрика и 3 прочих специалиста) на суда Дальневосточного региона распределили 442 чел., на Балтийское и Чёрное моря – 346 чел.⁹⁹

Общее число закончивших обучение в Дальневосточном пароходстве (включая предприятия) составило в 1941 г. 605 чел., 1942 г. – 805, 1943 г. – 4301 (отсеялось 14,2%), 1944 г. – 5342 чел. (отсеялось 5,6%). Индивидуально-бригадный метод обучения играл ведущую роль в подготовке кадров. Так, в 1944 г. на курсах массовых профессий с отрывом от производства было подготовлено 1145 специалистов (22,4%), без отрыва – 601 (11,7%), индивидуально-бригадным методом – 2154 (42%), повысил квалификацию 1221 чел. (23,8%). Среди обученных были

подростки 14–16 лет – 712 чел. (13,7%), женщины – 549 чел. (10,7%). Массовые специальности получили 2496 чел. (988 чел. стали матросами, 851 – кочегарами, 504 – машинистами, 77 – мотористами, 65 – электриками), в 1945 г. – 1377 чел., в том числе 533 вновь пришедших на производство. В 1945 г. во Владивостокском арктическом пароходстве обучили массовым профессиям 446 чел., включая 74 вновь пришедших на производство, во Владивостокском торговом порту соответственно 3330 и 854 чел.¹⁰⁰

Система подготовки кадров, тесно увязанная с особенностями производственных процессов, по основным формам была унифицирована. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 17 ноября 1941 г. на Дальнем Востоке создаётся широкая сеть краткосрочных курсов и семинаров для обучения массовым сельскохозяйственным профессиям и подготовки механизаторов. Уже зимой 1941/42 г. к обучению приступило около 28 тыс. городских и сельских жителей. Занятия велись урочным методом по 52-часовой общей и специальной программам школьными учителями физики, биологии, математики, даже истории, в редких случаях – механиками и агрономами. При всех вариантах это была вынужденная мера: одни не обладали навыками механизаторов и плохо представляли особенности производственного процесса, другие не имели педагогического опыта. Отсутствовали учебная литература, наглядные пособия, практические навыки приобретались в основном на списанных машинах¹⁰¹.

Как свидетельствуют отчётные данные, планы подготовки кадров не только выполнялись, но и перевыполнялись. В 1941–1945 гг. в Приморье обучили 17 435 чел. (56,1% за первых два года войны), в том числе 14 124 тракториста и 540 бригадиров тракторных бригад, 1753 комбайнёра и 398 помощников, 222 шофёра и 129 механиков, 269 ремонтных рабочих¹⁰².

Масштабы производственно-технического обучения были велики. За годы войны в Хабаровском крае свыше 36 тыс. молодых рабочих прошли техническое обучение. Только на Комсомольском авиационном заводе методом индивидуального обучения подготовили 3050 молодых рабочих, 2270 – в кружках техминимума, 1750 – в технических и 600 – стахановских школах, 900 инженерно-технических работников – на курсах повышения квалификации. Приобрели специальность сборщика и монтажника 1083 чел., литейщика и кузнеца – 483, станочника – 931 чел.¹⁰³

В 1941–1945 гг. на Приморской железной дороге получили специальность и повысили квалификацию 72 152 чел., в том числе 640 чел. стали машинистами и 1203 – помощниками машиниста, 1588 – кочегарами, 890 – паровозными слесарями, 903 – дежурными по станции, 1088 – кондукторами, 1734 – стрелочниками, 1918 – путеобходчиками, 184 – дорожными мастерами, 269 чел. – составителями поездов¹⁰⁴.

Статистические показатели подготовки кадров массовых профессий на предприятиях промышленности и транспорта, несмотря на относительную репрезентативность, позволяют сделать некоторые обобщения. Во-первых, в системе подготовки кадров индивидуально-бригадное обучение, сохраняя большой удельный вес во всех отраслях, составило не менее 42%, техминимум – в среднем 23%, но преобладал там, где был необходим допуск к работе. Курсовую подготовку проходили 18% работников и 17% – в стахановских школах. Во-вторых, если в начальный период войны основное внимание уделялось обучению новых рабочих, то в последующий – повышению их квалификации.

Система подготовки и переподготовки кадров складывалась постепенно с учётом производственно-технической оснащённости предприятий, состояния общеобразовательной базы. Ведомственная система оперативно учитывала потребности в трудовых ресурсах отдельных отраслей, но всецело зависела от складывающейся ситуации на местах и в ряде случаев была затратной и недостаточно эффективной.

Учащиеся школ ФЗО, РУ и рабочие, обучаемые на курсах, получали общее представление о производстве, а основные знания и навыки приобретали в процессе практической работы непосредственно на производстве от наставников, которые нередко сами постигали основы профессии в недавнем прошлом. Опыт подготовки рабочих-универсалов, умеющих выполнять множество технологических операций, почти не использовался, поэтому большая часть рабочих получала специальности, не требовавшие высокой квалификации. Состав рабочих коллективов изменился, увеличилось число вспомогательных рабочих, зачастую превышавших численность рабочих основного производства, производительность труда оказывалась ниже плановой. Некоторые руководящие и инженерно-технические работники как практики, имевшие большой опыт работы, занимали должности без соответствующих документов (диплома).

* * *

В годы войны определились основные составляющие народонаселенческих процессов. Экстремальная ситуация расставила акценты приоритетного распределения трудовых и мобилизационных ресурсов страны. Прикомандирование квалифицированных специалистов из европейской части страны частично компенсировало потери от мобилизации, привлечение неквалифицированной рабочей силы способствовало развитию трудозатратных отраслей на Дальнем Востоке, но обостряло социальные проблемы.

Взаимодействие структурных элементов демографических составляющих трансформировало ценностно-нормативные регуляторы нравственного характера, формировало на макроуровне новые модели жизнедеятельности социальных групп, на микроуровне – социально-статусные, профессиональные нормы поведения дальневосточников. Направление и интенсивность миграционных потоков, территориальная структура трудовых ресурсов определялись мобилизационной экономикой на Дальнем Востоке СССР.

Ссылки и примечания

¹ Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 60, 74, 75, 77, 118–119; Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 131.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 206.

³ Население России в XX веке... Т. 2. С. 82–84.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2, 4, 53.

⁵ ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64–70; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15, 18; Д. 170. Л. 25, 33; Приморское краевое статистическое управление. Текущий архив. Д. 1. Л. 1 (подсчит. авт.).

⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1830. Л. 136, 137.

⁷ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. С. 196; Население России в XX веке... Т. 2. С. 100, 102.

- ⁸ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток, 2006. С. 41.
- ⁹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 5, 9 (подсчит. авт.).
- ¹⁰ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 273. Л. 23, 23 об.
- ¹¹ ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 2 об.; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 10, 12.
- ¹² ГАПК. Ф. 268. Оп. 6. Д. 37. Л. 9.
- ¹³ ГАПК. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1. Л. 47; Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 7 (подсчит. авт.).
- ¹⁴ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 20. Л. 113.
- ¹⁵ Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. М., 1995. № 12. С. 13–14.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 4, 15; Д. 170. Л. 25, 33; ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 1, 1 об., 2, 4; Ф. 1850. Оп. 1. Д. 6. Л. 31 (подсчит. авт.).
- ¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др. М.: Наука, 1992. С. 29, 30; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 164. Л. 112; Д. 129. Л. 30 (подсчит. авт.).
- ¹⁸ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 291. Л. 41.
- ¹⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 20, 21; Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 26.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 48. Л. 158–159.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 39. Л. 15–18, 195.
- ²² ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 51. Л. 91–93; История советского рабочего класса. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1984. Т. 3. С. 353, 355.
- ²³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 307. Л. 33.
- ²⁴ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 175; Великая Отечественная война. 1941–1945: военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 387.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 85. Л. 308; Д. 163. Л. 242; Д. 242. Л. 18 об., 19.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1482. Л. 25, 59; ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 28. Л. 37, 67; Д. 32. Л. 4 (подсчит. авт.).
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245-б. Л. 45, 46.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1482. Л. 25, 59.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 39. Л. 80; Д. 51. Л. 88–90; ГАХК. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 100.
- ³⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. ... С. 177.
- ³¹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 164. Л. 111; ГАХК. Ф. 719. Оп. 19. Д. 4. Л. 150 (подсчит. авт.).
- ³² ГАПК. Ф. 131. Оп. 3. Д. 553. Л. 1; Д. 715. Л. 7; Ф. 859. Оп. 2. Д. 3. Л. 162; Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 3; ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 518. Л. 8 (подсчит. авт.).
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245-б. Л. 45; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 183. Л. 46, 46 об., 56, 64, 159 (подсчит. авт.).
- ³⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 183. Л. 45, 45 об., 49, 53 (подсчит. авт.).
- ³⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 69–72, 99–101, 225, 226 (подсчит. авт.).
- ³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 23, 24; Д. 295. Л. 31; Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 4, 8; Д. 17. Л. 8 об.; Д. 24. Л. 11.
- ³⁷ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 9. Л. 8, 11, 13, 18, 35; Д. 17. Л. 11; Д. 21. Л. 16.
- ³⁸ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 129. Л. 7, 8; ГАХК. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–6; Ф. 353. Оп. 9. Д. 75. Л. 4, 29 (подсчит. авт.).
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 432. Л. 114, 115.
- ⁴⁰ По другим источникам при единовременном учёте рабочих и служащих в 1945 г. в регионе зафиксировано 51,5% работающих женщин, в том числе в промышленности – 42,5, строительстве – 27,61%. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 390.
- ⁴¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1470. Л. 68, 68 об., 69, 69 об.; Д. 1630. Л. 196, 196 об., 197, 197 об.; Д. 1828. Л. 227, 227 об., 228, 228 об. (подсчит. авт.).

- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1492. Л. 21; Д. 2372. Л. 49, 179; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 76, 77 (подсчит. авт.).
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1492. Л. 80, 81; ГАПК. Ф. 859. Оп. 2. Д. 6. Л. 76; ГАСО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 215. Л. 7; ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 51. Л. 6, 7; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1945. 14 нояб. (подсчит. авт.).
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 99–101; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1678. Л. 44; Ф. 705. Оп. 31. Д. 44. Л. 109 (подсчит. авт.).
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245-б. Л. 45; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 74 (подсчит. авт.).
- ⁴⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 427. Л. 95; Оп. 6. Д. 40. Л. 130; Ф. 46. Оп. 81. Д. 12. Л. 5; Д. 17. Л. 8 об. (подсчит. авт.).
- ⁴⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 5-а. Л. 30.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1779. Л. 172; Д. 1781. Л. 146, 147, 148, 149 (подсчит. авт.).
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2331. Л. 34; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1678. Л. 87–94; Д. 1683. Л. 74, 90, 91; Д. 1685. Л. 117; Оп. 3. Д. 228. Л. 11–13; Ф. 705. Оп. 31. Д. 44. Л. 91 (подсчит. авт.).
- ⁵⁰ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 322, 324; Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945: история и психология подвига. М., 2003. С. 360.
- ⁵¹ Расчёты произведены в административных границах 1946 г. ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64–70; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 127. Л. 1; Д. 170. Л. 25, 33; Управление статистики Приморского края. Текущий архив. Д. 1. Л. 1 (подсчит. авт.).
- ⁵² ГАХК. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 6. Л. 31; Ф. 719. Оп. 27. Д. 47. Л. 56 (подсчит. авт.).
- ⁵³ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 129. Л. 30; Д. 133. Л. 2, 3; Д. 164. Л. 112 (подсчит. авт.).
- ⁵⁴ По разным источникам показатели различаются, что объясняется количеством колхозов, включённых в разработку. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 34; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 64–68; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 396, 398 (подсчит. авт.).
- ⁵⁵ ГАХК. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 6. Л. 31; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 133. Л. 2, 3, 27–29 (подсчит. авт.).
- ⁵⁶ ГАХК. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 6. Л. 101 (подсчит. авт.).
- ⁵⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1685. Л. 62, 62 об., 63; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 133. Л. 6.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 217-а. Л. 76, 81, 84; ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 29. Л. 41, 42.
- ⁵⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 98. Л. 45; Оп. 6. Д. 49. Л. 67; Оп. 34. Д. 5. Л. 17; Ф. 20. Оп. 1. Д. 80. Л. 27.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245-б. Л. 56; ГАХК. Ф. П-30. Оп. 2. Д. 112. Л. 68.
- ⁶¹ Иконникова Т.Я. Шефская помощь дальневосточного города колхозам и МТС в годы Великой Отечественной войны // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: межвуз. сб. науч. тр. Хабаровск, 1984. С. 99.
- ⁶² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 692. Л. 171; Оп. 4. Д. 73. Л. 64, 69, 88, 89, 93 (подсчит. авт.).
- ⁶³ В летне-осенний период 1945 г. войска выполняли стратегические задачи и их заменили рабочие и служащие, школьники. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 121–124; Оп. 28. Д. 295. Л. 2, 13–15; Оп. 34. Д. 5. Л. 17; ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 77. Л. 28 (подсчит. авт.).
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 475. Л. 112, 113; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 289. Л. 26; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1834. Л. 111.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 475. Л. 132.
- ⁶⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 292. Л. 57; Д. 314. Л. 86.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245-б. Л. 72, 73.
- ⁶⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 297. Л. 1; Д. 289. Л. 24.
- ⁶⁹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 410, 411.
- ⁷⁰ ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 44. Л. 25, 26.
- ⁷¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 81. Л. 82.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 536. Л. 161.
- ⁷³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 62; Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 33–45, 66; ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 14. Л. 14; Приморское краевое статистическое управление. Текущий архив. Д. 1. Л. 5 (подсчит. авт.).

- ⁷⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 230. Л. 90, 95, 99; Ф. 137. Оп. 4. Д. 965. Л. 31.
- ⁷⁵ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 66, 67.
- ⁷⁶ История крестьянства СССР. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945. М., 1987. Т. 3. С. 177.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–4.
- ⁷⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 774.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 7, 12, 17.
- ⁸⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 307. Л. 57–58.
- ⁸¹ ГАПК. Ф. 616. Оп. 2. Д. 1. Л. 16; Д. 4. Л. 4, 5; Д. 45. Л. 3; Д. 48. Л. 7; Ф. 493. Оп. 4. Д. 235. Л. 64, 64 об.; ГАХК. Ф. 1728. Оп. 2. Д. 4. Л. 72; Д. 5. Л. 45, 52; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1834. Л. 161, 163, 164.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 25, 30, 31, 35, 36, 54, 55; Д. 218. Л. 7.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 25, 26; Д. 218. Л. 7; Д. 378. Л. 12, 13; ГАПК. Ф. 616. Оп. 2. Д. 1. Л. 2 (подсчит. авт.).
- ⁸⁴ ГАХК. Ф. 1728. Оп. 2. Д. 5. Л. 54, 54 об., 56; ГАПК. Ф. 616. Оп. 2. Д. 1. Л. 6, 7, 8 (подсчит. авт.).
- ⁸⁵ ГАХК. Ф. 1728. Оп. 2. Д. 4. Л. 67; ГАПК. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Оп. 2. Д. 1. Л. 28, 55; Д. 3. Л. 5, 6.
- ⁸⁶ ГАПК. Ф. 616. Оп. 2. Д. 3. Л. 8, 9; Д. 4. Л. 10, 12 (подсчит. авт.).
- ⁸⁷ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 131. Л. 6, 131, 136, 141 (подсчит. авт.).
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2331. Л. 34; Д. 2390. Л. 49; Оп. 44. Д. 1912. Л. 4.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 5 (подсчит. авт.).
- ⁹⁰ ГАХК. Ф. 740. Оп. 2. Д. 37. Л. 1, 11, 21, 22; Д. 38. Л. 2, 11, 34.
- ⁹¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 72; Ф. 617. Оп. 2. Д. 229. Л. 18 (подсчит. авт.).
- ⁹² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 20. Л. 76 (подсчит. авт.).
- ⁹³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25-6. Д. 138. Л. 231; Д. 210. Л. 17, 18; Д. 228. Л. 97, 114, 295, 311; Д. 229. Л. 338, 360; Д. 396. Л. 19; ГАХК. Ф. 617. Оп. 2. Д. 229. Л. 18, 18 об.; ГАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 29. Л. 45; Д. 43. Л. 33; Д. 53. Л. 17 об. (подсчит. авт.).
- ⁹⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 295. Л. 30.
- ⁹⁵ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 24. Л. 8, 9 (подсчит. авт.).
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 29. Л. 14, 16.
- ⁹⁷ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 9.
- ⁹⁸ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 19. Л. 58–60; Д. 21. Л. 3 об., 11.
- ⁹⁹ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 3 об., 9.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 295. Л. 29; Оп. 34. Д. 29. Л. 14; Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 8; Д. 24. Л. 8, 9.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2097. Л. 61; Д. 3524. Л. 154.
- ¹⁰² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 19. Л. 6–7; Оп. 28. Д. 289. Л. 26, 27; Д. 292. Л. 54, 55; Д. 295. Л. 95 (подсчит. авт.).
- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 336. Л. 20; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1683. Л. 74, 90, 91; Ф. 617. Оп. 2. Д. 229. Л. 18.
- ¹⁰⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 145–152 (подсчит. авт.).

Иллюстрации гл. 3, п. 3.2

Котельщики Расид Алимов и Иван Немаев
в цеху Дальзавода. г. Владивосток, 1943 г.

Лов рыбы закидной сетью. Колхоз «Красная связь».
пос. Сероглазка, п-ов Камчатка, 1941 г.

Иллюстрации гл. 3, п. 3.3

Женщины на сельскохозяйственных работах в колхозе «Красный Октябрь» Буденновского района. Приморский край, 1943 г.

Школьники Приморья собирают лекарственные травы для нужд фронта. 1942 г.

Школьница села Унаши Алла Овчинникова за сбором дикоросов для Красной армии. 1942 г.

Глава 4

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

4.1. Деятельность предприятий промышленного комплекса

К концу 1930-х гг. экономика СССР в сочетании с системой жёсткого директивного планирования приобрела мобилизационный характер. В структуре управления промышленностью СССР произошли децентрализация наркоматов тяжёлой и оборонной промышленности и образование отраслевых наркоматов машиностроения, вооружения, цветной и чёрной металлургии, угольной, нефтяной, судостроительной, авиационной, химической, электротехнической промышленности и стройматериалов.

В советской государственной политике обозначилась стратегия формирования индустриальных комплексов в восточных районах страны. Наибольшее развитие получили добывающие отрасли (угольная, нефтедобывающая, цветная металлургия, рыбная, лесная), производящие продукцию, которая потреблялась не только в Дальневосточном регионе, но и в других районах страны. В тяжёлой промышленности ведущим стало транспортное машиностроение (судостроение, авиастроение), ориентированное, в первую очередь, на решение оборонных задач.

Сложившийся в период ускоренной модернизации СССР промышленный комплекс Дальневосточного региона имел специфику, определённую особенностями социально-экономического развития региона: промышленные предприятия создавались и концентрировались в основном в наиболее заселённой части Дальнего Востока. Особое внимание уделялось трём важнейшим индустриальным и стратегическим центрам: Хабаровск, Владивосток и Комсомольск-на-Амуре, достраивались 18 крупных промышленных предприятий¹.

Региональная электроэнергетическая инфраструктура развивалась в основном за счёт ввода множества мелких и неэкономичных ведомственных энергетических источников. Если в 1937 г. в регионе насчитывалась 71 электростанция, то в 1941 г. – уже более 670, т.е. их количество увеличилось в 9,4 раза. Выработка электроэнергии за 1940 г. составила 651,1 млн кВт/ч, по сравнению с 1937 г. она возросла в 2 раза. План по увеличению мощностей электростанций был выполнен на 50%, а по выработке электроэнергии – на 65%, не хватило времени, финансовых, трудовых и материальных ресурсов².

Рост производства в угольной отрасли Дальнего Востока осуществлялся за счёт расширения, технического переоснащения и интенсификации действующих шахт и разрезов, ввода новых небольшой мощности, поскольку их строительство требовало меньше времени (10 месяцев вместо 3–4 лет). За три предвоенных года на Дальнем Востоке построили 20 шахт и разрезов, но вводились они в эксплуатацию со значительными недоделками, их проектная мощность к 1941 г. была освоена на 47,8%³. С 1937 по 1940 г. добыча угля на Дальнем Востоке возросла в 1,5 раза – с 4821,6 тыс. до 7216 тыс. т, в основном за счёт добычи

открытым способом на Кивдинских и Райчихинских разрезах, где использовался принудительный труд. В целом потребности региона в твёрдом минеральном топливе в предвоенные годы удовлетворялись на 80–85%⁴.

В военно-стратегическом отношении огромное значение имело укрепление мощностей по добыче и переработке нефти. Геолого-поисковые и разведочные работы выявили 25 месторождений нефти на севере Сахалина, что было вполне достаточно для промышленного освоения. Здесь разрабатывались три месторождения – Охинское, Эхабинское и Катанглинское. С 1938 по 1941 г. число нефтескважин треста «Сахалиннефть» увеличилось с 266 до 670 (из них в работе – 470). По степени механизации и технической оснащённости производства сахалинские промыслы не отставали от нефтедобывающих районов СССР⁵. В целом с 1938 по 1940 г. добыча нефти на Дальнем Востоке возросла в 1,3 раза – с 360,9 тыс. до 505,1 тыс. т, что превышало общесоюзные показатели⁶.

В результате внедрения новейшей техники и совершенствования технологии производства количество перерабатываемой на Дальнем Востоке нефти увеличилось в 2 раза, а ассортимент выпускаемых нефтепродуктов – в 3 раза, но он не удовлетворял растущие потребности морского, речного, воздушного и автомобильного транспорта, промышленности Дальнего Востока в бензине, керосине, дизельном топливе, автоле и горюче-смазочных материалах.

Металлургические предприятия создавались в труднодоступных районах региона, где отсутствовали развитая инфраструктура и возможность пополнения строек трудовыми ресурсами. Строительство завода «Амурсталь» с мартеповским и прокатным цехами в г. Комсомольск-на-Амуре не было завершено. Медленными темпами шло строительство Синанчинского оловообогатительного и Умальтинского молибденового комбинатов. Серебросвинцовая и цинковая руда добывалась на Сихотэ-Алинском полиметаллическом комбинате (Сихали), но его слабая энергетическая база не позволяла запустить весь производственный цикл, добываемая руда вывозилась за пределы Дальнего Востока, что делало её добычу нерентабельной⁷.

Золотодобывающая промышленность юга Дальнего Востока, представленная трестами «Амурзолото» и «Примзолото», получила значительные капиталовложения на внедрение механизации и совершенствование технологии производства. К 1941 г. пять приисков треста «Амурзолото» имели 128 генераторов суммарной мощностью 2037 кВт и 13 электрических драг. За 1938–1940 гг. выпуск валовой продукции треста увеличился в 2,5 раза⁸.

Потребности дислоцированных в Дальневосточном регионе воинских частей в средствах вооружения, ремонте боевых и транспортных машин обусловили модернизацию машиноремонтных заводов. Так, на судостроительном заводе в Комсомольске-на-Амуре ввели в эксплуатацию монтажный, литейный и кузнечный цеха, обновили станочный и машинный парк, внедрили уникальные станки по обработке стальных конструкций. Суммарная энергетическая мощность нового оборудования за предвоенные годы выросла в 2 раза⁹. Однако завод имел слабую мощность заготовительных и обрабатывающих цехов, освоил только программу сборки корпусов и монтажа механической части кораблей, судовых устройств и оборудования помещений. Изготовление арматуры, вспомогательных и главных механизмов, деталей устройств и оборудования производилось заводами Ленинграда, Николаевска, Харькова, Сталинграда¹⁰.

По решению правительства намечалась масштабная реконструкция завода № 202 (Дальзавод) во Владивостоке. Планировалось создание новых цехов, в частности аккумуляторного, турбо-дизельного, цеха ремонта электроприборов, предполагалось увеличить мощность энергетического оборудования в 4 раза, установить электропечи медного и стального литья. Однако к 1941 г. работы не завершились, поступила только часть нового оборудования, но удалось обновить и увеличить станочный парк завода на 52,5% для судоремонта и восстановление военных кораблей Тихоокеанского флота¹¹.

Строительство самолётов в регионе осуществлял Комсомольский-на-Амуре авиационный завод № 126, имевший к началу войны механический, литейный, сборочный, деревообрабатывающий и экспериментальный цеха, оснащённые механизмами. Хабаровский авиационный завод № 83 развивался как ремонтная база авиации военно-воздушных сил Дальневосточного фронта и выпускал мелкосерийные и штучные изделия для авиации, производил капитальный и восстановительный ремонт самолётов и моторов. Авиационный завод № 116 в пос. Семёновка Приморского края, согласно постановлению правительства, в конце 1940 г. перепрофилировали на сборку самолётов из деталей, завозившихся из западных районов страны¹². На Дальнем Востоке начинает создаваться электротехническая промышленность.

Оборонное и промышленное строительство на Дальнем Востоке увеличило спрос на строительные материалы и требовало обеспечения крупных региональных строек местными ресурсами. Количество региональных предприятий, производивших строительные материалы, за 1938–1940 гг. увеличилось в 5 раз, но проблема их дефицита не была решена. Потребности в цементе покрывались лишь на 43%, в кирпиче – на 56%, в извести – на 71%¹³. Цемент, кирпич, кровельное железо и другие материалы завозились из центральных районов страны.

Лесная промышленность являлась одной из ведущих отраслей региона. Несмотря на то что в предвоенные годы она получила значительные средства на развитие, потребности промышленности и строительства в лесоматериалах удовлетворяла слабо. Заготовка леса в основном велась силами самих предприятий и строек в собственных леспромпхозах. Доски, брус, шпалы и другие пиломатериалы поставляли технически оснащённые лесозаводы. Так, в Хабаровском крае работало 15 механизированных деревоперерабатывающих предприятий, имевших 172 пилорамы суммарной мощностью 1888 кВт¹⁴.

Рыбная промышленность на Дальнем Востоке по-прежнему оставалась в числе ведущих. В 1940 г. в Приморском крае работали 18 рыбообрабатывающих предприятий и 25 рыболовецких колхозов с собственными моторно-рыболовными станциями, в Хабаровском – 56 предприятий. Успешно развивалось крабokonсервное производство, только в Приморье действовали 15 механизированных крабokonсервных заводов. Для хранения рыбного сырья и продукции расширили площади холодильника треста «Востоккрайхолод» во Владивостоке¹⁵. Модернизация проводилась на 15 судоверфях, выполнявших ремонт судов рыболовного флота Хабаровского края. Судоверфь в г. Петропавловск-Камчатский стала самой технически оснащённой¹⁶. По объёму уловов Дальневосточный бассейн устойчиво занимал второе место среди рыбопромысловых районов страны.

Интенсивное развитие промышленности Дальнего Востока изменило положение региона (табл. 4.1.1). Высокие темпы развития электроэнергетики,

угольной, нефтяной и рыбной отраслей, промышленности строительных материалов обусловили подъём и укрепление дальневосточной экономики.

Таблица. 4.1.1. Удельный вес промышленного производства на Дальнем Востоке СССР в 1937 и 1940 гг., %

Показатели	Удельный вес Дальнего Востока					
	в СССР		в РСФСР		в восточных районах	
	1937 г.	1940 г.	1937 г.	1940 г.	1937 г.	1940 г.
Выработка электроэнергии	0,8	1,3	1,3	2,7	16,5	20,8
Добыча угля	3,7	4,3	9,2	9,9	17,0	18,5
Выжиг кокса	0,04	0,04	0,16	0,17	0,31	0,31
Добыча нефти	1,2	1,6	6,2	7,1	100	100
Производство цемента	3,0	4,1	4,4	6,5	40,3	47,0
Добыча рыбы	25,1	26,0	32,0	34,0	88,1	86,0

Источники. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 50, 50 об, 51, 52; Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 71, 117, 142, 174, 279, 384 (подсчит. и сост. авт.).

Развитие дальневосточных предприятий в предвоенные годы характеризовалось не только ростом основных фондов и увеличением выпуска валовой продукции, но и техническим переоснащением, вводом в эксплуатацию новых производств и расширением ассортимента производимой продукции. В то же время на выполнении планов и мобилизационных программ сказывались отсутствие развитой машиностроительной промышленности (станкостроения, среднего и тяжёлого машиностроения), зависимость предприятий от материально-технического обеспечения заводов центра страны, слабость топливно-энергетической и металлургической базы, нехватка финансовых и трудовых ресурсов.

С началом Великой Отечественной войны довоенный мобилизационный характер экономики приобрёл жёсткие формы. Перевод промышленности страны на военные рельсы повлёк изменения в системе управления экономикой. Для оперативной связи с производством в 25 экономических районах страны был введён институт представителей Госплана СССР. В крайкомах и обкомах партии создавались отраслевые отделы, на крупнейших предприятиях вводились должности парторгов ЦК ВКП(б), а на заводах и фабриках гражданского профиля – должности заместителей директоров по оборонной продукции¹⁷.

На базе предприятий тяжёлой промышленности, общего и среднего машиностроения создаются Наркомат танковой промышленности, Наркомат миномётного вооружения, а Наркомат электротехнической промышленности относят к числу военных. Произошёл перевод огромного числа гражданских предприятий в оборонные наркоматы, военное производство приобрело определяющее значение в экономике страны. Опытные партийные и хозяйственные работники возглавили наркоматы оборонных отраслей промышленности: А.И. Шахурин – авиационной, Д.Ф. Устинов – вооружения, П.И. Паршин – миномётной, Б.Л. Ванников – боеприпасов¹⁸.

В восточные районы страны эвакуировали промышленные предприятия (в Сибирь прибыло оборудование 124 крупных военных заводов)¹⁹, но на Дальний

Восток они не перебазировались. Дальневосточный регион должен был обеспечивать выпуск оборонной продукции в условиях незавершённой реконструкции предприятий, слабого обрабатывающего производства, дефицита материальных и трудовых ресурсов. Законсервировав строительство промышленных предприятий, не имеющих первостепенного значения, наркоматы сосредоточили усилия на вводе в строй оборонных производств и переоборудовании действующих предприятий согласно новым производственным задачам. Капиталовложения направлялись в первую очередь на предприятия оборонной, авиационной, судостроительной, угольной, нефтяной промышленности, чёрной металлургии, электроэнергетики.

Для удовлетворения потребностей фронта в боеприпасах и вооружении наркоматы были вынуждены увеличивать плановые задания предприятиям, которые зачастую не соответствовали производственным и кадровым возможностям. В одних случаях они практически целиком переходили на выпуск боеприпасов и вооружения, в других – если по производственной необходимости это было невозможно, создавали специальные цеха, участки. Осуществлялась кооперация между промышленными предприятиями разных наркоматов, сопровождавшаяся перераспределением станочного оборудования. В новых инструментальных цехах стали изготавливать станочное оборудование, точные измерительные и режущие инструменты (калибры, свёрла, метчики, лерки). Так, в 1943 г. судостроительный завод в Комсомольске-на-Амуре получил 134 станка, из них 89 эвакуированных и 45 – импортных, в 1944 г. Дальзавод – 7 импортных станков (токарные, точильные, сверлильные и универсальные). Кроме того, по линии Наркомата внешней торговли предприятия стали снабжаться дефицитным сырьём и материалами²⁰.

Вклад предприятий Дальнего Востока в производство боеприпасов и вооружения был незначителен. Они изготавливали фугасные авиабомбы (ФАБ-100, ФАБ-250), осколочные (АО-10, АО-25), зажигательные (ЗАБ-50), цементные (П-7, П-25, П-40), мины (М-50, М-82, М-120), противотанковые мины (ЯМ-5м), миномёты (50-мм, 82-мм, 120-мм), артснаряды (ОФ-76, ОФ-122), ручные гранаты (Ф-1), взрыватели АМ-а, запалы Ковешникова, пушки ОБ-25²¹. В Хабаровском крае с 1941 по 1944 г. выпущено 418 пушек, 12,5 тыс. миномётов, 291,3 тыс. взрывателей и другое оружие и боеприпасы. В Приморском крае – 607,4 тыс. снарядов, 635 тыс. мин, 517,5 тыс. запалов, 55,8 тыс. авиабомб, 1,8 млн корпусов гранат. Техническое обслуживание и ремонт танкового, тракторного и автомобильного парков армий Дальневосточного фронта выполняли ремонтная база № 77, завод № 25, Хабаровский завод № 105, на договорных началах машинно-тракторные станции и мастерские²².

Помимо вооружения дальневосточная промышленность производила другую военную продукцию. Завод «Амурский металлист» в Благовещенске выпускал передвижные армейские мастерские и лыжные установки к артиллерийским системам, Уссурийский лесокombинат № 1 организовал массовое производство лыж, разборных казарм, передвижных ремонтных мастерских и разного вида спецупаковок, завод «Авторемлес» – колёсные втулки и чугунные печи, завод № 199 обеспечивал инженерное управление Дальневосточного фронта понтонным оборудованием, судоремонтный завод им. В.И. Ленина – специальными баржами для военной техники. Океанский фанерный завод выпускал аккумуляторный шпон, авиационную фанеру, телеграфные катушки. Хабаровский

мясокомбинат производил водород, мастерские «Дальэлемент» изготавливали авиабатареи, Биробиджанская швейная фабрика ремонтировала парашюты²³.

Авиационная промышленность Дальнего Востока в годы войны работала в режиме жёсткой экономии, наблюдался дефицит не только материальных ресурсов, но также топлива и электроэнергии. Крупнейший в регионе авиационный завод в Комсомольске-на-Амуре освоил производство дальнебомбардировочного самолёта морской авиации ИЛ-4 (ДБ-3). Цеха предприятия перешли на поточный метод производства, внедрил упрощённые конструкции, сборочные приспособления, эстакады для приёмки готовой продукции. В 1941 г. завод выпустил 385 самолётов, в 1942 г. – 637, в 1943 г. – 658 и за 11 месяцев 1944 г. – 563. Хабаровский авиационный завод № 83 работал в кооперации с заводом № 126 и производил капитальный и восстановительный ремонт моторов, агрегатов и узлов для ИЛ-4. К 1944 г. были перевооружены с увеличением огневой мощи 40 самолётов УТИ-4, 200 самолётов И-16, переоборудован 201 самолёт ДБ-3Б и другие машины. Авиационный завод № 116 в пос. Семёновка собирал самолёты УТ-2 из остродефицитных материалов и заводных частей, работал со значительными перебоями и осуществлял нерегулярный выпуск машин. В 1941 г. было собрано 99 самолётов, в 1942 г. – 542, 1943 г. – 674, в 1944 г. – 783. Производство боевых самолётов на Дальнем Востоке составляло в годы войны 4–5% их выпуска в СССР, но даже такое количество поддерживало обороноспособность региона²⁴.

В судостроительной промышленности произошли значительные изменения, прекратилось строительство крупных и средних боевых кораблей, имевших небольшую степень готовности. Закладывались лишь малые боевые корабли – торпедные катера, катера-тральщики, охотники за подводными лодками. Судостроительный завод в Комсомольске-на-Амуре внедрил секционную сборку кораблей, что давало возможность производить монтаж корпуса из сварных отдельных объёмных и плоскостных секций, освоил изготовление ледовых винтов по специальной технологии, изготовил большое количество инструмента и приспособлений. Новая технология позволила строить 29 проектов кораблей. В 1942 г. завод сдал Тихоокеанскому флоту крейсер «Михаил Калинин», миноносец «Редкий», 3 отремонтированные подлодки типа «Ш» и 4 – типа «М», но из-за отсутствия электрооборудования, дизель-генераторов, рулевых машин и штурманского вооружения завод не мог достроить крейсер «Лазарь Каганович». До конца войны постановление ГКО по выпуску 12 охотников выполнено не было. Основной объём работ производился по ремонту, переоборудованию и оснащению военных кораблей²⁵.

Хабаровский судостроительный завод № 368 в годы войны развивался как достроечная площадка подводных лодок типа «Щ». В строй ввели подводный стапель, чугунно-бронзолитейный цех, термическое отделение. Из-за технологических сложностей сварочного судостроения, неритмичных поставок электродов, двигателей, оборудования планы по судостроению не выполнялись. Завод смог сдать военно-морскому флоту 2 монитора «Перекоп» и «Хасан», 2 сетевика, капитально отремонтировать 2 подводные лодки типа «М», 2 канонерские лодки²⁶.

Крупнейшей судоремонтной базой Тихоокеанского флота являлся завод № 202 во Владивостоке, выполнявший заказы по модернизации и переоборудованию военных кораблей, оснащению их новой техникой и вооружением. По программе реконструкции Дальзавод успел получить различное оборудование,

в 1942 г. установили 3 мостовых крана грузоподъёмностью 30 т каждый и 29 станков²⁷. В этом же году производственный фонд цехов составил 510 металлорежущих станков, 110 сварочных агрегатов, 10 молотов, 14 прессов горячей и 84 холодной штамповки²⁸. Предприятие быстро освоило изготовление стальной арматуры методом сварки, гребных винтов, наладило выпуск пружин для клапанов высокого давления, деталей для ремонта компрессоров и дизельных двигателей, что позволило ему работать в кооперации с заводами № 199 и № 368²⁹.

Дальзавод разработал и внедрил метод электросварки по замкнутому контуру на трубах торпедных аппаратов, что позволило перевооружить весь подводный флот аппаратурой для беспузырной торпедной стрельбы, освоил установку удлинённых перископов на подводных лодках. По предложению инженера А.П. Соловьёва, для повышения боевых качеств подлодок было разработано бортовое минное устройство, по чертежам завода на ряде кораблей все механизмы, устройства установили на амортизаторы, на эсминцах, крейсерах, лидерах – ледовую защиту для северных экспедиций³⁰.

За 1941–1943 гг. Дальзавод сдал 3 эсминца, 9 подводных лодок, 4 транспортных средства вспомогательного флота и отремонтировал 77 судов Тихоокеанского флота, но из-за недостатка материалов и плохого снабжения дизельными запчастями не смог сдать Тихоокеанскому флоту 10 кораблей³¹.

Владивостокские предприятия Электромортреста и Связьмортреста осуществляли монтаж электрического оборудования и средств связи боевых кораблей и береговых установок Тихоокеанского флота. В мастерских Электромортреста в 1943 г. работало 53 металлообрабатывающих станка, с помощью которых освоили изготовление распределительных электрощитов, рубильников, гаек и шайб. Также предприятие обеспечивало себя и Связьмортрест изолирующим материалом, лаками и пластмассами. За 1941–1945 гг. Электромортрест произвёл продукции на 68,7 млн руб.³² Комсомольский аккумуляторный завод освоил новую технологию получения свинцового порошка и изготовил 4 морских и 7 автобронетанковых батарей. За годы войны для Военно-морского флота и Красной армии произведено 39 батарей для подводных лодок, 141,9 тыс. автобронетанковых батарей и 3,2 млн аккумуляторных пластин³³.

Дальневосточные предприятия Наркомата судостроительной промышленности в годы войны, выполняя специальные задания Тихоокеанского флота и Дальневосточного фронта, в силу своих ограниченных экономических возможностей и слабых производственных мощностей не могли внести значительного вклада в кораблестроительную программу СССР.

Большое значение для развития оборонного производства имело обеспечение чёрными и цветными металлами, металлопрокатом. Война застала завод «Амурсталь» в стадии незавершённого строительства. К июлю 1941 г. готовность мартеновского цеха составляла 76%, остальных объектов – менее 40%. Согласно постановлению ГКО № 46 от 8 июля 1941 г. трест № 2 Главдальстроя переименован в особую строительно-монтажную часть Наркомстроя СССР, со стройки завода «Амурсталь» запрещалось изъятие людей и технических средств. Строительные работы ускорились и проводились по упрощённой схеме, ряд объектов законсервировали. В начале 1942 г. постепенно ввели в эксплуатацию литейный, мартеновский, прокатный, железный, механический и котельный цеха³⁴.

15 февраля 1942 г. завод дал первую плавку стали, но ускоренный пуск цехов с техническими нарушениями и недоделками приводил к авариям и про-

должительным простоям. Сказывалась нехватка квалифицированных кадров металлургов, особенно инженерно-технических работников. Не хватало средств механизации, многие виды работ выполнялись вручную, например, отсутствие ножниц по металлу вынуждало резать прокатные полосы автогеном. Проблема обеспечения рудой, коксующимися углями не была решена. Мартеновский цех израсходовал все запасы собранного металлолома, и его сбор проводили за счёт остатков металла на предприятиях. Его дефицит частично покрывался поставками с Кузнецкого металлургического комбината и за счёт импорта. Так, в июне 1943 г. по личному распоряжению Г.М. Маленкова Амурстали отгрузили трофейный танк весом 7142 кг, но отсутствие бензорезов не позволило использовать его в плавке. Всего с 15 апреля 1942 г. по 1 января 1945 г. заводом было выплавлено 156,3 тыс. т стали и прокатано 109,5 тыс. т среднего и тонкого листа³⁵.

Резкое увеличение потребностей промышленности в цветных металлах привело к необходимости ускорить их добычу, но предприятия цветной металлургии Дальнего Востока, испытывая трудности с материально-техническим обеспечением и нехваткой кадров, не могли справиться с заданиями. На рудниках комбината «Сихали» к 1944 г. полностью вышли из строя 4 электровоза, 3 компрессора, 14 перфораторов, 3 центробежных насоса и 9 лебёдок. Отсутствовало подземное освещение, требовалась замена 420 сгоревших лампочек накаливания от 40 до 500 Вт. С 1941 по 1945 г. добыча руды на комбинате сократилась на 22%, выработка цинкового концентрата – на 40%, рафинированного свинца – на 30%, висмута – на 58%³⁶. Стабильно работал комбинат «Синанчаолово». С 1942 г. он стал ежегодно выпускать по 300 т 40-процентного оловянного концентрата. Работники Умальтинского молибденового рудника в Хабаровском крае в 1941–1943 гг. произвели 820 т 80-процентного молибденового концентрата, имеющего особое значение в оборонном производстве.

В золотодобывающей промышленности в трестах «Амурзолото» и «Примзолото» в годы войны произошло истощение месторождений и износ производственных фондов. Драги, имеющие эксплуатационный возраст 25–40 лет, выходили из строя. Ухудшение состояния механизмов, сокращение рабочей силы, дефицит топлива, электроэнергии и нехватка автотранспорта привели к тому, что за 1941–1945 гг. в тресте «Амурзолото» добыча золота сократилась на 35%, «Примзолото» – на 22%³⁷. Ведущую роль в пополнении золотовалютных запасов страны и добыче олова сыграли северные районы Дальнего Востока.

Промышленное развитие Дальнего Востока проходило в условиях топливно-энергетического кризиса, вызванного резким повышением спроса на энергоносители и дефицитом производства энергоресурсов. За 1941–1943 гг. потребление электроэнергии в Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке увеличилось в 2 раза, в Хабаровске в – 1,5 раза. Структура электроэнергетики региона не отвечала условиям его экономического развития. Предприятия Приморского края на протяжении войны обеспечивались электроэнергией на уровне 70–80%, Хабаровского – 50–60%³⁸.

Отставание энерговооружённости напрямую сказывалось на производственной деятельности заводов, вело к простоям и снижению их производительности. Центральные и местные управленческие структуры прикладывали значительные усилия в решении проблемы энергодефицита. На некоторых предприятиях велось строительство локальных энергоустановок, увеличивались существующие генерирующие мощности. В 1943–1945 гг. в регион по ленд-лизу завозились

импортные энергопоезда, паротурбинные установки и турбогенераторы, которые устанавливали на ведомственных электростанциях. В 1944 г. трест «Сучануголь» получил передвижную станцию General Electric мощностью 3000 кВт, в 1945 г. энергопоезд Westinghouse Electric Company подключили к Хабаровской коммунальной электростанции. Суммарная мощность импортных энергетических установок, пущенных в годы войны, только по Хабаровскому краю составила 12 000 кВт³⁹.

В первую очередь внимание уделялось развитию системы «Дальэнерго», капиталовложения в которую в 1943–1945 гг. составили 6,8 млн руб., электростанции и электрические сети получили дефицитные материалы, энергетическое оборудование, электротехнические товары, транспорт⁴⁰. Благодаря экономии топлива и его рациональному использованию энергетики добились снижения себестоимости вырабатываемого киловатт-часа на 13,4%, с 30,4 до 26,3 коп. По этим и другим показателям Дальэнерго смогла выйти в число лучших в стране энергосистем⁴¹.

В результате ввода в эксплуатацию мелких резервных силовых установок, расширения существующих за счёт импортных генерирующих машин, повышения эффективности работы станций производство электроэнергии на Дальнем Востоке постепенно росло. Если в 1941 г. было выработано 722 млн кВт/ч, то в 1945–1963 млн кВт/ч. При этом в 1941–1943 гг. роста практически не наблюдалось, только в 1944 г. благодаря пуску импортных машин и капитальному ремонту энергоустановок производство электроэнергии увеличилось⁴².

Жёсткие лимиты на энергоресурсы, снижение объёмов добычи угля и сбои в работе транспортной системы приводили к тому, что электростанции функционировали не на полную мощность. Не имея возможности удовлетворить потребности промышленности в электроэнергии, отключали от снабжения объекты социально-бытового назначения, вынуждали уменьшить электропотребление.

Перед угольными предприятиями Сибири и Дальнего Востока стояла важнейшая задача обеспечения топливом оборонной промышленности, электроэнергетики, железнодорожного и морского транспорта. В структуре управления произошли изменения. Для улучшения работы региональных угольных предприятий, комбинат «Дальуголь» разделили на два новых: Приморский и Хабаровский. В комбинат «Приморскуголь» вошли тресты «Артёмуголь» и «Сучануголь», Ворошиловское и Липовецкое шахтоуправления, завод «Металлист», в «Хабаровскуголь» – тресты «Райчихуголь» и «Сахалинуголь»⁴³.

Снижение технического оснащения, износ горного оборудования и машин, отсутствие запасных частей и металла для ремонта средств механизации, оставание в проведении подготовительных работ, прекращение шахтного строительства уменьшили угледобычу. Сучанские шахты оказались в положении, при котором по всем правилам и инструкциям забои должны быть остановлены, а добыча угля прекращена⁴⁴. Резко снизились производственные показатели и в тресте «Сахалинуголь», закрыты шахта Агневская, Ново-Мгачинский и Александровский участки⁴⁵. По приказу Наркомугля СССР от 21 апреля 1943 г. консервации подлежали строящиеся предприятия треста «Бурейшахтострой», всё освободившееся материально-техническое имущество и оборудование на 60% перераспределялось шахтам комбината «Приморскуголь», на 40% – разрезам «Хабаровскуголь»⁴⁶.

Постановлением ГКО от 27 марта 1944 г. «О мерах по увеличению добычи угля по комбинату «Приморскуголь»» предусматривалось оказание материально-технической помощи приморским шахтам за счёт импортных поставок. В сентябре 1944 г. тресты «Сучануголь» и «Артёмуголь» получили 1 км транспортёрной ленты, 20 т медной проволоки, 10 км кабеля электрического 6 кВ, 30 км осветительного шнура, 2000 м² хлопчатобумажной ткани, 10 000 пар кожаной обуви и другие материалы⁴⁷. Разрезы треста «Райчихуголь» комбината «Хабаровскуголь» в 1945 г. получили пять импортных электрических экскаваторов и передвижные электростанции для их энергообеспечения⁴⁸.

В конце 1944 г. комбинат «Приморскуголь» провёл реконструкцию и ремонт горного оборудования, машин, ввёл в эксплуатацию новые шахты малой мощности, что позволило выполнить годовой план по добыче угля и обеспечить его дальнейший прирост. Всего за годы войны в угольной промышленности Дальнего Востока произошло незначительное увеличение добычи – на 8% (1945 г. по отношению к 1940 г.). При этом 40% угля в регионе добывалось на разрезах Кивдо-Райчихинского бассейна⁴⁹.

Потребности в минеральном топливе обусловили в военные годы необходимость ускорения геологического поиска, изучения и освоения новых угольных месторождений. В 1941 г. началась эксплуатация месторождения Бухта Угольная на Чукотке, добывался уголь на Анадырском и Корфском месторождениях. Всего за годы войны здесь добыто 200,4 тыс. т угля⁵⁰.

Добыча дальневосточного угля в годы войны в значительной степени зависела от работы региональной транспортной системы. В 1942 г. из-за недовыдачи 44 тыс. вагонов на приморских шахтах собралось 370 тыс. т угля, в тресте «Артёмуголь» из-за самовозгорания потеряли свыше 4 тыс. т угля. Дефицит морского транспорта привёл к скоплению на прибрежных складах о-ва Сахалин большого количества топлива, своевременный вывоз которого не представлялся возможным⁵¹.

По решениям СНК СССР и ГКО на сахалинскую нефтедобывающую промышленность возложили важнейшую задачу полного удовлетворения потребностей в нефтепродуктах потребителей не только Дальнего Востока, но и Восточной Сибири. Главное внимание обращалось на установление богатых источников сырья и усиление технической оснащённости нефтедобывающих предприятий Сахалина. Промышленно-разведочное бурение проводилось на Армуданском, Лангериском, Южно-Охинском, Восточно-Эхабинском и Эльгиз-Пальском месторождениях. На 1 января 1944 г. разведанные запасы сахалинской нефти составляли 444 122 тыс. т, т.е. более 5% запасов нефти по СССР⁵².

Все действующие промыслы имели слабое техническое оснащение, а отсутствие труб и низкое использование подъёмного парка приводили к их простоям. Из-за недостатка материалов и запасных частей затягивался ремонт скважин, что сопровождалось частыми авариями. В июне 1943 г. Хабаровская база Главметаллсбыта получила из импортных поставок 2500 т различных труб, часть из которых отправили на сахалинские промыслы. Для решения проблемы дефицита электроэнергии в октябре 1944 г. на Охинских нефтепромыслах установили три импортные передвижные электростанции⁵³. К 1945 г. мощность всех установленных энергоисточников объединения «Дальнефтекомбинат» составляла 7605 кВт, увеличившись по сравнению с 1942 г. на 32%⁵⁴.

На Сахалине пробурили более 116 тыс. м эксплуатационных скважин, а их общий фонд составлял 974 скважины, увеличившись по сравнению с 1941 г. на 35%. Добыча сахалинской нефти за 1940–1945 гг. выросла на 33%, с 505,1 тыс. до 752,3 тыс. т⁵⁵.

В годы войны проблема транспортировки сахалинской нефти на материк решалась за счёт ускоренного строительства нефтепровода Оха – Комсомольск-на-Амуре, и в октябре 1942 г. ввели в эксплуатацию первую очередь протяжённостью 388,2 км (196,3 км – по о-ву Сахалин, 8,6 км – морской переход и 175 км – по материку). Первые пять месяцев перекачка нефти осуществлялась только для проверки работы трубопровода, а с июня 1943 г. стала регулярной. Всего за военный период на материк было перекачано 1612,3 тыс. т нефти⁵⁶.

1 декабря 1942 г. завершилось строительство нефтеперерабатывающего завода в Комсомольске-на-Амуре мощностью 500 тыс. т переработки нефти в год. Введённый в эксплуатацию с монтажно-техническими недоработками завод проработал 3 месяца и закрылся на капитальный ремонт. Основной выпуск продукции осуществлял Хабаровский нефтеперерабатывающий завод. На предприятии расширили резервуарный парк, сконструировали и изготовили сложнейшую вакуумную аппаратуру, переоборудовали установки на выработку смазочных масел и выпуск 18 видов топлива, в том числе авиационного бензина Б-70 и Б-78. За годы войны завод выпустил продукции на 117,2 млн руб. Однако потребности Дальнего Востока в нефтепродуктах удовлетворялись не полностью, недостающая часть завозилась по импорту и из западных районов страны. Так, в 1942 г. завезено 244 тыс. т жидкого топлива. По отдельным видам нефтепродуктов Хабаровский край получал 79,5% установленных лимитов, Приморский – 30–40% мазута и моторного масла, 82–90% бензина и дизельного топлива. В 1941 г. на севере Сахалина на нефтепромысле Эхаби в целях экономии жидкого топлива началась добыча природного газа. В первый год было добыто 738,3 тыс. м³, в 1942 г. – 17,4 млн м³, в 1943 г. – 53,3 млн м³, построен газопровод Эхаби – Оха⁵⁷.

Предпринимались попытки строительства предприятий по получению жидкого и газового топлива в Приморском крае. В районе Владивостока намечался пуск завода полукоксования липовецких углей с годовым производством 12 900 т жидких горючих углеводородов, но строительство так и не началось. Для реализации планов по строительству заводов производства искусственного жидкого топлива требовалось немало финансовых, материальных, людских и главным образом временных затрат⁵⁸.

Таким образом, темпы роста потребления электроэнергии и топлива значительно опережали производственные возможности топливно-энергетической базы, а обеспечение промышленности Дальнего Востока энергоресурсами осуществлялось с перебоями. Советско-партийным структурам не удавалось решить проблему энергодефицита путём строительства локальных энергоустановок. Без значительных капиталовложений, строительства новых крупных электростанций, мощных технически совершенных угольных шахт и нефтяных предприятий быстрое развитие электроэнергетики, угольной и нефтяной промышленности не представлялось возможным.

Значительный вклад в продовольственную базу страны вносила рыбная промышленность Дальнего Востока. От Урала до Тихого океана Дальневосточный бассейн был единственным крупным морским рыбодобывающим районом.

Акционерное Камчатское общество (АКО), в состав которого входили 26 рыбокомбинатов и 44 рыбодобывающих участка, перешло на круглогодичный лов и переработку рыбы. Добыча рыбы и морского зверя на Камчатском полуострове за годы войны увеличилась в 2 раза, производство рыбных консервов – в 2,5 раза, а доля АКО в добыче рыбы в СССР поднялась до 14%, в выпуске рыбных консервов – до 27%⁵⁹.

Большое значение имели промыслы на Охотском побережье, Сахалине и Курильских островах, в Амурской области. Сахалинский государственный рыбопромысловый трест к 1945 г. имел 6 рыбокомбинатов, объединявших 27 рыбозаводов, 24 рыболовецких колхоза, судонерфь и подсобные предприятия. Сахалинские рыбаки освоили в годы войны не только прибрежный, но и глубоководный лов. Разнорыбица (камбала, мойва и навага), ранее имевшая промыслового значения, вместе с сельдью стала добываться в значительном количестве. По Сахалинскому тресту объёмы добычи увеличились в 3 раза, по Охотскому – в 8,5 раза⁶⁰.

Огромная работа была проделана по перестройке рыбной промышленности Приморья. Основная промысловая рыба – сардина, составлявшая до 1941 г. 85% всей добычи в крае, перестала мигрировать в Японское море. Предприятия, строившиеся и оснащавшиеся орудиями для её ловли, вынуждены были переключиться на добычу рыбы других пород. К 1944 г. почти все южные рыболовецкие комбинаты и значительная часть рыболовецкого флота края перебазировались на север. В северных бухтах Приморья организовали 10 рыбоперерабатывающих береговых баз. На лове в Северном Приморье и на Сахалине работали 33 сейнера, 60 кавасаки, 80 ставных и закидных неводов. В трудных условиях оказались приморские краболовы и китобои, в течение 6–8 месяцев работавшие в отрыве от своих баз. Добывающий флот использовался и на транспортных работах. Береговое хозяйство плохо готовилось к путине, что приводило к потере выловленных морепродуктов. В Приморье краболовный трест сократил добычу крабов в период с 1941 по 1943 г. в 9 раз⁶¹.

В целом рыбная промышленность Дальнего Востока, несмотря на военное время, изменения в сырьевой базе, дефицит трудовых и материальных ресурсов, развивалась достаточно стабильно за счёт расширения районов и объектов промысла. В 1945 г. удельный вес региона в общесоюзной добыче рыбы составлял 30,2%, общероссийской – 37,1%, в восточных районах – 78,7%⁶².

Увеличился выпуск и расширился ассортимент рыбопродукции. Рыбообрабатывающие предприятия отпускали консервы, свежую, солёную и копчёную рыбу, а отходы использовали как сырьё для получения муки и клея. За 1941–1945 гг. только на Камчатке выработано 4255,3 тыс. ящиков консервов и 3190 тыс. ц рыбопродукции⁶³. За счёт рыбной отрасли Дальнего Востока компенсировались потери в других отраслях пищевой продукции, что в условиях войны имело решающее значение для сохранения продовольственной безопасности СССР.

Лесная и деревообрабатывающая промышленность Дальнего Востока обеспечивала сырьём и материалами оборонные предприятия, особенно специальными сортами древесины, необходимыми для авиа- и судостроения. С началом войны лесозаготовка в регионе значительно снизилась, что было связано с оттоком рабочих в вооружённые силы, сокращением автопарка и количества работающих машин на вывозке леса. В тресте «Приморсклес», являвшемся крупнейшим лесозаготовителем промышленного значения, за годы войны

число автомашин снизилось в 2 раза, а объём лесозаготовок – почти в 4 раза (с 1118,4 тыс. до 288,6 тыс. м³). Всего на Дальнем Востоке с 1940 по 1945 г. заготовка и вывозка древесины упала на 38%, в том числе деловой и древесины редких пород – на 67%⁶⁴.

Значительный спад произошёл в деревообрабатывающей отрасли. Производство пиломатериалов в регионе сократилось на 75%, но одновременно возрос выпуск отдельных видов продукции. Океанский фанерный завод при общем снижении выработки фанеры с 1941 по 1944 г. в 2,4 раза увеличил производство аккумуляторного шпона в 4 раза и авиационной фанеры – в 74 раза⁶⁵.

Существенные изменения произошли в промышленности строительных материалов. Несмотря на усиленное оборонное и промышленное строительство в Приморском и Хабаровском краях, выпуск цемента и строительного кирпича значительно сократился. Спасский цементный завод с 1941 по 1944 г. снизил производство цемента с 273,8 тыс. до 68,9 тыс. т, или в 4 раза. Мощности завода перевели на выпуск авиабомб, а часть оборудования цехов изъяли, что снизило объёмы работ на 40%. Производство строительного кирпича в регионе за годы войны сократилось в 9 раз⁶⁶.

В пищевой промышленности Дальнего Востока по сравнению с довоенным периодом значительно уменьшилось производство сахара-песка, растительного масла, мясомолочной продукции и хлебобулочных изделий. Имеющиеся в регионе предприятия лёгкой промышленности в годы войны сократили выпуск потребительских товаров, перейдя на оборонные заказы. Вместе с тем правительство ориентировало предприятия местной промышленности на выпуск товаров широкого потребления. В Хабаровском крае в 1942 г. в Бурее пущен первый стекольный завод, который из местного сырья стал выпускать стёкла оконные, ламповые и к фонарям, консервные банки и посуду⁶⁷. Кроме этого, к 1943 г. в крае удалось ввести в строй табачную фабрику, 3 овощеконсервных завода, 14 крахмальных и картофелесушильных цехов, организовать 3 промкомбината, 7 артелей. Все предприятия местной промышленности Хабаровского края перешли на местное сырьё и отходы, за 1941–1943 гг. они произвели валовой продукции на 243 242 тыс. руб.⁶⁸

Возможности местного производства товаров широкого потребления были весьма ограничены и не удовлетворяли нужды населения. Первостепенное производство оборонной продукции отвлекало основные материальные и людские ресурсы, поэтому проблема самообеспечения региона продовольствием и товарами первой необходимости стояла очень остро.

Таким образом, на Дальнем Востоке в военные годы ускоренное развитие получили такие отрасли промышленности, как авиа- и судостроение, металлообработка, нефтяная, электроэнергетика, угольная, рыбная, цветная металлургия. Появились новые отрасли производства – чёрная металлургия, электротехническая. Сделаны первые шаги в становлении станко- и приборостроения, инструментальной, газовой и химической промышленности (табл. 4.1.2). Динамичное развитие этих отраслей определялось необходимостью усиления производства оборонной продукции. В то же время по другим видам продукции, в первую очередь потребительских товаров, произошло резкое сокращение.

Развитие промышленного производства привело к увеличению доли выпуска продукции Дальнего Востока в общем объёме промышленного производства в стране и её восточных районах. На общем фоне заметно выделялась рыбная

4.1. Деятельность предприятий промышленного комплекса

и нефтяная промышленность региона (табл. 4.1.3). Рост удельного веса добывающих отраслей был обусловлен наличием уникальной ресурсной базы региона и значительными средствами, направленными на их разработку.

Таблица. 4.1.2. Производство промышленной продукции на Дальнем Востоке, 1940 и 1945 гг.

Показатели	Единица измерения	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % к 1940 г.
Выработка электроэнергии	млн кВт/ч	651,0	963,1	+33
Добыча угля	тыс. т	7216,7	7858,1	+8
Выжиг кокса	тыс. т	9,2	16,9	+46
Добыча нефти	тыс. т	505,1	752,3	+33
Добыча природного газа	млн м ³	–	68,4	–
Выплавка стали	тыс. т	–	55,3	–
Производство проката	тыс. т	–	41,4	–
Производство металлорежущих станков	шт.	–	16	–
Производство цемента	тыс. т	234	101	–57
Производства кирпича	млн шт.	353,0	38,6	–89
Вывозка древесины	тыс. м ³	15 795	9719	–38
в т.ч. деловой древесины	тыс. м ³	7749	2627	–67
Производство пиломатериалов	тыс. м ³	2423	596	–75
в т.ч. фанеры	тыс. м ³	13,7	5,8	–58
Добыча рыбы	тыс. т	366,2	340,2	–8
Производство сахара-песка	тыс. т	12,9	1,1	–92
Производство растительного масла	т	7363	3380	–55

Источники. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 51, 50, 50 об., 49, 49 об., 52, 53 об.; Промышленность СССР. Стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. С. 71, 117, 142, 156, 210, 254–255, 263, 266, 279, 377, 394. (сост. и подсчит. авт.).

Происшедшие в годы войны изменения в отраслевой структуре Дальнего Востока заключались в том, что ведущее место заняло оборонное производство. К 1944 г. оно возросло в 5 раз по сравнению с 1940 г.

Экономика Дальнего Востока, как и всей страны, носила мобилизационный характер и была подчинена общим задачам обеспечения Победы в Великой Отечественной войне. Профиль работы изменили практически все дальневосточные предприятия, переключившись на выпуск военной продукции. Организацию промышленного производства на Дальнем Востоке в значительной степени затруднили дефицит исходного сырья, материалов и оборудования, ограниченная численность трудовых ресурсов, оторванность промышленного комплекса от индустриально развитых районов страны, незавершённость строительства и реконструкции промышленных объектов. В то же время неразвитость промышленно-производственной инфраструктуры Дальневосточного региона во многом компенсировалась наличием сырьевых ресурсов, что давало возможность развивать другие отрасли.

Таблица 4.1.3. Удельный вес продукции промышленности Дальнего Востока в 1940 и 1945 гг., %

Показатели	Удельный вес Дальнего Востока					
	в СССР		в РСФСР		в восточных районах	
	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.
Выработка электроэнергии	1,3	2,1	2,7	2,6	20,8	15,3
Добыча угля	4,3	5,2	9,9	7,4	18,5	16,6
Выжиг кокса	0,04	0,12	0,17	0,16	0,31	0,46
Добыча нефти	1,6	3,8	7,1	13,2	100	100
Добыча природного газа	-	2,0	-	4,5	-	21,4
Выплавка стали	-	0,4	-	0,5	-	2,1
Производство проката	-	0,4	-	0,5	-	2,0
Производство цемента	4,1	5,4	7,2	9,4	47,0	39,6
Вывозка древесины	6,4	5,7	7,3	6,7	29,1	28,7
Производство пиломатериалов	6,9	4,5	8,4	5,2	29,3	26,2
Добыча рыбы	26,0	30,2	34,0	37,1	86,0	78,7

Источники. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 51, 50, 50 об., 49, 49 об., 52; Промышленность СССР. Стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. С. 71, 117, 142, 156, 174, 254–255, 263, 266, 279, 384. (сост. и подчит. авт.).

Для обеспечения выпуска обороной продукции на Дальнем Востоке потребовались технологическая реорганизация регионального производства, налаживание сотрудничества и кооперации между промышленными предприятиями разных наркоматов. Важную роль в этом процессе сыграли центральные и местные партийные и хозяйственные органы, приложившие немало усилий для развития оборонных производств, решения сложных вопросов кадрового и материально-технического обеспечения предприятий. Благодаря инициативе дальневосточных инженеров, специалистов и рабочих внедрялись оригинальные технические решения, которые позволили производить ранее завозимые сложные механизмы и инструменты. Значительную помощь в преодолении дефицита оборудования и необходимых материалов оказали поставки союзников по ленд-лизу.

Постоянная угроза нападения со стороны Японии предопределяла правительственные решения по использованию имеющихся в регионе производственных мощностей. Дальний Восток выполнял функцию поставщика стратегически важных сырьевых ресурсов для развития промышленного производства в других регионах страны, поддерживал боеспособность воинских формирований на восточных рубежах СССР.

4.2. Вклад Дальневосточного региона в продовольственную базу страны

В годы войны взаимоотношения между производителями сельскохозяйственной продукции и государством, сложившиеся в основных чертах к середине 1930-х гг., не претерпели существенных изменений. Руководство сельским хозяйством было централизовано по вертикали подчинённости: колхоз – МТС – районный – областной – краевой земельные отделы (в автономных республиках – Наркомат земледелия республики) – Наркомат земледелия РСФСР и СССР. Управление совхозами шло по линии совхоз – трест – наркомат, причём часть из них подчинялась Наркомату совхозов РСФСР, часть – непосредственно Наркомату СССР, а часть – находилась в ведении наркоматов пищевой и мясомолочной промышленности.

Народный комиссариат земледелия СССР (наркомы И.А. Бенедиктов, А.А. Андреев) разрабатывал планы специализации сельского хозяйства, координировал сельскохозяйственные кампании в основном с колхозами и МТС. Союзно-республиканский Наркомат зерновых и животноводческих совхозов (нарком П.П. Лобанов) руководил самыми крупными государственными объединениями зернового и животноводческого профиля. Наркомат заготовок (наркомы К.П. Субботин, Б.А. Двинский) обеспечивал выполнение планов обязательных поставок и сбыта сельскохозяйственной продукции.

Ведомственный аппарат до мелочей регламентировал хозяйственную деятельность. С ноября 1941 г. по май 1943 г. в совхозах и на машинно-тракторных станциях действовали политические отделы, наделённые большими правами и обязанностями. Примерный Устав сельскохозяйственной артели, утверждённый в 1935 г. Всесоюзным съездом колхозников-ударников, и последующие директивные документы детально определяли права членов артели и обязанности колхозов перед государством, сужали демократические принципы организации производства.

В годы войны жизненный уклад деревни коренным образом изменился, но система экономических отношений и механизм управления оставались прежними. Потеря наиболее значимых регионов увеличила роль восточных районов в производстве продовольствия и сырья. Для Дальневосточного региона это означало максимально возможное самоснабжение населения и частей Дальневосточного фронта. На Дальнем Востоке в годы войны общее количество основных категорий производителей сельскохозяйственной продукции изменилось незначительно. Если в 1940 г. насчитывалось 127 МТС и 1283 колхоза, то к концу войны – 129 МТС и 1273 колхоза⁶⁹.

В Хабаровском крае по Уставу сельскохозяйственной артели к середине 1945 г. действовало 750 колхозов (32 494 двора и 130 765 чел.), из них 505 – в Амурской области и 58 – в Еврейской автономной области. Государственных производителей сельхозпродукции объединял 31 совхоз, в том числе зерновых – 13, овощеводческих – 7 и 5 – смешанных совхозов, по одному свиноводческому, коневодческому и оленеводческому союзной подчинённости и 3 пчелосовхоза республиканского Наркомата пищевой промышленности⁷⁰.

В Приморском крае на начало 1944 г. работало 472 сельскохозяйственных, 31 рыболовецкая и 9 охотничьих артелей, в которые входило 33 629 хозяйств; 37 совхозов, включая 17 – союзного наркомата (10 зернового

и 7 – оленеводческого направления), 7 – Наркомата пищевой промышленности РСФСР (3 пчелосовхоза, по одному свекло-, кормо- и соесовхозу и совхоз виноградарства), 2 – Наркомата внешней торговли, 5 – треста пригородных совхозов и 6 совхозов Трансторгпита⁷¹.

Отношения между государством и производителями сельхозпродукции строились по традиционной схеме. Сокращалось финансирование, из деревни изымались всё новые и новые ресурсы, уменьшая её и без того ограниченные возможности по увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Курс на расширение и изменение структуры посевов при сокращении трудовых и материальных ресурсов ставил непосильные задачи для государственных и кооперативных хозяйств Дальневосточного региона. В основных сельскохозяйственных районах Приморского края, Амурской области и Еврейской автономной области произошло сокращение посевных площадей, а Камчатская, Сахалинская и Нижне-Амурская области, несмотря на колебания по годам, увеличили площадь используемых земель, что объясняется особенностями видового размещения сельскохозяйственных культур (табл. 4.2.1).

Таблица 4.2.1. Посевы зерновых культур на Дальнем Востоке, 1941–1945 гг., тыс. га

Годы	Зерновые культуры								
	рожь	пшеница	овёс	ячмень	просо	гречиха	кукуруза	рис	горох
1941	18,14	398,47	320,62	21,19	6,67	31,49	2,48	5,19	0,69
1942	23,79	448,59	372,97	28,59	19,39	45,30	2,60	4,99	1,91
1943	43,70	324,42	279,35	24,51	17,13	37,71	4,37	3,90	3,80
1944	33,45	213,54	242,66	21,04	27,08	32,84	13,33	3,56	4,96
1945	36,65	251,16	242,03	22,03	26,68	35,96	15,01	4,32	3,49

Источники. ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 116. Л. 19; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 3. Л. 1, 11–16 (сост. авт.).

Главный в продовольственном балансе зерновой клин увеличился в 1942 г. на 18% по отношению к 1941 г., но уже в 1943 г. засеяли меньше на 21,3% и в 1944 г. – на 20,3% достигнутого в предыдущие годы. В 1945 г. посевы зерновых составили около 80% от уровня 1941 г. По отдельным категориям хозяйств картина неоднородна: уменьшились посевы в колхозах в 1,4 раза (с 669,7 тыс. до 480,7 тыс. га), совхозах – в 1,6 раза (со 104,9 тыс. до 66,1 тыс. га). Увеличились посевы зерновых культур в подсобных хозяйствах в 2,9 раза (с 28,5 тыс. до 84,8 тыс. га), у колхозников – в 2,5 раза (с 1,8 тыс. до 4,5 тыс. га), рабочих и служащих города и села – в 3,3 раза (с 0,31 тыс. до 1,03 тыс. га)⁷².

Технические культуры занимали всё больше места в сельскохозяйственном производстве Дальнего Востока. Их посевы увеличились в 1945 г. на 24,4%. Можно говорить о значимости подсолнечника (выращивался в основном на юге Хабаровского края) и сои. В силу сложившейся необходимости стал выращиваться табак, занимая довольно большие площади и значительно превышая посевы льна. Кормовые культуры (однолетние и многолетние травы, кормовая тыква, свёкла и пр.) по сравнению с 1941 г. ежегодно занимали всё меньшие площади, и только с 1944 г. начинается их постепенное увеличение (табл. 4.2.2).

Таблица 4.2.2. Посевы технических культур на Дальнем Востоке, 1941–1945 гг., тыс. га

Год	Технические культуры								
	соя	подсолнечник	лён	конопля	табак	свёкла	картофель	овощи	бахча
1941	128,085	8,312	1,23	0,013	0,002	5,0	109,04	39,24	4,57
1942	157,679	8,945	1,804	0,016	2,263	7,1	137,87	48,34	4,40
1943	146,735	9,406	1,231	0,178	3,353	8,3	151,87	48,87	3,02
1944	187,353	10,407	1,274	0,472	2,537	5,5	141,20	50,68	1,95
1945	153,121	9,633	0,962	0,4	1,518	5,1	141,41	46,85	1,59

Источники. ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 116. Л. 19; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 3. Л. 1, 11–16 (сост. авт.).

Особая ситуация складывалась с посадками огородной продукции и картофеля. Ко времени окончания войны по сравнению с 1941 г. площади посадки картофеля возросли почти на 30%, овощей – на 19,3%, что определялось категориями хозяйств. Так, в Дальневосточном регионе рабочие и служащие сажали картофель в 1941 г. на 19,8 тыс. га, а в 1945 г. – на 40 тыс., овощи – соответственно на 4 тыс. и 8,7 тыс. га, подсобные хозяйства занимали под картофель – 20,9 тыс. и 45,76 тыс. га, овощи – 9 тыс. и 15,6 тыс. га⁷³.

Таким образом, основное сельскохозяйственное производство было сосредоточено в колхозной и государственной собственности и имело резкие территориальные отличия. Если южные районы Приморского и Хабаровского краёв являлись поставщиками товарной продукции, то северные районы, Камчатка и Сахалин обеспечивали только часть собственного потребления.

Война оказала разрушительное действие на производительные силы сельского хозяйства, так как мобилизационные планы предусматривали передачу материально-технических средств оборонным ведомствам, руководствуясь принципами военной целесообразности без учёта потребностей деревни. К концу 1945 г. в Приморском крае по всем категориям хозяйств количество тракторов сократилось на 19,8%, а мощность – на 20,4%, грузовых машин – на 30,5%, комбайнов – на 2,6% к уровню 1940 г. в Хабаровском крае произошло уменьшение количества условных тракторов в 1,6 раза и комбайнов – в 1,5 раза⁷⁴.

Ослабление материально-технической базы деревни произошло не только за счёт уменьшения количества технических единиц (табл. 4.2.3). В Приморье на 51 машинно-тракторную станцию приходилось 30 мастерских, две из которых производили капитальный ремонт – Черниговская и Чернореченская. Что касается требования по организации передвижных ремонтных баз (на 20 тракторов – одна база), то в сложившихся условиях это было невыполнимо. Если до войны ежегодно в край завозили запасных частей на сумму 10–13 млн руб., то в 1943 г. – всего на 1,3 млн руб.⁷⁵

В Хабаровском крае к концу войны только 5 МТС располагали типовыми мастерскими, такие, как Мухинская, Шимановская, Беловежская, Завитинская, не имели их вовсе, а остальные обходились примитивными ремонтными мастерскими. Для поддержания машинно-тракторного парка в рабочем состоянии требовались строительство новых ремонтных баз и подкрепление существующих станочным и силовым оборудованием. В 77 МТС насчитывалось 135 станков, из которых капитального ремонта требовали 54 и не подлежали восстановлению

52 станка старых марок, полученные ещё в период организации МТС, в 34 – с численностью по 40–50 тракторов, 15–20 комбайнов и соответствующим количеством прицепного оборудования имелось только по одному станку, что абсолютно не обеспечивало выполнения токарных работ, в 21 МТС – не было ни электро-, ни газосварочных аппаратов. В качестве источников электроэнергии в 32 МТС использовались комбайновые и тракторные моторы. Семнадцать полученных импортных электрифицированных станков можно было пустить в эксплуатацию только при наличии электроэнергии переменного тока. Из выделенных краю на основании постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1945 г. 44 металлорежущих станков и 20 электросварочных агрегатов поступило лишь 19 станков и 11 электросварочных агрегатов⁷⁶.

Таблица 4.2.3. Наличие тракторов и комбайнов в совхозах Дальнего Востока, 1941–1945 гг.

Годы	РСФСР	Дальний Восток		Приморский край		Хабаровский край	
	Трактора	Трактора	Комбайны	Трактора	Комбайны	Трактора	Комбайны
1941	49 914	1395	666	343	156	1052	510
1942	42 451	1226	661	254	154	972	507
1943	30 114	1150	542	226	151	924	392
1944	28 303	911	533	227	147	684	387
1945	27 420	907	н/с	225	н/с	682	н/с

Источник. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1462. Л. 32, 32 об, 46, 46 об, 81, 81 об. (сост. авт.).

Ослабление материально-технической базы в какой-то мере компенсировалось установлением прямых производственных связей с промышленными предприятиями. В цехах заводов и железнодорожных депо производились изготовление и ремонт сельскохозяйственной техники. Дальневосточная деревня получала оборудование и инструменты, необходимые детали, дополнительное количество рабочих, без которых успешное проведение сельскохозяйственных работ было невозможно. Например, для обеспечения неотложных нужд сельского хозяйства Хабаровского края на базе предприятий Свободлага в 1942 г. было изготовлено 1605 зерновых сортировок, 250 веялок, 1350 конных ходок, 15 тыс. гаечных ключей, 1 тыс. параллельных тисков, 170 тыс. ед. разных запасных частей – к комбайнам, сеялкам, плугам и другим сельхозмашинам на сумму 3,5 млн руб.⁷⁷

Объёмы нецентрализованных поставок возрастали, но выполнение оборонных заказов не позволяло развернуть серийное производство основных сельхозмашин и оборудования. Для этого требовались очередное перепрофилирование и кооперирование ряда предприятий. Средняя нагрузка (при сокращении посевных площадей) на один условный трактор или комбайн была невелика. В действительности фактическая нагрузка была высокой, так как большая часть техники была изношена и не принимала участия в полевых работах.

Значительная часть машинно-тракторного парка поступила на Дальний Восток в конце 1930-х гг. Из 3512 тракторов МТС Хабаровского края до 1936 г. было завезено 1948, в 1936/37 г. – 1026, в 1938/39 г. – 538 тракторов⁷⁸. Их работоспособность поддерживалась за счёт реставрации одних и тех же деталей, которые быстро выходили из строя и требовали замены. Сокращение машинно-тракторного парка, нехватка запасных частей и неопытность новых механизаторских кадров

приводили к изношенности техники. В 1943 г. во время весеннего сева трактора Уссурийской МТС приходилось ремонтировать по 5–6 раз, и ежедневная их выработка сократилась в два раза. Простой составили 2675 ч. Свиягинская МТС по этой же причине потеряла 41,2% рабочего времени, Молотовская МТС, израсходовав годовую норму горючего, выполнила плановые задания всего на 27%, Яковлевская – на 33%⁷⁹.

В Хабаровском крае в летних сельскохозяйственных работах 1944 г. не работал 571 трактор, в 1945 г. – 390, в том числе 262 гусеничных. Из-за переувлажнённой почвы 2130 колёсных тракторов или совсем не работали, или работали с низкой производительностью. В течение нескольких лет 160 комбайнов из 1720 не были задействованы в уборочных работах⁸⁰.

Большая часть машин не подлежала восстановлению из-за изношенности основных узлов, изготовление которых было невозможно на промышленных предприятиях региона: блоков двигателей, коленчатых валов, задних мостов, звеньев гусениц, шариковых и роликовых подшипников. Техника полностью не использовалась из-за нехватки горюче-смазочных материалов. Лимиты, выделяемые для проведения сезонных сельскохозяйственных кампаний, изначально были недостаточны, а изношенные машины потребляли гораздо больше горючего. Так, по распоряжению Совнаркома СССР № 14 414-р от 29 июля 1943 г. для проведения уборочных работ выделили 7 т горючего Приморскому и 12 т – Хабаровскому краям, тогда как на 1 га условной пахоты сжигалось по самым общим подсчётам на 10–12% горючего больше, чем в довоенное время⁸¹.

Плохо обстояло дело с прицепным сельскохозяйственным инвентарём. В МТС Хабаровского края в конце войны числилось 5800 тракторных плугов, из них только 1100 – более совершенной конструкции марки ТС-535, 2369 тракторных сеялок (завезено до 1936 г. – 2350), 1672 тракторных культиватора. По отчётности 25% прицепного инвентаря пришло в полную негодность⁸². В 1945 г. в колхозах Приморского края осталось 3753 конных плуга из 5408 имевшихся в 1940 г., 11 029 борон из 14 291, 1408 сенокосилок из 2043, 1257 веялок и сортировок из 1607, 711 жаток из 1385, 201 сеялка из 577, причём большая часть из них не использовалась из-за сильного износа⁸³.

Неудовлетворительное состояние конно-транспортного и шорного инвентаря сказывалось на хозяйственной деятельности. К концу войны в колхозах Приморского края на 11,2 тыс. рабочих лошадей и 2787 волов приходилось 9 тыс. комплектов сбруи, 7 тыс. телег, что было явно недостаточно, а если учесть износ, то разрыв становился ещё значительнее⁸⁴.

Плановые задания машинно-тракторных работ, судя по отчётности, не выполнялись по всему региону. Выработка в пересчёте на 15-сильный трактор в МТС Хабаровского края (без Сахалинской области) в 1941 г. составляла 270 га, 1945 г. – 174 га мягкой пахоты, а на 15-футовый комбайн – соответственно 212 и 160 га⁸⁵. В Приморском крае наблюдалась аналогичная картина: выработка на трактор в 1941 г. – 423,9 га, 1945 г. – 309,7 га мягкой пахоты, на комбайн – соответственно по годам 186,2 и 201,1 га⁸⁶.

Неэффективное использование машинно-тракторного парка ставило в труднейшее положение многоземельные дальневосточные колхозы, которые справлялись с нагрузкой за счёт механизации основных полевых работ, но уровень их механизации по сравнению общероссийским был выше. В 1940 г. посев яровых культур в колхозах был механизирован на 88,9%, озимых – на 94,7%, а в 1945 г.

эти показатели снизились до 82,0 и 85,4% соответственно. В 1940 г. комбайнами убрано 84,7% зерновых, а в 1945 г. – 76,4%⁸⁷.

Сосредоточение основной сельскохозяйственной техники в государственной собственности ставило производителей в экономически зависимое положение. Заключая в начале года типовой договор по оплате за использование техники, машинно-тракторные станции практически диктовали свои условия. Размер натуроплаты не зависел от планируемых объёмов работ и начислялся по урожайности за 15 дней до начала уборки соответствующей культуры (определялась районной межведомственной комиссией, в состав которой входили уполномоченные партийных и советских органов, МТС и Наркомата заготовок СССР).

Натуральная оплата МТС Дальневосточного региона в связи с существующими льготами по обязательным поставкам была выше, чем в средней полосе. При средней урожайности 7–9 ц с га в Приморском и Хабаровском краях, Читинской области за подъём паров, зяби и весновспашку начислялось 70 кг зерна на трудодень, вспашку под озимые – 45, косьбу – 30, сев – 12, дискование, культивацию, лущение – 7,5, боронование – 2 кг на трудодень (в Горьковской, Ивановской, Калининской областях соответственно 50, 30, 21, 8, 5, 2 кг за трудодень)⁸⁸.

Ставки натуроплаты не учитывали потери и производительность труда, не стимулировали материальную заинтересованность, что заранее предопределяло административный нажим. В военное время в планах предусматривалось большее, чем обычно, применение простейших механизмов и ручного труда, упрощались приёмы земледелия. Севообороты, составленные в земельных отделах без участия заинтересованных производителей, вводились только в 10–25% колхозов и охватывали 24–34% пашни, применялся метод агрегатного сева (одновременная вспашка, боронование и сев). Резко сократилось применение минеральных удобрений: если в 1940 г. вносилось 76,1 тыс. т навоза и 6,6 тыс. т минеральных удобрений, то в 1945 г. – 107 тыс. т навоза, 779 т золы и 407 т птичьего помёта, 997 т удобрений⁸⁹.

Урожайность основных культур в хозяйствах государственной и кооперативной собственности Дальнего Востока снизилась в 1,3–1,5 раза, а в отдельных районах ещё больше. На личных участках колхозников, рабочих и служащих она была выше. Так, в военные годы средняя урожайность картофеля в колхозах Приморского края составила 70 ц, совхозах – 64,2 ц с 1 га, овощных культур – соответственно 53,3 ц и 69,2 ц. С личных участков колхозники собирали с гектара 98 ц картофеля и 89,8 ц овощей, рабочие и служащие – в пределах 87,6 ц того и другого. Различия в урожайности по категориям хозяйств объясняются значимостью личного хозяйства в продовольственной потребительской корзине населения, мотивацией к труду и её материальным подкреплением⁹⁰.

Ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, острый дефицит трудовых ресурсов, неблагоприятные погодные условия ухудшили состояние основных отраслей сельскохозяйственного производства. В 1942 г. от засухи пострадал Приморский край, в 1943 г. от обильных дождей – южные районы Дальнего Востока (юг Хабаровского края и Приморье), в 1944 г. засуха охватила Амурскую и Еврейскую области. Только в Приморском крае из-за наводнения 1943 г. пострадало 31,9 тыс. га посевов, из них полностью погибло 15,7 тыс. и частично (от 50 до 90%) – 16,2 тыс. га, а на оставшихся площадях урожайность снизилась на 40%. Совхозы не добрали 11,9 тыс. ц ранних зерновых

культур, 4,5 тыс. ц риса, 22,4 тыс. ц овощей и 20,6 тыс. ц картофеля, что вызвало напряжённое положение в системе общественного питания городов⁹¹.

Полеводство играло ведущую роль в сельскохозяйственном производстве, но создавалась база и для развития животноводства. На 1 января 1941 г. в колхозах Хабаровского края насчитывалось 824 фермы крупного рогатого скота, 720 свиноводческих, 403 овцеводческие, 52 оленеводческие и 588 птицеводческих. Только за два последних предвоенных года вновь организовали 365 животноводческих и 584 птицеводческие фермы (364 колхоза имели по три фермы) с закупкой свыше 20 тыс. голов скота и 65,6 тыс. птицы. В колхозах Приморского края перед войной имелось 1227 животноводческих ферм (484 молочно-товарные, 434 свиноводческие, 309 овцеводческих) и 392 птицеводческие, а на начало 1944 г. – 476 молочно-товарных, 425 свиноводческих, 430 овцеводческих, 449 птицеводческих ферм, 6 племенных конеферм и 4 фермы по разведению лис⁹².

За годы войны в колхозах Дальнего Востока поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1,2 раза, свиней и лошадей – в 1,6 раза, при этом численность овец и коз увеличилась в 1,6 раза. Резко сократилось поголовье лошадей в Приморском крае (более чем в 2 раза), только оборонным ведомствам передали 9 тыс. лошадей. Установленный правительством минимум коров на фермах имели всего 98 колхозов из 750, свиноматок – 93 колхоза и овцематок – 72 колхоза Хабаровского края⁹³

Существовавшие животноводческие фермы во многих колхозах являлись не только малопродуктивными, но и не обеспечивали выполнение государственного плана по сдаче. Маломощные совхозы Дальнего Востока (создавались в конце 1930-х гг.) не могли существенно влиять на общее состояние животноводства в регионе. Независимо от ведомственной подчинённости они являлись комплексными почти с повсеместным преобладанием зерновой специализации.

Поголовье продуктивного скота в регионе сокращалось. Особенно тяжёлое положение сложилось в животноводстве в 1943–1944 гг., когда по разным причинам только в Приморье потери составили более 136 тыс. голов. За 1944 г. в колхозах пало (без вынужденного приреза) 7,4 тыс. голов скота, что составило около 13% от общего поголовья, 8,6 тыс. свиней (68%), 26,8 тыс. овец и коз (32%), 3,4 тыс. лошадей (17,7%). Падёж молодняка составил 2,1 тыс. телят (17,9%), 6,7 тыс. поросят (22,2%), 11,5 тыс. ягнят и козлят (42,5%), 343 жеребёнка (20%). На 1 января 1945 г. в колхозах были истощены или имели уровень упитанности ниже среднего 11% крупного рогатого скота, 19% свиней, 8% коз и овец. Падёж поголовья по совхозам в 1944 г. составил 28% крупного рогатого скота и 24,7% лошадей, в 1945 г. – соответственно 10 и 7,8%⁹⁴.

Близость Маньчжурии и Кореи с частыми вспышками там опасных заболеваний создавали неблагоприятную обстановку в регионе. Приморье два года вело борьбу со вспышками чумы в 9 районах. Эпизоотий не наблюдалось (возможно, данные просто скрывались), но в 1944 г. более 33 тыс. животных были квалифицированы как заразные, из них погибло 10,8 тыс. голов⁹⁵. Положение усугублялось тем, что в стремлении любой ценой выполнить годовые планы поставок маточное поголовье скота было подорвано. Так, в колхозах Хабаровского края выход молодняка по сравнению с 1940 г. на каждые 100 маток уменьшился по телятам с 83 до 65 голов, ягнятам с 96 до 86, поросятам с 908 до 740 и жеребьятам с 51 до 34 голов⁹⁶.

Основными источниками формирования продовольственного фонда страны являлись государственные централизованные заготовки: обязательные поставки основных видов зерновой и животноводческой продукции, отчисления машинно-тракторным станциям, возврат семенных и фуражных ссуд, государственные закупки. Объёмы обязательных поставок продукции полеводства определялись в зависимости от урожайности с каждого гектара пашни, животноводства – с каждого гектара закреплённой земельной площади (включалась и подлежащая освоению земля). Оплата за сданную продукцию производилась по крайне низким ценам, не покрывавшим затрат: 7–8 коп. за 1 кг зерна, 3 коп. – за 1 кг картофеля, 41–53 руб. – за голову крупного рогатого скота, 32–48 руб. – за свиную голову и 8–11 руб. – за голову овцы или козы⁹⁷. Важную роль играли государственные закупки на основе договоров и скупка излишков, которая проводилась по более высоким ценам (но ниже рыночной стоимости) с повышением денежных выплат в зависимости от количества.

Планы сдачи продукции по обязательным поставкам не учитывали сокращения посевных площадей или невозможности их обработки в результате стихийных бедствий, отсутствия дорог, присутствия военных ведомств, что лишало возможности многоземельные хозяйства Дальнего Востока рассчитаться с государством. Например, по актам на начало 1944 г. за колхозами Хабаровского края закреплено 1620 тыс. га облагаемых налогом сельскохозяйственных земель, что составляло в среднем 2150 га на один колхоз. По краю из 897 тыс. га пашни освоено 586 тыс., или 65%, из 351 тыс. га лугов – 198 тыс., или 57%. В целом удельный вес освоенных земель колебался от 40 до 80% по отдельным районам⁹⁸.

В Приморском крае к концу 1945 г. вся земельная площадь составляла 20,3 млн га, включая 607,4 тыс. га пахотоспособной земли, 438,7 тыс. – пашни, 553,7 тыс. – лугов и 518,1 тыс. га – выгонов. Колхозы освоили 62,1% закреплённых за ними земель, в том числе под посевы – чуть больше половины. Просьба исключить из облагаемых поставками 84,9 тыс. га земель, в том числе 6,4 тыс. га перечисленных в государственный фонд и 918 га неиспользуемых земель, 10,2 тыс. га переведённых в неудобные земли, осталась неудовлетворённой⁹⁹.

За 1941–1945 гг. Хабаровский край поставил 684,6 тыс. т зерна, что составило 80,2% планового задания, 356,6 тыс. т картофеля – 72,3%, 160 тыс. т овощей – 67%, 504,5 тыс. ц молока – 87%, 203 тыс. ц мяса – 89,9%, 13,7 млн шт. яиц – 86,1% планового задания. Максимальный уровень поставок всех видов продукции (за исключением мяса и яиц) приходился на 1942 г., а затем даже при сокращении плановых заданий начинается спад: к 1944 г. по зерновым культурам в 2,8 раза, картофелю – в 1,7 раза, овощам – в 1,8 раза. Мясо- и молокопоставки возросли соответственно до 51,6 тыс. и 116,3 тыс. ц, что объясняется подключением к сдаче ранее не задействованных категорий хозяйств (подсобных предприятий) и северных районов¹⁰⁰.

За 1941–1945 гг. колхозы и совхозы Приморского края сдали государству 284,3 тыс. т зерна, 160 тыс. т сена, 55,7 тыс. т сои (включая закупки), а все категории хозяйств – 140 тыс. т картофеля, 87 тыс. т овощей, 82,9 тыс. ц мяса, 145,8 тыс. ц молока, 11 млн шт. яиц, 180 тыс. кг брынзы, поступило 69 тыс. кг шерсти, 19,8 тыс. крупных кож и 23 тыс. – средних, 41,6 тыс. свиных и 35,5 тыс. овчинных кож¹⁰¹.

Хабаровскому и Приморскому краям в годы войны ни по одному показателю не удалось выполнить план заготовок сельскохозяйственной продукции. Во все

центральные инстанции от советских и партийных руководителей шли докладные записки с обоснованием критического положения в сельском хозяйстве. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1271–386с от 15 ноября 1943 г. колхозам Хабаровского края была предоставлена отсрочка по сдаче 2115 тыс. пудов зерна (до урожая 1944 г.), в том числе по обязательным поставкам – 900 тыс., по фонду Красной армии – 1215 тыс. пудов. План сдачи хлеба по краю уменьшался на 7114 тыс. пудов, и обязательные поставки 500 тыс. пудов зерна заменялись мясopоставками (постановлением СНК СССР № 1360–411с от 5 декабря 1943 г.). Разрешалось задолженность прошлых лет по натуроплате МТС в объёме 1558 тыс. пудов погасить деньгами. Ставилось условие обязательного выполнения оставшихся объёмов хлебопоставок. В противном случае наркому заготовок предоставлялось право уменьшать рыночные хлебные фонды для местного населения. По распоряжению СНК СССР № 10 809/р от 17 мая 1944 г. с колхозов Хабаровского края списали задолженность по обязательным поставкам и фонду Красной армии в количестве 54,2 тыс. т и на 165 тыс. га уменьшили облагаемые налогом земли. От поставок освобождались Камчатская, Сахалинская и Нижне-Амурская области, а для всех остальных нормы были снижены наполовину¹⁰².

Согласно постановлению СНК СССР от 5 марта 1944 г. пограничным колхозам Приморского края на пятилетний срок устанавливался половинный размер существующих норм поставок зерновых культур, картофеля, овощей, мяса, молока, шерсти, яиц. В 1945 г. льготы колхозам-переселенцам по обязательным поставкам зерна составили 11 274 т, или 44,2% начисленного количества, мяса – 676 т, или 40,5%. В 1944 г. колхозы Приморского края выполнили плановые задания поставок в продовольственный фонд страны на 41,2% и в 1945 г. – 70,3%, натуроплата МТС составляла соответственно 58,8 и 69,7%¹⁰³.

В годы войны, несмотря на уменьшение валовых сборов сельхозпродукции, государственные поставки увеличились. В первых два военных года колхозы Хабаровского края сдавали в виде обязательных поставок государству и натуроплаты МТС соответственно 51 и 55% валового сбора зерновых, 85 и 62% – технических культур, 52 и 58% – картофеля, а с 1943 по 1945 г. от 45 до 42% – зерновых, от 53 до 65 – технических культур и от 51 до 57% – картофеля. При этом сокращена доля натуроплаты МТС, но увеличена сдача государству. В среднем за годы войны государству сдано 19% валового сбора зернобобовых, по 33% – технических культур и картофеля, оплата машинно-тракторным станциям составила соответственно 29, 31, 21%, засыпано на семена – 24% зернобобовых, 21% технических культур и 32% картофеля¹⁰⁴. Объёмы поставок животноводческой продукции зависели от состояния общественного стада. В колхозах Дальнего Востока в 1941 г. они составили 5% валового выхода мяса, 7,1% – молока, 24,4% – масла, в 1943 г. – соответственно 3,4, 7,7, 43,3%, в 1944 г. – 7, 14,4 и 59,6%¹⁰⁵.

За пять военных лет поставки региона составили 969,3 тыс. т зерна, 496,7 тыс. т картофеля, 247,1 тыс. т овощей, 650,3 тыс. ц молока, 285,9 тыс. ц мяса, 24,7 млн шт. яиц. Если учесть, что за этот же период государственные заготовки по тыловым районам составили 52 726 тыс. т зерновых культур, 4534 тыс. т мяса скота и птицы в зачётном весе, 11 513 тыс. т молока и 2353 млн шт. яиц, то доля Дальнего Востока по зерновым составляет в пределах 1,8%, мясу и молоку – 0,6%, яйцам – 1,4%¹⁰⁶.

В оплате трудодней существовали значительные различия. Нормы выработки и расценки фактически не пересматривались, а учётная система была

крайне запущена. За годы войны колхозы Хабаровского края выделили на трудодни 10% валового сбора зерновых, 3% – технических, 4% – овощных культур, 5% – картофеля. На один трудодень колхозники в среднем получили в 1940 г. – 2,1 кг зернобобовых культур, 1941 г. – 1,5 кг, 1942 г. – 906 г, 1943 г. – 605 г, 1944 г. – 625 г и 1945 г. – 1,5 кг¹⁰⁷. В Амурской области, основном сельскохозяйственном районе, на трудодень выдавалось в 1941 г. – 1,6 кг зерна и 0,96 руб., 1942 г. – 0,95 и 1,34, 1943 г. – 0,50 и 1,24, 1944 г. – 0,41 и 1,29, 1945 г. – 1,77 кг и 1,48 руб.¹⁰⁸

За 1941–1945 гг. в среднем 14% колхозов Хабаровского края не выдавали денег на трудодни, 26% выдавали до 60 коп., 17% – до одного руб., 28% – до 2,5 руб., 8% – до 4 руб. на трудодень, что превышало аналогичные общесоюзные и республиканские показатели и объяснялось высокими рыночными ценами, прежде всего на животноводческую продукцию, и доходами от предпринимательской деятельности. В Приморском крае положение было не лучше. В 1939 г. натуральные доходы колхозников Приморского края на трудодень составили 1,8 кг зерна, 1941 г. – 1,3 кг, 1942 г. – 590 г, 1943 г. – 1 кг, 1944 г. – 700 г, 1945 г. – 1,5 кг; денежные – соответственно 1,8 руб., 2,22, 2,04, 2,34, 2,45, 2,01, 1,79 руб.¹⁰⁹

Отсутствие приходно-расходной документации как минимум у трети колхозов, умноженное на плохой учёт, приводило к бесконтрольному расходованию и распределению средств и сельскохозяйственной продукции. Множество документов подтверждает, что колхозной собственностью распоряжались работники всех уровней, вплоть до прокуратуры. Так, в 1944 г. только по 13 колхозам Амурской области было отпущено в обход законов 12,3 тыс. кг мяса, 7,3 тыс. кг зерновых, 4,6 тыс. кг картофеля, 1,8 тыс. кг мёда, 9,1 тыс. л молока. В Кагановичевском районе за два года проданы 51 лошадь, 461 голова крупного рогатого скота, 1,7 тыс. свиней и 327 овец¹¹⁰.

В письме работников газеты «Тихоокеанская звезда» в ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1945 г. приводятся многочисленные факты грубейших нарушений устава сельхозартели, хищений колхозного имущества руководящими работниками (фамилии указаны) в Хабаровском крае. Злоупотребление властью в корыстных целях, материальная зависимость одних от других стали системой. В 1944 г. растраты и хищения увеличились по сравнению с 1943 г. в 3 раза, а в 1945 г. только по двум областям края их выявлено на сумму 1 млн 969 тыс. руб.¹¹¹

Нарушения являлись не только следствием недостатков в работе земельных и советских органов власти, партийных организаций, но и результатом использования экономических рычагов в регулировании сельскохозяйственного производства. По годовым отчётам колхозов Хабаровского края общие доходы за 1941–1945 гг. составили 460,4 млн руб., из них 56% – поступило от растениеводства, 31% – животноводства, 4% – от заработков на стороне, 2% – с подсобных предприятий и 7% не были определены. Расходы и различные отчисления за этот же период превысили доходы на 2,2 млн руб. и составили 462,6 млн руб. Если не учитывать ежегодный перерасход средств, то 30% денежных расходов составила выдача на трудодни колхозным трактористам, 26% – предназначались на производственные нужды и 13% – на пополнение неделимого фонда. На налоги отчислялось 10%, погашение долговременных ссуд – 5% доходов, 3% – на культурные нужды, по 1% – на административно-хозяйственные расходы и доплату председателям колхоза. Приблизительно 11% полученных средств оставались в распоряжении колхозов¹¹².

Сельское хозяйство Приморского края в годы войны сохранило основную направленность, но доходные и расходные части бюджета изменились. Полеводство потеряло былую значимость. Если в 1940 г. его доля составляла 55,5% денежного дохода колхозов, то в 1945 г. – 34,7%. За счёт животноводства колхозы получили в 1945 г. 46,9% денежных средств, в то время как в 1940 г. – 29,6%. Производство мяса в убойном весе увеличилось почти на 20%, яиц – в 4,4 раза, шерсти – в 2,1 раза, а надои молока – снизились на 9,1%¹¹³.

Из других источников доходов необходимо выделить заработки на стороне, в том числе за счёт выполнения работ по трудовой мобилизации – 2,1% доходов и 14,5% – под условной категорией. Сюда относились пчеловодство (сбор мёда 24 тыс. ц) и 421 га садов, которые располагались в 23 районах. Наибольшие площади имели Буденновский район – 101 га, Ворошиловский сельский – 56 га и Черниговский район – 50 га. Справедливости ради необходимо отметить, что садоводство даже с низкими урожаями давало колхозам в пределах 1 тыс. ц фруктов и ягод. К концу войны 40 колхозов имели доход до 50 тыс. руб. в год, 154 – до 200 тыс., 144 – до 500 тыс., 37 колхозов – до 1 млн и четыре колхоза – свыше 1 млн руб.: «Хлебороб» – Спасского района, им. ВКП(б) – Михайловского, им. Сталина – Хорольского и им. Лазо – Чугуевского районов¹¹⁴. Показатели в пограничных артелях (в Приморье насчитывалась 51 артель) были ниже среднестатистических.

Основными статьями расхода приморских артелей оставались распределение по трудодням, на производственные нужды и капиталовложения, в том числе 15% потратили на приобретение рабочего и 8,4% – породистого скота, 4,6% – на строительство и 1,8% – на ремонт, а остальная часть не была освоена. Налоги и страховые платежи изымали из бюджета 13,9% (в 1940 г. – 5,8%), государственные займы – 8,5%, культурно-бытовые нужды – 2,9% дохода¹¹⁵.

При интенсивном труде колхозников, рабочих МТС, несмотря на помощь города, снижение сельскохозяйственного производства было ощутимым. Усиление и без того максимального трудового напряжения подчёркивает нецелесообразность некоторых принятых социально-экономических мер, направленных на расширение производства сельскохозяйственной продукции в регионе. Доля Дальнего Востока в продовольственном балансе страны не очень значимая, однако поставки сельскохозяйственной продукции позволили в какой-то мере не допустить резкого падения объёмов продовольственных ресурсов и стабилизировать снабжение дальневосточников в установленных нормах.

4.3. Дальневосточный транспорт в условиях военного времени

Начало Великой Отечественной войны обусловило организационно-управленческие и структурные изменения в транспортной отрасли, подчинило режим её работы укреплению обороноспособности страны. Сформированные на Дальнем Востоке в обстановке потенциальной опасности нападения со стороны Японии резервы, вооружение и боеприпасы в срочном порядке перебрасывались на Западный фронт. Основная нагрузка легла на железнодорожный транспорт. Важную роль приобрели скоростная обработка и оборот вагонов. По приказу НКПС с 24 июня 1941 г. введён параллельный график движения поездов, нацеленный на увеличение пропускной способности дорог.

За первые четыре месяца войны Приморской железной дорогой было перевезено сверх нормы 241,9 тыс. т груза. Ускорение грузопотока, нарушение графика поступления объектов транспортировки со стороны клиентов, неисправности подвижного состава повлекли за собой простои вагонов под погрузкой и разгрузкой¹¹⁶. Повысилась потребность в порожних вагонах, наличие которых не восполнялось в необходимом количестве и ограничивалось возможностями ремонта вышедших из строя. С июня по декабрь 1941 г. рабочий парк грузовых вагонов Дальневосточной железной дороги уменьшился в 2 раза. На Приморской железной дороге количество вагонов в декабре 1941 г. составило 70% от плана¹¹⁷.

Решающим фактором в преодолении трудностей военного времени стали инициатива и трудовой героизм железнодорожников. Машинисты, крановщики и грузчики, увеличивая производительность труда, сокращали время погрузки вагонов и заправки паровозов топливом. Неоценимую роль в поддержании в рабочем состоянии локомотивного хозяйства сыграло развитие лунинского движения, при котором бригады машинистов выполняли ремонт паровозов собственными силами, что позволяло избежать простоев в пути и увеличить нормативный пробег. Рабочие депо осваивали ремонт вагонов, изготовление новых и реставрацию старых запасных частей и инструментов. В первые пять месяцев войны на Приморской дороге около 400 восстановленных вагонов пущено в эксплуатацию. В ноябре 1941 г. свыше 1,5 тыс. работников предприятия давали от 2 до 5 норм выработки¹¹⁸. Восстановление вагонов осуществлялось на станционных путях несмотря на то, что это снижало маневренность подвижного состава. Такой ремонт за годы войны на Приморской дороге прошли 444 тыс. вагонов, из них во Владивостокском узле 265 тыс.¹¹⁹

В связи с прибытием из фронтовой зоны повреждённых вагонов увеличился объём восстановительных работ, и ремонтные предприятия испытывали недостаток мощностей. Ворошилов-Уссурийский паровозовагоноремонтный завод Наркомата путей сообщения сократил работу по восстановлению подвижного состава, переключив большую часть станочного оборудования и технического оснащения литейного, кузнечного и инструментального цехов на изготовление снарядов. Для укрепления материальной базы ремонтных предприятий в срочном порядке вводились в эксплуатацию объекты энерго- и водоснабжения, дополнительные мастерские и цеха.

Железнодорожникам удалось повысить ряд показателей, свидетельствовавших об ускорении обработки и транспортировки грузов. На Дальневосточной дороге оборот паровозов сократился с 20 часов в 1941 г. до 19 часов – в 1942 г., товарных вагонов – с 3,8 до 2,7 суток. Возросли техническая и участковая скорость поездов, а также доля отправлявшихся по графику товарных составов. Восстановление вагонов осуществлялось на станционных путях, несмотря на то что это снижало маневренность подвижного состава. Такой ремонт за годы войны прошли 444 тыс. вагонов, из них во Владивостокском узле 265 тыс.¹²⁰

На ст. Ворошилов-Уссурийский в 1943 г. организовали мастерские по сборке вагонов, платформ и транспортёров, поступающих в порт Владивосток из США и Канады. Вместе со штатными рабочими сборкой занимались солдаты железнодорожных войск. В сутки выгружали по 30–40 вагонов деталей и собирали по 40 вагонов. Работы велись на открытых площадках в любую погоду. Подобные пункты сборки были созданы на ст. Первая Речка, а в 1945 г. – на ст. Сибирцево¹²¹.

В связи с освобождением территорий от немецко-фашистских оккупантов согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. на восстановление Калининской, Западной, Московско-Донбасской, Юго-Восточной, Октябрьской и других железных дорог направлялись батальоны железнодорожных войск НКПС, техника, материалы¹²². Дальневосточная и Приморская железные дороги в 1942–1943 гг. передали на западные линии паровозы отечественной постройки 1930-х гг. серий ЭМ и СОК. Взамен из США прибыли паровозы серии Е-ф и Е-л, построенные на основании российских разработок в 1916–1919 гг.¹²³ В 1944–1945 гг. по ленд-лизу на Дальний Восток доставляли паровозы серии Е-а. Весь грузовой локомотивный парк Дальневосточной железной дороги был оснащён паровозами этой серии¹²⁴.

Кадровая проблема на транспорте приобрела особую остроту в результате призыва рабочих в армию, гибели их на фронте, перевода на промышленные оборонные предприятия. С 1 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. численность работников на железных дорогах НКПС СССР сократилась на 38%. Кадры со стажем до одного года на конец указанного периода составляли 36,2% от их общей численности. По действующей сети дорог, промышленным предприятиям, строительству НКПС и спецформированиям на 1 января 1943 г. не хватало 157 тыс. чел.¹²⁵

В январе 1943 г. согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) предписывалось выявить на промышленных предприятиях и в учреждениях людей, ранее работавших на транспорте, и в декадный срок возвратить их на предыдущее место работы¹²⁶. В апреле текущего года железнодорожный, а в мае морской и речной транспорт были переведены на военное положение, рабочие и служащие считались мобилизованными, устанавливалась их ответственность за преступления по службе наравне с военнослужащими Красной армии.

Ужесточение государственной политики стимулировало решение кадровой проблемы, но объективные условия на протяжении всей войны ограничивали возможности предприятий по привлечению работников. Взамен ушедших на фронт транспортников на предприятия приходили члены их семей. Свыше 300 женщин, прошедших подготовку в ноябре 1941 г., работали машинистами, помощниками машинистов, осмотрщиками вагонов, дежурными по станции на Приморской железной дороге. Новые профессии освоили Е. Карabut, А. Семенова, А. Сажина, Л. Вдовченко, Н. Каменева, Е. Изотова, Ф. Островерхова, О. Миляева, А. Куприенко и мн. др.¹²⁷

В январе 1944 г. на Приморской железной дороге женщины и подростки от 15 до 18 лет составляли 52% от общей численности работающих, на Дальневосточной дороге в 1945 г. – 44,1%. Если на Дальневосточной дороге в 1941 г. работало всего 27 480 чел., то на конец 1945 г. – 15 730 чел.¹²⁸

Сокращение в годы войны экономических связей, гражданского строительства и производства привело к снижению грузооборота дальневосточных дорог. Если в 1940 г. грузоперевозки Приморской дороги исчислялись 14 081 тыс. т, то в 1943 г. только 7265 тыс. т¹²⁹. На Дальневосточной железной дороге перевозка грузов в 1941 г. составила 105,0% к уровню 1940 г., в 1942 г. – 53,5%, 1943 – 55,5% и в 1944 г. – 53,0%¹³⁰. Менялось направление грузопотоков. Так, если в 1940 г. Приморская дорога сдавала на выход 13% от общего количества погруженных вагонов, то в 1942 г. – 28%, в 1943 г. – 44%, а в 1945 – 52%. Дальневосточная железная дорога, принимавшая в 1940–1942 гг. гружёные вагоны главным

образом с западного направления, в 1943–1944 гг. – уже в основном с восточного (табл. 4.3.1).

Таблица 4.3.1. Динамика приёма грузов Дальневосточной железной дорогой по направлениям, вагонов в сутки в среднем

Показатели	Годы				
	1940	1941	1942	1943	1944
Приём груженых вагонов с запада	1054	943	426	374	342
Приём груженых вагонов с востока	212	345	284	461	495

Источник. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 364. Л. 2.

Как и до войны, Приморская железная дорога обслуживала предприятия различных отраслей промышленности края – угольной, лесной, рыбной и пр. Погрузка леса, цемента, хлебных грузов и рыбы быстро снижалась (табл. 4.3.2).

Важнейшим направлением работы дороги становилась транспортировка импортных грузов, поступавших в СССР через морские порты. В период 1942–1945 гг. погрузка импорта в вагоны в среднем в сутки увеличилась в 6 раз (табл. 4.3.2). По ленд-лизу доставлялись военная техника, стратегическое сырьё, рельсы, автомобили, обмундирование, сукно, кожа, медь, олово, молибден. На специально оборудованных судах из-за границы везли локомотивы, выгружали во Владивостоке, ставили на рельсы и отправляли на запад. Всего в 1941–1945 гг. во Владивостокском железнодорожном узле погружено 7850 тыс. т импорта¹³¹.

Таблица 4.3.2. Породовая погрузка Приморской железной дороги в среднем в сутки, вагонов

Показатели	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего грузов	1533,0	1623,0	1021,0	1049,0	1139,0	1145,0
Из них:						
каменный уголь	409,0	522,0	416,7	332,0	338,3	446,0
лес	103,0	107,4	44,0	18,6	19,1	24,2
цемент	34,0	41,5	25,3	8,8	нет св.	9,9
хлебные грузы	52,0	46,0	31,6	29,6	12,6	15,2
наливные грузы	40,0	32,6	8,1	24,2	нет св.	115,0
импорт	–	–	66,9	333,8	481,2	408,4
рыба	38,0	35,3	22,6	20,1	24,4	14,2

Источники. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 46. Д. 1651. Л. 78; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 175. Л. 64; ГАХК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 181. Л. 4; Д. 273. Л. 70 (сост. авт.).

Приморская дорога закончила 1943 г. с перевыполнением плана, сократила расход эксплуатационных средств, снизила на 11,7% себестоимость перевозок, перевыполнила задание по весу грузового поезда на 10,1%, сэкономила на 3 млн руб. топлива и дала государству сверх плана 50,8 млн руб. прибыли. Значительно перевыполнен план и по пассажирским перевозкам. В 1944 г. Приморская железная дорога план погрузки выполнила на 94,9%, выгрузки – на 103,0%. В течение года по итогам Всесоюзного социалистического соревнования ВЦСПС и НКПС

подразделениям дороги 8 раз присуждали переходящее Красное знамя Наркомата путей сообщения¹³². По результатам работы зимой 1943/44 г. многие работники Приморской железной дороги награждены правительственными наградами. К награде орденом Ленина представлены дежурный по Владивостокскому отделению движения М.П. Клушин, начальник паровозной службы П.Ф. Могожин, дорожный мастер 9-й Гродековской дистанции службы пути Г.И. Нестеров, орденом Трудового Красного Знамени награждены главный кондуктор Ружинского резерва И.А. Белозеров, начальник топливного отдела Приморской дороги В.Д. Бузданов и др.¹³³

На Дальневосточной дороге сократилось отправление груза для широко развернувшегося до войны строительства в крае (табл. 4.3.3). Вместе с тем погрузка нефтепродуктов с 1939 по 1945 г. возросла в 2,4 раза, чёрных металлов – в 5,4 раза. В целом сокращение объёмов перевозок произошло за счёт угля, дров, хлеба.

Таблица 4.3.3. Выполнение породовой погрузки вагонов на Дальневосточной железной дороге, в среднем в сутки вагонов

Показатели	Годы					
	1939	1941	1942	1943	1944	1945
Грузы						
Каменный уголь	–	Нет данных	–	1,8	–	–
Нефтепродукты	49,0	Нет данных	55,9	110,0	113,6	120,6
Чёрные металлы и лом	3,0	Нет данных	12,4	15,9	13,6	16,1
Лесоматериалы	178,0	Нет данных	87,8	54,0	52,5	39,8
Дрова	97,0	Нет данных	68,9	36,1	49,5	21,1
Стройматериалы	528,0	Нет данных	51,4	41,7	70,6	38,7
Хлебные грузы	29,0	Нет данных	17,4	14,1	12,0	6,6
Прочие	198,0	Нет данных	211,2	164,5	143,5	253,1
Всего	1082,0	1114,0	505,0	439,0	455,6	496,0

Источник. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 46. Д. 422. Л. 14 об.; Д. 1159. Л. 71 об.; Д. 1623. Л. 12 (сост. авт.).

Амурская железная дорога в годы войны занималась перевозкой райчихинского угля для промышленных предприятий, электростанций и железных дорог в пределах региона, а также произведённых в области сельскохозяйственных продуктов.

Пассажирские перевозки на дорогах Дальнего Востока, по сравнению с довоенным периодом, в количественном отношении менялись незначительно. По Приморской дороге, например, перевезено пассажиров в 1940 г. 13 880 тыс. чел., в 1941 г. – 13 752, в 1942 г. – 14 196 тыс. чел.¹³⁴

Расширению возможностей маневрирования войск и доступа к региональным ресурсам способствовало строительство транспортных путей. С 16 августа 1941 г. в состав Приморской железной дороги приняты новые железнодорожные линии: Барановский – Краскино (196 км), Сучан – Сергеевка (42,5 км), Смоляниново – Дунай (67,6 км). В 1942 г. вошла в эксплуатацию ветка Известковая – Ургал. В июле 1945 г. было открыто сквозное движение по линии Комсомольск – Советская Гавань, а в постоянную эксплуатацию она сдана в декабре

1946 г. Эксплуатационная длина железных дорог Дальнего Востока с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. увеличилась с 3417 до 4026 км¹³⁵.

По решению ГКО в апреле 1945 г. образован Округ железных дорог Дальнего Востока, в распоряжение которого сразу стали прибывать эксплуатационно-железнодорожные полки и эксплуатационные отделения, перебрасываемые из Польши и Румынии. В мае началась форсированная транспортировка с запада на восток воинских подразделений и техники. Транссибирская магистраль от Иркутска до Владивостока была передана в ведение оперативной группы Управления тыла Красной армии при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке. Советский Союз готовился к войне с Японией.

Во время наступательной операции в августе 1945 г. советские войска для продвижения по территории Маньчжурии использовали КВЖД. Войска Забайкальского фронта заняли ряд станций на этой дороге, предотвратив разрушение противником тоннелей на перевале через Большой Хинган. По окончании военных действий при содействии работников Восточно-Сибирской и Приморской железных дорог на Китайской Чанчуньской железной дороге был произведён ремонт и открыто движение по всей линии¹³⁶. С 1 апреля 1946 г. железные дороги Южного Сахалина начали работу в системе Министерства путей сообщения СССР. Их эксплуатационная длина составляла 697,3 км¹³⁷.

В годы войны многие железнодорожники проявляли самоотверженность в труде и показывали высокие результаты. Правительственными наградами награждены старший помощник начальника ст. Эгершельд по грузовой работе И.Д. Волегов, составители поездов ст. Первая Речка Н.П. Седорчук, С.И. Чернов, старейший дежурный по станции, почётный железнодорожник Б.Т. Богомолов, лучшие стрелочники, почётные железнодорожники – М.Г. Кондратюк, А.И. Продаус, З.И. Федорчук и др.¹³⁸ Многие железнодорожники получили значки «Ударник сталинского призыва», «Почётный железнодорожник», «Отличный паровозник», «Отличный движенец». Дальневосточной железной дороге за трудовой героизм её работников в годы войны в 1945 г. вручены на вечное хранение переходящие Красные знамёна ВЦСПС и МПС, Округа железных дорог Дальнего Востока и Красное знамя военного совета Дальневосточного фронта¹³⁹.

Железнодорожный транспорт Дальнего Востока в годы войны работал в тесном взаимодействии с морским. Обширная география тихоокеанских путей позволила наладить жизненно необходимые для страны связи и восполнить коммуникационные потери, понесённые на западе. Флот вооружался, судовые команды проходили боевую подготовку и усиливались воинскими подразделениями.

В систему Дальневосточного морского пароходства входили судоремонтные заводы № 1 в Советской Гавани и № 2 во Владивостоке, порты Владивосток, Александровск-на-Сахалине и ряд портовых пунктов. Динамично менялся количественный и качественный состав Дальневосточного торгового флота. Часть транспортных средств различного назначения была передана в распоряжение Военно-морского флота. В 1941 г. Дальневосточный флот понёс первые потери от нападений противника. В декабре японцы обстреляли находившиеся в Гонконге на ремонте советские суда «Кречет», «Симферополь», «Свирьстрой» и «Сергей Лазо», японская авиация потопила безоружные пароходы «Перекоп» (капитан А.А. Демидов) и «Майкоп» (капитан А.В. Левченко)¹⁴⁰.

На начало 1942 г. в Дальневосточном управлении числилось 85 транспортных судов. Главным образом, это были сухогрузные пароходы. Суда в возрасте

более 25 лет составляли около 23% от общего их количества. Особенно медленно обновлялся пассажирский флот, из 10 пассажирских пароходов 8 имели возраст 30 и более лет: «Желябов» построен в 1911 г., «Кречет» – в 1899 г. и «Ильич» – в 1895 г.¹⁴¹

Среди наиболее сложных задач, связанных с эксплуатацией флота, был ремонт. Его объём на отечественных предприятиях в 1941–1944 гг. сократился. Завод № 1 НКМФ в Советской Гавани, кроме капитального ремонта судов, выпускал оборонную продукцию. Завод № 2 во Владивостоке, специализировавшийся на межрейсовом и аварийном ремонте, в 1943–1944 гг. в основном монтировал американские гусеничные краны и строил понтоны для плавучих кранов во Владивостокском порту¹⁴². Существенно был ограничен ремонт гражданского флота на Дальзаводе, изредка транспортные суда обслуживались на Петропавловской судовой Наркомрыбпрома. Осложнялось положение недостаточным обеспечением кадрами и невыполнением централизованных поставок материалов, ветхостью оборудования ремонтных цехов.

Восстановление советских судов производилось в портах Ванкувер, Сиэтл, Такома, Олимпия, Портленд, Сан-Франциско, Лос-Анджелес. В 1941–1942 гг. на ремонт в США и Канаду направили пароходы «Дальстрой», «Советская Латвия», «Красноармеец», «Белоруссия», «П. Виноградов», «Уралмаш» и пр. Их экипажи возглавили капитаны В.М. Банкович, Г.А. Ухов, И.Л. Дьячук и др.

В общей стоимости судоремонта транспортного флота Дальневосточного пароходства доля заграничного ремонта составила в 1941 г. 60,4% от общих затрат, в 1942 г. – 80,2, 1943 г. – 94,3, 1944 г. – 96,02, 1945 г. – 89,3%. Во втором полугодии 1945 г. в ремонте за границей находились лишь единичные суда, имевшие специальное разрешение НКМФ («Маньчж», «Ленинград», «Сучан», «Ташкент»). Сократился межрейсовый ремонт без вывода судов из эксплуатации. Американцы стали производить минимальный, лишь поддерживающий ремонт судов, всячески увеличивая его стоимость¹⁴³.

По мере развёртывания военных действий на западе страны в Тихоокеанском бассейне сосредоточивались материальные средства и кадровый потенциал тех пароходств, действия которых были заблокированы противником. Большое влияние на положение дальневосточного транспорта оказало изменение направления грузопотоков, следовавших в СССР из союзных государств по ленд-лизу. Правительством было принято решение о переводе океанских судов с Северного бассейна на Дальний Восток. Десятки транспортных судов в конце 1942–начале 1943 г. совершили переход через Северную Атлантику во Владивосток. Всего в течение 1941–1945 гг. в Дальневосточное пароходство прибыло 39 судов из других пароходств страны.

Пополнение флота происходило также за счёт поступления транспортных средств по ленд-лизу. С 1942 г. американцы передавали Советскому Союзу старые суда, отремонтированные в срочном порядке. Однако этот транспорт быстро выходил из строя, и было принято решение покупать новые суда. В 1942 г. в различных американских портах было получено 27 судов, 1943 г. – 46, 1944 г. – 20, 1945 г. – 35 судов¹⁴⁴. В данную группу вошли 39 судов типа «Либерти» и 4 танкера постройки 1941–1944 гг. Остальные имели возраст 25–35 лет¹⁴⁵.

Численность транспортного флота Дальневосточного пароходства с 1941 по 1945 г. увеличилась в 2 раза, его грузоподъёмность повысилась в 3 раза (табл. 4.3.4). К моменту разгрома гитлеровской Германии на Дальнем Востоке

был сосредоточен флот, включавший более половины всего действующего тоннажа НКМФ¹⁴⁶.

Таблица 4.3.4. Транспортный флот Дальневосточного пароходства в 1941–1945 гг.

Показатели	Годы			
	1941	1942	1943	1945
Количество судов, ед.	85	100	157	177
Из них:				
грузовые	66	83	134	Нет данных
грузопассажирские	14	11	9	Нет данных
наливные	5	6	14	14
Общая чистая грузоподъёмность, т	342 312	462 240	861 551	1 091 170

Источник. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 175. Л. 57; Ф. 46. Оп. 77. Д. 356. Л. 5, 24 (сост. авт.).

Развитие связей со странами-союзницами в Тихоокеанском бассейне требовало укрепления не только флота, но и портового хозяйства. Согласно постановлениям ГКО от 21 апреля 1943 г. и 25 апреля 1944 г. выполнен большой объём работ по реконструкции Владивостокского порта: капитальный ремонт производственных и складских помещений, установка кранов, переустройство железнодорожных путей на причалах № 19, 20, 30, 46 и 49, сооружение углеперегружателя на мысе Клет, обновление электросиловых устройств порта. Если в 1941 г. гавань имела в своём распоряжении только 2 порталных и 2 плавучих крана, то в 1943 г. смонтировано и сдано в эксплуатацию 15 порталных, 5 железнодорожных, 9 гусеничных кранов и 40 штабелеров. За 1943 г. отремонтировали 7 причалов, что позволило обрабатывать в порту одновременно 16 судов (вместо 12 в 1939 г.). Охват механизацией в 1945 г. составил во Владивостоке 83,2% от общего количества переработанных грузов¹⁴⁷.

С учётом опыта обработки судов с импортным грузом проводилась реконструкция Николаевского-на-Амуре, Петропавловск-Камчатского, Нагаевского и Находкинского портов. Сооружались и ремонтировались причалы, обустроивались площадки для хранения грузов, устанавливались погрузо-разгрузочные механизмы. Реконструкция позволила увеличить пропускную способность гаваней.

Вместе с количественным ростом флота и развитием портов укреплялся кадровый состав Дальневосточного пароходства. Всего в 1943 г. в организацию поступило 4190 чел.; в 1944 г. – 2362; 1945 г. – 2448 чел.¹⁴⁸ В годы войны из Ленинграда прибыли в Дальневосточное пароходство известные капитаны А.И. Щетинина, В.Ф. Федотов, И.Г. Гаврилов, А.А. Демидов, И.В. Трескин; из Одессы – капитаны А.М. Алексеев, А.Ф. Шанцберг, А.Н. Доценко, А.А. Орлов, С.Т. Яковлев. Во Владивосток приехали шесть Героев Советского Союза, участников знаменитого дрейфа парохода «Георгий Седов» во главе с капитаном К.С. Бадигиным. Капитаны принимали новые суда для СССР в Америке. А.П. Яскевич 28 января 1943 г. принял в Ричмонде пароход «Красногвардеец» и привёл его во Владивосток. Экипажи новых судов «Декабрист» и «Войков» возглавили капитаны П.П. Стофер и И.А. Ман¹⁴⁹. В пледу работников Дальневосточного пароходства входили опытные капитаны: Н.Б. Артюх, М.С. Бабиевский, А.П. Бочек, К.Г. Кондратьев и др. Большую роль в организации работы пароходства в годы войны сыграли его

начальники: А.А. Афанасьев, сменивший его на этой должности в октябре 1942 г. В.Ф. Федотов, затем Г.А. Мезенцев.

Пополнение флота, развитие его инфраструктуры и кадрового состава были направлены на выполнение оперативных и стратегических задач. В структуре перевозок Дальневосточного морского пароходства в 1941 г. превалировало, как и в предыдущие годы, каботажное плавание. Основными клиентами пароходства были Дальуглесбыт, комбинат «Сихали», Тихоокеанский военно-морской флот, Дальстрой, АКО и др. Морским транспортом осуществлялась доставка продовольствия и предметов первой необходимости в населенные пункты Приморья, Охотского побережья и Северного Сахалина. С промышленных предприятий на судах вывозились рыба, уголь, лес, нефть. Морской транспорт продолжал выполнять преимущественно внутрирегиональные перевозки, но к концу 1941 г. заметно возросла интенсивность заграничных рейсов, вызванная, прежде всего, увеличением поставок импорта, которые в 1942 г. увеличились в 2 раза, в 1943 – в 4 раза (табл. 4.3.5). Заграничные рейсы совершали 64 судна Дальневосточного морского пароходства общей грузоподъемностью 301 960 т с численностью экипажа 2874 чел.¹⁵⁰

Таблица 4.3.5. Количество отправленных грузов и пассажиров на судах Дальневосточного морского пароходства

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Малый каботаж, тыс. т	1009,4	489,8	587,9	598,0	565,6
Большой каботаж, тыс. т	–	–	–	–	–
Экспорт, тыс. т	4,9	9,6	78,0	24,6	32,0
Импорт, тыс. т	262,2	548,0	2200,9	2715,2	2357,7
Между иностранными портами, тыс. т	7,8	52,6	14,9	41,6	25,0
Всего отправлено грузов, тыс. т	1284,3	1100,0	2881,7	3379,4	2980,3
Кроме того:					
спецперевозки в малом каботаже, тыс. т	21,7	32,4	10,3	–	1150,3
перевалочный импорт, тыс. т	–	–	203,4	136,9	86,9
Всего отправлено пассажиров, чел.	103 349	62 069	57 049	59 294	76 853

Источник. ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 55. Л. 1 об.; Д. 63. Л. 1 об.; Д. 71. Л. 6 об.; Д. 74. Л. 3 об.; Д. 77. Л. 3 об. (сост. авт.)

После вступления в декабре 1941 г. в войну Японии осложнилась ситуация в районе плавания флота Дальневосточного пароходства. Несмотря на то что между СССР и Японией сохранялся нейтралитет, советским судам, проходившим проливы Лаперуза и Цусимский, чинились разного рода препятствия, вплоть до обстрелов. В тяжёлых условиях моряки осваивали новые районы плавания, учились водить суда ночью без ходовых огней, при необходимости вступали в неравную борьбу с врагом.

Направление основной части флота на перевозку импорта осложнило доставку народнохозяйственных грузов внутри региона. Трудное положение

сложилось на Северном Сахалине. Нехватка транспортных средств, слабая техническая оснащённость портов тормозили развитие угольной, рыбной, лесной и нефтяной промышленности на острове. Через порт Александровск-на-Сахалине с приписанными к нему портовыми пунктами Мгачи, Арково, Макарьевский, Октябрьский и Агнево осуществлялась, главным образом, транспортировка угля на материк. В 1941 г. портовыми пунктами было переработано 330 тыс. т угля (в 1940 г. – 380 тыс. т), но только на шахтах треста «Сахалинуголь» осталось не вывезенным свыше 400 тыс. т топлива. Помимо этого задерживалась отправка большого количества рыбы и строевого леса.

Обострилось положение с завозом продуктов и промтоваров на север. Уже в первый год войны Камчатторг и Колымснаб не выполнили планы завоза. В дальнейшем снабжение северных районов во многом зависело от поставок из-за рубежа. В 1942 г. Колымснабом было завезено в северные районы Дальнего Востока 74,9 тыс. т продовольствия отечественного и 64,8 тыс. т импортного производства; соответственно 5,8 тыс. и 3,8 тыс. т промышленной продукции. Для снабжения Колымы особое значение имел Северный морской путь. Через арктические порты Тикси, Амбарчик, Певек и по рекам Лене, Алдану, Индигирке и Колыме поступали необходимые грузы¹⁵¹.

Для выполнения производственных задач Николаевскому-на-Амуре государственному морскому пароходству приходилось преодолевать проблемы, связанные с нехваткой буксиров, аварийностью плавсредств, авральной работой по обработке судов. Несмотря на это, коллектив добивался высоких показателей в работе, за ударный труд ему в течение 1942 г. присуждались передовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании, переходящее Красное знамя НКМФ СССР и Знамя Государственного Комитета Оборона СССР. Среди работников Николаевского-на-Амуре порта было немало передовиков производства: бригадиры грузчиков Н.В. Киров и И.С. Мухин, диспетчер порта П.А. Дубовой, прораб первого участка порта С.А. Червяков, слесарь З.К. Бикенин, слесарь А.С. Мишин и др.¹⁵²

Грузооборот Владивостокского порта с 1343,6 тыс. т в 1941 г. увеличился до 2581,1 тыс. т в 1945 г. За годы войны он составил 7,8 млн т, в том числе 7,0 млн т импорт. Летом 1943 г. часть флота была направлена в порты Находка и Нагаево, чтобы разгрузить Владивосток. Наибольший грузооборот среди портовых пунктов в первом полугодии 1943 г. имели Тетюхе (29,2 тыс. т), Находка (26,7 тыс. т) и Совгавань (19,2 тыс. т)¹⁵³.

В начале 1942 г. импортные грузы стали поступать в Петропавловский и Нагаевский порты, по технической оснащённости не готовые к резкому увеличению потока грузов. Докерам приходилось работать по 14–16 ч в сутки, чтобы вовремя разгрузить суда. Простой транспортного флота в Петропавловске-Камчатском достигли 78% от общего стояночного времени судов в порту. По мере обустройства портов Петропавловск-Камчатский, Нагаево и Находка повышалась их роль в приёме импортных грузов¹⁵⁴.

С 1943 г. импортные перевозки занимали главное место во всей работе Дальневосточного пароходства. Из всего перевезённого пароходством груза в этом году около 70% составил импорт. Следует отметить, что, несмотря на невысокую долю экспорта в общем объёме перевозок, его транспортировка на судах пароходства в 1943 г. была больше, чем в предыдущем году. В счёт оплаты поставок по ленд-лизу за рубеж отправлялись золото, руда, лес.

Экипажи 40 судов Дальневосточного пароходства в 1943 г. по основным показателям перевыполнили производственный план. Среди них были команды пароходов «Ташкент» (капитан Г.С. Царев), «Луначарский» (капитан Н.В. Смагин), «Батуми» (К.А. Зайцев), «Комилес» (А.Л. Коневский). Только за счёт увеличения загрузки судов моряки перевезли свыше 60 тыс. т импортных грузов. В октябре 1943 г. за успешное выполнение государственного плана грузоперевозок Дальневосточное пароходство награждено переходящим Красным знаменем ГКО и денежной премией¹⁵⁵.

Отправление грузов на судах Дальневосточного пароходства с 1941 по 1945 г. в целом увеличилось в 2,3 раза, при этом количество отправленных грузов в малом каботаже сократилось в 1,8 раза, импорт увеличился в 9,0 и экспорт в 6,5 раза (табл. 4.3.5). В 1945 г. импорт составил 79% от общего количества отправленных грузов. Перевозка пассажиров в 1942, 1943 и 1944 гг. значительно снизилась по сравнению с 1941 г.

Морской транспорт принимал самое активное участие в сосредоточении вооружённых сил на дальневосточных рубежах СССР в период подготовки к войне с Японией и затем в обеспечении их действий. Суда Николаевского-на-Амуре морского пароходства в 1945 г. мобилизовали на подготовку советских войск к военным действиям на южной части Сахалина. В июне-июле текущего года резко увеличился объём перевозок воинских грузов на северо-западное побережье острова. Небольшие суда «Амур», «Ветлуга», «Л. Красин», «Охта», «Сорока», «Шилка», «Байкал», «Желябов» и другие переправили через обмелевший за зиму северный фарватер Амурского лимана свыше 80 тыс. т грузов и 4 тыс. военнослужащих.

К боевым действиям Тихоокеанского флота, развернувшимся в августе 1945 г., привлекались суда Наркомфлота, Главного управления Северного морского пути, Наркомрыбпрома, НКМФ¹⁵⁶. Около 40 транспортных судов Дальневосточного пароходства перевозили войска и военные грузы, высаживали десанты в Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах. Всего в 1945 г. суда Дальневосточного пароходства сделали 224 рейса по специальным заданиям военного командования¹⁵⁷.

За активное участие в боевых действиях против японских милитаристов и проявленное при этом мужество около 1900 моряков, портовиков и судоремонтников Дальнего Востока награждены орденами и медалями, в том числе 12 чел. – орденом Ленина¹⁵⁸. За умелые действия в боевой обстановке командующим Тихоокеанским флотом 29 сентября 1945 г. награждены орденами молодые капитаны В.С. Крицкий (пароход «Менделеев»), Г.С. Белошапкин («Караганда»), Е.В. Веденский («Саратов»), вместе с ними получили ордена старший помощник капитана С.П. Красноперов, старшие механики С.И. Шестаков, Е.В. Еременко и др. Правительственными наградами отмечены работники морского транспорта В.П. Грибин, С.П. Мышевский, Н.Б. Артюх, А.И. Щетинина, И.И. Колосовский, М.Е. Воскобойников.

Речной флот Дальнего Востока в отличие от морского не получал материальной поддержки в годы войны, так как деятельность речников была в меньшей степени связана с государственными заказами. Интенсивность движения по речным путям за годы войны снизилась. Наиболее оживлённой сферой внутренних водных сообщений оставался Амурский бассейн. Динамика количественных показателей самоходного флота Верхнеамурского и Нижнеамурского речных

пароходств свидетельствует о том, что существенных изменений в составе грузопассажирского флота в годы войны не произошло (табл. 4.3.6). Увеличился буксирный флот за счёт строительства новых и передачи из других организаций. В 1945 г. его пополнение происходило трофейными транспортными средствами.

Таблица 4.3.6. Наличие и состав транспортного и служебно-вспомогательного флота Верхнеамурского и Нижнеамурского речных пароходств

Показатели	Годы		
	1941	1943	1945
Грузопассажирские суда			
Количество, ед.	34	34	33
Мощность, л.с.	8981	10 132	9342
Грузоподъемность, т	5054	5415	4407
Пассажировместимость, мест	5672	5619	4905
Буксиры, ед.	60	69	82
Вспомогательные (рейдово-маневровые), ед.	10	7	13

Источник. ГАХК. Ф. 736. Оп. 2. Д. 76. Л. 3; Д. 59. Л. 4; Д. 109. Л. 20; Д. 126. Л. 16; Д. 60. Л. 5; Д. 94. Л. 1; Д. 127. Л. 7 (сост. авт.).

Речные перевозки на Дальнем Востоке кроме амурских пароходств осуществлялись ведомственными организациями. Флот Дальстроя эксплуатировал внутренние водные пути на Северо-Востоке. Нижнеамурский лагерь имел в своём распоряжении работоспособный речной флот. На 1 января 1944 г. он состоял из 31 самоходного и 28 несамоходных плавучих средств. Основным недостатком такого флота была его непригодность к работе в ледовых условиях и к перевозке тяжеловесов¹⁵⁹.

К минимуму в годы войны были сведены работы по обустройству и содержанию речных путей. В Амурском бассейне не поддерживались гарантийные глубины и не переставлялись своевременно створы в связи с изменением фарватера, не оборудовались обстановочные знаки, что приводило к авариям.

Дальневосточная судоремонтная база речного флота включала Хабаровский завод, Благовещенскую, Суражевскую судоверфи и ряд других предприятий. К навигации 1941 г. Нижнеамурское и Верхнеамурское пароходства подготовились удовлетворительно. Успешно ремонтировались суда, зимовавшие в районе Комсомольска и Николаевска-на-Амуре. Зимой 1940/41 г. впервые значительная часть флота пароходства была восстановлена силами судовых команд, что разгрузило судоремонтные базы и положило начало обучению судовых команд ремонтным работам. Лучшими в ремонте показали себя механики Гречко, Гребенщиков, капитаны Болдырев, Елкин, Лобастов и др.¹⁶⁰

Флот Верхнеамурского речного пароходства в течение навигации 1941 г. непроизводительно простаивал под погрузо-разгрузочными операциями около 3 тыс. тоннаже-суток, а механизация пристаней использовалась пароходством по времени только на 6%. Из-за бесконечных аварий только одним Верхнеамурским пароходством было нанесено ущерба государству на сумму 750 тыс. руб.¹⁶¹ В навигацию 1942 г. его грузооборот снизился, так как промышленные и сельскохозяйственные предприятия недопоставили продукцию для транспортировки. В летние месяцы пароходство вынуждено было отправить часть

работоспособного флота в резерв. В ходе передислокации войск судами пароходства было перевезено 9,1 тыс. чел.¹⁶² Из общего количества самоходного флота Верхнеамурского пароходства в 1942 г. выполнили план грузоперевозок только 4 судна («Каганович», «Батуми», «Лермонтов», «Профинтерн»). Лучше других наладили работу экипажей капитаны А.Е. Юрчаков, Б.А. Обливанцев, М.И. Золотухин, П.П. Марченко¹⁶³.

Следствие того что в 1943 г. стали поступать импортные грузы в Николаевск-на-Амуре, Верхнеамурское речное пароходство перевыполнило производственный план. За год было перевезено 4 тыс. т импорта. Большая работа была проделана по транспортировке дров в плотах для Благовещенска в целях разгрузки железной дороги. В целом успешно выполнялись воинские перевозки: за навигацию перевезено пароходством 54,4 тыс. т грузов специального назначения¹⁶⁴.

За исключением 1944 г., когда судами Верхнеамурского пароходства было перевезено грузов в 2 раза меньше, чем в 1941 г., объём грузопотока менялся относительно мало и составлял в годы войны около полумиллиона тонн (табл. 4.3.7). Пассажирские перевозки не подверглись существенным колебаниям, и их уровень оставался достаточно стабильным. Произошло значительное снижение транспортировки хлебных грузов (в 1941 г. – 84,7 тыс. т, в 1945–28,3 тыс. т), соли и леса, но несколько увеличилось количество металлов и нефти¹⁶⁵. В 1945 г. пароходством выполнено спецперевозок в объёме 226,1 тыс. т¹⁶⁶.

Таблица 4.3.7. Выполнение плана перевозок по Верхнеамурскому речному пароходству

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Перевезено пассажиров (транзитное, местное, пригородное сообщение), тыс. чел. без спецперевозок	нет данных	480,7	466,7	569,9	477,0
Всего грузов, тыс. т	510,4	487,0	514,5	236,8	458,2

Источник. ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 77. Л. 14; Д. 93. Л. 39; Д. 103. Л. 15 об.; Д. 132. Л. 44, 46; Д. 132. Л. 44 (сост. авт.).

Флот Верхнеамурского речного пароходства использовался не на полную мощность, что объяснялось не только недостатком грузов, но и дефицитом рабочей силы на пристанях и судах. В 1945 г. при плановой численности плавающего состава 1548 чел. фактически на начало навигации имелось 1270 чел. В основном не хватало работников массовых профессий: матросов, кочегаров. На пристанях обеспеченность грузчиками по пароходству составила в среднем 47%. Производительность труда по Верхнеамурскому речному пароходству была ниже, чем в 1944 г., так как часть грузчиков составляли мужчины, демобилизованные из армии по состоянию здоровья и ограниченно годные к физическому труду, работники сторонних организаций, не имевшие необходимого производственного опыта. Несмотря на проблемы, Верхнеамурское речное пароходство в 1945 г. успешно справилось с перевозкой грузов для промышленных предприятий и населения. План перевозок для Умальтинского вольфрамового рудника и треста «Амурзолото» был перевыполнен¹⁶⁷.

Нижнеамурское речное пароходство осуществляло перевозки таких важных народнохозяйственных грузов, как сахалинская нефть, лес в плотках, соль, рыба, цемент, камень, металл. В 1941 г., несмотря на сокращение состава флота, Нижнеамурское речное пароходство обеспечило выполнение государственного плана перевозок, увеличив их объём по сравнению с предыдущим годом. Работники пароходства повысили нормы выработки на одного человека, снизили себестоимость перевозок, сэкономили топливо.

Количество грузоперевозок в Нижнеамурском пароходстве в 1945 г. по отношению к 1941 г. снизилось в 1,8 раза (табл. 4.3.8). Почти по всем народнохозяйственным грузам уменьшилось предъявление к транспортировке. Перевозка нефти не только продолжала занимать ведущее место в работе флота, но и превзошла показатели 1941 г. В 1945 г. с пристаней Нижнеамурского пароходства отправили 670,2 тыс. т нефти¹⁶⁸. По сравнению с Верхнеамурским Нижнеамурское пароходство играло более заметную роль в приёме импортных поставок. В 1943 г. только сухогрузными судами предприятия было перевезено 95,0 тыс. т импортных грузов и в 1944 г. – 72,1 тыс. т¹⁶⁹.

Таблица 4.3.8. Выполнение перевозок Нижнеамурским речным пароходством

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Перевезено: пассажиров (транзитное, местное и пригородное сообщение), тыс. чел.	143,2	97,9	135,9	126,5	106,8
Всего грузов, тыс. т	2059,4	1586,4	1196,0	953,8	1157,5

Источник. ГАХК. Ф. 736. Оп. 2. Д. 61. Л. 1; Д. 78. Л. 1, 8; Д. 95. Л. 1; Д. 111. Л. 2; Д. 125. Л. 1 (сост. авт.).

Малые пристани Нижнеамурского пароходства к концу войны приобрели большое значение для пассажирских перевозок. Пристань Троицк, например, в 1945 г. имела пассажирооборот 6,2 тыс. чел., а Тахта – 7,2 тыс. чел. Однако отсутствие вокзалов ставило обслуживание населения в неблагоприятные условия¹⁷⁰.

Всего Амурскими пароходствами перевезено за 1941–1945 гг. 9160 тыс. т грузов (табл. 4.3.7, 4.3.8). При этом Нижнеамурское пароходство выполнило объём работы в 3 раза больше, чем Верхнеамурское. За годы войны произошло сокращение перевозок речным транспортом на Дальнем Востоке. В 1945 г. было отправлено грузов в 1,3 раза меньше, чем в 1940 г.¹⁷¹

Речники Верхнеамурского (начальник А.А. Блинов) и Нижнеамурского (А.И. Быков) пароходств оказали большую помощь Краснознамённой Амурской флотилии. Экипажи мобилизованных судов «Чичерин», «Муром», «Лазо», «Профинтерн», «Астрахань», «Донбасс», «Коккинаки», «Сормово» и других обеспечили переброску войск и техники на плацдармы. На Сунгарийском направлении для обеспечения действий 15-й армии и Амурской флотилии за два месяца, предшествовавшие операции, речниками переправлены 151 тыс. военнослужащих, 6 тыс. ед. оружия и боевой техники, 250 тыс. т различных грузов¹⁷². Капитаны пароходов Г.И. Челябин, Н.Б. Шинкарев, Н.Г. Савиных, А.Д. Шестаков и многие другие удостоены боевых наград за проявленное мужество.

В военные годы более насущной стала потребность в срочном сообщении и организации связи с труднодоступными районами. Незаменимую роль играла авиация. Перед лётным составом Дальневосточного управления гражданского воздушного флота была поставлена задача: «Летать днём и ночью в любых условиях». Весь лётный состав в первом полугодии 1941 г. тренировался летать на бредущих полётах и в ночное время. Подготовку прошли 90% лётчиков¹⁷³.

Всего в Дальневосточном управлении гражданского воздушного флота на 1 января 1942 г. имелось 153 самолёта и 360 моторов, из них в исправности соответственно 78,5 и 73,0%. По типу самолёты делились на 13 групп, моторы – на 8. Уже через год – на 1 января 1943 г. – самолётов в Дальневосточном управлении стало меньше на 23 ед., моторов – на 125 ед., хотя техническое состояние оставшихся транспортных средств поднялось на более высокий уровень. В авиационном парке имелись самолёты ПС-30, ПС-416, ПС-40, ПС-7, Г-1, Г-2, МП-1, СП, АП, У-2. Ведущие аэропорты Дальневосточного управления гражданского воздушного флота располагались в Хабаровске, Архаре, Озёрных Ключах, Свободном, Петропавловске-Камчатском, Александровске-на-Сахалине и других пунктах. В течение 1941–1943 гг. сооружено для Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота 12 аэродромов¹⁷⁴.

В 1941–1942 гг. на трассе Красноярск – Уэлькаль протяжённостью 6,5 тыс. км построено и реконструировано 16 аэродромов для обеспечения перелётов по воздушной линии Аляска – Сибирь. В августе 1942 г. сформирована Красноярская воздушная дивизия в составе пяти авиационных полков, которую возглавил известный полярный лётчик Герой Советского Союза И.П. Мазурук. Полки располагались в г. Фэрбенкс (США), пос. Уэлькаль и Сеймчан (Дальневосточный край), г. Якутск и Киренск (Сибирь). По трассе Красноярск – Уэлькаль переправлялись самолёты Б-25, А-20, Р-39, СИ-47. Всего лётчики перегнали 7928 самолётов¹⁷⁵.

Необходимость максимально экономить дорогостоящее горючее предопределила основное направление деятельности авиаторов – обслуживание наиболее важных государственных объектов оборонного значения и заданий Дальневосточного фронта. В 1941 г. в Дальневосточном управлении гражданского воздушного флота, обслуживавшем, главным образом, рудники и прииски, на которых добывались золото, молибден и другие ценные металлы, увеличился налёт часов, средняя коммерческая скорость полётов, в 2,4 раза – перевозка грузов (табл. 4.3.9). Выполняя работу по транспортировке пассажиров, грузов и почты, авиация также совершала патрулирование лесов от пожаров, зондирование атмосферы. Лётчики оказывали помощь в доставке больных, врачебного персонала и медикаментов.

Опытные пилоты Замула и Овечкин на самолёте ПС-84 выполняли рейсы на Анадырь после закрытия навигации в этом районе. Овечкин и Деркунский совершали беспосадочные перелёты по трассе Хабаровск – Петропавловск-Камчатский в труднейших метеоусловиях на высоте 900 км над морем¹⁷⁶. Активно работали авиаторы в 1942 г. на линиях Зeya – Ясный – Октябрьский, Свободный – Октябрьский, Чекунда – Умалыта, Архара – Умалыта, Иман – Сидатун, на которых были сосредоточены основные стратегические грузы. Лётчики боролись за звания «Стахановский экипаж», «Фронтной экипаж», «Фронтная бригада», которых были удостоены многие авиарботники. Среди них лётчики Волчков, Травников, Алексахин, Ковалева, авиатехник Веремеенко, инженер Степанчиков, ремонтники Налетов, Андреев, Плотников и др.¹⁷⁷

В 1943–1944 гг. на линиях Аян – Октябрьский, Свободный – Октябрьский, Озёрные Ключи – Ольга, Иман – Сидатун самолёты перевозили грузы трестов «Амурзолото», «Приморскзолото» и Умалютинского рудоуправления. Комсомольским авиаотрядом желдорпроекта, состоявшим из 9 самолётов (типа ЛИ-2, П-5, С-2) и 7 гидролодок (типа МП-1 и Ш-2), осуществлялись авиатранспортные работы для строительства № 500. Только за 1943 г. доставлено для строительства и изыскательных экспедиций 122 т разного груза и 762 пассажира¹⁷⁸.

Существенно возросли авиаперевозки в 1945 г. Дальневосточное управление перевозило грузы и людей на прокладку телефонной линии Комсомольск – Тунгур – Чумикан – Аян – Нелькан – Якутск, грузы промышленных предприятий (Наркомцветметалл, Наркомат нефтяной промышленности), запчасти и семена для посевной. Для Красной армии выполнялись ночные полёты вглубь территории врага по выброске десантных групп, подвозили боеприпасы, продовольствие и горючее, эвакуировали раненых, были доставлены 1562 бойца и офицера, 359 т боеприпасов, грузов, запчастей¹⁷⁹.

За 1941–1945 гг. авиацией Дальневосточного управления гражданского воздушного флота было перевезено 84 755 пассажиров, 1716,3 т почты и 9902,8 т грузов (табл. 4.3.9).

Таблица 4.3.9. Перевозки Дальневосточного управления гражданского воздушного флота (без спецперевозок)

Годы	Перевезено, в том числе		
	пассажиров, чел.	почты, т	грузов, т
1940	18 537	885,4	577,24
1941	17 492	560,4	1363,5
1942	17 431	500,3	1756
1943	11 804	151,4	1534,5
1944	14 940	186,2	1650,8
1945	23 088	318,0	3598,0

Источник. ГАХК. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 10. Л. 7, 8; Д. 15. Л. 2, 3, 4, 7; Д. 23. Л. 3; Д. 28. Л. 3 об., 4; Д. 32. Л. 4, 4об.; Д. 15. Л. 34; Д. 33. Л. 7, 8 (сост. авт.).

Многие работники авиационного транспорта в годы войны отмечены правительственными наградами. В 1944 г. орденами и медалями наградили 44 авиаторов Дальневосточного управления¹⁸⁰, в 1945 г. за отличную работу Указом Президиума Верховного Совета СССР в управлении – 18 чел., за образцовое выполнение боевых заданий командования – 54 чел. За хорошие показатели в работе и перевыполнение заданий премированы 55 чел., объявлена 431 благодарность¹⁸¹. Орденом Красной Звезды награждены инженер Хабаровского транспортного авиаотряда Г.А. Войцехович, лётчики П.М. Сутурин, начальник аэропорта А.И. Макаров, начальник службы И.И. Лавринайтис. За участие в обеспечении боевых действий в войне с Японией награждены орденами и медалями 26 авиаторов: Н.В. Бурлаков, Н.М. Хомченко, Ф.А. Назаров, И.А. Коровин, Н.А. Божек¹⁸² и др.

Одним из видов транспорта, нашедших широкое применение в воинских частях в годы войны, являлся автомобильный, поэтому из гражданских автотранспортных предприятий он был максимально мобилизован. Передача основной части автомобилей военным, сокращение производства легковых машин

и автобусов, обострившийся дефицит горючего и запасных частей привели к сужению сферы применения автомобильного транспорта общего пользования. В народном хозяйстве автомобили применялись в отраслях, имевших оборонное значение, и там, где другие виды транспорта были невозможны.

Строительство новых дорог производилось только на стратегически важных участках. В 1941 г. в короткие сроки построили дорогу вдоль Транссибирской магистрали протяжённостью около 1 тыс. км от Хабаровска до станции Куйбышевка-Восточная. Владлаг НКВД в 1942 г. закончил прокладку автодороги Варфоломеевка – Кокшаровка, расширив сеть тыловых путей, ведущих к шоссе Хабаровск – Владивосток и железнодорожной линии. Вошли в строй обслуживавшие добычу олова автомобильные дороги Певек – Красноармейский (87 км) и Певек – Валькумей (14 км). К началу 1943 г. завершилось строительство дороги Хабаровск – Биробиджан – Райчиха, дававшей выход к угольному месторождению.

Автомобильным парком располагали предприятия добывающей промышленности, находившиеся в районах, удалённых от железнодорожного транспорта, стройки НКВД, портовые хозяйства и торговые организации. Автобусы переоборудовались под санитарные машины и отправлялись на фронт. В поисках резервов в марте 1943 г. СНК СССР издал постановление, обязывавшее Наркомат автомобильного транспорта использовать порожние автомобили для доставки грузов и пассажиров, независимо от их ведомственной принадлежности.

В Хабаровском крае на 22 мая 1942 г. по результатам переписи, проведённой на предприятиях всех наркоматов и ведомств, насчитывалось 14,7 тыс. грузовых автомобилей (из них 12,5 тыс. бензиновых, остальные – газогенераторные), в том числе 38,5% исправных. Наименее подготовленным к работе оказался транспорт НКПС, НКВД, НК зерновых и животноводческих совхозов¹⁸³.

На 1 января 1943 г. в Приморском крае насчитывалось 6,4 тыс. автомобилей. В результате передачи транспортных средств организациям НКО и НКВМФ их численность снизилась¹⁸⁴ и к 1 июня 1944 г. составила 4,8 тыс. В исправном состоянии находилось 62% автомашин, остальные требовали ремонта в разной степени¹⁸⁵.

Перевозки автотранспортом за годы войны значительно сократились. По Приморскому автоуправлению НКВТ в 1944 г. грузовыми автомобилями перевезено 46,7 % от плана¹⁸⁶. К наиболее грузонапряженным дорогам относились трассы Ворошилов – Владивосток (4,1 тыс. автомобилей в сутки по данным за 1945 г.), Ворошилов – Спасск (3,8 тыс.), Хабаровск – Владивосток (2 тыс.), Раздольное – Новая Деревня (1,4 тыс.), Ворошилов – Гродеково (1,3 тыс.), Михайловка – Турий Рог (1,1 тыс.)¹⁸⁷.

Высокая потребность в нефтепродуктах и активизация нефтедобычи на Дальнем Востоке в годы войны требовали совершенствования средств её транспортировки. Доставка нефти с Сахалина на нефтеперегонные заводы в Хабаровске и Комсомольске производилась флотом и ограничивалась периодом навигации и наливными ёмкостями треста «Сахалиннефть». Ситуация улучшилась, после ввода в эксплуатацию первой очереди нефтепровода от Охи на Сахалине до пос. Циммермановка на Амуре.

Специфика выполнявшихся дальневосточным транспортом задач в годы войны наложила отпечаток на его состояние. Проводилась политика всемерного усиления базы морского и железнодорожного транспорта, на который, главным

образом, ложилась задача транспортировки грузов. Дальневосточные коммуникации укреплялись не только за счёт вложения капитальных средств, но и за счёт передачи материальных активов с предприятий западной части СССР. С целью повышения эффективности работы транспорта на предприятиях внедрялись новые методы переработки грузов, позволявшие ускорить их доставку и полнее использовать транспортные средства.

В годы войны превалирующим стало движение грузов с востока на запад. С сокращением выпуска товаров народного потребления снизился грузооборот транспорта общего пользования. Уменьшилась транспортировка строительных, потребительских, продовольственных грузов отечественного производства и возросла – импортной промышленной продукции. Заметно сократились объёмы работы речного и автомобильного транспорта. Менее интенсивными в годы войны стали перевозки населения, утратившего в значительной степени свою географическую подвижность.

Транспорт выступал важнейшим фактором использования дальневосточного социально-экономического потенциала в обороне страны. Его деятельность по обеспечению международных перевозок способствовала сотрудничеству СССР со странами антигитлеровской коалиции.

4.4. Принудительный труд в экономике региона

В 1930-е гг. в условиях массовых политических репрессий и широкого применения принудительного труда пенитенциарная система сформировалась и действовала как устойчивый сегмент государства с двумя чётко выраженными функциями – охранно-изоляционной и экономической, она приобрела небывалый размах, опираясь на новые институты исполнения наказания – исправительно-трудовые лагеря и спецпоселения, в которых в начале 1941 г. содержалось соответственно 1,5 млн и около 940 тыс. чел.¹⁸⁸ (не считая заключённых тюрем и колоний, «принудработников»*, ссыльных и других групп осуждённых).

За предвоенное десятилетие в результате тесного переплетения обеих функций сложился лагерно-производственный комплекс со своей внутренней иерархией и специализацией, ставший полноценной частью советской мобилизационной экономики. В феврале 1941 г. произошла очередная управленческая реорганизация, когда из НКВД в качестве самостоятельного выделили Наркомат государственной безопасности. В обновленный Наркомат внутренних дел помимо ГУЛАГа включены производственные главки (строительства по Дальнему Северу, гидротехнического, железнодорожного, промышленного, шоссейно-дорожного строительства, горно-металлургических предприятий) и управления (лесной, топливной промышленности, Особстрой), а несколько позже – аэродромного строительства и лагерей по строительству предприятий черной металлургии. Вместе с обслуживающими производство лагерями они вошли в прямое подчинение соответствующих отраслевых наркоматов. ГУЛАГ

* «Принудработники» – осуждённые к принудительным работам без содержания под стражей, в формулировке Уголовного кодекса 1926 г. – к «исправительно-трудовым работам без лишения свободы».

сохранял в своей структуре исправительно-трудовые лагеря, занятые в прочих отраслях (сельское хозяйство, рыболовство и др.), и все территориальные управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), а также осуществлял общий контроль над местами заключения, руководство режимом и охраной, учёт и распределение заключённых¹⁸⁹.

На Дальнем Востоке к 1940 г. численность пенитенциарного населения превысила 600 тыс. чел., из которых 579 тыс. находилось в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), 26,5 тыс. – на спецпоселении, более 8 тыс. – в колониях и тюрьмах. В число крупнейших ИТЛ входили Байкало-Амурский, Северо-Восточный и Дальневосточный, имевшие подразделения по всей территории региона. В 1938–1939 гг. суммарная доля заключённых этих лагерей в общесоюзном масштабе составляла 39%, в то время как доля общего числа жителей Дальневосточного края в населении СССР – только 1,8%. В конце 1930-х гг. из-за усиливавшихся проблем управления такими огромными образованиями их стали дробить на более мелкие. Из БАМлага выделили несколько лагерей, вошедших с 1940 г. в подчинение Главного управления железнодорожного строительства НКВД СССР. Часть Дальлага перешла под начало отраслевых главков, другая – передана управлениям ИТЛК УНКВД при Хабаровском и Приморском краях в соответствии с новой административной структурой региона, созданной после упразднения Дальневосточного края в 1938 г.¹⁹⁰ В результате к началу Великой Отечественной войны в регионе без учёта Дальстроя действовали более десятка лагерей и ряд колоний (табл. 4.4.1).

Таблица 4.4.1. Численность заключённых в ИТЛ и УИТЛК Дальнего Востока в 1941–1945 гг., чел.

Показатели	Годы (на 1 января)				
	1941	1942	1943	1944	1945
Хабаровский край					
Хабаровский ИТЛ, УИТЛК Хабаровского края	22 166*	20 730	22 453	Нет св.	34 604
ИТЛ и строительство 201 (Николаевск-на-Амуре)	5605	3589	–	–	–
ИТЛ и строительство 263 (Совгавань)	3405	2961	1633	–	–
Умальтинский ИТЛ	993 (на 1.04.1941 г.)	3218	2315	–	–
Ново-Тамбовский ИТЛ	14 168	–	–	–	–
Нижне-Амурский ИТЛ	50 537	50 992	64 056	33 746	26 075
Восточный ИТЛ	–	–	–	12 977	20 553
Перевальный ИТЛ	–	–	–	6994 (на 1.06.1944)	18 233
Итого по краю	96 874	81 490	90 457		99 465
Амурская область					
Райчихинский ИТЛ	9956	7696	5060	–	–

Окончание табл. 4.4.1

Показатели	Годы (на 1 января)				
	1941	1942	1943	1944	1945
Средне-Бельский ИТЛ	4892	4487	4087	4283	4682
Свободненский ИТЛ	6069 (1.07)	15 333	11 941	9875	-
Амурский ж/д ИТЛ	50 040	-	-	-	-
Итого по области	70 954	27 516	21 088	14 158	4 687
Еврейская автономная область					
Бирский ИТЛ	12 007	9 408	-	-	-
Буреинский ИТЛ	34 428	62 336	-	-	-
Итого по области	46 435	71 744	-	-	-
Приморский край					
Владивостокский ИТЛ, УИТЛК Приморского края	35 223*	27 750	14 485	9271	8642
ИТЛ и строительство 213 (Находка)	7556	-	-	-	-
Итого по краю	42 779	27 750	14 485	9271	8642
Всего по Дальнему Востоку	257 042	208 500	126 030	?	112 794

Источники. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник. М.: Звенья, 1998. С. 143, 171, 178, 186, 197, 333, 337, 366, 377, 413, 415, 418, 501, 535, 536; Данные по Приморскому УИТЛК на 1.01.1944 приводятся по: Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4. С. 30 (сост. авт.).

Примечания. *Численность Владивостокского и Хабаровского ИТЛ на 01.01.1941 приводится вместе с подразделениями УИТЛК этих краёв. Размещение пенитенциарных учреждений адаптировано к современной территориально-административной структуре; в годы войны Амурская и Еврейская автономная области входили в состав Хабаровского края, Советская Гавань – в состав Приморского края. При отсутствии сведений на начало года приводятся данные на имеющиеся даты (обозначено в скобках). Численность заключённых УИТЛК по Хабаровскому краю в 1943–1945 гг. включает данные о пенитенциарных подразделениях, располагавшиеся в Амурской и Еврейской автономной областях.

В Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД по Хабаровскому краю входили Хабаровский исправительно-трудовой лагерь (Хабарлаг) и колонии. Заключённые строили аэродромы, дороги, Теплоозёрский цементный завод (Еврейская автономная область), выполняли другие работы. Управление Владивостокского ИТЛ и колоний Приморского края получило сокращённое название «Владлаг». Одним из его основных производственных направлений была добыча и обработка рыбы, кроме этого – строительство шоссейных дорог, аэродромов и других стратегических объектов, заготовка леса, производство товаров широкого потребления, продукции сельского хозяйства.

Другие лагеря региона находились в прямом подчинении ГУЛАГа или отраслевых главков и управлений НКВД и имели соответствующую производственную специализацию. Железнодорожное строительство вели Нижне-Амурский (Комсомольск-на-Амуре) и Буреинский (ст. Известковая) исправительно-трудовые лагеря. Гидротехническими сооружениями занимались управления

ИТЛ и строительства № 201 (Николаевск-на-Амуре), № 213 (Находка) и № 263 (Советская Гавань). Райчихинский ИТЛ (с. Райчиха) разрабатывал угольное месторождение, Умальтинский (пос. Умальта) – строил и обслуживал молибденовый комбинат. Ново-Тамбовский (Комсомольск-на-Амуре) и Бирский (ст. Бира) лагеря специализировались на лесозаготовках, а Средне-Бельский (ст. Средне-Белая) – на сельскохозяйственных работах.

Свободненский ИТЛ (г. Свободный) был создан в январе 1941 г. на базе ликвидированного Амурского железнодорожного исправительно-трудового лагеря для использования актированных инвалидов на работах, не требующих максимальных физических нагрузок. Лагерь изготавливал сельхозмашины и запчасти к ним, ремонтировал автотранспорт, имел деревообрабатывающее, швейное, обувное и сельскохозяйственное производство¹⁹¹. С января 1941 г. по февраль 1944 г. Свободненский ИТЛ напрямую подчинялся ГУЛАГу¹⁹².

Помимо основных видов деятельности лагеря и колоний выполняли сопутствующие и контрагентские работы, в том числе по заготовкам леса, рыбы, продукции сельского хозяйства, жилищному, дорожному и капитальному строительству. Многие производственные задания НКВД имели военно-мобилизационное значение¹⁹³.

Численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке составляла 2–4% от общесоюзной, и использовались они в основном на золотых приисках и лесозаготовках, меньше – в сельском хозяйстве. Спец(труд)посёлки и спецкомендатуры размещались только в южной части региона. В 1939 г. все спецпоселенцы, проживавшие в приграничных районах Дальнего Востока, были отселены в глубинные районы Хабаровского края и Амурской области в целях «социальной зачистки» погранполосы. На 1 июля 1941 г. в регионе функционировало 87 спецпоселений (в них проживали 26,5 тыс. чел.), в том числе в Хабаровском крае – 54 (21,4 тыс.), Амурской области – 27 (4,1 тыс.), Приморском крае – 6 (1,0 тыс. чел.)¹⁹⁴.

Производственные планы исправительно-трудовых лагерей и колоний страны подверглись корректировке: прежде всего, сворачивались крупные долговременные проекты и работы начального этапа реализации. На оставшихся производствах увеличивались плановые задания. Имевшиеся ресурсы концентрировались на важнейших объектах оборонного значения и объектах с большой степенью готовности. За годы войны в общем объёме капитальных работ НКВД уменьшилась доля железнодорожного, шоссейного и гидротехнического строительства. За счёт этого увеличилась доля строительства предприятий чёрной и цветной металлургии, топливной промышленности, аэродромов. Военные потребности обусловили перепрофилирование многих промышленных предприятий НКВД на выпуск боеприпасов, обмундирования, спецукупорки¹⁹⁵.

Пенитенциарная система неоднократно переживала реорганизации центрального управления и территориальной лагерной структуры: менялись число и специализация производственных главков НКВД, возникали, закрывались, объединялись лагеря и колонии, заключённые и спецпоселенцы перебрасывались с объекта на объект, появились новые пенитенциарные контингенты и формы принудительного труда. В июле 1941 г. НКГБ и НКВД были вновь объединены в один наркомат – НКВД, а в апреле 1943 г. НКВД разделён на НКВД, НКГБ¹⁹⁶.

На Дальнем Востоке приказом НКВД СССР № 0311 от 28 июня 1941 г. приостановили строительство железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань,

Теплоозёрского и Сучанского цементных заводов (оборудование последних ранее намечалось получить из Германии), дороги Петропавловск-Камчатский – Большерецк¹⁹⁷. Из Владлага рыбные промыслы, рыболовецкий и транспортный флот, судовой верфь, лесозавод, бондарный завод были переданы тылу Тихоокеанского флота, организациям рыбной и местной промышленности¹⁹⁸.

В августе 1941 г. Управление Владивостокского ИТЛ и колоний Приморского края было реорганизовано в УИТЛК УНКВД по Приморскому краю с более мелкими лагерными подразделениями, но старое название «Владлаг» ещё некоторое время употреблялось в отчётах и обиходе. В Управлении ИТЛК УНКВД по Хабаровскому краю также основными структурными единицами стали лагерные пункты и колонии, в связи с чем название «Хабарлаг» постепенно уходит из оборота. В ноябре 1942 г. в это УИТЛК входили три промысловые, две сельскохозяйственные, одна рыболовецкая, две контрагентские колонии, 4 лагерных пункта по эксплуатации и ремонту автотранспорта и механизмов, 5 – по строительству специальных объектов, 3 – шоссейных дорог, 7 отрядов – по снегоочистке аэродромов, пересыльный пункт, автотранспортная контора, инспекция исправительно-трудовых работ и некоторые другие подразделения¹⁹⁹.

Материалы, оборудование и рабочая сила с законсервированных предприятий перебрасывались на важнейшие объекты военной экономики. Уже 26 июня 1941 г. нарком внутренних дел Л. Берия доложил И. Сталину о пересмотре плана капитальных работ своего ведомства на 1941 г. в связи с началом войны, а 11 июля издал приказ № 00 911 с объявлением списка «ударных сверхлимитных строек НКВД». Среди них на Дальнем Востоке были названы строительства № 201 и 213, Умалтинский молибденовый рудник, нефтепровод Оха – Циммермановка, Дальстрой, Райчихлаг, лесные ИТЛ, БАМ, колонии, вырабатывающие оборонную продукцию. По плану дорожного строительства в этот список включили в Хабаровском крае участок Березовский – Райчиха, в Приморском крае – участки Озёрные Ключи – Кневичи – Кролевец, Камень-Рыболов – Жариково, Новокиевск – Сандоканца, Атамановка – Погранзнаки, Рубиновка – Погранзнак, мост через р. Суйфун (совр. р. Раздольная) у с. Тереховка, мост через р. Раковка, подъезд к ст. Галёнки²⁰⁰.

В годы войны в условиях перенесения нагрузки водного сообщения на Тихоокеанский бассейн резко возросла значимость гидротехнических сооружений на Дальнем Востоке, что и было отражено в производственной деятельности НКВД. Строительство № 201 и исправительно-трудовой лагерь в Николаевске-на-Амуре вели дноуглубительные работы (обеспечивая судоходные глубины до 5–7 м и улучшение судоходных условий на участке длиной 565 км от Комсомольска до Николаевска, включающем нижнее течение Амура, Восточный (лиман Амура) и Сахалинский (Татарский пролив) фарватеры, подходы к Николаевскому порту). Одновременно в Николаевске шло строительство судоремонтного завода, порта, дока, посёлка. Требовалось создать условия для прохода судов из Охотского моря в Татарский пролив и обратно, особенно для проводки на большую воду кораблей, построенных в Комсомольске-на-Амуре. В 1942 г. подводный канал со шлюзами на самых сложных участках был готов к эксплуатации. Одним из первых по нему провели крейсер «Калинин», спущенный на воду на Комсомольском судостроительном заводе № 199 и прибывший на боевое дежурство во Владивосток. В этом же году лагерь был закрыт, а строительное управление № 201 передано Наркомречфлоту²⁰¹.

Управление строительства № 213 вместе с подчинённым ему исправительно-трудовым лагерем с 1939 г. занимались возведением промышленных объектов и прокладкой коммуникаций в бухте Находка Приморского края, определённых планами перебазирования из Владивостока грузового, рыбного и пассажирского флотов. К 1941 г. в Находке не был готов ни один причал и склад, работы велись только по оборудованию территории порта. В июле 1941 г. объект законсервировали, исправительно-трудовой лагерь переподчинили Приморскому району Дальстроя, а рабочую силу передали Наркомату Военно-морского флота для выполнения оборонных заданий. Строительство порта возобновили в конце 1942 г., но велось оно низкими темпами и до конца войны не завершилось²⁰².

В списке ударных сверхлимитных строек НКВД числилась и Байкало-Амурская магистраль, но основные работы на железной дороге были законсервированы накануне войны. Нижне-Амурский лагерь (один из преемников БАМлага), находившийся в подчинении Главного управления железнодорожного строительства НКВД, с 1940 г. строил нефтепровод Оха – Циммермановка от сахалинского месторождения нефти через морской пролив на материк (строительство № 15 Наркомнефти). Высокая значимость объекта в условиях войны потребовала ускорить работу. В связи с этим, а также из-за нехватки материалов пришлось уменьшить длину трассы, доведя её на материке до с. Софийское вместо Циммермановки, а вместо двух ниток нефтепровода уложить одну. Параллельно сооружались автодорога, временный причал у с. Софийское и другие вспомогательные объекты. В сентябре 1942 г. Нижне-Амурский лагерь пополнили заключёнными из расформированного Буреинского ИТЛ. Нефтепровод протяжённостью 371 км со всеми его сооружениями сдали в ноябре 1942 г., что решило проблему транспортировки сахалинской нефти в Комсомольск и Хабаровск²⁰³.

Активное строительство путей сообщения было продолжено в 1943 г. с принятием Государственным Комитетом Обороны решения о возведении железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань и морских причалов в бухте Ванино (строительство № 500 НКВД СССР с дислокацией управления в Комсомольске-на-Амуре). Новый проект имел стратегическое значение, позволяя повысить транспортную доступность морского побережья на востоке страны. На западном участке трассы работы велись Нижне-Амурским ИТЛ (управление на ст. Хунгари), на восточном – Восточным ИТЛ (Совгавань), на горном массиве Сихотэ-Алинь, который пересекала трасса, – Перевальным ИТЛ (ст. Мули). Последние два лагеря были специально организованы для обеспечения стройки рабочей силой. В июле 1945 г. проект подошёл к завершению, на полтора месяца раньше срока началось временное движение по всей линии, в августе открылась паромная переправа через р. Амур, стали осуществляться массовые перевозки. Управление строительства № 500 было закрыто в марте 1946 г.²⁰⁴

Большая нагрузка по-прежнему лежала на исправительно-трудовых лагерях и колониях, связанных с добычей сырьевых ресурсов – цветных металлов (Умальята), угля (Райчиха), леса. Так, Умальтинский комбинат в 1942 г. произвёл 301 т молибденового концентрата, выполнив план на 111,5%²⁰⁵. В 1942 г. Умальтлаг и Райчихлаг в рамках общей для того времени политики разукрупнения были закрыты и в статусе более мелких лагерных подразделений переданы Хабаровскому УИТЛК НКВД, а их производства – соответствующим наркоматам: Райчихинский угольный разрез – Наркомуглю, Умальтинский молибденовый

рудник – Наркомцветмету. Однако заключённые продолжали использоваться там на контрагентских началах. Лесные лагеря – Ново-Тамбовский и Бирский – в 1941–1942 гг. влились в Нижне-Амурский ИТЛ, который кроме основных строительных работ выполнял план по заготовке, отгрузке и сплаву древесины для снабжения лесом предприятий Комсомольска и дальневосточных воинских частей. Свободненский ИТЛ в начале 1944 г. был принят в состав УИТЛК УНКВД по Хабаровскому краю²⁰⁶.

Наряду с прежним производством заключённые осваивали военные виды продукции, участвовали в оборонительном строительстве. Для выполнения заданий военного ведомства в территориальных УИТЛК НКВД постоянно организовывались новые подразделения. В Приморском крае появились лагерные пункты по строительству дорог и мостов в сёлах Самарка, Малиново, Ново-Троицкое, Камень-Рыболов, Жариково, около 3 тыс. заключённых 10-го отделения (ст. Угловая) возводили долговременные огневые точки и противотанковые рвы по побережью²⁰⁷. Для нужд Дальневосточного фронта, Краснознамённой Амурской флотилии лагеря и колонии в самые сжатые сроки построили 20 аэродромов с бомбо- и бензохранилищами, подъездными путями и 15 бензоскладов в разных точках региона – Николаевске-на-Амуре, Хабаровске, Владивостоке, Елизово, Петропавловске-Камчатском, Усть-Большерецке, Александровске-на-Сахалине, близ населённых пунктов Биробиджан, Бирофельд, Куйбышевка-Восточная, Чекунда, Завитая, Бикин, Де-Кастри²⁰⁸.

Лагеря и колонии Хабаровского и Приморского краёв выпускали боеприпасы, в том числе осколочные мины двух видов, специальную тару. В целях расширения этого производства им был передан ряд предприятий с организацией на их базе исправительно-трудовых колоний, в частности Биробиджанские механические мастерские Главного управления шоссейных дорог²⁰⁹. Авторемонтные заводы и мастерские Свободненского ИТЛ делали корпуса для мин, наконечники к ствольным накладкам и спецаппаратуру²¹⁰.

В Уссурийске на площадях недостроенной рубероидной фабрики построили цеха по выпуску мин, оснастив их оборудованием, привезённым с западных военных заводов. Круглосуточно на них работали 2,5 тыс. заключённых. Такое же производство было налажено в механических мастерских во Владивостоке²¹¹.

Рабочую силу спецпоселенцев продолжали использовать в тех же отраслях, что и до войны, – на золотодобыче и лесозаготовках (табл. 4.4.2). Вместе с тем нередко спецпоселенцы работали бок о бок с заключёнными на объектах НКВД.

Несмотря на то что численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке в военный период сократилась, в Хабаровском крае количество производственных объектов, где они работали, росло, и география размещения спецпосёлков расширялась. Потребности экономики в военное время и острый дефицит рабочей силы заставили пересмотреть и некоторые режимные запреты (в частности, на проживание в приграничье), введённые в конце 1930-х гг. Так, в 1942 г. по ходатайству руководства треста «Хабаровсклес» спецпоселенцам разрешили работать в Оборском леспромхозе, расположенном в приграничном районе. Была вновь организована Оборская райкомендатура, в подчинении которой на 1 января 1943 г. находилось 3 поселковых комендатуры и 18 спецпоселений, где проживали 1886 чел. Всего по Хабаровскому краю к этому времени количество спецпосёлков увеличилось до 103. В Приморье учётное население проживало под

надзором одной районной и двух поселковых спецкомендатур среди вольных граждан в шести приисковых посёлках Красноармейского района²¹².

Таблица 4.4.2. Отраслевая занятость трудпоселенцев Хабаровского края в 1941–1943 гг, чел.

Показатели	Годы		
	01.07.1941	01.03. 1943	01.07.1943
Амурзолото	1371	1353	1234
Приморзолото	4010	3539	4029
Хабаровсклес	2157	2115	2643
Дальтранслес	Нет св.	136	126
Леспродторг	Нет св.	48	46
Хоз. организация НКВД	Нет св.	217	263
Колхозы	1094	1119	1059
Прочие работы	768	Нет св.	Нет св.
Всего	9400	8527	9400

Источник. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 124; Д. 118. Л. 99; Д. 131. Л. 327 об.; Д. 257. Л. 14 (сост. авт.).

Во время войны острой проблемой для лагерных предприятий стал дефицит рабочей силы. По стране общая численность заключённых исправительно-трудовых лагерей и колоний с 01.01.1941 по 01.01.1946 г. снизилась с 1,93 млн до 1,11 млн чел. (с небольшим увеличением в 1944 г.)²¹³. В Приморском и Хабаровском краях только за 1941 г. она уменьшилась с 257,0 тыс. до 208,5 тыс. чел., а в начале 1945 г. составляла 112,8 тыс. чел. (табл. 4.4.3).

Такая динамика объяснялась главным образом исполнением решений правительства по досрочному освобождению заключённых, осуждённых за прогулы, бытовые, хозяйственные и маловажные преступления с передачей лиц призывного возраста в Красную армию (всего за время войны таких насчитывалось 1 078,8 тыс. чел.), а других трудоспособных – предприятиям оборонной промышленности (31,6 тыс. чел.), а также польских (43 тыс.) и чехословацких (10 тыс.) граждан, большинство из которых участвовало в формировании национальных частей²¹⁴.

Для ряда регионов каналом убытия заключённых стала их переброска в другие районы. Так, в УИТЛК УНКВД по Приморскому краю численность поднадзорного контингента в 1943–1944 гг. сократилась в значительной степени из-за передачи рабочей силы на строительство № 500²¹⁵.

Пополнение лагерей и колоний осуждёнными шло не только за счёт прежних направлений репрессивной политики, но и за счёт принятия законодательства, обусловленного военным временем, – за нарушение трудовой дисциплины, самовольный уход с работы, отказ от военной и трудовой мобилизации, распространение ложных слухов²¹⁶. Кроме того, действовала директива НКВД и прокурора СССР от 22 июня 1941 г. о приостановлении освобождения заключённых, осуждённых за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, а также троцкистов и правых. Впоследствии к этим группам добавили иноподданных воюющих государств, членов антисоветских политических партий, участников националистических организаций²¹⁷.

К лагерному производству прикреплялись и освобождённые из заключения граждане (если они не были отправлены в армию или на другие предприятия оборонной промышленности), которых оставляли в ИТЛ на положении вольноночных без права выезда из районов работ до окончания войны. Начальники исправительно-трудовых лагерей могли освобождать без всяких условий лишь «...полных инвалидов, нетрудоспособных, стариков и женщин с детьми в случае полной невозможности использовать в лагере»²¹⁸. Всего по НКВД за строительством и в промышленности до конца войны было закреплено 45 512 бывших заключённых, из них в дальневосточных лагерях: Нижне-Амурском – 2910 чел., Восточном – 1312, Перевальном – 2032, Северо-Восточном – 22 782 чел. По другим наркоматам (угольной, авиационной, нефтяной промышленности и другим отраслям) эта категория по стране насчитывала 70 тыс. чел. (данных по Дальнему Востоку не выявлено)²¹⁹.

В целом отток принудительной рабочей силы из лагерей, связанный с реализацией специфических для военного времени государственных решений, был значительно выше притока. Одной из причин сокращения пенитенциарного населения было повышение смертности из-за резкого ухудшения условий содержания, питания, увеличения интенсивности труда, массовых перебросок заключённых с места на место²²⁰. Как показывает общесоюзная статистика, наиболее тяжёлыми в этом плане были 1942 и 1943 гг.: в 1940 г. смертность заключённых составляла 2,72%, 1941 г. – 6,00, 1942 г. – 24,90, 1943 г. – 22,40, 1944 г. – 9,25, 1945 г. – 5,95, 1946 г. – 2,20%. В лагерях самыми распространёнными болезнями с летальным исходом стали пеллагра (авитаминоз) и дистрофия. От туберкулёза, воспаления лёгких и острых желудочно-кишечных инфекций умирало примерно по 8%²²¹.

Хотя на юге Дальнего Востока ситуация не достигала такой остроты, вектор динамики был аналогичным. Так, в Нижне-Амурском ИТЛ, одном из крупнейших в регионе для данного периода, за годы войны погибли 13,6 тыс. чел. Если в 1940 г. уровень смертности там составлял 4,21%, то в 1941 г. – 5,64, 1942 г. – 9,27, 1943 г. – 11,6%. В Буреинском ИТЛ этот показатель вырос с 1,95% в 1941 г. до 5,17% в 1942 г. Общее соотношение притока и оттока заключённых в этих лагерях показано в табл. 4.4.3 и 4.4.4.

В отличие от других регионов страны на Дальнем Востоке сокращалось число спецпоселенцев, среди которых основной категорией были «бывшие кулаки» и члены их семей. С июля 1941 г. по апрель 1945 г. их численность уменьшилась с 26,5 тыс. до 19,6 тыс. чел. (табл. 4.4.5), из них занятых на производстве – с 9,7 тыс. до 6,6 тыс. чел. Этот процесс шёл за счёт снятия молодёжи с учёта и призыва в армию, который в отношении спецпоселенцев был разрешён в 1942 г. (постановления ГКО СССР № 1575 сс от 11 апреля и № 2100 сс от 22 июня)²²². Жены и дети мобилизованных на военную службу подлежали освобождению (приказ НКВД СССР № 002 303 от 22 октября 1942 г.)²²³. С Дальнего Востока на фронт ушли более 1,5 тыс. спецпоселенцев. Многие из них за мужество, проявленное в боях, получили правительственные награды. Новых контингентов на спецпоселение на Дальний Восток в период войны не направляли²²⁴.

Пытаясь восполнить трудовые ресурсы, на производство привлекали новые контингенты – рабочие батальоны, действовавшие в системе НКВД СССР с конца 1941 г. Они формировались по принципу военной организации в соответствии с Уставом Красной армии. Людей призывали через военкоматы, организовывали

4.4. Принудительный труд в экономике региона

в отряды до 1500 чел., которые делились на колонны (по 250–300 чел.) и бригады по 50–75 чел., мужчины отдельно от женщин. Нормы продовольственного обеспечения соответствовали лагерному пайку, повышенному на 10–15%.

Таблица 4.4.3. Движение заключённых Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря, чел.

Годы	Численность на 1.01	Прибыло	Убыло	Из числа убывших		
				освобождены	умерли	бежали
1939*	5743	24 363	1152	216	194 (1,11%)	172
1940	23 211	57 414	30 090	14 058	2550 (4,21%)	389
1941	50 535	24 642	24 185	14 446	2980 (5,64%)	243
1942	50 992	44 723	31 659	21 849	4519 (9,27%)	104
1943	64 056	22 194	52 504	17 773	4877 (11,6%)	195
1944	33 746	5283	13 808	6707	830	105
1945	25 221	19 215	32 027	10 236	428	35
1946	12 409	2911	7601	2317	227	26
1947	7719	3427	11 146	2132	93	12
Всего за 1941–1945		160 057	154 183	71 011	13 634	682
Всего за 1939–1947		204 202	240 202	89 734	16 698	1281

Источник. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД: Материк, 2005. С. 526, 528–529 (сост. авт.).

Примечание. *На 1.07.1939 г.

Таблица 4.4.4. Движение заключённых Буреинского исправительно-трудового лагеря, чел.

Годы	Численность на 1.01	Прибыло	Убыло	Из числа убывших		
				освобождено	умерло	бежало
1939	46 579	11 206	17 741	4995	2052 (3,68%)	265
1940	40 054	8330	13 955	7117	1088 (2,39%)	164
1941	34 428	80 144	52 236	17 249	1999 (1,95%)	218
1942	62 336	10 486	72 804	24 408	2882 (5,17%)	104
всего		160 310	160 310	35 189	9747	751

Источник. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД: Материк, 2005. С. 526, 528–529 (сост. авт.).

Основную часть рабочих колонн составляли советские немцы: мужчины в возрасте 15–55 лет и женщины 16–45 лет, кроме беременных и матерей, имевших детей в возрасте до 3 лет. Мужские рабочие колонны направлялись на рудники, шахты, стройки при лагерях НКВД, где находились в течение всей войны, женские – на предприятия нефтехимической, горной и лесной промышленности. Детей передавали на попечение близких или в детдома.

Таблица 4.4.5. Динамика численности спецпоселенцев на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны, чел.

Годы	Хабаровский край		Приморский край		Всего	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
01.07.1941	5788	25 475	218	1002	6006	26 477
01.01.1942	5204	23 903	218	1012	5422	24 915
01.01.1943	5681	21 888	183	633	5864	22 521
01.01.1944	5576	19 409	198	588	5774	19 997
01.04.1945	Нет св.	19 063	Нет св.	495	Нет св.	19 558

Источник. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 336.

К трудовой повинности привлекались лица, относившиеся к национальностям воюющих против СССР государств (итальянцы, финны, румыны, болгары, венгры), военнообязанное население Средней Азии и Казахстана и некоторые другие. Режим содержания в рабочих колоннах был смягчен в конце 1943–начале 1944 г.²²⁵

В Хабаровском крае (включая области краевого подчинения) и в Приморье в соответствии с постановлениями ГКО в «трудармию» мобилизовали более 1,5 тыс. чел. По ходатайству дальневосточных руководителей эту категорию работников использовали на Дальнем Востоке в основном на лесозаготовках и Умальтинском молибденовом руднике.

К концу войны в Хабаровском крае трудились примерно 1,7–1,8 тыс. мобилизованных немцев. Их распределение по предприятиям характеризуют данные по состоянию на август 1945 г.: всего – 1712 чел. (1272 муж. и 440 жен.), из них на добыче молибдена и разных работах – 1092 чел. (1071 муж., 21 жен.), на лесозаготовках в тресте «Амурзолото» – 429 чел. (128 муж., 301 жен.), в тресте «Урмийский» НК лесной промышленности – 172 чел. (54 муж., 118 жен.), на ремонте сельскохозяйственных машин мотороремонтного завода в Куйбышевке-Восточной (совр. Белогорск) – 19 мужчин²²⁶.

На Дальний Восток привозили трудмобилизованных и из других регионов страны. Так, в трест № 36 Комсомольска-на-Амуре, ведущий строительство судостроительного завода, в октябре 1941 г. была направлена рабочая колонна из Средней Азии²²⁷. На прокладку железной дороги Комсомольск – Советская Гавань (стройка № 500) в 1943 г. мобилизацию проводили в 13 краях и областях страны, Коми АССР, Казахской, Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР, в основном трудпоселенцев («бывшие кулаки»), немцев и ссыльнопоселенцев (высланных из Молдавской ССР и прибалтийских республик)²²⁸.

В пенитенциарную систему страны влились новые категории, в том числе советские репатрианты, переданные после фильтрации в распоряжение НКВД (в дальнейшем их в основном переводили на спецпоселение), и военнопленные, которые использовались на ударных стройках. На возведение стратегически важных объектов наряду с пенитенциарными контингентами и мобилизованными гражданами активно привлекались специальные военизированные формирования – строительные, железнодорожные и автобатальоны (табл. 4.4.6).

Таблица 4.4.6. Движение рабочей силы строительства № 500 НКВД СССР, чел.

Показатели	Годы (на 1 января)		
	1944	1945	1946
Вольнонаёмные	5626	7424	9052
Заключённые	48 295	67 682	34 220
Директивники (оставленные по решениям ГКО)	5049	9520	7571
Спецпоселенцы	1055	1671	872
Спецконтингент	–	–	12 821
Мобилизованные немцы	48	1002	1015
Военнопленные	–	–	48 739
ВСО	4797	5087	4366
Автобатовцы	1226	Нет св.	Нет св.
Стройбатовцы*	580	Нет св.	Нет св.
Всего	66 676	92 453	118 774

Источники. Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. С. 135; Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4. С. 36.

Примечание. *Численность стройбатовцев приводится только по Нижне-Амурскому и Восточному ИТЛ.

Несмотря на все усилия государства, трудовых ресурсов в лагерной экономике катастрофически не хватало, а высокая текучесть (поступления и убытия) усложняла их использование. Так, в Нижне-Амурском, Восточном и Перевальном лагерях, обеспечивавших кадрами строительство № 500, за 1943–1945 гг. умерли 7,2 тыс. заключённых, были освобождены 33,1 тыс.²²⁹, из которых не менее 6,6 тыс. отправили в воинские части. Полностью удовлетворить потребности в рабочей силе не удавалось. Не помогло даже то, что, учитывая важность и сложность этого объекта, Государственный Комитет Обороны освободил Наркомат внутренних дел от необходимости выполнять государственные разнарядки по направлению заключённых на другие объекты. К 1944 г. «пятисотка» должна была принять по плану 63,8 тыс. чел., а поступило только 30,8 тыс. Заключённые прибывали из Харьковской, Московской, Тамбовской, Свердловской областей и других регионов, но меньшей численностью, чем требовалось. Среди вновь прибывших было немало лиц со слабым здоровьем, неоднократно судимых, систематически отказывавшихся от работы²³⁰.

Края, области и республики, на которые НКВД СССР возложил обязанность трудовой мобилизации для стройки № 500, всячески добивались уменьшения квот, поскольку их предприятия также задыхались от нехватки рабочих рук: к декабрю 1943 г. из суммарной разнарядки по стране на 8555 чел. в регионах сумели набрать только 1503 чел., при этом многие из них оказались не годными к тяжёлому труду, ослабленными или больными, а часть женщин – многодетными матерями, вопреки директивам о запрете их мобилизации²³¹.

Для компенсации трудовых потерь на лагерном производстве значительно увеличили нормы выработки и продолжительность рабочего дня. В тяжелейших условиях на неосвоенных территориях, при плохом питании и обмундировании,

бытовой неустроенности и антисанитарии, люди работали на пределе физических возможностей, что приводило, как выразился один из работников НКВД, «...к износу рабочей силы и плачевным результатам». Так, на 1 января 1942 г. в Нижне-Амурском исправительно-трудовом лагере к тяжёлому труду были пригодны 42,9%, к лёгкому – 31,7%, а на 1 октября этого же года – соответственно 16,7 и 37%, к среднему труду – 24,7%, на коечном лечении находилось 6,5%, инвалидность имели 8,8% заключённых²³². Подобная ситуация была повсеместной. Рабочая колонна, прибывшая в 1941 г. в Комсомольск-на-Амуре для участия в строительстве судостроительного завода, состояла из пожилых узбеков, которых пришлось использовать на сельхозработах. Прибывшие не владели строительными специальностями, почти не говорили по-русски, не имели зимней одежды. По этой причине в 1943 г. врачебно-контрольная комиссия освободила из колонны 501 чел.²³³

Чтобы как-то переломить ситуацию, НКВД СССР с 1942 г. вынужден был принять меры для повышения трудоспособности пенитенциарного населения: регулировать нормы выработки в зависимости от физического состояния заключённых, вводить новые дифференцированные нормы и порядок питания с целенаправленным стимулированием передовиков производства, выдавать укрепляющие пищевые добавки (пекарские дрожжи, хвойный отвар и т.п.), устанавливать продолжительность сна не менее 8 ч. При лагерях создавали оздоровительно-профилактические пункты, организовывали охотничье-рыболовные команды и вспомогательные производства с целью дополнительного нецентрализованного снабжения, делали попытки улучшить жилищно-бытовые условия²³⁴. Например, в Райчихлаге в марте 1942 г. нормы выработки были снижены для 202 слабосильных заключённых на 50%, для 29 чел. – на 40%, для 139 – на 30%. В лагере работали охотничьи команды, производилась своя гончарная посуда²³⁵.

Эта лагерная политика отражена и в воспоминаниях М.Е. Воликова, бывшего начальника строительства № 3–10 Владлага, которое в 1942 г. по заказу ТОФ занималось постройкой аэродрома во Владивостоке в районе Второй Речки: «...Работать приходилось круглые сутки – заказ предусматривал сжатые сроки. Работали в две смены по 12 ч, а питание было никудашнее. Лагконтингент охватила цинга. Появилась масса истощённых – умирали от этого по 5–10 чел. Людей спасло то, что мы стали использовать виноградный лист, заваривали его и давали как чай. Помог и отдел тыла Тихоокеанского флота – выделили нашему лагпункту выбракованных в армии более 50 лошадей – их мясо нас и спасло. Помог нам и пивзавод – каждый день нам выдавали по бочонку пивных дрожжей»²³⁶.

Потребности военной экономики заставляли использовать на лагерном производстве все возможные трудовые ресурсы, включая инвалидов, ослабленных и больных. Аналогично Свободненскому исправительно-трудовому лагерю, где изначально содержались активированные инвалиды, специальные рабочие места организовали и в других лагерях. В Нижне-Амурском ИТЛ создали крупные механизированные мастерские по пошиву и ремонту армейского вещевого имущества для Дальневосточного фронта, там работали 7,5 тыс. заключённых, не пригодных к тяжёлому физическому труду. К октябрю 1942 г. они отремонтировали и реставрировали 102,8 тыс. полушубков, 28,3 тыс. шинелей, 35,2 тыс. гимнастёрок, 100,9 тыс. телогреек, изготовили 49,1 тыс. топорниц, 460 тыс. деревянных ложек, 2,5 тыс. кузовов автомобилей и мн. др.²³⁷

В системе спецпоселений также проводилась политика максимального привлечения на производство поднадзорных граждан, включая подростков, престарелых, инвалидов, матерей, имевших малолетних детей. Если в начале и середине военного периода уровень занятости трудоспособного населения спецпосёлков составлял 64–74%, то к концу войны достиг 100%. На 1 апреля 1945 г. в Хабаровском крае работали все находившиеся на учёте спецкомендатур трудоспособные лица (6641 чел.), а также 794 чел. «ограниченно трудоспособных»²³⁸.

Как и на всех советских предприятиях, в системе НКВД повышение интенсивности труда стимулировалось материально и идеологически. Для принудительных работников организовывались различные формы социалистического соревнования. Ударники имели возможность получать дополнительное питание, премии, отдыхать в оздоровительно-профилактических пунктах, быть представленными к досрочному освобождению. В Нижне-Амурском ИТЛ в октябре 1942 г. из 24,9 тыс. заключённых, занятых на производстве, 9050 чел. выполняли нормы выработки на 100–110%, 9643 чел. – на 110–150%, 2751 чел. – на 151–200%, 852 чел. – на 200%, не выполняли норм 2640 чел. Книжки отличника имели 1,3 тыс. чел., из них по окончании строительства нефтепровода 364 заключённым сократили сроки наказания²³⁹. При организации строительства аэродрома во Владивостоке туда вместе с другими лагерниками для поднятия их «рабочего тонуса» передали и духовой оркестр²⁴⁰.

Высокие производственные показатели были и у дальневосточных спецпоселенцев: в лесной промышленности они выполняли нормы в среднем на 100–300%, в золотодобывающей – на 100–350%. В первом полугодии 1943 г. в спецпосёлках Хабаровского края насчитывалось 1800 стахановцев и 605 ударников. В Софийской комендатуре за перевыполнение плана по добыче молибдена трудпоселенцу вручили премию 12 000 руб., в Селемджинской – 30 стахановцев получили к Первому мая ценные подарки и стольким же объявили благодарность. По окончании войны более 800 спецпоселенцев Хабаровского края награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»²⁴¹.

Особое внимание уделялось военно-патриотической мотивации ударного труда. На строительстве № 500 практиковались «фронтовые дни», «фронтовые пятнадцатки», «трудовые салюты», «трудовые залпы по Берлину» и т.п.²⁴² К началу 1945 г. там насчитывалось 450 «фронтовых бригад», 9397 чел. выполняли ежедневно более полутора норм, некоторые на земляных работах доводили выработку тачками до 800–1000%. Во всех лагерях и колониях широко использовалась агитационно-пропагандистская работа – беседы, политинформации, доклады, громкие читки газет, демонстрация кинофильмов, таких как «Фронт», «Кутузов», «Во имя Родины», «Битва за Россию»²⁴³. При несомненном влиянии на интенсификацию принудительного труда эти меры, однако, кардинально не меняли специфики внутренней атмосферы в ИТЛ и колониях. С одной стороны, существовал произвол администрации и охраны, а с другой – насаждались порядки уголовного мира во взаимоотношениях лагерных сообществ: с издевательствами, насилием, воровством, нежеланием работать, пьянством, новыми преступлениями. Условия военного времени заставляли власть вместе с активизацией политики «пряника» ужесточать и политику «кнута».

В местах лишения свободы был установлен один вид режима – строгий. Нарком внутренних дел Л. Берия и прокурор СССР В. Бочков 22 июня 1941 г.

подписали директиву № 221, согласно которой охрана лагерей, тюрем и колоний переводилась на военное положение, вводилось максимальное законвоирование заключённых, запрещалась всякая переписка заключённых и спецпоселенцев²⁴⁴. «Инструкция о режиме содержания и охране заключённых в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время», изданная в феврале 1942 г., наделяла оперативно-служебные наряды охраны правом в случаях побега заключённых при их преследовании, нападения на администрацию или конвой применять оружие без предупреждения, а при открытом злостном сопротивлении – после двукратного предупреждения. Допускалось применение оружия и при отказе заключённых приступить к работе. Правда, как отмечают исследователи, данный приказ не имел массового исполнения²⁴⁵.

В системе спецпоселений также ужесточился режим содержания и надзора. Была введена ежедневная проверка наличия спец(труд)поселенцев через старост, которые вели «строевые записки». Кроме того, каждые три дня проверку делали поселковые коменданты. В соответствии с приказом НКВД СССР № 002 559 от 20 ноября 1942 г. усиливались агентурно-осведомительная сеть и оперативная работа среди спец(труд)поселенцев, проводился их переучёт²⁴⁶.

В лагерях и колониях более сурово стали карать злостных нарушителей режима и отказывавшихся от работы. Согласно циркуляру НКВД СССР № 363 от 14 июня 1943 г. материалы на них направлялись в оперативно-чекистский отдел для расследования и передачи дела в суд²⁴⁷. Например, Судебная коллегия Приморского краевого суда по уголовным делам рассмотрела дело группы заключённых из 11 чел., обвинённых в попытке к бегству, хулиганстве, отказе от работы, кражах, карточных играх, пьянстве, бандитизме. Из них 4 чел. были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией (ст. 58–14), 4 чел. – к тюремному заключению на 10 лет с поражением в правах на 5 лет, 3 чел. – к лишению свободы на 5 лет с поражением в правах на 3 года. Результаты суда доводились до всех заключённых края на поверках²⁴⁸.

Руководство НКВД усилило спрос и с лагерной администрации за ненадлежащее поддержание порядка среди заключённых, отступления от требований режима их содержания, прежде всего из-за того, что это влекло за собой снижение трудоспособности поднадзорных, невыполнение производственных планов. Так, в Приморском УИТЛК начальник Спасского ОЛП за развал работы был уволен без выходного пособия и отдан под суд, начальник 8-го отделения за антисанитарное состояние лагпунктов и плохо налаженное питание заключённых был арестован на 10 суток, а все работники лагеря предупреждены, что при подобных ситуациях они будут привлекаться к ответственности вплоть до суда²⁴⁹.

В годы Великой Отечественной войны пенитенциарная система на Дальнем Востоке претерпела изменения. На смену крупным лагерным комплексам второй половины 1930-х гг. пришли более мелкие подразделения. Их основными типами стали отдельные лагерные пункты и колонии, вошедшие в состав территориальных УИТЛК при Хабаровском и Приморском краях, этой же структуре подчинялись и спецпоселения. Сохранившиеся или вновь созданные исправительно-трудовые лагеря, в крупнейших из которых – Нижне-Амурском и Буреинском – содержалось не более 65 тыс. заключённых, как правило, находились в подчинении ГУЛАГа или отраслевых главков и управлений НКВД. В 1941–1945 гг. в связи с освобождением и мобилизацией в армию ряда категорий поднадзорного населения, а также из-за повышенной смертности числен-

ность заключённых на Дальнем Востоке сократилась в 2,3 раза, спецпоселенцев – в 1,4 раза. Частично потери рабочей силы компенсировались специфическими для военного времени категориями принудительных работников (трудомобилизованные, спецконтингент, военнопленные и др.), а также повышением интенсивности трудовой эксплуатации.

Лагерное производство на Дальнем Востоке в годы войны функционировало как неотъемлемый сегмент военно-мобилизационной экономики, выполнявшая важнейшие стратегические задачи капитального строительства, ресурсного обеспечения, выпуска военной продукции. Особую значимость имели построенные в этот период нефтепровод Оха – Софийское, железная дорога Комсомольск – Советская Гавань, гидротехнические сооружения в нижнем течении Амура, а также добыча молибдена, леса, угля. Как и во всех других сферах, требуемые результаты достигались ценой чрезвычайного напряжения имеющихся сил и ресурсов. Возможности пенитенциарной системы выступали дополнительным мобилизационным фактором, позволяя в кратчайшие сроки концентрировать в нужных районах различные категории принудительной рабочей силы, что нельзя было сделать, используя только вольнонаёмный труд. Однако правовая несвобода, жёсткий режим содержания, интенсивная эксплуатация, условия существования, лагерные бесчинства были и дополнительным фактором человеческих жертв в советском тылу. Вместе с тем стоит отметить, что в годы войны в условиях ухудшения всех сфер жизнедеятельности, резкого увеличения рабочей нагрузки и ужесточения трудового законодательства для всех слоёв советского общества нередко граница между принудительным и свободным трудом становилась иллюзорной. На ударных стройках НКВД бок о бок в одних и тех же условиях работали самые разные категории принудительной, полупринудительной и вольнонаёмной рабочей силы.

Пенитенциарное сообщество проявляло себя противоречиво: здесь сосуществовали патриотизм и ненависть к советской власти, работа из-под палки и трудовой героизм, взаимная поддержка и порядки уголовного мира. Лагерная экономика не исключала острого дефицита трудовых и материальных ресурсов, организационных неурядиц, ошибок управления, халатности, недобросовестной работы или отказа от неё, однако ответственность и принудительные меры воздействия были резко усилены в связи с военным положением. Ценой огромных усилий и человеческих жертв пенитенциарные учреждения Дальнего Востока внесли вклад несомненной важности в экономику воюющего Советского государства.

4.5. Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР в годы войны

О начале Великой Отечественной войны советского народа с гитлеровской Германией на Колыме узнали 22 июня 1941 г. в 20 ч, когда по радио выступил В.М. Молотов. Дальстроевцы стали массово подавать заявления об отправке на фронт, но руководящие работники Дальстроя не давали чёткого ответа, тогда пошли письма и телеграммы в Москву на имя И.В. Сталина. Вскоре из центра ответили, что всем желающим попасть на фронт надо работать на своих местах, и если будет необходимость, то партия призовет их в ряды армии²⁵⁰.

Специальный приказ начальника Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР (Дальстрой) И.Ф. Никишова от 18 мая 1942 г. предписывал всем руководителям предприятий и управлений разъяснять работникам, что независимо от причины (желание поехать на фронт или по другим обстоятельствам) увольнение производиться не будет²⁵¹.

Общая численность работников на территории деятельности Дальстроя в военный период сокращалась (табл. 4.5.1). Так, в 1944 г. по сравнению с 1940 г. их стало меньше на 15,25%. За 1941–1944 гг. число вольнонаёмных работников Дальстроя увеличилось с 62,4 тыс. до 94,3 тыс., а с 1943 г. – превысило число заключённых. Пополнение категории вольнонаёмного персонала происходило за счёт заключённых, вышедших из лагерей по истечении срока наказания, но не имевших права покинуть Дальстрой.

Таблица 4.5.1. Численность работников Дальстроя и золотодобывающей промышленности в 1941–1945 гг., тыс. чел.

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Численность работников в Дальстрое, всего	210,7	202,4	183,4	176,6	189,1
В том числе: вольнонаёмных	62,4	76,4	92,8	94,3	101,9
заклѹчѹнных	148,3	126	90,6	82,3	87,3
От общей численности на золотодобыче	95,4	79,0	69,2	72,0	80,5
В том числе: вольнонаёмных	9,9	21,1	28,5	33,3	35,1
заклѹчѹнных	85,5	57,9	40,7	38,7	45,4

Источник. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 52; Д. 18. Л. 5.

Основную массу работников Дальстроя в годы войны по-прежнему составляли заключѹнные Управления Северо-Восточных исправительно-трудоу лагерей, на которых война обрушилась ещѹ большим ужесточением режима содержания и трудового использования, что было характерным явлением для всех производственно-лагерных комплексов СССР (табл. 4.5.2).

Таблица 4.5.2. Заклѹчѹнные Управления Северо-Восточных исправительно-трудоу лагерей в 1941–1945 гг., чел.

Годы	Прибыло	Освобождено	Умерло	Бежало	Среднесписочное наличие
1941	27 182	27 361	15 676	838	148 300
1942	12 482	26 537	14 933	1114	126 000
1943	22 164	26 651	11 156	1225	90 600
1944	31 876	11 531	6657	437	82 300
1945	23 090	28 992	7608	300	87 300

Источники. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 412; ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

Уже 23 июня 1941 г. И.Ф. Никишов, выполняя приказ наркома внутренних дел и прокурора СССР, предписал прекратить освобождение из лагерей «...контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников»

(т.е. всех заключённых, осуждённых по ст. 58 и 59 УК РСФСР). Эти заключённые должны были быть сосредоточены на одном из приисков каждого горного управления. На приисках и в лагерных пунктах организовывались зоны усиленной охраны, было прекращено бесконвойное использование заключённых на всех видах работ. Приказывалось арестовать всех заключённых и бывших заключённых, на которых имелись материалы об их «антисоветской деятельности». Эта же участь постигла всех поляков, немцев и других иностранных подданных, находившихся к этому времени в лагерях Дальстроя²⁵².

Одновременно заключённые, выполнявшие в течение сезона свыше 120% плана, могли быть представлены к сокращению срока или досрочному освобождению. Так, по минимальным подсчётам, с 1942 г. по апрель 1945 г. только из горных управлений и с геологоразведочных работ было досрочно освобождено не менее 762 чел., сокращены сроки наказания 2146 заключённым. Все досрочно освобождённые оставлялись для работы в том же управлении, но уже по вольному найму.

Точно такой же порядок распространялся и на заключённых, освободившихся в связи с окончанием срока наказания. Некоторых бывших заключённых данное положение не устраивало, они отказывались от работы или плохо выполняли свои обязанности, при первой возможности стремились сменить место работы. Для укрепления трудовой дисциплины НКВД и Прокуратура СССР в 1942 г. издали совместную директиву, предоставлявшую прокурору и начальнику лагеря право возвращения в лагерь лиц, которые после освобождения «...не желали заниматься общественно полезным трудом, уклонялись от работы, нарушали производственную дисциплину и производственный режим и порядок»²⁵³.

Хозяйственным руководителям предписывалось в сжатые сроки оформлять соответствующие материалы, передавать их начальникам лагерей и помощникам военного прокурора. Граждане, подпадавшие под действие данной директивы как «саботажники», получали новый срок. Эта и другие карательные меры – за прогулы, опоздания и т.д. объясняют новые поступления в лагеря Дальстроя (в 1942 г. – 12,5 тыс. и в 1943 г. – 22,2 тыс.) при отсутствии завоза в этот период заключённых.

За годы войны общее число заключённых на Северо-Востоке сократилось со 148,3 тыс. в 1941 г. до 82,3 тыс. – в 1944 г., т.е. на 66 тыс. чел., или в 1,8 раза, что объяснялось и высокой смертностью, и переводом отбывших сроки наказания в группу вольнонаёмных работников (в среднем освобождались по 23 тыс. заключённых в год). На золотодобыче контингент заключённых за этот же период сократился с 85,5 тыс. до 38,7 тыс. чел., т.е. в 2,2 раза. Удельный вес заключённых в общей структуре трудовых ресурсов Дальстроя снизился с 70,4% в 1941 г. до 46,6% – в 1944 г., а на золотодобыче – с 89,6 до 53,75%.

Во второй половине 1945 г. в различные районы восточной части СССР стали поступать солдаты и офицеры японской армии, взятые в плен во время скоротечной войны с Японией, и на Колыме появился лагерь военнопленных. В Дальстрое лагерь для военнопленных японцев получил номер 855-Д. Прибывавшие в Магадан японцы размещались в четырёх лагпунктах. ОЛП № 1 обслуживал Магаданскую строительную контору, ОЛП № 2 – Управление Нагаевского торгового порта, ОЛП № 3 – Магаданский леспромхоз, ОЛП № 4 – Управление шоссейных дорог. Охрана лагерей была возложена на 22-й Колымский полк внутренних войск НКВД, а № 3 – на Магаданский отряд ВОХР²⁵⁴.

Лагеря военнопленных имели различную специализацию. Например, заключённые японцы лагеря военнопленных Магаданского леспромхоза использовались в строительстве и лесозаготовках. Структура этого лагеря была представлена тремя участками. Лагерь военнопленных № 4 был прикреплен к Управлению шоссейных дорог. Содержащиеся в нём японцы занимались прокладкой дорог. Этот лагерь дробился на лагпункты соответствующего километра прокладываемой дороги (например, лагпункт 30-го и 40-го километра). Часть военнопленных (250 чел.) была направлена на лесозаготовительный участок Колымснаба с передачей их в списочный состав лагеря военнопленных № 4. Из другой части (250 чел.) был сформирован отдельный лагерь при Управлении рыбпромыслового хозяйства, дислоцировавшийся в пос. Ола²⁵⁵. Возобновилась и практика завоза новых этапов заключённых в Дальстрой (первые многотысячные этапы были доставлены уже в навигацию 1944 г.).

С первых дней Великой Отечественной войны руководство Дальстроя направило всех работников на максимальное выполнение плановых показателей. Трудовой фронт в суровых северных условиях был очень важен для «полного и беспощадного разгрома врага». С 22 июня по 1 августа 1941 г. по всем подразделениям было объявлено развёрнутое социалистическое соревнование²⁵⁶. Для лучших приисков, рудников, обогатительных фабрик, горнопромышленных управлений и лагерьных пунктов учреждались соответствующие премии. Одновременно ужесточились требования к соблюдению трудовой дисциплины. Опоздание на работу, а тем более прогул расценивались как контрреволюционный саботаж и карались весьма сурово²⁵⁷.

Обстановка военного времени потребовала от всех управлений, предприятий и хозяйств Дальстроя самой жёсткой экономии в расходовании продовольствия, материалов и особенно горючего. Приказом от 23 июня 1941 г. руководство Дальстроя от всех подразделений потребовало добиться максимально возможной экономии всех материальных ресурсов. Лиц, нарушавших положения этого приказа, предписывалось привлекать к строжайшей уголовной ответственности как за преступление против государства.

Специфичной стороной в освоении региона являлась огромная зависимость от ежегодного завоза продовольствия, материально-технических и трудовых ресурсов. С июня 1941 г. все поставки существенно сократились, поэтому Дальстрой последовательно реализовывал курс на самообеспечение, при этом на многих направлениях удалось добиться заметных успехов. В частности, Дальстрой полностью обеспечил свои потребности собственным углём и лесом, в целях уменьшения зависимости от завоза бензина и дизтоплива до 40% грузового автопарка было переведено на газогенераторные двигатели. В годы войны заработали стекольный завод, мартеновский цех по выплавке высокопрочных марок стали, цех по ремонту топливной аппаратуры. Меры по жёсткой экономии также дали впечатляющие результаты. Так, если в 1940 г. в Дальстрой завозилось 29 тыс. т чёрных металлов, то в 1943 г. – только 5,5 тыс. т (остальное покрывалось внутренними источниками), более чем вдвое удалось сократить завоз жидкого топлива. Особое внимание уделялось развитию местной промышленности и сельского хозяйства²⁵⁸.

В годы войны в Дальстрое массовым явлением стал трудовой энтузиазм. Среди забойщиков были особенно популярны «красные» тачки ёмкостью до 0,5 кубометра, которые вмещали в себя породы в 2–3 раза больше, чем обычные.

На такие тачки обычно наносили патриотические надписи: «Работаю в помощь фронту», «Смерть Гитлеру», «Всё для победы» и т.д. На некоторых приисках тачки ставили на подшипники от списанных автомашин, обращение с ними требовало огромного напряжения сил и исключительной выносливости откатчиков²⁵⁹. Средства массовой информации приводили многочисленные примеры перевыполнения планов, газеты вели особые рубрики. Значительно увеличилось число стахановцев, ударников труда и участников социалистического соревнования. В июне 1941 г. в соцсоревновании участвовало 23,9 тыс. чел., к середине 1944 г. их число возросло почти втрое (69,9 тыс.), в этот период насчитывалось более 28,5 тыс. стахановцев, ударников и мастеров высокой производительности труда²⁶⁰.

Значение золота для государства в годы Великой Отечественной войны актуализировалось – на первое место выдвинулась его роль как средства оплаты за поставки союзников по ленд-лизу. От Дальстроя вновь требовалось дать стране максимально возможное количество металла. Решение данной задачи во многом зависело от обеспеченности золотодобычи трудовыми ресурсами, поэтому вольнонаёмных работников главной отрасли Дальстроя не брали на фронт. На золотодобывающих предприятиях в других районах страны такого жёсткого запрета не было, поэтому число работников системы Главзолота сократилось со 156,7 тыс. в 1940 г. (и на государственных работах, и на старательских) до 102 тыс. чел. в 1943 г., или на 35%²⁶¹.

На добыче золота значительно возросла численность вольнонаёмного состава – с 9,9 тыс. в 1941 г. до 33,3 тыс. в 1944 г. чел., а число заключённых сократилось на 50,5 тыс. чел. (в 2,3 раза). В условиях войны это означало, что категория вольнонаёмных работников пополнялась преимущественно бывшими заключёнными, сроки наказания которых истекли, но покидать Дальстрой им запрещалось до особых указаний. В среднем в 1941–1944 гг. на золотодобыче было занято около 41% всех работников Дальстроя.

В военное время в решающие периоды промывочного сезона в горнопромышленные управления для помощи приискам командировались наделённые довольно значительными полномочиями работники Главного и Политического управлений Дальстроя. Для сокращения отставания от графика выполнения государственного плана широко использовались месячники и декадники ударной работы. Так, в июле 1941 г. ни одно из золотодобывающих управлений Дальстроя не справилось с месячным планом, тогда начальник Дальстроя И.Ф. Никишов приказал увеличить объёмы промывки песков на 7–15% и объявил август 1941 г. «месячником обороны», когда «...горняки Дальстроя на фронте труда на деле могут и обязаны доказать свой патриотизм, свою преданность Родине в разгроме фашистских банд, напавших на социалистическую страну Советов»²⁶². Для помощи приискам в горные управления мобилизовали 9400 чел. (в основном с автобаз и предприятий г. Магадан). За вольнонаёмными работниками, командированными в горные управления, сохранялся средний заработок по основному месту работу, и дополнительно к этому выплачивались командировочные.

С приближением холодов в 1941 г. начальникам горнопромышленных управлений было приказано, не ослабляя темпов ведения горных работ, одновременно проводить ремонтные и горно-подготовительные работы к осенне-зимней промывке. Добычу золотоносных песков планировалось вести взрывными работами, складывая все хвосты от зимней промывки в специальные отвалы.

Особая роль отводилась лотошной промывке. В целях максимального извлечения золота руководство Дальстроя постоянно требовало промывать наиболее богатые площади месторождений.

К концу сентября 1941 г. первые семь золотодобывающих приисков Дальстроя («Геологический», «Токай», «Нечаянный», «Ударник», «Партизан», «Стахановец», «Скрытый») добились перевыполнения годового задания. Передовым коллективам этих предприятий было выделено по 25 тыс. руб. для премирования особо отличившихся работников и лучших бригад, а также в качестве премии выдавались «...хорошие библиотеки политической, военной и художественной литературы» стоимостью до 10 тыс. руб.²⁶³

Результатом золотодобывных работ Дальстроя в 1941 г. стала добыча 75,8 т золота в пересчёте на химически чистый металл. И хотя это было на 4,2 т (или 5,25%) меньше, чем в предыдущем 1940 г., учитывая все трудности, в которых оказался Дальстрой, этот результат, безусловно, являлся успешным.

В годы войны особое внимание уделялось развитию золотодобывающих объектов очень перспективной Омчакской долины Тенькинского горнопромышленного управления. Эту долину называли «долиной трёх маршалов», поскольку ведущими её объектами были прииски им. Ворошилова, им. Тимошенко, им. Буденного, вступившие в эксплуатацию во второй половине 1941 г. В июне 1942 г. на Омчаке в целях более эффективного использования техники была создана районная экскаваторная станция. Во время промывочного сезона периодически приказывалось форсировать работу предприятий Омчакской долины. В результате самоотверженной работы и из-за высокого среднего содержания золота прииск им. Будённого досрочно выполнил годовой план уже 23 июля 1942 г.²⁶⁴ Администрации прииска, начальникам участков и промприборов, стахановцам и всему вольнонаёмному составу прииска руководством Дальстроя выражалась благодарность. Благодарность объявили и заключённым (бригадирам и «двухсотникам»), руководству Дальстроя предписали представить список из 10 чел. к досрочному освобождению и 15 чел. – к сокращению сроков наказания. Аналогичные поощрения получил и прииск им. Ворошилова, который выполнил годовой план в начале августа 1942 г.

Годовой план по золотодобыче 1942 г. был выполнен Дальстроем 19 октября. В этой связи для вольнонаёмного состава восстанавливался нормальный рабочий день (только на рудниках и обогатительных фабриках он оставался 10-часовым). Добровольное желание трудящихся работать сверх установленного рабочего времени как проявление патриотических чувств всемерно поддерживалось, но эти часы оплате не подлежали. Для лагерей, обслуживавших горную промышленность, с 10 октября 1942 г. было установлено три выходных дня в месяц²⁶⁵.

В 1943 г. среднесписочная численность работников, занятых на золотодобыче в Дальстрое, снизилась более чем на 26 тыс. чел. по сравнению с 1941 г. Промывочный сезон проходил очень напряжённо, выполнение установленных заданий зачастую срывалось. В целях выполнения плана на всех приисках в ноябре и декабре 1943 г. были отменены выходные дни. Ежесуточное выполнение оперативного плана золотодобычи требовалось даже от приисков, которые уже выполнили годовую программу, в противном случае руководителям производства грозила «строжайшая ответственность». Только 23 декабря 1943 г. официально было объявлено о «колоссальном успехе» Дальстроя – выполнении

годового плана золотодобычи²⁶⁶. Действительно, в очень трудных условиях (хотя уже и начала поступать грузы из США по ленд-лизу) Дальстрой добыл в 1943 г. 70,1 т золота.

Золотодобычные работы в течение 1944 и 1945 гг. проходили более уравновешенно. В целом в военные годы отрабатывались, прежде всего, месторождения с повышенным содержанием металла и лёгкие для отработки. Особенно результативными были новые, недавно открытые прииски районов Теньки и Индигирки. На летний период на прииски, как и в предвоенные годы, мобилизовали тысячи заключённых и вольнонаёмных работников из негорных отраслей. Таким способом в 1941–1944 гг. на основное производство ежегодно направлялось в среднем по 10 тыс. чел.²⁶⁷

Чрезвычайная потребность государства в золоте и отсутствие новых этапов заключённых придали Дальстрою новый импульс в механизации горных работ. Более масштабным стало использование экскаваторов. Так, в 1940 г. удельный вес экскаваторной вскрыши торфов составлял 17,4%, а в 1943 г. он увеличился до 59,5% и, соответственно, до 40,5% снизилась мускульная вскрыша²⁶⁸, т.е. на этой тяжёлой операции был совершён индустриализационный переход. В 1942 г. впервые была успешно опробована экскаваторная подача песков на промывочные приборы. Летом 1944 г. по такой схеме действовал 51 промприбор, и удельный вес промывки увеличился до 21,1%²⁶⁹. Списочное количество экскаваторов на золотодобыче возросло с 88 в 1941 г., до 138 – в 1944 г. Важной вехой в дальнейшей механизации горных работ стало успешное испытание в Дальстрое в 1944 г. первых бульдозеров. В 1945 г. на золотодобыче работал уже 71 бульдозер, все машины были американского производства и поставлялись по ленд-лизу. Бульдозеры позволили механизировать самые тяжёлые и объёмные виды земляных работ: вскрышу и перевалку торфов, рыхление и транспортировку песков²⁷⁰.

Существенно удалось продвинуться в механизации подземной добычи песков. На отдельных шахтах с 1942 г. на откатке и подъёме песков стали применяться качающиеся конвейеры, ленточные транспортёры и скиповые подъёмы. В первом полугодии 1944 г. удельный вес механизированной транспортировки подземных песков достиг уже 84,5%. В 1942 г. были построены первые комплексно-механизированные шахты, в 1944 г. их количество достигло 40 из 100, находившихся в эксплуатации. Производительность труда на таких шахтах в среднем на 45% превышала производительность труда на обычных шахтах (2,32 и 1,6 м³ на чел./день соответственно). Бурение подземных песков осуществлялось перфораторами или электросвёрлами. Количество работающих электросвёрл в первом полугодии 1944 г. достигло 40 шт.²⁷¹ С 1943 г. на промывке подземных песков стали применяться небольшие экскаваторы и скреперные установки.

Несмотря на трудности военного времени, Дальстрой смог начать эксплуатацию золоторудных месторождений. За 1942–1944 гг. на территории современного Ягоднинского района удалось добыть 1 т рудного золота. В Тенькинском районе геологи обнаружили крупнейшее Наталкинское месторождение коренного золота. В течение 1944 г. на нём интенсивно проводились подготовительные работы, и в апреле 1945 г. на его базе заработал рудник им. Матросова²⁷².

В 1944 г. на золотодобыче действовали 552 промприбора, в том числе 215 механических (39% от общего количества), 264 компрессора, 22 скрепера,

36 конвейеров, 316 транспортёров, возростала и энерговооружённость горно-промышленных предприятий²⁷³.

Развитие механизации и увеличение числа вольнонаёмных работников потребовали более массовой, чем в предвоенный период, подготовки квалифицированных кадров. С середины 1941 г. до середины 1944 г. в Дальстрое были обучены более 47 тыс. чел. (на курсах – 12,7 тыс., через кружки технического минимума – 12,3 тыс., путём индивидуального ученичества – 1,5 тыс., в стахановских школах – 20,6 тыс. чел.), из них – 1790 горных мастеров и работников среднего горнотехнического персонала, 1040 взрывников, 381 машинист экскаватора, 278 машинистов дизелей, 110 машинистов компрессора, 127 мастеров-обогащителей, 3408 водителей газогенераторных машин, 305 механиков газогенераторных машин, 199 трактористов-газогенераторщиков, 138 механиков электромеханической службы, 1329 разных специалистов электромеханической службы²⁷⁴.

Наиболее качественная подготовка кадров осуществлялась в учебно-производственном комбинате при Главном управлении Дальстроя (г. Магадан); за три года войны в нём прошёл обучение 2851 чел. Для распространения опыта стахановских методов труда на предприятиях действовало 988 стахановских школ²⁷⁵. При индустриализации с её организацией сложных производственных процессов весьма важной является насыщенность производства специалистами. Общее число специалистов в Дальстрое в 1942 г. составило почти 20 тыс. чел., из них около 2 тыс. чел. (всего 10%) работали в горной промышленности, около 1,5 тыс. чел. (7,5%) – на геологоразведочных работах. Наиболее важных для промышленного производства специалистов с высшим и средним техническим образованием в целом по Дальстрою насчитывалось около 7 тыс. чел., из них более 2 тыс. – бывшие заключённые²⁷⁶. В 1930-е гг. обеспеченность специалистами была значительно ниже.

Масштабные поставки по ленд-лизу, информация о снижении в СССР общих объёмов золотодобычи обусловили желание США убедиться в способности своего партнёра и в дальнейшем расплачиваться золотом. В 1944 г. в Дальстрое побывал вице-президент США Г.Э. Уоллес²⁷⁷. В ходе визита он посетил несколько золотодобывающих объектов, и в целом американская администрация больше не сомневалась в наличии на Северо-Востоке мощного золотодобывающего комплекса.

За 1941–1944 гг. Дальстрой дал стране 290,7 т золота, при этом среднегодовой показатель составил 72,7 т (табл. 4.5.3).

Таблица 4.5.3. Динамика добычи золота и олова в Дальстрое в 1941–1945 гг.

Показатели	Годы					
	1941	1942	1943	1944	1945	1941–1945
Добыто золота (в химически чистом эквиваленте), т	75,8	74,4	70,1	70,4	69,5	360,2
Добыто олова в концентрате, тыс. т	3,2	3,6	3,9	3,7	4,5	18,9

Источник. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 17; Д. 4. Л. 6, 12–14.

Самое существенное снижение золотодобычи в Дальстрое по сравнению с предвоенным 1940 г. пришлось на 1943 г. и составило 12,4%, тогда как на предприятиях Главзолота за этот же период последовало падение добычи более чем

вдвое. В наиболее сложный период военных действий (1941–1943 гг.) Дальстрой обеспечил добычу 55,5% всего золота СССР. Заслуги Дальстроя были высоко оценены государством – в начале 1945 г. он был награждён орденом Трудового Красного Знамени²⁷⁸.

Летний сезон золотодобычи 1945 г. проходил для Дальстроя в условиях мирного времени: существенно возросли поставки грузов, возобновился завоз заключённых, восстанавливались льготы вольнонаёмным работникам, отменялись чрезвычайные меры военного периода. При этом СССР на Дальневосточном направлении вступил в боевые действия с Японией, для их поддержки были мобилизованы грузовые корабли Дальстроя; с подведомственной ему территории уходили призывники.

В послевоенный период потребность центра в золоте вновь оказалась весьма значительной: необходимо было восстановить золотовалютные резервы, оплачивать поставки по ленд-лизу, поддерживать формировавшийся блок государств социалистической ориентации и т.д. Уже в победном мае 1945 г. было озвучено требование И.В. Сталина к золотоплатиновой промышленности страны в минимально короткий срок «...догнать и перегнать довоенный уровень золотодобычи»²⁷⁹.

Олово широко использовалось в промышленности (включая военно-промышленный комплекс), преимущественно в качестве устойчивого к коррозии, нетоксичного и безопасного покрытия в чистом виде или в сплавах с другими металлами. Из олова изготавливалась белая жёсть для упаковки пищевых продуктов, оно применялось в припаях в радиосхемах, подшипниковых сплавах, входило в сплав при производстве бронзы, латуни и т.д.

Трудности военного времени отразились и на оловодобывающей промышленности Дальстроя. В 1943 г. по сравнению с 1942 г. количество оловянных приисков сократилось в 8 раз, остался только один прииск «Красноармейский» на Чукотке, который в 1943 г. дал 28,2% и в 1944 г. – 32,4% всего олова Дальстроя. Сокращение количества рудников и обогатительных фабрик было минимальным и главным образом относилось к 1943–1944 гг. В общей структуре горно-промышленного комплекса Дальстроя в годы войны работало два оловодобывающих управления – Юго-Западное и Чаун-Чукотское. С предвоенных лет и до 1942 г. включительно увеличивался промышленно-производственный персонал оловодобывающих предприятий (до 9,6 тыс. чел.), но в 1944 г. он сократился на 42,5% – до 5,5 тыс. чел.²⁸⁰

Масштабные эксплуатационные работы велись в новых оловоносных районах – на Западной Чукотке, в Верхоянье (Восточная Якутия), в Омсукчане и Хеникандже (современное название – Хиникенджа, Тенькинский район Магаданской области), возросла производственная мощность предприятий, действовавших до войны. Компрессорное оборудование позволило перевести рудники на механическое бурение, увеличилась суточная производительность обогатительных фабрик. Между оловодобывающими предприятиями шло социалистическое соревнование. Например, в 1942 г. передовым стало Янское управление, в качестве поощрения оно получило переходящее Красное знамя, для премирования лучших работников было выделено 30 тыс. руб.²⁸¹

Основной рабочей силой и в оловодобывающей промышленности являлись заключённые, условия их содержания и работы были такими же тяжёлыми, как и на золотодобыче. Прошедший чукотские лагеря Я.М. Терентьев вспоминал,

что в 1941 г. на новом прииске «Красноармейский» заключённые размещались в палатках, рассчитанных на 25 спальных мест, а проживало в них по 50 чел. Продолжительность рабочего дня составляла 12 ч, и пока одна смена отдыхала, вторая смена работала. Многие горные и строительные работы осуществлялись вручную (нарезка шахт, крепление, доставка породы на тачках)²⁸².

За 1941–1944 гг. Дальстрой дал стране 14,4 тыс. т олова в концентрате, в том числе 10,1 тыс. т рудного и 4,3 тыс. т россыпного. Оловодобывающие предприятия, так же как и золотодобывающие, в этот период отработывали наиболее богатые металлом участки месторождений. В годы войны в Дальстрое была организована пробная добыча вольфрама, и за 1941–1944 гг. удалось добыть 280 т трёхокси вольфрама (около 460 т в концентрате), но в течение нескольких послевоенных лет этот металл не добывался²⁸³.

Производственные успехи в добыче стратегически важных металлов были во многом обусловлены и успешной работой геологоразведочной службы Дальстроя. За 1941–1944 гг. геологи выявили не менее 150 новых россыпных месторождений золота (из них 80 – сдано в эксплуатацию), 12 новых оловорудных месторождений (6 сдано в эксплуатацию), 3 вольфрамовых и 2 кобальтовых месторождения. Государство высоко оценило вклад геологов Дальстроя. За годы войны 7 геологов наградили орденом Ленина, 20 – орденом Трудового Красного Знамени, 26 – орденом «Знак Почёта». Геологи А.П. Васьковский, Б.Ш. Локшин, В.А. Цареградский, Е.Т. Шаталов награждены орденом Красной Звезды. Неоснованно репрессированные доктор геолого-минералогических наук профессор А.К. Болдырев, научный сотрудник Е.К. Устиев (впоследствии доктор наук, профессор) были досрочно освобождены и удостоены государственных наград. Начальнику геологоразведочной службы Дальстроя В.А. Цареградскому в начале 1944 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В феврале 1946 г. 10 геологов Дальстроя стали лауреатами Сталинской премии I категории²⁸⁴.

Существенное снижение обеспечения Колымы и Чукотки всем необходимым в годы войны с Германией вызвало к жизни диверсификацию основных направлений развития вспомогательных (обслуживающих) отраслей хозяйства Дальстроя – угледобычи, дорожного строительства и транспорта, сельского хозяйства и др.

Важным направлением работы Дальстроя в военное время стало создание собственной металлургии, металлообработки и машиностроения. Для решения проблем дефицита стали в декабре 1942 г. был введён в эксплуатацию мартеновский цех. В 1943 г. был организован Оротуканский завод горного и обогащительного оборудования Дальстроя²⁸⁵. Его мартеновский цех выпускал до 12 т стали в сутки. К середине 1944 г. в Дальстрое было выплавлено около 2 тыс. т стали.

В условиях военного времени увеличение добычи угля для обеспечения предприятий Дальстроя топливом и электроэнергией стало важной задачей. Ещё в 1930-е гг. были разведаны Хасынское, Эльгенское, Аркагагинское и Омсукчанское угольные месторождения. На некоторых из них началась опытная добыча, а Хасынский угольный район снабжал топливом г. Магадан. В первом квартале 1941 г. Дальстрою было передано Зырянское угольное месторождение на р. Колыма. Угледобывающие подразделения входили в управление «Дальстройуголь». В 1941 г. было добыто 255,7 тыс. т угля, при этом практически все угольные районы перевыполнили план. Лидером угледобычи стал

Аркагалинский угольный район, обеспечивавший топливом не только создававшиеся здесь энергогенерирующие мощности, но и золото- и оловодобывающие предприятия, а также посёлки приисков и рудников²⁸⁶.

Добыча угля предприятиями Дальстроя в 1942 г. составила 348 тыс. т, в 1943 г. – 367,1 тыс. т. Такой прирост угледобычи можно оценивать положительно хотя бы в силу обозначившегося именно в это время значительного сокращения поставок угля в северо-восточные районы Дальневосточного региона. Так, если в 1940 г. предприятиям и населённым пунктам на Колыме и Чукотке было доставлено 11,6 тыс. т угля, то в 1941 г. при плане 12 тыс. т – лишь 6,4 тыс. т, в 1942 г. – 2,6 тыс. т, а заметное увеличение поставок угля стало наблюдаться лишь в 1943 г. – 8,2 тыс. т²⁸⁷.

Горное оборудование на угольных шахтах Дальстроя в это время было примитивным. Откатка угля из забоев производилась вручную, сначала в деревянных, а позднее в металлических полутонных вагонетках, изготавливавшихся на месте. Подъём угля на поверхность осуществлялся также в вагонетках при помощи лебёдки. До 1941 г. добыча угля производилась вручную с помощью кайл, в дальнейшем – буровзрывным методом. При этом уголь предварительно бурили ручными коловоротами из буровой стали, которые постепенно заменили небольшими ручными электродрелями. Вместо рельс на шахтах зачастую использовались буровые штанги, или «рельсы», изготовленные из деревянных брусков, обшитых полосовым железом или металлическим уголком. Освещение в шахтах осуществлялось самодельными светильниками («коптилками») с открытым, неизолированным пламенем или лампами Вольфа, что иногда приводило к вспышкам метана в глухих забоях²⁸⁸.

Управлению «Дальстройуголь» так же, как и золотодобывающим предприятиям, остро не хватало работников. Если на золотодобыче механизация операций развивалась достаточно быстрыми темпами, то угледобыча серьёзно отставала. Так, в 1943 г. на всех угольных шахтах Дальстроя использовалось всего 19 конвейерных приводов, 2 врубовые машины, 4 компрессора, 22 электросверла, 8 подъёмных и 28 скреперных лебедок. Применение врубовых машин на маломощных пластах (например, на Эльгенском месторождении) оказалось неудачным. Работая по мёрзлому, вязкому углю, лёгкая врубмашина отжималась от пласта угля. Но главное – не хватало электроэнергии, и машина, имевшая маломощный двигатель, просто останавливалась. Угольные предприятия пользовались электроэнергией от мелких маломощных локомотивных электростанций, что не позволяло полноценно механизировать здесь горные работы²⁸⁹.

В 1944 г. уровень механизации на угольных шахтах возрос незначительно. В течение года начались работы на восьми новых шахтах. Несмотря на непростые условия работы, угольные предприятия Колымы добыли 511 тыс. т топлива. Столь значительный рост добычи позволил повысить обеспечение углём энергетической базы Дальстроя, что было важным в условиях сокращения запасов древесины в районах горных разработок и вокруг формировавшихся энергоузлов на Колыме²⁹⁰.

К 1945 г. на Колыме действовало уже 25 угольных шахт. Разведанные запасы угля составили 231,3 млн т. Добыча угля в 1945 г. предприятиями Дальстройугля достигла 603 тыс. т, что можно считать выдающимся результатом. Во многом решился вопрос обеспечения производственной и социальной инфраструктуры Колымы и Чукотки местным топливом. При этом, как и в извлечении золота

и олова, в угледобыче можно было наблюдать процессы резкого истощения угольных месторождений в силу их хищнической отработки. Поэтому постепенно вовлекавшиеся в пользование новые залежи, более сложные в эксплуатации, требовали значительного уровня механизации и энергооснащённости.

Очевидно, что увеличение темпов угледобычи на Колыме в годы Великой Отечественной войны было вынужденной мерой и связывалось, прежде всего, с резким сокращением поставок топлива и материалов, а не с реализацией основных направлений государственной политики по развитию производительных сил региона.

На сокращение грузопотока повлияли несколько обстоятельств. Во-первых, вследствие агрессивных действий японских властей (нападения и задержания советских торговых судов) морские перевозки были переориентированы. Как отмечал А.Н. Исаков, вместо традиционных путей к Северо-Востоку через пролив Лаперуза советские корабли стали осваивать тяжёлый и опасный маршрут через Первый Курильский и Татарский проливы²⁹¹. Во-вторых, начало военных действий привело к нарушению ритмичной работы органов снабжения и общему сокращению объёмов грузов, распределявшихся между хозяйственными организациями в тылу.

Морские порты Дальстроя продолжали играть роль связующих звеньев в системе транспортных коммуникаций Северо-Востока. В годы войны возросло значение арктических портов (Певек, Амбарчик) в доставке необходимых материалов и оборудования предприятиям и населённым пунктам в глубинных районах Колымы и Чукотки, хотя, конечно, порт Нагаево оставался основным транзитным узлом перевалки грузов.

К началу навигации 1941 г. крупнотоннажный морской флот Дальстроя располагал четырьмя собственными пароходами общей грузоподъёмностью 32,7 тыс. т, подчинявшимися управлению Нагаевского торгового порта²⁹². На результаты их деятельности повлияли изменения, которые произошли с началом Великой Отечественной войны. Так, пароход «Феликс Дзержинский» в третьем квартале 1941 г. был снят с доставки грузов в Нагаево. В целом в 1941 г. при плане перевозок 198 тыс. т грузов и 36 тыс. пассажиров морские суда Дальстроя перевезли 165 тыс. т грузов и 40 тыс. пассажиров. План доставки на Колыму всего необходимого в 1941 г. по общему тоннажу выполнен на 88%. Особенно значительное невыполнение оказалось по оборудованию (58,8%), углю (53,3%), автотракторной технике (34,4%). Планировавшееся на 1942 г. количество грузов для Дальстроя (378 тыс. т) в начале года было сокращено до 303 тыс. т, но фактически прибыло только 197 тыс. т грузов (65%). При этом портом Нагаево принято 164,9 тыс. т. Негативное влияние на обеспечение работы предприятий горной промышленности и обслуживающих отраслей оказала недопоставка стройматериалов, продовольствия, нефтепродуктов²⁹³.

Транспортный комплекс Дальстроя осуществлял перевозку грузов, поступивших из США по ленд-лизу. Речной флот состоял в 1942 г. из 19 самоходных паротепловых и 59 несамоходных судов. Его основной задачей была доставка грузов из бассейна Восточно-Сибирского моря по р. Колыма на 1863 км и по Индигирке – на 1190 км. Плановые задания по количеству перевезённых грузов выполнены на 114,5%, а по тонно-километрам – на 107,1%²⁹⁴.

Из общего количества грузов, поступивших в Нагаево в 1942 г., 48% составляли предметы импорта. Певек и Амбарчик все грузы получили из Америки,

на реках Яна и Хандыга дошли только отечественные грузы, а 2 тыс. т импортных грузов зазимовали в пути (Тикси и Якутск)²⁹⁵. При этом Дальстрой не только стал получателем американских товаров для собственных нужд, но и превратился в перевалочную базу для их транспортировки в другие порты советского Дальнего Востока.

В 1943 г. в порт Нагаево поступили из США 130 «студебеккеров» с комплектами запчастей, 10 тракторов, 6 грузовых кранов «Лима», 2 «Даймонда», 1 автокран и мн. др. Несмотря на непригодность порта к обработке тяжеловесных грузов, их было переработано 354 тыс. т. При этом океанские суда Дальстроя должны были совершать рейсы между Владивостоком и портами США только во второй половине года, но фактически занимались этим в течение всей навигации, заходя в Нагаево лишь по пути. Это обстоятельство вновь привело к тому, что плановое задание перевозок в 640 млн тонно-миль было выполнено на 103,5% при невыполнении планов по доставке грузов на территорию Дальстроя²⁹⁶.

Между тем именно в 1943 г. Дальстрой получил наименьшее количество необходимых материалов, оборудования, продовольствия за всё военное время (179 тыс. т). Обеспечение промышленности и населения Дальстроя в 1944 г., увеличившееся по сравнению с 1943 г. на 79 тыс. т, имело свои особенности. Плановые задания поставок были выполнены преимущественно по импорту из США, а товаров отечественного производства оказались сорванными по большинству позиций. Так, из Америки было доставлено 3250 тыс. м хлопчатобумажной ткани (100%), 111 тыс. пар кожаной обуви (более 118%), 70 т подошвенной кожи (100%). За счёт импортных поставок в Дальстрой полностью был осуществлён завоз муки, крупы, жиров, мясных консервов, сахара, молока сухого и консервированного, яичного порошка, чая и кофе, спирта-ректификата, сыра и специй. Из отечественных фондов поступили табак (40,8% плана) и соль (83,3%)²⁹⁷.

Морской транспорт большого каботажного Дальстроя в 1944 г. был занят в основном перевозками грузов Наркомвнешторга из США в порты СССР. Доставкой грузов по Охотскому побережью от Нагаево занимался местный флот. План морских перевозок в этом случае оказался выполненным на 103,1% (586,6 млн тонно-миль при плане 567,8 млн). Соответственно, речники Дальстроя перевезли по рекам Колыма и Индигирка 119,2 тыс. т грузов и между портами Амбарчик и Певек – 15,8 тыс. т, сделав 102,9 млн тонно-километров (128,2% плана)²⁹⁸.

Деятельность флота большого каботажного Дальстроя планировалась в 1945 г. вновь по перевозке грузов из США во Владивосток, но, когда начались военные действия против Японии, суда «Дальстрой» и «Джурма» перевели на спецрейсы по обеспечению войск. Выполняя задание командования Тихоокеанского флота, «Дальстрой» подорвался на mine и был направлен на ремонт в США. Лишь в конце года дальстроевские пароходы перешли на обслуживание линии Находка – Нагаево. План грузоперевозок ими был выполнен на 123,4% (160 342 т)²⁹⁹. В целом Дальстрой получил в последний военный год 320 тыс. т грузов, что составило 93,5% от запланированных объёмов.

С деятельностью Дальстроя в годы войны неразрывно связана история организации и функционирования воздушной трассы Аляска – Сибирь (АЛСИБ – ALSIB), по которой на советско-германский фронт поступала боевая авиационная техника³⁰⁰. В июле 1941 г. Государственный Комитет Обороны поручил специалистам изучить три варианта трассы: вдоль Северного морского пути;

через Камчатку и Комсомольск-на-Амуре; через Уэлькаль на Чукотке – Сеймчан (Дальстрой) – Якутск – Киренск – Красноярск. Последний вариант и стал основным маршрутом.

Особую актуальность он приобрёл после того, как в 1942 г. англо-американский конвой PQ-17 был практически полностью уничтожен германскими подводными лодками и авиацией. В связи с этим в августе 1942 г. была сформирована Красноярская воздушная трасса – перегоночная авиадивизия под командованием известного полярного лётчика И.П. Мазурика. В её состав входили пять перегоночных авиаполков, которые располагались в Фербенксе (Аляска), Уэлькале, Сеймчане, Якутске, Киренске, отвечая каждый за свой участок перегонок. Управление дивизией находилось в Якутске. Воздушная трасса вступила в строй 1 октября 1942 г., а с 7 октября началась перегонка самолётов.

Первый участок АЛСИБа проходил по территории США от Сиэтла (на заводах «Боинг» выпускалась основная часть самолётов) до Аляски, откуда начинался перелёт на территорию СССР. Обслуживание этого участка осуществлялось пилотами седьмой перегоночной группы ВВС США. Дальше самолёты принимали советские лётчики.

К началу октября 1942 г. на авиатрассе ввели в строй 10 аэродромов. К ранее действующим в Красноярске и Якутске добавились базовые в Киренске, Сеймчане и Уэлькале, промежуточные и запасные – в Алдане, Олекминске, Оймяконе, Берелехе и Марково. Из восьми новых аэродромов пять находились на территории Дальстроя. В это же время началось строительство других запасных аэродромов с грунтовыми взлётно-посадочными полосами в Бодайбо, Витиме, Усть-Мае, Хандыге, Зырянке, Анадыре.

В строительстве новых аэродромов, их обслуживании и обеспечении большую роль сыграл Дальстрой. Значительные работы были проведены рабочими Юго-Западного горнопромышленного управления. В частности, на строительстве аэропорта в Сеймчане, которому выпало стать одним из базовых на маршруте авиатрассы, снято и вывезено 37,5 тыс. м³ торфа, после чего они ещё выполнили земляных работ в объёме 44,2 тыс. м³. В июне 1942 г. аэропорт Сеймчан (на Колыме) был принят в эксплуатацию. С 11 августа 1942 г. Управление дорожного строительства начало корчевку пней на месте будущего аэродрома в Оймяконе (Якутия), а уже в конце сентября здесь произвёл посадку тяжёлый четырёхмоторный самолёт Г-2³⁰¹.

С течением времени организационная структура воздушной трассы менялась, но темпы доставки самолётов нарастали. Всего с октября 1942 г. по октябрь 1945 г. через территорию Северо-Востока проследовало 8084 самолёта: бомбардировщики А-20 (1330 ед.) и Б-25 (725 ед.), истребители Р-40 (43 ед.), Р-39 (2593 ед.), Р-63 (2640 ед.), Р-47 (3 ед.), тренировочные истребители Ат-6 (54 ед.), транспортные С-47 (705 ед.), С-46 (1 ед.). За это время лётчиками перегоночной авиадивизии было совершено 68 140 самолёто-перелётов с общим маршрутным налётом 252 796 ч, перевезено 724 966 пассажиров, 14 226,8 т грузов и почты, налётано по воздушной трассе 23 037 290 км. Прекращение перегонок самолётов по трассе Красноярск – Уэлькаль произошло в 1945 г., и в связи с этим Первая Краснознамённая перегоночная дивизия Гражданского воздушного флота СССР со штабами и управлениями была передана в состав Военно-воздушных сил Красной армии.

Доставка грузов промышленным предприятиям и населённым пунктам Колымы и Чукотки в годы войны, так же как и в довоенное время, во многом требовала устойчивой работы автомобильного и тракторного транспорта Дальстроя, в работу которого война также внесла свои коррективы. Уже 23 июня 1941 г. руководство Дальстроя потребовало экономить горючее. В связи с этим все управления и предприятия обязывались подсчитать тоннаж необходимых грузов, для обеспечения перевозки которых требовалось оставить только лучшую часть автотракторного парка и лучших водителей. Все остальные автомашины, не обслуживавшие основное производство, должны быть остановлены. Запрещались работа поливочных машин, работа тракторов на бензине и работа гусеничных тракторов в Магадане независимо от вида топлива, кроме тракторов в Нагаевском порту. Колесные тракторы должны были заправляться только керосином.

Одновременно все легковые автомашины, бензин которым не отпускаялся, а также полторки ГАЗ-АА (кроме санитарных, банковских и машин управления связи) под личную ответственность руководителей автохозяйств ставились на консервацию. Легковые автомобили запрещалось заправлять за счёт топлива, предназначенного для грузового и автобусного парка. За нарушение этих предписаний любые лица могли быть подвергнуты уголовному наказанию как за преступление против государства или за расхищение государственного имущества³⁰².

Начальник Дальстроя И.Ф. Никишов приказал снизить расход бензина и дизтоплива на 20% от фактического среднемесячного расходования горючего по Дальстрою в первой половине 1941 г., что вызывалось необходимостью экономии горючесмазочных материалов, в которых особенно нуждался фронт³⁰³. Подобная практика применялась на Северо-Востоке практически всё военное время, поскольку положение с горючим с каждым годом становилось всё острее.

Резкое снижение поставок автомобильной техники существенно влияло на работу автотранспорта Дальстроя в годы войны. Согласно отчёту «Дальстрой за годы Отечественной войны» в 1941 г. было получено 406 новых автомашин, в 1942 г. – только 28, тогда как в предвоенные годы количество новых автомобилей, доставлявшихся на Колыму и Чукотку, колебалось между 900 и 1000. Аналогичное положение сложилось и с запасными частями, которых в 1941 г. завезли на 8,4 млн руб., а за 1942 и 1943 гг. – на 4 млн руб.³⁰⁴

Менялись и качественные характеристики автотракторного парка Дальстроя. Весьма широкое распространение получила практика перевода автомашин и тракторов на альтернативные виды топлива, переоснащение их газогенераторными установками, что имело место ещё в предвоенный период. Так, 13 сентября 1941 г. по маршруту Магадан – Аркагала – Магадан стартовал пробег газогенераторных автомобилей с полезной нагрузкой по 3 т каждый. Два автомобиля Г-23-А использовали в качестве топлива полукокс, один ЗИС-5 – торф и один Г-23-А – древесный уголь³⁰⁵.

Целью автопробега являлся подбор наиболее рационального вида топлива и конструкции газогенераторных установок, отвечавших требованиям экономии горючего при перевозках. Заместитель начальника Дальстроя 16 сентября 1942 г. приказал переоборудовать опытную серию жидкотопливных тракторов СТЗ-НАТИ (25 машин) газогенераторными двигателями ЗИС-213. В решениях партийно-хозяйственного актива Дальстроя (январь 1943 г.) среди задач был предусмотрен «...решительный перевод автотракторного парка на твёрдое

топливо с целью довести количество газогенераторов: по автомашинам – до 80% всех ходовых грузовых автомашин ЗИС; по тракторам ЧТЗ-60 – 90%; по тракторам СТЗ-НАТИ – до 85%»³⁰⁶.

К середине 1944 г. предприятиями Дальстроя с жидкого на твёрдое топливо было переведено 1510 автомашин. Удельный вес газогенераторного парка в автомобильных грузоперевозках Дальстроя в период 1940–1944 гг. составил в 1940 г. – 1,8%, 1941 г. – 2,7, 1942 г. – 22,8, 1943 г. – 39,6, первой половине 1944 г. – 34,8%. Наибольший прирост удельного веса газогенераторного парка Дальстроя наблюдался в 1942 г., что связано с введением на Колыме режима жесточайшей экономии жидкого топлива. Это позволило уже в следующем году более 20% грузоперевозок осуществить переоборудованным транспортом. На 1 января 1943 г. газогенераторами оборудовано (на базе ЗИС-21) 32,6% всех автомобилей Дальстроя. Такими автомашинами были оснащены все пять автобаз Дальстроя на Колыме, в то время как к началу 1942 г. – лишь одна. Только по управлению автотранспорта количество газогенераторных автомашин в течение указанного периода возросло в 3,5 раза (на 1 января 1942 г. – 147, на 1 января 1943 г. – 520)³⁰⁷. Из 520 газогенераторных автомобилей управления автотранспорта 462 автомобиля имели грузоподъёмность 6–7 т. В последующее годы не менее трети всего объёма грузов на внутренних коммуникациях перевозилось именно этим видом грузового транспорта.

Одновременно создавалась и своеобразная инфраструктура газогенераторного автопарка. К середине 1944 г. Дальстрой располагал 37 чуркоразделочными базами с общей пропускной способностью 191,5 тыс. м³ древесной чурки в год³⁰⁸. Построены они были в 1942–1943 гг., в период наиболее активного перевода грузовиков на газогенераторы. Из-за этого автотранспорт и стал одним из ведущих потребителей древесины, запасы которой в районах деятельности Дальстроя катастрофически сокращались.

Резкое сокращение поставок новых автомобилей на Колыму и Чукотку привело, с одной стороны, к увеличению нагрузки на имевшуюся технику, с другой – к быстрому её износу. Так, в середине 1944 г. 90% всех автомобилей Дальстроя были представлены автомашинами ЗИС. Для увеличения их грузоподъёмности широко использовались подведение третьей ведущей оси и оснащение полуприцепом. В результате карбюраторные ЗИСы эксплуатировались с нагрузкой 6 т, а газогенераторные – 5 т. Средняя их нагрузка по доставке грузов в глубинные районы Дальстроя выросла с 4,1 т в 1940 г. до 5,9 т – в 1943 г.³⁰⁹

С 1944 г. положение с автотранспортом Дальстроя стало выравниваться за счёт того, что по ленд-лизу из США было доставлено большое количество импортных автомашин, в том числе 518 «студебеккеров», 50 «даймондов», 4 «риокомена» и 10 легковых «виллисов»³¹⁰. Выполнение плана грузоперевозок на 117% обеспечивалось использованием полуприцепов и прицепов на «студебеккерах», экономным расходом авторезины и за счёт реставрации запасных частей (на 11,2 млн руб.). В течение года списано 645 грузовых автомашин, в том числе ЗИС-5-10 и ЗИС-21, средний пробег которых с начала эксплуатации составил 170–180 тыс. км при норме в 160 тыс. При этом подлежащие списанию автомобили ремонтировали, в течение года они ещё эксплуатировались и лишь после этого были утилизированы.

Эксплуатация прибывших в ноябре 1944 г. в Нагаево первых «даймондов» оказалась особенно эффективной, так как они перевозили в среднем по 38–40 т

грузов. В результате только за 10 месяцев 1945 г. ими сэкономлено за счёт грузоподъёмности 4650 т бензина. Объём перевезённых грузов одной машиной «даймонд» за 11 месяцев 1945 г. составил 1022 тыс. т/км, в то время как один «студебеккер» за этот же период перевез 169 тыс. т/км, а газогенераторный ЗИС-21–107 тыс. т/км. В результате себестоимость 1 т/км грузовика «даймонд» составила 53,5 коп., «студебеккера» – 128,6 коп., ЗИС-21–174,7 коп.³¹¹

Применение импортной техники сопровождалось её изучением, созданием условий для ремонта и производства запасных частей к ней. В 1945 г. в Магадане издали книгу «Руководство по эксплуатации и ремонту автопоездов Даймонд», выпустили более 1000 чертежей деталей этой марки автомобилей, разработали техническую документацию по «студебеккерам». Одновременно на автобазах и ремонтных пунктах создали цеха топливной аппаратуры, вулканизации авторезины, посты регулировки тормозной системы, реконструировали гаражи в Магадане, в посёлках Стрелка, Скалистый, Берелех. Однако после окончания войны поставки запасных частей к автомобилям американского производства резко сократились, что затруднило их последующую эксплуатацию.

Война требовала напряжённой работы и от дорожных строителей Дальстроя. Перенос горных работ на наиболее богатые по содержанию металла месторождения требовал не только доставки в зачастую дикие районы необходимых строительных материалов и оборудования, но и вывоза добытого сырья, что диктовало высокие темпы строительства новых автодорог. Например, приказ от 15 июля 1941 г. о создании оловодобывающего рудника «Днепровский» одновременно предписывал строительство проезда от Колымской трассы к будущему руднику в течение месяца – с 1 августа до 1 сентября³¹².

До середины 1944 г. общая протяжённость автотрасс Дальстроя увеличилась на 2023 км. Если в довоенный период в среднем за год прирост эксплуатируемых дорог составлял 165 км, то в военный – 575 км³¹³. Наиболее сложным объектом стала трасса Кадыкчан – Алдан протяжённостью 730 км, которая пересекала Верхоянский хребет. Необходимость её строительства была вызвана возможностью выхода в бассейн судоходной р. Алдан. За 16 месяцев строительства заключённые и вольнонаёмные дальстроевцы преодолели сложные климатические и геологические условия (морозы до -65 °С, топи, болота, наледи). Особенно трудно было в западной части Верхоянского перевала, который изобилдовал отвесными скалами и лабиринтами ущелий.

Условия труда строителей трассы оказались крайне драматичными. В августе 1941 г. на строительстве дороги на участке Кадыкчан – Оймякон заключённые получали ежедневно всего 300–400 г хлеба простой выпечки, а 4 августа в шестом прорабстве заключённым выдали вместо хлеба на руки по 100 г муки, которую они разбалтывали в холодной воде и пили. Зимой 1941/42 г. ситуация ещё более обострилась. Заместитель начальника управления дорожного лагеря Севера по политической и воспитательной работе 22 декабря 1941 г. докладывал, что во втором прорабстве Оймяконского дорожно-строительного участка в течение пяти дней абсолютно отсутствовал хлеб и на протяжении нескольких декад не было соли, а дорожники работали при температуре от 55 до 65 градусов мороза. Здесь, как и в Индигирском дорожно-строительном управлении, перебой с хлебом носили систематический характер, норма выдачи его составляла 200–400 г в день. В таких условиях состояние рабочих значительно ухудшилось. Это касалось не только заключённых. Так, в одном из прорабств вольнонаёмные

строители дороги оказались настолько истощёнными, что дрова для отопления к ним в барак заносили бойцы лагерной охраны³¹⁴.

Тяжёлые условия приводили к низкому качеству строительства. Грунт укладывался в дорогу в мёрзлом состоянии глыбами, превышавшими 0,7 м в диаметре. Для насыпки полотна трассы широко использовались суглинистые грунты, что грозило во время оттаивания превращением дороги в непроезжую. Строительство мостов через многочисленные ручьи и речушки велось исключительно по временным проектам. На участке Чай-Урья – Кадыкчан – Аркагала уклоны дороги превышали все возможные критические отметки, что приводило к многочисленным авариям автомашин, особенно с прицепами. Начальник Дальстроя требовал принять меры, снимал с должностей руководителей дорожно-строительных объектов, предупреждал начальников участков и прорабов о том, что в дальнейшем за плохое качество работ виновные будут привлекаться к строгой ответственности³¹⁵. К концу 1942 г. строительство дороги Кадыкчан – Алдан завершилось. Освобождавшаяся рабочая сила перебрасывалась на прокладку трассы Томпорок – Дербеке – Эге-Хая и зимника до Алыс-Хая на территории Якутии.

В числе других крупных объектов дорожного строительства на Колыме и Чукотке в годы Великой Отечественной войны следует назвать автотрассу от Омсукчанского оловянного месторождения до зал. Пестрая Дресва на Охотском побережье (145 км); от прииска «Красноармейский» на Чукотке до Чаунской губы (80 км), от 239-го километра Тенькинской автодороги в направлении богатых золотых россыпей Омчакской долины и до Хениканджинского оловорудного месторождения (226 км); от Аркагалы к золотым месторождениям рек Нера и Индигирка (250 км). Помимо этого только до середины 1944 г. дорожники Дальстроя построили 590 км мелких автодорог от основных трасс к различным предприятиям Дальстроя³¹⁶.

На фоне снижения объёмов поставок продовольствия Дальстрою особое внимание уделялось развитию сельского хозяйства. Сельскохозяйственную продукцию на Колыме производили совхозы, входившие в управление сельского хозяйства Дальстроя («Дукча», «Эльген», «Тауйский», «Талая», «Ольский», «Челбанья», «Буксунда»), а также совхозы, переданные горнопромышленным управлениям («Сусуман», «Таскан», «Сеймчан», «Бохапча»). Ещё пять совхозов Дальстроя находились на территории Приморского края. Совхозы № 1 и № 3 располагались на ст. Дубининская, № 2 – на ст. Надеждинская, № 4 – на ст. Возжаевка, № 5 – на ст. Хоральск³¹⁷. Заготовкой рыбы занимались промхозы управления рыбного хозяйства Дальстроя – «Арманский», «Наяханский», «Усть-Магаданский», «Ольский», «Сигланский», «Ямский».

Обеспечением Колымы и Чукотки сельскохозяйственной и рыбопромышленной продукцией также занимались колхозы национальных районов, которым Дальстрой утверждал годовые планы³¹⁸. Большую роль в годы войны сыграли и индивидуальные огороды дальстроевцев. Признанием этого факта является приказ начальника Дальстроя И.Ф. Никишова от 13 апреля 1942 г., предписавший горкоммунотделу к 1 мая закончить отвод земельных участков, Магаданторгу – организовать продажу семян, мелкого сельхозинвентаря и минеральных удобрений. Предприятия и учреждения г. Магадан обязывались предоставлять своим работникам лошадей для обработки индивидуальных огородов³¹⁹. К 1944 г. собственные огороды общей площадью 290 га обрабатывали более

10 тыс. чел. Благодаря этому многие рабочие и служащие обеспечивали себя картофелем и овощами³²⁰.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в сфере сельскохозяйственного производства в 1941 г. наблюдалось выполнение плановых заданий по целому ряду показателей: на 104,4% – по производству молока, на 102,8% – яиц, на 104,4% – приплоду оленей, на 113,3% – инкубации птицы. Валовой выход продукции в 1941 г. составил 28,4 тыс. т овощей (в 1940 г. – 22,3 тыс. т), 614,9 тыс. шт. яиц (в 1940 г. – 425 тыс.), 32,8 тыс. ц молока (в 1940 г. – 26 тыс. ц) и т.д.³²¹ Однако наблюдались и негативные явления. Так, достаточно высоким оказался падеж животных и птицы вследствие распространения различных болезней. Падеж крупного рогатого скота в течение года составил 185 голов, погибло 10,5% поголовья свиней, 10,5% – птицы, 8,8% – оленей, 4,8% – лошадей. Одной из причин сокращения поголовья оленей стало их уничтожение хищниками вследствие серьёзных недочётов в организации охраны стад³²².

Важно отметить, что наряду с постепенным увеличением объёмов собственного сельскохозяйственного производства Дальстроя шло снижение себестоимости основных видов продукции. Так, в 1942 г. себестоимость производства 1 кг молока составила 2,31 руб. (по сравнению с планом 2,32 руб. и фактической себестоимостью 1941 г. 2,41 руб.); 1 ц капусты – 41,43 руб. (соответственно – 54,26 и 43,86 руб.); 1 ц картофеля обошёлся в 1942 г. в 51,92 руб. при показателе 1941 г. – 60,34 руб.; 1 ц огурцов открытого грунта – в 40,37 руб. (в 1941 г. – 62 руб.). В то же время фактическая себестоимость 1 кг свиного мяса увеличилась в 1942 г. по сравнению с 1941 г. (17,92 и 16,83 руб. соответственно). Резко возросла за этот период себестоимость 1 ц зерна – с 56,62 до 82 руб., что, вероятно, было связано с засухой в Приморье³²³.

В 1943 г. сельскохозяйственные предприятия Дальстроя помимо овощеводческих совхозов в Приморье насчитывали на Колыме 7 совхозов овощно-животноводческого направления, 4 оленеводческих совхоза и 238 подсобных хозяйств. В целях усиления оленеводства в Дальстрое 18 февраля 1943 г. Совет народных комиссаров Якутской АССР передал ему оленеводческий совхоз, где на начало года было 8978 оленей³²⁴.

Острая нехватка кормов – завозного фуража и местного сена – тяжело сказалась на поголовье животных. Если на начало 1943 г. Дальстрой имел 23 774 свиньи, в течение года получил приплод поросят 24 223 головы, то на 1 января 1944 г. поголовье сократилось до 6391 свиньи. Это была практически катастрофа: основную массу свиней выбраковали из-за истощения и прирезали. Производство молока на фуражную корову достигло планового уровня 1800 л, но это было значительно меньше фактического удоя 1942 г. (более 3 тыс. л), вновь по причине отсутствия должного обеспечения кормами³²⁵.

Примерно в таких же условиях сельскохозяйственные предприятия работали и в 1944 г. На Колыме уже в конце июля прошли заморозки до минус 6° или даже минус 8 °С. В Приморье же в июле–августе установилась чрезвычайно засушливая погода, что отразилось на урожайности овощей, хотя на посевные площади было внесено 58,8 тыс. т навоза и 817 т золы. Отсутствие необходимых инсектицидов сделало практически бесполезной борьбу с капустной мухой. Тем не менее средняя урожайность с 1 га капусты составила 284 ц, а картофеля – 101 ц³²⁶.

Продуктивный и рабочий скот содержался практически на голодной норме. Местное сено в течение длительного периода стойлового содержания скота

в силу своей грубости и бедного содержания минеральных солей не позволило выполнить задание по увеличению поголовья животных. На конец 1944 г. крупного рогатого скота насчитывалось 7291 голова (89% плана), свиней – 7732 (94,3%). Поэтому даже немного скорректированные по сравнению с 1943 г. плановые задания оказались невыполненными. Всего в 1944 г. было произведено 28 тыс. т овощей (78,4% от плана), 18,4 тыс. ц молока (86,2%), 606 тыс. шт. яиц (69,1%), 7,5 тыс. ц мяса (89,9%) и т.д.³²⁷ Себестоимость продукции вновь оказалась выше плановой.

Промысловые хозяйства Дальстроя, напротив, значительно перевыполнили установленные задания, выловив 250,5 тыс. ц рыбы (139,1%). Добыча лососевых достигла 118,8 тыс. ц (199,7% плана), разнорыбицы – 13,5 тыс. ц (141,8%). Соответственно, и конечный выход солёной рыбопродукции оказался высоким: было засолено 119,7 тыс. ц рыбы вместо 95,6 тыс. ц по плану. Лишь сельдевая путина в силу неблагоприятной ледовой обстановки в период её проведения не оправдала ожиданий: рыбаки выловили 58,6 тыс. ц сельди, что составило 66,8% от плана³²⁸.

Промысловая добыча морского зверя в 1944 г. возросла по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза. Широко применявшаяся в хозяйстве Дальстроя продукция морского зверобойного промысла во многом способствовала обеспечению местной промышленности сырьём. Жиры использовались в пищевых, медицинских и технических целях, шкуры – для производства кожевенных изделий, мясо и субпродукты шли в пищу.

Колхозы национальных районов в 1944 г. имели разные темпы развития. Так, в прибрежных Ольском и Северо-Эвенском районах рыбная ловля и добыча морзверя позволили им выполнить производственные планы. Иная картина складывалась в колхозах Среднеканского района, располагавшегося в глубине территории Дальстроя, собственно на Колыме. Отсутствие специалистов и оборудования, климатические особенности негативно влияли на результативность их деятельности. В результате планы не выполнялись, росла дебиторская задолженность колхозов.

Несмотря на определённый количественный рост местного сельскохозяйственного производства, в 1943–1945 гг. снабжение работников Дальстроя – вольнонаёмных и заключённых – удалось удержать в пределах установленных норм, прежде всего, благодаря тому, что полностью выполнялись планы поставок импортного продовольствия. Это специально отмечалось в делопроизводственной документации руководства Дальстроя.

В условиях военного времени и ограниченного снабжения с сентября 1941 г. вольнонаёмным по месту работы стали выдаваться «заборные документы» (при утере не восстанавливались), предназначенные для получения хлеба, посещения столовой и продуктового магазина³²⁹. В зависимости от величины хлебного пайка население подразделялось на три группы (категории). Первую составили горняки, рабочие дорожного строительства, водители грузовых автомашин, портовые грузчики. Ко второй группе относились рабочие остальных отраслей и служащие. К третьей группе – иждивенцы и дети до шестнадцатилетнего возраста. Хлеб выдавался только в соответствующий день, за предшествующее время выдавать его запрещалось. Питание в столовой осуществлялось по двум категориям: полный рацион (завтрак, обед, ужин) и только обед. Такие меры экономии обуславливались значительным сокращением снабжения Дальстроя

в наиболее тяжёлый для страны период – годы Великой Отечественной войны³³⁰. Несмотря на все усилия и продовольственные поставки по ленд-лизу, редко, но случались перебои с отдельными видами продовольствия. Так, в мае 1944 г. по Дальстрою была введена обязательная замена 100 г хлеба галетами, в приисковых районах недостаток овощей предписывалось компенсировать рыбой³³¹.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 1 октября 1942 г. северянам приостанавливалось дальнейшее начисление надбавок, отменялись отпуска, выплата единовременных денежных пособий, оплата проезда при увольнении и другие доплаты³³². Сэкономленные средства направлялись в Фонд обороны. В марте 1943 г. на Дальстрой было распространено действие Указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Руководителям предприятий предписывалось подавать в прокуратуру материалы на рабочих и служащих, самовольно ушедших с предприятий, что квалифицировалось как дезертирство³³³. Осуждённые по этому указу пополняли лагерь.

В военный период закономерно ухудшились и жилищно-бытовые условия вольнонаёмных работников³³⁴. Принимавшиеся меры ситуацию коренным образом не изменили, так как необходимость выполнения плана золотодобычи требовала привлечения основных сил и средств, практически не оставляя возможности в должной мере позаботиться о жилищно-бытовом положении трудящихся.

В годы войны руководство Дальстроя широко использовало различные методы стимулирования труда. Весьма действенным являлось поощрение дополнительным питанием³³⁵. С апреля 1942 г. рабочим, выполнявшим план более чем на 200% (их называли «двухсотниками»), предоставлялось право покупать продукты сверх лимита, установленного для соответствующей категории персонала. В мае–декабре 1944 г. рабочие забоев, систематически выполнявшие свои нормы на 125% и более, получали дополнительное горячее питание без зачета его по продовольственным карточкам. Сохраняло своё значение и материальное стимулирование. Денежные премии были дифференцированы по различным категориям профессий (должностей): горнорабочие, экскаваторщики, горный надзор, руководящие работники³³⁶. Вольнонаёмные работники поощрялись и промтоварами. Например, в июле 1944 г. двум горным управлениям выделялось по 750 тыс. руб. и ещё двум – по 500 тыс. руб. для поощрения передовиков производства промтоварами³³⁷. Сохранилась практика присвоения индивидуальных и коллективных социально значимых званий, например «мастер высокой производительности труда», «лучшая экскаваторная бригада Дальстроя» и т.д. Весной 1945 г. накануне Победы всем категориям вольнонаёмного персонала Дальстроя были повышены оклады, введены новые положения о премиальной оплате труда³³⁸.

Вторая половина 1941 г. в Дальстрое характеризуется не имевшей себе равных ни до, ни после этого времени эксплуатацией труда заключённых. В условиях резкого снижения объёмов снабжения, низкого уровня оснащения производства механизмами только мускульная сила лагерников стала основным условием достижения показателей золотодобычи. Думается, что здесь можно отметить и ещё один фактор, существенно повлиявший на степень эксплуатации подневольных контингентов. Администрация – и производственная, и лагерная, имея с фронта только неутешительные сведения о неудачах Красной

армии, свой гнев в отношении недостигаемого для них врага на западных рубежах СССР вымещала на «врагах», находившихся рядом, за колючей проволокой лагерных зон.

Подобное отношение к заключённым – основной части трудовых ресурсов ГУ СДС приводило к драматичным последствиям. На совещании у заместителя начальника Дальстроя 6 октября 1941 г. начальник северо-восточных ИТЛ Е.И. Драбкин констатировал, что по сравнению с августом смертность заключённых в сентябре 1941 г. в целом по Дальстрою увеличилась почти в 2 раза; в лагподразделениях только Чай-Урьинского горнопромышленного управления – в 2,5 раза³³⁹.

В 1941 г. смертность заключённых достигла максимального показателя за всю историю Дальстроя – 15,7 тыс. чел., умер каждый девятый, в 1942 г. ушли из жизни 14,9 тыс. чел., или каждый восьмой заключённый. В последующие годы с улучшением снабжения смертность стала снижаться: в 1943 г. умерли 11,2 тыс. заключённых (каждый восьмой), в 1944 г. – существенно меньше – 6,7 тыс. заключённых (каждый двенадцатый). Всего за 1941–1944 гг. в Дальстрое умерли 48,4 тыс. заключённых. Основными причинами высокой смертности оставались недоедание, тяжёлая физическая работа, проживание в сырых и холодных помещениях, недостаточная медицинская помощь. На военный период приходится и максимальное количество побегов: в 1941 г. – 838, в 1942 г. – 1114, в 1943 г. – 1225, но уже в 1944 г. побегии сократились почти втрое – до 437 случаев³⁴⁰.

Узники лагерей, пережившие этот тяжелейший период, рассказывали, что в годы войны режим содержания ужесточился, нормы питания снизились. От заключённых жёстко требовали выполнения суточных планов, при их невыполнении всю бригаду разрешалось задерживать на рабочем месте дополнительно на 1–2 ч (после 12-часового рабочего дня). Бригадиров, чьи подчинённые не справлялись с планом, водворяли на 10 суток в карцер с выводом на работу, и наоборот, бригадиры, обеспечивавшие выполнение плана, всемерно поощрялись (лучшие жилые помещения, новое вещевое довольствие, первоочередное ларьковое обслуживание)³⁴¹.

При определении категории питания исходили из процента выполнения норм выработки всего за три дня вместо десяти, как это было ранее³⁴². Среди заключённых организовывали движение «двухсотников» (выполнение суточных и месячных норм на 200% и более). Такой высокоинтенсивный труд поощрялся дополнительным питанием и снабжением «через ларьки», сокращением срока наказания³⁴³.

В годы войны существенно усилилась механизация труда. К работе с техникой массово привлекались и заключённые. Более того, в 1942 г. в целях стимулирования труда заключённых, обслуживавших компрессоры и обогатительное оборудование на фабриках, было принято специальное положение об их премиальном вознаграждении³⁴⁴. При перевыполнении планов, отсутствии аварий (простоев) половину положенной премии им разрешалось выдавать на руки, а оставшаяся часть зачислялась на личный счёт или переводилась семьям. В условиях нехватки квалифицированного персонала руководство Дальстроя начало масштабную техническую подготовку заключённых³⁴⁵. Периодически во время войны в лагерях проводилась работа по выявлению заключённых с инженерно-техническим образованием, их предписывалось использовать по специальности, не отправляя на общие работы³⁴⁶.

За годы войны увеличилась сеть объектов культурного назначения. Так, количество клубов за 1941–1944 гг. возросло в 2,7 раза (с 40 до 109), киноаппаратов (киноустановок) – в 3,9 раза (с 37 до 143), библиотек – в 1,8 раза (со 125 до 228), красных уголков – в 1,44 раза (со 165 до 238) (табл. 4.5.4). Такой рост наряду с другими факторами во многом объяснялся интенсивной идеологической работой с населением в годы войны. К середине 1942 г. в Дальстрое издавались 13 газет и один ежемесячный производственно-технический журнал «Колыма». Центральной газетой Дальстроя являлась «Советская Колыма» – орган Политического управления. Политотделы горных и отраслевых управлений Дальстроя издавали свои многотиражные газеты. Для коренного населения национальных районов издавалась специальная газета на русском и эвенском языках³⁴⁷. Газеты предназначались для вольнонаёмных работников, а узники лагерей вспоминали, что и в годы войны их держали в информационной изоляции.

Таблица 4.5.4. Объекты культурного назначения Дальстроя в 1941–1945 гг.

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Театры	2	2	2	2	2
Клубы	40	74	103	109	114
Количество киноаппаратов	37	91	122	143	140
Библиотеки	125	130	190	228	232
Красные уголки	165	196	210	238	265

Источник. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.

Заметного прогресса удалось добиться и в развитии сети медицинских учреждений. Число больниц возросло с 18 в 1941 г. до 22 в 1944 г., амбулаторий – с 42 до 54. Ежегодно увеличивалось количество путёвок, выдававшихся в местный дом отдыха и санаторий, что хотя бы отчасти позволяло компенсировать отсутствие возможности лечения в центральных районах страны. В 1941–1944 гг. ассигнование на здравоохранение составляло в среднем 8 млн руб. в год. Это позволило построить Магаданскую больницу (на 225 коек), городскую поликлинику (на 200 тыс. посещений в год) и 9 районных больниц. Магаданская больница оказывала помощь по всем профилям заболеваний, однако она отстояла от приисков на удалении 400–700 км. Наиболее важными стройками для приисковых районов стали: больница на 60 коек в пос. Ягодное (Северное управление), на 50 коек в пос. Нексикан (Чай-Урьинское управление), на 50 коек в пос. Нижний Сеймчан (Юго-Западное управление), на 30 коек в пос. Усть-Омчуг (Тенькинское управление), на 25 коек в пос. Эге-Хая (Янское управление), на 30 коек на прииске «Большевик» (Западное управление), на 10 коек на руднике «Бутугычаг» (Тенькинское управление)³⁴⁸. Многие больницы были обеспечены лабораториями, аптеками, рентген- и физиокабинетами. Число медработников Дальстроя к середине 1944 г. составило 600 чел. (в 1941 г. – 440 чел.). В годы войны продолжалось проведение массовых мероприятий по профилактике цинги. Рабочим горных управлений бесплатно выдавали экстракт стланика. Одновременно изготавливались насыщенные витаминами экстракт шиповника, варенье, джемы, сухой кисель.

Количество школ в военный период немного сократилось, однако произошла оптимизация, а не простая ликвидация – уменьшилось количество начальных школ, при этом количество семилетних и средних – увеличилось. Число учеников ежегодно увеличивалось, с 3,1 тыс. в 1941 г. до 3,9 тыс. чел. – в 1944 г. Заметно сократилось количество интернатов, очевидно, с целью более оптимального использования кадров воспитателей и учителей. По сравнению с предвоенным 1940 г. в первые годы войны резко сократилось количество пионерских лагерей, но уже в 1943–1944 гг. наблюдаются возобновление их работы и ежегодное увеличение числа отдохавших в них детей. Число детских дошкольных учреждений выросло с 43 до 48, при этом было открыто 16 новых детских садов и яслей, преимущественно в промышленных центрах, на крупных приисках, а также в районах проживания коренного населения. К середине 1944 г. в детских учреждениях Дальстроя воспитывалось 2555 детей.

Сеть торговых предприятий и столовых за 1941–1944 гг. увеличилась на 68% (с 361 до 607 ед.), товарооборот вырос на 58%³⁴⁹. Особое внимание уделялось заготовке местных продовольственных ресурсов, которые до 1941 г. использовались на минимальном уровне (боровая и водоплавающая дичь, мясо диких животных и оленей, дикоросы).

Говоря об истории Дальстроя в годы войны, нельзя обойти вниманием и проявления патриотизма, присущие в целом населению нашей страны в этот период. Помимо обеспечения добычи столь необходимых для обороны золота и олова рабочие и служащие собирали денежные средства, тёплые вещи и т.д. За годы войны ими было собрано в Фонд обороны, на строительство самолётов, танков, орудий и на подарки бойцам Красной армии 195 млн 307 тыс. руб., на оказание помощи освобождённым городам и районам – 8 млн 88 тыс. руб. Общая сумма поступлений по государственным военным займам составила здесь 271,2 млн руб.³⁵⁰, в том числе по военному займу 1942 г. – 56,1 млн, по 2-му займу 1943 г. – 65,6 млн, по 3-му – 68,4 млн, по 4-му – 81,1 млн.

Помимо этого, работники Дальстроя собрали и отправили вещей для населения, освобождённого от оккупации, и подшефного госпиталя на сумму 77 542 руб., а для солдат и офицеров Красной армии – на сумму 231 814 руб. (более 300 тыс. тёплых вещей), 17 вагонов – подарков бойцам Западного фронта. Около 3 тыс. рыбы послали в годы войны в Москву, Ленинград, Хабаровск. Подшефный Дальстрою Донбасс получил более чем на 300 тыс. руб. культимущества³⁵¹.

Средства работников Дальстроя поступали на постройку самолётов «Комсомолец Дальстроя», «Колхозник Колымы», самолёта «Связист-дальстроевец», эскадрильи «Боец-дальстроевец», эскадрильи санитарных самолётов, звена бомбардировщиков «Дальстроевец», танков им. Дальневосточного комсомола, танковых колонн «Феликс Дзержинский», «Автотранспортник Колымы», «Горняк», «Юный пионер». В частности, 16 февраля 1943 г. в газете «Советская Колыма» была опубликована телеграмма Верховного главнокомандующего И.В. Сталина: «...Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим, собравшим, кроме первых 4 млн 800 тыс. руб. на строительство бомбардировщиков «Дальстроевец», дополнительно 16 млн руб. на строительство танковой колонны им. Феликса Дзержинского, мой братский привет и благодарность Красной армии».

Следует отметить, что 529 работников одновременно внесли от 10 до 50 тыс. руб. своих сбережений на приобретение танков, самолётов и орудий. Все

эти дальстроевцы получили благодарственные телеграммы И.В. Сталина. Многие на боевой технике, купленной за свой счёт, воевали на фронте. Например, супруги Иван Фёдорович и Александра Леонтьевна Бойко купили танк. После окончания Челябинского танкотехнического училища с мая 1944 г. они принимали участие в боевых действиях³⁵². По примеру супругов Бойко к Сталину с такой же просьбой обратились работники Магаданского авторемонтного завода А.М. Ефанов, И.Е. Конюхов, А.П. Тимченко, М.К. Щеглов, В.А. Яковлев, сотрудники Колымпроекта А.П. Ходоско, Н.Т. Цибин, директор завода № 2 А.И. Попков-Бодренков, врач И.С. Чубриков, пилот авиаотряда Дальстроя В.П. Самойленко, слесарь автобусного парка Н.А. Петров и др.³⁵³

Формирование отраслей хозяйства Дальстроя (Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР), нацеленных на обеспечение добычи ценных видов минеральных ресурсов, имело в период Великой Отечественной войны ряд особенностей. Энергетика, транспорт, машиностроение, местная промышленность, сельское и промысловое хозяйство стали развиваться вынужденно в условиях, когда было необходимо поддержать уровень извлечения ценных видов минерального сырья и когда обеспечение всем необходимым резко сократилось. Образование отраслевой структуры экономики в регионе осуществлялось в спешном порядке при отсутствии необходимых специалистов, материалов и оборудования. Производственные процессы отличались полукустарным затратным характером и имели низкое качество продукции.

С одной стороны, это было вызвано реалиями военного времени, когда основные ресурсы страны направлялись на оборонные нужды, с другой – было следствием государственной политики предыдущего периода, когда форсированное развитие горнодобывающей промышленности не сопровождалось развитием региональной экономики, способной адекватно реагировать на вызовы внешней среды.

Годы войны в истории Дальстроя стали периодом наиболее суровых испытаний, усиления чрезвычайных мер эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Вместе с тем в условиях резкого сокращения снабжения всем необходимым Дальстрой, тем не менее, выполнил важные государственные задачи по добыче золота и олова. Северяне-дальстроевцы своим трудом, материальными средствами, непосредственным участием в боевых действиях внесли свой вклад в Победу над гитлеровской Германией.

4.6. Движение за высокопроизводительный труд в регионе

В годы Великой Отечественной войны большинство дальневосточных предприятий и организаций в условиях неудовлетворительного финансово-экономического обеспечения осуществляли наращивание производственных мощностей за счёт оптимальной организации и интенсификации труда. По уровню новизны и масштабам использования инновационное влияние было ориентировано на модификацию и максимальную загрузку имевшегося оборудования, изготовление различных приспособлений и инструментов из местного сырья и материалов, упрощение и совмещение технологических операций, механизацию ручного труда.

В частности, учитывая технологическую сложность изготовления и ремонта артиллерийского вооружения, рабочие и служащие завода «Дальдизель» внедрили в 1941 г. 3,9 тыс. рационализаторских предложений с экономическим эффектом 29,5 млн руб., в 1942 г. – 8 тыс. предложений (116,3 млн руб.), в 1943 г. – 12,6 тыс. (167 млн руб.), благодаря которым в производство дополнительно введено 637 приспособлений, 467 ед. специального режущего, 737 – измерительного, 234 ед. – вспомогательного инструмента, 289 штампов. Собственными силами изготовлено 66 и модернизировано 17 станков, смонтированы оборудование для электродной мастерской, конвейер в литейном цехе, налажен выпуск карбида кальция и инструментов, в том числе спиральных свёрл, червячных и модульных фрез, штангенциркулей, плашек. Станочный парк увеличился в 2 раза, число наименований инструментов – в 4 раза³⁵⁴.

Внедрение улучшенной технологии позволило не только сэкономить средства, но и обеспечить качественное выполнение основных работ. В годы войны на Комсомольском судоремонтном заводе освоили производство 30 видов заводского оборудования, большинства деталей и механизмов судов, включая приборы управления, поступавшие в предвоенный период с 200 предприятий центральных районов страны. Применяя опыт секционной сборки деталей, заводчане сэкономили от 30 до 40% дефицитных материалов³⁵⁵.

На рыбокомбинатах внедряли более рациональные методы ремонта технологического оборудования, реставрировали изношенные детали, двигатели, сгоревшие электромоторы, применяя при этом различные приспособления. За 1942–1945 гг. в рыбной промышленности Дальнего Востока принято 1755 рационализаторских предложений, из них 952 внедрены. По подсчётам специалистов сумма условной годовой экономии составила 17,2 млн руб.³⁵⁶

Работники Владивостокского судоремонтного завода за годы войны предложили более 6,2 тыс. усовершенствований, из них внедрили 2,4 тыс. (39,4%) с экономическим эффектом свыше 14 млн руб. Из общего количества принятых предложений 1,2 тыс. (19,3%) принадлежали рабочим и около 4,9 тыс. (78,8%) – инженерно-техническим работникам, а из внедрённых – 23,8% приходилось на рабочих и 75,7% – на инженерно-технических работников. В 1942–1945 гг. 22,7% всех инноваций были направлены на усовершенствование технологии судоремонта, 18,5 – на улучшение использования оборудования и 8,2 – организации труда, 11,5 – на изготовление нового инструмента и 7 – замену дефицитных материалов, 6 – выпуск новых видов продукции, 4 – в металлургическое производство и 4,6% – сварку металлов³⁵⁷.

Один из наиболее эффективных способов увеличения выпуска продукции в годы войны – переход на поточный метод, который способствовал значительному улучшению работы предприятий. Если в начале войны на поток переводилось изготовление отдельных деталей и узлов, то в последующие годы – технологического оборудования и станков. Поточный метод обеспечивал непрерывную, ритмичную работу основных и вспомогательных участков, стимулировал усовершенствование технологических операций и способствовал укреплению трудовой дисциплины, открывал возможности для совмещения профессий и сокращения численности занятых.

Главная цель внедрения изобретений и рационализаторских предложений состояла в мобилизации трудового коллектива на своевременное выполнение и перевыполнение военно-хозяйственных планов, срочных заказов фронта.

Всесоюзное социалистическое соревнование объединило отраслевую специфику движения «двухсотников», «тысячников», «многостаночников», комсомольско-молодёжных бригад, сконцентрировало индивидуальные и коллективные усилия на главных направлениях. Выработанные критерии подведения итогов позволяли объективно оценивать деятельность каждого и являлись не просто методами организации соревнования, но и способами воздействия на общественное сознание. Они учитывали количественные и качественные показатели выпуска продукции, инновационную деятельность, подготовку и переподготовку рабочих кадров, охрану труда и технику безопасности.

На проявление трудового энтузиазма влияли, прежде всего, чрезвычайные условия военного времени. Поскольку чувство коллективизма, сопричастности являлось мощным побудительным мотивом высокопроизводительного труда, то широко использовались такие формы, как вручение фронтовых заданий, проведение в дни решающих побед Красной армии фронтовых вахт и месячников, стахановских недель, занесение сверхплановой продукции на «личный счёт местности» и личные счета Фонда Главного командования Красной армии.

Под лозунгом «Поможем своим упорным трудом громить гитлеровские полчища» в Приморье с 26 ноября по 5 декабря 1942 г. прошла «сталинградская вахта», на которую встали 1470 молодых рабочих Приморской железной дороги, 28 стахановских бригад Дальзавода. Стахановцы Сучана довели выработку угля до трёх норм ежедневно, а горняки шахты «Капитальная» выдали сверх нормы 1,8 тыс. т угля, молодые рабочие завода «Металлист», выполняя плановые задания на 200–250%, зачисляли сверхплановую продукцию на личные счета³⁵⁸.

На одном из заводов г. Хабаровск слесарь-инструментальщик Н. Курилов на фронтовой вахте в честь освобождения Харькова за 8 ч работы выполнил 30 норм, рабочие завода «Дальдизель» в дни сражения в районе Курска и Орла повысили производительность труда на 10%, снизили себестоимость продукции на 5%, сэкономили 3200 тыс. кВт/ч электроэнергии и 400 т топлива³⁵⁹.

Участие в соревновании по профессиям стимулировало рабочих к повышению квалификации. Для отдельных социальных групп оно являлось единственно приемлемой формой, так как способствовало обучению передовым методам труда и расширению технических знаний, в результате чего обеспечивалось выполнение норм выработки. Например, на заводе «Дальдизель» в 1942 г. работал 971 стахановец, в конце 1944 г. – 1054, соответственно по годам 332 и 343 ударника, 207 и 313 «двухсотников», 14 и 30 многостаночников, 10 и 66 комсомольско-молодёжных бригад. На авиационном заводе Приморского края в 1941–1945 гг. нормы выполнялись в среднем на 140–150%, стахановцы составляли 20–22% и «двухсотники» – 8–9% рабочих³⁶⁰. В 1941 г. производительность труда составляла 169,4% по отношению к предвоенному 1940 г., в 1942 г. – 333,4%, в 1943 г. – 294,4%, в 1944 г. – 286%. Самоотверженный труд дальневосточных оружейников был достойно оценен. Коллектив завода 7 раз занимал призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании, а более 60 лучших работников были награждены орденами и медалями³⁶¹.

Впервые в регионе широко применялась скоростная обработка вагонов и судов, в том числе методом комбинированной загрузки вагонов при проведении грузовых операций «борт – вагон». Они увеличивали экономичность подвижного состава, сокращали время грузовых операций, оперативно освобождали причалы и склады от поступавших грузов. Так, скоростная обработка

железнодорожниками Приморской железной дороги более 130 тыс. поездов позволила сэкономить 2340 тыс. вагоно-часов³⁶².

В конце 1941 г. из 2469 моряков, работавших на 57 судах Дальневосточного пароходства, 2163 участвовали в соревновании, из них 987 завоевали звание стахановца и 346 – ударника. Комсомольские организации на судах «Алма-Ата», «Клара Цеткин», «Турксиб», «Ударник», «Игарка», «Уэлен» стали полностью стахановскими. К 1945 г. из 2744 комсомольцев плавсостава 1250 – являлись стахановцами. Более 160 раз труд дальневосточных моряков отмечался вымпелами, денежными премиями. За отвагу и мужество теплоход «Старый большевик» награждён орденом Ленина. Звания Героя Советского Союза удостоены капитан теплохода И.И. Афанасьев, первый помощник капитана К.М. Петровский и матрос Б.И. Оказенок³⁶³.

В целях повышения производительности труда во Владивостокском порту были разработаны условия 7 основных видов соревнования. В соревновании принимали участие 6147 чел. (91,4% работников порта), звание «стахановца» имели 2277 чел. (33,9%), в том числе 170 женщин, «ударника» – 1352 чел. (20,1%), включая 221 женщину. Итоги соревнования подводились ежемесячно. Благодаря широкому внедрению скоростных методов разгрузки во Владивостокском порту в 1943–1944 гг. досрочно обработаны 477 судов. Объём переработки грузов в 1945 г. по сравнению с 1944 г. увеличился почти на 80%, производительность труда портовых рабочих – более чем на 20%. При разгрузке пароходов «Ижора», «Менделеев», «Находка», «Сталинград» установлены всесоюзные рекорды. За успешное выполнение заданий правительства Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1945 г. 320 работников Владивостокского порта награждены орденами и медалями: из них орденом Ленина – бригадир грузчиков Н.Н. Майданюк, тралмастер Н.Е. Богдашевский, начальник порта А.Х. Передерий³⁶⁴.

Внутри- и межзаводским, отраслевым и индивидуальным соревнованием было охвачено большинство дальневосточников. В Приморье во Всесоюзное социалистическое соревнование включились 45 МТС, 470 колхозов, более 900 тракторных и полеводческих бригад, свыше 10 тыс. колхозников. В Амурской области соревновались 566 тракторных, 326 полеводческих бригад, 180 животноводческих ферм, 56 МТС, 425 колхозов, а также около 200 фронтовых бригад. Такого размаха соревнования дальневосточная деревня ещё не знала³⁶⁵.

Звено Е. Паршиной из колхоза «Красный маяк» Еврейской автономной области при плане 9 ц с 1 га с закреплённых земель собрало по 15 ц пшеницы, звено А. Лукашевой из колхоза им. Ворошилова Партизанского района Приморья – по 102 пуда вместо 60. Комбайнёр Евгеньевской МТС М. Скрипка убрала за сезон 480 га зерновых, перевыполнив плановые задания почти в три раза. В 1943 г. комсомольско-молодёжная бригада Г. Улаева Климовецкой МТС Хабаровского края за отличную работу удостоена Красного знамени ЦК ВЛКСМ и Наркомзема СССР, комсомольско-молодёжная бригада Куринова Пантелеймоновской МТС Приморского края, выполнив годовой план на 154%, заняла первое место в крае³⁶⁶.

Колхозники Приморья сверх государственного плана сдали более 100 тыс. пудов хлеба в Фонд Главного командования. За успешное выполнение государственного плана хлебозаготовок 1944 г. 50 приморцев награждены орденами Отечественной войны I и II степени. Таких же наград удостоилась группа работников Хабаровского края и Амурской области.

Эффективность соревнования зависела от обеспеченности предприятий сырьём и материалами, постоянными квалифицированными кадрами, а также от организаторской, политико-воспитательной работы партийных, комсомольских, советских и профсоюзных организаций. Так, в 1945 г. на железнодорожном транспорте региона удельный вес участвующих в соревновании составлял 87,4%, а доля стахановцев и ударников – 69,6%. Показатели Приморской железной дороги были самые высокие. На 1 января 1941 г. соревновались 85,1% железнодорожников, 37,8% носили звание стахановца и 22,2% – ударника, на 1 января 1945 г. соответственно – 96,9, 54,1 и 31,3%. Показатели в строительных подразделениях региона были гораздо ниже: на 1 января 1941 г. соревновались 46,7% рабочих, занятых на промышленном строительстве, из них 23,6% – стахановцы, 18,7% – ударники, на 1 января 1945 г. уже 79,5% строителей участвовали в соревновании, 26,1% имели звание стахановца и 27,6% – ударника³⁶⁷.

В промышленности наблюдался несомненный рост трудовой активности. Например, к окончанию войны в тресте «Сахалиннефть» среди рабочих основного производства доля стахановцев составляла более 40%, ударников – около 20%, «двухсотников» – 1,5–2%³⁶⁸. На Хабаровском нефтеперерабатывающем заводе изменения были ещё более значительными³⁶⁹.

На предприятиях Дальстроя в январе 1941 г. соревновались 54,8% занятых, из них по 17,3% составили стахановцы и ударники. В начале июня 1945 г. в соревновании участвовало 78,5% дальстроевцев, в том числе 15,5 являлись стахановцами, 22,8 – ударниками, 4,3 – двух- и трёхсотниками, 1,5% – мастерами высокой производительности. Знамя ГКО, учреждённое для предприятий Дальстроя в начале 1944 г., было присуждено на вечное хранение Северному горнопромышленному управлению, а Дальстрой награждён орденом Трудового Красного Знамени³⁷⁰.

Рыбная промышленность занимала ведущие позиции в Дальневосточном регионе. К началу 1945 г. численность соревнующихся рабочих возросла в 1,4 раза (с 29 до 39 тыс.), передовиков производства – в 1,5 раза (стахановцев – с 9,2 до 13,5 тыс. и ударников – с 6,2 до 9,2 тыс.). С учётом специфики труда инженерно-технические работники и служащие в движение за высокопроизводительный труд были вовлечены в меньшей степени. Среди них соревновалось не более 61–76% инженерно-технических работников и 58–66% служащих, а удельный вес передовиков производства упал до 3–5% по сравнению с 17–30% предвоенного времени³⁷¹.

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования предприятия рыбной промышленности Дальневосточного бассейна завоевывали 5 раз знамя ГКО, 3 раза – знамя Наркомата рыбной промышленности, получили 171 премию, общая сумма которой составила 3769,3 тыс. руб., 225 чел. награждены орденами и медалями, в том числе 6 чел. орденом Ленина, 3 – орденом Красного Знамени и 28 – орденом Трудового Красного Знамени³⁷². Рыбокомбинат «Тафуин», возглавляемый Ш.Г. Надибаидзе, получил знамя ГКО на вечное хранение.

Коллектив Артёмовской ГРЭС 15 раз завоевывал вторые и третьи места во Всесоюзном социалистическом соревновании, 7 раз – знамя ГКО (в апреле 1946 г. получил его на вечное хранение), комбинат «Сихали» – 7 раз награждался переходящим Красным знаменем ВЦСПС и Наркомата цветной металлургии, получил 18 всесоюзных премий³⁷³. За успешное выполнение специальных заданий орденом Ленина награждены Комсомольский-на-Амуре авиационный завод

и Дальзавод, орденом Трудового Красного Знамени – Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод.

Несмотря на то что профессии и жизненный путь передовиков производства, а также условия, в которых достигалась рекордная производительность труда, имели множество специфических черт, наблюдались некоторые общие составляющие. Стахановцами в военное время становились молодые рабочие, овладевшие секретами профессии, и рабочие средней возрастной категории, добивавшиеся высоких показателей, применяя различные приспособления и усовершенствования, изготавливая специальные инструменты и механизировав ручной труд.

Выполнение и перевыполнение производственных норм в больших масштабах ограничивалось технико-экономическими возможностями самого производства и зависело от квалификации рабочих, а также от их физического состояния. Новаторы, как правило, коммунисты и комсомольцы, сознательно шли на рекордные показатели, проявляя настойчивость и упорство, но главное – напряжение физических сил на грани возможностей. В частности, при изготовлении корпусов мин с использованием нескольких станков физические нагрузки увеличивались в два раза: рабочий должен был за смену как минимум 10 раз сменить резцы и убрать от станка более 1,5 тыс. кг стружки³⁷⁴.

Для формирования новой трудовой этики создавались особая коммуникативная система и профессиональный язык общения, психологические установки, стимулирующие чувство профессиональной гордости и солидарности, усиливавшие мотивацию высокопроизводительного труда. Творческая инициатива, выраженная в далёких от совершенства формах, встречала широкую поддержку. Преобладала количественная сторона выполнения плана любой ценой, а экономичность, рентабельность хотя и обсуждались в повседневной практике, отходили на второй план. В регионе медленно внедрялась передовая технология, недостаточно использовались производственные мощности, отсутствовал надлежащий контроль за выполнением решений и обязательств, наблюдалась погоня за количественными показателями.

Одни формы соревнований, не исчерпав возможностей, сменялись другими, не сопровождались практической реализацией, что в определённой степени дезорганизовывало массы. Существовал значительный разрыв между формальным охватом движения за высокопроизводительный труд и реальностью. Пропаганда достижений передовиков ограничивалась поверхностными сведениями об их труде, а не детальным знакомством с основными методами работы. Социалистические обязательства и договоры, ориентированные на плановые задания и нормы выработки, пересматривались эмпирически, не опираясь на необходимые расчёты.

Высокопроизводительный труд стимулировался использованием, прежде всего, морального, а затем материального факторов, почти не затрагивая ценностей, направленных на развитие личности и коллектива. Проверка 360 предприятий различных ведомств в начале 1945 г. выявила множество нарушений расходования премиальных средств: денежное вознаграждение поступало к адресатам с большой задержкой и распределялось не по назначению. В первую очередь премировались работники административного аппарата, затем – рабочие основного производства, а выделенные средства на культурно-бытовые нужды использовались на проведение банкетов и концертов, конференций и совеща-

ний. В то же время новаторам открывалась возможность повысить квалификационный уровень и получить профессиональное образование, продвинуться по служебной лестнице и изменить свой социальный статус.

Общественные организации совместно со структурными подразделениями административного аппарата всех уровней, вовлекая на низовом уровне в инновационную деятельность рабочих и служащих, инженерно-технический персонал, аккумулировали информацию о состоянии производства и его дополнительных резервах, используя творческий потенциал для принятия решений организационного, технического и экономического характера.

* * *

Техническое отставание производственных процессов, медленное внедрение в массовое производство новых технологических решений, низкое качество комплектующих и материалов не позволили дальневосточным предприятиям в годы войны обеспечить в достаточном количестве военные формирования боеприпасами и вооружением. Выбор приоритетов в наращивании топливно-энергетической базы был сделан в пользу развития угольной и нефтяной промышленности в восточных районах страны, которые, безусловно, не могли компенсировать потерю южных и юго-западных территориальных комплексов, но позволили уменьшить дорогостоящие перевозки. По транспортным магистралям осуществлялись транзитные перевозки стратегических грузов в Сибирь, на Урал и в европейскую часть страны, в районы Крайнего Севера и восточного сектора Арктики.

Экстенсивное наращивание производства при помощи труда заключенных оказывало разлагающее воздействие на управленческие структуры Дальневосточного региона. Из-за сокращения материально-технической базы колхозов и совхозов даже интенсивное использование на сельскохозяйственных работах труда сельских и городских жителей, а также военнослужащих не привело к увеличению объёмов сельскохозяйственной продукции. Государственные поставки во время войны носили, по существу, характер налога, что позволило сосредоточить в руках государства максимальное количество сельскохозяйственной продукции и рационально распределять её на нужды фронта и тыла. В условиях стратифицированной системы распределения ресурсов вырабатываются индивидуальные и коллективные стратегии взаимодействия и выживания.

Ссылки и примечания

¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 950. Л. 38.

² Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. С. 189.

³ ГАХК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 254. Л. 1, 6.

⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2090. Л. 131; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 314. Д. 83. Л. 43.

⁶ Шалкус Г.А. История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине (1879–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. С. 86, 90, 159, 160, 161.

⁷ РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 14. Д. 10. Л. 108; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 180. Л. 17, 36.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 113. Л. 79; ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 369. Л. 48.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 314. Д. 83. Л. 61 об.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2090. Л. 56.

- ¹⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1492. Л. 61, 64.
- ¹¹ ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 3. Д. 14. Л. 7, 9, 33; Оп. 1. Д. 23. Л. 48; Д. 39. Л. 44, 66–93.
- ¹² Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005. С. 134–135.
- ¹³ Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года / под общ. ред. чл.- корр. РАН В.Л. Ларина, отв. ред. Л.И. Галлямова. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2). Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 160.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2543. Л. 45.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2543. Л. 24; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 113. Л. 36.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 113. Л. 53, 69; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2543. Л. 45.
- ¹⁷ История Коммунистической партии Советского Союза в 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958 гг. Кн. 1. (1938–1945 гг.) / авт. коллектив Ю.П. Петров, В.С. Зайцев, Е.Ф. Агафоненков и др. М.: Политиздат, 1970. С. 164.
- ¹⁸ История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. Т. 4: Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны» / авт. коллектив: Н.Г. Андроников, К.А. Черемухин, В.Н. Багров и др. М.: Воениздат, 1975. С. 133.
- ¹⁹ Шевченко В.Н. Оборонная промышленность Сибири в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Красноярск, 2011. С. 28.
- ²⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1492. Л. 44; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 68. Л. 29, 129.
- ²¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 177. Л. 50; Оп. 1. Д. 1685. Л. 124.
- ²² Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны... С. 102.
- ²³ ГАО. Ф. Р-480. Оп. 5. Д. 349. Л. 4; Д. 100. Л. 1; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 177. Л. 50; Оп. 1. Д. 982. Л. 44.
- ²⁴ Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны... С. 103.
- ²⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1492. Л. 61, 64–65, 68.
- ²⁶ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 28.
- ²⁷ ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 3. Д. 14. Л. 7, 9, 33.
- ²⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 53.
- ²⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 71.
- ³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 64 об.
- ³¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 63 об; Д. 68. Л. 108, 113.
- ³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 343. Л. 69; Д. 7. Л. 18; Д. 161. Л. 103–104.
- ³³ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. ... С. 143.
- ³⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1503. Л. 13; РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 1. Д. 1792. Л. 2, 4, 7, 8; Д. 1856. Л. 7.
- ³⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1503. Л. 9, 10, 13, 45; Д. 1685. Л. 110.
- ³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 180. Л. 23; Оп. 4. Д. 161. Л. 86–89 (подсчит. авт.).
- ³⁷ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока... С. 148–149.
- ³⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 195. Л. 2; ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 165. Л. 11.
- ³⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 121. Л. 10–12; Оп. 5. Д. 419. Л. 19; ГАХК. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Д. 9. Л. 29.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 2594. Л. 1; Д. 780. Л. 5.
- ⁴¹ Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока... С. 209.
- ⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 150. Л. 4–5; Оп. 41. Д. 65. Л. 51.
- ⁴³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 366; Ф. Р-26. Оп. 22. Д. 122. Л. 102.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 172. Л. 2; Д. 171. Л. 2–3.
- ⁴⁵ Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности Сахалина (середина XIX в. –1945 г.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2003. С. 143–144.

- ⁴⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 366. Л. 14 об.; Сучан. Сборник (к 50-летию г. Сучан). Владивосток: Примиздат, 1946. С. 134.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46 а. Д. 2594. Л. 7.
- ⁴⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 218. Л. 43.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 50; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1521. Л. 23 (подсчит. авт.).
- ⁵⁰ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. ... С. 153.
- ⁵¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 366. Л. 1; Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности Сахалина... С. 142.
- ⁵² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 195. Л. 81; Шалкус Г.А. История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине... С. 88, 159.
- ⁵³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1503. Л. 41; Оп. 3. Д. 195. Л. 31.
- ⁵⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 314. Д. 83. Л. 43; ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 78. Л. 11.
- ⁵⁵ Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 161. Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. ... С. 279, 153 (подсчит. авт.).
- ⁵⁶ Шалкус Г.А. История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине... С. 166.
- ⁵⁷ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 156–157.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 366. Л. 2, 34; Оп. 5. Д. 177. Л. 1.
- ⁵⁹ Толкачёва Н.В. Рыбная промышленность Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2015. № 33. С. 89, 93, 99.
- ⁶⁰ Ткачёва Г.А. Вклад рыбной промышленности Дальнего Востока СССР в продовольственную базу... С. 74.
- ⁶¹ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 47.
- ⁶² Промышленность СССР. Стат. сборник... С. 384. (подсчит. авт.).
- ⁶³ Ткачёва Г.А. Вклад рыбной промышленности Дальнего Востока СССР в продовольственную базу... С. 77.
- ⁶⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 119; Промышленность СССР. Стат. сб. С. 254–255 (подсчит. авт.).
- ⁶⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 140–142 (подсчит. авт.).
- ⁶⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 7. Л. 40,42; Д. 8. Л. 55.
- ⁶⁷ ГАО. Ф. Р-480. Оп. 5. Д. 304. Л. 42.
- ⁶⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1191. Л. 40.
- ⁶⁹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории. Владивосток, 1991. С. 243.
- ⁷⁰ ГАХК. Ф. 719. Оп. 18. Д. 12. Л. 1; Ф. П-35. Оп. 2. Д. 679. Л. 190. Расхождения в показателях связаны с уровнем ведомственной отчётности административно-территориальных образований.
- ⁷¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 10. Л. 8, 8 об., 9.
- ⁷² ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 116. Л. 13–19; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 3. Л. 1, 11–16 (подсчит. авт.).
- ⁷³ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 116. Л. 13–19; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 3. Л. 1, 11–16 (подсчит. авт.).
- ⁷⁴ ПКСУ. Текущий архив. Д. 1. Л. 4; ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 51, 52.
- ⁷⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 10. Л. 8; Д. 90. Л. 33; Оп. 28. Д. 290. Л. 17.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 474. Л. 13; Д. 475. Л. 130, 131; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1683. Л. 61–63.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 184. Л. 39; Д. 474. Л. 13.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 474. Л. 7, 12.
- ⁷⁹ ГАПК. Ф. П-2541. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 474. Л. 9; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 64; Д. 1683. Л. 61–63.
- ⁸¹ ГАХК. Ф. 331. Оп. 1. Д. 44. Л. 10; ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 217-а. Л. 82.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 475. Л. 129.
- ⁸³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 135. Л. 54.
- ⁸⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 3. Л. 66, 67.
- ⁸⁵ ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 50–52.

- ⁸⁶ ПКСУ. Текущий архив. Д. 1. Л. 4 (подсчит. авт.).
- ⁸⁷ Карамышева Л.Д. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Дальнего Востока в послевоенные годы (1946–1950) // Крестьянство Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1979. С. 66.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 158. Л. 114.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 30; Ф. 26. Оп. 22. Д. 14. Л. 12; Д. 19. Л. 28, 29; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 473. Л. 101, 102.
- ⁹⁰ ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. С. 46–48; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–6 (подсчит. авт.).
- ⁹¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 31; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 212. Л. 10, 24; Д. 213. Л. 6, 21, 50, 63; Оп. 123. Д. 475. Л. 132.
- ⁹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 199 а. Л. 104; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 10. Л. 9; Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 237.
- ⁹³ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 965. Л. 85, 86; Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 82; ПКСУ. Текущий архив. Д. 1. Л. 6 (подсчит. авт.).
- ⁹⁴ ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 13. Л. 7; Ф. П-68. Оп. 6. Д. 43. Л. 9; Д. 51. Л. 90; Оп. 34. Д. 2. Л. 22, 23; Д. 3. Л. 36, 38; Д. 5. Л. 65.
- ⁹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 3. Л. 38; Д. 51. Л. 104.
- ⁹⁶ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 965. Л. 85.
- ⁹⁷ История советского крестьянства... Т. 3. С. 242.
- ⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 184. Л. 50.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 473. Л. 44, 45; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 1097. Л. 3; Оп. 28. Д. 290. Л. 16; Ф. 131. Оп. 1. Д. 40. Л. 167.
- ¹⁰⁰ ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 90–210 (подсчит. авт.).
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 4. Д. 95. Л. 7–12 (подсчит. авт.).
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 474. Л. 16; ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 40. Л. 335, 350.
- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 158. Л. 113, 114; Оп. 123. Д. 473. Л. 44, 45.
- ¹⁰⁴ ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 64–68 (подсчит. авт.).
- ¹⁰⁵ Иконникова Т.Я. Государственные заготовки в колхозах Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Формирование и развитие рабочего класса и крестьянства на советском Дальнем Востоке: межвуз. сб. науч. тр. Хабаровск, 1988. С. 91.
- ¹⁰⁶ ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 90–210; ГАПК. Ф. 35. Оп. 4. Д. 95. Л. 7–12; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 92 (подсчит. авт.).
- ¹⁰⁷ Краевые партийные органы в докладных записках в ЦК ВКП (б) оперировали другими цифрами: в 1940 г. в среднем колхозники Хабаровского края на один трудодень получали 2,1 кг хлеба, в 1941 г. – 1,4 кг, в 1942 г. – 840 г, в 1943 г. – 457 г, в 1944 г. – 200 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 474. Л. 8.
- ¹⁰⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 230. Л. 89.
- ¹⁰⁹ По другим данным за 1943 г. на трудодень выдавали всего по 300–370 г. См.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 43. Л. 5; Оп. 4. Д. 90. Л. 34; ПКСУ. Текущий архив. Д. 2. Л. 4.
- ¹¹⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 679. Л. 190–192; Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 71–98.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 91. Л. 150, 151.
- ¹¹² ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 98. Л. 64–68 (подсчит. авт.).
- ¹¹³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 135. Л. 45, 50–52, 55–57 (подсчит. авт.).
- ¹¹⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 135. Л. 45, 50–52, 55.
- ¹¹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 135. Л. 56, 57.
- ¹¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 16. Л. 22, 101.
- ¹¹⁷ Тесельская И.П., Ципкин Ю.Н., Ежеля У.В. Железные дороги советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014. С. 66.
- ¹¹⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 16. Л. 98, 101.
- ¹¹⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 121. Л. 13.
- ¹²⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 121. Л. 13; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1702. Л. 6.

- ¹²¹ Буркова В.Ф. Одной с Отчизной болью // Дальневосточная магистраль России. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. С. 94.
- ¹²² Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). В 5 т. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 3. 1941–1952 годы. С. 131–169.
- ¹²³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 69. Л. 30.
- ¹²⁴ События даты // Дальневосточная магистраль России. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. С. 348.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 124. Д. 6. Л. 175–177.
- ¹²⁶ Письмо Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 20 января 1943 г. секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартии союзных республик, председателям облисполкомов, крайисполкомов и совнаркомов республик об оказании помощи железным дорогам // Решения партии и правительства... Т. 3. 1941–1952 годы. С. 89.
- ¹²⁷ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 60–61.
- ¹²⁸ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР... С. 68.
- ¹²⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 10.
- ¹³⁰ ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 364. Л. 5.
- ¹³¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 69. Л. 30.
- ¹³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 96. Л. 18 об.; Оп. 4. Д. 90. Л. 11.
- ¹³³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 114. Л. 65.
- ¹³⁴ ГАХК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 181. Л. 48.
- ¹³⁵ Народное хозяйство РСФСР (1956 год): стат. ежегодник. М., 1957. С. 262.
- ¹³⁶ Конфликт на КВЖД. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1989. С. 167–168.
- ¹³⁷ ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 44. Л. 1, 7.
- ¹³⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 121. Л. 31.
- ¹³⁹ Буркова В.Ф. Одной с Отчизной болью... С. 100.
- ¹⁴⁰ Руднев Г.А. Огненные рейсы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. С. 9, 13–18.
- ¹⁴¹ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР... С. 73.
- ¹⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 124. Д. 37. Л. 16.
- ¹⁴³ ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 356. Л. 59.
- ¹⁴⁴ Дальневосточное морское пароходство. 1880–1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980. С. 237.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 124. Д. 37. Л. 13.
- ¹⁴⁶ Вайнер Б.А., Чистяков Г.А. История советского морского транспорта. Вып. 5. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.: ЦБНТИ ММФ, 1979. С. 195.
- ¹⁴⁷ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока... С. 79, 81.
- ¹⁴⁸ ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 356. Л. 45.
- ¹⁴⁹ Дальневосточное морское пароходство... С. 237.
- ¹⁵⁰ ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 341. Л. 44.
- ¹⁵¹ Исаков А.Н. Снабжение и торговля на Северо-Востоке России в годы Великой Отечественной войны // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 117, 118.
- ¹⁵² РГАСПИ. Ф. 473. Оп. 4. Д. 112. Л. 53, 54.
- ¹⁵³ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР... С. 122.
- ¹⁵⁴ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР... 122–123.
- ¹⁵⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 69. Л. 9, 10–11 об.
- ¹⁵⁶ Вайнер Б.А., Чистяков Г.А. История советского морского транспорта... С. 197, 199.
- ¹⁵⁷ ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 356. Л. 1.
- ¹⁵⁸ Вайнер Б.А., Чистяков Г.А. История советского морского транспорта... С. 204.
- ¹⁵⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 107. Л. 86.

- ¹⁶⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1029. Л. 3, 8.
- ¹⁶¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 806. Л. 21, 22.
- ¹⁶² ГАХК. Ф. 736. Оп. 2. Д. 77. Л. 4.
- ¹⁶³ ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 93. Л. 31 об., 32.
- ¹⁶⁴ ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 103. Л. 16 об., 18.
- ¹⁶⁵ ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 77. Л. 14; Д. 132. Л. 44.
- ¹⁶⁶ ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.
- ¹⁶⁷ ГААО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 132. Л. 11, 33 об., 34, 34 об.
- ¹⁶⁸ ГАХК. Ф. 736. Оп. 2. Д. 61. Л. 1, 2; Д. 125. Л. 70.
- ¹⁶⁹ ГАХК. Ф. 736. Оп. 2. Д. 95. Л. 2; Д. 111. Л. 3.
- ¹⁷⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 247. Л. 4.
- ¹⁷¹ Подсчитано на основании: Народное хозяйство РСФСР (1956 год): стат. ежегодник. М., 1957. С. 258.
- ¹⁷² Бевз С.С., Бокань И.К., Гоголев Н.А. и др. Дальневосточники в Великой Отечественной войне. Очерки. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. С. 198.
- ¹⁷³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1033. Л. 28, 30.
- ¹⁷⁴ Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР... С. 93–94.
- ¹⁷⁵ Алтунин Е.В. Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 216.
- ¹⁷⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1033. Л. 27, 28.
- ¹⁷⁷ Алтунин Е.В. Очерки истории гражданской авиации... С. 233.
- ¹⁷⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 107. Л. 104, 105.
- ¹⁷⁹ ГАХК. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.
- ¹⁸⁰ ГАХК. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
- ¹⁸¹ ГАХК. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.
- ¹⁸² Алтунин Е.В. Очерки истории гражданской авиации... С. 235, 236.
- ¹⁸³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1292. Л. 16, 19.
- ¹⁸⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 112. Л. 2.
- ¹⁸⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 117. Л. 13–14, 15.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 4116. Л. 68.
- ¹⁸⁷ Информационный центр Управления внутренних дел по Приморскому краю. Ф. 13. Д. 4. Л. 55–56.
- ¹⁸⁸ Земсков В.Н. Демография заключённых, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России. 1999. № 4. С. 114.
- ¹⁸⁹ Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 45–46.
- ¹⁹⁰ Чернолуцкая Е.Н. Эволюция пенитенциарной системы на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма: новые факты и интерпретации / под ред. С. Папкина и К. Тэраяма. М.: РОССПЭН, 2015. С. 19–33.
- ¹⁹¹ Бобков М.Ю. Малоизвестные страницы из истории г. Свободного (до 1953 г.) // Государство и личность. Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX в.: материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск: Амурск. обл. краев. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. С. 155–156.
- ¹⁹² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 377.
- ¹⁹³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 171, 186, 332–335, 337, 400–401, 413, 415, 418, 366–367, 488; Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 1. С. 133.
- ¹⁹⁴ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 53–133.
- ¹⁹⁵ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920–первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 32, 189–192.

- ¹⁹⁶ Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения... С. 45–48.
- ¹⁹⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 191–192; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002. С. 781–782.
- ¹⁹⁸ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4. С. 30.
- ¹⁹⁹ Система исправительно-трудовых лагерей... С. 186; Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока... С. 132.
- ²⁰⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 783–785; История сталинского Гулага... Т. 3. С. 189–192; Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья девятая // Свободная мысль. 2000. № 6. С. 112–113.
- ²⁰¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 771–772; Система исправительно-трудовых лагерей... С. 413; Соловьев И.А. У ворот Татарского пролива: амуро-лиманская воднотранспортная проблема, 1937–1943 гг. (Воспоминания). Владивосток, 1996. 283 с.
- ²⁰² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 414–415; Виноградов А.Н. Краткая записка об истории строительства морского порта в Петропавловске-Камчатском в 1942–1945 годах // Камчатский край. Краеведческий сайт. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/history/vinogradov_port.htm (дата обращения: 03.06.2019); Паперно А.Х. Ленд-лиз. Тихий океан. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 368 с. URL: http://www.kscnet.ru/ivs/bibl/paperno1/index_files/rasdel/15.doc (дата обращения: 03.06.2019).
- ²⁰³ Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока... С. 128–130; История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 201; Система исправительно-трудовых лагерей... С. 177.
- ²⁰⁴ Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. 100 с.; Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 34–37; Система исправительно-трудовых лагерей... С. 135.
- ²⁰⁵ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 204.
- ²⁰⁶ Хронологическая справка о структурном построении УНКВД УМВД-УВД Хабаровского края // Отдел спецфондов ИЦ УВД Хабаровского края. С. 37; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 377.
- ²⁰⁷ Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Т. 1. Владивосток: Изд. группа «Восток-Контракт», 2011. С. 182, 195.
- ²⁰⁸ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 31–33.
- ²⁰⁹ Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры... С. 120.
- ²¹⁰ Бобков М.Ю. Малоизвестные страницы из истории... С. 155.
- ²¹¹ Сидоров Н. ГУЛАГ НКВД... С. 182.
- ²¹² Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 335–345.
- ²¹³ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталеv; сост. И.В. Безбородов, В.М. Хрусталеv. М.: РОССПЭН, 2004. С. 130.
- ²¹⁴ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 94–95, 101.
- ²¹⁵ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 30.
- ²¹⁶ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 408–423, 428–433, 438–451.
- ²¹⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 97.
- ²¹⁸ Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры... С. 123.
- ²¹⁹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 102–103.
- ²²⁰ Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения... С. 47.
- ²²¹ Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья тринадцатая // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 114, 116–118.
- ²²² История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 349.
- ²²³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 103.

- ²²⁴ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 335–345.
- ²²⁵ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 351–357.
- ²²⁶ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 357.
- ²²⁷ Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность. Комсомольск-на-Амуре, 2002. С. 151–156.
- ²²⁸ Чернолуцкая Е.Н. Мобилизация спецпоселенцев на строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (1943–1946 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 88–93.
- ²²⁹ Сталинские стройки ГУЛАГа... С. 527–529.
- ²³⁰ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 35–36.
- ²³¹ Чернолуцкая Е.Н. Мобилизация спецпоселенцев на строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (1943–1946 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 88–93.
- ²³² Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 34.
- ²³³ Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре: легенды... С. 151–156.
- ²³⁴ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 120, 217–220, 228–230, 238, 239, 243–244 и др.; Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры... С. 120; Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья десятая // Свободная мысль. 2000. № 7. С. 107–108.
- ²³⁵ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 214, 215.
- ²³⁶ Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД... С. 196.
- ²³⁷ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе... С. 34.
- ²³⁸ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 340–342.
- ²³⁹ Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока... С. 131.
- ²⁴⁰ Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД... С. 196.
- ²⁴¹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 341–342.
- ²⁴² Еланцева О.П. Строительство № 500... С. 80.
- ²⁴³ Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока... С. 141–142.
- ²⁴⁴ Директива Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР № 221 от 22.VI.41. URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/410622-1.htm> (дата обращения: 20.06.2019).
- ²⁴⁵ Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К. Правовое обеспечение функционирования исправительно-трудовых учреждений в период Великой Отечественной войны. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/1139> (дата обращения: 19.06.2019).
- ²⁴⁶ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке... С. 344–346.
- ²⁴⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 210–211.
- ²⁴⁸ Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД... С. 194.
- ²⁴⁹ Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД... С. 189, 198–199.
- ²⁵⁰ Шило Н.А. Записки геолога. Т. 1: Формирование дальневосточной науки. Магадан, 2007. С. 236.
- ²⁵¹ Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 309.
- ²⁵² Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. ... С. 288.
- ²⁵³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1231. Л. 80.
- ²⁵⁴ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан, 2002. С. 123.
- ²⁵⁵ Шулубина С.А. Система Севвостлага. 1932–1957 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. С. 159.
- ²⁵⁶ Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. С. 109.
- ²⁵⁷ Вспомним всех поименно. Память. Кн. 2. Магадан, 1996. С. 33.
- ²⁵⁸ Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. ... С. 223–224.
- ²⁵⁹ Садетов Х. Жизнь ведет: из записной книжки журналиста // Магаданская правда. 1956. 3 мая. С. 2.

- ²⁶⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 41.
- ²⁶¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1425. Л. 157–161.
- ²⁶² Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности... С. 111.
- ²⁶³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1074. Л. 20–21.
- ²⁶⁴ Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности ... С. 114.
- ²⁶⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1229. Л. 100.
- ²⁶⁶ Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности ... С. 115.
- ²⁶⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 5.
- ²⁶⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.
- ²⁶⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 18. Л. 4; Д. 1084. Л. 3, 12.
- ²⁷⁰ Кузнецов И.К. Техника на горных предприятиях Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1955. С. 26.
- ²⁷¹ Зеляк В.Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. С. 76.
- ²⁷² Варава Н.А. Первое десятилетие // Колыма. 2000. № 2. С. 11–13.
- ²⁷³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
- ²⁷⁴ Зеляк В.Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса ... С. 77.
- ²⁷⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 41–42.
- ²⁷⁶ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 457.
- ²⁷⁷ Уоллес Г.Э. Первые дни на земле Советской Азии // Краеведческие записки. Вып. 18. Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 102–109; Сталинские стройки ГУЛАГа... С. 382–383, 464–466.
- ²⁷⁸ История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1989. С. 240.
- ²⁷⁹ Золотые месторождения Урала и Казахстана. М.: Metallurgizdat, 1947. С. 3.
- ²⁸⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
- ²⁸¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1231. Л. 19–20.
- ²⁸² Терентьев Я.М. Рождение прииска // Краеведческие записки. Вып. 18. Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 88–91.
- ²⁸³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
- ²⁸⁴ Вспомним всех поименно. Память. Кн. 2. Магадан, 1996. С. 34–35.
- ²⁸⁵ Ефимов С.П. Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность Магаданской области (1941–1945) // Краеведческие записки. Вып. 14. Магадан, 1986. С. 61.
- ²⁸⁶ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 330.
- ²⁸⁷ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока... С. 333.
- ²⁸⁸ Глазунов И.Л. Геологическое изучение и развитие угледобычи на Колыме и Чукотке в предвоенные 1939–1940 годы и в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Краевед. записки. Вып. 12. Магадан, 1982. С. 31–32.
- ²⁸⁹ Глазунов И.Л. Геологическое изучение и развитие угледобычи на Колыме и Чукотке... С. 39.
- ²⁹⁰ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 334.
- ²⁹¹ Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке в годы Великой Отечественной войны // Краевед. записки. Вып. 17. Магадан, 1991. С. 34.
- ²⁹² Поздняков А.Ф. Курс на Север! (Морское судоходство на Севере Дальнего Востока СССР в 1920–1950-х гг.). Магадан: Изд-во СВГУ, 2012. С. 98.
- ²⁹³ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 297, 298.
- ²⁹⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1247. Л. 24.
- ²⁹⁵ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах. В 2 ч. Ч. 2. Магадан, 2002. С. 244.
- ²⁹⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1447. Л. 12, 16.
- ²⁹⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1555. Л. 35.

- ²⁹⁸ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока... С. 302.
- ²⁹⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1697. Л. 107.
- ³⁰⁰ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 304–305; Третьяков М.В. Авиация в Дальстрое (История становления и развития воздушного транспорта на Северо-Востоке СССР в 1932–1957 гг.). Магадан. ООО «Типография», 2014. С. 86–103.
- ³⁰¹ Алтунин Е.В. Воздушная трасса Красноярск – Уэлькаль (из истории строительства) // Краевед. записки. Вып. 15. Магадан, 1988. С. 76–77.
- ³⁰² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1073. Л. 243–244; 240–241.
- ³⁰³ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах... С. 26.
- ³⁰⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 24.
- ³⁰⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1077. Л. 50.
- ³⁰⁶ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 308.
- ³⁰⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 22–25.
- ³⁰⁸ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 309.
- ³⁰⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 24.
- ³¹⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1555. Л. 37.
- ³¹¹ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 314.
- ³¹² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1073. Л. 44.
- ³¹³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 19.
- ³¹⁴ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 317.
- ³¹⁵ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах... С. 100–101.
- ³¹⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 20.
- ³¹⁷ Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20–середина 60-х гг. XX в.). Магадан, 2007. С. 140.
- ³¹⁸ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 349.
- ³¹⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1226. Л. 9.
- ³²⁰ Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20–середина 60-х гг. XX в.). С. 141.
- ³²¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1183. Л. 61.
- ³²² Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 350.
- ³²³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1329. Л. 29–30.
- ³²⁴ Колесов М.И. История Колымского края: в 2 ч. Ч. 2. Якутск, 1993. С. 108.
- ³²⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1447. Л. 15.
- ³²⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1555. Л. 33.
- ³²⁷ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока России... С. 358.
- ³²⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1555. Л. 27–28.
- ³²⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1074. Л. 144–151.
- ³³⁰ Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). Магадан: Кн. изд-во, 1994. С. 154–175.
- ³³¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1484. Л. 81.
- ³³² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1223. Л. 133–136; Д. 1229. Л. 15.
- ³³³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1357. Л. 50.
- ³³⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1229. Л. 61; Д. 1230. Л. 141–142.
- ³³⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1226. Л. 23; Д. 1358. Л. 243; Д. 1484. Л. 6–9.
- ³³⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1484. Л. 183–188; Д. 1601. Л. 6, 57.

- ³³⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1485. Л. 149–151.
- ³³⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1598. Л. 14; Д. 1601. Л. 111–114, 117, 119, 275–280.
- ³³⁹ Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. ... С. 232.
- ³⁴⁰ Алексахин И.П. Колымские этапы // Краеведческие записки. Вып. 16. Магадан: Кн. изд-во, 1989. С. 117.
- ³⁴¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1074. Л. 227; Д. 1225. Л. 139–142.
- ³⁴² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1225. Л. 139–142.
- ³⁴³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1226. Л. 23–24.
- ³⁴⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1226. Л. 74.
- ³⁴⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1487. Л. 123.
- ³⁴⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1487. Л. 91–92.
- ³⁴⁷ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 459–460.
- ³⁴⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 37.
- ³⁴⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1084. Л. 40.
- ³⁵⁰ Государственные Военные займы на Колыме. 1942–1945 гг. (по архивным документам) / авт.-сост. А.В. Эйчис. Магадан: Новая полиграфия, 2006. 72 с.; Реализация денежно-вещевых лотерей на Колыме, 1941–1944 гг. (по архивным документам) / авт.-сост. А.В. Эйчис. Магадан: Новая полиграфия, 2011. 39 с.
- ³⁵¹ Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. ... С. 323.
- ³⁵² Райзман Д.И. Помним вас, земляки. Магадан: Изд-во СМУ, 2005. С. 41–42.
- ³⁵³ Козлов А.Г. Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929–1945). Магадан, 2007. С. 163–164.
- ³⁵⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1683. Л. 47, 48, 50; Оп. 1. Д. 1867. Л. 33–36; Ф. 705. Оп. 31. Д. 44. Л. 15.
- ³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2331. Л. 4, 34; Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1942. 24 мая.
- ³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25-6. Д. 210. Л. 5; Д. 230. Л. 79 (подсчит. авт.).
- ³⁵⁷ ГАПК. Ф. 27. Д. 67. Л. 7, 94; Д. 68. Л. 7, 8, 14, 23, 34, 46, 56, 68 (подсчит. авт.).
- ³⁵⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 397. Л. 11; Ф. П-84. Оп. 2. Д. 18. Л. 141, 156; Д. 51. Л. 284, 288. Д. 52. Л. 22.
- ³⁵⁹ ГАХК. Ф. 705. Оп. 31. Д. 30. Л. 19.
- ³⁶⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 107, 108; Д. 132. Л. 82, 83; Оп. 30. Д. 175. Л. 44, 45 (подсчит. авт.).
- ³⁶¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1678. Л. 87–94; Д. 1685. Л. 117; Оп. 3. Д. 228. Л. 11–13; Ф. 705. Оп. 31. Д. 44. Л. 9, 35, 105, 153; Ф. 686. Оп. 1. Д. 35. Л. 10; Д. 40. Л. 16, 34 (подсчит. авт.).
- ³⁶² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 226. Л. 126–130; Оп. 6. Д. 56. Л. 24.
- ³⁶³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 30. Л. 162; Ф. П-59. Оп. 2. Д. 132. Л. 45; Д. 209. Л. 39 (подсчит. авт.).
- ³⁶⁴ ГАПК. Ф. 356. Оп. 9. Д. 58. Л. 37, 59; Д. 74. Л. 75; Ф. П-59. Оп. 14. Д. 42. Л. 14; Оп. 5. Д. 7. Л. 23; Д. 40. Л. 23.
- ³⁶⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 196. Л. 29.
- ³⁶⁶ ГАХК. Ф. 617. Оп. 2. Д. 229. Л. 28.
- ³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 1524. Л. 10.
- ³⁶⁸ ГАХК. Ф. 847. Оп. 1. Д. 10. Л. 87; ГАСО. Ф. 575. Оп. 3. Д. 11. Л. 29 (подсчит. авт.).
- ³⁶⁹ РГАЭ. Ф. 7951. Оп. 1. Д. 245. Л. 2; Д. 242. Л. 66; Ф. 8827. Оп. 1. Д. 126. Л. 87; Ф. 9003. Оп. 1. Д. 48. Л. 99; ГАСО. Ф. 575. Оп. 3. Д. 11. Л. 15, 128 (подсчит. авт.).
- ³⁷⁰ ГАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 19; Д. 5. Л. 22, 28; Д. 14. Л. 35; Д. 17. Л. 7, 19; Д. 22. Л. 15, 81; Д. 29. Л. 19, 35; Д. 41. Л. 149; Д. 43. Л. 5, 17, 32; Д. 44. Л. 1, 3; Д. 53. Л. 4 об. (подсчит. авт.).
- ³⁷¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 24. Д. 1524. Л. 10; Оп. 25-6. Д. 29. Л. 21, 199; Д. 39. Л. 41, 41 об., 169, 169 об. Д. 74. Л. 9; Д. 83. Л. 109; Д. 137. Л. 18; Д. 14. Л. 104, 104 об.; Д. 140. Л. 104, 121 (подсчит. авт.).
- ³⁷² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 1204. Л. 14; ГАПК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 156. Л. 20; Д. 157. Л. 22.
- ³⁷³ ГАРФ. Ф. 7679. Оп. 6. Д. 242. Л. 340, 370 об.; Ф. 7990. Оп. 4. Д. 175. Л. 3, 6.
- ³⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 325. Л. 105–106.

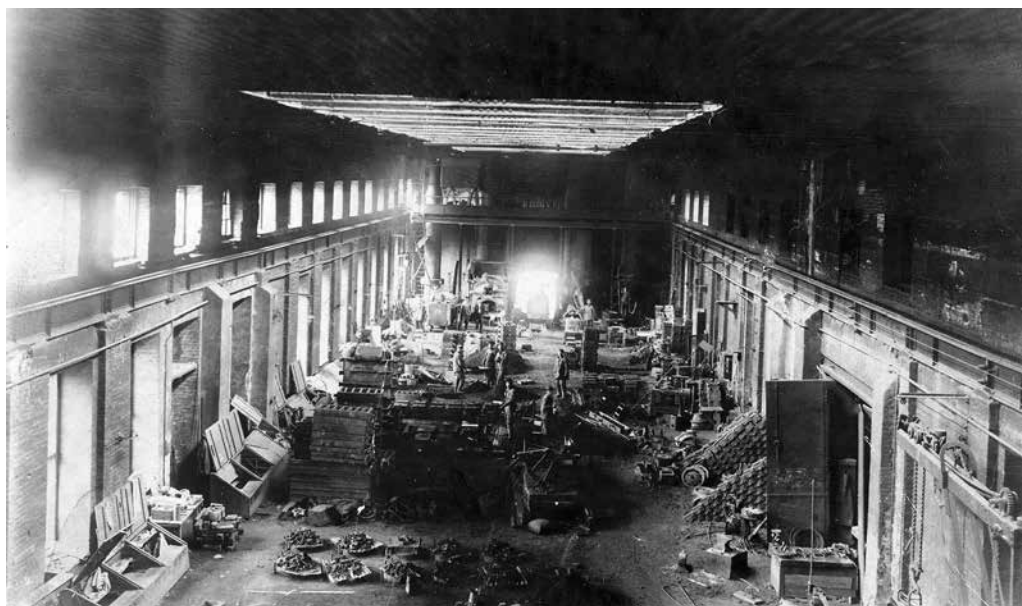
Иллюстрации гл. 4, п. 4.1

Комсомольская ТЭЦ-2 судостроительного завода № 199.
г. Комсомольск-на-Амуре, 1941 г.

Мартеновский цех завода «Амурсталь». г. Комсомольск-на-Амуре, 1942 г.

Один из цехов Дальзавода. г. Владивосток, нач. 1940-х гг.

Производство снарядов на заводе
«Металлист». г. Владивосток, 1943 г.

Ремонт танков в цехе авторемонтного завода № 105 им. Л.М. Кагановича.
г. Хабаровск, 1941 г.

Сварка корпусов авиабомб на комбинате «Сихали». пос. Тетюхе, 1942 г.

Крейсер «Каганович» и сторожевой корабль «Альбатрос» у причальной стенки судостроительного завода № 199 им. Ленинского комсомола.
г. Комсомольск-на-Амуре, 1943 г.

Иллюстрации гл. 4, п. 4.2

Работа на току в колхозе им. XVII партсъезда Спасского района. 1943 г.

Школьники Приморья на сборе урожая. 1943 г.

Школьники Приморья на сельскохозяйственных работах. 1942 г.

Иллюстрации гл. 4, п. 4.3

Военные грузы в порту Владивостока. 1943 г.

Капитан дальнего плавания А.И. Щетинина
на ходовом мостике. 1943 г.

Капитан парохода ДГМП
«Белоруссия» К.Г. Кондратьев.
г. Владивосток, 1940-е гг.

Пароход «Трансвалт», потопленный во время перехода из США во Владивосток 13 июня 1945 г.

Перевозка подвижного состава для узкоколейной дороги Магадан-Уптар. 1940 г.

Строительство узкоколейной железной дороги Магадан-Уптар. 1940 г.

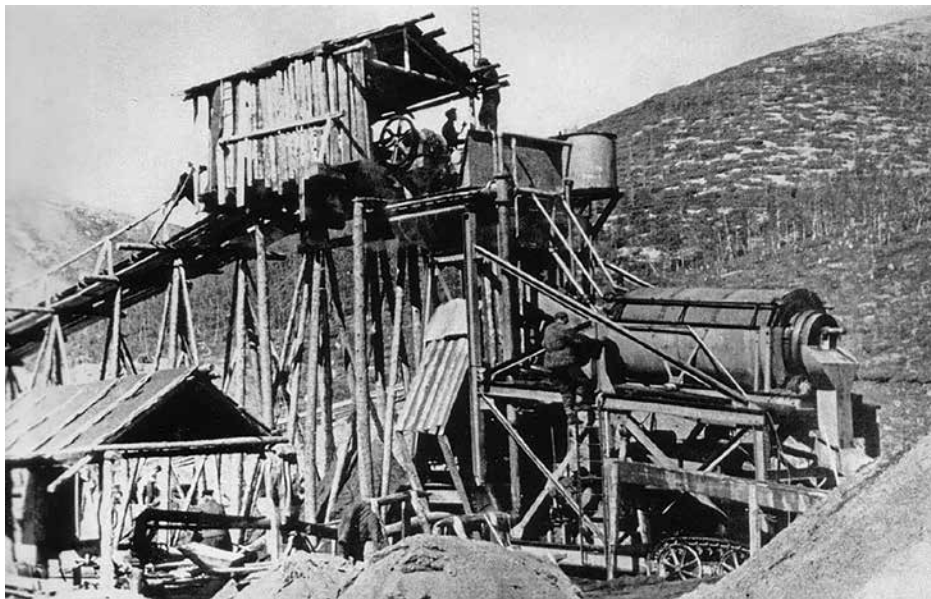
Транспорт ДГМП «Красногвардеец» типа «Liberty». 1944 г.

Иллюстрации гл. 4, п. 4.4

Исправительно-трудовой лагерь строительства № 213 НКВД. бухта Находка, 1941 г.

Иллюстрации гл. 4, п. 4.5

Американская золотомойка «Денвер» на прииске им. С.М. Буденного. г. Магадан, 1943 г.

Главный корпус стекольного завода. пос. Стекольный, 1942 г.

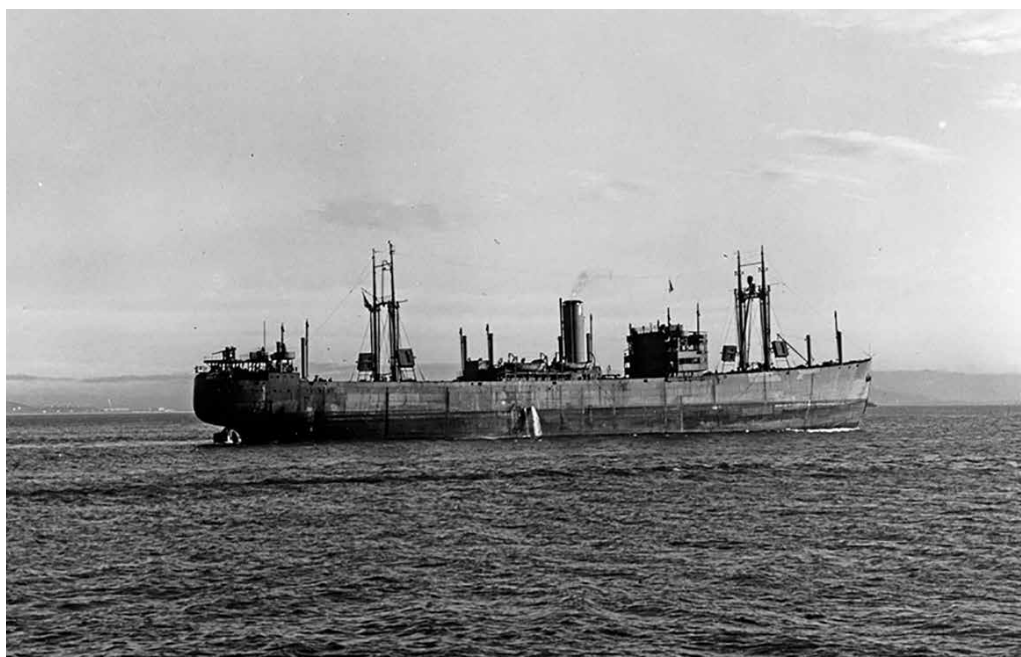
Дети в пионерлагере Дальстроя НКВД, 1940-е гг.

Начало Колымской трассы. г. Магадан, 1941 г.

Начальник ГУ СДС «Дальстрой» НКВД И.Ф. Никишов и вице-президент США
Генри Эгард Уоллес. г. Магадан, 1944 г.

Пароход «Дальстрой» Главного управления строительства
Дальнего Севера НКВД СССР. 1940-е гг.

Глава 5

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

5.1. Социальная поддержка тружеников тыла

Отечественная война существенно повлияла на объём, структуру, распределение и использование национального дохода, высветила и обострила все социальные проблемы общества. На оборону страны шло всё больше и больше средств. За 1941–1945 гг. они в 2,7 раза превысили расходы на социально-культурные нужды¹. Удельный вес производства продовольствия и товаров потребления (группа «Б») составил в 1941 г. 30,5%, в 1942 г. – 20,5, в 1943 г. – 19,5, в 1944 г. – 20,2, в 1945 г. – 25,1% валовой продукции промышленности, произошло снижение объёма товарных ресурсов потребительского рынка, усугубленное просчётами в предшествующий период.

В годы войны социальная политика СССР была направлена на поддержание уровня доходов активной части населения и нетрудоспособных граждан. Система перераспределения национального дохода в пользу отдельных социальных групп, созданная в предшествующий период, не претерпела существенных изменений. Она гарантировала обеспечение по старости и при потере трудоспособности, а также материальную поддержку военнослужащих и их семей, материнства и детства.

За снабжение населения, производство потребительских товаров отвечали А.И. Микоян – член Политбюро ЦК ВКП(б), А.Н. Косыгин – заместитель председателя СНК СССР, В.П. Золотов – нарком пищевой, С.Г. Лукин – лёгкой, И.Н. Акимов – текстильной промышленности А.В. Любимов – нарком торговли, секретари ВЦСПС Н.М. Шверник, К.И. Николаева, В.В. Кузнецов и другие государственные и партийные деятели. В структуре местных органов власти были созданы отделы и различные комиссии, занимавшиеся вопросами материально-бытового обслуживания населения.

Снабжение осуществлялось на основе планово-распределительной системы и начиналось на низовом уровне с учёта штатной численности работников на предприятиях и в учреждениях (что не соответствовало их фактической численности), жителей – по месту регистрации (через домоуправления, уличные комитеты, сельские и поселковые Советы). Первичная информация обрабатывалась и отправлялась в управления снабжения соответствующих наркоматов, местные органы власти и в торговые отделы административно-территориальных единиц, а затем обобщалась в Наркомате торговли СССР.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» пособия назначались по месту жительства в размере 100–250 руб. в городской и 50% от этой суммы – в сельской местности (в зависимости от числа трудоспособных и нетрудоспособных в семье). Нетрудоспособными считались (при отсутствии других кормильцев)

дети до 16 лет, отец и мать старше 60 и 55 лет, близкие родственники, инвалиды I и II групп (независимо от возраста). В случае гибели военнослужащего за его семьёй сохранялись все ранее предоставленные социальные льготы.

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1902 от 28 июля 1941 г. лицам, добровольно вступившим в действующие части Красной армии, одновременно с полным расчётом выплачивались выходное пособие и компенсация за отпуск. При этом сохранялись должность по прежнему месту работы и жилплощадь. Согласно постановлению СНК РСФСР № 613 от 11 сентября 1941 г. предоставлялись льготы по оплате содержания детей в детских садах и яслях. Для участников войны время пребывания в армии, на флоте, в партизанском отряде засчитывалось как в общий, так и в непрерывный трудовой стаж². В то же время на основании приказов Ставки Верховного Главного командования № 270 от 16 августа 1941 г. и № 227 от 28 июля 1942 г. семьи дезертировавших или сдавшихся в плен, самовольно отступивших с боевых позиций командиров и политработников подлежали аресту, а родные красноармейцев лишались государственного пособия и помощи³.

Социальная политика помогала населению адаптироваться к военным условиям, прежде всего на микроуровне, одновременно реализовывая общегосударственные интересы. К началу 1945 г. на Дальнем Востоке кроме двух крайних работало 115 городских и районных отделов соцобеспечения (более 800 штатных сотрудников), которые занимались улучшением материального положения семей военнослужащих, демобилизованных из рядов вооружённых сил. В дальневосточных отделах в основном работали женщины с низким образовательным уровнем и без опыта работы. Состав сотрудников постоянно менялся, и при общей нехватке кадров (до 25%) текучесть составляла не менее 11,8% в год⁴.

Социальные льготы распространялись на всё новые и новые контингенты. В Хабаровском крае в декабре 1941 г. пособия получали 35,9 тыс. чел. и 3,5 тыс. – денежные аттестаты. На 1 марта 1942 г. пособие имели уже 41,3 тыс. чел. (24,6 тыс. по городской и 16,7 тыс. по сельской норме), на 1 января 1943 г. – 57,5 тыс. (34 тыс. по городской и 23,5 тыс. по сельской норме). В сентябре 1944 г. из 144,6 тыс. учтённых семей военнослужащих государственными пособиями обеспечивались 58 тыс. (40,1%), пенсиями – 8,5 тыс. (5,9%), в октябре 1945 г. из 140 тыс. соответственно 48,1 тыс. (34,4%) и 11,8 тыс. семей (8,4%)⁵.

К марту 1945 г. отделы социального обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих Хабаровского края выплатили 173,5 млн руб. пособий и пенсий, кроме того, выдали более 11 млн руб. единовременных пособий, 3,6 тыс. т картофеля, 580 т овощей, 771 т других продуктов, свыше 173 тыс. комплектов одежды и белья, 92,3 тыс. пар обуви, 317,4 тыс. куб. м дров, 97,4 тыс. т угля, 9,9 тыс. голов скота. Отремонтировано более 44 тыс. квартир и предоставлено 9,6 тыс. новых. Через отделы трудоустроили 113,7 тыс. чел., а 14,9 тыс., в основном нетрудоспособные члены семей (престарелые, инвалиды и многодетные), не были трудоустроены⁶.

В Приморском крае с сентября 1944 г. по январь 1946 г. количество семей рядового и офицерского состава, получающих пособия, колебалось от 25,3 до 35,2%, пенсии – от 6,2 до 10,5%. По отчётным данным, за 1943–1945 гг. им было выплачено 106,9 млн руб. денежных пособий и 24,5 млн руб. пенсий из государственных средств (в среднем соответственно 93 и 160 руб. на семью), 193,4 тыс. руб. из местного бюджета и 6,7 млн руб. из внебюджетных средств. Кроме того,

из средств государства наиболее нуждающимся выдано (по неполным данным) 54 тыс. детских продуктовых пайков, 44 тыс. м мануфактуры, а также 180 тыс. ед. различных вещей из подарков американского народа⁷.

Специальными постановлениями СНК СССР от 2 июля и 5 августа 1941 г. члены семей военнослужащих за занимаемую жилплощадь и коммунальные услуги платили по льготным ставкам, а дети освобождались от платы за обучение в 8–10-м классах средней школы, в техникумах и вузах. Кроме этого, предоставлялись льготы по налогам и обязательным поставкам сельхозпродуктов. Только за 1944 г. в Приморском крае 20,3 тыс. городских и 77,3 тыс. сельских семей были освобождены от уплаты военного налога, 14,7 тыс. – от местных налогов, около 18 тыс. семей – от обязательных поставок сельхозпродуктов. Для сравнения: за 1943 г. не облагались военным налогом 55,4 тыс. и сельхозналогом – 16,6 тыс. семей⁸.

На 1 июля 1944 г. в отделах по государственному обеспечению семей военнослужащих Приморского края получали пособие при одном трудоспособном 32,8 тыс. семей (81% получателей пособий), при отсутствии трудоспособных членов семей – 7 тыс. (17,3%), в том числе 627 семей с четырьмя иждивенцами (9% данной категории). Одна треть всех, получающих пособия, проживала в городских местностях.

Количество получателей пенсий при потере кормильца на одного, двух и трёх нетрудоспособных было примерно равное. Из учтённых 18 тыс. многодетных семей имели четверых детей 8,5 тыс. семей (47,2%), пять – 4,9 тыс. (27,2%), шесть – 2,9 тыс. (16,1%), семь – 1 тыс. семей (5,5%)⁹. Выплаты и льготы семьям с различным уровнем материального обеспечения были наиболее ощутимы для малообеспеченных слоёв с низким душевым доходом.

Особое внимание уделялось охране материнства и детства. С 1 сентября 1942 г. установлен новый порядок выдачи пособий по беременности и родам, увеличен отпуск с 63 до 77 дней, введены выплата пособия при рождении третьего и каждого последующего ребёнка, выдача дополнительного продуктового пайка и предметов ухода за новорождённым. Только из средств государственного социального страхования выплаты многодетным и одиноким матерям за 1941–1945 гг. составили 5,8 млрд руб. (2,7% от суммы расходов на социально-культурные мероприятия СССР), а из них 1177 млн руб. – по беременности и родам, на время ухода и кормления ребенка¹⁰.

После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., предусматривающего увеличение государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усиление охраны материнства и детства, учредившего почётное звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава» и «Медаль материнства», возросшие почти в 2 раза бюджетные ассигнования (по отношению к 1941 г.) направили на улучшение материального положения данных социальных групп. Впервые за все годы советской власти труд женщины-матери приравнялся к труду женщины-труженицы. К концу 1946 г. в Приморском крае почётное звание «Мать-героиня» присвоили 290 женщинам, наградили орденом «Материнская слава» – 3074, «Медалью материнства» – 558⁶¹¹.

Местные органы власти без государственной поддержки не могли решить проблемы стимулирования рождаемости, и поэтому предоставляемые льготы являлись реальной помощью в это трудное время. Однако в условиях инфляции, ограничения свободных товарных ресурсов они оказались недостаточно эффек-

тивными. В октябре 1944 г. проверка, проведённая органами государственной торговой инспекции в 23 крупнейших административно-территориальных единицах страны, выявила многочисленные факты нарушения законодательства. Продовольственные фонды для кормящих матерей и беременных женщин выделялись на общих основаниях, продукция подсобных хозяйств на дополнительное питание не отпускалась, нормы выдачи всецело зависели от обстоятельств. Стоимость комплекта белья для новорождённых (сумма определена законодательством) должна быть не ниже 120 руб., но она была значительно меньше не за счёт снижения себестоимости продукции, а из-за её низкого качества и несоблюдения ассортимента. В комплекте предусматривались: одеяло с пододеяльником, 1,2 м детской клеёнки, 6 пелёнок, по 2 простыни, распашонки, рубашки, кофточки, а выдавалось в лучшем случае 10–15 м ткани, да и то по карточкам, причём в сельские районы мануфактура не отпускалась¹².

По всей стране для помощи подрастающему поколению в преодолении лишений создавались специальные комиссии в составе представителей от органов внутренних дел, здравоохранения и образования, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, которые занимались вопросами социальной адаптации детей и подростков. Большую роль в этом сыграли постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (январь 1942 г.), «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет, воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей» (июнь 1943 г.).

Задача ликвидации беспризорности и безнадзорности детей решалась за счёт создания государственной сети специализированных учреждений: открывались новые детские сады и ясли, детские дома и дома младенцев, создавались трудовые воспитательные колонии для малолетних правонарушителей. В Приморском крае действовали 23 детских и 9 межколхозных домов (1264 воспитанника), два дома младенцев (250 детей), две школы для глухонемых (185 чел.), лесная школа (85 чел.), 333 постоянных детских сада (12 960 детей) и 247 детских яслей (10 650 коек). За 1943–1944 гг. на учёт приняли 2216 детей, оставшихся без родителей, из них 645 – определили в детские дома, 741 – передали на воспитание в семьи, 151 – усыновили, на 152 ребёнка оформили опеку и 167 подростков трудоустроили¹³.

В Хабаровском крае в этот период имелось 33 детских дома (14 школьного типа, 14 смешанного и 5 дошкольного), две школы для глухонемых, по одной – для слепых и умственно отсталых, в которых находилось 3817 воспитанников, военно-музыкальная школа на 200 чел., две трудовые колонии на 800 мест. В 1943 г. увеличилось число детских садов с 296 до 367, а в них – с 17 763 до 23 461 ребёнка. В детские дома и военно-музыкальную школу приняты 1343 воспитанника, 885 детей определены на патронаж в семьи, свыше 500 подростков трудоустроены, 400 беспризорников отправлены в колонии¹⁴.

Имеющиеся учреждения социальной опеки, размещённые в любых, даже малопригодных помещениях, старых и ветхих, требующих капитального ремонта и замены, не могли вместить всех детей, оставшихся без попечения. Детские дома были переполнены настолько, что даже на двухъярусных кроватях приходилось спать по двое-трое. На одного ребёнка в среднем приходилось 8,2 кв. м полезной площади, в том числе 4 кв. м – спальни. Отсутствовали красные уголки,

комнаты отдыха, изоляторы для больных, не хватало кухонной и столовой посуды, предметов первой необходимости (на 3–5 воспитанников имелось одно пальто-фуфайка, на 4–6 чел. – пара валенок-чушь)¹⁵.

Особую тревогу вызывало медико-санитарное обслуживание. По самым общим подсчётам, от одной трети до половины (в некоторых учреждениях 70–80%) воспитанников перенесли инфекционные или иные заболевания. Снабжение продуктами питания осуществлялось по мере поступления соответствующих фондов, и, конечно, нормы были урезаны. Дети теряли от 1 до 3 кг веса за месяц. Большинство детей раннего возраста были истощены, им требовался особый медицинский уход. Между тем врачебный осмотр проводился не чаще 1 раза в год, а воспитатели не имели специального образования, да и их не хватало. Старшие воспитанники, выполняя обязанности обслуживающего персонала и воспитателей, использовали антипедагогические методы¹⁶.

Число несовершеннолетних с девиантным поведением заметно увеличилось. Так, в Хабаровске за 1942 г. к уголовной ответственности за кражи привлекли 20 подростков 12–15 лет. С 1943 г. по апрель 1944 г. были осуждены уже 334 чел., в том числе 175 школьников. Милиция в позднее время задержала 2270 безнадзорных и беспризорных ребят, из них 287 – уличены в кражах, 50 – занимались попрошайничеством, 982 беспризорника прошли через приёмник-распределитель при Краевом управлении милиции (123 чел. сбежали из школ ФЗО, 130 – из детских домов, 329 – от родителей)¹⁷.

Работать с детьми, испытавшими ужасы войны, становилось всё труднее. Большую помощь на добровольных началах оказывала общественность. Так, на средства трудящихся Хабаровского края в районах, освобождённых от немецкой оккупации, открыли 16 детских домов, подшефным стал Тарасовский детский дом на 400 детей школьного возраста. Только коллективы предприятий Дальстроя на их содержание отчислили 3,2 млн руб., детям освобождённых районов – 1 млн детям Сталинграда – 712 тыс. руб.¹⁸

По инициативе комсомольца-тихоокеанца П.С. Безносилова, удочерившего девочку-сироту, газета «Комсомольская правда» открыла специальный счёт, на который поступали средства на воспитание детей-сирот. К концу войны на счету было 270,2 млн руб., 3,3 млн руб. внесли моряки-тихоокеанцы, 5 млн руб. – трудящиеся Приморского края¹⁹.

На начало 1945 г. моряки Дальневосточного пароходства собрали в фонд детям-сиротам 218 тыс. руб. Моряки танкера «Батуми» с мая 1942 г. взяли шефство над детским интернатом, делились продуктами и отчисляли на воспитание осиротевших детей 5% своей зарплаты. За систематическую помощь семьям фронтовиков Приморский крайсособ выразил благодарность экипажам 33 судов Дальневосточного пароходства²⁰.

Различные ведомства, занимающиеся обучением и воспитанием детей, оставшихся без родителей, действовали в рамках обозначенных управленческих полномочий, что вносило элементы разобщённости и несогласованности при решении данной проблемы. Тем не менее, несмотря на все трудности и издержки, за годы войны более 1 млн детей, оставшихся без родителей, получили материальную поддержку.

Самым тяжёлым последствием минувшей войны являлось наличие большого числа косвенных социальных потерь. Согласно последним публикациям, из Вооружённых сил СССР по состоянию здоровья было демобилизовано примерно

3,8 млн чел., из них около 2,7–3 млн полностью или частично утратили трудоспособность из-за ранений или заболеваний²¹.

Инвалиды войны представляли особую социальную группу. Степень их трудоспособности определялась врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК), подчинявшейся Наркомату социального обеспечения, по трёхступенчатой классификации инвалидности: к первой группе относились полностью утратившие трудоспособность и нуждающиеся в постоянном уходе; ко второй – частично утратившие способность к профессиональному труду как по своей основной, так и по какой бы то ни было другой профессии; к третьей группе – неспособные к систематическому труду по своей профессии в обычных условиях, но которые могли использовать остаточную трудоспособность на других видах работы или при сокращённом рабочем дне. Следует заметить, что группа инвалидности определялась по нормам 1932 г. и не отражала действительного состояния здоровья: инвалиды первой группы проходили переосвидетельствование через шесть месяцев, второй и третьей – через три.

Ряд правительственных актов предусматривал разнообразные формы оказания помощи тем, кто пострадал при защите Родины. Постановлениями СНК СССР за № 1802 от 2 июня 1941 г., № 632 от 4 июня 1943 г. и № 2436 от 21 сентября 1945 г. демобилизованным военнослужащим и инвалидам Великой Отечественной войны предоставлялись льготы по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции и различным видам страхования, индивидуальному строительству и ремонту жилья. Они имели право на продовольственное снабжение сверх установленных норм, а также возможность обучаться в любых учебных заведениях²².

Инвалиды первой и второй групп освобождались от уплаты военного и сельскохозяйственного налогов, налога на холостяков. За работающими инвалидами сохранялась пенсия независимо от места жительства, размера заработка или дохода, а в случае наступления временной нетрудоспособности пособия назначались в полном объёме без учёта трудового стажа. В то же время правовые нормы ориентировали всех на участие в общественном производстве. На основании постановления СНК СССР от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Великой Отечественной войны» инвалиды третьей группы, уклоняющиеся в течение двух месяцев от работы по направлению, лишались социальной поддержки и переводились на снабжение по нормам иждивенцев²³.

Среди всех мер трудоустройство инвалидов приобрело приоритетное значение. На 1 сентября 1942 г. по 35 областям, краям и автономным республикам РСФСР получали пенсии 202,4 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, из них 3,3 тыс. – потерявшие трудоспособность, 106,7 тыс. – ограниченно годные к труду и 92,5 тыс. – годные к труду. В домах инвалидов находились 6,6 тыс. чел., 116 тыс. (57,3% от общего числа инвалидов) занимались трудовой деятельностью, из инвалидов второй группы – 43,6%, третьей – 72%. На 1 января 1945 г. по 45 областным, краевым и республиканским отделам социального обеспечения РСФСР насчитывалось 1100 тыс. инвалидов, из них 217 тыс. – инвалиды второй и третьей групп нигде не работали* (45,7% инвалидов второй группы, 5,6% – третьей)²⁴.

* В отдалённых областях эти показатели были ещё выше: в Читинской области число неустроенных инвалидов второй группы в 1944 г. составило 71,1%, в Ивановской области – 63,3%

По мере развёртывания военных действий число лиц, утративших по тем или иным причинам трудоспособность, увеличивалось. К началу войны Приморский краевой отдел социального обеспечения обслуживал 9488 инвалидов по труду, 81 персонального пенсионера и 376 пенсионеров Гражданской войны, 68 инвалидов Первой мировой войны и 36 чел., получивших инвалидность после военных столкновений в 1938 г., и других – 81 чел. В середине 1944 г. на социальном обеспечении находилось уже более 20,0 тыс. чел., в том числе 13,9 тыс. инвалидов труда и 6,6 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, к концу 1945 г. их было уже 9850 чел.²⁵

В Хабаровском крае в конце 1941 г. насчитывалось приблизительно 2,4 тыс. инвалидов, в апреле 1942 г. – 3 тыс., в 1944 г. зарегистрировано 5,5 тыс. инвалидов войны из 16,3 тыс. лиц, ограниченных в трудовой деятельности, в 1945 г. – 7,3 тыс. из 19,5 тыс., в начале 1946 г. – 9 тыс.²⁶

Таким образом, на Дальнем Востоке в начале 1945 г. число инвалидов Великой Отечественной войны составляло 14,4 тыс., в начале 1946 г. – 18,8 тыс., из них 1,5% – лица, утратившие трудоспособность, около 31% – частично сохранившие трудоспособность, примерно 67,5% – ограниченно годные к трудовой деятельности. Общественно полезным трудом занимались от 68 до 84% инвалидов. На долю трудоустроенных инвалидов третьей группы приходилось 89–96%, второй – 30–36,4% состава данных категорий; среди лиц, утративших трудоспособность, занятия имели не более 5–7%, а 1–1,5% инвалидов отказывались от работы по социальному найму²⁷.

Почти половина инвалидов-дальневосточников находила применение своим способностям в различных организациях и учреждениях, 25–28% – на промышленных предприятиях и в кооперации инвалидов, 18–20% – в сельском хозяйстве, около 8–10% обучались в учебных заведениях и на курсах. Среди лиц, занятых в промышленности, более половины – рабочие основного производства, до 20,7% – служащие и 2,4% – инженерно-технические работники, остальные – младший обслуживающий персонал. В сельском хозяйстве 4% от общей численности инвалидов работали председателями колхозов, 7% – счетоводами, 13% – бригадирами и заведующими молочно-товарных ферм, остальные – рядовыми колхозниками²⁸.

Трудоустройство отдельных категорий инвалидов было затруднено из-за состояния здоровья, низкого образовательного уровня, отсутствия по месту жительства рабочих мест. Кооперация инвалидов не могла предоставить рабочие места всем желающим, но соотношение физически здоровых работников и лиц с ограниченной трудоспособностью было явно не в пользу последних (в отдельных районах страны 50–80%), тогда как по уставу этот показатель не должен был превышать 15%. Отсутствие сети курсов и школ по производственному обучению и переквалификации инвалидов приводило к тому, что большая их часть самостоятельно устраивалась на второстепенную, подсобную и низкооплачиваемую работу.

Главная проблема инвалидов заключалась в социальной реабилитации. Постановлением СНК СССР № 2218–562с от 29 августа 1945 г. предусматривалось организовать в стране для инвалидов Великой Отечественной войны 301 госпиталь на 72 650 чел. (192 госпиталя на 45 150 чел. в РСФСР), 160 специализированных поликлиник, 9 ортопедических институтов. Кроме этого, преобразовывались в госпитали для инвалидов ещё 41 эвакуогоспиталь НКО (на 22 250 чел.)

и в санатории – 38 эвакуо-госпиталей ВЦСПС (на 9820 чел.), для лечения инвалидов в 34 санаторно-курортных учреждениях СССР выделялось 5705 коек. На Дальнем Востоке для инвалидов были открыты 5 специализированных поликлиник, 1 санаторий (ст. Седанка) и 6 госпиталей, в том числе 2 краевых (во Владивостоке и Хабаровске на 200 и 100 мест), 4 протезно-ортопедических (Уссурийск, Хабаровск, г. Свободный, ст. Куйбышевка по 100 мест в каждом)²⁹.

Инвалиды Великой Отечественной войны долечивались в больницах восстановительной хирургии, в физиотерапевтическом институте Владивостока, направлялись на санаторно-курортное лечение. Однако мер, принимаемых для восстановления здоровья инвалидов, было недостаточно. Например, к началу 1945 г. в Биробиджане санаторно-курортное лечение прошли лишь 19 чел., в Приморском крае – 105 чел.³⁰

Органы социального обеспечения не справлялись с объемами работ по производству протезно-ортопедических изделий. Только в РСФСР на 1 января 1945 г. насчитывалось около 70 тыс. чел., нуждающихся в протезировании опорно-двигательного аппарата. Протезная мастерская Хабаровского края за 1943–1945 гг. изготовила 2,2 тыс. шинно-гильзовых и 1,2 тыс. комбинированных протезов, 520 протезов рук, 1,6 тыс. пар ортопедической обуви, 2,7 тыс. шт. обуви на протезы, 2,7 тыс. тростей³¹.

Владивостокская протезная мастерская за 1942–1944 гг. выпустила приблизительно 4 тыс. протезов, а требовалось для удовлетворения потребностей производить не менее 900 ед. в месяц³². Протезы имели непривлекательный вид, быстро изнашивались, ломались, не выдерживая сроков эксплуатации, а из-за отсутствия специалистов изделия сложных конструкций не производились.

Безусловно, такое положение не способствовало повышению трудоспособности инвалидов, но территориальные органы социального обеспечения не могли решить эту проблему без централизованного снабжения оборудованием, инструментами и полуфабрикатами. Для мастерских всей страны комплектующие детали протезных изделий изготавливали только два московских завода – им. Карла-Маркса и им. Сталина, но они не могли выполнить все заявки³³.

Социальное обеспечение нетрудоспособных инвалидов осуществлялось на основе широкого спектра нормативных документов, но это не решало проблему. Дома инвалидов снабжались по остаточному принципу. Например, в Хабаровском крае к 1945 г. было открыто 9 домов инвалидов на 710 мест, которые с 1941 г. не получали постельных принадлежностей, тёплой одежды, обуви, кухонной посуды. В 1944 г. на всех было выделено 2,3 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 202 пары валенок. Проводимые обследования подтвердили явно неудовлетворительные условия проживания. Зафиксированы случаи, когда инвалиды без ног сами выполняли хозяйственные работы или нанимали обслуживающий персонал за деньги и хлеб. Недостаточное питание приводило к истощению и преждевременной смерти³⁴.

Освобождение от работы одного из членов семьи по уходу за инвалидом ставило семью в тяжёлое положение: лишение зарплаты, гарантированного и дополнительного обеспечения продовольственными и промышленными товарами. Инвалиды войны снабжались не по гарантированным нормам, а в зависимости от местных возможностей. В колхозах лиц, утративших или почти утративших трудоспособность, снимали с государственного снабжения на том основании, что они должны снабжаться из фонда колхозов, которого те не имели.

В годы войны просьбы об оказании материальной помощи поступали во все инстанции. За 1943–1945 гг. органы социального обеспечения Приморского края зарегистрировали 48,4 тыс. заявлений о помощи, из них 42,5 тыс. были удовлетворены. Преобладали прошения о выделении продуктов питания, одежды, обуви, топлива, денежных средств (59,2% от всех поступивших заявлений), далее следовали заявления об оказании денежной помощи для приобретения скота (24,7%), жалобы на несвоевременное и неправильное назначение пенсий и пособий (9,7%) и ходатайства об устройстве на работу (1,5%)³⁵.

Государственные структуры оказывали адресную помощь особо нуждающимся категориям населения путём централизованного распределения продовольственных и промышленных товаров. Значительная материальная помощь оказывалась общественными фондами, в которых имелись денежные суммы, запасы продовольствия, предметов первой необходимости, топлива, пополнявшиеся за счёт добровольных пожертвований, средств, заработанных и собранных во время проведения месячников, двухдекадников, декадников, воскресников.

В Приморском крае только за 2,5 военных года были обследованы свыше 80 тыс. семей военнослужащих. На особом учёте находились 14,3 тыс. многодетных и 10,6 тыс. семей, имеющих инвалидов первой и второй групп, детей-сирот, 38 семей Героев Советского Союза. При содействии общественных организаций для семей военнослужащих было собрано более 1 млн руб., 1,2 тыс. т продовольствия, подвезено 22 тыс. т топлива, выдано 320 голов скота, 3,5 тыс. поросят, 104 тыс. различных предметов одежды, 28,8 тыс. пар обуви³⁶.

В справках, информационных письмах приводятся многочисленные примеры бескорыстной помощи особо нуждающимся слоям населения. Однако широко распространённый номенклатурно-отраслевой принцип распределения дефицитных материальных благ порождал злоупотребления. Соответствующие распоряжения о наведении надлежащего порядка по учёту, хранению, распределению товаров поступили не только в адрес совнаркомов союзных республик, но краевых и областных исполкомов. Поддержка населения на Дальнем Востоке формально отвечала провозглашённым принципам социальной справедливости, предоставления всем равных прав и возможностей, помогала справиться с материальными и психологическими трудностями.

5.2. Лечебно-профилактическая деятельность учреждений здравоохранения

Одним из приоритетных направлений государственной социальной политики в годы войны являлось сохранение здоровья населения. Наркомат здравоохранения СССР (нарком Г.А. Митерев) руководил лечебно-профилактическими и санитарно-эпидемиологическими службами страны. Работу курировали заместители председателя СНК СССР А.Н. Косыгин и Р.С. Землячка, а на местном уровне – краевые, областные, окружные, городские и районные отделы здравоохранения.

В годы войны система государственной бесплатной медицинской помощи была переориентирована в основном на удовлетворение нужд Главного военно-санитарного управления, обслуживающего действующую армию. В связи с передислокацией воинских подразделений, строительных и железнодорожных

батальонов, спецконтингентов, а также леспромхозов и приисков закрылись некоторые общие и специализированные лечебницы, диспансеры, обслуживающие семьи военнослужащих и вольнонаёмных. На Дальнем Востоке общее число лечебных стационаров сократилось незначительно, возросло число амбулаторно-поликлинических учреждений. Кривая обеспеченности больничными койками имела устойчивую тенденцию роста (табл. 5.2.1).

Так, в 1940 г. в Хабаровском крае по линии краевого здравоохранения имелось 272 специализированные больницы (7051 койка) и 338 амбулаторно-поликлинических учреждений, в 1945 г. – 264 больницы (9372 койки), в том числе в городах – 77 больниц (6283 койки), в сёлах – 187 больниц (3089 коек), развернуто 392 поликлиники и амбулатории, 646 фельдшерско-акушерских пунктов. Городское население обслуживали 11 городских и 3 специализированных физиотерапевтических поликлиники (Хабаровск, Благовещенск, Александровск-на-Сахалине), 3 поликлиники для партактива, 80 городских амбулаторий, 8 туберкулёзных диспансеров и 7 кабинетов, 5 венерологических диспансеров и 9 кабинетов. Поликлиники были рассчитаны в среднем на количество посещений в год от 80 тыс. до 230 тыс. и самые крупные располагались в областных центрах (в Хабаровске – на 230 тыс. посещений, Комсомольске-на-Амуре – 170 тыс., Свободном – 110 тыс., Куйбышевке – 108 тыс. посещений). Кроме того, часть населения пользовалась закрытой медицинской помощью, созданной при промышленных предприятиях и учреждениях (12 медсанчастей, которые объединяли 10 стационаров на 385 коек, 7 поликлиник и 6 амбулаторий)³⁷.

На 1 января 1946 г. Приморский крайздрав располагал 132 стационарными лечебными учреждениями на 5155 коек, включая 532 – терапевтические, 615 – хирургических, 150 – гинекологических, 75 – кожно-венерологических, 268 – туберкулёзных, 285 коек – психиатрических. Были открыты туберкулёзный госпиталь и госпиталь восстановительной хирургии на 100 коек каждый, отделения противоракового и костно-туберкулёзного лечения. Число коек для пациентов значительно увеличилось: психиатрических – на 17%, гинекологических – на 48, хирургических – на 55 и туберкулёзных – на 192%. Однако увеличение отмечено в основном в городской местности. Из 28 сельских районов имели терапевтические отделения 9, хирургические – 12, инфекционные – 15, детские инфекционные – 4, гинекологические – 8, а 154 населённых пункта не располагали медицинскими учреждениями (36% их общего количества)³⁸.

Медицинская помощь дальневосточникам оказывалась на врачебных участках, в больницах, амбулаториях, фельдшерско-акушерских пунктах, медико-санитарных частях ведомственной подчинённости. В 1945 г. регион располагал 45 роддомами и 431 стационарным врачебным учреждением на 16 544 койки, включая 28 ведомственных больниц Наркомата путей сообщения и 10 – водоздрава³⁹. Обеспеченность населения больничными койками возросла в 1945 г. до 6–7 коек (4–5 в 1940 г.), в том числе в городах до 7–8 коек (5–6) и в сёлах до 4–5 коек (2–3). При норме 8 больничных коек на 1 тыс. чел. в Нижне-Амурской области приходилось 8,5 койки, Сахалинской – 7,7, Камчатской – 6,8, Амурской – 4,7, Еврейской автономной области – 3,4, в Комсомольске-на-Амуре – 7,4 и Хабаровске – 5,5 больничных коек⁴⁰.

Однако удовлетворительные показатели объективно не отражали сложившегося положения. Дислокация учреждений здравоохранения носила случайный характер, строительство новых шло медленно, планы их ввода систематически

Таблица 5.2.1. Основные показатели здравоохранения Хабаровского края в 1940–1945 гг.

Показатели	1940 г.			1942 г.			1943 г.			1944 г.			1945 г.		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе		В том числе		
		го-род	село		го-род	село		го-род	село		город	село			
Число общих и специализированных больниц	272	61	211	258	69	189	262	74	188	269	73	196	264	77	187
Число больничных коек (без психиатрических)	7051	4326	2625	7869	5412	2457	7806	5344	2462	8875	5867	3008	8907	5818	3089
Число коек в психиатрических больницах	391	391	-	466	466	-	466	466	-	456	456	-	465	465	-
Число амбулаторно-поликлинических учреждений	338	126	212	345	126	219	331	126	205	389	134	255	392	136	256
Число врачей (вместе с зубными)	1293	948	345	1269	973	296	1360	1033	327	1380	991	389	1115	800	315
Число среднего медперсонала	3445	1743	1502	3418	2036	1482	3457	2066	1391	3806	2176	1730	3385	1820	1565
Число санитарно-противоэпидемических станций	-	-	-	10	10	-	11	10	1	13	11	2	14	13	1

Источник. ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 291. Д. 1.

Примечание. В число больничных коек вошли койки больницы, роддомов, лечебных детских домов, физиолечебниц и диагностических стационаров при амбулаторно-поликлинических учреждениях. В число амбулаторно-поликлинических учреждений вошли все амбулатории, поликлиники, консультации, туберкулезные и венерические диспансеры, физиотерапевтические лечебницы Наркомата здравоохранения.

Таблица 5.2.2. Основные показатели здравоохранения Приморского края в 1913–1945 гг.

Показатели	Годы										
	1913	1932	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число больничных учреждений	34	54	125	123	150	157	159	157	147	150	145
Число больничных коек	1213	2376	3834	4085	4692	5231	5559	5882	6338	6384	6130
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	36	110	208	207	188	253	252	274	242	248	253
Число учреждений фельдшерско-амбулаторной помощи	8	70	155	174	176	253	237	274	279	289	277
Число родильных коек (врачебных и акушерских) в больницах и роддомах	Н/с	176	937	882	981	1192	1125	1192	1015	986	1050
Число женских и детских консультаций	–	14	33	36	34	43	42	43	44	50	55
Число врачей (без зубных)	96	355	576	470	690	855	554	565	887	833	703
Число мест в постоянных яслях	–	2330	5118	4849	4572	5649	6778	10621	11704	11890	11060

Источник. Данные Приморского краевого статистического управления. Текущий архив. Д. 1. Л. 12.

Примечание. В число больничных коек вошли койки больниц, роддомов, лечебных детских домов, физиолечебниц и диагностических стационаров при амбулаторно-поликлинических учреждениях. В число амбулаторно-поликлинических учреждений вошли все амбулатории, поликлиники, консультации, туберкулёзные и венерические диспансеры, физиотерапевтические лечебницы краевой и ведомственной подчинённости.

не выполнялись. Большинство лечебных учреждений (за редким исключением) располагалось в непригодных помещениях постройки конца XIX в. с давно истёкшим сроком эксплуатации. Их состояние было настолько ветхое, что в ряде случаев было трудно, а иногда просто невозможно оказывать соответствующую медицинскую помощь. В осенне-зимний период из-за недостатка топлива (план завоза топлива выполнялся на 65–80%) в некоторых районах существовала реальная угроза закрытия лечебных учреждений.

Здравоохранение региона централизованно снабжалось лишь самыми необходимыми материалами, не покрывая самых минимальных потребностей. Остро

стоял вопрос обеспечения санитарно-хозяйственным инвентарём, предметами ухода. Например, в 1941–1944 гг. при годовой потребности учреждений здравоохранения Хабаровского края в 1,5 млн м мануфактуры получено 206 тыс.м. Больницы региона располагали в среднем 1–1,5 сменами белья, а отсутствие мощных средств осложняло их санобработку⁴¹.

Аптечная сеть региона, насчитывающая всего 110 аптек и 58 аптечных пунктов (40 находились в сельской местности), при наличии 64–78% провизоров не могла обеспечить дальневосточников всем необходимым. Завоз лекарственных препаратов и полуфабрикатов сократился в 3 раза по сравнению с 1940 г., и потребность в них обеспечивалась только на 40–50%. Не хватало медицинских инструментов и оборудования, перевязочных материалов, обезболивающих, успокаивающих, жаропонижающих, обеззараживающих и спиртосодержащих препаратов. Местные предприятия, пытаясь восполнить дефицит, ремонтировали медицинские инструменты и изготавливали в небольших количествах необходимый ассортимент медицинских товаров, стетоскопы, плевательницы, подкладные судна, гребни, костыли, трости, шины.

К концу войны сеть здравоохранения Приморского края имела 46 рентгеновских аппаратов, 43 клинические лаборатории, 22 физиотерапевтических кабинета (в 1940 г. – 25 рентгеновских аппаратов, 12 клинических лабораторий, 19 физиотерапевтических кабинетов). Лечебные учреждения использовали новые методики и более совершенное технологическое оборудование. Широко применялись внутривенные инъекции, переливания крови и её заменителей, лечение сульфамидными препаратами, парафиновые процедуры и гипсовые повязки.

В то же время новое клиническое оборудование для диагностики ряда заболеваний использовалось недостаточно эффективно. В Приморье систематически работали лишь 9 рентгеновских кабинетов, в Еврейской автономной области из 5 лабораторий – одна, в Сахалинской – из восьми три, что объяснялось отсутствием помещений, лаборантов (их подготовкой отделы здравоохранения почти не занимались), а также плохим обеспечением реактивами (пополнение не производилось с предвоенного времени)⁴².

Учитывая особое пограничное положение Дальневосточного региона и вероятность проникновения острозаразных болезней из сопредельных государств, в рамках координации работы заинтересованных ведомств и учреждений принимаются жёсткие меры по санитарной охране государственной границы, противоэпидемиологической защите населения. Санитарно-эпидемиологическую работу осуществляли не только специальные учреждения, но и все подразделения медицинского обслуживания. К концу войны в регионе функционировали 26 санитарно-эпидемиологических станций с санбаклабораториями и дезинфекционными службами, самостоятельные дезопункты, дезоотряды и дезинспектора, действовали санитарно-контрольные станции, подчиняющиеся непосредственно Наркомату здравоохранения, смотровые пункты морского ведомства и Тихоокеанского флота.

В больницах, амбулаториях, на сельских участках вводились должности дезинфекторов и санитарных врачей, в большинстве случаев работающих по совместительству. Ежегодно 15–20 выпускников фельдшерских школ, часть врачей и медсестёр краевых лечебных учреждений и эвакогоспиталей после переподготовки направлялись на работу в государственную санитарную инспекцию. По данным на 1943 г., в Хабаровском крае было 78 государственных инспекторов

и 92 помощника, 30 эпидемиологов. На 1 декабря 1944 г. во всех санитарных эпидемиологических учреждениях из 221,5 штатных врачебных единиц было занято 176. Медицинские работники в своей деятельности опирались на добровольцев: в 1940 г. в Хабаровском крае насчитывалось 340 санитарных уполномоченных, в 1941 г. – 799, в 1942 г. – 5389, в 1943 г. – 8590 чел.⁴³

В Приморье на постоянной основе государственными инспекторами в 1941 г. работали 25 врачей и 11 фельдшеров, в 1945 г. – соответственно 38 и 19. Штат не только пополнился, но и качественно изменился: если в начале войны 40% персонала не имели среднего медицинского образования, то в конце её этот показатель снизился до 10%, а 60% состава врачей прошли курсы усовершенствования в центральных институтах страны⁴⁴.

Для госпитализации инфекционных больных при медицинских учреждениях открывались специализированные отделения. К концу войны для таких больных число коек возросло в Хабаровском крае более чем в 1,3 раза (с 690 до 917 коек), в Приморском – почти в 2 раза (с 320 до 631 койки). Одновременно имелся резерв, за счёт которого в случае необходимости разворачивались временные инфекционные койки⁴⁵.

Важным методом профилактики острозаразных заболеваний являлась санитарно-гигиеническая обработка. Только в Хабаровском крае было организовано 457 дезинфекционных камер (304 стационарных и 153 – передвижных), в том числе 145 – в учреждениях Наркомата здравоохранения и 312 – в других ведомствах. Недостаток дезинфекционного оборудования повсеместно компенсировался строительством простейших установок, однако острая нехватка самых необходимых средств (хлорной извести, лизола, сольвента, мыла и др.) затрудняла санитарно-гигиеническую обработку.

Медико-санитарное обслуживание было приближено к месту работы населения. Поликлиники работали по участковому принципу – с 7 до 20 ч (кроме выходных дней) и, как правило, имели физиотерапевтические, хирургические, рентгеновские, туберкулёзные, гинекологические, неврологические, отоларингологические, зубопротезные кабинеты. Здравпункты, располагавшиеся на территориях заводов, оказывали необходимую помощь работникам при травмах, недомоганиях, следили за санитарным состоянием помещений, вели просветительную и профилактическую работу.

В сельской местности лечебные учреждения кроме сельского населения обслуживали рабочих золотоплатиновой, рыбной, лесной, угольной и других отраслей промышленности. Приём осуществлялся только по терапевтическим, хирургическим и акушерским заболеваниям применительно к особенностям сельскохозяйственного производства – рано утром и вечером, а прививки, выдача листов нетрудоспособности происходили на дому при подворном обходе.

В целях лучшего обслуживания сельского населения отделы здравоохранения шефствовали над колхозами, участковые медработники закреплялись за отдельными населёнными пунктами, где проводили лечение и санитарно-просветительную работу. Так, в период летних работ 1943 г. в Амурской области было проведено 4,3 тыс. бесед с охватом 44,6 тыс. чел., выделено 3 тыс. аптек для оказания первой медицинской помощи⁴⁶.

Самостоятельно станции скорой помощи функционировали только в Хабаровске и Владивостоке, но они не всегда могли оказать своевременную помощь больным из-за разбросанности населённых пунктов (150–200 км друг от

друга), отсутствия автотранспорта и горючего. В 1945 г. кареты скорой помощи во Владивостоке из 7808 вызовов выполнили только 2064. В Хабаровске медицинскую помощь за этот же период получили 4959 больных, из них 1987 – по скорой помощи, 929 – по неотложной, 1145 – рожениц и 791 чел. в поликлиниках. Хабаровская санитарная авиация объединяла все областные станции, расположенные в городах Благовещенске, Свободном, Зее, Архаре, Биробиджане, а также в Сахалинской, Нижне-Амурской, Камчатской областях. В северные области и труднодоступные местности санитарными самолётами доставлялись медикаменты и бактериологические препараты (11,3 тыс. кг), медперсонал (58 раз), вывозились больные (122 чел.)⁴⁷.

Станции переливания крови сохранились в своём количественном составе при одновременном увеличении пунктов и кабинетов, врачебных должностей (в 2–3 раза) при больницах. Находясь на самостоятельном бюджете, они обеспечивали потребности лечебных учреждений региона в крови и кровезаменителях. В Приморском крае за 1941–1945 гг. было подготовлено 435 врачей и 560 медицинских сестёр по переливанию крови, проведено 53,9 тыс. анализов и заборов крови, законсервировано 10,7 тыс. л и забраковано 62,9 л крови, изготовлено 436 л сыворотки, 92,1 г плазмы⁴⁸.

Препараты для прививок производил Дальневосточный институт эпидемиологии и микробиологии с вакцинным, сывороточным, оспенным, анаэробным, корьевым, пастеровским и другими отделениями. Институт был почти полностью укомплектован кадрами, однако систематически не выполнял планы по выпуску бактериологических препаратов, что объяснялось отсутствием в достаточном количестве лабораторного оборудования, исходного биологического материала. Из-за перебоев в тепло- и электроснабжении (институт исключили из списка важнейших объектов) институт вынужден был прекратить опыты, требующие постоянных температурных и атмосферных условий питания культур.

При несомненных успехах в работе лечебных учреждений общими недостатками являлись недооценка участковой работы, особенно при профилактике заболеваний, слабое использование физиотерапевтических, диагностических методов, патологоанатомических исследований. Тесная связь между стационарами практически отсутствовала, анализ расхождений по диагностике не проводился.

На качестве медицинского обслуживания дальневосточников отрицательно сказывалась нехватка персонала: не менее трети медиков региона перешли на военно-медицинскую службу в первые военные месяцы, а затем – уволились по мобилизации в конце войны. Так, за пределы Хабаровского края в 1941–1945 гг. выбыли 781 врач (из них в 1941 г. – 294, 1945 г. – 272) и 1236 медсестёр (соответственно 705 и 230). Прибыли за это время 370 врачей, из них 98 выпускников Хабаровского мединститута и 1354 средних медицинских работника (1137 окончили краевые школы и курсы)⁴⁹.

В конце 1945 г. краю требовалось не менее 2,5 тыс. медсестёр и 1,1 тыс. врачей (47–57% штатного расписания), в том числе 208 педиатров, 174 хирурга, 166 терапевтов, 108 акушеров-гинекологов, 52 венеролога, 40 стоматологов, 36 фтизиатров и столько же окулистов, 30 невропатологов. Из 132 сельских участков не имели участковых врачей 42. Особенно не хватало медицинских работников в труднодоступных районах: Нижне-Амурская область, например, была обеспечена необходимым медицинским персоналом только на 30–33%, в то время как административные районы краевого подчинения имели 47–54%⁵⁰.

Использование специалистов эвакуогоспиталей в здравоохранении краевого подчинения (только в Приморье работали более 200 врачей и 1 тыс. медсестёр), подготовка и переподготовка медицинских работников на различных курсах позволили сохранить медицинский персонал на приемлемом уровне. В 1945 г. в регионе насчитывалось 1858 врачей и 2439 медсестёр. В среднем в районе обслуживания на одного врача приходилось 5–8 тыс. жителей (обслуживал 1,2–1,7 тыс. чел.). Коэффициент совместительства врачей равнялся 1,7–2,3 ед., среднего медицинского персонала – 1,5–1,9 ед.⁵¹

Следует подчеркнуть, что медицинские работники закрытых ведомственных предприятий (особенно оборонной промышленности) выполняли больший объём работ, чем участковые врачи. Так, если в 1943 г. нагрузку на один врачебный приём по центральной поликлинике Хабаровска принять за единицу, то по поликлинике завода «Энергомаш» она составила 2,5, по поликлинике завода «Дальдизель» – 1,8 ед. В Приморском крае в 1943–1944 гг. поликлиники городов и рабочих посёлков посетило 1,9 млн чел.⁵²

Из-за неукомплектованности медицинским персоналом, задержки финансирования, ухудшения материально-технического снабжения, неудовлетворительного состояния основных и подсобных помещений коэффициент использования коечного фонда уменьшился. В 1940 г. по Приморскому краю он составлял 85% в городах и 75% – в сельской местности, а в годы войны – 80% в городских населённых пунктах и 62% – в сельских. Стационарные лечебные учреждения региона были перегружены. Например, в 1945 г. в Хабаровском крае отказы составили 10–13% к общему количеству госпитализированных, из них 50–55% – из-за отсутствия мест и 18–20% – отсутствия показаний к госпитализации⁵³.

Коечный фонд при отказах в госпитализации без оснований работал с недогрузкой. Внутрибольничной инфекции почти не наблюдалось, однако показатели длительности пребывания пациентов на больничной койке и летального исхода были высокими. Например, за 1944 г. в 8 больницах Хабаровского края больные находились на лечении в среднем 14,7 дней при использовании койки 138,8 дней и летальных исходах – 6,2%. В 4 больницах Комсомольска-на-Амуре при тяжёлом состоянии терапевтических больных (дистрофия 1–2-й степени) пациенты находились на лечении в среднем 14,4–16,7 дня при работе койки 138,3 дня и смертности 9,9–5,7%. Для сравнения: в первой клинической больнице г. Хабаровска эти показатели равнялись соответственно 14,6, 154 и 1,3, в городской больнице Биробиджана – 10,2, 91,4 и 5,1⁵⁴.

Война и её тяготы тяжёлым бременем легли на население Дальнего Востока. Удлинение рабочего дня, лимитное снабжение продуктами питания с низкой калорийностью приводили к физическим и психологическим перегрузкам, вызывали профессиональные заболевания. Фактически все предприятия Дальневосточного региона имели цеха с вредным производством, которое оказывало негативное влияние на организм человека. Особое место в общей заболеваемости занимала интоксикация. Так, на плавильном заводе комбината «Сихали» свинцовые отравления рабочих составили в 1943 г. 17,9% от общей заболеваемости по частоте и 20,3% – по длительности, а в 1945 г. – 28,1% по частоте и 39,2% по – длительности, причём женщины получали свинцовые отравления реже, чем мужчины⁵⁵. На заводах по выпуску боеприпасов у работающих кожный покров приобретал специфический желтоватый, а волосы – бронзовый оттенок.

Удельный вес травматизма в промышленности был велик. Например, в угольной промышленности Приморского края он занимал по частоте от 18,8 до 34,3% и по длительности от 21,9 до 39% всех учитываемых заболеваний. По сравнению с показателями по угольной промышленности Кузбасса травматизм в тресте «Артёмуголь» в 1943 г. был выше почти вдвое, а в Тавричанке – втрое. В других отраслях травматизм по частоте составлял от 5,8 до 20,7% и по длительности – от 4,4 до 22,9% (значительно ниже, чем в угольной промышленности).

Средняя длительность потери трудоспособности свидетельствует о том, что преобладали травмы лёгкой и средней степени тяжести (несчастные случаи с длительным пребыванием на больничном листе или со смертельным исходом были редки). На предприятиях с процессами металлообработки преобладали поражения кистей рук, глаз, в угольной промышленности – кистей рук, затем стоп и в меньшей степени – головы. Все они были связаны с несовершенством технологических процессов, несоблюдением техники безопасности, отсутствием индивидуальных средств защиты (очков, рукавиц, фартуков, шлемов, касок). Спецодежда изготавливалась из некачественных материалов и не выдерживала сроков носки, да и выдавалась крайне нерегулярно (обеспеченность составляла 30–40%). Значительную часть травм следует отнести к несоблюдению техники безопасности. Сравнивая месячные показатели, специалисты установили некоторую закономерность в амплитуде травматизма: обычно во 2-м и 4-м кварталах отмечался рост, а в 1-м и 3-м – снижение, что связано с сезонной усталостью (работа на индивидуальном огороде, производственные перегрузки).

По официальным данным, показатели заболеваемости по предприятиям не выходили за рамки допустимых норм и соответствовали общесоюзным (800 дней в год на 100 рабочих). С 1943 г. количество дней нетрудоспособности, приходившихся на один случай, снижалось. Например, в 1944–1945 гг. на одно фиксированное заболевание в среднем приходилось в Нижне-Амурской области 7,4 дня, Амурской – 5,6, Еврейской автономной области – 3,8 дня, в Комсомольске-на-Амуре – 7 дней, на 12–15% меньше по отношению к 1943 г.⁵⁶

Это объяснялось, с одной стороны, тем, что на производство пришло много молодых по возрасту и сравнительно здоровых работников, ещё не имевших профессиональных заболеваний, с другой – качеством медицинского обслуживания. В то же время истинная картина скрывалась за относительными показателями, не выходящими за рамки допустимых норм, не все случаи зафиксированных заболеваний сопровождались предоставлением листка нетрудоспособности и освобождением от работы на время лечения.

Группа простудных заболеваний занимала одно из первых мест как по частоте, так и по длительности потери трудоспособности во всех отраслях производства. В 1945 г. центральная поликлиника Хабаровска зафиксировала 6,4 тыс. случаев заболевания гриппом (выдано 704 листка нетрудоспособности на 2,8 тыс. дней), 768 случаев заболевания ангиной (529 листов на 3,6 тыс. дней), 96 случаев воспаления лёгких (38 больничных на 921 день)⁵⁷.

Природно-климатические особенности Дальневосточного региона – резкая смена температур, повышенная влажность, перепады давления и частые ветры – предопределяли высокую заболеваемость туберкулёзом. На Дальзаводе при учёте всех видов заболеваний число случаев заболевания туберкулёзом возросло с 2,6% в 1941 г. до 10% в 1944 г. К концу 1945 г. в Приморском крае на учёте состояли 10 836 больных туберкулёзом (8220 в городах и 2616 – в сельской

местности), из них 1284 чел. – в открытой форме. В четырёх городах Хабаровского края (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Николаевск) насчитывалось 12 865 больных туберкулёзом, в том числе 3121 – в открытой форме. Для сравнения: в 1943 г. в Хабаровске состояли на учёте 7722 больных туберкулёзом, в том числе 3915 чел. являлись распространителями инфекции⁵⁸.

Данное заболевание, непосредственно связанное с социальными условиями и уровнем жизни населения, сопровождалось дистрофией и требовало более длительных и эффективных методов лечения. В конце 1944 г. на судостроительном заводе Комсомольска-на-Амуре (согласно отчёту уполномоченного комитета партийного контроля) насчитывалось 500 чел. с диагнозом дистрофия и 300 чел. – туберкулёз (приблизительно 12 и 7% работающих)⁵⁹.

Созданная специализированная противотуберкулёзная сеть региона (например, в Приморском крае имелись больницы на 320 коек, 2 диспансера на 60 диагностических коек, 2 ночных санатория на 65 коек, детский санаторий на 50 коек, госпиталь на 100 коек для инвалидов войны, 12 пунктов для приёма заболевших) не удовлетворяла потребностей. Туберкулёзные пункты на периферии в ряде случаев ограничивались лишь констатацией факта. Больные не получали своевременной медицинской помощи по месту жительства, а упущенные сроки, запущенные формы болезни не способствовали восстановлению здоровья. Например, в 1945 г. в туберкулёзной больнице ст. Седанка Приморского края находились на излечении 806 больных, из них были выписаны с диагнозом «улучшение состояния» 479 чел., «без перемен» – 166, «с ухудшением» – 45, умерли 119 чел.⁶⁰

Распространёнными среди всех социальных слоёв населения стали желудочно-кишечные заболевания, которые занимали второе место после простудных. Дальневосточный край всегда отличался высокой заболеваемостью дизентерией, что объясняется наличием среди населения большого процента хронических больных, распространявших инфекцию, вызывающую из года в год обострение. Лечебно-профилактическая работа по санитарной очистке территорий, соблюдению правил личной гигиены была явно недостаточной.

Таблица 5.2.3. Динамика инфекционной заболеваемости по Приморскому краю в 1938–1945 гг., ‰

Заболевания	Годы							
	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Брюшной тиф	5,0	5,3	4,0	3,9	4,0	6,8	5,2	5,4
Сыпной тиф	0,5	0,2	0,5	0,2	0,7	0,2	0,1	0,6
Скарлатина	н/с	н/с	17,9	13,0	23,1	10,0	6,8	13,9
Дифтерия	5,3	10,3	11,7	10,5	25,7	24,6	14,2	9,5
Корь	72,2	92,1	83,7	71,1	62,8	3,6	114,6	57,3
Дизентерия	79,2	143,2	85,8	73,7	93,7	132,7	71,0	27,9
Токсическая диспепсия	н/с	н/с	29,6	34,1	43,2	16,9	11,9	8,9
Гастроэнтерит	н/с	н/с	239,1	218,0	227,0	170,0	103,0	62,8

Источник. ГАПК. Ф. 268. Оп. 6. Д. 37. Л. 11; Оп. 4. Д. 1. Л. 15, 66, 68, 72, 76; Д. 2. Л. 18; Оп. 5. Д. 6. Л. 3 об., 5, 6 (сост. авт.).

В Приморском крае показатели инфекционной заболеваемости по сравнению со среднереспубликанскими (26‰) равнялись: за 1938–1940 гг. – 102,7‰, за 1941–1945 гг. – 79,6‰, причём самые высокие цифры фиксировались в 1939 г. – 143,2‰ и в 1943 г. – 132,7‰ (табл. 5.2.3). В Хабаровском крае (без районов Колымы) показатели дизентерии составляли 49,8‰. Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск отличались самой высокой заболеваемостью: в 1944 г. соответственно 141,2 и 68,4‰, в 1945 г. – 63,7 и 39,5‰ (табл. 5.2.4).

Таблица 5.2.4. Динамика инфекционной заболеваемости в Хабаровском крае (без районов Колымы) в 1940–1945 гг., ‰

Заболевания	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	20.06.1945
Брюшной тиф	4,6	2,5	2,2	2,6	2,6	0,6
Сыпной тиф	0,3	0,6	0,9	0,8	1,4	0,4
Скарлатина	16,8	17,4	19,3	9,2	6,3	2,2
Дифтерия	9,6	12,1	16,8	19,9	16,5	16,2
Корь	96,9	67,6	58,7	13,8	66,8	33,0
Грипп	703,8	634,0	590,0	594,5	723,0	161,3
Дизентерия	93,5	37,3	65,6	60,6	56,7	5,2

Источник. ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 238. Л. 9; Ф. 353. Оп. 10. Д. 179. Л. 177 (сост. авт.).

В среднем по Дальневосточному региону к концу войны заболевших токсической диспепсией стало в 3–4 раза меньше, чем в 1940–1941 гг. (в 1942 г. – 37,2‰, в 1943 г. – 18,2, в 1944 г. – 10,8‰). Гастроэнтеритом также стали болеть меньше. Например, в Хабаровском крае среди детей до двух лет показатели заболеваемости гастроэнтеритом составили в 1942 г. 107,8‰, в 1943 г. – 150,7, в 1944 г. – 88,8‰, а в Приморском в эти же годы – 227, 170, 103‰ соответственно.

Межрегиональные и внутрикраевые миграционные потоки семей военнослужащих, переселенцев и прикомандированных, несвоевременные и низкого качества вакцинации вызывали высокий процент заболеваний корью, дифтерией и скарлатиной на Дальнем Востоке.

Положение с брюшным и сыпным тифом в течение ряда лет оставалось стабильным. Источниками инфекции, несмотря на широкое распространение педикулёза среди местного населения (только по некоторым жилотделам Комсомольска-на-Амуре в начале 1943 г. заражённость им составляла 80–87%), были приезжие из-за пределов региона. Заболеваемость представлялась единичными случаями, лишь в некоторых местах отмечались эпидемические вспышки (в отдельных районах Приморского края, Камчатской и Амурской областей). Они возникали как результат неточной диагностики с упущенными сроками проведения профилактических мер, но быстро локализовывались и не получали распространения. Заболевание малярией резко пошло на убыль, прежде всего, из-за уменьшения численности мигрантов из неблагополучных районов СССР.

Такие болезни, как брюшной тиф, дифтерия, скарлатина, дизентерия, были характерны в основном для городского населения. Заболевание гастроэнтеро-

колитом, корью, токсической диспепсией снижалось в сельской местности и увеличивалось в городской. В целом можно говорить о локализации инфекционных болезней главным образом в городах (до 70% зарегистрированных заболеваний).

Одним из приоритетных направлений медицинского обслуживания являлось родовспоможение и сохранение жизни и здоровья подрастающего поколения. В конце войны дальневосточные отделы здравоохранения имели более 80 женско-детских консультаций, 44 молочные кухни, 7 домов ребёнка на 560 мест (увеличение в 1,3 раза), 1,3 тыс. детских больничных коек, 25,7 тыс. мест в постоянных яслях (в 1941 г. – 17,3 тыс. мест) и 41 тыс. мест – в сезонных (в 1941 г. – 33,2 тыс.).

Безусловно, война оказала влияние и на семейно-брачные отношения. По неполным сведениям, в двух женских консультациях Хабаровска и Биробиджана и пяти акушерско-гинекологических кабинетах Комсомольска-на-Амуре в 1943 г. на учёте находилось 10 096 беременных женщин, причём 33,8% женщин встали на учёт при ранних сроках беременности (до 3 месяцев), 35,2% – при поздних (после 7 месяцев). Роды прошли у 3533 женщин. Из общего числа родивших воспользовались правом находиться в оплачиваемом отпуске по беременности и родам всего 74,4% женщин. В то же время произошло 2975 случаев искусственного прерывания беременности (на один случай искусственного прерывания беременности приходилось 1,2 рождения), из них в стационаре по медицинским показаниям было только 468 случаев, или 15,7%, а все остальные – вне лечебного учреждения⁶¹.

Родовспомогательные учреждения Дальневосточного края из-за малого их количества и особенностей дислокации при отсутствии транспорта и специалистов не могли вовремя оказывать квалифицированную помощь всем нуждающимся. Необходимо подчеркнуть, что в годы войны под медицинским наблюдением находилось женщин больше, чем в предвоенные годы. Например, в Приморском крае в 1940 г. помощь при родах получали всего 67,4% будущих матерей, а в 1945 г. – 84,6%. Если судить по основным показателям, принимая во внимание отсутствие точного учёта состояния рожениц после выписки из стационаров, то материнская смертность в регионе находилась на уровне республиканской.

Несмотря на рост сети детских дошкольных учреждений, обеспечить всех нуждающихся не было возможности. В годы войны дети были самой социально незащищённой частью населения, страдали от голода, переутомления, психических перегрузок и болезней. Из общего количества проанализированных историй родов во Владивостоке за 1941–1945 гг. можно сделать вывод, что рост и вес новорождённых в эти годы, особенно у первородящих, остался без изменения. В среднем рождённые с весом до 2,5 кг составили 9,6%, 2,5–3 кг – 18,54, 3–3,5 кг – 36,95, 3,5–4 кг – 27,3% всех рождённых за эти годы, что свидетельствует об относительном благополучии. Однако обращает на себя внимание высокий процент детей, рождённых с минимальным ростом (до 49 см), составлявший в 1940 г. 26,44% всех новорождённых, в 1945 г. при уменьшении количества родов – 26,8%⁶².

В отчёте Хабаровского краевого отдела здравоохранения за 1945 г. подчёркивается, что за годы Великой Отечественной войны число ослабленных детей возросло: в городах с 20 до 30%, а в сельской местности – с 15 до 20%. Весенний

осмотр в 1947 г. 4299 подростков 14–18 лет (учащиеся трудовых резервов и рабочие промышленных предприятий) Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Верхнеудинского района выявил у 9 чел. физическое недоразвитие, а 22,7% имели заболевания. Туберкулёз обнаружен у 0,64% осмотренных (2,9% к числу заболевших), заболевание сердечно-сосудистой системы – 1,8% (9%), глаз – 1,7% (7,9%), отит – 2,1% (9,9%), трахома – 0,13% (0,66%), прочие болезни – у 10,1% осмотренных (2,2% к числу заболевших)⁶³.

В годы войны на Дальнем Востоке сократилась абсолютная и относительная смертность, но увеличилось число смертельных случаев по отдельным заболеваниям. Так, к концу войны в Приморском крае смертность от рака возросла с 2,2 до 3,4%, от сердечно-сосудистых заболеваний – с 5,7 до 9,3%, от туберкулёза среди трудоспособного населения в возрасте от 30 до 39 лет – в 1,4 раза, от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет – в 1,5 раза, но уменьшилась от эпидемических заболеваний⁶⁴. В Амурской области смертность от инфекций составила 14%, от воспаления лёгких и бронхиальной пневмонии – 17, туберкулёза – 12, токсической диспепсии – 42, дифтерии – 15, брюшного тифа – 11, дизентерии – 7% случаев, сравнительно низкие цифры были при заболевании скарлатиной – 2,5% и корью – 1,5% от зарегистрированных смертей⁶⁵.

Недостаточная материально-ресурсная база, несовершенство организации медицинского обслуживания ограничивали возможности медицинских служб Дальнего Востока. Созданная система здравоохранения не отвечала уровню и требованиям, предъявляемым к данному виду социального обеспечения. Расширение сети существующих медицинских учреждений и лечение в стационаре, по сути, являлись единственными наиболее значимыми мерами для потребителей. Улучшение условий труда, переход на более лёгкую работу, изменение образа жизни и социально-бытовых условий как доминирующих факторов оставались далёкой перспективой.

Экзогенные факторы (несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные болезни, сердечно-сосудистые заболевания и заболевания органов дыхания, пищеварения) оказывали влияние на продолжительность жизни дальневосточников. Однако меры по охране здоровья приносили как социальный, так и экономический эффект: сокращалась смертность, уменьшались потери рабочего времени, возрастала творческая активность дальневосточников.

5.3. Обеспечение населения Дальнего Востока продовольственными и промышленными товарами

С началом войны резко ухудшились условия жизни населения: сократились продовольственные ресурсы, уменьшилось производство товаров повседневного спроса, снизилась покупательная способность рубля. Население испытывало огромные трудности с жильём, стал ощущаться недостаток топлива.

Сократились поставки продовольствия на Дальний Восток из центральных районов страны, проблему снабжения населения необходимо было решать только своими силами, обеспечить население физиологическим минимумом продуктов и избежать голода. С этой целью с началом войны вводилась карточная система распределения продуктов питания как строжайший контроль

за соблюдением норм и сроков отоваривания талонов-карточек, а также принудительный ассортимент товаров⁶⁶.

Система нормированного снабжения дальневосточников была введена с ноября 1941 г.⁶⁷ Нормы снабжения дифференцировались по социально-производственному принципу. Преимущественным правом пользовались работники оборонных предприятий. Учитывались также потребности детей, кормящих матерей, инвалидов войны. Для рабочих и служащих норма отпуска хлеба имела две категории. По первой категории снабжались рабочие, инженерно-технические работники (ИТР) тяжёлых отраслей промышленности, транспорта, по второй – работники остальных отраслей индустрии. В Приморском крае суточная норма хлеба для рабочих первой категории составляла 800 г, второй – 600 г, для служащих первой категории – 500 г, второй 400 г, для иждивенцев и детей – 400 г⁶⁸.

При краевых, городских и районных отделах торговли создавались контрольно-учётные бюро. Нормы отпуска продуктов местных заготовок и подсобных хозяйств устанавливались на местах, исходя из ресурсов. Отпускались товары по твёрдым государственным довоенным ценам. На Дальнем Востоке в первую очередь снабжались предприятия, имевшие оборонное значение: система Наркомугля, Авиапром, Судпром, Наркомцветмет, Госморпароходство, Наркомлеспром, НКВД⁶⁹.

С началом войны объём централизованных поставок на Дальний Восток постоянно сокращался. Сократились поставки товаров на Чукотку, Сахалин, в северные районы Приморья, на Камчатку⁷⁰, но и тот ассортимент, что направлялся, был недостаточен. Не учитывались особенности завоза товаров в отдельные районы, население испытывало недостаток соли, спичек, круп, макаронных изделий. Систематически из месяца в месяц полностью не могли отоварить карточки жители по кондитерским изделиям, одежде, обуви. Особенно недостаток в снабжении испытывало сельское население, например, в Приморском крае лишь 50% поступало в торговлю на селе из центральных скудных фондов⁷¹.

Основной задачей в этот период стала мобилизация внутренних ресурсов региона для снабжения населения, но быстро перестроиться на вовлечение в товарооборот продукции местной промышленности, колхозов и совхозов, подсобных хозяйств предприятий не удалось. Местное производство в целом было слабо развито, ассортимент ограничен, низким было качество продукции. Местные торги, которые до войны всё получали по линии централизованного распределения, с началом войны не сразу смогли переориентироваться на местные поставки товаров. Постепенно поступление продовольствия и товаров от местной промышленности и подсобных хозяйств увеличивалось и сыграло положительную роль в снабжении дальневосточников.

Важнейшим дополнительным источником питания для населения стало индивидуальное и коллективное огородничество, которое получило развитие в крае после принятия 7 апреля 1942 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»⁷². Согласно постановлению краевые и областные исполкомы были обязаны выявить пустующие земельные участки в городах и рабочих посёлках и отвести их под огороды рабочих и служащих. На пустующих участках городов, вокруг городов и посёлков было разрешено создавать подсобные хозяйства и коллективные огороды. Был определён и размер земельного участка: на каждую семью –

0,15 га. С участков и хозяйств население получало недостающее продовольствие: картофель, молоко, яйца, часть сдавало государству. Вот что вспоминает бывший член бюро горкома партии г. Куйбышевка-Восточная И.М. Мазыкин: «...1942 г., подавляющее большинство населения города посадило картошку, морковь, свёклу. Голодно, конечно, было, но уже не так, как в 1941 г., стало намного сытнее. Увеличился фонд продовольствия в городе...»⁷³.

Желающим предприятия выделяли участки под огороды, оказывали помощь в приобретении посевного материала, сельхозинвентаря, предоставляли транспорт для перевозки собранного урожая. Весной 1942 г. жителям Владивостока выделили 3 тыс. га земли в окрестностях города, в 1943 г. были разработаны новые участки. Всего за годы войны 60 тыс. владивостокцев имели огороды, в г. Артём – 18 тыс. огородников, в Ворошилове (Уссурийске) под огороды было занято 1858 га земли⁷⁴. На огородах выращивали картофель – «второй хлеб» и овощи. Такие продукты, как яйца, молоко, мясо, были крайне редки в рационе жителей края.

Дополнительным источником пополнения продовольствия для населения стали централизованные заготовки дикорастущих ягод, орехов, грибов, продукция рыбного и охотничьего промыслов, к которым привлекались школьники и не занятое на производстве население. Собирали для личного и общественного потребления. Так, в Приморье в 1943 г. был установлен план заготовок на летне-осенний период для школьников, проживающих в интернатах и детских домах, отдыхающих в пионерских лагерях. Для учащихся младших классов устанавливалась норма 40 кг дикоросов и лекарственных трав, для старшеклассников – 70 кг⁷⁵.

Кроме этого, заготавливали мясо диких животных, ловили рыбу в прибрежных водах Японского моря, реках и озерах. В частности, в годы войны бригады по лову рыбы в прибрежной акватории Владивостока передали для нужд горожан 67 тыс. т рыбы⁷⁶. В результате заготовки Чукотторгом оленьего мяса, сбора ягод уже в первый год войны удалось сократить необходимость их завоза на Чукотку⁷⁷. В Камчатской области продукция местных заготовок в 1941 г. составила 9% товарооборота, в 1945 г. – 20,7%⁷⁸.

Однако, несмотря на повышение значимости местных ресурсов и децентрализации заготовок, основным источником поступления продовольствия и товаров повседневного спроса по-прежнему оставались централизованные фонды. Например, по Владивостокскому торгу в отчёте за 1943 г. продукция подсобного хозяйства в розничном товарообороте составила 7,8%, местных промышленных предприятий – 8,7%, а продовольственные и промтовары, выделенные централизованно, соответственно 45,2 и 7,8%⁷⁹.

Следует отметить, что удельный вес непродовольственных товаров в структуре товарооборота постепенно сокращался. Причин было несколько, но основные из них следующие: возросла доля затрат на питание, резко снизились доходы населения, сократились поступления из централизованных фондов. Произошли изменения в группе продовольственных товаров – возросло потребление муки и печёного хлеба. Например, в 1943 г. хлебобулочные изделия составили 50,6% в товарообороте Примторга, который обслуживал население Спасска-Дальнего, Лесозаводска, Тавричанки⁸⁰. Снизилось потребление наиболее физиологически ценных продуктов: мяса, рыбы, масла и яиц, мяса птицы. Картофель стал основным в рационе питания, заменителем недостающего хлеба.

Контингент лиц, питающихся в столовых, буфетах, фабриках-кухнях, возрос многократно. Жители прикреплялись к определённой столовой, сдавали часть карточных талонов, но клиент имел право открепиться и получать продукты в магазине. В столовых дополнительно использовалась продукция подсобных хозяйств. На промышленных предприятиях рабочие получали трёх-четырёхразовое питание, на рыбных промыслах Приморского края для рабочих оно было организовано и в ночную смену. Средняя стоимость блюд в столовых Приморско-рыболовпотребсоюза была 1 руб. 55 коп. в 1941 г., а в 1942 г. – 89 коп.⁸¹ В суровую военную пору пища в столовых спасла сотни тысяч людей от голодной смерти.

В 1942 г. снабжение работавших в промышленности было передано отделам рабочего снабжения (ОРС) предприятий. Сократилась розничная сеть кооперативной торговли, но она сыграла основную роль в обеспечении товарами сельского населения региона и рыбаков-колхозников, что особенно было актуально для Дальнего Востока. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 5 апреля 1942 г. вводилось целевое снабжение рыбаков-колхозников продовольственными и промышленными товарами. Например, рыбаки Камчатки со второго квартала 1942 г. получали за каждые 10 руб. стоимости сданных государству рыбы-сырца и морского зверя 500 г муки, по 50 г крупы и макаронных изделий, 20 г сахара, 10 г жиров, 0,75 г чая, по 5 г табака и махорки, 25 г хозяйственного мыла и на 55 коп. промтоваров. В 1945 г. Приморский, Хабаровский крайрыболовпотребсоюзы и Камчатский облрыболовпотребсоюз снабжали товарами 299 179 чел.⁸²

Коммерческая торговля стала дополнительным источником снабжения населения. На Камчатке коммерческую торговлю вели рыбокоопы, во Владивостоке – коммерческие магазины и два коммерческих ресторана «Золотой Рог» и «Челюскин». Однако из-за более высоких цен по сравнению с ценами рынков во Владивостоке незначительным был спрос на мясо, птицу, сахар, молочные продукты, сыр. На рынке 1 кг мяса стоил 140–150 руб. (в ценах тех лет), в коммерческом магазине – 320–330 руб., 1 кг рыбы (кета) – 50–60 руб. и 140–160 руб. соответственно⁸³.

К 1945 г. коммерческая торговля расширилась за счёт открытия торговых точек в театрах и кинотеатрах, развёртывания лоточной сети. Существовала развозная торговля, которая обслуживала в годы войны коллективы, занятые на сезонных работах в отдалённых местностях: рыбаков, лесозаготовителей, геологов, оленеводов, горняков приисковых участков. Колхозно-кооперативная торговля на Дальнем Востоке была представлена колхозными рынками и традиционными ярмарками на северо-востоке края. Местные власти, как и руководство страны, не препятствовали расширению рыночной торговли. Это была ещё одна возможность для самостоятельного поиска населением различных путей выживания.

Принцип дифференцированного снабжения распространялся на товары повседневного спроса, одежду, обувь. Для рабочих и инженерно-технических работников полагалось 125 купонов, для служащих – 100. Так, приобретая пару мужской или женской обуви, покупатель оплачивал её стоимость и сдавал 50 купонов-единиц, за шерстяное женское платье – 60⁸⁴.

Рынки и базары стали источниками внесударственного снабжения населения. Ремонт и пошив одежды на дому, перешивание военного обмундирования стали повседневной практикой. Руководители отдельных предприятий

выделяли материальную помощь молодым рабочим. Осенью 1942 г. администрация Дальзавода предоставила рабочим 1 тыс. комплектов нижнего белья, 800 пар обуви, 3 тыс. м ткани. В тресте «Сучануголь» молодым рабочим выдали 325 пар нижнего белья, 332 рубахи, 290 брюк⁸⁵. Для улучшения снабжения населения предметами повседневного спроса в регионе были построены небольшие промышленные комбинаты по производству мебели, а также бочкотары, пиломатериалов, кожаненного производства, освоены выработка юфти, пошив унтов, рукавиц, меховых шапок как для местного населения, так для нужд фронта.

Система снабжения функционировала с серьёзными сбоями – острой проблемой для дальневосточной торговли были хищения и растраты средств. В годы войны ослаб контроль за финансово-хозяйственной деятельностью торговых организаций. Например, сумма растрат в Приморском спецторге с апреля 1943 г. по июнь 1944 г. составила 15 151 руб. Изменился характер хищений, деньги теряли ценность. В торговле резко увеличивалось число случаев недостачи именно продуктов. Например, на о-ве Попова в рыбокоопе экспедитор в течение 1942 г. недопоставил продуктов на общую сумму 18 000 руб. Расхититель продуктов получил огромную прибыль. Для сравнения: по розничным ценам сливочное масло стоило в магазине 45 руб. за кг, на рынке – 500 руб.

Многочисленные очереди, драки возле касс и прилавков, обчёты и обвесы покупателей, нарушения норм отпуска товаров в одни руки – все эти факты стали обыденностью с введением карточного распределения на Дальнем Востоке. Проблема перерасхода продуктов, особенно хлеба, из-за злоупотреблений с карточками была актуальной на протяжении всей войны. Так, в ходе проверок было установлено, что только по Бирскому району за 1943 г. по одному ОРСу имелось 75 случаев хищения хлеба общим весом 6110 кг, причём 3881 кг – разворован хлебоёмщиками на линейных станциях, 1217 кг – в столовых, 171 кг – по машинам, 240 кг – хлебоперевозчиками⁸⁷.

В феврале 1945 г. ОБХСС Управления милиции УНКВД Сахалинской области раскрыл преступную группу, занимавшуюся изготовлением и продажей продовольственных талонов. Основными участниками были повар ресторана г. Александровск, столяр детского дома г. Корсаков и их жёны. Они изготовили кустарным способом штампы и печать, с помощью которых штамповали фальшивые талоны на муку по 10 кг. Талоны выдавались членам рыболовецких колхозов взамен продкарточек и реализовались среди жителей по цене 500–1000 руб. Всего группа преступников реализовала с апреля 1944 г. по февраль 1945 г. фальшивых талонов более чем на 4500 кг муки⁸⁸.

К серьёзным недостаткам функционирования распределительной системы снабжения можно отнести и многочисленные факты использования служебного положения чиновников и торговых работников разного уровня. Например, на Камчатке в период войны действовал хорошо отлаженный механизм распределения продуктов и товаров среди партийно-хозяйственных руководителей. В результате обвесов потребителей в магазине образовывались излишки продуктов, которые работники торговли присваивали. В Камчатторге была организована закрытая торговля мясом, маслом и другими продуктами для работников торга. Для руководящих работников рыбной промышленности Камчатки незаконно увеличили нормы хлеба на 200 г на человека, превысили лимит обедов на 95 чел. На дополнительное незаконное снабжение 260 чиновников с июля по октябрь 1943 г. было израсходовано 3052 кг муки⁸⁹.

Большая часть дальневосточников снабжалась товарами повседневного спроса по месту работы по ордерам, подписанным руководителями предприятий, которые пользовались возможностью распределять товары по своему усмотрению. По их примеру зачастую действовали и сами работники отделов рабочего снабжения: воровали, незаконно приобретали товары по госценам и перепродавали по ценам рынка.

Продукты, получаемые по карточкам, не могли обеспечить полноценного питания, качество, калорийность их были низкими. По определению специалистов для выполнения физической работы требовалось 1200 г хлеба в день. И хотя в рацион кроме хлеба входили сезонные овощи, крупы, картофель, продовольственное обеспечение оставалось одной из сложнейших проблем в повседневной жизни населения. Такую ситуацию в военные годы можно охарактеризовать как скрытый голод. В воспоминаниях о том времени, как правило, присутствуют сюжеты о нехватке продовольствия, постоянном желании утолить голод, способах добычи продуктов. По воспоминаниям старожила Владивостока Е.А. Щебенковой, военное время было очень голодным: «...В школе нам варили кашу на воде, иногда добавляли в неё сухое молоко, – это после того, как в 1943 г. пошла американская помощь... На Ленинской были организованы котлопункты, в которых на воде варили галушки, за тарелкой которых люди стояли по 5–6 часов в очередь...»⁹⁰.

Из воспоминаний: «...Нам всегда хотелось есть. Голод преследовал даже ночью во сне. Из щавеля выпекали лепёшки...», «...Мы в войну жили в совхозе им. Сунь-Ятсена (Приморский край, Михайловский район). Нас, школьников старше 10 лет, привлекали к полевым работам – прополке овощей. Ставили с утра на грядки, поледи тятками или просто руками, о перчатках не имели понятия, руки к вечеру опухали, болели... Ходили босиком. На обед привозили картофельный супчик, соевую кашу, лепёшки из шрота (жмых). Ребята приносили из дома еду, но наша семья была нищая, я ничего не приносила. И было очень стыдно есть вместе со всеми...»⁹¹.

В октябре 1941 г. В.Ф. Бычковой исполнилось 16 лет, и начался ежедневный труд на рыбоконсервном комбинате. «Ребята на плашкоутах привозили выловленную рыбу, а девчата, вчерашние школьницы, её принимали на комбинат, на тачках развозили по цехам: на чистку, обработку, консервирование. Стояли у транспортёра часами, он не останавливался. Был голод, но нам иной раз разрешали и самим полакомиться; возьмёшь рыбку, в кочегарке поджаришь... Выносить с завода категорически запрещалось – за одну рыбёшку, вынесенную из комбината, – семь лет без суда...»⁹².

В годы войны государство испытывало большие финансовые затруднения – выросли военные расходы, уменьшились доходы за счёт прибыли от продаж населению товаров. На покрытие дефицита правительство было вынуждено усилить денежную эмиссию, но не настолько, чтобы спровоцировать гиперинфляцию. Денежная масса выросла в 3,8 раза (для примера: во время Первой мировой войны эмиссия была в 5 раз больше – 1800%). Населению запрещалось снятие со сберкнижки сумм, превышающих 200 руб. в месяц; вводились новые налоги, отменялись отпуска, компенсация за них переводилась на сберкнижку, и использовать её стало возможным только после войны. Фраза «советский народ пришёл на помощь своему государству» воплотилась в жизнь в виде госзаймов, перечисления средств в Фонд обороны, доходов от денежно-вещевых лотерей.

Война внесла свои коррективы в систему ценностей советских людей. Большое значение государство придавало семье, её сохранению, традициям. Материальная помощь детям, семьям фронтовиков, инвалидам в годы войны увеличилась. Существующий в годы войны уровень жизни населения, потребления и обеспечения жизненными благами – это уровень бедности основной части населения. Дальневосточники приспособивались к жизни в условиях войны. Государственная социальная политика дополнялась мерами самообеспечения: огороды, подсобные хозяйства, шитьё и ремонт на дому.

Война предъявляла повышенные требования ко всем гражданам в исполнении своего гражданского и трудового долга. Дальневосточники вносили денежные средства, драгоценности в различные фонды. Тяжелейшие условия работы, массовое вовлечение женщин и детей в производство, ужесточение режима работы системой новых наказаний соответствовали действиям объективных законов войны. Истоки самоотверженности дальневосточников кроются не в воздействии пропаганды, а в истинном патриотизме.

5.4. Жилищно-бытовые условия дальневосточников

Война многократно увеличила бытовые проблемы дальневосточников. Выделение средств на жилищное, социально-бытовое и культурное строительство сократилось в несколько раз. Численность рабочих и инженерно-технических работников и служащих, занятых на строительномонтажных работах в Дальневосточном регионе, значительно сократилась. Если в 1940 г. она составляла 63,9 тыс. чел., то в 1942 г. – уже 36,1 тыс., в 1943 г. – 23,7 тыс., в 1944 г. – 43,1 тыс., 1945 г. – 33,9 тыс.⁹³ Трудовая мобилизация стала основной формой пополнения рабочими строительных организаций, нехватку профессиональных кадров решали методом ускоренного обучения рабочих непосредственно на предприятиях (бригадное обучение), а также в школах и училищах трудовых резервов.

Жилищное строительство велось в незначительных объёмах, дома в сельской местности возводились для тех, кто прибыл на Дальний Восток накануне войны и к её началу не был обеспечен жильём. В частности, в Уссурийской области для семей переселенцев-колхозников в 1941–1942 гг. построили более 3 тыс. домов, но к 1 июля 1942 г. значительная их часть не была обеспечена жильём, в том числе 1,5 тыс. семей красноармейцев. По данным на июль 1942 г. в Приморском крае почти 4 тыс. семей вынуждены были проживать по 2–3 семьи в одной комнате. На заседании Приморского крайисполкома от 22 октября 1942 г. отмечено, что для переселенцев в крае не построено 4,3 тыс. домов. Многие семьи вынуждены жить в недостроенных домах и проживать вместе с домашним скотом, поскольку хозяйственных построек для его размещения не имелось⁹⁴.

В 1943 г. ситуация с устройством переселенцев в Приморском крае не улучшилась. Проверкой установлено, что 1690 семей-переселенцев Приморского края не обеспечены жильём, некоторые семьи живут в полуразрушенных домах с не отремонтированными крышей, печью и полом. Благодаря принятым жёстким мерам Приморского крайкома ВКП(б) к 1 августа 1943 г. для переселенцев достроили 305 домов и 113 – отремонтировали, что немного улучшило обеспечение их жильём⁹⁵. Всего в Приморском крае в 1943 г. сдано в эксплуатацию

2,762 тыс. кв. м жилой площади, что существенно ниже показателей 1942 г. – 57,994 тыс. кв. м и 1941 г. – 126,476 тыс. кв. м⁹⁶.

В небольших объёмах велось производственное строительство в сельской местности. В Приморском крае в рамках подготовки колхозов к зиме 1942/43 г. было принято постановление бюро крайкома ВКП(б) и крайисполкома о строительстве и ремонте животноводческих построек края. Согласно указаниям, требовалось «...немедленно выделить в каждом колхозе ремонтно-строительную бригаду. Запретить её использовать на других работах до окончания строительства. Строительство должно быть проведено главным образом за счёт местных стройматериалов...»⁹⁷.

Обеспечение жильём происходило за счёт существующего жилого фонда и приспособления под жильё различных построек, а также небольших объёмов жилищного строительства, но это не решало проблемы. В частности, в 1941–1942 гг. в ряде колхозов и поселков Колымского края строились жильё и культурно-бытовые объекты⁹⁸. В Советской Гавани для строящегося судоремонтного завода (завод № 263) возводился жилой посёлок. Строительство нескольких каменных трёхэтажных жилых домов было приостановлено, но к 1943 г. возвели несколько деревянных одно- и двухэтажных домов⁹⁹.

В связи с началом строительства морского порта в Петропавловске-Камчатском возникла острая потребность в жильё, под него приспособляли складские помещения, кладовки. На конец 1944 г. в среднем на одного жителя города приходилось 3,3 кв. м жилой площади, но качество жилья было крайне низким – почти весь жилой фонд города приходился на деревянные и каркасные дома, построенные в довоенное время¹⁰⁰. В частности, в Камчатрыбстрое из 6662 кв. м жилой площади более 30% находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. В бараках дымили печи, стёкла в окнах были выбиты, крыши протекали, жильцы не обеспечены дровами. Работники Комхоза АКО проживали в старых полуразрушенных палатках, причём в одной палатке жили несколько семей, отгораживаясь друг от друга ситцевыми занавесками¹⁰¹.

Большая часть существующего жилого фонда на Дальнем Востоке не имела коммунальных удобств. Это были постройки с отклонениями от существующих норм: с низкими потолками, маленькими окнами, железными печами временного типа. Зимой стены в таких жилищах промерзали, в тёплое время года протекали крыши.

За годы войны часть жилья из-за отсутствия ремонта обветшала и пришла в негодность, но особенно тяжёлое положение складывалось в общежитиях, многие из которых не соответствовали минимальным нормам проживания, не отапливались, в них наблюдались антисанитария, педикулёз. В ряде общежитий не хватало спальных мест, рабочие были вынуждены спать вповалку на сплошных нарах либо делить одну кровать на двоих и спать по очереди, посменно¹⁰².

Так, в Петропавловске-Камчатском в общежитиях торгового порта в декабре 1942 г. из-за перебоев со светом жильцам приходилось пользоваться керосиновыми лампами, окна были без стёкол, постельное бельё менялось один раз в месяц¹⁰³. В общежитии паровозоремонтного завода в Ворошилове (Уссурийск) в ходе проверки, проведённой в январе 1944 г., выяснилось, что в бытовых комнатах не было электричества, паровое отопление неисправное, в комнатах холодно и рабочие вынуждены спать одетыми¹⁰⁴. Рабочие-шахтёры г. Артём Приморского края выражали недовольство тем, что, добывая

уголь, после смены приходят в холодные, нетопленые общежития и не могут обогреться¹⁰⁵.

Особенно тяжело было молодым рабочим и учащимся трудовых резервов, многие из которых прибыли на предприятия из сельских районов и не имели навыков самостоятельного проживания. Им приходилось заботиться не только о питании и личной гигиене, но и о собственной безопасности, так как имелись случаи воровства, нападения, отбирались хлебные карточки и деньги.

В 1942 г. в Приморском крае в общежитиях при заводах, шахтах, железнодорожных депо проживали более 10 тыс. молодых рабочих¹⁰⁶. В общежитии Дальзавода рабочие были вынуждены спать в одежде, а в карманы клали хлебные карточки из-за опасения, что их могут украсть. В некоторых общежитиях для предотвращения краж денег, одежды, обуви администрация создавала камеры хранения, куда жильцы могли сдавать наиболее ценные вещи¹⁰⁷.

Война не только ухудшила жилищные условия дальневосточников, но и обострила жилищные проблемы, которые властям приходилось как-то решать, выискивая резервы жилой площади, поскольку в большинстве городов жилищное строительство не велось. Так, во Владивостоке заявки на служебную и жилую площадь поступали в горсовет регулярно, но имеющийся муниципальный фонд не позволял обеспечить всех нуждающихся. Ведомства прекратили строить жильё, во Владивостоке после начала войны было законсервировано возведение около 20 больших домов¹⁰⁸.

Для того чтобы во Владивостоке удовлетворить самые минимальные нужды и запросы, требовалось порядка 200 тыс. кв. м жилой площади. В июне 1943 г. начальник Дальневосточного госморпароходства В. Федотов обратился с письмом в крайком ВКП(б), где просил содействия в выделении жилых помещений для размещения 5 тыс. вновь прибывших из западных районов страны работников Владивостокского морского порта¹⁰⁹.

Секретарь Владивостокского горкома ВКП(б) В. Молоков в докладной записке секретарю крайкома Н.М. Пегову сообщал, что из-за прекращения строительства во Владивостоке жилой фонд горсовета существенно сократился, а заявки на предоставление предприятиям и организациям жилой и служебной площади продолжают поступать в большом количестве (на 15 мая 1944 г. имелось таких заявок на 15,6 тыс. кв.м.). Предлагалось для решения проблемы ходатайствовать перед правительством о форсировании капитального строительства зданий во Владивостоке непосредственно заинтересованными наркоматами¹¹⁰.

Жилой фонд в годы войны изнашивался, для его сохранения большое значение имело своевременное проведение капитального и текущего ремонта. На эти цели из местных бюджетов выделялись средства, но была нехватка стройматериалов и рабочих рук. Поэтому широко практиковался ремонт самими жильцами с предоставлением финансовых и материально-технических средств. Так, Ворошиловским городским советом в 1943 г. на ремонт ассигновали 600 тыс. руб., благодаря чему были отремонтированы 530 квартир, почти все (521 квартира) силами жильцов¹¹¹.

Планы ремонта жилья не выполнялись. В 1944 г. в Ворошилове из предусмотренных планом 569 квартир отремонтировали 348, что составило 61% плана¹¹². В декабре на заседании крайисполкома в ходе рассмотрения вопроса о выполнении плана ремонта жилого фонда г. Владивостока отмечено, что положение

с ремонтом катастрофическое, неисправны канализация, водопровод, отопление и жилфонд продолжает разрушаться¹¹³.

Как правило, ремонт жилья в первую очередь производился для семей военнослужащих, фронтовиков и инвалидов. На Камчатке в Петропавловске за 1942 г. семьям красноармейцев отремонтировали 300 квартир¹¹⁴, за первое полугодие 1944 г. – 129 квартир¹¹⁵. В Амурской области местные органы власти, выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. об улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих, за период с января 1943 г. по февраль 1945 г. отремонтировали семьям фронтовиков 4957 квартир¹¹⁶.

В Приморском крае местная власть обязала все организации, имеющие жилой фонд, заняться его ремонтом. Кроме того, чтобы жильцы активнее привлекались к ремонту жилья, в котором они проживали, ставилась задача по открытию магазинов по продаже стройматериалов¹¹⁷. Проводить ремонт силами специализированных организаций из-за нехватки рабочих рук не было возможности. Во Владивостоке до войны городская ремонтно-строительная контора насчитывала около 300 постоянных рабочих, а к началу 1945 г. – всего 7 рабочих и 11 инженерно-технических работников¹¹⁸. Решать поставленные задачи таким составом было невозможно.

Для сохранности жилья помимо своевременного ремонта важную роль играет работа жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), которое обеспечивало функционирование жилых помещений. Ему мало уделяли внимания в довоенное время, а в годы войны работа ухудшилась из-за нехватки рабочей силы, почти полного прекращения снабжения фондируемыми стройматериалами, существенного сокращения финансирования. Особенно сложно пришлось жилищно-коммунальной сфере отдалённых районов Дальнего Востока (Камчатка, Колыма, Северный Сахалин), где сократили ряд коммунальных предприятий и организаций. На Камчатке коммунальные службы остались только в Петропавловске-Камчатском, в остальных населённых пунктах – отсутствовали. Жители города испытывали трудности с обеспечением электроэнергией, водой – водопровод не обеспечивал нужды предприятий, порта и населения¹¹⁹.

Работа жилищно-коммунального хозяйства особенно сложной была в зимнее время, когда для обогрева жилищ требовалось топливо. Лишь небольшое количество жилых помещений отапливалось централизованно, в остальных использовались стационарные печи, в также временные печи-буржуйки. Нехватка топлива зимой привела к тому, что в некоторых семьях были вынуждены для обогрева разбирать и сжигать мебель, межкомнатные перегородки, полы, заборы, сараи, ворота, мостки. В ход шли все изделия из дерева, которые можно было использовать¹²⁰. Зимой 1943/44 гг. в Уссурийске для обогрева жилищ пришлось вырубить один из городских парков, который создавался горожанами. Там срубили более 1 тыс. деревьев¹²¹.

Сложно решались проблемы обеспечения топливом в других городах и посёлках Дальнего Востока. Нехватка рабочей силы, транспорта, несогласованность ведомств и органов местной власти – всё это создавало серьёзные проблемы. В годы войны строительство социальных объектов ограничилось самым необходимым, прежде всего это были школьные здания. Их возводили и ремонтировали силами общественности, привлекая местное население. К новому учебному 1942 г. в Приморском крае 17 школ было капитально отремонтировано¹²², но

строить новые школы практически прекратили. Если за два довоенных года (1939–1940) в Приморском крае сдали в эксплуатацию 47 школ на 12 940 мест, то за два военных – всего 4 школы на 1840 мест, а в 1943 г. – ни одной школы¹²³.

Среди объектов культуры, на которых велись строительные работы, пожалуй, единственным был Дворец культуры судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре, который начали строить в октябре 1939 г., с началом войны строительство приостановилось и возобновилось в 1943 г., 6 ноября 1944 г. он был достроен и сдан в эксплуатацию¹²⁴.

В условиях военного времени строительная отрасль перешла на новые условия работы. Действующие в мирные годы технические условия проектирования, производства стройматериалов и возведения зданий, сооружений, различных объектов были пересмотрены, сокращались сроки работ, экономились стройматериалы. Строительство осуществлялось скоростными методами, что обеспечивалось за счёт сокращения организационного периода, применения новшеств, в частности заранее заготовленных деталей и узлов. Учитывая, что техническая оснащённость строительной отрасли была невысокой, большинство работ выполнялось с использованием физической (мускульной) рабочей силы.

Стройматериалов не хватало, поскольку их производство по сравнению с довоенным уровнем заметно сократилось – некоторые предприятия по их выпуску закрыли, а другие работали не на полную мощность. Так, Спасский цементный завод был вынужден сократить выпуск продукции и работал на 30–40%¹²⁵. Сократилось и производство кирпича. Если в 1940 г. в Приморском крае производилось 23 млн шт. кирпича, то в 1944 г. – 5 млн шт.¹²⁶

Почти все стройматериалы шли на строительство оборонных предприятий, транспортных коммуникаций, аэродромов, укреплений и бомбоубежищ. Кроме того, часть местных стройматериалов вывозилась с Дальнего Востока в качестве помощи западным районам страны, пострадавшим от боевых действий. Приморская краевая газета «Красное знамя» в ноябре 1943 г. писала, что приморцы помогают быстрее восстановить города и сёла, разрушенные немецко-фашистскими оккупантами, – в освобождённые районы направлены 80 вагонов строительных материалов, в том числе эшелон цемента¹²⁷. Рабочие и служащие Амурской железной дороги своими силами изготовили и направили осенью 1943 г. в Сталинград полный комплект инструментов для двух жилищно-ремонтных контор, куда вошли 1200 предметов для ведения строительных работ¹²⁸.

Нехватка стройматериалов и кадров, ослабленное внимание к жилищно-коммунальному хозяйству, отсутствие должного контроля в военное время крайне неблагоприятно сказались на благоустройстве городов, их внешнем облике. Так, в Хабаровске в жилых кварталах отсутствовало тротуарное хозяйство, не были обустроены проезжие дороги и пешеходные мосты, не приведены в порядок заборы, ворота, калитки, не везде установлена нумерация домовладений, большая часть домовладений как местного Совета, так и ведомственных организаций находилась в запущенном состоянии¹²⁹.

Аналогичная картина присуща и другим городам Дальнего Востока. В Приморском крае на пятой сессии краевого Совета депутатов (29 мая 1942 г.) было констатировано, что «...санитарное состояние наших городов неудовлетворительное. Дворы загрязнены, в домах лестничные клетки не подметаются. ... Благоустроенный чистый город, посёлок или село – совершенно необходимое и самое элементарное условие предупреждения возможности эпидемических

заболеваний. Задачи наших городских комитетов – немедленно приступить к санитарной очистке населённых пунктов...»¹³⁰. Несмотря на констатацию плохого состояния городов, из-за нехватки рабочих рук должных мер не было принято. В 1943 г. в очередной раз было отмечено тяжёлое положение с благоустройством: «...Владивосток начинает рушиться. По тротуарам особенно ночью невозможно ходить. Дороги плохие, освещения нет, если так мы проживём ещё год, то город невозможно будет восстановить...»¹³¹.

Во многом подобная ситуация определялась нехваткой материально-технических и финансовых ресурсов. Так, объём работ по благоустройству г. Владивосток требовал примерно 50 млн руб., большое количество стройматериалов, рабочей силы, что в условиях войны было нереальным¹³². Но даже те финансы, которые выделялись, полностью не использовались. Жилой фонд городов, городская инфраструктура сильно износились. Дороги, мостовые, тротуары, ливневые коллекторы на большинстве улиц пришли в негодное для эксплуатации состояние. Капитальный и текущий ремонт жилого фонда проводился в незначительных размерах. В плачевном состоянии находились городские парки, сады и скверы. Уборка и вывозка мусора производились нерегулярно. Города выглядели захламлированными, засоренными, неухоженными.

Тем не менее местные органы власти обратили пристальное внимание на облик городов, состояние инфраструктуры. В частности, территория Владивостока была разбита на участки, которые закреплялись за предприятиями и организациями. На его благоустройство было выделено 4,2 млн руб., к работам широко привлекались горожане¹³³. Жители города провели три воскресника, вывезли 14 тыс. куб. м мусора, построили новые тротуары, отремонтировали коллекторы и ливневые стоки, выполнили работ по благоустройству на сумму свыше 2 млн руб. В них участвовали свыше 30 тыс. чел., и наибольшую активность проявили коллективы завода № 202, торгового порта, крайсвязи, крайпотребсоюза¹³⁴.

В конце войны стремились придать населённым пунктам Дальнего Востока праздничный облик, ликвидировать последствия военного времени, убрать грязь и мусор, возобновилось жилищное строительство, возведение социально-бытовых и культурных объектов.

* * *

В годы Великой Отечественной войны государственная социальная распределительная система охватывала как централизованные фонды, так и дополнительные источники поступления продовольствия и товаров повседневного спроса, что облегчало организацию нормированного снабжения. При нормированном снабжении принцип социальной справедливости нарушался, продовольственные и промышленные товары не доходили до рядового потребителя, материально-бытовые условия ухудшились. Недостаток основных продуктов компенсировался увеличением в рационе картофеля и овощей, калорийность питания сократилась примерно на 20–25%, в том числе по продуктам растительного происхождения на 15–20%, животного – на 45–50%.

Из-за сокращения рыночных фондов на основные промышленные товары особую нужду население испытывало в предметах первой необходимости, завоз которых в регион систематически срывался. Обеспечить дальневосточников изделиями культурно-бытового назначения планировалось за счёт использования

имеющихся и создания новых мощностей на предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации, но они выполняли оборонные заказы, и ассортимент выпускаемых товаров народного потребления зависел от централизованных поставок сырья и наличия его заменителей на месте.

Перераспределение национального дохода гарантировало населению Дальнего Востока обеспеченность по старости и при потере трудоспособности, а также материальную поддержку военнослужащих и их семей, материнства и детства. В условиях военного времени стратегия выживания дальневосточников характеризуется как экстремальная с надеждой на улучшение в послевоенное время.

Ссылки и примечания

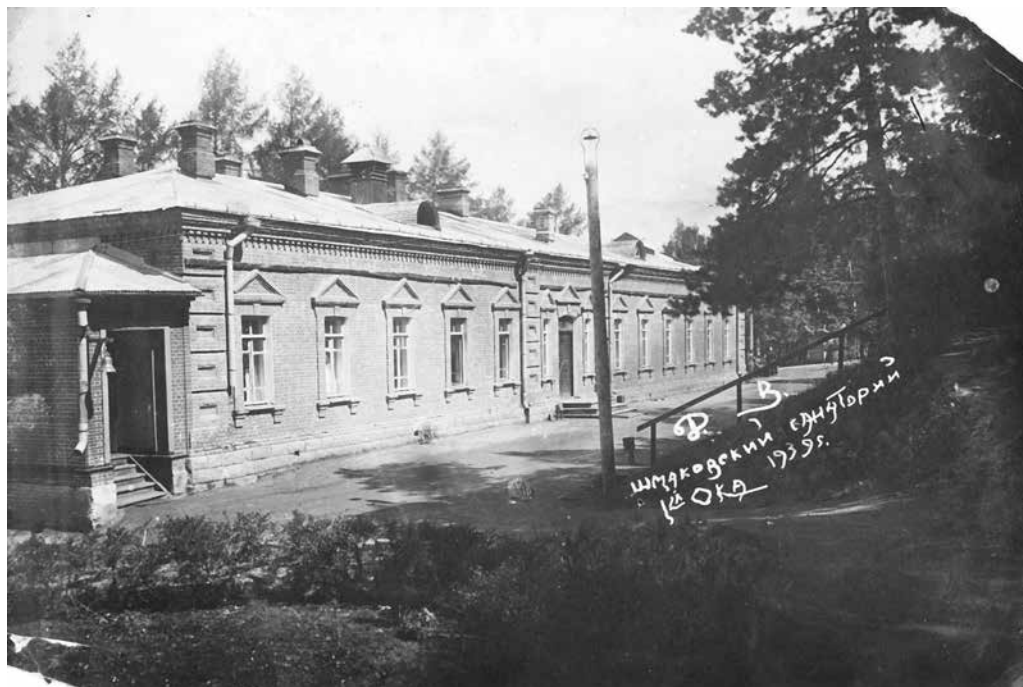
- ¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 29, 37, 215.
- ² ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 7. Л. 247; ГАХК. Ф. 850. Оп. 7. Д. 6. Л. 18–19.
- ³ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. М., 1998. Т. 25 (14). С. 234–235; Военно-исторический журнал. М., 1988. № 8. С. 73–75; № 9. С. 23–28.
- ⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1; Оп. 3. Д. 209. Л. 24; ГАПК. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 205. Л. 20 (подсчит. авт.).
- ⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 119. Л. 111, 113, 114; Д. 1673. Л. 1; Ф. 836. Оп. 3. Д. 28. Л. 86; Ф. 850. Оп. 4. Д. 6. Л. 34; Д. 7. Л. 9, 19.
- ⁶ ГАХК. Ф. 836. Оп. 3. Д. 28. Л. 86.
- ⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 36; Ф. 1196. Оп. 1. Д. 206. Л. 16, 23.
- ⁸ ГАПК. Оп. 7. Д. 70. Л. 103; Оп. 34. Д. 64. Л. 37 об.; Оп. 5. Д. 104. Л. 54.
- ⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 72. Л. 3, 4 (подсчит. авт.).
- ¹⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 215, 216.
- ¹¹ ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 17. Л. 31.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 604. Л. 17; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 152. Л. 133, 134.
- ¹³ ГАПК. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 206. Л. 26; Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 12.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 18. Л. 14, 14 об.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 30. Л. 129, 130.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 52. Л. 6–16; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 30. Л. 161–164.
- ¹⁷ ГАХК. Ф. 617. Оп. 2. Д. 34. Л. 71–79.
- ¹⁸ ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 20, 26, 57, 74, 75; Д. 20. Л. 6; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 346. Л. 8; ГАМО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; Д. 29. Л. 12.
- ¹⁹ Комсомольская правда. 1974. 9 янв.; Комсомол Краснознаменного Тихоокеанского флота. Владивосток, 1970. С. 170.
- ²⁰ ГАПК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 7. Л. 29; Красное знамя. Владивосток, 1942. 10 марта; 1945. 8 янв.
- ²¹ Соколов Б.В. Правда или новая легенда? // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 186; Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 579.
- ²² ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 22. Л. 350.
- ²³ ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 13. Л. 11.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 604. Л. 1, 2, 3, 5; Оп. 122. Д. 21. Л. 81, 84, 87–102; Д. 78. Л. 195.
- ²⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 72. Л. 2; Д. 90. Л. 50; Оп. 5. Д. 104. Л. 49; Оп. 34. Д. 55. Л. 102.
- ²⁶ ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 71. Л. 48; Ф. П-331. Оп. 1. Д. 52. Л. 107; Д. 56. Л. 26; Д. 74. Л. 9; Ф. 850. Оп. 7. Д. 6. Л. 18–19, 21.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 100. Л. 58; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 234. Л. 95; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 119. Л. 25 (подсчит. авт.).

- ²⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 104. Л. 89; ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 74. Л. 9 (подсчит. авт.).
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 604. Л. 4, 5; ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 49. Л. 37, 44, 47, 48, 51, 52, 57, 59, 62.
- ³⁰ ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 56. Л. 26; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 50.
- ³¹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 59. Л. 59; Д. 71. Л. 49.
- ³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 3. Л. 77, 79.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 604. Л. 5.
- ³⁴ ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 48. Л. 36.
- ³⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 7. Д. 70. Л. 104; Ф. 1195. Оп. 1. Д. 206. Л. 25 (подсчит. авт.).
- ³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 36 об, 38.
- ³⁷ ГАПК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 254. Л. 19; Д. 238. Л. 46 об.
- ³⁸ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 59. Л. 84; Ф. 510. Оп. 3. Д. 69-а. Л. 85; Ф. 26. Оп. 22. Д. 12. Л. 78 (подсчит. авт.).
- ³⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 315. Л. 99, 101.
- ⁴⁰ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 290. Л. 62; Д. 254. Л. 1; Д. 238. Л. 2, 3 об.
- ⁴¹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 10. Д. 179. Л. 184; ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 72. Л. 146; Д. 73. Л. 38.
- ⁴² ГАПК. Ф. 268. Оп. 5. Д. 6. Л. 12об.; Оп. 6. Д. 37. Л. 6.
- ⁴³ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 254. Л. 3; Д. 238. Л. 2.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. 268. Оп. 5. Д. 6. Л. 23; Оп. 4. Д. 1. Л. 233.
- ⁴⁵ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 238. Л. 2; Д. 254. Л. 3; ГАПК. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1. Л. 53.
- ⁴⁶ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 238. Л. 74.
- ⁴⁷ ГАХК. Д. 272. Л. 25, 29, 30; ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 59. Л. 90.
- ⁴⁸ ГАПК. Ф. 268. Оп. 6. Д. 52. Л. 1.
- ⁴⁹ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 52.
- ⁵⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 30. Л. 2-4.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 312. Л. 137, 140; Д. 315. Л. 101; ГАПК. Ф. 268. Оп. 6. Д. 35. Л. 90, 92 (подсчит. авт.).
- ⁵² ГАХК. Ф. 683. Оп. 6. Д. 114. Л. 45, 56; ГАПК. Ф. 268. Оп. 6. Д. 35. Л. 90, 92 (подсчит. авт.).
- ⁵³ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 59. Л. 85; ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 54.
- ⁵⁴ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 254. Л. 18.
- ⁵⁵ ГАПК. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1. Л. 201, 218.
- ⁵⁶ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 23, 24, 56.
- ⁵⁷ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 23.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 59. Л. 85; ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 28; Ф. П-331. Оп. 1. Д. 41. Л. 12.
- ⁵⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1685. Л. 128; Ф. П-331. Оп. 1. Д. 54. Л. 10 (подсчит. авт.).
- ⁶⁰ ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 59. Л. 86.
- ⁶¹ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 238. Л. 64-66 об. (подсчит. авт.).
- ⁶² ГАПК. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1. Л. 140-141.
- ⁶³ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 60 об.; Оп. 6. Д. 156. Л. 2, 3.
- ⁶⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 9.
- ⁶⁵ ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 272. Л. 24.
- ⁶⁶ Чернявский У.Т. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.). М.: Политиздат, 1964. 208 с.; Ткачева Г.А. Скрытая правда войны. Нормированное снабжение дальневосточников в 1941-1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 2. С. 49-59; Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке в годы Великой Отечественной войны // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 35; Дударь Л.А. Система нормированного снабжения дальневосточников в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917-50-е годы XX в. Кн. 2. Сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 62-81; Власов С.А. Из истории Владивостока (вторая половина 40-х-50-е годы XX в.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917-50-е годы XX в. Кн. 2. Сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 55-61; Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Владивосток: ДВО РАН, 2010. С. 267-290; Власов С.А. Повседневная

- жизнь жителей Владивостока в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Сб. науч. тр. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 118–124; Власов С.А. Государственная социальная политика и её влияние на повседневную жизнь населения Приморского края в годы Великой Отечественной войны // Восьмые Гродековские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.Н. Гродекова, 2015. Т. 2. С. 145–151; Власов С.А. Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941–середина 1950-х гг.) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 179–200; Слабнина Л.А. Человек военной поры: реальные судьбы дальневосточников // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 170–179.
- ⁶⁷ Павлов Д.В. Развитие торговли за годы советской власти // 40 лет советской торговли. М., 1957. С. 8; ГАХК. Ф. 826. Оп. 4. Д. 19. Л. 20.
- ⁶⁸ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны... С. 270.
- ⁶⁹ ГАПК. Ф. 399. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁷⁰ Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке в годы Великой Отечественной войны // Краеведческие записки. Вып. 17. Магадан, 1991. С. 34.
- ⁷¹ ГАХК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 340. Л. 34.
- ⁷² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. // Сборник документов за 50 лет. Т. 3. (1941–1952 гг.). М.: Политиздат, 1968. С. 65.
- ⁷³ Голубев В.П. Развитие подсобного хозяйства и огородничества в г. Куйбышевка-Восточная в годы Великой Отечественной войны // Дальневосточники на фронте и в тылу. 1941–1945 гг.: материалы региональной науч.-практ. конференции. Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2006. С. 187.
- ⁷⁴ ГАПК. Ф. 260. Оп. 22. Д. 4. Л. 176; Ф. 1126. Оп. 1. Д. 46. Л. 184.
- ⁷⁵ ГАПК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 35. Л. 96.
- ⁷⁶ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны... С. 282.
- ⁷⁷ ГАХК. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 938. Л. 11.
- ⁷⁸ Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке... Вып. 17. С. 36.
- ⁷⁹ ГАПК. Ф. 384. Оп. 1. Д. 25. Л. 2
- ⁸⁰ ГАПК. Ф. 6363. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- ⁸¹ ГАПК. Ф. 269. Оп. 1. Д. 88. Л. 9.
- ⁸² Дударь Л.А. Система нормированного снабжения дальневосточников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–50-е гг. XX в. Кн. 2. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 69; ГАХК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 109. Л. 144; Исаков А.Н. Советская торговля на Северо-Востоке... Вып. 17. С. 36.
- ⁸³ ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 30. Л. 18; Д. 82. Л. 18.
- ⁸⁴ Власов С.А. Повседневная жизнь населения Приморского края... С. 185.
- ⁸⁵ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 14, 15.
- ⁸⁶ ГАПК. Ф. 398. Оп. 1. Д. 22. Л. 82.
- ⁸⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1724. Л. 1.
- ⁸⁸ ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 73, 74.
- ⁸⁹ ГАХК. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 1. Л. 67; Дударь Л.А. Система нормированного снабжения дальневосточников... С. 78.
- ⁹⁰ Щебенюкова Е.А. Владивосток – моя судьба // Владивосток: Дальпресс, 2004. С. 26–28.
- ⁹¹ Кабанцева Ф. На время войны все стали мужиками // Владивосток. Владивосток, 2015. 25 февр. С. 16.
- ⁹² Бычковой В.Ф. Даже в военное время танцы никто не отменял // Владивосток. Владивосток, 2010. 4 июня. С. 14.
- ⁹³ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. С. 237.
- ⁹⁴ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 161. Л. 42; Д. 222. Л. 21; Оп. 22. Д. 4. Л. 97.

- ⁹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 391. Л. 10, 12.
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 4 об.
- ⁹⁷ ГАПК. Ф. 26. Оп. 20. Д. 77. Л. 196.
- ⁹⁸ Ярославцев А.В. Жилищная политика в Хабаровском крае (1939–1945 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3. С. 77. (76–79).
- ⁹⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 359. Л. 54.
- ¹⁰⁰ ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 92. Л. 191; Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 21. Л. 40.
- ¹⁰¹ ГАКК. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 333. Л. 26–31.
- ¹⁰² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 33. Л. 47, 65.
- ¹⁰³ ГАКК. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 333. Л. 26–31.
- ¹⁰⁴ Гнатовская Е.Н. Между трудом и политикой. Повседневная жизнь дальневосточных железнодорожников в 1930–1950-е гг. Уссурийск: Изд-во ПГСХА, 2011. С. 162.
- ¹⁰⁵ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
- ¹⁰⁶ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.
- ¹⁰⁷ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
- ¹⁰⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 43. Л. 37.
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 391. Л. 16.
- ¹¹⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 89. Л. 53.
- ¹¹¹ ГАПК. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 48. Л. 49.
- ¹¹² ГАПК. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 53. Л. 83.
- ¹¹³ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 265. Л. 82.
- ¹¹⁴ ГАКК. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 331. Л. 60.
- ¹¹⁵ ГАКК. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 330. Л. 79.
- ¹¹⁶ ГААО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 146. Л. 68.
- ¹¹⁷ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 118–120.
- ¹¹⁸ ГАПК. Ф. 85. Оп. 5. Д. 65. Л. 21.
- ¹¹⁹ ГАКК. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 21. Л. 39–41.
- ¹²⁰ ГАПК. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–4.
- ¹²¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 49. Л. 46.
- ¹²² ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 161. Л. 82.
- ¹²³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 4об.
- ¹²⁴ Ермаков А. История Дворца культуры «Судостроитель»: как это было и как это стало. URL: www.kmslife.ru/events (дата обращения: 16.04.2019).
- ¹²⁵ ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 19. Л. 90.
- ¹²⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 43. Л. 95.
- ¹²⁷ Красное знамя. 1943. 6 ноября.
- ¹²⁸ Амурская область в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во. 1976. С. 258 (416 с.).
- ¹²⁹ ГАХК. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 13. Л. 43.
- ¹³⁰ ГАПК. Ф. 26. Оп. 22. Д. 4. Л. 50.
- ¹³¹ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 221. Л. 121.
- ¹³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 50. Л. 88.
- ¹³³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 84. Л. 196.
- ¹³⁴ ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 331. Л. 1.

Иллюстрации гл. 5, п. 5.2

Здание в Шмаковском санатории. Приморский край, 1939 г.

Шмаковский санаторий. Приморский край, 1941 г.

Благоустроенная купальня на термальных источниках. с. Паратунка, 1945 г.

Иллюстрации гл. 5, п. 5.4

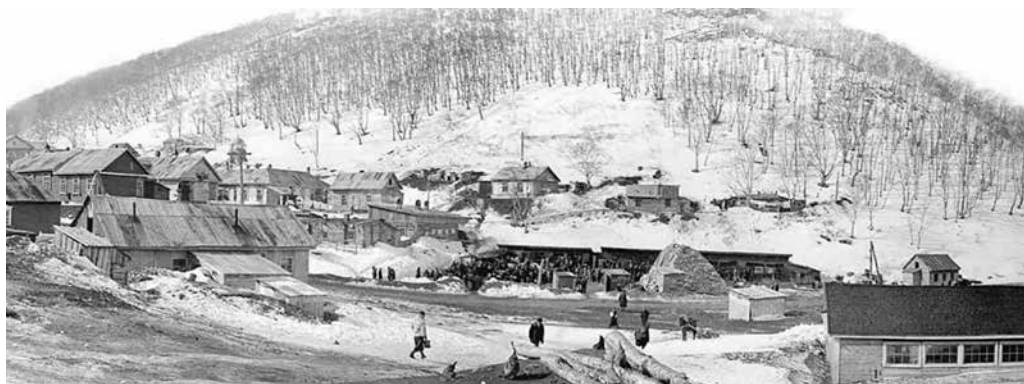
Вид на ул. Карла Маркса.
г. Хабаровск, 1940-е гг.

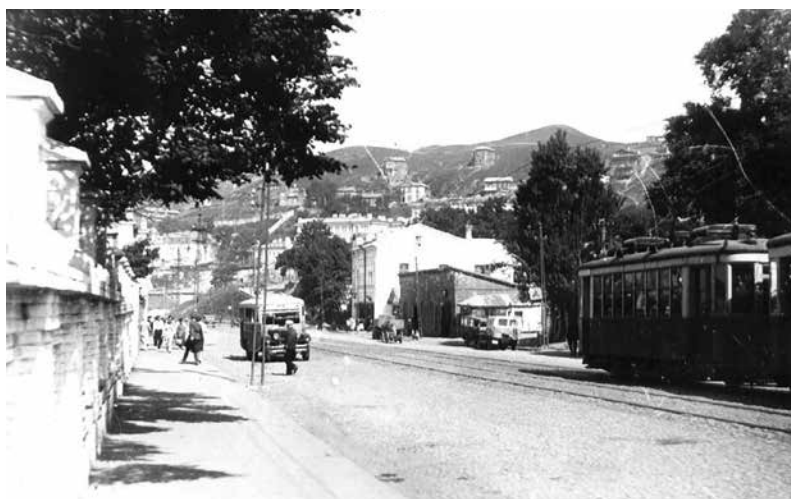
Дома в районе ул. Ленинской. г. Петропавловск-Камчатский, 1940-е гг.

Распутица на ул. Пограничная. г. Владивосток, 1945 г.

Рынок в районе ул. Ленинской. г. Петропавловск-Камчатский, 1940-е гг.

Улица
Ленинская.
г. Владивосток,
1940–1945 гг.

Улица Советская.
г. Николаевск-на-Амуре,
1940-е гг.

Глава 6

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

6.1. Дальневосточная школа в годы войны

Накануне Великой Отечественной войны образование на Дальнем Востоке претерпело изменения, в результате которых единая система управления учебными заведениями была распределена между разными ведомствами. После административно-территориального преобразования Дальневосточного края в 1938 г. в составе краевых исполкомов Приморского и Хабаровского краёв создали краевые отделы народного образования (крайоно), подчинявшиеся Наркомату народного просвещения РСФСР (Наркопрос РСФСР), в свою очередь, крайоно подчинялись городские и районные отделы (гор- и районо). Сеть учебных заведений представляли общеобразовательные школы, высшие и средние учебные заведения по подготовке кадров. Работой профессиональных школ с октября 1940 г. руководили Хабаровское и Приморское краевые управления трудовых резервов при СНК СССР, учебными заведениями среднего и высшего профессионального образования (институты и техникумы) – профильные ведомства (НКПС, Наркомтяжпром, Наркомзем и другие наркоматы и хозяйственные структуры).

В центре внимания учебных заведений стояли задачи обеспечения доступности образования (в первую очередь, начального и семилетнего) и сохранения контингента учащихся, организации производственного и теоретического обучения, воспитания в учащихся сознательной трудовой дисциплины в соответствии с установленным государством образовательным стандартом, любви к Родине и ненависти к врагу¹. В практической деятельности работники системы образования руководствовались указанием И.В. Сталина, озвученным в выступлении на радио 3 июля 1941 г.: «...мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»².

Приказ наркома просвещения РСФСР В.П. Потёмкина от 30 июля 1941 г. изменил содержание учебно-воспитательной работы в общеобразовательных школах, определил приоритет в их деятельности в сторону увеличения часов учебно-производственной практики и общественно-полезной работы по оказанию помощи фронту.

Работа дальневосточных учебных заведений осложнялась из-за недостатка помещений, которые передавались не только под военные нужды, но и под рабочие общежития и политотделы МТС, всевозможные канцелярии. Передача помещений документально не оформлялась, ограничиваясь устными распоряжениями, порядок эксплуатации зданий нарушался, а мер к сохранению школьного имущества и оборудования не предпринималось. Школьные парты, стулья, скамьи, доски из занятых зданий школ находились под открытым небом. Не было учёта и надлежащего хранения учебно-наглядных пособий, химических

реактивов, оборудования физических и химических кабинетов, спортивного инвентаря, книг школьных библиотек³.

На Дальнем Востоке в течение 1941/42 уч. года закрыли 20 школ, и сеть начальных школ к июлю 1942 г сократилась с 1812 до 1800, средних – с 229 до 205, увеличилось число неполных средних школ с 451 до 467⁴. В рамках реализации закона о всеобщем обучении народное образование неоднократно пытались решить вопрос о возвращении ранее принадлежавших им зданий, проверяя обоснованность принятых гор- и райисполкомами решений об их отчуждении, но местные исполкомы реальных мер к их исполнению не приняли⁵. Руководители предприятий и работники исполкомов пребывали в уверенности, что образование детей в годы войны дело второстепенное. Так, горисполком Артёма передал здание школы тресту «Артёмуголь» под общежитие рабочих. Дети рабочих и служащих леспромхозов «Каменушка» и «Широкая падь» треста «Артёмуголь» каждый день ходили по 5–8 км в городскую школу⁶.

Только к окончанию войны наметились некоторые положительные тенденции по школам (табл. 6.1.1).

Таблица 6.1.1. Динамика показателей по школам Дальнего Востока в 1941 и 1945 г.

Показатели	Хабаровский край		Приморский край	
	1941 г.	1945 г.*	1941 г.	1945 г.
Начальные школы	1222	1340	590	629
Неполные средние школы (7-летки)	280	277	171	171
Средние школы (10-летки)	148	132	81	70

Источники. ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 2; Д. 15. Л. 2; ГАХК. Ф. Р-704. Д. 83. Л. 5; Д. 133. Л. 1.

Примечание. Данные на 20 мая 1945 года.

Сокращение численности учащихся 8–10-х классов привело к уменьшению числа средних школ, реорганизации их в неполные средние, что, в свою очередь, увеличило их количество. Сеть начальных школ к концу войны не только восстановили, но и несколько увеличили благодаря принятым принципиальным решениям правительства – введению обязательного обучения детей с 7-летнего возраста и разрешению органам народного образования открывать малокомплектные школы там, где дети ходили учиться на расстояние свыше 3 км⁷, что, в частности, сыграло важную роль в восстановлении школ-интернатов, главным образом, в отдалённых и северных территориях Хабаровского края.

Причинами сокращения школьной сети являлись отток учащихся из всех типов школ вследствие выезда родителей за пределы региона, а также мобилизации старшеклассников для получения профессионально-технического образования⁸. Общие потери общеобразовательных школ по Дальневосточному региону в 1941/42 уч. году насчитывали 87 104 учащихся. Выехавшие за пределы Приморского края школьники составили 61% от общего числа выбывших, Хабаровского – 36%, мобилизация в систему трудовых резервов по Приморью – 11% учащихся 8–10-х классов, в Хабаровском крае – 21%⁹.

К концу войны на фоне увеличения численности учащихся в начальных классах продолжалось сокращение в старших классах неполных средних школ – на 34,4%, в средних школах – на 33,6% (табл. 6.1.2).

Таблица 6.1.2. Численность учащихся в школах Хабаровского края с 1.10.1943 по 20.05.1945 г.

Дата	Всего учащихся	В том числе учились, чел.		
		в 1-4-х классах	в 5-7-х классах	в 8-10-х классах
На 1.10.1943 г.	177 528	118 948	50 248	8342
На 1.10.1944 г.	192 455	143 935	41 632	6888
На 1.01.1945 г.	185 081	139 354	39 355	6372
На 20.05.1945 г.	166 235	122 209	32 986	5542

Источник. ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 1 об.

На 20 мая 1945 г. в начальных классах средних школ Хабаровского края учились 76% от общего числа учащихся данных школ, в 5–7-х классах – 20,5% в 8–10-х классах – 3,5%¹⁰. Тенденция сокращения учащихся старших классов сохранилась и во второй половине 1945 г. К 1 октября в Хабаровском крае осталось 124 средние школы с общим числом учащихся 68 895 чел., при этом ученики 8-х классов (подростки 15 лет) составляли около 5% учащихся, в 9-х классах (16 лет) и в 10-х классах (17 лет) соответственно 3 и 0,2%, в 1–4-х классах учились 43 403 чел., или около 63% от всех учеников средних школ¹¹.

Произошло существенное снижение социальной мобильности среднего образования. В конце 1930-х гг. совокупное число учащихся средних школ превышало в 1,5 раза численность учащихся в начальных школах; на 1 ученика 10-летней школы приходилось 2 ученика начальной, а число учащихся в семилетних и начальных школах было почти паритетным¹². К началу 1942 г. во всех начальных школах Дальнего Востока было 193 706 учащихся, совокупная численность во всех средних школах составляла 93 220 учеников, следовательно, социальная мобильность среднего образования упала в 2 раза. Соотношение между учащимися 10-летних и начальных школ составило 1:18, а семилетних и начальных школ – 1:2. Осенью 1944 г. приём в 5–7-е классы школ в Хабаровском крае сократился на 18%, а в 8–10-е – на 33%¹³.

Растущее сокращение численности учеников общеобразовательных школ («отсев из школ»), по сути, нарушало закон о всеобуче. Перепись детей по территории Дальнего Востока оказалась малоэффективной и не давала представления о ситуации, сложившейся со всеобучем. Наиболее достоверные данные о численности не обучавшихся детей поступали от директоров школ, но реального представления о численности детей школьного возраста на местах не было. К примеру, в Приморском крае в 1942 г. на предмет выявления детей, не посещавших школы, обследовали 9 районов из 36, причём по итогам проверки отчитались всего пять заведующих гор- и районо¹⁴.

Пытаясь сохранить контингент учащихся школ, правительство РСФСР инициировало экстренную регистрацию детей в возрасте от 8 до 15 лет, проводить которую поручили местным исполкомам; одновременно запретили отвлекать школьников в течение учебного года на работы, не связанные с учебным процессом¹⁵. Таким образом попытались ограничить произвольное вмешательство местных администраций в работу школ. Границы школьных участков в городах и районах уточняли и проводили заново. Домоуправления и сельские Советы возобновили учёт детей школьного возраста, как учащихся, так и тех, кто школу не посещал; составляли списки детей-инвалидов, нуждавшихся в специальном

обучении. Партийные организации занялись мониторингом переписи детей школьного возраста, в процессе которого оказывалась материальная помощь нуждающимся – одеждой, обувью, продовольственными пайками, организацией дополнительного питания, привлекая к этому общественность, родительские комитеты, школьников, профсоюзные организации; преподаватели и школьники организовали помощь неуспевающим в учёбе¹⁶.

В Приморском крае при школах работали «посты всеобуча», которые выявляли и фиксировали детей школьного возраста в домах, кварталах, на улице, информировали их о том, в какой школе они будут учиться. Большую разъяснительную работу проводили с родителями, дети которых уклонялись от учёбы или отличались девиантным поведением, работали с самими детьми. Гор- и районы через местные исполкомы использовали и принудительные методы воздействия на родителей в рамках советского законодательства: составляли акты о наложении штрафных санкций (до 100 руб.), рассматривали дела на административных комиссиях райисполкомов. Впрочем, штрафные санкции особого эффекта не оказывали, так как исполнительные и судебные органы шли на них неохотно. Так, Ленинский район г. Владивосток составил 43 акта, но к ответственности привлекли 15 чел.¹⁷

Тем не менее положительные сдвиги произошли. В школах Колымского округа, Ульчского района, Нижне-Амурской области, Аянского и Нанайского районов введён полный всеобуч; был близок к решению этой задачи Эвенкийский национальный округ¹⁸. Однако в целом по Хабаровскому краю ситуация со всеобучем была не столь благополучна. В отчёте крайоно за 1944/45 учебный год отмечено, что учёт детей проводился исключительно силами учительских коллективов, так как исполкомы и домоуправления уклонялись от этой работы. В течение года школы края оставили 27 109 учеников, из них: по причине переезда родителей – 12 888 чел. (около 48%), по материальным причинам – 7450 чел., или около 28%¹⁹.

В 1944 г. в Хабаровском крае из-за отсутствия одежды и обуви не учились 4376 детей, в Приморье – более 2000 детей²⁰. Помимо материального неблагополучия семей на возможность посещать школу у части детей, проживавших в сельской местности, влияло также наличие или отсутствие транспорта. Транспортная составляющая была особенно важна там, где школы располагались на значительном расстоянии от места проживания учащихся. Ссылаясь на отсутствие транспорта или топлива, руководители сельских Советов, колхозов и совхозов отказывались подвозить детей к школам.

На общегосударственном уровне осуществлялась борьба с детской беспорядочностью и безнадзорностью. В соответствии с постановлением СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (23 янв. 1942 г.) предусматривались создание в регионах комиссий по борьбе с безнадзорностью, введение института инспекторов по патронированию, открытие детских домов и организация трудоустройства детей²¹.

В начале 1941/42 учебного года в Приморье работали 99 интернатов с наличием 2600 учеников, к концу этого же года осталось 89 интернатов и 2018 учеников. За пределами образовательных учреждений интернатного типа оказались 582 ребёнка, и ещё 540 детей стояли в очереди на получение мест²². В Хабаровском крае вместо 85 интернатов в краевом подчинении осталось 46, а число учащихся в них сократилось с 2511 до 1244 чел.²³

По данным крайоно, в 1944/45 учебном году в Приморье работали 10 детских домов, в Хабаровском крае – 24 детских дома с 2662 воспитанниками; в первом полугодии 1944 г. в Хабаровском крае патронировали 885 и на производство устроили 225 детей²⁴.

Восстанавливается сеть школ-интернатов, главным образом, в отдалённых и северных территориях Хабаровского края (табл. 6.1.3).

Таблица 6.1.3. Сеть школ-интернатов в Хабаровском крае и распределение в них контингента учащихся на 1944 г.

Показатели по территориям	Число школ-интернатов	Численность учащихся	Средний показатель на 1 школу, чел.
Амурская область	55	1311	23–24
Еврейская автономная область	27	1338	49–50
Сахалинская область	20	563	28
Камчатская область	20	636	31–32
Алеутский район (о-в Беринга, с. Никольское)	1	5	5
Корякский округ	25	889	35–36
Анадырский район	10	291	29
Чукотский район	2	71	35–36
Чаунский район	7	235	33–34
Восточно-Тундровский район	7	147	21
Марковский район	2	48	24
Бикинский район	1	15	15
Вяземский район	3	20	6–7
Лазовский район	6	111	18–19
Нанайский район	2	451	225–226
Курурмийский район	4	182	45–46
Хабаровский район	1	15	15
Комсомольский сельскохозяйственный район	4	130	32–33
Колыма (в том числе Северо-Эвенкийский и Средне-Камчатский районы и город Магадан)	15	862	57–58

Источник. ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 132. Л. 66 об. – 68об.

Что же касается школ-интернатов в Приморском крае, то здесь их число продолжало сокращаться. К 1 июня 1945 г. в крае оставалось 59 интернатов (3 в городах и 56 – в сельской местности)²⁵.

Помимо общеобразовательных школ в системе образования на Дальнем Востоке работали и другие типы учебных заведений: детские дома для детей-инвалидов, школы ликвидации неграмотности, малограмотности и школы повышенного типа²⁶. В 1943 г. в городах и рабочих посёлках для подростков и юношества, работающих на предприятиях и желающих продолжить своё образование без отрыва от производства, открыли школы рабочей молодёжи. В правовом отношении они были приравнены к 7-летним и 10-летним школам Наркомпроса.

Учебный год включал 48 недель при 9-часовой учебной неделе (3 дня по 3 ч)²⁷. В зависимости от условий производства предусматривались сменные занятия в утреннее, дневное или вечернее время. Открывались они при общеобразовательных школах.

Таблица 6.1.4. Сеть школ рабочей молодёжи на Дальнем Востоке в 1943/44 уч. году

Показатели	Число школ	Всего учащихся	В том числе		
			4-й класс	5-7-е классы	8-10-е классы
Хабаровский край	22	2068	–	1549	519
Приморский край	15	1858	443	1293	112
Итого по Дальнему Востоку	37	3926	443	2842	631

Источники. ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 50, 51; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 132. Л. 54, 55.

Рабочая молодёжь отдавала предпочтение семилетнему образованию. В полном среднем образовании были заинтересованы чуть больше 20% молодых рабочих, т.е. продолжить обучение в вузе мог каждый пятый выпускник (табл. 6.1.4).

В июле 1944 г. в Советском Союзе приступили к организации вечерних школ для сельской молодёжи и подростков. Преимущественными местами для их открытия являлись населённые пункты, где имелись неполные средние школы, на которых базировалась бы работа вечерних школ сельской молодёжи. В тех местах, где число подлежащих обучению было невелико, открывали вечерние классы. Продолжительность курса обучения в вечерних школах сельской молодёжи составляла 25 недель при 20 учебных часах в неделю (5 дней по 4 ч с 1 ноября по 1 мая)²⁸.

Материальное обеспечение вечерних школ сельской молодёжи (предоставление помещений, необходимого оборудования, отопления и освещения) возложили на райисполкомы, финансирование школ осуществлялось из краевых бюджетов. Преподавателями в школах рабочей и сельской молодёжи работали по совместительству учителя базовой школы.

Кроме общеобразовательных школ в системе учебных заведений Наркомпроса функционировали средние специальные школы, в частности военноморские средние школы 8–10-х классов, открытые в 1940 г. в Москве, Ленинграде, Горьком и Владивостоке (4-я специальная военноморская средняя школа Наркомпроса РСФСР). Школа во Владивостоке состояла из 14 классов и была не укомплектована и по постановлению СНК СССР от 31 марта 1944 г. реорганизована. Одновременно преобразовали Иманскую среднюю сельскохозяйственную школу в Иманский зооветеринарный техникум с тремя отделениями (зоотехническое, ветеринарное и пчеловодства) и численностью учащихся 120 чел.²⁹

С начала войны состав квалифицированных специалистов в школах Дальнего Востока быстро истощился вследствие выезда за пределы региона учителей – жён военнослужащих и мобилизаций учителей на фронт. Оставшимся педагогам увеличивали учебную нагрузку, допустили работу по совместительству и заполнение вакансий неработающими учителями, учителями-пенсионерами и лицами с незаконченным высшим и средним специальным образованием. Уже зимой 1942 г. в приморских школах такие преподаватели составляли 41,6%³⁰. Опытных педагогов становилось меньше, а число имевших небольшой педагогический

стаж увеличивалось. Так, в Приморском крае к началу 1942 г. педагогический стаж до 5 лет имели 67,8%, от 5 до 10 лет – 16,6%, от 10 до 25 лет – 13,6%, более 25 лет – 2% учителей³¹.

На учителей-предметников значительно увеличилась учебная нагрузка, что отрицательно влияло и на качество обучения, и на выполнение учебных программ. Из-за отсутствия необходимых специалистов в части школ региона не было уроков английского и русского языка, математики и физики; в 1944 г. на весь Хабаровский край осталось всего 11 учителей пения и рисования в городах и 4 – в сельской местности³².

К концу войны количество учителей-предметников в школах региона настолько сократилось, что выпускные экзамены 1944/45 учебного года оказались под угрозой срыва из-за того, что в некоторых учебных заведениях не было соответствующих специалистов. Так, на время государственных экзаменов на аттестат зрелости из 17 средних школ Приморья собрали выпускников и направили их в Артём, Ворошилов и Спасск, в Яковлевский, Калининский, Находкинский, Тетюхинский, Советский и Шкотовский районы. Туда же в качестве экзаменаторов и ассистентов приехали 228 учителей из разных школ края. Доставка к местам сдачи экзаменов учителей и выпускников обошлась бюджету края в 60 тыс. руб. на оплату транспорта, а также затраты на питание, жильё и другие бытовые нужды³³.

Для заполнения вакансий использовали экстренные выпуски из педагогических учебных заведений. Активизировали работу курсов и семинаров по повышению квалификации учителей начальных школ, учителей-предметников старших классов, школьных инспекторов, директоров и завучей школ. Начали возвращать учителей, которые оставили работу в школе по состоянию здоровья, из материальных соображений, вследствие пенсионного возраста и по другим причинам. Начиная с 1943 г. в Приморском крае при помощи советско-партийных структур на работу в школы возвратили 225 учителей, при этом их число составило почти четверть выпуска из педучилищ³⁴.

На 1 июня 1945 г. в системе Приморского крайоно работали 3365 учителей, потери кадрового потенциала учителей за годы войны составили 1746 чел.³⁵ В Хабаровском крае в 1944 г. – 7643 учителя (против 11 779 – в 1939/40 учебном году)³⁶. В школах оказалось много работников, квалификация которых не соответствовала занимаемой должности³⁷.

Проблемы с кадрами были и на всех уровнях системы управления образованием: в краях, областях, районах и городах. Руководящий состав учебных заведений за годы войны существенно обновился. Так, в Приморском крае обновление составляло 175% к довоенному составу. Из учителей и работников народного образования комплектовали руководящие кадры партийно-советских структур, брали на политико-просветительную работу, комплектовали кадровый состав вузов, училищ, техникумов. Повсеместно не хватало школьных инспекторов, следовательно, контроля за учебно-воспитательной работой в школах и оказания им своевременной помощи не было. В краевом отделе народного образования Приморского края из 14 положенных по штату школьных инспекторов работали 9³⁸.

Основной причиной текучести кадров в аппарате управления являлось отсутствие служебного жилья; даже на повышенную зарплату нужных специалистов находили с большим трудом, так как для её получения требовалась

семилетия выслуга лет. Кроме того, торгующие организации систематически не выполняли постановление СНК СССР № 923 об обеспечении школьных инспекторов зимней одеждой и постановление СНК СССР от 17 сентября 1942 г. по обеспечению их питанием. От безысходности стали использовать внештатных общественных инспекторов, в помощь которым разрабатывали должностные инструкции, методические указания, памятки и другую необходимую в работе документацию, вели специальные обучающие курсы. К лету 1945 г. в Приморье, например, работали 100 общественных инспекторов³⁹.

К концу войны ситуация с комплектованием школ кадрами учителей стала улучшаться. С 1944 г. приём на работу в школы лиц без специального педагогического образования сопровождался обязательным их оформлением на заочное обучение в педагогическом учебном заведении⁴⁰. Учителей младших классов, повысивших свою квалификацию, переводили на работу в старшие классы. Летом и осенью 1944/45 учебного года работали курсы усовершенствования учителей, проходили методические конференции для учителей русского языка и литературы, физики, математики, химии и других специализаций. Наладили обмен опытом передовых учителей, пересмотрели учебную нагрузку в сторону сокращения часов. Педагогические учебные заведения Приморья выпустили в 1945 г. 331 специалиста, что составило около 83% от минимальных потребностей школ края на 1945/46 учебный год⁴¹.

В 1943 г., отдавая дань уважения труду советских педагогов, правительство РСФСР ввело нагрудный знак «Отличник народного просвещения», в 1945 г. специальным постановлением ввели трудовой отпуск в 30 календарных дней для обычной категории учителей и 48 календарных дней – для учителей-пенсионеров, инвалидов и с ослабленным здоровьем, запретили привлекать заведующих отделами народного образования и школьных инспекторов на работы, не имевшие отношения к образовательному процессу, но не освободили от общественных работ (в сельском хозяйстве, на ремонте школ, сборе дикоросов, заготовке топлива).

Основной задачей системы образования являлось выполнение решений правительства об улучшении качества обучения. В процессе пересмотра учебных планов и программ применительно к условиям военного времени продолжительность уроков сократили до 35–40 мин, перемен – до 5 мин, перерыв между сменами – до 30 мин. В учебных программах при изучении любого школьного предмета использовались элементы военно-прикладного характера. На уроках химии – изучение отравляющих веществ массового поражения и химического состава зажигательных бомб, способы борьбы с ними и самозащиты, на уроках физики – принципы работы двигателей военной техники и автомобилей, на уроках биологии – местные дикорастущие лекарственные и съедобные растения, насекомые-вредители сельскохозяйственных культур, на уроках литературы разбирали патриотические произведения.

Школы включались в общегосударственные военно-оборонные мероприятия, в частности, вводили военно-физическую подготовку учащихся и всеобщую обязательную подготовку к противовоздушной обороне, создавали военно-спортивные кружки и кружки по внеклассному изучению языков воюющих с Советским Союзом государств. В старших классах средних школ увеличили нагрузку на допризывную военную и военно-санитарную подготовку. В 8-м классе она возросла с 1 до 3 ч в неделю, в 9-м классе – с 2 до 4, а в 10-м классе – с 2 до 5 ч.

Часть времени с девушками занимались медицинские работники. Пропорционально сокращались учебные часы по учебным дисциплинам: в 8-м классе – по истории и литературе, в 9-м классе – по истории и основам дарвинизма, в 10-м классе – по истории, геологии и минералогии, литературе⁴².

По программе всеобщего военного обучения юноши и девушки 9–10-х классов занимались 2 раза в неделю. Так как один военрук не мог обеспечить одновременно ведение отдельных занятий, юноши занимались в первую половину дня, девушки – во вторую. Кадровый состав преподавателей военного дела состоял большей частью из рядовых бойцов и преподавателей-женщин. Штаб Дальневосточного фронта и райвоенкоматы направляли в школы военруками политруков, интендантов, шоферов, физически негодных лиц и даже лиц с девиантным поведением⁴³.

Учителей химии, биологии, физики привлекали для преподавания противохимической обороны, военно-санитарного дела и внеклассной работы (руководство кружками, сельскохозяйственной практикой и др.). Учебников и методических разработок по военному делу не хватало, так же как и учебно-военного оборудования (учебных, самозарядных и малокалиберных винтовок, ручных и станковых пулемётов, противотанковых ружей, учебных миномётов, мин и гранат, противогазов и биноклей), пособий для подготовки девушек по специальностям радисток, телеграфисток и телефонисток⁴⁴.

Началось массовое привлечение учащихся сельских и городских школ к сельскохозяйственным работам, их закрепляли за совхозами, колхозами и подсобными хозяйствами предприятий. Школьные бригады состояли из 25–30 учеников под руководством учителей, исполнявших функции звеньевых и бригадиров. Они же вели учёт выполненных работ и установленных норм выработки, которые оплачивались на общих основаниях. Учащиеся выполняли все виды доступных сельскохозяйственных работ, в том числе и ручной сбор вредителей (из-за отсутствия гербицидов): лугового мотылька, черепашки, озимой совки, свекловичного долгоносика, слизней, саранчи⁴⁵.

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об оказании помощи рабочей силой колхозам и совхозам с 10 декабря 1941 г. во всех высших учебных заведениях, педагогических училищах и в 7–10-х классах общеобразовательных школ вводилось обучение основам сельскохозяйственных работ. В учебные планы добавили 2 ч в неделю теоретического обучения и двухнедельную производственную практику в МТС, МТМ, колхозах и совхозах⁴⁶.

Расходы на обучение учащихся осуществлялись по сметам учебных заведений, программы составляли своими силами отделы народного образования. Технический раздел по изучению трактора, комбайна и автомобиля вели специалисты-практики из МТС, МТМ, колхозов и совхозов, по агротехнике и агрономии – учителя биологии и химии. После курса теоретического обучения и прохождения сельхозпрактики предусматривались испытания для определения квалификации выпускников с выдачей им соответствующих удостоверений⁴⁷.

Освоение технического раздела затруднялось из-за нехватки специалистов соответствующего профиля, специальной учебной литературы, особенно по агрономии и обучению работе на сельскохозяйственных машинах, а также оборудования и наглядных пособий. Занятия постоянно срывались, школьников использовали на подсобных работах как дополнительную рабочую силу

вместо выработки у них практических навыков по специальности трактористов, шоферов или помощников комбайнёров.

Наркомпрос РСФСР 2 февраля 1942 г. издал приказ, в котором перечислил все обязательные для выполнения школьниками виды работ, в том числе и во время прохождения сельскохозяйственной практики (прополка полей и огородов, сенокосение и сеноуборка, силосование кормов и уборка урожая), что ликвидировало различия между учебной сельскохозяйственной практикой и сельхозработами. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 апреля 1942 г. привлечённые на сельскохозяйственные работы учителя и школьники считались мобилизованными, были снижены возрастные ограничения: к сельхозработам привлекались учащиеся с 6-го класса, а ученики младших классов использовались на посильной для их возраста работе. Учителям-руководителям помимо лично выработанных ими трудодней начисляли полтора трудодня за выполнение вверенным отрядом дневного задания, им полагались ежемесячная доплата в размере 200 руб. за руководство и премия в размере от 150 до 400 руб. по завершении работ в случае выполнения школьниками всех плановых заданий⁴⁸.

Учащиеся привлекались к сбору и заготовке дикоросов в обязательном порядке. Список лекарственных растений включал 25 наименований: корень валерианы; листья белены, дурмана, толокнянки и череды; липовый цвет, цветы василька и дивины (коровяка скипетровидного), ромашки аптечной и смородины; траву водяного перца, горичвета, спорыньи, зверобоя, иван-да-марья, пастушьей сумки, полыни и хвоща полевого; ягоды шиповника, черники, чёрной смородины, можжевельника и лесной малины; а также ландыш и кору крушины. Помимо этого, собирали берёзовые почки, траву чемерицы, шалфея, череды, корень ревеня, цвет наперстянки, лист мяты, кору дуба и другие лекарственные дикоросы. Только приморские школьники собрали за годы войны 3545 кг дикоросов и лекарственных растений⁴⁹.

Ход заготовок контролировали органы народного образования и потребительской кооперации. С апреля 1943 г. учащихся к сбору дикоросов привлекали на договорной основе с заготконторами и сельпо. Кроме оплаты за сданные дикоросы, отличившихся школьников поощряли. Часть собранных растений, ягод, грибов выделяли на общественное питание. Использование данных ресурсов в других целях или продажа категорически воспрещались⁵⁰.

Материальное стимулирование учащихся повышало производительность труда, но и провоцировало увеличение норм выработки, не соответствующих возрасту. Вызванные военными нуждами инновации в системе образования отрицательно сказались на качестве обучения. Почти вся первая четверть выпадала из учебного процесса, всё больше появлялось школ (главным образом, в сельской местности), где программный материал в полном объёме не осваивали.

Сокращение учебного времени заставило вернуться к Дальтон-плану, закреплённому в 1936 г.: ученики получали задания, которые выполняли самостоятельно, чаще всего в форме докладов, а часть программного материала проходили во внеурочное время. Такая методика себя оправдывала только в тех школах, где вакансии учителей-предметников так или иначе были заполнены, в сельских школах она работала слабо. За три года успеваемость в дальневосточных школах по сравнению с довоенным периодом снизилась, составляя 70–80%⁵¹.

В июне 1944 г. СНК СССР принял постановление «Об улучшении качества обучения в школе», направленное на дальнейшее улучшение учебно-воспитательной работы в советских школах, повышение требований к работе учителей и качеству знаний учащихся. Ввели пятибалльную систему оценки успеваемости и поведения учащихся, отменили социалистическое соревнование в учебной работе. По оценке заведующего Приморским крайоно Г.С. Куцего: «...Погоня за высоким процентом успеваемости была главным измерителем работы учителя, школы и ОНО. На бумаге были высокие показатели, высокая успеваемость, а на деле была процентомания...»⁵².

Вводили обязательные выпускные экзамены в начальной и неполной средней школе и экзамены на аттестат зрелости в 10-м классе. К экзаменам не допускали учеников, не закончивших полный курс обучения, имевших хотя бы одну неудовлетворительную оценку по предмету или поведению в 10-м классе и не менее двух плохих оценок (вместо прежних трёх) – в остальных классах. Для поднятия престижа образования и стимулирования школьников к отличной учёбе учредили золотую и серебряную медали, обладатели которых получили право поступления в вузы без вступительных экзаменов.

Поднятию качества учебной работы способствовали также решения Всероссийского совещания по народному образованию (август 1944 г.) и директивное письмо Наркомпроса РСФСР «О работе с выпускными классами». Положения данных документов предусматривали совершенствование методики обучения, закрепления и оценки знаний, индивидуальную работу с учащимися, правила допуска к экзаменам. В феврале 1945 г. Наркомпрос РСФСР разработал единые экзаменационные билеты, которые упорядочивали подготовку к экзаменам и способствовали более объективной оценке знаний учеников.

Выпускные экзамены в большинстве дальневосточных школ соответствовали предъявляемым требованиям, хотя успеваемость школьников по итогам истекшего 1944/45 учебного года считали не вполне удовлетворительной, несмотря на проделанную работу большинством учителей. В мае–июне 1945 г. в Приморском крае государственные экзамены сдавали 82 139 чел., или 75% от числа выпускников⁵³.

Произошли некоторые изменения в сторону смягчения условий общественно-полезных работ. Для учеников 8–10-х классов установили 8-часовой рабочий день, учащимся 5–7-х классов – 6-часовой. Мобилизованным на уборочные работы школьникам ввели норму выработки 20 трудодней в совхозах и 20–30 – в колхозах. За каждый выработанный трудодень полагался аванс в размере 1 кг зерна, который по договорённости можно было заменить 5 кг картофеля или другой сельхозпродукцией. Окончательный денежный расчёт по трудодням намечался на конец года. Мобилизованным на сельскохозяйственные работы студентам вузов и техникумов дополнительно к этой оплате сохраняли стипендии по месту учёбы, а преподавателям, рабочим и служащим учебных заведений – 50% зарплаты по основному месту работы⁵⁴.

Вместе с тем 13 марта 1945 г. Приморский крайисполком решением «О подготовке весенней путины и увеличении добычи рыбы в 1945 году» направил городских школьников на рыбную путину, что раньше не практиковали. Отдел учёта и распределения рабочей силы и крайоно обязали разработать план мобилизации 1500 учащихся 7–9-х классов (13–16 лет) для береговой работы на срок с 20 июня по 1 августа. Питанием, жильём и медицинским обслуживанием

обеспечивал Главвостокрыбпром, в распоряжение которого направляли мобилизованных подростков. Режим труда предусматривал пониженную норму выработки для учащихся до 16 лет на 50%, с 16 и старше – на 25% и оплату труда по действующим расценкам для рабочих. Кроме того, каждый мобилизованный на путину школьник, отработавший положенный срок, мог бесплатно получить 15 кг рыбы в личное пользование и 10 кг рыбы школе для организации горячих завтраков⁵⁵.

На период прополки и уборки урожая летом–осенью 1945 г. приморские совхозы подали заявки на привлечение 2805 учащихся, колхозы и МТС – 4272 городских и 9209 сельских школьников, но эти заявки не выполнили. Из-за реальной угрозы срыва уборки урожая правительство СССР приняло решение о перенесении начала занятий в 5–9-х классах школ в сельской местности на 1 октября, а в городах – на 10 сентября⁵⁶.

С окончанием войны к мобилизациям школьников стали относиться критически. Так, 13 ноября 1945 г. на заседании крайисполкома Г.С. Куцый заявил, что «...надо решительно повести борьбу со всякого рода “хозяйствами” в школах, когда им заблагорассудится, тогда и прекращают работу..., школьников посылают на работы, а колхозники бездельничают»⁵⁷.

За годы войны материальное обеспечение учебного процесса серьезно ухудшилось. Уже в первом полугодии 1941/42 учебного года поставки новых учебников в регион сократились в среднем более чем на треть. Приморским школам, к примеру, требовалось 100 наименований новых учебников в количестве 354,4 тыс. экз., реально в край поступило 65 наименований в количестве 224,1 тыс. экз. В 1943 г. правительство включило территории Дальнего Востока в план центральных издательств по закупке поддержанных учебников, но выделенные для Хабаровского края 900 тыс. и Приморского 500 тыс. экз. не решали проблему⁵⁸.

В целях использования школьных тетрадей по прямому назначению правительство РСФСР приняло решение о том, чтобы все поступающие в торговую сеть ученические тетради продавали только ученикам и только через школьные киоски. Так, минимальные потребности в школьных принадлежностях только по Приморскому краю на 1945/46 учебный год составляли 715 тыс. шт. тетрадей, 423 тыс. школьных перьев и 571 тыс. шт. ученических резинок. На 1 ученика в первой четверти 1944/45 учебного года в приморских школах выдали по 3 тетради, а во второй – по две, в школах Хабаровского края во втором полугодии (январь – май 1945 г.) совсем не было тетрадей⁵⁹.

Предприятия местной промышленности и потребкооперации Дальнего Востока подключались к производству школьно-письменных принадлежностей из местного сырья и отходов промышленности, но их возможности были ограничены производственными мощностями предприятий. В школах устанавливали наблюдение за бережным отношением к тетрадям и за экономным их использованием: запрещали употреблять под черновики; следили чтобы при письме использовали каждый тетрадный лист, не пропуская линий и не оставляя свободных страниц, сокращали расстояния между строками и уменьшали поля. Перешли на вторичное использование тетрадей в которых писали между строк разными чернилами, но данный метод не получил широкого распространения, так как требовал дефицитных химических препаратов. В норму вошло использование под письмо газет, книг, блокнотов и прочих подручных материалов⁶⁰.

Учебные заведения Наркомпроса снабжались школьно-письменными принадлежностями за счёт мелкооптового 5% фонда, находившегося в распоряжении городских и районных отделов народного образования согласно представленным от них заявкам. Накопительная схема снабжения действовала до конца войны, но проблему дефицита не решила. Согласно официальным данным, в 1940 г. в приморских школах «списали» 6 млн 800 тыс. тетрадей и получили 1 млн 100 тыс. учебников. В 1944/45 учебном году «списали» менее 1 млн тетрадей (падение в 7 раз) и получили 40 тыс. учебников (в 25 раз меньше). Обеспеченность букварями, по данным Хабаровского крайоно, составляла 40 книг на 250 учеников, в Приморском крае на 22 000 первоклассников поступило 2500 букварей (одна книга на 10 учеников)⁶¹.

Не хватало учебников по русскому языку и книг для чтения в начальных школах, учебной литературы в неполных средних и средних школах, а также ручек, карандашей, чернил и мела. Возникали проблемы с грамотностью и культурой речи. «Не нужно строить иллюзий, – писал Г.С. Куций в Наркомпрос, – что хорошей каллиграфии и прочной грамотности детей по русскому языку и математике при таких условиях учитель не сумеет дать»⁶².

Участились случаи нецелевого использования денежных средств, ассигнованных на развитие школ. В регионе систематически срывались работы по капитальному ремонту школ вследствие нехватки строительных материалов и отсутствия рабочей силы. Положение было настолько тяжёлым, что инспекторам дали право закрывать находившиеся в аварийном состоянии школьные помещения.

Нормативы снабжения школ углём и дровами снизили на 20–50%, прохождение отопительных сезонов сопровождалось авариями в отопительной системе продолжительностью от одной до нескольких недель. Занятия проходили при пониженных температурах, дети и учителя занимались в верхней одежде. Возникали проблемы с освещением классных комнат из-за отсутствия керосина, ламп и ламповых стёкол. Недостаток их, особенно ощутимый в сельской местности, дестабилизировал занятия в утренние и вечерние часы в осенне-зимнее время.

В этом отношении показателен пример с Павло-Фёдоровской неполной средней школой в Приморском крае. За годы войны помещение школы ни разу не ремонтировали, а за два военных года она не получила ни грамма керосина и не работала более 40 дней в 1944/45 учебном году из-за отсутствия топлива, для отопления школы были вырублены все посаженные в селе и рядом с ним растущие деревья⁶³. Вяземская и Ворошиловская начальные школы в этом же учебном году не работали 27 и 15 дней, Покровская в Смидовичевском районе – 15 дней, аналогичные примеры были в Хабаровском сельском районе и других районах края⁶⁴.

Ситуация со снабжением школ керосином в северных территориях Приморского края (Соколовский, Советский, Тернейский, Ольгинский и Тетюхинский районы), а также в Анадырском районе, на Камчатке, Нижнем Амуре, в отдельных районах Амурской области была очень сложной. Принимаемые властями решения обеспечить керосином учителей и школы за счёт лимитов, выделенных МТС, наталкивались на противодействие⁶⁵.

Несоблюдение нормативов по освещению и теплу, дефицит строительных материалов и технического оборудования, нужных для поддержания учебных заведений в рабочем состоянии, а также сокращение поставок моющих средств ухудшили санитарно-гигиеническое состояние школ. Вследствие сокращения

медицинского персонала школ основательные медицинские осмотры школьников уходили в прошлое; регулярно проводили лишь осмотр по выявлению педикулёза.

На основании принятых документов, направленных на улучшение санитарного состояния школьных заведений, училищ и вузов, по предупреждению сыпного тифа и других инфекционных заболеваний вводили еженедельный санитарный день, агитационно-пропагандистские мероприятия. Введение данных мер, не требующих материальных затрат, проходило без осложнений. Что же касается таких задач, как строительство и ремонт бань, прачечных и дезинфекционных камер при общежитиях, обеспечение всех детей в школах-интернатах и детдомах отдельными кроватями, кипячёной водой, постельными принадлежностями и создание при школьных учреждениях лечебных изоляторов, то они оставались нерешёнными⁶⁶.

В соответствии с политикой перехода системы народного образования на самообеспечение было принято решение об организации пришкольных учебно-опытных участков для улучшения школьного питания. Размеры их зависели от численности учащихся и хозяйственных возможностей школ. В крупных городах и промышленных центрах размер участка рекомендован в 0,1 га, в райцентрах и рабочих посёлках – 0,5–3 га, при школах в сельской местности площадь участка могла быть увеличена до 5–8 га. В рамках решения учебно-воспитательных задач работа на участке должна была обеспечить закрепление и углубление знаний по основным разделам программы сельского хозяйства и биологии, приобретение школьниками практических навыков и умений по выращиванию растений и уходу за животными, проведение опытно-натуралистической работы⁶⁷.

На Дальнем Востоке создание пришкольных хозяйств столкнулось с рядом трудноразрешимых проблем, таких как отсутствие средств на приобретение строительных материалов для хозяйственных построек (парников, теплиц, сараев), закупки сельхозинвентаря, семян, саженцев, пчелосемей, молодняка домашних животных и птицы, а также земельного фонда. Школы не располагали необходимым количеством рабочей силы вследствие мобилизаций учителей и школьников в летне-осенний период на сельскохозяйственные и другие виды работ. Возникали неизбежные сложности с уходом за пришкольным участком в летнее время (поливом, прополкой, защитой от вредителей и отрав животными, расхищением созревшего урожая).

Весной 1943 г. площадь школьных участков под овощные, крупяные и зерновые культуры в Приморье составляла 603 га, т.е. была небольшой (размер её сопоставим с размерами участка 60 на 10 км). Тем не менее нельзя недооценивать значения пришкольных участков как дополнительного источника питания в условиях дефицита. В большинстве семей дети недоедали, а психологические и физические нагрузки истощали детский организм. Школьные столовые были открыты практически во всех неполных средних и средних школах Приморья, а в начальных школах работали буфеты. Причём питанием стремились охватить учащихся не только в течение учебного года, но и во время каникул, когда функционировали школьные площадки санаторного типа с трёхразовым питанием для особо истощённых детей. В Приморье, по официальным данным, к этой категории были отнесены 1400 детей, которых таким образом подкармливали в течение месяца летом 1943 г.⁶⁸

Программа развития пришкольных хозяйств на отдельных территориях региона действовала и частично смягчала ситуацию с организацией питания школьников, но не везде были удовлетворены её итогами. Так, в 1942–1944 гг. школьных столовых в Уссурийской области было мало, буфеты работали только в городских школах с весьма скромным ассортиментом: стакан чая и булочка весом 50 г⁶⁹.

На возможность получить образование всё больше влияло увеличение числа семей, в которых основной рабочей силой являлась мать, проводившая большую часть времени на производстве. В таких семьях дети вынужденно оставались для ухода за младшими членами семьи и школу не посещали. Главным образом, это касалось сельской местности и тех мест, где не хватало детских дошкольных учреждений.

Проблему пытались решить за счёт организации тимуровских команд, которые оказывали помощь семьям фронтовиков: ухаживали за маленькими детьми, носили воду, кололи дрова, помогали на огородах. При поддержке тимуровцев дети, заменявшие родителей, могли ходить в школу. К примеру, в Советском районе Приморского края тимуровцы поддерживали 1311 семей, в Красноармейском – 1896, во Владивостоке – 231 семью⁷⁰.

Тимуровское движение, безусловно игравшее положительную роль, массовым явлением так и не стало. По официальной версии причина заключалась в недооценке администрациями школ и пионервожатыми проявления народной инициативы. Думается, что причина была гораздо глубже и заключалась в том, что в экстремальных условиях войны тимуровцы оказывались в том же положении, что и опекаемые ими сверстники.

Систематическим оказанием помощи нуждающимся занимались родительские комитеты, комсомольские и пионерские организации школ, профсоюзные организации. В первую очередь, её получали дети из семей фронтовиков, неполных семей и семьи, где было много маленьких детей, а также дети-сироты. Помогали, главным образом, одеждой, обувью и продуктами питания, которые собирали сослуживцы, соседи, одноклассники. Родительские комитеты создавали специальные денежные фонды, в которых аккумулировали пожертвованные средства. Распределением государственной помощи занимались советские и партийные организации, приобретающие детскую одежду и обувь, которую передавали нуждавшимся школьникам, выделяли для семей керосин, топливо (дрова, уголь) и семена.

В Хабаровском крае на организацию бесплатного питания и индивидуальной помощи материально необеспеченным школьникам создали продовольственный фонд в количестве 70 т картофеля и других продуктов; особенно нуждавшимся детям (270 чел.) из многодетных семей фронтовиков ежемесячно платили 100–150 руб. стипендии. В 1944/45 учебном году среди видов материальной помощи, оказанной в Амурской области, были 2073 американских подарка, в сельских территориях края детям фронтовиков одновременно выдали 10 тыс. продпайков, 48 700 разных предметов одежды, 24 273 демисезонные пары обуви, 3100 пар валенок⁷¹.

Источники описывают разнообразные примеры оказания помощи от региональных властей или общественности по отдельным территориям, хотя и не дают представления об её объёмах по Дальнему Востоку в целом. Движимые чувством патриотизма дальневосточные школьники стремились оказать фронту

самую разнообразную помощь из средств, заработанных на общественных работах. В 1941/42 учебном году школы Приморского края сдали в Фонд обороны 2 933 775 облигаций госзайма и 451 280 руб. наличными; реализовали билетов денежно-вещевой лотереи на 723 715 руб. и подписались на военный заем 1942 г. на сумму 780 495 руб.; собрали на постройку бронепоезда «Приморский комсомолец» и танка «Таня» 149 218 руб., самолёта «Пионер» 34 264 руб.; отправили на фронт 446 посылок и денежных переводов на сумму 190 839 руб.; сдали для РККА тёплой одежды и белья 46 300 комплектов и деньгами 21 000 руб.; для эвакуированных детей отправили 56 307 комплектов одежды, обуви и белья; собрали 9403 запчасти для машин, 3365 т чёрного и цветного металлолома, 181 552 ед. бутылок и аптечной посуды натурой и в денежном эквиваленте 598 руб.; заготовили 45 609 кг верхушек картофеля, 4506 т удобрений (золы и помёта) и др.⁷²

Конечно, вследствие тяжёлого экономического положения бюджетных денег не хватало, но определённую роль играли и субъективные факторы, та же инерция мышления руководителей-хозяйственников и руководства рай-, горисполкомов, привыкших прикрывать свои недоработки приоритетной работой на оборону. В тяжёлое военное время система народного образования на Дальнем Востоке выжила благодаря самоотверженному труду и тех, кто руководил образованием и поддерживал его жизнеспособность, и тех, кто учил детей, вместе с ними мёрз и голодал, нёс бремя общественно-полезных работ, крепил тыл и помогал фронту.

Материальная необеспеченность учебного процесса, снижение численности и квалификационного состава дальневосточного учительства, сокращение сроков учебного времени и смещение приоритетов учебного процесса в сторону общественно-полезной трудовой деятельности априори ухудшали качество обучения в дальневосточных школах.

То, что в годы войны называли «срывом всеобуча» или «невыполнением закона о всеобуче», отражало снижение социальной мобильности системы общего образования в регионе, вызванное сокращением контингента учащихся вследствие миграции населения, рост численности материально нуждавшихся школьников, оставлявших школы, и перераспределение учащихся из подведомственных Наркомпросу школ в учебные заведения трудовых резервов. Последнее особенно пагубно сказалось на социальной мобильности среднего образования, вернув его на уровень середины 1930-х гг.

В годы войны в систему образования на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, были внедрены такие инновации, как пятибалльная система оценки знаний, экзамены на аттестат зрелости после окончания обучения в средней школе, обязательное обучение детей с семи лет и вручение золотой и серебряной медалей выпускникам, с отличием окончившим учёбу, которые сохраняются в системе образования до настоящего времени.

Жёсткие методы работы, применяемые в системе образования в экстремальных условиях военного времени, оправдывает то, что они помогали сохранить систему подготовки учителей, сеть начальных и семилетних школ и жизнеспособность дальневосточных школ в целом. Консервации негативных факторов, снижавших социальную мобильность образования в годы войны, отчасти способствовала инерция кризисного мышления местных администраций и хозяйственных структур, ответственных за материальное обеспечение системы образования. Однако, несмотря на сложности военного времени, органы государ-

ственной власти в регионе всё-таки находили оптимальное сочетание властных и общественных начал для решения материальных проблем дальневосточной школы.

6.2. Трудовые резервы Дальнего Востока в условиях военного времени

Вопрос о создании единой государственной системы подготовки и распределения рабочих кадров неоднократно обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). После тщательной проработки 2 октября 1940 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР». Эту дату принято считать днём создания советской государственной системы профессионально-технического образования.

Накануне войны в Приморском крае в учебных заведениях занимались 5100 чел., из них в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) – 4000 чел., в ремесленных и железнодорожных училищах – 1100 чел.⁷³ В Хабаровском крае общая численность учащихся составляла 9100 чел., в том числе 1550 – в ремесленных училищах (РУ), 1250 – в железнодорожных (ЖУ) и 6300 – в школах ФЗО⁷⁴.

С началом войны сеть расширили за счёт реорганизации многопрофильных ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (табл. 6.2.1).

Таблица 6.2.1. Сеть учебных заведений системы трудовых резервов, организованных и реорганизованных в Хабаровском крае с 1 августа 1941 г.

Показатели	Базовые предприятия / местонахождение	Ведомственная принадлежность	Число учащихся
Ремесленные училища: РУ № 1	Завод им. Молотова, г. Хабаровск	Наркомвооружения	500
РУ № 2	Завод № 126, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомавиапром	500
РУ № 3	Судоремонтный завод Амурского пароходства, г. Благовещенск	Наркомсудпром	530
РУ № 4	Завод им. Кагановича, г. Хабаровск	Наркомат обороны (НКО)	600
РУ № 5	Судоремонтный завод, г. Хабаровск	Наркомсудпром	200
РУ № 6	Судоремонтный завод № 199, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомсудпром	400
РУ № 7	Управление связи, г. Хабаровск	Наркомсвязь	400
РУ № 8	Судоверфь, г. Петропавловск-Камчатский	Наркомрыбпром	300
РУ № 9	Рыбный городок, г. Александровск-на-Сахалине	Наркомрыбпром	100
РУ № 10	Обозный завод, г. Биробиджан	Наркомат оборонной промышленности (НКОП)	200

Продолжение табл. 6.2.1

Показатели	Базовые предприятия / местонахождение	Ведомственная принадлежность	Число учащихся
РУ № 11	Швейная фабрика, г. Биробиджан	Наркомлегпром	150
РУ № 12	Судоремонтный завод, г. Николаевск-на-Амуре	Наркомсудпром	150
Железнодорожные училища: ЖУ № 1	Дальневосточная железная дорога, ст. Вяземская	НКПС	400
ЖУ № 2	Дальневосточная железная дорога, ст. Куйбышевка	НКПС	400
ЖУ № 3	Дальневосточная железная дорога, ст. Шимановская	НКПС	400
ЖУ № 4	Дальневосточная железная дорога, ст. Хабаровск-2	НКПС	250
ЖУ № 5	Дальневосточная железная дорога, ст. Ин	НКПС	100
ЖУ № 6	Дальневосточная железная дорога, ст. Облучье	НКПС	100
Школы фабрично-заводского обучения: ФЗО № 1	пос. Райчиха, ст. Буряя, Амурская область	Наркомуголь	200
ФЗО № 2	пос. Мгачи, Сахалинская область	Наркомуголь	250
ФЗО № 3	г. Оха, Сахалинская область	Наркомнефтепром	200
ФЗО № 4	пос. Кивда, Амурская область	Наркомуголь	600
ФЗО № 5	Завод «Амурстальстрой» № 2, Комсомольск-на-Амуре	Наркомстрой	750
ФЗО № 6	1-е стройуправление, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомстрой	400
ФЗО № 9	пос. Средний Ургал, Амурская область	Наркомуголь. Бурейшахстрой	400
ФЗО № 10	ст. Михаило-Чесноковская, Амурская область	Наркомстрой	200
ФЗО № 11	ст. Вяземская, Амурская область	Наркомстрой	200
ФЗО № 12	Завод им. Кирова, г. Хабаровск	Наркомсудпром	200
ФЗО № 13	Завод им. Кагановича, г. Хабаровск	Наркомстрой	200
ФЗО № 14	Завод им. Горького, г. Хабаровск	Наркомстрой	250
ФЗО № 15	Хабгорстрой, г. Хабаровск	Наркомстрой	200
ФЗО № 16	г. Бикин	Наркомстрой	200
ФЗО № 17	Завод № 199, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомсудпром	200
ФЗО № 18	Стройка № 313, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомстройматериал	780
ФЗО № 19	Дальнефестрой, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомнефтепром	300

Показатели	Базовые предприятия / местонахождение	Ведомственная принадлежность	Число учащихся
ФЗО № 21	пос. Оремиф, Нижне-Амурская область	Наркомрыбпром	150
ФЗО № 22	пос. Суражевка, Амурская область	Наркомсудпром	100
ФЗО при РУ № 2	Завод № 126, г. Комсомольск-на-Амуре	Наркомавиапром	250

Источник. ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 1. Л. 94–95.

Профили учебных заведений были привязаны к ведущим отраслям промышленности Дальнего Востока (табл. 6.2.2).

Таблица 6.2.2. Сеть учебных заведений трудовых резервов, сформированных в Приморском крае с июня 1941 г. по октябрь 1943 г.

Показатели	Местонахождение	Ведомственная принадлежность	Число учащихся на 1.01.1944	Дата создания / ликвидации
Ремесленные училища: РУ № 1	г. Владивосток	Наркомсудпром	665	октябрь 1940 / -
РУ № 2	г. Владивосток	Наркомвоенмор	300	июнь 1943 / -
РУ № 3	г. Владивосток	Наркомвоенмор	653	ноябрь 1942 / -
РУ № 4	г. Владивосток	Наркомморфлот	182	октябрь 1940 / -
РУ № 5	г. Владивосток	Наркомсвязь	250	июнь 1941 / -
РУ № 6	г. Лесозаводск	Наркомлес	368	июль 1941 / -
РУ № 7	г. Артём	Наркомуголь	390	июль 1941 / -
РУ № 8	г. Сучан	Наркомуголь	306	июль 1941 / -
РУ № 9	г. Владивосток	Наркомуголь	247	июль 1941 / -
РУ № 10	г. Владивосток	Наркомвоенмор	213	июль 1941 / -
РУ № 11	г. Ворошилов-Уссурийский	НКО	192	октябрь 1943 / -
РУ № 12	г. Ворошилов-Уссурийский	НКО	118	октябрь 1943 / -
РУ № 13	г. Совгавань	Наркомморфлот	162	октябрь 1943 / -
РУ № 14	г. Владивосток	Наркомрыбпром	98	октябрь 1943 / -
Железнодорожные училища: ЖУ № 1	г. Владивосток	НКПС	517	октябрь 1940 / -
ЖУ № 2	г. Ворошилов-Уссурийский	НКПС	175	октябрь 1943 / -
ЖУ № 3	ст. Ружино	НКПС	256	июль 1941 / -
Школы фабрично-заводского обучения: ФЗО № 1	г. Артём	Наркомуголь	147	октябрь 1940 / -
ФЗО № 2	г. Владивосток	Наркомстрой	277	октябрь 1943 / -

Показатели	Местонахождение	Ведомственная принадлежность	Число учащихся на 1.01.1944	Дата создания / ликвидации
ФЗО № 3	г. Спасск	Наркомстрой-материалов	150	октябрь 1943 / -
ФЗО № 4	пос. Семёновка	Наркомавиапром	153	октябрь 1940 / -
ФЗО № 11	г. Владивосток	Наркомсудпром	160	октябрь 1942 / -
ФЗО № 2	г. Сучан	Наркомуголь	Нет свед.	октябрь 1940 / февраль 1943
ФЗО № 3	г. Ворошилов-Уссурийский	НКО	Нет свед.	июль 1942 / октябрь 1943
ФЗО № 4	г. Сучан	НКПС	Нет свед.	апрель 1942 / февраль 1943
ФЗО № 9	г. Ворошилов-Уссурийский	НКПС	Нет свед.	октябрь 1940 / октябрь 1943
ФЗО № 10	г. Ворошилов-Уссурийский	НКО	Нет свед.	октябрь 1941 / октябрь 1943
ФЗО № 12	г. Совгавань	Наркомморфлот	Нет свед.	ноябрь 1942 / март 1943

Источник. ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

Открытие новых училищ и реорганизация школ ФЗО вызваны возросшей потребностью в квалифицированной рабочей силе на предприятиях края (табл. 6.2.3). В 1943 г. в Приморском крае открыли новые ремесленные училища, в том числе РУ № 2 плавсостава на базе тыла ТОФ, РУ № 13 на базе судоремонтного завода № 1 Госморпароходства, РУ № 14 на базе судовой верфи, РУ № 10 на базе инженерного отдела тыла ТОФ. Часть школ фабрично-заводского обучения реорганизовали в училища. Так, школа ФЗО № 10, действовавшая на базе паровозоремонтного завода, была реорганизована в железнодорожное училище № 2, школы ФЗО № 10 и 3 на базе заводов № 25 и 77 – в РУ № 11 и РУ № 12, ремесленное училище № 10 во Владивостоке реорганизовали в РУ № 10 и РУ № 14⁷⁵.

Таблица 6.2.3. Количество учебных заведений системы трудовых резервов Дальнего Востока в 1941–1943 гг.

Годы	Хабаровский край			Приморский край			Всего по Дальнему Востоку
	Ремесленные училища	Железнодорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	Ремесленные училища	Железнодорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	
1.06.1941	5	4	24	2	1	12	48
1942	15	13	17	9	2	11	67
1943	16	8	13	14	3	8	62

Источники. ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6, 63–64, 94, 95; Д. 4. Л. 45; ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 3, 16; Д. 2. Л. 2, 3 (сост. авт.).

Процесс реорганизации был довольно сложным: требовались дополнительные оборудование, инструменты и материалы, расширение площадей под учебные классы, производственные мастерские и общежития. Так, фактически заново создали учебные мастерские и учебные классы в ремесленном училище № 1 (г. Владивосток), учебную базу в школе ФЗО № 8 (г. Ворошилов), в ремесленных училищах № 7 (г. Артем), № 8 (г. Сучан), № 3 (г. Владивосток), № 5 Морфлота (г. Владивосток), № 6 (г. Лесозаводск) и в других учебных заведениях Приморского и Хабаровского краёв. Раководители училищ и школ собирали по предприятиям инструмент, оборудование, токарные и другие станки, а учащиеся своими силами восстанавливали их. Причём на сборку каждого станка уходило несколько нерабочих станков разных марок и конструкций. В середине войны учебно-производственная база училищ и школ ФЗО на Дальнем Востоке имела незначительный процент современных станков: револьверных, кругло- и плоскошлифовальных, которые были необходимы для выполнения сложных работ, а также режущих и измерительных инструментов⁷⁶.

Постановление СНК СССР № 2217 от 29 августа 1945 г. предусматривало оптимизацию сети учебных заведений, реорганизацию номенклатуры профессий и специальностей в сторону сокращения, укрепление материальной базы действующей сети школ ФЗО и училищ, что обосновывалось отсутствием необходимой производственной базы и жилья. Так, в Хабаровском крае величина учебных площадей составляла 62,5% от потребности, учебных мастерских – 58%, общежитий – 53,5%, столовых – 67%⁷⁷.

В течение 1945 г. сеть учебных заведений трудовых резервов в Приморском крае сократили почти на 30%, в Хабаровском – на 35% (табл. 6.2.4).

Таблица 6.2.4. Динамика сети профессионального образования Дальнего Востока СССР в 1944–1945 гг.

Годы	Хабаровский край			Приморский край			Всего
	Ремесленные училища	Железнодорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	Ремесленные училища	Железнодорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	
1944	19	8	13	14	3	10	67
1945	16	6	4	12	2	5	45

Источники. ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 3; Д. 4. Л. 3; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 73 (сост. авт.).

Обострилась ситуация с проведением мобилизаций. Так, в 1944 г. ремесленные училища Приморья набрали 3713 чел. вместо запланированных 5650 чел.⁷⁸, в 1945 г. – 598 чел. вместо 2570 чел., а в школы ФЗО – 97 чел. вместо 800 чел.⁷⁹ В Хабаровском крае в 1945 г. набор в ремесленные и железнодорожные училища составил 105% к плану, а в школы ФЗО – 89%⁸⁰. Недостающую численность добывали, подростков принимали без медицинского освидетельствования состояния здоровья, без учёта уровня образования и возраста.

Закрыли ремесленные училища в Биробиджане, Владивостоке и Ворошилове (Уссурийск), железнодорожные училища на ст. Ружино и Михаило-Чесноковского вагоноремонтного завода Наркомата путей сообщения, школы

ФЗО во Владивостоке, Спасске и Находке. В 1944 г. в училищах Приморского края было 5097 учеников (включая 948 учащихся в ЖУ), в училищах Хабаровского края – 7400 учеников (в том числе 2100 чел. в ЖУ); школы ФЗО в Приморском крае посещали 887 чел. и 3150 чел. в Хабаровском крае⁸¹. Всего в системе трудовых резервов Дальнего Востока на 1 января 1945 г. обучали 11 135 чел. на 1 декабря – 9427 чел., при этом открытия новых учебных заведений не предусматривалось (табл. 6.2.5).

Таблица 6.2.5. Численность учащихся профессионального образования Дальнего Востока в 1945 г.

Годы	Хабаровский край		Приморский край		Всего
	Ремесленные и железно-дорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	Ремесленные и железно-дорожные училища	Школы фабрично-заводского обучения	
1.01.1945	5446	585	3713	1391	11 135
1.01.1946	4351	528	3497	1051	9427

Источники. ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 4; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 73 (сост. авт.).

В общеобразовательных школах всё больше оставалось учащихся младшего школьного возраста. Краевые управления трудовых резервов вынуждены были проводить мобилизацию учащихся, отступая от нормативов по возрасту, уровню образования и состоянию здоровья подростков⁸². В школы ФЗО и училища профессионально-технического образования набирали молодёжь с образованием 4–5 классов, некоторые из них не могли освоить программный материал и оставляли учёбу. Известно, что в период с июля по декабрь 1941 г. трудовые резервы в Приморском крае самовольно оставили 3,5% от всех учащихся (152 чел.), из которых 81 чел. осуждён судами на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». В 1943 г. из училищ самовольно ушли и отчислены за нарушение внутреннего распорядка 7% (331 чел.), в 1944 г. – 18% (920 чел.)⁸³.

Сравнение численности учащихся на начало и конец 1945 г. показывает, что в течение года учебные заведения системы трудовых резервов потеряли 1708 чел. При этом самовольно ушли и были отчислены за различные нарушения в Приморском крае 447 чел. из 4549 учащихся школ ФЗО и училищ (около 10%), в Хабаровском крае – 240 чел. из 6031 учившегося (около 4%)⁸⁴.

Показательно, что суды при рассмотрении дел самовольно оставивших учебные заведения проявляли лояльность (к ответственности привлекли около 2%)⁸⁵. Столь снисходительное отношение можно объяснить тем, что большая часть подростков, оставив учёбу, уходила на производство.

В годы войны сократилось финансирование профессионально-технического образования. Так, в 1941 г. расходы на училища и школы ФЗО Приморского края составили 28,5 млн руб., в 1942 г. – 21,7 млн 1943 г. – 19,5 млн в 1944 г. – 25,1 млн в 1945 г. – 23,4 млн⁸⁶. Нехватка финансовых средств стала основной причиной

разрушения материальных основ учебных заведений системы, что, в свою очередь, влекло резкое ухудшение материально-бытовых условий учащихся и провоцировало их отток из училищ и школ ФЗО. В училищах сроки обучения сократили с двух лет до одного года, в школах ФЗО – с шести месяцев до четырёх; из курса теоретического обучения убрали некоторые дисциплины (сведя его местами к производственному инструктажу на рабочем месте), изучением основ специальных дисциплин занимались непосредственно на рабочем месте⁸⁷. Учебно-производственную практику переориентировали на выполнение, главным образом, государственных заказов оборонного значения в цехах предприятий и в учебно-производственных мастерских.

Адаптация учебного процесса непосредственно к рабочим местам и сокращение сроков обучения позволили оперативно заполнять учащимися и выпускниками вакансии рабочих, ушедших на фронт. Вместе с тем грань между учебным процессом и работой на производстве фактически стиралась, и базовые предприятия стали считать учебные заведения трудовых резервов частью собственного производства, что, в свою очередь, создавало проблемы морально-этического плана, связанные с организацией труда подростков на производстве (работа в горячих цехах, в шахтах).

С 1944 г. началось укрепление материальных баз учебных заведений. Бюджеты трудовых резервов повысили на 29%⁸⁸, что позволило увеличить количество кабинетов по спецтехнологии, материаловедению, физике, черчению. В 1944/45 учебном году впервые за все годы войны начали капитально ремонтировать помещения и расширять аудиторный фонд, выделив дополнительные площади под учебные кабинеты и классные комнаты, оборудовали их новой аппаратурой и учебно-наглядными пособиями. Сокращение оборонных заказов позволило предприятиям переместить в мастерские училищ и школ ФЗО часть станков, хотя и бывших в употреблении, но полностью укомплектованных и в рабочем состоянии⁸⁹.

Переход в 1944 г. на 5-балльную систему оценки знаний учащихся положительно сказался на качестве учебного процесса. В 1944/45 учебном году выполнение учебных планов по теоретическому обучению в ремесленных и железнодорожных училищах Хабаровского края составляло 87,4%, по производственному обучению – 92,4%, показатели по теоретическому обучению в Приморском крае в ремесленных училищах поднялись до 83,7% и в железнодорожных – до 81,1%⁹⁰.

Проблемы с введением программы 110-часовой военно-физкультурной подготовки были те же, что и в школах Наркомпроса: отсутствие учебных программ и военно-спортивного инвентаря, нехватка преподавателей военного дела. В 1945 г. начальную военную подготовку в училищах Хабаровского края проходили 2783 юноши и 1799 девушек, а в школах ФЗО – 225 юношей и 270 девушек⁹¹. Занятия по военной подготовке включили в сетку учебного плана. Юноши и девушки занимались в отдельных группах по своим разделам программы. Реальное выполнение программы начальной военной подготовки в училищах составляло 96,3%, в школах ФЗО – 95%⁹². Не полностью были пройдены разделы программы по боксу и санитарной подготовке, что объясняли отсутствием нужных специалистов в училищах и школах ФЗО, а также медучреждений для прохождения практики.

Программный материал по производственному и теоретическому обучению учащихся, главным образом из железнодорожных училищ и училищ морского

и речного флота, не освоили из-за отвлечения их на сельскохозяйственные работы и на выполнение специальных заказов во время военных действий против Японии⁹³.

В 1944/45 учебном году в расписание теоретических занятий по распоряжению Главного управления ввели 90 ч политзанятий по изучению книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», а также биографий В.И. Ленина и И.В. Сталина⁹⁴. Занятия вели специально подобранные гор(рай) комами ВКП(б) преподаватели, что отражало стремление усилить контроль над учебно-воспитательным процессом в системе подготовки будущих рабочих. Однако организация занятий оставляла желать лучшего. Содержание программного материала Главным управлением так и не было утверждено и носило рекомендательный характер. Направленные на учебную работу специалисты пропускали занятия, не осваивали большую часть программных часов и рассматривали свою работу в учебных заведениях как переходную ступень для более высокого карьерного роста.

В годы войны сохранялась текучесть кадров среди мастеров производственного обучения, воспитателей в общежитиях и преподавателей теоретического обучения. Так, в 1944 г. в Приморском крае не хватало 29 мастеров производственного обучения и 39 предметников. Почти все работавшие в системе трудовых резервов воспитатели были молодыми людьми с образованием 6–7 классов⁹⁵.

Специалистов с опытом педагогической работы среди них не было. Вопрос подбора воспитателей и мастеров, соответствующих своему назначению, оставался открытым. Не хватало преподавателей по русскому языку, математике и физике, по общетехническим и специальным дисциплинам их заменяли инженеры и техники с базовых предприятий, работавшие по совместительству. Занятость на основном производстве не способствовала качественному преподаванию: они пропускали занятия, не вычитывали положенных по программе часов.

В 1944 г. в Приморском крае приступили к подготовке мастеров производственного обучения из лучших своих выпускников. С этой целью в г. Артём открыли специальные трёхмесячные курсы по профессиям слесарь, токарь, литейщик, электросварщик, котельщик и столяр⁹⁶. В 1945 г. курсовая система стала постоянно действующей. В Хабаровском крае курсы повышения квалификации для мастеров производственного обучения, рекомендованных из выпускников училищ, открыли в I квартале 1945 г.⁹⁷

Для повышения квалификации преподавателей по военной и физической подготовке в Приморском крае открыли трёхмесячные курсы. Краткосрочные методические семинары (от 2 недель до 1 месяца) работали для преподавателей теоретического обучения, пришедших в систему трудовых резервов с производства, а также для завучей, замполитов и комиссаров по вопросам улучшения учебно-воспитательной работы в ремесленных и железнодорожных училищах⁹⁸.

Учебные заведения трудовых резервов Дальнего Востока испытывали хронический недостаток учебной литературы, пособий и письменных принадлежностей. Имевшаяся в их библиотеках специальная техническая литература была рассчитана на учащихся технических школ и техникумов с более высоким уровнем общеобразовательной подготовки. Тетради, перья для школьных ручек и карандаши поступали в незначительном объёме, и будущие молодые рабочие вели записи на брошюрах, газетных листах и даже на грифельных досках.

За годы войны библиотечный фонд учебных заведений трудовых резервов был сильно истощён. В библиотеках Приморья один учебник приходился на 5 чел.⁹⁹ Из центра на Дальний Восток поступали малыми партиями учебники по алгебре и геометрии, по слесарному и токарному делу, материаловедению, но учебников по спецтехнологии и русскому языку на Дальний Восток не прислали¹⁰⁰. Обеспеченность учебной литературой составляла всего 4,4%. К пополнению рынка учебной литературы подключились местные отделения центральных издательств, например, Приморское отделение КОГИЗа выпустило 400 экз. учебника «Черчение» (авт. Куликов)¹⁰¹. Однако вопрос обеспечения учебного процесса необходимой методической и учебной литературой всё так же оставался открытым. Учебниками по специальной технологии, материаловедению, черчению, токарному, слесарному, фрезерному делу обеспечили только преподавателей. Учащиеся пользовались конспектами и жаловались, что их не хватает для глубокой проработки и освоения программного материала¹⁰².

Статистика книговыдачи показывала, что на первом месте у подростков стояла художественная литература, спросом пользовалась и общественно-политическая литература¹⁰³. Техническая литература, хотя она и не соответствовала возрасту и подготовке учеников системы трудовых резервов, также была востребована. Каждый учащийся пользовался в течение года хотя бы одной такой книгой. Сотрудники библиотек компенсировали дефицит литературы активной работой с молодёжной аудиторией, устраивая коллективные чтения, литературные вечера и тематические выставки.

Практически все школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища имели общежития, которые далеко не везде соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Под жильё отводили здания барачного типа и помещения с большим процентом износа, изношенность инвентаря составляла 50%. Имевшихся площадей не хватало для размещения всех учащихся. Например, в общежитиях приморских трудовых резервов в 1943 г. проживали 3175 из 5984 учащихся, т.е. жильём были обеспечены 53% учащихся, на 1 чел. приходилось 2,8 м² полезной площади¹⁰⁴.

Новых общежитий в годы войны не строили, а имеющиеся изымали под расширение аудиторного фонда. Жилые помещения были перегружены, койки в спальнях стояли в два или даже в три яруса. Из-за дефицита площадей не везде имелись умывальные комнаты, не было мест для хранения личных вещей и раздевалок, помещений для больничных изоляторов, клубов, красных уголков, а также мест для отдыха и занятий спортом. Текущий ремонт проводили сами учащиеся, они же облагораживали интерьер, оборудовали помещения изготовленным своими руками инвентарём. Девушки занимались вышивкой салфеток на прикроватные тумбочки, занавесок на окна и двери, плели коврики и прочие изделия¹⁰⁵.

Взятые на себя государством (в соответствии с указом от 2 октября 1940 г.) обязательства о полном государственном обеспечении учащихся одеждой, обувью и питанием руководство трудовых резервов пыталось выполнить, но в условиях войны форменного обмундирования не хватало. Шинели и брюки заменяли ватными фуфайками и ватными брюками, не было гимнастёрки и рубашек-косовороток, одежды и белья для девушек.

Дефицит одежды пытались восполнить через пошивочные мастерские, работавшие в системе трудовых резервов. Отчасти они способствовали сокращению

недостатка одежды и обуви, постельного и нательного белья, но производственных мощностей не хватало, наблюдались перебои с поставками инструментов, тканей, ниток, пуговиц и прочей фурнитуры, и в целом продукция ведомственных мастерских не покрывала дефицита поставок телогреек, тёплых брюк, шапок и шинелей. Кроме того, изготовление новой одежды или обуви не всегда представлялось возможным из-за недостаточной квалификации работников мастерских. Полученная из центра обувь была такого низкого качества, что носить её можно было 1–2 месяца, и ремонту она не подлежала¹⁰⁶.

Все учебные заведения системы имели столовые, но не хватало кухонной и столовой посуды, мебели, поэтому в некоторых столовых пищу принимали стоя. Первоначально норма отпуска продуктов на 1 чел. составляла 6–7 руб. в сутки, но питание учащихся было малокалорийным и витаминдефицитным. Нарушались нормы питания подростков, проходивших производственную практику в шахтах, горячих цехах и на участках с вредными условиями труда. В отличие от взрослых рабочих они не получали дополнительной нормы хлеба и жиров, горячего питания и второго горячего блюда при перевыполнении норм выработки. Происходило это не только по вине работников общепита, но также из-за того, что базовые предприятия не включали учащихся в контингент работающих и не получали на них дополнительные фонды продуктов.

Государственная торговая инспекция при проверке работы столовых и ОРСов выявляла передачу целевых фондов, выделенных на питание учащихся, столовым других ведомств, утаивание продукции с подсобных хозяйств, нарушение правила о выдаче второго горячего питания, недовложение продуктов в процессе приготовления пищи и недовесы при раздаче блюд¹⁰⁷.

Малокалорийное трёхразовое питание приводило к истощению подростков, необходимости для них дополнительного усиленного питания. В 1943 г. в Приморье истощенные подростки составляли 10% от числа обучающихся в трудовых резервах¹⁰⁸. Попытки нормализовать ситуацию сопровождались применением мер административного воздействия и уголовного наказания виновных. Для борьбы со злоупотреблениями устраивали регулярные рейды в столовых, проверяя нормы закладки в котёл продуктов и вес готовых блюд на раздаче, но добивались такими мерами лишь временного улучшения.

Положительные изменения произошли в организации питания учащихся к концу войны. Отсутствие молока и яиц компенсировали сгущённым молоком и яичным порошком, в рационе появилась рыба, увеличились нормы потребления крупы и сахара. Ученики, проходившие практику на шахтах, в горячих и вредных цехах, стали получать положенное им питание по нормам, установленным для соответствующих профессий, а перевыполнявшие производственные нормы – талоны на второе горячее блюдо; в училищах и школах ФЗО Наркомугля, НКПС и Морпароходства для истощённых учеников ввели дополнительное питание¹⁰⁹.

Осенью – зимой 1945 г. в столовые поступали овощи из подсобных хозяйств. В целом калорийность питания с 2600 ккал в первом и втором кварталах 1945 г. увеличилась до 3500 ккал в третьем и четвёртом. В отчёте Приморского краевого управления трудовых резервов за 1945 г. уже отмечены не только недостатки, но и добросовестность работников столовых, их старание готовить вкусные и разнообразные блюда¹¹⁰.

В рамках оздоровительных мероприятий в распорядок дня учебных заведений трудовых резервов включили ежедневную утреннюю физзарядку, а также

ежедневные медицинские осмотры учащихся. Активизировали работу краевые и городские комитеты физкультуры и спорта, что содействовало их развитию в системе трудовых резервов. Положительные итоги массового спортивного движения выразились в увеличении числа подготовленных «значкистов» ГТО и БГТО 1-й и 2-й ступени, лыжников по 20-часовой и 30-часовой программе, мастеров рукопашного боя, легкоатлетов-разрядников (в основном второго и третьего разрядов) и других спортсмен¹¹¹.

Данные о медицинских осмотрах учащихся не содержат сведений о наличии инфекционных заболеваний, что можно отнести на счёт организации санитарно-гигиенической работы. Однако наблюдался рост числа простудных заболеваний и заболеваний цингой, опорно-двигательной системы¹¹². Следствием материального неблагополучия в системе стал рост числа подростков, оставивших учёбу по состоянию здоровья. В 1941 г. отсев из учебных заведений трудовых резервов в Приморском крае из-за болезни составлял 119 чел., в 1943 г. – 216 чел., на 1 октября 1945 г. по причине заболеваний оставили учёбу 11,5% учащихся школ ФЗО и 5,8% – ремесленных и железнодорожных училищ; в Хабаровском соответственно – 22,8 и 15,6% учащихся¹¹³.

В годы войны предприятия, занятые выполнением оборонных заказов, стремились обзавестись собственной учебной базой для подготовки рабочих нужных им специальностей. В свою очередь, краевые управления трудовых резервов открывали специальности по мобилизационному плану без учёта реальной потребности кадров для предприятий Дальнего Востока.

Несогласованность действий базовых предприятий и краевых управлений трудовых резервов создавала ситуацию, когда специалистов по одной и той же профессии обучали сразу в нескольких учебных заведениях. При этом новые училища и школы ФЗО открывали без наличия соответствующей материальной базы для подготовки установленным профессиям¹¹⁴. Одним из таких неудачных примеров может служить организация школы ФЗО № 3 морского транспорта на базе завода Краймстпрома, где работали всего 23 рабочих, а контингент учащихся школы составлял 400 чел., т.е. изначально данное предприятие не могло стать учебно-производственной базой школы. С другой стороны, в ремесленном училище на базе Тихоокеанского флота открыли специальности слесарей-инструментальщиков и шлюпочников, в училище на базе завода № 202 – кузнечное дело, не предусмотренные планом Главного управления трудовых резервов.

Сокращение оборонных заказов на отдельных базовых предприятиях повлекло сокращение номенклатуры специальностей. Учебное время перераспределялось в пользу общественно-полезной работы. Учащихся регулярно направляли в совхозы, колхозы и МТС для ремонта сельскохозяйственной техники и инвентаря (тракторов, плугов, борон), прополки и уборки урожая. Только в период 1943–1945 гг. они отработали более 100 тыс. чел./дней на полях колхозов, совхозов и в ОРСах предприятий Приморского края, а за годы войны отремонтировали десятки тракторов, комбайнов, тракторных сеялок, более 100 плугов и 100 борон. В учебных мастерских изготовили 150 парниковых рам, более 1000 граблей, мотыг, штыковых лопат и сапок, тысячи наименований слесарных инструментов; оборудовали несколько полевых стан¹¹⁵.

Юноши и девушки на предприятиях занимались изготовлением продукции. Так, учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ Хабаровского края только в 1945 г. изготовили в мастерских инструментов, боеприпасов

и вооружения на 850 тыс. руб. Кроме того, учащиеся школ ФЗО и училищ для металлургической, нефтяной, авиационной и судостроительной промышленности и железнодорожного транспорта выполнили разных работ на 1 млн 160 тыс. руб. При этом среднегодовая заработная плата учащегося составляла 440 руб. (около 37 руб. в месяц)¹¹⁶.

В мастерских приморских училищ освоили производство сложных изделий на сумму свыше 13 млн руб.; добыли угля более 300 тыс. т, отремонтировали 700 вагонов, 230 паровозов и 150 автомашин, занимались ремонтом и изготовлением разных агрегатов для боевых машин, катеров, двигателей внутреннего сгорания и паровых двигателей, компрессоров, оборудованием пульта управления ТЭЦ, пристаней и судовых кубриков, телеграфной и телефонной связи; кроме того, они построили 27 домов для рабочих и 30 разных складов, изготовили более 50 тыс. ед. слесарно-монтажных инструментов и 1000 ед. различной мебели, построили 2 катера типа «Н»¹¹⁷.

Помимо выполнения государственных заказов на оборонных предприятиях и помощи народнохозяйственному комплексу Дальнего Востока учащиеся системы трудовых резервов активно работали по оказанию помощи бойцам Красной армии, занимались сбором тёплых вещей, подарков и денежных средств. В феврале 1943 г. на фронт ушёл собранный учащимися трудовых резервов Приморья вагон подарков, в июне 1943 г. они послали вагон подарков юным защитникам Ленинграда. Из личных сбережений учеников и преподавателей собраны 363 тыс. руб. на постройку эскадрильи самолётов «Трудовые резервы» и 70 тыс. руб. – на эскадрилью «Приморский бомбардировщик»¹¹⁸.

Таким образом, созданная накануне войны система трудовых резервов в военное время оказалась востребованной и жизнеспособной, сумела обеспечить рабочими кадрами оборонные предприятия Дальнего Востока. Материальная необеспеченность учебного процесса, недостаток кадров квалифицированных преподавателей, смещение акцента исключительно на производственное обучение снизили уровень общеобразовательной подготовки и общекультурный уровень выпускников трудовых резервов, что, в частности, становилось причиной девиантного поведения. Однако решающую роль в функционировании трудовых резервов в годы войны сыграл всё же не материальный, а социально-психологический фактор: патриотическая и трудовая традиции советского общества, ощущение себя частью единого общества в борьбе с врагом.

6.3. Подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием на Дальнем Востоке

В 20–30-е гг. XX в. на Дальнем Востоке формировалась система учебных заведений для подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием. В её состав входили около 30 средних специальных учебных заведений и 6 вузов – Дальневосточный политехнический институт (1918) во Владивостоке, Хабаровский медицинский (1930), Благовещенский (1930) и Хабаровский (1938) педагогические институты, Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (1939), Владивостокский учительский институт (1940).

Великая Отечественная война оказала влияние на все сферы жизнедеятельности дальневосточного общества, в том числе и на получение образования, и на подготовку специалистов. Особенностью функционирования высшей школы на Дальнем Востоке в этот период стало расширение её сети. В то время как в западных областях страны число вузов значительно сократилось, на Дальнем Востоке сеть их расширялась за счёт открытия новых факультетов, введения специальностей в соответствии с текущими и перспективными потребностями в специалистах. С 1 февраля 1943 г. при Хабаровском педагогическом институте открыли северное отделение по подготовке учителей русского языка и литературы для школ коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Зачисленные на первый курс 35 студентов находились на полном государственном обеспечении¹¹⁹.

В сентябре 1943 г. на базе Владивостокского учительского института, согласно постановлению СНК СССР, организован педагогический институт с факультетами русского языка и литературы, истории, физико-математическим, иностранных языков. В Благовещенском педагогическом институте открыли географический и исторический факультеты, в Хабаровском учительском институте восстановили вечернее отделение.

В 1944 г. по постановлению Государственного Комитета Обороны на базе морского техникума во Владивостоке создаётся Высшее инженерное морское училище командных кадров для морского транспорта страны, в ДВПИ – энергетический факультет со специальностями «Электрические станции, сети и системы», «Теплоэнергетические установки»¹²⁰.

В годы войны на Дальнем Востоке создали средние специальные учебные заведения: в 1942 г. – мореходное училище в г. Петропавловск-Камчатский, в 1943 г. – драматическую студию при театре им. Горького во Владивостоке, в 1944 г. – зооветеринарный техникум в г. Иман (ныне г. Дальнереченск) и авиационный техникум в г. Арсеньев, художественное училище во Владивостоке, в 1945 г. – Уссурийский лесной техникум (в г. Лесозаводск), дошкольное педагогическое училище во Владивостоке, культурно-просветительскую школу в г. Уссурийск¹²¹.

К окончанию Великой Отечественной войны в Хабаровском и Приморском краях подготовку специалистов осуществляли 6 высших и 34 средних специальных учебных заведения. Все они являлись многопрофильными при небольшом контингенте студентов в группах¹²².

Сложность комплектования высших и средних специальных учебных заведений региона явилась одной из причин отмены конкурсной системы. В 1941 г. приём в вузы проводился на основании аттестатов, в 1942 г. отличники и учащиеся на «хорошо» и «отлично» зачислялись без экзаменов, а при наличии вакантных мест – и выпускники с посредственными оценками¹²³.

В годы войны в связи с мобилизацией мужского населения в вооружённые силы состав студентов изменился. Так, из Хабаровского педагогического института воевать отправились около 200 чел., в т.ч. А. Швецов, А. Сырцов, Н. Игнатюк, Ф. Ковтун, У. Койфсман, Д. Левитин, А. Новиков, П. Подвойский, С. Панькин, Е. Севинков; в Благовещенском институте – 39 юношей и 17 девушек: Ю.С. Каштанова, А.Н. Косицина, В.Р. Дремель, Л.А. Лысанская, А.И. Нудьга, З.И. Симонова, А.К. Останцева, О.П. Черненко, Е.П. Гусевская, Н.Я. Резникова, Т.Г. Ренева, Е.Л. Жирнова, Е.В. Ючкова, Е.Я. Попова, Р.К. Кацуба, М.Г. Сулова, В.В. Савенко; призваны 10 преподавателей. Из Хабаровского медицинского института ушли на фронт

около 300 чел.: преподаватели, учёные, профессора, заведующие кафедрами И.А. Алов, А.Л. Брант, В.Ф. Григорьев, В.Т. Жолобов, А.А. Кирияненко, П.Ф. Коновалов, А.А. Константинов, В.И. Кустов, В.Д. Линденбратен, А.П. Пасхалов, Ш.В. Розмарин, А.М. Сарванов, М.А. Хелимский, Б.А. Целибеев, С.Е. Шапиро, Б.А. Шварц и мн. др. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, удостоены (посмертно) звания Героя Советского Союза: работник административно-хозяйственной части Хабаровского медицинского института В.А. Неупокоев, студент физико-математического факультета Хабаровского педагогического института Е. Дикопольцев, сотрудник Дальневосточного политехнического института Е. Утлинский¹²⁴.

На основании указаний Наркомпроса РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 25 июня 1941 г. «О перестройке учебной работы университетов и ускоренной подготовке специалистов в военное время» пятилетний срок обучения сокращён, осуществлён переход на трёхлетние учебные планы. В вузах при сохранении объёма учебного материала пересмотрена номенклатура специальностей. Хабаровский государственный педагогический институт в конце 1941 г. переведён на трёхгодичный срок обучения, по распоряжению Наркомпроса, без сдачи государственных экзаменов выпущены 32 студента третьего курса¹²⁵.

Восстановление высшего и среднего специального образования в стране началось с 1943 г. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) отменялись учебные планы с сокращёнными сроками обучения, увеличивалось финансирование, появились возможности для пополнения профессорско-преподавательского состава, освобождения студентов от призыва, выплаты стипендий остро нуждающимся (стипендию платили студентам, имеющим 2/3 отличных оценок и вернувшимся с фронта). Студенты – участники войны и иждивенцы рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота освобождались от платы за обучение в вузах и техникумах¹²⁶.

Возвратились в ДВПИ студенты-корпусники, направленные перед войной на обучение в Ленинградский кораблестроительный институт. Во Владивостоке они успешно защитили дипломные проекты, состоялся первый выпуск инженеров-кораблестроителей, а без защиты дипломов выпустили судомехаников, проведён набор студентов на специальности «Геология и разведка», «Разработка месторождений полезных ископаемых»¹²⁷.

Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта по приказу Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) перешёл на подготовку инженеров широкого профиля на факультетах движения и грузовой работы, строительном и механическом. В вузе открылись вечернее и подготовительные отделения, краткосрочные курсы для ускоренной подготовки специалистов, в частности годовичные – для подготовки военных техников первого класса по специальностям «Паровозное хозяйство», «Движение и грузовая работа»¹²⁸.

Одной из сложных являлась проблема создания и укрепления материально-технической базы подготовки специалистов. Открытие учебных заведений в регионе в 1930 гг., как правило, не сопровождалось созданием адекватной материальной базы для обучения студентов, а в условиях военного времени государство не располагало достаточными материальными ресурсами для надлежащей постановки учебного процесса. Ещё в предвоенный период центральными органами управления страны не учитывались специфические особенности Дальнего

Востока: отдалённость от центра страны, его слабая заселённость, отсутствие развитой строительной базы, суровые климатические условия, обусловливавшие более высокую стоимость строительства и содержания вузовских объектов. В практике хозяйственного освоения Дальневосточного региона государственные ассигнования приоритетно выделялись на возведение предприятий промышленности, транспорта, а сфера образования и подготовки специалистов обеспечивалась, как и прежде, по остаточному принципу¹²⁹.

Большинство вузов, созданных в предвоенный период, не располагали надлежащей материально-технической базой, а в годы войны открытие новых учебных заведений, как правило, не сопровождалось созданием необходимых аудиторий и лабораторий, спортивных сооружений, столовых и общежитий для студентов, жилья для преподавателей¹³⁰. Например, открывшийся в сентябре 1940 г. во Владивостоке учительский институт, не имея собственных учебно-лабораторных площадей, использовал до 1943 г. учебно-техническую базу педагогического училища¹³¹. В Хабаровском государственном педагогическом институте единственный учебный корпус более чем наполовину был занят под общежитие студентов, 16 комнат занимали преподаватели, 2 – выделены в распоряжение эвакуационного госпиталя¹³².

Учебные заведения региона вынуждены были работать в условиях недостаточного материально-технического обеспечения и постоянной финансовой напряжённости¹³³. Единственным исключением, пожалуй, стало укрепление материальной базы военизированного Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (недостроенного перед войной), готовившего специалистов путей сообщения, в том числе и для фронта. Здесь в 1941–1942 гг. было завершено строительство двух учебных секций, к 1944 г. в эксплуатацию сданы общежитие, студенческая столовая, магазин, учебно-производственные мастерские, овощехранилище, 5 деревянных двухэтажных жилых домов, 30 индивидуальных, 8- и 24-квартирный дома для преподавательского состава. Всё это выполнено за счёт невероятных трудовых усилий не только рабочих, но и студентов, сотрудников института, принимавших активное участие в строительстве вузовских объектов¹³⁴.

Сложной была проблема обеспечения вузов и техникумов Дальнего Востока профессорско-преподавательским составом. В годы массовых репрессий арестовали видных специалистов Дальневосточного государственного университета, Дальневосточного филиала Академии наук СССР, Дальневосточного политехнического института и других вузов¹³⁵.

В годы войны обеспечение высших учебных заведений Дальневосточного региона докторами и кандидатами наук осуществлялось по направлениям центральных органов высшей школы. В начале войны в вузах региона насчитывалось 10 докторов и более 50 кандидатов наук¹³⁶. Однако заявки вузов Дальнего Востока на этих специалистов, как правило, не удовлетворялись в полном объёме. Поэтому у всех преподавателей вузов региона учебная нагрузка была очень высокой, а на проведение научных исследований практически не оставалось времени.

Учебный процесс осуществлялся немногочисленными квалифицированными преподавателями и специалистами-практиками без педагогического опыта и необходимых навыков. Так, в Хабаровском педагогическом институте читали лекции и вели спецкурсы артисты Харьковского театра русской драмы

(рук. народный артист СССР А.Г. Крамов). Заслуженный артист УССР В.М. Аристов вёл факультатив по истории русского языка, актёры В.М. Матов и И.С. Любич – курс выразительного чтения. К преподавательской работе на кафедре немецкого языка были привлечены студентки выпускного курса К.И. Киви (Щегоцкая) и М.Т. Чурина¹³⁷.

В сложившихся условиях приходилось комплектовать штат научно-педагогических кадров за счёт собственных выпускников, показавших высокие результаты в учёбе и склонность к научной работе. Так, например, в 1944 г. в связи с неукомплектованностью преподавательскими кадрами (68% численности штатного расписания) в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта были оставлены на кафедрах выпускники вуза Лосин, Хандурин, Щербаков, Лабзин, Румянцев, Рогозин, Куликов, Немышин¹³⁸.

Несмотря на трудности, в годы войны в ряде вузов Дальневосточного региона сложилось ядро квалифицированных научно-педагогических кадров. Численность преподавательских кадров Дальнего Востока постепенно увеличивалась, улучшался качественный состав. Этому способствовало то, что преподавателей и учёных, имевших научные звания и учёные степени, отзывали с фронта и направляли в вузы и научные учреждения. Только в вузах Хабаровского края в 1947 г. работали 366 преподавателей, в том числе 12 докторов наук, профессоров и 147 кандидатов наук, доцентов¹³⁹.

Наиболее квалифицированные преподаватели были сосредоточены в Хабаровском медицинском институте (ХМИ), где перед началом войны открыли аспирантуру. В начале 1941 г. в институте работали 12 профессоров, 17 доцентов, кандидатов наук и 79 ассистентов. Весной 1941 г. состоялась первая защита кандидатской диссертации ассистента кафедры госпитальной хирургии А.А. Кишешевой на тему «Переливание неподогретой крови». Всего в специализированном диссертационном совете Хабаровского мединститута в период с 1941 по 1946 г. защитили 40 кандидатских диссертаций, в том числе 22 – сотрудники Института¹⁴⁰.

В годы войны в вузах Дальнего Востока самоотверженно работали Н.К. Кольцова, Е.В. Бырдин, П.И. Ованесов, А.В. Тебекин, Б.Л. Хаселева, С.А. Низяев, Н.А. Смирнова, И.П. Гарбузов, В.С. Горелик, Р.В. Вильчинский, А.В. Удинцова, М.Д. Ардентова, Л.П. Сольский, Г.И. Цейтлина, С.Г. Гордиенко, А.В. Башутский, С.И. Синяев (Владивостокский педагогический институт)¹⁴¹, профессор В.Н. Шумкин, старшие преподаватели И.В. Горбачев, Н.И. Фролов, научные сотрудники, доценты К.А. Адамчик, М.А. Акайкин, С.А. Бобковский, В.С. Коровин, Н.С. Мариненко, А.В. Стоценко, В.Т. Быков, П.И. Томских, М.С. Куликов, А.Ю. Прок, С.В. Лайнер, Д.П. Скобов, А.П. Соколов (ДВПИ)¹⁴², П.П. Кирьянов, Е.Е. Желтоухов, А.В. Козырев, В.Я. Ястребов, Э.Г. Фишер, А.В. Грустная, О.И. Лысенко, Г.А. Арнольд, Н.И. Рябов, Х.Б. Шустерман, М.И. Бушуева, В.К. Соколова, Р.Я. Домбровский, М.Б. Ушаева, С.Е. Денисова, М.А. Козловская, Н.А. Авдеева, Е.М. Жуков (впоследствии академик АН СССР), М.Ф. Тупиков, В.В. Костылев, Е.Н. Пучкова, Г.П. Домашенкина (Хабаровский педагогический институт)¹⁴³.

Однако в количественном и качественном отношении состав научно-преподавательских кадров вузов Дальнего Востока не соответствовал требованиям высшей школы, значительно уступал по всем критериям и показателям центральным районам страны. Обеспеченность преподавательскими кадрами

с высшим образованием средних специальных учебных заведений Дальнего Востока в годы войны также не отличалась стабильностью.

В годы войны повседневная жизнь студентов и преподавателей дальневосточных вузов, как и других социальных слоёв советского общества, подчинялась единой цели: «Всё для фронта, всё для победы!». Преподаватели и студенты работали в госпиталях, в подсобных хозяйствах, на совхозных и колхозных полях, выполняли погрузо-разгрузочные и всякого рода «авральные» работы, заготавливали дрова и уголь для институтов, участвовали в осенней рыболовецкой путине, обслуживали общегития (топили печи, носили воду, убирали комнаты)¹⁴⁴. Они проводили военно-патриотические и культурно-массовые мероприятия, собирали подарки и тёплые вещи для фронтовиков, денежные средства в Фонд обороны¹⁴⁵. Так, с июня 1941 г. по март 1943 г. коллектив Хабаровского государственного педагогического института послал на фронт подарков более чем на 30 тыс. руб., сдал в Фонд обороны на 250 тыс. руб. облигаций государственного займа, много ценных вещей. Средства собирались на постройку эскадрильи «Хабаровский комсомол» и в помощь семьям фронтовиков¹⁴⁶.

Студенты и сотрудники ДВПИ по вечерам и воскресным дням трудились во Владивостокском торговом порту (только в 1942 г. отработано более 6 тыс. ч, а за годы войны – десятки тысяч)¹⁴⁷. В Хабаровском педагогическом институте было развёрнуто соревнование между учебными группами за право называться фронтовой. Критериями соревнования были высокие показатели в учёбе, военно-оборонной работе и общественной жизни института¹⁴⁸.

По основным видам продовольствия студенты получали пайки, соответствовавшие нормам рабочих, а также специальные и дополнительные – по медицинским показаниям. Снабжение промтоварами осуществлялось по карточкам, причём студенты-отличники и активные общественники получали товары лучшего качества, студенты-инвалиды обеспечивались за счёт городского и районного исполкомов. Студентам и сотрудникам полагалось бесплатное топливо. При вузах и техникумах Дальневосточного региона создавались подсобные хозяйства, за счёт которых удавалось несколько разнообразить рацион питания студентов и преподавателей. Так, коллектив ДВПИ на ст. Надеждинская и Раздольное имел пригородные хозяйства площадью 23 га пахотной земли и индивидуальные огороды – около 5 га¹⁴⁹. ВГПИ имел своё подсобное хозяйство в с. Прохоры Спасского района, включавшее в себя земельный участок и небольшую свиноферму, продукция которых поступала в институтскую столовую¹⁵⁰.

Дальневосточные студенты Хабаровского педагогического института военных лет вспоминали: «...Трудным был быт и студентов, и преподавателей. Скучным было питание. С 1940 г. была введена плата за обучение. Стипендию платили только тем, кто имел 2/3 отличных оценок, и вернувшимся с фронта студентам. Многие вынуждены были подрабатывать. Материальная необеспеченность была основной причиной отсева из института. Немногие преподаватели пользовались литерной столовой и пайком. В большинстве, кроме хлебной карточки и карточки на обед в общую городскую столовую, не получали ничего. Семейным оказывали небольшую помощь овощами с подсобного хозяйства. За счёт этого хозяйства преподаватели получали завтрак в институте»¹⁵¹.

За плохо организованное и некачественное питание студентов регулярно критиковали Владивостокский трест общественного питания, работу которого признали неудовлетворительной. При этом крайторготдел неоднократно

получал предписания обеспечить столовую Владивостокского пединститута и педагогических курсов обеденной и кухонной посудой в нужном количестве и ассортименте (не хватало ложек, кружек, тарелок)¹⁵².

О повседневной жизни и учёбе во Владивостокском педагогическом институте студенты вспоминали: «...В военные годы институт жил, учился и работал, несмотря на горькие лишения, нищету и голод. Студенты и преподаватели участвовали в погрузочно-разгрузочных работах в торговом порту и на железной дороге, благоустраивали город, ремонтировали здание института. В первые дни войны с Японией в институте была создана группа самозащиты. Организованы донорские пункты, где преподаватели и студенты сдавали кровь, считая это почётным долгом перед теми, кто находился на фронте»¹⁵³.

Во всех вузах региона существовала обязательная всеобщая военная подготовка студентов по военным специальностям. Так, в Хабаровском пединституте работали кружки связистов, телеграфистов, парашютистов, шофёров, инструкторов стрелкового спорта и противовоздушной и химической обороны (ПВХО), пулемётчиков, медицинских сестёр. Проводились занятия со стрелковым оружием, регулярно совершались марш-броски: зимой – на лыжах, летом – в пеших переходах¹⁵⁴. В 1941 г. в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта подготовили 85 пулемётчиков, 84 автоматчика, 50 снайперов, 48 медицинских сестёр, в Дальневосточном политехническом институте в 1942/43 уч.г. – 28 миномётчиков, 41 радиста, 51 телефониста, 57 пулемётных заметчиков, 49 станкистов¹⁵⁵.

Коллективы учебных заведений региона работали на возведении оборонительных рубежей и щелей, бомбоубежищ, создавали группы самозащиты, санитарные посты, службы противовоздушной и химической обороны, обучались военному делу, основам противопожарной и противохимической защиты. Высокий патриотизм проявили работники ДВПИ, в частности профессор В.Н. Шумкин, старший преподаватель Н.И. Фролов, научные сотрудники, доценты М.А. Акайкин, А.В. Стоценко, В.Т. Быков, П.И. Томских, М.С. Куликов, А.Ю. Прок, технические работники А.П. Соколов, А.Ф. Егоров, М.И. Скляр, Ф.И. Смыковский, К.Е. Шендер, Ф.К. Власов, М.И. Калиникова и мн. др.¹⁵⁶

Педагогические и студенческие коллективы дальневосточных вузов, как и работники большинства других советских учреждений, под руководством партийных, комсомольских и профсоюзных организаций собирали средства в Фонд обороны, на постройку авиационной эскадрильи «Хабаровский комсомол», для оказания помощи семьям фронтовиков, готовили тёплые вещи и подарки для воинов РККА. На собранные коллективами вузов Владивостока средства был построен самолёт «Студент Приморья»¹⁵⁷.

За самоотверженный труд и помощь фронту коллективы институтов Дальнего Востока неоднократно получали благодарности председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина. Многих студентов и преподавателей наградили орденами и медалями за военные и трудовые подвиги. Среди них из Владивостокского пединститута – П.М. Карашук, Б.Л. Беляев, М.А. Солоненко, Н.В. Слинкин, А.В. Кузнецов, С.Г. Григорьев, И.Т. Спивак, А.Е. Ларин, Е. Ячин, А. Галаницкий и др.; Хабаровского пединститута – Н.А. Авдеева, Е.В. Адабовская. М.Н. Барабанов, Е.В. Белова, М.И. Бушуева, О.Г. Дукова, Е.Е. Желтоухов, П.П. Кирьянов, О.И. Лысенко, М.Т. Понятаева, Е.А. Старостин и др.; Благовещенского пединститута – С.Г. Бугрименко, А.А. Чешев, Ф.А. Цвид, Ф.С. Климахин, И.А. Паленко

и др.; Дальневосточного политехнического института – А. Дьячина, В.Н. Шумкин, С.А. Бабковский, В.С. Коровин, М.А. Агеева, А.В. Стаценко, М.А. Акайкин¹⁵⁸.

Приостановленная реализация государственной программы по введению в СССР всеобщего среднего образования в городе и семилетнего в деревне затрудняла комплектование вузов студентами, обуславливала снижение численности выпускников. Так, за годы войны число выпускников Благовещенского педагогического института сократилось в 2 раза. В 1943 г. их было выпущено в 4 раза меньше, чем в 1941 г., что объясняется досрочным (по распоряжению Наркомпроса РСФСР) выпуском специалистов в 1942 г.¹⁵⁹

Аналогичная ситуация сложилась и в других вузах региона: в 1942 г. из ДВПИ выпущено в 3 раза меньше инженеров, чем в 1941 г. Исключением был Хабаровский медицинский институт, в котором в связи с высокими потребностями в медицинских кадрах в годы войны постоянно увеличивался не только приём студентов, но и выпуск врачей. В 1941 г. было сделано два досрочных ускоренных выпуска – в июле (101 чел.) и декабре (148 чел.); в 1942 г. подготовлено 196 специалистов, в 1943 г. – 213, а всего за 1941–1945 гг. – 816 специалистов для фронта¹⁶⁰.

Тем не менее, несмотря на трудности, обусловленные военным временем, деятельность системы высшего и среднего специального образования в Дальневосточном регионе способствовала пополнению народнохозяйственного комплекса специалистами. Так, в Благовещенском государственном педагогическом институте только в 1941 г. было подготовлено 124 учителя русского языка и литературы, физики и математики. За 1941–1945 гг. в ДВПИ – 297 инженеров, в Хабаровском медицинском институте – 820 врачей, в Хабаровском государственном педагогическом институте – 450 учителей. В ХабИИЖТ первый выпуск состоялся в 1944 г. – 84 инженера (17 получили дипломы с отличием), а в 1945 г. – более 100 инженеров железнодорожного транспорта¹⁶¹.

В годы войны региональные власти сумели сохранить созданную в довоенное время систему подготовки учителей (табл. 6.3.1).

Ещё с довоенного времени работали институты усовершенствования учителей во Владивостоке и Хабаровске, 10 педагогических училищ (во Владивостоке, Ворошилове (Уссурийске), Спасске, Благовещенске, Биробиджане, Анадыре, Тигиле, Николаевске-на-Амуре, Петропавловске-Камчатском и Александровске-на-Сахалине), 2 педагогических института (Благовещенск и Хабаровск), Хабаровский учительский институт и Владивостокский учительский институт, открытый на базе Владивостокского педучилища в составе двух отделений (русский язык и литература, физико-математический) и со штатом студентов в 140 чел.¹⁶² В Приморском крае открыли Владивостокский педагогический институт, заочные отделения и новое училище для подготовки специалистов в дошкольные учреждения.

Институты усовершенствования учителей Приморского и Хабаровского краёв и Владивостокский педагогический институт активизировали работу по повышению квалификации руководящего состава учебных заведений и учителей и стали подлинными центрами методической работы в городах и сельских районах. На них лежали основная тяжесть политико-просветительной работы среди учителей в форме тематических лекториев и докладов, организация работы по подготовке и проведению научно-педагогических конференций по основным вопросам работы школ и детских учреждений в условиях военного времени, методическая помощь учителям, занимавшимся самообразованием.

Таблица 6.3.1. Сеть подготовки учителей на Дальнем Востоке СССР в 1941 и 1945 гг.

Показатели	Хабаровский край		Приморский край		Всего по региону	
	Годы					
	1941	1945	1941	1945	1941	1945
Краевой институт усовершенствования учителей	1	1	1	1	2	2
Учительский институт	1	1	1	1	2	2
Педагогический институт	2	2	–	1	2	3
Педагогические училища (подготовка учителей)	7	7	3	3	10	10
Педагогическое дошкольное училище	–	–	–	1	–	1
Заочные отделения при педучилищах	4	4	1	4	5	8
Курсы подготовки кадров средней квалификации*	1	1	Нет св.	Нет св.	1	1
Курсы высшей квалификации**	1	1	Нет св.	Нет св.	1	1
Итого	17	17	6	11	23	28

Источники. ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 21; Д. 83. Л. 1, 21; Д. 113. Л. 3, 70; Д. 123. Л. 49, 60; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 1, 52; Д. 15. Л. 5.

Примечания. *Включали курсы подготовки учителей 1–4-х классов, курсовую подготовку учителей 5–7-х классов, курсы учителей для национальных школ, семинары военруков.

**Включали заочное обучение за курс учительского института.

В 1941–1943 гг., когда из-за сокращения финансирования и призыва специалистов в РККА пришлось свернуть работу отдельных кабинетов, трудовые коллективы сумели сохранить наиболее актуальные в методическом отношении кабинеты (педагогика, русского языка, географии, физики, начальной школы и др.). Специалисты институтов выезжали в районные школы для оказания методической помощи учителям и давали показательные уроки; проводили кустовые, районные и городские совещания по основным вопросам учебно-воспитательной работы; рассылали в районные и городские отделы народного образования информационные, научные и методические материалы. После введения в школах уроков обучения сельскому хозяйству разрабатывались соответствующие учебные программы, а также программы по географии и естествознанию с краеведческим уклоном, велись спецкурсы для учителей, администраций школ и интернатов в связи с созданием пришкольных участков и хозяйств, проходили выступления с актуальными вопросами по радио¹⁶³.

Объёмы проделанной методической работы можно рассмотреть на примере института усовершенствования учителей Приморского края. В начале войны в институте работали 13 научных сотрудников, из них 8 были совместителями. К концу 1941/42 учебного года осталось 5 научных работников, включая 2 совместителей. Все специалисты высокой квалификации: 4 чел. имели стаж работы от 20 до 30 лет, 1 чел. – более 45 лет. Они сделали 238 выездов на места, увеличив по сравнению с предыдущим годом количество посещений районных школ,

особенно на периферии, в 2 раза. Они дали 470 показательных уроков, прочли 200 лекций и докладов, провели 400 консультаций, кроме того, в течение года написали 10 научных статей для двух методических сборников о перестройке учебно-воспитательного процесса в военное время и в помощь организаторам внешкольной и общественно-полезной работы¹⁶⁴.

В 1943/44 учебном году полностью восстановили работу 6 научно-методических кабинетов: педагогики, начальной школы, арифметики, географии, естествознания, русского языка и литературы. На выездах посетили 74 городские и 72 районные школы, дали 411 показательных уроков, прочитали 151 доклад и лекцию, разработали 57 методических указаний, провели 40 открытых уроков, 51 педагогическое совещание и 1135 консультаций, сделали 19 выступлений по радио. После введения обязательных выпускных экзаменов специалисты института обратили особое внимание на организацию и проведение контрольных аттестаций. В 1944/45 учебном году они провели 361 показательную контрольную работу и 2833 показательных анализа контрольных работ, разработали 63 темы контрольных работ, посетили 74 экзамена, проверили 1844 экзаменационных билета, опубликовали и подготовили к печати 8 сборников, организовали 20 выставок и сделали для школ 47 подборок технических материалов¹⁶⁵.

Несмотря на тяготы военного времени, в регионе не закрыли ни одного педагогического учебного заведения. Программа обучения в училищах включала педагогику, русский язык, литературу, историю, Конституцию СССР, а также цикл математических (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, теоретическая арифметика) и естественнонаучных (география, естествознание, физика, химия) дисциплин¹⁶⁶.

С началом войны в программный материал училищ и вузов включили курс военно-физической подготовки студентов. Для подготовки педагогов в национальные школы народов Севера учебную программу Благовещенского педагогического училища дополнили изучением нанайского языка, Ворошиловского – эвенского и эвенкийского, Владивостокского – чукотского и корякского, а в педагогических училищах Николаевска-на-Амуре, Анадыря и Тигиля – нанайского, чукотского, эскимосского и корякского языков¹⁶⁷.

Для всех педагогических учебных заведений общими проблемами являлись набор студентов и сохранение контингента учащихся. Почти всю войну на Дальнем Востоке планы по наборам в педагогические вузы не выполнялись (табл. 6.3.2). Зачисление без экзаменов позволяло увеличить наборы на первые курсы, но преодолеть тенденцию сокращения наборов абитуриентов в педагогические учебные заведения не удалось. Нерешённой осталась и задача сохранения контингента учащихся.

Наиболее сложная ситуация складывалась на Чукотке и Камчатке, так как из детей северных народов очень немногие заканчивали 6–7-й классы неполных средних школ, поэтому активизировали комплектование педагогических учебных заведений русскими студентами, хотя это и противоречило довоенному распоряжению Наркомпроса (№ 425 от 6 мая 1941 г.) об увеличении численности молодёжи из коренных национальностей, принимаемой в педагогические учебные заведения¹⁶⁸.

Повсеместному сокращению учащихся способствовали и материальные трудности. Так, при увеличении численности учащихся в училищах Хабаровского края в 1941–1944 гг. в 1,3 раза обеспеченность местами в общежитиях упала

Таблица 6.3.2. Динамика контингента учащихся педагогических училищ Хабаровского края с 1941 по 1945 г.

Показатели	Обучаются, чел.				Отсев в течение года, %
	Всего	На курсах			
		I	II	III	
1941/42 уч. год	728	286	225	217	24,0
1942/43 уч. год	627	281	194	152	46,0
1943/44 уч. год	952	492	273	187	62,0
1944/45 уч. год	889	356	330	203	43,0

Источники. ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–3, 5–6, 8–9, 11; Д. 113. Л. 69, 72; Д. 123. Л. 2; Д. 134. Л. 3 (сост. авт.).

в 4 раза, число стипендиатов сократилось с 35 до 19%, уменьшился размер стипендии: в 1941 г. 136 руб., в 1944 г. – 110 руб.¹⁶⁹

Для предотвращения оттока осуществлялась материальная поддержка студентов (организация питания, обеспечение общежитиями), было пересмотрено довоенное постановление правительства СССР о платном обучении (№ 1860 от 2 октября 1940 г.). Часть студентов, главным образом из коренных малочисленных народов, освобождалась от платы за учёбу.

Численность преподавателей в училищах уменьшилась за счёт сокращения специалистов с высшим образованием, снизился общий квалификационный уровень педагогических коллективов. Недостаток кадрового потенциала пополняли за счёт совместителей. В 1941/42 уч. году в педагогических училищах Хабаровского края работали 87 специалистов (63 – с высшим образованием и 24 – с незаконченным высшим), совместителей не было¹⁷⁰. В 1943/44 уч. году кадровый потенциал состоял из 60 специалистов и 13 совместителей: 59 педагогов – с высшим образованием, из них 11 совместителей и 14 – с незаконченным высшим, в том числе два совместителя¹⁷¹. Таким образом, с осени 1941 г. по весну 1944 г. кадровый потенциал в педагогических училищах Хабаровского края сократился более чем на треть.

В 1944/45 уч. году часть преподавателей из педагогических учебных заведений отозвали на партийную работу, что увеличило нагрузку на оставшихся, не хватало преподавателей отдельных дисциплин. Для прохождения педагогической практики большинство педучилищ имели свои базовые школы¹⁷².

Вследствие призыва мужчин в армию усилилась феминизация студенческого состава педагогических учебных заведений. Преобладание женщин наиболее ярко проявлялось на заочных отделениях. В 1942 г. на юге Хабаровского края учились около 82% студенток-заочниц, на 6-месячных курсах подготовки и переподготовки учителей неполных средних школ в 1943 г. женщины составляли 80%¹⁷³. В училищах Анадыря и Тигиля преобладали студенты-мужчины. В октябре 1943 г. здесь учились всего 10 женщин, представлявших коренные северные народы¹⁷⁴.

Сокращается численность учащихся на заочных отделениях. Так, в 1941/42 уч. году в Хабаровском крае заочно учились 645 чел., в 1942/43 – 604 чел., в 1943/44 – 423 чел.¹⁷⁵ Срок обучения учителей для 1–4-х классов устанавливается 2 года, для старших классов – 4 года. Все школьные учителя, не имевшие

специального образования, были взяты на учёт, начался их набор на заочное отделение училищ и вузов.

По плану на 1944/45 уч. год Владивостокский учительский институт и Спасское педучилище набирали по 150 заочников, Владивостокское и Ворошиловское педучилища – по 170 и 200 чел. Летнюю сессию 1945 г. в Приморском крае сдали 500 учителей-заочников¹⁷⁶. В Хабаровском крае заочные отделения имели педагогические училища в Благовещенске, Биробиджане, Николаевске-на-Амуре и в Александровске-на-Сахалине. На 1944/45 уч. год заявления подали 588 абитуриентов, на I курс зачислили 456 чел., из них 60 – без вступительных экзаменов¹⁷⁷.

Из-за загруженности по основному месту работы успеваемость у студентов-заочников была невысокой. К примеру, на осеннюю сессию 1942 г. в Благовещенском педучилище вызвали 222 чел., из них прибыли 149 (67,2%); в Николаевском-на-Амуре из 45–27 (60%); в Биробиджанском из 186 чел. – 86 (46,2%)¹⁷⁸. В Благовещенском педучилище все экзамены сдали только 29 чел. (19,5%), в том числе на «хорошо» и «отлично» – 5 чел., дипломы защитили 2 чел.; в Николаевском-на-Амуре педучилище сдали все экзамены 4 чел. (13%), а из 23 дипломников защитились 4 чел.¹⁷⁹

Студенты дневных отделений имели более высокий уровень знаний. Самым успешным считалось Биробиджанское педагогическое училище, где не было второгодников и неуспевающих. В Петропавловском педучилище в 1943 г. сделали выпуск третьего курса в полном составе (14 чел.), успевали, включая выпускников, 43 студента из 54, или почти 80% учащихся¹⁸⁰. К концу 1944/45 уч. года в педагогическом и учительском институтах Владивостока успевали 88,5% студентов, программный материал не освоили 11,5%, отсея студентов составил 15%¹⁸¹.

Поднятию уровня учебной работы способствовала организация повторения программного материала и слабо усвоенных разделов программ. Особое внимание обращали на изучение русского языка как основы для повышения грамотности и развития устной и письменной речи, активизировали внеклассную работу (научно-популярные лектории, литературные и тематические вечера, кружки по интересам), направленную на поднятие общекультурного уровня студентов¹⁸².

Помимо заочного обучения учителя повышали квалификацию на шестимесячных курсах подготовки и переподготовки при педвузах. В первом полугодии 1943 г. учились 85 чел. из Хабаровского и Приморского краёв, по окончании полного курса обучения выпуск составил 70 чел.; во втором полугодии на курсах при учительских институтах обучались 184 чел., при педучилищах – 420 чел.¹⁸³

В годы войны учебные корпуса имели все училища, за исключением Анадырского и Тигильского, студенты которых занимались в помещениях средних школ. Однако оборудование учебных кабинетов пришло в негодность, книжные фонды не пополняли¹⁸⁴. Дефицит специальной учебной, методической, научно-популярной и художественной литературы (включая авторов, чьи произведения проходили по учебным программам школ и педучилищ), недостаток наглядных и учебных пособий серьёзно осложняли работу преподавателей, учёбу студентов и прохождение педпрактики. Материальный фактор непосредственно влиял на качество подготовки будущих педагогов. Помещения учебных зданий нуждались в капитальном ремонте, отопительные системы пришли в аварийное состояние и работали с перебоями¹⁸⁵.

Общая неустроенность сказывалась и на быте студентов. Мест в общежитиях не хватало, дефицит постельного белья, мебели и оборудования был повсеместным. Чтобы обеспечить иногородних студентов спальными местами, администрации учебных заведений занимались «уплотнением» учебных и хозяйственных площадей, как это было в Благовещенске, где под общежитие «уплотнили» часть учебного корпуса. Принимаемые крайние меры по освобождению помещений, занятых сторонними организациями, оставались малоэффективными. Николаевскому-на-Амуре педучилищу так и не возвратили кирпичное трёхэтажное здание, занятое войсковой частью¹⁸⁶.

Нормативы отпуска топлива во время войны снижались, и температура в общежитиях, классных комнатах оставалась низкой, студенты жили и занимались в холодных помещениях. Наблюдались перебои с подачей электричества, его едва хватало на занятия в классах, на самостоятельную работу учащихся уже не доставало¹⁸⁷.

Нормализация ситуации в учебных заведениях Дальнего Востока началась только с первого полугодия 1945 г., когда появилась некоторая возможность увеличения финансирования и материального снабжения системы народного образования. Впервые за все военные годы в педагогических училищах Хабаровского края провели текущий ремонт, повсеместно открыли столовые, организовали трёхразовое питание студентов, хотя и дорогое (8–10 руб. в день)¹⁸⁸.

Расширенное заседание Приморского крайисполкома, на котором рассмотрели вопрос о состоянии Владивостокского педагогического училища, состоялось 3 февраля 1945 г. Для укрепления материальной базы училища выделили из краевого бюджета 25 000 руб. на оборудование физического и химического кабинетов, учебной мастерской. Крайместпром должен был изготовить табуреты, шкафы и тумбочки, крайплан выделить 100 электролампочек, 60 вёдер, 50 тазов и 30 умывальников, крайторготдел обеспечить столовую училища обеденной и кухонной посудой и мебелью. О сложности восстановительных работ свидетельствует, в частности, тот факт, что учебные кабинеты пришлось оборудовать заново, укомплектование учебными пособиями происходило за счёт пединститута, а библиотеки – из книжного фонда школьных библиотек Владивостока¹⁸⁹.

Принятые меры по улучшению материального положения преподавателей включали помощь топливом, керосином, одеждой, обувью и другими промтоварами, организацию питания в специальных столовых¹⁹⁰. Конечно, из-за нехватки материальных и финансовых ресурсов существенных изменений не произошло, но в то тяжёлое время была важна любая поддержка.

По ряду объективных причин объёмы подготовки специалистов во время войны сократились. Только педагогические училища Приморского края в 1943–1945 гг. подготовили 920 учителей (313 предметников и 607 – учителей начальных школ), в том числе в 1945 г. выпустили 331 специалиста¹⁹¹.

Несмотря на тяжелейшие внешнеполитические, организационные, управленческие, социально-экономические, а также повседневные материальные трудности и морально-психологические условия военного времени, высшее и среднее образование на Дальнем Востоке СССР получило дальнейшее развитие, но кадровая проблема в регионе оставалась чрезвычайно острой. Педагогические учебные заведения не восполняли кадровых потерь в системе образования, но позволяли осуществлять учебный процесс в школах Дальнего Востока.

6.4. Наука на Дальнем Востоке в годы войны

В предвоенные годы для развития науки не удалось создать благоприятные финансовые и материальные условия, что особенно касалось окраин страны. Дальневосточная наука, формируясь в условиях, при которых организационные решения опережали все прочие, в основном была представлена естественнонаучными направлениями. К 1941 г. она не смогла создать научно-производственную базу, которая обеспечивала бы ей надёжность исследований. В своих выводах комиссия Академии наук СССР, обследовавшая в октябре 1938 г. Дальневосточный филиал (г. Владивосток), констатировала, что, несмотря на «...огромное внимание и помощь, которую Советское правительство оказывает науке в СССР, созданные врагами народа, сидевшими в руководстве области, убийственные условия для науки на Дальнем Востоке не только не способствуют её развитию, но использовались врагами во враждебных целях как пример антисоветского отношения к советской науке и учёным»¹⁹².

Дело, безусловно, было не во «врагах народа». Репрессии, начавшиеся в научной среде на Дальнем Востоке в 1929 г. и продолжавшиеся до 1939 г., лишили её наиболее квалифицированных кадров, включая учёных, сформировавшихся ещё до революции, т.е. всю «старую интеллигенцию»¹⁹³. Репрессии тяжело отразились не только на научно-исследовательской деятельности и моральном состоянии научных работников, но и на их здоровье. Даже апологеты были, выражаясь языком А. Пятигорского, неадекватны той политической ситуации, которую рефлексировали¹⁹⁴. Достаточно обратиться к результатам медицинского осмотра сотрудников Дальневосточного филиала Академии наук (ДВФАН), проведённого в разгар «борьбы с последствиями вредительства» в середине февраля 1938 г. Из всех прошедших медосмотр выберем политических активистов: А.И. Зубов – невроз сердца, неврастения; Б.П. Колесников – невроз; П.П. Бентхен – неврастения. У самого активного, В.П. Тебенькова, – реактивная неврастения¹⁹⁵.

К началу войны кадровый потенциал науки на Дальнем Востоке СССР обескровили не только репрессии, но и их последствия. В 1939 г. последовало закрытие Дальневосточного филиала Академии наук и Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), которые, пережив аресты основного состава, всё-таки смогли восстановить численность за счёт миграции. Вот как описал 1 июня 1939 г. ситуацию в ДВФАН накануне его закрытия сотрудник ботанического сектора, кандидат биологических наук А.А. Емельянов академику В.Л. Комарову: «В Филиале царит полное смятение, непонимание того, что делается, совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полушёпотом, намёками, что-то скрывает, избегает встречаться с сотрудниками. Предлагается свёртывать своё имущество не только закрытого зоологического сектора, но и ботаникам рекомендуется упаковать свой гербарий. Всё это создало крайне напряжённое и тяжёлое состояние у сотрудников всего Филиала»¹⁹⁶.

Состояние, в котором пребывали учёные, и обретенный ими опыт стали социокультурным контекстом – 507 научных работников трёх секторов науки на Дальнем Востоке, расположенных в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области, но в собственно научных учреждениях было лишь чуть более 250 чел.¹⁹⁷ После арестов их численность сократилась примерно на 100 чел. (в 1939 г. по отношению к 1936 г.), но увеличилась за счёт Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) и Хабаровского педагогического

института (ХГПИ). Кроме того, возросло число преподавателей в Дальневосточном политехническом (ДВПИ), Хабаровском медицинском (ХГМИ) и Благовещенском педагогическом (БГПИ) институтах, а также научных работников в ряде отраслевых научных учреждений.

На Дальнем Востоке среди научных работников к началу войны было 10 докторов наук и 56 кандидатов, из них 2 кандидата наук на Горнотаёжной станции (ГТС), 12 – в Тихоокеанском институте рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), 2 – в Дальневосточном научно-исследовательском институте земледелия и животноводства (ДальНИИЗиЖ) и 40 – в вузах. Из 10 докторов наук 9 также находились в вузах и один в отраслевом секторе¹⁹⁸.

Однако формальные показатели не соответствовали фактическому уровню квалификации ряда дальневосточных учёных. Так, не был подтверждён документами высокий уровень профессионализма таких учёных, как В.А. Золотницкий и Е.А. Гамаюнова (ДальНИИЗиЖ), Г.Э. Куренцова, Д.П. Воробьев и З.Н. Гутникова (ГТС), А.А. Цымек (Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства – ДальНИИЛХ), и ряда других.

В начале войны государственная политика была направлена на сохранение научного потенциала. Вместе с крупнейшими промышленными предприятиями обязательной эвакуации подлежали все центральные научные учреждения во главе с Академией наук СССР, Президиум которой обосновался в Свердловске. В июле 1941 г. при Государственном Комитете Оборона был создан Научно-технический совет во главе с уполномоченным ГКО, председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнарком СССР С.В. Кафтановым. В совет вошли академики И.П. Бардин, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица и ряд крупнейших учёных. В целях усиления партийного руководства научной деятельностью по решению ЦК партии был создан Отдел науки при ЦК ВКП(б)¹⁹⁹.

В 1941–1942 гг. была создана Комиссия по мобилизации ресурсов на нужды обороны во главе с академиками В.Л. Комаровым и Е.А. Чудаковым. В октябре 1943 г. была открыта Академия педагогических наук, в июне 1944 г. – Академия медицинских наук, ряд отраслевых институтов и новых вузов. Существенно изменилась структура Академии наук СССР. Она пополнилась новыми республиканскими академиями: Узбекской (27 сент. 1943 г.), Армянской (29 окт. 1943 г.) и Азербайджанской (23 янв. 1945 г.). Открылся ряд филиалов АН СССР: Киргизский (5 янв. 1943 г.), Западно-Сибирский (21 окт. 1943 г.), Казанский (13 апр. 1945 г.), восстанавливались ранее закрытые научные учреждения. В августе 1943 г. оставшаяся после закрытия Дальневосточного филиала Академии наук Горнотаёжная станция была преобразована в Дальневосточную базу АН СССР им. В.Л. Комарова. В 1944 г. вновь разделились слитые в 1941 г. Кольская и Северная базы, расположенные в Коми АССР²⁰⁰.

Все структурные преобразования в науке проходили при минимальных финансово-материальных затратах. Научная политика в этом отношении оставалась неизменной. Организационные решения опережали финансовые и кадровые. Научные учреждения испытывали острый недостаток в средствах, рабочих площадях, оборудовании и, конечно, в специалистах. Многие научные работники ушли на фронт, несмотря на то что учёные, особенно связанные с оборонной тематикой, освобождались от призыва. При этом сохранялось идеологическое обеспечение исследовательской деятельности.

Более жёсткой, чем в мирное время, стала централизация управленческой деятельности, поэтому наука на Дальнем Востоке оказалась вовлечённой в общеорганизационный процесс. Кроме Базы ГТС АН СССР, разместившейся в начале в г. Ворошилов (ныне г. Уссурийск), в 1943–1944 гг. было открыто два вуза: Владивостокский государственный педагогический институт (ВГПИ) и Владивостокское высшее мореходное училище (ВВМУ). Число же собственно учреждений науки за весь предвоенный и военный периоды оставалось неизменным (25 учреждений), почти все естественнонаучной ориентации. Отдалённость региона, куда едва докатывались волны эвакуации научных учреждений, разительно преобразовавших научную жизнь Урала, Сибири и Средней Азии, не позволила мобилизовать для обороны страны его природные ресурсы, к тому же мало изученные, а также и слаборазвитую промышленность Дальнего Востока.

Практически не изменилась и материальная база науки региона. Промышленные предприятия, в недавнем прошлом нередко выручавшие вузы и отраслевые научные учреждения, оказывать помощь были не в состоянии. В условиях войны это воспринималось вполне естественно. Дальневосточная база АН СССР им. В.Л. Комарова пыталась вернуть оборудование, переданное после закрытия ДВФАН отраслевой науке и промышленным предприятиям края, поскольку то, что сохранилось, могло обеспечить лишь биологическое направление деятельности, в то время как предполагалось возродить химическое и геологическое, которые решали задачи повышения обороноспособности региона. Примгеология, получившая в своё время основную часть оборудования бывшего Геологического института ДВФАН, опираясь на поддержку Комитета по делам геологии СССР, отказалась его возвращать. Такой же политики придерживались и другие научные и промышленные организации, поскольку материальная база каждой из них была крайне изношена²⁰¹. Это касалось не только возрождавшейся академической науки. С полуразрушенной материальной базой и при недостаточном финансировании трудились в годы войны все учёные Дальнего Востока, внося посильный вклад в оборону страны.

Начало Великой Отечественной войны, заставшее большую часть научных работников в отпусках или экспедициях, переживалось ими как событие личного характера. И какое-то время, когда уже была осознана необходимость переориентации профессиональной деятельности и повседневной жизни на нужды войны, они испытывали растерянность²⁰².

Директор Дальневосточного института земледелия и животноводства П.Г. Власов, обращаясь к коллективу 26 июля 1941 г., отмечал, что «...некоторые товарищи очень нерешительно подошли к перестройке. А некоторые просто несерьёзно отнеслись к этому делу. Мы ещё до сих пор не можем отрешиться от беспечности». И продолжал: «...Мы должны оказывать максимальную практическую помощь колхозам и совхозам края по уборке урожая, помочь КрайЗО в его практических мероприятиях, консультациях»²⁰³.

Дело было не только в непосредственной помощи колхозам и в консультациях, но и в замене установленных планами исследовательских тем на военную проблематику, а это давалось нелегко и тем учреждениям, что только недавно открылись, и тем, что уже заявили о себе как состоявшиеся. В.И. Дмитриенко, один из ведущих преподавателей ХабИИЖТ и его будущий директор, на заседании учёного совета 28 октября 1941 г., подводя итоги изменения тематических планов, говорил: «...С начала войны тов. Сталин призвал всех нас к перестройке

работы на новый лад. Этого наш научный коллектив не сделал до сих пор. Анализируя планы НИР, ...мы видим, что Институт занимает до сих пор политику довоенную»²⁰⁴.

Можно полагать, что ХабИИЖТ, как и ХГПИ, где научная работа тоже только налаживалась, были молодыми научными учреждениями. Но не сразу переключились на военную проблематику учёные Хабаровского медицинского института (ХГМИ), что отмечалось в отчёте об их научной деятельности в 1941–1942 гг.²⁰⁵ В ДальНИИЗиЖ ряд научных сотрудников, разделяя подобную позицию, объясняли это тем, что бросать уже начатую работу нецелесообразно. «...Тема наша находится на середине выполнения. Мы занимаемся выведением новых сортов и сортоизучением плодовых и ягодников. Бросать эту работу нет смысла», – говорил научный сотрудник Института, будущий академик ВАСХНИЛ Г.Т. Казьмин²⁰⁶. Подобные признания можно было услышать и на партийных собраниях в ТИНРО уже в качестве критических замечаний. На одном из них 15 ноября 1941 г. с подобной критикой обратился к коллегам научный сотрудник Института А.И. Румянцев: «...Имелись неправильные понятия у некоторых работников, что, вот, наша работа (тема) прямого военного значения не имеет, и тем притупляли свой интерес к выполнению важных заданий»²⁰⁷.

К пересмотру исследовательской тематики учёные Дальнего Востока обратились только после доклада И.В. Сталина «О XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», сделанного на заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г. К этому времени добровольцами на фронт ушли молодые учёные ТИНРО (П.А. Моисеев, П.И. Якунин, А.Я. Таранец), ДальНИИЗиЖ (А.И. Мищенко, К.М. Воривода, Г.Т. Казьмин, П.И. Рыковский); многие ушли на производство.

Поскольку значительная часть работ была представлена естественнонаучными направлениями, преимущественно агробиологическими, первоначально помощь дальневосточных учёных тылу и фронту в основном была связана с продовольственной проблемой. В этом отношении для ихтиологов ТИНРО и его отделений особой необходимости менять проблематику не было. Вектор её был направлен уже не на изучение чисто биологических свойств морских организмов, а на выявление их запасов, состава популяций, распределение и миграцию. Объектом исследований оставались лососёвые, камбала, сардины, сельдь. Этим занимались А.Г. Смирнов, Ф.И. Крогиус, А.И. Румянцев, В.Н. Аюшин, С.М. и А.Г. Когановские, Е.М. Крохин. Кроме того, встал вопрос о возможности добычи менее ценных пород рыб: трески, мойвы и др.²⁰⁸ Проблемами их переработки и хранения в Институте под руководством И.В. Кизеветтера занимались химики-технологи. За годы войны учёные выявили оптимальные условия хранения солёной сардины, разработали основные принципы производства рыбных и крабовых консервов (В.А. Солинек, Е.Н. Оленева, К.А. Башкиров, Е.М. Члаидзе)²⁰⁹.

Биологам и учёным-аграриям не пришлось менять проблематику, расширялась только предметная сфера их исследований. На сохранившейся Горнотаёжной станции перешедшая туда из ДВФАН небольшая часть флористов приступила к разведению сортов лука, фруктов и ягод. Часть урожая в качестве семенного материала сдавалась в ближайшие колхозы, а часть реализовывалась населению. Фундаментальными исследованиями в академическом секторе науки на Дальнем Востоке продолжали заниматься работавшие на ГТС А.И. Куренцов и Б.П. Колесников, завершавший подготовку докторской диссертации, а также учёные

Вулканологической станции на Камчатке. С 1944 г. значительную часть времени учёных академического сектора в Приморье заняли переезд и обустройство ГТС в г. Ворошилов (ныне г. Уссурийск) в связи с организацией Базы. Оставшиеся на станции сотрудники продолжали агронаучные исследования, занимаясь выведением новых сортов лука, ягод, фруктов.

Помимо данных культур селекционеры ДальНИИЗиЖ и многочисленных опытных сельскохозяйственных станций (В.А. Золотницкий, А.С. Слабко, А.В. Элентух, А.В. Зайцева и др.) сосредоточились на выведении новых сортов зерновых²¹⁰. Но главное внимание было уделено разведению картофеля и увеличению его посевов. Последнее определялось не только задачами обеспечения фронта и тыла, но и указом нового директора ВАСХНИЛ им. В.И. Ленина акад. Т.Д. Лысенко. Игнорировать указ местные учёные не могли, поскольку в прямом подчинении ВАСХНИЛ находилась вся отраслевая аграрная наука страны²¹¹.

Параллельно решался вопрос расширения посевных площадей, чем занялись на Приморской сельскохозяйственной опытной станции во главе с Ф.Г. Захаркиным. Дополнительные площади (с 1 до 72 га) были выявлены в Ургальском каменноугольном районе (вечной мерзлоты), а кроме того, составлялись почвенные карты Хабаровского края и Амурской области²¹². Не без участия дальневосточных агробиологов за годы войны в регионе посадки огородной продукции увеличились на 19,3%, а картофеля почти на 30,0%²¹³.

Большие трудности возникали с селекцией новых пород скота, сортов злаковых и овощных культур, а также с применением удобрений, вызываемые продолжавшимся сокращением численности научных сотрудников практически во всех научных учреждениях Дальнего Востока. Так, в начале 1941 г. ДальНИИЗиЖ насчитывал 28 научных работников, а в 1943 г. – 16; в ГТС АН СССР в начале 1941 г. – 21 научный работник, а к осени этого же года – 14, и эта численность сохранялась до 1944 г.; в ТИПРО число научных сотрудников с 86 чел. в конце 1940 г. сократилось до 55 – к 1943 г.²¹⁴ Кадров катастрофически не хватало. Их число в первые годы войны не увеличилось за счёт эвакуированных, поскольку из-за отдалённости Дальний Восток не стал местом эвакуации, как Урал, Сибирь и среднеазиатские республики. Кадровая проблема на деле означала, что на каждого научного сотрудника аграрного сектора ложилась двойная, а то и тройная нагрузка по разработке увеличившегося количества тем.

Изначально отставала в обращении к оборонной проблематике техническая наука, преимущественно представленная вузами. Работу учёных осложняла не только практически не менявшаяся материальная база. Поначалу в местной вузовской науке реального помощника фронту и тылу не увидели партийные и советские структуры Дальнего Востока и не включили учёных в различного рода комитеты по решению оборонных проблем, что отличало их позицию от сложившейся в других регионах страны²¹⁵. Это объяснялось слабостью вузов, о которой местные органы власти были прекрасно осведомлены. На первых порах оказалось не готово к использованию результатов научных разработок и само производство. В связи с этим секретарь партбюро ДВПИ т. Меерович признавался на VI пленуме Приморского краевого комитета ВКП(б) 22 ноября 1941 г., что ценное оборудование, созданное в ДВПИ, используется неэффективно, потому что нет заказчиков²¹⁶. Пока промышленные предприятия Дальнего Востока не перестроились, учёные ДВПИ какое-то время сами находили заказчиков и, отвечая

на призыв «Всё для фронта, всё для Победы», сами занимались внедрением готовых работ.

Со временем заказы стали поступать регулярно. В результате за годы войны учёные ДВПИ немало сделали для использования в военных целях местного сырья, ранее завозимого на Дальний Восток. Профессор В.Н. Шумкин решил проблему замены кокса местными углями при плавке чугуна в вагранках. Под его руководством сотрудники Института В.Т. Быков и С.А. Бобковский наладили производство аккумуляторных пластин для Тихоокеанского флота. Из местного сырья были произведены угли для противогозов и предложены Военному совету Дальневосточного фронта. Большинство военных заказов, к которым были причастны А.В. Стоценко, И.В. Горбачев, Г.С. Рожанский, Е.Б. Юровецкий и др., выполнялись и в послевоенное время, нося закрытый характер²¹⁷. С 1941 по 1945 г. учёные ДВПИ работали над 41 научной темой и полностью завершили двадцать. Но определённая их часть уже в середине войны не была связана с оборонной тематикой.

Своеобразным вектором послевоенных исследований явилась научная тематика, связанная с решением задач тыла и фронта и для ХАБИИЖТа. И потому, что сам Институт в силу своей молодости только-только определялся в научно-исследовательской деятельности, и потому, что проблемы транспортного обеспечения носят стратегический характер для любой страны и в любое время. В годы войны в ХАБИИЖТе были завершены такие темы, как «Электрохимическое укрепление грунтов» (А.А. Драги), «Местные антисептики для шпал и строительной древесины» (А.Г. Аникин), «Проект универсального товарного вагона» (П.С. Коньков), «Временные сооружения на железнодорожном строительстве Дальнего Востока» (Т.А. Павленко) и др.²¹⁸ Всего же за 1942–1945 гг. в Институте выполнено 145 государственных и 17 хозяйственных тем, непосредственно в производство внедрено – 24²¹⁹.

Технической проблематикой занимались и специалисты ТИНРО. Естественно, что она была направлена на разработку новшеств по организации лова. В 1942–1945 гг. в Институте созданы стальной подвесной сардиновый невод для больших глубин (В.П. Отмахов), оттер-трал для лова наваги (В.С. Калиновский), стальные неводы и ловушки для прибрежного лова (И.В. Сельвинский), разработана техника лова рыб тралами с сейнеров (В.Д. Гордеев, В.С. Калиновский). Кроме того, в Институте велись геофизические исследования, изучались гидрологические условия лова сардины в западной части Японского моря (Г.П. Пономаренко, С.Н. Бобров), была дана тепловая характеристика вод Японского моря (А.М. Баталин), подведены итоги океанографических исследований (С.Н. Бобров). ТИНРО – единственное научное учреждение на Дальнем Востоке, где в годы войны велись экономические исследования, давались ежегодные обзоры состояния и развития рыбной промышленности советского Дальнего Востока и сопредельных стран – Кореи и Японии, анализировался видовой и качественный состав улова (В.Г. Богаевский и др.)²²⁰.

Достаточно быстро добился комплексного подхода к решению некоторых проблем Хабаровский медицинский институт. В ноябре 1941 г. учёные определили наиболее важные темы: анафилактический шок, над проблемами которого работало шесть кафедр в составе 13 чел., аноксемия (кислородное голодание), индикация и дегазация, травматизм, инфекции²²¹. Результаты исследований позволили скорректировать темы в следующие направления: ранения и их лечение,

особенности течения некоторых заболеваний, вопросы патогенеза осложнений, профилактика и лечение заболеваний в военное время. Только над первым из них под руководством директора Института медицины профессора А.М. Дыхно работали 7 чел. Все эти темы вскоре были объединены в рамках общего научного направления: патологии военного времени²²².

Помимо собственно прикладных заданий, связанных с оборонной тематикой, часть учёных в военные годы готовила диссертации: кто-то продолжал начатую в довоенное время, кто-то обратился к научной работе во время войны. На местах исследования могли быть защищены только в ХГМИ, поскольку в других научных учреждениях и вузах Дальнего Востока диссертационных советов ещё не было. Не случайно поэтому в данном вузе с 1941 по 1945 г. учёную степень получили 30 чел., в то время как в ДВПИ – только три, а в ХабИИЖТ – два²²³.

Такие подвижки оказались возможными в связи с оживлением кадровой составляющей научной политики. Повышением квалификации сначала озаботились в Академии наук СССР, возобновив приём в аспирантуру осенью 1942 г., а 16 октября 1943 г. приняв постановление «О научных кадрах филиалов и баз АН СССР», которое также предусматривало подготовку научных кадров через аспирантуру²²⁴. Решение АН СССР поддержали отраслевые академии и ведомства, но на Дальнем Востоке реализовать все решения не удалось. В 1944 г. аспирантура открылась лишь в ДальНИИЗиЖ, в которую приняли 2 чел.²²⁵ Это объясняет сдержанное отношение дальневосточных учёных к формальному повышению квалификации, при этом не стоит забывать, что шла война. Ни в ГТС, ни в ДальНИИЗиЖ, ни в ТИНРО, ни в Дальневосточном НИИ лесного хозяйства (ДВНИИЛХ) за эти годы не было защищено ни одной диссертации. Однако по ходатайству учёного совета ДальНИИЗиЖ двум специалистам Е.А. Гамаюновой и А.И. Качияни присвоили учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук без защиты²²⁶.

Результаты исследований дальневосточных учёных либо непосредственно внедрялись в производство, либо оформлялись в виде научных публикаций. Продолжался выпуск «Известий» в ТИНРО, в сборниках научных трудов оформляли свои исследования учёные ГТС. Только в ДальНИИЗиЖ за годы войны издано более 30 научных и научно-популярных книг и брошюр²²⁷. Монографий же, изданных на Дальнем Востоке в те годы, было немного. Это работа И.В. Кизеветтера «Производство лососевых консервов» и Г.А. Пихарева «Промысел морского зверя на Дальнем Востоке»²²⁸.

Учёные-дальневосточники, несомненно, осознавали свой долг перед страной, перед народом. Они были действительно патриотами, что следует особенно подчеркнуть²²⁹. Их патриотизм, как представляется, не был детерминирован идеологической пропагандой и оборонно-массовой работой²³⁰. Научные работники вместе со всеми принимали участие в общесоюзных акциях: в сборе вещей для Красной армии, перечислении денежных средств в Фонд обороны, приобретении облигаций государственных займов²³¹. Это был их реальный вклад в достижение Победы. Но основной для них была и оставалась исследовательская деятельность, которой они были поглощены полностью. Именно этим объясняется то, что патриотическая настроенность лишь у немногих вызвала порыв вступить в партию (за годы войны в ТИНРО их было трое, в ДВПИ – двое), а собрания, включая партийные и профсоюзные, как манифестация их политической активности в самих научных организациях проводились нерегулярно, собирали крайне малое число сотрудников и были лишены патетики и пафоса.

На общем собрании коммунистов ТИНРО 6 июля 1944 г. говорилось: «Некоторые партийные руководители увлеклись решением практических вопросов и ослабили внимание к политической пропаганде». Научный сотрудник Института В.А. Солинек, критикуя «низкий политический уровень некоторых сотрудников», констатировал: «...собрания наши срываются. Очень давно не ставили политинформации, сотрудники... не хотят посещать собрания»²³². Конечно, ТИНРО в этом был не одинок, о чём говорит выступление на партсобрании весной 1944 г. заместителя директора БГПИ по учебной работе т. Баранчеева: «... Наши резолюции похожи на резолюции... социал-демократов! Они нами принимаются, но не выполняются... Митинг, посвящённый подписанию комсомольцами и молодёжью письма т. Сталину, был сорван»²³³.

Военное время обнажило определённую аполитичность дальневосточных учёных, в чём их до войны нередко обвиняли местные партийные органы и с чем боролись руководители немногочисленных партийных организаций, но оно усилило, особенно в наиболее критических военных ситуациях, чувство Родины, умножая ответственность перед ней и их работоспособность, в то время как политико-идеологическое давление на научных работников значительно ослабло. Главное – практически прекратились репрессии. Последним арестованным (декабрь 1941 г.) в их среде был научный сотрудник ТИНРО К.А. Башкиров²³⁴.

Кроме самых первых месяцев войны местные партийные органы в работу учёных не вмешивались, положившись на их профессионализм. Тем самым дальневосточные учёные, как и их коллеги в других районах, обрели некоторую автономность в деятельности, сосредоточенной преимущественно на исследованиях²³⁵. Лишь в редчайших случаях результаты, достигнутые в рамках научных учреждений, обсуждалось на заседаниях партийных и профсоюзных бюро краевого и городского масштаба. Собственно, в документах отражён только один такой случай, вызванный дезорганизацией научной работы в ДВНИИЛХ в Хабаровске. Директор Института Б.Е. Поседко, по признанию коллег, был полностью деморализован сложившейся обстановкой: в 1942 г. прекратил работу учёный совет, научные работники не справлялись с запланированным объёмом исследований. Хабаровский крайком ВКП(б) вмешался поздно, но, оценив ситуацию, освободил Б.Е. Поседко от занимаемой должности. В июле 1944 г. директором назначили опытнейшего учёного А.А. Цымека, предотвратившего окончательный развал Института, имевшего в составе только семь научных сотрудников²³⁶.

Была ещё причина, сдерживающая политическую активность дальневосточных учёных. Её назвал В.А. Солинек на собрании в ТИНРО: «...Наши сотрудники больше заняты вопросами снабжения и не хотят посещать собрания»²³⁷. Заниматься самоснабжением их заставлял неустроенный быт, особенно в первые месяцы войны. Учёные в этом отношении оказались предоставленными сами себе. Сотрудник т. Голенченко на партсобрании осенью 1941 г. заявил: «...Говорят, что не хватает специалистов. Неверно, специалисты найдутся, если будут созданы соответствующие бытовые условия. Но на это администрация Института никакого внимания не обращает и не желает обращать»²³⁸. Обвинённый в том, что не сдал тёплых вещей для Красной армии, сотрудник ТИНРО коммунист т. Сукрутов объяснял на партсобрании в октябре 1941 г.: «Как ни неприятно, ни тяжело, должен признать, что и я до сих пор из одежды ничего не сдал для фронта. Своего тёплого у меня ничего нет... сейчас ищу, что бы купить и внести в фонд

тёплых вещей»²³⁹. «И я» – то есть не он один. В одиночку эти проблемы оказались неподъёмными.

Ситуация изменилась только после выхода приказов Наркомата труда № 170 и № 308 о снабжении работников науки и искусства, но с его выполнением местный общепит и отделы снабжения не справлялись²⁴⁰. В БГПИ, например, литературный продовольственный паёк, выделенный 14 преподавателям, обеспечивался крайне неорганизованно, а на 100 промышленных ордеров сотрудники Института получили 4 дамские блузки и 6 воротничков к мужским рубашкам. Это в то время, когда (не говоря уже о других сотрудниках и тем более – студентах) профессор Самбикин и заведующий кафедрой Смолянов не имели самой необходимой одежды²⁴¹.

На плохое питание в городской столовой жаловались прикрепленные к ней преподаватели ДВПИ, кроме того, они недоумевали, почему получали в день по 600 г хлеба вместо 800, почему Институт снабжается по второй категории, а не по первой, как это было решено городскими властями²⁴². Не обеспечивался углём вновь открывшийся ВГПИ²⁴³. 19 июля 1944 г. на заседании комиссии по снабжению при Приморском крайкоме профсоюзов его председатель М.Г. Органов привёл такие цифры: «По приказу № 308 вместо 80–85 человек снабжаются 200–250, а по приказу № 170 – вместо 400 – 700 человек»²⁴⁴. Сложившееся положение было вызвано численным ростом научных кадров, опережавшим все хозяйственные распоряжения.

Большая часть вновь прибывших достаточно быстро включилась в исследовательскую деятельность, к концу войны уже не только направленную на решение проблем тыла и фронта, но и предопределявшую развитие науки на Дальнем Востоке в условиях предстоящего мира.

Годы войны ещё раз подтвердили, что государственная политика в области науки, сама наука как социальный институт и кадры учёных на Дальнем Востоке СССР шли во многом не пересекающимися историческими путями. Постоянное отставание материально-технической базы от организационных государственных решений, исключавших участие в её укреплении, во многом оставило науку на довоенном уровне в решении поставленных прикладных задач, а слабый кадровый состав не позволил совершить теоретический прорыв ни в одной из областей знания. В этом Дальний Восток значительно проигрывал остальным регионам страны.

6.5. Литературная жизнь советского Дальнего Востока

В годы Великой Отечественной войны культурная жизнь страны определялась главной целью – приблизить Победу. На это деятелей литературы и искусства нацеливали партийные и правительственные документы²⁴⁵. Использовались все ресурсы для создания социально-политического единства советского народа, совершенствовались формы идеологического воздействия, подавлялось инакомыслие.

Важная роль отводилась литературе и искусству²⁴⁶. В условиях военного времени искусство слова приобретает публицистический характер, основным жанром становятся патриотические произведения – очерки, обличающие фашизм и прославляющие героев, стихи-клятвы и стихи-призывы. Возникли сложности

с выпуском книжной продукции, поскольку прекратилась деятельность многих издательств, значительно сократилось финансирование и техническое их оснащение. Возникли проблемы в кадровом и авторском составе книгоиздательской отрасли, уменьшилось число публикаций.

В целях оптимизации работы Дальневосточного государственного издательства в июле 1941 г. бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) приняло постановление о временном прекращении выпуска журналов «На рубеже», «Народный учитель», «Пропагандист-агитатор», «Форпост», что позволило урегулировать количество публикуемых материалов. Советско-партийное руководство Дальневосточного региона регулярно анализировало издательскую деятельность, критиковало содержание публикаций, их полиграфическое исполнение и нарушение сроков выпуска, но при этом реальной помощи не оказывало, поскольку не было возможности изменить ситуацию к лучшему.

Проблема информации и пропаганды решалась за счёт издания массово-оборонной литературы, которая должна была развенчивать миф о непобедимости фашистской армии. Во Владивостоке центром литературной жизни стала газета «Боевая вахта», имевшая собственное издательство. Произведения краснофлотских литераторов рассказывали о реальных событиях и людях: «Комиссар Матвеев», «Анка Шубинок», «Стихи о повозочном Овчаренко». Это были достойные подражания примеры мужества и героизма советских людей. Опубликованные письма тихоокеанцев-фронтовиков (1943), перекликавшиеся с материалами Дальгиза «Фронт и тыл: письма фронтовиков» (1942), поддерживали в читателях уверенность в Победе. Несмотря на трудности военного времени, в издательстве «Боевой вахты» выходили стихотворные и литературно-публицистические сборники местных авторов: «Под боевым вымпелом» (1942); Н.Н. Сидоренко «Доблесть» (1942); «Стихи и рассказы о Великой Отечественной войне», «Смерть немецким оккупантам» (1942).

В 1942 г. в Приморье начался выпуск серии брошюр «За Родину!» о героизме фронтовиков и тружеников тыла. Публикация осуществлялась отделом издательств и полиграфии крайисполкома. Значительную часть в них составляли перепечатки массово-политической литературы, выходившей в центральных издательствах, но публиковались и местные материалы. Публицистические сборники носили характерные названия: «За нашу Победу!», «Всё для войны, всё для Победы!», «За оборонный урожай»²⁴⁷. Военная публицистика формировала чувства долга, мужества и доблести.

Одной из форм патриотического воспитания стало обращение к героическим страницам отечественной истории: многократно издавались «Багратион» С. Горбатова, «Емельян Пугачёв» В. Шишкова, «Минин и Пожарский» Г. Бибикова, «Александр Невский» В. Данилевского. Среди произведений, посвящённых Дальнему Востоку, особой популярностью пользовались романы К. Седых «Даурия», А. Степанова «Порт-Артур», А. Фадеева «Последний из удэге». В 1944 г. увидела свет книга Н. Задорнова «Амур-батюшка», публикация первых глав которой началась в 1940 г. В тот период Н. Задорнов жил и работал в Комсомольске-на-Амуре, где заведовал литературной частью городского драмтеатра, а также сотрудничал с местной газетой и готовил материалы на радио. Он стал автором 200 очерков о тружениках тыла для краевого радиокомитета: об инженерах и рабочих, о железнодорожниках, строителях, авиаторах²⁴⁸.

Весьма насыщенной была и литературная жизнь Владивостока. Первый литературный альманах «Советское Приморье», подписанный к печати 16 мая 1941 г., увидел свет в начале войны. Наряду с прозаическими произведениями в выпуске были представлены 35 стихотворений девяти авторов. Эта публикация даёт представление о творческом потенциале поэтов, не вернувшихся с войны: Вяч. Афанасьева, А. Артёмова, Г. Корешова. Вяч. Афанасьев посвятил свой очерк повести Т. Борисова «Сын орла» (о жизни нивхов), только в 1940 г. вышедшей в московском издательстве «Советский писатель». Г. Корешов совместно с прозаиком А. Никулиным (также не вернувшимся из сражений) назвали свой очерк «Патриот Приморья»²⁴⁹, напомнив читателям, что Т. Борисов был участником Русско-японской войны 1904–1905 гг. и его роман «Портартурцы» имеет автобиографические истоки.

Следующий выпуск альманаха «Советское Приморье» готовился в разгар войны и был подписан к печати в декабре 1944 г. Его формированию немало сил отдал журналист и писатель Н. Колбин. Со времени первого выпуска заметно изменился состав авторского коллектива, появились новые имена: Г. Халилецкий, С. Холодный, Я. Кауфман, Е. Коровин, А. Мельчин, К. Майбогов, М. Самунин, писательская известность к которым придёт уже в послевоенный период. Из авторов предыдущего альманаха были представлены Г. Корешов, Ф. Бровкин, И. Степанов, В. Твердяков, А. Дерябин, Л. Зайцев, В. Кучерявенко, Н. Колбин. Актуальное звучание имели рубрики «Приморцы на фронтах Отечественной войны» и «Приморье в дни Великой Отечественной войны»²⁵⁰.

Большинство текстов, написанных дальневосточными прозаиками в годы войны «на злобу дня», выполнили свою идеологическую миссию и остались в прошлом, главным образом как одно из историко-культурных свидетельств эпохи, тогда как поэтическое наследие тех лет не утратило художественной ценности.

Для дальневосточных авторов, которых не покидало предчувствие большой войны, оборонная тематика всегда являлась ведущей. Готовность отдать жизнь за Родину пронизывает творчество большинства из них. Типичными для тех лет являются строки из стихотворения Вяч. Афанасьева:

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придётся умереть...²⁵¹

Поэт мечтал написать книгу о человеческих страданиях и справедливости, которую потомки будут изучать как исторический материал. Этой мечте не суждено было осуществиться: В. Афанасьев погиб в 1943 г.²⁵²

Героями произведений обычно становились однополчане авторов. Так, стихотворение «Блокнот», написанное в 1941 г., приморец Г. Корешов посвятил своему приятелю-связисту:

Всю мысль не вылив на бумагу,
Через минуту он с полком
Ушёл в последнюю атаку...²⁵³

Поэт ненадолго пережил друга: он умер в 1942 г. в госпитале после тяжёлого ранения.

Задачей литературы военных лет являлось воздействие не только на умы, но также на души читателей, отсюда особый пафос большинства текстов. В частности, общий настрой отражают названия стихотворений, составивших сборник С. Феоктистова «Гнев», опубликованный Дальневосточным издательством в 1942 г.: «Мы – русские люди», «Истребим врагов», «Мститель», «Бесмертие», «Нас ждут» и др.

Хабаровский литератор П. Комаров назвал Сергея Феоктистова (1913–1999) самым популярным автором Дальневосточного фронта. Известность пришла к нему после того, как была отмечена специальной премией песня «Шумы, Амур, шуми, наш батюшка», написанная к годовщине победы под Москвой. С. Феоктистов родился в Московской области. В 1940 г. был направлен в Хабаровский край в качестве политрука. Большая часть его сознательной жизни была связана с Дальним Востоком, что нашло отражение в его творчестве, например в песне «Красноармейская дальневосточная»:

Мы грозную клятву и волю народа
В боях выполняли не раз.
Монгольские степи, амурские воды
Расскажут потомкам про нас.

В годы войны поэт активно печатался в газетах, готовил материалы для «Окон ТАСС» и Окон сатиры «Удар по врагу», был редактором и ведущим радиопередач и концертов для воинов Дальневосточного фронта. Так же как на западных фронтах, бойцы берегли газетные вырезки со стихами К. Симонова и А. Суркова, на востоке страны военнослужащие хранили тексты С. Феоктистова. Красноармейцы, отправлявшиеся на запад, уносили в памяти строки «трубача Дальневосточного фронта»:

За кровь детей враг головой заплатит,
Он от священной кары не уйдёт!
В атаку, воины! Бойцы великой рати!
За Родину! За Сталина! Вперёд!

Творческое кредо С. Феоктистова наиболее точно выразила его дочь Светлана – «поэзия солнца и любви». Действительно, каждое его произведение пронизано необыкновенной любовью к людям. Трогают до глубины души стихи, посвящённые женщинам, заменившим в тылу ушедших на фронт мужчин: «Лесорубы», «Пожарная баллада», «Стихи о мужестве». Судьба была милостива к поэту: он прожил долгую и достойную жизнь²⁵⁴.

С первых дней Великой Отечественной и до конца Второй мировой войны прошёл по военным дорогам С. Тельканов. Солдат, политработник, журналист, он был также необычайно талантливым поэтом:

Спит взвод в эту пору глухую,
Спят немцы на том берегу.
Лишь я со стихами воюю,
Отбиться от них не могу.

Каждая рубежная дата войны, вплоть до победы над Японией, получила закрепление в чеканном авторском слове:

Было десять атак на участке полка,
Уцелело лишь трое из нашего взвода.
Пахнет дымом строка, пахнет кровью строка.
Это запах стихов сорок первого года (1941)²⁵⁵.

.....
Да, здесь русские пушки когда-то гремели,
Наши деды сражались на сопках горбатых.
Тишина в Порт-Артуре. Лишь слышно – запели
О «Варяге» знакомую песню солдаты (1945)²⁵⁶.

Лейтмотивом художественного творчества стала идея единства фронта и тыла. В период войны получил распространение короткий стих, которым сопровождались сатирические плакаты, выпускавшиеся в Хабаровске («Удар по врагу») и во Владивостоке («Окна ТАСС»), – оперативное и действенное поэтическое оружие. В хабаровских Окнах сатиры активно работали Дм. Нагишкин и П. Комаров. Пётр Комаров (1911–1949), поэт ярко выраженного лирического дарования, с первых дней войны обратился к стихотворной публицистике. Уже в 1941 г. увидел свет его сборник «Время бесстрашных». Новые произведения строились на фактах сводок Совинформбюро и газетной публицистики. В сборнике представлены такие жанры, как частушка, баллада, письмо на фронт, рассказ-быль²⁵⁷.

П. Комарова можно назвать коренным дальневосточником: его семья переехала в Приамурье, когда мальчику было 7 лет. Он прожил яркую, но, к сожалению, недолгую жизнь. Как ни странно, большинство его книг увидело свет в годы войны: «Время бесстрашных» (1941), «Как пруссак попал впросак» (1942), «С востока на запад» (1943), «Загадка кривой протоки» (1944), «Хинганский родник» (1945). Летом 1945 г., будучи тяжелобольным, преодолев сопротивление врачей, П. Комаров добился командировки в Северо-Восточный Китай. Итогом этой поездки стали стихи, объединённые в «Маньчжурскую тетрадь», в которой получили отражение восточные реалии. Этот отрезок своей жизни поэт назвал «моя восточная война»:

Здесь тишину годами берегли,
В маньчжурском городишке Санчагоу.
Днём – патрули. И ночью – патрули.
И тишина. И ничего другого.

.....
Бездомный пёс пролаял на луну.
И снова – ночь. И ничего другого.
...Мы расстреляли эту тишину,
Когда входили в город Санчагоу²⁵⁸.

Увиденное поэтом оформилось в образы необычайной художественной силы – свидетельство подлинного таланта, для которого не существует малых тем. Поразительно авторское описание сунгарийских болот:

.....
Там чахлые травы шептались и дрогли
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, – должно быть, с лягушкой в зобу.

.....
 Бездонные топи. Озёра. Болота.
 Зелёная, жёлтая, рыжая мгла.
 Здесь даже лететь никому неохота,
 А как же пехота всё это прошла?²⁵⁹

Стихи из «Маньчжурской тетради» были опубликованы уже после смерти автора. В 1950 г. за поэтические циклы «Маньчжурская тетрадь», «Новый перегон», «Зелёный пояс» П. Комаров был удостоен Сталинской премии третьей степени (посмертно).

Боевые действия в Маньчжурии и Корее в августе 1945 г. по-разному расценивались дальневосточниками. Они видели в лице японского милитаризма коварного врага, находившегося в непосредственной близости от восточных границ²⁶⁰.

Участники боевых действий, переброшенные на Дальний Восток, по мнению аналитиков, имели «демобилизационные настроения», что сказывалось на боеспособности красноармейцев. Поднятию боевого духа способствовало обращение к исторической памяти, хранившей как победы, так и поражения русского оружия. Бойцы, отправлявшиеся на Дальний Восток, вспоминали Порт-Артур и Цусиму, Гражданскую войну в Приморье, Хасан и Халхин-Гол. Факты зверств японцев в отношении населения Северо-Восточного Китая и Кореи становились известными, влияли на общее настроение и оценку противника. Формулировки газетных текстов и боевых листов представляли образ врага, ставший традиционным: «Враг подл, хитёр и коварен»; «Наш исконный заклятый враг способен на всё»; «Уничтожить японского гада»; «Уничтожить японо-фашистскую мразь»²⁶¹.

Вместе с тем, несмотря на официально утверждённую риторику, советские военнослужащие не могли не отметить хорошую боевую подготовку и стойкость противника. Об этом свидетельствует документалистика: «...японцы сопротивлялись с отчаянием смертников. Они бросались на наших бойцов с ножами, пистолетами, саблями. Однако фанатизм самураев разбивался о решительность, храбрость и боевое мастерство советских воинов»²⁶².

Осенью 1945 г. в Китай в качестве корреспондентов Хабаровского краевого отделения ТАСС направили группу литераторов, куда входили Н. Задорнов, А. Гай, Д. Нагишкин, Н. Рогаль, Ю. Шестакова. По следам недавних боёв Приморским издательством был выпущен сборник, составленный на основе сводок Совинформбюро, передовых статей из центральных газет «Правда» и «Красная звезда», а также из очерков, написанных непосредственными участниками событий²⁶³. Сюжеты, основанные на реальных фактах, неизменно находили отклик у читателей. Например, сильное впечатление оставлял рассказ о военном столкновении в Нингуте: «...группа японцев переделалась в гражданскую одежду и под видом мирных жителей с красными повязками на рукавах подошла к бойцам Н-ского подразделения. Только бдительность наших бойцов предотвратила коварный удар врага. После короткой схватки японцы были истреблены»²⁶⁴.

С точки зрения японцев, эта война стала позорным поражением после триумфов конца XIX–начала XX вв. По наблюдениям исследователей, японский воинский фольклор, бытовавший до 1945 г., был основан на прославлении доблести сынов Страны восходящего солнца, но после окончания Второй мировой войны эта тема ушла из фольклорного обихода, что в значительной

степени было связано со стремлением японского командования скрыть факт поражения.

Дошедшие фольклорные тексты в основном представлены рассказами о тяготах военного времени и о мистических событиях, предопределивших исход войны. К такой эзотерической информации относятся, например, сведения о неизбежности поражения. В обыденном сознании японцев утвердилось мнение, что их армия была обречена из-за того, что в этой войне не участвовали енотовидные собаки-оборотни тануки, которые ранее, приняв облик солдат в красных мундирах, обеспечили согражданам победу в японо-китайской (1894–1895) и русско-японской (1904–1905) войнах. Для Страны восходящего солнца эти победы имели особое значение, поскольку придали ей статус одной из ведущих держав мира²⁶⁵.

Для граждан СССР успешное завершение военной кампании в Маньчжурии и Корее способствовало окончательному изживанию комплекса побеждённой страны, унаследованного от царской России²⁶⁶. Воины Красной армии видели себя освободителями китайского и корейского населения от японских агрессоров; очевидцы писали об этом с чувством глубокого удовлетворения. В печати появилось множество сообщений о том, как приветствовали красноармейцев жители соседних стран²⁶⁷.

Первые потери среди дальневосточных писателей были отмечены уже в 1940 г.: в военном конфликте с Финляндией погибли А. Копштейн и С. Диковский. В сентябре 1941 г. попали в окружение под Киевом Б. Лапин и З. Хацревин; пали смертью храбрых прозаики А. Никулин и А. Фетисов; не пришёл с войны первый корякский писатель Кецай Кеккетын; погиб под Сталинградом основоположник нанайской литературы А. Самар; не вернулись с полей сражений молодые поэты А. Артёмов, В. Афанасьев, Г. Корешов, Г. Кравченко. Неизгладимый след война 1941–1945 гг. оставила в судьбах и творчестве писателей-фронтовиков – В. Ефименко, Н. Наволочкина, С. Смолякова, А. Рыбочкина, В. Туркина, А. Дракохруста и других, чья жизнь была тесно связана с Дальним Востоком. Не удивительно, что «окопная правда» на долгие годы вошла в число наиболее значимых тем отечественной литературы.

6.6. Художественная культура Дальневосточного региона в военные годы

В массово-политической пропаганде 1941–1945 гг. огромную роль играли мастера изобразительного искусства, авторские коллективы, выпускавшие плакаты: «Удар по врагу» (Хабаровск), «Окна ТАСС» (Владивосток). В тот период наибольшим числом профессионалов располагал Хабаровск, но ощущалась острая нехватка кадров, особенно художников. В созданное перед самой войной Хабаровское отделение Союза художников входили всего 7 чел.: В. Высоцкий, Н. Тихонов, Н. Туркин, И. Ёлкин, Д. Нагишкин, М. Цибаровский, А. Шишкин. Часть художников-дальневосточников была мобилизована, а оставшиеся начали работать в соответствии с требованиями военного времени. А. Шишкин, И. Горбунов, В. Высоцкий были направлены в политуправление Дальневосточного фронта.

В годы войны число художников в регионе значительно возросло за счёт офицеров, прибывших на Дальний Восток, а также за счёт местных живописцев,

не состоявших в Союзе. Учитывая их квалификацию, а также «...огромную пользу, приносимую ими общественности», 10 декабря 1942 г. Хабаровский оргкомитет Союза советских художников (ССХ) принял в свой состав 9 новых членов: И. Горбунова, Н. Баскакова, В. Завьялова, В. Кайдалова, М. Козелла, Г. Цивилёва, А. Дашкевича, В. Слепченко, Д. Калачикову (впоследствии выбыла в Иркутск) и рекомендовал их в члены общесоюзной организации художников. 5 апреля 1943 г. в Хабаровске в Союз были приняты Л. Дешко, В. Павчинский, О. Фридман, а 7 июля – П. Евстафьев, один из основателей Благовещенского художественно-промышленного училища, являвшегося кузницей кадров изобразительного искусства. По состоянию на 11 декабря 1944 г. в Хабаровскую организацию входили 22 члена: 18 – из Хабаровска, 3 – из Комсомольска-на-Амуре, 1 – из Благовещенска.

Военная тема раскрывалась преимущественно в жанре плаката. С первых дней войны начали выходить «Окна сатиры “Удар по врагу”». Оперативные выпуски посвящались наиболее значительным фронтовым и тыловым событиям, общеполитическим и международным проблемам. Первое «Окно сатиры» увидело свет уже 4 июля 1941 г.²⁶⁸ Плакаты и карикатуры, создававшиеся на основе сводок Совинформбюро, печатались массовыми тиражами и расходились по всему региону. В увеличенном формате они размещались на стадионах, в парках и кинотеатрах. Лучшие работы воспроизводились в литографической печати как открытки.

Лозунги, сопровождавшие рисунки, отражали идеологию и общий настрой советских людей: «За Родину, за Сталина!» (И. Ёлкин, 1941); «Отстоим родную Москву!» (В. Павчинский, Л. Дешко, 1941); «Учись бить врага!» (В. Слепченко, 1942); «Смерть фашистским хищникам!» (В. Костин, 1942); «Никогда не простим, никогда не забудем!» (В. Павчинский, 1942). В этом ряду заслуживают особого внимания плакаты, обращённые к труженикам тыла: «Дай лес фронту!» (Н. Тихонов, 1942); «Ты сдал тёплую одежду Красной Армии?» (Д. Шофман, 1942); «Не оставляй ни одного неубранного колоса!» (В. Завьялов, 1943); «Хлеб нужен фронту как оружие!» (Л. Дешко, 1943)²⁶⁹.

С июля 1941 г. и по июнь 1944 г. выпущено около 400 оригинальных плакатов. Также был подготовлен и осуществлён выпуск альбома-выставки «Великая Отечественная война» (39 листов-рисунков с текстами) тиражом 5 тыс. экз. Кроме того, художники подготовили к выпуску открытки для писем фронтовикам тиражом 30 тыс., а для фронта был издан плакат-выставка «Ни шагу назад!». Общий тираж печатных средств наглядной агитации, созданных хабаровскими художниками, составил 200 тыс. оттисков²⁷⁰.

Во Владивостоке художники «Окон ПримТасс» только за вторую половину 1941 г. и за 1942 г. литографским и трафаретным способами размножили 83 агитплаката общим тиражом 23 280 экз. Все плакаты разошлись по краю²⁷¹. В числе наиболее известных авторов были создатели и руководители Приморской организации художников: В.В. Безродный (выпускник Академии художеств им. И.Е. Репина) и В. Иноземцев. Плакаты отличались тематическим разнообразием: «Братья-славяне, все на борьбу против общего врага – фашизма!» В. Иноземцева, «Бойцы Всеобуча! В совершенстве овладевайте боевым оружием!» В. Безродного и Н. Мазуренко, «Смерть фашистским стервятникам!» В. Мулдина, «Болтун – находка для шпиона» Н. Мазуренко, «Шахтёры! Больше угля для фронта!» И. Зырянова²⁷².

Вместе с тем приводимые цифры не отражают всей осуществлявшейся работы, поскольку к внедрению рекомендовались далеко не все представленные эскизы. Например, в январе 1942 г. в региональном конкурсе на лучший плакат, посвящённый Великой Отечественной войне, участвовало 39 авторов, представивших 54 работы, однако только шесть из них были рекомендованы для печати и массового распространения²⁷³.

Работа художников в годы войны расценивалась как средство идеологического воздействия, и было понятно, что для повышения профессионального уровня графиков и живописцев недостаточно художественных студий, воспитывавших любителей. Не случайно, в 1943 г. Наркомат просвещения СССР утвердил решение об открытии во Владивостоке художественного училища, на тот период являвшегося первым профессиональным учебным заведением такого типа на обширной территории к востоку от Байкала²⁷⁴.

В штат газет военного времени обязательно входил хотя бы один художник. Графики-профессионалы вырастали в коллективах редакций издательств и газет. Большинство из них в лучшем случае имели среднее специальное образование. Например, талантливый художник-самоучка Л. Дешко, приехавший в Хабаровск в 1934 г., с 1943 г. состоял в штате ведущей региональной газеты «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ). Для этого издания он подготовил 88 плакатов и 24 карикатуры, а для «Окон сатиры» выполнил более 25 плакатов²⁷⁵.

Среди графиков, работавших в средствах массовой информации, были и профессионально подготовленные мастера. В частности, с газетой «Тихоокеанская звезда» тесно сотрудничали В. Павчинский и И. Горбунов. Вадим Вадимович Павчинский (1917–1971) приехал в Хабаровск из Владивостока, имея опыт журналистской работы. Его зачислили в штат газеты как художника и литературного работника. За годы войны он выполнил около 200 карикатур и почти 100 плакатов²⁷⁶.

Талантливый карикатурист Иннокентий Алексеевич Горбунов (1905–1969) родился на прииске Казаново в Забайкалье, учился в Читинском художественно-промышленном техникуме, затем в Ленинграде, а позже в Москве в Высших художественно-технических мастерских у В. Фаворского. В Хабаровск приехал в 1920-х гг. для прохождения практики и остался здесь навсегда. Проработав в газете «Тихоокеанская звезда» с 1935 по 1940 г., И. Горбунов ушёл добровольцем в армию, работал в редакции фронтовой газеты, одновременно сотрудничал с читинскими газетами «Боец и пахарь», «Забайкальский рабочий», к тому же был редактором и ведущим художником агитационного сатирического окна «Удар по врагу». Плодотворное творческое содружество связывало художника с хабаровским поэтом П. Комаровым. И. Горбунов иллюстрировал его книгу сатирических стихов «Как пруссак попал впросак». Плакат И. Горбунова «Гитлеру капут», по меткому замечанию А. Чернявского, ясно и убедительно «...поставил победную точку» в освещении хода войны²⁷⁷.

Несмотря на трудности военного времени, дальневосточные художники регулярно выезжали в воинские части, консультировали армейские «Окна» и самодеятельных художников, выступали с лекциями об искусстве перед студентами и школьниками, организовывали передвижные выставки своих работ. Они находили возможность принимать участие в ежегодных краевых выставках. В декабре 1941 г. на 9-й краевой выставке в Хабаровске демонстрировались новые живописные полотна Н. Тихонова и Д. Шофмана – «22 июня», «Маршалы»²⁷⁸. Одна

из первых выставок военного времени, в которой участвовали 84 художника Тихоокеанского флота, состоялась в марте 1942 г. во Владивостоке. В ноябре 1942 г. проходила 3-я выставка приморских художников. Особенно сильное впечатление на зрителей произвело полотно Н. Мазуренко «Не забудем, не простим!». На переднем плане художник изобразил убитого карателями старого крестьянина. Рядом с ним, на фоне горящего села, подобно богине Немезиде, стоит женщина с тремя детьми. Не случайно, впоследствии перед этой картиной присягали солдаты-новобранцы, отправлявшиеся на фронт²⁷⁹.

В ноябре 1943 г. на выставке в Москве демонстрировалось 60 работ дальневосточников. В это число вошли работы живописцев В. Высоцкого, А. Шишкина, Г. Цивилёва, А. Дашкевича, Н. Баскакова, графиков И. Горбунова, В. Кайдалова, В. Завьялова, Д. Нагишкина, плакаты из Окон «Удар по врагу» В. Павчинского, И. Ёлкина, В. Слепченко, М. Козелла²⁸⁰.

С 21 декабря 1943 г. по 1 марта 1944 г. в Иркутском художественном музее проходила выставка «Художники Сибири и Дальнего Востока»; 70 художников (в их числе 12 дальневосточников) экспонировали 239 произведений. Для этой выставки А. Дашкевич написал картину «Лютый враг», получившую высокую оценку критиков. Необходимо подчеркнуть, что экспозиция выставки отличалась разнообразием тематики, и военная тема была не единственной. Например, А. Шишкин представил портрет хабаровского поэта Петра Комарова и картину «Первые жилища города Комсомольска-на-Амуре», И. Горбунов – скульптуру «Партизаны Гражданской войны», Н. Баскаков – пейзажные зарисовки и серию портретных набросков, И. Палшков из Сучана (ныне Партизанск) демонстрировал замечательные приморские пейзажи²⁸¹.

Масштабные полотна посвящались как новым победам, так и героическому прошлому страны. На краевых выставках зрителями и критикой были отмечены картины В. Завьялова «Тегеранская конференция», «Портрет маршала Сталина» и портреты русских полководцев – Александра Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова. Тема освоения русскими людьми дальневосточных земель оставалась ведущей в творчестве А. Шишкина: с 1940 по 1946 г. он работал над триптихом, посвящённым Ерофею Хабарову. Таким образом, несмотря на тяготы военного лихолетья, художники совершенствовали своё мастерство, мечтали о мирной жизни, о возможности реализовать свои творческие планы.

В сентябре 1945 г., после разгрома милитаристской Японии, по заданию политуправления 2-го Дальневосточного фронта в Маньчжурию была направлена группа художников, членов Хабаровского союза и художников военных газет. В состав группы вошли директор Хабаровского художественного музея Н. Туркин, ст. лейтенанты М. Козелл и А. Смелов, ст. сержант В. Куракин, сержант А. Михайленко. С 10 по 20 сентября художники выполнили 170 акварельных и карандашных зарисовок портретов советских бойцов и местных жителей, видов окрестностей и культовых сооружений. По инициативе художников в г. Цзямусы была организована выставка для местного населения (18–19 сентября), которую посетили более 5 тыс. чел. Кроме того, группа провела работу по художественному оформлению общественных зданий г. Цзямусы. Одновременно с этой группой в Северо-Восточный Китай выезжали члены Союза советских художников – ст. лейтенант В. Кайдалов (в г. Бианьчжень) и ст. лейтенант И. Горбунов (в г. Харбин)²⁸².

Непосредственным участником военных действий в Маньчжурии являлся Борис Тимофеевич Горлач (1917–2009), художник-декоратор и скульптор из Благовещенска. Он служил в 57-м стрелковом полку 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознамённой армии Дальневосточного фронта. В первом же бою принимал участие в уничтожении группы японских смертников. Своеобразной военной хроникой Б. Горлача стали 87 фронтовых рисунков (всего их было более 200, но многие не сохранились). Как правило, он использовал карандаш или тушь, чаще всего рисовал на трофейной японской бумаге. Среди набросков лишь один цветной рисунок – пустынная маньчжурская дорога, по которой ещё предстоит пройти солдатам. Фронтовые зарисовки объединены в 14 серий, отражающих разные этапы войны: «Бойцы 41 года», «Мои однополчане», «Теряли друзей боевых», «Разгром Квантунской армии», «Встреча освободителей»²⁸³. По-видимому, на рисунке «Я был миномётчиком» из серии «В Маньчжурии русский солдат» художник изобразил себя.

В горниле войны окреп талант дальневосточных художников-фронтовиков – В. Высоцкого, В. Овчинникова, В. Зуенко, Г. Зорина, В. Шкраба, Б. Горлача, А. Мильчина, И. Петухова, Я. Куриленко, И. Рыбачука, К. Шебеко и др., чьё творческое наследие стало бесценным культурным достоянием Тихоокеанской России.

Свой вклад в приближение Великой Победы внесли и театральные деятели Дальнего Востока. К 1941 г. на территории региона официально функционировало 22 театра разного профиля (в это число не входили театры, созданные на территории Дальлага)²⁸⁴. Жёсткие условия военного времени внесли соответствующие коррективы в работу творческих коллективов: резко уменьшилось финансирование, а в связи с мобилизацией части мужчин произошло значительное сокращение штатов. Перестройку своей деятельности театры начали с перевода репертуара на военную тематику.

Ответственным за военную репертуарную политику в стране являлся Главный комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком), созданный при Комитете по делам искусств при СНК СССР. На местном уровне руководство возлагалось на партийные структуры, в первую очередь областные и краевые, где были образованы отделы по делам искусств. Новые постановки утверждались уполномоченными Главреперткома и Политконтролем отделов НКВД. Копии актов приёмки посылались в соответствующие инстанции²⁸⁵. Неудивительно, что репертуар не отличался разнообразием. Практически повсеместно ставились пьесы, одобренные высшими инстанциями: «Партизаны в степях Украины», «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского, А. Крона и Вс. Азарова, «Крушение» Д. Слепяна, «Крылатое племя» А. Первенцева, «Дым Отечества» братьев Тур и Л. Шейнина, «Урок жизни» В. Головчинера. Общая вера в скорую победу была столь велика, что в первый год войны многие театры страны, в том числе дальневосточные, поставили пьесу Г. Мдивани «Батальон идёт на Запад»²⁸⁶, несмотря на то что сводки Совинформбюро содержали информацию об отступлении наших войск. Однако в тот период главной задачей советской пропаганды было убедить общественность, что неудачи Красной армии носят временный характер.

Региональные органы культуры предпринимали попытки актуализировать репертуар местных театров. Так, Приморский отдел по делам искусства в 1942 г. объявил конкурс на одноактную пьесу о героизме советских людей на фронте

и в тылу. Жюри рассмотрело около 200 рукописей, в том числе присланных из других областей страны. Премии были присуждены сотруднику газеты «Красное знамя» А. Вахову за пьесу «Золото» – о буднях изыскателей и преподавателю литературы из г. Ворошилов (Уссурийск) И. Спиваку «Сердце под броню» – о враче фронтового бронепоезда. Ряд пьес представили драматурги из Хабаровска и Биробиджана: «Партизаны в горах Крыма» Г. Рабинкова, «Семья Земляных» Р. Агишева. Однако к постановке была принята лишь пьеса Г. Рабинкова, поставленная Биробиджанским еврейским театром²⁸⁷.

Лучшие пьесы военных лет, рекомендованные для общесоюзного репертуара, печатались в газете «Правда» рядом со сводками Совинформбюро. В их числе «Фронт» А. Корнейчука и «Русские люди» К. Симонова. В последние годы войны появились произведения о героических страницах борьбы с фашизмом, имевших судьбоносное значение: «Песнь о черноморцах» Б. Лавренёва (1943), «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского (1944), «Сталинградцы» Ю. Чепурина (1944). Наряду с пьесами, посвящёнными военным событиям, ставились спектакли об исторических победах русского оружия («Пётр Первый», «Фельдмаршал Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», «Надежда Дурова»). Спектакли нередко предварялись патриотическими выступлениями, устанавливавшими связь между героическим прошлым и борьбой с фашистскими захватчиками, которую вела страна. Вместе с новыми постановками театры продолжали играть русскую и зарубежную классику: «Маскарад» М. Лермонтова, «Гроза» А. Островского, «На дне» М. Горького, «Отелло» У. Шекспира, «Разбойники» Ф. Шиллера.

В целом же творческие программы театров жёстко контролировались, изменение планов, утверждённых Управлением по делам искусств при СНК РСФСР, не допускалось. Более того, художественные руководители, виновные в корректировке программ, привлекались к ответственности как нарушители государственной дисциплины²⁸⁸. За соблюдением репертуарной политики строго следили художественные советы театров, в которые назначались лица, облечённые властью и доверием. Так, в Приморском крайдрамтеатре им. М. Горького в состав худсовета входили начальник Приморского управления по делам искусств М. Макаров, художественный руководитель театра Н. Гнедич, два режиссёра – А. Крицберг и П. Алексеев, художник В. Линденбаум, заслуженный артист РСФСР В. Нарыков. Обязанности уполномоченного Главреперткома по Приморскому краю исполнял С. Иванов.

Из рекомендованного списка театр отобрал и поставил на сцене произведения, написанные в дни войны: «Крушение» Д. Слепяна, «Крылатое племя» А. Первенцева, «Дым Отечества» братьев Тур и Л. Шейнина, «Урок жизни» В. Головчинера. Из исторических пьес, герои которых демонстрировали образцы чести, мужества и долга, в репертуар были включены «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьёва – об Отечественной войне 1812 г., «Сёстры» Ю. Германа – о первых русских сёстрах милосердия, «Олеко Дундич» А. Ржешевского и М. Каца – о легендарном герое Гражданской войны²⁸⁹. В 1941–1945 гг. на сцене Приморского крайдрамтеатра выступали артисты, чьи имена вписаны в историю культурной жизни региона: Е. Чалеева-Бельская, Е. Соловьёва, Г. Антошков, Н. Колофидин, А. Присяжнюк.

Значительно обновился репертуар Хабаровского театра музыкальной комедии, специализировавшегося на постановках лёгкого жанра. В тот период художественным руководителем театра был В. Ленский, заслуженный деятель искусств РСФСР, чьё мастерство позволило вывести коллектив на высокий про-

фессиональный уровень. Уже в марте 1942 г. состоялась премьера спектакля «Ночь в июне» А. Рябова и М. Блантера – о первых днях войны. Затем зрители увидели пьесу Вс. Вишневского, А. Крона, Вс. Азарова «Раскинулось море широко», действие которой происходит в блокадном Ленинграде. Из классических постановок по-прежнему с большим успехом шли оперетты «Баядерка» и «Сильва» И. Кальмана, «Подвязка Борджиа» М. Краussa, «Бал в Савойе» П. Абрахама²⁹⁰, «Ночь в июне» по пьесе Л. Юхвида и А. Алексеева (муз. А. Рябова и М. Блантера), «Холопка» Н. Стрельникова, «Продавец птиц» К. Целлера²⁹¹.

Заметную роль в культурной жизни региона сыграли творческие коллективы из других областей страны, прибывшие на гастроли в довоенный период и не имевшие возможности вернуться обратно. В их числе Ленинградский новый театр, остававшийся в Хабаровске с ноября 1940 г. по октябрь 1943 г. За время пребывания на Дальнем Востоке артисты провели 1262 спектакля и более 800 шефских выступлений, обслужив почти миллион зрителей. В репертуар театра входили пьесы К. Фельдмана и Г. Гребнера «Фельдмаршал. Драматическая хроника о фельдмаршале Суворове», Ф. Вольфа «Профессор Мамлок», Г. Мдивани «Батальон идёт на Запад», М. Горького «На дне». Следует отметить, что по инициативе артистов Ленинградского нового театра в годы войны был создан Хабаровский ТЮЗ. После отъезда ленинградских артистов обновлённая труппа 11 июня 1944 г. открыла сезон постановкой пьесы И. Штока «Осада Лейдена»²⁹² по мотивам романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле», рассказывающего об освободительной борьбе народа Фландрии против испанцев в середине XVI в.

Коллектив молодого театра г. Комсомольск-на-Амуре оборонную тематику открыл спектаклем «Партизаны в степях Украины» А. Корнейчука, но в целом его репертуар базировался на историко-героических пьесах отечественных авторов и зарубежной классики: «Большевик» Д. Дэля, «Надежда Дурова» К. Липскерова и А. Кочеткова, «Анджело» В. Гюго и др.²⁹³

Театр драмы Николаевска-на-Амуре, как и многие коллективы страны, переход на военный репертуар начал с постановки пьесы К. Симонова «Парень из нашего города» о гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Среди первых спектаклей была также пьеса Г. Мдивани «Честь» о жизни на погранзаставе в предвоенные годы. Затем были поставлены спектакли, посвящённые событиям Великой Отечественной войны: «Война объявлена» Л. Иткина, «Сильнее смерти» П. Жаткина, «Глубокая разведка» А. Крона. Летние месяцы театр проводил в отдалённых населённых пунктах Нижнеамурского и Ульчского районов. Так, летом 1942 г. жителям Де-Кастри, Софийска, Херпучи, Удыль и других посёлков были показаны 66 спектаклей и ряд концертных выступлений, на которых побывали около 20 тыс. зрителей²⁹⁴.

При театрах формировались выездные агитационно-художественные бригады, куда входили актёры, художники, литературные работники. Например, при Хабаровском краевом концертном объединении для патриотической работы с населением осенью 1941 г. был организован агитационный театр, программы которого состояли из одноактных пьес, инсценировок на злобу дня и отдельных эстрадно-цирковых миниатюр. В программу входили постановки «Огонь по фашизму», «Фронт и тыл». Хабаровский театр музыкальной комедии осенью 1942 г. для обслуживания частей Красной армии выделил группу из 20 чел., которую возглавил Н. Энбе. За 8 месяцев работы они провели 63 концерта в гарнизонах Дальнего Востока²⁹⁵.

Помимо постановки спектаклей участники выездных бригад проводили массово-политическую работу, включавшую беседы, лекции и доклады. Артистам приходилось выступать не только на театральных сценах, но и в рабочих и сельских клубах и прямо на полевых станах, пристанях, в разделочных цехах. Все театральные коллективы вели военно-шефскую работу в воинских частях, на пограничных заставах, кораблях Амурской флотилии и Тихоокеанского флота.

Сборы от спектаклей направлялись в Фонд обороны страны и в Фонд помощи детям фронтовиков. Театральные коллективы активно участвовали в общественной жизни, например, трудились на городских воскресниках. Так, деятели культуры Николаевска-на-Амуре в зимний период 1941–1942 гг. помогали строить грунтовую дорогу, обеспечивавшую войскам выход к Охотскому морю²⁹⁶. Артисты Благовещенского драмтеатра после спектаклей участвовали в укреплении оборонной линии на берегу Амура. Ведущие актрисы этого театра В. Георгиевская и А. Зубарева руководили сбором зимней одежды для красноармейцев и принимали участие в организации сбора средств на эскадрилью боевых самолётов. На нужды обороны сотрудниками театра было сдано 500 тыс. руб.²⁹⁷

В годы войны в непростой ситуации оказались театральные коллективы Северного Сахалина, представлявшие советское искусство. Основные театральные силы были сосредоточены в г. Александровск – административном центре Северного Сахалина. Директор драматического театра Б. Яншевский, художественный руководитель А. Котляров при формировании нового репертуара, как и вся творческая интеллигенция страны, следовали указаниям партийно-советских структур. Военную тему открыла пьеса К. Симонова «Парень из нашего города», а начиная с 1942 г. на сцене Александровска были поставлены произведения советских драматургов, написанные в годы войны: «Русские люди» К. Симонова, «Крушение» Д. Слепяна, «Крылатое племя» Д. Первенцева, «Урок жизни» В. Головчинера. Вместе с тем коллектив сохранил и спектакли предвоенных сезонов: «Враги» и «Васса Железнова» М. Горького, «Лес» А. Островского, «Овод» по роману Э. Войнич, «Мачеха» О. Бальзака, «Школа злословия» Р. Шеридана.

Кроме того, артисты подготовили концертную программу, с которой выезжали на погранзаставы и в армейские части, разбившись на фронтовые бригады. Их репертуар в основном состоял из песен, танцев, водевилей, юмористических рассказов, но иногда привозили и небольшие постановки: «Касатка» А. Толстого, «Стакан воды» Э. Скриба, «Слуга двух господ» К. Гольдони. За четыре года войны сахалинский театр поставил 50 новых спектаклей, что свидетельствует о напряжённой работе и высокой гражданской позиции его коллектива. В 1945 г. большая работа была проведена по обслуживанию участников боевых действий на Южном Сахалине. Часть средств, полученных за военный период, пересылалась в Фонд обороны. В воздушных боях над Германией принимал участие истребитель с надписью на фюзеляже «Сахалинский артист»²⁹⁸.

Особое место в культурной жизни региона занимали художественные коллективы, созданные на Колыме на территории Дальстроя – Государственного треста по дорожному и промышленному строительству, где активно использовался труд заключённых. К началу войны на колымской земле, помимо самостоятельных коллективов, функционировали Магаданский эстрадный театр и Магаданский драматический театр им. М. Горького, которые обслуживали рабочих горнопромышленных предприятий на Колыме. Уже в июле 1941 г. Магаданский драмтеатр подготовил для постановки пьесу С. Герасимова на оборонную тему

«Наши дни»²⁹⁹. Однако в целях экономии средств руководство Дальстроя приняло решение о слиянии коллективов в единый Магаданский музыкально-драматический театр, первым руководителем которого был назначен Ф. Яриков. Не дожидаясь указаний сверху, артисты вносили в Фонд обороны крупные суммы денег, облигации, изделия из золота и серебра, отчисления от заработной платы³⁰⁰.

Постановщиком и исполнителем главных ролей во многих спектаклях был И. Эллис. Особо отмечена постановка пьесы В. Гусева «Весна в Москве»: режиссёр приблизил действие к дням Великой Отечественной войны, усилив эмоциональную напряжённость сюжета³⁰¹. В первой половине 1942 г. Магаданский театр подготовил спектакли по пьесам А. Корнейчука, принятым к постановке на всех сценах страны: «В степях Украины», «Партизаны в степях Украины», однако 4 июня 1942 г. административно-гражданский отдел Дальстроя подписал приказ о реорганизации театра в связи с трудностями военного времени, что означало его фактическое закрытие. Вместо этого была организована небольшая эстрадная группа, которая во время летнего сезона выступала перед горняками Колымы. В её состав вошли бывшие актёры Магаданского музыкально-драматического театра Г. Алабин, М. Лотков, М. Удольская, Н. Яковлева, руководителем был назначен И. Эллис³⁰².

Осенью 1942 г. решение о «реорганизации» театра признали неверным, но восстановить труппу в прежнем составе не представлялось возможным – часть артистов выехала. Однако оставшийся коллектив активно включился в работу, обновив репертуар не только за счёт антифашистских пьес, но и за счёт новых постановок классики. С особым успехом прошли спектакли «Великий государь» В. Соловьёва и «Отелло» У. Шекспира. После летних гастролей на Колыме осенью 1944 г. эстрадная группа совершила трёхмесячное турне по городам Дальнего Востока. Они успешно выступили в Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске, Спасске, в штабе Дальневосточного фронта, на кораблях Амурской флотилии³⁰³. Это был последний военный театральный сезон магаданских артистов.

Военные театры, осознававшие себя частью армии и флота, свою задачу видели в создании на сцене образов бесстрашных и стойких советских воинов. На Дальнем Востоке функционировали два таких театра, имевших статус профессиональных: армейский – театр Первой Краснознамённой армии (театр КДВО) в г. Ворошилов (Уссурийск) и флотский – театр Краснознамённого Тихоокеанского флота (театр ТОФ) во Владивостоке. С началом войны коллектив армейского театра приступил к формированию нового репертуара. Первой была поставлена пьеса «Шёл солдат с фронта» по повести В. Катаева «Я сын трудового народа» – о борьбе украинского народа с немецкими оккупантами около четверти века назад. Выбор пьесы, по-видимому, в значительной степени определялся новым составом творческого коллектива, в который вошли артисты Донбасского театра комедии, выехавшие на гастроли по Дальнему Востоку в январе 1941 г. и не имевшие возможности вернуться обратно. Возглавлявший этот коллектив А. Ларский стал художественным руководителем объединённого театра Дома Красной армии в г. Ворошилов. Со временем в обновлённый репертуар вошли такие пьесы, как «Парень из нашего города» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Василий Тёркин» А. Твардовского. Следует отметить постановку пьесы «Профессор Мамлок» немецкого писателя-антифашиста Ф. Вольфа.

Театр Тихоокеанского флота получил известие о начале войны, находясь на гастролях в Хабаровском крае, под Комсомольском-на-Амуре. Во Владивосток труппа возвращалась через Николаевск, Де-Кастри и Советскую Гавань. Сезон начался с постановки пьес «Парень из нашего города» К. Симонова и «Продолжение следует» А. Бруштейн. В текст К. Симонова, созданный по следам событий на Халхин-Голе, постановщики внесли коррективы: действие перенесли в условия Великой Отечественной войны. Пьеса прошла с большим успехом.

Разбившись на две бригады (под руководством В. Бунина, комиссара театра, и режиссёра Д. Ковальского), с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. артисты обслуживали воинские части от Владивостока до ст. Ерофей Павлович. В зимний период 1942/43 г. театр работал над двумя пьесами, написанными в годы войны: «Русские люди» К. Симонова и «Нашествие» Л. Леонова. Особенной удачей коллектива стал спектакль «Русские люди», поставленный народным артистом РСФСР, режиссёром мхатовской школы Б. Сушкевичем³⁰⁴, художественным руководителем Ленинградского нового театра, обосновавшегося в Хабаровске, но обслуживавшего также жителей Приморья.

В августе 1945 г. армейский театр ДВО был направлен в Маньчжурию и Корею для обслуживания войск 1-го Дальневосточного фронта, а театр ТОФ выехал в авиационные части флота; ещё одна бригада этого театра была направлена в Корею, где дала 34 концерта³⁰⁵. Артисты работали на марше, продвигаясь вместе с войсками по территории Маньчжурии и Северной Кореи. За это время бригады провели 208 выступлений³⁰⁶.

Таким образом, театры Дальнего Востока способствовали формированию патриотического сознания не только гражданского населения, но и военнослужащих, а также знакомили с советским искусством жителей Китая и Кореи.

В идеологической работе важная воспитательная роль отводилась музыкальному искусству. По просьбам красноармейцев дивизионные газеты публиковали тексты песен, которые исполнялись в воинских коллективах³⁰⁷. В сентябре 1941 г. в письме Главного политуправления Красной армии и Военно-морского флота, адресованном начальникам политуправлений фронтов, предлагалось развернуть работу по распространению боевых русских песен³⁰⁸. В годы войны среди рядовых военнослужащих, связанных с народной культурой, наблюдалось стихийное обращение к солдатской лирике из классического наследия.

Чаще всего это были произведения о гибели воина на чужбине: «Забелели снежки», «Ой, поля, вы поля», «Чёрный ворон», но исполнялись и маршевые песни типа «Солдатушки, бравы ребятушки». Большой популярностью пользовалась баллада «Два героя» с традиционным сюжетом «Муж-солдат в гостях у жены»: на ночлег к женщине, считавшей себя вдовой, попросились два солдата, возвращавшиеся с фронта; оказалось, что это её муж и сын. Песня получила известность после Первой мировой войны, но затем её содержание стало увязываться с событиями Гражданской и Великой Отечественной войн:

.....
 Я мужа не узнала –
 Он был совсем седой,
 А сына не узнала –
 Он был дважды герой³⁰⁹.

Военная тема получила отражение и в малой песенной форме – частушке:

Милые девчоночки,
Не будьте гордоватые,
Любите раненых солдат,
Они не виноватые³¹⁰.

С началом маньчжурской операции вновь вошли в народный репертуар песни Русско-японской войны 1904–1905 гг., в том числе популярная «На взморье мы стояли»:

.....
Врёшь ты, врешь ты, враг японец,
Русских войск ты не побьёшь.

.....
Штык стальной четырёхгранный
Грудь японскую пронзит³¹¹.

Однако новые песни в художественном отношении ориентировались не на фольклорные образцы, а на современные литературные тексты, главным образом на массовую советскую песню. Наибольшее распространение имели переделки таких песен, как «Катюша», «Огонёк», «Синий платочек». В народных версиях Катюша была и медсестрой, и связисткой, и отважной партизанкой. Неизвестными авторами создавались тексты, уступавшие оригиналу по художественным достоинствам, но, тем не менее, заслужившие народную любовь. Большинство из них были сложены не на Дальнем Востоке, а привезены участниками боевых действий. Песни исполнялись их односельчанами и членами семей, благодаря чему сохранились в народной памяти.

В годы войны снизилась активность музыкальной жизни региона, обеспечивавшаяся собственными силами, поскольку многие работники искусства были направлены на фронт для ведения боевых действий или в составе концертных бригад. Существенно возросла роль гастролирующих артистов, которые выступали не только перед гражданским населением, но также в армейских частях Дальневосточного фронта и на базах соединений ТОФ.

Приезжали на гастроли Ленинградский театр эстрады и миниатюр с участием А. Райкина, Московский государственный цыганский театр «Ромэн» и другие коллективы. В 1943 и 1944 гг. на Дальнем Востоке гастролировали Государственный украинский ансамбль песни и пляски и Московский хор русской песни. Дважды, в 1942 и 1943 гг., привозил свои спектакли Киевский театр оперы и балета. В 1943 г. солисты театра дали 16 концертов в клубе моряков г. Владивосток. Огромной популярностью пользовались выступления джазовых коллективов, особенно знаменитого джаз-оркестра Л. Утёсова. На Дальнем Востоке гастролировали также Государственный джаз-оркестр БССР под управлением Э. Рознера, Черновицкий государственный джаз-оркестр под руководством С. Каштеляна, джаз-оркестр Центрального дома культуры железнодорожников, которым руководил известный композитор Дм. Покрасс.

Большое число концертов было дано солистом Московской филармонии, доцентом Московской консерватории пианистом И. Аптекаревым. За 9 месяцев 1944 г. он выступил более чем со 150 концертами почти на всех кораблях Тихоокеанского флота. И. Аптекарев стал первым пианистом, выезжавшим

на Камчатку и Сахалин. За период 1941–1945 гг. только во Владивостоке выступили 33 гастролирующих коллектива из разных городов страны³¹².

В конце 1941 г. на Дальний Восток приехали 150 музыкантов из Ансамбля песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников, художественным руководителем которого в то время был И. Дунаевский. Артисты побывали в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Владивостоке, Находке, Сучане (Партизанск), Ворошилове (Уссурийск), выступали перед дальневосточниками и военнослужащими в частях Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Режиссёром-постановщиком всех программ являлся С. Агранян. Концерты всегда открывались песней «На врага за Родину – вперёд!», написанной И. Дунаевским в первый месяц войны. В Хабаровске композитор написал «Песню 9-й Гвардейской» на слова А. Мейера, в Комсомольске-на-Амуре – «Песню об Амурстали» – на стихи А. Гая. Тогда же были созданы «Марш сталинской авиации» и песня «Вагоны, вагоны!» на слова А. Арго³¹³. В каждом концерте звучала песня «Священная война», созданная в первые дни войны поэтом В. Лебедевым-Кумачом и композитором А. Александровым. Вскоре она вошла в репертуар всех ансамблей краснофлотцев и красноармейцев, других музыкальных коллективов Дальнего Востока³¹⁴.

И. Дунаевский встречался с местными композиторами для обсуждения их произведений. В одной из таких встреч, состоявшейся в марте 1942 г., принимали участие Л. Жукова, Г. Будённый, Л. Шишенин, С. Томбак, Рейнардт, Лозовский, Калмыков, Зайцев³¹⁵. И. Дунаевский дал оценку их произведениям, высказал критические замечания и пожелания. К началу 1942 г. дальневосточные композиторы уже имели определённый опыт по созданию «оборонных песен». Так, Л. Жукова написала более 30 песен: «Русские штыки», «Краснофлотская клятва», «Ода Красной Армии» и другие; Л. Шишенин – около 15 песен, в их числе «Песня о лейтенанте Лукине», «Мы победим!»³¹⁶; Г. Будённый являлся автором музыки ко многим текстам С. Феокистова, среди них такие популярные песни, как «Боевая походная» и «Красноармейская дальневосточная»³¹⁷.

Дважды (в 1941–1942 и 1944 гг.) приезжал Государственный ансамбль народного танца И. Моисеева. Художественный коллектив, который насчитывал 90 чел., был эвакуирован в Свердловскую область, постоянно гастролировал по Сибири, Забайкалью и Дальнему Востоку. Сборы от многих концертов переводились в Фонд обороны страны. В ноябре 1941 г. ансамбль приехал с гастролями на Дальний Восток и пробыл здесь до июля 1942 г. Концерты с успехом прошли во Владивостоке, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и других городах. В репертуар входили танцы народов СССР – «Бульба», «Лявониха», «Хоруми», «Рыбаки», «Метелица», «Газахи», а также танцы, отражающие недавнее прошлое и советскую действительность: циклы «Картинки прошлого» («Подмосковная лирика») и «На колхозной улице» («Юрочка», «Колхозная улица») и др. С началом войны программа пополнилась сценами о советских моряках и сатирическими танцами, изобличающими врага. Местная пресса писала, что «...искусство ансамбля воспитывает у зрителя любовь к нашей Родине, где цветёт прекрасная дружба народов, укрепляет стремление к победе над заклятым врагом, посягнувшим на их счастье и независимость»³¹⁸.

Из региональных коллективов большой популярностью у дальневосточников пользовались местные военные ансамбли. Так, ансамбль песни и пляски 2-й Краснознаменной армии, сформированный в составе Дальневосточного фронта

для обслуживания бойцов и гражданского населения, за период войны дал свыше 1200 концертов, на которых побывало около 1 млн чел. Концертные бригады выступали в сельских клубах, заводских цехах, в воинских подразделениях; выступления транслировались по краевому радио. В репертуар ансамбля прочно вошли песни на слова дальневосточного поэта С. Феоктистова. Они постоянно исполнялись по радио, звучали на вокзальных митингах и концертах для призывников: «Боевая походная», «Васильки», «Таёжная баллада» и, конечно, «Шуми, Амур», музыку к которой написал художественный руководитель ансамбля В. Румянцев.

Именно в годы войны, в 1943 г., обрёл стихотворное наполнение известный вальс капельмейстера М. Кюсса «Амурские волны». Текст написал солист ансамбля С. Попов, а В. Румянцев сделал хоровую партитуру. (Правда, теперь речь шла не об Амурском заливе, как это было в оригинале, а об Амуре – крупнейшей водной артерии Дальнего Востока.) Вклад солистов военного ансамбля не ограничивался их профессиональной деятельностью. В Фонд обороны коллективом сдано 150 тыс. руб.³¹⁹ В августе 1945 г., уже через неделю после завершения боёв, артисты демонстрировали своё искусство на улицах освобождённых городов Кореи и Маньчжурии.

Не менее популярным у дальневосточников был ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота (художественный руководитель – П. Нестеров). В репертуар ансамбля входили патриотические композиции о мужестве советского народа, исполнялись юмористические сценки и пародии, способствовавшие разрядке психологической напряжённости. В создании программ принимали участие деятели культуры, находившиеся в то время на Дальнем Востоке: И. Дунаевский и И. Моисеев. В годы войны много и плодотворно работали художественные руководители местных музыкальных коллективов – П. Нестеров, А. Шинкаренко, Н. Головня. В наиболее вместительных городских помещениях нередко устраивались большие представления, в которых участвовали местные артисты и гастролёры³²⁰.

Часть музыкальных выступлений транслировалась в радиозфире. Для советских людей государственное радиовещание являлось одним из важнейших источников не только общественно-политической, но и культурной информации. Интенсивность культурно-просветительской деятельности отличала работу крупнейших городов региона – Владивостока и Хабаровска. С началом войны роль радио ещё более возросла. Из-за эвакуации служб и редакций Московского радио с конца 1941 г. радиопередатчики Хабаровска стали основным ретрансляционным центром не только для Дальнего Востока, но и для значительной части областей Сибири. Уже в конце июня 1941 г. на Хабаровском радио появились постоянные передачи: «Красноармейские известия», «Передача для воинов Дальнего Востока», а также «Наши земляки на фронте». Эта передача прославилась на всю страну имя нанайского снайпера М. Пассара (1924–1943), ушедшего на фронт добровольцем.

Приморским комитетом радиовещания также были подготовлены передачи, посвящённые защитникам Отечества: «В бой за Родину!», «Марш боевых походов», «О лётчиках». Существенные перемены коснулись и музыкальных программ. Если в довоенный период значительное место принадлежало познавательным-развлекательным передачам, то с первых лет войны в основном звучала героическая музыка, массовые патриотические песни. О героическом

прошлом напоминали оперы «Князь Игорь» А. Бородина, «Иван Сусанин» М. Глинки³²¹.

Как видим, в 1941–1945 гг. культурная жизнь Дальнего Востока, несмотря на жёсткую регламентацию со стороны властных структур, отличалась не только интенсивностью, но и достаточным разнообразием. В коллективном сознании русских людей Вторая мировая война утвердилась как Великая Отечественная, сплотившая советский народ в стремлении дать врагу достойный отпор. Эффективность морально-психологических факторов Победы в значительной степени зависела от пропагандистского мастерства деятелей культуры, которые, несомненно, внесли свой вклад в разгром фашизма.

6.7. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны

Антирелигиозная политика советской власти, несмотря на провозглашённую Конституцией 1936 г. (ст. 124) свободу отправления религиозных культов, привела к закрытию подавляющего большинства православных храмов и молитвенных домов других конфессий. Под различными предлогами разгонялись религиозные центры: с 1930 г. перестал действовать Всесоюзный совет союза христиан веры евангельской, с 1935 г. – Всесоюзный совет баптистов, с 1936 г. – Синод Русской православной церкви и прекратился выпуск «Журнала Московской патриархии», с 1938 г. – Всесоюзный совет евангельских христиан. К началу 1940-х гг. завершён процесс разгрома церкви адвентистов седьмого дня, объявил о «самороспуске» обновленческий Синод (позиции обновленческой церкви на советском Дальнем Востоке были довольно прочными). Почти все наиболее заметные руководители религиозных организаций как в центре, так и на местах были арестованы, находились в тюрьмах, лагерях и ссылках, значительная часть из них была приговорена к высшей мере наказания – расстрелу.

Накануне Великой Отечественной войны православные (сторонники патриарха Тихона и обновленцы) и евангельские верующие (баптисты, евангельские христиане, адвентисты седьмого дня) проживали во всех административно-территориальных единицах Дальнего Востока СССР, но «нормальной» религиозной деятельности они вести не могли. В результате реализации вероисповедной политики Советского государства местными властями из 300 храмов Русской православной церкви, действовавших на территории Дальнего Востока до 1917 г., к началу Великой Отечественной войны не осталось ни одного. В такой же ситуации находились и приверженцы других религий.

В годы Великой Отечественной войны выявилась ошибочность государственной политики в отношении религии и церкви. Иллюзии об успешном и повсеместном преодолении религиозного мировоззрения и победе атеистических убеждений рассеялись, уступив место правде жизни – в стране насчитывались миллионы верующих.

22 июня 1941 г. глава Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился к верующим Русской православной церкви с посланием: «...Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью

Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. ...Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени ... Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. ...Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует Победу»³²².

С патриотическими посланиями к верующим обратились и иерархи обновленческой церкви: «...На Мать-Родину хищный и коварный враг напал. Сплотимся в великом единстве и противостанем врагу! Пусть среди нас не будет ни одного равнодушного, трусливого! Пусть каждый из нас будет исполнителем долга не за страх, а за совесть, как заповедал великий апостол Павел»³²³.

Действовавшие в стране религиозные организации и руководство различных конфессий – мусульман, старообрядцев, евангельских христиан, баптистов, христиан веры евангельской, адвентистов седьмого дня также выразили свою патриотическую позицию. Представители мусульманского духовенства и верующих, собравшиеся в мае 1942 г. в Уфе на свой съезд, осудили террор немецко-фашистских войск против народов Советского Союза, в том числе и совершаемые оккупантами разрушения мечетей, аресты и расстрелы духовенства и верующих мусульман. С письмом-воззванием к евангельским верующим обратились руководители Временного совета евангельских христиан и баптистов. В нём говорилось: «...На своем знамени гитлеризм начертал: “Завоевание мира! Порабощение человечества! Водворение на земле нового культа нацизма!” ... Да сохранит Бог человечество от этого! ... Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной в суровые дни, которые мы переживаем. Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной»³²⁴.

Война резко изменила вероисповедную политику государства: приостанавливается активная антирелигиозная деятельность, с июля 1941 г. перестает издаваться журнал «Безбожник» – печатный орган Союза воинствующих безбожников, некоторых руководителей евангельских церквей освобождают из лагерей и тюрем (в частности, В.С. Павлова – заместителя И.Е. Воронаева по Всесоюзному совету союза христиан евангельской веры, направив его на постоянное место жительства в г. Янги-Юль (Ташкентская область), где он вскоре создал пятидесятническую общину, насчитывавшую более 100 верующих)³²⁵; руководителям евангельских христиан и баптистов дают возможность организовать Временный совет, который приступил к возрождению религиозной жизни в общинах и поддержке их патриотической деятельности.

Для сплочения верующих государство фактически заняло позицию невмешательства в церковную жизнь страны. В результате разрешались общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность, не чинились препятствия массовым богослужениям и обрядам, расширялась издательская деятельность церковью, признавались религиозные центры, разрешалось устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями³²⁶.

Эти действия определялись не только внутренними причинами, но и внешними. Советский Союз не мог игнорировать ни использования фашистской

Германией «религиозной карты», ни мнения союзников, которые (прежде всего США) согласовывали открытие второго фронта и оказание военной помощи СССР с расширением религиозных свобод³²⁷.

2 сентября 1941 г. председатель Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский опубликовал статью «Почему религиозные люди против Гитлера», в которой высоко оценил патриотическую деятельность Русской православной церкви, а также других религиозных организаций СССР³²⁸. Однако сохранялась и научно-атеистическая направленность пропаганды. Её проводили политработники и выездные бригады на фронтах, лекторские группы – в тылу. Для координации их деятельности постановлением СНК от 31 июля 1943 г. создано лекционное бюро при Комитете по делам Высшей школы³²⁹.

В условиях войны обострилось противоречие между возросшей потребностью в удовлетворении гражданами религиозных обрядов и возможностями для этого. Изменения повседневной жизни, страх перед неизвестностью вызвали стихийный всплеск религиозности советского народа. Во многих районах Дальнего Востока тайно осуществлялись православные и евангельские богослужения. Их проводили бывшие священнослужители, работавшие на предприятиях и в учреждениях, официально порвавшие с религией; в Хабаровске в одной из обновленческих общин, нарушая канонические традиции, священнические обязанности исполняла женщина³³⁰.

В массах верующих зрела убежденность в том, что государство должно пойти на нормализацию отношений с религиозными организациями, большинство из которых заняли патриотические позиции. Советско-партийное руководство СССР не могло игнорировать возросшую религиозность советского народа, мнение союзников и международных религиозных организаций. 4–5 сентября 1943 г. в ходе встречи И.В. Сталина с митрополитами Русской православной церкви Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем) были достигнуты договоренности о восстановлении деятельности церковных институтов. 8 сентября Архиерейский собор избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси³³¹.

Для контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах 14 сентября 1943 г. Совнарком СССР образовал Совет по делам Русской православной церкви во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым, в союзных и автономных республиках, краях и областях учреждались должности уполномоченных. В своей деятельности они руководствовались соответствующими статьями Конституции, декретом СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», постановлением ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», а также постановлением правительства № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей».

Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви по Приморскому краю назначили А.С. Пименова, по Хабаровскому – И.И. Костикова, затем – С.П. Тулупова³³². Они решали вопросы, связанные с открытием церквей, регистрацией духовенства, церковных советов и объединений верующих. Для регистрации (после указа правящего архиерея о назначении на службу в приход) священнослужителями предоставлялись сведения о социальном происхождении и семейном положении, образовании и наличии судимости, пребывании на оккупированной территории и в обновленческом расколе³³³.

Для решения вопроса о возможности открытия православных церквей требовались данные о наличии культовых зданий и их использовании. На территории Приморского края в 1943 г. не было ни одного действующего православного храма, хотя существовало 89 культовых зданий, из которых свободными были только девять. В 47 зданиях располагались клубы, в 9 – школы, в одном – больница, а 23 – использовались под хозяйственные нужды. Сохранившиеся 12 культовых зданий во Владивостоке были заняты культурными, учебными, военными, государственными учреждениями и организациями³³⁴. Подобная ситуация наблюдалась и в Хабаровском крае: из 91 культового здания не использовались под хозяйственные и культурные цели только четыре. В сохранившихся четырёх православных храмах Хабаровска располагались детский сад, мастерская, воинская часть и Дом печати³³⁵.

Верующие Хабаровского края подавали заявления на открытие православных церквей ещё в 1942 г., о чём докладывали секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) А.Ф. Окулову. Потребность в богослужениях объясняли следующим образом: «...Оно наше утешение в дни нашего тяжёлого горя, потери наших детей на Западе за священную Русь. Сеем надеяться, что крайисполком услышит наш вопль и подаст руку помощи. В воскресные и праздничные дни, свободные от государственных забот, не мешать христианскому утешению»³³⁶.

Первой открытой на Дальнем Востоке православной церковью стал храм Святого Благоверного князя Александра Невского в Хабаровске. Община была зарегистрирована 7 ноября 1943 г., настоятелем и председателем церковного совета стал И.Ф. Дувалкин, затем – Д.Е. Фурман. В июле 1944 г. архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей назначил его благочинным русских православных церквей по Хабаровскому краю с правом решения с представителями советской власти насущных проблем³³⁷.

Церковь размещалась в бывшем хлебном магазине треста «Главхлеб», явно недостаточным по вместимости. Так, на пасхальное богослужение в 1944 г. оно не вместило даже десятую часть верующих, прибывших не только из Хабаровска, но и из других населённых пунктов. Среди посещающих церковь – люди разных возрастов и положений, бывали случаи посещения церкви офицерами Красной армии³³⁸.

В 1945 г. верующим удалось открыть второй приход в Хабаровске. Им было возвращено использовавшееся Дальневосточной железной дорогой под детские ясли здание церкви, построенное в 1900–1901 гг. Первая служба во вновь открытом храме во имя Рождества Христова состоялась 19 августа 1945 г. в праздник Преображения Господня. Через некоторое время преподаватель Хабаровского музыкального училища Зиновий Федотович Черноусов организовал при общине хор из любителей церковного пения³³⁹.

С 1942 г. по октябрь 1945 г. в Хабаровском крае подано 10 заявлений на открытие православных церквей, из них удовлетворили два (хабаровские церкви). Заявление верующих пос. Кихчика Камчатской области отклонили из-за того, что в посёлке ранее церковь не существовала, а дирекция рыбокомбината категорически отказала верующим в предоставлении помещения. Остальные семь заявлений (с. Переяславка Кагановичского района Амурской области, г. Александровск-на-Сахалине, с. Кузьмичи Советского района Амурской области, пос. ст. Шимановская Амурской области, г. Свободный, г. Благовещенск

и пос. Завитая Амурской области) долго находились на стадии рассмотрения, но ни одно из объединений не было зарегистрировано³⁴⁰.

В Приморском крае первыми попытались возродить православную церковь верующие ст. Лазо Приморской железной дороги. 21 сентября 1943 г. они обратились с просьбой об её открытии к Патриарху Московскому и всея Руси Сергию, а до этого с подобной просьбой трижды обращались к руководителю обновленческой церкви митрополиту Виталию (Введенскому). Данная община численностью 108 чел. была зарегистрирована только 2 сентября 1944 г., с поселковым Советом был заключён договор на передачу верующим бывшего здания церкви площадью 127 кв. м и культового имущества. Первым настоятелем прихода стал П.Н. Соколов³⁴¹.

Первым зарегистрированным православным приходом в Приморском крае стал Свято-Никольский приход во Владивостоке. На момент регистрации (5 февраля 1944 г.) в общине насчитывалось около 90 активных верующих, подавляющее большинство из них старше 60 лет. Настоятелем прихода стал З.А. Гелюта. Молитвенный дом, предоставленный в пользование верующим, был небольшим, находился на окраине города, в районе Первой Речки (Океанский проспект, 11) и не вмещал всех верующих³⁴².

Третий православный приход зарегистрирован в Приморском крае 23 ноября 1945 г. в г. Спасск (настоятель отец Диомид Передрий). Заявление на открытие церкви подписали 40 верующих. Положительному решению вопроса способствовала удалённость от других приходов: до ближайшего православного храма было более 163 км. Верующие арендовали под молитвенный дом здание в с. Спасское Спасского района (ул. Михайловская, д. 19)³⁴³.

В Приморском крае, как и в Хабаровском, ходатайства о регистрации прихода и открытии храма чаще всего отклонялись по причине невозможности предоставить верующим культового здания. Так, в октябре 1943 г., минуя местные органы власти, в Совет по делам Русской православной церкви обратились верующие с. Краснояровка и г. Спасск Приморского края за разрешением об открытии православной церкви. В апреле 1944 г. они подали заявление в Приморский краевой Совет депутатов трудящихся, которое не было удовлетворено по причине «отсутствия здания церкви». Очередное заявление на регистрацию общины, с документами о предоставлении под молитвенный дом строения, принадлежащего на правах собственности С.П. Артюху, также не получило положительного решения³⁴⁴.

В мае 1944 г. группа верующих, возглавляемая В.Г. Елкиным, обратилась к председателю Приморского крайисполкома А. Блощаненко с заявлением о регистрации ещё одного прихода и передаче ему здания бывшей лютеранской кирхи, но оно не было удовлетворено под предлогом, что «...во Владивостоке действующая церковь имеется»³⁴⁵.

В апреле 1945 г. с просьбой открыть православную церковь обратились 379 верующих ст. Ружино Приморского края³⁴⁶. По информации председателя Шмаковского райисполкома С.П. Павленко, во время войны на станции часто проходили неофициальные сборы верующих, в праздничные дни их число достигало 1000–1500 чел., приглашали священника для совершения обрядов и треб. Верующие на свои средства купили дом, сделали алтарную пристройку, подготовили облачение для священника, собрали продукты и 5 тыс. руб. для оказания помощи вдовам и сиротам, надеясь на открытие церкви, но крайисполком отказал

по стандартной причине – отсутствие культового здания. Обращение к председателю Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпову с констатацией, что «...правительство ни в коей мере не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви, а со стороны Совета будут приниматься меры к тому, чтобы устранить всякого рода препятствия на пути осуществления свободы совести, провозглашённой Конституцией», не привело к положительному результату³⁴⁷.

В Приморском крае заявления на регистрацию общин подавали верующие городов Ворошилов (современный Уссурийск), Иман (Дальнереченск), Сучан (Партизанск), но ни одно из них в годы войны удовлетворено не было³⁴⁸. Местные органы власти предпочитали отклонять ходатайства верующих по надуманным причинам.

Открываемые церкви остро нуждались в культовом убранстве и богослужебных книгах. Для обеспечения храмов всем необходимым приходилось обращаться в местные музеи и библиотеки. В частности, уполномоченный А.С. Пименов обратился к заведующему отделом культпросветработы Г.М. Шевелеву с просьбой передать церковному совету Русской православной церкви Владивостока иконы и культовое имущество из краевого музея. Через некоторое время 15 предметов культа, в том числе два потира, два дискаса, две плащаницы, Евангелие, саккос, ковшик и три воздушки, передали церковному совету³⁴⁹.

Богослужебная и богословская литература была передана из Хабаровской краевой научной библиотеки благочинному Русской православной церкви священнику Д.Е. Фурману. Фрагменты церковного убранства передавались в Свято-Христорожественскую церковь из краеведческого музея, где был обнаружен «... первый ярус иконостаса из домашней церкви генерал-губернатора, сделанный из местного дуба редкой художественной работы, иконы иконостаса на больших чеканных золотом листах с художественными изображениями святых». В условиях карточной системы распределения продовольственных и промышленных товаров церкви получали из государственных фондов муку на просфоры, виноградное вино, строительные материалы³⁵⁰.

На Дальнем Востоке верующие, как и в других регионах СССР, стремились оказать посильную помощь стране в трудные годы. Так, община прихожан Св. Александро-Невской церкви Хабаровска внесла в Фонд обороны 38 тыс. 259 руб., на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской» – 25 тыс. руб.³⁵¹ Вклад настоятеля и прихожан в дело обороны был дважды отмечен благодарностями от Верховного главнокомандующего генералиссимуса И.В. Сталина. В начале 1944 г. уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Приморскому краю А.С. Пименов сообщал, что духовенство и верующие Владивостокского прихода собрали на постройку танковой колонны 50 тыс. руб. наличными³⁵².

Тайное отправление культа, широкое распространение обновленчества, утрата верующими религиозной традиции сказывались на повседневной жизни общин, в которых нередко были конфликты. Так, например, в 1944 г. во владивостокской общине возник конфликт между настоятелем храма З.А. Гелютой и председателем церковного совета М.И. Мильгуновым, уличённым в «недобросовестности и нечестности», в растрате церковных денег, плохом ведении церковной документации и не пожелавшим передать дела вновь избранному председателю церковного совета С.Ф. Левченко. Верующие обратились в прокуратуру Фрунзенского района Владивостока с просьбой принять меры³⁵³.

В Хабаровске затяжной конфликт произошёл внутри прихода Св. Александроневской церкви. В письме на имя секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) Г.А. Боркова председатель общины Н.М. Лукашук сообщал, что протоиерей Г.В. Молоствов (вероятно, разделяя позиции обновленцев, вышел из подчинения патриарха), несмотря на запрет архиепископом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем служения, исполнял требы и проводил на частных квартирах богослужения. Священник Д.Е. Фурман и 75-летняя прихожанка М. Иванова, которая в нарушение всех православных канонов проводила службы на дому, разожгли ненависть прихожан, и его (Н.М. Лукашука. – авт.) стали «...бить в храме и выбрасывать из церкви за порог на улицу, применяя грубые физические силы». Выход из сложившейся ситуации он видел только в отправке на передовую: «...Пусть получат власть в церкви те, которые того добиваются и которым я так сильно мешаю. Не могу я иметь общение в церкви с такими подлецами, которые в церкви на глазах их святых, не признавая в душе ничего святого, ни самого Бога, дошли до высших пределов наглости и безобразия». В дело вмешался уполномоченный совета в Хабаровском крае С.П. Тулупов, и протоиерей Г.В. Молоствов за противозаконную деятельность в октябре 1945 г. был выслан из Хабаровска в Среднюю Азию³⁵⁴.

Постановление СНК СССР «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» (22 августа 1945 г.) существенно расширило имущественные права религиозных общин: им предоставлялись ограниченные права юридического лица, разрешалось приобретение транспортных средств, производство церковной утвари. Этот документ с грифом «секретно» завершил нормализацию государственно-церковных отношений в годы войны, были созданы правовые условия для отправления религиозного культа.

Заметно повысились статус и авторитет Русской православной церкви, возглавляемой патриархом, на международной арене. С началом Великой Отечественной войны в среде российской эмиграции в Китае произошёл раскол на два противостоявших друг другу лагеря: тех, кто молился за победу родного Отечества, и тех, кто желал поражения Советскому государству. Глава Российской духовной миссии в Пекине (центр церковно-общественной жизни русской диаспоры) архиепископ Виктор (Святин) ратовал за победоносный для Советского Союза исход войны. Однако японские власти, используя его авторитет у русской эмиграции и православных китайцев, склоняли владыку Виктора к сотрудничеству и записали, вопреки желанию, председателем Антикоминтерновского союза Северного Китая³⁵⁵.

К концу войны произошли кардинальные изменения в позиции тех представителей русской церковной эмиграции в Китае, которые ранее разделяли японское стремление покончить с большевистским владычеством на восточной территории России вплоть до Урала. Если ранее её священнослужители благословляли победы японского оружия, то в конце войны Харбинская православная церковь признала Патриаршую Московскую церковь, а один из харбинских архиепископов назвал Сталина раскаявшимся грешником, призванным провидением спасти Россию³⁵⁶.

Заинтересованность руководства Русской православной церкви в восстановлении православной жизни на территории советского Дальнего Востока выразилась в стремлении воссоздать в регионе епархию. Постановление об учреждении Хабаровской и Владивостокской епархии с центром во Владивостоке

было принято Священным Синодом 25 января 1945 г. В состав епархии вошли православные приходы на территории Приморского и Хабаровского краёв³⁵⁷.

С 31 января по 4 февраля 1945 г. в Москве работал Поместный собор Русской православной церкви, избравший (вместо умершего Сергия) Патриархом Московским и всея Руси Алексия (Симанского) и принявший «Положение об управлении Русской православной церковью». В конце войны под её юрисдикцию переходят многие зарубежные православные структуры, в частности Православная миссия в Японии. В 1945 г. глава Российской духовной миссии в Пекине архиепископ Виктор (Свягин) заявил о признании юрисдикции Московской патриархии и вскоре обратился с ходатайством о восстановлении советского гражданства. Речь шла о признании юрисдикции Московского Патриарха или о пребывании в подчинении Зарубежному Архиерейскому Синоду. И вслед за своими иерархами многие из русских эмигрантов, признав своим главой новоизбранного в Москве Патриарха, вернулись в Россию³⁵⁸. Устанавливаются прямые контакты Московского патриархата с руководством других церквей, активизировалась международная и миротворческая деятельность.

19 мая 1944 г. Совнарком принял постановление об организации наряду с Советом по делам Русской православной церкви ещё одной структуры – Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались связи со всеми другими (кроме православных) религиозными организациями³⁵⁹. На должность председателя был назначен И.В. Полянский, исходивший в своей деятельности из политики «централизации культов», организационного укрепления и создания религиозно-административных центров, с которыми Совет и должен входить в непосредственный контакт. В рамках такой политики в 1944 г. достигнуто объединение евангельских христиан и баптистов в единый союз – Всесоюзный союз евангельских христиан и баптистов, переименованный в 1946 г. во Всесоюзный союз евангельских христиан-баптистов. После подписания августовского соглашения (25 августа 1945 г.) в его состав вошли и представители христиан веры евангельской.

В краевых административно-территориальных единицах учреждались должности уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР. В Хабаровском крае её занял Б.М. Гребенников, а в Приморском – должность оставалась вакантной, и только с начала 1960-х гг. уполномоченным назначили заместителя председателя Приморского крайисполкома Г.Ф. Матюшенко³⁶⁰.

В годы войны на территории советского Дальнего Востока религиозную жизнь вели общины и группы трёх протестантских конфессий: евангельские христиане-баптисты, адвентисты седьмого дня и христиане веры евангельской (пятидесятники)³⁶¹.

В Приморском крае во многих населённых пунктах возобновили деятельность религиозные общины и группы баптистов и евангельских христиан. До 1937 г. общины и группы баптистов действовали более чем в 20 населённых пунктах Приморского края, а евангельских христиан – в 23. В 1937–1938 гг. 94 руководителя приморских баптистов и евангельских христиан расстреляны за «религиозную деятельность» или «антисоветскую агитацию», часть руководителей приговорена к различным срокам заключения³⁶².

Из страха новых репрессий религиозная жизнь протекала в семейном кругу, но с началом Великой Отечественной войны верующие стали собираться

на молитвенные общения. В регионе действовало более 25 незарегистрированных баптистских и евангельских общин и групп, а к концу войны их количество удвоилось³⁶³. Советско-партийные структуры были осведомлены об их существовании и культовой деятельности, но каких-либо действий в их отношении не предпринимали³⁶⁴.

В первый год войны верующие евангельские христиане и баптисты Владивостока объединились и стали проводить молитвенные собрания в доме верующей Горящей по ул. Первая Рабочая. Сближение и объединение верующих двух родственных братств на местах происходило по всей стране. То, что не удавалось совершить ни на одном совместном съезде баптистов и евангельских христиан прежде, свершилось де-факто в годы испытаний. Пресвитером общины был избран Яценко, предоставлявший свой дом каждое воскресенье для проведения молитвенных собраний. Дом находился на ст. Океанская, куда верующие добирались 40 мин на пригородном поезде, а затем около получаса шли пешком. В доме имелась фисгармония, на которой аккомпанировали церковному хору под руководством М.А. Макарова³⁶⁵. Помимо владивостокской общины евангельских христиан-баптистов возобновили религиозную деятельность общины сёл Ильинка Ханкайского района (1941 г.) и Вознесенка Черниговского района (1945 г.) Приморского края³⁶⁶.

До середины 1930-х гг. региональным центром баптизма был г. Благовещенск, в годы войны он сместился в Хабаровск, где общины евангельских христиан-баптистов смогли не только восстановить церковную жизнь, но и получить официальную регистрацию. Так, в 1944 г. А.Д. Гурьева и Э.Я. Чиркова собрали около 40 верующих евангельских христиан и баптистов Хабаровска и стали собираться на молитвенные собрания в доме Терентия Ефимовича Литвинова³⁶⁷.

Первой зарегистрированной баптистской общиной стала община Хабаровска, становление которой неразрывно связано с деятельностью В.И. Косицына, яркого религиозного лидера, хорошего организатора и оратора. Владимир Иванович Косицын, 1898 г. рождения, происходил из крестьянской семьи в Амурской области. Все его предки и многочисленные родственники принадлежали к молоканским или баптистским общинам Приамурья. Отец Владимира Ивановича продолжительное время руководил баптистской общиной с. Жариково Амурской области. После смерти отца в 1926 г. его место занял В.И. Косицын. В 1933 г. он переехал в Хабаровск и вскоре был выслан в Нанайский район как социально опасный элемент. В 1939 г. В.И. Косицын вернулся в Хабаровск, и благодаря его активной работе 11 октября 1945 г. хабаровскую общину зарегистрировали (по данным уполномоченного, она состояла в основном из раскулаченных крестьян). Пресвитером общины избрали В.И. Косицына, дьяконом – К.Ф. Рябцуна (1897 г. рождения из раскулаченных крестьян Каменец-Подольской области). Регентом церковного хора долгое время была З.И. Максимчук³⁶⁸.

30 ноября 1945 г. была зарегистрирована община евангельских христиан-баптистов пос. Бичевая района им. Лазо. В ней насчитывалось 62 верующих³⁶⁹. Существовала зарегистрированная ещё в 1937 г. община евангельских христиан-баптистов в Александровске-Сахалинском. Она вела активную религиозную жизнь вплоть до марта 1960 г., когда исполком Александровского городского Совета депутатов трудящихся принял решение о запрещении деятельности общины евангельских христиан-баптистов³⁷⁰.

В 1944 г. возобновила свою деятельность и община евангельских христиан-баптистов Благовещенска. Получив право на регистрацию, верующие приобрели молитвенный дом. Пресвитером общины после её восстановления был М.Н. Ширинкин, диаконское служение осуществляли А.Н. Коробков и В.А. Курносов. При общине был организован хор³⁷¹.

В годы войны небольшое число евангельских христиан и баптистов проживало на территории Дальнего Востока. Большинство из них были осуждены за «особо опасные государственные преступления» и остались здесь после отбытия срока наказания. Верующие собирались тайно небольшими семейными группами для молитвенного общения и только в 1959 г. объединились в религиозную общину и избрали пресвитером И. Иванченко³⁷².

В годы Великой Отечественной войны позиции евангельских христиан-баптистов на Дальнем Востоке с их демократичной церковной организацией и обрядностью значительно укрепились за счёт притока новых приверженцев, прежде всего вдов фронтовиков. Регулярные молитвенные собрания становились для новообращённых наподобие клуба для общения. В беседах женщины-домохозяйки объясняли, что ходили по 3–4 раза в неделю на молитвенные собрания для того, чтобы «собрать новости и рассказать свои»³⁷³. Баптистские общины были привлекательны и тем, что оказывали не только моральную, но и материальную поддержку членам общины.

В годы войны последователи церкви адвентистов седьмого дня вместе со всем советским народом делали всё возможное для скорейшего окончания войны: служили в Красной армии, выполняли свой долг в медицинских частях, работали переводчиками, шофёрами, связистами, военными музыкантами. Многие адвентисты, отказавшиеся в соответствии с религиозным учением брать в руки оружие, призывались в трудовую армию, работали на строительстве военных и гражданских объектов, в шахтах, на лесоповале. Однако это не изменило отношения государства к верующим церкви адвентистов седьмого дня: они по-прежнему подвергались репрессиям. В 1941 г. адвентисты из числа российских немцев разделили участь своих соотечественников других исповеданий. Многие из них были депортированы и впоследствии находились на спецпоселении.

Адвентистская религиозная традиция на территории Дальнего Востока сохранялась и продолжалась негласно во многих населённых пунктах. Так, в 1942 г. отмечена как регулярно действующая адвентистская община Артёма, состоявшая из 20 взрослых членов. Её возглавляли два проповедника: А.А. Ковтун (1902 г. рожд.) и Н.В. Калина (1923 г. рожд.). Вместе с детьми верующих насчитывалось более 30 чел. В 1943 г. исполком Шкотовского районного Совета депутатов трудящихся сообщал о верующих с. Центральное: «...собираются по субботам, ... их убеждение – молиться богу; грешно работать в субботу; не пить водку; не курить; не ругаться; не брать оружие»³⁷⁴.

Изменения в государственно-церковных отношениях распространились и на адвентистов: из мест заключения (лагерей, тюрем, ссылок) стали возвращаться верующие и руководители религиозных общин, которые стремились воссоздать структуру религиозной организации. Большую роль в этом сыграл единственный оставшийся на свободе уполномоченный Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня Г.А. Григорьев. Благодаря его усилиям в 1943 г. был восстановлен и получил признание Всесоюзный совет адвентистов седьмого дня, сформирована организационная структура – от местных общин до республиканских

союзов, что привело к консолидации, а затем и увеличению числа сторонников вероучения.

Дальневосточные последователи церкви адвентистов седьмого дня были многочисленны. Общины не регистрировались, и судя по документам верующие не подавали заявлений об открытии молитвенных домов. Общее руководство этого направления протестантизма осуществлял незарегистрированный как священнослужитель И.Г. Бабкин. Он постоянно проживал в г. Лесозаводск (ст. Ружино), периодически посещал общины Хабаровского и Приморского краёв, Амурской области³⁷⁵.

Имеются сведения, что на территории Сибири и Дальнего Востока служение осуществлял ещё один адвентистский проповедник С.Я. Орел, 1899 г. рожд. По окончании библейской школы он нёс служение в Харбине до 1949 г., когда вместе с супругой Ефросиньей Макаровной вернулся в СССР, в г. Новокузнецк, где стал пастором. Помимо этого, Савелий Яковлевич как проповедник по Западной Сибири обслуживал группы верующих в Новосибирске, Кемерово, Барнауле, Томске и Омске, посещал общины Владивостока, Хабаровска и Благовещенска³⁷⁶.

Ещё одной деноминацией, действующей на Дальнем Востоке в годы войны, были христиане веры евангельской (пятидесятники). Первые последователи этой ветви протестантизма появились на территории региона в середине 1920-х гг. (мигрировали из западных областей СССР, прежде всего с Украины), но данные противоречивы – последователи христиан веры евангельской в официальных документах отождествлялись либо с евангельскими христианами, либо с баптистами³⁷⁷.

На территории Амурской области и Дальстроя почти все последователи христиан веры евангельской были сосланными или репрессированными. На основании приказа НКВД № 00 447 от 30 июля 1937 г. «сектантские активисты», наряду с другими категориями граждан, подлежали аресту и заключению на срок от 8 до 10 лет³⁷⁸. После освобождения многие из них остались на Дальнем Востоке, способствуя становлению и укреплению здесь традиций пятидесятничества. Общины и группы пятидесятников неформально признавались местными властями, но пресекались их открытые публичные богослужения.

Организованная деятельность общин и групп христиан веры евангельской на Дальнем Востоке началась в годы войны. В 1943–1944 гг. общины пятидесятников возникли в сёлах Ариадное, Любитовка, Рошино и на ст. Губерово Приморского края. Подавляющее большинство общин состояло из молодёжи, которая вела активную религиозную и общественную жизнь, создавая конкуренцию комсомольским организациям³⁷⁹.

В 1943 г. в Хабаровском крае появились евангельские христиане пятидесятники-сионисты. Это было связано с окончанием срока заключения основателя общин евангельских христиан пятидесятников-сионистов Л.В. Мельника. Он был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей в числе 67 чел. 10 июня 1933 г. судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР и направлен отбывать срок на Колыме. Срок его заключения истёк в 1943 г., но ему не позволили вернуться на родину, а разрешили поселиться в Хабаровском крае, где его опять задержали и заставили работать по «вольному найму» в совхозе Эльген ещё три года³⁸⁰. Леонтий Викентьевич активно занимался миссионерской деятельностью и приобрёл значительное количество последователей. Пятидесятничество было

относительно новым религиозным направлением и не получило в исследуемый период широкого распространения.

В годы войны на территории региона официально не действовала ни одна община мусульман, старообрядцев или буддистов. Среди значительной части коренных малочисленных народов широко распространялись традиционные верования. В отчётах констатировалось, что наиболее заметным среди коренного населения стало проявление сохранившихся в нетронутом виде языческих верований. Активизировалась деятельность шаманов практически во всех национальных сёлах. Традиционные религиозные представления дальневосточных аборигенов оказались стойкими и легко приспособились к реалиям жизни. Есть основание утверждать, что в годы войны формировалось своеобразное синкретическое мировоззрение, в котором советские духовные ценности сочетались с многовековой религиозной традицией³⁸¹.

Итак, годы Великой Отечественной войны открыли новую страницу в истории взаимоотношений между Советским государством и конфессиями. Впервые с момента образования социалистического государства со стороны власти предпринята попытка перейти от политики репрессий, направленной на уничтожение религии как социального института, к диалогу с ней. Сложившаяся ситуация позволила централизованным религиозным организациям, прежде всего Русской православной церкви, значительно расширить своё влияние в стране.

Изменение в государственно-церковных отношениях, происшедшее в годы войны, давало возможность для легального функционирования как уже действующих религиозных общин, так и вновь открывающихся. В 1943–1944 гг. Совет народных комиссаров СССР принял более 10 постановлений, касающихся условий и порядка деятельности религиозных объединений, 26 февраля 1945 г. от призыва в вооружённые силы освободили религиозных служителей действующих молитвенных зданий, в протестантских конфессиях – пресвитеров евангельских христиан и баптистов, проповедников и пресвитеров адвентистов седьмого дня³⁸².

Однако изменения советской религиозной политики несли верующим не только положительные моменты. Именно в годы войны на основе законодательства о культах (1929 г.) была сформирована новая модель реализации советской религиозной политики – система контроля и негласного управления внутренней деятельностью религиозных организаций и общин, просуществовавшая до конца 1980-х гг.

* * *

В годы войны советская система учреждений образования, науки, культуры и искусства функционировала в рамках единого процесса расширения культурного пространства. Пересматривались программы обучения в общеобразовательных школах и учреждениях профессионально-технического образования, подготовки специалистов высшей и средней квалификации, определялись правовое и организационное взаимодействия различных ведомств и структур по их реализации на региональном и федеральном уровне.

Потенциал социокультурных институтов реализовывался в мобилизационных параметрах, определявших не только масштабы развития инфраструктуры, но задачи и направленность деятельности. В перечне научных исследований

на первый план вышли проблемы профилактики и лечения инфекционных болезней, создания новых лекарственных препаратов и медицинских приборов, заменителей витаминов и продуктов питания с использованием лекарственных эндемиков Дальнего Востока. Сотрудники Горнотаёжной станции выводили новые сорта зерновых культур, картофеля, лука, фруктов и ягод, учёные ТИНРО изучали видовой состав биологических ресурсов Охотского и Японского морей, разработали новые технологические процессы их добычи, переработки и сохранения, в частности производство рыбных и крабовых консервов, китового мяса. Преподаватели ДВПИ решили проблему замены кокса местными углями при плавке чугуна в вагранках; ледовой и минной защиты кораблей Тихоокеанского флота.

Учреждения сферы досуга преобразовывались в центры агитационно-массовой, культурно-просветительной работы и воздействия на население Дальнего Востока, оказывающие помощь государственным и партийным структурам в мобилизации сил на решение народнохозяйственных проблем. Нормативно-законодательная деятельность государства в сфере культуры и воспитания была направлена на сохранение культурного наследия, самобытности, накопленных знаний и их трансляцию последующим поколениям. Оживление религиозного движения и религиозных настроений среди дальневосточного населения обусловлено было не только распространением вероучения, но и этнокультурными традициями народов восточных окраин СССР. Они определяли принадлежность их к той или иной религиозной конфессии, которая оказывала социально-психологическую поддержку, формировала социальное поведение и сохраняла элементы самобытной культуры. Несмотря на сокращение сети стационарных досуговых учреждений, расширилась зрительская аудитория культурных мероприятий (кинофильмов, спектаклей, концертов, музейных выставок), увеличилось число участвующих в художественной самодеятельности.

Ссылки и примечания

¹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 1 а.

² ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 а.

³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 99.

⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 2; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; Д. 83. Л. 5.

⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 86.

⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 3; Д. 19. Л. 27, 89.

⁷ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 1, 1 об.

⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 2; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; Д. 83. Л. 5.

⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 2 об; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 107. Л. 3.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 163. Л. 1 об. (подсчит авт.).

¹¹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 163. Л. 16, 24 (подсчит авт.).

¹² Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 387, 388.

¹³ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 1 об.

¹⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 3.

¹⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 47; Д. 19. Л. 29, 30.

¹⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 22. Л. 76; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.

¹⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 22. Л. 77.

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 25. Л. 46.

- ¹⁹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 2 об. (подсчит. авт.).
- ²⁰ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 3; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 11.
- ²¹ Советская школа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: https://studbooks.net/1825835/pedagogika/osobennosti_uchebno_vospitatelnogo_protssessa_gody_voyny#86((дата обращения: 15.08.2019)).
- ²² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 4.
- ²³ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 4, 4 об.
- ²⁴ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 132. Л. 49, 51; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 96.
- ²⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 96.
- ²⁶ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 117. Л. 2, 4, 6, 7.
- ²⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 42а.
- ²⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 78.
- ²⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 11. Л. 22; Д. 12. Л. 74; Д. 15. Л. 13.
- ³⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 87, 88 об.; Д. 26-б. Л. 7.
- ³¹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 38 (подсчит. авт.).
- ³² ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 132. Л. 15; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 22. Л. 239.
- ³³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 87.
- ³⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 6.
- ³⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 101; Д. 15. Л. 6.
- ³⁶ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 132. Л. 15; Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. С. 389.
- ³⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 2.
- ³⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 3, 6.
- ³⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 4.
- ⁴⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 52.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 7 (подсчит. авт.).
- ⁴² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 88, 88 об.; Д. 26-б. Л. 23–23 об.
- ⁴³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 21. Л. 2.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 21. Л. 28.
- ⁴⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 19. Л. 8 об., 9.
- ⁴⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 102.
- ⁴⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 28 об.
- ⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 19. Л. 8, 8 об, 85.
- ⁴⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 19. Л. 62; Д. 26-б. Л. 33 об.
- ⁵⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 25. Л. 20, 20а, 22.
- ⁵¹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 4; Д. 22. Д. 110; 26-б. Л. 7.
- ⁵² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 1.
- ⁵³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 2.
- ⁵⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 108, 109.
- ⁵⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 84.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 109, 120.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 4.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 25. Л. 7; Д. 26-б. Л. 6 об.
- ⁵⁹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 2; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 94; Д. 15. Л. 4.
- ⁶⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 93; Д. 25. Л. 68; Д. 21. Л. 18 об.
- ⁶¹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 14; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 4.
- ⁶² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 4.
- ⁶³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 112–113.
- ⁶⁴ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.
- ⁶⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 101.
- ⁶⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 6.
- ⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 25. Л. 20 г.

- ⁶⁸ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 21. Л. 3; Д. 22. Л. 78.
- ⁶⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 21. Л. 3.
- ⁷⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-6 ОЦ. Л. 5.
- ⁷¹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.
- ⁷² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-6. Л. 33 об.
- ⁷³ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.
- ⁷⁴ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 1. Л. 111 (подсчит. авт.).
- ⁷⁵ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
- ⁷⁶ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 25.
- ⁷⁷ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
- ⁷⁸ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
- ⁷⁹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.
- ⁸⁰ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 4. Л. 80.
- ⁸¹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 3; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 4. Л. 13, 23, 26–27, 45.
- ⁸² ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.
- ⁸³ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 55; Д. 2. Л. 4; Д. 3. Л. 4 (подсчит. авт.).
- ⁸⁴ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 4, 7; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 73 (подсчит. авт.).
- ⁸⁵ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.
- ⁸⁶ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.
- ⁸⁷ Балдин С.С. Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке России XIX–XX вв. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 130.
- ⁸⁸ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 15, 16, 18.
- ⁹⁰ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 82; ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 24.
- ⁹¹ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.
- ⁹² ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 89.
- ⁹³ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 82.
- ⁹⁴ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 55.
- ⁹⁵ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 60.
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 75.
- ⁹⁷ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.
- ⁹⁸ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 22, 80; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.
- ⁹⁹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 51.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 18.
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 55.
- ¹⁰² ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.
- ¹⁰³ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 55.
- ¹⁰⁴ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.
- ¹⁰⁵ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.
- ¹⁰⁶ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 64.
- ¹⁰⁷ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 69.
- ¹⁰⁸ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 3. Л. 66.
- ¹¹⁰ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 71.
- ¹¹¹ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 40; ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 89.
- ¹¹² ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 4. Л. 64, 70.
- ¹¹³ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 55; Д. 2. Л. 4; Ткачёва Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 173.
- ¹¹⁴ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
- ¹¹⁵ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.
- ¹¹⁶ ГАХК. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 5. Л. 82.
- ¹¹⁷ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 6, 7, 18 об., 19.

- ¹¹⁸ ГАПК. Ф. Р-616. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.
- ¹¹⁹ История Дальнего Востока СССР (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): в 4 т. Кн. 8. Дальний Восток в годы третьей пятилетки и в период Великой Отечественной войны (1938–сентябрь 1945 г.). Владивосток, 1978. С. 306; Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет: материалы юбилейного сб. Хабаровск, 2004. С. 18.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3103. Л. 11; История Дальнего Востока... С. 305, 307.
- ¹²¹ Приморский край. Владивосток. 1947. С. 298; Приморский край. Владивосток. 1958. С. 370–373; Макаренко В.Г. Кадровый «голод». Из истории высшего и среднего специального образования на Дальнем Востоке России в первое послевоенное десятилетие // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 4. С. 6.
- ¹²² ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 19, 32; Народное хозяйство Приморского края. Стат. сб. Владивосток, 1958. С. 169; Народное хозяйство Хабаровского края. Стат. сб. Хабаровск, 1957. С. 103.
- ¹²³ Красное знамя. Владивосток, 1942. 29 мая.
- ¹²⁴ Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет: материалы юбилейного сб. Хабаровск, 2004. С. 19, 35, 37; ДВПИ за 40 лет (1918–1958). Владивосток, 1958. С. 65; Наш Дальневосточный технический. Владивосток, 1993. С. 25, 26, 35.
- ¹²⁵ Кузница педагогических кадров ... С. 36, 37.
- ¹²⁶ История Дальнего Востока ... С. 304; Кузница педагогических кадров. С. 36.
- ¹²⁷ ДВПИ за 40 лет... С. 27, 28, 40, 53, 66.
- ¹²⁸ История Дальнего Востока...С. 304; Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта по подготовке специалистов (1939–1985) // КВЖД и её влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конференции, посвящённой 100-летию КВЖД. Владивосток, 1997. С. 129.
- ¹²⁹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 32; Ф. 1507. Оп. 1. Д. 721. Л. 8.
- ¹³⁰ История СССР. 1991. № 6. С. 216; Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта... С. 129.
- ¹³¹ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток, 1999. С. 148–149.
- ¹³² Кузница педагогических кадров. С. 36.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 112. Л. 44; Д. 7373. Л. 2, 24; Д. 199. Л. 3; ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 19; Ф. 1507. Оп. 1. Д. 721. Л. 8; Д. 528 а. Л. 184; Ф. 35. Оп. 1. Д. 555. Л. 8; Д. 1653. Л. 5–6 об., 18; Оп. 22. Д. 51. Л. 6; Д. 555. Л. 22, 57; Д. 290. Л. 17, 22; Д. 1653. Л. 22 об., 25.
- ¹³⁴ Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта...С. 129.
- ¹³⁵ ГАО. Ф. 902. Оп. 1. Д. 5. Л. 26; Д. 19. Л. 1, 6–7, 45–46; Ф. 712. Оп. 1. Д. 370. Л. 30; ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 928 а. Л. 1–3, 107; Ф. 35. Оп. 1. Д. 1653. Л. 5, 5 об., 20; ГАПК. Ф. 1481. Оп. 1. Д. 1. Л. 54; Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук (Вестник ДВО РАН). 1996. № 1. С. 95–108; Васильева Е.В. Наука Дальнего Востока СССР в первое послевоенное десятилетие // Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 112; Её же. Ирина Николаевна Савич // Вестник ДВО РАН. 1999. № 5. С. 77–94; Хисамудинова Н.В. Начинай, чтобы продолжить: становление высшего технического образования на российском Дальнем Востоке (1919–1939). Владивосток, 2004. С. 81, 82, 83, 84; УГПИ – на перекрестках истории // УГПИ-Новости. Уссурийск, 2004. № 72 (сентябрь). С. 11; Макаренко В.Г. Репрессированный вуз. О корейском педагогическом институте во Владивостоке // Россия и АТР. 1995. № 4. С. 43–47.
- ¹³⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 22. Д. 190. Л. 11–12; Д. 384. Л. 20.
- ¹³⁷ Кузница педагогических кадров. С. 37, 123.
- ¹³⁸ Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта... С. 128–130.

- ¹³⁹ Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта... С. 128–130. Ф. 744. Оп. Д. 10. Л. 7; История Дальнего Востока СССР. Кн. 8. С. 102.
- ¹⁴⁰ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 528 а. Л. 184.
- ¹⁴¹ Дальневосточный государственный университет... С. 150–157.
- ¹⁴² ДВПИ за 40 лет. С. 61, 66–67; Наш Дальневосточный технический. С. 26–27.
- ¹⁴³ Кузница педагогических кадров. С. 20, 27, 31–33, 37, 67, 86, 115, 119, 123, 134–135, 147.
- ¹⁴⁴ Дальневосточный государственный медицинский университет (Хабаровск) // Официальный сайт ГБОУ ВПО ДВГМУ Минздрава России. URL: http://www.fesmu.ru/?main_action=18&redirect=pages (дата обращения: 16.02.2015).
- ¹⁴⁵ Кузница педагогических кадров. С. 35, 36, 37; Наш Дальневосточный политехнический. Владивосток, 1971. С. 63; Наш Дальневосточный технический. С. 26.
- ¹⁴⁶ Кузница педагогических кадров... С. 36, 37.
- ¹⁴⁷ Наш Дальневосточный технический... С. 26.
- ¹⁴⁸ Кузница педагогических кадров. С. 37.
- ¹⁴⁹ ДВПИ за 40 лет. С. 66, 61.
- ¹⁵⁰ Дальневосточный государственный университет. С. 170–171.
- ¹⁵¹ Кузница педагогических кадров. С. 36.
- ¹⁵² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 82.
- ¹⁵³ Дальневосточный государственный университет. С. 159–160.
- ¹⁵⁴ Кузница педагогических кадров. С. 35.
- ¹⁵⁵ Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. С. 167–168.
- ¹⁵⁶ ДВПИ за 40 лет... С. 61, 65, 66.
- ¹⁵⁷ Кузница педагогических кадров. С. 36–37, 346–347; Дальневосточный государственный университет. С. 160–161; ДВПИ за 40 лет... С. 66–67.
- ¹⁵⁸ Макаренко В.Г. Подготовка специалистов в вузах Дальнего Востока в годы Второй мировой войны (1939–1945) // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2016. С. 231.
- ¹⁵⁹ Благовещенский государственный педагогический университет: 1930–2010. Благовещенск: ООО Издат. компания «РИО», 2010. 404 с. С. 44.
- ¹⁶⁰ Макаренко В.Г. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР (1939–1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX в. в истории России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 205.
- ¹⁶¹ Кочешков Н.В., Мизь Н.Г., Турмов Г.П. Ректоры...от Восточного института до наших дней. Владивосток: ДВГТУ, 2002. С. 93; История Дальнего Востока... С. 305–306; Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института... С. 129; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1358. Л. 450–451; Кузница педагогических кадров. С. 37.
- ¹⁶² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 1; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
- ¹⁶³ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 9. Л. 38.
- ¹⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 9. Л. 13, 14, 14 об.
- ¹⁶⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 9. Л. 26, 38.
- ¹⁶⁶ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 27 об; Д. 113. Л. 1 об.
- ¹⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 10. Л. 54.
- ¹⁶⁸ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 10; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
- ¹⁶⁹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 21.
- ¹⁷⁰ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 1 об. – 6 об., 8 об. – 9 об., 11 об.
- ¹⁷¹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 123. Л. 3 об.
- ¹⁷² ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 10.
- ¹⁷³ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 21; Д. 113. Л. 26.
- ¹⁷⁴ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 123. Л. 10 об.
- ¹⁷⁵ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 94. Л. 2; Д. 113. Л. 70; Д. 123. Л. 20–21 об., 60 (подсчит. авт.).
- ¹⁷⁶ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 52; Д. 15. Л. 7.

- ¹⁷⁷ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 123. Л. 63.
- ¹⁷⁸ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–3, 8 об.
- ¹⁷⁹ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 113. Л. 2, 3.
- ¹⁸⁰ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 113. Л. 35, 36.
- ¹⁸¹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 129.
- ¹⁸² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 81, 82.
- ¹⁸³ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 113. Л. 70; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 26.
- ¹⁸⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 81; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 10.
- ¹⁸⁵ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 81; ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 10.
- ¹⁸⁶ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 10.
- ¹⁸⁷ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.
- ¹⁸⁸ ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.
- ¹⁸⁹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 12. Л. 82.
- ¹⁹⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-б. Л. 70.
- ¹⁹¹ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 15. Л. 6.
- ¹⁹² АРАН. Ф. 409. Оп. 1 (ДВФ АН). Д. 98. Л. 16.
- ¹⁹³ Васильева Е.В. Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: материалы Первой Дальневост. науч.-практ. конф. / Редкол.: А.П. Деревянко (отв. ред.) и др. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 109–111.
- ¹⁹⁴ Пятигорский А., Алексеев О. Размышляя о политике. М.: Новое изд-во, 2008. С. 50.
- ¹⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7. Л. 68–70.
- ¹⁹⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 599. Л. 5 об.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 10. Д. 54. Л. 7, 74–75; Оп. 27. Д. 455. Л. 11, 48 об., 49, 58; Д. 457. Л. 14, 16, 27, 32, 35 об., 39, 41, 106 об.; ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 143. Л. 8; Ф. 721. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 34. Л. 27–28.
- ¹⁹⁸ Васильева Е.В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки. В 2 ч. Ч. 1. Структурно-когнитивный компонент. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. С. 398–399.
- ¹⁹⁹ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 177.
- ²⁰⁰ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР... С. 197, 200–202, 204, 206; АРАН. Ф. 188. Оп. 1 (1941–1945). Д. 26. Л. 34.
- ²⁰¹ АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 27. Л. 34.
- ²⁰² Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–1960-е годы XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2005. Кн. 3. С. 118.
- ²⁰³ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 172. Л. 63–63 об.
- ²⁰⁴ ГАХК. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 31-а. Л. 12.
- ²⁰⁵ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 128. Л. 258.
- ²⁰⁶ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 172. Л. 70.
- ²⁰⁷ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.
- ²⁰⁸ Люди. Наука. Океан / отв. ред. И.В. Кизеветтер. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. С. 21–58.
- ²⁰⁹ Люди. Наука. Океан. С. 135–138.
- ²¹⁰ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 213. Л. 2–2 об.
- ²¹¹ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 172. Л. 97; Д. 201. Л. 33, 171; Д. 215. Л. 6.
- ²¹² ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 201. Л. 32 об.
- ²¹³ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: 2013. С. 112.
- ²¹⁴ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 201. Л. 32, 35, 36; Д. 202. Л. 7, 8; АРАН. Ф. 188. Оп. 3. Д. 103. Л. 7; ГАПК. Ф. 42. Оп. 4. Д. 11. Л. 66; Д. 14. Л. 24.

- ²¹⁵ Кременцов Н.Л. Советская наука и война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 784–785.
- ²¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 16. Л. 113 (об.)
- ²¹⁷ ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 28–29 об.; Д. 220. Л. 11.
- ²¹⁸ ГАХК. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 40. Л. 10–13 об.
- ²¹⁹ ГАХК. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 76. Л. 63.
- ²²⁰ ГАПК. Ф. 42. Оп. 4. Д. 13. Л. 49–52; Д. 14. Л. 24, 61–63; Д. 15. Л. 52.
- ²²¹ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 128. Л. 258–270; Д. 404. Л. 3.
- ²²² ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 533. Л. 2–3.
- ²²³ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 587. Л. 11; Ф. 1732. Оп. 1. Д. 40. Л. 15; Д. 76. Л. 25 об.; ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 27; Д. 170. Л. 48.
- ²²⁴ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР... С. 180.
- ²²⁵ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.
- ²²⁶ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–15 об.
- ²²⁷ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.
- ²²⁸ ГАПК. Ф. 42. Оп. 4. Д. 16. Л. 30.
- ²²⁹ ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 938. Л. 1–98.
- ²³⁰ Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности... С. 121–123.
- ²³¹ ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 31 об.
- ²³² ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–14.
- ²³³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1587. Л. 20–20 об.
- ²³⁴ Снытко В.А. Еще об одной печальной судьбе // ТИНРО – 75 лет (от ТОНС до ТИНРО-Центра). Владивосток: Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр (ТИНРО-Центр), 2000. С. 319.
- ²³⁵ Кременцов Н.Л. Советская наука и холодная война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 783–784.
- ²³⁶ ГАХК. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.
- ²³⁷ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.
- ²³⁸ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об.
- ²³⁹ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 6. Л. 31 об.
- ²⁴⁰ ГАПК. Ф. 519. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–21.
- ²⁴¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16–16 об.
- ²⁴² ГАПК. Ф. П-52. Оп. 10. Д. 134. Л. 38.
- ²⁴³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 843. Л. 14.
- ²⁴⁴ ГАПК. Ф. 519. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
- ²⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6: 1941–1954. М.: Изд-во политической литературы, 1971. С. 55–56; 63–64, 110–112.
- ²⁴⁶ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1970; Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1976.
- ²⁴⁷ Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России. 1917–середина 1980-х годов: очерки. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 102–107.
- ²⁴⁸ Задорнов Николай Павлович (1909–1992) // История культуры Приамурья. Хабаровск, 2013. № 2 (14). С. 38–41.
- ²⁴⁹ Еланцева О.П. Литературно-художественный альманах Приморья: страницы истории // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Чита. 2012. № 4. С. 35.
- ²⁵⁰ Еланцева О.П. Литературно-художественный альманах Приморья. С. 37–38.
- ²⁵¹ Антология поэзии Дальнего Востока. 1917–1967 / сост. В. Пузырёв, Ю. Иванов. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1967. С. 186.

- ²⁵² Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы... С. 105.
- ²⁵³ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 237.
- ²⁵⁴ Феоктистова С.С. Московские родники гражданской лирики дальневосточного военкора Сергея Феоктистова // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 1(21). С. 101–114; Феоктистова С. Поэзия солнца и любви дальневосточного поэта Сергея Феоктистова. URL: http://www://Дебри-ДВ: debri-dv.com/article/11113/poeziya_solnca_i_lyubvi_dalnevostochnogo_poeta_sergeya_feoktistova (дата обращения: 5.12.2019).
- ²⁵⁵ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 275–276.
- ²⁵⁶ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 279.
- ²⁵⁷ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 20–21.
- ²⁵⁸ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 254–255.
- ²⁵⁹ Антология поэзии Дальнего Востока. С. 257.
- ²⁶⁰ Ткачёва Г.А. Пропаганда и агитация в коммуникационном пространстве Дальнего Востока СССР 1941–1945 гг. // Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации. Сб. научных статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 45.
- ²⁶¹ Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // URL://cyberleninka.ru/article/n/dalnevostochnaya-kampaniya-1945-g-v-soznanii-sovetskih-voennosluzhaschih. С. 168–170 (дата обращения: 4.10.2019).
- ²⁶² Бои в Маньчжурии и Корее. Сб. материалов о боевых действиях 1-го Дальневосточного фронта. Владивосток: Приморское краевое управление издательств и полиграфии, 1945. С. 31.
- ²⁶³ Бои в Маньчжурии и Корее. Сб. материалов о боевых действиях 1-го Дальневосточного фронта. Владивосток: Приморское краевое управление издательств и полиграфии, 1945. 112 с.
- ²⁶⁴ Бои в Маньчжурии и Корее. С. 39.
- ²⁶⁵ Игауэ Нахо. Взаимные образы русских и японцев (по материалам фольклора). URL: www.eavest.ru/biblioteka/stati-i-knigi/mify/29-igaue-nakho-vzaimnye-obrazy-russkikh-i-yapontseva-folklorum-materialam (дата обращения: 25.07.2019).
- ²⁶⁶ Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих. С. 165.
- ²⁶⁷ Бои в Маньчжурии и Корее. С. 38.
- ²⁶⁸ Мастера кисти и резца. Сборник документов государственного архива Хабаровского края об истории изобразительного искусства Хабаровского края. Хабаровск: Издательский дом «Частная коллекция», 2007. С. 73.
- ²⁶⁹ Мастера кисти и резца. С. 85.
- ²⁷⁰ Мастера кисти и резца. С. 71.
- ²⁷¹ Марков В.М. Юность, опалённая войной. Приморские художники на фронтах Великой Отечественной. URL: <http://www://novayagazeta-vlad.ru/282/kultura/yunost-opalennaya-vojnjoj> (дата обращения: 26.01.2016).
- ²⁷² Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы... С. 102.
- ²⁷³ Мастера кисти и резца. С. 85.
- ²⁷⁴ Приморская организация Союза художников России. URL: <http://www://artprim.com/primart-organisation.aspx> (дата обращения: 08.09.2015).
- ²⁷⁵ Чернявский А. Дом на берегу Девятки. URL: <http://www://habarovsk.bezformata.ru/listnews/dom-na-beregu-devyatki/6918068> (дата обращения: 21.08.2015).
- ²⁷⁶ Чернявский А. Дом на берегу Девятки.
- ²⁷⁷ Чернявский А. Плакат в солдатском строю // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 2015. 8 мая.
- ²⁷⁸ Мастера кисти и резца. С. 71.
- ²⁷⁹ Мазуренко Н.А. URL: <http://www://primkraj.ru/art/mazurenko-na> (дата обращения: 29.01.2016).

- ²⁸⁰ Мастера кисти и резца. С. 89.
- ²⁸¹ Мастера кисти и резца. С. 92.
- ²⁸² Мастера кисти и резца. С. 91.
- ²⁸³ Фоминых Л.А. Наследие художников Б.Т. Горлача и Е.П. Тырковой в фондах Амурского краеведческого музея // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 22–24.
- ²⁸⁴ История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года. Владивосток: Дальнаука, 2018. Т. 3. Кн. 2. С. 434.
- ²⁸⁵ Осипова Э.В. Приморский драматический театр им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010. С. 168.
- ²⁸⁶ Осипова Э.В. Приморский драматический театр им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны. С. 167.
- ²⁸⁷ Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы... С. 106.
- ²⁸⁸ Осипова Э.В. Приморский драматический театр им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны. С. 167.
- ²⁸⁹ Осипова Э.В. Приморский драматический театр им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны. С. 168–169.
- ²⁹⁰ Богданов С.А. Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 59.
- ²⁹¹ Королёва В.А. Многонациональное музыкальное искусство – приморцам накануне и в годы Великой Отечественной войны // Приморье: народы, религии, общество. Владивосток: Управление внутренней политики Приморского края, 2011. С. 83.
- ²⁹² Богданов С.А. Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны. С. 59–60.
- ²⁹³ Богданов С.А. Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны. С. 59.
- ²⁹⁴ Богданов С.А. Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны. С. 59.
- ²⁹⁵ Богданов С.А. Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны. С. 58.
- ²⁹⁶ Ярославцева Т.А. Город Николаевск-на-Амуре во второй половине 1930–середине 1940-х гг. // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. статей. Владивосток: Рея, 2016. С. 255.
- ²⁹⁷ Вайсман А.М. Амурские сезоны. Амурский театр в Великую Отечественную войну. URL: www://геоамур.рф/sources/history/gpw/gpw=088.php (дата обращения: 6.12.2019).
- ²⁹⁸ Цупенкова И.А. История театральной культуры Сахалинской области (конец XIX–XX вв.). [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 79–82.
- ²⁹⁹ Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. Из истории Магаданского театра 30–50-х годов. Магадан: Раритет, 1992. С. 49.
- ³⁰⁰ Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. С. 55.
- ³⁰¹ Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. С. 58.
- ³⁰² Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. С. 58–59.
- ³⁰³ Козлов А.Г. Огни лагерной рампы. С. 74–75.
- ³⁰⁴ Кищик Е.В. Репертуар военных театров Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 71–74.
- ³⁰⁵ Осипова Э.В. Ведомственные театры на территории Приморского края // Арсеньевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящённой 130-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. 28–29 августа 2002 года. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 185.
- ³⁰⁶ Кищик Е.В. Репертуар военных театров Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 73.
- ³⁰⁷ Новожилов В.Ю. Исторический опыт организации и проведения воспитательной работы в войсках НКВД в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2014. № 10. С. 172.

- ³⁰⁸ Культура в годы войны. Информационно-идеологическая работа в условиях военного времени. URL: http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/vov_kultura.pdf С. 568 (дата обращения: 19.08.2019).
- ³⁰⁹ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 133. Л. 41–42.
- ³¹⁰ Личный архив Л.Е. Фетисовой.
- ³¹¹ Обшарина Е.С. «Песни-переделки» и их бытование на Дальнем Востоке // История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1971. С. 133.
- ³¹² Королёва В.А. Многонациональное музыкальное искусство – приморцам накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 80–85.
- ³¹³ Позина Н. Дальневосточные гастроли Исаака Дунаевского // Словесница искусств. Хабаровск. 2017. № 1 (39). URL: [www://slovoart.ru/node/2293](http://slovoart.ru/node/2293) (дата обращения: 06.12.2019).
- ³¹⁴ Королёва В.А. Многонациональное музыкальное искусство – приморцам накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 81–82.
- ³¹⁵ Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1942. 6 марта.
- ³¹⁶ Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1942. 7 янв.
- ³¹⁷ Феоктистова С. Поэзия солнца и любви дальневосточного поэта Сергея Феоктистова.
- ³¹⁸ Сурган В. Народное искусство // Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1942. 25 мая.
- ³¹⁹ Журомская Л.П. Из истории развития Ансамбля песни и пляски КДВО // Культурный облик Хабаровска в XX веке: материалы городской науч.-практ. конф. Хабаровск, 1999. С. 92–93.
- ³²⁰ Королёва В.А. Многонациональное музыкальное искусство – приморцам накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 84–85.
- ³²¹ Голос Дальнего Востока. Как начиналось дальневосточное радиовещание. URL: <http://dv.land/history/radiogolos-dalnego-vostoka> (дата обращения: 28.11.2019).
- ³²² Сергей, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание к пастырям и верующим. 22 июня 1941 г. // Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943.
- ³²³ Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: РОИР, 2005. С. 130–131.
- ³²⁴ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989. С. 129–230.
- ³²⁵ Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой...». История Пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб.: РОИР, 2012. С. 254.
- ³²⁶ Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. С. 129.
- ³²⁷ Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917–1999). СПб.: Алетейя, 2001. С. 207–222; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 183–202.
- ³²⁸ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 184.
- ³²⁹ Федирко О.П. Деятельность Всероссийского общества «Знание» по распространению научно-атеистических идей на Дальнем Востоке СССР // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы II Междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2014. С. 99.
- ³³⁰ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 1. Л. 36; Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Гос. арх. Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. С. 211.
- ³³¹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 188–192; Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны... С. 77–81.
- ³³² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Д. 3. Л. 86; Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. Русская православная церковь на советском Дальнем Востоке. 1941–1955 гг. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 166.
- ³³³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–3, 6, 10, 13, 15, 19; Д. 35. Л. 1, 5.
- ³³⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ³³⁵ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 209.
- ³³⁶ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Религия и власть на Дальнем Востоке России... С. 208.

- ³³⁷ Ткачёва Г.А. Крестный путь Русской православной церкви (1917–1945 годы) // Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран АТР: история, опыт, развитие. Материалы междунар. конф. Вып. 5. Хабаровск, 1996. С. 81–83.
- ³³⁸ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, 17 об., 86 об.
- ³³⁹ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 3. Л. 90–94.
- ³⁴⁰ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
- ³⁴¹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 2, 25, 39.
- ³⁴² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 11; Д. 3. Л. 5, 8.
- ³⁴³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 6, 8, 12, 14.
- ³⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 5, 10, 11, 23, 25.
- ³⁴⁵ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2, 3; Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. Русская православная церковь на советском Дальнем Востоке. 1941–1955 гг. С. 168.
- ³⁴⁶ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
- ³⁴⁷ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 19. Л. 5, 89.
- ³⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 14. Л. 2; Д. 5. Л. 4; Д. 11. Л. 1; Д. 19. Л. 1.
- ³⁴⁹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 2. Л. 26, 27.
- ³⁵⁰ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 3. Л. 99; Религия и власть на Дальнем Востоке России... С. 226.
- ³⁵¹ Православные храмы Хабаровска – свидетели истории. Хабаровск, 2003. С. 47.
- ³⁵² ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 3. Л. 98–99; ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 2. Л. 8; Религия и власть на Дальнем Востоке России... С. 226; Православные храмы Хабаровска... С. 47.
- ³⁵³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
- ³⁵⁴ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.; Д. 3. Л. 86–86 об.; Религия и власть на Дальнем Востоке России... С. 211–212, 219, 222, 223.
- ³⁵⁵ Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // История Русской Духовной Миссии в Китае. М., 1997. С. 300
- ³⁵⁶ Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005. С. 380.
- ³⁵⁷ Журнал Московской Патриархии. 1988. № 10. С. 3.
- ³⁵⁸ Дионисий Поздняев, священник. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С. 83.
- ³⁵⁹ Советов И.М. Совет по делам религиозных культов при СНК СССР в 1944–1945 гг.: обязанности и сфера компетенции, организационная структура и основные направления деятельности // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. М.: РОИР, 2005. С. 382–403.
- ³⁶⁰ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 6. Л. 10; ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.
- ³⁶¹ Дударёнок С.М. Евангельские христиане-баптисты и власть на Дальнем Востоке России (1940–1980-е гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. [Российское объединение исследователей религии] / ред. кол.: М.И. Одинцов (гл. ред.), О.П. Федирко, С.М. Дударёнок, Н.В. Потапова. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 41; Дударёнок С.М. Протестантские церкви и власть в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума, посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, Владивосток, 19–21 октября 2015 г. / ред. кол.: О.П. Федирко (отв. ред.), С.М. Дударёнок, А.А. Крупянко. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 91–96; Дударёнок С.М. Протестанты Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Уроки Второй мировой войны и современность: материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию окончания Второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2–4 сент. 2015 г. / отв. сост. М.В. Гридяева. Южно-Сахалинск; Владивосток: Дальпресс, 2016. С. 351.
- ³⁶² Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX–XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 236–241, 244–248.
- ³⁶³ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 2–3.

- ³⁶⁴ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 2–3; ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1581. Л. 274 об.; Дударенок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX–XX вв.). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 227.
- ³⁶⁵ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 478.
- ³⁶⁶ ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.
- ³⁶⁷ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 477.
- ³⁶⁸ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 3. Л. 12; Д. 12. Л. 45.
- ³⁶⁹ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 6. Л. 40.
- ³⁷⁰ ГАСО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
- ³⁷¹ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–2; История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 479.
- ³⁷² ТАОСОРОА МО. Д. 1. Л. 133; Д. 3. Л. 107.
- ³⁷³ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 7–8.
- ³⁷⁴ ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 60. Л. 10.
- ³⁷⁵ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 7. Л. 22–25.
- ³⁷⁶ Опарин А.А., Юнак Д.О. Желтая река. Киев, 2014. С. 88–89; Культенков В.Л. История Церкви адвентистов седьмого дня на Дальнем Востоке в начале XX в. // Материалы науч. конф. студентов и аспирантов ДВГУ. 2000 / отв. ред. Шепелева Р.П. Владивосток, 2001. С. 80.
- ³⁷⁷ Франчук В.И. Просила Россия дождя у Господа. Киев, 2002. Т. 2. С. 210; Мищенко А.В. Прошлое и настоящее христиан веры евангельской // Межконфессиональное и межнациональное развитие. Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы: Материалы Первого Приморского форума. Владивосток, 2000. С. 135.
- ³⁷⁸ За нами придут корабли... Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999. С. 7.
- ³⁷⁹ ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 60. Л. 9.
- ³⁸⁰ Франчук В. Пятидесятники-сионисты Хмельницкой области и Леонтий Мельник [Электронный ресурс]. URL: <http://perchatkin.com/perchatkin/archives/3889> (дата обращения: 30.04.2016).
- ³⁸¹ Гореликов А.И. Особенности жизни и трудового участия коренных малочисленных народов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 113.
- ³⁸² Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2009. С. 123.

Иллюстрации гл. 6, п. 6.1

Выпускники школы № 27. г. Владивосток, 1938 г.

Здание средней школы № 1 на ул. Сталина. г. Магадан, 1940-е гг.

Иллюстрации гл. 6, п. 6.3

Петропавловское педагогическое училище. г. Петропавловск-Камчатский, 1940-е гг.

Строительство здания Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. г. Хабаровск, 1940 г.

Иллюстрации гл. 6, п. 6.5

Военный журналист и поэт
Сергей Георгиевич Феокистов.
1940-е гг.

Приморский поэт
Георгий Михайлович Коршов.
нач. 1940-х гг.

Приморские литераторы (слева направо) М. Бондарь, В. Кучерявенко, В. Афанасьев,
А. Артемов, Т. Борисов. г. Владивосток, 1940 г.

Иллюстрации гл. 6, п. 6.6

Прешвара-3/12-44?

ФИАЛКА МОНМАРТА
Оперета в 3-х действиях
Музыка КАЛЬМАНА

Текст ЯРОЧА, МИХАЙЛОВА и ТОЛМАЧЕВА

Постановка режиссера
Д. Г. МИТИНА

Директор . . . И. К. ИПАТОВ

Художник . . . М. М. ШЕБАГОВСКИЙ

Билетмейстеры: В. В. БЕЛИНОВ и
И. А. ЖИЛИН

Хормейстер . . . А. И. ВИЛЕНСКИЙ

Концертмейстеры: В. Д. РАЗУМОВ,
Л. С. РАЗУМОВСКАЯ,
К. М. ТАШЧЕВ

Художественный руководитель
театра **В. И. ЛЕНСКИЙ**

ИСПОЛНИТЕЛИ:
(по алфавиту)

ВИОЛЕТТА, 1-я нарка
Монмарта, уличная
полица З. А. Митишневская,
В. И. Рогова,
К. А. Свердловская

НИНОН, вступница
А. В. Глазбова,
Б. И. Жуковская,
В. И. Лычкова

РАЗУЛЬ, художник . . . С. Г. Морозов,
Г. М. Сидорин

ЭРВЕ, композитор . . . Г. И. Дорь,
И. Ю. Валерьевич

АНРИ МЮРЖЕ, поэт . . . И. Ю. Валерьевич

ФРАСКАТТИ, министр
патронташа . . . З. П. Зибурь,
И. Л. Зибурь

НАПОЛЕОН III, им-
ператор М. С. Крамной

ФРАНСУА, посольский
на посланца В. А. Грамм,
С. С. Орлянов

АРНО, консьержка . . . И. В. Золотильный

ПАРИДЖИ, оперный Ва-
летт В. Г. Чупик

НИНЕТ Л. К. Басистая,
З. П. Касьянова,
И. И. Славонид

Директор театра . . . С. С. Орлянов

Пом. режиссера . . . М. И. Воронинский

Хозяйка кафе А. Р. Савиц

Жильеры П. М. Карманов

Действие происходит в Париже.

БАЛЕТ

1 АКТ

«КАНКАН», исп. арт. балета
В. Абрамидзе, Г. Галич,
Е. Козырева, И. Кутельная,
Г. Масах, Е. Цыбульская.

2 АКТ

ВАЛЬС ЦВЕТЧИЦА, муз. И. ИПАТОВА
исп. солисты балета
Г. Беляева и В. Вилотов.

«ЛИТА», муз. И. ИПАТОВА,
исп. солисты балета
А. Рогова и В. Поляриад.

«КАРАМБОЛИНА»
исп. А. В. Грабцова, Е. И. Жу-
ковская, Л. А. Черкасова.
арт. балета А. Венерия, В. Шапо-
вников и ансамбль балета.

ПРОГРАММА

**ФИАЛКА
МОНМАРТА**

Эм. КАЛЬМАН

Вся постановочная часть М. Г. Брайдактер
Музыка М. А. Теллерманс
Художник-режиссеры М. Козырева,
Костюмы А. Мавлин
Партия О. П. Криваяга,
Гри П. Е. Соколов
Гл. машинистским А. Р. Карманов
Выв. декоративным А. Р. Карманов
Возм К. А. Клячка
Вспомогательные К. А. Яничевский
Реквизит В. И. Владимировская
Режиссер-администратор Р. С. Дубинин
Тор М. П. Савиц,
Е. М. Соловьев
Спектакль ведут . . . М. П. Савиц,
Е. М. Соловьев

1944 г.
Главный администратор театра
М. Г. БРАЙДАКТЕР

Л. 0.097, 1-й ж. 0.0 экз., Заказ № 763
Хабаровск, типогр. № 5 Влад. ул. Л. Токстова, 16
КП 766 / 59

Программа оперетты «Фиалка Монмартра» Хабаровского театра музыкальной комедии.
г. Хабаровск, 1944 г.

В ГЛАВКЕ
БАЛЕТ
ХАБАРОВСКИЙ ТЕАТР
МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

«КРАСНОФЛОТСКАЯ ПЛЯСКА»

Исполнитель: солисты балета
В. В. Фелицын, И. А. Жилин, А. А. Венгеров, В. В. Шаповалов.

Артисты балета:
В. А. Абрамова, Е. М. Брин, Г. И. Гайда, М. П. Енгальцевская, Н. Н. Егорова, П. Г. Кутельцав, Е. Н. Кудрявцева, Г. Н. Масоч, Е. В. Цибаровская, Л. М. Попова, А. А. Рылов, И. Д. Рузин, Н. И. Матюгин, П. М. Талаев, Г. Е. Ключко.

★★★

Зан., постановочный шеф-режиссер
М. Г. Брайтмастер
Буфетчица М. А. Геннадис
Художественный декоратор:
М. Мухоморова,
М. Мухоморов
Костюмы:
А. Мишин,
П. Апилов
Парик:
О. П. Клейнман,
П. Е. Соколов
Гр., мажорант:
А. П. Новиков
Зан., декоративная часть
К. А. Нимев
Зан., заготовительная часть
Результат:
В. Н. Водявниковская
Репертуарный администратор
Р. С. Лобзев
Спектакль режиссер:
М. П. Свиридова,
Е. М. Соломон
Главный администратор театра
М. Г. БРАЙТМАСТЕР

1944 г.
ВЛ 0005
Хабаровск, театр, № 5 Бил., 24. Л. Токмостер, 48
Зан. № 182

КП 73261/32

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО...

Героическая музыкальная комедия
в 3-х действиях

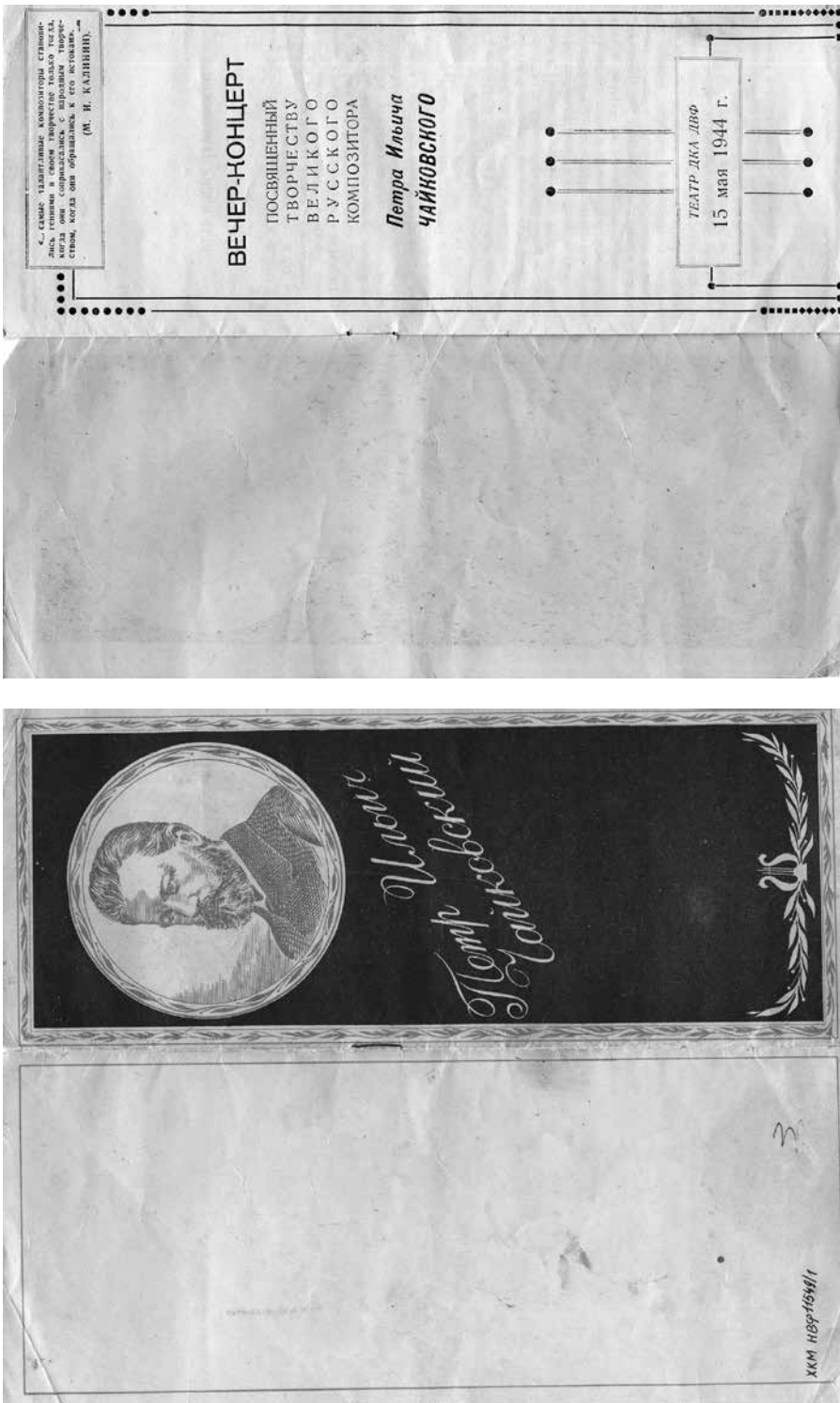
Музыка И. ИПАТОВА
Текст Вс. ВИШНЕВСКОГО,
АЗАРОВА и КРОН
Постаювана
В. И. ЛЕНСКОГО
Директор
И. К. ИПАТОВ
Художник
М. М. ЦИБАРОВСКИЙ
Балетмейстер
В. В. БЕЛИКОВ
Ассистент режиссера
Н. В. ЗАЛЕТНЫЙ
Хормейстер
А. И. ВИЛЕНСКИЙ
Концертмейстеры:
В. Д. РАЗУМОВ,
Л. С. РАЗУМОВСКАЯ,
К. М. ТАШЧЕВ

Художественный руководитель
театра **В. И. ЛЕНСКИЙ**

ИСПОЛНИТЕЛИ:

Смолов, капитан 2-го ранга В. М. Лобзев
Кедров, командир катера СК 13 Г. М. Свиридов,
И. Д. Мухоморов
Славян, болельщик катера Н. Д. Эуба,
Э. С. Давыдов
Чехрицы Михаил, мажорант катера И. Ю. Водявниковский
Брода Георгий, командир Г. Н. Дорж
Евлев, комсомолец А. В. Гудрявцев,
К. А. Свиридовская
Киса В. Н. Рылов,
Л. А. Чернышев
Марья Астрильда . . . Л. П. Герань
Аркадий Васильевич Н. В. Залетный
Парикмахер В. А. Грамм
Петров, командир катера «ЮС», ст. дежурный А. Р. Савин
Копыт фон-директор С. Г. Морзуля,
С. В. Ткаченко
Альварь Гофрант-Группенфюрер С. С. Орлянов
Курьков, обер-лейтенант М. С. Крайков
Старшина СС* М. И. Варшавский
Словацкий, краснофлотец П. М. Демичук
1-я краснофлотец В. Т. Чивак
2-я Д. И. Белоусов
Манюрова З. П. Касицина
Гардеробщица К. М. Сороскина,
Н. К. Назарьяко
1-ая женщина Л. П. Перова
2-ая З. И. Заруба,
Н. И. Симонова
3-я О. Ф. Добровольская
4-я П. И. Златошко

Программа музыкальной комедии «Раскинулось море широко...» Хабаровского театра музыкальной комедии. 2. Хабаровск, 1944 г.

Программа вечера-концерта Театра Дома Красной Армии Дальневосточного фронта, посвященного творчеству П.И. Чайковского. г. Хабаровск, 15 мая 1944 г.

Иллюстрации гл. 6, п. 6.7

Православная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая.
г. Владивосток, после 1944 г.

Глава 7

МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

7.1. Общество и власть в национальных районах Дальнего Востока

По данным переписи 1939 г. на Дальнем Востоке СССР проживали 16 коренных малочисленных народов (по терминологии того времени – малых народов Севера) общей численностью около 50 тыс. чел. (алеуты, ительмены, коряки, нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры)¹. Более половины из них приходилось на Камчатскую область, в состав которой входили Корякский и Чукотский национальные округа. На Чукотке в составе населения преобладали коренные народы – 72%, в Корякском национальном округе их было 38%. Население Северо-Эвенского района почти полностью состояло из коренных народов. Существенной была их доля и в других районах Дальнего Востока. В Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края – более 60%, в Аяно-Майском – около половины. Меньшей была их доля в южных районах Хабаровского края, в Приморье, Сахалинской и Амурской областях, но и здесь они составляли весьма значительную часть населения, особенно на селе.

В жизни коренных народов произошли большие институциональные изменения. Завершились политико-организационное оформление национальных округов и процесс советизации – Советы, первоначально имевшие специфические формы (родовые, туземные, кочевые), превратились в полноправные органы государственной власти и использовали в своей работе общие для всей страны методы. Руководство всеми сферами хозяйственной и культурной жизни осуществляли органы советской власти на основе директив центральных и местных комитетов коммунистической партии.

В годы Великой Отечественной войны централизация управления привела к ослаблению демократических начал в их работе, обычным стало нарушение принципов коллегиальности. Некоторые важные вопросы местной жизни, которые до войны решались только на сессиях, стали компетенцией исполнительных комитетов.

Весь комплекс больших и сложных задач решался в условиях дефицита денежных средств. В начале войны бюджеты Советов всех уровней были сокращены. Правда, к концу войны они стали постепенно увеличиваться, но рост ассигнований происходил главным образом в связи с денежной эмиссией. Бюджет Чукотского национального округа, например, вырос к 1945 г. на 5,8% и составил более 11 млн руб. Подавляющая часть средств (70–75%), как и в довоенное время, направлялась на социально-культурные нужды, но в условиях военного времени осваивалась не полностью.

Состав Советов за годы войны повсеместно сократился. На фронт ушло много депутатов. На Камчатке и Чукотке депутатский корпус в 1939–1945 гг. сократился более чем наполовину. В Корякском национальном окружном Совете были 13 из 35 депутатов, в районных – 50 из 103. В Чукотском окружном Совете число депутатов сократилось с 30 до 14, в районных – со 125 до 59².

Аналогичной была ситуация и в других национальных районах Дальнего Востока. Во многих сельских Советах осталось по 1–2 депутата. По этой причине прекратили работу постоянные комиссии, подолгу не проводились заседания исполкомов, нерегулярно созывались сессии. Так, в Корякском округе за годы войны состоялось лишь 5 сессий окружного Совета, в Чукотском – 4. В отдельных районах перерывы между сессиями составляли 1,5–2 года. Пенжинский райисполком не созывал сессии с 1943 г., Алеутский – с 1942 г. Нерегулярно проводились заседания окружных и районных исполкомов. Отчёт о работе Пенжинского райисполкома, например, в Корякском окрисполкоме не слушали с 1942 г. Руководители Камчатского облисполкома за годы войны ни разу не побывали в национальных округах³.

Деятельность Советов осложнялась большой текучестью кадров. За годы войны сменились почти все председатели и секретари Советов, большинство заведующих отделами, подготовка советских работников не проводилась. Лишь на Чукотке в 1943–1945 гг. работала советско-колхозная школа, осуществлявшая подготовку работников сельских Советов. За это время её окончили 41 чел., 27 из них стали работать в Советах⁴.

Выбывших во многих случаях заменяли передовики производства, главным образом из числа женщин и комсомольцев. Председателями районных исполнительных комитетов в годы войны были избраны чукчи Отке и Культын, коряк Беккерев, эвен Адуканов, ставшие способными руководителями. Председатели Чукотского и Корякского окружных исполкомов Тевлянто и М.М. Обухов за организацию работы Советов и выполнение оборонных заданий удостоены государственных наград. На работу в сельские и районные Советы направлено много представителей народов Севера, но не все они могли справиться с новыми обязанностями. Например, к концу войны в Пенжинском районе Камчатки неграмотными было более половины председателей сельских Советов⁵.

Ослабла роль Советов как выразителей этнических интересов коренных народов. Они превращались в придатки бюрократической структуры партийно-государственной машины. Чукотский и Корякский окружные исполкомы за годы войны ни разу не заслушивали на своих заседаниях вопросы развития оленеводства – основы основ экономики коряков, чукчей и эвенов. Свёртывались преподавание в школах родных языков, подготовка учебной литературы на родных языках, почти во всех национальных школах обучение детей коренных народов осуществлялось только на русском языке.

Война стала суровой проверкой дееспособности и авторитета первичных партийных организаций в национальных районах. Коммунисты возглавляли самые трудные участки, по их инициативе возникали различные патриотические начинания. Несмотря на то что много коммунистов было призвано в армию, численность партийных организаций национальных округов и районов за годы войны заметно выросла. В партийной организации Чукотского национального округа на 1 января 1941 г. имелось 483 коммуниста, на 1 января 1945 г. – 671. Прирост численности партийных организаций во многом осуществлялся за счёт

коренных народов. Только в первой половине 1943 г. на Чукотке в партию приняли 35 чел. из их числа, в Корякском округе – 51⁶. В 1946 г. Чукотская окружная парторганизация на 70% состояла из коммунистов, вступивших в партию в годы войны. В Корякском округе этот процент был ещё выше. В его окружной парторганизации к началу войны состояли на учёте 574 коммуниста, в том числе 91 – из народов Севера, на 1 января 1946 г. – соответственно 1339 и 267. Численность партийной организации увеличилась в 2,3 раза, число коренных народов в ней – почти в 3, число колхозных парторганизаций – в 4 раза. Из 89 парторганизаций округа 34 – колхозные⁷. Партийные организации колхозов, как правило, были небольшими (4–6 чел.), но их авторитет был высок.

В годы войны как о влиятельной хозяйственно-политической силе заявили о себе комсомольские организации национальных округов и районов Дальнего Востока. Чукотская окружная комсомольская организация в этот период состояла на три четверти из юношей и девушек коренных народов. На 1 января 1945 г. в ней насчитывалось 990 чукчей, 250 эскимосов, 119 эвенов, 97 чуванцев, 17 коряков, 21 юкагир. За годы войны в ряды ВЛКСМ приняли 962 чел., 296 комсомольцев получили рекомендации для вступления кандидатами в члены партии. Комсомольская организация Корякского национального округа увеличилась почти вдвое, на 1 января 1944 г. в ней состояли 2119 комсомольцев.

Комсомольские организации колхозов Чукотки создали 156 комсомольско-молодёжных рыболовецких бригад, 32 бригады в оленеводстве (более 700 чел. коренной молодёжи, в т.ч. 498 комсомольцев), 31 бригаду в морском зверобойном промысле (около 400 морских охотников), 64 бригады (506 чел., в т.ч. 237 комсомольцев) в пушном промысле. На добыче пушнины работали 30 бригад школьников. В Корякском округе на путине 1943 г. работали 33 комсомольско-молодёжные бригады, 1520 комсомольцев, 755 пионеров и школьников, 626 комсомольцев стали стахановцами. На полевые работы окружком комсомола направил 570 комсомольцев, на пушной промысел – 250⁸.

Комсомольцы и молодёжь Корякского округа за военный период провели 292 воскресника, в Фонд обороны перечислили 487 700 руб. и 220 тыс. руб. – компенсации за неиспользованный отпуск, сдали 664 оленя, на 40 тыс. руб. пушнины, на фронт отправили 19 578 вещей, 460 индивидуальных посылок⁹.

Высокую оценку работе комсомольских организаций Охотского, Тугуро-Чумиканского и Аяно-Майского районов дал Нижне-Амурский обком партии в феврале 1944 г. На субботниках и воскресниках комсомольцы отработали более 40 тыс. ч, 60 фронтовых комсомольско-молодёжных бригад передали в Фонд обороны свыше 14 тыс. пудов сверхплановой рыбы¹⁰.

Наиболее активные комсомольцы из коренных народов пополняли корпус руководителей. На Чукотке 380 комсомольцев привлечены к руководящей работе, из них председателями колхозов стали 19, секретарями и председателями сельских Советов – 62, счетоводами в колхозах – 36, бригадирами комсомольско-молодёжных бригад – 57. Умелыми организаторами колхозного производства зарекомендовали себя комсомольцы Кергитагин в Анадырском районе, Кавье – в Марковском, Тнанкау, Юхак, Айвангу – в Чукотском, председатель Уэлькальского сельсовета Коловьялик и др. В 1944/45 учебном году 105 комсомольцев работали учителями¹¹.

Перед советско-партийными структурами национальных районов война поставила задачи, заниматься которыми в довоенное время им не приходилось:

мобилизация населения на различные хозяйственные кампании, забота о семьях фронтовиков и инвалидах, устройство детей-сирот, военное обучение, оборонительное строительство. Когда на Дальнем Востоке существовала реальная угроза со стороны милитаристской Японии, Советы провели большую организаторскую работу по подготовке населения к отражению возможного вторжения. Летом 1941 г. обучением военному делу в Корякском национальном округе было охвачено более 2 тыс. лиц призывного возраста, в сёлах создавались боевые группы самозащиты¹². В Нижне-Амурской области ко всеобщему военному обучению привлечено свыше 3 тыс. чел. На Сахалине обучались почти все взрослые нивхи и ороки, в том числе женщины. Военными знаниями овладевали жители Анадыря, Марково, Уэлена, Певека. В Нанайском районе широкое распространение среди молодёжи приобрело стремление овладеть искусством снайперской стрельбы¹³. Массовое участие молодёжи в военно-спортивных обществах воспринималось как патриотический долг и во многом соответствовало традициям воспитания народов Севера.

На Чукотке оборонное значение имело строительство аэродромов на трассе Алсиба, по которой в годы войны по программе ленд-лиза перегоняли в СССР из США самолёты. Советы округа провели большую организаторскую работу по выполнению важного правительственного задания. За короткое время силами коренных малочисленных народов, особенно комсомольцев и молодёжи, построены взлётно-посадочные полосы со всеми необходимыми службами в Анадыре, Маркове и Уэлькале. В мирное время по существовавшим нормативам на такое строительство понадобилось бы не менее 4–5 лет. На Чукотке справились за 10 месяцев. Перегонка боевых самолётов с Аляски началась 29 сентября 1942 г.¹⁴ Не менее важной задачей являлось обеспечение ритмичной работы морских портов Чукотки, своевременной разгрузки кораблей из Америки.

Местные Советы много сделали для хозяйственного развития своих территорий. В национальных округах в годы войны возникла по существу новая отрасль промышленности – местная. Это позволило отказаться от завоза многих видов товаров, промыслового снаряжения, сельхозинвентаря. Их изготовление организовали на месте. На Чукотке создали Уэленский промкомбинат с косторезным цехом, промыслово-кооперативные артели «Полярная звезда» в бухте Провидения и «Крайний Север» в Анадыре. С их образованием появилось местное швейное, сапожное, кожевенное производство, началось изготовление меховых изделий и бытовое обслуживание населения. К 1944 г. в колхозах Чукотки действовали 25 пошивочных мастерских¹⁵.

Три промкомбината и четыре кооперативные артели с мастерскими по производству продукции из местного сырья открылись в Корякском округе. Была освоена выработка хрома и замши из нерпичьих и оленьих шкур, налажено производство обуви, кирпича, столярных изделий, деревянной посуды, крахмала. Предприятия местной промышленности и промысловой кооперации за первые два года войны удвоили выпуск продукции. Местная промышленность округа давала в год продукции на сумму около 1 млн руб.¹⁶

Большое число первичных производственных объединений (товариществ), не способных выступать в качестве полноценных хозяйственных предприятий, повышало роль Советов как организаторов хозяйственной жизни. Повсеместно проводились фронтовые месячники и декадни, нормой жизни стали трудовые мобилизации населения для работы на производстве. На Камчатке на рыбной

пути по 2–3 месяца работали служащие государственных, кооперативных и общественных организаций, колхозники в артелях с излишками рабочей силы, вторые и третьи члены семей рабочих и служащих, учащиеся старших классов¹⁷. В Тугуро-Чумиканском районе трудовой повинности во время путины подлежали все мужчины в возрасте 18–45 лет и женщины в возрасте 18–40 лет¹⁸.

В результате удалось значительно увеличить добычу рыбы, заготовку пушнины, поголовье скота, расширить посевные площади. Хозяйства народов Севера не только обеспечивали нужды местного населения, но и поставляли продукцию в другие районы страны. За годы войны валовой выход оленьего мяса на Чукотке увеличился с 3834 до 6120 т, а товарная его часть возросла с 522 до 2000 т. Чукотка отказалась от завоза рыбных и мясных продуктов. Более того, колхозы и совхозы округа отправили в другие районы Дальнего Востока продукции оленеводства и промыслов на сумму около 34 млн руб.¹⁹ В валютный фонд государства поступило пушнины почти на 15 млн руб. В Корякском округе её заготовка увеличилась в два с лишним раза²⁰.

На Камчатке больших успехов в хозяйственном строительстве добился в военные годы Напанский сельский Совет во главе с ительменом И.С. Бричаловым. Большую организаторскую работу провели на Чукотке Усть-Бельский, Шелагский, Сиренековский и Еропольский сельские Советы.

Одним из направлений деятельности местных органов власти, обусловленных военной обстановкой, была забота о семьях военнослужащих. При исполкомах местных Советов создали специальные отделы и постоянные комиссии по устройству семей и оказанию им помощи. Семьи военнослужащих и инвалидов войны освобождались от налогов и обязательных поставок, получали ежемесячно государственные пособия, им оказывали помощь продовольствием и предметами первой необходимости, детям фронтовиков в первую очередь продавали одежду и обувь, их вне очереди определяли в детские учреждения. Инвалидам Великой Отечественной войны по карточкам на мясо и рыбу выдавалась двойная норма.

Повсеместно проводились месячники помощи, воскресники, средства от которых поступали в фонды помощи семьям военнослужащих. Осенью 1944 г. коллективы рыбокомбинатов и рыболовецких колхозов Корякского округа в ходе месячника отчислили в фонд помощи 25 тыс. руб., много рыбы, мяса и овощей. Такие же фонды были созданы в таёжных колхозах Колымы. Семьям военнослужащих выделяли продукты и товары, ремонтировали дома, заготовливали дрова. В Ольском районе в 1942–1944 гг. семьям военнослужащих выплачено за счёт госбюджета и местных средств различных пособий и единовременной помощи на сумму более 100 тыс. руб., отремонтировано 24 квартиры, заготовлены дрова для 45 семей. Семьи военнослужащих Нанайского района с 1 марта 1943 г. по 1 января 1944 г. получили более миллиона рублей пособий. Им заготовили 7,5 тыс. кубометров дров, более 42 т сена, вспахали огороды, выдали семенной картофель, отремонтировали избы²¹.

Особое внимание уделялось семьям земляков, прославившихся в боях: Максима Пассара, Захара Киле, Поя Гейкера и др. Семье М. Пассара был выстроен новый дом, выделены средства для покупки одежды и обуви. Престарелой матери З. Киле отремонтировали квартиру, колхоз обеспечил её на зиму овощами, картофелем, мукой. Учащиеся Найхинской школы приходили к ней через каждые два дня, рубили дрова, носили воду, мыли полы²². Тимуровское движение

получило широкое распространение и в других национальных сёлах Дальнего Востока.

Повышенным вниманием пользовались дети-сироты. Сеть детских домов, появившихся ещё в 1930-е годы, в годы Великой Отечественной войны значительно расширилась. В 1944–1945 гг. в детских домах Хабаровского края проживали более 1000 детей погибших фронтовиков, в том числе и из числа коренных народов.

Война изменила общественное положение женщин коренных народов. Они стали выдвигаться на руководящую работу в аппараты райкомов партий, райисполкомов, сельсоветов, принимать активное участие в хозяйственной жизни колхозов, в том числе в не характерных для них в прошлом отраслях. В Ульчском, Аяно-Майском и Полины Осипенко районах в начале войны на производство пришли 1780 домохозяйек. В 1941–1943 гг. по Хабаровскому краю доля женщин в составе производственного персонала увеличилась с 29,8 до 40%. Они успешно осваивали профессии каюров, охотников, пастухов, морских зверобоев. В Ульчском районе в 1944 г. охотились 22 женщины-ульчанки, в удэгейском колхозе «Ударный охотник» (с. Гвасюги) женщины заменили более 30 охотников, ушедших на фронт. На Чукотке в 1944 г. в оленеводческих бригадах работали пастухами 32 девушки, в морском зверобойном промысле – 20, на обработке рыбы – 150²³.

Активно участвовали женщины в охотничьем промысле. Инициатором приобретения девушками профессии охотника стала комсомолка Энмина из колхоза им. Стаханова Чаунского района. Её почин был широко подхвачен. В 1943 г. охотились 65 девушек Чукотки, в 1944 г. – 102. Женщины Нутенеут, Наачина, Акулина Дьячкова из Восточно-Тундрового района перевыполняли план добычи пушнины в 3–4 раза, Александра Автоль из Чикаево – более чем в 2 раза, прославились высокими достижениями Памьяне, Рынтыне²⁴. В колымских районах, на Амуре и Сахалине в годы войны создавались женские рыболовецкие бригады. Опыт женщин, освоивших мужские специальности, широко пропагандировался в местной печати²⁵.

Периодическая печать много писала о трудовых подвигах стариков. 93-летний эвен Н.Ф. Александров успешно промышлял пушного зверя, помогал пасти оленей. Одному из лучших среди эвенков охотнику Д. Диодорову было 85 лет. Рыболовецкое звено 70-летней ульчанки Лиго из амурского села Дуди выполнило 4 годовых плана. Многие старики-эскимосы просили включить их в комсомольско-молодёжные бригады, чтобы передать молодым зверобоям свой опыт.

Лозунг военных лет «Всё для фронта, всё для победы» определял все стороны жизни страны. Одно из наиболее ярких проявлений патриотизма у коренных малочисленных народов – это их участие в движении за создание Фонда обороны. Формы участия в нём были разные: подписка на военные государственные займы, выпускавшиеся с 1942 г., ежемесячное отчисление двух-, трёхдневного заработка или 2–3 трудодней, пошив меховой одежды и обуви для фронтовиков, праздничные подарки бойцам, материальная помощь городам и районам, освобождённым от фашистской оккупации, шефство трудовых коллективов над воинскими подразделениями.

В Фонд обороны вносили деньги, облигации государственных займов, ценные вещи, средства, заработанные на воскресниках. Колхозы и отдельные

колхозники пополняли его сельскохозяйственной продукцией. Свободные денежные средства имелись далеко не у всех, поэтому оленеводы сдавали в Фонд обороны живых оленей, охотники – пушнину, панты изюбра, шкуры морского зверя, рыбаки – рыбу, отчисляли трудодни. В эвенкийских районах, где основным видом промысла в годы войны была добыча белки, охотники передавали в Фонд обороны обычно первых 30–40 белок, добытых в начале каждого охотничьего сезона²⁶.

Трудовые коллективы коренных малочисленных народов были инициаторами ряда патриотических починов, нашедших широкое распространение в Дальневосточном регионе. Колхозники нанайской артели «Красный партизан» выступили с инициативой максимальной подписки на первый военный государственный заём. Оленеводы колхоза «Элекчан» Северо-Эвенского района предложили выделять в Фонд обороны от каждого личного хозяйства, в котором имеются олени, по несколько животных.

Предложение саратовского колхозника Ф. Головатого по сбору средств на строительство боевой техники для Красной армии нашло среди коренных народов Дальнего Востока много последователей²⁷. На Камчатке одним из первых поддержал этот почин ительмен коммунист С.П. Запороцкий из с. Седанка, перечисливший на нужды Красной армии личные сбережения. Листовку «Следуйте патриотическому почину С.П. Запороцкого» в те годы можно было встретить в каждом населённом пункте Камчатки. К 1 октября 1941 г. в Корякском округе собрано в Фонд обороны 854 756 руб. деньгами и более 2 млн руб. – облигациями. Коммунист коряк Суздамов внёс 11 тыс. руб., председатель колхоза «Турвинэ» Карагинского района Гуторов – 12 300 руб., каждая колхозная семья этого хозяйства – от 2 до 10 тыс., оленевод эвен Гилканов из Быстринского района – 30 тыс. руб. Женщины окружного центра Паланы организовали в селе мастерскую по пошиву фронтовикам тёплых курток и брюк. Материал для пошива одежды закупили на их личные средства²⁸.

В Тигильском районе за годы войны в Фонд обороны поступило наличными 2270 тыс. руб., облигациями государственных займов – 2000 тыс., на фронт отправлено 18 тыс. комплектов тёплых вещей. Рыбаки района только в 1943 г. безвозмездно передали в фонд 6800 ц рыбы. Кроме средств, перечисляемых в Фонд обороны, значительная материальная помощь оказывалась на восстановление городов, освобождённых от фашистов. Ительмены Коврана в честь освобождения Киева собрали более 7,5 тыс. руб., на восстановление Харькова тигильцы перечислили 16,5 тыс. руб.²⁹

В национальных районах Колымы колхозники передали в Фонд обороны 2391 оленя, 3 144 726 руб. наличными и 3 852 985 руб. облигациями, 15 398 меховых вещей. От оленевода А.Ф. Болдухинова из колхоза «Новый путь» поступило 70 оленей, от Р.К. Хеуни из колхоза «Рассвет» – 55, от В.Я. Нерига из колхоза «Путь Ленина» – 50, от колхозницы того же колхоза В.В. Кендаку – 40. Пять оленеводов, получивших в качестве натуральной оплаты 265 оленей, передали их в Фонд помощи фронту³⁰. Камчатский оленевод эвен Иннокентий Гилканов передал в помощь фронту 300 оленей.

Трудящиеся Чукотского национального округа внесли за годы войны в Фонд обороны 24 171 435 руб. Женщинами коренных народов Чукотки было пошито из своих материалов и отправлено на фронт и для населения, пострадавшего от фашистской оккупации, 67 тыс. тёплых вещей. От оленеводов округа в Фонд

обороны поступило 12 585 оленей, в том числе от Карауге – 1500 оленей, от Барака – 628, от Кахчина – 500, от Чайургина – 213, от Кергувье с братьями – 20, от Омремкота – 10. Известны случаи, когда колхозники, будучи призваны в армию, передавали в Фонд обороны принадлежащих им оленей. Именно так поступил эвен В.К. Адуканов, передав фонду 28 личных оленей.

От оленеводов Чукотки поступали в Фонд обороны и значительные денежные суммы: от Куникильто – 50 тыс. руб., Эттакай-Тато – 42 тыс., Ненена – 30 тыс., Тенелькута – 27 тыс. В Уэлене оленеводы-кочевники привезли в комиссию по сбору средств мешки с деньгами. На вопрос «Сколько здесь денег?» все отвечали: «Ко!» (не знаю)³¹.

Свыше 2120 тыс. руб. внесли в государственные фонды помощи фронту трудящиеся Аяно-Майского района Нижне-Амурской области. Кроме того, за три года войны они приобрели облигаций госзаймов и билетов денежно-вещевой лотереи на 3817 тыс. руб., на фронт поступило из района 10 820 различных вещей. Эвенки-колхозники Н. Дьячковский, А. Трофимов, муж и жена Карамзины и другие внесли в Фонд обороны около 5 тыс. шкурок белки, несколько тонн мяса сохатого. Восьмидесятилетняя колхозница артели им. Вострецова И.Е. Стручкова принесла в сельсовет оленью доху и заявила: «Денежных сбережений у меня нет, прошу принять оленью доху»³².

На средства, собранные в районах проживания коренных народов, строились эскадрильи «Амурский колхозник», «Нанайский колхозник», «Дальневосточный комсомолец», «Камчатка – фронту», «Хабаровский комсомолец», «Советский полярник», авиазвено «Советская Чукотка», самолёт «Колхозник Колымы», танковые колонны «Чукотский колхозник» и «Камчатский рыбак», бронемашин «Пионер Колымы» и др. Колхозники удэгейской артели «Ударный охотник» собрали на постройку эскадрильи «Народы Севера» 70 тыс. руб., самаргинские удэгейцы – 100 тыс., бикинские – 40 тыс. Колхозы «Новая жизнь» и «Новый путь» Ольского района, на счете которых не было денежных средств, в 1942 г. продали на рынке в Магадане по 200 кг свинины и оленины и вырученные средства перечислили на строительство авиазвена «Колымский колхозник»³³.

В пополнении Фонда Красной армии активно участвовали комсомольцы и молодёжь. В колхозе «Турваургин» («Новая жизнь») Восточно-Тундрового района Чукотки они собрали на эти цели 314 тыс. руб. наличными и 40 тыс. руб. – облигациями, комсомольская организация села Чуванское (12 чел.) – 13 188 и 10 160 руб. соответственно. Секретарь комсомольской организации колхоза «Красный оленевод» Анадырского района Рынка пошла фронтовикам 16 пар торбазов, 16 пар чижей, 17 пар меховых рукавиц. Всего на Чукотке в Фонд Красной армии комсомольцы и молодёжь собрали 1 150 000 руб. наличными и 70 750 руб. – облигациями. Комсомольцы провели 65 воскресников по разгрузке пароходов, заработанные 284 тыс. руб., а также 500 песцов, 810 оленей, 1024 ц рыбы и 13 100 предметов тёплой одежды передали в Фонд обороны³⁴.

Всего по Дальнему Востоку коренные малочисленные народы за два неполных года войны передали в Фонд обороны и на строительство боевой техники 48 млн руб. наличными и 52 млн – облигациями, 130 тыс. тёплых вещей, более 15 тыс. оленей. Подписка коренных народов на первый военный государственный заём в 1942 г. составила более 43 млн руб.³⁵

Примером патриотической позиции коренных малочисленных народов в годы войны стало их участие в социалистическом соревновании за достижение

высоких производственных показателей. Как фактор производственной и общественной жизни оно появилось у коренных народов именно в годы Великой Отечественной войны. Начало социалистическому соревнованию среди оленеводов положили бригадир пастухов корякского колхоза им. Кирова Кияв и известный на Чукотке оленевод Кокай, взявшие в декабре 1941 г. обязательства провести летний выпас оленей 1942 г. без потерь, а всю сверхплановую продукцию сдать в Фонд обороны. Это начинание поддержали многие оленеводы. О своих успехах они отчитывались на ежегодных слётах и съездах оленеводов, которые с этого времени стали традиционной формой подведения итогов, обмена опытом работы.

Нередко на таких мероприятиях проходили и встречи с земляками – участниками Великой Отечественной войны. Известно, например, что командование дважды предоставляло для таких встреч краткосрочный отпуск прославленному разведчику Александру Пассару. Встречи северян с земляками-фронтовиками проходили в Анадыре и Магадане. Они обладали большой мобилизующей силой. Своеобразной формой связи с фронтом стало соревнование между работниками тыла и воинами-фронтовиками. В частности, в 1942 г. известный снайпер эвенк С.Д. Номоконов вызвал на соревнование шахтёра М. Кошкарова. Их необычному соревнованию Д. Бедный посвятил стихотворение «Залог победы»³⁶.

Одной из действенных форм социалистического соревнования в годы войны были фронтовые задания, которые выдавались на период рыбной путины, пушного промысла. Это был документ большой мобилизационной силы: не было ни одного случая его невыполнения. Так, рыбаки Камчатки в 1943 г. на 5 месяцев раньше срока выполнили годовой план, сверх плана выловили почти 2 млн пудов рыбы, изготовили 8 млн банок консервов.

Работали по фронтовым заданиям и сотни представителей коренных народов Дальнего Востока. Образцы высокопроизводительного труда показывала рыболовецкая бригада девушек-нанаек Анны и Нины Киле, Надежды Бельды и Клавдии Оненко. Зимой за одну закидку невода бригада добывала до 24 ц рыбы. Нивхская бригада из сахалинского колхоза «Новый быт» в составе Петра Лаузгана, Фёдора Анигана и Евдокии Кипкук по итогам 1942 г. удостоена премии Наркомата рыбной промышленности, Евдокию Кипкук наградили медалью «За трудовое отличие». Женские рыболовецкие бригады во главе с Икроун и Нантук из этого же колхоза в отдельные промысловые дни выполняли производственные задания на 500%. Неоднократно признавались победителями в соревновании рыбаков Ульчского района сестры Надежда и Ульяна Дяксул.

Соревнование за право носить звание «фронтовых» развернулось и между колхозами. В 1943 г. это право завоевали 14 ульчских колхозов из 15. Они сдали в Фонд обороны 25 000 пудов рыбы. Рыболовецкий колхоз «Красный маяк» (председатель Куйсали) стал победителем соцсоревнования в Нижне-Амурский области. В Нанайском районе на доску почёта в 1943 г. было занесено 14 колхозов, колхозу им. М. Пассара, постоянно перевыполнявшему плановые задания в 4–5 раз, вручили переходящее Красное знамя Нанайского РК ВКП(б). За доблестный труд в годы войны многие ульчи и нанайцы награждены орденами и медалями.

Колхозам «Новая жизнь» и «Турвинэ» Корякского национального округа по итогам 1942 г. присуждались всесоюзные премии ВЦСПС и Наркомрыбпрома СССР. Успехи фронтовых бригад колхоза «Тумгутум» вывели его в число

передовых в 1943 г. В социалистическом соревновании на Чукотке в 1942 г. лидировала рыболовецкая бригада колхоза «Теркинхат» Чаунского района во главе с Этянкэу. Годовой план она выполнила за 7 месяцев³⁷.

Говоря о высоких трудовых показателях рыбаков, охотников, морских зверобоев, нельзя забывать о сложнейших условиях, в которых они достигались. Война потребовала жесточайшей экономии и перераспределения весьма ограниченных ресурсов. Нормированное распределение основных продуктов питания началось уже в ноябре 1941 г., промышленных товаров – с февраля 1942 г. Оно было дифференцировано по социальным и производственным категориям с учётом территориальной отдалённости. Сельские жители, не связанные с сельскохозяйственным производством, обеспечивались по спискам в зависимости от местных условий. Продажа хлеба, сахара и кондитерских изделий в сёлах Северо-Востока началась по спискам в ноябре 1941 г. Жизнь колхозников полностью зависела от подсобного хозяйства и натуральной выдачи по трудодням. Большинство колхозников исключались из централизованного снабжения. К 1 марта 1944 г. на государственном снабжении хлебом на Камчатке находилось лишь 66% населения, в Нижне-Амурской области – 77%³⁸.

Трудности со снабжением были особенно велики в отдалённых труднодоступных районах. В Пенжинский район Камчатки, например, с началом войны перестали завозить посуду, бытовые вещи, кондитерские изделия. Дети, родившиеся в районе в годы войны, не имели представления о печенье, конфетах. Товарооборот и децентрализованные заготовки в Корякском национальном округе сократились за годы войны с 64,7 млн руб. до 45,5 млн при этом в структуре окружного товарооборота на долю Пенжинского района приходилась просто смехотворная сумма – 4213 руб.³⁹

В лучшем положении находились колхозники рыболовецких артелей, занятые непосредственно на добыче и обработке рыбы. Они снабжались по нормам первой категории, предусмотренным для рыбной промышленности: 800 г хлеба в день и 500 г сахара в месяц. На иждивенцев и детей до 12 лет полагалось 400 г хлеба в день. На колхозников, не занятых на добыче рыбы, эти нормы не распространялись. При таком снабжении рыбаки хотя и с трудом, но могли сохранять работоспособность, но на содержание членов семей и родственников практически ничего не оставалось. Чтобы рыболовецкие колхозы могли вести промысел, власти вынуждены были переводить всё население рыболовецких колхозов на карточное снабжение хлебом по нормам сельского (не колхозного) населения Крайнего Севера, на что Камчатской области дополнительно требовалось 658 т муки. Без этого рыболовецкие колхозы просто не могли бы работать полноценно⁴⁰.

Скудные продуктовые пайки, дефицит горючего, запасных частей, боеприпасов превращали труд людей в подлинный героизм. Морские охотники Чукотки выходили на свой опасный промысел под парусами, на добычу предусмотренных планом 200 морских животных выдавалось всего 140 патронов. Объективные трудности со снабжением усугублялись традиционной безалаберностью и неапорядительностью. Имели место случаи психологических срывов, проявления недовольства и даже антисоветских настроений, бороться с которыми было далеко не простым делом. Имели место погромы магазинов в связи с дефицитом продуктов питания, возвращение к кочевому образу жизни колхозников, перешедших на оседлость⁴¹.

Воспоминания коренных народов Дальнего Востока о военном времени, зафиксированные исследователями в разные годы, связываются с трудностями, лишениями, непосильным трудом, постоянным недоеданием, болезнями, но и с громадным патриотическим подъёмом, чувством причастности ко всему, что происходит со страной, радостью, которую принесла победа. Война явилась важнейшим этапом в формировании у коренных народов чувства государственного, советского патриотизма⁴².

Примечательное свидетельство на этот счёт есть у чукотского писателя Ю. Рытхеу. В годы союзных отношений с США коренные жители советской Чукотки нередко обменивались визитами со своими одноплеменниками на американском берегу. Во время одной из таких встреч эскимос Нутетеин запел песню-импровизацию о зверствах фашистов. «Эта песня, – пишет Ю. Рытхеу, – вызвала замешательство среди американских гостей, песни, в общем-то, были общими, ведь люди занимались одним делом, жили на одинаковой земле, но, оказывается, есть нечто значительное, что уже разделило жителей этой части планеты, несмотря на то что они обличьем оставались похожи друг на друга и даже были родственниками. Война, которая шла за десяток тысяч километров отсюда, была войной советского народа, значит и войной тех, кто жил на самой дальней окраине страны Советов...»⁴³.

7.2. Традиционное хозяйство коренных народов

Традиционное хозяйство коренных народов Дальнего Востока, развивавшееся с середины 1930-х гг. по пути социалистической модернизации, в годы войны вступило в её завершающую стадию. Война замедлила, но не остановила колхозное строительство. В этот период процесс коллективизации у большинства коренных народов в основном завершился. Заметно упрочил свои позиции социалистический сектор в Корякском национальном округе. К концу войны перешли на артельный устав все товарищества у ительменов, ряд товариществ по совместному выпасу оленей у коряков. В 1945 г. в колхозах состояло 2285 хозяйств, или 94%⁴⁴. Появились новые совхозы: Паренский (1941), Таловский (1943). Доля оленей в социалистическом секторе выросла в 1940–1945 гг. с 40,2 до 72,2%. В колхозах поголовье увеличилось в 4,8 раза, в совхозах почти удвоилось⁴⁵.

К концу войны в большинстве национальных районов Дальнего Востока хозяйственная жизнь стала определяться социалистическими производственными отношениями. Частный сектор в известной степени сохранял свои позиции только на Чукотке. К 1945 г. коллективизация была завершена здесь лишь у оседлого населения, в товарищества, кроме того, вступили 516 хозяйств оленеводов. Всего к концу войны в артели и товарищества на Чукотке объединены 2467 (84,9%) хозяйств коренных народов, создано два оленеводческих совхоза – «Омолон» и «Певекский», последний образован за счёт оленей, сданных колхозниками в Фонд обороны. С 13 615 до 20 340 оленей выросло общественное стадо в Северо-Эвенском районе⁴⁶.

Успехи коллективизации позволили сосредоточить внимание на организационно-хозяйственном укреплении артелей, на расширении колхозного производства. Основой развития колхозов стали производственно-финансовые планы.

Большинство хозяйств перешли в годы войны к различным системам счетоводства. Несмотря на трудности военного времени, росли неделимые фонды. Если в 1939 г. стоимость общественных средств производства составляла в колхозах Чукотки 2,7 млн руб., то в 1945 г. – почти 20 млн. Валовые доходы колхозов увеличились с 10,8 млн руб. до 15,3 млн. Доходы на одно хозяйство колхозника выросли с 4019 до 7017 руб.⁴⁷

Наметилась внутривладельческая специализация. Оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел начали превращаться в самостоятельные хозяйственные подразделения. Основным звеном колхозного производства к концу войны повсеместно стала бригада. В 1943 г. в колхозах Чукотки работали 106 зверобойных, 86 охотничьих, 33 рыболовецких, 31 оленеводческая и одна транспортная бригады. Бригадным методом труда были охвачены 1123 мужчины и 1213 женщины, что составляло почти половину всех трудоспособных⁴⁸.

Огромное значение для становления национальных колхозов как сельхозпредприятий социалистического типа имело совершенствование распределительных отношений – внедрение сдельщины, утверждение трудодня как меры учёта труда и распределения доходов. Повсеместно устанавливался минимум трудодней, который необходимо было выработать. Он зависел от характера хозяйственных кампаний, их продолжительности. В Тигильском районе в 1942 г. в сельскохозяйственных колхозах на полевых работах минимум составлял 100 трудодней, из них до 1 июня – 20, с 1 июня по 1 августа – 30, с 1 августа по 1 октября – 40, с 1 октября по 1 декабря – 10⁴⁹.

В оленеводческих колхозах установленный минимум трудодней зачастую не вырабатывался. Имея в личной собственности большое число оленей, многие колхозники не участвовали в общественном производстве. В 1942 г. в Анадырском районе Чукотки минимум трудодней не выработали 90% колхозников⁵⁰. Тем не менее экономические связи традиционного хозяйства коренных народов с государственным сектором расширялись. В общественный труд вовлекалось всё большее число коренного населения. В социально-профессиональной структуре коренных народов северных регионов к концу войны появились первые отряды рабочих, служащих, повсеместно сократилось число единоличников. В социальной структуре Корякского национального округа они составляли всего 5,6%⁵¹.

В годы войны у коренных народов Дальнего Востока появились первые колхозы-миллионеры – «Турваургин» («Новая жизнь») на Чукотке, корякский «Путь Севера» и др. В Ольском районе к 1944 г. имелось 7 колхозов-миллионеров. Чукотский колхоз «Турваургин» перешёл с устава товарищества на устав сельхозартели в 1942 г. Это создало условия для повышения эффективности общественного производства, роста денежных доходов и материального благосостояния членов артели. поголовье оленей было доведено до 25 тыс. Турваургинцы содействовали укреплению экономики слабых колхозов, безвозмездно передав малоолененым эвенским товариществам «1 Мая» и «Новая жизнь» 8 тыс. оленей. На их базе впоследствии был создан совхоз «Аньюский». В «Турваургине» родились в годы войны многие патриотические подвиги тружеников Чукотки. Здесь появился первый в округе колхозный партком, колхоз стал своеобразной школой руководящих кадров для других хозяйств. Многие колхозники «Турваургина» стали хозяйственными, советскими и партийными работниками. Коммунист Культин многие годы руководил колхозом «Вперед», коммунист Тальяавтын

возглавлял колхоз «Иллирней». Выходцы из «Турваургина» работали председателями райисполкомов (Тамтам, Тальвавтын, Камын), секретарями райкома и окружкама партии (Кант, Уваува, Ильченко), занимали ответственные должности в советских, партийных и комсомольских органах – Томгум, Кантатко, Канталин, Келетегин и др.

По мере становления коллективных хозяйств проблема кадров становилась всё более злободневной. На Чукотке её решению во многом способствовало открытие в 1942 г. школы руководящих колхозных кадров. За годы войны подготовку в ней прошли более 300 чел. Слушатели школы К. Релькоу, С.И. Вуквукай, Б.И. Тагрыгырган, Олеле, Вутыльхин, Эчино, Эттувги, Тымныэттыкай, Айвангу, Паика, Каутагин, Юхак и многие другие со временем стали руководителями колхозов, совхозов, партийных и советских органов⁵².

В Корякском национальном округе важную роль в подготовке кадров для колхозов сыграли Корфская и Карагинская моторно-рыболовецкие станции. Корфская МРС в 1944 г. подготовила более 100 специалистов. Кадры массовых профессий (оленоводы, полеводы и др.) из числа коренных народов готовили также на курсах и краткосрочных агротехнических семинарах.

Успехи колхозного строительства в национальных районах Северо-Востока способствовали переходу на оседлость кочевых чукчей, коряков и эвенов. В ноябре 1943 г. Хабаровский крайисполком утвердил план жилищного и культурно-бытового строительства для оседающих хозяйств северных районов Камчатской области. Планировалось построить в 1943–1945 гг. 420 жилых домов с надворными постройками (из них в Корякском национальном округе – 320 домов, в Быстринском районе – 100), 5 правлений колхозов, 5 красных уголков и другие социально-культурные объекты. На реализацию программы выделялось почти 9 млн руб. В полной мере план реализовать не удалось, но несмотря на все сложности военного времени, в Корякском округе было построено 250 домов, в том числе в Пенжинском районе – 64 (осели 280 кочевых хозяйств)⁵³.

Строительство колхозы вели своими силами из местного леса (тополь, береза), который рос не везде. Не во всех хозяйствах имелись квалифицированные плотники, но именно в годы войны во многих районах Дальневосточного Севера появились первые рубленые дома. Началось строительство центральных усадеб кочевых колхозов в Пенжинском, Тигильском районах (национальные посёлки Таловка, Седанка и др.). Созданию центральных усадеб колхозов на Колыме способствовал Дальстрой, выделивший на строительство жилья, производственных и культурно-бытовых объектов 3 394 000 руб.⁵⁴ Только в Ольском районе в этот период построено более 100 домов, что позволило кочевникам завершить переход на оседлый образ жизни. К 1945 г. в Корякском национальном округе на оседлый образ жизни переведено 1856 хозяйств из 2646 (70,1%), кочевой образ жизни продолжали вести 790 хозяйств (2238 чел.), на Чукотке к оседлости перешли – 1639 хозяйств из 3240 (50,6%), продолжало кочевать 1601 хозяйство (5119 чел.), в том числе 802 колхозных⁵⁵.

Застройка первых колхозных посёлков начиналась обычно с административных зданий – правлений колхозов, сельсоветов. Погоня за высокими цифрами перевода кочевников на оседлость вела к тому, что ни в одном посёлке не имелось необходимого количества жилых домов, при этом в каждом из них проживали, как правило, несколько семей. Жилой фонд практически не отличался от аборигенного самостроя начала XX в. Основным отличием было наличие печного

отопления из кирпича-сырца, нередко заменяемое железными печками. Вместо стекла использовались пергамент или белая ткань. Преобладающим типом жилищ помещений были землянки и яранги. В 1945 г. в Корякском национальном округе землянки и рубленые домики имели 835 колхозных хозяйств из 2562 (32,5%), остальные две трети жили в ярангах. На западном побережье в землянках жила почти треть колхозников, на восточном – 85%. Около 800 хозяйств продолжали вести кочевой образ жизни⁵⁶.

Традиционные отрасли хозяйства коренных народов развивались в рамках общегосударственной стратегии. Возросшие потребности в мясной продукции сократили поголовье оленей во всех категориях хозяйств, но в наибольшей степени – обобществлённое поголовье. В Амурской области число оленей сократилось с 15 000 до 7200 голов⁵⁷, в Аяно-Майском районе – с 8621 до 5636, в колхозах Тугуро-Чумиканского района – с 2844 до 1415⁵⁸, в Верхне-Буреинском районе – с 2097 до 1600⁵⁹, в колхозах Охотского района – с 19 148 до 14 570, в частном секторе увеличилось с 3855 до 8457⁶⁰. Сокращение произошло в результате политики ограничения крупных хозяйств оленеводов. Так, если на 1 января 1941 г. на Чукотке у единоличников находилось 436,7 тыс. оленей, то на 1 января 1946 г. – 414 тыс.⁶¹

Сельскохозяйственный и военный налоги, обязательные мясопоставки государству (единоличное хозяйство должно было вносить 80 кг мяса в год) дифференцировались в зависимости от численности оленей. Решением местных Советов часть населения освобождалась от всех видов налогов и поставок, основную тяжесть налогового обложения несли крупные хозяйства оленеводов – размер налогов и поставок с них был на 70% выше, чем с колхозников. В 1944 г. от уплаты военного налога освободили все кочевые и полукочевые хозяйства народов Севера.

Сдаваемые государству в счёт налогов и мясопоставок олени принимались в живом виде и передавались колхозам, увеличивая тем самым общественное стадо. За годы войны число оленей в колхозах и совхозах увеличилось с 42,7 тыс. голов до 150,8 тыс. Более половины этого прироста получили за счёт естественного воспроизводства в колхозных стадах, примерно пятая часть – налоги и мясопоставки населения, 23% – результат обобществления оленей бывших единоличников. В единоличном секторе число оленей сократилось с 326 тыс. до 180,4 тыс., в личной собственности колхозников увеличилось с 38 тыс. до 82,8 тыс., что обуславливалось ростом численности колхозников, которым в тот период разрешалось иметь в личной собственности до 300 оленей. В товарищества и колхозы вступали крупные оленеводы: Кукино, имевший более 2 тыс. оленей, Вальдю – 1579, Енли – 1500. Колхозниками становились и их наёмные работники⁶². Всё это увеличивало не только численность колхозников, но и количество обобществленных оленей.

В Корякском национальном округе поголовье оленей за годы войны не только не сократилось, но даже возросло. Накануне войны здесь имелось 125 460 оленей, в 1945 г. – 169 337⁶³. Приросту в известной степени способствовало быстрое развитие в округе колхозного рыболовства, общественного животноводства и земледелия, что заметно снизило потребительскую нагрузку на оленеводство. Сказалось также резкое сокращение числа оленей в предвоенные годы в результате массовой коллективизации, что снизило нагрузку на пастбища – основу развития оленеводства. Имеющиеся кормовые ресурсы стали соответствовать

численности оленей, началось восстановление поголовья. Прирост поголовья оленей имел место и в Быстринском районе Камчатки, где число оленей выросло с 15,8 тыс. до 22 тыс.⁶⁴

Все годы войны Дальний Восток оставался, по существу, единственным крупным поставщиком рыбной продукции в стране. Основные направления развития рыбной отрасли определены в постановлении ЦК ВКП(б) и Правительства СССР от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейне рек Сибири и на Дальнем Востоке», в котором предусматривались обновление материально-технической базы рыбного хозяйства, создание новых рыбозаводов, моторно-рыболовецких станций (МРС), переориентация хозяйственной деятельности колхозов, различные мобилизационные мероприятия по привлечению трудовых ресурсов в рыбную промышленность, включая переселение на Дальний Восток из других регионов страны⁶⁵.

В Корякском округе в 1941–1945 гг. вступили в строй Паланская и Корфская моторно-рыболовецкие станции (аналоги МТС в земледельческих районах), новые рыбопромышленные предприятия в Олюторском и Карагинском районах, холодильники в Корфе и Оссоре. Приступили к работе рыбокомбинат в Сопочном, базы обработки в Усть-Палане, Усть-Хайрюзове, Усть-Ковране. Началось освоение новых орудий лова. Валовая продукция рыбной промышленности округа к концу войны возросла почти в 2,5 раза.

К концу войны на Камчатке имелось 26 рыбокомбинатов и 17 рыбконсервных заводов, жестяно-баночная фабрика, была построена первая очередь судовой верфи. За годы войны Камчатка дала стране 7890 тыс. ц рыбы. Столько здесь было добыто за две довоенные пятилетки вместе взятые. Консервные заводы Камчатки за годы войны изготовили 2500 тыс. ящиков консервов⁶⁶.

Интенсивно развивалось колхозное рыболовство. Если в системе Камчатского акционерного общества (АКО) добыча рыбы выросла в 1941–1943 гг. на 32%, то в колхозах – на 73%⁶⁷. Рыболовецкие артели коряков и ительменов систематически перевыполняли плановые задания. В 1943 г. рыбаки округа дали сверх плана 7584 т рыбы. За успешное проведение путины 25 чел. были награждены орденами и медалями. Доля колхозной добычи в общем улове округа выросла в 1940–1943 гг. с 41 до 55%⁶⁸. В сельскохозяйственных артелях рыболовство превратилось, по существу, в главную отрасль хозяйства, объёмы промысла в них увеличились в 15 раз⁶⁹. За счёт интенсификации труда колхозников, мобилизационных кампаний (на путину привлекалось более 60% всех жителей округа) добыча рыбы в колхозах округа увеличилась в 1940–1946 гг. в 2,7 раза и составила 220 тыс. ц. Товарная часть улова поднялась до 85–90%⁷⁰.

В годы войны было положено начало колхозной рыбообработке, колхозы поставляли не только сырец, но и готовую продукцию. Совершенствованию колхозного рыбного промысла способствовало образование двух межрайонных рыбколхозсоюзов – Паланского и Карагинского, ставших своеобразным штабом рыбной отрасли колхозов округа.

Крупный промысловый район колхозного рыболовства сформировался на Колыме. Большинство национальных колымских колхозов перешли на устав рыболовецкой артели уже в 1941 г. Всего на Колыме насчитывалось 15 рыболовецких колхозов⁷¹. Рыбаки-колхозники Северо-Эвенского, Ольского и Среднеканского районов в 1941–1944 гг. увеличили вылов рыбы в 2 раза. За годы войны её было добыто 105 788 ц, и половина этого количества поступила из колхозов.

Их денежные доходы в связи с повышением закупочных цен на рыбу возросли в 2,8 раза, заработки колхозников – в 3 раза⁷².

На Амуре промысел рыбы осуществлялся в режиме чрезвычайного положения. На нерестовых водоёмах в период хода лосося практиковалось полное загораживание рек, правила рыболовства не соблюдались. Принятое в 1935 г. постановление Правительства СССР «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» в годы войны утратило силу⁷³. Все амурские рыболовецкие колхозы перешли на круглогодичный промысел. По 2–3 годовых плана выполняли артели «Нанайский партизан», им. Максима Пассара, «Таймень», им. Кирова, «Красный удэ», им. Калинина, нивхские артели «Красный Сахалин», «Свобода», «Память Ленина». В Комсомольском и Нанайском районах в 1941–1944 гг. национальными колхозами выловлено более 330 тыс. ц рыбы⁷⁴. Совокупный вылов предприятиями рыбной промышленности на Нижнем Амуре в 1941–1943 гг. почти удвоился⁷⁵.

Большинство колхозов коренных народов в конце 1930-х гг. были малолюдными. С началом войны число колхозников-мужчин ещё больше сократилось. В колхозе им. Ворошилова Ульчского района, например, в 1941 г. было 32 трудоспособных мужчины, в 1943 г. – 17, в колхозе «Пятилетка» в 1942–1945 гг. число трудоспособных мужчин сократилось с 60 до 33. Вместо ушедших на фронт мужчин в колхозах работали женщины, старики и дети. Вынужденным стало формирование семейных рыболовецких бригад. Впервые они возникли в ульчском колхозе «Таймень». В бригаде К. Пади работали его жена Хаттиль, дочь Тынди, невестка Чупляка, в бригаде Т. Агдумсала – жена Датку, дочь Александра, сын Григорий. Почин колхоза «Таймень» по формированию семейных бригад был подхвачен в других хозяйствах⁷⁶.

В военных условиях рыба стала основным продуктом питания для большинства населения неземледельческих районов, поэтому кроме государственных предприятий и колхозов рыбу добывали и так называемые внеплановые заготовители. По данным Амургосрыбвода, их доля в общем улове кеты в 1943 г. составляла 50%. Для продовольственного обеспечения ими добыто в этом году около 9 тыс. т кеты, в том числе в Нижне-Амурском районе – 1858 т, Комсомольском – 843, Хабаровском – 2243 т. Многие крупные предприятия ловили рыбу для своих рабочих самостоятельно, при этом их уловы оставались неучтёнными. Всё это не могло не отразиться на состоянии биологических ресурсов, в 1945 г. добыча рыбы на Амуре сократилась по сравнению с довоенным уровнем в 2 раза. Строгие ограничения по добыче лосося пришлось вводить в послевоенные годы и на Чукотке.

Говоря о трудовом подвиге дальневосточных рыбаков, уместно напомнить, что значительную часть промыслового флота с началом войны мобилизовали для нужд армии, многие промысловые суда стали жертвой морского разбоя японцев. Главвостокпром, например, потерял во время войны по этим причинам 16 промысловых судов⁷⁷, к тому же Дальний Восток лишился одного из наиболее массовых объектов своего традиционного промысла – дальневосточной сардины (сельдь-иваси). В силу присущих ей циклов миграции она перестала подходить к российским берегам. Тем не менее доля Дальневосточного бассейна в общей добыче рыбы в стране выросла к довоенному уровню с 24,6 до 33%. На Амуре и Камчатке вылов рыбы увеличился на 44,8%, производство рыбных консервов на 49%⁷⁸. Стал широко применяться подлёдный лов, было положено

начало экспедиционному промыслу, что позволило ликвидировать сезонность в добыче рыбы.

В годы войны возросло значение охотничьего промысла коренных народов Дальнего Востока. Добыча пушнины пополняла валютный фонд страны, охота на мясного зверя была важным подспорьем в продовольственном обеспечении местного населения. Существовавшие ограничения на добычу диких животных отменили. На Камчатке разрешались добыча в весенне-летний период медведей с медвежатами, добыча боровой и водоплавающей дичи всеми видами самоловов, продлялись сроки охоты на куропатку, областная охотничья инспекция получила право разрешать в отдельных случаях добычу зверя и дичи в запретное для охоты время⁷⁹.

На юге Дальнего Востока прославился своими охотниками ульчский колхоз им. Калинина. Две его бригады охотников в промысловый сезон 1944/45 г. выполнили по три сезонных задания. Особенно высоких результатов добились И. Вальдю, Канчуга, К. Ходжер, И. Дуван. В Нанайском районе охотились 223 охотника. В 1942 г. они добыли пушнины на 325 тыс. руб., выполнив сезонный план на 162%⁸⁰. Охотники колхоза «Красный удэ» три года подряд держали переходящее Красное знамя Нанайского райкома ВКП(б), перевыполняя задания в 5–10 раз. С высокими показателями трудились охотники-эвенки Тугуро-Чумиканского и Аяно-Майского районов, эвены Колымы. Е.Г. Трофимов из колхоза «Победа» Аяно-Майского района в 1942 г. перекрыл плановое задание по добыче пушнины в 4 раза. Бригада И. Хуркана из колхоза «Путь Ленина» Северо-Эвенского района добывала ежегодно пушнины на сотни тысяч рублей. Хуркан – первый из промысловиков Дальнего Востока награжден медалью «За трудовую доблесть»⁸¹. Высоких правительственных наград удостоены охотники Корякского национального округа: М.И. Заев – ордена Ленина, А.П. Хабаров – ордена Трудового Красного Знамени, Вакчако Летувьев – ордена «Знак Почета», П.П. Дьячков, И.И. Калыка, А.М. Притчин – медалей «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Действенным средством повышения производительности труда в охотничьем промысле было материальное стимулирование, которое стало активно применяться в годы войны и в традиционной экономике коренных народов. В Приморском крае, например, на каждые 100 руб. за сданную государству пушнину охотник мог получить 12 кг муки, 500 г сахара, 800 г крупы, а также табак, мыло и другие товары. За перевыполнение плана предусматривались премии в натуральном выражении⁸². В условиях карточной системы и товарного дефицита такая форма товарообмена была серьезным стимулом. Правда, использовать её могли далеко не везде. Все зависело от снабжения той или иной территории товарами и продовольствием.

В годы Великой Отечественной войны национальные районы Дальнего Востока снабжались продовольствием из централизованных источников в ограниченном объеме. Это стимулировало развитие собственного сельскохозяйственного производства. Колхозы коренных народов стали получать обязательные задания по производству сельхозпродукции. В Корякском национальном округе посевные площади в 1940–1945 гг. увеличились в 3,3 раза – со 154 до 500 га, поголовье крупного рогатого скота – в полтора. В 1945 г. здесь выращивали на 354 га картофель, на 68 га – капусту, овёс, репу, морковь, кормовые культуры. Имелись даже собственные посевы табака⁸³.

К концу войны фермы крупного рогатого скота создали во всех ительменских сёлах, в колхозах появилась новая отрасль – молочное животноводство. В Ковране и Хайрюзове имелись небольшие свинофермы. В большинстве хозяйств построили животноводческие помещения, овощехранилища. В ительменских колхозах было сосредоточено 4/5 всех посевов Тигильского района, более половины крупного рогатого скота⁸⁴. Для увеличения семенного материала картофеля широко использовались срезанные верхушки клубней. За счёт расширения площади посевов и повышения урожайности (на Камчатке урожай картофеля в среднем в годы войны вырос с 35 до 73 ц с гектара) Камчатская и Сахалинская области потребности в картофеле и овощах стали обеспечивать за счёт собственного производства⁸⁵.

В колхозах Нанайского района поголовье крупного рогатого скота увеличилось в 1940–1945 гг. с 725 до 835 голов, свиней – с 370 до 602, посевные площади увеличились до 900 га. На колхозных полях выращивали зерновые и бобовые культуры⁸⁶. Домашний скот, в том числе коров, стали держать отдельные нанайские, ульчские, нивхские семьи. В колхозах амурских нивхов количество крупного рогатого скота возросло к 1943 г. более чем в 2 раза, увеличились посевные площади. Нивхские колхозы стали важным поставщиком продуктов сельского хозяйства для рабочих и служащих в низовьях Амура⁸⁷. В годы войны было положено начало развитию огородничества на Колыме, началось активное приобщение эвенов к земледелию.

Интенсивное развитие сельскохозяйственного производства в национальных колхозах осуществлялось в директивном порядке, во многом это была вынужденная мера, имевшая и негативные последствия. Обязательные задания по развитию сельского хозяйства не учитывали этнических особенностей коренных народов, не отвечали возможностям хозяйств, трудовые ресурсы которых были ограничены. Для развития трудоёмких сельскохозяйственных отраслей в сочетании с интенсификацией рыбного промысла людей не хватало. Сказывались также отсутствие навыков к сельскохозяйственному труду, дефицит качественных семян, органических и минеральных удобрений, сельхозинвентаря. В колхозах не было агрономов, отсутствовали севообороты, животноводческие помещения. Коренное население не испытывало потребности в молоке, овощах и картофеле.

В колхозах постоянно проходили две авральные кампании: летом – по добыче рыбы, осенью и зимой – по спасению от падежа скота. Продолжительный стойловый период – до 270 дней в году – требовал больших запасов кормов, но заготовить их в достатке не удавалось, поскольку сенокос совпадал с лососевой путиной. Основное внимание уделялось обычно добыче рыбы. Сено готовили нередко в октябре из сухой травы, его качество было низким, отсюда и низкая продуктивность скота. В 1945 г., например, в колхозах Корякского округа на фуражную корову было надоено всего по 868 кг молока⁸⁸.

В целом традиционное хозяйство коренных малочисленных народов в годы войны развивалось по пути максимального огосударствления. Это касалось как форм и методов работы коллективных хозяйств, так и распоряжения результатами своего труда. Колхозы отдавали свою продукцию государству практически безвозмездно. В виде обязательных поставок и платежей изымалось до 80–90% произведённой продукции. Промысловое хозяйство коренных народов, кормившее в довоенные годы лишь их собственные семьи, стало кормить страну. Такая

переориентация, во многом неизбежная в годы войны, к сожалению, стала нормой жизни и в послевоенное время, что не могло не породить безынициативность руководителей хозяйств и колхозников.

Командные методы руководства экономикой, в полной мере распространившиеся на традиционное хозяйство коренных народов, вместе с тем существенно дополнялись высокой степенью личной ответственности простых тружеников за судьбу страны, сознанием своей сопричастности к делу победы над врагом, возникшими как результат глубоких экономических, идеологических, ментальных изменений, происшедших у коренных народов под воздействием социальных преобразований.

7.3. Образование и культура малочисленных народов

Война вынудила отказаться от многих планов в сфере культурного строительства. Уже в августе 1941 г. существенно сократили бюджетные расходы на нужды просвещения и здравоохранения. В Камчатской области сокращение составило 2635 тыс. руб.⁸⁹ Как следствие сократились ассигнования на строительство и ремонт школьных зданий. Острый недостаток испытывался в учебниках, тетрадях, школьно-письменных принадлежностях. Заботу о школе в этих условиях взяли на себя колхозы, учителя, родители учеников. Колхозы оказывали помощь в ремонте школ и постройке новых. В сёлах Корякского округа с их помощью за годы войны было построено 8 школьных зданий, на Чукотке – 24. Колхозники Мало-Аньюского и Олойского сельсоветов выделили на строительство школ по 50–60 тыс. руб. каждый⁹⁰.

Силами учителей, комсомольцев в июле–сентябре 1941 г. для школ Чукотки было заготовлено 600 м³ дров; колхозники развезли 380 т угля. Заготовка топлива находилась в руках родительских комитетов все годы войны. На местах наладили собственное производство ученических ручек, мелков и других письменных принадлежностей. Широко использовалась обесцветка уже исписанных школьных тетрадей.

Произошло сокращение численности учащихся, особенно в старших классах. Многие школьники вынуждены были прекратить учёбу по семейным обстоятельствам, уйти на производство. Только в 1941/42 учебном году из школ национальных районов выбыли около 2 тыс. учащихся. Сокращение контингентов учеников привело к реорганизации школьной сети – средние школы преобразовали в семилетние, семилетние – в начальные. Отсев учащихся имел место и в начальной школе. К началу 1942/43 учебного года закрылись многие начальные школы в Ульчском, Тугуро-Чумиканском и других районах. В декабре 1941 г. Корякский окрисполком принял решение о сокращении комплектности в школах и объединении школ с малочисленным контингентом учащихся. С 1 января 1942 г. в Тигильском, Пенжинском и Карагинском районах округа закрыли 12 школ⁹¹. Перестали работать многие кочевые школы. Сократилось число интернатов. Если в 1940/41 учебном году при школах Нижнего Амура и Охотского побережья было 39 интернатов (2466 учащихся), то в 1944/45 г. – 28 и 1312 учащихся⁹².

Широкое распространение получило движение за создание денежных и продовольственных фондов всеобуча. В первые военные месяцы оленеводы

Чукотки передали интернатам округа мяса, рыбы, меховой одежды более чем на 100 тыс. руб. В Восточно-Тундровом районе в 1943 г. колхозники собрали на питание учащимся 165 тыс. руб., в 1944 г. – различных продуктов на 78 тыс.⁹³ В 1942/43 учебном году в Нижне-Амурской области на эти цели собрано 122 тыс. руб. Материальная помощь оказывалась детям фронтовиков – приобретались одежда и обувь, оплачивалось питание нуждающимся. Из фонда всеобуча только за один учебный год в области получили помощь 1923 школьника. Для нормальной работы школ много делали и сами учащиеся. Старшеклассники заготавливали грибы, ягоды, черемшу, ловили рыбу и добывали пушного зверя. Заработанные деньги шли на ремонт школьных зданий, изготовление наглядных пособий, мебели. Осенью 1941 г. на Чукотке школьники заготовили для интернатов 81 т рыбы, 825 кг икры, 2800 кг ягод. В 1943 г. учащиеся интернатов в Ульчском районе вырастили 42 т картофеля, 11 т капусты.

Детская одежда и обувь по линии централизованного снабжения стала поступать в национальные районы только в 1943 г. До этого все заботы о детях лежали на плечах местных органов власти, учителей и родителей. Комсомольцы проводили декадники по сбору, пошиву, починке обуви и одежды. В Восточно-Тундровом районе Чукотки для учащихся интерната сшили 74 пары торбасов, 30 пар чижей, 39 кухлянок, 25 меховых брюк и 11 пар рукавиц. Тысячи детей в национальных районах края были одеты, обуты и накормлены в школах и интернатах.

Широкий размах получило профессиональное обучение школьников. Старшеклассников готовили для работы в рыболовстве, оленеводстве, охотничьем промысле. На Камчатке в первую военную зиму из учащихся старших классов подготовили 2413 рыбообработчиков, на Нижнем Амуре в 1943/44 учебном году подготовку для работы на предприятиях рыбной промышленности прошли 2300 учащихся, в сельском хозяйстве – 1325. На каникулах школьники работали в колхозах, на рыбопромышленных предприятиях. В 1943 г. на рыбокомбинатах Анадырского района во время путины работали 350 школьников. Учащиеся не только выполняли нормы взрослых рабочих, но и перевыполняли их.

В годы войны в центре воспитательной работы с детьми стояли вопросы военно-патриотического характера. Особое значение приобрела военнопризывная и спортивно-массовая работа с учащимися старших классов. Во многих школах работали оборонные кружки. В школах ввели пятибалльную оценку знаний и поведения учащихся. Утвержденные в конце войны единые правила для школьников повысили дисциплину. В каждой школе действовали отряды тимуровцев.

Чрезвычайно остро стояла проблема учительских кадров. К началу войны в школах Охотского, Аяно-Майского, Тугуро-Чумиканского, им. П. Осипенко, Тахтинского, Ульчского, Нижне-Амурского районов работали около 700 педагогов, 670 из них по разным причинам за годы войны выбыли. На их место пришли лица, не имеющие педагогического образования. Успеваемость учащихся резко снизилась. Процент второгодничества по итогам 1942/43 учебного года во многих школах, особенно начальных, достигал 50%. В 1945/46 учебном году большинство учителей начальных школ Охотского, Аяно-Майского, Ульчского и других районов Нижнего Амура не имели даже полного среднего образования.

В ходе министерской проверки школ Тугуро-Чумиканского района в 1946 г. многие учителя сделали в небольшом диктанте 18–26 ошибок⁹⁴.

Большинство детей коренных народов получали лишь начальное образование. Многие уходили из школы после двух лет обучения, что сдерживало переход на семилетний всеобщ, сократилось число северян в педучилищах, упразднили подготовительные классы. Те немногие, кому удавалось окончить семилетнюю школу, не обладали соответствующими знаниями. В 1946 г. из 45 представителей коренных народов, поступавших в Тигильское педагогическое училище, приёмные экзамены не смог сдать ни один. Введённое в годы войны и действовавшее до середины 1950-х гг. платное образование в старших классах сделало среднее образование недоступным для большинства коренного населения. На Чукотке в старших классах средней школы даже в 1951/52 учебном году обучались всего 4 представителя коренных народов. В Тугуро-Чумиканском, Северо-Эвенском, Пенжинском, Быстринском и многих других национальных районах средние школы появились лишь в конце 1940–начале 1950-х гг. В Аяно-Майском районе среднее образование первые три эвенка получили только в 1955 г.

Осложнилась работа по ликвидации неграмотности взрослого населения. Прекратилось финансирование работы ликбезов. На Чукотке число школ по ликвидации неграмотности (с платными учителями) в период 1940–1943 гг. сократилось со 103 до 20. Основная тяжесть этой работы легла на плечи культурмейцев-общественников. Эффективность этой работы была невысока, так как из-за отсутствия необходимой литературы на родных языках навыки чтения быстро забывались. Из 89 ликвидаторов неграмотности, работавших на Чукотке в составе 16 кочевых ликбезов, 52 были комсомольцами⁹⁵.

В северных национальных районах Хабаровского края ликвидация неграмотности взрослого коренного населения вообще прекратилась, неграмотные составляли там от 40 до 70% даже в начале 1950-х гг. Тем не менее к концу войны стали появляться национальные сёла сплошной грамотности. В частности, в Тигильском районе была завершена ликвидация неграмотности трудоспособного населения у ительменов, до 300 чел. сократилось число неграмотных у оленеводов-кочевников⁹⁶.

К концу войны в Корякском национальном округе работало 39 школ, на Чукотке – 69 (из них 50 – чукотских, 7 – эскимосских и 5 – эвенских), в других национальных районах Дальнего Востока – 97⁹⁷. Большинство школ располагалось в приспособленных зданиях. Из 69 школ Чукотки только 13 располагались в типовых зданиях, остальные размещались в землянках, ярангах и палатках. К 1943 г. удалось приостановить отсев учащихся 1–4-х классов. Если в первый год войны в начальных классах школ Чукотки обучались 1866 детей, то в 1942/43 учебном году – 2066. К 1945 г. в округе всеобщем было охвачено 92,5%. Не обучались дети лишь из наиболее отдалённых стойбищ. В Корякском округе контингент учащихся увеличился до 3280 чел. В 1944/45 учебном году в школах национальных районов Охотского побережья и Нижнего Амура число учащихся 1–4-х классов по сравнению с 1942/43 учебным годом выросло более чем на 1000.

Осуществлению всеобща на Северо-Востоке способствовало постановление Камчатского облисполкома (1943 г.), разрешившее открывать школы в населённых пунктах, где имелось всего 15 детей школьного возраста. Для лучшего

усвоения программ начальной школы Чукотский окружком партии в 1944 г. ввёл преподавание на родном языке в 40 из 72 национальных школ⁹⁸.

В меньших масштабах, но продолжалась подготовка преподавателей из малочисленных народов. В 1942 г. Институт народов Севера был реорганизован в факультет при Омском педагогическом институте. Во время войны он находился в Тобольске и готовил преподавателей языков народов Севера, русского языка и литературы для средних школ и педучилищ. В 1943 г. в Тобольск с Чукотки направили на учёбу шесть эскимосов и чукчей. Продолжало готовить кадры Тигильское педучилище на Камчатке. За годы Великой Отечественной войны его закончили 55 чел., в том числе 5 коряков, 11 ительменов, 29 камчадалов. В 1943 г. состоялся первый выпуск Анадырского педагогического училища – 13 выпускников. В 1944/45 учебном году в нём обучались 52 студента, в т.ч. 41 из числа народов Севера. В Хабаровском педагогическом институте в этом же году открыли северное отделение с трёхгодичным сроком обучения. Студенты, окончившие отделение, получали специальность преподавателя литературы и русского языка в 5–7-х классах⁹⁹.

Война прервала массовый выпуск литературы на языках народов Севера, публиковались лишь отдельные издания. В 1944 г. вышли в свет иллюстрированные задачки по арифметике для эвенкийских и чукотских школ, ряд изданий на чукотском языке выпущен в Магадане и пос. Лаврентия на Чукотке¹⁰⁰.

В соответствии с требованиями военного времени перестраивалась культурно-просветительная работа. Основные её направления сформулированы постановлением пленума Хабаровского крайкома партии «О состоянии и дальнейших задачах политической агитации в связи с военной обстановкой», наметившим конкретные меры по расширению пропагандистской работы, в том числе и в национальных районах края. Повсеместно увеличилось число агитаторов, работающих среди коренного населения. На Чукотке их число возросло с 412 чел. в 1941 г. до 778 чел. в 1943 г., 266 из них были представителями коренных народов¹⁰¹.

В условиях военного времени повышалась роль политической пропаганды и агитации, уделялось внимание агитационной работе особенно среди коренного населения, в массе своей неграмотного, оторванного от населённых пунктов, лишённого возможности получать информацию по радио и из газет, слабо владеющего русским языком.

Агитационно-массовая работа, которую взяли на себя агитколлективы, созданные во всех районах, подчинялась решению конкретных хозяйственных задач, развитию социалистического соревнования. Для разъяснительной работы среди коренного населения привлекались коммунисты и комсомольцы из числа коренных народов. В Олюторском районе Корьякского округа работали более 70 агитаторов. Лучшие из них – Умятов, Анавтагин, Лулупан, Такият заслуженно стали именоваться агитаторами-организаторами. Они постоянно находились в трудовых коллективах, разъясняли охотникам, оленеводам вопросы текущей политики, сами показывали образцы высокопроизводительного труда. Коммунист-агитатор Аттуги-Танле (Чукотка) в пять раз перекрывал плановые задания по добыче морского зверя, обучал передовым приёмам труда других. Агитатор А. Тотынто обучил охотничьему искусству 6 девушек. Большую политико-воспитательную работу среди оленеводов Анадырского и Марковского районов вели агитаторы Этакай, Тынелькульт и др.¹⁰²

В условиях отдалённости, отсутствия регулярного транспортного сообщения выросло значение местной печати и радио. Центральные газеты и журналы приходили во многие национальные районы только в период навигации, да и подписчиков среди коренных жителей в силу их малой грамотности было немного. В таких условиях незаменимым, а зачастую и единственным источником информации было устное слово. Основными формами агитационно-массовой работы были читки газет, приказов, постановлений советского правительства и сообщений Совинформбюро, беседы о текущем моменте. Выпускались боевые листки, проводились вечера вопросов и ответов. В помощь агитаторам организовали ежедневный приём материалов ТАСС, которые затем передавались по местному радиовещанию, печатались в местных газетах. На Колыме в 1943–1944 гг. издавалось 13 газет общим разовым тиражом около 53,5 тыс. экз. Для колхозников национальных районов издавался специальный еженедельный выпуск «Советской Колымы». Всего за годы войны вышло 178 выпусков на эвенском языке. В газете «Охотско-эвенская правда» с 1942 г. стала выходить специальная страница на эвенском языке.

В 1940–1941 гг. на Чукотке помимо газеты «Советская Чукотка» издавались районные газеты «Советский Уэлен», «Чаунская правда», «Колхозный путь». В 1944 г. в газете «Советская Чукотка» началась регулярная публикация материалов на чукотском языке¹⁰³. Известны случаи, когда специальные выпуски местных газет на нанайском языке отправлялись на фронт в воинские подразделения, где воевали коренные народы Приамурья.

Центром политико-массовой работы в национальных сёлах были школы, избы-читальни, среди оленеводов – передвижные комплексные культурно-просветительные учреждения: красные чумы и красные яранги. В 1941 г. на Чукотке вновь организовали 12 красных яранг. Общее их число в округе возросло и к 1944 г. достигло 37. В 1943 г. на их мероприятиях побывало 16 480 кочевников. Штат яранг был полностью укомплектован, обеспечен необходимыми средствами и литературой. В некоторых районах затраты на содержание красных яранг и выплату зарплат их сотрудникам брали на себя колхозы. Значительных результатов в массово-политической работе в годы войны добились Танюрерская и Майнопильгенская красные яранги в Анадырском районе, Мечигменская – в Чукотском. На Амуре в годы войны аналогичные функции выполняли агиткунгасы в составе выездной редакции краевой газеты «Тихоокеанская звезда», агитбригады, кинопередвижки и библиотеки.

В годы войны у красных яранг кроме агитационно-пропагандистских функций появились новые – сбор средств на нужды обороны, военного налога¹⁰⁴. В результате работы красной яранги Рыркайпийского сельсовета (зав. И.И. Рынтыргин), например, оленеводы сдали в Фонд обороны 2925 оленей. Улучшению культурно-массовой работы среди коренного населения во многом способствовало создание при районных исполкомах отделов культурно-просветительной работы. В 1944 г. были повышены зарплаты заведующим избами-читальнями, сельскими клубами и библиотеками. По сравнению с довоенным 1940 г. сеть культурно-просветительных учреждений в Чукотском национальном округе выросла более чем в 2 раза. Бюджетные ассигнования на культурное обслуживание выросли до 600 тыс. руб.

7.4. Коренные малочисленные народы на фронтах Великой Отечественной войны

В Красную армию в годы войны были призваны или ушли добровольцами представители 150 советских народов. Некоторые до этого вообще никогда не воевали, это была первая война в их истории. По этническому признаку было сформировано свыше 80 дивизий и бригад. Все воинские подразделения Красной армии были, как правило, многонациональными, и в этом фронтовом братстве советских людей достойное место принадлежит и малочисленным народам Дальнего Востока.

Точные данные о числе призванных в Красную армию малочисленных народов отсутствуют, и сегодня, к сожалению, уже невозможно установить ни общей численности фронтовиков среди коренных народов, ни большинства их имён и фамилий. В военкоматах почти не осталось документов о призывниках военных лет. Там, где ещё встречаются какие-то списки, национальность, как правило, не указывается. В некоторых случаях о ней можно лишь догадываться по фамилии, хотя у эвенков, эвенов, некоторых других народов, подвергшихся христианизации, они давно были русскими. Сами участники Великой Отечественной войны – те, кому удалось дожить до Победы, – ушли из жизни. Покинули этот мир их родственники и односельчане, хранившие о них память. В этих условиях попытки восстановить имена и фамилии фронтовиков оказываются непростым делом. Ярким примером тому может служить попытка сахалинских энтузиастов создать Книгу Памяти о нивхах – участниках Великой Отечественной войны. Среди 19 тыс. призывников-сахалинцев военных лет удалось выявить всего 65 коренных жителей острова – нивхов, эвенков, ороков, хотя их было несравнимо больше¹⁰⁵. Цифра эта может показаться совсем небольшой, но ведь и численность сахалинских аборигенов накануне войны была мизерной – не более 1000 мужчин всех возрастов.

Закон «О всеобщей воинской обязанности», принятый в 1939 г., открывал возможность служить в вооружённых силах всем гражданам СССР независимо от национальности, вероисповедания и социального происхождения. Призыв в армию коренных малочисленных народов осуществлялся, однако, выборочно и на принципах добровольности. Впервые это произошло осенью 1939 г. Именно эти призывники и приняли участие в первых сражениях Великой Отечественной войны. Коряк А.А. Логинов участвовал в боях под Москвой, награждён медалью «За оборону Москвы». Погиб 29 августа 1942 г. Нанаец С.Н. Оненко к началу войны был уже заместителем командира батареи. Сражался на Украине и Северном Кавказе, прошёл с боями Польшу, Чехословакию, штурмовал Берлин, освободил Прагу. После войны стал известным учёным-лингвистом. Эвенк Пётр Савин ушёл в Красную армию в 1939 г. Отличился в Курском сражении – уничтожил два «тигра», награждён орденом Отечественной войны. Войну закончил в звании капитана.

В начале войны в соответствии с постановлением ГКО малочисленные народы Севера не призывались в действующую армию, однако уже в её первые дни в военкоматы пришли сотни добровольцев из их числа. В с. Койма Хабаровского края первыми добровольцами стали коммунисты, бывшие красные партизаны ульчи С.П. Убака, Б.Н. Бога, А.Ф. Боян, В.Г. Дятала, а всего национальные сёла

Ульчского района проводили на фронт более 50 добровольцев, 16 добровольцев ушли на фронт из национальных сёл Тугуро-Чумиканского района, 28 – из Кур-Урмийского. В Нанайском районе из с. Троицкое ушли на фронт 12 добровольцев, из Найхина – 28, из национальных сёл Дада, Джари, Верхний Нерген, Курун, Сикачи Алян – по 11–18 чел., из сёл Муха, Джонка, Болонь, Торгон, Синда – по 5–9, из других сёл – по 2–3 чел.

На Камчатке первыми добровольцами из коренных народов были охотники колхоза «Пролетарий» (с. Палана) Ф. Косыгин, Д. Кихляп, М. Кавав, С. Иковав¹⁰⁶. Всего летом 1941 г. из национальных сёл Дальнего Востока добровольно ушли на фронт около 900 нанайцев, ульчей, удэгейцев, эвенков и других народов, в течение 1942 г. – более 200 нанайцев, 30 орочей, около 80 эвенков¹⁰⁷, в 1943 г. – ещё 400 представителей коренных народов Приамурья, вошедших в состав 8-й стрелковой дивизии.

Особенно много проводили на фронт своих представителей нанайцы и ульчи. Безусловное первенство здесь принадлежит Самарам – более 100 добровольцев, примерно столько же ушло на фронт – Ходжеров, Оненко, Киле, Пассаров, Гейкеров, Дигоров. Каждый седьмой среди добровольцев-фронтовиков был из рода Бельды. Всего за годы войны только из Нанайского района на фронт ушли 1783 нанайца – почти 40% от всех призванных на фронт в районе¹⁰⁸.

В общей сложности на фронтах Великой Отечественной войны сражались более 8% нанайско-ульчского населения. Это самый высокий показатель участия в войне среди коренных народов Дальнего Востока¹⁰⁹. Близким к этой цифре было участие в войне удэгейцев, нивхов, эвенков и эвенов. У орочей, насчитывающих к началу войны не более 650 чел., на фронт ушли более 30 лучших охотников. В Аяно-Майском районе эвенки составляли примерно пятую часть всех ушедших на фронт: из Цыпанды и Джигды – 35 чел., Маймакана и Батамги – 29, Тотты – 23. Из эвенкийского села Усть-Нюкжа (Амурская область) на фронт ушёл 141 житель¹¹⁰.

Известны случаи, когда на фронт уходили целыми семьями. Показательна в этом отношении семья эвенка из Тугуро-Чумиканского района Петра Савина. Вместе с ним на фронт ушли его брат Михаил, двоюродные братья Филипп и Куприян Лукьяновы. Отец семейства – Семен Петрович Савин участвовал в войне с Японией в 1945 г. Вместе с Петром Савиным били фашистов его односельчане Михаил Стручков, братья Веревкины – Степан и Николай. Прославленный снайпер нанаец Максим Пассар ушёл мстить за погибшего в боях старшего брата Павла. После гибели Максима его место на фронте занял брат Иннокентий. Ушёл на фронт и самый младший Иван Пассар. Тихон Самар из стойбища Боктор проводил на фронт семерых сыновей, вернулись двое. Ушли на фронт пять сыновей Михаила Самара из села Кондон, все погибли¹¹¹.

Не остались в стороне от желания защитить Родину женщины коренных народов. Из родных сёл ушли на фронт в 1942 г. орочка Раиса Зенкова, ставшая известным снайпером, удэгейки связистка Екатерина Канчуга, зенитчица Надежда Кукченко, медсёстры корячка Зинаида Шмагина, удэгейки Нина Кялундзига и Татьяна Маринка, орочка Надежда Акунка, спасшие десятки раненых бойцов.

Добровольцами на фронт уходили в первую очередь партийные и комсомольские работники. С июня 1941 г. по апрель 1942 г. из национальных сёл Дальнего Востока добровольцами на фронт ушли 28 секретарей комсомольских

организаций и партгруппов. Секретарь Чукотского окружкома ВЛКСМ чукча Владимир Столопов был политруком на Ленинградском фронте, погиб при исполнении служебного долга. Секретарь партийной организации с. Кондон Г. Самар стал парторгом батальона 47-й стрелковой дивизии, награждён орденом Отечественной войны I степени. В воздушном бою под Ленинградом погиб секретарь Анадырского райкома комсомола, один из первых лётчиков среди чукчей Тимофей Елков.

Способными политическими руководителями проявили себя на фронте П. Адако, М. Дяфу, Т. Актанко, А. Самар, А. Донкан, Т. Вальдю, Т. Акунка, Т. Ходжер, А. Одзял, Д. Канчуга, З. Гейкер, И. Дигор, А. Тыхта, Ч. Хатхил, М. Уза, М. Дечули, Т. Бельды, Б. Оненко, П. Киле, К. Мулинка, Б. Одзял и другие. Эвенк С.Н. Комбагир, начав боевой путь политруком роты 13-й стрелковой дивизии, заканчивал войну старшим инструктором политотдела 98-й стрелковой дивизии¹¹².

Валентин Хангени, один из первых нанайских учителей, родился и вырос в стойбище Нижние Халбы. Его просьбу идти на фронт удовлетворили в числе первых. Учитывая его образование, его избрали комсоргом полка. На фронте принят в партию. Войну заканчивал майором в составе 3-й гвардейской танковой армии, штурмовавшей Берлин. В.Н. Хангени связал свою жизнь с армией, прошёл в её рядах путь от рядового до полковника.

Добровольческое движение среди молодёжи народов Севера получило широкое распространение на Северо-Востоке. Из национальных округов на фронт ушли свыше 1 тыс. добровольцев. Вскоре призыв в армию из районов Северо-Востока приостановили. Стране не меньше фронтовиков нужна была продукция – олово, золото, рыба и пушнина. С этой целью на Камчатку даже осуществлялось организованное переселение. В частности, в годы войны сюда прибыло много переселенцев из Удмуртии. Тем не менее периодические мобилизации на фронт на Северо-Востоке проводились и позднее. В 1943–1944 гг. призывали в действующую армию 102 лыжника-спортсмена с Чукотки. Летом 1944 г. Северо-Эвенский районный военкомат отправил на фронт группу эвенов и камчадалов. Среди них были В. Духинов, В. Аруев, И. Гурин, А. Трахалев из Таватума, братья Семен и Степан Падерины из Наяхана, К. Амагачан, С. Буков, И. Филимонов, А. Хеуни из Гарманды и др.

Сообщения о начале войны доходили до отдалённых чукотских стойбищ с большим опозданием. Чукча Нуманкай из Чаунского района о войне узнал через пять месяцев после её начала и сразу же попросился на фронт. Родственники, встревоженные долгим отсутствием вестей от Нуманкай, по чукотскому обычаю, решили погадать о его судьбе. Гадание показало, что, возможно, его уже нет в живых, и тогда в Совет приехал его родственник Пильтыргин и заявил: «Нуманкай нет, кто за него на войне встанет? Я буду Нуманкай!». С аналогичными просьбами обратились и другие его земляки: Емкай, Кельтэ, Кукуэм. Нуманкай, вопреки гаданию, оказался жив, участвовал в боях на Волге. К сожалению, дальнейшая его судьба неизвестна¹¹³.

Просьбы добровольцев о призыве в Красную армию удовлетворялись не всегда. Призывались, прежде всего, грамотные, владеющие русским языком. На юге Дальнего Востока их было больше, чем на Чукотке и Камчатке, так как проживали они в окружении преобладающего русского населения в условиях тесного языкового общения. Сказывалась и степень транспортной доступности территории. Вывести призывников с Чукотки, например, по тем временам было делом

весьма непростым. Поэтому среди первых добровольцев с Колымы и Чукотки оказались преимущественно те, кто к началу войны находился на учёбе.

С первых дней принимали участие в боях с фашистами чукчи Кергинто, Яттыргин, С. Нупатагин, Тнато, эскимос Лайвокан, эвены Н.М. Слепцов, В.А. Громов, И. Шитиков, Г. Амосов, Ф.А. Логинов, С.М. Громов, Василий Логинов, камчадалы А.Г. Попов, И.И. Черных, В.С. Мамин, Ф.Е. Еланцев, П.А. Заочный и др.¹¹⁴ Многие не дожили до Победы. На фронт уходили даже те, кто в силу обстоятельств оказался в заключении, в том числе и по политическим мотивам: эскимосы Акосек, Калескатегин, эвены Р. Варрен, П. Годяев, коряк Аяйвач, якут М. Метаков.

Высокие требования, предъявлявшиеся к желающим уйти на фронт, способствовали тому, что среди молодёжи коренных народов большую популярность приобрело обучение в различных оборонных кружках. У прошедших обучение, получивших соответствующую воинскую специальность, шансы попасть на фронт возрастали. По данным Камчатского областного военкомата к августу 1945 г. в Корякском национальном округе призвали в армию 452 чел., большинство из них служили на Камчатке и участвовали в военных действиях против Японии, в двух районах Чукотки – 126 чел., 15 из них – отправили на фронт¹¹⁵. Все призывавшиеся в действующую армию проходили в армейских частях предварительную подготовку.

Коренные народы Дальнего Востока сражались в 117 различных воинских соединениях. Практически все воинские части, сформировавшиеся на Дальнем Востоке, имели в своём составе представителей коренных народов. Особенно много их было в 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизии. Воины нерусской национальности составляли 35% её личного состава. Не менее разнообразными по этническому составу были 32, 98, 126, 204, 206-я Дальневосточные стрелковые дивизии, принимавшие участие в сражениях под Москвой, Сталинградом, освобождавшие от фашистов народы Европы.

Особенно показателен состав 88-й отдельной стрелковой бригады, сформированной на Дальнем Востоке в июле 1942 г. Это было интернациональное воинское соединение, личный состав которого формировался из китайских и корейских военнослужащих – участников партизанской борьбы с японцами в Маньчжурии, советских призывников корейского или китайского происхождения и коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Бригада подчинялась разведотделу штаба Дальневосточного фронта, а главной её задачей была разведка в глубоком тылу японских войск. В одном из батальонов бригады из 510 его бойцов 393 были представителями коренных народов¹¹⁶. При этом командование бригады разрешало формировать воинские подразделения по родовому (фамильному) принципу. Отделение или взвод могли состоять из одних Оненко, Самаров или Дигоров. Некоторые командиры разрешали бойцам из числа народов Севера носить неуставную форму: обувь и одежду из оленьих шкур.

Воины из коренных народов Дальнего Востока участвовали в боевых операциях на всех фронтах Великой Отечественной. Среди них были бойцы 59 воинских специальностей: стрелки, разведчики, снайперы, пулемётчики, наводчики орудий, связисты, танкисты, сапёры, миномётчики. Многие стали командирами, вели политическую работу. Свыше 6% воинов-северян имели офицерское звание, двое из трёх были коммунистами, каждый 4-й – комсомольцем¹¹⁷.

Особенно прославились на фронтах Великой Отечественной войны снайперы из малочисленных народов. Их было более 200 – десятая часть всех снайперов, участвовавших в Великой Отечественной войне. Выдающихся результатов среди них добились И.Н. Кульбертинов, М. Пассар, К. Батум, З. Киле, А. Самар, С. Бельды, М. Илунга, Б. Ван, Е. Лынка, Кецай Кекетын, З. Яковлев, Г. Амосов, Т. Кялундзюга, Д. Логинов, Р. Зенкова, П. Стручков, П. Акунка и др. Отделение снайперов-северян (С. Номоконов, М. Пассар, З. Киле, К. Батум и А. Самар) только за сентябрь–октябрь 1942 г. уничтожило 1106 фашистов, а вместе со своими учениками свыше 8 тыс.¹¹⁸

На братской могиле в с. Городище Волгоградской области высечено имя старшего сержанта Максима Пассара. Он добровольно ушёл на фронт в 1942 г., был зачислен в снайперскую команду. Снайперскому искусству Максим обучил десятки бойцов, в том числе таких мастеров снайперского дела, как А.И. Фролов, В.Г. Салбиев. Слава о Максиме Пассаре ходила по всему Донскому фронту. О нём писали фронтовые газеты. Поэт Евгений Долматовский посвятил ему стихотворение «Песня о Максиме Пассаре». Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в его адрес, за его уничтожение немецкое командование обещало 100 тыс. рейхсмарок¹¹⁹. Взвод снайперов, которым он командовал, к февралю 1943 г. уничтожил 775 фашистов.

Максим Пассар погиб в 1943 г. в Сталинграде, на его счету было 237 уничтоженных гитлеровцев. К званию Героя Советского Союза он был представлен посмертно, но награждение состоялось лишь спустя 67 лет после гибели. В 2010 г. Указом Президента РФ старшему сержанту Максиму Пассару присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)¹²⁰.

В 422-й Дальневосточной дивизии (81-я гвардейская) служил уроженец нанайского села Бичи снайпер Алексей Самар. На его счету – 299 уничтоженных немецких солдат и офицеров. Он был шесть раз ранен, но каждый раз возвращался в свою часть. Погиб, защищая Сталинград. Другом Максима Пассара был Захар Киле. Они одновременно вступали в комсомол, настояли, чтобы их отправили на фронт. Он, как и Максим, стал снайпером, обучил снайперскому искусству около 30 бойцов, ставших грозой немецких оккупантов. На его счету 176 уничтоженных фашистов. За боевые подвиги Захар Киле награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны. После тяжёлого ранения Захар вернулся домой, в 1948 г. его не стало.

Другой широко распространённой среди народов Дальнего Востока военной специализацией была фронтовая разведка. Из их среды вышли более 300 отважных разведчиков. Искусство ориентироваться в любой обстановке, тонкая наблюдательность, умение бесшумно подкрадываться к вражескому объекту, беспримерные выносливость и хладнокровие помогали им выполнять самые сложные задания командования.

На берегу маленькой протоки Амура среди густых зарослей тальников затерялось нанайское село Курун. Здесь вырос Александр Пассар. С первых дней войны он добровольцем ушёл на фронт и стал разведчиком. Ему приходилось неоднократно совершать рейды по немецким тылам в поисках «языков». У дальневосточного поэта Петра Комарова в стихотворении об А. Пассаре есть такие строчки: «На всём пути к своим победам есть у него простой закон. Ему не быть языковедом, языковедом будет он»¹²¹.

Представляя Александра Пассара к званию Героя Советского Союза, командир 616-го гвардейского стрелкового полка писал: «...Пассар имеет на своем счету 26 захваченных “языков” и более 100 уничтоженных в рукопашном бою гитлеровцев. Он 8 раз доставлял ценнейшие карты с обстановкой противника. Особенно выдающиеся подвиги совершил А. Пассар по захвату пленных при форсировании рек Угра, Десна, Сож, Днепр и Березина». 24 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР А.П. Пассару присвоено звание Героя Советского Союза¹²². После демобилизации в 1947 г. А. Пассар жил в Хабаровске, умер в 1988 г.

Орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, Славы 2-й и 3-й степени, многими медалями отмечен боевой путь разведчика-эвенка Федора Лукьянова, сотни километров по вражеским тылам проделала за годы войны разведроота ительмена С. Федотова, он был трижды ранен, но неизменно возвращался к своим разведчикам. В наградных листах не раз встречаются фамилии разведчиков нивхов А. Тыхты и К. Кистана, нанайца Н. Бельды, удэгейцев В. Пеонка. С. Кимонко и многих, многих других.

Весомый вклад внесли разведчики-северяне в разгром империалистической Японии. Многие из них входили в состав агентурных подразделений армии, погранвойск, НКВД, забрасывались в тыл Квантунской армии задолго до начала боевых действий. Неоднократно выбрасывался на парашюте в глубокий тыл японцев старший сержант удэгеец Г.К. Канчуга. Вместе со своим товарищем радистом Т.П. Акункой он передал командованию точную схему дислокации войск противника и его укреплений на западном берегу р. Мулинхэ. Другой разведчик удэгеец Н.Г. Канчуга, находясь на территории Маньчжурии, попал в плен, был приговорен к смерти, однако сумел бежать, доставив командованию ценные сведения о противнике, награждён орденом Красного Знамени.

Эвенк И.И. Слепцов 18 раз ходил в тыл противника и доставил сведения о составе и дислокации вражеских гарнизонов в Чанулине, Дидяне, Дидао, Линькоу. Более 100 дней провёл в тылу противника на территории Маньчжурии нанаец Б.Г. Киле. Им была составлена схема аэродромов, складов боеприпасов, собраны ценные сведения о военных передвижениях противника.

С мая 1944 г. по июль 1945 г. девять сложных заданий в тылу японцев выполнила группа И.А. Бельды. В её состав входили нанайцы Н.Б. Киле, П.Д. Киля, нивх Г.К. Мангрин, эвенк М.Н. Андреев, ульч М. Дечули. Бойцы детально разведали оперативную обстановку в районе Фугдин-Вахулишань, огневые точки противника, проникали в блиндажи, измеряли толщину железобетонных укреплений, уничтожили несколько полицейских кордонов. Собранные сведения были использованы при подготовке наступательных операций советских войск, настолько внезапных, что противник в большинстве случаев не успевал организовать сопротивление.

Восемь раз ходила в глубокий тыл японских войск группа разведчиков в составе удэгейцев С.Ч. Календзюги и С.У. Кимонко, эвенка И.Н. Гутчесона, таза Н. Интенши, ороча Г.А. Акунки, нанайцев П.Т. Актанки и Б.Д. Бельды, нивха А. Аткуна, эвена И.С. Аржанова. Разведчики собрали данные о Ганцзинском укрепленном районе, воинских гарнизонах в районах Хуацяо, Гайцзя, Айгунь, складах боеприпасов. Собранные сведения обеспечили успех советского наступления в полосе действия 2-го Дальневосточного фронта.

Среди разведчиков этой группы обращает внимание не совсем привычная для коренных народов Дальнего Востока фамилия – Гутчесон. Эвенки – носители этой фамилии проживают в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края. Основатель этой эвенкийской ветви – выходец из калифорнийских негров, американский китобой Гутчесон, промышлявший в Тугурском заливе. В конце XIX в. он вернулся на родину, а его сын Пауль (Павел) остался в России, женился на эвенкийке, положив тем самым начало многочисленной ветви эвенков Гутчесонов. Один из них, Иван Николаевич Гутчесон, был призван в армию в 1941 г. и стал разведчиком. Начальник разведотдела штаба 2-го Дальневосточного фронта генерал-майор Соркин, представляя И.Н. Гутчесона к ордену Славы 3-й степени, писал: «В системе разведотдела штаба 2-го Дальневосточного фронта с июня 1944 г. За это время за рубеж посылался 6 раз. Все задания выполнял исключительно хорошо. Разведал воинские городки Фугдин, Вохулишань, Гайцзинский и Вохулишанский укрепленные районы и дал характеристику их основных сооружений. Смелый, решительный разведчик»¹²³.

Были среди разведчиков, работавших в тылу японских войск, и женщины из коренных народов. Мы знаем об одной из них – нивхинке Надежде Явчик из сахалинского села Даги. Явчик – имя, данное ей при рождении, ставшее позднее её фамилией. В составе разведгрупп, совершавших рейды по японским тылам на Сахалине, она выполняла функции радистки. К сожалению, подробности военной биографии Надежды Явчик неизвестны: секретность – важнейшее условие работы в разведке.

Летопись Великой Отечественной войны сохранила множество ярких эпизодов фронтовой жизни воинов-северян. Стрелковая рота лейтенанта В.М. Самара, форсировав р. Нейсе, захватила плацдарм в районе дер. Цедендорф, создав тем самым благоприятные условия для переправы всего полка без потерь. За эту мастерски проведенную операцию В.М. Самар награжден полководческим орденом Александра Невского.

Прославили нанайский народ политрук Г.А. Самар, бывший председатель Комсомольского райисполкома, кавалер двух орденов Красной Звезды, погиб под Москвой; П.Г. Адако, связист, во время одного из сражений 20 раз восстанавливал поврежденную связь командира полка с батальонами, уничтожив при этом 20 гитлеровцев, награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями; И.С. Киле, участник героической обороны Ленинграда, принял на себя командование ротой после гибели командира, награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Известны своими боевыми делами командир взвода разведчиков Иван Дигор, награжденный орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу», погиб в боях за Ленинград в 1943 г.; 13 благодарностей от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина получил за годы войны ульч М.И. Дяфу. Уйдя на фронт в 1942 г., он закончил войну в Чехословакии в звании капитана. Чуть ли не на всех фронтах Великой Отечественной – Западном, Северо-Западном, Карельском, Втором, Третьем, Четвёртом Украинских – довелось повоевать камчадалу из Тауйска А.Г. Попову. Артиллерийская дивизия, в которой он служил, входила в резерв Главного командования и использовалась для прорыва обороны на различных участках советско-германского фронта. За умелое руководство боевыми операциями в Крыму он награжден орденом Красной Звезды, за участие в разгроме Яско-Кишинёвской группировки противника – орденом Отечественной

войны 2-й степени. В бою под Будапештом тяжело ранен в голову. В родной Тауйск вернулся в 1946 г. Четыре медали «За отвагу» – самой главной солдатской награды – заслужил за годы войны земляк Попова – камчадал И. Черных.

На 1-м Украинском фронте воевал камчатский эвен артиллерист Иннокентий Солодяков, кавалер двух орденов Красной Звезды, Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени. В составе сводного полка 1-го Украинского фронта он участвовал в Параде Победы. Охотник из Чумикана эвенк Зудан Яковлев, захватив вражеский блиндаж, удерживал его до подхода основных сил подразделения. Оказавшись в окружении, он продолжал вести огонь по противнику. Фашисты бросали в блиндаж гранаты, облили бензином и подожгли, но Яковлев в минуту замешательства противника сумел покинуть блиндаж и уйти.

Заместитель командира роты эвенк Кирилл Вергун в одном из боёв уничтожил 7 гитлеровцев, его земляк Александр Вершинин вынес с поля боя раненого командира, ординарец Федор Бельды закрыл своим телом командира. Эскимос Г. Михадмок связкой гранат взорвал себя с группой гитлеровцев, ульч Тихон Баскаков, руководя огнём батареи, подавил четыре шестиствольных миномёта противника. Командир отделения ороч Акунка ценой своей жизни уничтожил вражеский дзот и тем самым расчистил путь наступающему подразделению. Коряк Никодим Яганов, прорываясь из окружения, уничтожил 15 вражеских солдат и благополучно добрался в расположение своих войск.

Доблестно сражались нанайцы пулемётчик Туанча Актанка, наводчик орудия Пётр Самар, разведчик Александр Бельды, пехотинцы ульчи Андрей Дятала, Владимир Ича, эвенк Трофим Удыгир, чуванцы Семён Кобаков и Аркадий Попов, нивх Алексей Тыхта, коряки Василий Беккерев и Андрей Уваров, эвены Василий Громов, Николай Слепцов и мн. др.

В освобождении от японцев Южного Сахалина и Курильских островов, Северной Кореи принимали участие нивхи А. Аткин, Г.А. Выхтун, В. Гавлин, И.К. Камин, П.П. Кехан, К. Кырка, эвенки М. Винокуров, Г. Амосов, эвен Ф.А. Логинов и мн. др. Некоторые из них до этого успели повоевать на западном театре военных действий и даже дойти до Берлина.

За подвиги на фронтах орденами и медалями СССР награждены свыше 2 тыс. представителей коренных народов, в том числе орденом Ленина – 5 чел., орденами Красного Знамени – 23, Отечественной войны – 103, Славы – 118, Красной Звезды – 141, медалью «За отвагу» – 311¹²⁴. Эвенки И.П. Увачан, С.Д. Номоконов, нанайец А.П. Пассар стали Героями Советского Союза.

Отдадим должное мужеству коренных народов. В тяжёлые годы войны они проявили себя подлинными патриотами своей страны, с честью выполнили свой долг перед Родиной, в полной мере разделив её судьбу.

Участие коренных малочисленных народов в боевых действиях Великой Отечественной войны, их мужество и героизм не могли не найти отражения в народном творчестве. О бывшем учителе энмеленской школы чукче Кергинто и его земляке Ятыргине, погибших на фронтах, их односельчане написали песню. Воспоминания о фронтовиках принимали нередко фольклорную окраску. В некоторых устных рассказах отчётливо просматриваются легендарные мотивы, в них нетрудно заметить зачин и концовку, характерные для традиционных бытовых текстов¹²⁵. В 1948 г. в Уэлене П.Я. Скорик записал сказку «Старик и мышка», в которой нашёл отражение патриотизм народов Севера в годы войны¹²⁶.

Пребывание в армии расширяло кругозор малочисленных народов Дальнего Востока, способствовало ломке традиционных представлений. Многие фронтовики, вернувшиеся в родные сёла, предстали перед односельчанами совсем другими людьми. Они активно участвовали в мирном строительстве, стали руководителями хозяйств, выдвигались на руководящую партийную и советскую работу.

7.5. Социально-демографические и этнокультурные последствия войны для малочисленных народов Дальнего Востока

Среди множества проблем, порождённых войной, одна из наиболее существенных, дающая о себе знать и поныне, – демографическая. Цена Победы в Великой Отечественной войне состоит из трёх слагаемых: прямые военные потери (более 27 млн чел.) – гибель военнослужащих на фронтах, в госпиталях, в немецком плену, гражданского населения на оккупированной территории, пропавшие без вести; косвенные потери – повышенная смертность в тыловых районах в результате ухудшения продовольственного снабжения, медицинского обслуживания, интенсификации труда; собственно демографические потери – резкое снижение рождаемости примерно в два раза по сравнению с довоенным уровнем¹²⁷. Демографические потери от войны за счёт снижения рождаемости и повышения уровня смертности по некоторым оценкам составили свыше 20 млн чел.¹²⁸ В литературе существуют и другие оценки¹²⁹, какие из них ближе к истине, сказать сложно.

Все слагаемые демографической цены Великой Отечественной войны характерны и для коренных народов Дальнего Востока, причём в силу их малой численности эта цена оказалась особенно болезненной. Чтобы вывести из равновесия хрупкую в демографическом отношении этническую систему, насчитывающую во многих случаях несколько сот человек, нужно совсем немного. Достаточно изъять из неё несколько процентов, и она начнет давать сбои. Великая Отечественная война забрала неизмеримо больше.

Обобщающие цифры прямых военных потерь у аборигенов Дальнего Востока неизвестны, но, судя по отдельным национальным сёлам, они были весьма существенны. Из 30 ушедших на фронт орочей не вернулись с войны 14. На полях сражений пали смертью храбрых Николай и Павел Акунка, Кирилл и Трофим Батумы, Иван Адян, Степан и Василий Ауканка, Алексей Еминка, Иван Бисянка, Копинка (Сеудинка) Федор, Егор Пудзя, Владимир Сеочёнка, Степан Уланка¹³⁰.

У хорских и бикинских удэгейцев погиб каждый третий. Из амурского села Булава на фронт ушли 43 ульча, не вернулись 16 (37%): В.И. Конка, Г.Д. Дуван, Д.М. Ляпунов, В.М. Качу, П.Н. Дечули, Н.П. Урангин, В.В. Ыча, П.Д. Ляпунов, Н.П. Дуан, А.В. Андига, М.С. Илунга, М.Л. Ангин, С.Х. Куйсали, В.Г. Ююка, А.Ф. Дечули, К.Н. Одесин¹³¹.

Из 140 ушедших на фронт из нанайского села Найхин не вернулись 59 чел. (42%), из с. Кондон ушли на фронт 150 чел., не вернулись – 62 (41%). В Аяно-Майском районе из 1915 чел., призванных в годы войны, не вернулись 229 – более 10%. Навсегда остались на полях сражений 102 фронтовика из эвенкийского

села Усть-Нюкжа (70% призванных). Нивхи селения Ныврово на Сахалине отправили на фронт 24 земляка, вернулись двое. По некоторым оценкам (применительно к отдельным сёлам) у нанайцев и ульчей вернулись домой не более 30% участников войны. Две трети фронтовиков-нанайцев погибли на фронтах, умерли от ран в госпиталях. Значительное число участников войны с тяжёлыми ранениями ушло из жизни в первые послевоенные годы.

Первая послевоенная перепись населения, по результатам которой можно было бы более точно судить о демографической составляющей Великой Отечественной войны, состоялась лишь в 1959 г. Связано это было не только с экономическими трудностями послевоенного периода, но и с нежеланием привлекать внимание к огромным людским потерям в период войны. 14 послевоенных лет с повышенной компенсационной рождаемостью и некоторым снижением смертности во многом закамуфлировали демографические последствия войны. Но даже эта сильно запоздавшая перепись даёт определённое представление о военных потерях страны. Из общей численности мужчин воевавших поколений, зафиксированных переписью 1939 г., к 1959 г. в живых осталось 52,9%, в то время как у женщин 82,2%. И даже в 1970 г. мужчин воевавших поколений было на четверть меньше их сверстниц, тогда как у не воевавших поколений эта разница составляла всего 3%¹³².

Что касается коренных малочисленных народов Дальнего Востока, то характерной особенностью соотношения полов у них в предвоенные годы было преобладание мужчин. У народов Северо-Востока на 100 мужчин приходилось в среднем 97 женщин, на юге Дальнего Востока – 92. К 1959 г. ситуация в корне изменилась. Преобладающей частью населения почти у всех народов Дальнего Востока стали женщины. У нанайцев, эвенков и чукчей на 100 мужчин приходилось 107 женщин, у коряков – 109, орочей – 112¹³³. Особенно большое несоответствие мужчин и женщин наблюдалось в возрасте от 34 до 44 лет – мужчины этого возрастного диапазона составляли основной костяк фронтовиков в годы войны. Произошло сокращение доли мужчин и в старших возрастах. У эвенков Дальнего Востока численность мужчин сократилась к довоенному уровню на 10–15%. Существенная часть этого сокращения – прямые военные потери.

Не менее значительны потери косвенные. На фронт ушли молодые мужчины. Это не могло не нарушить систему воспроизводства. Большая убыль мужчин в активных возрастных группах привела к снижению брачности женщин. В 1959 г. почти половина всех женщин брачного возраста были не замужем, или этот показатель был ниже довоенного уровня. Снижение брачности не могло не отразиться и на показателях рождаемости.

1942–1945 гг. у коренных малочисленных народов Дальнего Востока отмечены снижением рождаемости и повышенной смертностью в детских возрастах. В похозяйственных книгах национальных сёл в 1970–1980-е гг. буквально единицами встречались те, кто родился в военные годы. У удэгейцев и нанайцев Красного Яра (Приморье), например, эта возрастная группа в конце 80-х гг. составляла всего 2% от их общей численности. А ведь это были ещё совсем не старые люди – 45–50 лет. Интересно, что в это же время у эвенов Березовки (Якутия), которые скрывались от советской власти в глухой колымской тайге до середины 1950-х гг. и, естественно, не принимали участия в войне, этот показатель был в два с лишним раза выше. Здесь будет уместно сказать, что официальная статистика всегда скрывала численность военных поколений, и не только

у коренных народов. В материалах переписей эти возрастные группы неизменно объединялись с многолюдными послевоенными поколениями.

Снижение рождаемости у коренных народов в военные годы было вызвано не только нарушением семейных связей из-за призыва в армию мужчин, но и общим ухудшением условий жизни. Сказалось также массовое вовлечение женщин в производственную деятельность. На военные годы, полные невзгод и лишений, приходится начало сознательного ограничения детности в семьях. В послевоенный период эта тенденция станет господствующей у всех народов, но начало этому процессу было положено именно в годы войны. Накануне войны (1934–1938) среднее число рождённых детей составляло в семьях коряков 4,62, в 1944–1948 гг. – 2,96. И это при том, что на 1947–1948 гг. приходится пик послевоенной компенсационной рождаемости. У чукчей в этих временных диапазонах среднее число рождённых детей сократилось с 4,04 до 3,45, у эвенков – с 4,06 до 3,26¹³⁴.

Роль мужчины в традиционной системе жизнеобеспечения аборигенных народов всегда была особенно велика. Северное хозяйство не могло существовать без мужчины. Семья, в которой умирал хозяин-мужчина, была обречена, и не случайно у коренных народов так долго сохранялся особый институт брака – левират, согласно которому брат умершего обязан был жениться на овдовевшей женщине и таким образом содержать её семью. Это была форма выживания, поддержания стабильности этнической системы.

К началу 1940-х гг. традиционная система жизнеобеспечения ещё сохраняла своё значение. Отправив на фронт мужчин, многие семьи оказались в критическом состоянии. К тому же сократилась государственная помощь. Трудной и сложной на всём протяжении войны оставалась в национальных районах Дальнего Востока охрана здоровья коренных народов. Прекратилось строительство больниц и фельдшерско-акушерских пунктов. Общее число медицинских учреждений в годы войны сократилось незначительно, однако сам уровень медицинского обслуживания оставался крайне низким. Качество лечения повсеместно ухудшилось. Главной проблемой стало отсутствие врачей и среднего медицинского персонала. Лечебные учреждения Корякского национального округа были укомплектованы врачами всего на 40%, Чукотки – на 64,7%, средним медицинским персоналом на 45 и 50% соответственно. Лечебные учреждения испытывали нехватку медикаментов, практически прекратилась профилактическая работа. Из-за отсутствия специалистов многие медицинские учреждения не работали, практически не оказывалась специализированная медицинская помощь, не хватало самых элементарных лекарств. По этой причине коренное население, особенно в труднодоступных районах, было практически лишено медицинской помощи¹³⁵.

Ускоренный перевод на оседлость кочевого населения в годы войны серьёзно обострил проблему туберкулёза у малочисленных народов. Необычайная скученность населения, проживание в одном жилом помещении нескольких семей способствовали быстрому распространению болезни. Борьба с ней в эти годы, по существу, была приостановлена. К концу войны болела туберкулёзом почти треть всех орочей. У верхнеколымских юкагиров первые послевоенные медицинские осмотры населения выявили 40% туберкулёзных больных¹³⁶. В Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах туберкулёзом болели от 60 до 70% охотских эвенков. Смертность от туберкулёза достигала 49% от числа умерших¹³⁷.

В Корякском национальном округе в расчёте на 10 тыс. коренного населения туберкулёзом болели 477 чел. – в 34 раза больше, чем в целом по РСФСР¹³⁸.

В подлинное бедствие, особенно на Северо-Востоке, превратились эпидемии гриппа, кори, скарлатины, других болезней, к которым у народов Севера отсутствовал иммунитет. Особенно страшными по своим последствиям были эпидемии гриппа в Пенжинском и Ольском районах в 1941–1942 гг. и на Чукотке в 1943–1944 гг. В Пенжинском районе эпидемия гриппа буквально парализовала хозяйственную жизнь. Некому было пасти оленей, не работали организации и учреждения, прекратилась связь с Петропавловск-Камчатским и Паланой. Особенно высокая смертность наблюдалась среди коренного населения. Круглыми сиротами остались 40 детей, поскольку умерли все родители. После эпидемии в районе пришлось открыть специальный детский дом. На Чукотке от гриппа в 1943–1944 гг. погиб каждый десятый заболевший¹³⁹. Эпидемия гриппа в Корякском национальном округе повторилась в 1946 г. В Пенжинском, части Олюторского и Карагинского районов заболели 5840 чел. из числа народов Севера – 78% всех жителей. Оказать помощь заболевшим местные власти не могли. В районах не было медикаментов, транспорта, врачей. Эпидемия 1946 г. унесла 849 жизней, умирали целыми семьями¹⁴⁰.

В результате низкого уровня медицинского обслуживания, общего ухудшения условий жизни естественный прирост сильно сократился, во многих районах за годы войны смертность заметно превысила рождаемость. У народов Чукотки в 1939–1944 гг. родились 1492 чел., а умерли 2308¹⁴¹. Доживаемость детей обоего пола до десятилетнего возраста за годы войны сократилась к уровню 1940 г. на 16%, а массовое превышение довоенного уровня началось лишь в начале 1950-х¹⁴².

Некоторое представление о демографической цене военных лет для эвенков даёт анализ естественного движения эвенкийского населения в Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах Хабаровского края. По данным загсов двух этих районов с 1934 по 1954 г. родились 1420 эвенков, умерли – 1015, естественный прирост составил 405 чел. В соответствии с естественным приростом численность охотских эвенков в 1934–1954 гг. должна была увеличиться с 2399 до 2804 чел. На самом деле она составляла 2029¹⁴³. Большая часть недостающей цифры (775 чел.) и есть концентрированное выражение потерь военных лет.

Потери от социальных причин и военной неустроенности у народов Дальнего Востока, как правило, превышали военные потери. Истинную картину убыли народов Дальнего Востока в годы войны установить невозможно: показатели смертности неизвестны. Приходится пользоваться отрывочными данными. Достоверно известно одно: общая их численность за годы войны сильно сократилась. В Корякском национальном округе, например, она уменьшилась в 1939–1945 гг. на 13%, в том числе у эвенков – на 16%, у коряков – на 15%, у ительменов – на 12%. Снижение продолжалось и в послевоенные годы. К 1948 г. численность коренных народов сократилась к довоенному уровню на 1587 чел. (17%), в том числе в Олюторском районе на 25%, в Тигильском – на 19%¹⁴⁴. К 1954 г. эта цифра увеличилась до 1818 чел. Число коряков уменьшилось на 910 чел., чукчей – на 591, эвенков – на 213, ительменов – на 104 чел.¹⁴⁵ В Ольском и Северо-Эвенском районах Магаданской области численность эвенков в 1939–1949 гг. сократилась на 37,6% (с 2748 до 1714 чел.), к 1955 г. – на 44%¹⁴⁶. На 289 чел. сократилась в 1939–1954 гг. численность эвенков в Тугуро-

Чумиканском и Аяно-Майском районах, на 400 чел. – численность эвенков в Охотском районе¹⁴⁷.

Говоря об изменении численности коренных народов в рассматриваемый период, необходимо иметь в виду два обстоятельства: погрешности переписи 1939 г. и неполный учёт населения в последующие годы. Как показывают исследования демографов, численность населения РСФСР в 1939 г. была завышена, по крайней мере, на 1,5 млн чел.¹⁴⁸ Если такое завышение действительно имело место, то величина военных потерь в стране должна быть ниже, чем это принято считать. Впрочем, к коренным малочисленным народам Дальнего Востока это вряд ли относится. Сомнительно, чтобы это завышение имело у них место. Скорее всего, для их численности в 1939 г. характерен недоучёт. В условиях бездорожья, отсутствия транспортного сообщения, значительной доли кочевников охватить переписью всё коренное население было просто невозможно.

Недоучёт численности коренных народов характерен для военных лет и послевоенного периода. Сведения о родившихся и умерших собирали сельские Советы. Учитывая тогдашнее их состояние (неграмотность председателей, нередкое отсутствие секретарей), очень сомнительно, чтобы все демографические события, происходившие у коренных народов, попадали под регистрацию. Недоучёт родившихся и умерших в эти годы был характерен для всей страны. В целом по РСФСР в 1940 г. по родившимся он составлял 4%, по умершим – 11%¹⁴⁹. У коренных народов Дальнего Востока эти показатели, особенно по умершим, наверняка были выше. Регистрировать рождение ребёнка и особенно смерть родственника многие из коренных народов были к тому времени просто не готовы. Поэтому можно полагать, что упоминавшееся сокращение численности коренных народов было более значительным. К сказанному можно добавить, что обязательного учёта коренного населения в годы войны и послевоенные годы вообще не существовало. Сельские Советы и статистические органы вели учёт коренного населения по собственной инициативе и своему усмотрению.

Прямые военные потери, потери, связанные с повышенной смертностью и снижением рождаемости в годы войны, не могли не сказаться на демографических процессах в послевоенный период. Судя по имеющимся данным, наиболее сложными в демографическом отношении у коренных народов Дальнего Востока были первые послевоенные годы. Продолжала сохраняться неблагоприятная эпидемиологическая обстановка. В 1947 г. эпидемия кори в Северо-Эвенском районе унесла жизни около 200 чел. В Корякском национальном округе в 1947 г. у народов Севера родились 240 чел., а умерли – 548. Общая их численность сократилась в округе в 1946–1950 гг. с 8418 до 7465 чел., в том числе коряков – с 5938 до 5236, чукчей – с 1094 до 876 чел. На Чукотке численность чукчей в 1946–1949 гг. сократилась на 302 чел.¹⁵⁰

Если в целом по РСФСР достигнуть довоенной численности населения удалось к 1955 г., то у коренных малочисленных народов она не была достигнута к началу 1960-х гг. По данным переписи 1939 г. общая их численность в РСФСР составляла 140 127 чел., в 1959 г. – 125 945¹⁵¹. Сокращение составило 14 182 чел. (более 10%). На Дальнем Востоке численность коренных народов за это время уменьшилась с 49 957 до 46 448 чел. Сокращение затронуло все 16 коренных народов, хотя и в разной степени.

Численность всех народов Дальнего Востока в 1959 г. была ниже довоенной. Число нанайцев в Хабаровском крае уменьшилось на 600 чел., удэгейцев – на 400,

нивхов и эвенов – на 200 соответственно¹⁵². Ещё более существенным было сокращение в национальных округах. Число коряков в 1939–1959 гг. в Корякском национальном округе уменьшилось с 6865 до 5101 чел., чукчей на Чукотке – с 12 196 до 9975, эскимосов – с 1502 до 1064, эвенов – с 965 до 820 чел. Численность чукчей и эскимосов в округе в 1959 г. была даже меньше, чем в перепись 1926/27 г.¹⁵³

Демографические последствия военных лет давали о себе знать и многие годы спустя. Анализ медицинской статистики свидетельствует о том, что у поколения людей, родившихся в РСФСР в 1941–1948 гг., заболеваемость и смертность, в том числе среди молодых и средних возрастов, значительно выше, чем у лиц предшествующих и последующих лет рождения. Это связано с пониженным жизненным потенциалом людей, родившихся в войну и первые послевоенные годы¹⁵⁴. У коренных народов Дальнего Востока эта ситуация проявляется особенно отчётливо. По сравнению с довоенным периодом для них характерно значительное сокращение продолжительности жизни, ставшее особенно заметным к началу 1970-х гг.

Прямые военные потери, снижение рождаемости и повышенная смертность в годы войны и послевоенный период во многом предопределили развитие демографического кризиса у народов Дальнего Востока. Особенности послевоенного развития лишь усугубили ситуацию. Немногочисленные военные поколения женщин, вступивших в детородный возраст в 1960-е и последующие годы, даже при сохранении традиции высокой рождаемости не могли дать многочисленного потомства. Эта особенность отчётливо проявилась уже в материалах переписи 1979 г. У коренных малочисленных народов в межпереписное десятилетие (1970–1979 гг.) зафиксирован самый низкий прирост населения – 2,9%. В предшествующий период (1959–1970) он составлял более 16%. Существенное снижение прироста (в 3–5 раз) наблюдалось у 8 народов Дальнего Востока из 16. У нанайцев в 1970–1979 гг. он сократился к уровню 1959–1970 гг. с 24,7 до 5,1%, у чукчей – с 15,9 до 3, у коряков с 19 до 5%¹⁵⁵. У нивхов и негидальцев зафиксирована убыль. Разумеется, на снижение прироста повлияли и другие факторы, имевшие место в эти годы, но существенную лепту внесли последствия Великой Отечественной войны.

Женский послевоенный перевес в репродуктивном диапазоне возрастов (18–49 лет) не мог не обернуться ещё одним комплексом проблем. Он стал питательной средой для роста числа смешанных в этническом отношении браков и как следствие – ускорения ассимилятивных процессов. Накануне Великой Отечественной войны смешанные браки были достаточно редким явлением даже у приамурских народов, при этом в такие браки чаще вступали мужчины. В послевоенный период число смешанных браков быстро растёт, причём вступают в них преимущественно женщины, поскольку для многих из них такой брак стал зачастую единственной возможностью создать семью. Рост численности смешанных в этническом отношении браков не мог не отразиться и на показателях рождаемости – в таких семьях она, как правило, ниже. Кроме того, такие семьи неустойчивы, часто распадаются, что, в свою очередь, отражается на показателях рождаемости.

Серьёзными оказались последствия участия народов Дальнего Востока в войне для их этнокультурного развития. Свёртывались преподавание в школах родных языков, подготовка учебной литературы на родных языках. В годы

войны почти во всех национальных школах обучение детей коренных народов осуществлялось только на русском языке.

На фронт ушли лучшие из лучших – учителя, студенты вузов и техникумов, партийный и советский актив, руководители хозяйств, все те, кого с таким трудом готовили в предвоенные годы. В Ленинграде из студентов и преподавателей Института народов Севера, где был собран в буквальном смысле цвет малочисленных этносов, их лучший генетический фонд, сформировали добровольческий батальон. В живых из его бойцов остались единицы. В битве за Ленинград погибли студенты-коряки И.Г. Баранников, А.А. Логинов, П.П. Лонгинов, К.А. Лефлер, К.А. Ноянов, В.С. Черепанов, нивх Лезгун, нанаяц А. Самар, эвены С. Адуканов и Г. Черканов, фамилий многих других мы не знаем. Из пяти первых лётчиков среди чукчей до Победы дожил лишь один – Д. Тымнетагин.

Не вернулись с фронта первые писатели-северяне коряки Иван Баранников, Кецай Кеккетын, эвенки Никита Сахаров, Григорий Марков, Алексей Калаканов, Павел Алексеев, Май Номоконов, основоположник нанайской литературы Аким Самар, чукотский косторез, дипломант Всемирной выставки в Париже Вуквол, художники В. Уза и Константин Панков, лингвист Антон Пырерка, биолог алеут Владимир Хабаров, учителя эвенки В. Догончин, Куприян Лукьянов, Николай Каплин, ульчи Максим Ангин, Сергей Куйсали, Дяньдю Пая, Константин Мулинка, Константин Одисин, Александр Дечули, инструктор Ульчского райисполкома Виктор Росугбу, председатель колхоза И.М. Дяксул и мн. др. От таких интеллектуальных потерь коренные малочисленные народы уже не могли оправиться. Останься в живых десятки этих учителей, писателей, художников, может, и не было бы кризиса их традиционной культуры, случившегося в послевоенные годы, безынициативности и равнодушия, охвативших национальные сёла в последующие десятилетия. Пришедшие на смену с большим запозданием мальчишки и девочки, выросшие к тому же в интернатах, не могли стать им полноценной заменой.

Война интенсифицировала межэтнические контакты на фронте и в тылу. К ноябрю 1941 г. на восток страны, в Среднюю Азию, эвакуировано свыше 10 млн чел., а всего в эвакуации побывало 17 млн чел. (называют и 25 млн). Никогда раньше в стране не было такого масштабного перемещения населения, не ставшего при этом источником межэтнических осложнений. Везде люди встречали искреннее участие, с ними делились жильём, последним куском хлеба.

В районы проживания коренных народов Дальнего Востока эвакуация, как правило, не осуществлялась, но в национальных районах оказалось немало женщин-одиночек, заменивших ушедших на фронт мужчин-учителей, медиков, бухгалтеров. На Камчатке значительное число переселенцев по оргнабору, также преимущественно женщин-одиночек, осели в камчадалских сёлах. К концу войны практически все национальные районы Дальнего Востока стали более многонациональными, что не могло не способствовать усилению межэтнических контактов, носивших при этом сравнительно длительный характер. В результате произошла заметная нивелировка многих элементов материальной культуры коренных народов. В одежде мужчин, особенно младших и средних возрастов, распространение получил полувоенный костюм, усилились общесоветские элементы быта, распространение русского языка. Ускорение этнических процессов стало важным фактором сближения народов¹⁵⁶.

Численность приезжих в национальных сёлах увеличилась также за счёт весьма специфической части – спецпереселенцев и административно высланных.

Многие национальные районы Дальнего Востока стали местом высылки ещё в 1930-е гг. Число ссыльных увеличилось в годы войны. В Селемджинском районе Амурской области, например, в 1944 г. их доля достигала 25% от общей численности населения. В Верхне-Буреинском районе к концу войны численность спецпереселенцев из Украины, других регионов достигла 1 тыс. чел.¹⁵⁷

Местные власти с целью хозяйственного укрепления колхозов, обеспечения их рабочей силой широко практиковали привлечение этих людей в национальные сёла. В Северо-Эвенском районе Магаданской области, например, в каждый колхоз было подселено по 10–30 хозяйств спецпереселенцев. В Коряжском национальном округе в составе колхозников оказались бывшие осужденные, лица девиантного поведения, уволенные с промышленных предприятий. Они сыграли заметную роль в дестабилизации морально-психологической атмосферы в национальных сёлах.

«Новые колхозники» оказывали разлагающее влияние на коренное население. Под их влиянием в быт коренных народов вошли такие не свойственные для них в прошлом явления, как картёжная игра, воровство, убийства, браговарение, хулиганство. Именно они способствовали распространению пьянства, которое приобрело в годы войны и послевоенный период характер острой социальной проблемы коренных малочисленных народов. Свой «вклад» в проблему внесли и фронтовые 100 г. Они сделали алкоголиками многих фронтовиков из числа коренного населения. Вернувшись в родные сёла, они уже не могли избавиться от болезни. Во многих случаях произошла нравственная деградация. Необычную оценку участия эвенков в Великой Отечественной войне дала Н.С. Кухаренко (Сафронова) из с. Бомнак Амурской области: «Большой грех, что эвенков взяли на войну. Бог дал им оленей, им бы и заниматься оленями. А они людей убивали. Вернулись с войны – стали друг друга уничтожать». Действительно, только в Тугуро-Чумиканском районе в 1947–1953 гг. к суду были привлечены 36 эвенков, 17 из них – за убийство¹⁵⁸.

Общество коренных народов Дальнего Востока в довоенный период никто не рассматривал в качестве больного. Архаичным, экзотическим – да, но только не больным. Таковым оно стало после войны. Причин тому много, и они разные. Одна из важнейших – сама Великая Отечественная война – серьёзное испытание даже для крупных народов, что уж говорить о народах Дальнего Востока, численность которых всегда была небольшой. На задний план отодвигались многие проблемы, всё подчинялось главной задаче – выстоять, победить. Но даже в таких условиях государство не может не думать о будущем. И Советское государство думало тоже. От опасностей войны спасались не только материальные и культурные ценности, спасались их носители и творцы. В эвакуацию отправили тысячи учёных, артистов, художников, музыкантов, композиторов, писателей, деятелей кино. Всю войну действовала система бронирования для многих категорий советских граждан. В условиях нечеловеческого напряжения, в минуты смертельной опасности государство думало о будущем. Почему же не столь осмотрительно отнеслись к коренным малочисленным народам? Ведь на фронт уходили самые лучшие, те, кого обычно принято оберегать.

Ответить на этот вопрос непросто. Официального призыва коренных малочисленных народов в армию в начале войны не существовало. Все, кто оказался на фронте, были добровольцами. Никто их к этому не принуждал, шли по зову сердца, считали это своим долгом, своей обязанностью. Их вклад в Победу,

безусловно, весом, но не стоит его переоценивать. Так ли уж необходимо было их благородное стремление? Сотни фронтовиков из их числа были бы не менее полезны на рыбацких тонях, оленьих пастбищах, охотничьих тропах. Их мирный труд для будущего своих народов был важнее воинских подвигов. Те, кто принимал решение о мобилизации коренных народов, должны были это понимать. Конечно, не последнюю роль в таких решениях сыграла тяжелейшая ситуация начала Великой Отечественной войны, когда поневоле пришлось обращаться к демографическому потенциалу всей страны. С 1943 г. мобилизация стала распространяться и на малочисленные народы.

* * *

В годы войны в отношениях Советского государства с этническими сообществами произошли заметные перемены. Подчёркнутый интерес к развитию малочисленных народов, характерный для 1920–первой половины 1930-х гг., обусловленный идеологическими обстоятельствами, уступил место государственному прагматизму. Этнические интересы советских народов стали подчиняться интересам государства, а коренные малочисленные народы никогда не рассматривались как социокультурная ценность. Вначале они были объектом социального эксперимента, а когда надобность в таком эксперименте отпала, отпала и необходимость думать об их будущем.

Ссылки и примечания

- ¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 60.
- ² Советы Северо-Востока СССР (1941–1961 гг.). Сборник документов и материалов. Ч. 2. Магадан, С. 111.
- ³ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 102. Л. 151; Д. 152. Л. 51.
- ⁴ Советы Северо-Востока СССР... С. 155.
- ⁵ Зибарев В.А. Советы Севера в период Великой Отечественной войны (по материалам национальных округов и районов малых народов Севера) // Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922–1985 гг.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР. С. 82.
- ⁶ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока в Великой Отечественной войне. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985. С. 18.
- ⁷ Чухланцев А.М. Идеологическая работа партийных организаций Чукотского и Корякского автономных округов среди народов Севера // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. Томск, 1984. С. 90.
- ⁸ Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М.: Наука, 1981. С. 36, 42; История Чукотки с древнейших времён до наших дней. М.: Мысль, 1989. С. 250–251.
- ⁹ Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования... С. 101.
- ¹⁰ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 40.
- ¹¹ Хабаровская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1964. С. 178–179.
- ¹² Советы Северо-Востока СССР... С. 34.
- ¹³ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 19.
- ¹⁴ Советы Северо-Востока СССР... С. 38.
- ¹⁵ Доржеева В.В. Женщины коренных малочисленных народов Северо-Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного ун-та. 2015. № 7. С. 16.

- ¹⁶ Советы Северо-Востока СССР... С. 65, 118, 121.
- ¹⁷ Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Сб. документов. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2010. С. 170; Советы Северо-Востока СССР... С. 70.
- ¹⁸ НМА. Ф. 303. Оп. 1. Д. 94 Л. 77.
- ¹⁹ Нефедова С.П., Гарусов И.С., Рошупкин Г.Г. Социалистическое строительство на Чукотке (1923–1958 гг.) // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1967. Вып. 81. С. 83.
- ²⁰ Народы Дальнего Востока СССР в 17–20 вв. М.: Наука, 1985. С. 154; Советы Северо-Востока СССР... С. 122.
- ²¹ Зибарев В.А. Советы Севера в период Великой Отечественной войны... С. 95.
- ²² Хабаровская краевая партийная организация... С. 245.
- ²³ Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917–1972. Магадан, 1975. С. 139; Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту. Хабаровск, 1967. С. 59, 102.
- ²⁴ Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Чукотки. 1917–1952 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1981. С. 146; История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989. С. 251.
- ²⁵ Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 417; Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1967. С. 518; Доржеева В.В. Женщины коренных малочисленных народов... С. 17.
- ²⁶ Воскобойников М.Г. Великая Отечественная война советского народа в воспоминаниях, устных рассказах и сказках эвенков // Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967. С. 135.
- ²⁷ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 34–40.
- ²⁸ Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. 1917–1985. Петропавловск-Камчатский, 1986. С. 125; Советы Северо-Востока СССР... С. 78.
- ²⁹ ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 166.
- ³⁰ Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. С. 259.
- ³¹ Историческая хроника Магаданской области... С. 147; Хабаровская краевая партийная организация... С. 200; Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 334; Зибарев В.А. Советы Севера в период Великой Отечественной войны... С. 73; Время, события, люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. Магадан, 1968. С. 245.
- ³² Хабаровская краевая партийная организация... С. 250.
- ³³ Время, события, люди. Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Магадан, 1970. С. 61; Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1981. С. 220.
- ³⁴ История Чукотки... С. 258.
- ³⁵ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 42.
- ³⁶ Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири... С. 240.
- ³⁷ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 26.
- ³⁸ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток, 2010. С. 268–269, 277.
- ³⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 105.
- ⁴⁰ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 59, 181.
- ⁴¹ Камардина Н.В. Идеолого-пропагандистская работа среди коренного местного населения Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. Т. 2. Хабаровск, 2005. С. 103–104; Камчатская область в годы Второй мировой... С. 304.
- ⁴² Батянова Е.П. Коряки рассказывают о себе // Гуманитарные науки в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 331.
- ⁴³ Рытхейу Ю. Под сенью волшебной горы. Л., 1974. С. 22.

- ⁴⁴ Бубнис Г.К. Руководство КПСС колхозным строительством в Корякском национальном округе // История и культура народов Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976. С. 126.
- ⁴⁵ Народы Дальнего Востока СССР... С. 154; Гурвич И.С., Кузаков К.Г. Корякский национальный округ. М., 1960. С. 151.
- ⁴⁶ Историческая хроника Магаданской области... С. 137; История Чукотки... С. 249; Попова У.Г. Эвены Магаданской области... С. 258.
- ⁴⁷ История Чукотки... С. 250.
- ⁴⁸ Гарусов И.С. Социалистическое переустройство... С. 155.
- ⁴⁹ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 194.
- ⁵⁰ Гарусов И.С. Социалистическое переустройство... С. 151.
- ⁵¹ Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования... С. 40.
- ⁵² 30 лет Чукотского национального округа. Магадан, 1960. С. 43.
- ⁵³ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 837. Л. 35; Советы Северо-Востока СССР... С. 67, 107, 122.
- ⁵⁴ Историческая хроника Магаданской области... С. 131.
- ⁵⁵ Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 136.
- ⁵⁶ ГАКК (КФ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 23. Л. 73, 82; Камчатская область в годы Второй мировой... С. 180.
- ⁵⁷ Серебренников В.И., Сухомиров Г.И. Проблемы сохранения традиционных форм природопользования коренного малочисленного народа Приамурья в новых социально-экономических условиях // Амурские эвенки. Большие проблемы мало этноса. Благовещенск, 2003. Вып. 1. С. 10.
- ⁵⁸ НМА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 278. Л. 49; Д. 283. Л. 70.
- ⁵⁹ ГАХК. Ф. П-512. Оп. 1. Д. 5. Л. 80; Д. 7. Л. 1.
- ⁶⁰ ГАХК. Ф. 1802. Оп. 4. Д. 47. Л. 71.
- ⁶¹ История Чукотки... С. 248.
- ⁶² Гарусов И.С. Социалистическое переустройство... С. 138; История Чукотки... С. 249.
- ⁶³ Бубнис Г.К. Руководство КПСС колхозным строительством... С. 126.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 310. Оп. 18. Д. 369. Л. 21.
- ⁶⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3. С. 61–64.
- ⁶⁶ Лопатин С., Лопатина С. Хроника становления // Камчатская правда. 1977. 25 мая.
- ⁶⁷ Хабаровская краевая партийная организация... С. 137.
- ⁶⁸ Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования ... С. 39.
- ⁶⁹ Гурвич И.С., Кузаков К.Г. Корякский национальный округ... С. 151.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. 283. Оп. 3. Д. 3. Л. 2; История и культура коряков: историко-этнограф. очерки. СПб.: Наука, 1993. С. 59.
- ⁷¹ Историческая хроника Магаданской области... С. 125.
- ⁷² Попова У.Г. Эвены Магаданской области... С. 258.
- ⁷³ СЗ СССР. 1936. № 7. Ст. 64.
- ⁷⁴ Смоляк А.В. О положении коренного населения Комсомольского и Нанайского районов Хабаровского края // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 275.
- ⁷⁵ Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития... С. 417; Хабаровская краевая партийная организация... С. 132.
- ⁷⁶ История и культура ульчей в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. С. 40.
- ⁷⁷ РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 4. Д. 72. Л. 25; Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 22.
- ⁷⁸ Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту... С. 7; Хабаровская краевая партийная организация... С. 176.
- ⁷⁹ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 60.
- ⁸⁰ Широкая дорога нани: Нанайскому району 50 лет. Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. С. 86.
- ⁸¹ Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития... С. 415.

- ⁸² Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика Советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 75.
- ⁸³ Бубнис Г.К. Руководство КПСС колхозным строительством... С. 126; ГАКК (КФ). Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.
- ⁸⁴ ГАХК. Ф. 99. Оп. 2. Д. 56. Л. 63.
- ⁸⁵ Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту... С. 101.
- ⁸⁶ История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 91.
- ⁸⁷ История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2008. С. 79.
- ⁸⁸ ГАКК (КФ). Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 50.
- ⁸⁹ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 46.
- ⁹⁰ Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке (1917–1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. Магадан, 1971. С. 147.
- ⁹¹ Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования... С. 102.
- ⁹² Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972. С. 304.
- ⁹³ Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке... С. 147.
- ⁹⁴ Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения... С. 305, 317.
- ⁹⁵ История Чукотки... С. 258.
- ⁹⁶ ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 193.
- ⁹⁷ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 103. Л. 17.
- ⁹⁸ История Чукотки... С. 253–254; Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения... С. 307; Иващенко Л.Я. Организация просвещения и руководство им местными Советами депутатов трудящихся Дальнего Востока СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977. С. 52–54.
- ⁹⁹ История Чукотки... С. 257; Хабаровская краевая партийная организация... С. 154; Нефедова С.П., Бубнис Г.К. Подготовка национальных кадров на Севере Камчатки // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 162.
- ¹⁰⁰ Беленкин И. Вечный свет. Новосибирск, 1973. С. 82, 106, 115.
- ¹⁰¹ Кисличко А.С. Патриотизм трудящихся малых народов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1975. С. 12.
- ¹⁰² Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 16; Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования... С. 101.
- ¹⁰³ Историческая хроника Магаданской области... С. 125, 139; Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке... С. 132.
- ¹⁰⁴ Доржеева В.В. Женщины коренных малочисленных народов... С. 15.
- ¹⁰⁵ Атлонова Р.Л., Вогзыбина Г.Д., Горбунов С.В. Солдаты земли сахалинской: нивхи – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тымовское: Тымовский краеведческий музей, 2007. 151 с.
- ¹⁰⁶ Хабаровская краевая партийная организация... С. 247.
- ¹⁰⁷ Кисличко А.С., Балицкий В.Г. Участие малых народов Дальнего Востока ... С. 205.
- ¹⁰⁸ Широкая дорога нани... С. 74.
- ¹⁰⁹ Кисличко А.С., Балицкий В.Г. Участие малых народов Дальнего Востока ... С. 205.
- ¹¹⁰ Тураев В.А. Дальневосточные звенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 175.
- ¹¹¹ Буддакова В.Г. Коренные народы Приамурья в Великой Отечественной войне // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. Т. 2. Хабаровск, 2005. С. 97.
- ¹¹² Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока... С. 50.
- ¹¹³ Райзман Д.И. Коренные северяне в боевых действиях против Германии и Японии // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 31, 33.

- ¹¹⁴ Время, события, люди... С. 9; Куртаева Э.К. Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Краеведческие записки: сб. статей. Магадан: Кн. изд-во, 1982. Вып. 12. С. 19–28.
- ¹¹⁵ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 68.
- ¹¹⁶ Кисличко А.С. Патриотизм трудящихся малых народов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1975. С. 113; Юдина Н.В. 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта // Победа многонационального народа во Второй мировой войне. Сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 28 сент., 2018. Хабаровск, 2018. С. 52–55.
- ¹¹⁷ Кисличко А.С., Балицкий В.Г. Участие малых народов Дальнего Востока... С. 202.
- ¹¹⁸ Кисличко А.С. Патриотизм трудящихся малых народов... С. 22, 151.
- ¹¹⁹ Батов П.И. В походах и боях. М., 1966. С. 169.
- ¹²⁰ Мухина К.Р. Долгий путь к награде (история Максима Пассара) // Победа многонационального народа во Второй мировой войне. Сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 28 сент., 2018. Хабаровск, 2018. С. 42–27.
- ¹²¹ Оненко С.Н. Участие нанайцев в Великой Отечественной войне // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл: Кн. изд-во, 1973. С. 88.
- ¹²² Кисличко А.С., Балицкий В.Г. Участие малых народов Дальнего Востока... С. 211.
- ¹²³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6649. № записи 29407698.
- ¹²⁴ Кисличко А.С. Патриотизм трудящихся малых народов... С. 199.
- ¹²⁵ Воскобойников М.Г. Великая Отечественная война... С. 143.
- ¹²⁶ Беленкин И. Вечный свет... С. 121.
- ¹²⁷ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 30.
- ¹²⁸ Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 173.
- ¹²⁹ Михалев С.Н. Цена войны: демографический аспект // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма: российско-германская конференция историков в Волгограде. Май 1995 г. М., 1997. С. 21–22; Рыбаковский Л.Л. Людские потери России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 30, 32; и др.
- ¹³⁰ Ларькин В.Г. Орочи. М.: Наука, 1964. С. 143–145.
- ¹³¹ История и культура ульчей... С. 155.
- ¹³² Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 6–42; В человеческом измерении. М., 1989. С. 220.
- ¹³³ Итоги Всесоюзной переписи 1959 г.: РСФСР. М., 1963. С. 311.
- ¹³⁴ Денисенко М.Б., Хараева О.А. Население и кризисы: региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. М.: Макс Пресс, 2004. Вып. 10. С. 66–83.
- ¹³⁵ Камчатская область в годы Второй мировой... С. 324–325.
- ¹³⁶ Гурвич И.С. О результатах исследования верхнеколымских юкагиров // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 18.
- ¹³⁷ Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья (по материалам поездки в Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края) // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 91.
- ¹³⁸ ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1071. Л. 169.
- ¹³⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 137. Л. 35.
- ¹⁴⁰ ГАКК (КФ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 39.
- ¹⁴¹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 103. Л. 23.
- ¹⁴² Навсардов С.М., Мулин В.С. Состояние и перспективы историко-демографических исследований на Северо-Востоке СССР // Проблемы исторической демографии. Томск, 1980. С. 283.
- ¹⁴³ Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья... С. 91.
- ¹⁴⁴ ГАКК (КФ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
- ¹⁴⁵ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 33. Л. 196; Д. 464. Л. 51.

- ¹⁴⁶ Гурвич И.С. Материалы обследования эвенов Ольского и Северо-Эвенского районов // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 24.
- ¹⁴⁷ Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья... С. 91–92.
- ¹⁴⁸ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 49.
- ¹⁴⁹ Жиромская В., Исупов В., Корнилов Г. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 6.
- ¹⁵⁰ ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 194; Д. 98. Л. 166; Гурвич И.С. Материалы обследования эвенов... С. 24.
- ¹⁵¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г... С. 59; Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. ... С. 302.
- ¹⁵² Росугбу Б.М. Малые народности Приамурья в 1959–1965 гг. Хабаровск, 1976. С. 106.
- ¹⁵³ Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера: динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 83; Селитренник Э.Е. Численность населения Чукотского национального округа по данным переписей 1897 и 1926/27 гг. // Записки Чукотского краеведческого музея. Вып. 6. Магадан, 1973. С. 37.
- ¹⁵⁴ Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. Демографическое эхо войны // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 232–264.
- ¹⁵⁵ Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. ...; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985.
- ¹⁵⁶ Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на ход этнических процессов // Советская этнография. 1976. № 1. С. 39–48.
- ¹⁵⁷ ГААО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 17. Л. 7; ГАХК. Ф. П-512. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5.
- ¹⁵⁸ Тураев В.А. Дальневосточные эвенки... С. 178.

В минуту отдыха. Снайпер С. Номоконов среди однополчан. 1942 г.

Герой Советского Союза А.П. Пассар.
1945 г.

Комиссия Дальстрой
по сбору вещей для Красной Армии

КВИТАНЦИЯ № 16721
18-сектор, 1941 г.

Приняты от *Дараби. Девосий.*
Следующие вещи для Красной Армии:

№	Наименование вещей	Количество	Отметка в виде галочек в употреблении
1	Свитеры ваз	16	
2	Маски кося	4	
3	"- Брюки	2	
4	"- Карты	3	
5	Подшлемн	18	
6	Куртки трик	21	
7	Шарфы тем	20	
Всего		84	штук.

Утвеи Печать *Девосий*

Квитанция о передаче теплых вещей
бойцам Красной армии. 1941 г.

Земляной дом-юрта. Дальний Восток, 1940-е гг.

Первые срубные дома в Корякском национальном округе. 1940-е гг.

Плакат, посвященный снайперу М. Пассару. 1943 г.

Снайпер И.Н. Кульбертинов со своим учеником. 1944 г.

Снайперы С. Номоконов и В. Конотов на боевой позиции. 1942 г.

Фельдшерский пункт с. Култушное. 1940-е гг.

Участник Великой Отечественной войны сапер Е.П. Николаев. Амурская область, с. Усть-Нюкжа, 1970-е гг.

Чукотский художник-косторез М. Вуквол. 1940 г.

Школа в с. Олюторка. 1940-е гг.

Глава 8

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

8.1. Органы государственной безопасности на Дальнем Востоке СССР в годы войны

К началу Великой Отечественной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе сложилась сложная обстановка, что создало для Дальнего Востока СССР ряд внешних и внутренних угроз безопасности государства. К таковым следует отнести:

- создание военно-политической «оси» Берлин – Рим – Токио и укрепившееся военно-политическое положение Японии, вооружённые силы которой вплотную приблизились к границам СССР;

- активизацию разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, использующих при этом иностранные, и прежде всего японские, рыболовные суда (в том числе под защитой военных кораблей), занимающиеся разведывательной работой и расхищением морских биологических ресурсов в советских территориальных водах;

- ослабление потенциала дальневосточных органов госбезопасности наряду с возведением большого количества объектов, требующих контрразведывательной защиты (новые заводы, фабрики, электростанции, объекты транспорта, связи и строительства);

- проживание в регионе значительного числа иммигрантов, рассматривавшихся партийно-государственными органами как возможная вербовочная база иностранных спецслужб и потенциальный катализатор агрессии Японии против советского Дальнего Востока;

- провалы в деятельности советской контрразведки (недостатки в выявлении, предупреждении и пресечении акций военной разведки Японии и фактов перехода советских граждан, в том числе сотрудников спецслужб, на японскую сторону).

Стремясь за счёт вооружённой экспансии и захвата новых сырьевых рынков преодолеть последствия мирового экономического кризиса, именно Япония 18 сентября 1931 г. начала военные действия в Маньчжурии – в трёх северо-восточных провинциях Китая, а 7 июля 1937 г. разожгла в Азиатско-Тихоокеанском регионе первые очаги гигантского мирового пожара, унёсшего за четырнадцать лет более 35 млн человеческих жизней¹.

Экспансия островного государства, проходившая под флагом паназиатской доктрины «Азия должна быть для азиатов», послужила основанием для японской оккупации Маньчжурии и последующего захвата всей Азии. Японский капитал и вооружённые силы прочно обосновались в Маньчжурии, фактически контролируя территорию площадью 2 млн кв. км, на которой проживали около 30 млн китайских граждан². К 1 сентября 1939 г. японцы контролировали уже

более 25% территории Китая с численностью около 200 млн чел., что составляло примерно половину всего населения. Была оккупирована и интенсивно эксплуатировалась наиболее заселённая и развитая часть страны³.

Военно-политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризовалась нарастанием напряжённости в отношениях между СССР и Японией, продолжавшей расширять сферы влияния в Китае, инициировавшей вооружённые конфликты у оз. Хасан (1938 г.) и р. Халхин-Гол (1939 г.). Для Вашингтона, Лондона, Парижа и Гааги, имевших интересы в Китае, важно было направить японскую экспансию именно на север, против СССР, а не на юг, против собственных колоний. Страны западных демократий рассчитывали, что действия Японии в Маньчжурии приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к крупномасштабному столкновению двух стран. Особенную роль в поощрении Японии сыграла преследовавшая собственные интересы Великобритания, пойдя 22 июля 1939 г. на заключение соглашения Х. Арита–Р. Крейги, вошедшего в историю как «дальневосточный Мюнхен». В нём Лондон признавал «специальные нужды» (захваты) Токио в Китае и гарантировал своё невмешательство в действия его оккупационных властей⁴.

В складывавшейся обстановке политика СССР на дальневосточном геополитическом пространстве носила оборонительный, антивоенный характер как условие сохранения национальной безопасности. Советским руководством Япония воспринималась в качестве сильного военного соперника, угрожавшего интересам страны на Дальнем Востоке. Увеличение численности Квантунской группировки войск и Корейской армии сформировало у советского руководства недоверие к политике соседней державы и означало для СССР лишь одно: угрозу нападения как в Европе, так и в Азии. Исходя из этого конкретизировались задачи отечественным органам госбезопасности.

У Японии, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», которая, если не учитывать пропагандистскую риторику, была неоднозначной. Оба агрессора стремились сначала завоевать стратегические плацдармы и присвоить ресурсы более слабых стран⁵. Вместе с тем в японских правительственных кругах было немало сторонников японо-советского сотрудничества. Часть руководства флота, традиционно придерживаясь теории «оборона на севере, продвижение на юг», стремилась ограничить влияние армии, которая, упирая на фактор угрозы со стороны СССР, старалась получить значительное финансовое обеспечение⁶.

Наличие разных точек зрения в руководстве армии и флота отмечает бывший начальник 1-го (оперативного) отдела Морского генерального штаба Японии контр-адмирал С. Томиока: «...армия традиционно считала потенциальным врагом Японии Советскую Россию, в то время как флот считал главной угрозой безопасности Японии Соединённые Штаты»⁷.

Нападение Германии на Советский Союз создало возможности для практической реализации территориальных притязаний Японии. Начавшаяся война изменила геополитическую ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии. Глава японского Министерства иностранных дел Ё. Мацуока 22 июня 1941 г. заверил посла Германии в Токио Э. Отто: «...Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте», – а 25 июня заявил советскому послу К.А. Сметанину, – «...если настоящая война и пакт

о нейтралитете будут находиться в противоречии с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»⁸.

Основным военно-стратегическим направлением японское командование определяло военные действия не против Китая, а против СССР, которые первоначально планировалось открыть 29 августа 1941 г.: из 53 японских пехотных дивизий в прилегающих к советской границе районах дислоцировалось 30, из 5 кавалерийских бригад – 4, из 10 танковых полков – 7, из 20 отдельных бригад – 6⁹.

Реализуя программу мобилизационного развёртывания Квантунской группировки войск (план «Кантокуэн» – «Особые манёвры Квантунской армии») ¹⁰, военное командование Японии увеличило в 1941 г. общую численность группировки до 1 млн чел. во главе с генерал-лейтенантом Ё. Умэдзу. В его подчинении находились войска Маньчжоу-Ди-го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана. В июле 1941 г. разведывательно-диверсионное обеспечение «Кантокуэна» было возложено на начальника Информационно-разведывательного управления (ИРУ) Квантунской группировки войск генерал-майора Г. Янагиту ¹¹.

Увеличились денежные ассигнования на разведку. С 1 августа 1940 г. по 31 мая 1941 г. расходы только по центральному аппарату ИРУ Квантунской группировки войск (включая бывшую главную японскую военную миссию в г. Харбин) составили 43 620 гоби ¹², а всего по управлению и всем его периферийным структурам – 83 660 гоби. После принятия плана «Кантокуэн» расходы на ведение разведки увеличились в несколько раз. Так, если в 1941 г. чрезвычайные военные расходы Японии составили 11 673 млн иен (61% по отношению ко всем расходам страны), то в 1945 г. – 85 000 млн иен (85%) ¹³.

Японские спецслужбы создавали диверсионно-разведывательные группы, формировали партизанские отряды из проживавших в Маньчжурии русских эмигрантов, нанайцев, монголов, корейцев, японцев для работы на советской территории, активизировали деятельность по созданию агентурной сети среди малочисленных народностей ¹⁴. Для засылки на территорию СССР использовались лица, прошедшие специальную подготовку. Переход границы осуществлялся как в одиночку, так и в составе групп, состоящих из 2–3 агентов на длительные сроки (до 10 суток) с определённым заданием. Иногда их внедряли в группы беженцев, следующих из Маньчжурии в СССР ¹⁵.

За годы войны филиалы и отделения японских военных миссий забросили на советскую территорию около 1500 японских агентов, большая часть которых была выявлена ¹⁶. Органы госбезопасности СССР (согласно архивным данным) арестовали за шпионаж в пользу Японии 433 чел., в пользу Германии – 15 976 и других стран – 2204 чел. ¹⁷ Эти данные требуют уточнений*, так как по другим имеющимся сведениям с июля 1941 г. по 8 августа 1945 г. органами госбезопасности и пограничниками были задержаны 908 японских агентов, а японские спецслужбы указывали, что только за 1944 г. перебросили через советско-маньчжурскую границу более 600 агентов ¹⁸.

* Данные о численности арестованных и осуждённых в годы Великой Отечественной войны за различные виды преступлений, в т.ч. как агентов иностранных спецслужб, приведённые в архивных документах того времени, необходимо проверять, так как более половины из общего числа лиц, приговоренных к различным видам наказания в военные годы, были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Накануне и в годы войны советские службы разведки и контрразведки неоднократно реорганизовывались. С июля 1934 г. органы государственной безопасности входили в состав единого НКВД СССР. 3 февраля 1941 г. И.В. Сталин принял решение разделить ведомство на два наркомата – внутренних дел (нарком Л.П. Берия) и государственной безопасности (нарком В.Н. Меркулов), в который вошли основные разведывательные (1-е управление, куда входил 2-й отдел, занимавшийся разведывательной работой в странах Дальнего Востока) и контрразведывательные (2-е управление и его 2-й отдел, организующий борьбу с японской и китайской разведками) подразделения. По совместному постановлению правительства и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1941 г. военная контрразведка передавалась в Наркомат обороны и Наркомат ВМФ, где были созданы третьи управления, а в составе НКВД – третий отдел по контрразведывательно-обеспечению пограничных и внутренних войск.

Центральный аппарат НКГБ СССР по штатам составлял 11 тыс. сотрудников и НКВД – 10 тыс. В результате последовавшей позднее реорганизации центральные аппараты обоих наркоматов сократились почти наполовину, при этом Главное экономическое управление (работа на важнейших предприятиях авиастроения, вооружения, боеприпасов, машиностроения, химии, нефтяной промышленности, электростанций и связи) и Транспортное управление (работа на железнодорожном, морском, речном, автомобильном транспорте, гражданском воздушном флоте) были упразднены. Накануне войны ликвидация этих оперативных подразделений ослабила эффективность контрразведывательной работы, поскольку именно узлы связи, важнейшие коммуникации, оборонные предприятия являлись объектами устремлений японской и немецкой разведок¹⁹.

Начавшаяся война потребовала централизации всех звеньев государственного управления в стране. После создания 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны (ГКО) была перестроена работа советской разведки и контрразведки. В соответствии с его постановлением № 187 сс от 17 июля 1941 г. 3-е управление Наркомата обороны (военная контрразведка) преобразовывается в Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР, которому были подчинены особые отделы фронтов, военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад, гарнизонов. На особые отделы возлагалась задача борьбы со шпионами, диверсантами, дезертирами, паникёрами и трусами в частях и соединениях РККА и войск НКВД. 10 января 1942 г. аналогичным образом реорганизовали структуру военной контрразведки НК ВМФ (9-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР).

Создание самостоятельного Наркомата государственной безопасности являлось необходимым, однако реорганизация сложной по составу и деятельности государственной структуры не была закончена. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ объединили в единый наркомат – НКВД СССР (нарком Л.П. Берия), основной задачей которого являлась организация разведывательной работы за границей (1-е управление), разведывательно-диверсионной работы на оккупированных территориях (особая группа, впоследствии преобразованная в 4-е управление), контрразведывательной работы внутри страны (2-е управление) и борьба с подрывной деятельностью антисоветских элементов (3-е управление)²⁰. После объединения двух наркоматов были восстановлены Экономическое и Транспортное управления НКВД СССР.

Возвращение к единому централизованному Наркомату внутренних дел СССР в тяжёлый начальный период войны объяснялось необходимостью объединить усилия по борьбе со шпионами, диверсантами, террористами, дезертирами, распространителями провокационных слухов. Это способствовало координации деятельности территориальных органов, особых отделов и пограничных войск, позволяло своевременно обобщать данные о противнике, оперативно принимать решения и повысить обороноспособность стратегически важного Дальневосточного региона.

Позднее И.В. Сталин вновь принимает решение реорганизовать спецслужбы. В апреле 1943 г., как и в феврале 1941 г., оперативные подразделения были выделены в самостоятельный НКГБ СССР под руководством В.Н. Меркулова. 5 июня 1943 г. вышло постановление ГКО, продиктованное стремлением избежать дублирования в деятельности разведывательных служб и разграничить функции 1-го и 4-го управлений НКГБ, Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА и Разведывательного управления Главного морского штаба ВМФ. Изменение оперативно-стратегических задач действующей армии определило перестройку органов военной контрразведки. Управление особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО, а 9-й отдел УОО – в Управление контрразведки «Смерш» НК ВМФ.

Великая Отечественная война внесла серьёзные коррективы в деятельность политической разведки в информационной сфере. Являясь инструментом государственной политики, внешняя разведка строила свою работу исходя из угроз военного, политического и экономического характера в отношении СССР. Следуя директивным указаниям руководства страны, выбирались и разрабатывались стратегические направления, соответствующие складывавшейся на Дальнем Востоке оперативной обстановке.

Основная тяжесть борьбы со спецслужбами Страны восходящего солнца легла на управления НКВД – НКГБ Хабаровского и Приморского краёв²¹. В целях оказания помощи в работе местным территориальным органам Л.П. Берия вышел с предложением к И.В. Сталину назначить начальником УНКВД по Хабаровскому краю С.А. Гоглидзе, утвердив его одновременно уполномоченным НКВД СССР по Приморскому краю, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР²². Комиссар госбезопасности 2-го ранга (с 9 июля 1945 г. генерал-полковник) С.А. Гоглидзе занимал эту должность с 31 июля 1941 г. по 3 января 1951 г.

В Приморском крае с 29 ноября 1938 г. по 23 января 1950 г. органы госбезопасности возглавлял комиссар госбезопасности 3-го ранга (с 9 июля 1945 г. генерал-лейтенант) М.М. Гвишиани. В Забайкалье УНКВД – УНКГБ СССР по Читинской области в военные годы возглавляли соответственно майор госбезопасности (с 9 июля 1945 г. генерал-майор) И.Б. Портнов и полковник госбезопасности А.А. Соколов.

Для решения кадровой проблемы командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И.Р. Апанасенко, по согласованию с И.В. Сталиным, отобрал в исправительно-трудовых лагерях НКВД Дальнего Востока для возвращения в армию командиров и комиссаров, ставших жертвами необоснованных политических репрессий. Аналогичная работа была проведена и в отношении сотрудников спецслужб. Комиссией при Президиуме Верховного Совета СССР были помилованы и досрочно освобождены из заключения более 1,6 тыс. чел.,

отбывавших наказание, главным образом, за нарушение законности в период массовых репрессий²³.

Ведение боевых действий на советско-германском фронте и гибель сотрудников советской разведки и контрразведки требовали пополнения квалифицированными кадрами. В этих целях 4 марта 1942 г. подписан приказ НКВД СССР об увеличении численности переменного состава оперативно-чекистских школ Наркомата с 2000 до 3600 чел. Применительно к Дальнему Востоку контингент слушателей Хабаровской межкраевой школы был повышен с 200 до 250 чел.²⁴

Несмотря на то что против советского Дальнего Востока работали спецслужбы различных иностранных государств, основные усилия органов госбезопасности были подчинены выполнению главной задачи – противодействию органам разведки и контрразведки армии и флота Японии²⁵. Крайне важно было выявить её стратегические планы в отношении СССР, поэтому разведывательные подразделения были нацелены «...постоянно следить за происками японской военщины в отношении Китая, Монголии и СССР», осуществлять «...добывание политической и экономической информации по Японии, а также сведений о её сотрудничестве с Германией и отношениях с США и Англией»²⁶.

От главного резидента НКВД – НКГБ СССР в Китае комбрига А.С. Панюшкина, в частности, требовалось «...любой ценой удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии», своевременно освещать взгляды «...китайского руководства в отношении Советского Союза и других держав», «...следить за состоянием отношений Гоминьдана с Коммунистической партией Китая и не допустить возможности гражданской войны», а также «...не просмотреть возможность нападения Японии на нашу страну и создания второго фронта против нас на Востоке»²⁷.

С данной задачей советская разведка успешно справилась, даже несмотря на то, что в январе 1940 г. в Токио прибыл новый состав резидентуры внешней разведки, состоящий из резидента и двух технических работников. Они были впервые за рубежом, никто из них не владел иностранными языками²⁸. К началу войны советские спецслужбы добыли свыше 20 японских и китайских шифров, благодаря чему советская сторона читала японо-германскую дипломатическую переписку, что позволяло иметь важные сведения об обстановке, складывавшейся вокруг СССР, планах и намерениях основных противников, а также о военной активности в различных регионах²⁹.

Подразделения, проводившие радио- и радиотехническую разведку, входили в состав Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА, Управления военной разведки Генерального штаба РККА, Разведывательного управления Главного морского штаба ВМФ, а также НКВД – НКГБ (радиоконтрразведывательная служба – РКС), между которыми были налажены оперативное сотрудничество и тесное взаимодействие³⁰.

Резидентура советской внешней разведки в г. Токио сообщала, что с 12 июля по 18 августа 1941 г. в Японии проводилась всеобщая мобилизация, в результате которой призвано примерно 4,5 млн чел. В Харбине спешно строилась мощная радиостанция (её назначение – круглосуточные антисоветские радиопередачи, особенно интенсивные во время боевых действий), оборудовалась типография для выпуска листовок на русском языке. В резиденции японского посла в Потсдаме печаталась подрывная литература, забрасываемая в распоряжение частей РККА. Спецслужбами с территории Маньчжоу-Ди-го, Китая, Кореи и Южного

Сахалина готовились разведывательно-диверсионные действия на советской территории³¹.

В июле 1941 г. другая резидентура НКГБ СССР в г. Харбин сообщала о том, что штаб Квантунской группировки войск разработал план создания на советском Дальнем Востоке буферного государства в территориальных рамках бывшей Дальневосточной республики. Согласно секретному документу, после занятия вермахтом Москвы сформированные из русских эмигрантов части под командованием генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева должны были напасть на регион, поднять восстание, создать органы власти и провозгласить временным наместником Г.М. Семёнова. Он должен был обратиться за помощью к Японии и начать совместные боевые действия против РККА. Был также подготовлен вариант на случай вооружённого вторжения на территорию СССР без участия эмигрантов. Предполагалось использовать опыт Германии по созданию оккупационной администрации на временно захваченных территориях Советского Союза. Для его обобщения в первой декаде июля 1941 г. в Берлин направили крупного деятеля военной разведки заведующего секретариатом Военного министерства полковника Ш. Акикусу³².

По мере приближения германских войск к Москве в военно-политическом руководстве Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР. В этой связи руководство СССР конкретизировало перед специальными службами важную и ответственную задачу – выявлять военно-стратегические планы противника. В донесениях советской разведки отмечалось, что численный состав группировки японских войск в Маньчжурии не был ослаблен, но начало войны на Тихом океане несколько снизило опасность выступления Японии против СССР, продолжавшей придерживаться выжидательной позиции. О том, что Япония в 1941 г. не выступит против СССР, сообщил 14 сентября 1941 г., ссылаясь на данные Инвеста (Х. Одзаки), резидент советской военной разведки Р. Зорге: «...японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооружённые силы будут оставаться в Маньчжурии на случай выступления будущей весной, в случае поражения СССР к тому времени»³³.

Органам госбезопасности на Дальнем Востоке неоценимую помощь оказали криптоаналитики, которые ещё с 1927 г. начали дешифровать японскую дипломатическую переписку³⁴. К началу Великой Отечественной войны в этой области был накоплен значительный опыт. В частности, было установлено очень важное для тех дней обстоятельство: радиограммы МИД Японии совпадали с донесениями Р. Зорге, которым «следовало доверять».

Так, согласно приказу императорской ставки от 3 октября 1941 г., в соответствии со складывавшейся обстановкой, было необходимо подготовиться к военной операции против России к весне 1942 г.³⁵ Содержание перехваченной телеграммы японскому послу в Берлине Х. Осиме от 27 ноября 1941 г. с указанием встретиться с А. Гитлером и И. Риббентропом и разъяснить позицию Токио относительно усилий на юге и отказа от боевых действий на севере убедило советское правительство в достоверности полученных сведений – главный удар Япония нанесёт в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане против США³⁶, что позднее, 7 декабря (8-го по токийскому времени) 1941 г., и произошло – внезапное нападение объединённой эскадры ВМФ на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор.

Когда из разведдонесений стало ясно, что Япония нападёт на СССР только после взятия Германией Москвы, было принято решение о передислокации воинских соединений из восточных районов страны на оборону столицы. Из состава Забайкальского и Дальневосточного фронтов скрытым порядком на советско-германский фронт были переброшены 12 стрелковых, 5 танковых и одна моторизованная дивизия³⁷. Контрразведывательное обеспечение скрытной передислокации дальневосточных сухопутной и морской группировок Вооружённых сил СССР осуществляли подразделения НКВД – НКГБ.

Разведывательные органы стран «оси» не сумели добыть достоверную информацию о переброске крупных войсковых резервов, хотя именно в октябре-ноябре 1941 г. они активно вели разведывательную и диверсионную деятельность на Московском направлении³⁸. Переход в контрнаступление советских войск под Москвой оказался неожиданным и для японской военной разведки. Она докладывала, что боевой состав Дальневосточной группировки советских войск насчитывал 30 дивизий и практически не изменился, переброшенные на Запад соединения заменялись новыми. Следует отметить, что эти данные были довольно точными³⁹.

За 1941–1942 гг. по вопросу о том, начнёт ли Япония войну с СССР, поступило свыше 30 сообщений, из них 15 – направили в ГКО⁴⁰. Стало известно, что в 1942 г. в Токио разработали новый план нападения на СССР. Нацисты для того, чтобы в очередной раз подтолкнуть азиатскую союзницу к началу военных действий, предложили послу Японии в Берлине Х. Осиме совершить поездку по оккупированной советской территории с целью демонстрации достижений Германии в освоении ресурсов захваченных земель, которая состоялась с 1 по 7 августа 1942 г.⁴¹ Однако неспособность германских войск одержать стратегически важные победы продемонстрировала японскому руководству, что «период ожидания созревания хурмы» прошёл, о чём говорят и показания офицера оперативного управления Генштаба японской императорской армии подполковника С. Асаэда: «...Если бы война на Тихом океане стала развиваться успешно для нас, а на Западе успешно для Германии, мы должны были бы начать войну на Севере против Советского Союза и поскорей закончить мировую войну»⁴².

Японское руководство отказалось от нападения на СССР после Сталинградской битвы, а после Курской – приступило к составлению плана на 1944 г., в котором предусматривались только оборонительные действия в случае войны с СССР. В апреле 1946 г. этот факт, с поправкой на «неблагоприятную обстановку на Тихоокеанском фронте», в собственноручных показаниях признал командующий Квантунской группировкой войск генерал армии О. Ямада⁴³.

Героическими усилиями советского народа идеи германского и японского блицкригов не осуществились, произошёл перелом во Второй мировой войне в пользу стран антигитлеровской коалиции. Приближавшийся финал войны требовал сведений о будущем устройстве мира в Европе и Азии, о предстоящих событиях и вероятных изменениях в отношениях союзников. Информации по каналам советской внешней разведки поступало достаточно много, и её необходимо было тщательно анализировать. В этих целях 7 декабря 1943 г. в составе 1-го управления Наркомата госбезопасности СССР сформировали информационно-аналитический отдел под руководством полковника М.А. Аллахвердова⁴⁴.

Обработка, анализ и реализация полученной разведывательной информации привели к более эффективной работе советской внешней разведки. Она

информировала советское руководство о намерениях Соединённых Штатов Америки занять господствующее положение на Дальнем Востоке, в первую очередь в Китае, разместив на его территории американские военные базы. Во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт в личной беседе с Чан Кайши предложил заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории страны и у советских границ своих военных баз. Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов предполагалось отдать под прямое американское управление, а Корейский полуостров оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками.

Данное предложение китайский лидер воспринял с энтузиазмом. Условились, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Обговаривалось устранение английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая МНР. Ф. Рузвельт согласился вести переговоры по этому поводу с СССР.

Руководство СССР стремилось укрепить свои внешнеполитические позиции, и аналитическая работа разведывательных структур была особенно необходима. В связи с тем что секретные переговоры союзников СССР по антигитлеровской коалиции со странами «оси» были известны советскому руководству, такого рода информация имела особое значение. Так, о содержании и скрытом смысле особо секретной телеграммы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии от 16 февраля 1945 г. уже 21 марта узнали в Москве. Документ касался вопросов очередной попытки заключения сепаратного мира Германии с Англией и США. Предвидя колоссальную мощь послевоенной России и якобы радея за установление равновесия в Западном полушарии, предлагали всем европейским странам «...стоять плечом к плечу против России», а морские пути, ведущие в США, сделать открытыми. «Подобным же образом существование Японии как великой державы является обязательным условием для уравнивания сил в Восточноазиатском районе, так как сила России огромна»⁴⁵, – подчёркивал Риббентроп.

На Дальнем Востоке советские спецслужбы готовили аналитические документы по широкому кругу вопросов. Например, накануне советско-японской войны в Москву направлялись многостраничные справки о белой эмиграции в Маньчжурии, деятельности камчатских рыболовных концессий, об обстановке в занятых войсками Японии пограничных городах и населённых пунктах и по многим другим аспектам⁴⁶.

Внешняя и военная разведки на Дальнем Востоке выполнили поставленные перед ними стратегические задачи. Несмотря на трудности и утерю связи с агентурой в ряде стран, разведка органов госбезопасности смогла мобилизовать все возможности для добывания необходимой секретной информации по Японии и её союзникам. Был накоплен, успешно применялся и постоянно совершенствовался опыт разведывательной работы в военных условиях. Удалось усилить нелегальную разведку, агентурный аппарат пополнился новыми источниками, возросло профессиональное мастерство разведчиков.

Одной из важнейших задач, поставленных руководством перед советскими спецслужбами, являлось их максимальное содействие индустриализации страны

и военно-техническому переоснащению РККА и ВМФ, что осуществлялось путём добывания секретной информации в сфере науки и техники. В составе внешней разведки создали специальное подразделение, которое, по заданию отечественных исследовательских организаций, добывало научно-техническую информацию, конструкторские и производственные чертежи, схемы, образцы технических новинок, новейшие изобретения, необходимые для народного хозяйства страны⁴⁷.

На Дальнем Востоке проблемы обеспечения госбезопасности решались в процессе контрразведывательной деятельности на особо важных объектах промышленности, транспорта, связи и сельского хозяйства. Осуществлялись приём, размещение, трудовое использование, политический контроль за эвакуированными и прибывающими из временно оккупированных территорий группами населения, военнопленными, интернированными и репатрированными, обеспечивалась безопасность воинских, военизированных формирований и учреждений, дислоцировавшихся на территории региона. Выявлением и розыском кадровых разведчиков и агентов спецслужб противника с июля 1941 г. занимались сотрудники 2-го управления НКВД – НКГБ СССР и соответствующих подразделений территориальных органов, а также военной контрразведки (УОО НКВД – ГУКР «Смерш» НКО СССР) и 1-го спецотдела НКВД СССР⁴⁸.

В работе советской контрразведки учитывалось географическое и стратегическое положение Забайкалья, Хабаровского и Приморского краёв, являвшихся важными регионами размещения объектов оборонно-промышленного комплекса. С конца 1942 г. части и подразделения РККА и ВМФ, дислоцировавшиеся на Дальнем Востоке, стали пополняться военнослужащими, возвратившимися из германского плена или находившимися на временно оккупированных территориях. К тому времени органы госбезопасности, действовавшие на западном театре, выявили и задержали большое количество вражеских агентов. На основе их показаний составлялись алфавитные списки и розыскные альбомы, которые рассылались во все контрразведывательные подразделения различных ведомств. Эти документы стали одними из главных справочных материалов, которые использовали для разоблачения в частях и соединениях региона немецкой агентуры, розыска изменников, предателей и пособников оккупантов⁴⁹.

Система специальных розыскных мероприятий включала организацию наблюдения за вероятными маршрутами движения шпионов, диверсантов, террористов к объектам их разведывательно-диверсионных устремлений, наблюдение за их родственниками и близкими связями, возможными местами появления или укрытия агентов противника, контроль за эфиром с помощью РКС в диапазоне волн, использовавшихся для связи со своими агентами, выведение при помощи агентов у родственников или близких связей разыскиваемых лиц сведений об их местонахождении, проверку документов у подозрительных граждан, появившихся в пограничной зоне или вблизи особо важных объектов промышленности, транспорта и связи, использование в розыске контрольно-заградительной службы, поиск агентов противника при помощи агентов-опознавателей⁵⁰.

За годы Великой Отечественной войны только сотрудники радиоконтрразведывательной службы определили местонахождение 1078 агентов с радиостанциями, переброшенных разведками противника в тыл РККА. Из них задержали 631 агента, 28 сумели вернуться после выполнения задания. Информацией

о задержании оставшихся 419 агентов-радивистов отдел «Б» НКГБ СССР не располагал. Спецслужбы Японии перебрали 3 агентурные радиостанции, и все они были задержаны⁵¹.

Советское руководство контролировало политико-экономическую обстановку на Дальнем Востоке, а также кадровые и оперативные аспекты деятельности органов госбезопасности. С учётом предложений УНКГБ СССР по Хабаровскому краю и в соответствии с приказом НКГБ № 00 260 от 4 июля 1941 г. в середине июля 1941 г. в регионы Дальнего Востока направили оперативную группу в количестве 32 чел., сформированную из сотрудников 1-го, 2-го и 3-го (секретно-политического) управлений НКГБ СССР, для оказания практической помощи в организации и проведении агентурно-оперативных мероприятий на случай нападения Японии на советский Дальний Восток. В течение двух с половиной месяцев Хабаровским управлением совместно с работниками опергруппы центрального аппарата было сформировано 14 диверсионных (128 чел.) и 17 разведывательных групп (55 чел.). Четыре группы численностью 10 чел. со специальными заданиями были переправлены за р. Амур⁵².

Обучение резерва для РККА по линии Главного управления всеобщего военного обучения НКО СССР и спецподразделений НКВД – НКГБ проводили военные отделы краевых (областных) комитетов ВКП(б). Учебные пункты разворачивались во всех населённых пунктах Дальневосточного региона⁵³. В подразделения органов госбезопасности подбирались добровольцы из призывников и военнослужащих армии и флота, отбор, призыв и подготовка которых были строго засекречены. В соответствии с директивой Генштаба РККА и штаба Дальневосточного фронта с августа 1941 г. в ходе призывной кампании, о проведении которой должен быть знать ограниченный круг лиц, запрещались объявления в печати, объявление приказов, торжественные проводы, собрания⁵⁴.

Необходимо отметить, что в предвоенные годы проводилась работа по развёртыванию партизанского движения и подготовке планов действий в тылу противника в случае военной агрессии. В течение 1930–1935 гг. на Украине, в Белоруссии, Ленинградской области и на Дальнем Востоке было создано 47 партизанских отрядов (3712 чел.), 39 ударно-боевых групп (465 чел.) и 7 парашютно-десантных отрядов (400 чел.). Общая численность групп и отрядов составляла более 4500 чел. В специальных школах подготовили около 2500 снайперов, подрывников. Часть оружия, включая 1525 винтовок, 152 пулемёта, гранаты, винтовочные патроны, заложили в секретные базы. Однако эта деятельность была прекращена в ноябре 1938 г., когда Л.П. Берия сообщил И.В. Сталину о насыщенности «...диверсионных кадров шпионами и предателями» и о том, что «...подготовка к диверсионным действиям в тылу противника на самом деле рукой вражеского руководства направлена против Советской власти». В результате подготовка отрядов и групп, которые могли стать основой для развёртывания партизанского движения, была полностью остановлена⁵⁵.

С началом Великой Отечественной войны это направление снова приобрело актуальность. Руководство Хабаровского управления вышло с предложением об обучении кадров для диверсионной работы на территории края, и 20 января 1942 г. в г. Хабаровск была организована специальная школа подготовки специалистов для разведывательной и контрразведывательной работы с месячным сроком обучения, рассчитанная на десять выпусков по 100 чел. в каждом. Размещалась она недалеко от города, в пос. Воронеж, на базе одного из пионерских

лагерей. В итоге в школе партизан прошли подготовку около 700 чел. Часть выпускников направлялась на Запад, для борьбы в тылу гитлеровских войск.

Всего на Дальнем Востоке за годы войны было сформировано 173 партизанских отряда общей численностью более 6,6 тыс. чел., которых обучили подрывному делу, рукопашному бою, тактике. Для укрепления руководства в состав отрядов включили 717 участников партизанского движения 1918–1922 гг.⁵⁶

Один из руководителей партизанского движения и ветеран Гражданской войны на Дальнем Востоке А.К. Флегонтов в годы Великой Отечественной войны сначала руководил оперативным отрядом «Боевой» в Подмоскowie. В августе 1941 г. подразделение направили в район г. Вязьма с заданием организовать партизанское движение в Смоленской области. Из числа партийного и советского актива, сотрудников органов НКВД и милиции А.К. Флегонтов создал 3 партизанских отряда общей численностью около 100 чел., которые в середине августа направились в тыл противника. В архивных документах выявлено, что отрядом «Боевой» на территории БССР за время действия в тылу с 1942 по 1944 г. организовано 6 партизанских отрядов с общим числом участников в них 446 чел. В таком составе объединённый партизанский отряд под руководством дальневосточника успешно вёл активную борьбу с фашистскими оккупантами⁵⁷. Примечательно, что немецкое командование, воевавшее против брянских, орловских и смоленских партизан, в документе, опубликованном 15 января 1942 г. под заголовком «Устройство, цели и действия партизанских отрядов и борьба с ними, отмечало: «Люди, мобилизованные в партизанские отряды, получают такое же обучение, как и регулярные войска. Для подготовки кадров для партизанских отрядов были организованы специальные школы, в которых будущие партизаны обучались способам организации диверсий на железных дорогах, шоссе, аэродромах, прыжкам с 45-метровой парашютной вышки, поведению в оккупированных районах, чтению топографических карт и использованию компаса. Срок обучения в этих школах составлял 6 недель»⁵⁸. Впоследствии результаты работы подразделений А.К. Флегонтова высоко оценил начальник 4-го управления НКВД – НКГБ СССР П.А. Судоплатов⁵⁹.

В диверсионных и разведывательных операциях против японской группировки войск в Маньчжурии активно использовались представители малых народов р. Амур (Л. Бельды, П. Киле, Д. Ходжер и др.). Они проходили подготовку в школе военной разведки в с. Поярково Амурской области⁶⁰. Таким образом, региональные органы госбезопасности сыграли важную роль в восстановлении и развитии партизанского движения в тылу противника.

Органы НКВД – НКГБ старались действовать на упреждение и пресекать сбор сведений спецслужбами иностранных государств о социально-экономическом и военном положении на Дальнем Востоке СССР. В соответствии с решением ГКО в регионе создавались истребительные подразделения по административно-территориальному признаку и оперативно-боевой целесообразности для охраны и обороны важных объектов. Начальники территориальных управлений и самостоятельных подразделений госбезопасности получили указания о необходимости связаться с командирами пограничных отрядов и оказывать помощь по их комплектованию. Они несли ответственность за боеспособность подразделений на территории обслуживаемых районов.

Истребительные батальоны были созданы во всех основных дальневосточных городах и населённых пунктах: Хабаровск, Владивосток, Благовещенск,

Петропавловск-на-Камчатке, Советская Гавань. Личный состав истребительных батальонов охранял особо важные объекты, имеющие экономическое и оборонное значение, контролировал пограничный и паспортный режимы, задерживал дезертиров ДВФ, ТОФ и трудового фронта, шпионов, бандитов и их пособников, уголовных элементов, сбежавших из мест заключения, лиц без документов и иных подозрительных лиц, спекулянтов и мешочников.

Приказом НКВД СССР в колхозах, совхозах и на отдельных промышленных предприятиях создавались группы содействия, на которые возлагалась обязанность информирования обо всех случаях появления парашютных десантов и диверсантов противника в районе. При формировании групп содействия отдавали предпочтение сельскому и колхозному активу, пастухам, лесникам, почтальонам, мужчинам непризывного возраста, женщинам и подросткам. Руководство группами содействия возлагалось на начальников подразделений НКВД – НКГБ и командиров истребительных батальонов, за которыми они были закреплены. Старшими в этих группах назначали наиболее проверенных, активных и авторитетных лиц, преимущественно из советского и партийного актива⁶¹.

К концу 1944 г. в целом по стране численность истребительных подразделений превышала 300 тыс. чел.⁶² В связи с тем что личный состав не освобождался от призыва в РККА, батальоны комплектовались лицами непризывного возраста из местного населения, не обученного или слабо обученного военному делу. Набирались и женщины, в первую очередь комсомолки, подготовленные в военном отношении, радистки, телефонистки, санитарки, шофёры, мотоциклистки и парашютистки. Кандидат зачислялся в батальон, если был здоров, обладал волевыми качествами и был полон решимости выполнить любое задание для пользы Советской Родины⁶³.

Основной задачей истребительных батальонов являлось отражение возможных диверсионных действий противника в советском тылу. Например, сотрудники УНКВД – УНКГБ СССР по Камчатской области вплоть до 1943 г. наряду с вопросами комплектования батальонов и формирования партизанских отрядов создавали для них тайные базы в преддверии возможной оккупации полуострова Японией. Руководство Хабаровского управления высоко оценило работу камчатских контрразведчиков по этому направлению и предложило другим областям перенять их опыт⁶⁴.

Японская сторона осуществляла психологическое давление, склоняя военнослужащих, гражданских лиц к сотрудничеству или бегству на территорию Маньчжоу-Ди-го, забрасывала на советскую территорию листовки и вывешивала на противоположных берегах пограничных рек агитационные плакаты⁶⁵. Такая работа давала свои плоды: с 22 июня 1941 г. по апрель 1942 г. зафиксировано 135 случаев перехода на сторону противника, из них 122 – со стороны военнослужащих Красной армии и 13 – военнослужащих войск НКВД. При попытке перехода границы пограничниками убиты 9 чел., 29 – задержаны, 97 – сумели убежать в Маньчжурию⁶⁶.

Конечно, если брать соотношение численности военнослужащих РККА и войск НКВД, стоявших на Дальневосточном направлении, с количеством перебежчиков, тем более что каждый третий из них был обезврежен при переходе границы, цифра 135 кажется небольшой, но их показания позволяли японскому командованию быть в курсе обстановки в приграничных районах СССР, уточнять важные данные авиа- и визуальной разведки с территории Маньчжурии.

В выявлении и разоблачении агентов разведок противника большую роль играла отечественная служба документальной техники, сотрудники которой не только обеспечивали советских разведчиков, перебрасывавшихся за линию фронта, качественными документами прикрытия и средствами тайнописи, но и разработали характерные параметры определения подлинности документов, а с помощью экспертиз выявляли подложные документы. Так, задержанный 11 августа 1943 г. японский агент-радиотехник С.М. Кайгородов (он же Г.П. Логинов, Г.А. Беляев, А.Я. Моисеев) был снабжён серией советских паспортов, изъятых японской военной разведкой у реального перебежчика из СССР, что на первых порах затрудняло его разоблачение, и только тщательное их изучение позволило обнаружить искусную подделку⁶⁷.

За период Великой Отечественной войны в результате принятых органами госбезопасности и пограничниками Хабаровского края мер были арестованы 3813 чел., из которых 416 – разоблачены как агенты спецслужб противника (393 японских агента из числа нарушителей государственной границы). За аналогичный период УНКГБ СССР по Читинской области и пограничниками Забайкальского округа арестованы 2004 чел., из них 255 – агенты японских спецслужб⁶⁸. В Приморском крае из 147 чел., арестованных за шпионаж, 139 – нарушители границы, которые также были разоблачены как японские агенты⁶⁹.

С середины 1943 г. и до начала боевых действий с Японией органами военной контрразведки Тихоокеанского флота были арестованы 8 агентов японской разведки, выполнявших задание в Дальневосточном регионе, с августа по декабрь 1945 г. – 50 чел.; контрразведчиками Краснознамённой Амурской военной флотилии за 1941–1945 гг., включая результаты работы опергрупп в Маньчжурii, за работу в интересах японской разведки – 73 чел. (агенты и официальные сотрудники японской разведки)⁷⁰.

Сотрудники советской контрразведки успешно противостояли спецслужбам иностранных государств на Дальнем Востоке, овладев инициативой в тайной войне, навязали противнику свои правила игры, своевременно выявили его стратегические и оперативные планы. Советские государственные органы и специальные службы сумели стабилизировать политико-экономическую обстановку на Дальнем Востоке в военный период.

Дальний Восток представлял собой клубок социально-демографических, политико-экономических и военно-стратегических проблем, которые использовались иностранными спецслужбами при проведении подрывной работы против СССР⁷¹. К началу 1945 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 1585 предприятий крупной и 7703 – мелкой промышленности, в том числе в Приморском крае соответственно 487 и 1673, Хабаровском – 1098 и 4445⁷², и приоритетным направлением деятельности экономических подразделений НКВД – НКГБ СССР в годы войны стала их защита от диверсионных актов германских и японских спецслужб.

Следует отметить, что накануне и в ходе войны японская военная разведка в ряде случаев успешно добывала информацию об оборонном потенциале советского Дальнего Востока⁷³. Наиболее активной в этом отношении была работа главной японской военной миссии в г. Харбин (позднее реорганизованной в ИРУ Квантунской группировки войск) и японского Генерального консульства во Владивостоке. Именно последнее обстоятельство со временем стало дополнительным поводом к тому, чтобы советское руководство согласилось с доводами

НКВД СССР и закрыло часть консульств иностранных государств на территории Дальнего Востока⁷⁴.

В особо законспирированном органе военной разведки Японии – русском отделе Бюро экономических исследований при Управлении Южно-Маньчжурской железной дороги – состоял на службе специалист по составлению карт, белоэмигрант, генерал-лейтенант царской армии М.В. Ханжин. Им для японских спецслужб была составлена подробная крупного масштаба карта советского Дальнего Востока с нанесением наиболее важных стратегических и военных объектов. В частности, противник оказался хорошо осведомлён о ходе строительства военного порта в Советской Гавани, количественном и качественном составе рабочих, мощности строящегося судостроительного комплекса, численности и вооружении местного военного гарнизона и даже планируемых сроках сдачи важнейших объектов в эксплуатацию. Отслеживался процесс ремонта советских судов на Дальзаводе⁷⁵.

Эффективность обеспечения безопасности предприятий экономики, транспорта и связи СССР на Дальнем Востоке во многом зависела от морально-патриотического состояния рабочих и служащих. Доверие граждан к высшему политическому руководству страны в условиях крайнего напряжения физических и духовных сил являлось существенным фактором производительного труда. Замалчивание, а порой и искажение реального положения дел на фронте, в экономике, жёсткая цензура, ограничение каналов информации неизбежно приводили к появлению различного рода слухов. В крупных промышленных городах региона, на предприятиях отдельными противниками советской власти распространялись листовки, письма с призывами к забастовкам. В них также зачастую содержалась объективная информация о бедственном положении людей, критиковались местные и центральные органы власти за неспособность защитить интересы народных масс. Для их предупреждения и пресечения использовались профилактические и карательные методы. В военное время распространение ложной информации классифицировалось как антисоветская деятельность, а их исполнители подлежали розыску и уголовному наказанию⁷⁶.

Трудности и лишения военного времени подавляющее большинство трудящихся Дальнего Востока переносило терпеливо. Вместе с тем проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не многочисленные факты бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. Особенно негативно воспринимались трудящимися тыла действия должностных лиц, формально носившие законный характер. В таких случаях недовольство переносилось на всю социально-политическую систему.

Территориальные органы госбезопасности систематически получали тревожные сведения о фактах с возможными политическими последствиями. Информация о нездоровых политических настроениях дальневосточников потоком шла в инстанции, но обстановка в лучшую сторону менялась недостаточно быстро. Органы госбезопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебными полномочиями, информировали о них ВКП(б) и в ряде случаев принимали меры⁷⁷.

В годы войны подразделения экономической контрразведки органов госбезопасности на Дальнем Востоке обеспечили охрану и контрразведывательную защиту важнейших объектов экономики, провели тотальную проверку

работников оборонных отраслей промышленности, удалили с предприятий политически и социально неблагонадёжных лиц, осуществили действенный контроль пропускного режима на объектах оборонных отраслей экономики.

Органы госбезопасности в Дальневосточном регионе СССР, своевременно реагируя на изменение военно-политической обстановки, успешно проводили разведывательную и контрразведывательную работу, предупреждали диверсии на военных и промышленных объектах, на транспорте, в пограничных районах. Их основной задачей в период войны было противодействие японским спецслужбам, которые культивировали идею по подрыву обороноспособности советского Дальнего Востока и обеспечению экспансионистской политики своего государства, занимались сбором политической, экономической и военной информации, пытались ослабить военную и оборонную мощь Советского государства. Благодаря этому спецслужбы противника не произвели в регионе ни одной диверсии на промышленных предприятиях, объектах оборонного значения, транспорте и в местах дислокации воинских частей⁷⁸.

Развивалось партнёрское сотрудничество со спецслужбами союзных государств – США и Великобритании. Бывший директор ЦРУ США А. Даллес признавал, что «...информация, которую посредством секретных операций смогли добыть советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для любой разведки...»⁷⁹.

Благодаря деятельности советской разведки в сочетании с военными и дипломатическими акциями СССР нанёс удар по блоковой политике Берлина, Рима и Токио, оторвав Японию от союза с Германией, утратившей и без того слабую из-за неудач японских войск в Китае веру в военную мощь восточного союзника. С другой стороны, сказалось восприятие японским руководством подписания 23 августа 1939 г. Германией договора о ненападении с Советским Союзом, государством, противостоящим Японии, как предательство со стороны Берлина, как нарушение положений Антикоминтерновского пакта, по которому подписавшие его стороны обязывались «...без взаимного согласия» не заключать каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу соглашения.

Япония вынуждена была сначала пойти на неоднократный перенос сроков развёртывания полномасштабной войны против советского Дальнего Востока, хотя Германия и настаивала на этом, а затем не стала безоглядно следовать в русле германской политики, что вместе с заключением 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете помогло СССР избежать войны на два фронта и выиграть время для укрепления обороноспособности страны.

Противоречия между странами «оси» заключались в основном в стремлении каждой из них создать наиболее благоприятные условия для будущего передела мира. Это наряду с другими объективными факторами в конечном итоге и обусловило факт невступления Японии в войну против Советского Союза. Однако следует помнить и хорошо осознавать тот факт, что в своих дипломатических построениях отказа Токио вступать в войну против СССР в те моменты, когда об этом настоятельно просил её союзник – Германия, Япония на протяжении всей войны ни разу не сослалась на то, что она связана условиями советско-японского пакта о нейтралитете⁸⁰. Этот исторический факт даёт возможность по-новому оценить дипломатическую тактику и стратегию Японии в отношении сегодняшних российско-японских отношений, прежде всего

в вопросе территориальных претензий к России и настойчивом стремлении заключить мирный договор.

Сотрудники органов государственной безопасности, внутренних дел и милиции, военнослужащие пограничных и внутренних войск на полях сражений, в тайной борьбе в тылу врага отстаивали свободу и независимость Советского Союза. Внешняя разведка, несмотря на сложность политических процессов, проходивших в мире, СССР и регионе в годы Великой Отечественной войны, информировала советское руководство о планах потенциальных и реальных противников – иностранных государств, дислокации, численном составе немецких войск на западных границах, японских – на дальневосточных и вероятных сроках их выступления, добывала значимую научно-техническую информацию. Успешно противостояли спецслужбам иностранных государств на советском Дальнем Востоке работники контрразведки.

Вместе с тем в военные годы повсеместно использовались методы судебного и внесудебного принуждения, основанные на ужесточении административной и уголовной ответственности, в том числе за распространение ложных слухов, разглашение государственной тайны, продолжались необоснованные политические репрессии и депортации отдельных народов, борьба с антисоветской деятельностью. Повсеместно с использованием пропагандистской машины и приёмов военной цензуры контролировались настроения военнослужащих армии, флота и гражданского населения.

В процессе борьбы против шпионов, диверсантов, изменников и других антисоветских элементов под жернова специальных служб попадали лица, не совершавшие противоправных действий. К уголовной ответственности привлекались лица, допускавшие критические высказывания в отношении действий советского руководства, члены семей лиц, которые считались изменниками Родины, представители отдельных народов.

Великая Отечественная война явилась серьёзным испытанием для советских спецслужб на Дальнем Востоке. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с главным противником – мощным разведывательным сообществом Японии, искусно проводившим противоправную деятельность против советской группировки войск и сил флота, местного населения, важнейших объектов промышленности и народного хозяйства.

8.2. Пограничные войска на охране дальневосточных рубежей

Геополитическая расстановка сил в 1930-х гг. обусловила изменения в системе управления пограничными войсками. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 28 января 1939 г., приказу НКВД СССР от 8 марта Управление пограничных и внутренних войск разделено на два самостоятельных – Управление пограничных войск и Управление внутренних войск. Главное управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД СССР включало штаб, политическое управление и шесть самостоятельных отделов.

С 20 марта 1939 г. из Управления пограничных войск Дальневосточного округа выделили Приморский, Хабаровский и Читинский пограничные округа. Новые округа были созданы с целью уплотнения охраны границы, совершенствования системы управления пограничными войсками⁸¹. В предвоенные годы

создавались новые пограничные подразделения, так как управление большими округами усложняло выполнение задач по укреплению напряжённых участков границы, что выявилось в ходе боевых действий у оз. Хасан в 1938 г.

По приказу НКВД СССР от 5 августа 1939 г. морские отделы Главного управления пограничных войск, Приморского, Хабаровского пограничных округов разукрупнились в результате выделения территориальных подразделений. Начальники морских отделов стали заместителями командующих округов по морской части и отвечали за охрану водного пограничного пространства. С 9 августа 1939 г. начала функционировать пограничная авиация, объединённая в авиационную бригаду пограничных войск, подразделения которой находились в оперативном подчинении начальника округа на территории дислокации.

К 1941 г. в пограничных войсках НКВД СССР имелось 18 пограничных округов (94 пограничных отряда, 1747 линейных и 153 резервные заставы, 98 контрольно-пропускных пунктов, 11 авиационных эскадрилий, 76 манёвренных групп) с общей численностью личного состава 168 тыс. чел.⁸²

В годы Великой Отечественной войны западные пограничные части перешли на охрану тыла фронтов, а 9 пограничных округов (46 отрядов, 12 отдельных комендатур) – государственной границы на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии. В сферу ответственности Хабаровского и Приморского пограничных округов входила охрана 4083 км границы с Маньчжурией, 24 км – с Кореей, 132 км – с Японией и 15 495 км – морской границы⁸³.

На начало 1941 г. речную, морскую и сухопутную границу Хабаровского пограничного округа охраняли 10 отрядов, из них 7 – на реках Амур и Уссури, один сухопутный – на о-ве Сахалин, два силами 65-го морского пограничного отряда (управление в г. Николаевск-на-Амуре) – морской участок. Граница охранялась службой наблюдения на морских постах (3 чел.), которые могли обеспечить охрану только небольшой акватории моря⁸⁴.

В составе Приморского пограничного округа имелось 7 отрядов, в сфере ответственности которых находились участки границы по р. Уссури, оз. Ханка, ст. Гродеково, оз. Хасан, пограничное пространство Японского и Охотского морей. На железнодорожных и морских путях сообщения, в аэропорту имелась отдельная служба пограничного контроля. В оперативном подчинении округа находились отдельные авиационные части, 2-й авиаполк и 5-я авиационная эскадрилья пограничных войск НКВД, привлекался 47-й истребительный авиаполк Дальневосточного фронта⁸⁵.

В состав Управления пограничного округа входили 5 отделений: 1-е отделение (отдел службы) отвечало за выполнение служебно-боевых задач, 2-е (боевой подготовки) – за обучение личного состава, 3-е (связь) – за связи с подразделениями, 4-е (организационное комплектование или служба кадров) отвечало за формирование личного состава округа, 5-отделение (административно-хозяйственной службы) – за снабжение и организацию быта в подразделениях. Штатная численность штаба округа составляла 79 чел. Основным связующим звеном Главного управления пограничных войск с территориальными подразделениями являлся пограничный округ, состоявший из пограничных отрядов (основные подразделения), располагавшихся на участках государственной границы, и резервных сил, привлекавшихся при крупномасштабных нарушениях или боевых прорывах границы⁸⁶.

Численность личного состава пограничных войск менялась в зависимости от обстановки на государственной границе. Изменения в численности пограничных войск на Дальнем Востоке в 1939–1941 гг. были незначительными: если в 1939 г. она составляла 21 703 чел., то к 1941 г. – 24 844 чел. Группировка пограничных войск Хабаровского округа насчитывала в 1939 г. 10 894 чел., основной недокомплект проявлялся в командном составе (20–30% штатного расписания), к началу 1940 г. – 9038 чел. (94% штатного расписания), во втором полугодии этого же года – 8953 чел. (90%), к 1941 г. – 9739 чел. (95%), на 1 июля 1941 г. – 9688 чел.⁸⁷ Учитывая сложную геополитическую обстановку, в Приморском пограничном округе в 1941 г. сформировали дополнительно 10 пограничных застав, из них 6 линейных и 4 временные, увеличили численный состав 33 застав⁸⁸.

В 1941 г. из резерва пограничных войск на Дальний Восток были переведены 16 534 чел. Большинство из них направили в Благовещенский, Екатерино-Никольский, Ленинский, Казакевичевский погранотряды. Однако не хватало начальников пограничных застав, комендатур, командиров отрядов, старших нарядов и разведывательных групп, что объяснялось недостатком выпускников пограничных училищ, призывников. Руководство пограничных войск учитывало данные факторы, но восполнить недостаток кадров в условиях нарастающей внешней угрозы в Азиатско-Тихоокеанском регионе было сложно.

В 1942 г. на участке границы Хабаровского округа выставили 9 застав, из них 5 линейных, 4 резервных (штат отдельных пограничных застав увеличили с 42 до 64 чел.), и численность группировки пограничных войск округа составила 11 115 чел. (96% штата). Резервы использовали на наиболее опасных участках границы, находящихся в сферах ответственности 52-го пограничного отряда, 56-го – в р-не с. Худино, 75-го – с. Калтуки, Скобельцино, 76-го – с. Сторожевое, Амурзет, 70-го – в р-не 5016 км Транссибирской магистрали. Выставлялись они в летнее время на сухопутных участках границы, там, где требовалось дополнительное наблюдение. Как правило, это были труднодоступные и слабо охраняемые районы на стыке пограничных застав⁸⁹.

Обстановка на советско-германском фронте требовала военных резервов, началось формирование сводных отрядов из пограничных войск для отправки на фронт. На основании распоряжений ГУПВ НКВД СССР № 87 370 от 28 октября 1942 г., № 87 446 от 13 ноября 1942 г., № 87 479 от 19 ноября 1942 г. из состава Хабаровского округа вывели 5036 чел., из них 1300 чел. направили в РККА, 3095 – в войска НКВД, 513 – военные училища, 128 – в распоряжение Приморской железной дороги и оперативное подчинение Тихоокеанского флота⁹⁰.

Одновременно из состава Приморского округа выбыли 10 096 чел., из них направлялись на фронт 1100 чел. и на формирование 102-й Дальневосточной пограничной дивизии НКВД – 7938 чел., в военные училища РККА – 558 чел., Приморский пограничный округ – 260 чел., распоряжение Дальневосточного фронта – 17 чел., 131-й отдельный сапёрный полк НКВД – 28 чел., осуждены военным трибуналом – 86 чел.⁹¹

На западные рубежи СССР отправляли в основном сержантский и старшинский состав, специалистов пограничной службы – кинологов, наблюдателей, связистов, дознавателей. В течение 1942 г. обозначился некомплект личного состава в Хабаровском пограничном округе в количестве 4165 чел., что составило 30% штатного расписания. Личный состав Приморского пограничного округа сократился на 1096 чел., или 9,8% от штатного расписания, и в ноябре 1942 г.

некомплект составлял 19% – 2119 чел. На заставах оставалось 70–75% личного состава, что усложняло охрану границы, увеличивало время нахождения в дальних пограничных нарядах.

Для ликвидации штатного некомплекта линейных подразделений Хабаровского пограничного округа привлекали красноармейцев из других ведомств и мобилизовали призывников. В частности, в 1942 г. направили 2224 военнослужащих из резервных подразделений, 1991 – из манёвренных групп и 4210 – из других подразделений. Для укомплектования личного состава в Приморском округе прибыли 8316 чел., в том числе 1023 призывника 1924 г. рожд., 523 военнослужащих из частей Дальневосточного фронта, 125 – из западных округов, 6645 чел., мобилизованных из запаса⁹².

Личный состав штабных подразделений (комендантский и хозяйственный взвод, канцелярская служба) на пограничной заставе привлекали в качестве резерва для выполнения хозяйственных работ или осуществления караульной, комендантской службы, контроля за пограничным режимом. При возникновении тревожной ситуации пограничную заставу усиливали силами одного или нескольких пограничных подразделений, осуществляли переброску опытных пограничников на опасные участки границы⁹³.

Обязанности младшего командного состава исполняли пограничники с большим опытом службы, старшины и сержанты, командиры средних и малых подразделений. Руководство пограничных войск рассчитывало значительно пополнить личный состав за счёт призыва военнообязанных или передислокации внутренних войск НКВД, по-прежнему оставался дефицит командно-начальствующего состава.

В начале 1943 г. численность личного состава в Хабаровском пограничном округе по сравнению с 1942 г. сократилась на 1547 чел. (некомплект 21,5%), в 1944 г. – на 1557 чел. и составила 5365 чел. (57% штатного расписания округа), что связано с отправкой опытных пограничников на вновь образованные западные пограничные рубежи СССР (табл. 8.2.1).

В Хабаровском округе не хватало 251 чел. офицерского состава, из них 87 – непосредственно связанных со службой на линии границы. Не укомплектованы по 2 должности – заместителя начальника пограничного отряда, начальника штаба погранотряда и заместителя начальника погранотряда по разведке, 4 – коменданта участка, 10 – заместителя начальника комендатуры по разведке, 2 – начальника штаба комендатуры, 27 – помощника начальника штаба погранотряда, 14 – помощника начальника штаба комендатуры, 5 – помощника коменданта участка, 4 – переводчика, 14 – начальника пограничной заставы, 1 – командира сапёрного взвода⁹⁴.

В течение 1943 г. из Приморского пограничного округа откомандирован в другие части 931 чел., отправлены на укомплектование пограничных застав, расположенных на тревожных участках государственной границы внутри округа, 2396 чел., а приняты на укомплектование 1183 чел. и личный состав 50-го сапёрного полка НКВД⁹⁵. В 1943 г. некомплект численности личного состава по Приморскому округу составлял: 99 офицеров, или 5,7%, рядовой и сержантский состав – 424 чел., или 3,6%. Урегулировать ситуацию удалось частично за счёт переброски личного состава 60-го и 62-го морских пограничных отрядов на участки сухопутной границы, где нехватка кадров была критической (табл. 8.2.2).

8.2. Пограничные войска на охране дальневосточных рубежей

Таблица 8.2.1. Численность личного состава пограничных войск НКВД СССР Хабаровского округа в 1939–1945 гг., чел.

Годы	Численность, чел.	Погранотряды										Всего, чел.
		78-й Кумарский	56-й Благовещенский	75-й Иннокентьевский	76-й Екатеринбургский	63-й Ленинский	70-й Казакевичевский	77-й Бикинский	52-й Сахалинский (морской)	65-й Николаевский (морской)		
1939	По списку	1036	1461	1265	1163	1140	1276	1262	1843	448	10 894	
1941	По списку	1021	1246	1131	1133	1015	1127	1243	1556	267	9 739	
	По штату	1021	1254	1131	1133	1117	1127	1243	1556	281	9 763	
01.01.1942.	По списку	1012	1229	1117	1115	984	1129	1238	1558	286	9 668	
	По штату	1018	1250	1131	1124	1017	1129	1240	1558	286	9 753	
01.07.1942	По списку	1020	1715	1228	1223	1109	1258	1377	1706	478	11 115	
	По штату	1085	1805	1240	1223	1232	1297	1465	1722	493	11 562	
01.01.1943	По списку	758	1538	1001	977	999	1083	1205	1619	478	9 658	
	По штату	1100	1875	1236	1206	1234	1274	1487	1722	498	11 332	
01.07.1943.	По списку	556	1155	750	716	751	762	811	1057	364	6 922	
	По штату	1358	2048	1442	1530	1413	1518	1492	1285	675	13 456	
1944	По списку	730	820	738	768	516	670	684	816	223	5 365	
	По штату	1166	1281	1172	1220	803	1051	1077	1276	347	9 393	
01.01.1945	По списку	1260	1889	1356	1427	1276	1388	1348	1549	570	12 603	
	По штату	1351	2046	4411	1528	1413	1518	1490	2009	694	13 490	
01.07.1945	По списку	1110	1820	1263	1269	1208	1217	1222	1759	695	11 632	
	По штату	1359	2089	1449	1536	1414	1523	1538	2023	964	13 265	

Источник. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 22; Д. 177. Л. 6, 65, 114; Д. 178. Л. 14, 89 (сост. авт.).

Примечание. В 1939 г. по штату – 1237 чел., 1940 г. по штату – 9615 чел., по списку – 9038 чел.

Таблица 8.2.2. Численность личного состава пограничных войск Приморского округа НКВД СССР в 1939–1945 гг., чел.

Погранотряды	Численность, чел.						
	1939 г.	1942 г.		1944 г.		1945 г.	
	По списку	По штату	По списку	По штату	По списку	По штату	По списку
57-й Иманский	1366	1586	1388	1695	1628	1687	1392
69-й Ханкайский	1175	1355	1162	1501	1467	1567	987
58-й Гродековский	1888	2385	2233	2396	2323	2433	2107
59-й (Посьетский) Хасанский	1884	2057	1838	2257	2151	2262	1784
60-й (морской) Петропавловск-Камчатский	1989	1852	1524	2943	2832	2978	2409
61-й (морской) Магаданский	861	771	918	997	909	1031	798
62-й (морской) Владивостокский	1646	1097	942	1793	1721	1251	1722
Всего	10 809	11 101	9645	13 572	13 049	13 209	11 249

Источник. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 24, 177, 258 (сост. авт.).

Примечание. * В 1939 г. численность по штату 12 507 чел.

Временное увеличение плотности охраны сухопутных участков границы происходило за счёт переброски военнослужащих после завершения навигационного сезона на пограничных реках, морской и речной акватории. В 1944 г. в Приморский округ вошли отдельные пограничные подразделения (пограничная служба катеров, отдельный озёрный и речной дивизионы пограничных катеров), раньше подчинявшиеся непосредственно Главному управлению пограничных войск, что позволило увеличить личный состав и резерв. Некомплект личного состава составлял 2555 чел. (19,3% штата), и для его устранения в конце 1944 г. прибыло пополнение 1519 чел. 1927 г. рожд., которых отправили в учебные подразделения. Только в апреле 1945 г. они приступили к выполнению служебно-боевых задач по охране дальневосточных рубежей⁹⁶.

После восстановления западных границ СССР с Дальнего Востока отправляли пограничников на формирование вновь создаваемых пограничных отрядов. В Хабаровский округ для их замены в конце 1944 г. прибыло пополнение численностью 6133 чел. На 1 января 1945 г. в списочном составе округа состояли 12 063 чел. (89% штата), некомплект сократился до 887 чел., или 11% от штатного расписания подразделений. Половина некомплекта составлял офицерский состав (209 чел.), из них 84 – связаны непосредственно с охраной государственной границы и боевой подготовкой личного состава⁹⁷.

Таким образом, в годы войны военно-политическая ситуация определяла численность личного состава пограничных войск на Дальнем Востоке: в 1942 г. по сравнению с 1941 г. она уменьшилась на 4084 чел., в 1944 г. – на 6637 чел.

На 1 августа 1945 г. в Хабаровском пограничном округе НКВД имелось 10 136 чел., некомплект составил 909 чел. (8% от штатного расписания), из них не хватало 176 офицеров, 148 сержантов и старшин, 585 рядовых. В Приморском округе на 1 июля 1945 г. не хватало 1162 чел., ещё 2000 чел. были отправлены в учебные пункты с отрывом от основного места службы. Фактически некомплект на отдельных участках составлял от 40 до 60%, но на важнейших участках границы численность личного состава была выше – 75–90% штатного расписания.

Помимо общего некомплекта личного состава имелся сезонный, когда пограничники привлекались для выполнения хозяйственных работ на основании договоров. Отдельных строительных рот в пограничных войсках не было, инженерно-техническое обеспечение по линии границы пограничники осуществляли самостоятельно, но взводы обеспечения выходили в наряды, и это влияло на содержание и прокладывание инженерных коммуникаций (контрольно-следовой полосы), установку и ремонт проволочных заграждений, наблюдательных пунктов⁹⁸.

В период проведения сезонных работ общий некомплект личного состава пограничников увеличивался на 30%, и начальникам застав, комендатур приходилось выставлять пограничные наряды по упрощённой схеме, что накладывало дополнительную нагрузку на личный состав подразделений. Увеличивалось время нахождения пограничников в пунктах мобильных наблюдений и на стационарных постах, при обследовании местности, где не было контрольно-следовой полосы или она была, но ненадлежащего качества. Для снижения нагрузки на личный состав привлекали резервы пограничных войск, местное население⁹⁹.

Необходимо отметить, что сокращение численности личного состава на 400 чел. снижает плотность охраны государственной границы на 100 км. В условиях нехватки кадров перекрывали наиболее опасные военно-стратегические направления, усиливали охрану в зонах ответственности Хасанского, Гродековского, Петропавловск-Камчатского, Благовещенского, Сахалинского пограничных отрядов, перебрасывая личный состав. Водный участок границы по р. Амур, вблизи Транссибирской магистрали, находился в сфере ответственности Благовещенского отряда. Численность его личного состава в 1942 г., по сравнению с 1939 г., увеличилась на 344 чел., в 1943–1944 гг. сократилась, но оставалась больше, чем в других отрядах, в 1945 г. – увеличилась на 428 чел. и составила 2089 чел.

Сахалинский отряд охранял границу СССР в Охотском море, советские рыболовецкие суда и торговый флот, осуществлял контроль над концессионными предприятиями Японии на о-ве Сахалин и островах Охотского моря. Руководство округа старалось не допускать большого некомплекта личного состава на данных направлениях. Он возник в 1944 г., когда с округа массово перебросили личный состав на западные рубежи, и его численность по сравнению с 1939 г. сократилась на 824 чел., уменьшив число выходов в море и сократив количество проверок концессионных предприятий. На данном направлении в годы войны недокомплект составлял в среднем от 137 до 287 чел.

Дальневосточная граница была смешанной – речная, озёрная, морская, сухопутная, и её охрана требовала больше линейных подразделений. Применение инженерных коммуникаций на такой границе было затруднено, и для её прикрытия выставлялись долговременные пограничные наряды, сосредоточенные

на наблюдательных пунктах, что определяло особенность структурных подразделений застав Хабаровского и Приморского пограничных округов. Их укомплектованность зависела от оперативной обстановки на границе. На направлениях, имевших военную-стратегическую значимость, были развернуты новые линейные подразделения, увеличен их личный состав.

Самыми крупными в Приморском округе являлись Гродековский, Хасанский, Петропавловск-Камчатский (морской) отряды, и численность в них была больше, чем в других. Петропавловск-Камчатский отряд контролировал передвижения на концессионных предприятиях, располагавшихся в зоне его ответственности, проверял иностранные торговые суда, заходившие в советские территориальные воды, выявлял и обезвреживал японских диверсантов, Гродековский – осуществлял контроль над ввозимыми грузами по железной дороге, отражал агрессивные действия со стороны Маньчжурской пограничной охраны. Хасанский отряд охранял государственную границу Советского Союза, проходившую по приграничным высотам Приморского края, где регулярно возникали вооружённые столкновения, и сократить личный состав на вверенном участке границы не представлялось возможным. Иманский и Ханкайский отряды охраняли водный и сухопутный участки границы, на которых обстановка менялась практически каждый день. Приходилось сохранять минимальную численность пограничников для отражения потенциальных угроз безопасности на государственной границе СССР.

Помощником по охране государственной границы являлось местное население (табл. 8.2.3). Так, в 1941 г. численность сил содействия Хабаровского пограничного округа сократилась на 839 чел. (18%), что связано с мобилизацией мужского населения в ряды Красной армии, а заменить убывших не удавалось¹⁰⁰.

В 1942 г. произошло уменьшение численности бригад содействия ещё на 456 чел. Пополнение идёт в основном за счёт женщин: в составе сил содействия округа числились 622 женщины, или 24,7% состава бригад содействия.

Инструкция «О порядке привлечения местного населения пограничной полосы для помощи в охране государственной границы СССР» 1943 г. разрешила привлекать жителей приграничья к охране государственной границы СССР, и число добровольных помощников значительно увеличилось¹⁰¹. Так, если в 1941 г. в Приморском округе численность бригад содействия составляла 4973 чел., то к 1944 г. она достигла 6052 чел., увеличившись на 1079 чел.¹⁰²

За первое полугодие 1945 г. в Хабаровском пограничном округе создано 9 бригад и 30 групп содействия, по сравнению с 1944 г. численность выросла на 425 чел. Увеличение произошло на участках 78-го Кумарского, 76-го Екатерино-Никольского, 77-го Бикинского, 52-го Сахалинского (морского) пограничных отрядов. Для оперативного наблюдения в составе сил содействия создали службу ночных сторожей в 167 населённых пунктах, расположенных вблизи линии государственной границы¹⁰³.

Участники сил содействия выходили в пограничные наряды в качестве проводников, на временных пограничных заставах и постах исполняли обязанности пограничников. Их привлекали для разведки тыловых участков границы, зачистки от нелегальных лиц и нарушителей пограничного режима в глубине приграничной территории¹⁰⁴. Помощь пограничным войскам бригады и группы содействия оказывали в период полевого сезона, на уборке снега, при выполнении работ оборонительного назначения в пределах приграничной полосы, охране колхозного и государственного имущества в приграничье¹⁰⁵.

Таблица 8.2.3. Численность сил содействия пограничных отрядов Хабаровского пограничного округа

Годы	Показатели	Пограничные отряды									Всего
		78-й Кумарский	56-й Благовещенский	75-й Иннокентьевский	76-й Екатерино-Никольский	63-й Ленинский	70-й Казакевичевский	77-й Бикинский	52-й Сахалинский (морской)	65-й Николаевский (морской)	
1 января 1941	Бригады содействия	15	14	15	2	2	н/с	24	19	24	115
	Группы содействия	2	23	20	31	19	14	31	45	н/с	185
	В них, чел.	223	256	410	463	148	139	400	842	107	2988
1 января 1942	Бригады содействия	1	3	3	5	2	9	22	34	н/с	79
	Группы содействия	16	28	24	21	19	4	7	34	58	211
	В них, чел.	151	277	238	124	157	124	315	575	129	2154
1 января 1943	Бригады содействия	1	3	3	4	н/с	9	19	12	1	52
	Группы содействия	16	29	24	24	16	4	22	48	46	229
	В них, чел.	182	254	165	266	131	170	295	653	398	2514
1 января 1944	Бригады содействия	15	16	5	20	4	16	25	9	1	111
	Группы содействия	н/с	17	25	17	22	8	38	60	35	222
	В них, чел.	457	397	286	399	223	238	460	672	404	3563
1 января 1945	Бригады содействия	22	10	4	15	22	н/с	20	12	1	120
	Группы содействия	н/с	42	25	19	6	н/с	18	53	71	242
	В них, чел.	563	578	311	394	303	н/с	352	812	724	4234
1 июля 1945	Бригады содействия	22	10	4	15	33	н/с	20	12	1	120
	Группы содействия	7	4	33	19	8	н/с	24	53	71	272
	В них, чел.	707	585	400	434	317	н/с	397	812	640	4659

Источник. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 40; Д. 176. Л. 61. Д. 177. Л. 11, 81, 120, 126 (сост. авт.).

Примечание. На 1 января 1939 г. численность сил содействия 1925 чел., на 1 января 1940 г. бригад содействия – 113, групп содействия – 166, численность – 2988 чел.; 1 июля 1940 г. бригад содействия – 59, групп содействия – 268, численность – 3285 чел.

Группы содействия оказывали большую помощь пограничникам и при охране границы. Так, в 1943 г. добровольцы Хабаровского края задержали 33 нарушителя границы, за 1944 г. – 247 нарушителей, что составляет 12,5% задержанных. В 1945 г. подразделения сил содействия пресекли 15,4% нарушений границы, задержали 10,2% нарушителей. В частности, 16 февраля 1945 г. членами бригады содействия Сычевским и Кирьяновым на участке пограничной заставы Головино, а 28 марта 1945 г. на участке заставы Степановка, которые входили в состав сил содействия Ленинского (Биробиджанского) пограничного отряда, были задержаны хорошо подготовленные агенты японской разведки¹⁰⁶.

Работу сил содействия контролировали комсомольские и партийные организации пограничных войск. Руководители штабов территориальных подразделений участвовали в организации работы пограничников с местным приграничным населением, обучении добровольцев навыкам пограничной службы. Основное внимание уделялось взаимодействию местного населения с пограничными войсками, военной контрразведкой, органами милиции. Силы содействия служили связующим звеном между ведомствами. Они совместно выполняли поставленные задачи по обеспечению общественной и государственной безопасности в приграничных районах Дальнего Востока¹⁰⁷.

Основные задачи пограничников заключались в наблюдении за обстановкой на линии границы, проведении пограничной разведки и составлении оперативных данных для штабов пограничного округа и Дальневосточного фронта, органов государственной власти, охране судов заграничного плавания в территориальных водах СССР, поддержании порядка на приграничной территории, предотвращении и отражении агрессивных действий со стороны противника.

Внутренний устав службы пограничных войск («ВУС ПО-27») отражал особенности охраны государственной границы. Численность личного состава заставы составляла приблизительно 35 чел., выходили на охрану границы посменно 9–10 нарядов. На сухопутном участке границы плотность охраны границы составляла 5–7 пеших нарядов, из них 2–3 дневных (наряд численностью 3–4 чел. на 4–5 км), 3–4 конных (на 3–4 км), на глубину 4–5 км в тыл от границы, прибытие тревожной группы экстренного реагирования на место вызова составляло 4–5 ч. В стандартной оперативной обстановке численность нарядов была 2 чел., в отдельных случаях (при усиленной охране отдельных участков границы) – 3–5 чел. В соответствии с указаниями начальника пограничных войск НКВД СССР наряды в годы войны высылались только усиленные (3 чел.), а на удалённые фланги – 4 чел. и более. В основном продолжительность нарядов составляла 8–10 ч, а в отдельных случаях – 15 ч, когда наряд высылался на отдалённый от пограничной заставы участок наблюдения¹⁰⁸.

Пограничные наряды выставлялись в соответствии с линейным принципом охраны, который не позволял экстренно перекрывать линию границы с тыла (войска прикрытия и резервы предназначались для отражения агрессии с сопредельной территории) из-за протяжённости участка с горно-лесистым рельефом при отсутствии транспортных коммуникаций. В реализации поставленных целей внедрялись новые методы охраны границы. Были организованы новые секретные пункты дозора, проложены специальные тропы для смены пограничных нарядов. Эти меры повысили маскировку пограничников, находившихся на охране государственной границы СССР, уменьшили риск обнаружения их японской пограничной полицией¹⁰⁹.

В целях улучшения охраны государственной границы выставлялись временные пограничные заставы и посты наружного наблюдения: Иманский погранотряд – заставы Кирагай, Дегтярка, Средняя Речка, в Гродековском погранотряде – пикеты на участках застав Сиянхэ, Полковница, в Посьетском – заставы Рязаново, Сититуй, в Ханкайском – после передислокации заставы Турий Рог выставили временную заставу Сантахеза, линию границы укрепили оборонительными сооружениями 108-го и 109-го укрепрайона¹¹⁰.

Наблюдение за водным и воздушным пространством государственной границы Советского Союза осуществляли морские силы и авиационные подразделения пограничных войск и Тихоокеанского флота. Хабаровскому пограничному округу ставились задачи охранять водный участок границы по рекам Амур и Уссури. Его охраняли 6 дивизионов и 3 группы катеров, 102 рейдовых катера на период навигации передавались в подчинение отрядов и комендатур. Они осуществляли переброску пограничных нарядов на острова, вели наблюдение за действиями маньчжурских катеров на реках и осуществляли перехват незаконно перемещающихся грузов. Основными недостатками деятельности катеров являлись большая нагрузка на плавсостав (в среднем по 12 ч в сутки), слабое взаимодействие между пограничными подразделениями. Неустойчивая связь не позволяла наладить взаимодействие и корректировку задач, обмен информацией носил характер доклада о текущем местоположении¹¹¹.

Для охраны границы на акватории оз. Ханка применяли катера, прожектора, самолёты 47-го истребительного авиационного полка, который дислоцировался в Камень-Рыболове. В зимнее время для охраны водного участка выставляли 4 домика, которые являлись временными постами. Для повышения эффективности дозорно-разведывательной службы восточного и северо-западного побережья о-ва Сахалин и Охотского моря использовали 3-е отдельное авиазвено.

Пограничные войска решали широкий спектр задач оборонительного назначения. Граница охранялась по результатам оперативного наблюдения. В зависимости от обстановки выдвигались усиленные дозорные и секретные наряды, часовые, наблюдатели. Большое внимание уделялось охране тыла воинских подразделений Красной армии и охране населённых пунктов, располагавшихся вблизи государственной границы. Слабо охранялись стыки участков границы, которые проходили, как правило, между сопок, в проливах и протоках пограничных рек (требовался дополнительный личный состав), что упрощало работу разведке Маньчжурской пограничной полиции на советской территории¹¹².

Обеспечение безопасности населённых пунктов, находившихся в непосредственной близости к государственной границе, входило в сферу ответственности пограничных войск. Вводилась режимная пограничная зона, которая включала 7,5 км вглубь территории СССР. В зависимости от меняющейся оперативной и боевой обстановки пограничный режим мог меняться для отдельных категорий граждан, проживавших вблизи государственной границы¹¹³.

Совместно с сотрудниками милиции, сельских Советов и силами содействия пограничники регулярно проводили рейдовые мероприятия по высылке из приграничной полосы сомнительных элементов. За 1942 г. задержали 1488 нарушителей государственной границы, из них 1388 чел. задержали пограничники, 77 – милиция, 23 – силы содействия. Задержано 2880 нарушителей пограничного режима – в основном местные жители, которые вели промысел или хозяйственную деятельность в пограничной зоне. Во избежание дальнейших нарушений

с жителями приграничья проводились разъяснительные беседы о правилах пограничного режима. За 1943 г. зафиксировано 32 случая нарушения морской границы, из них 4 – военными кораблями (зафиксировано 6 кораблей), 28 – рыболовецкими судами (28 судов), выявлено 177 нарушителей морской границы, проверено и осмотрено 7913 судов¹¹⁴.

В 1943–1944 гг. задержаны 17 чел., пытавшихся перейти на сопредельную сторону, 3983 нарушителя границы (3257 гражданских лиц и 726 – военнослужащих), из них 118 чел. привлечены к ответственности в судебном порядке, 2335 – в административном и 1530 – отпустили¹¹⁵. Основными причинами нарушения режима являлись несвоевременное оформление владельцами маломерных судов пропуска в пограничную зону, переход частей Красной армии на самостоятельное обеспечение (табл. 8.2.4).

В 1941–1945 гг. на южном, восточном и дальневосточном участках границы было задержано 23 806 нарушителей. Пограничники участвовали в 409 боевых столкновениях, 866 раз применяли оружие, задержали контрабандных товаров на 18,5 млн руб., однако полностью перекрыть советскую границу не удалось¹¹⁶.

Меняющаяся обстановка на дальневосточной границе требовала совершенствования системы управления пограничными войсками. Для обеспечения безопасности пограничные войска расширяли круг своих задач. Удалось до-

Таблица 8.2.4. Количество нарушителей пограничного режима в 1943–1944 гг., чел.

Показатели	1943 г.		Всего	1944 г.		Всего
	Нарушители			Нарушители		
	гражданские	военные		гражданские	военные	
Погранотряды: 57-й Иманский	65	106	171	99	285	384
69-й Ханкайский	52	51	103	11	81	92
58-й Гродековский	н/с	50	50	170	78	248
59-й (Посыетский) Хасанский	217	91	308	18	176	194
60-й (морской) Петропавловск- Камчатский	38	н/с	38	435	н/с	135
61-й (морской) Магаданский	239	н/с	239	222	2	224
62-й (морской) Владивостокский	930	н/с	930	2192	104	2296
Отдельный морской контрольно- пропускной пункт Владивосток	41	н/с	41	110	н/с	110
Итого	1582	298	1880	3257	726	3983

Источник. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 321.

биться контроля над сопредельной стороной, грамотно спланировать расстановку пограничных нарядов на оперативных направлениях. Собранные пограничной разведкой данные помогали обеспечивать военную безопасность в регионе и своевременно усиливать участки границы регулярными войсками Красной армии. В сложных условиях отработывалось взаимодействие между пограничными войсками, органами власти и общественными организациями. Совместные действия позволили сохранить территорию Дальнего Востока и хрупкий мир с милитаристской Японией до августа 1945 г.

8.3. Таможенная служба Дальнего Востока в условиях военного времени

Оккупация Японией Маньчжурии, создание государства Маньчжоуго, продажа КВЖД привели к усилению напряжённости на границе, свёртыванию приграничной и транзитной торговли. Прекратилось перемещение пассажиров через границу, за исключением сотрудников консульских служб и советских граждан, возвращающихся из-за рубежа. С падением товарооборота и сокращением пассажирского движения реорганизовывалась таможенная служба – значительную часть таможенных учреждений ликвидировали. К началу 1938 г. прекратили существование Николаевская-на-Амуре, Благовещенская и Гродековская таможни, а также уполномоченные по борьбе с контрабандой в Имане и Хабаровске¹¹⁷. Их имущество передавалось Погрануправлению*, а сотрудники перемещались во Владивосток¹¹⁸.

В соответствии с приказом Наркомата внешней торговли от 5 февраля 1938 г. ликвидировано Дальневосточное отделение Главного таможенного управления (ДВО ГТУ). Функции регионального таможенного управления Дальневосточного края стала выполнять Владивостокская таможня, в оперативном подчинении которой в 1941 г. состояли Петропавловская таможня на Камчатке, Александровская и Охинская – на Сахалине, а также сезонные таможенные посты на охотско-камчатском побережье. В 1940 г. из наиболее опытных таможенников создана специальная бригада во главе с П.И. Шергиным для обеспечения таможенного контроля за наиболее важными транзитными грузами, введено круглосуточное дежурство сотрудников¹¹⁹.

Эффективность проверки транзитно-грузовых операций повысилась. Так, 17 января 1941 г. владивостокские таможенники задержали ящики с грузом, транспортировавшимся из Германии в Японию, где вместо означенного в документе «стального и железного товара» находились 2 тыс. пистолетов, а 3 февраля этого же года в ящиках, перевозимых по этому же маршруту, обнаружены кино- и фотоаппаратура и тогда же – крупная партия цианистого калия, направленная из Германии в адрес одной из японских фирм¹²⁰.

Начавшаяся война нанесла ощутимый урон таможенной системе СССР: материальный ущерб оценивается более чем в 8,6 млн руб., из которых 1,6 млн приходится на полностью или частично разрушенные сооружения 24 таможен, остальные – утрату товаров и грузов. Многие из 284 сотрудников таможенных

* Последний акт о передаче Пограничному управлению здания таможни в г. Охотск был подписан начальником Владивостокской таможни Н.Д. Петровым 19 июня 1941 г.

учреждений на западной, южной и юго-западной границах погибли или попали в плен¹²¹.

По штатному расписанию 1941 г. численность таможенников на Дальнем Востоке составляла 125 чел., в том числе 65 штатных единиц во Владивостокской таможне и 60 – во всех подведомственных ей учреждениях (49 – на временных постах по охотско-камчатскому побережью)¹²². Фактически на 15 сентября 1941 г. в таможенных учреждениях работали 97 чел., причём штатные должности на периферии были замещены полностью, а во Владивостоке вместо 65 таможенников – только 37¹²³.

Главной причиной кадрового дефицита стал призыв мужчин в действующую армию и на переподготовку. С июля по декабрь 1941 г. 32 сотрудника вызваны на военные сборы на срок от двух недель до двух месяцев с отрывом от производства, 9 – призваны в ряды РККА¹²⁴. В этих условиях единственным способом пополнения штата таможни стал приём женщин на должности контролёров. Уже осенью 1941 г. в таможне числились 15 женщин, а в 1943 г. на службу приняты 55 женщин¹²⁵.

Изменение демографического состава сотрудников таможни на первых порах создавало некомфортную обстановку. Женщины жаловались на грубость мужчин и нежелание передавать им опыт, на отсутствие условий, позволяющих совершенствоваться в профессии. Мужчины связывали с женщинами-сотрудницами падение дисциплины и провалы в работе на некоторых направлениях¹²⁶.

Начальнику таможни Н.Д. Петрову, секретарю партийной организации И.И. Лебедеву не раз приходилось вмешиваться в конфликтные ситуации, но уже в 1943 г. конфликты на гендерной почве практически исчезли – женщины несли круглосуточное дежурство в порту, обеспечивали таможенный контроль над транзитными грузами в период навигации на отдалённых северных таможенных постах. На 1 января 1945 г. женщины в штате Владивостокской таможни и подведомственных ей учреждениях составляли 28%¹²⁷. Многие из них стали отличниками и ударниками социалистического соревнования, неоднократно поощрялись за высокие показатели и награждались ценными подарками. Так, в конце 1942 г. из 31 ударника соцсоревнования было пять женщин – начальник таможенного поста Н.И. Куницына, курьер таможни Л.А. Костина, контролёры В.Т. Булгарова, Е.А. Мариненко, инспектор А.Г. Грязнова¹²⁸. 5 марта 1945 г. за образцовое выполнение обязанностей премированы 8 сотрудниц таможни, ещё десяти объявлена благодарность. Приказом по таможне от 7 марта 1946 г. за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны объявлена благодарность 39 сотрудницам¹²⁹.

Призыв квалифицированных сотрудников таможни в действующую армию и замена их новыми придавали особую актуальность профессиональной подготовке, которая включала техминимум для вновь принятых, курсы по повышению квалификации руководящего состава таможни, начальников сезонных таможенных постов, обеспечивающих контроль над японскими рыбными промыслами на арендованных участках (Охотско-Камчатские курсы).

В марте 1943 г. реализована месячная программа подготовки сотрудников «для продвижения на высшие должности», включавшая изучение Таможенного кодекса СССР, приказов, инструкций, циркуляров и правил их применения, законодательства о борьбе с контрабандой, в том числе особенностей

делопроизводства по делам о контрабанде, реализации конфискованных и спасённых товаров, оформления дел о нарушении таможенных правил. Из 14 контролёров пятеро сдали экзамены на «хорошо» и «отлично». Успешно выдержавшие испытания контролёры А.А. Иванова, А.П. Гусева, М.М. Просянок и Т.Н. Первушина переведены на должности инспекторов. Удачным оказался опыт прикрепления вновь зачисленных на должности контролёров к конкретным бригадам, осуществлявшим таможенное оформление, работавшим по-сменно в соответствии с ежемесячно утверждаемым графиком¹³⁰.

Большое внимание уделялось изучению иностранных, и прежде всего английского, языков. На эти цели Главным таможенным управлением выделялись немалые средства. Только во Владивостокской таможне в 1941 г. на обучение иностранным языкам израсходовано более 31 тыс. руб.¹³¹ Однако, несмотря на административный ресурс, эффективность обучения оставалась низкой, свободно владеющих английским языком, имеющих опыт работы в таможне и знающих специальную терминологию было немного. Сказывались большая занятость сотрудников и физическая усталость (занятия проходили после рабочего дня 3 раза в неделю), постоянные отвлечения на выполнение внеслужебных обязанностей.

Осенью 1943 г. был сделан акцент на разный уровень владения иностранным языком – по распоряжению Главного таможенного управления создали отдельные группы по изучению английского языка для старших инспекторов (6 чел.), начальников таможенных постов (14 чел.) и инспекторов (14 чел.). Преподавание вели инспекторы таможни В.И. Меленчук и А.Е. Джандиери. В дополнение к ним при уполномоченном Наркомата внешней торговли на Дальнем Востоке организовали курсы английского языка для контролёров таможни (21 чел.) под руководством инспектора таможни Л.В. Войнич¹³². В официальных документах не сохранилось информации о степени владения языком рядовых сотрудников таможни, осуществлявших таможенное оформление иностранных судов, но можно предположить, что определённый уровень был достигнут, что не могло не сказаться на быстроте таможенных операций.

Ещё одним способом решения проблемы кадров стало прикомандирование в наиболее сложных ситуациях таможенников из других регионов страны. В условиях войны в таможенной системе сложилось своеобразное ядро – группа квалифицированных сотрудников из Архангельской, Мурманской, Владивостокской таможен, имевших большой опыт оформления ленд-лизинговых грузов. Именно их направляли при необходимости туда, где складывалась сложная обстановка. Так, в марте 1942 г. были откомандированы из Дальневосточного региона в Архангельскую таможню начальник таможенного поста Ф.И. Буров, инспекторы А.А. Барабаш и В.Г. Мадонов¹³³. В ноябре 1943 г. 7 сотрудников Владивостокской таможни выехали в Мурманск и 9 – в Архангельск для осуществления контроля за грузами спецназначения¹³⁴.

По сведениям В.В. Головина, подтверждённым приказами по личному составу Владивостокской таможни, с августа 1942 г. по сентябрь 1944 г. в Мурманской таможне работали 11 таможенников-дальневосточников. Среди них инспектор со знанием английского языка (переводчица) Е.П. Дрейер, начальники таможенных постов Г.Г. Быков, П.И. Чекрыгов, К.В. Кретинин¹³⁵.

Владивостокская таможня также получала помощь от прикомандированных сотрудников, имевших опыт обработки импортных грузов, доставленных

по ленд-лизу. С 19 мая 1943 г. приступил к работе во Владивостоке инспектор Мурманской таможни И.Я. Попов (возвратился в Мурманск в ноябре того же года), с 21 мая – 7 сотрудников, прибывших из Архангельска. Двое из них, переводчик Д.И. Выходзь и инспектор А.Г. Перекин, впоследствии были направлены в Мурманскую таможню¹³⁶.

Прикомандированные таможенники работали не только во Владивостоке, но и направлялись на отдалённые таможенные посты. Так, 30 июня 1943 г. выехали в Николаевск-на-Амуре прибывшие из Архангельской таможни инспекторы Л.С. Гладышева и Ф.М. Марголина¹³⁷.

Перемещения сотрудников происходили и в следующем, 1944 г., с той лишь разницей, что теперь таможенники с Дальнего Востока направлялись на усиление таможен на освобождённой территории СССР. В ноябре 1944 г. были командированы в Минск инспекторы Ф.Г. Пушкарев, И.Я. Лысенко, А.И. Крашенов, вскоре получившие назначения в таможни на территории Белоруссии. В 1944 г.–первой половине 1945 г. таможенники из Владивостока выехали на постоянную работу в Ленинградскую, Мурманскую, Архангельскую, Одесскую, Рижскую, Таурагенскую, Клайпедскую, Новороссийскую области. Всего в 1944–1945 гг. сотрудники Владивостокской таможни были переведены в 18 таможен СССР¹³⁸, в том числе на руководящие должности. Так, Н.Д. Петрова назначили начальником Туапсинской таможни, Ф.Г. Пушкарева – Рава-Русской, Р.В. Соколинского, возглавлявшего с июля 1943 г. Владивостокскую таможню, – Ленинградской¹³⁹.

Правовой основой деятельности таможен в годы войны оставался Таможенный кодекс СССР 1928 г., определявший основную функцию таможенных учреждений: осуществление контроля за выполнением постановлений о государственной монополии внешней торговли, взимание таможенных сборов и совершение других таможенных операций¹⁴⁰. Однако война скорректировала практику таможенного дела: 27 ведомственных нормативных актов Наркомата внешней торговли и Главного таможенного управления вносили изменения в действующее законодательство¹⁴¹.

Владивостокская таможня и входившие в её состав учреждения выполняли важнейшую задачу – пропуск грузов, поступающих в Советский Союз по ленд-лизу и по линии международного сотрудничества общественных организаций. Именно через Тихий океан в июне 1941 г. были доставлены в СССР первые 2988 длинных т (1 дл. т = 1016 кг) американской военной помощи. Вклад портовиков, транспортников и таможенников в обеспечение поставок по ленд-лизу впечатляет – из 17,5 млн дл. т ленд-лизовских грузов 47,1% прошло через дальневосточные порты. Большая часть из них (7,9 млн) ушла через Владивосток. По данным Санкт-Петербургских исследователей, через порты Дальнего Востока доставлено 69,7% всех ленд-лизовских грузов¹⁴².

В перевозке грузов через Тихий океан были задействованы около 300 советских судов, американские суда принимали участие в перевозках лишь при условии изменения регистрации, что обуславливалось особенностями военно-политической ситуации в Тихоокеанском бассейне: маршруты ленд-лиза проходили через Курильские острова, находившиеся под контролем Японии. Доставка ленд-лизовских грузов внесла изменения в структуру Владивостокской таможни: открылись таможенные посты в Николаевске-на-Амуре, Тикси, Певеке, бухтах Нагаево, Провидения, Амбарчик, действовавшие в период навигации. Начальники постов отбыли к месту работы на пароходе «Молотов» 20 июня

1942 г. – Г.Г. Быков (Провидение), В.Д. Миренков (Тикси), Н.В. Якушев (Амбарчик), С.Ф. Шпунтенко (Певек)¹⁴³.

В составе Владивостокской таможни открыли таможенные посты, контролирующие доставку грузов в северо-восточный сектор Арктики – на о-в Диксон, в портах на Енисее – Игарка и Дудинка. Первые сотрудники выехали во вновь открытые таможенные посты в июне 1942 г. – А.П. Токарев и И.И. Гайдук (о-в Диксон), И.А. Головкин (п. Игарка), П.А. Бордюгов и М.П. Пугин (п. Дудинка)¹⁴⁴.

Произошли изменения и в деятельности Владивостокской таможни, обеспечивавшей оформление грузов во Владивостокском торговом порту. С апреля 1942 г. при выгрузке пароходов назначались постоянные бригады, которые не снимались до её окончания (состав бригад определялся персонально начальником таможни), на осмотр иностранных судов отводилось 1,5 ч, советских – 2¹⁴⁵. В процессе обсуждения вопросов об улучшении работы таможенной службы были высказаны предложения о введении 12-часовой смены в соответствии с графиком работы порта, что позволяло использовать обобщённые данные бригадиров порта, а не собирать их самостоятельно¹⁴⁶.

Транзитно-грузовую и корабельно-пассажирскую группы таможни, по приказу начальника таможни № 43 от 20 июля 1942 г., объединили в оперативную под руководством старшего инспектора П.М. Ильяшенко, куда поступала вся информация о работе таможенных постов в Нагаево, Петропавловске-на-Камчатке, Николаевске-на-Амуре, Провидении, Тикси, Певеке, Амбарчике, Диксоне, Дудинке и Игарке. По приказу Наркомата внешней торговли от 20 января 1943 г. открыли пост Владивостокской таможни в бухте Находка со штатом 5 чел. под руководством Ф.Г. Пушкарева, в апреле 1943 г. – Сеймчанский и Уэльканский таможенные посты. В декабре 1943 г. таможенный пост в бухте Нагаево со штатом в 7 чел. преобразован в таможню с оперативным подчинением Владивостокской таможне¹⁴⁷.

Таможенное оформление импортных грузов осуществлялось первоначально на основе довоенных правил и инструкций. Согласно «Правилам централизованных расчётов по таможенным пошлинам» от 22 августа 1932 г. на доставленные по ленд-лизу товары начислялась таможенная пошлина, которая взыскивались в централизованном порядке. В 1942 г. только Мурманской таможней было перечислено в бюджет платежей на сумму более 303 тыс. руб.¹⁴⁸ Благотворительные грузы, поступавшие в адрес Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, РККА и ВМФ, пропускались беспошлинно после получения соответствующего разрешения от Наркомата внешней торговли СССР.

С 1 января 1943 г. введён новый порядок пропуска благотворительных грузов, согласно которому начальнику таможни предоставлялось право самостоятельно давать разрешение на пропуск данного вида товаров после завершения таможенных операций. Такие же грузы в адрес других советских организаций пропускались на прежнем основании – беспошлинно, но после получения разрешения НКВТ¹⁴⁹.

К ввозившимся на территорию СССР беспошлинно грузам относились медикаменты, медицинские инструменты, приборы и аппараты, госпитальное оборудование, оборудование для медицинских кабинетов, предметы санитарии и гигиены, протезы, продовольствие, одежда, бельё, обувь, постельные принадлежности. Основанием для применения особого порядка таможенного

оформления становился штамп или надпись «Благотворительный груз», представлявшие на документах. Информация о таких грузах направлялась в Главное таможенное управление. К грузам дипломатического корпуса и консульских учреждений, концессионеров, к частным почтовым отправлениям применялись максимальные ставки таможенного тарифа¹⁵⁰.

В 1943 г. грузы по ленд-лизу также стали пропускаться беспошлинно, в связи с чем возникла необходимость урегулировать вопросы оформления судов, перевозящих такие грузы. Согласно совместной инструкции наркоматов внешней торговли и морского флота от 2 мая 1943 г. полученное капитанами судов в США оборудование, техническое снабжение и топливо пропускались на основании предоставления в таможенную службу счетов и спецификаций со штампом «Отпущено в счет ленд-лизу» или «Приобретено за наличный расчет». Все расчёты с Наркомфином, в том числе и взимание пошлины, осуществлялись в централизованном порядке, а материалы, оказавшиеся сверх этого, выпускались только после получения разрешения и уплаты соответствующей пошлины. Остатки технического снабжения разрешалось передавать другим судам, отправляющимся за границу, топливо и продовольствие использовать во время стоянки только на тех судах, на которых они были привезены, с категорическим запретом их передачи на берег без разрешения.

В случае прибытия в советский порт приобретённого за границей судна таможня проверяла, все ли находящиеся на нём предметы и материалы входят в его закупочную стоимость, включены ли сведения о них в инвентарные и приёмные описи. Оказавшиеся не включёнными задерживались таможней и выпускались только на основании разрешения на ввоз и уплаты пошлины. В случае её неуплаты за ввезённые сверх счетов и спецификаций предметы таковая взыскивалась через местные финансовые органы в обязательном порядке¹⁵¹.

Такой порядок распространялся только на суда Дальневосточного государственного морского пароходства, в том числе и те, которые, следуя из США во Владивосток, делали заход в Петропавловск-Камчатский или другой советский порт. Переход из советского порта во Владивосток в этом случае считался продолжением заграничного рейса. В случае же перехода судов Госморпароходства в малый каботаж всё привезённое из-за границы продовольствие и остатки технического снабжения подлежали оплате в обычном порядке¹⁵².

Кроме судов Госморпароходства, заграничные рейсы через Тихий океан осуществляли суда Кработреста, Дальстроя, Востокрыбхолода. Доставляемые на этих судах грузы поступали в порядке централизованных закупок отдельных ведомств. В некоторых случаях для них вводился особый порядок взимания пошлин, в частности, Всесоюзный трест «Дальстройснаб» НКВД все расчёты, в том числе и уплату таможенной пошлины, производил с соответствующими структурами Наркомата внешней торговли в Москве¹⁵³.

Возникавшие по поводу таможенных платежей недоразумения подчас порождали конфликтные ситуации, требовавшие вмешательства вышестоящих инстанций. Так, в январе 1943 г. в Главное таможенное управление обратился заместитель наркома морского флота с жалобой на взыскание таможенной пошлины в размере 396 тыс. руб. с продовольственных товаров, не израсходованных и не сгружавшихся на берег. В ходе разбирательства жалобу моряков признали обоснованной¹⁵⁴.

1 марта 1943 г. начальник Владивостокской таможни обратился за разъяснениями в Главное таможенное управление относительно порядка уплаты пошлины за снятое с судов и используемое на берегу снаряжение. Речь шла о пишущих машинках, указанных в документах как часть техснабжения судов Дальгосморпароходства, но используемых в управлении пароходства. В данном случае пошлина была взыскана в размере 8348 руб., кроме того, начислен штраф в размере 10% за «непредоставление данных об их стоимости»¹⁵⁵.

22 июля 1943 г. Главное таможенное управление разъяснило: горюче-смазочные материалы, закупаемые на нужды судов и экипажа, следовало рассматривать как обычные грузы и пропускать на общем основании по предоставлении разрешения на ввоз и оплату пошлины. Особый порядок расчётов за получаемые в США капитанами судов техснабжение, продовольствие и топливо распространялся только на суда Госморпароходства¹⁵⁶.

В июле 1943 г. в связи с увеличением нагрузки по обеспечению таможенного контроля созданная ранее оперативная группа вновь подверглась реорганизации, её разделили на транзитно-грузовую (руководитель – ст. инспектор П.М. Ильяшенко) и корабельно-пассажирскую (руководитель – ст. инспектор П.А. Филиппов). Первая вела систематический контроль за погрузо-разгрузочными операциями, складированием импортно-экспортных грузов, досмотром и составлением актов на грузы (ленд-лизовские, консульские, благотворительные), контрольно-инспекторских отчётов, начислением пошлины. Вторая – занималась приёмом и выпуском судов, оформлением пассажиров и членов экипажей, посылок и международной почты, контролем и оформлением внеплановых закупок, подарков, приобретённых членами экипажей для Красной армии, и вещей моряков¹⁵⁷.

Начальником Владивостокской таможни в июле 1943 г. назначен Р.В. Соколинский, возглавлявший Мурманскую таможню с 7 декабря 1942 г. по 21 апреля 1943 г., а Н.Д. Петров (руководитель таможни с 1938 г.) – был переведён на должность уполномоченного Владивостокской таможни в Петропавловске. В ходе приёма-передачи дел выявилось немало недостатков: отсутствие счетов и спецификаций на закупленное капитанами судов техснабжение и топливо, на 81 пароход отсутствовали генеральные акты, удостоверяющие приёмку импортного груза портом по количеству мест, массе и качеству, не имелось информации о мерах, принятых к лицам, обвинённым в порче имущества и хищении импортных грузов, к капитанам судов, возивших в судовой кассе валюту в размерах, превышающих установленную норму (не более 1 тыс. совзнаками и 1 фунта стерлингов в иностранной валюте)¹⁵⁸.

Первым шагом руководства, хорошо знакомого с организацией ленд-лизовских поставок, стала реорганизация оперативного отдела таможни по принципу построения портовых районов. Для усиления контроля и ликвидации обезлички создали 5 таможенных постов, каждый из которых обслуживал один из районов Владивостокского торгового порта: посты № 1 (13 чел., руководитель А.В. Мельничук) и № 2 (13 чел. – А.А. Чернышев) обслуживали 1-й район порта; № 3 (10 чел. – А.А. Барабаш) и № 4 (13 чел. – П.М. Ильяшенко) – 2-й район порта; № 5 (10 чел. – И.Я. Попов) – мыс Чуркин¹⁵⁹.

Особое внимание обращалось на необходимость своевременной отправки грузов, тщательного досмотра трюмов после выгрузки. Предостережением служил случай с оформлением парохода «Полина Осипенко» в ноябре 1942 г., когда

из-за халатности при досмотре значительная часть грузов была вывезена обратно за границу¹⁶⁰. Допустившие такое нарушение сотрудники, несмотря на идеальный послужной список, были уволены.

Важным направлением работы таможенных учреждений стало выполнение контрольно-инспекторских функций, заключавшихся в проверке деятельности транспортных и торговых организаций, выявлении нарушений во внешнеторговом грузообороте и таможенных правил¹⁶¹. Полномочия сотрудников таможни выходили далеко за пределы таможенного досмотра за выпуском товаров на внутреннее обращение. Контроль осуществлялся за подарками, поступающими из-за границы для Красной армии, багажом пассажиров и членов экипажей судов заграничавания. Одновременно дежурящие бригады контролировали процесс выгрузки и погрузки грузов, обращая внимание на его сохранность и качество, недопущение хищений и порчи при погрузо-разгрузочных работах. Особое внимание уделялось проверке сохранности продовольственных грузов – сахара, масла, жиров, муки, консервов. Только за лето 1942 г. среди импортных грузов, поступивших во Владивосток, обнаружены 641 подмоченный и 1267 разорванных мешков муки¹⁶².

Неоднократно в контрольно-инспекторских актах фиксировались случаи падения груза и его повреждения при погрузочно-разгрузочных работах. При обнаружении повреждённых грузов сотрудник таможни в присутствии капитана и представителя порта составлял акт таможенного досмотра с указанием степени порчи груза, годности к употреблению по прямому назначению или использованию в иных целях, по другой цене по отношению к первоначальной. Выявленные недостатки или излишки груза таможенники фиксировали актами таможенного досмотра. С учётом всех актов-извещений количество поступивших грузов фиксировалось генеральным актом, подписанным представителем порта, капитаном судна и таможенным инспектором¹⁶³.

Контроль за сохранностью грузов в процессе таможенного оформления позволял выявить многочисленные случаи хищений. Среди похищенных промышленных товаров фигурировали нательное бельё, обувь, хлопчатобумажная ткань, нитки, хозяйственное мыло. Большую часть похищенного составляло продовольствие – мясные и молочные консервы, яичный порошок, сахар-рафинад, сухое молоко, сало. Так, в ноябре 1942 г. преступники похитили 94 ящика консервов. В случае если виновные не находились, расчёты с государством за неуплаченную пошлину с похищенных грузов возлагались на управление Владивостокского торгового порта, при этом сумма пошлин иногда оказывалась выше стоимости похищенного товара. Так, согласно досмотровой росписи похищенных товаров за февраль 1945 г. их стоимость определялась в 36,9 тыс. руб. в иностранной валюте, а подлежащая уплате начисленная таможенная пошлина – 37,4 тыс. руб. Среди пропавшего, зафиксированного в досмотровой росписи на похищенные грузы в марте 1945 г., кроме продовольствия значились 48 карманных фонарей, 178 батареек к ним и даже 2 телеграфных аппарата. Сумма начисленных пошлин составляла 19,7 тыс. руб. при стоимости товара всего 13,9 тыс.¹⁶⁴ Эта ситуация объясняется особенностями таможенного обложения отдельных групп товаров – для некоторых товаров широкого потребления пошлина достигала 130% цены.

В интересах обеспечения сохранности грузов таможенники выступали с рационализаторскими предложениями. Например, сахар в бумажных мешках предложено выгружать в авиационных парашютах, консервы – укладывать

штабелями на фанерную поверхность¹⁶⁵. Удачные решения доводились до сведения всех сотрудников на производственных совещаниях таможни и оперативных совещаниях грузовых районов порта, присутствие на которых стало обязательным для руководителей бригад по разгрузке судов¹⁶⁶.

В конце Великой Отечественной войны перед таможенной службой встали новые задачи, связанные с увеличением пассажиропотока, перемещением значительного числа людей через границу, ростом оборота почтовых отправок, и прежде всего посылок. Для более эффективного их решения в январе 1945 г. корабельно-пассажирскую группу разделили на две самостоятельные – почтово-пассажирскую (5 чел. возглавил ст. инспектор Е.В. Загоруйко) и корабельную (18 чел. – начальник таможенного поста Г.Г. Быков). В обязанности сотрудников почтово-пассажирской группы вменялось оказание помощи «...в моменты наибольшей загрузки в приёме судов»¹⁶⁷. В связи с увеличением прибывающих на Дальний Восток военных грузов 15 мая 1945 г на ст. Первая Речка организовали таможенный пост во главе с Г.П. Васильевой¹⁶⁸.

Оформление грузов, доставляемых из-за границы и вывозимых в порядке «обратного ленд-лиза», было основным, но не единственным направлением работы таможенных учреждений. Не утратил своего значения в годы войны контроль над рыбопромысловой деятельностью японских арендаторов на охотско-камчатском побережье в соответствии с советско-японской рыболовной конвенцией.

Первые 17 постов со штатом 30 чел. были созданы ещё в сезон 1937 г., в 1939 г. штатная численность постов составляла 65 чел., в 1940 г. – 61 чел., но реально контролировали деятельность японских рыболовных компаний в каждом из пяти промысловых районов на восточном и западном побережье Камчатки (Ичинском, Западно-Камчатском, 2-м Западно-Камчатском, Карагинском и Олюторском) только 41 чел.¹⁶⁹

Переход к инспектированию арендуемых японских рыболовных участков потребовал повышения квалификации таможенников. Им не хватало знания правил контроля и ведения таможенного делопроизводства, требований ветеринарно-санитарного надзора, а также умения распознавать лекарства¹⁷⁰.

Нехватка кадров поставила вопрос об оптимизации работы временных постов. Определяя задачи в сезон 1942 г., начальник таможни Н.Д. Петров призывал «работать по-военному», но помнить, что хотя у Японии имеется договор с СССР, но она является одним из государств «оси» Берлин – Рим – Токио. Именно поэтому необходимо «...усиливать контроль и бдительность», «...бывая на японских заводах, меньше болтать, на заданные вопросы отвечать политически выдержанно»¹⁷¹.

Война на Тихом океане сказалась на интенсивности и характере японского рыболовного промысла и, соответственно, на численности действовавших во время путины таможенных постов. Согласно советско-японскому протоколу от 30 марта 1944 г. японским подданным и другим иностранцам запрещалось рыболовство в определённых морских районах Дальнего Востока, установленных в июле 1941 г. советским правительством. Японское правительство гарантировало, что все находящиеся в аренде у японских подданных рыболовные участки, расположенные на восточном побережье Камчатки и в Олюторском районе, не будут эксплуатироваться японскими арендаторами до окончания войны на Тихом океане¹⁷².

К сезону 1944 г. работа японских арендаторов продолжалась лишь на охотско-камчатском побережье. По данным отчёта дипломатического агента Наркомата иностранных дел в рыболовный сезон 1944 г. японцы эксплуатировали только

31 рыболовный участок из 261 арендуемого, по сравнению со 115 из 308 арендованных в 1943 г. Сокращалось и количество работников, прибывающих на рыбоконсервные заводы западного побережья п-ова Камчатка: в 1942 г. – 5942, 1943 г. – 5372, 1944 г. – 5124 чел. Среди японцев, въехавших на рыболовные участки в 1944 г., преобладали молодёжь до 19 лет и лица старше 42 лет, малопригодные или совсем освобождённые от службы в армии¹⁷³.

Деятельность таможенных постов носила сезонный характер и длилась с апреля по октябрь каждого года. Их количество, а также штатная численность сокращались: в 1943 г. штат таможенных постов составлял 43 чел., в 1944 г. – 39; в 1945 г. – 36 чел.¹⁷⁴ В последний полноценный сезон 1944 г. под контролем 8 таможенных постов находилось 30 арендованных японцами рыболовных участков, но только на 26 вёлся промысел. Сюда в начале сезона были завезены из Японии 5399 рабочих и служащих¹⁷⁵. В течение сезона арендаторы ввезли и, соответственно, таможенники досмотрели и выпустили более 254 тыс. т грузов – промышленное оборудование и снаряжение, сети, снасти, уголь, консервные банки, горючее, тару, спецодежду, соль, продовольствие и медикаменты. Осенью в Японию было вывезено 18 тыс. т рыбопродукции¹⁷⁶.

В итоговых отчётах начальников таможенных постов не зафиксировано ни одного правонарушения со стороны японских арендаторов – при прибытии/отбытии судов капитаны представляли необходимые документы, нарушения правил ввоза товаров также не наблюдалось. Японцы вели себя сдержанно и корректно. Среди инцидентов отмечена гибель японского судна «Сенмей-мару», прибывшего 3 июля 1944 г. на рыболовный участок в районе Озерновского таможенного поста и потопленного во время разгрузки американской подводной лодкой. В результате инцидента утонуло 383 т груза стоимостью более 116,3 тыс. йен¹⁷⁷.

Покидая Камчатку в октябре 1944 г., японские арендаторы намеревались вернуться в следующем, 1945 г. Именно этим объясняются значительные объёмы промышленного оборудования и рыбопродукции, оставленные на участках: икра русского и японского посла, консервы, солёная рыба, тук. Стоимость оставленной рыбопродукции оценивалась в 2,98 млн йен¹⁷⁸.

Одним из направлений деятельности таможни как важного института государства оставалась борьба с контрабандой, которая в условиях государственной монополии внешней торговли классифицировалась в уголовных кодексах союзных республик как преступление против порядка управления¹⁷⁹. Основными нарушителями являлись члены команд советских судов и пассажиры, прибывшие или убывающие за границу, а основными предметами контрабанды были табак, спички, шоколад, питьевая сода, чёрный перец, консервы, ткани и краски для тканей. Впоследствии к контрабандным товарам добавились предметы «престижного потребления» – часы, кожаная обувь, меховые изделия, лайковые перчатки, изделия из драгоценных металлов.

Война вносила коррективы и в эту сферу деятельности. Обнаруженная при досмотре контрабанда материальных и валютных ценностей часто оказывалась бесхозной. Применялись ухищрённые способы сокрытия контрабанды с использованием документов с гербовыми печатями, содержащих указание на секретный, репарационный или возвратный характер груза, а также на трофейное имущество. В 1944 г. количество задержаний составило 172% по отношению к предыдущему году, а общая стоимость задержанных товаров превысила 3,9 млн руб. (166% к 1943 г.)¹⁸⁰.

Инструкция по ведению дел о контрабанде от 31 декабря 1942 г. усиливала ответственность за провоз контрабандных товаров и наркотических веществ, ужесточался порядок оформления «бесхозной контрабанды», обнаруженной при таможенном досмотре. Не согласные с решением Главного таможенного управления по признанию обнаруженных товаров контрабандой могли обращаться с жалобами в Прокуратуру СССР или союзных республик¹⁸¹.

Приказы Владивостокской таможни по основной деятельности и личному составу, сохранившиеся в архиве, характеризуют работу таможенных служб в этом направлении. Так, за хорошую работу и задержание контрабанды премированы в первом квартале в сумме от 300 до 500 руб. – 18 чел.; во втором – 15 чел. премией от 200 до 800 руб., в третьем квартале – 21 чел. За задержание контрабанды – одна пара туфель, наручные часы и 1050 руб. валюты в бочке с песком в машинном отделении – благодарность и премию 500 руб. вручили начальнику таможенного поста П.С. Емелину.

Но жизнь таможни не исчерпывалась только профессиональной деятельностью. В период относительного затишья в порту её сотрудники привлекались к другим, важным для обеспечения тыла, работам – трудились на заводе «Металлист», в трамвайном парке. С осени 1941 г. они стали привлекаться на сельскохозяйственные работы. Первую группу из 17 чел. направили в сельскую местность в октябре 1941 г.¹⁸² В январе 1942 г. по решению Фрунзенского райкома ВКП(б) 8 работников таможни направлены на сельскохозяйственные курсы. Отказ выполнять работу, не связанную с основной профессиональной деятельностью, расценивался как нарушение трудовой дисциплины согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.¹⁸³

Осенью 1942 г. за таможей закрепили колхоз им. Андреева в Ханкайском районе Приморского края. В ноябре туда выехала бригада таможенников из 13 чел. Им предстояло произвести ремонт сельхозтехники и инвентаря – комбайнов, автомашин, сеялок, веялок, косилок, телег и прочего оборудования. Для обеспечения подшефного колхоза рабочей силой в период подготовки к посевной и в сезон сбора урожая привлекались неработающие члены семей сотрудников, а также члены семей, призванных в ряды РККА¹⁸⁴.

Одним из направлений работы коллектива таможни стала оборонно-массовая работа. С первых дней войны сотрудники-мужчины прошли курсы противовоздушной обороны. В апреле 1942 г. усилено внимание к мерам защиты таможни и порта – регулярно проверялись и очищались от мусора чердаки здания управления таможни на ул. Посьетской, 31 и жилого дома по ул. Межинского, 37, поддерживалось рабочее состояние вырытых ещё летом 1941 г. траншей, созданы группа самозащиты (рук. М.И. Феденко) и санитарное звено¹⁸⁵. В январе 1943 г. в таможне сформирован миномётный взвод из 30 сотрудников во главе с начальником таможенного поста Я.Н. Кузнецовым, организованы курсы противовоздушной и противохимической обороны¹⁸⁶. С 9 августа по 1 сентября 1945 г. в таможне осуществлялось круглосуточное дежурство, соблюдался режим светомаскировки, была приведена в боевую готовность группа самообороны¹⁸⁷.

По штатному расписанию Владивостокской таможни в 1945 г. численность во всех таможенных учреждениях составляла 154 чел., фактически весь объём работы на завершающем этапе осуществляли 130 чел.

Война нанесла ощутимый урон таможенной системе СССР. Специалисты оценивают материальный ущерб более 8,6 млн руб., из которых 1,6 млн приходится на полностью или частично разрушенные сооружения 24 таможен,

остальные – утрату товаров и грузов. Многие из 284 сотрудников таможенных учреждений на западной, южной и юго-западной границах погибли или попали в плен¹⁸⁸.

Несмотря на потери, таможенники внесли существенный вклад в обеспечение Победы. За период 1941–1945 гг. внешнеторговый оборот СССР достиг 1818,8 млн руб.¹⁸⁹ Значительную его часть составили грузы, доставленные по ленд-лизу, почти половина которых прошла через дальневосточные порты и большая их часть – через Владивосток. В обеспечении бесперебойной доставки этих грузов заслуга моряков, портовиков, железнодорожников и таможенников.

Незначительному по численности коллективу Владивостокской таможни и её структурных подразделений удалось в военные годы создать инфраструктуру, позволяющую осуществлять торговые операции и впоследствии сформировать таможенную службу для эффективной деятельности в послевоенное время.

8.4. На страже закона: дальневосточная милиция в годы войны

Сложившаяся в годы Великой Отечественной войны чрезвычайная обстановка потребовала консолидации усилий правоохранительных структур. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности объединили в Народный комиссариат внутренних дел¹⁹⁰. Объективной причиной принятия данного решения была необходимость концентрации сил и средств в единой силовой структуре, призванной укрепить безопасность государства.

Как и до войны, управление органами милиции было централизовано. Высшим органом являлось Главное управление милиции Народного комиссариата внутренних дел СССР (с 14 марта 1940 г. по 10 марта 1947 г. возглавлял А.Г. Галкин). В республиках, краях и областях функционировали управления, в городах и районах – отделы (отделения) милиции, начальники которых являлись заместителями начальников соответствующих управлений и отделов НКВД¹⁹¹.

По приказу НКВД СССР № 00 985 от 31 июля 1941 г. начальником Управления НКВД по Приморскому краю был назначен М.М. Гвишиани (до 7 мая 1943 г.), а после него – А.А. Закусило (до 13 апреля 1946 г.). УНКВД по Хабаровскому краю возглавлял И.И. Долгих, с 18 августа 1941 г. – С.А. Гоглидзе¹⁹². В 1938–1945 гг. начальником Камчатского областного управления рабоче-крестьянской милиции был старший лейтенант милиции Петр Сергеевич Чистяков¹⁹³.

Объединённый Наркомат внутренних дел СССР просуществовал до 14 апреля 1943 г. По Указу Президиума Верховного Совета СССР была проведена новая реорганизация, в соответствии с которой создавались Наркомат внутренних дел СССР (НКВД СССР), Наркомат госбезопасности СССР (НКГБ СССР), Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны (ГУКР НКО СССР) и Управление контрразведки «Смерш» Наркомата Военно-морского флота (УКР НК ВМФ)¹⁹⁴.

По Приморскому краю Управление Наркомата госбезопасности (УНКГБ) возглавил М.М. Гвишиани, а Управление Наркомата внутренних дел (УНКВД) – А.А. Закусило. В Хабаровском крае начальником УНКВД назначили И.И. Долгих, а С.А. Гоглидзе – начальником УНКГБ и уполномоченным НКГБ СССР по Дальнему Востоку.

В состав управления милиции входили основные отделы – политический, уголовного розыска, борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, службы и боевой подготовки, паспортно-регистрационный, Государственной автомобильной инспекции, местной противовоздушной обороны, научно-технический, секретариат. Железнодорожная милиция включала дорожные, линейные отделы, отделения, линейные пункты.

В условиях военного времени появилась необходимость формирования новых подразделений. Так, ответом на рост преступности стало формирование отделов по борьбе с бандитизмом¹⁹⁵, проблема детской беспризорности и безнадзорности, криминализация этой среды привели к созданию отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью¹⁹⁶. Широко распространённую практику получило создание мобильных оперативных групп, в том числе кавалерийских.

Директива НКВД СССР от 7 июля 1941 г. определила задачи милиции на период военного времени: личный состав в любое время, в любой обстановке должен быть готов к ликвидации парашютно-десантных, диверсионных групп противника, поддерживать общественный порядок и соблюдать режим военного времени, следить, чтобы население, организации, предприятия чётко выполняли правила светомаскировки¹⁹⁷. От милиции требовались строгое соблюдение распорядка дня, несение службы, упорядочение дежурств и использования дежурных машин, экономия средств и ресурсов: бумаги, горючего, электроэнергии, форменной одежды. Большое внимание уделялось повышению бдительности сотрудников, за распространение служебной информации, нарушение режима секретности применялись дисциплинарные наказания.

Война оказала влияние и на систему отбора, подготовки и воспитания кадров¹⁹⁸. За четыре года защищать Отечество ушли более 3500 милиционеров-дальневосточников, многие из них – добровольцами¹⁹⁹. «Исключён из списков в связи с призывом в РККА» – характерные записи в личных делах сотрудников тех лет²⁰⁰.

Усложнились и расширились функции милиции, в частности, по некоторым оценкам, от 45 до 50% её деятельности являлись специфическими, связанными с особенностями военной обстановки, не характерными для предвоенного периода²⁰¹. Перед органами НКВД стояли задачи по организации партизанского движения и формированию мобильных кавалерийских подразделений. В таёжных лесах Приморья, Хабаровского края, Бурят-Монгольской АССР создавались партизанские базы, готовились диверсионные группы, составлялись подробные секретные карты лесистой местности²⁰². В городах и на особо важных объектах формировалась система местной противовоздушной обороны (МПВО), готовились укрытия, проводились мероприятия по светомаскировке, газоокуиванию, лыжной, стрелковой подготовке.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 20 октября 1941 г. № 001 519 на территории Дальнего Востока началось формирование истребительных батальонов²⁰³. Они не участвовали в боевых действиях, но сыграли большую роль в борьбе с преступностью и охране правопорядка в регионе²⁰⁴. Личный состав милиции и уголовного розыска подключили к работам по эвакуации исторических и материальных ценностей, архивов. Сотрудники, знающие тайгу и поддерживающие оперативные связи с малочисленными народностями, принимают участие в подготовке баз для партизанской войны.

Органы милиции Дальнего Востока СССР, во-первых, активизировали агентурную деятельность оперативных аппаратов по борьбе с уголовной преступностью, усилили охрану общественного порядка и важных объектов, противопожарные мероприятия. Во-вторых, вели активный поиск дезертиров (к таковым в годы войны относились не только военнослужащие, но и лица, уклоняющиеся от трудовой мобилизации), борьбу с паникёрами и распространителями провокационных слухов, очистку городов от сомнительных и подозрительных элементов, подготовку к действиям в случае японской агрессии.

Оперативные подразделения проводили проверку учётных данных и агентурных разработок с целью изъятия действующих криминальных элементов, усиливали агентурную работу среди антисоветски настроенных лиц и уголовных элементов, обеспечивали обслуживание военкоматов, медицинских комиссий, паспортных и военно-учётных столов, организаций, связанных с транспортировкой, хранением и распределением продуктов питания и предметов первой необходимости.

Принимаются меры по усилению охраны предприятий оборонного комплекса, транспортных магистралей, объектов коммунального хозяйства. За счёт сил и средств ведомственной милиции увеличивалась охрана важных объектов (Госбанк, крайком ВКП(б), крайисполком), иностранных консульств, большое внимание уделялось охране взрывчатых веществ и ядов.

Изменения произошли и в несении патрульной службы. В населённых пунктах Дальневосточного региона, на основании данных о преступности и нарушениях общественного порядка, были разработаны графики и схемы дислокации постов милиции, которые корректировались в зависимости от времени года и оперативной обстановки. Постовые милиционеры контролировали места не только с интенсивным движением населения, но и парки, сады, скверы, зрелищные мероприятия, места гуляний и празднеств²⁰⁵.

В военное время существенно расширился круг задач, возлагаемых на участковых уполномоченных милиции, которые, в отличие от других работников, выполняли все обязанности, возложенные на милицию²⁰⁶. В частности, участковые, обслуживающие конкретные участки, совместно с патрулями периодически осуществляли в ночное время обход (объезд) окраин населённых пунктов и мест с возможным сосредоточением преступных элементов. Большое внимание уделялось работе с доверенными лицами в каждом городском микрорайоне и сельской местности²⁰⁷.

Актуальным было привлечение граждан к обеспечению общественного порядка. В довоенный период поддержку в охране правопорядка оказывала общественность. Однако в годы войны бригады и группы охраны общественного порядка столкнулись с проблемой дефицита кадров, основными причинами которого стали призыв в армию большинства молодых, социально активных и политически сознательных жителей края и возросшая трудовая нагрузка на граждан, оставшихся в тылу.

Широкое распространение получили совместные наряды оперативных и строевых подразделений милиции. Они проводили ночные обходы в целях выявления лиц, бежавших из мест заключения, беспаспортных и не имеющих права проживания на территории Дальнего Востока. Стоит отметить, что деятельность паспортной службы, массовые проверки документов, устанавливающих личность, сыграли важную роль в изобличении вражеской агентуры, укреплении

тыла, соблюдении законности и правопорядка. Наряду с этим паспортная служба проводила мероприятия по учёту эвакуированного населения, мобилизации людских ресурсов, их рациональному использованию²⁰⁸.

В годы войны существенно увеличилась нагрузка на Государственную автомобильную инспекцию. На Дальнем Востоке, удалённом от мест боёв, на инспекторов ГАИ возлагались мобилизация транспортных средств для отправки на фронт, контроль за техническим состоянием автотранспорта и экономией бензина, предотвращение аварий на дорогах и агитационно-массовая работа по обеспечению безопасного дорожного движения²⁰⁹.

Борьбе с преступностью и обеспечению общественного порядка во многом способствовала административная деятельность милиции, связанная с поддержанием разрешительной системы. Контроль осуществлялся над различными объектами (заводы, электростанции, склады и др.), телефонной и телеграфной связью, постами противовоздушной обороны, хранением оружия, работой полиграфических предприятий, печатавших продуктовые карточки и талоны для населения²¹⁰.

Обеспечение сохранности грузов в портах и на железной дороге являлось важным направлением функционирования дальневосточных органов милиции. Преимущественно данная задача решалась силами водных и дорожных отделов милиции. Высокий уровень криминальных посягательств на импортные товары обуславливался их стоимостью, тотальным дефицитом продуктов питания и предметов первой необходимости, тяжёлым материальным положением жителей региона, в том числе и работников порта и железной дороги. Однако, несмотря на сложную криминогенную обстановку, милиционерам удавалось ежегодно привлекать к ответственности сотни преступников и возвращать государству миллионы рублей²¹¹. Эта сторона деятельности милиции приобретала особую значимость, так как нарушения в экономической сфере приводили к социальной напряжённости в дальневосточном обществе, отражались на обороноспособности страны.

Помимо охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, наружной службой милиции велась большая работа по контролю за санитарным состоянием мест общественного пользования. Например, ежегодно весной организовывались «ленинские субботники», основной рабочей силой на которых было местное население. При проведении работ по очистке городов и сёл милиция пользовалась правом мобилизации автотранспорта и лошадей²¹².

Вследствие совершенствования агентурно-оперативной работы раскрывались не только преступления общеуголовной направленности, но и государственные (дезертирство, шпионаж), степень тяжести которых в условиях войны вызывала особую опасность. Во-первых, такие преступления ослабляли армию, подрывали оборонный потенциал государства, во-вторых, создавали социальную базу для развития бандитизма²¹³.

Основным методом борьбы с дезертирами из Красной армии и гражданами, уклоняющимися от воинского учёта, применявшимся милицией Дальнего Востока, была проверка документов у населения. Особое внимание уделялось местам «скопления публики», лесным массивам, проверялись землянки и охотничьи избушки, заброшенные кавасаки и барки. Так, приказ начальника УНКВД по Приморскому краю от 29 декабря 1943 г. № 0081 «О мерах по розыску и задержанию дезертиров и лиц, нелегально проживающих на территории Приморского края»

предписывал провести на территории края одновременную проверку вероятных мест нахождения дезертиров: рынков, театров, железнодорожных поездов, станций, вокзалов, подозрительных квартир, лесных массивов с привлечением транспортных отделов милиции, отдела контрразведки, погранвойск, военнослужащих. Начальнику отдела по борьбе с бандитизмом Анисимову ставилась задача разработать план конкретных мероприятий и возглавить проведение операции²¹⁴.

За 1942–первую половину 1943 г. в крае в процессе проверки документов выявлено свыше 700 дезертиров и лиц, уклоняющихся от воинского учёта и призыва. За первые 5 месяцев 1943 г. приморской милицией проверено 1 154 883 чел., что позволило выявить 168 дезертиров из РККА, 162 чел. – уклонявшихся от призыва и мобилизации, 959 нарушителей²¹⁵. В целях выявления и поимки дезертиров вербовались агенты из среды лесников, пасечников, охотников, рыбаков, самих дезертиров. Активно участвовали в розыске оперативные аппараты²¹⁶.

За годы войны на территории региона задержано несколько пособников фашистов²¹⁷. Работа по их поиску велась не только силами госбезопасности, но и силами органов милиции. Например, в Сучанском городском отделе НКВД розыск немецкой агентуры возлагался на милицию, о чём имеется документальное подтверждение²¹⁸.

Расширились задачи в сфере борьбы с преступностью, значительный рост которой наблюдался среди несовершеннолетних. Усилилась профилактика беспризорности и безнадзорности²¹⁹. Преступниками в основном были беспризорники – подростки 13–15 лет. В подавляющем большинстве это дети, потерявшие своих близких на дорогах войны, но среди правонарушителей имелись и безнадзорные. Их родители или сражались на фронте, или работали на оборонных заводах, не имея ни времени, ни возможности уделять должного внимания детям.

Основными преступными деяниями несовершеннолетних были мелкие кражи. Имели место случаи объединения подростков в шайки, возглавляемые рецидивистами. Так, если во второй половине 1941 г. уголовным розыском Приморского края зафиксировано всего несколько случаев такого преступного наставничества, то за такой же период 1942 г. их стало уже более 50²²⁰.

Увеличилось не только количество преступных деяний, мелких краж, грабежей, но и повысился их уровень, появились преступления высокой квалификации. В 1942 г., например, преступность среди несовершеннолетних на территории Амурской области увеличилась по сравнению с 1941 г. в два раза²²¹. Именно в эти годы в ряде горрайорганов и подразделений были созданы первые детские комнаты милиции, которые впоследствии сыграли основную роль в воспитании детей.

Прибавилось работы у сотрудников отделов по сохранности социалистической собственности и борьбе со спекуляцией. Увеличивалось количество уголовных дел, росла стоимость похищенного. Так, в первом полугодии войны органами милиции разоблачено более 500 преступных групп, успевших расхитить материальных ценностей на несколько миллионов рублей.

Массовый призыв в ряды Красной армии в ноябре 1941 г. рядового и сержантского милицейского состава в городах и крупных населённых пунктах Дальнего Востока почти полностью парализовал наружно-постовую службу, что не замедлило сказаться на состоянии общественного порядка. Ушедших защищать Родину старались заменить запасниками, ограниченно годными по состоянию

здоровья, и женщинами. Требовалось время на обучение вновь прибывших в органы милиции. Дерзкие формы хулиганства во втором квартале, по сравнению с первым, возросли вдвое.

В конце 1941 г. и особенно в 1942 г. на территории Дальнего Востока криминогенная обстановка ухудшилась, оперативная – заметно усложнилась. Участились разбои, убийства, грабежи, появился бандитизм. Нападали на офицеров Красной армии для захвата оружия. В крупных населённых пунктах, особенно во Владивостоке, стали частыми случаи нападения вооружённых грабителей на инкассаторов и кассиров с целью присвоения ценностей. Во второй половине 1941 г., по сравнению с таким же периодом 1940 г., количество краж возросло почти в три раза²²². В 1943 г. по бандитизму и разбоям, например, увеличение произошло в два раза. Такая же динамика наблюдалась по хищениям скота. Произошло снижение половых преступлений²²³. В 1944 г. наблюдается рост уголовной преступности в пределах 8–10%. Однако в этот период растёт и раскрываемость преступлений. К концу 1944 г. она достигает почти 85% – по общим и 100% – по делам несовершеннолетних²²⁴.

Основная масса преступлений 1941–1943 гг. связана с посягательствами на собственность, что обуславливалось тяжёлым материальным положением населения²²⁵, для 1944–1945 гг. характерен рост насильственных преступлений, совершённых военнослужащими, в том числе с применением оружия, в связи с высокой концентрацией войск в регионе и низкой дисциплиной в некоторых воинских частях²²⁶.

Органы милиции продолжали борьбу с преступлениями экономической направленности. С 1944 по 1945 г. по результатам работы подразделений управления милиции по Приморскому краю возбуждено 606 уголовных дел по квалификации «кражи из государственных и общественных складов», по которым к уголовной ответственности привлечено 869 чел., 299 дел – по должностным преступлениям (привлечено 368 чел.), 267 – по фактам спекуляции (привлечено 336 чел.), 174 дела – по хищениям социалистической собственности (привлечено 312 чел.). Удельный вес числа арестованных к количеству совершенных преступлений указывает на наличие групповой преступности в сфере экономики²²⁷.

Рост профессионализма сотрудников в подразделениях милиции, улучшение организации работы сказались на динамике преступности 1945 г. – общее количество преступлений на территории Дальнего Востока снизилось более чем на 25%, а по несовершеннолетним – на 50%, превысив в этом отношении общесоюзные показатели²²⁸.

Ухудшение экономической ситуации в стране, безусловно, затронуло и органы НКВД. Руководством органов и партийными организациями принимались меры по обеспечению сотрудников продуктами питания и предметами первой необходимости: совершенствовалась работа Спецторга, развивались подсобные хозяйства, высаживались коллективные и индивидуальные огороды²²⁹.

Война выявила всё самое лучшее, высокое и благородное, что было в советских людях. Массовый героизм навсегда останется яркой страницей нашего народа. Но в то же время она вынесла на поверхность негативные явления, дала толчок преступности, диверсиям, насилию над мирными жителями. Архивные материалы хранят немало примеров умелых и отважных действий работников милиции в военные годы, например, при задержании Куца (дезертир одной из воинских частей, совершавший грабежи и убийства мирных жителей

в окрестностях сёл Воскресеновка и Соколовка Серышевского района), при ликвидации банд Белова и Будникова (действовали на территории Архаринского района) сотрудниками отдела уголовного розыска Е.А. Сыса, М.Я. Данченко, А.С. Пупоревым и милиционерами В.Ф. Кучашевым и В.М. Зайцевым²³⁰.

В военные годы в борьбе с преступниками погибли начальник отделения по борьбе с бандитизмом Амурского областного отдела уголовного розыска Иван Осипович Минеев, помощник уполномоченного областного отдела уголовного розыска Михаил Яковлевич Данченко. Участковый уполномоченный Пожарского района Приморского края Иван Митрофанович Виниченко входил в группу по выявлению и ликвидации организованной вооружённой банды численностью до 300 чел. из с. Виноградовка, грабившей продовольственные склады и расстреливавшей мирное население в 1943 г. Уходя от преследования, вырываясь из засад, банда постоянно оказывала вооружённое сопротивление. В одной из таких перестрелок был убит Иван Митрофанович. В настоящее время в пос. Лучегорск одна из улиц носит имя И.М. Виниченко²³¹.

После окончания Второй мировой войны органы НКВД пресекали контрабанду товаров с территорий Китая и Кореи, занятых советскими войсками, помогали в организации лагерей для японских военнопленных, создании территориальных органов на Южном Сахалине, вели оперативную работу с репатриантами, оказывали помощь в социальной интеграции демобилизованных фронтовиков.

Деятельность милиции в годы Великой Отечественной войны – яркая и незабываемая страница истории, а героические традиции, рождённые в годы формирования, многократно умножены в ожесточённых боях. Самоотверженная деятельность подразделений милиции в годы войны, её вклад в Победу над немецко-фашистскими захватчиками отмечены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 г., в котором за успешное выполнение заданий правительства в деле охраны общественного порядка 858 сотрудников милиции, в том числе дальневосточники, награждены орденами и медалями СССР²³².

Среди награждённых – Герои Советского Союза Михаил Павлович Карпов и Яков Павлович Степченко. Карпов Михаил Павлович с 1941 г. по апрель 1943 г. работал начальником отделения милиции в Хасанском районе Приморского края. В апреле 1943 г. призван в Красную армию. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. за образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему сержанту Карпову Михаилу Павловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6449). Похоронен на старом автозаводском кладбище в Нижнем Новгороде²³³.

Степченко Яков Павлович с 1940 г. – участковый уполномоченный, с 1941 г. – помощник оперативного уполномоченного, а с 1942 г. – оперуполномоченный Артёмовского городского отдела НКВД. В этом же году ему присвоено звание младшего лейтенанта милиции. В июле 1944 г. Я.П. Степченко призван в действующую армию. Геройски погиб в бою около немецкого города Лечин. Звание Героя Советского Союза присвоено 31 мая 1945 г. посмертно. Похоронен в Тиргартене (г. Берлин)²³⁴.

Гордостью дальневосточной милиции являются Степанов Павел Иванович, участковый уполномоченный Ханкайского РОВД, ушёл на фронт из рядов милиции, вернулся по ранению в 1943 г., награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», продолжил

службу в Ханкайской милиции; Скулкин Сергей Васильевич, сотрудник Управления милиции УНКВД Приморского края, занимался розыском дезертиров РККА и военной промышленности, имел правительственные награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией»; Щеглова Вера Ульяновна с 1941 по 1945 г. несла нелёгкую для женщины службу милиционером в г. Ворошилов, а позже инспектором оперативного отдела в г. Владивосток. Награждена медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией»²³⁵.

Таким образом, в условиях военного времени деятельность органов внутренних дел Дальнего Востока изменилась практически по всем направлениям, сопровождалась усложнением и расширением выполняемых задач. Данный процесс имел региональную специфику, обусловленную менявшейся в регионе геополитической ситуацией. Работа дальневосточной милиции протекала в условиях так называемого невоюющего фронта, когда в течение всей войны здесь существовала взрывоопасная обстановка, связанная с агрессивной политикой милитаристской Японии.

Органы милиции Дальнего Востока в 1941–1945 гг. внесли существенный вклад в обеспечение общественного порядка. Несмотря на сложную социально-экономическую и политическую ситуацию в трудные военные годы, структурную и кадровую перестройку, совершенствовались методы оперативно-агентурной работы сотрудников милиции. Дальневосточная милиция вела успешную борьбу с политическими и уголовными преступлениями, стояла на страже спокойствия населения, интересов Российского государства в стратегически важном регионе.

* * *

В годы Великой Отечественной войны Дальневосточный регион являлся весьма уязвимой территорией в обеспечении национальной безопасности СССР. Усилилась внешняя геополитическая экспансия на российский Дальний Восток, обострились социально-экономические проблемы. Внутреннюю стабильность, территориальную целостность, суверенитет обеспечивали специальные структуры. Основная тяжесть борьбы со спецслужбами Страны восходящего солнца легла на управления НКВД – НКГБ Хабаровского и Приморского краёв. Органы разведки и контрразведки собрали сведения о социально-экономической обстановке и строительстве военно-стратегических объектов в Маньчжурии, численности и составе японской группировки войск.

Органы внутренних дел осуществляли паспортный контроль, боролись с бандитизмом, беспорядочностью и безнадзорностью, дезертирством из армии и с предприятий, нарушением общественного порядка. Сотрудники милиции включались в состав оперативных групп государственной безопасности для выполнения специальных заданий по борьбе со шпионами, диверсантами, по охране ленд-лизских грузов, продовольствия, пресечению преступной деятельности расхитителей, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Чекисты сосредоточили усилия на стабилизации социально-политической обстановки в регионе.

Правовые нормы, закреплённые в законодательных актах, были направлены на охрану законности во всех сферах жизни дальневосточного общества, но в условиях войны административно-правовая практика была гораздо сложнее и не всегда соответствовала нормам нравственности и гуманизма.

Ссылки и примечания

- ¹ Луань Ц., Сюй Ч. Важный фронт всемирной антифашистской войны – война китайского народа против японских захватчиков // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / авт.-сост. А.А. Кошкин. М., 2010. С. 132–133, 139, 154; Гуансюань Ж. История не должна быть забыта // Последняя точка Второй мировой. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 54.
- ² Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.- корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). Владивосток, 2018. С. 577.
- ³ Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002. С. 23.
- ⁴ Кошкин А.А. Сполохи войны на Дальнем Востоке // 1939 год: уроки истории / АН СССР. Ин-т всеобщей истории. В.К. Волков, Р.М. Илюхина, А.А. Кошкин и др.; отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Мысль, 1990. С. 295–296; Его же. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 170; Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. (29 сентября 1938 г. –31 мая 1939 г.) / сост. МИД СССР; редкол.: А.П. Бондаренко [и др.]. М.: Политиздат, 1990. С. 233–234; Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы. Т. 2. (2 июня 1939 г. –4 сентября 1939 г.) / сост. МИД СССР; редкол.: А.П. Бондаренко [и др.]. М.: Политиздат, 1990. С. 122, 382–383.
- ⁵ Зимонин В.П. Нарастание и срыв угрозы японской агрессии против СССР // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия / редкол.: В.О. Кистанов [и др.]. М., 2016. С. 8.
- ⁶ Дальний Восток России в эпоху советской модернизации... С. 563.
- ⁷ Томиока С. Политическая стратегия Японии до начала войны / пер. с англ. Ю.М. Свойского. М., 2016. С. 212.
- ⁸ Песков В.М. Дальний Восток в японо-советско-германских отношениях в 30-е – начале 40-х годов XX века. Хабаровск, 2001. С. 13.
- ⁹ Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 152, 169.
- ¹⁰ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 101–111; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. В 6 т. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня–31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 201–203; Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 426–427.
- ¹¹ Честь и верность. 70 лет военной контрразведки Тихоокеанского флота / под ред. Н.Н. Соцкова; сост. А.В. Полутов. Владивосток, 2002. С. 143.
- ¹² Денежная единица Маньчжоу-Ди-го, была введена 1 июля 1934 г., до этого разрешалось хождение разных валют.
- ¹³ Лукьянова М.И. Японские монополии во время Второй мировой войны. М., 1953. С. 176–181; Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб., 2000. С. 863; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 119–120.
- ¹⁴ Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. С. 335; Чумаков Н.С. Цена истины. Хабаровск, 2009. С. 190; Честь и верность... С. 143.
- ¹⁵ Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945. М., 1995. С. 328; Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939–март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2006. С. 522.
- ¹⁶ Байдаков А.И. Девятый вал. Победа над Японией // История российской внешней разведки. Очерки. В 6 т. Т. IV. 1941–1945 годы. М.: Международные отношения, 2014. С. 514.
- ¹⁷ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 315.
- ¹⁸ Галицкий В.П. Японские спецслужбы и их роль в подготовке Японии к войне с Советским Союзом в XX веке. Итоги и уроки // Исторические чтения на Лубянке. Органы обеспечения

- государственной безопасности России в период до начала Второй мировой войны. Ч. 1. 2014 год. М., 2015. С. 174, 180; ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 6. Д. 259. Л. 82.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 940. Л. 171–172; Ф. 88. Оп. 3. Д. 171. Л. 159; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1331. Л. 107–101; Колпакиди А., Север А. КГБ. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 247, 258.
- ²⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 372–373; Колпакиди А., Север А. КГБ. С. 256–258.
- ²¹ Честь и верность ... С. 145.
- ²² Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 307.
- ²³ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 563; Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. С. 219–220.
- ²⁴ Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. С. 245.
- ²⁵ Дёмин С.А. Вместо предисловия // Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / авт.-сост. А.С. Колесников. Хабаровск, 2011. С. 5; Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015. С. 273.
- ²⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 47, 90; Фёдоров В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 236.
- ²⁷ Кедров Ю.Л. Большие заботы резидента А.С. Панюшкина // История российской внешней разведки. Т. IV. С. 356, 359, 360, 361.
- ²⁸ Байдаков А.И. Девятый вал. Победа над Японией... С. 515.
- ²⁹ Антонов В.С. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 184; Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля. Очерки о советских разведчиках. М., 2011. С. 108; Грачёв А.В., Ципкин Ю.Н. Чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2015. С. 40.
- ³⁰ Макаров В.Г. Борьба радиоконтрразведки НКГБ СССР с подрывной деятельностью противника в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. М., 2017. С. 230; Фёдоров В.М. Военно-морская разведка... С. 238–250.
- ³¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 202–203; Ямпольский В. Там, на Востоке... // Тайные страницы истории. Сб. М.: ЗАО «ЛГ Информэйшн Групп»; ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 372–373; Честь и верность... С. 68.
- ³² Ямпольский В.П. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска». О плане блицкрига японской военщины на Советском Дальнем Востоке в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 50, 52; История российской внешней разведки. Т. IV. С. 526.
- ³³ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы / публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесюна. СПб., 2000. С. 131.
- ³⁴ Ларин Д.А. Секретный код Страны восходящего солнца. Криптографическое противостояние на дальневосточных рубежах // ФСБ: за и против. 2018. № 4. С. 61; Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне. М., 2014. С. 256.
- ³⁵ Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 451.
- ³⁶ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. По материалам Архива службы внешней разведки РФ. Предисловие В.Н. Карпова // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 102; История российской внешней разведки. Т. IV. С. 542–543; Байдаков А.И. Девятый вал. Победа над Японией... С. 517.
- ³⁷ Исаев С. Вклад войск Дальнего Востока в разгром немецко-фашистских захватчиков // Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 76; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 290–291; Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-морского флота России (1695–1945). СПб., 2000. С. 652; Лазарев С.Е. «На Западе или на Востоке я буду сражаться неустрасимо...». И.Р. Апанасенко – генерал «с неуживчивым характером» // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 75.

- ³⁸ Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 32.
- ³⁹ Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне... С. 192.
- ⁴⁰ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 231; Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. По материалам Архива службы внешней разведки РФ. Предисловие В.Н. Карпова... С. 92–103; Байдаков А.И. Девятый вал. Победа над Японией... С. 515–516; История российской внешней разведки. Т. IV. С. 525–527, 533, 542–543, 574–575, 576–577, 581.
- ⁴¹ Хохлов Д.Ю. Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте // Великая Отечественная война. Т. 2. 1942 год. М., 2012. С. 155–172; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 774–775.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 78. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.
- ⁴³ Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011. С. 216; Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне... С. 193, 354; Мозохин О.Б. Противоборство... С. 427.
- ⁴⁴ Королёв Ю.А. Рождение ИНФО // История российской внешней разведки. Т. IV. С. 303–309; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 202.
- ⁴⁵ История российской внешней разведки. Т. IV. С. 644, 646.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 65. Д. 1709. Т. 1. Л. 1–8; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1021. Л. 1–3 «а», 13; Д. 1019. Л. 10–12, 62–74; Ф. 3. Оп. 9. Д. 120. Л. 293.
- ⁴⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 95, 229–233, 314–324.
- ⁴⁸ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш» ... С. 306–308, 372–375.
- ⁴⁹ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. С. 272.
- ⁵⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 675.
- ⁵¹ 85 лет. Федеральная служба безопасности России. Региональное управление по Читинской области / авт.-сост. Л.И. Ходакова. Чита, 2004. С. 46; Макаров В.Г. Борьба радиопротиворазведки НКГБ СССР с подрывной деятельностью... С. 236.
- ⁵² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 120.
- ⁵³ Крюков И.В. Обязательная военная подготовка гражданского населения Дальнего Востока в период боевых действий // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 41–46.
- ⁵⁴ Ткачёва Г.А. Дальневосточники в рядах защитников отечества // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 19.
- ⁵⁵ Хаустов В.Н., Плотникова Н.С. Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности // Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М., 2004. С. 539–540.
- ⁵⁶ Крюков И.В. Подготовка боевых резервов на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной войны и на завершающем этапе Второй мировой войны (июнь 1941–сентябрь 1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2013. С. 21.
- ⁵⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. Победа (1 января–9 мая 1945 г.). М.: Кучково поле, 2014. С. 333.
- ⁵⁸ Чеченков К. «Пять человек из особого отдела... не стоят ни одного моего партизана». Роль органов НКВД в организации партизанского движения // Родина. 2010. № 5. С. 56.
- ⁵⁹ Линдер И.Б., Чуркин С.А., Абин Н.Н. Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 658.
- ⁶⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 90. Оп. 3. Д. 304. Т. 1. Л. 36; Бельды М. Найхинцы – земляки, фронтовики, герои // Записки Гродековского музея. Вып. 11. Хабаровск, 2005. С. 41–47; Ходжер Г.Г. Четвёртый шпион из Верхнего Нергена // Тихоокеанская Звезда. Хабаровск, 1995. 9 авг.; Петров В.В. Якутяне – одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне. Якутск, 2008.
- ⁶¹ Дмитриева Е.В. Об организации и деятельности истребительных батальонов Управления НКВД Еврейской автономной области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

- (по документам ОГБУ «Госархив ЕАО») // Во имя Победы. Еврейская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Материалы обл. науч.-практ. конф. Биробиджан, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://bounb.eao.ru/conf23-04-2010/part1/dmitrieva> (дата обращения: 23.10.2017).
- ⁶² Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш»... С. 6.
- ⁶³ Дмитриева Е.В. Об организации и деятельности истребительных батальонов... [Электронный ресурс]. URL: <http://bounb.eao.ru/conf23-04-2010/part1/dmitrieva> (дата обращения: 23.10.2017).
- ⁶⁴ Слабука В.В. 95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы. Очерки истории Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Камчатскому краю / под ред. М.А. Подгрушного. Владивосток, 2018. С. 168.
- ⁶⁵ Ямпольский В.П. «Наша контрразведка в Маньчжурии почти равна нулю» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 13.
- ⁶⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига» (1 января–30 июня 1942 г.). М., 2003. С. 347.
- ⁶⁷ Ямпольский В. Там, на Востоке... С. 386; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2 Великий перелом (1 июля–31 декабря 1943 г.). М., 2008. С. 365–366, 469–470; Шинин О.В. Противодействие разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб против СССР в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. С. 164.
- ⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 90. Оп. 3. Д. 304. Т. 1. Л. 17, 37; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1349. Л. 1, 3.
- ⁶⁹ Шинин О.В. Противодействие разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб... С. 160.
- ⁷⁰ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. С. 270–271, 299.
- ⁷¹ Шинин О.В. Особенности внутреннего положения и политического развития Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11. Ч. 2. С. 138.
- ⁷² Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2013. С. 76.
- ⁷³ Остряков С.З. Военные чекисты. М., 1979. С. 148.
- ⁷⁴ Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 208.
- ⁷⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р-48560. Л. 11 об, 89.
- ⁷⁶ Хаустов В.Н., Плотникова Н.С. Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности... С. 540.
- ⁷⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 664–666.
- ⁷⁸ Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М., 1981. С. 114; Хаустов В.Н. Некоторые проблемы деятельности органов госбезопасности в 1920–1930-е годы // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы. М.; Великий Новгород, 2000. С. 62; Оперативные игры чекистов // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 2009. 30 января; Демидов А.М. Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2009. С. 8, 25; Бессонов А.В. Управление НКГБ – НКВД в годы Великой Отечественной войны // Хабаровские чекисты... С. 107.
- ⁷⁹ Даллес А. Искусство разведки / пер. с англ. с сокращениями. М., 1992. С. 123.
- ⁸⁰ Павлятенко В.Н. Сталинград и некоторые аспекты японской дипломатии // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне... С. 53–58.
- ⁸¹ Терещенко В.В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 90.
- ⁸² Терещенко В.В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 92, 97.

- ⁸³ Стецкевич В.Н. Огонь на дальних рубежах, свой боевой поход пограничники закончили на Тихом океане // ФСБ за и против. № 4 (38). 2015. С. 22.
- ⁸⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 29.
- ⁸⁵ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 35.
- ⁸⁶ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 29; Терещенко В.В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник ТГУ № 6. 2013. С. 181; Терещенко В.В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 91.
- ⁸⁷ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 14; Д. 176. Л. 22; Д. 177. Л. 6.
- ⁸⁸ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 2013. С. 150.
- ⁸⁹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 65.
- ⁹⁰ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 6, 7.
- ⁹¹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 24, 260.
- ⁹² ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 66, 69; Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 251.
- ⁹³ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 31
- ⁹⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 14.
- ⁹⁵ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 177.
- ⁹⁶ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 258, 259.
- ⁹⁷ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 89.
- ⁹⁸ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 114; Д. 178. Л. 90.
- ⁹⁹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 178.
- ¹⁰⁰ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11.
- ¹⁰¹ Шахаростов В.В. Роль местного населения в обеспечении неприкосновенности дальневосточных рубежей в годы Великой Отечественной войны // Социальные гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2013. № 3. С. 170.
- ¹⁰² Маслов К.Н., Кашлев Ю.Ф., Селезнев В.М. и др. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). М.: Граница, 2008. С. 469.
- ¹⁰³ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11, 12; Д. 178. Л. 121.
- ¹⁰⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 40.
- ¹⁰⁵ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 81.
- ¹⁰⁶ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 43, 120, 122.
- ¹⁰⁷ РГВА. Ф. 40926. Оп. 1. Д. 465. Л. 70, 71.
- ¹⁰⁸ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 21, 25, 26, 28; Д. 177. Л. 7.
- ¹⁰⁹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 182.
- ¹¹⁰ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 254.
- ¹¹¹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 35.
- ¹¹² ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 22.
- ¹¹³ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11.
- ¹¹⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 128, 129, 190.
- ¹¹⁵ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 320.
- ¹¹⁶ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 2013. С. 150.
- ¹¹⁷ Маковский А.В. «В условиях продолжавшегося сокращения внешнеторгового оборота...». Отчет Дальневосточного отделения ГТУ за 1937 г. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 113–137.
- ¹¹⁸ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 50. Л. 20.
- ¹¹⁹ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. Краткий очерк истории. Владивосток: ВОРОН, 2001. С. 51.
- ¹²⁰ Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. 1907–1995. М.: Русина, 1995. С. 162.
- ¹²¹ Головин В.В. Таможенная служба на Мурмане. 1941–1945 гг. Историко-правовой очерк. Мурманск: МИПП «Север», 2001. С. 129.

- ¹²² ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 4. Л. 5.
- ¹²³ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 4. Л. 24.
- ¹²⁴ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 30 (подсчит. авт.).
- ¹²⁵ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. С. 58.
- ¹²⁶ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 55 об.
- ¹²⁷ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 26. Л. 20–21 (подсчит. авт.).
- ¹²⁸ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. С. 59.
- ¹²⁹ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 43. Л. 41; Д. 46. Л. 41.
- ¹³⁰ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 31, 35.
- ¹³¹ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.
- ¹³² АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 136–137, 142.
- ¹³³ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 33. Л. 29.
- ¹³⁴ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 152, 189, 198.
- ¹³⁵ Головин В.В. Таможенная служба на Мурмане. 1941–1945. С. 145.
- ¹³⁶ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 76, 77.
- ¹³⁷ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 95.
- ¹³⁸ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 40; Д. 43 (подсчит. авт.).
- ¹³⁹ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 40. Л. 6, 176; Д. 46. Л. 15.
- ¹⁴⁰ Таможенный кодекс СССР. Утвержден Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР 19 декабря 1928 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3545.htm (дата обращения: 15.08.2019).
- ¹⁴¹ Головин В.В. Таможенная служба на Мурмане. 1941–1945. С. 151–153.
- ¹⁴² Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток. Изд-во ДВГУ, 1997. С. 272–273; Кожухов Ю.В., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Вклад таможенных органов СССР в победу в Великой Отечественной войне // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала РТА. 2015. № 1 (53). С. 229.
- ¹⁴³ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 5. Л. 16.
- ¹⁴⁴ Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. Часть 1. 1899–1945 гг. Владивосток: ВФ РТА, 2002. С. 157.
- ¹⁴⁵ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 33. Л. 42.
- ¹⁴⁶ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.
- ¹⁴⁷ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 33. Л. 67; Д. 38. Л. 14, 19, 56.
- ¹⁴⁸ Головин В.В. История Мурманской таможни. 1919–2005. С. 68.
- ¹⁴⁹ Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. С. 115.
- ¹⁵⁰ Головин В.В. История Мурманской таможни. 1919–2005. С. 63.
- ¹⁵¹ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 32–32 об.
- ¹⁵² ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 18.
- ¹⁵³ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 5.
- ¹⁵⁴ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 6.
- ¹⁵⁵ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 2, 6.
- ¹⁵⁶ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 65. Л. 6, 18.
- ¹⁵⁷ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Дальневосточные таможенники накануне и в годы Великой Отечественной войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2(43). С. 124.
- ¹⁵⁸ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 33. Л. 123.
- ¹⁵⁹ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 125.
- ¹⁶⁰ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 58.
- ¹⁶¹ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. С. 56.
- ¹⁶² ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.

- ¹⁶³ Воронин С.И., Луговая Г.М., Шишкина Н.В. Обзор деятельности таможенных органов в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.customs.ru> (дата обращения: 15.06.2015).
- ¹⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 1193. Л. 46, 51.
- ¹⁶⁵ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. С. 57.
- ¹⁶⁶ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 38. Л. 6.
- ¹⁶⁷ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 43. Л. 17.
- ¹⁶⁸ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Дальневосточные таможенники накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 125.
- ¹⁶⁹ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 1. Л. 12; Д. 3. Л. 19, 26; Д. 16 (подсчит. авт.).
- ¹⁷⁰ Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. С. 151.
- ¹⁷¹ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 30 об.
- ¹⁷² Борисова А.В. Вопрос о рыболовных концессиях в системе русско-японских отношений в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/thesis/s049/s049-002.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
- ¹⁷³ Отчет дипломатического агента НКВД в Петропавловске-на-Камчатке за 1944 год // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Историко-краеведческий сборник. Вып. 4. 2001 г. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/ist-3.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
- ¹⁷⁴ Беляева Н.А. Таможенная служба Дальнего Востока в годы Второй мировой войны: общие проблемы и региональные особенности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (72). С. 96.
- ¹⁷⁵ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 19. Л. 45; Отчет дипломатического агента НКВД в Петропавловске-на-Камчатке за 1944 год // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Историко-краеведческий сборник. Вып. 4. 2001 г. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/ist-3.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
- ¹⁷⁶ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 19. Л. 40–45.
- ¹⁷⁷ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 19. Л. 9.
- ¹⁷⁸ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 19. Л. 45.
- ¹⁷⁹ Сучков Ю.И. Контрабанда и ответственность. Изд. 2-е, доп. Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1976. С. 9.
- ¹⁸⁰ Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. С. 166.
- ¹⁸¹ Головин В.В. Таможня на Мурмане. 1941–1945. С. 90–91.
- ¹⁸² АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 30.
- ¹⁸³ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 33. Л. 3 об.
- ¹⁸⁴ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–23.
- ¹⁸⁵ ГАПК. Ф. П-253. Оп. 1. Д. 17. Л. 29–29 об.
- ¹⁸⁶ Беляева Н.А., Бенько А.В., Лаврик Л.А., Печерица В.Ф. Владивостокская таможня. 1901–2001. С. 59.
- ¹⁸⁷ АВТ. Ф. Р-149. Оп. 3-л. Д. 43. Л. 142, 153.
- ¹⁸⁸ Головин В.В. Таможенная служба на Мурмане. 1941–1945 гг. С. 129.
- ¹⁸⁹ Воронин С.И., Луговая Г.М., Шишкина Н.В. Обзор деятельности таможенных органов в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.customs.ru> (дата обращения: 15.06.2015).
- ¹⁹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. «Об объединении Народного Комиссариата внутренних дел и Народного Комиссариата государственной безопасности в единый Народный Комиссариат внутренних дел» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 33.
- ¹⁹¹ История советской милиции: Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.). В 2 т. / под ред. Н.А. Щелокова. Т. 2. М., 1977. С. 59.
- ¹⁹² Буюков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. Очерки. Биографический справочник. Владивосток, 2003. 208 с.

- ¹⁹³ Камчатская милиция (1917–1998). Исторический очерк «Со свистком и наганом» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.piragis.ru/> (дата обращения: 20.08.2019).
- ¹⁹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного Комиссариата государственной безопасности СССР от 14 апреля 1943 г // История отечественных органов безопасности / под ред. В.В. Коровина. М.: Норма; Инфра-М, 1998. С. 168–169.
- ¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 13.
- ¹⁹⁶ Худяков П.П., Швец А.В. Преступность несовершеннолетних, детская безнадзорность и беспризорность на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и основные направления работы органов дальневосточной милиции по их ликвидации // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 1. Дальний Восток России в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.Н. Гродекова, 2010. С. 89.
- ¹⁹⁷ Белозеров Б. Фронт без границ. 1941–1945 гг. М., 1996. С. 43.
- ¹⁹⁸ Бакшутев С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.): монография. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017; Жадан А.В., Шелудько В.О. Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 201–208.
- ¹⁹⁹ Щербак В. Свет и тени. Художественно-документальный сборник. Владивосток, 1979; Уголовный розыск Амурской области: история и современность. Благовещенск: Зея, 2003; Одна на всех Великая Победа! Владивосток: Города, 2005.
- ²⁰⁰ Амурская милиция: на страже правопорядка. Благовещенск: Зея, 2002. С. 12.
- ²⁰¹ Гусак В.А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 34.
- ²⁰² Полутов А. По обе стороны границы. Контрразведка флота против японской разведки // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / сост. А.В. Полутов, под ред. А.Н. Соцкого. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 152–154.
- ²⁰³ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 276. Л. 45.
- ²⁰⁴ Суверов Е.В., Фризен П.Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 29–32.
- ²⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 778. Л. 3–4.
- ²⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 778. Л. 7.
- ²⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 778. Л. 1–2.
- ²⁰⁸ Кириченко Ю.Н. Реорганизация и развитие паспортной службы советской милиции, ее место и роль в укреплении общественного порядка в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период: монография. Курск: Юго-Западный гос. университет, 2011.
- ²⁰⁹ Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 66. Л. 111.
- ²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 778. Л. 1–2.
- ²¹¹ Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 71.
- ²¹² ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 778. Л. 18.
- ²¹³ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 493. Л. 4, 5.
- ²¹⁴ Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 36.
- ²¹⁵ Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 16, 19–22.
- ²¹⁶ Беляева О.В. Проблемы обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны // Советское государство, общество, органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Межвуз. науч.-практ. конф. (Орел, 13 мая 2014 г.). Орел: ОрЮИ МВД России, 2015. С. 18–24.
- ²¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 8.
- ²¹⁸ Архив УМВД по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.

- ²¹⁹ Сыщик – это судьба. Сборник материалов, посвящ. 90-летию уголовного розыска УВД по Приморскому краю / сост. Т.О. Засядько, И.Г. Зубакова. Владивосток, 2008. С. 19.
- ²²⁰ Статистический отчет УМ УНКВД по Приморскому краю за 1941 г.
- ²²¹ Уголовный розыск Амурской области: история и современность. Благовещенск: Зея, 2003. С. 15.
- ²²² Архив УМВД по Приморскому краю. Статистический отчет УМ УНКВД по Приморскому краю за 1941 г.
- ²²³ Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.
- ²²⁴ Архив УМВД по Приморскому краю. Статистический отчет УМ УНКВД по Приморскому краю за 1944 г.
- ²²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 278. Л. 3.
- ²²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 280. Л. 48.
- ²²⁷ Архив УМВД по Приморскому краю. Статистический отчет УМ УНКВД по Приморскому краю за 1945 г.
- ²²⁸ Архив УМВД по Приморскому краю. Результаты оперативно-агентурной работы за 1945 гг.
- ²²⁹ Жадан А.В. Материально-бытовые условия жизни и службы сотрудников органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 72–78.
- ²³⁰ Архив УМВД по Хабаровскому краю. Результаты оперативно-агентурной работы за 1941–1945 гг.
- ²³¹ Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.
- ²³² Шкадов И.Н. Герои Советского Союза: историко-статистический очерк. М., 1984; Прохачкин К.П. Золотые звезды Приморья. Владивосток, 1983.
- ²³³ Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.
- ²³⁴ Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.
- ²³⁵ Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.

Иллюстрации гл. 8, п. 8.1

Глава Японской военной миссии в Харбине генерал-майор
Ш. Акикуса после ареста в 1945 г.

Начальник УНКВД по Приморскому краю
генерал-лейтенант госбезопасности
М.М. Гвишиани. 1940-е гг.

Начальник УНКВД по Хабаровскому краю
генерал-полковник госбезопасности
С.А. Гоглидзе. 1940-е гг.

Немецкий генерал-полковник
Э. фон Клейст и посол Японии
в Германии генерал-лейтенант
Х. Осима на окраине Ростова.
1942 г.

Обучение японских войск. Маньчжоу-го, 1940-е гг.

Пограничный дозор. Приморский край, 1940-е гг.

Иллюстрации гл. 8, п. 8.4

Сотрудники уголовного розыска Приморского края Е.Т. Акулич (вторая слева) и Г.Н. Иванов (третий слева) с сослуживцами. 1943–1945 гг.

Глава 9

ОБОРОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

9.1. Развёртывание Вооружённых Сил СССР на Дальнем Востоке

В годы Великой Отечественной войны задача национальной безопасности СССР определялась необходимостью его защиты в условиях внешнеполитической конфронтации. На законодательно-правовом уровне закреплялись основные положения укрепления обороноспособности страны, предусматривавшие готовность органов государственной власти и управления, советского народа, Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Военно-морского флота обеспечить территориальную целостность общегосударственного пространства.

В военно-оперативных разработках определялись развёртывание сухопутных и военно-морских сил, строительство оборонительных рубежей, подготовка боевых резервов и порядок их использования, схемы противовоздушной, противохимической обороны, карты расположения войсковых соединений и тылового обеспечения вооружённых сил в условиях ведения войны СССР на два фронта – против Германии и Японии.

Советское командование предполагало, что японские военные круги, воспользовавшись благоприятным моментом, попытаются захватить дальневосточные территории. В случае начала военных операций со стороны Японии Дальневосточная группировка войск должна будет оборонять побережье, разгромить первый эшелон японских войск на Сахалинском, Сунгарийском и Приморском направлениях, начать наступление в Северной Маньчжурии, блокировать порты Кореи и западного побережья метрополии.

Дальневосточный фронт, образованный по приказу НКО № 0029сс от 21 июня 1940 г. (командующий Г.М. Штерн, с 1941 г. по апрель 1943 г. – И.Р. Апанасенко, с апреля 1943 г. – М.А. Пуркаев), прикрывал основные районы, пригодные для оперативного развёртывания войск противника, уязвимые участки Транссибирской железной дороги, важные стратегические пункты: в Приморском крае – 1, 25, 35-я армии, в Еврейской автономной и Амурской областях, районе Хабаровска – 2-я и 15-я, на Северном Сахалине, побережье Охотского моря и Камчатке – 16-я армия. Такие же задачи выполняли сформированные летом 1942 г. 9, 10 и 11-я (18-й смешанный авиакорпус) воздушные армии.

Основу оборонительной системы 25-й армии на направлении Гродеково – Владивосток составляли 7, 106, 107, 108, 110, 111, 113-й укрепленные районы и усиленный в 1943–1944 гг. 39-й корпус. В районе Спасск-Дальний – Гродеково Приморье охраняла 1-я армия, включавшая 26-й и 59-й стрелковые корпуса, 105-й и 112-й укрепрайоны, участок границы от Спасска-Дальнего до Приамурья – 35-я армия (35-я, 66-я стрелковые дивизии и 109-й УР), усиленная в 1944 г. 8-м укрепрайоном и 264, 363, 390-й стрелковыми дивизиями. Участки на побережье Амура (Поярково – Благовещенск и Новый – Хабаровск) прикрывали соответ-

ственно 2-я и 15-я армии, сохранившие от первоначального состава 3, 12, 34-ю стрелковые дивизии, 101-й и 102-й укрепрайоны. В 1943–1944 гг. к ним присоединили 255, 361, 388-ю дивизии.

Созданная для охраны Северного Сахалина и Татарского пролива 16-я армия включала 56-й стрелковый корпус, 79-ю дивизию, 2-ю бригаду, Сахалинский полк, 6-й батальон и 214-ю танковую бригаду на Северном Сахалине, стрелковые 5-ю и 113-ю бригады, 432-й, 540-й полки, 206-й батальон, 103-й и 104-й укрепрайоны – на материке. В Камчатский оборонительный район (оперативное объединение войск) входили 101-я стрелковая дивизия, 302-й полк, 5-й и 7-й батальоны, находились в подчинении – 128-я смешанная авиадивизия, Петропавловская военно-морская база, 60-й морской пограничный отряд и другие подразделения¹.

Командованию Дальневосточного фронта тактически подчинялись Тихоокеанский флот и Краснознамённая Амурская флотилия. В состав Тихоокеанского флота (командующий в 1941–1945 гг. И.С. Юмашев, член Военного совета – С.Е. Захаров, начальники штаба: август 1941 г.–февраль 1943 г. – В.Л. Богденко, февраль–июль 1943 г. – Н.И. Цирульников, июль 1943 г.–июнь 1944 г. – В.А. Алафузов, июнь 1944–1945 гг. – А.С. Фролов) к августу 1945 г. входили 2 крейсера, 1 лидер, 12 миноносцев, 2 монитора, 19 эскортных кораблей (10 – типа «Фрегат» и 9 – типа «Метель», «Альбатрос», «Дзержинский»), 78 подводных лодок (11 – типа «Л», 37 – «Щ», 2 – «С», 28 – «М»), 10 минных заградителей, 52 тральщика, 49 охотников за подводными лодками (22 – типа «БО» и 27 – «МО»), 204 торпедных катера².

Северная Тихоокеанская военная флотилия (командующие: август 1939 г.–февраль 1943 г. – М.И. Арапов, с апреля 1943 г. – В.А. Андреев, член Военного совета – Г.Ф. Зайцев, начальники штаба: июль 1941 г.–август 1943 г. – В.Ф. Котов, август 1943–1945 гг. – И.И. Байков) была сформирована в составе ТОФ на основании постановления СНК СССР от 31 июля 1939 г. и базировалась в Советской Гавани. В состав СТОФ вошли Нижне-Амурский и Де-Кастринский укрепленные районы, 1-й и 2-й отдельные дивизионы торпедных катеров, сторожевой корабль «Зарница», 3-я бригада подводных лодок (5 лодок типа «Щ» и 10 – типа «М»), 9 тральщиков, 49 торпедных катеров, 24 сторожевых катера, 365-й отдельный батальон морской пехоты.

Краснознамённая Амурская флотилия являлась самой мощной из речных военных флотилий СССР (командующие: июнь 1941 г.–июнь 1943 г., март–сентябрь 1944 г. – П.С. Абанькин, июнь 1943 г.–март 1944 г. – Ф.С. Октябрьский, сентябрь 1944 г.–июнь 1945 г. – Ф.С. Седельников, с июня 1945 г. – Н.В. Антонов, военный комиссар – июнь 1943 г.–1945 г. – М.Г. Яковенко, начальники штаба: июнь 1941 г.–январь 1942 г. – М.И. Федоров, февраль 1942 г.–ноябрь 1943 г. – С.М. Лялько, ноябрь 1943 г.–1945 г. – А.М. Гушин). На 1 июля 1945 г. в её состав входили 8 мониторов (в том числе один малый монитор «Активный»), 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 48 тральщиков, 7 минных катеров типа Я-5, один минный и один сетевой заградители, 5 плавучих зенитных батарей (в том числе 3 самоходные), 15 полуглиссеров, 3 сторожевых катера, 3 плавучие базы и один штабной корабль, а также авиационный полк (до 70 самолётов), 2 зенитных дивизиона и ряд береговых частей и подразделений, в оперативном подчинении – сторожевые катера пограничной охраны на реках Амур и Уссури³.

Основу обороны дальневосточных рубежей составляли оборонительные позиции, состоящие из отдельных долговременных сооружений или опорных пунктов с огневыми точками, командными и наблюдательными пунктами, убежищами. К началу 1940-х гг. на Дальнем Востоке было создано 12 укрепленных районов: Иманский, Гродековский, Полтавский, Шуфанский, Барабашский, Славянский, Посьетский, Благовещенский, Усть-Бурейский, Усть-Сунгарийский, Декастринский, Нижне-Амурский. В годы войны для прикрытия главных экономических и административных центров, военно-морских баз сформировали Хорольский, Приханкайский, Лесозаводской, Хабаровский, Онорский укрепленные районы, Камчатский оборонительный район.

Вокруг расположенных в приграничных зонах дальневосточных городов и железнодорожных узлов соорудили противотанковые рвы и надолбы, создавали огневые точки, которые возводили военнослужащие ДВФ и ТОФ, работники строительных подразделений общесоюзных и общереспубликанских наркоматов, военно-строительных ведомств, заключенные лагерей и колоний НКВД, бойцы рабочих колонн, а также дальневосточники в порядке трудовой повинности (по решениям Ставки ВГК, ГКО, СНК и Военного совета ДВФ).

Строительство боевых сооружений и степень их вооружения отражали значимость того или иного стратегического направления. Самое пристальное внимание уделялось подготовке к обороне Амурской области и Приморского края. В частности, в 39 поселениях Приморского края было подготовлено 127 артиллерийских и 176 минометных площадок, 147 точек для противотанковых ружей, 1662 – для пулеметов (1474 точки в зданиях), 26 командных и наблюдательных пунктов, 8,15 км противотанковых препятствий, 65 км ходов сообщений. В Спаске на строительство 604 оборонительных точек (из них 406 амбразур для стрелковых отделений, 135 – для пулеметов и противотанковых ружей) затрачено 1,2 тыс. чел./дней, в Уссурийске на 895 огневых точек – 6,2 тыс. чел./дней. Жители Владивостока на возведении оборонительных рубежей отработали около 137,2 тыс. чел./дней⁴. Население Хабаровска, используя подручные средства и материалы, оборудовало в нерабочее время 14-километровый противотанковый ров. В Благовещенске, Свободном, Куйбышевке-Восточной, Николаевске-на-Амуре подвалы каменных зданий, стоящих на перекрестках улиц, приспособили под опорные противотанковые, пулеметные, стрелковые пункты. По неполным данным на их сооружение затратили 300 тыс. чел./дней⁵.

Большое внимание уделялось подготовке оборонительных рубежей северных районов Дальнего Востока, закрывавших Татарский пролив. На основных и фланговых позициях сухопутной и противодесантной обороны Нижне-Амурского района, Охотского и Берингова морей были проложены новые подъездные пути, обустроены артиллерийские и наблюдательные пункты, площадки для самолётов, увеличено количество заграждений. План возведения полевых фортификационных сооружений на Северном Сахалине (Онорский УР) включал три батальонных узла сопротивления по 32 ДЗОТа в каждом и с открытыми пулеметными площадками. Для укрепления рубежей Камчатки оборудовали трёх- и четырёхорудийные зенитные и артиллерийские батареи, радиомаяки кругового действия.

Побережье защищала система береговой обороны: Владивостокский морской оборонительный район (Береговой, Островной, Артёмовский, Сучанский, Хасанский, Шкотовский сектора береговой обороны, 12-я морская

артиллерийская бригада и 13-я бригада морской пехоты), Владимиро-Ольгинская, Советско-Гаванская, Де-Кастринская, Николаевская-на-Амуре и Петропавловск-Камчатская военно-морские базы, Нагаевский и Северный сектора береговой обороны в Магадане и на Чукотке⁶.

За 1938–1945 гг. расходы на укрепление сухопутных и противодесантных позиций инженерного отдела ТОФ составили около 1 025,4 млн руб. К началу войны береговая артиллерия включала 140 батарей, противовоздушная оборона состояла из 75 зенитных батарей. В годы войны дополнительно возведено 96 артиллерийских и 352 пулемётных долговременных и деревоземляных оборонительных точек, 8 открытых артиллерийских позиций с погребями для боезапаса, 60,4 км противотанковых рвов и 16 км проволочных заграждений, 31 командный и наблюдательный пункт, 30 убежищ для личного состава⁷.

Все оборонительные сооружения по конструктивным решениям и тактическому применению аналогичны возведённым в других военных округах СССР. Районы обороны имели линии траншей полного профиля и прикрывались противотанковыми и противоминными заграждениями. Артиллерийские и пулемётные полукапонеры строились с защитой от 152-мм снарядов, зенитные и артиллерийские позиции – с укрытиями и круговой обороной.

Для усиления обороны побережья на подходах к основным военно-морским базам Тихоокеанского флота в июле 1941 г. оборудована 61 линия минных заграждений (выставлено 9105 мин и 1363 минных защитника). Несмотря на то что к середине 1943 г. минные поля не представляли опасности для противника, оборонительные заграждения обеспечивали тактическое преимущество, сковывали действия противника в советских территориальных водах⁸. Они могли задержать продвижение противника, позволяя мобилизовать силы Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота, Амурской военной флотилии и подготовиться к обороне Дальневосточного региона.

В октябре 1941 г. в штабе Дальневосточного фронта был подготовлен план эвакуации и уничтожения оставляемых материальных ценностей в пограничных районах Дальнего Востока, а также в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, составлена схема возведения искусственных сооружений и заграждений на главных коммуникационных линиях. В частности, предполагалось разрушить на Приморской железной дороге не менее 4,7 тыс. м железнодорожного полотна, в первую очередь по направлению р. Уссури – Иман, Манзовка – Турий Рог, Барановский – Краскино, Угольная – Сучан, Смоляниново – Дунай, во вторую – Манзовка – Варфоломеевка – Турий Рог, Смоляниново – Дунай, Сучан – Сергеевка – Находка, Уссурийск – Гродеково. На Дальневосточной железной дороге запланировали вывести из строя в две очереди более 5,5 тыс. м полотна по линиям р. Амур, Биробиджан – Ленинское, Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре, на Амурской – 5,1 тыс. м по основной Благовещенской линии. Одновременно уничтожались мосты и тоннели. Для этого требовалось 1136 т взрывчатых веществ⁹.

На случай начала военных действий формировались отряды сопротивления. Только на территории Хабаровского края к ноябрю 1943 г. создали 104 истребительных батальона с общей численностью личного состава 9502 чел., из них 1889 коммунистов, 1165 комсомольцев, 710 чел. старшего и среднего, 1004 чел. – младшего начсостава; 173 партизанских отряда – 7668 чел. и таёжные базы с необходимым количеством продовольствия и фуража¹⁰.

Численность и вооружение Дальневосточной группировки войск зависели от обстановки на советско-германском фронте. На Дальнем Востоке находились от 32 до 59,5 расчётных дивизий, от 13 до 29 авиационных дивизий и до 27 танковых бригад, 6 дивизий и 4 бригады войск противовоздушной обороны. Они имели от 10 тыс. до 20,6 тыс. орудий и миномётов, свыше 3,1 тыс. танков и самоходных орудий, 4,1–4,3 тыс. боевых самолётов и в пределах 100 боевых кораблей основных классов, что составляло от 15 до 30% боевых сил и средств Вооружённых Сил СССР¹¹.

В годы войны на вооружении находились самолёты старых и новых типов, построенные отечественной авиационной промышленностью и полученные по ленд-лизу. На 1 мая 1945 г. самолётный парк военно-воздушных сил Дальневосточного фронта составлял 4668 ед. (8,7% военно-воздушных сил Красной армии), из них 2436 истребителей (2068 – новых, 338 – старого типа и 30 – импортного производства), 651 бомбардировщик, включая 184 – нового типа, 55 – дальнего действия, 409 – старых типов и 3 – импортного производства, 684 штурмовика, 9 транспортных и 888 учебных самолётов, 591 самолёт был неисправен¹².

Военно-воздушные силы Тихоокеанского флота, даже без учёта прибывших в 1944–начале 1945 г. пяти полков с Черноморского и Северного флотов, имели 27 полков и 12 отдельных специализированных эскадрилий, которых на других флотах не осталось (5-я буксировочная, 11-я и 14-я артиллерийские, 39-я ночных истребителей, 122-я транспортная, 37-я и 53-я ближние, 35-я дальняя, 47, 57, 62-я разведывательные, 34-я смешанная). Авиация флота имела 1054 боевых самолёта, из них 436 истребителей, 170 торпедоносцев, 151 бомбардировщик, 154 штурмовика и 143 разведчика (кроме этого, находилось в резерве 50 штурмовиков и 25 истребителей). Самолёты могли пользоваться 52 аэродромами (задействован 21 сухопутный и 9 морских аэродромов, а остальные были в резерве)¹³.

Военно-воздушные силы Северной Тихоокеанской флотилии (командующий генерал-майор авиации Г.Г. Дзюба) имели 302 самолёта (36 бомбардировщиков, 42 штурмовика, 160 истребителей и 64 разведчика), базировавшихся на 8 сухопутных и 9 морских аэродромах (Николаевск-на-Амуре, Мариинское, Софийское, Постовая, Знаменское, Унаши, Грасевичи, Бяуде, Северная и Магадан). В состав СТОФ входили 15-я смешанная авиационная дивизия (58-й и 59-й истребительный авиаполки), 117-й морской разведывательный, 55-й пикировочный, 56-й штурмовой, 41-й и 42-й истребительные, 48-й отдельный морской дальнеразведывательный авиаполки, 37-я отдельная морская разведывательная эскадрилья, 15-й авиаотряд и два отдельных авиационных звена¹⁴.

Практически до конца войны на вооружении ДВФ оставалась бронетехника старого типа. Обновления артиллерийских систем сухопутных войск, боевых кораблей и береговой обороны не произошло, за исключением лёгких боевых кораблей, которые вооружались новыми реактивными и зенитными установками. Наличие на флоте орудий крупных калибров усиливало оборону Тихоокеанского побережья. Полученные по ленд-лизу неконтактные мины и тралы, радиоэлектронные средства обнаружения и гидроакустические станции в значительной степени повысили боевые качества кораблей, катеров и подводных лодок, представлявших оперативно-тактическую силу на тихоокеанском театре военных действий.

Дальневосточная группировка войск (численностью от 703,7 тыс. до 1,4 млн чел.) укомплектовывалась по стандартам военного времени призывниками, военнообязанными запаса Дальнего Востока, Московского, Уральского, Забайкальского, Сибирского военных округов, военнослужащими запасных и тыловых частей, эвакуопиталей с учётом наличия мобилизационных ресурсов для Красной армии и Военно-морского флота.

При определении численности вооружённых формирований на Дальнем Востоке учитывались специфика геополитического пространства, удалённость войсковых соединений и маловероятность внутри- и межрегиональной перегруппировки войск при огромной протяжённости морских и сухопутных границ. С сентября 1941 г. по май 1944 г. (по данным Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии) с Дальнего Востока в составе различных формирований отправили 399 тыс. военнослужащих. На западное направление перебросили одну мотострелковую и 16 стрелковых дивизий, 3 курсантские стрелковые бригады, 4 танковые дивизии, 19 авиаполов, 13 артиллерийских бригад и 3 полка, кавалерийский полк и 2 кавалерийские дивизии, а также строительные, железнодорожные, сапёрные батальоны, автополки и роты связи¹⁵.

С Тихоокеанского флота отправили 136 188 сержантов (старшин), краснофлотцев, откомандировали 11 441 – на действующие флоты, 1672 – на укомплектование экипажей кораблей, полученных по ленд-лизу, и 2086 – военнизированных судов морского флота. В составе Северного флота сражались направленные с Тихоокеанского флота лидер «Баку», 2 эскадренных миноносца «Разумный» и «Разъярённый», 5 подводных лодок типа «Л» и «С», на Краснознаменном Балтийском флоте – 12 торпедных катеров. На Черноморский флот с Тихого океана прибыли 10 подводных лодок типа «М» и 8 торпедных катеров, 6 малых охотников за подводными лодками и батальон морской пехоты¹⁶.

Ограниченные демографические возможности страны, напряжённая геополитическая обстановка на восточных рубежах определили дислокацию и состав стрелковых и мотострелковых, бронетанковых и артиллерийских, военно-воздушных и противовоздушных, военно-морских сил на Дальнем Востоке. В августе 1944 г. в составе Дальневосточного фронта насчитывалось 624 тыс. красноармейцев и сержантов, из них 128,5 тыс. (20,6%) состояли на воинской службе к началу войны. Среди призванных после 22 июня 1941 г. 189,2 тыс. военнообязанных запаса 1893–1921 г. рождения и старше, составлявших 30,3% численности ДВФ, 98,4 тыс. (33,2 тыс. сержантов и 65,2 тыс. красноармейцев) ранее отбывали действительную военную службу и 90,8 тыс. (19,5 тыс. сержантов и 71,3 тыс. красноармейцев) не служили. В составе ДВФ насчитывалось 239,4 тыс. призывников 1922–1926 г. рожд. (38,3%) – 28,9 тыс. сержантов и 210,5 тыс. красноармейцев, 27,6 тыс. женщин (4,4%) (соответственно 8,1 тыс. и 19,5 тыс.), 39,3 тыс. чел. (6,3%), годных к нестроевой службе (6,2 тыс. и 33,1 тыс.). По сравнению с начальным периодом войны численность красноармейцев и сержантов в возрасте 23–42 лет сократилась в 1,5–2 раза, но увеличилась – старше 43 лет и молодёжи 18–19 лет. В дальневосточных частях высшее и незаконченное среднее образование имели 4% красноармейцев и сержантов, 7–9 кл. – 24%, 1–6 кл. – 70% и 2% – были неграмотными; 20,7% состояли в партии и около 33% – в ВЛКСМ¹⁷.

Передислокация и переформирование воинских соединений изменили состав Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. На 1 января 1941 г.

численность старшин (сержантов) и краснофлотцев в ТОФ составила 111,6 тыс. чел. (106,9 тыс. срочной службы и 4,75 тыс. – сверхсрочников). За годы войны на пополнение флота прибыли более 145 тыс. призывников и добровольцев, 54,7 тыс. – военнообязанных запаса. На 1 января 1945 г. численность рядового и младшего начальствующего состава ТОФ (без учёта 2861 чел. вне нормы) составляла 107,3 тыс. чел., из них 84,4 тыс. – срочной службы, 4,6 тыс. – женщины, 2,8 тыс. – сверхсрочнослужащие, 15,5 тыс. – призывники запаса¹⁸.

Численность личного состава Амурской флотилии, увеличившаяся за счёт мобилизации в первые месяцы войны с 8,2 тыс. до 13,1 тыс. чел., сократилась к январю 1943 г. до 10,6 тыс., к январю 1945 г. – до 10,3 тыс., составляя 95–98% штатной. С 1 июля 1941 г. по 10 апреля 1945 г. в части Амурской военной флотилии прибыли 15 712 чел. личного состава, из них 1178 – старшины, сержанты, краснофлотцы из других флотов и тыловых частей, 4959 – военнообязанные запаса и 8261 – призывники, 893 – девушки по комсомольскому призыву и 421 чел. – прочие. За этот период убыли 14 159 чел. (9281 – направлены в части РККА и 2764 – на другие флоты, 498 – уволены в запас, 697 – по болезни и 148 – по беременности, 397 – по другим причинам, 370 – осуждены)¹⁹.

В Дальневосточной группировке войск осталось мало красноармейцев и краснофлотцев, сержантов и старшин довоенного призыва, возросло число военнослужащих, ограниченно годных к строевой и женщин. Каждое соединение выполняло поставленные стратегические задачи. Военно-морской флот находился в повышенной боевой готовности (готовность № 2), предусматривавшей четырёхчасовую подготовку боевых кораблей к выходу в море, а для кораблей, находившихся в строю по мирному времени, – шестичасовую, увольнения личного состава сводились до минимума. Круглогодично на специальные позиции высылались подводные лодки, проводилась воздушная разведка.

Основными формами боевой подготовки являлись командно-штабные учения, оперативные игры, групповые манёвры войск и общевойсковые учения. В сложных природно-климатических условиях дальневосточники учились форсировать водные преграды, штурмовать долговременные огневые точки противника, ориентироваться на незнакомой местности, согласовывать действия разведывательных и штурмовых групп, танковых и артиллерийских подразделений при поддержке авиации.

Большое внимание уделялось координации действий сил армии и флота. Части Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии учились уничтожать десант противника, форсировать водную преграду и вести оборонительный бой, организовывать работу тыла. В 1944 г. проведено 286 совместных командно-штабных и специальных учений руководящего состава Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота, т.е. почти в 3 раза больше, чем в предыдущем году. Используя накопленный на фронтах Великой Отечественной войны опыт, отрабатывали управление частями и подразделениями, создание заграждений и тактику ведения боя с силами противника во взаимодействии с подводными лодками и торпедными катерами с одновременной огневой поддержкой авиации и сухопутных сил. Морская пехота приобретала навыки высадки десанта на необорудованный берег. Школой совершенствования профессионального мастерства стали тактические занятия по прорыву укрепленных районов, стрельбе береговой и корабельной артиллерии по сухопутным и морским целям с корректировкой огня. Широкое распространение получили

5–15-суточные учебные сборы командиров воинских соединений и политработников, на которых изучались основы наступательного боя, задачи и роль пехоты, артиллерии, бронетанковых и инженерных войск, демонстрировались новейшие типы оружия, проводились показательные стрельбы с использованием радиолокационных станций.

Из-за опасения спровоцировать нападение Японии все мероприятия в Дальневосточном регионе проводились скрытно в рамках «военно-учебной подготовки». Большое внимание уделялось мерам, направленным на сокрытие войск от наземного и воздушного наблюдения противника: запрещалось передвижение военнослужащих и техники в светлое время суток в районах дислокации, оборудовались ложные огневые позиции и бивуаки с демаскирующими признаками, артиллерийские и бронетанковые части маскировались с использованием сетей, камуфляжной окраски в зависимости от времени года. Для служебных и оперативных переговоров по прямому проводу вводятся кодовая таблица и кодовые карты, а для обозначения местонахождения воздушного противника при передаче донесений «Воздух» – единая кодированная карта с нанесённой ориентирной сеткой. Одновременно были установлены правила полётов гражданского воздушного флота, авиации Тихоокеанского флота и Народного комиссариата внутренних дел с учётом наличия запретных зон на территории Дальневосточного фронта.

Таким образом, в годы Второй мировой войны безопасность Дальнего Востока СССР поддерживалась общегосударственными мерами с использованием социально-политических и экономических возможностей страны для достижения превосходства на решающих направлениях. Меры, направленные на укрепление региона, соответствовали основным положениям советской военной доктрины, определяли создание резервов, перемещение войсковых соединений.

9.2. Обеспечение безопасности мореплавания в акватории дальневосточных морей

В России гидрографическая служба как структура, выполняющая задачи обеспечения безопасности мореплавания, в едином политико-экономическом пространстве страны сформировалась в первой половине XIX в. В её обязанности входили организация гидрографических работ, анализ выполненных на боевых кораблях, судах и в обсерваториях астрономических, магнитных наблюдений за навигационной обстановкой, географическими объектами, гидрологическими и гидрометеорологическими явлениями; составление карт, атласов, лоций и руководств, навигационных пособий и регулярное внесение в них корректуры для безопасного плавания; строительство и содержание маяков, входных навигационных знаков и огней, постановка и обслуживание буёв, вех, бакенов и других плавучих предостерегательных знаков; снабжение военных кораблей и судов мореходными инструментами, морскими картами, лоциями и навигационными пособиями.

Вхождение гидрографической структуры в систему государственного управления, независимо от политической власти в стране, определяло использование полученных данных для освоения новых территорий и решения

военно-стратегических задач. По мере интенсивности освоения дальневосточных территорий, открытия транспортных путей по морским акваториям, установления связи с зарубежными странами и экономическими центрами требовалось обеспечение безопасности мореплавания. По приказу Командующего Красным флотом № 544 от 23 ноября 1922 г. создано Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (УБЕКО ДВ), объединившее ранее образованные самостоятельные организации. Его возглавляли (последовательно) Б.В. Давыдов, Е.И. Головня, П.Г. Князев, А.И. Горбунов, А.М. Емельянов, М.А. Воронов²⁰. По строевой линии оно подчинялось непосредственно начальнику Морских сил Дальнего Востока, по специализированным вопросам – Главному гидрографическому управлению РСФСР²¹.

После неоднократной реорганизации Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии СССР и их структурных подразделений (упразднение – 1926 г., создание Морских сил Дальнего Востока – 1932 г., переформирование их в Тихоокеанский флот – 1935 г.). Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке переименовали в Гидрографический отдел Тихоокеанского флота. В оперативном отношении он подчинялся командующему Тихоокеанским флотом, а в специальном – Гидрографическому управлению. На 1 апреля 1932 г. в его состав входили маячно-технический, гидрографическо-штурманский, гидрометеорологический отделы, мобилизационно-строевая, административно-распорядительная, строительная, санитарная части, инструментальная камера, депо карт, гидрографическая экспедиция, Владивостокское лоцмейстерство, Амурская лоцдистанция, производственные предприятия²².

Наличие подразделений и их численный состав определялись важностью решаемых задач и имеющимися возможностями. По приказу № 001 от 24 апреля 1932 г. командующего Морскими силами Дальнего Востока в состав Управления по обеспечению безопасности кораблевождения вошли гидрографическое судно «Прибой», лоцманские катера «Полюс» и «Протрактор», посыльный катер «Нактоуз», рабочие катера «Отлив» и «Огонь», лоцманские катера «Пеленг» и «Планшет». Осенью этого же года вместо судна «Прибой» включили пароходы «Чукча», «Приморье» и траулер «Алексей Пешков», принятый от треста «Востокрыба»²³.

На базе лоцдистанции образованы Владивостокский и Владимиро-Ольгинский районы гидрографической службы. Амурскую лоцдистанцию и Хабаровскую гидрометеостанцию перевели во вновь созданный гидрографический отдел Амурской Краснознамённой военной флотилии (приказ командующего ТОФ № 0106 от 17 марта 1936 г.)²⁴.

Навигационное оборудование театра военных действий и мест базирования сил флота потребовало создания манёвренного управления и манипуляторной службы на о-ве Русский – мыс Тупой, в заливах Ольги и Советская Гавань. Средствами навигационного оборудования оснащены бухта Улисс, заливы Америка, Ольги, Владимира и Советская Гавань. В структуре управления сформировали отдел ограждения морей, а при гидрографическо-штурманском отделе – гидрокомпасную часть, часть магнитных компасов и инструментальную камеру²⁵. В состав морской обсерватории вошла служба погоды – бюро погоды²⁶.

На мысе Поворотный в заливе Петра Великого смонтирован первый в стране серийный радиомаяк кругового излучения РМС-2 с небольшой дальностью действия. Новое техническое устройство превышало возможности имеющихся

средств навигации, что и определило дальнейшее развитие радионавигации. К началу 1938 г. действовало 17 радиомаяков РМС-3 с дальностью действия 50 миль.

Из Мурманска Северным морским путём на Дальний Восток прибыли три специализированных гидрографических судна отечественной постройки: «Охотск», «Океан» и «Камчадал», Южным (через Панамский канал) – два однотипных судна «Полярный» и «Партизан». Таким образом, гидрография Тихоокеанского флота к концу 1938 г. получила 5 новых специализированных судов отечественного кораблестроения. Их свели в отряд гидрографических судов, а на базе лоцдистанции создали Петропавловский район гидрографической службы.

С развитием системы базирования сил флота, увеличением текущих задач продолжалось укрупнение гидрографических частей, повышался их статус, увеличивались их тактические и специальные возможности. В августе 1938 г. Гидрографический отдел ТОФ возглавил военный инженер 2-го ранга В.К. Бубнов. Василий Константинович в этой должности пробыл весь военный период и первые послевоенные годы, убыл в октябре 1951 г. к новому месту службы в Гидрографическое управление ВМФ Ленинграда²⁷.

По приказу народного комиссара ВМФ № 0100 от 10 марта 1939 г. введено в действие положение о Гидрографическом отделе флота. Начальник отдела и военный комиссар в оперативном и строевом отношении подчинялись начальнику Гидрографической службы Военно-морского флота СССР, начальники районов гидрографической службы – командирам военно-морских баз. В составе Гидрографического отдела ТОФ сформировали управление и отделения – плановое, штурманское (части кораблевождения, электронавигационная, мореходных инструментов и службы времени), гидрографическо-картографическое (части гидрографические и изучения обстановки), навигационного оборудования (части специального оборудования, маячно-техническая, акустико-радиомаячная), специального снабжения (склад мобилизационного запаса и склад карт и книг), судоремонтное, связи, финансовое, санитарное и отдельные части – строительно-эксплуатационная, секретная, административно-хозяйственная²⁸.

После создания 31 июля 1939 г. Северной Тихоокеанской флотилии (СТОФ) с главной базой в Советской Гавани (в состав флотилии вошли морские части, дислоцировавшиеся в Де-Кастри, Николаевске-на-Амуре и на Северном Сахалине) подразделения гидрографии, территориально расположенные в её пределах, подчинили её командованию.

С 1922 г. по июнь 1941 г. Гидрографическая служба ТОФ структурно увеличилась в шесть раз по количеству подразделений и численному составу. Управленческий аппарат составляли выпускники специализированных военных вузов страны, старые управленческие кадры были практически вытеснены. Создание новых подразделений, гидрографических частей проводилось в рамках развития Дальневосточного региона и для решения задач при увеличении объёмов и количества сил и средств флота, новых видов вооружения и уровня технического оснащения кораблей и подводных лодок.

К 1941 г. Гидрографическая служба (отдел) Тихоокеанского флота представляла собой организацию с развитой структурой. В её подчинении находилось пять районов гидрографической службы военно-морских баз – Владивостокской, Владимиро-Ольгинской, Совгаванской, Де-Кастринский и Петропавловской, два участка – Хасанский и Шкотовский сектор береговой обороны, 11 судов: «Океан»,

«Охотск», «Чукча», «Партизан», «Полярный», «Камчадал», «А. Пешков», «Лебедь», «Прибой», «Полюс», «Пеленг» общим водоизмещением 18 365 т²⁹.

Война внесла коррективы в систему планирования и осуществления работ Гидрографической службы Военно-морского флота СССР. Принимается решение временно отойти от годового планирования, в повседневной деятельности руководствоваться и выполнять постановления Государственного Комитета Обороны, приказы и распоряжения наркома Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецова, исходя из задач повышения обороноспособности восточных рубежей страны. Строго контролировались объёмы финансирования, выпуска печатной продукции и выполненных работ³⁰.

В связи со сложным положением на фронтах Великой Отечественной войны на Тихоокеанском флоте началось формирование морских стрелковых бригад. В их состав вошли кадровые офицеры-гидрографы С.Я. Парфенов, А. Ефимов, Г. Хромов, П. Чепрасов, старшины и краснофлотцы С. Кравцов, И. Кривеля, Б. Кузнецов, В. Чарушников, Воронченко, А. Пирогов, Я. Фролов. В сформированный в Краснознамённой Амурской флотилии батальон добровольцев вошли 25 гидрографов, в том числе лейтенанты В.И. Тарановский, А.И. Киреев, старшина Остриков, матросы Гераськов, Калинин, Крахмалюк, Малахов, Рубцов. Из вольнонаёмного состава Гидрографического отдела Тихоокеанского флота была сформирована рота народного ополчения под командованием инженера-строителя навигационного оборудования Е.П. Зелинского, политруком роты стал Дмитриев. Командиром первого взвода назначен Степанов, второго – К.Х. Кузменко, третьего и четвёртого – вольнонаёмные Шадрин и Мешков³¹.

Гидрографическая служба Тихоокеанского флота, обеспечивая выполнение мобилизационных и боевых задач, проводила навигационно-гидрографические, топогеодезические работы для интенсивного развёртывания сил флота, береговой и корабельной артиллерии, противовоздушной обороны. Основная нагрузка при выполнении специальных задач по гидрографии, геодезии и топографии, метеорологии всего Тихоокеанского флота возлагалась на ограниченный круг военных специалистов-гидрографов, служивших в частях флотского подчинения, что требовало значительного их физического и морально-психологического напряжения.

Практически весь транспортный морской путь от советских портов в зоне Охотского моря и Тихоокеанского побережья находился в досягаемости японской авиации, и средства навигационного оборудования переводились на манипуляторный режим, вводилась в действие система военно-лоцманской службы при всех дальневосточных портах и на подходах к ним, что требовало дополнительных материально-финансовых и людских затрат, ввода других навигационных знаков и маяков³².

В акватории морей вблизи побережья Дальнего Востока СССР в оборонных целях создавались условия, максимально препятствующие свободному перемещению морских сил возможного противника, но позволяющие относительно свободно перемещаться советским кораблям и судам. Вводились ограничения мореплавания на морских и речных коммуникационных линиях для всех видов транспорта независимо от ведомственной принадлежности, а также населения.

В действие вводилась лоция военного времени – новый документ с систематизированной информацией об особенностях работы навигационного оборудования, которое перевели на манипуляторный режим. Сам документ был не отра-

ботан и не введён в полном объёме, что объяснялось отсутствием практического опыта функционирования вновь созданной структуры. В годы войны существовали правила и инструкции ограниченного действия, которые дополнялись на основе опыта Гидрографического управления ВМФ.

На подходах к военно-морским базам в июле 1941 г. с учётом гидрологических, гидрометеорологических, физико-географических факторов и климатических особенностей районов действий по заранее разработанным гидрографической службой навигационным планшетам были выставлены минные заграждения. Для плавания закрывались значительные районы, для входа и выхода кораблей и судов в базы и пункты базирования оставались военно-контролируемые фарватеры. В главной базе (порту Владивосток) началось ограждение минных полей радиомаяками направленного действия «Сафар». Первый створный радиомаяк этого типа установили на маяках Шкотовского створа в проливе Босфор Восточный³³. Начат и закончен монтаж сиренной установки на маяке «Красный партизан»³⁴.

В районе главной базы построили мерную линию, оборудованную радиомаяками, на которой маневрирование кораблей и судов можно было проводить в условиях плохой видимости, что способствовало расширению диапазона использования боевых кораблей и транспортных судов, повышению боевых возможностей флотских сил. Флотские штурманы высоко ценили эту мерную линию, и в шутку звали её туманной³⁵.

В специальном (секретном) порядке осуществлялось оповещение кораблей и судов об изменениях минно-навигационной обстановки. В плане проведения боевой подготовки офицерами-гидрографами совместно с флотскими штурманами отработывалась методика плавания в сложных навигационных условиях, осваивались способы определения и уничтожения девиации и радиодевиации без пользования девиационными полигонами.

Гидрографической службой флота изготавливались артиллерийские и огневые планшеты, инженерными и тыловыми частями флота оборудовались полигоны для корабельных стрельб на ходу и с якорных огневых позиций, в том числе и для ночных по невидимым целям. Личным составом манёвренных групп для создания артиллерийских батарей определялись координаты каждого орудия, центров батарей, командных пунктов, дальномерных постов, точек наводки, азимуты и расстояния до характерных объектов на местности, ориентировались азимутальные круги орудий, рассчитывались азимуты фронта батарей, директрисы стрельбы, углы обстрела, углы закрытия.

К середине 1942 г. личным составом комплексной гидрографической партии под командованием военного инженера 2-го ранга Г.П. Иванова (сформирована на базе гидрографической экспедиции и Владивостокского района гидрографической службы) в районе главной базы флота оборудовали 10 огневых позиций кораблей, 19 якорных мест, 76 створов, определили 112 пунктов триангуляции для артиллерийской стрельбы. Выбор мест позиций кораблей и вспомогательных точек наводки проводился под руководством флагманского артиллериста комиссией флота, в состав которой в обязательном порядке входили представители Гидрографического отдела ТОФ.

Манёвренные группы в секторах береговой и противовоздушной обороны определили координаты пунктов для 292 батарей всех типов и 333 постов службы наблюдения и связи, изготовили 54 артиллерийских планшета. Только

береговая оборона военно-морских баз Тихоокеанского флота насчитывала 167 береговых батарей калибром от 45 до 356 мм. После выполнения геодезических работ точность стрельбы береговой артиллерии значительно улучшалась, единая комплексная минно-артиллерийская позиция закрывала подходы с моря и с берега³⁶.

Специальных инструкций по проведению топогеодезического обеспечения ни до войны, ни в начале войны не имелось, поэтому многие вычисления и наблюдения основывались на практических наработках командиров артиллерийских частей и на геодезической подготовке гидрографов. Для успешной стрельбы береговой и корабельной артиллерии необходимо было учитывать ещё и фактор гидрометеорологических условий, поэтому в ходе выполнения работ по топогеодезическому обеспечению флотской артиллерии отрабатывалось взаимодействие подразделений гидрографической службы и флотских служб. С учётом размещения береговых артиллерийских батарей, рассредоточенного базирования морских сил флота введение военно-лоцманской службы обеспечивало надёжную защиту дальневосточного побережья и оборону военно-морских баз.

Важнейшей задачей, стоявшей перед Гидрографической службой Тихоокеанского флота, являлось навигационное обеспечение в устье и лимане р. Амур. Из-за сложной навигационно-гидрографической обстановки, низкого уровня штурманской подготовки экипажей гражданских судов, игнорирования лоцманской проводки в связи с увеличением интенсивности судоходства участились случаи посадок судов на речные мели, повреждения плавучего навигационного ограждения, что требовало дополнительных затрат материальных средств и времени на восстановление. Вопрос о привлечении виновных судовладельцев к ответственности не решался даже на высшем государственном уровне, и командование Тихоокеанского флота совместно с заинтересованными ведомствами самостоятельно принимало меры для обеспечения безопасности судоходства в данном районе в любое время суток³⁷.

Интенсивно проводилось навигационно-гидрографическое обеспечение сил Краснознамённой Амурской флотилии. Манёвренные гидрографические партии Хабаровского и Благовещенского гидрографических районов Гидрографического отдела флотилии провели выбор и обозначение на местности возможных огневых позиций кораблей и наблюдательных постов противоминной обороны на Среднем Амуре, реках Зея и Уссури, определили координаты 384 огневых позиций и точек наводки, 124 наблюдательных постов противоминной обороны, для штабов соединений и артиллерийских кораблей составили 138 артиллерийских планшетов на укрепленные районы и узлы сопротивления противника.

Для обеспечения круглосуточного плавания кораблей Краснознамённой Амурской флотилии на судоходных фарватерах на участке Хабаровск – устье р. Зея группа офицеров-гидрографов под руководством начальника Гидрографического отдела флотилии И.Г. Красножена на гидрографическом судне «Перекат» обследовала все протоки левого берега Амура от Хабаровска до устья р. Сунгари. На берегах 14 протоков, пригодных для плавания речных кораблей всех классов, оборудовали места для установки навигационных знаков, ограждающих фарватер. В дальнейшем ежегодно осуществлялся контроль судового хода во всех протоках, своевременно поддерживалось в исправном состоянии всё береговое оборудование³⁸.

Сотрудники морской обсерватории и базовой гидрометеостанции выполняли экспедиционные работы по изучению морского театра военных действий, составляли гидрометеорологические описания, обеспечивали гидрометеорологическими прогнозами командование, корабли флота, береговые артиллерийские части и силы противовоздушной обороны.

Гидрографическая экспедиция проводила промерные и топогеодезические исследования на восточном побережье Камчатки, Чукотки, Командорских островах, о-ве Карагинский, на севере Сахалина, выполняла магнитные наблюдения на девиационных полигонах в портах Приморского края и Камчатки, районах Советской Гавани³⁹. Она осуществила крупномасштабные гидрографические работы в акваториях Амурского и Славянского заливов, залива Посъет, отдельных бухтах залива Петра Великого, выполнила 13 тыс. км линейных промеров, произвела съёмку 4600 кв. км береговой полосы и построила 445 триангуляционных знаков. Гидрографические работы и работы по топогеодезическому обеспечению территориально часто пересекались и во многих случаях выполнялись одними и теми же подразделениями и людьми. Экспедиция продолжила изучение бухт между заливами Америка и Советская Гавань на северо-западном побережье Японского моря.

Крупномасштабные гидрографические работы по составлению военно-географического описания проводились для решения задач манёвренного базирования сил Тихоокеанского флота и усиления противодесантной обороны побережья. В сложных гидрометеорологических условиях гидрографический отряд численностью 90 чел. во главе с капитаном 3-го ранга И.П. Кучеровым выполнил зимний промер со льда Восточно-Сахалинского фарватера. Всего было сделано 20,1 тыс. замеров, определено 807 геодезических точек на льду. По результатам этих работ составлены и изданы подробные карты Амурского лимана⁴⁰. В Первом Курильском проливе в условиях сильных приливо-отливных течений и густых туманов произвели траление жёстким тралом сомнительной глубины 5,4 м, осложнявшей плавание. Координирование промера осуществлял гидрограф В.Н. Родин. Существование банки тралением не подтвердилось, и она была снята с карт.

Ежегодно личный состав подразделений Гидрометеорологической службы Тихоокеанского флота выполнял в Японском и Охотском морях гидрологические исследования, результаты которых нужны были не только промысловикам для освоения биоресурсов, но и Тихоокеанскому флоту. За год в Японском море выполнялось до 500 глубоководных станций, в Охотском – от 50 до 200, сказывались наличие сил, средств и интенсивность боевой подготовки сил флота по регионам морей. В проведении исследований участвовали инженеры В.В. Бетин, Г.М. Бирюлин, Т.М. Грецова, Ю.В. Истошин, П.И. Мизинов, И.Я. Павликов, А.Р. Плaxотник, Г.П. Пономаренко, Г.В. Ржетминский, Л.А. Фортунатов и техники В.С. Вареник, Л.П. Вичикова, Б.П. Гапоненко, К.Д. Гончарук, А.Е. Дригоде, А.Я. Ефимова, И.А. Карпеев, П.А. Клецов, Д.Н. Кузьмин, В.И. Куля, А.Я. Подлесных, Л.В. Прозоровская, А.Г. Ромашева, Г.С. Селецкая, И.В. Тарутина, С.П. Татаринев, Г.А. Цапко, Т.Т. Чуприкова, У.А. Шландакова, П.М. Шолик.

В большинстве случаев экспедиционные работы гидрометеорологической службы производились совместно с ТИПРО. Всего за 1941–1945 гг. выполнено 2898 разовых и 170 суточных гидрологических станций, 26 012 замеров

температуры воды на поверхности, взято 25 710 проб воды для определения солёности, измерены течения на 1279 горизонтах⁴¹.

На Гидрографическую службу Тихоокеанского флота была возложена правительственная задача по обеспечению круглосуточного плавания и лоцманской проводки транспортов, идущих со стратегическими грузами ленд-лиза из портов США и Канады во Владивосток и в Николаевск-на-Амуре в течение всего года. Для решения поставленной задачи составлен комплексный план развития системы навигационного оборудования маршрута с подробным описанием действий флотских сил⁴².

В соответствии с первым этапом плана к началу навигации 1943 г. требовалось обеспечить средствами навигационного оборудования плавание в Первом Курильском проливе, Амурском лимане и в Тауйской губе, на втором этапе – на трассе Америка – Владивосток. Планировалось построить и ввести в действие 10 электромаяков, 16 радиомаяков кругового и 6 – направленного излучения, 5 навигационных огней, 3 станции ведущего кабеля, значительно усилить район гидрографической службы в г. Николаевск-на-Амуре. Для выполнения задания гидрографическая служба привлекала инженерную службу и службу связи флота, ресурсы и средства Камчатской области⁴³.

На морской трассе началось строительство световых маяков и знаков на мысах Спафарьева, Завьялова, Пронге, Озёрный, Сопочный, Чирикова, Шипунский, Кроноцкий, Поворотный, Меншикова, Лопатка, Большерецкий. Все маяки географически находились на мысах с высокими берегами и представляли собой временные деревянные сооружения, но со временем перестраивались из более долговечных материалов, модернизировались, повышались в классности. Для строительства маяков и знаков привлекались людские и материальные резервы гидрографической службы, местных органов власти, материально-технические средства служб флота. Их возводили в жёстких климатических и погодных условиях в сжатые сроки в труднодоступных местах из привезённых строительных материалов, где отсутствовали дороги, население, связь с внешним миром. С увеличением судоходства маяки полноценно функционировали и служили для определения местоположения кораблей и судов в море.

С трудом удалось проложить станции ведущего кабеля в проливах Босфор Восточный и Первый Курильский. Техническое руководство работами по прокладке кабеля осуществлял инженер-полковник Анисимов, а общее руководство экспедицией возлагалось на начальника Гидрографической службы флота. Для полноценного функционирования системы ведущего кабеля необходимо наличие на корабле или судне соответствующей аппаратуры, на береговой станции – надёжного источника электропитания. Техническим предписанием к аппаратуре ведущего кабеля определялись требования к месту установки: относительно спокойные и ровные морфо-геологические и гидрологические условия.

Для обеспечения безопасности судоходства в Амурском лимане и устье р. Амур, продления навигации по доставке и вывозу народнохозяйственных грузов в порт Николаевск-на-Амуре и прохождению судов Татарским проливом увеличили время нахождения плавучих предостерегательных знаков на границах судоходных фарватеров. В решении данной важнейшей военно-хозяйственной задачи принимали участие должностные лица наркоматов военно-морского и торгового флота, а также Хабаровского и Приморского краёв⁴⁴.

Силами Гидрографического отдела Тихоокеанского флота отработан комплект специальных штурманских планшетов на все фарватеры Амурского лимана, выполнен комплекс организационных, проектных и строительных работ, построены дополнительно десятки береговых навигационных знаков, выставлены дополнительные светящиеся буи, развёрнута сеть радиофицированных наблюдательных и координирующих постов, на которых в период навигации осуществлялось круглосуточное наблюдение.

Обслуживание средств навигационного оборудования на побережье, судовых путей и портовых акваториях дальневосточных морей СССР планово выполнялось силами районов и участков, других береговых частей гидрографической службы. За 1941 г. в главную базу Тихоокеанского флота – порт Владивосток военно-лоцманской службой по системе контролируемых военных фарватеров проведено 226 судов, выведено – 211, в Амурском лимане по фарватеру Невельского проведено 21 судно (из них 13 военных), по Сахалинскому – 20, включая 14 военных. В дальнейшем с использованием боевого опыта лоцманских проводок в акваториях портов Чёрного, Балтийского и Баренцева морей улучшилось взаимодействие между портовыми, флотскими и военно-лоцманской службами⁴⁵.

Военно-лоцманской службой ТОФ совместно с лоцманами Гидрографического отдела Беломорской военной флотилии В.И. Ворониным, Г.А. Калинин, К.Е. Кучерина выполнен перевод части корабельных сил Тихоокеанского флота для усиления Северного флота. Лидер «Баку» и эскадренные миноносцы «Разумный» и «Разъярённый» проведены из Владивостока через Татарский пролив и мелководные фарватеры Амурского лимана, Охотское и Берингово моря и далее по трассе Северного морского пути в п. Полярный. До бухты Провидения корабли вели дальневосточные военные лоцманы. Вся операция выполнена в период с 15 июля по 14 октября 1942 г. в условиях скрытности и дезинформации противника и вошла в историю Тихоокеанского флота под названием экспедиции особого назначения (ЭОН-18)⁴⁶.

Начальником военно-лоцманской службы Владивостокской базы главной базы флота был назначен старший лейтенант Б.И. Буковский, именно на нём лежала вся ответственность за работу военно-лоцманской службы порта Владивосток. Благодаря слаженной работе гидрографов крупнотоннажные суда по Восточно-Сахалинскому фарватеру благополучно проходили в Татарский пролив, далее самостоятельно под наблюдением береговых служб Тихоокеанского флота в прибрежной полосе следовали во Владивосток.

Огромная заслуга в организации и осуществлении проводки по фарватерам Амурского лимана принадлежала начальнику военно-лоцманского пункта капитану 3-го ранга Б.М. Чудновцеву. Лучшими лоцманами зарекомендовали себя лейтенанты А.И. Барбачков, Л.П. Ворошпин, П.П. Дубровин, Я.И. Ибрагимов, Л.П. Кравцов, Н.К. Краснополюсовский, А.М. Михайлов, А.В. Сорокин, Н.Н. Степанов, Н.М. Юрченко. У берегов Камчатки лоцманскую проводку транспортов по минным фарватерам осуществляли З.И. Байков, А.Н. Быцек, А.А. Гонсировский, Ю.А. Жданович, Б.Д. Ильин, М.Р. Лутков, А.Н. Моисеев, В.М. Попов, И.К. Руденко, И.С. Тищенко. За образцовое выполнение заданий М.А. Кушнарев, М.Р. Лутков, Ю.А. Жданович, Ф.А. Коваль и А. Дудник награждены орденами Красной Звезды, а З.И. Байков и А.Н. Быцек – орденами Красного Знамени. Военные лоцманы справились с поставленной задачей, обеспечив проход транспортов со стратегическими грузами

на маршруте Америка – Владивосток. Всего за 1941–1945 гг. тихоокеанцы провели 10 684 транспорта общим водоизмещением 105 698 134 т⁴⁷.

Формирование и развитие единой системы средств навигационного оборудования на побережье дальневосточных морей СССР в годы Великой Отечественной войны проводилось планомерно. Не всё из запланированного государственной программой воплотилось в жизнь, некоторые объекты навигационно-гидрографической инфраструктуры достраивались и в послевоенные годы. Создание манипуляторной и военно-лоцманской систематизировало средства навигационного оборудования в виде жёстко регламентированных, увязанных с другими организационными структурными системами, объектовых материально-организационных систем, привязанных к социально-географическим объектам на побережье морей. С минимальными материально-финансовыми затратами, опережением плановых сроков вводились объекты навигационно-гидрографической инфраструктуры, на побережье строились новые маяки и навигационные знаки. Ширилось практическое применение новых технических навигационных средств во исполнение задач навигационно-гидрографического обеспечения повседневной и боевой деятельности сил Тихоокеанского флота.

Система обеспечения мореплавания определяла степень контроля морского побережья, изученности и инженерного оснащения морского театра военных действий, способность вооружённых сил вести боевые действия с учётом его растянутости по меридиану (от Корейского полуострова до Берингова пролива около 4 тыс. миль) и относительно короткие поперечные расстояния. Так, от Владивостока до Петропавловска-Камчатского – 1290 миль, до Берингова пролива – около 2600 миль, до Порт-Артура – 1135 миль, а расстояние от Владивостока до японских военно-морских баз на островах Хонсю и Хоккайдо – 430–500 миль. Использование принципиально новых технических средств оборудования сокращало время на подготовку Тихоокеанского флота к боевым операциям, расширяло границы использования морских и авиационных сил независимо от климатических, погодных и географических особенностей региона.

В годы Великой Отечественной войны Гидрографическая служба ТОФ решала задачи обеспечения боевой подготовки и повседневной деятельности Тихоокеанского флота. Во всех мероприятиях, проводимых Тихоокеанским флотом, гидрографическая служба принимала самое непосредственное и активное участие. Только в 1942 г. гидрографы-тихоокеанцы приняли участие в шести тактических учениях флота, двух – отрядных, трёх – по управлению боевыми операциями флота, трёх оперативных играх. В управлении гидрографической службы проведено 9 сборов руководящего состава по изучению опыта войны, проведено 24 учения по связи, 51 занятие по специальной подготовке. В 1943 г. гидрографы участвовали в трёх общифлотских, 14 – тактических и 11 – оперативно-тактических учениях флота, в 18 – по боевому управлению частями флота⁴⁸.

Несмотря на все трудности и лишения, колоссальную служебную нагрузку, было принято решение о сборе исторических материалов и написании исторических очерков о создании и становлении гидрографической службы на Дальнем Востоке. За годы войны личным составом гидрографической службы собрано и сдано в Фонд обороны страны 239 354 руб., приобретено облигаций государственных займов на 214 250 руб. На строительство бронепоезда «Приморский

комсомолец» собрано 12 000 руб., собрано и отправлено подарков на фронт на сумму 11 252 руб.⁴⁹

Централизация управления и концентрация сил, сознательность и профессиональная подготовленность военнослужащих и гражданского персонала подразделений Гидрографической службы Тихоокеанского флота способствовали решению тактических задач в общем стратегическом плане военного противостояния СССР фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны.

9.3. Деятельность аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота

Создание и развитие аварийно-спасательной службы Военно-морского флота связано с освоением, защитой водных пространств России и обеспечением морской безопасности. В 1920–1930-х гг. формирование отечественного судоподъёмного, водолазного и спасательного дела тесно сопряжено с деятельностью Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) СССР, образованной при Особом отделе Государственного политического управления в марте 1923 г. как учреждение хозяйственно-опытного характера. В соответствии с приказом Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) № 528 от 17 декабря 1923 г. её преобразовали в постоянную судоподъёмную партию, снабжённую всеми необходимыми средствами для производства различных подводных работ⁵⁰.

По постановлению Совета Труда и Оборона № 3 от 1 января 1931 г. произошла реорганизация Экспедиции подводных работ особого назначения: из ведения ОГПУ она передана в подчинение Народного комиссариата путей сообщения, а затем – Народного комиссариата водного транспорта с сохранением военизированной структуры, расширением района деятельности⁵¹.

К середине 1930-х гг. Экспедиция подводных работ особого назначения на морях и реках СССР разрослась в крупную организацию, охватившую своей мощью все водные бассейны Советского Союза⁵². ЭПРОН занимался не только судоподъёмом. Являясь аварийно-спасательной организацией, он выполнял задачи обеспечения боевой деятельности Военно-морских сил РККА, принимал участие в повседневной учебно-тренировочной работе военных флотов и флотилий⁵³. За заслуги перед государством правительство наградило ЭПРОН орденом Трудового Красного Знамени (1929 г.) и орденом Красного Знамени (1933 г.)⁵⁴.

В начале Великой Отечественной войны на основе ЭПРОН создавалась аварийно-спасательная служба Военно-морского флота СССР. По приказу НК МФ и НК ВМФ № 0525/22 от 22 июня 1941 г. Экспедиция подводных работ особого назначения передана в Наркомат Военно-морского флота СССР⁵⁵. Приказом НК ВМФ № 0799 от 22 августа 1941 г. были введены в действие два положения: о «Главном управлении ЭПРОНа ВМФ» и «Об аварийно-спасательной службе флота (флотилии)»⁵⁶.

На основе опыта аварийно-спасательного обеспечения, связанного с необходимостью оказания помощи кораблям, получившим боевые или аварийные повреждения, в июне 1942 г. принимается решение о реорганизации ЭПРОН в Аварийно-спасательную и судоподъёмную службу (АССС) ВМФ⁵⁷, экспедиции на флотах и флотилиях преобразованы в отделы и отделения АССС

флота и флотилии, а Главное управление ЭПРОН – в Главное управление АССС ВМФ, затем в соответствии с приказом НК ВМФ № 0741 от 30 августа 1942 г. – в Аварийно-спасательное управление ВМФ⁵⁸.

В дополнение к существовавшим аварийно-спасательным отрядам при каждом отделе (отделении) создали специальные подразделения – судоподъёмные отряды. На отделы (отделения) возложили функции снабжения судов, кораблей и частей флота спасательным имуществом, водолазным снаряжением и оборудованием. Обязанности по должности начальника ЭПРОНа и начальника Главного управления ЭПРОНа исполнял контр-адмирал Ф.И. Крылов (приказ НК ВМФ № 0798 от 23 августа 1941 г.), а Аварийно-спасательного управления ВМФ – инженер-контр-адмирал А.А. Фролов (приказ НК ВМФ № 01 378 от 19 июня 1942 г.)⁵⁹.

Организационная структура Аварийно-спасательной и судоподъёмной службы Военно-морского флота просуществовала до конца 1943 г., когда по приказу наркома ВМФ от 3 января 1944 г. № 05 было введено новое Положение о спасательной службе, в соответствии с которым АССС ВМФ, флотов (флотилий) переименовывалась в Аварийно-спасательную службу (АСС) ВМФ, флота (флотилии). Судоподъёмные отряды упразднились, а задачи судоподъёма судов и кораблей вновь возлагались на аварийно-спасательные отряды. Такая система подчинённости сохранялась до конца войны⁶⁰.

В соответствии со структурой изменялся штатный состав аварийно-спасательной службы: на 1 января 1941 г. численность личного состава ЭПРОНа составляла 5066 чел., из них 2461 вольнонаёмный, на 1 января 1942 г. – 5913 чел. (2698 вольнонаёмных), а к концу года численность военнослужащих была увеличена до 4707 чел.⁶¹

Зарождение централизованной морской аварийно-спасательной службы Дальневосточного бассейна России уходит корнями в начало 1930-х гг.⁶² Именно в эти годы для выполнения судоподъёмных, аварийно-спасательных и водолазных работ на акваториях Восточной Сибири и Дальневосточного края, Ф.И. Крылов – начальник Главного управления Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР своим приказом № 43 от 7 марта 1932 г. поручил Ф.М. Бауману создать Отдельную дальневосточную партию Экспедиции подводных работ особого назначения⁶³, преобразованную впоследствии в Тихоокеанскую экспедицию подводных работ Краснознамённого ЭПРОНа.

По приказу командующего № 0335 от 23 июня 1941 г. Тихоокеанскую экспедицию как соединение флота подчинили непосредственно Военному совету ТОФ⁶⁴, а в специальном и техническом отношении – начальнику Главного управления ЭПРОН ВМФ⁶⁵. В соответствии с приказом НК ВМФ № 0469 от 1 июня 1942 г. на базе ЭПРОН ТОФ сформировали отдел аварийно-спасательной и судоподъёмной службы Тихоокеанского флота с дислокацией в г. Владивосток, затем реорганизовали в аварийно-спасательный отдел Тихоокеанского флота согласно приказу Наркомата ВМФ № 0741 от 30 августа 1942 г.⁶⁶ На основании приказа командующего ТОФ № 0618 от 3 сентября 1942 г. начальник аварийно-спасательного отдела (ЭПРОН) ТОФ интендант 1-го ранга Н.А. Максимец с 29 сентября передал дела инженер-капитану 2-го ранга Г.Ф. Кролю, возглавившему аварийно-спасательный отдел (ЭПРОН) ТОФ⁶⁷.

Деятельность Экспедиции подводных работ особого назначения Тихоокеанского флота под прежним названием продолжалась до 1 июня 1942 г., т.е. до

окончательного переименования ЭПРОН в Аварийно-спасательную и судоподъёмную службу (АССС) ВМФ. Но фактически, несмотря на реорганизации и переименования, аббревиатура использовалась и в более поздний период. Некоторые входящие и исходящие документы вплоть до окончания войны подписаны, озаглавлены или утверждены с применением аббревиатуры «АСО (ЭПРОН) ТОФ», что свидетельствует о сохранении традиций и преемственности⁶⁸.

Аварийно-спасательный отдел ТОФ включал аварийно-спасательные отряды флота и аварийно-спасательную группу во Владимиро-Ольгинской военно-морской базе (ВО ВМБ). Аварийно-спасательные группы в Де-Кастринской и Николаевской-на-Амуре военно-морских базах подчинялись аварийно-спасательному отряду Северной Тихоокеанской военной флотилии (СТОФ). Вновь созданные отряд в Петропавловской ВМБ и группа во Владимиро-Ольгинской ВМБ находились в стадии комплектования⁶⁹.

Деятельность аварийно-спасательной службы ТОФ на протяжении войны осуществлялась в условиях недостатка кадров. Согласно приказу НК ВМФ № 0798 от 23 августа 1941 г. штатная численность военнослужащих ЭПРОН ТОФ составляла 359 чел., к августу 1942 г. – увеличена до 597 чел. На 1 января 1944 г. при штатной численности 630 чел. не хватало 139 чел. За год удалось увеличить численность личного состава на 91 чел., и на 1 января 1945 г. недокомплект офицерского, старшинского и рядового состава составлял 48 чел.⁷⁰

Боевое функционирование кораблей Тихоокеанского флота было достигнуто за счёт организации и деятельности спасательных подразделений в основных военно-морских базах – во Владивостоке, Советской Гавани, Петропавловске-Камчатском, Николаевске-на-Амуре, заливах Владимира и Де-Кастри. Аварийно-спасательная служба ТОФ решала задачи при значительном удалении от баз. В зону ответственности входили район северной части Японского моря, Охотского, часть Тихого океана от мыса Лопатка до Командорских островов, а также западная часть Берингова моря от мыса Африка до Берингова пролива. В 1945 г. в аварийно-спасательный отдел Тихоокеанского флота, находившийся в главной военно-морской базе (г. Владивосток), входили 72-й аварийно-спасательный отряд, 26-й отряд подводно-технических работ (ОПТР), большой морской охотник, береговая база, спасательный водолазный колокол⁷¹.

В годы Великой Отечественной войны Тихоокеанский флот находился в повышенной оперативной готовности, в дальневосточные порты шёл основной поток импортных грузов, Владивостокский торговый порт стал основными воротами СССР для иностранных товаров. Увеличение грузопотока привело к авариям, главным образом в районе Охотского моря и восточного побережья о-ва Сахалин. Суда американской постройки типа «Либерти», обладавшие недостаточной прочностью, при посадке на мель получали повреждения, отмечены случаи перелома этих судов в открытом море («Чкалов» и др.).

Большая протяжённость Дальневосточного бассейна и интенсивное судоходство поставили аварийно-спасательные отряды в сложные условия несения службы. Флот располагал двумя спасательными кораблями – «Находка» в 72-м отряде (Владивосток) и «Тельман» – в 73-м отряде (Советская Гавань), которые обеспечивали нужды ТОФ и не могли быть задействованы на большом удалении от военных баз, а 74-й отряд (Петропавловская военно-морская база) спасательного корабля не имел⁷².

Спасение судов гражданских ведомств проводили с использованием их плавсредств, затрачивая значительное время на соответствующее дооборудование, пополнение имуществом, подготовку личного состава. В большинстве случаев спасательные экспедиции снаряжались в главной базе (Владивосток) и к месту аварий прибывали через 5–8, а иногда и 10 суток. В связи с этим некоторые спасательные операции (п/х «Херсон», «Большой Шантар») оканчивались безуспешно.

Так, пароход «Херсон» типа «Либерти» водоизмещением 15 000 т 4 июня 1943 г. наскочил на каменную банку в районе бухты Пираткова (60 миль южнее Петропавловска-Камчатского). Спасательная экспедиция, организованная из Владивостока на судах Морфлота, прибыла через 10 дней. К приходу спасателей на аварийном пароходе были затоплены машинно-котельное отделение, трюм, диптанки, днищевые танки, корпус в средней части имел надлому и трещины поперек борта. Судно сидело на камнях, и для его облегчения произвели разгрузку и осушение затопленных отсеков, в результате 9300 т груза было спасено, однако вследствие потери прочности судно переломилось – кормовая и носовая части были сняты с камней и прибуксированы в Петропавловск-Камчатский. Вся операция длилась 20 суток⁷³.

Пароход «Большой Шантар» водоизмещением 3000 т, следуя из Петропавловска на Алеутские острова с грузом лесоматериала, 15 февраля 1943 г. при шторме 10 баллов наскочил на каменную гряду у мыса Юшина, о-в Беринга, получил большие повреждения в днищевой части, все отсеки заполнились водой. Для его спасения аварийно-спасательный отдел во Владивостоке не имел достаточного количества плавучих и технических средств (спасатель «Находка» и отливные средства общей производительностью 1600 т/ч находились в состоянии повышенной боевой готовности), и экспедицию организовал его владелец – Главумуррыбпром Наркомата рыбной промышленности.

Аварийно-спасательный отдел ТОФ после проведенного Петропавловским отрядом предварительного обследования предоставил Главумуррыбпрому необходимое водолазное, легководолазное, такелажное имущество и материалы, выделил водолазную группу численностью 12 чел., в том числе одного опытного специалиста и одного инженера. В результате задержки ремонта траулера «Палтус» для отправки экспедиции, изыскания необходимых материалов и оборудования спасатели прибыли на место через 4,5 месяца после аварии парохода⁷⁴.

К этому времени пароход имел значительные повреждения, устранение которых могло быть произведено изнутри только после выгрузки находящихся в трюмах 3250 м³ лесоматериала. Для разгрузки пришлось прибегнуть к различным способам, но вели её крайне медленно, в течение трёх месяцев, на протяжении всего периода спасательной операции, затянувшейся до конца сентября. Это обстоятельство тормозило работу водолазов по заделке повреждений, которая велась в тяжёлых штормовых условиях, затруднявших, а иногда и исключавших возможность каких-либо действий, что впоследствии привело к значительному разрушению парохода и прекращению его спасения⁷⁵.

После принятия «Положения об аварийно-спасательной службе флота» (приказ НК ВМФ № 05 от 3 января 1944 г.) в одну из задач аварийно-спасательной службы флота вошло оказание помощи в аварийных случаях морским судам торгового и промыслового флотов на договорных началах. Преследуя цель сократить потери на море, руководство аварийно-спасательного отдела Тихо-

океанского флота внесло предложение о целесообразности (ввиду невозможности получения спасательных кораблей по линии Наркомата ВМФ) заключения договора с Наркоматом морского флота, в котором Дальневосточному госморпароходству необходимо было предусмотреть выделение 1–2 плавсредств для несения спасательной службы, что во много раз должно было уменьшить потери морского флота⁷⁶.

В 1941–1945 гг. морской флот понёс большие потери: одна часть судов оказалась потопленной в открытом море или в иностранных водах на недоступных глубинах, и их поиски становились невозможными, другая – затонула после подрыва на минах, где также нельзя было организовать поисковую операцию. Места затопления в других случаях были известны.

Общие потери корабельного состава в водах Советского Союза и водах, временно им контролируемых, на Дальневосточном направлении в 1941–1945 гг. составили 234 судна. В водах Советского Союза погибло – 191 судно, в водах, им контролируемых, – 29 судов, в открытом океане и иностранных водах – 14. Наибольшее количество погибших судов (97) принадлежали Наркомату Военно-морского флота, наименьшее (32 судна) – трофейные⁷⁷.

Значительное количество судов гибло из-за ветхого корпуса, сжатия льдами, от мин и артиллерийского обстрела, навигационной ошибки, шторма. Максимальная гибель кораблей Тихоокеанского флота в годы войны произошла по причине торпедирования и потопления их авиацией (35% всех потерь за войну). При этом наибольшее их количество потоплено в 1945 г. (2/3 от потерь за войну). Потери торговых судов СССР в 1/3 случаев связаны с действиями противников.

Потери, связанные с неблагоприятными метеорологическими условиями на протяжении большей части года (сильные штормы и туманы), составляют около 20% от общего числа, от навигационных ошибок – приблизительно 25%. Следует отметить тот факт, что на увеличение потерь по этой причине влияли препятствия, которые японское правительство создавало судоходству СССР, запрещая пользоваться удобными морскими путями и принуждая их следовать опасными в навигационном отношении.

Плавсредства аварийно-спасательного отдела и всех спасательных отрядов Тихоокеанский флот держал в состоянии повышенной оперативной готовности к выходу на возможные фактические операции. Враждебное отношение Японии к Советскому Союзу отрицательно сказывалось на оказании помощи судам, терпящим аварию в японских территориальных водах. Так, при оказании помощи и снятии с мели пароходов «Тымлат» (пролив Лаперуза) и «Мариуполь» (1-й Курильский пролив) в 1943 г. японские власти создавали спасательным группам из СССР различные препятствия. Как правило, допускали к аварийному кораблю только одно судно. Без специального разрешения к аварийному судну не подпускали, радиостанции опечатывались, что замедляло проведение операции. В результате, пока велись переговоры между правительствами, танкер «Мариуполь» погиб. Оказывать помощь судам, гибнущим в водах Гонконга, у берегов США не приходилось вовсе, так как в этих районах велись военные действия, и аварийные работы привели бы к ещё большему количеству жертв.

Во время военных действий с 9 августа по 3 сентября 1945 г. специально выделенные аварийно-спасательные группы от 72, 73 и 74-го аварийно-спасательных отрядов следовали за соединениями Тихоокеанского флота

и на месте оказывали помощь кораблям и судам, получившим повреждения. В условиях сложной минной обстановки, особенно в портах Северной Кореи, все операции были завершены успешно.

За период с 1942 по 1945 г. аварийно-спасательной службой ТОФ проведено 75 судоподъёмных операций, снято с мели 73 судна, оказана помощь – 46⁷⁸. В большинстве случаев судоподъёмные операции во время войны выполнялись по отдельным приказам или по заявкам гражданских организаций сразу же после аварии. До 3 сентября 1945 г. не было плана подъёма затонувших во время боевых действий как трофейных, так и отечественных судов. Небольшое число объектов, запланированных к снятию с мели в течение рассматриваемого периода, объясняется тем, что подавляющее число аварийных работ производились сразу же по получении сигнала об аварии и такие работы не могли быть учтены ни кварталными, ни тем более годовыми планами.

Применялись различные методы судоподъёма, но все корабли поднимались с грунта непосредственно на поверхность в разных условиях, используя разнообразные способы – буксировку, осушение и разгрузку⁷⁹. Ряд серьёзных аварийно-спасательных и судоподъёмных операций из-за отсутствия судов-спасателей выполнялся с рейдовых водолазных ботов. Они же сопровождали действовавшие в портах Кореи соединения ТОФ во время боевых действий против Японии и имели на борту мото- и электропомпы, осветительные агрегаты и специальное имущество.

Успех выполнения операций в большой мере был обусловлен проведением ряда учений, в том числе и учебных подъёмов жёсткими понтонами с глубины 50 м, что давало возможность при авариях действовать оперативно. Так, в 1944 г. впервые на учении по подъёму подводной лодки с глубины 50 м в массовом масштабе была проведена декомпрессия водолазов на кислороде, что в 4–5 раз уменьшило время пребывания водолазов на выдержках, при подъёме подводной лодки «Л-18» применён новый метод остропки в несколько ступеней, что ускорило операцию.

В годы войны из-за отсутствия доков аварийно-спасательный отдел ТОФ, кроме аварийно-спасательных операций, производил работы по бездоковому ремонту аварийных судов – пароходы «Клара Цеткин», «Тымлат», в отдалённых районах – «Войков» в бухте Провидения, «Аргунь» в бухте Нагаево, с широким применением электросварочных, клепальных и бетонных работ, в том числе таких масштабных, как восстановление общей продольной прочности океанского судна (п/х «Войков»).

В 1944 г. в 72-м аварийно-спасательном отряде оборудовали специальный водолазный бот для выполнения работ по подводной газорезке, укомплектовали его водолазами-газорезчиками, установили батарею из кислородных и водородных баллонов, провели магистраль и разместили остальное имущество, что позволило иметь станцию в немедленной готовности, выполнявшую ряд практических работ.

Созданная электросварочная мастерская объединила несколько постоянных водолазов-электросварщиков и служила центром по переподготовке и обучению остальных водолазов аварийно-спасательного отдела и флота электросварке и резке. Опыт объединения водолазов узкой специализации в одну группу себя оправдал. Так, был выполнен подъём подводной лодки «Щ-139» в апреле – мае 1945 г. после заделки крупной пробоины с большим объёмом подводной

электросварки и резки. Качество подготовки водолазов-электросварщиков и выполнения работ было хорошее.

Помимо этого, на снятии с мели парохода «Е. Пугачев» из-за невозможности перегрузить мотокомпрессор на аварийный корабль был применён оригинальный способ осушения повреждённых днищевых танков путём отжатия воды воздухом. Таким образом, был облегчён нос аварийного корабля. Необходимо отметить, что подразделения аварийно-спасательного отдела ТОФ были оснащены новым видом инструментов – пневматическими дыропробивными пистолетами (ПДП), которые нашли применение на практике. Так, п/х «Маяковский» на переходе получил пробоину в днище размером 1300 x 1000 мм, которая была заделана снаружи стальным листом, крепившимся при помощи болтов, выстреливаемых из пневматического пистолета. Трюмы при этом были полностью загружены⁸⁰.

Все плановые операции выполнялись по заранее составленному проекту, но в практике судоподъёма на Тихоокеанском флоте их было немного. В основном работы выполнялись по документам, составленным на месте аварии непосредственным руководителем работ сразу после обследования аварийного корабля. При выяснении дополнительных проблем в ведомость вносились необходимые коррективы самим же составителем.

В аварийно-спасательный отдел документы высылались вместе с техническими отчётами, которые составлялись по всем крупным операциям, а также представляющим интерес для обобщения опыта подъёма подводных лодок «Щ-130», «Щ-138», «Щ-139» и др. Мелкие операции описывались руководителем работ, и материал оставался в делах отряда. Надо отметить, что нормирование с последующими обобщениями собранных данных не велось. Нормировались только отдельные операции. На них велись технологические карточки, обработка которых затруднялась большим недокомплектом офицерского состава.

В годы Великой Отечественной войны обследование затонувших судов велось теми же группами, которые производили работы по их подъёму или спасению. Во время боевых действий против Японии группы, выделенные для обеспечения аварийно-спасательных работ на Тихоокеанском флоте, провели в портах Северной Кореи первоначальное водолазное обследование почти всех обнаруженных затонувших судов противника (обследовали 18 ед. общим водоизмещением 97 800 т). В дальнейшем было начато их детальное обследование для составления проектов и планов подъёма.

Во время военных действий аварийно-спасательной службе Тихоокеанского флота приходилось работать в минных полях, поднимать боевые мины в непосредственной близости от мест, где производились взрывы глубинных бомб с целью очистки фарватера. Операции по подъёму затонувших судов велись в местах с илистым дном, видимость в этих случаях не превышала 1–2 м.

В годы Великой Отечественной войны нарушений правил безопасности водолазной службы не было, за исключением работы водолазов под водой в ветхом обмундировании при недостаточном материально-техническом оснащении. Несчастных случаев со смертельным исходом в подразделениях аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота не выявлено. Во время боевых действий существующие правила вынужденно нарушались. Так, при заделке повреждений подорвавшегося на mine танкера № 1 водолазы работали при взрывах глубинных бомб, детонирующих на расстоянии 700–900 м от места

работ, но последствий, за исключением лёгких контузий водолазов, зафиксировано не было⁸¹.

Благодаря систематической деятельности аварийно-спасательного отдела Тихоокеанского флота по подготовке водолазов Дальневосточный бассейн был укомплектован специалистами, способными эффективно работать под водой в экстремальных условиях, в том числе выполнять электросварку, электрокислородную резку и газорезку. Навыки, полученные водолазами на тренировочных спусках и учениях, особенно по подъёму подводных лодок, успешно применялись при выполнении операций.

Увеличение зон деятельности аварийно-спасательной службы Военно-морского флота на Тихом океане после окончания Второй мировой войны связано с расширением границ СССР за счёт возвращения Курильских островов, южной части Сахалина и Ляодунского полуострова, временного ввода группы советских войск в Северную Корею, созданием Камчатской и Сахалинской военных флотилий, новых военно-морских баз Тихоокеанского флота, перебазированием ряда соединений и частей.

Необходимо отметить, что трудности в работе аварийно-спасательной службы создавали не только протяжённость тихоокеанского театра военных действий, большая глубина омывающих его морей, частые и неожиданные штормы и туманы, но и прохождение основных коммуникаций вблизи Японии, а также сосредоточение основных сил ТОФ вдоль западного побережья Японского моря⁸².

Основное внимание было направлено на несение аварийно-спасательной службы на флоте и спасение судов гражданских наркоматов, а также велись судоподъёмные работы в портах Северной Кореи – Юки, Расин, Сейсин и Гензан. Так, 15 сентября 1945 г. в корейский порт Расин прибыли три водолазных бота и водолазный рейдовый бот ВРД-114. 16 ноября 1945 г. на их базе сформировали 173-й аварийно-спасательный отряд в г. Сейсин южного морского оборонительного района ТОФ⁸³. В г. Гензан была дислоцирована 84-я аварийно-спасательная группа.

Большое количество аварий происходило в районе Камчатки, и 15 июля 1945 г. сформировали 15-ю аварийно-спасательную группу Северной Тихоокеанской флотилии с дислокацией в пос. Мангал Хабаровского края, 8 октября этого же года её передислоцировали в г. Отомари (Корсаков) Сахалинской области⁸⁴.

Значительный размах приняли восстановительные работы в разрушенных военно-морских базах и торговых портах. Вместе с этим возросло и новое строительство морских гидротехнических и специальных подводных сооружений. Согласно решениям правительства и приказам Народного комиссариата Военно-морского флота СССР выполнение подводно-технических работ при восстановительных работах или новом строительстве возложено на Аварийно-спасательное управление ВМФ на договорных условиях со строительными организациями⁸⁵.

Таким образом, за период 1941–1945 гг. аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота получен уникальный опыт. Организация и деятельность аварийно-спасательных формирований в основных военно-морских базах Тихоокеанского флота обеспечивали полную готовность боевого функционирования кораблей, способствовали успешному выполнению военных задач во время боевых действий против Японии, внесли значительный вклад в послевоенное восстановление объектов тихоокеанской инфраструктуры.

9.4. Продовольственное обеспечение военной группировки войск на Дальнем Востоке СССР

Продовольственное снабжение военной группировки на Дальнем Востоке СССР являлось важнейшей задачей, выполнение которой во многом зависело от эффективности взаимодействия партийно-государственных и военных структур. В октябре 1939 г. было создано Управление начальника снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии, преобразованное в июле 1940 г. в Главное интендантское управление РККА (под руководством генерал-лейтенанта А.В. Хрулева). Ему подчинялись управления продовольственного, вещевого, обозно-хозяйственного, квартирно-эксплуатационного снабжения⁸⁶, а Управление снабжения Рабоче-крестьянского Военно-морского флота имело соответствующие подразделения⁸⁷.

Основой продовольственного и фуражного обеспечения советских вооружённых сил являлись государственные централизованные поставки и децентрализованные закупки. Мобилизационные запасы находились в ведении Главного управления государственных материальных резервов при СНК СССР и содержались на базах и складах наркоматов, военных округов, флотов, армий, что позволяло обеспечивать ускоренное мобилизационное развёртывание войск. Наркомат торговли СССР организовывал работу предприятий военной торговли и взаимодействовал с поставщиками, а Наркомат внешней торговли осуществлял поставки по экспорту.

Основными поставщиками продовольствия вооружённым силам являлись предприятия Наркомата заготовок (зерно, мука, крупы), наркоматов рыбной (рыба, рыбные консервы), пищевой (консервы фруктовые и овощные, макароны, растительное масло, сахар, соль), мясомолочной промышленности (скот, мясо, сало, масло, сыр, консервы). С ними заключались генеральные и локальные договоры, на основании которых отделы продснабжения военных округов, флотов, флотилий и армий получали необходимую продукцию. Заключались и прямые договоры с трестами, комбинатами, отдельными предприятиями⁸⁸. Важнейшей составляющей снабжения были местные ресурсы. Края и области имели утверждённые Советом народных комиссаров республик годовые планы поставок продукции сельского хозяйства, пищевой промышленности соединениям и частям, дислоцировавшимся на их территории.

Объёмы поставок определялись исходя из норм снабжения штатной численности личного состава военнослужащих и могли корректироваться. Расчёты с поставщиками производились по фиксированным государственным закупочным ценам (ниже рыночных), по ним определялась планируемая стоимость поставляемого продовольствия, формировались финансовые планы, а на их основании – бюджеты военных ведомств⁸⁹.

В 1920-х гг. продовольственное обеспечение населения Дальневосточного края и воинских соединений осуществлялось как из местных и центральных районов страны, так и за счёт импорта, а с начала 1930-х гг. – исходя из внутренних государственных ресурсов. Экономика Дальнего Востока не удовлетворяла потребностей увеличивавшейся численности военной группировки. В частности, в 1938 г. в Хабаровский край ввезли более 30 тыс. т сахара, 35–40 тыс. т мяса и мясопродуктов, 25 тыс. т кондитерских изделий⁹⁰. Планы заготовки зерновой и овощной продукции 1939 г. для воинских формирований в Хабаровском крае

не были выполнены: поставки картофеля составили 84,7% от запланированных объёмов, корнеплодов – 34,4%, капусты – 54%, при этом огурцов, помидоров и лука – 100% (табл. 9.4.1).

Таблица 9.4.1. Поставки сельскохозяйственной продукции в Хабаровском крае 2-й Особой Краснознамённой армии, Амурской военной флотилии и войскам НКВД к началу 1940 г, т

Показатели	2-я Особая Краснознамённая армия		Амурская военная флотилия		Войска НКВД Хабаровского округа		Итого	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Картофель	35 000,0	30 085,0	201,5	122,9	450,0	385,3	4151,5	3516,7
Корнеплоды	5026,0	1772,0	338,0	93,0	864,7	269,1	6228,7	2134,1
Капуста	10 696,0	5510,0	685,0	317,0	643,8	669,6	12 024,8	6496,6
Огурцы и помидоры	4546,0	4546,0	165,5	156,5	400,0	459,2	5111,5	5161,7
Лук	295,0	341,0	18,0	18,0	105,1	77,2	418,1	436,2

Источник. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 226. Л. 113–114; Д. 594. Л. 1–2 (сост. авт.).

Для снабжения 2-й Особой Краснознамённой армии из других регионов завезли 21% от необходимого количества картофеля, 3,1% – капусты, армия недополучила около 5000 т муки, 3018 т круп. Потребность 2-й ОКА на 1940 г. составляла 48 745 т картофеля и 40 271 т овощей, на 1941 г. – 61 550 т картофеля и 52 224 т овощей, которая не обеспечивалась из местных ресурсов. В 1940 г. снабжение Хабаровского края хлебофуражом составило 927,8 тыс. т, в том числе заготовлено и закуплено в крае 251,6 тыс. т, завезено из других регионов 520,5 тыс. т⁹¹.

Нехватка продовольствия компенсировалась ввозом его из других районов страны. В 1939 г. железнодорожным транспортом на Дальний Восток ввезено 1190 тыс. т сельскохозяйственной продукции, в том числе 760 тыс. т – хлебных, 315 тыс. т – продуктов перемола, 27 тыс. т – картофеля, 11 тыс. т овощей⁹², морским путём – ещё около 200 тыс. т зерна⁹³.

В Приморском крае в 1939 г. произведено (за вычетом семенного фонда) 69,7% необходимого для снабжения населения и военных соединений объёма зерновых, 30,2% – картофеля, 48,2% – овощей⁹⁴. Наркоматы заготовок и торговли должны были поставить 20,4 тыс. т картофеля, но поставили лишь 9 тыс. т. В результате потребности Тихоокеанского флота в овощах обеспечивались всего на 25–30%. В 1940 г. годовая потребность ТОФ составляла 38,5 тыс. т картофеля и 10 тыс. т овощей, но Госплан планировал к поставке из ресурсов Приморского края лишь 44% требуемого объёма, Наркомата торговли – 53%⁹⁵. В итоге план поставки картофеля и овощей был выполнен на 59%⁹⁶.

Нехватка продовольствия приводила к сокращению норм потребления. Решением Экономического совета при СНК от 13 декабря 1938 г. № 6931/КО норма выдачи свежих овощей для 1-й и 2-й армий снижалась с 735 до 400 г в сутки, для ТОФ – с 825 до 500 г. Их предполагали заменить крупами, макаронами, сушёными овощами, для чего планировалось дополнительно ввезти для

двух армий 4 тыс. т муки, 1 тыс. т крупы, 269 т макарон, 10 670 т квашеной капусты, для Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии – 460 т макарон и 400 т круп, 420 т сушёных овощей⁹⁷.

С целью улучшения продовольственного снабжения военной группировки на Дальнем Востоке СССР тыловые службы и части ДВФ и ТОФ частично получали овощи и картофель напрямую от колхозов. Кроме того, практиковалось использование военнотружеников и транспорта воинских частей на уборке урожая в счёт договорных обязательств на поставки сельскохозяйственной продукции. Так, в сентябре 1939 г. командующий 2-й Особой Краснознамённой армией И.С. Конев издал приказ, в котором говорилось, что «...для уборки урожая в близлежащих колхозах разрешаю привлечь тылы... Мобилизовать красноармейскую общественность на своевременную заготовку картофеля, для чего организовать субботники... Требую к заготовке и хранению картофеля отнестись по-хозяйски, так как от этого будет зависеть благополучие с питанием бойца, командира в течение целого года»⁹⁸.

Слабость пищевой промышленности региона приводила к возникновению проблем в сфере снабжения воинских частей. Мука, предназначавшаяся для военных потребителей и создания резервов, поставлялась из других регионов страны и направлялась либо на хлебозаводы Наркомата пищевой промышленности для выпечки хлеба и приготовления сухарей, либо на базы и склады, или же отпускалась напрямую военторгам и воинским частям, а зерно и крупа поступали на предприятия Дальневосточного треста «Главмука» (входил в состав Наркомата заготовок) для помола. Поскольку стационарных хлебопекарен в частях и гарнизонах армии и флота было мало, снабжение хлебом осуществлялось с городских хлебозаводов, но их мощностей в Хабаровском и Приморском крае не хватало для обеспечения потребностей и гражданского населения, и армии, что приводило к перебоям в снабжении⁹⁹.

Мясо и мясопродукты в основном завозились на Дальний Восток из других регионов страны. Наркоматы, отвечавшие за снабжение военной группировки, испытывали острую нехватку складских и холодильных площадей и, как следствие, мясо в регион поставляли в зимнее время, при этом уже с середины марта приходилось засаливать его большую часть. В документах отмечалось, что в период лагерной учёбы из года в год в питании войск присутствовали только солонина и солёная рыба, что отражалось на состоянии здоровья бойцов и командиров¹⁰⁰.

На совещании у секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) 15 января 1939 г. представители 2-й Особой Краснознамённой армии и снабжающих организаций отмечали перебои в поставках мяса, жиров, овощей, муки, круп, низкое качество поставляемых продуктов: «...дают много порченной рыбы..., низкие сорта мяса..., зерно низкого качества с клещом»¹⁰¹.

В 1940 г. при годовой потребности ТОФ 3490 т ржаной и 3555 т пшеничной муки, 4274 т мяса, 3412 т крупы и 2209 т сахара флотом было недополучено соответственно 1200 т ржаной и 1000 т пшеничной муки, 2000 т мяса, 1550 т крупы и 975 т сахара. Снабжение северных гарнизонов Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота осуществлялось с мая по октябрь, но из-за нехватки морского и речного транспорта и ограниченных сроков навигации, позднего прибытия централизованных и децентрализованных фондовых поставок они не получали нужного количества продовольствия¹⁰².

В сложившихся условиях особое значение имело расширение хозяйственной деятельности военных совхозов и подсобных хозяйств воинских частей, что должно было обеспечить картофелем, овощами и мясом потребности гарнизонов и частично высвободить воинский контингент.

В 1939 г. в составе Тихоокеанского флота имелись два совхоза, подчинявшиеся сельскохозяйственному отделу, а во всех укрепленных районах флота – подсобные хозяйства. Их производственный план на 1940 г. предполагал засадить 1685,5 га картофелем, овощами и кормовыми культурами, собрать 8000 т картофеля и 5000 т овощей, также предусматривалось наличие 3110 голов крупного рогатого скота, 1200 голов свиней с приплодом в 10 тыс. поросят, 1825 пчелиных ульев, 3407 парниковых рам¹⁰³.

Поскольку на Дальнем Востоке выдаваемые наряды на поставку продуктов из местных ресурсов не выполнялись, весной 1940 г. командование Тихоокеанского флота обратилось к наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову с просьбой о создании новых совхозов для выращивания овощей, организации в них животноводческих и птицеводческих ферм. Данное предложение было поддержано, и в хозяйствах ТОФ создали 4 совхоза с планируемым объёмом производства 3900 т овощей, 4100 т картофеля, 580 тыс. шт. яиц, 150 т молока в год. К 1941 г. ТОФ имел уже 174 подсобных хозяйства из 188 НК ВМФ¹⁰⁴.

По результатам заготовительных кампаний военно-политическое руководство страны сделало вывод, что в ближайшие годы Приморский и Хабаровский края не смогут обеспечивать потребность воинских соединений на Дальнем Востоке СССР в продуктах питания¹⁰⁵. Экономические и организационные проблемы не позволили эффективно организовать поставки продовольствия из других регионов. Так, к началу 1941 г. в Хабаровский край при минимальной потребности продовольственного зерна 180 тыс. т планировалось завезти 130 тыс. т, но фактически завезли 92 403 т, что привело к недоснабжению армии и флота¹⁰⁶.

Отгрузка продовольствия поставщиками по квартальным планам начиналась в первом месяце квартала, но к месту назначения оно прибывало через 3–4 месяца. В этой связи Н.Г. Кузнецов в 1940 г. дважды обращался в Экономсовет с просьбой установить фиксированные нормы оборотных запасов продовольствия (для ТОФ и АКВФ – четырёхмесячные), обязать поставщиков отгружать продовольствие к началу каждого квартала, поставляя его равномерными партиями, а также обеспечить поставку продовольствия для снабжения северных гарнизонов во втором квартале¹⁰⁷.

Несмотря на проблемы, задача обеспечения довольствием войск, накопления оборотных, неприкосновенных и мобилизационных запасов на Дальнем Востоке выполнялась. Оборотных запасов основных видов продовольствия было достаточно для снабжения войск на протяжении от 2 до 4 месяцев, государственных резервов – 3–4 месяцев. Неприкосновенные запасы, хранившиеся в частях, являлись дополнительным ресурсом мобилизационного развёртывания, при этом их объёмы правительством не устанавливались, а формирование производилось за счёт ресурсов текущего довольствия. В письме начальника Главного интендантского управления Красной армии А.В. Хрулева на имя заместителя председателя Совнаркома СССР А.Н. Вознесенского от 28 мая 1941 г. отмечалось, что неприкосновенные запасы в войсках обеспечивали питание по муке, крупам, макаронам на 2–4 дня, по сухарям и мясным консервам – в размере носимого запаса, мясо, рыба и жиры в неприкосновенном запасе не хранились¹⁰⁸.

В годы Великой Отечественной войны производственные возможности сельского хозяйства и пищевой промышленности страны существенно сократились. Для рационального распределения государственных резервов 1 июля 1941 г. были созданы Комитет продовольственного и вещевого снабжения (возглавил А.И. Микоян), 1-го августа 1941 г. – Главное управление тыла Красной армии (А.В. Хрулев), 24 января 1942 г. – Главное управление продовольственного снабжения (Д.В. Павлов). Они отвечали за своевременное и бесперебойное снабжение войсковых частей, управлений и учреждений РККА: разрабатывали планы заготовки продовольствия, фуража и предметов обихода, их доставки фронтам, округам и отдельным армиям, организовывали деятельность подсобных хозяйств, хлебопечение¹⁰⁹.

Создание единой структуры управления тылом позволило упорядочить обеспечение войск материальными ресурсами. Сложная ситуация с продовольственным снабжением вооружённых сил привела к необходимости сокращения продовольственного пайка. К началу войны для РККА действовали нормы суточного довольствия, утверждённые постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1357–551 сс от 15 мая 1941 г. и приказом НКО СССР № 208 от 24 мая 1941 г. Постановлением ГКО № 662 от 12 сентября 1941 г. устанавливались новые нормы продовольственного снабжения Красной армии, с 22 сентября 1941 г. вводилось снабжение войск вместо штатной по фактической (списочной) численности¹¹⁰.

При сохранении прежних объёмов продовольственного пайка для частей действующей армии уменьшались нормы снабжения для тыловых округов и действующих фронтов. Суточный паёк для действующей армии включал хлеб из ржаной и обойной муки для зимнего времени (октябрь–март) 900 г и летнего – 800 г, 150 г мяса и 100 г рыбы, 140 г крупы, 500 г картофеля, 320 г овощей; для строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии: хлеба – соответственно 750 и 650 г, 100 г крупы, 75 г мяса и 120 г рыбы, 600 г картофеля и 320 г других овощей¹¹¹.

Военная группировка на Дальнем Востоке не могла рассчитывать на получение продовольствия из других регионов страны и государственных резервов. Существенно сократились централизованные поставки продовольствия, отмечались уменьшение количества поставляемых высококалорийных продуктов, снижение качества и сокращение ассортимента продовольствия, широкое использование заменителей. С началом войны часть мобилизационных запасов передавалась соединениям и частям, развёртываемым в соответствии с мобилизационными планами. Уже 6 июля 1941 г. распоряжением ГКО часть мобилизационного резерва (20 млн банок мясных и 13 млн – рыбных консервов) перемещалась с территории Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа на территорию Сибирского военного округа¹¹².

Начались перебои с поставками продовольствия для дальневосточных военных формирований. В сентябре 1941 г. Хабаровская краевая контора «Заготзерно» должна была поставить продовольственному отделу ДВФ 14 416 т муки, 4468 т крупы, 16 200 т овса, недопоставка составила 4676 т муки, 1885 т крупы, 2122 т овса¹¹³.

Запасов картофеля и овощей было недостаточно для обеспечения войск. Так, в 1942 г. Управление продовольственного снабжения Дальневосточного фронта должно было получить из госзапаса 1600 т картофеля, затем это количество уменьшили до 1000 т, но отгрузили только 531 т и подготовили к отгрузке ещё

93 т, и на этом поставки прекратились, поскольку оставшуюся часть картофеля колхозы израсходовали на семена¹¹⁴.

Командование Дальневосточного фронта обратилось к А.И. Микояну, заместителю наркома обороны А.В. Хрулеву, возглавлявшему Главное управление тыла Красной армии, и генерал-лейтенанту Д.В. Павлову, возглавлявшему Главное управление продовольственного снабжения, с предложением о временном снижении нормы выдачи овощей с 920 до 325 г с заменой недостающего количества крупой и мукой. Аналогичная ситуация сложилась и в других тыловых районах. 25 марта 1942 г. ГКО принял постановление № 149 с, разрешающее снизить норму выдачи овощей до 700 г в отдельных военных округах, заменив их крупой и мукой¹¹⁵.

Нехватка продовольствия и сокращение норм выдачи приводили к ослаблению личного состава военнослужащих воинских частей¹¹⁶. В сентябре 1942 г. только в 105-й стрелковой дивизии насчитывалось 285 истощённых бойцов¹¹⁷. В письмах родным и близким бойцы писали о тяготах службы, плохом обеспечении обмундированием и плохом питании¹¹⁸. Среди основных мотивов дезертирства из частей ТОФ в 1941–1943 гг. органами военной контрразведки отмечалось недовольство условиями службы¹¹⁹.

На Дальнем Востоке изыскивались всевозможные ресурсы для дополнительного снабжения продовольствием воинских формирований. В частях создавались заготовительные команды, занимавшиеся ловом рыбы, охотой, сбором грибов и ягод, в Хабаровском крае был построен завод по производству дрожжевых белков, которые предполагалось использовать в красноармейском пайке. В предвоенные годы одним из способов компенсации недостающего количества полноценных белков в рационе военнослужащих являлась рыбная продукция, но сокращение добычи рыбы в европейской части страны ограничило её использование. 27 января 1943 г. вышло постановление ГКО № 2788 сс, устанавливавшее план добычи рыбы для воинского контингента ДВФ (50 тыс. ц) и ТОФ (35 тыс. ц) с уменьшением на такой же объём фондов централизованного снабжения. Командующий Дальневосточным фронтом И.Р. Апанасенко должен был выделить 30 тыс. красноармейцев (из них 10 тыс. в Приморье) на лов рыбы, НК ВМФ – вернуть Наркомату рыбной промышленности часть мобилизованных судов рыбопромыслового флота (суда должны были сохраняться в боевой готовности), Наркомрыбпром – сети и инвентарь¹²⁰.

Несмотря на ряд проблем во взаимодействии различных ведомств, включая неполное и несвоевременное обеспечение сетями и инвентарём, принятые меры позволили выполнить установленное ГКО задание. В 1943 г. воинскими частями и подсобными хозяйствами ДВФ было добыто 66 887 ц рыбы¹²¹. Только части, дислоцированные на Сахалине, выловили 14 627 ц рыбы (4% от общего объёма рыбы, добытой в Сахалинской области), а в 1945 г. – 5556 ц¹²².

Расширялась деятельность подсобных хозяйств, созданных во всех частях ДВФ, в береговых частях и базах ТОФ. На основании постановления СНК Союза ССР «Об организационно-хозяйственном укреплении подсобных хозяйств Красной Армии» от 17 апреля 1943 г. органы исполнительной власти Хабаровского и Приморского краёв выделили воинским частям в местах их дислокации земельные участки для подсобных хозяйств, водоёмы для рыбной ловли, которые закреплялись за ними на военный период¹²³.

В 1942 г. подсобными хозяйствами Дальневосточного фронта на снабжение войск было поставлено около 9 тыс. т картофеля, а в 1943 г. – около 18 тыс. т¹²⁴. Приказами командующих ДВФ и ТОФ устанавливались плановые показатели посевной кампании, предъявлялись требования к увеличению объемов производимой продукции, организации и ведению учёта в хозяйствах. В приказном порядке планы доводились до всех исполнителей, предоставлявших затем ежемесячные отчёты об их выполнении¹²⁵.

На основании договоров на поставку продовольствия постановлениями краевых исполкомов и краевых комитетов ВКП(б) воинские части (спецпотребители) закреплялись за сельскохозяйственными производителями Приморского и Хабаровского краёв и самостоятельно осуществляли заготовку, транспортировку и хранение значительной части продукции. Выделение военнослужащих ДВФ осуществлялось по директивам командования фронта, на основании которых военные советы армий издавали соответствующие приказы и распоряжения. Так, в 1943 г. части 15-й армии, дислоцированной в ЕАО, на основании директивы Военного совета ДВФ выделяли колхозам области 3040 чел. личного состава на две недели для уборки урожая, а также 33 автомашины, 15 тракторов и 1 ремонтную летучку¹²⁶.

В военные годы (в 1945 г. личный состав к сельскохозяйственным работам не привлекался) в сельскохозяйственных работах в Приморском и Хабаровском краях ежегодно участвовали от 15 до 55 тыс. военнослужащих и 900–1000 автомашин ДВФ¹²⁷.

Несмотря на все усилия, планы поставок продовольствия для Дальневосточной военной группировки не выполнялись: из урожая осени 1943 г. Приморский край должен был поставить 6721 т картофеля и 2935 т овощей для ТОФ, 940 т картофеля, 2088 т овощей – НКВД, 5044 т картофеля и 8665 т овощей – 25-й армии ДВФ. На ноябрь 1943 г. ТОФ обеспечивался овощами лишь на 60%, картофелем – менее чем на 50%, план поставки картофеля и овощей 25-й армии краевыми организациями был выполнен на 48 и 29% соответственно, в результате потребность армии даже по сокращённой норме обеспечивалась лишь на 65%. Из-за срыва графика отгрузки муки приморским трестом «Крайзаготзерно» для военторгов, снабжения хлебом семей офицеров, фронтовиков и инвалидов Отечественной войны во многих гарнизонах семьи офицеров в сентябре не получали хлеба по 3–5 дней¹²⁸.

Постановлением ГКО № 6306с от 1 августа 1944 г. утверждались объёмы поставок вооружённым силам. Хабаровский и Приморский края должны были поставить войскам ДВФ, ТОФ и НКВД 17,7 тыс. т квашеной капусты, 7,6 тыс. т солёных огурцов и помидоров. Объём поставок свежих овощей Хабаровским краем составлял 16 тыс. т (11 592 т для НКО, 2233 т – ТОФ, 2175 т – НКВД) и Приморским краем – 10 тыс. т (475 т для НКО, 8675 т – НК ВМФ и 850 т – для войск НКВД)¹²⁹.

Ситуация с обеспечением продовольствием оставалась крайне сложной. В июле 1944 г. начальник тыла 25-й армии генерал-майор М.А. Куклин в обращении к первому секретарю Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегову отмечал, что в связи с передислокацией ряда частей армии в Сучанский и Будённовский районы Приморского края сложилась тяжёлая ситуация с обеспечением частей овощами и картофелем, что привело к ухудшению питания личного состава вплоть до случаев алиментарной дистрофии. Для улучшения питания частям

в упомянутых районах требовалось 1529 т картофеля и 786 т овощей, а поскольку части не имели в этих районах подсобных хозяйств и посевов, получить их можно было только от колхозов¹³⁰.

Существенную роль в организации снабжения военной группировки на Дальнем Востоке сыграло продовольствие, поставлявшееся по программе ленд-лиза. С июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. через порты Дальнего Востока прошло более 2,5 млн т импортного продовольствия¹³¹. Часть его направлялась на питание военнослужащих и гражданского населения. ТОФ и ДВФ получали импортную продукцию по нарядам управлений продснабжения через краевые конторы Экспортхлеба и Наркомата внешней торговли.

В конце сентября 1944 г. Генеральный штаб Красной армии приступил к предварительным расчётам сосредоточения и материально-технического обеспечения войск на Дальнем Востоке, необходимых для вступления в войну против Японии. Экономика Дальнего Востока не могла удовлетворить такие потребности, соответственно, значительная часть материальных средств, включая продовольствие, ввозилась из других регионов страны, а также из-за рубежа.

Запасы продовольствия и фуража накапливались из расчёта шестимесячной потребности создаваемой группировки войск. В покрытие этой потребности засчитывались коммерческие ресурсы продфуража, имевшиеся к этому времени в Забайкалье и на Дальнем Востоке, запасы на базах Главного управления государственных материальных резервов в данных районах, планируемый выпуск продуктов питания на местных предприятиях. Образовавшийся дефицит покрывался за счёт поставок из центральных районов и экспортных поставок.

Так, постановлением СНК № 432 от 9 марта 1945 г. был утверждён план перевозок хлеба железнодорожным транспортом на март 1945 г., согласно которому на Дальний Восток из южных регионов страны и Сибири планировалось завезти 6820 вагонов зерна и круп: из Днепропетровской области в Приморский край предполагалось отправить 448 вагонов зерна, из Алтайского и Красноярского краёв – 280 вагонов, в Хабаровский край из Запорожской, Киевской, Житомирской, Полтавской, Винницкой, Николаевской областей Украины предполагалось отправить 2124 вагона зерна, из Алтайского края, Новосибирской и Омской областей – 446 вагонов¹³².

В связи с окончанием боевых действий на Западе, передислокацией части войск в военные округа на территории СССР, а также с ограниченными ресурсами по мясу и жирам советские войска, дислоцированные на территории Западной Европы и выводимые в военные округа на территории СССР, переводились на снабжение с нормы № 1 на норму № 2, войска, снабжавшиеся по № 3 и 4, – на норму № 2¹³³.

Согласно постановлению ГКО № 8449с от 8 мая 1945 г. личный состав войсковых частей и учреждений, расположенных на территории Дальнего Востока и Забайкалья (ЗабВО, ДВФ, ТОФ, АКВФ и войска НКВД), переводится на нормы питания и денежное довольствие, установленное для действующей армии (боевые части по норме № 1, тыловые части по норме № 2). Подсобные хозяйства войсковых частей и учреждений освобождались от обязательных поставок животноводческой продукции государству, а вся производимая ими продукция, а также улов рыбы и мясо, полученное от охоты, должны были обращаться на питание военнослужащих¹³⁴.

Таблица 9.4.2. Обеспеченность Дальневосточного фронта продовольствием на 1 июня 1945 г.

Показатели	Фактически в наличии, т	Количество выдач суточных норм для частей ДВФ	Количество выдач суточных норм для действующей армии
Мука хлебная	15 423	112	89
Крупа, макароны	7373	116	90
Печенье	7	117	14
Мука соевая	74	145	18
Мясо	2644	91	74
Рыба	930	89	68
Рыбные консервы	12	95	8
Жиры животные	1314	122	100
Масло коровье	144	96	84
Сахар	2784	117	83
Чай	125	144	66
Соль	6478	120	105

Источник. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 500. Л. 111.

Для перехода на снабжение по новым нормам Дальневосточному и Забайкальскому фронтам дополнительно требовалось (ежемесячно) 2325 т муки хлебной, 930 т круп и макарон, 460 т соевой муки, 930 т мяса и 630 т рыбы, 250 т рыбных консервов, 155 т животных жиров, 320 т сахара и 200 т масла¹³⁵.

На 1 мая 1945 г. запасы, находившиеся в ведении Главного управления государственных материальных резервов на Дальнем Востоке, составляли 102 000 т хлебопродуктов, 39 000 т мясопродуктов, 22 200 т рыбы, 31 800 т круп, 10 875 т жиров, 8200 т сахара, 1480 т сушёных овощей¹³⁶. Постановлением ГКО № 8916сс/ов от 3 июня 1945 г. для обеспечения военной группировки на Дальнем Востоке и в Забайкалье необходимым объёмом продовольствия утверждался план создания неприкосновенных мобилизационных запасов в объёме двухмесячной потребности войск. Согласно плану оборонительной операции для группы войск Амурско-Сахалинского направления (Нижне-Амурский район, о-в Сахалин, Татарский пролив) и Североморского (Охотское и Берингово моря, побережье и акватории Тихого океана) требовалось создание запасов всех видов довольствия на 6–8 месяцев, в условиях блокады снабжение гражданского населения становилось обязанностью тыла армии¹³⁷.

Основное количество продуктов должно поставляться Наркоматом внешней торговли из импортных поставок, а также имевшихся ресурсов Главного управления государственных материальных резервов с последующим возмещением за счёт импорта (табл. 9.4.3).

До начала военных действий были сформированы необходимые запасы продовольствия и фуража: 1-й и 2-й Дальневосточные фронты обеспечивались продовольствием в объёме шестимесячной потребности. Войска 2-го Дальневосточного фронта, находившиеся на Северном Сахалине (16-я армия) и на Камчатке (Камчатская оборонительная группа), были обеспечены годовым запасом

продовольствия. Однако имела место значительная неравномерность в обеспечении армий продовольствием из-за недочётов в планировании снабжения и подвозе. Например, 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта располагала только 5 сутодачами крупы и 33 сутодачами жиров¹³⁸.

Таблица 9.4.3. Потребность продовольствия и фуража для создания двухмесячных неприкосновенных мобилизационных запасов для Дальневосточной группы войск, т

Показатели	Дальневосточный фронт и Приморская группа войск	Тихоокеанский флот и Амурская Краснознаменная военная флотилия	Забайкальский фронт	Войска НКВД	Всего	Из них за счёт экспортных поставок
Мука и прод. зерно в переводе на муку	42 000	15 000	10 700	3300	71 000	71 000
Крупы разные	13 500	4600	4000	1600	23 700	23 700
Зерно, фураж	27 000	15 000	1700	5600	49 300	12 000
Мясопродукты	14 500	5700	4500	1400	26 100	26 100
Жиры животные	3000	1000	850	350	5200	5200
Жиры растительные	1500	750	350	-	2600	2600
Сахар	3000	1000	800	300	5100	5100
Сушёные овощи	3700	1000	1000	300	6000	6000

Источник. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 500. Л. 142-143.

В годы войны при взаимодействии всех заинтересованных органов власти и управления сложилась система продовольственного обеспечения военной группировки на Дальнем Востоке, основанная на максимальном использовании всех имевшихся ресурсов, но принципиальные решения принимались на уровне ГКО.

В ходе боевых действий советские войска активно использовали трофейное продовольствие и фураж на территории Маньчжурии: войска трёх фронтов захватили более 406,6 тыс. т зернопродуктов, около 6,5 тыс. т мясопродуктов, 94 тыс. т соевых бобов¹³⁹. Часть захваченного продовольствия использовалась для снабжения войск и взятых в плен военнослужащих японской армии, часть ввозилась на территорию СССР. Так, за период с 1 по 21 сентября войсками 2-го Дальневосточного фронта было ввезено 2737 вагонов продовольствия и фуража, а на 30 сентября – 38 010 вагонов¹⁴⁰. В связи с тем что на территории Маньчжурии и Кореи было распространено выращивание таких продовольственных культур, как гаолян, чумиза, соя, практически не использовавшихся в СССР, были разработаны и разосланы в войска инструкции о способах приготовления пищи из них¹⁴¹.

Таким образом, созданная в годы Великой Отечественной войны система продовольственного снабжения позволила обеспечить военную группировку войск на советском Дальнем Востоке продуктами питания с использованием поставок из государственных ресурсов и внешних источников по сокращенным нормам довольствия военнослужащих.

9.5. Подготовка командных кадров для Дальневосточного фронта

В годы Великой Отечественной войны командный состав армии и флота пополнялся за счёт выдвижения красноармейцев, краснофлотцев на должности младших командиров. Воинские звания присваивались начальствующему составу, отличившемуся в боях, мобилизованным военнообязанным запаса, слушателям различных курсов, курсантам военных учебных заведений и студентам военных факультетов гражданских учебных заведений¹⁴².

Основным ресурсом командных кадров являлись слушатели военно-учебных заведений. В конце 1940 г. в стране функционировало 19 военных академий с заочными и вечерними отделениями, 210 военных и военно-морских училищ, 68 курсов по подготовке, переподготовке и усовершенствованию командных кадров и 10 военных факультетов при высших учебных заведениях¹⁴³. В годы войны менялась их структура, корректировались учебные программы и сроки обучения¹⁴⁴.

На территории Дальнего Востока к началу войны действовало 7 военных училищ – Владивостокское военно-пехотное, Хабаровское стрелково-пулемётное, Тихоокеанское военно-морское, Военно-политическое училище Дальневосточного фронта, Куйбышевское военно-пехотное, Хабаровское военно-авиационное, Хабаровское военно-политическое и одна военно-авиационная школа (Вознесенская школа пилотов ВВС), а к её окончанию – уже 13 военно-учебных заведений¹⁴⁵. Некоторые из них были пополнены личным составом и материальной базой из училищ, передислоцированных в тыловые районы.

Курсантами военно-учебных заведений становились призывники, военнообязанные запаса, призванные по мобилизации, красноармейцы и младшие командиры, а также красноармейцы-фронтовики по направлению. Основными критериями отбора кандидатов являлись образовательный уровень, состояние здоровья, возраст, личные качества. В начале войны набор курсантов производился среди призывников с образованием 9–10 классов, военнослужащих в возрасте до 32 лет с образованием не ниже 7 классов. По мере истощения мобилизационных ресурсов требования к кандидатам снижались: в училища принимались призывники с образованием 7 классов, военнослужащие, имеющие боевой опыт, – 4–5 классов, а также физически ослабленные лица. Так, с 1 августа 1942 г. по директиве Наркомата обороны № М/1/31–1 артиллерийские и оружейно-технические училища Дальневосточного фронта укомплектовывались на 75% военнослужащими и военнообязанными, годными к строевой, и на 25% – к нестроевой службе¹⁴⁶.

Одним из первых училищ на Дальнем Востоке было Владивостокское военно-пехотное училище, созданное на базе переведённой в 1922 г. из Омска во Владивосток 24-й пехотной школы (с 9 марта 1942 г. 1-е Владивостокское военно-пехотное училище). В начале октября 1941 г. на основании директивы штаба Дальневосточного фронта училище перешло на четырёхбатальонную систему обучения. Общее число курсантов составляло 2 тыс. (из расчёта: подготовка стрелков – 50%, пулемётчиков – 30%, миномётчиков – 20%), но уже в конце октября 1941 г. для увеличения выпуска командных кадров численность курсантов возросла до 2,2 тыс. Помимо этого, из курсантов был создан учебный

батальон численностью 500 чел. с месячным сроком обучения (по окончании обучения отправлен на фронт)¹⁴⁷.

К концу 1941 г. Владивостокское военно-пехотное училище перешло на двухмесячную программу обучения, число курсантов увеличилось до 2,5 тыс., готовились командиры пулемётных и миномётных взводов, а в рамках переподготовки – рот. С июня по декабрь 1941 г. в соответствии с планом ускоренной подготовки командного состава училище произвело 3 выпуска курсантов (1,7 тыс.) в должности командиров взводов¹⁴⁸.

На фронте ощущался острый недостаток младших командиров, и в 1942 г. училище перешло на новую систему обучения. Более половины учебного времени отводилось на тактическую подготовку курсантов, для лучшего овладения основами общевойскового боя личный состав училища привлекался на учения войск Дальневосточного фронта. Всего за этот год училище подготовило 12 выпусков – 2,3 тыс. чел.¹⁴⁹

8 октября 1943 г. Государственным Комитетом Обороны принято постановление «О реорганизации сухопутных училищ». На его основании училища укрупнили, увеличили срок подготовки командных кадров. С учётом опыта войны пересмотрели программы обучения – значительно возросло количество часов, отводимых на изучение боевой техники и организацию взаимодействия войск¹⁵⁰.

В 1941–1945 гг. 1-е Владивостокское военно-пехотное училище осуществило 31 выпуск и подготовило почти 6,8 тыс. чел. До 1944 г. большинство выпускников училища направлялись на фронт, позднее – в части и соединения Дальневосточного фронта. Так, в мае 1944 г. из окончивших училище в распоряжение командира 35-го отдельного полка резерва офицерского состава в г. Комсомольск-на-Амуре направили 99 чел., начальника Пограничных войск Приморского округа – 85 и 45 – в управление Краснознамённых пограничных войск Хабаровского округа. Наиболее подготовленных выпускников оставляли на вакантных должностях преподавателей¹⁵¹.

В Комсомольске-на-Амуре дислоцировалось сформированное 12 августа 1941 г. военно-пехотное училище, переименованное во 2-е Владивостокское пехотное училище в октябре 1941 г., реформированное во Владивостокское военно-пулемётное училище в апреле 1943 г., реорганизованное в курсы усовершенствования офицеров пехоты 5 декабря 1945 г. С 1 февраля 1942 г. училище перешло на 9-часовой рабочий день плановых занятий и 3 ч самоподготовки. Более половины учебного времени отводилось на тактическую подготовку, теоретические знания закреплялись на полевых занятиях, учениях и манёврах войск Дальневосточного фронта. С июня 1943 г. училище перешло с 6-месячного на годичный срок обучения. Основное внимание уделялось отработке взаимодействия пехоты с другими родами войск в наступлении, изучались новые образцы оружия¹⁵².

Подготовка офицеров велась и в Хабаровском стрелково-пулемётном училище, сформированном 21 марта 1940 г. (с конца 1940 г. – Хабаровское военно-пехотное училище). Личный состав училища участвовал в тактических учениях частей Хабаровского гарнизона, манёврах 15-й армии, направлялся на укомплектование воинских частей, не закончив обучение. В марте 1942 г. 1 тыс. курсантов пополнила ряды 25-й армии Дальневосточного фронта, 30 января 1943 г. 500 чел. убыли в распоряжение командующего войсками Московского военного округа, в феврале 1943 г. 350 чел. направлены на укомплектование соединений

резерва Ставки Верховного главнокомандующего. Подготовку курсантов затрудняли изменения организационной структуры и смена 6 руководителей (с марта 1941 г. по август 1942 г. – 5 руководителей)¹⁵³.

В Хабаровске действовало Хабаровское пулемётно-миномётное училище, сформированное 27 февраля 1942 г., с 1 июня 1943 г. преобразованное в Хабаровское стрелково-миномётное училище, в апреле 1945 г. – во 2-е Хабаровское военно-пехотное училище. В училище по 4- и 6-месячной программе пехотных училищ РККА образца 1942 г. готовился младший офицерский состав. К 1943 г. училище сделало 9 выпусков командиров. Их отправили на укомплектование частей и соединений РККА: в 1942 г. 500 чел. убыли в Архангельский военный округ, в 1943 г. – в гвардейские части Московского военного округа. Начиная с июня 1944 г. курсантский состав в обязательном порядке проходил стажировку в частях и соединениях, дислоцирующихся на Дальнем Востоке, участвовал в проводимых тактических учениях ДВФ. За годы войны Хабаровское стрелково-миномётное училище осуществило около 20 выпусков младших офицеров¹⁵⁴.

Шкотовское военно-пехотное училище сформировано в январе 1942 г. для повышения уровня подготовки командиров взводов и военнослужащих, обучавшихся на курсах при запасных частях ДВФ. Формирование училища возлагалось на Военный совет 25-й армии. В конце января 1942 г. в училище прибыли первые 1705 курсантов, к марту 1943 г. их численность составляла 5172 чел. Прибывали рядовой состав линейных подразделений, прослуживший в РККА от одного года, младший начсостав, обучавшийся в полковых школах и на курсах младших лейтенантов, а также молодёжь с допризывной подготовкой, которая позволяла подготовить командиров среднего звена по ускоренной программе в сжатые сроки¹⁵⁵.

За 1942 г. училище осуществило три выпуска с полным курсом обучения и четыре – досрочных. В период учёбы личный состав училища несколько раз принимал участие в полевых учениях. В частности, на тактических учениях ДВФ (с 3 по 20 апреля 1942 г.) курсанты действовали в составе отдельной стрелковой бригады, на совместных учениях 25-й армии и Тихоокеанского флота (с 13 по 25 августа) – морского десанта, на учениях ТОФ (с 26 по 30 сентября) – отдельного стрелкового полка. В феврале–апреле 1944 г. 238 курсантов училища проходили месячную стажировку в 105-й стрелковой дивизии и 6-й отдельной стрелковой бригаде 25-й армии¹⁵⁶.

Учебный процесс военно-учебных заведений постоянно находился под контролем Управления вузами, которое направляло инспекцию или комиссию в каждое учебное заведение военных округов. В составе комиссии, как правило, находились представители Дальневосточного фронта, заинтересованные в качественной подготовке командного состава. Так, с сентября 1943 г. по апрель 1945 г. Шкотовское военно-пехотное училище проверяли 7 раз, оценивали боевую подготовку и подготовку по учебным дисциплинам курсантов и преподавательского состава, уровень методических занятий с офицерским составом¹⁵⁷.

Большинство преподавателей Шкотовского училища не имели боевого опыта: в 1944 г. из 120 чел. командно-начальствующего состава 7 чел. имели боевой опыт (уровень 1920-х гг.) и только преподаватель тактики имел опыт боевых действий (участие в боях у оз. Хасан), но тактическая и огневая подготовка курсантов оценивалась на «хорошо», а строевая и физическая – «посредственно». Стоит заметить, что среди преподавателей социально-экономических

дисциплин процент лиц с высшим образованием был выше, чем среди военных специалистов, – кадровые офицеры направлялись в действующую армию, и проблему комплектования подготовленными специалистами решить не удалось¹⁵⁸.

С января 1942 г. по май 1945 г. Шкотовское военно-пехотное училище произвело 14 выпусков (4 – по трёхмесячной, 6 – по шестимесячной, 4 – по годовой программе), подготовило 3,2 тыс. офицеров, из них – 11 капитанов, 59 старших лейтенантов, 2169 лейтенантов, 951 младший лейтенант, а места их назначения охватывали практически все военные округа или фронты. Только в 1942–1943 гг. на укомплектование курсантской бригады отправили 1076 чел., 202-й воздушно-десантной бригады ДВФ – 144, перевели в Хабаровское пехотное училище – 492, в части резерва Главного командования – 601, в запасные полки – 321 чел.¹⁵⁹

Командный состав готовили Благовещенское военно-пехотное училище, которое дислоцировалось в г. Благовещенск (с февраля 1942 г. по июль 1943 г.), г. Свободный (с июля 1943 г. по июль 1945 г., октябрь 1945 г.–сентябрь 1946 г.), ст. Завитая (с августа по октябрь 1945 г.), Куйбышевское военно-пехотное училище – в районе пос. Куйбышевка-Восточная (ныне – г. Белогорск Амурской области)¹⁶⁰.

Военно-политическое училище Дальневосточного фронта было образовано в предвоенный период с дислокацией в г. Хабаровск. В августе 1942 г. при училище сформировали бронетанковое и артиллерийское отделения (по 120 курсантов), которые в ноябре 1942 г. объединили с курсами младших политруков ДВФ. В июле 1943 г. состав училища был расформирован и обращён на формирование курсов подготовки и переподготовки политсостава ДВФ¹⁶¹.

В июле 1941 г. на базе артиллерийских курсов усовершенствования командного состава в г. Ворошилов, школы артиллерийско-инструментальной разведки и фронтового артиллерийского полка организовали артиллерийские курсы командного состава Дальневосточного фронта для подготовки младших лейтенантов и младших командиров. Сроки обучения устанавливались 2–4 месяца, и к сентябрю 1941 г. число обучаемых с 800 чел. увеличилось до 2,3 тыс. 27 октября 1941 г. курсы преобразовали в Дальневосточное артиллерийское училище, получившее статус военно-учебного заведения (приказ Народного комиссариата обороны от 10 марта 1942 г.), в апреле 1942 г. его переименовали в Артиллерийское училище Дальневосточного фронта, в начале 1944 г. – снова в Дальневосточное артиллерийское училище¹⁶².

Это было единственное учебное заведение на Дальнем Востоке СССР, готовившее офицеров-артиллеристов. При этом возникало множество проблем: преподаватели практически не имели педагогического опыта и планирования учебного процесса, отсутствовала программа обучения, что усугублялось материально-техническими и бытовыми трудностями. За 1941 г. училище осуществило 9 выпусков (4 – очередных и 5 – внеочередных) общей численностью 937 чел. (145 – досрочно) по различным специальностям. С 15 июля 1942 г. училище передислоцировали в район пос. Красная Речка близ г. Хабаровск. Его штатное расписание в 1942–1943 гг. менялось трижды, а сроки обучения – пять раз (варьировались от 3 месяцев до одного года). В качестве преподавателей привлекались офицеры – участники боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны, увеличилось количество полевых занятий. Учитывая опыт войны, проводили стрельбы в ночное время, осуществляли выход в тайгу, где

отрабатывались вводные «Работа огневого взвода в бою», «Разведка огневой позиции», курсанты участвовали в тактических учениях Дальневосточного фронта. Командный состав наравне со слушателями и курсантами участвовал в отработке упражнений с боевой стрельбой, повышал профессиональный уровень¹⁶³.

За годы войны Дальневосточное артиллерийское училище подготовило 5 тыс. специалистов, не считая прошедшего курсы переподготовки офицерского состава. Если в 1943–1944 гг. около половины курсантов, окончивших училище, направлялись в распоряжение командующих артиллерией разных фронтов, другая половина – Дальневосточного фронта, то в 1945 г. практически все выпускники оставались в регионе¹⁶⁴.

8 ноября 1937 г. на основании постановления Совета народных комиссаров о формировании военно-морского училища на Дальнем Востоке учреждено училище, получившее при своём создании название Третье военно-морское училище (3-е ВМУ). 5 мая 1939 г. училище переименовано в Тихоокеанское военно-морское училище (ТОВМУ). В 1940 г. училищу был присвоен статус вуза, и подготовка будущих офицеров стала проходить по программам высших учебных заведений. Училище стало именоваться Тихоокеанское высшее военно-морское училище (ТОВВМУ).

В связи с сокращением кораблестроительной программы, по приказу Народного комиссариата ВМФ СССР, к 1 октября 1941 г. деятельность ТОВВМУ должна была прекратиться (планировалось создать училище командиров торпедных катеров ВМФ), но после начала Великой Отечественной войны приказ отменили¹⁶⁵. В это время в училище работали 130 офицеров-преподавателей на 17 кафедрах, обучались 970 курсантов на четырёх курсах¹⁶⁶. 24 июня 1941 г. произведён первый выпуск – 272 лейтенанта, 8 техников-интендантов¹⁶⁷.

С 24 октября 1941 г., приостановив обучение по основному учебному плану, училище приступило к реализации 200-часовой программы военно-сухопутной подготовки курсантов. Большую помощь оказали преподаватели Владивостокского пехотного училища. Они читали лекции и вели практические занятия, помогли оборудовать кабинеты сухопутной подготовки и стрелкового оружия, снабдили чертежами, пулемётами, полевыми орудиями. В кратчайший срок (20 дней) программа была выполнена, курсанты овладели навыками штыкового боя, разборки и сборки пулемёта, гранатометания, основами ведения боя на суше, командования стрелковыми отделениями и взводами в полевых условиях. Проведённые 30 октября 1941 г. учения показали, что большинство из них, используя гранаты и бутылки с горючей смесью, успешно вели огонь по смотровым щелям танков. 1 ноября 1941 г. училище досрочно окончили без сдачи государственных экзаменов 202 курсанта 4-го курса с присвоением звания «лейтенант», часть курсантов 2-го курса – «главный старшина» и часть 1-го курса – «старшина 1-й статьи»; 140 чел. направили в распоряжение командующего Сибирским округом для формирования 69, 70, 71, 72, 73-й морских стрелковых бригад. Большая часть моряков-тихоокеанцев, вошедших в 72-ю и 73-ю бригады, воевала в составе Карельского фронта¹⁶⁸.

В начале 1942 г. в училище организовали группы снайперов и истребителей танков, в июне началась подготовка команд основных и дополнительных дегазационных отделений и групп самозащиты. С 1942 г. курсанты-выпускники после сдачи государственных экзаменов проходили двухмесячную практику как морские офицеры по специальностям штурманы кораблей и подводных лодок,

артиллеристы, минёры надводных кораблей и подводных лодок, связисты, командиры торпедных катеров и их помощники. В сентябре 1943 г. в ТОВВМУ организованы курсы связи для подготовки флотских специалистов, в 1944 г. – курсы командиров торпедных катеров Тихоокеанского флота. С ТОВВМУ сотрудничало Владивостокское военно-морское подготовительное училище, которое готовило кадры для дальнейшего их поступления в военно-морские учебные заведения. Из выпускников ВВМПУ в 1945 г. сформировали две роты первого курса ТОВВМУ¹⁶⁹. За годы войны Тихоокеанское высшее военно-морское училище выпустило 951 офицера¹⁷⁰.

Особое место занимала подготовка старшинского (сержантского) состава из матросов в специальных школах с продолжительностью обучения командиров отделений – 10 недель и старшин (сержантов) – 13 недель по особой программе переподготовки на 1,5–2-месячных специальных сборах, а также на кораблях и в частях с обязательной сдачей экзамена по специальности. К началу войны в составе учебного отряда Тихоокеанского флота имелся ряд школ – объединённая, электромеханическая, оружия, связи, шофёров, объединённая школа береговой и противовоздушной обороны ТОФ, учебный отряд подводного плавания ТОФ, школа специалистов инженерных частей флота на о-ве Русском, обучение в которых включало в себя первоначальную войсковую и военно-морскую, политическую, физическую и специальную подготовки. На освоение военно-морского дела отводилось 40 ч, а к 1945 г. – до 86 ч. Специальная подготовка, в зависимости от сложности, предусматривала изучение основ специальности в объёме 410–970 ч. В школах Тихоокеанского флота подготовили более 29 тыс. специалистов рядового и старшинского состава. В свою очередь, объединённая школа Краснознамённой Амурской флотилии подготовила более 5,1 тыс. специалистов (5 тыс. – рядового и 132 – старшинского состава)¹⁷¹.

Офицерские кадры для Военно-воздушных сил РККА в Дальневосточном регионе готовила Вознесенская военно-авиационная школа пилотов, сформированная в Приморском крае 2 марта 1940 г. Во время войны она находилась в районе ст. Магдагачи Тыгдинского района. Первый выпуск в количестве 42 чел. состоялся в феврале 1941 г.¹⁷²

Процесс обучения курсантов в Вознесенской военно-авиационной школе проходил в трудных условиях, что связано с неоднократной её передислокацией, частой сменой штатного расписания, слабой материально-технической базой. Отсутствовали мастерские для ремонта и подготовки самолётов к полётам, учебные аудитории, которые имелись в наличии, использовались и как помещения для отдыха личного состава, из-за чего затруднялась теоретическая подготовка курсантов. В распоряжении школы имелись лишь основное поле в районе ст. Магдагачи и запасное – в районе ст. Тыгда. В учебном заведении не хватало инструкторов лётного состава, техников, преподавателей¹⁷³.

Обучение курсантов проходило на самолётах И-16, У-2, Ут-2, Ил-2 и Як-7, причём только Ил-2 и Як-7 являлись современными моделями. В 1944 г. в школе произошли изменения, были сформированы 2 авиаэскадрильи, в основном из переброшенного на Дальний Восток рядового и командного состава Одесской военно-авиационной школы ВВС РККА. Благодаря пополнению в подготовку лётчиков и авиатехников были внесены изменения, по-новому составлены учебные планы и программы по дисциплинам. За годы Великой Отечественной войны школа подготовила 27 выпусков – почти 2 тыс. офицеров¹⁷⁴. Кадры

для ВВС готовила и Хабаровская авиационная школа первоначального обучения, сформированная в августе 1941 г. на базе Хабаровского, Биробиджанского и Комсомольского-на-Амуре аэроклубов. Местом дислокации школы выбран г. Хабаровск (аэродром в районе с. Матвеевка). Начальная численность курсантов составила 690 чел.¹⁷⁵

Военно-политические кадры для Красной армии на Дальнем Востоке готовило командно-политическое училище, сформированное в предвоенный период в г. Хабаровск. Оно давало среднее военно-политическое образование и ежегодно выпускало по 200 офицеров-политработников. В 1941 г. при училище открыли курсы по усовершенствованию политсостава запаса, на которые отбирались военнообязанные, имевшие воинские звания политрук или младший политрук запаса¹⁷⁶.

Всего за годы войны на Дальнем Востоке в военных училищах, по неполным данным, подготовили более 23 тыс. офицеров. Но и этого количества специалистов было недостаточно. Например, к середине 1945 г. в 17-й армии 42% офицеров не имели военного образования, 40% – окончили краткосрочные курсы. В 25-й армии 54% политработников имели начальное и неполное среднее образование. Более 50% командиров торпедных катеров Тихоокеанского флота составляли мичманы и старшины срочной службы¹⁷⁷.

Война внесла коррективы в практику и методику обучения младших военных специалистов на различных курсах, работавших как самостоятельно, так и при училищах. На них готовили младший командно-технический состав для пехоты, артиллерии, бронетанковых и механизированных войск, военно-морского флота, инженерных, химических войск и войск связи, осуществлялась переподготовка командиров запаса. Сроки обучения составляли, как правило, от 4 до 10 месяцев, но на практике – меньше.

Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования офицерского состава пехоты «Выстрел» осуществляли переподготовку командного и политического состава сухопутных войск, а также преподавателей военных училищ. Филиал курсов находился в г. Ворошилов и готовил командиров стрелковых, пулемётных и миномётных рот. С 1942 г. численность курсантов составляла 1078 чел. В основу программ обучения были положены Полевой устав 1936 г. и Боевой устав пехоты 1938 г., сроки – от 2 до 3 месяцев при ежедневных 12-часовых занятиях (8 ч под руководством преподавателей и 4 – самостоятельная подготовка). В начале 1944 г. филиал курсов «Выстрел» с численностью слушателей 500 чел. переименовали в «Курсы усовершенствования офицеров пехоты» при Дальневосточном фронте и сроком обучения 5 месяцев¹⁷⁸.

Обучение слушателей курсов носило ярко выраженную практическую направленность. Особое внимание уделялось организации и взаимодействию подразделений, маневрированию силами и средствами в ходе наступательных и оборонительных боёв, организации противовоздушной обороны и ведению огня по воздушным целям противника. Чаще всего на практических занятиях отрабатывались такие темы, как «Оборона населённого пункта усиленной стрелковой ротой (батальоном)», «Наступление роты», «Бой в окопах», «Прорыв переднего края обороны противника», «Бой в окружении и выход из него» и др. Преподавателей регулярно направляли в действующую армию для стажировки и получения необходимого боевого опыта, что обогащало их практическими знаниями боевой обстановки и положительно сказывалось на обучении слушателей¹⁷⁹.

Подготовка офицеров-переводчиков для органов госбезопасности и пропаганды осуществлялась на полутора- и двухгодичных курсах военных переводчиков Дальневосточного фронта, где слушатели изучали восточные языки (японский и китайский), английский язык, страноведение, а также воинские дисциплины. Набор проводился два раза в год (в мае и сентябре) из лиц с девятиклассным образованием, знанием русского языка и литературы и не имевших связей с заграницей. В июне 1941 г. было организовано специальное отделение для подготовки специалистов разведки, в мае 1942 г. сформирован отдел переподготовки начальствующего состава переводчиков – 50 слушателей, куда направлялись военные переводчики действующих частей и подразделений ДВФ. В этом же году было выпущено 104 переводчика (набор 1940 г.) и принято на обучение 30 женщин, впоследствии востребованных в войсках как переводчики¹⁸⁰.

Подготовка и переподготовка военно-медицинских кадров осуществлялись на созданных ещё в 1935 г. курсах усовершенствования врачей ОКДВА с дислокацией в Хабаровске (переименованы в 1941 г. в «Хабаровские курсы переподготовки и усовершенствования врачей кадра и запаса Красной армии»). Здесь за годы войны подготовлено более 1,4 тыс. врачей и около 500 фельдшеров¹⁸¹.

На специальных курсах ДВФ готовили специалистов рядового и младшего командного состава для инженерных войск, на интендантских курсах, сформированных в апреле 1936 г. в г. Хабаровск, вели переподготовку старшего и среднего начальствующего состава из запаса (около 2,5 тыс. курсантов и слушателей)¹⁸². Курсы усовершенствования офицеров связи (созданы в г. Хабаровск в 1933 г., преобразованы в 1940 г. в «Хабаровские курсы усовершенствования командного состава войск связи Красной армии») выпустили более 1,6 тыс. младших лейтенантов и 1,3 тыс. – переподготовили¹⁸³.

Таким образом, в годы войны большинство военных учебных заведений на Дальнем Востоке СССР формировались на базе воинских частей, курсов по подготовке, переподготовке и усовершенствованию командных кадров со сменой их дислокации, начальников и преподавательского состава (табл. 9.5.1).

Таблица 9.5.1. Начальники военно-учебных заведений, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке СССР в 1941–1945 гг.

Название военно-учебного заведения	Ф.И.О. начальника училища	Годы службы
Благовещенское военно-пехотное училище	Азелицкий Дмитрий Дмитриевич	28.02.1942–01.11.1942
	Александров Николай Михайлович	06.11.1942–20.11.1942
	Зобов Виктор Васильевич	09.12.1942–17.09.1946
Владивостокское военно-пехотное училище, с 09.03.1942 г. 1-е Владивостокское военно-пехотное училище	Чистяков Иван Михайлович	11.02.1940–21.03.1941
	Крючков Андрей Ильич	22.03.1941–12.12.1941
	Ворошилов Сергей Михайлович	12.12.1941–31.12.1945

Название военно-учебного заведения	Ф.И.О. начальника училища	Годы службы
Вознесенская школа пилотов ВВС	Морозов Иван Сидорович	До 21.11.1941
	Цанко Тимофей Алексеевич	21.11.1941–24.02.1946
Дальневосточное артиллерийское училище, с 04.1942 г. Артиллерийское училище Дальневосточного фронта, с 20.01.1944 г. Дальневосточное артиллерийское училище	Дёмин Николай Федорович	04.11.1941–09.07.1942
	Шкуратов Павел Семёнович	09.07.1942–06.05.1943
	Бегильдеев Александр Петрович	06.05.1943–15.12.1944
	Лашин Борис Петрович	С 15.12.1944
Комсомольское-на-Амуре военно-пехотное училище, с 1.10.1941 г. 2-е Владивостокское военно-пехотное училище	Сорокин (имя, отчество неизвестны)	21.08.1941–13.09.1941
	Тарасов Сергей Васильевич	24.09.1941–08.12.1945
Хабаровское пулемётно-миномётное училище, с 01.06.1943 г. Хабаровское стрелково-миномётное училище, с 30.04.1945 г. 2-е Хабаровское военно-пехотное училище	Николаев Владимир Николаевич	27.02.1942–10.10.1942
	Широков Николай Павлович	10.10.1942–07.11.1942
	Мешков Иван Георгиевич	07.11.1942–15.11.1945
Хабаровское стрелково-пулемётное училище, с 01.12.1940 г. Хабаровское военно-пехотное училище	Алексеев Александр Николаевич	21.03.1940–18.03.1941
	Баринов Иосиф Федорович	18.03.1941–21.10.1941
	Голованов Александр Иванович	29.10.1941–10.12.1941
	Крючков Андрей Ильич	12.12.1941–10.05.1942
	Лукин Алексей Петрович	10.05.1942–06.08.1942
	Михайлов Яков Григорьевич	06.08.1942–13.09.1946

Источник. ЦАМО. Ф. 60 018. Оп. 35 036. Д. 1. Л. 8; Оп. 35 037. Д. 40. Л. 187; Ф. 60 102. Оп. 35 198. Д. 3. Л. 15–16; Ф. 60 155. Оп. 35 233. Д. 3. Л. 64–67; Ф. 60 322. Оп. 35 739. Д. 3. Л. 7–7 об. (сост. авт.).

В их деятельности можно выделить два периода. В первом – до середины 1943 г. – упор был сделан на количественные показатели подготовки младших командиров. Единицы опытных и всесторонне грамотных преподавателей, низкий общеобразовательный уровень курсантов, скудная и устаревшая учебная материальная база являлись характерными чертами военных училищ этого периода – «доучиваться» приходилось непосредственно на поле боя. Второй период – с середины 1943 г., когда был накоплен опыт ведения войны и советские военачальники разрабатывали стратегию и тактику войны, вносили коррективы в учебный процесс, основную массу курсантов составляли фронтовики, можно говорить о повышении качества подготовки и переподготовки командного состава.

9.6. Военная подготовка населения Дальневосточного региона

С началом Великой Отечественной войны главной задачей военно-мобилизационной деятельности являлась подготовка резервов. Она проводилась на основании постановления Государственного Комитета обороны от 16 июля 1941 г. «О подготовке резервов в системе Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота» и возлагалась на Главное управление формирования и укомплектования войск (Главупрформ). С 1 октября 1941 г. согласно постановлению Государственного Комитета обороны в стране вводилось обязательное всеобщее военное обучение мужчин в возрасте от 16 до 50 лет по 110-часовой программе, а с апреля 1942 г. – женщин. В составе Наркомата обороны образовали Главное управление всеобщего обучения, в краевых, областных, районных военкоматах – отделы, в военкоматах вводились должности инструктора¹⁸⁴.

Дальневосточные отделы всеобщего обучения находились в подчинении отдела всеобщего обучения Дальневосточного фронта. Обучение граждан осуществлялось без отрыва от производства (а в сельской местности с отрывом на 15–20 дней), давало военные знания и практические навыки в объёме подготовки одиночного бойца, включая тактическую, огневую, сапёрную, строевую, химическую, санитарную и физическую подготовку. Изучали воинский устав. Из числа прошедших обучение готовились истребители танков, снайперы, автоматчики, пулемётчики, миномётчики, танкисты¹⁸⁵.

На Дальнем Востоке занятия первой очереди всеобщего обучения начались 1 октября 1941 г. в 1897 учебных пунктах. Обучение проходили, прежде всего, допризывники, необученные военнообязанные запаса. В рамках военной подготовки начинали заниматься более 109 тыс. чел., закончили – около 80 тыс. по 5 специальностям, остальные отсеялись – по состоянию здоровья, призваны в армию или не сдали итоговые испытания, что составило 7% общего количества подготовленных бойцов всеобщего обучения¹⁸⁶. В рамках второй очереди (с 15 марта 1942 г.) на Дальнем Востоке подготовили более 27 тыс. бойцов-стрелков, третьей (с октября 1942 г.) в 667 учебных пунктах – 21,5 тыс. (3 тыс. – в Приморском крае и 18,5 тыс. – в Хабаровском)¹⁸⁷.

В 1941–1942 г. обучение дальневосточников военному делу проходило в условиях недостатка помещений и нехватки оружия, снайперских винтовок и миномётов, инструкторов и программ, учитывающих новые условия ведения войны. Не имея данных о подлежащих военному обучению, в подразделения зачисляли прошедших службу в армии (около 3 тыс. чел.) или явно не годных к строевой, что приводило к сокращению численности подготовленных бойцов¹⁸⁸.

Согласно новому уставу пехоты 1942 г., с 1943 г. в программе военного обучения населения увеличилось количество часов на огневую, тактическую, строевую подготовку, подготовку к рукопашному бою, изучение уставов, гигиену бойца. Тактические занятия проводились в сочетании с занятиями по физической подготовке с учётом наступательного характера военных действий. Бойцами преодолевались водные препятствия, заграждения, совершались ночные переходы с отработкой стрельбы из различных видов оружия¹⁸⁹. По программе четвёртой очереди всеобщего обучения (с февраля 1943 г.) подготовлено 18,6 тыс. бойцов-стрелков, шестой – более 13,5 тыс. чел. и седьмой – 16,5 тыс. бойцов-стрелков¹⁹⁰.

Наряду со всеобщим обучением подготовку военно-обученных резервов осуществляли добровольные общественные организации: ОСОАВИАХИМ, Российское

общество Красного Креста, добровольно-спортивные общества. 22 июня 1941 г. президиум Центрального совета ОСОАВИАХИМ принял специальное постановление об их переводе в состояние боевой готовности¹⁹¹. В кратчайшие сроки дальневосточные организации направляли в подразделения всевобуча и военкоматы командно-инструкторский состав, предоставили для занятий учебно-материальную базу, оказали помощь в изготовлении учебных и наглядных пособий, оборудовании площадок для военно-полевых городков. ОСОАВИАХИМ обучал военному делу всех граждан, способных носить оружие, но не охваченных системой всевобуча. С другой стороны, из прошедших 110-часовую подготовку создавались комсомольско-молодёжные подразделения для специальной подготовки по 15 специальностям, включая снайперов, пулемётчиков, миномётчиков, истребителей танков, мотоциклистов, шоферов, радистов, подрывников, минёров.

За годы войны на Дальнем Востоке проведено 7 очередей военного обучения и плановые разрядки перевыполнялись. С 1 июля 1941 г. по 1 августа 1945 г. в Хабаровском крае военкоматами приняты на учёт 239 284 подготовленных специалиста, 12 641 чел. (4,8% плана) не закончили обучение в связи с выбытием из учебных подразделений (призыв в армию, выезд за пределы региона, длительные командировки). С 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г. в Приморском крае обучены 91 785 чел., подготовлены 1129 радистов-операторов, 1251 телеграфист-морзист, 1153 шофёра, 159 мотоциклистов, 1503 моряка, свыше 2 тыс. медсестёр и санитарных дружинниц¹⁹².

Большую роль в подготовке боевых резервов сыграли и добровольные спортивные общества. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР выделил наиболее квалифицированных тренеров и спортсменов в распоряжение всевобуча для организации и проведения занятий по физической подготовке населения. На комитеты по делам физической культуры и спорта возлагались задачи по организации военизированных игр (кроссы, штыковой бой, гранатометание, марш-броски, различные походы с решением тактических задач), оказанию помощи учебным заведениям в проведении внешкольных спортивных соревнований и секционных занятий по лыжному спорту, гимнастике и другим видам спорта¹⁹³.

На Дальнем Востоке действовали спортивные общества: «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Крылья Советов», «Молния», «Водник», «Прибой», «Дом Красной Армии», «Пищевик», «Медик», «Кировец», «Самолёт», «Большевик», «Буревестник», «ДВ строитель», «ДВМФ» и др.¹⁹⁴ Занятия в них строились на принципах подразделений всевобуча: изучались различные виды техники и вооружения, приёмы рукопашного боя, велись тренировки по военно-лыжной подготовке, плаванию, преодолению полосы препятствий, приобретались навыки оказания первой медицинской помощи, что обуславливалось требованиями фронта, нуждающегося в обученных боевых резервах.

Только Хабаровский краевой комитет по делам физкультуры и спорта с 22 июня по 15 декабря 1941 г. провёл более 500 массовых спортивных мероприятий, в том числе военно-тактические игры, соревнования между сборными командами по плаванию, рукопашному бою, лёгкой атлетике, мотогонкам. В них приняли участие более 64 тыс. чел. В начале октября 1942 г. в Благовещенске состоялись спортивные соревнования по боксу, борьбе, штыковому бою среди населения. Физкультурники Еврейской автономной области в 1942 г. впервые

участвовали в соревнованиях между 5 областями и 7 городами Хабаровского края¹⁹⁵.

Большое значение для подготовки бойцов имели ежегодно проводившиеся многокилометровые профсоюзно-комсомольские кроссы и военизированные походы с участием воспитанников спортивных обществ. Особое внимание уделялось проведению лыжных соревнований, военизированных эстафет, в которые входили велогонки, бег с полной боевой выкладкой в противогазе, преодоление препятствий, стрельба, гребля, плавание – всего 15 этапов. В частности, летом 1943 г. в городах и районах Хабаровского края был проведён кросс, в котором приняли участие свыше 136 тыс. чел., а в весенне-летнем комсомольско-профсоюзном кроссе в Амурской области – более 14 тыс. молодых людей. В Приморском крае в 1944 г. проведены профсоюзно-комсомольский кросс – 16 тыс. участников, летний кросс – около 20 тыс. и пешеходный переход с участием 18 тыс. чел.¹⁹⁶

Физкультурно-спортивные общества усилили внимание к подготовке значкистов по физкультурным комплексам «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) для взрослого населения и «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) для школьников. В физкультурный комплекс внесли изменения в соответствии с задачами отработки военно-прикладных навыков. Больше внимание, согласно новым требованиям, отводилось знанию топографии, материальной части винтовки, умению бегать, переправляться вплавь в одежде, вести штыковой бой, метать гранаты¹⁹⁷.

В Хабаровском крае за 1941–1943 гг. сдали нормы ГТО 1-й ступени более 62 тыс. чел. и ГТО 2-й ступени – около 2 тыс. чел. За эти же годы в спортивных обществах подготовлено 2,5 тыс. общественных инструкторов, а также 1,5 тыс. других специалистов. В 1944–1945 гг. в Хабаровском крае подготовлено почти 23 тыс. значкистов ГТО 1-й ступени, 432 – ГТО 2-й ступени, значкистов БГТО – более 21 тыс. В Приморском крае за 1941–1944 гг. сдали нормы ГТО 1-й ступени 17 тыс. чел., БГТО – 8 тыс. чел. Только в одном Владивостоке за 1944 г. сдали нормы ГТО 1-й ступени 2,8 тыс. чел., 2-й ступени – 89 чел. и БГТО – около 1,3 тыс. чел.¹⁹⁸

Многие значкисты ГТО и физкультурники Дальнего Востока были призваны в армию или добровольно ушли на фронт, став одними из лучших воинов. Так, звание Героя Советского Союза удостоен трёхкратный чемпион Дальнего Востока по боксу гвардии сержант К. Коротков. Героями Советского Союза стали воспитанники спортивных обществ Хабаровского края: чемпион Амурской области по лёгкой атлетике Г. Губкин, легкоатлет из Николаевска-на-Амуре Г. Попов, первый мастер спорта на Дальнем Востоке С. Кузнецов и др. Смертью храбрых пали в боях чемпион края по плаванию П. Олейнчук, чемпион Хабаровска по теннису А. Остроумов¹⁹⁹.

На Дальнем Востоке с его климатическими и географическими особенностями лыжной подготовке придавалось особое значение. В основу лыжной подготовки населения были положены лыжные кроссы и лыжные эстафеты, лыжные переходы, дававшие основные навыки и умения. Лыжники-бойцы готовились по отдельной военной программе с умением ориентироваться на местности. В первую военную зиму молодёжь Хабаровского края выступила инициатором проведения Всесоюзного военизированного лыжного кросса имени 24-й годовщины Рабоче-крестьянской Красной армии. 12 декабря 1941 г. в газете «Тихоокеанская звезда» было опубликовано обращение ко всем комсомольцам и молодёжи СССР:

«Молодёжь – на лыжи!». Этот призыв поддержал командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И.Р. Апанасенко²⁰⁰.

Территориальные комитеты ВЛКСМ совместно с физкультурными организациями приводили в готовность лыжные базы, готовили инструкторов-общественников военно-лыжного дела по 50-часовой программе, включавшей и другие военно-прикладные дисциплины. Уже в январе 1942 г. Комсомольский-на-Амуре городской комитет по делам физической культуры и спорта подготовил 650 инструкторов-общественников, 509 инструкторов – в Амурской, 111 – в Сахалинской областях, также данная подготовка шла и в других областях края²⁰¹.

К 24-й годовщине РККА по Хабаровскому краю в кроссе приняли участие 115 тыс. чел., из них 40,7 тыс. – бойцы и командиры отрядов всевобуча. Помимо этого, проведён кросс лыжников-бойцов, в котором приняли участие 35 тыс. чел., из них 30 тыс. сдали нормы, включавшие прохождение за 3 ч 20-километровой дистанции с преодолением различных препятствий, гранатометанием и отработкой навыков штыкового боя. Дистанция для женщин была 3 км и включала прохождение 500 м на лыжах в противогазе, переползание 30 м, преодоление канавы шириной 70 см. На всё это отводился один час²⁰².

В кроссе, посвященном 25-летию РККА, проводившемся в Хабаровском крае, приняли участие 163 тыс. чел. (из них 20,6 тыс. являлись бойцами и командирами всевобуча), из которых 145 тыс. уложились в нормы ГТО и БГТО²⁰³, в честь 26-й годовщины – более 182 тыс., включая 84 тыс. бойцов-лыжников. В лыжном кроссе к 27-й годовщине Красной армии приняли участие 188 тыс. чел, две команды лыжников совершили переходы по маршрутам Вяземская – Хабаровск и Вяземская – Бикин, в Сахалинской области прошёл традиционный лыжный пробег на дистанцию 60 км²⁰⁴.

За годы войны в Хабаровском крае было проведено более 300 спортивных мероприятий, в которых приняли участие более 250 тыс. чел. В четырёх лыжных кроссах, посвящённых годовщинам РККА, проведённых в Хабаровском крае за годы войны, приняли участие почти 650 тыс. чел. По 50-часовой программе прошли обучение более 278 тыс. бойцов-лыжников²⁰⁵.

Деятельность добровольных спортивных обществ в годы войны регламентировалась подготовкой боевых резервов, а также необходимостью укрепления здоровья населения страны. Только с 1943 г. по 1 августа 1945 г. в Хабаровском крае проведено 7 заочных стрелковых соревнований, 782 военизированных пеших, 2 конных, 18 военно-морских, 888 лыжных походов. В этих мероприятиях приняли участие 114 тыс. чел. Прошло 215 стрелковых соревнований, 213 соревнований по различным видам спорта, 848 тактических занятий и учений, 120 показательных учений, 194 строевых смотра, 85 сборов по тревоге. В данных мероприятиях приняли участие 129,5 тыс. чел. Команды края 3 раза участвовали во Всесоюзных стрелковых соревнованиях и в 1944 г. заняли второе место по СССР²⁰⁶.

На протяжении всей войны добровольные общественные оборонные организации готовили гражданское население к противовоздушной и противохимической обороне (ПВО и ПВХО). 2 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне»²⁰⁷. Согласно этому постановлению всё население страны должно было овладеть правилами противовоздушной обороны, уметь устранять последствия

налётов вражеской авиации. Все граждане – мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет – в обязательном порядке привлекались к работе в группах самозащиты, создаваемых на предприятиях, в различных учреждениях и домоуправлениях²⁰⁸.

Приказом наркома обороны СССР № 066 и директивой Главного военно-химического управления Красной армии № 0552/476745сс Приморский и Хабаровский края вместе с другой 31 областью, а Владивосток и Хабаровск – с 54 городами считались первоочередными в деле подготовки населения по программам ПВХО²⁰⁹. Началось комплектование местных подразделений противовоздушной обороны из военнообязанных запаса, групп самозащиты населённых пунктов, жилых домов, учебных заведений – из рабочих, служащих. На предприятиях создавались по несколько самостоятельных групп самозащиты²¹⁰. Уже в августе 1941 г. в Амурской области насчитывались 384 группы самозащиты, которые являлись первичными подразделениями местной противовоздушной обороны²¹¹. Бойцы самозащиты проходили специальное обучение, включавшее тушение зажигательных бомб, обезвреживание заражённых отравляющими веществами участков, оказание первой медицинской помощи.

Для ликвидации неразорвавшихся авиационных бомб и разминирования объектов при штабах МПВО формировались особые отделения. Так, в Хабаровске на базе Амурвзрывпрома была создана минно-подрывная служба МПВО в составе 6 взводов численностью 192 чел. В Приморском крае проводились занятия по ликвидации неразорвавшихся бомб под руководством специалиста из Москвы²¹².

Основная часть населения Дальнего Востока освоила программу подготовки к противовоздушной и противохимической защите в начальные годы войны. Только в Приморье за первый год войны по программе ПВХО подготовку прошли более 404 тыс. чел. К концу 1941 г. в Приморском крае работали более 2 тыс. комсомольцев-инструкторов ПВХО²¹³. К 1 октября 1943 г. в Хабаровском крае обучались более 725 тыс. чел., что составляло 97,5% разнарядки²¹⁴.

За годы войны на Дальнем Востоке в рамках обязательной подготовки обучили 1 568 625 чел. в возрасте от 8 до 60 лет по 28-часовой программе ПВХО, что составило 131,9% планового задания (1 189 160 чел.), переподготовлено по дополнительной 6-часовой программе 1 098 129 чел. с выдачей 833 177 справок единого образца об окончании обучения. Одновременно были созданы 2167 групп самозащиты, обучены 22 900 инструкторов-общественников (4908 чел. прошли курсы переподготовки), 10 139 чел. командного состава. Основная часть населения Дальневосточного региона прошла подготовку в начальный период войны. Выборочная проверка знаний показывала, что теоретическая подготовка в целом была хорошая, а практические навыки из-за отсутствия материальной базы и средств индивидуальной защиты – удовлетворительные²¹⁵.

Важной частью обучения являлась деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК), которая заключалась в подготовке медицинских резервов для нужд армии, флота и тыловых медицинских учреждений, заготовке донорской крови, уходе за ранеными. В его распоряжении находились медицинские школы, кружки по изучению населением основ медицины. Для обеспечения массовой подготовки организациями Красного Креста и Красного Полумесяца медицинских сестёр запаса и санитарных дружинниц, согласно постановлению СНК СССР от 2 июля 1941 г. «Об обязательной подготовке населения

к противовоздушной обороне», все отделы здравоохранения должны были обеспечить курсы медсестёр и учебные сандружины всем необходимым²¹⁶.

Члены Российского общества Красного Креста обучались оказанию первой помощи раненым, поражённым отравляющими веществами, уходу за больными, приобретению навыков введения обезболивающих средств и наркоза, первичной обработки ран. При поликлиниках, больницах, госпиталях были организованы курсы, на которых без отрыва от производства обучались медицинские сёстры. Так, в течение нескольких дней с начала войны в Амурский областной комитет РОКК поступило 128 заявлений от девушек с просьбой направить их в действующую армию. Они требовали принять их на курсы медсестёр или в учебные санитарные дружины. С 22 июня по август 1941 г. в Амурской области были организованы и регулярно работали 12 курсов медицинских сестёр, 24 сандружины, 516 санитарных постов²¹⁷, в Нижнеамурской – около 40 кружков по подготовке рабочих и служащих по программе «Готов к санитарной обороне», где обучалось 1,2 тыс. чел.²¹⁸

Учебный план подготовки медицинских сестёр включал санитарно-оборонные, общемедицинские и клинические дисциплины, сандружинниц – состоял из изучения способов оказания первой медицинской помощи, транспортировки раненых, распознавания инфекционных заболеваний и методов борьбы с ними, а также ухода за ранеными. Только за первые два года войны в Еврейской автономной области общество Красного Креста оборудовало 242 санитарных поста, подготовило 242 медсестры и 456 сандружинниц. На Северном Сахалине за 7 месяцев 1942 г. по линии РОКК подготовлено 99 медсестёр, 76 сандружинниц, в Чукотском национальном округе к 1 марта 1942 г. – 63 медсестры, организованы и проходили обучение 18 санитарных дружин и 27 санитарных постов. За годы войны в Хабаровском крае медико-санитарную подготовку прошли 132,2 тыс. чел.²¹⁹

Подготовка медицинских кадров шла также и на шестимесячных курсах медсестёр и трехмесячных курсах санитарок. Санитарные посты, краткосрочные курсы медицинских сестёр и учебно-санитарные дружины, широко вовлекая в них работниц, служащих и домашних хозяек – жён рабочих и служащих, создавались на предприятиях, в учреждениях, колхозах. Их задачами были оказание первой медицинской помощи пострадавшим от воздушных налётов противника, а также санитарно-профилактическая работа среди населения.

В Хабаровском крае за годы войны сдали нормы по программе «Готов к санитарной обороне СССР» и «Будь готов к санитарной обороне СССР» более 300 тыс. чел.²²⁰ Многие сандружинницы и медицинские сёстры, прошедшие подготовку по линии Красного Креста, привлекались к работе в медицинских учреждениях. В частности, большинство эвакуогоспиталей было укомплектовано данными специалистами.

В Приморском крае за 1942–1943 гг. в школах сдали нормы ГСО 1-й ступени 5,3 тыс. учеников и ГСО 2-й ступени – 299 учеников. В 1944 г. в г. Владивосток подготовлена 21 тыс. значкистов ГСО, из них 16 тыс. – взрослое население и почти 5 тыс. – школьники. В свою очередь, значкистов БГСО подготовлено 3,5 тыс. чел. За 1-й квартал 1945 г. в двух городах Приморского края, Владивостоке и Артёме, подготовлено более 8 тыс. значкистов ГСО, создано 328 санитарных постов и звеньев²²¹.

Во время подготовки к войне с Японией работа организаций Красного Креста Дальнего Востока активизировалась. В этот период в г. Благовещенск развернуто и переведено на казарменное положение 13 сандружин. Они работали в госпиталях, переносили прибывающих из районов боевых действий раненых в приёмные палаты. Ко всем госпиталям прикрепляли по 3–4 организации РОКК, которые устанавливали круглосуточное дежурство в палатах. Более 300 сандружинниц Амурской области работали в военных госпиталях и на передовой линии фронта. Около 100 медицинских сестёр участвовали в боевых действиях на о-ве Сахалин. В Хабаровске в госпиталях работали около 1 тыс. членов Красного Креста.

Активную помощь оказали 4,5 тыс. доноров, из них 3,4 тыс. девушки-комсомолки. На фронт было отправлено 98 л крови за первую неделю войны с Японией. Почти ко всем госпиталям в Хабаровске были прикреплены группы доноров по 25–40 чел. Всего в работе, связанной с боевыми действиями, приняли участие 29 тыс. чел.²²²

Во время войны общество Красного Креста проводило систематическую работу по подготовке населения Дальневосточного региона к оказанию медико-санитарной помощи и взаимопомощи. Дальневосточники приобрели специальность медицинских сестёр, участвовали в донорском движении. Это помогло своевременно обеспечить фронтовые и тыловые лечебные учреждения квалифицированными медицинскими работниками. Санитарные дружины и санитарные посты, созданные из членов РОКК, помогали органам здравоохранения в проведении различных профилактических мероприятий среди гражданского населения, следили за санитарным состоянием населённых пунктов, дежурили на вокзалах, в местах наиболее массового скопления людей, что позволило избежать эпидемий.

На советском Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны сложилась целостная система военного обучения населения, позволившая подготовить стратегический резерв. Тысячи дальневосточников в годы войны овладели военными специальностями через систему всеобуча, добровольные общества. Эффективность их деятельности зависела от комплексного сочетания политических и организационных мероприятий местных партийных структур и военных комиссариатов. Подготовка кадров в военно-учебных заведениях и воинских соединениях Дальневосточного фронта менялась в зависимости от ситуации на советско-германском фронте. Подготовка боевых резервов сыграла важную роль в укреплении Дальневосточного региона.

* * *

Секретные стенограммы заседаний японского правительства и императорской ставки свидетельствовали о том, что Япония не собиралась следовать положениям пакта о нейтралитете с СССР. Непрерывно усложнявшаяся политическая обстановка потребовала проведения организационных мероприятий на государственном уровне, направленных на повышение обороноспособности восточных районов страны. С учетом экономического и военного потенциала разрабатывались оперативные документы, которые определяли планы обороны государственной границы, порядок использования Вооруженных Сил СССР. Учитывались боеготовность и воинское мастерство личного состава Дальневосточного

фронта, Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии. Стратегическое развёртывание сухопутных формирований и соединений военно-морского флота, их количественный и качественный состав сохраняли паритетное начало с вероятным противником, что являлось сдерживающим фактором для милитаристской Японии.

Ссылки и примечания

- ¹ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2013. С. 150, 151.
- ² Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией (9 августа–3 сентября 1945 г.). М., 1949. С. 6.
- ³ Сб. материалов по опыту боевой деятельности военно-морских сил Союза ССР. М., 1947. № 33. С. 18, 20, 27.
- ⁴ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 579. Л. 55–56, 73, 203, 215, 273; Ф. 26. Оп. 20. Д. 83. Л. 215.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245–6. Л. 106, 107; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 51.
- ⁶ Командный, начальствующий состав соединений и частей Военно-Морского флота Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: краткий справочник. М., 1971. С. 436, 450–451.
- ⁷ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 2013. С. 154.
- ⁸ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022. Л. 121–122 об.; Ф. 2450. Оп. 4. Д. 17. Л. 50, 63–64; Д. 58. Л. 193; Д. 105. Л. 93–104 (подсчит. авт.).
- ⁹ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 1. Л. 1–4, 39–44 (подсчит. авт.).
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 239. Л. 50; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 51 об.
- ¹¹ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 183.
- ¹² Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск, 2003. С. 480.
- ¹³ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота... С. 7.
- ¹⁴ Вишневецкий Н.В. Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны: краткий энциклопедический справочник. Изд. 2-е, доп. Южно-Сахалинск: ООО «Символ ДВ – Сахалин», 2010. С. 118.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 325. Л. 117–121 (подсчит. авт.).
- ¹⁶ ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1001. Л. 3–5 (подсчит. авт.).
- ¹⁷ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 218. Л. 451 (подсчит. авт.).
- ¹⁸ ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–9, 21, 77–78; Д. 226. Л. 266; Д. 773. Л. 2, 38; Д. 812. Л. 13.
- ¹⁹ ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 765. Л. 178–181.
- ²⁰ Список начальствующего состава ВМС РККА (по состоянию на 1 мая 1928 г.) пункт 455. Л., 1928. С. 67; Кобылинский Л.В. Командный и начальствующий состав Гидрографической службы Тихоокеанского флота (1856–2014). Биографический справочник. СПб.: ООО «Типография Феникс», 2014. С. 50–61.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.
- ²² РГА ВМФ. Ф. Р-1004. Оп. 2 с. Д. 82. Л. 35.
- ²³ Кобылинский Л.В. Командный и начальствующий состав Гидрографической службы Тихоокеанского флота... С. 497; Текущий архив Гидрографической службы Тихоокеанского флота; Корабли и вспомогательные суда советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.): справочник / С.С. Бережной, Т.Д. Лысикова, В.С. Гигаури и др. М., 1981. 589 с., ил.
- ²⁴ Текущий архив Гидрографической службы Тихоокеанского флота.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1004. Оп. 2 с. Д. 82. Л. 35; Д. 83. Л. 8–12.
- ²⁶ Текущий архив Гидрографической службы Тихоокеанского флота.

- ²⁷ Кобылинский Л.В. Командный и начальствующий состав Гидрографической службы Тихоокеанского флота... С. 62–63; История Гидрографической службы Российского флота в 4 т. Т. 2. Гидрографическая служба Российского флота (1917–1996 гг.) / гл. ред. В.Г. Романов. СПб., 1997. С. 223.
- ²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 117. Л. 23–35; Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 62. Л. 335, 338; Ф. Р-1004. Оп. 2с. Д. 216. Л. 57–59.
- ²⁹ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 22. Л. 68; Д. 24. Л. 12.
- ³⁰ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
- ³¹ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 7. Ед. хранен. 1. Д. 3. Л. 182.
- ³² ЦВМА МО РФ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 77. Л. 2.
- ³³ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 3. Л. 270, 320.
- ³⁴ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 7. Д. 1. Л. 171.
- ³⁵ Записки по гидрографии, приложение к № 273. СПб., 2007. С. 157.
- ³⁶ Москалев Н.Г. Страницы истории Тихоокеанского флота России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 94; История Гидрографической службы Российского флота в 4 т. Т. 2. Гидрографическая служба... С. 168.
- ³⁷ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 18. Л. 459–466; Д. 19. Л. 149.
- ³⁸ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.
- ³⁹ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–22.
- ⁴⁰ Гидрографы в ВОВ. 1941–1945 гг. Л.: ГУНиО МО, 1975. С. 364.
- ⁴¹ Кобылинский Л.В. Гидрографические и гидрометеорологические исследования Тихого океана: Гидрографическая служба ТОФ: 1856–2006. СПб., 2006. С. 117–118.
- ⁴² Гидрографы в ВОВ. 1941–1945 гг. Л.: ГУНиО МО, 1975. С. 359.
- ⁴³ История Гидрографической службы Российского флота. В 4 т. Т. 2. Гидрографическая служба... С. 155.
- ⁴⁴ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 3. Л. 351.
- ⁴⁵ ЦВМА МО РФ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 18. Л. 134, 161, 165; Д. 19. Л. 37, 41–43, 50–52, 134, 161, 165, 387; Д. 22. Л. 68; Д. 24. Л. 82, 86.
- ⁴⁶ 150 лет гидрографической службе Военно-Морского флота, исторический очерк. Л.: ГУНиО МО, 1977. С. 167.
- ⁴⁷ 150 лет Гидрографической службе Военно-Морского Флота... С. 169.
- ⁴⁸ Гидрографы в ВОВ. 1941–1945 гг. С. 354.
- ⁴⁹ Гидрографы в ВОВ. 1941–1945 гг. С. 353.
- ⁵⁰ ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Гра-ница, 2015. С. 19, 329.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 17. Л. 1а.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16 а. Д. 755. Л. 3; Оп. 25 а. Д. 916. Л. 84.
- ⁵⁴ РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 2. Д. 149. Л. 180.
- ⁵⁵ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 27. Д. 8. Л. 65–66; Оп. 22с. Д. 3. Л. 3.
- ⁵⁶ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 96. Л. 3, 78.
- ⁵⁷ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 198. Л. 5.
- ⁵⁸ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 10 с. Л. 2.
- ⁵⁹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 10с. Л. 5.
- ⁶⁰ Григоренко Ф.А. История развития спасательных судов и средств Российского флота: монография. Владивосток, 2007. С. 28.
- ⁶¹ РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 164. Л. 5
- ⁶² Шабельникова Н.А. Морская спасательная служба Дальнего Востока России: к вопросу о формировании нового направления в отечественной региональной историографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 307–313.
- ⁶³ РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

- ⁶⁴ РГАВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 59. Л. 21.
- ⁶⁵ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Дело фонда № 94. Выписка из исторической справки. Л. 5; Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 22 с. Д. 3. Л. 1; Оп. 21. Д. 198. Л. 5.
- ⁶⁶ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Дело фонда № 94. Выписка из исторической справки. Л. 5.
- ⁶⁷ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 67. Л. 400–410.
- ⁶⁸ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2628. Оп. 2. Д. 15. Л. 98; Д. 19. Л. 5, 11; Ф. 436. Оп. 21. Д. 500. Л. 27.
- ⁶⁹ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Дело фонда № 94. Выписка из исторической справки. Л. 5.
- ⁷⁰ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 198. Л. 5; Д. 503. Л. 254.
- ⁷¹ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Дело фонда № 94. Выписка из исторической справки. Л. 18.
- ⁷² Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 443. Л. 67.
- ⁷³ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 443. Л. 68.
- ⁷⁴ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 443. Л. 69.
- ⁷⁵ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 443. Л. 70.
- ⁷⁶ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 443. Л. 77, 78.
- ⁷⁷ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 136–139.
- ⁷⁸ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 141–143.
- ⁷⁹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 144, 145, 146.
- ⁸⁰ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 149.
- ⁸¹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73. Л. 184.
- ⁸² Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 497. Л. 26.
- ⁸³ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Архивная выписка из исторической справки 434 отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы Владимиро-Ольгинской военно-морской базы Тихоокеанского флота. Л. 1.
- ⁸⁴ Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток) филиала ЦАМО РФ. Архивная выписка из исторической справки 436-го отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы (15-я аварийно-спасательная группа) Южно-Сахалинского военно-морской базы Тихоокеанского флота.
- ⁸⁵ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 436. Оп. 21. Д. 497. Л. 37.
- ⁸⁶ Бочков Е.А., Капшитар В.Г. Развитие системы тылового обеспечения РККА накануне Великой Отечественной войны // Военная мысль. № 9. 2005. С. 58; Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–21 июня 1941 г. М.: Терра, 1994. Т. 13. С. 117–119.
- ⁸⁷ Золотарев В.А., Шломин В.С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2 кн. М.: АСТ, 2004. Кн. 1. С. 47.
- ⁸⁸ Справочник по продовольственной службе для начальствующего состава Красной Армии. М.: Воениздат, 1940. С. 15.
- ⁸⁹ РГА ВМФ. Р-1678. Оп. 1. Д. 96. Л. 99–100.
- ⁹⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.
- ⁹¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–3; Д. 225. Л. 166; Д. 226. Л. 129–130; Д. 986. Л. 3.
- ⁹² Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 278–279.
- ⁹³ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 88. Л. 52.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 88. Л. 51–55.
- ⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 174. Л. 38, 117, 417, 453.
- ⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 119. Л. 204.
- ⁹⁷ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 173–174; РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 174. Л. 38–39.
- ⁹⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 226. Л. 112.
- ⁹⁹ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 88. Л. 43.

- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 81. Л. 31–32.
- ¹⁰¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 143. Л. 17–18.
- ¹⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 119. Л. 204, 214.
- ¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 7. Д. 26. Л. 21.
- ¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 126. Л. 3; Д. 119. Л. 173–174.
- ¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 126. Л. 2–3.
- ¹⁰⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 986. Л. 80–81.
- ¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 174. Л. 16–17, 38, 91.
- ¹⁰⁸ Кривчиков В.М. Состояние запасов продовольствия, предназначенных для войск Западного военного округа, накануне Великой Отечественной войны // Ученые записки. 2014. Т. 18. С. 56–57.
- ¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–19.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 194–196.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 53–60.
- ¹¹² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.
- ¹¹³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 986. Л. 112, 116–122.
- ¹¹⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1242. Л. 204.
- ¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 43. Л. 172–174.
- ¹¹⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 980. Л. 29.
- ¹¹⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 692. Л. 191.
- ¹¹⁸ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 204–205.
- ¹¹⁹ Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / сост. А.В. Полутов. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 234.
- ¹²⁰ ГАПК. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 24–28.
- ¹²¹ Краснознаменный Дальневосточный: история Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М.: Воениздат, 1985. С. 146.
- ¹²² Вишневский Н.В. Сахалин и Курильские острова во время Второй мировой войны. Краткий энциклопедический справочник. Южно-Сахалинск, 2000. С. 99.
- ¹²³ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1977. С. 326–327.
- ¹²⁴ Краснознаменный Дальневосточный: история Краснознаменного Дальневосточного... С. 146.
- ¹²⁵ ЦАМО. Ф. 9922. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
- ¹²⁶ ЦАМО. Ф. 9922. Оп. 1. Д. 2. Л. 117–122.
- ¹²⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1491. Л. 64.
- ¹²⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 16; Д. 385. Л. 24.
- ¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 368. Л. 109–126.
- ¹³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 97.
- ¹³¹ Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2012. С. 186.
- ¹³² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 244. Л. 284–290.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 531. Л. 79.
- ¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 491. Л. 107–108.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 491. Л. 107–108.
- ¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 491. Л. 107–108.
- ¹³⁷ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 87. Л. 194.
- ¹³⁸ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне... С. 326–327.
- ¹³⁹ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне... С. 326–327.
- ¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 421. Л. 66, 84.
- ¹⁴¹ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне... С. 326–327.
- ¹⁴² Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. Чкалов, 1942. С. 41.
- ¹⁴³ История Второй Мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 203.

- ¹⁴⁴ Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13. М., 1997. С. 28.
- ¹⁴⁵ Дудаков А. Рожденный в тридцатых. Хабаровск, 2001. С. 28; Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005. С. 96; Фомина Н.В. Становление и развитие военного образования в Дальневосточном регионе советского государства (1922–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007. С. 22–23.
- ¹⁴⁶ Ткачёва Г.А. Подготовка военно-обученного резерва на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Владивосток, 2010. С. 56.
- ¹⁴⁷ ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35036. Д. 1. Л. 3; Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений дальневосточного региона в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Записки Гродековского музея. Вып. 19. Хабаровск, 2007. С. 134.
- ¹⁴⁸ ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35036. Д. 1. Л. 8; Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений... С. 134; Дальневосточный военный институт. Краткий исторический очерк. Благовещенск, 2000. С. 15.
- ¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35036. Д. 1. Л. 3, 8; Д. 3. Л. 35.
- ¹⁵⁰ Дальневосточный военный институт. С. 19; ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35037. Д. 40. Кор. 258. Л. 62.
- ¹⁵¹ ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35036. Д. 1. Л. 8, 187.
- ¹⁵² Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений... С. 137; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 86.
- ¹⁵³ ЦАМО. Ф. 60096. Оп. 35188. Д. 1. Л. 6–7.
- ¹⁵⁴ ЦАМО. Ф. 60097. Оп. 35190. Д. 1. Л. 1, 4, 4 об.; Д. 3. Л. 4 об.; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара... С. 182; Подвиги их бессмертны. Хабаровск, 1985. С. 165.
- ¹⁵⁵ ЦАМО. Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 3. Л. 2, 40; Ф. 238. Оп. 1585. Д. 18. Л. 245.
- ¹⁵⁶ ЦАМО. Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 1. Л. 13а-13б; Д. 3. Л. 6; Д. 20. Л. 22.
- ¹⁵⁷ ЦАМО. Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 3. Л. 8–13.
- ¹⁵⁸ ЦАМО. Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 20. Л. 177 об-186.
- ¹⁵⁹ ЦАМО. Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 3. Л. 15–16.
- ¹⁶⁰ ЦАМО. Ф. 60014. Оп. 35027. Л. 125; Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 20. Л. 81; Ф. 60231. Оп. 35659. Л. 2; Ф. 238. Оп. 1585. Д. 18. Л. 143.
- ¹⁶¹ ЦАМО. Ф. 60231. Оп. 35659. Л. 2; Ф. 238. Оп. 1585. Д. 18. Л. 143.
- ¹⁶² ЦАМО. Ф. 60155. Оп. 35233. Д. 3. Л. 57, 64.
- ¹⁶³ ЦАМО. Ф. 60155. Оп. 35234. Д. 3. Л. 9 об.; Д. 1. Л. 5; Оп. 35233. Д. 3. Л. 4, 11 об., 12 об., 21, 59, 60, 218.
- ¹⁶⁴ ЦАМО. Ф. 60155. Оп. 35233. Д. 3. Кор. 6369. Л. 64–67; Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений... С. 138–139.
- ¹⁶⁵ Крицкий Н.Н. Подготовка офицеров флота Тихоокеанским ВВМУ во время войны 1941–1945 гг. // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917–60-е годы XX в. Кн. 3. Владивосток, 2005. С. 62–63.
- ¹⁶⁶ Бурый В.А. Подготовка военных кадров в ТОВВМУ имени С.О. Макарова в период Великой Отечественной войны и участие выпускников училища в боевых действиях в августе – сентябре 1945 г. // Российский флот на Тихом океане: История и современность: материалы Тихоокеанской конф. Владивосток, 1996. С. 113.
- ¹⁶⁷ Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. С. 139; Крицкий Н.Н. Подготовка офицеров флота Тихоокеанским ВВМУ во время войны 1941–1945 гг. С. 64.
- ¹⁶⁸ Бурый В.А. Подготовка военных кадров в ТОВВМУ имени С.О. Макарова в период Великой Отечественной войны... С. 11; Крицкий Н.Н. Подготовка офицеров флота Тихоокеанским ВВМУ во время войны... С. 65.
- ¹⁶⁹ Крицкий Н.Н. Подготовка офицеров флота Тихоокеанским ВВМУ во время войны 1941–1945 гг. С. 66.

- ¹⁷⁰ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 97.
- ¹⁷¹ Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2012. С. 33.
- ¹⁷² Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений... С. 141.
- ¹⁷³ ЦАМО. Ф. 60322. Оп. 35739. Д. 3. Л. 60.
- ¹⁷⁴ ЦАМО. Ф. 60322. Оп. 35739. Д. 3. Л. 7.
- ¹⁷⁵ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 18. Л. 114; Дудаков А. Рожденный в тридцатых. Хабаровск, 2001. С. 28.
- ¹⁷⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 226. Л. 170; Алепко А.В. Подготовка офицерского состава в дальневосточном регионе в годы Великой Отечественной войны // Дальневосточники во Второй мировой войне. Благовещенск, 2011. С. 28.
- ¹⁷⁷ ЦАМО. Ф. 60018. Оп. 35036. Д. 1. Кор. 6034. Л. 8; Оп. 35037. Д. 40. Кор. 258. Л. 187; Ф. 60102. Оп. 35198. Д. 3. Кор. 6327. Л. 15–16; Ф. 60155. Оп. 35233. Д. 3. Кор. 6369. Л. 64–67; Ф. 60322. Оп. 35739. Д. 3. Кор. 6946. Л. 7, 7 об.; Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. ... С. 97; Её же. Подготовка военно-обученного резерва на Дальнем Востоке... С. 58; Фомина Н.В. Деятельность военно-учебных заведений... С. 142; Её же. Становление и развитие военного образования в Дальневосточном регионе советского государства (1922–1945 гг.)... С. 23.
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 35. Л. 113; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. С. 278; Фомина Н.В. К вопросу о подготовке командного состава на Дальнем Востоке России (1918–1945 гг.) // Сборник научных статей адъютантов и соискателей. Хабаровск, 2006. С. 169; История Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1961. Т. 3. С. 221; Полевая академия. М., 1983. С. 133.
- ¹⁷⁹ ЦАМО. Ф. Курсы «Выстрел» ДВО. Оп. 4642291с. Д. 1. Л. 110, 132, 134, 238, 269; Оп. 4642944. Д. 2. Л. 19.
- ¹⁸⁰ ЦАМО. Ф. Школа военных переводчиков восточных языков. Оп. 479799. Д. 1. Л. 2, 4; Ткачёва Г.А. Подготовка военно-обученного резерва на Дальнем Востоке... С. 61.
- ¹⁸¹ ЦАМО. Ф. Курсы усовершенствования врачей ДВФ. Оп. 199449с. Д. 1. Л. 2, 17–19, 15, 21, 23–25.
- ¹⁸² ЦАМО. Ф. Окружные интендантские курсы ДВФ. Оп. 76680. Д. 9. Л. 1 об., 44–46.
- ¹⁸³ ЦАМО. Ф. Дальневосточные курсы усовершенствования офицерского состава связи. Оп. 452277. Д. 1. Л. 1, 3–4, 13–15.
- ¹⁸⁴ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 17. Л. 2–3; Д. 23. Л. 27, 44; ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 709. Л. 87; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 979. Л. 63; Д. 1239. Л. 126 об.
- ¹⁸⁵ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 23. Л. 28, 50; Д. 43. Л. 125–126; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1252. Л. 66.
- ¹⁸⁶ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 639. Л. 21; Д. 127. Л. 329.
- ¹⁸⁷ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 70. Л. 25; Д. 127. Л. 352; Д. 303. Л. 38–39, 56, 74; Д. 350. Л. 16.
- ¹⁸⁸ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 127. Л. 60, 66, 124, 172; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1239. Л. 73; Д. 1243. Л. 85; Д. 1252. Л. 73–74.
- ¹⁸⁹ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 639. Л. 21; Программа начальной подготовки бойца стрелка. Хабаровск, 1943. С. 7.
- ¹⁹⁰ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 303. Л. 201, 219, 298 об.; Д. 815. Л. 1, 3; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1490. Л. 352; Д. 2021. Л. 4.
- ¹⁹¹ Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 105.
- ¹⁹² Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005. С. 121.
- ¹⁹³ Зуев В.Н., Логинов В.А. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта. М., 2008. С. 49.
- ¹⁹⁴ ГАПК. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 1; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 942. Л. 199–204; Козлов А.Г. Магадан: Предвоенное и военное время (1939–1945). Ч. 2. Магадан, 2002. С. 44.
- ¹⁹⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 942. Л. 199; Д. 1239. Л. 134; Оп. 3. Д. 190. Л. 70 об., 97 об.; Ф. Р-815. Оп. 2. Д. 57. Л. 36; ГИАСО. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 67; Лысунец В.А. Спортивное движение в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны // Экономика, право, история в школах Хабаровского края. 2005. № 1. С. 28.

- ¹⁹⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 208. Л. 107–108, 112; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 56. Л. 65; Оп. 5. Д. 168. Л. 18.
- ¹⁹⁷ Лысунец В.А. Спортивное движение в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны. С. 27.
- ¹⁹⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 48 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245 б. Л. 105; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34, Д. 56, Л. 65; Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 313, 314.
- ¹⁹⁹ Лысунец В.А. Спортивное движение в Хабаровском крае... С. 29.
- ²⁰⁰ Амурская область в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Благовещенск, 1976. С. 86–87; Гутиев Р.Г. Военно-лыжная подготовка населения Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы Второй Дальневост. междуз. науч. конфер. по истории советского Дальнего Востока. 1967. С. 180–181; Молодёжь – на лыжи. Обращение комсомольцев Хабаровского края ко всей молодёжи страны // Тихоокеанская звезда. 1941. 12 дек.
- ²⁰¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1243. Л. 130; Гутиев Р.Г. Военно-лыжная подготовка населения Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны... С. 181.
- ²⁰² ГИАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 42 об.
- ²⁰³ ЦАМО. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 312. Л. 44; ГАПК. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 48 об.; Ф. П-617. Оп. 2. Д. 18. Л. 26; ГИАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 100.
- ²⁰⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 190. Л. 19, 97; Д. 208. Л. 8 об., 85, 139; Оп. 1. Д. 1660. Л. 11, 14; Д. 1846. Л. 160 об.
- ²⁰⁵ ГАХК. Ф. П-617. Оп. 2. Д. 18. Л. 25; Гутиев Р.Г. Военно-лыжная подготовка населения Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны... С. 183.
- ²⁰⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 62. Л. 104; Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 125; Камчатская область в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и материалов о трудовом подвиге камчатцев в 1941–1945 гг. Петропавловск-Камчатский, 1975. С. 106.
- ²⁰⁷ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941–1945 гг.): документы и материалы. М., 1970. С. 45.
- ²⁰⁸ История Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 55.
- ²⁰⁹ Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 108.
- ²¹⁰ ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 2. Л. 19–22.
- ²¹¹ Кононов В.С. Оборонные организации. Хабаровск: Кн. изд-во, 1968. С. 7.
- ²¹² Трудный путь к победе... С. 176, 197, 203.
- ²¹³ ГАПК. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 668. Л. 112; Гоголев Н.А. Дальневосточники – фронту. С. 10.
- ²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245 б. Л. 106; ГААО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 367. Л. 3 об.; Амурская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Благовещенск, 1976. С. 42; Камчатская область в годы Великой Отечественной войны... С. 112.
- ²¹⁵ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР... С. 333.
- ²¹⁶ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. и материалов. М., 1977. С. 31.
- ²¹⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 981. Л. 7; Ф. 617. Оп. 2. Д. 16. Л. 8; Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ... С. 31; Кононов В.С. Оборонные общества. С. 16.
- ²¹⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 981. Л. 16, 18.
- ²¹⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 981. Л. 41; Д. 1238. Л. 191; Д. 1239. Л. 131 об., 134.
- ²²⁰ ГАХК. Ф. 617. Оп. 2. Д. 16. Л. 16; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1239. Л. 131 об., 140 об.; Д. 1243. Л. 105–106; Д. 1531. Л. 48 об.; Д. 2021. Л. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245 об. Л. 105; Кононов В.С. Оборонные общества. С. 10.
- ²²¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 6. Л. 44 об.; Оп. 34. Д. 56. Л. 64, 99, 150.
- ²²² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 2021. Л. 10–11; Оп. 3. Д. 208. Л. 16 об., 137; Ежеля У.В. Женщины Дальнего Востока в годы военных испытаний 1941–1945 годов (в контексте российской истории XX века) // История и культура Приамурья. № 1 (7). 2010. С. 31; Кононов В.С. Оборонные организации. С. 11, 30; Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР... С. 123–124.

Иллюстрации гл. 9, п. 9.1

Аэростаты заграждения над бухтой Золотой Рог. г. Владивосток, 1943 г.

Жители Владивостока на рытье противотанкового рва. 1941 г.

Жители Владивостока на строительстве укреплений. 1941 г.

Командующий Дальневосточным
фронтом генерал армии
И.Р. Апанасенко. г. Хабаровск, 1943 г.

Командующий Дальневосточным
фронтом генерал армии М.А. Пуркаев.
1944 г.

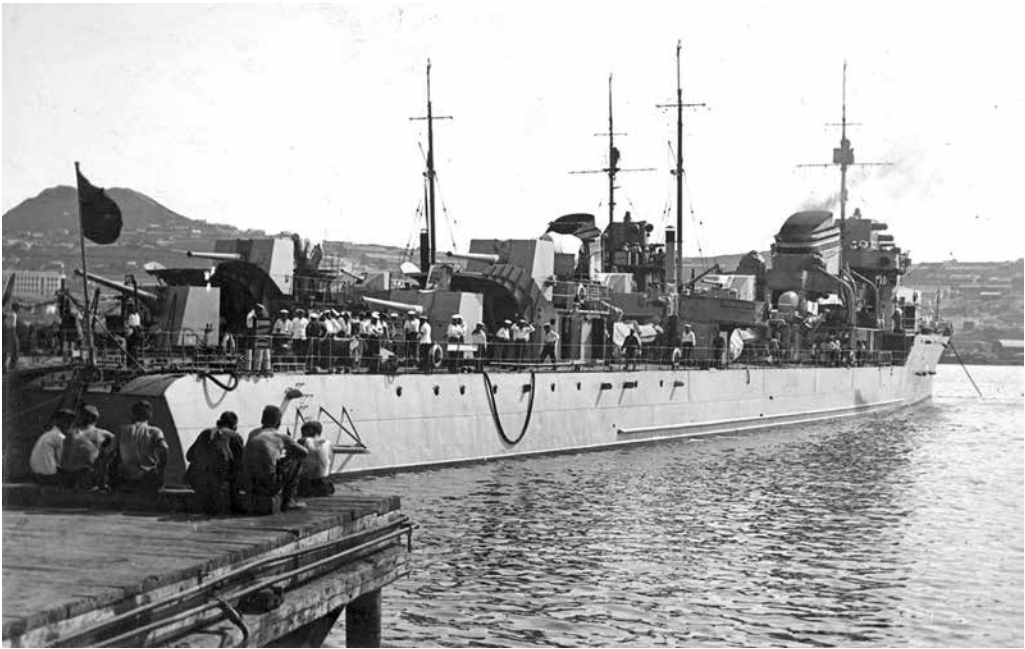
Командующий Тихоокеанским флотом адмирал И.С. Юмашев.
1944 г.

Начальник береговой обороны Тихоокеанского флота генерал-лейтенант С.И. Кабанов. 1943 г.

Часовой краснофлотец у первой башни 305-мм береговой батареи № 981 им. наркома К.Е. Ворошилова. о-в Русский, 1944 г.

Эсминцы «Рьяный» и «Резвый» Тихоокеанского флота в бухте Золотой Рог. 1940-е гг.

Иллюстрации гл. 9, п. 9.3

Водолаз Шкуратов в процессе спуска под воду с борта ВРД-35. Учения АСО (ЭПРОН) ТОФ по подъему подлодки «Л-17». о-в Русский, 11 июля 1942 г.

Военнослужащие ЭПРОН ТОФ. г. Владивосток, 1941 г.

Изучение последствий затопления подлодки «Щ-139».
зал. Владимир, бухта Ракушка, 1945 г.

Подлодка «Л-17» после всплытия. Учения АСО (ЭПРОН) ТОФ по подъему подлодки «Л-17». о-в Русский, 11 июля 1942 г.

Иллюстрации гл. 9, п. 9.5

Выпускник Вознесенской военно-авиационной школы пилотов, летчик 79-й смешанной авиационной дивизии Горбачев Константин Петрович.
1950-е гг.

Генерал-майор И.М. Чистяков.
В 1940–1941 гг. начальник Владивостокского пехотного училища.
1942 г.

Первый выпуск курсантов ТОВВМУ г. Владивосток, 1941 г.

Иллюстрации гл. 9, п. 9.6

Военно-санитарная дружина РОКК. 1941 г.

Группа самозащиты г. Владивостока на строевых занятиях. 1942 г.

Группа самозащиты г. Владивостока. 1942 г.

Санитарная дружина г. Хабаровска на тренировочных сборах. г. Хабаровск, 1941 г.

Студенты
г. Хабаровска на
занятиях Всеобуча.
г. Хабаровск, 1942 г.

Учащиеся
ремесленного
училища № 2 на
строевых занятиях.
1943 г.

Глава 10

ВОЙНА СССР С ЯПОНИЕЙ. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

10.1. Советско-японское противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В 1920–1940-е гг. Япония последовательно претворяла радикальную националистическую идею создания «великой Восточноазиатской сферы совместного процветания» как противовес версальско-вашигтонской системе международных отношений. В её рамках сформировались две доктрины: «Нансин-Рон» – установление контроля над французским Индокитаем, Филиппинами, Индонезией, Малайзией, островами Тихого океана и «Хокусин-Рон» – над Китаем и Маньчжурией¹.

В докладе премьер-министра Хирота Коки 15 августа 1936 г. определялось, что «...именно в соответствии с основополагающими принципами Империи мы должны стремиться называться и фактически стать стабилизирующей силой для обеспечения мира в Восточной Азии, что в конечном итоге будет способствовать миру и благополучию человечества. Основополагающая национальная политика для Японии, продиктованная преобладающей внутренней и международной ситуацией, заключается в обеспечении прочной дипломатической и оборонительной позиции на Восточноазиатском континенте и распространении национального влияния на Южные моря»².

Принципы национальной политики по отношению к СССР предусматривали «...ликвидацию угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путём здорового развития Маньчжоу-го и укрепления японо-маньчжурской обороны», «...упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны: военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-го и Корее континентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооружённым силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и, в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооружённым силам Советского Союза»³.

Нестабильность политической системы Японии обусловила у японской элиты отсутствие единства взглядов в отношениях с Советским Союзом. С одной стороны, развивались экономические связи, работали японские концессии на Северном Сахалине, японским промышленникам предоставлялись в советских территориальных водах рыбопромысловые участки, с другой – представители радикальных кругов открыто заявляли, что «...расхождения между СССР и Японией – расхождения в принципах, которые нельзя примирить» и «...война рано или поздно неизбежна»⁴.

Оккупация Маньчжурии, создание государства Маньчжоу-го и вторжение в Китай рассматривались как необходимый элемент подготовки к войне. Ситуация усугублялась наличием русской диаспоры, значительная часть которой имела тесные связи с японскими спецслужбами и была готова продолжать вооружённую борьбу против советской власти. Японская военная разведка курировала деятельность Всероссийской фашистской партии и Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), контролировала русских эмигрантов и использовала их для разведывательно-диверсионной деятельности на территории СССР в интересах японского и маньчжурского правительства. Из их числа сформировали подразделение численностью 3,5 тыс. чел., получившее неофициальное название «Бригада Асано» (по имени командира, полковника Квантунской армии Асано Макото)⁵.

Радикализм части офицерского состава Квантунской группировки войск делал неизбежными столкновения на советско-маньчжурской границе, каждое из которых могло перерасти в вооружённый конфликт. В 1938–1939 гг. Генеральный штаб Императорской армии разработал и утвердил оперативный план № 8, или план «Хати-Го», согласно которому в течение ближайших пяти лет должна быть подготовлена и проведена крупномасштабная наступательная операция по оккупации Сибири и Дальнего Востока. При наступлении предполагалось задействовать до 20 пехотных дивизий для прорыва советской обороны в направлении на Владивосток, Ворошилов (Уссурийск), Иман (Дальнереченск) и до 25 дивизий – в Байкальском направлении⁶.

Япония стремилась создать на территории Маньчжурии милитаризованную экономику, подготовиться к боевым действиям против Советского Союза. Первоочередное внимание уделялось коммуникациям с возможностью быстрой переброски войск при передислокации как внутри Маньчжоу-го, так и при доставке подкреплений из метрополии. Предполагалось создать инфраструктуру на морском побережье – в городах Инкоу, Антунг и Хулудао, проложить свыше 14 тыс. км новых железнодорожных линий, доведя их до 25 тыс. км, а протяжённость шоссейных дорог – до 60 тыс. км⁷.

Под протекторатом Маньчжурской авиационной компании планировалось создать авиационную транспортную сеть – 3,5 тыс. км. Ключевое значение имела Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, которая контролировала большую часть железнодорожных перевозок и являлась главным проводником японского влияния в данном регионе. Она получила контракт на строительство железнодорожных веток Тунхуа – Туманган, Лафа – Харбин и Тайтунг – Хайлунь на общую сумму 100 млн иен⁸.

Руководство Японии требовало увеличения экспорта стратегического сырья из Маньчжурии на предприятия японского военно-промышленного комплекса, ужесточило налоговую политику для населения, одновременно вводя льготы для компаний, имевших большое значение для военной промышленности. Управление по специальным вопросам при штабе Квантунской группировки войск в составе исследовательского отдела и комитетов финансов, коммерции и кредитов, транспорта и коммуникаций, агрокультуры и лесных ресурсов, горнодобывающей и машиностроительной промышленности контролировало выпуск продукции⁹.

Руководству Японии удавалось сохранять высокие темпы роста в металлургической и добывающей промышленности. Если в 1937 г. объёмы производства

основных видов продукции металлургической промышленности составляли порядка 2029 тыс. т, то к 1941 г. они увеличились до 2888 тыс. т, т.е. более чем в 1,4 раза. Добыча основных видов ресурсов горнодобывающей промышленности (железная руда, уголь) возросла с 16 643 тыс. т в 1937 г. до 27 893 тыс. т – в 1941 г. (примерно в 1,7 раза). Пик производства приходится на 1943 г. – 3774 тыс. т в металлургической промышленности и 30 722 тыс. т – в горнодобывающей. К 1944 г. производственные показатели снизились в металлургии и добыче угля и железной руды, что обуславливалось общим кризисом японской экономики на фоне перелома в войне на Тихом океане, снижением инвестиций в экономику Маньчжоу-го, мобилизацией работников в вооружённые силы (табл. 10.1.1).

Таблица 10.1.1. Основные показатели производства в горнодобывающей и металлургической промышленности Маньчжоу-го в 1937–1944 гг.

Показатели	Годы							
	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Чугун в чушках, тыс. т	811	857	1023	1062	1388	1340	1710	1159
Сталь в слитках, тыс. т	516	585	525	532	561	738	843	439
Стальные изделия, тыс. т	456	534	459	467	522	509	718	396
Прокатная сталь, тыс. т	246	349	353	386	410	448	495	284
Уголь, тыс. т	14 387	15 988	19 401	21 120	24 190	24 169	25 320	25 627
Железная руда, тыс. т	2256	2695	3075	2977	3703	4414	5402	3758
Электроэнергия, 1000 кВт/ч	-	-	-	-	3 081 818	3 700 000	4 475 000	4 450 000
Алюминий, т	-	900	3200	-	7900	7400	8600	7600

Источники. Myers R.H. The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945 // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. University of Washington, 1960. P. 137–138, 144, 283; Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1990. С. 225 (сост. авт.).

Несмотря на то что запланированное экономическое развитие северо-восточных территорий не было выполнено, удалось добиться значительного прироста объёмов промышленного производства. По разным данным, в 1943–1944 гг. поставки Маньчжоу-го составляли: чугуна от 20,5 до 43% от его производства в Японии, от 30 до 34% – каменного угля, 70% – железной руды, 16% – стали, 20% – магния¹⁰. По американским оценкам металлургические заводы в Аншане давали 45,7% кокса для промышленности Японии, поэтому включили эти и другие объекты в Маньчжурии в список приоритетных целей для стратегической авиации¹¹.

В 1944–1945 гг., после потери оккупированных территорий в Юго-Восточной Азии, Маньчжурия стала главной и единственной промышленной и ресурсной базой Японии, и она рассматривала возможность эвакуации предприятий военно-промышленного комплекса с японских островов на территорию Маньчжурии. Несмотря на налёты авиации союзников на металлургические заводы в Аншане, авиазавод и арсенал в Мукдене, нанести серьёзный урон промышленности Маньчжоу-го не удалось.

Маньчжурия как тыловой регион обеспечивала Японию сельскохозяйственной продукцией. В 1937–1944 гг. происходило увеличение посевных площадей под основные виды сельскохозяйственных культур с 12 200 542 га в 1937 г. до 15 527 669 га в 1941 г. и до 15 886 000 га в 1944 г. (табл. 10.1.2). С началом войны на Тихом океане правительством Маньчжоу-го для производителей были установлены нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, при этом климатические факторы не учитывались, закупочные цены искусственно занижались в 3–4 раза. За невыполнение норм поставок местные жители подвергались репрессиям. Подобная политика вела к тому, что производители отказывались от культур, требовавших больших затрат и усилий: пшеницы, сои, риса, компенсируя это увеличением посевных площадей под менее трудоемкие культуры: просо, кукурузу, гаолян¹². Так, посевные площади пшеницы в 1944 г. снизились более чем в 2,5 раза от уровня 1939 г., риса в 1942 г. – в 2 раза по сравнению с 1941 г.

Увеличение посевных площадей, лежавшее в основе аграрной политики японского правительства в Маньчжурии, давало результат лишь в краткосрочной перспективе. В условиях мобилизационной экономики никаких мер по увеличению урожайности с гектара не предпринималось¹³. Однако эксплуатация местного населения и увеличение посевных площадей позволяли получать больше сельскохозяйственной продукции, несмотря на снижение урожая отдельных видов культур. Так, в 1937 г. производство основных видов сельскохозяйственных культур составило 15 948 209 т, в 1941 г. – 17 095 386 т, а в 1944 г. – 18 161 767 т. Таким образом, за 1937–1944 гг. рост объёмов производства составил 13% (табл. 10.1.3).

Увеличение сельскохозяйственного производства Маньчжурии зависело от переселения колонистов из Японии, которые должны были стать опорой японской администрации и рассматривались как мобилизационный резерв, позволявший в кратчайшие сроки увеличить численность войск, не дожидаясь переброски их из метрополии. Согласно разработанному плану предполагалось вначале переселить 100 тыс. семей. Для поддержки переселенцев государством выделялись субсидии из расчёта 1000 иен (270 долл. США) на семью. Кроме того, Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, выделяла 7 акров земли и 1320 иен (356 долл. США) на семью, спонсировала строительство дома, закупку сельхозинвентаря¹⁴.

По этой программе за 1932–1936 гг. удалось расселить только 2785 семей, но наличие свободных пахотных земель способствовало разработке новых программ по переселению. В Маньчжурии не обрабатывалось свыше 50 млн акров земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, средняя урожайность зерновых культур с 1 акра не уступала таковой в США¹⁵.

Программа массового переселения начала осуществляться, когда японский парламент одобрил создание Корпорации по развитию Маньчжурии, находившейся под контролем Бюро по колонизации правительства Маньчжоу-го¹⁶.

Таблица 10.1.2. Посевные площади основных видов сельскохозяйственных культур в 1937–1944 гг., га

Виды культур	Годы									
	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944		
Соя	3 590 894	3 869 319	4 008 918	3 723 489	3 552 301	3 450 000	3 192 000	3 370 000		
Гаолян	3 046 007	3 223 929	3 777 247	3 992 899	4 169 650	4 093 000	4 396 000	4 518 000		
Просо	2 613 213	3 734 932	2 762 452	3 524 010	3 897 285	3 645 000	3 846 000	3 964 000		
Кукуруза	1 418 833	1 533 992	1 763 800	2 057 454	2 434 042	2 557 000	3 019 000	3 182 000		
Пшеница	1 216 142	1 288 222	1 350 686	1 040 281	1 033 565	972 000	593 000	526 000		
Рис	315 453	359 025	392 310	430 189	440 826	217 000	320 000	326 000		

Источник. Myers R.H. The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945 // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. University of Washington, 1960. P. 114, 116.

Таблица 10.1.3. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в Маньчжоу-го в 1937–1944 гг., т

Виды культур	Годы									
	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944		
Соя	4 352 475	4 612 05	4 014 008	4 430 935	3 486 313	3 026 251	3 259 068	3 491 358		
Гаолян	4 314 694	4 679 941	4 443 076	4 942 889	5 000 198	4 754 854	5 432 951	5 601 621		
Просо	3 226 131	3 133 855	3 041 622	3 777 226	3 713 231	3 331 890	3 312 501	3 955 092		
Кукуруза	2 239 623	2 400 244	2 333 357	2 821 894	3 228 058	3 189 189	3 939 417	4 076 932		
Пшеница	1 125 951	976 323	892 413	776 593	842 001	693 886	392 490	338 537		
Рис	689 335	749 902	829 731	708 595	825 585	532 402	651 632	698 227		

Источник. Myers R.H. The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945 // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. University of Washington, 1960. P. 113, 115.

Целенаправленно делался акцент на переселение семей колонистов и создание крупных хозяйств, обеспечивающих экономический эффект, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Предполагалось переселение к 1941 г. 70 тыс. семей и 30 тыс. переселенцев-одиночек, к 1957 г. – 5 млн японцев и создание 1 млн хозяйств¹⁷.

К 1941 г. в Маньчжурии обосновались только 42 635 хозяйств японских колонистов, но планировалось, что к 1946 г. здесь должны появиться ещё 220 тыс. переселенческих хозяйств, из них 60 400 хозяйств по программе создания «бригад патриотической молодёжи для освоения Маньчжурии и Монголии»¹⁸. В 1941–1945 гг. наблюдалось резкое снижение численности переселенцев старшего возраста, вызванное, в первую очередь, тяжёлыми климатическими условиями в Маньчжоу-го. Наибольшую часть переселенцев составляла именно молодёжь. Так, если обычные переселенцы в данный период основали 17 267 хозяйств, то «бригады патриотической молодёжи» – 57 100 хозяйств¹⁹. Общее количество членов «бригад патриотической молодёжи», отправленных в Маньчжурию в 1938–1945 гг., составило более 86 тыс. чел.²⁰ Добровольцы проходили двухмесячный курс обучения в тренировочных центрах Японии и трехлетний – в лагерях в северо-восточной части Маньчжоу-го²¹.

Японская эмиграция в Маньчжурию носила не столько экономический, сколько военный характер. Важнейшей задачей, помимо продолжения территориальной экспансии, являлась оборона региона, имеющего большое значение для военной экономики. К началу 1940 г. Квантунская группировка войск насчитывала в своём составе 9 пехотных дивизий, кавалерийскую бригаду, 18 авиационных полков, 8 пограничных и 9 гарнизонных подразделений²². Результаты боёв на Хасане и Халхин-Голе заставили японское командование пересмотреть планы развёртывания частей и соединений японской армии в Маньчжурии. Предусматривалась переброска пяти дивизий с японских островов и 10 дивизий – из экспедиционной армии в Китае²³.

Особую тревогу у японского командования вызывало наращивание авиационной группировки РККА, включение в её состав тяжёлых бомбардировщиков ТБ-3, способных наносить удары не только по Маньчжурии, но и по территории Японии. Для противодействия в составе Квантунской группировки войск были созданы авиационное соединение и штаб командующего ВВС, а количество авиационных полков к 1941 г. увеличилось с 18 до 27²⁴. В Маньчжурии появились 1, 2, 3, 13, 27, 28, 32-й и 98-й, а в Корее – 29-й авиаотряды. В Маньчжурии и Корее располагались 3 разведывательных, 4 – учебных и 22 – боевых авиаотряда²⁵.

По планам японского командования предполагалось к 1941 г. увеличить численность Квантунской армии до 350 тыс. чел. в составе 13 пехотных дивизий, а в случае начала боевых действий использовать 19-ю и 20-ю пехотные дивизии корейской армии. К боевым действиям предполагалось привлечь вооружённые силы Маньчжоу-го, которые создавались на основе всеобщей воинской повинности (согласно правительственному акту от 15 апреля 1932 г. на трёхгодичную воинскую службу призывались лица с 19 лет) и контролировались департаментом военных советников Японии, сформированным при министре обороны Маньчжоу-го²⁶.

Согласно плану, маньчжурская армия численностью 111 тыс. чел. должна была состоять из 4 группировок по 6–8 пехотных, кавалерийских или смешанных бригад, размещённых в провинциях Фэнтян, Цзилинь, Жэхэ и Хэйлуньцзян.

По организации и боевым возможностям она не была современной, но выполняла второстепенные задачи: несла гарнизонную и пограничную службу, подавляла антияпонское сопротивление и боролась с хунхузами²⁷.

В 1940–1941 гг. была проведена реорганизация разведывательного управления, были созданы единый центр для обработки информации, отдельные разведгруппы для сбора трофейных документов, предварительного допроса пленных. Численность разведгрупп и групп наблюдателей за советской территорией увеличилась до 700–800 чел. Они получили новое техническое оборудование, использовали радиокommunikационную сеть Маньчжоу-го для сбора информации. Лига Восточной Азии (East Asia Communication League) организовала четыре мобильных группы для радиоперехвата закодированных советских сообщений и их расшифровки²⁸.

Нападение фашистской Германии изменило баланс сил на Дальнем Востоке, но в правящих кругах Японии не сложилось единого мнения по поводу действий в новых обстоятельствах. В ходе официальной встречи министра иностранных дел Японии Ё. Мацуока с послом СССР К.А. Сметаниным 24 июня 1941 г. японской стороной было заявлено, что «...основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»²⁹.

На Имперской конференции 2 июля 1941 г. была принята резолюция, конституирующая, что, «...хотя дух Трехсторонней оси формирует базовый принцип нашего отношения к немецко-советской войне, мы не будем вмешиваться некоторое время, но самостоятельно будем принимать меры, тайно готовя силы против Советского Союза», «...дипломатические переговоры будут продолжены с предосторожностями, и, если условия немецко-советской войны будут складываться благоприятно для Японии, мы задействуем войска, чтобы решить северные проблемы, таким образом, обеспечивая стабильность в северных регионах»³⁰.

В рамках подготовки к возможной войне с Советским Союзом японское командование разработало и реализовало план под названием «Кантокуэн», предусматривавший наращивание численности Квантунской группировки войск до 700 тыс. чел. личного состава, 140 тыс. лошадей и 600 самолётов. С 11 июля 1941 г. началась переброска войск в Маньчжурию, преимущественно вспомогательных частей (свыше 180 подразделений – отдельные роты связистов, транспортные и строительные части, подразделения химической защиты, железнодорожные части и зенитные батареи). Командование получило в подчинение 6-й отдельный танковый батальон и 18-й артполк, в состав 3-й армии вошли 8-й и 17-й артиллерийские и 9-й инженерный полки, 5-й армии – 5-й артиллерийский и 7-й инженерный полки.

Согласно приказу № 520 начальника Генерального штаба генерала Сугияма, переброска основных сил из Китая и метрополии проводилась с 1 августа 1941 г.³¹ Центральное командование Квантунской группировки войск получило 51-ю пехотную дивизию, 2-й и 10-й артполки, а также вспомогательные строительные части и подразделения связи. В состав 3-й армии вошли 57-я пехотная дивизия, 4-й горный артполк, 4, 9, 22-й артполки, Дунинский тяжёлый артполк, 2-й и 3-й тяжёлые артполки, три мортирных дивизиона и пять тяжёлых артдивизионов³².

Дивизии доводились по численности до штата военного времени. Помимо 2-й авиагруппы, находившейся в Маньчжурии, сюда перебросили 5-ю в составе

пяти авиаполовков и четырёх отдельных эскадрилий³³. Согласно директиве начальника Генерального штаба генерала Сугияма № 523 от 6 августа 1941 г., командующий Квантунской армией получил разрешение на использование авиации для превентивного удара по советской территории³⁴.

Мероприятия японского командования позволили развернуть в Маньчжурии и Корее крупную группировку войск, основу которой составляли 16 пехотных дивизий, 1 кавалерийская бригада, 13 пограничных гарнизонных частей, 11 гарнизонных частей, 23 авиаполокка³⁵. С учётом сил Корейской армии и планируемой переброски в Маньчжурию ещё 7 пехотных дивизий японское командование было готово задействовать против СССР группировку войск общей численностью свыше 870 тыс. чел. личного состава. Для обеспечения наступательной операции японское командование планировало сосредоточить в Маньчжурии 46% резерва боеприпасов и 30% запасов топлива и горюче-смазочных материалов³⁶.

По оценке советской разведки, это свидетельствовало о подготовке Японии к возможному нападению на Советский Союз во второй половине августа 1941 г. без официального объявления войны³⁷. Предполагалось, что главный удар японская армия будет наносить на Приморье со стороны Владивостока. Командование Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа предприняло ряд мер для противодействия возможной агрессии. Численность частей и соединений доводилась до штата военного времени, отдельные подразделения были выведены из мест постоянной дислокации и развернуты вблизи границы. Они получили приказ держать 50% личного состава в состоянии боевой готовности в ночное время, интенсифицировать строительство и маскировку оборонительных сооружений, дополнительно подготовить запасные огневые позиции для пулемётов и артиллерии³⁸.

Следует отметить, что командование японского военно-морского флота являлось сторонником южного направления экспансии и в качестве основного противника рассматривало военно-морские силы США и Британский королевский флот. Поскольку основные силы японского флота были задействованы для нанесения удара по главной базе ВМС США в Перл-Харборе, то для предполагаемых боевых действий против СССР были выделены незначительные силы³⁹.

Для противодействия советскому Тихоокеанскому флоту 25 июля 1941 г. в составе Объединённого флота был создан 5-й флот под командованием вице-адмирала Хосогая Босиро. В его состав вошли 21-я дивизия крейсеров (устаревшие лёгкие крейсера «Тама» и «Кисо»), вспомогательный гидроавиатранспорт «Кимикава-Мару» и два миноносца типа «Отори». Командование флота могло дополнительно задействовать боевые корабли, вспомогательные суда и авиацию, входившие в состав охранных районов военно-морских баз Оминато, Майдзуру и Чинхэ 9 устаревших эсминцев, 3 эскортных корабля, 18 тральщиков, 16 истребителей и 22 гидросамолёта⁴⁰.

По своему составу 5-й флот значительно уступал Тихоокеанскому флоту СССР, и предполагалось его усиление за счёт 1-го воздушного флота (7 авианосцев – 130 палубных истребителей, 126 палубных пикирующих бомбардировщиков, 162 палубных торпедоносца) и 11-го воздушного флота (220 истребителей, 432 базовых бомбардировщика-торпедоносца). Однако по состоянию на июль–сентябрь 1941 г. авианосное соединение проходило интенсивную боевую подготовку для войны с США, а базовая авиация участвовала в военных операциях в Китае или находилась в местах постоянной дислокации. Никаких мер

по переброске авиации японского флота в Маньчжурию, Корею и на Хоккайдо для действий против СССР не предпринималось⁴¹.

Когда были сформулированы принципиальные интересы Японии в отношениях с Соединёнными Штатами, Великобританией и Нидерландами, отдельные подразделения, в том числе 51-ю пехотную дивизию, 7-й танковый полк, перебросили на Формозу и в состав Китайской экспедиционной армии⁴². 6 ноября 1941 г. Генеральный штаб издал директиву № 555, согласно которой в состав Южной армии передислоцировали 4-й и 8-й танковые, 17-й и 18-й артиллерийские полки, 1, 11, 77, 64-й истребительные, 16, 31, 27-й легкомбардировочные, 12-й и 98-й тяжелобомбардировочные авиаполки, подразделения противовоздушной обороны и вспомогательные части⁴³.

Начиная войну на Тихом океане и рассчитывая на успехи немецкой армии на восточном фронте, японское командование не отказывалось от потенциальной возможности нападения на Советский Союз. В директиве Генерального штаба армии № 578 от 3 декабря 1941 г. констатировалось: «...Япония решила вести войну против Соединённых Штатов, Великобритании и Нидерландов, чтобы обеспечить экономическую самостоятельность и безопасность Империи, а также установить новый порядок в Великой Восточной Азии». «...В это время внезапного начала войны с Россией следует избегать в максимально возможной степени. Командующий Квантунской армии ответственен за оборону Маньчжурии и провинции Гуандун и в то же время обязан использовать любые изменения ситуации, осуществляя оперативную подготовку против России в соответствии с приложением к Оперативному плану Императорской армии на 1941 г.»⁴⁴

Успехи японских вооружённых сил в Юго-Восточной Азии, а также обстановка на советско-германском фронте подталкивали японское командование к усилению японских военных группировок в Маньчжурии. В январе–мае 1942 г. сформировали 71-ю пехотную дивизию (заменила отправленную на юг 51-ю дивизию), прибыли ранее задействованные на юго-восточном направлении 3-й и 7-й танковые полки, 3-й горный и 1-й тяжёлый артполки, 2-я отдельная тяжёлая артиллерийская батарея, 9-й отдельный тяжёлый артдивизион, 5-й полк артразведки, 10-я авиационная бригада (77-й истребительный авиаполк, 27-й и 31-й легкомбардировочные авиаполки) и другие вспомогательные подразделения⁴⁵.

Согласно директиве Генерального штаба № 655 от 4 июля 1942 г. в Северной Маньчжурии формировались 1-я и 2-я территориальные и механизированная армия⁴⁶. В состав 1-й территориальной армии под командованием генерал-лейтенанта Ямасита Томоюки вошли 2, 3, 5-я и 20-я армии (штаб располагался в Муданьцзяне), в состав 2-й под командованием генерал-лейтенанта Корэтика Анами – 4-я и 6-я армии (штаб в Цицикаре). Формирование под командованием генерал-лейтенанта Ёсида Макото механизированной армии (вошли 1-я и 2-я танковые дивизии) означало создание самостоятельных танковых войск, которые до этого в японской Императорской армии были представлены отдельными танковыми полками, предназначенными для усиления пехотных дивизий⁴⁷.

Новые военные формирования увеличили наступательный потенциал японской группировки войск в Маньчжурии. Наличие двух танковых дивизий позволяло сосредоточить на направлении главного удара свыше 560 танков, два полка мотопехоты общей численностью более 6 тыс. чел. и 2 артполка с 84 орудиями разных калибров⁴⁸. Нарастание численности войск в Маньчжурии происходило

в условиях высоких потерь Красной армии на советско-германском фронте и сокращения численности войск на Дальнем Востоке.

Численность Квантунской группировки войск в 1939–1943 гг. увеличивалась: количество пехотных дивизий возросло с 9 до 15, добавились две танковые дивизии, значительно увеличившие её наступательный потенциал. Для эффективного управления войсками, разбросанными на огромной территории Маньчжурии, проводилось формирование штабной структуры группировки войск. В 1941 г. дополнительно к уже существовавшим 3-й и 4-й армиям сформированы 5-я и 6-я армии. В 1942 г. были организованы штабы 1-й и 2-й территориальных армий (табл. 10.1.4).

Таблица 10.1.4. Организация Квантунской группировки войск в 1939–1945 гг.

Показатели	Годы						
	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Штабы территориальных армий				2	2	2	2
Штабы армий	4	4	6	8	6	5	6
Пехотные дивизии	9	12	13	14	15	10	24
Танковые дивизии				2	2	1	
Бригады	1 кав.	1 кав.	1 кав.	1 танк. 1 кав.	1 танк. 1 кав.	1 смеш. 1 танк. 1 кав. 1 мобильн.	9 смеш. 1 танк. 1 кав.
Пограничные гарнизоны	8	13	13	13	13	14	1
Отдельные гарнизонные части	9	9	9	9	6	4	нет
Гарнизонные части	1	1	2	1	1	1	нет
Штабы ВВС	1	1	1	1	1	1	1
Штабы авиакорпусов	1	1	1	2	2		
Авиаполки	18	27	19	19	16	1	1

Источник. Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943). Japanese monograph № 77 // Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 6–7.

Успешное наступление войск союзников на Соломоновых островах, освобождение Гильбертовых, Маршалловых и Марианских островов в центральной части Тихого океана заставили японское командование использовать Квантунскую группировку войск как источник резервов. С сентября 1942 г. по декабрь 1943 г. из её состава были выведены три артполка, 10 зенитных артдивизионов, две отдельные миномётные роты, отдельный артдивизион ПТО, 45-й легкокомбардировочный авиаполк и другие части, в 1944 г. – 1, 8, 9, 10, 12, 14, 23, 24, 28, 29-я пехотные дивизии⁴⁹. Сформированные из резервистов и призывников 107, 108, 111, 112, 119-я и 120-я пехотные дивизии уступали по уровню боевой подготовки частям, передислоцированным на южное направление⁵⁰.

Кардинальным снижением возможностей Квантунской группировки войск стало расформирование механизированной армии. Первоначально японское

командование пыталось сохранить её боевой потенциал: «четырёхугольные» дивизии (4 полка) переформировывались в «треугольные» (3 полка), что позволяло улучшить управление и использовать отдельный танковый полк на других направлениях. В феврале 1944 г. 2-я танковая дивизия была переформирована (11-й танковый полк отправлен на Курильские острова), а в августе её перебросили на о-в Лусон, Филиппины (уничтожена американскими войсками в январе 1945 г.). В марте 1944 г. была переформирована 1-я танковая дивизия (9-й танковый полк перебросен на Марианские острова), а в марте 1945 г. дивизия заняла оборону на островах Японии⁵¹.

Стремясь компенсировать сокращение численности и уровня подготовки маньчжурской группировки войск, начали интенсивное строительство оборонительных сооружений. В 1933–1942 гг. укрепрайоны строились только на основных операционных направлениях с целью прикрытия сосредоточения японских войск, в 1943–1945 гг. они расширялись по фронту, увеличивались в глубину. Всего было возведено 17 укрепрайонов, прикрывавших стратегически важные направления вдоль советской границы и в глубине Маньчжурии. Поскольку их строили в несколько этапов, то устаревшие оборонительные сооружения соседствовали с новыми, построенными с учётом длительной круговой обороны⁵².

Так, один из наиболее мощных укрепрайонов – Хутоуский – имел 93 долговременных сооружения, соединённых потернами и ходами сообщения, что позволяло маневрировать силами гарнизона. Некоторые долговременные точки были трёх- и четырехъярусными и имели 2–2,5 м толщину перекрытия из железобетона и 1–2 м – земли и камня. Укрепрайон имел 10 артиллерийских батарей с 23 орудиями, в том числе одно калибра 410-мм, по два – 305-мм, 240-мм и 155-мм, четыре – 150-мм и 12 – 75-мм, которые могли обстреливать железнодорожную линию Владивосток – Хабаровск. Наблюдательные пункты были оснащены бронеколпаками с толщиной брони до 150 мм, склады боеприпасов располагались в бетонированных убежищах на глубине до 10 м⁵³.

В начале 1945 г. японская разведка зафиксировала массовую переброску советских войск в восточные районы СССР⁵⁴, и японский Генеральный штаб разработал план оборонительных мероприятий, который следовало выполнить к сентябрю⁵⁵. В Маньчжурии прошла массовая мобилизация (призыву подлежали все мужчины в возрасте от 19 до 40 лет), ускоренными темпами формировались новые подразделения – пехотные дивизии и отдельные смешанные бригады, велась регистрация личного оружия, систематически проводились учения; железные дороги переподчинили военному ведомству, активизировалось строительство оборонительных сооружений на всех участках, особенно на Муданьцзянском направлении⁵⁶.

Мобилизационный резерв молодёжи позволял в кратчайшие сроки укомплектовать рядовым составом 4–5 стандартных пехотных дивизий японской армии. Так, в июне–июле 1945 г. в составе 1-й территориальной армии были сформированы 134, 135-я и 139-я пехотные дивизии и 139-я смешанная бригада. Для формирования этих соединений, кроме призванных японцев и корейцев, проживавших в Маньчжурии, использовали гарнизонные и пограничные отряды и части, становившиеся ядром вновь сформированных пехотных дивизий (табл. 10.1.4)⁵⁷.

В целом в Маньчжурии в июле 1945 г. мобилизовали 250 тыс. резервистов. В 3-й территориальной армии была сформирована 30-я армия, главной задачей

которой являлась экстренная подготовка к началу боевых действий⁵⁸, началось формирование пехотных дивизий под № 121–128, затем – № 134–139, 148 и 149 и четырёх отдельных смешанных бригад – № 77–80⁵⁹.

По состоянию на 9 августа 1945 г. в составе Квантунской группировки войск было 24 пехотные дивизии, 9 отдельных смешанных, 1 танковая и 1 кавалерийская бригады, но боевая подготовка у вновь сформированных подразделений была невысока. Так, 79-я пехотная дивизия на 65% была укомплектована резервистами и мобилизованными корейцами, 135-я пехотная дивизия, сформировавшаяся в июле 1945 г., имела 75% штатной численности, 128-я пехотная дивизия укомплектована на 50%. В некоторых частях не имелось достаточного количества вооружения. Например, сформированная 148-я пехотная дивизия была укомплектована винтовками на 30%, ручными и станковыми пулемётами – на 10%, батальонной артиллерией – на 5%, артиллерией – на 20%, средствами связи – на 0,1%, инженерным оборудованием – на 2% от положенного⁶⁰.

Помимо проблем с вооружением сформировавшихся подразделений, японские вооружённые силы испытывали трудности с оснащением войск современным оружием. Японская пехота не имела индивидуального автоматического оружия⁶¹. Штатное противотанковое вооружение японских пехотных дивизий – 37-мм и 47-мм противотанковые пушки – могло успешно применяться только против танков устаревших типов, но было неэффективно против танков Т-34–85, М4-А2 и самоходных установок СУ-100 и ИСУ-152. В частности, в журнале боевых действий 257-й танковой бригады отмечено, что танки Т-34–85 имели от 4 до 13 попаданий снарядом калибра 47 мм, оставивших на броне лишь небольшие углубления⁶².

Бронетехника была представлена лёгкими танками «95» («Тип 95 Ха-го») и средними танками «97» («Тип 97 Чи-ха»), маломощными и отсталой конструкции. Расчёты орудий полевой артиллерии не обучались борьбе с бронетехникой, их действия были неэффективными. Для борьбы с советскими танками японское командование создавало отряды смертников, вооружённых противотанковыми минами, бутылками с зажигательной смесью и зарядами взрывчатки. В частности, командир 123-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Китадзава Тейдзиро подтвердил, что в дивизии вне штата специально для борьбы с советскими танками сформировали «рейдовый отряд» численностью 524 чел., состоявший из смертников⁶³.

По состоянию на 8 августа 1945 г. штатная численность группировки войск в Маньчжурии составляла 741 тыс. чел. (без учёта военных чиновников и вольнонаёмных), а фактическая – 664 тыс.⁶⁴ Вооружение 20 из 24 пехотных дивизий составляло от 15 до 35% боевых возможностей стандартной пехотной дивизии японской армии, развёрнутой по штату военного времени⁶⁵. Однако армия не собиралась сдаваться, делая ставку на национально-психологические особенности японских солдат и офицеров – верность императору и духу Ямато, беспрекословное подчинение, дисциплинированность, исполнительность и, самое главное, готовность к самопожертвованию.

К 1945 г. на территории Маньчжурии построили более 160 аэродромов, характерными чертами которых являлось наличие нескольких бетонированных взлётно-посадочных полос и капитальных железобетонных укрытий для самолётов. Большая часть аэродромов была обеспечена казарменным фондом для личного состава, а расположение аэродромов вблизи железных и автомо-

бильных дорог позволяло осуществлять бесперебойное обеспечение авиации боеприпасами и топливом⁶⁶. Однако японское командование фактически лишило наземные части поддержки с воздуха. Основные силы 2-й и 5-й воздушных армий вывели на юг Маньчжурии и в Корею в мае-июле 1945 г., что позволило привлечь армейскую авиацию для защиты островов метрополии от налётов американских стратегических бомбардировщиков⁶⁷.

Согласно данным союзников, полученным после окончания войны, по состоянию на 15 августа 1945 г. в Южной Маньчжурии в составе 2-й воздушной армии было сосредоточено 1042 самолёта армейской авиации, в Корее в составе 5-й воздушной армии – 910 самолётов армейской и 52 – самолёта морской авиации (табл. 10.1.5).

Таблица 10.1.5. Группировка военно-воздушных сил Японии в Маньчжурии и Корее на 15 августа 1945 г.

Показатели	Истребители	Бомбардировщики	Разведчики	Транспортные	Учебные	Прочие	Всего
Армейская авиация							
Маньчжурия	188	9	27	8	810	-	1042
Корея	187	45	147	14	266	251	910
Морская авиация							
Корея	1	1			43	7	52
Всего	376	55	174	22	1119	258	2004

Источник. Final report progress of demobilization of the Japanese Armed Forces 31 December 1946 // General Headquarters Supreme Commander for the Allied Powers. Military Intelligence Section, General Staff, 1946. P. 68.

Практически никаких действий японская авиация не предпринимала. За время боевых действий командование 9-й воздушной армией 1-го Дальневосточного фронта зафиксировало 7 пролётов японских самолётов, произошло 3 воздушных боя с одиночными самолётами противника, в ходе которых все были сбиты, при этом потерян один советский истребитель Ла-7. В полосе наступления 2-го Дальневосточного фронта авиация противника отсутствовала⁶⁸.

Одной из главных причин низкой эффективности японской армейской авиации была катастрофическая нехватка подготовленных лётчиков. Система их подготовки не могла в полной мере компенсировать потери личного состава. Согласно данным, полученным в ходе допроса начальника учебного подразделения Генерального штаба армейской авиации полковника Мацумаэ, за 8 месяцев 1945 г. обучение по всем специальностям (лётчики, бомбардиры, штурманы, воздушные стрелки) прошли 4524 курсанта. За этот же период потеряны в боях 2971 чел. и погибли в ходе происшествий 1066 чел. лётного состава⁶⁹.

Помимо Квантунской группировки войск, японское командование планировало задействовать против советских войск 8 пехотных, 7 кавалерийских дивизий и 14 отдельных бригад из частей армии Маньчжоу-го. По состоянию

на август 1945 г. численность маньчжурских войск составляла порядка 170 тыс. чел. По уровню оснащённости они уступали как японским, так и советским войскам. Кроме того, использование всеобщей воинской повинности при комплектовании частей и соединений вело к тому, что значительная часть личного состава была не заинтересована в участии в боевых действиях, не отличалась стойкостью и была готова дезертировать при любой возможности⁷⁰.

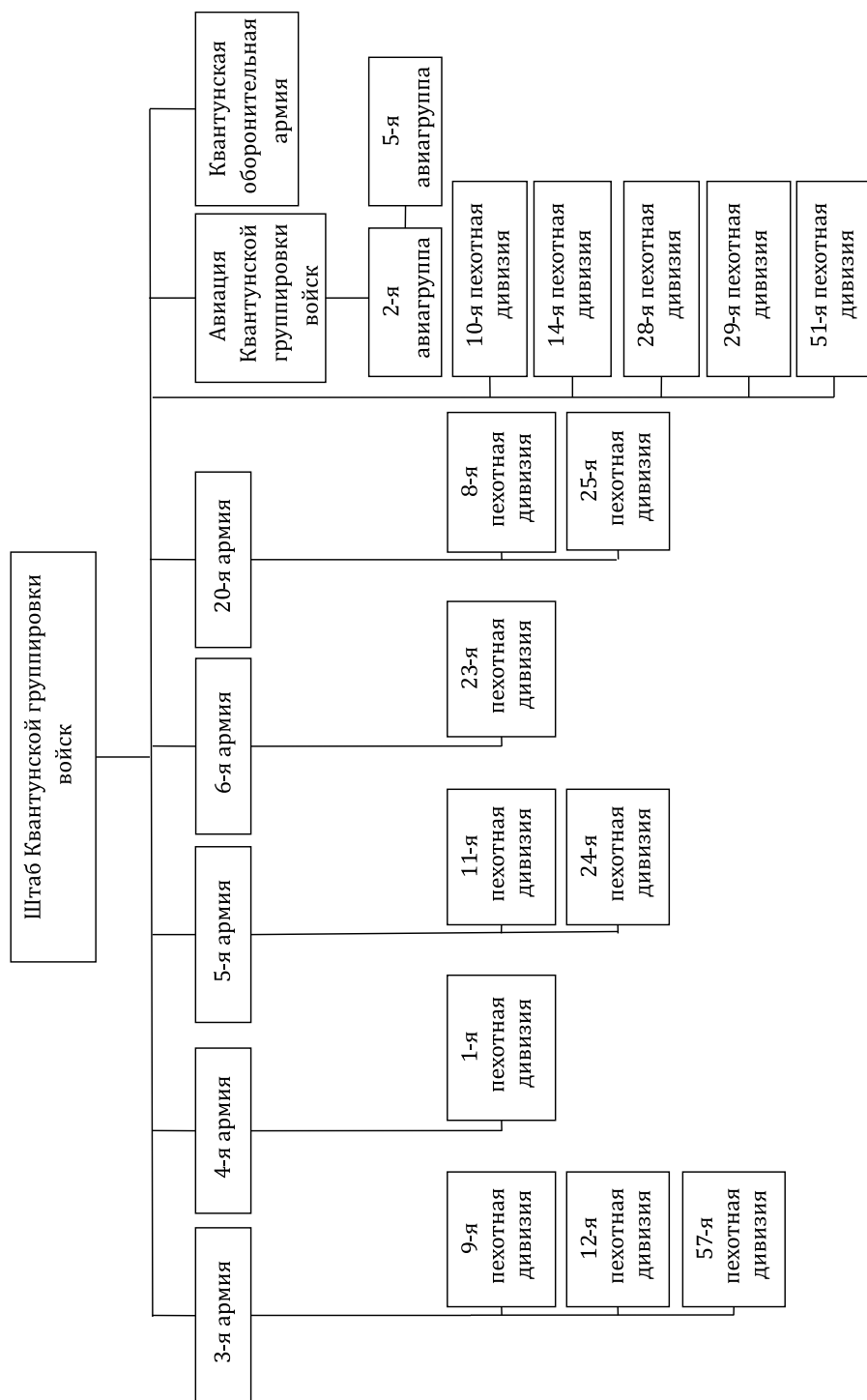
Японский Генеральный штаб планировал использовать против СССР и части 17-й территориальной армии (создана на базе корейской армии согласно директиве Генерального штаба № 1244 от 6 февраля 1945 г.). Главной её задачей являлась оборона Корейского полуострова⁷¹. После начала боевых действий 10 августа 1945 г. она была переподчинена командующему Квантунской группировкой войск, что предоставляло потенциальную возможность задействовать ещё 7 пехотных дивизий (96, 111, 112, 120, 150, 160, 320-я)⁷². Непосредственно в северной части Корейского полуострова находились 120-я и 320-я пехотные дивизии и 12-й танковый полк⁷³.

Несмотря на то что к августу 1945 г. строительство укрепрайонов не завершилось, оборонительные сооружения в Маньчжурии высоко оценивались советским командованием. На стадии планирования операции личный состав советских стрелковых дивизий, предназначенных для прорыва укрепрайонов, прошёл специальную подготовку и был усилен специальными подразделениями – тяжёлыми самоходными артполками, крупнокалиберной артиллерией РГК, штурмовыми инженерно-сапёрными бригадами⁷⁴.

Таким образом, главным дестабилизирующим фактором в Азиатско-Тихоокеанском регионе была агрессивная японская политика. Представители радикальных националистических кругов японской армии и правительство рассматривали территорию советского Дальнего Востока как сферу интересов Японии. Выбрав в качестве приоритетного направления экспансии Юго-Восточную Азию и острова Тихого океана, японское командование рассматривало возможность агрессии против СССР.

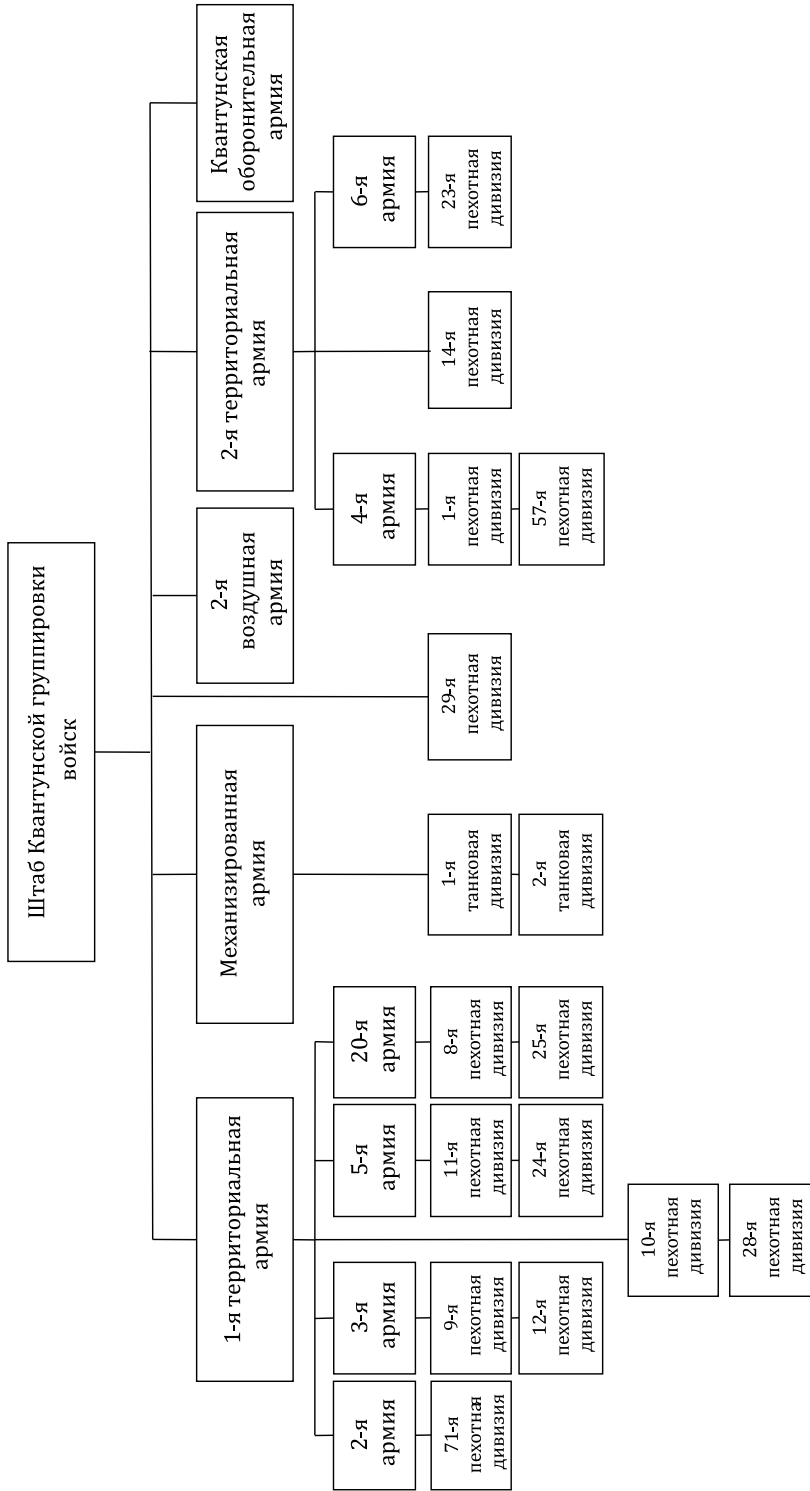
Боевые действия на Тихом океане заставили сократить группировку войск в Маньчжурии, перебрасывая боеспособные части и соединения на другие участки, новые пехотные дивизии формировались на базе пограничных гарнизонов и гарнизонных частей. К августу 1945 г. японская группировка войск в Маньчжурии по численности и боевым возможностям значительно уступала группировке советских войск на Дальнем Востоке, но мероприятия по массовой мобилизации и строительство оборонительных сооружений в случае их завершения могли бы значительно осложнить ситуацию. Военно-политическое руководство Японии было готово продолжать боевые действия, несмотря на критическое состояние военной экономики и вооружённых сил. 10 августа 1945 г. Генеральный штаб Императорской армии отправил в войска директиву, согласно которой «...Ставка намерена по-прежнему вести основные военные действия против Соединённых Штатов и одновременно повсеместно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза, чтобы сохранить государственный строй и защитить землю императора»⁷⁵. Поскольку союзники не имели сил и средств для уничтожения Квантунской группировки войск в Маньчжурии, то вступление СССР в войну должно было подтолкнуть руководство Японии к принятию условий Потсдамской декларации.

Схема 1. Организация Квантунской группировки войск на 1 августа 1941 г.

Источник: Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943). Japanese monograph № 77 // Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 10, 42–43.

Схема 2. Организация Квантунской группировки войск к началу 1943 г.

Источник: Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943). Japanese monograph № 77 // Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 34, 47–48.

10.2. Российская эмиграция в северо-восточных районах Китая

Российская эмиграция в Китае была вызвана конфликтом эмигрирующих с политическим режимом в России, с вновь созданными государственными структурами и пополнялась в последующие годы за счёт лиц, бежавших из СССР по политическим и социальным мотивам. Жизнедеятельность эмигрантов, на которую оказывали влияние идеологическое противостояние, амбиции лидеров, необходимость адаптации в инонациональной среде с восточными традициями, бытовыми условиями, проблемами трудоустройства, сопровождалась долго не утихающей тоской по родине.

В 1930 г. в Европе зафиксировано примерно 500 тыс. российских эмигрантов, а в Маньчжурии к середине 1930-х гг. – более 130 тыс.⁷⁶ На 1 июля 1942 г. в Маньчжурии проживали 69 168 российских эмигрантов (34 295 мужчин и 34 873 женщины), из них в Харбине 32 663 (15 238 мужчин и 17 425 женщин), вне г. Харбина – 33 209 (17 281 мужчина и 15 928 женщин) и в особых переселенческих районах – 3296 (1776 мужчин и 1520 женщин). На 1 июля 1943 г. численность мигрантов составляла 73 715 чел. (37 091 мужчина и 36 624 женщины): в г. Харбине – 34 645 чел. (16 676 мужчин и 17 969 женщин), вне г. Харбина – 35 774 чел. (18 639 мужчин и 17 135 женщин) и в особых переселенческих районах – 3296 чел. (1776 мужчин и 1520 женщин)⁷⁷.

Часть русских эмигрантов выезжала в Австралию, США и другие страны, а часть приняла гражданство других государств. Так, только в 1942 г. из 2104 чел. советских подданных (1066 мужчин и 1038 женщин), проживавших в Харбине и вне его, 636 чел. сменили юрисдикцию⁷⁸. Численность российской эмиграции в Маньчжурии сокращалась. На 1 января 1945 г. здесь осталось 71 843 российских эмигранта (36 842 мужчины и 35 001 женщина), в том числе в г. Харбине – 29 186 чел.; вне г. Харбина – 39 691 чел. (среди которых было 37 086 русских, 873 украинца, 1049 татар, 103 армянина, 269 евреев, 26 грузин); в особых переселенческих районах – 2966 чел.⁷⁹

Военные события 1939–1945 гг. оказали значительное влияние на демографическую ситуацию эмигрантов в Китае. Численность российской эмиграции достигает своего пика в начале 1920-х гг., в дальнейшем ее рост шел менее интенсивно, начал падать и после окончания Второй мировой войны завершился. Помимо прямого сокращения численности русскоязычного населения изменилась его половозрастная структура. Смертность почти в два раза превысила рождаемость, причем смертность мужчин трудоспособного возраста значительно повысилась, а смертность женщин – незначительно. С 1939 по 1944 г. в Харбине, по неполным сведениям, родились 2353 чел., из них 1208 мальчиков и 1145 девочек (в среднем около 400 детей за год), за этот же период умерли 4234 (2504 мужчины и 1730 женщин, около 700 чел. в год)⁸⁰. Доля женщин в общей численности эмигрантского населения Китая возрастает. Так, Синьцзянское бюро по делам российских эмигрантов в 1944 г. зарегистрировало 969 российских эмигрантов (450 мужчин и 519 женщин), или мужчин 46,43% и женщин 53,5%, т.е. женщин больше на 7,14%⁸¹.

Русскоязычная колония в Маньчжурии включала российских подданных, обосновавшихся до октября 1917 г. и прибывших в 1917–1922 гг., граждан РСФСР–СССР, покинувших страну в 1920–1930-е гг. Социальный состав эмигрантов был весьма разнообразным. Доля лиц высшего сословия составляла

5,95%, мещан – 9,5%, рабочих, крестьян и казаков – 68,7% харбинской эмиграции⁸².

Географически российская эмиграция была представлена выходцами из Поволжья и Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока с широким спектром этнических групп (русские, украинские, грузинские, армянские, тюрко-татарские, еврейские) и характеризовалась культурной, имущественной и конфессиональной неоднородностью. Образовательный уровень обусловил восприятие и воспроизводство культуры различными слоями: от утраты национального самосознания в инонациональной среде до создания образцов, обладавших как национальными, так и общечеловеческими ценностями. Имелись различия в политической ориентации – от полнейшего отрицания государственного строя СССР до готовности сотрудничать с Советами во имя возрождения Отечества.

С начала 1920-х годов русские эмигранты создали свыше 100 различных общественных, политических и профессиональных организаций. Одни союзы образовались от думских партий: социал-демократы (меньшевики), эсеры, кадеты, другие, как Российский общевоинский союз (РОВС), Дальневосточный корпус русских добровольцев, создавались для борьбы против советской власти. Некоторые, например партия младороссов, пытались найти путь к разрешению судьбы России через слияние нескольких политических платформ (монархия и Советы). В противовес образованному в СССР комсомолу существовал Союз мушкетеров и др.

Наиболее активными в Северо-Восточном Китае были монархические группы и организации, среди которых: орден крестоносцев (рук. генерал Березовский), легитимисты, народно-монархическая партия (председатель – генерал В.Д. Космин), военно-монархический союз, которым японские власти обещали в будущем «буферном» государстве участие в правительстве. Большинство политических организаций представляли собой как бы филиалы эмигрантских объединений, находящихся в европейских странах, и отражали их курс. К таким относилось «Братство русской правды», ставившее своей целью уничтожение советской власти в СССР. Высший руководящий центр находился в Европе, восточный отдел – в Харбине.

Основной стратегической задачей всех организаций было свержение коммунистического режима в СССР, а важнейшей ее составной частью являлась агитационно-воспитательная работа с эмигрантами, направленная на формирование «великороссийского государственного мышления». Значительное место уделялось рассмотрению вопросов о путях и методах государственного устройства будущей новой России после свержения тоталитарного режима. В дискуссиях высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от оптимистической – быстрой трансформации советской власти в демократическую систему и до мрачной констатации прочности большевистского режима и невозможности политических перемен в России в ближайшем будущем.

Активной политической деятельностью на чужбине занимались немногие, 3–5% эмигрантов, но именно эта часть, уходя в изгнание, ставила перед собой конкретные политические цели. Пути и средства достижения этих целей у разных течений эмиграции были различны: от террора до мирного перерождения большевизма. Тактика менялась с учетом изменений международной и внутренней обстановки в СССР.

В 1935 г. В.А. Кислицын основал Дальневосточный союз военных, при котором были созданы учебная команда для подготовки унтер-офицеров, военное училище для молодежи, курсы старшего командного состава. В 1939 г. в Союзе насчитывалось около 11,5 тыс. чел., в т.ч. 126 сестер милосердия, 4 военизированных отряда так называемых потешных (входили дети от 7 до 11 лет). Одновременно атаман Г.М. Семенов пытался объединить казачество в Союз казаков на Дальнем Востоке, в состав которого входило более 20 тыс. чел.⁸³

Эмиграция лишила русских людей того, что объединяло их в одно целое – государства, но не уничтожила стремления к единству. Особое значение приобретала способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию объединений для решения комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Одним из таких стал Харбинский комитет помощи русским беженцам, созданный в 1923 г. (просуществовал до 1945 г.) членами национальных съездов Земского собора. Проводимая им работа играла важную роль в объединении эмигрантских сил и улучшении общественной деятельности среди эмигрантов⁸⁴.

Положение российских эмигрантов в Маньчжурии осложнялось противоречиями между СССР и Японией, связанными с Китаем, который, в свою очередь, раздирался внутренней борьбой. После создания марионеточного государства Маньчжоу-го началась реализация японской геополитики, в основе которой лежал принцип Ван-Дао («Императорский путь»): Япония провозглашалась первым государством на земле, а японцы – единственной божественной нацией, которой предопределено господствовать над всеми народами.

В осуществлении своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти делали ставку на эмигрантов, страдавших от произвола китайских властей. Подчеркивая, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на ее территории, японцы выражали свое сочувствие и к русским эмигрантам, покинувшим родину из-за неприимости к коммунизму. Обещая обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали иметь союзника для борьбы с СССР⁸⁵.

К оккупации японцами Маньчжурии российские эмигранты относились по-разному. Часть из них увидела в происходящем начало больших событий, которые так долго ожидалась. Ожидания были связаны с падением власти Чжан Сюэяна, разжигавшей шовинизм и не противодействующей, по их мнению, «советизации» Маньчжурии. В Японии они видели силу, способную противостоять коммунизму и большевистскому режиму в СССР, позволяющую возвратиться на родную землю.

Социально пестрая и политически разрозненная эмигрантская масса не могла быть надежной опорой новой власти. Поэтому основной задачей становилось объединение и воспитание эмигрантов на новой идеологической основе, привлечение к строительству «нового порядка» в Азии, а в перспективе и в азиатской части России. На русских эмигрантов оказывала давление и советская власть, опасаясь вторжения белых войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье. Ответные меры эмигрантов лишь закрепляли их изоляцию от Родины, сводили на нет надежды на возвращение.

Вместе с тем в общественно-политической жизни эмигрантов стали проявляться новые тенденции: возрождения русского патриотизма, отрицательного отношения к милитаризму, с которым связывалась агрессивная, захватническая политика Японии. Шло политическое расслоение эмигрантов, основанное

на отношении к советской власти, олицетворяющей собой Родину. Забота о жизненных, государственных её интересах постепенно побуждала многих оставить непримиримость к Советской России.

Такие настроения заметили японские оккупационные власти в Маньчжурии и решили поставить под контроль все эмигрантские организации, подавить патриотические настроения. Этому способствовало создание еще в июле 1932 г. «Кио-Ва-Кай» (Общества согласия), целями которого считались воспитание верности Маньчжоу-го и борьба с национальной разобщенностью. По замыслу японской власти, общество должно вести идеологическую обработку населения в прояпонском духе и создать «систему последовательной японизации всех сторон жизни, быта, культуры и образования на оккупационной территории»⁸⁶.

Работа с населением велась через сеть структур Кио-Ва-Кай, стремящихся распространить свою деятельность на все категории населения, и постепенно подчинила все политические, общественные и культурные организации Маньчжурии, установив тотальный контроль за русским населением через японских «советников» с неограниченными возможностями. Фактически Общество согласия стало инструментом пропаганды идеологии «нового порядка» в Восточной Азии. Воспитательную работу среди молодежи проводили детские и юношеские дружины Сионэндан (Союз мальчиков 10–15 лет), Сейнэндан (Союз юношей 16–25 лет), созданные при Обществе согласия. В 1940 г. их численность составляла 4 тыс. чел., в том числе 2 тыс. женщин⁸⁷.

Декларация Кио-Ва-Кай объявляла Коминтерн и компартию заклятым врагом мировой справедливости, звучал призыв остановить распространение коммунистических идей в Восточной Азии, а затем во всем мире, уничтожить большевистский режим в СССР, являющийся оплотом коммунистических сил всего мира. Именно с этим связывались «особые задачи», стоящие перед российской эмиграцией⁸⁸.

Перед японскими властями стояла задача объединения российских эмигрантов в единое целое под эгидой сильной политической организации. 28 декабря 1934 г. был создан специальный орган – Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), переименованное в 1940 г. в Главное бюро по делам российских эмигрантов и наделенное административными функциями⁸⁹. Финансовые средства на его содержание выделялись японскими властями как благотворительный акт помощи российским эмигрантам, оказавшимся на чужбине.

Бюро стало связующим звеном между эмигрантскими массами и правительственными учреждениями, через которое осуществлялся контроль над русским населением. Руководители (А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын, Л.Ф. Власьевский и др.) выполняли номинальные функции, фактическими руководителями были японцы. В то же время БРЭМ стал своеобразным эмигрантским правительством, аналогов которому в русском зарубежье не было. Он осуществлял политический надзор, вел учет населения, регистрировал передвижение эмигрантов по стране. К.В. Родзаевский, возглавлявший культурно-просветительный отдел, способствовал внедрению японской идеологии в сознание эмигрантов, Н.А. Матковский, начальник административного отдела, занимался организацией агентурной сети для разведывательной и контрразведывательной деятельности.

На начало 1935 г. на учете в Бюро состояли 128 организаций: политических – 22, общественных – 27, научных и профессиональных – 26, бывших военных – 18, организаций молодежи – 9, благотворительных – 15, церковных приходов

и духовных общин – 11. К осени 1936 г. отделения Бюро работали в Дайрене, Синьцзине, Трехречье, Хайларе, Бухэду, Цицикаре, на ст. Маньчжурия и в других местах. В общей сложности в 23 пунктах существовали представительства Харбинского бюро или его отделения. К концу 1935 г. в Харбинском бюро насчитывалось 140 служащих, в 1944 г. – 250 чел., в марте 1945 г. – 360 чел.⁹⁰

Для решения задачи по ликвидации безработицы создавались трудовые артели, изыскивались подряды на работу, организовывались крестьянские, пчеловодческие и садоводческие хозяйства. Были созданы кассы взаимопомощи и службы страхования и охраны труда малолетних. Путем отчисления 1% от заработной платы лиц, получивших работу при содействии БРЭМа, а также путем благотворительности был создан фонд безработных.

Отчасти проблема безработицы решалась путем переселения в малообжитые сельскохозяйственные районы, например, в Тоогенский район. Переселенческая политика была частью движения за «служение сельского хозяйства делу становления нового порядка в Восточной Азии», организованного Управлением развития земледелия при активном участии Кио-Ва-Кай. Многие эмигранты переезжали лишь потому, что переселенцев призывного возраста временно освобождали от воинской повинности.

Для формирования у населения чувства «благодарности» к Стране восходящего солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разработала программу мероприятий. При учебных и общественных заведениях эмигрантов создавалась сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура, язык Японии, разъяснялась политическая ситуация. Если в начале 1930-х гг. эмигрантам рекомендовалось изучение японского языка для лучшего взаимопонимания двух «дружественных народов» (японского и русского), то в 1940-х оно стало обязательным. Обязательным стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-го.

Одновременно, как бы подчеркивая внимательное отношение к российским духовным и культурным ценностям, выделялись хотя и скудные, но все же средства на поддержку эмигрантских образовательных и культурных учреждений. В августе 1935 г. в культурно-просветительном отделе БРЭМа было зарегистрировано 269 чел., имеющих отношение к театральному и музыкальному искусству: 41 чел. – артисты драмы, 71 чел. – артисты оперетты и эстрады, 37 артистов балета, 83 музыканта и 37 технических.

Возрождение русского драматического театра в Маньчжурии связано с появлением в Харбине В.И. Томского, который организовал театральную труппу. В ее репертуаре преобладали русские классические пьесы, хотя были и современные произведения. Сезон 1944–1945 гг. труппа начала постановкой комедии А.Н. Островского «Сон на Волге», а в день, когда труппа сыграла свой 600-й спектакль, БРЭМ присвоил В.И. Томскому звание заслуженного артиста в эмиграции.

В Харбине работал и ряд других драматических коллективов. Ставил спектакли бывший актер Московского художественного театра А.С. Орлов. В 1941 г. начала работу труппа под руководством В.В. Пановой и М.Н. Ольгина. Заметным явлением в театральной жизни стала деятельность Студии драматического искусства, созданной бывшей актрисой Московского художественного театра Е.И. Корнаковой-Бринер. Для приобщения к национальному театральному искусству эмигрантов за пределами Харбина был создан Русский передвижной театр,

который гастролировал по линии КВЖД. Сохранились сведения о посещении эмигрантами передвижного театра в 1940 г.: ст. Яблоня – 215 чел., ст. Мулин – 390 чел. 1 января 1944 г. состоялось официальное открытие театра под названием «Русская опера в Восточной Азии». Основные расходы по его содержанию несли ЯВМ и ГБРЭМ⁹¹.

Группа знатоков музыки при поддержке ЯВМ и Бюро учредила Харбинское симфоническое общество, ставшее общепризнанным центром музыкальной жизни Маньчжоу-Ди-Го. В мае 1935 г. состоялся первый концерт Харбинского симфонического оркестра, в 1939 г. появился духовой оркестр. Состав этих оркестров был многонациональный, но преобладали музыканты российского происхождения. В театре русского балета работали известные в городе педагог и постановщик А.Н. Андреева, выпускник балетной школы Мариинского театра В.К. Ижевский и другие талантливые балетмейстеры и танцовщики⁹².

В Маньчжурии существовала сеть русских образовательных учреждений, где дети эмигрантов изучали русский язык, русскую историю и литературу, закон божий. Оккупационные власти сократили количество национальных школ, но русское образование продолжало оставаться мощным фактором этнокультурного воспроизводства диаспоры. Культурно-просветительный отдел Бюро снабжал школы учебными пособиями, пополнялись школьные библиотеки. На содержании БРЭМ находились мужская и женская гимназии, в которых к осени 1941 г. обучались соответственно 241 и 279 чел. Однако охватить школьным образованием всех эмигрантских детей было невозможно по объективным причинам, главная из которых низкий уровень жизни. Так, в 1944 г. в Якешинском бюро было зарегистрировано около 12% неграмотных из числа молодежи от 15 до 35 лет; в Восточном районном бюро – около 15%; в Маньчжурском районном бюро – 10%⁹³.

На содержании Бюро находилась одна из крупнейших на Дальнем Востоке русских библиотек, в которой насчитывалось около 30 тыс. томов. Эмигрантские библиотеки открылись в Русском клубе, в здании Союза казаков на Дальнем Востоке, в помещении Духовной семинарии, при районных бюро и отделениях. Культурно-просветительский отдел Бюро занимался организацией регулярных публичных лекций по русской истории и культуре, тематика которых была нацелена на формирование национального самосознания у молодого поколения эмигрантов в духе традиционного принципа российской государственности: «Бог. Царь. Отечество». Аналогичную задачу выполняли периодические издания Бюро – газета «Голос эмигрантов» и журнал «Луч Азии».

Японские оккупационные власти методично и целенаправленно перестраивали на японский лад жизнь Маньчжоу-го. Началась реформа народного образования, которая не обошла стороной и русское население. Все учебные заведения переводились на единые программы и централизованное управление. В связи с реформой были закрыты многие русские частные учебные заведения. Резко сократились возможности получения эмигрантами высшего образования. Были закрыты Русский педагогический институт, Русский юридический факультет, Институт Святого Владимира, Первая и Вторая зубоврачебные школы. С 1938 г. прекратилось преподавание на русском языке в Харбинском политехническом институте, на кафедрах которого стали преобладать японские специалисты. Разгромив русское высшее образование, власти открыли для эмигрантов Северо-Маньчжурский университет с коммерческим и политехническим факультетами.

Ректором университета стал японский профессор Симидзу, учебный процесс был организован на основе японской вузовской программы.

Русский отдел Японской военной миссии, ГБРЭМ, Кио-Ва-Кай искали новые формы идеологической работы с эмигрантами, в частности, создавались новые структуры. Так, в 1941 г. было учреждено Объединение российских эмигрантов (ОРЭ). Новое объединение было нацелено на сохранение российских культурных традиций и идеологическую работу с населением». По сути, «ОРЭ представляло собой своеобразный вспомогательный филиал ГБРЭМ⁹⁴.

Среди эмигрантов были созданы антикоммунистические комитеты, поставившие своей целью борьбу с антигосударственными и другими «вредными» течениями. Центральный антикоммунистический комитет имел свой орден «Возрождение Азии». Он предназначался для награждения русских эмигрантов, активных борцов на антикоммунистическом поприще.

С целью активизации антисоветской работы среди эмигрантов проводили всевозможные политические акции – собрания, митинги, в которых их участие стало обязательным. В календаре появился новый праздник – День антикоминтерна, отмечаемый 1 июня как акция протеста против «злодеяний» Коминтерна. Проведением мероприятий руководил специально созданный для этой цели штаб. Как правило, в программу дня входили панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистическая демонстрация, общеэмигрантское собрание. Так, 1 июня 1940 г. прошел очередной такой день, на котором с докладом «Новая тактика мировой тьмы и наши задачи» выступил лидер фашистской партии К.В. Родзаевский. В нем приняло участие значительное число эмигрантских организаций, враждебно настроенных к советскому строю.

С целью антикоммунистического воспитания эмигрантов 7 ноября каждого года проводились и дни «непримиримости». Церемония начиналась со служения панихиды по царской семье, воинам белых армий, погибшим после взятия большевиками власти в 1917 г. Затем проводился митинг, на котором с призывами к борьбе с большевиками выступали лидеры фашистских организаций, прояпонских группировок. Очень часто антибольшевистские настроения подогревались ностальгическим национализмом.

Возрастающие потребности армии, а также увеличение численности населения за счет естественного прироста и ввоза дополнительной рабочей силы из Японии заставили руководителей Маньчжоу-го заняться продовольственной проблемой. Был взят курс на эффективное развитие сельского хозяйства, предусматривающий изменение структуры сельхозпроизводства, расширение посевных площадей, прежде всего продовольственных и технических культур, которые могли быть использованы в качестве военно-стратегического сырья. За счет вывоза маньчжурской сельскохозяйственной продукции в третьи страны увеличились поставки промышленного оборудования, столь необходимого для укрепления промышленной базы на территории собственно Японии⁹⁵.

В связи с этим японцы обратили внимание на опыт российских казаков-эмигрантов, которые после революционных потрясений оказались в китайском Трёхречье и весьма успешно освоили его⁹⁶. Трёхречье было для местных властей, Квантунской армии, Японской военной миссии, Военной жандармерии и других организаций предметом постоянного изучения. Например, целью исследований Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии и Токийского императорского университета в районе Трёхречья было определение

в интересах японских колонистов-переселенцев оптимальной модели земледелия в районах с холодным климатом. По результатам исследований Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии составило и опубликовало ряд докладов, в том числе «Жильё и повседневная жизнь русских в Трёхречье на севере Маньчжурии»⁹⁷.

В период с декабря 1940 г. по январь 1941 г. сотрудниками Бюро была комплексно обследована деревня Верх-Кули и собраны подробные сведения обо всех 163 русских хозяйствах этой деревни. Этот посёлок был основан казаками, бежавшими из Забайкалья. Вначале здесь насчитывалось не более 43 дворов, но затем их количество увеличивалось и на ноябрь 1940 г. составляло 180 дворов, в том числе 163 русских и 17 китайских. Общее население 1205 чел., в том числе 1077 русских. Основными занятиями русского населения являлись земледелие (128 дворов), промыслы (плотники – 3 двора, жестянщики – 1), торговля (3 двора). Кроме того, в деревне работали ветеринар, два учителя, водитель трактора, секретарь сельской администрации. 23 двора составляли сельскохозяйственные работники по найму. По происхождению большинство жителей являлись выходцами из Забайкальской области (146 дворов) и некоторых других районов Дальнего Востока: из Амурской обл. – 2 хозяйства, из Приморской – 1. Остальные представляли Владимирскую губ. – 1, Вятскую – 1, Пермскую – 7, Уральскую обл. – 1, Оренбургскую – 1, Акмолинскую – 2, Ферганскую – 1. В 1940 г., по данным японских исследователей, у 128 семей, занимавшихся земледелием в поселке Верх-Кули, среди сельхозкультур почти 48% составляла пшеница, около 45% – овес, значительно меньше – ячмень (примерно 6%), около 1% составлял картофель, 0,2% – другие овощи, возделывались в небольшом количестве и иные культуры. Поля обрабатывались наряду с тягловой силой (лошади, волы) тракторами, которых имелось 5 ед. Среди других сельскохозяйственных орудий имелись зерновые сеялки, плуги, бороны, жатки, молотилки, веялки, мукомолки⁹⁸. Целью японских исследований сельских поселений было привлечение японских переселенцев в этот район. По расчетам, в Трёхречье на площади 188 тыс. га можно было организовать 4699 хозяйств японских переселенцев-колонистов, которые целесообразно обустроить по русской модели⁹⁹.

Столь масштабным планам освоения японскими переселенцами земель Северо-Востока Китая не суждено было сбыться. Попытки официальных властей основать поселения японских колонистов в сельских районах Северо-Восточного Китая были не очень успешными, однако большие участки земель приобрели японские колонизационные организации и компании «Общество развития Маньчжурии», «Общество освоения Маньчжурии». В 1945 г. примерно 10–15% обрабатываемых земель находилось в собственности японских поселенцев и земельных компаний, а также у правительства Маньчжоу-го¹⁰⁰.

Невелико было и число поселений японских колонистов в районе Хулун-Буира, включавшего в себя Трёхречье, что было также обусловлено значительной удаленностью этого района от Японии. В то же время сельские хозяйства японских переселенцев в этом районе использовали опыт казаков. Так, ферма «Кеда», основанная в 1936 г. Окабэ Исао и его единомышленниками, применяла способы хозяйствования русских хозяйств Трёхречья. Он в течение года жил в русской семье в дер. Драгоценка и изучал не только способы возделывания земли, но и пищу, одежду, поэтому в своем хозяйстве японцы жили в избах, спали на кроватях, употребляли в пищу молоко, как русские¹⁰¹.

Японское правительство всячески поощряло переселение в Маньчжоу-го на постоянное местожительство резервистов, которые отбыли срок действительной службы в армии, чем достигалось накопление кадров для мобилизационного развертывания японской армии в случае войны против СССР¹⁰².

В 1940 г. Добровольческий корпус колонистов в Маньчжурии открыл учебный центр – «Синаньский лагерь тренировки пионеров-осваивателей». Этот лагерь являлся одним из учреждений японской организации «Добровольцы для освоения Маньчжурии и Монголии», которая отправляла японских юношей в Маньчжоу-го с целью хозяйственного освоения земли и одновременно укрепления местной обороны. Лагерь действовал в Трёхречье до 1945 г., где только за два года прошли обучение около 300 молодых переселенцев. В последующем они основали в Трёхречье три поселения колонистов – «Кохуку», «Кокэй» и «Ямато». Начальником этого центра был назначен Окабэ Исао, обучавший переселенцев русскому (казачьему) способу хозяйствования¹⁰³.

Наряду с изучением хозяйственного опыта российских казаков-эмигрантов японские оккупационные власти оценивали мобилизационные возможности этой категории населения. Они рассматривали казаков как помощников в охране границы и возможных союзников в случае вторжения в Советскую Россию. Главное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало книгу «Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов», в которой содержалось политическое заявление, что с подчинением Азии Японии «... будет освобождена Россия». Поэтому главная задача русской эмиграции – содействие японскому командованию в утверждении нового порядка.

В военно-стратегическом плане Японии в отношении СССР был специальный раздел «Основы оккупационного режима на территории русского Дальнего Востока», в котором предусматривались использование российских эмигрантов в военных действиях и привлечение их для работы в японский административный аппарат. По мнению японского генерала Г. Янагита, русские и японские солдаты сражались друг против друга в прошлом, сейчас ведут совместную борьбу за Великую Азию и эмигранты должны стать «русскими самураями».

Г.М. Семёнов из эмигрантов готовил вооруженные формирования. Всё взрослое мужское население от 17 до 55 лет из числа российских эмигрантов, способное носить оружие, было распределено между воинскими частями (Сунгарийский русский отряд, казачий отряд в Хайларе, пограничный полицейский отряд) и организациями, носящими военный характер (особый отряд Военной миссии, Захинганская казачья бригада). В воинских частях и организациях эмигранты проходили военное обучение и получали «политическое образование» в духе указаний и принципов Японской военной миссии.

Из русских эмигрантов был сформирован отряд, дислоцируемый на ст. 2-я Сунгари, недалеко от Харбина. Командовал отрядом японский полковник Асано, поэтому служащих в этом отряде называли асановцами. Отряд состоял из 450–500 новобранцев, в том числе из Трёхречья, которые участвовали в боях против корейских партизан. В 1939 г. часть этого отряда, состоявшую главным образом из трёхреченских казаков, перебросили в район боевых действий на р. Халхин-Гол¹⁰⁴. Из мобилизованных из Трёхречья создали отряд во главе с казачьим полковником И.А. Пешковым¹⁰⁵.

Антикитайски настроенные российские эмигранты выступали против беглых китайских солдат из разбитых японцами воинских частей, которые грабили

и убивали как русских, так и китайцев. Часть эмигрантов с оружием в руках подержала продвижение японцев вглубь Китая. Так действовал небольшой отряд, возглавляемый Б.Н. Шепуновым, позднее дислоцировавшийся близ ст. Пограничная¹⁰⁶.

Японцы внимательно изучали военную обстановку на границе с Советским Союзом и оценивали моральный дух эмигрантского приграничного населения. В июле 1942 г. в Токио была издана книга Икэда Гэндзи «Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком», в которой освещалось положение населения приграничных районов Маньчжурии, в том числе и российских эмигрантов в Трёхречье. Автор отмечает, что русская молодежь считает себя казаками и гордится этим, сталинский режим, уничтоживший большую часть предков, дедушек и бабушек, родителей, братьев и сестёр, близких родственников, называет противником. Отсюда заветное желание «...свергнуть сталинский режим и возродить монархию». Но если под ударами с запада Германией, а с востока – японо-маньчжурскими войсками Россия не сможет вновь стать великой державой, а Германия не возвратит оккупированные территории, то как отвечали молодые казаки: «...Мы вернём их силой»¹⁰⁷.

Японцы ждали от белоэмигрантов жертвенности, самоограничения, содействия и укрепления обороны, поддержки всех мероприятий правительства Маньчжоу-Ди-го. В декабре 1944 г. представитель японской разведки на съезде в Харбине заявил, что в связи с войной вся личная и общественная жизнь эмигранта должна быть подчинена борьбе за победу Японии, он должен «...верить в победу Японии и активно участвовать в создании Великой Азии»¹⁰⁸.

Подготовка агентуры производилась в специально созданных при военной миссии диверсионных отрядах, среди них диверсионный отряд горно-лесной полиции, дислоцировавшийся в 22 км от ст. Ханьдаохэтцзы; диверсионно-полицейский отряд – в дер. Эрдаохэцзы; диверсионно-полицейский отряд в г. Мулине; диверсионные отряды, созданные из резервистов, – на ст. Лишучжень и ст. Ханьдаохэтцзы численностью примерно 40 чел в каждом. Русский воинский отряд, дислоцировавшийся на ст. Ханьдаохэтцзы, созданный на базе одной роты отряда Асано, в январе 1944 г. был объединен с учебной командой горно-лесной полиции. В период с 1941 по 1944 г., ещё до объединения, отрядом было подготовлено и произведено 3 выпуска агентов-диверсантов количеством свыше 150 чел. и учебной командой – 120–130 чел. Муданьцзянская военная миссия являлась наиболее крупной разведывательной организацией на участке восточного сектора, производила переброску хорошо обученной агентуры на территорию советского Приморья с разведывательными заданиями¹⁰⁹.

В 1943 г. отряд Асано был переформирован в русские воинские отряды (РВО) Маньчжурской императорской армии. Они являлись базой военной подготовки российской эмигрантской молодёжи в течение полутора лет. Военнослужащим и их семьям оказывалась материальная поддержка. При русских воинских отрядах Маньчжурской императорской армии было открыто двухлетнее военное училище, выпускникам которого предоставлялась возможность служить в Квантунской армии. Один из отрядов, Ханьдаохэцзыйский, имел численность в 1944–1945 гг. 150–160 чел., включая учебно-полицейскую школу. В январе 1944 г. русские отряды на ст. Сунгари-2, ст. Ханьдаохэцзы и в Хайларе были

реорганизованы и получили название 1-го, 2-го и 3-го отдельных кавалерийских отрядов РВО под руководством только российских офицеров¹¹⁰.

Приказом военного министра Маньчжоу-го от 1 июля 1945 г. русские воинские отряды Маньчжурской императорской армии были расформированы, так как, по мнению руководства, российская эмиграция стала неблагонадёжной. На сдачу оружия отводилось три месяца, но расформирование частей затянулось, часть из них осталась в казармах, другая – трудилась на сельскохозяйственных работах или в составе русских трудовых дружин¹¹¹.

К августу 1945 г. численность русских воинских отрядов составляла приблизительно 4 тыс. чел., но лишь небольшие группы из них в составе кавалерийских отрядов Маньчжоу-го приняли участие в военных событиях и были разгромлены. Часть Хайларского отряда во главе с И.А. Пешковым при отступлении к пос. Якиши японцы погрузили в вагоны вместе с японскими и маньчжурскими солдатами, но на ст. Бухэду пешковцев неожиданно выгрузили, и они были расстреляны в лесу (около 20 чел.)¹¹².

Многие русские эмигранты отказывались сотрудничать с японцами, уклонялись от мобилизации. Их арестовывали, без суда и следствия помещали в тюрьмы, концентрационные лагеря, где они умирали под пытками. Преследовались и их родственники. Так, в г. Дайрене в начале 1945 г. было арестовано более 200 эмигрантов за «контакты с советскими гражданами и разведкой СССР». Тех, кто отказывался быть японским агентом, уничтожали, в том числе отправляя этих «врагов Японии» в специальный центр по созданию бактериологического оружия (отряд 731)¹¹³.

После начала боевых действий японское командование организовало несколько диверсионных отрядов из числа русских военнослужащих РВО. Командиры отрядов получили задание уничтожить советские танки и коммуникации в тылу советских войск. В составе каждого отряда было от 30 до 40 чел., но большая часть этих отрядов отказалась от выполнения данного приказа. В некоторых из них убивали японских инспекторов, а бойцы предпочли сдаться советским частям. Другая часть приняла участие в организации антияпонских партизанских отрядов.

Некоторые части РВО пытались оказывать сопротивление советским войскам. Так, бойцы отряда на ст. Ханьдаохэцзы несли охрану станции до 17 августа 1945 г., а затем при приближении советских войск ушли в сопки. Полковник Н.Б. Коссов, участник боёв против советских и монгольских войск вблизи оз. Хасан и р. Халхин-Гол, перешел через Великую Китайскую стену в американскую зону оккупации¹¹⁴.

Опыт использования российских эмигрантов на военной службе весьма неоднозначен. Эмигранты, шедшие служить в отряд Асано, российские воинские отряды Маньчжурской императорской армии делали это по разным причинам. Для одних служба являлась продолжением борьбы против сил, разрушавших их Россию, для других – исполнением условий прохождения обязательной военной службы с 18 лет. Естественно, она вызывала отторжение, поскольку не все являлись сторонниками японского оккупационного режима и помогали Красной армии, однако во многих случаях это не облегчило их участи: большинство из них были арестованы и приговорены к различным срокам заключения, ссылке в Среднюю Азию. Высших руководителей российской эмиграции судили и казнили. Так трагически окончилась служба русских на стороне Японии.

10.3. Разгром японской группировки войск в Маньчжурии

К лету 1945 г. сухопутные войска Японии включали четыре стратегические группировки: Квантунскую, Южную группу армий, Экспедиционные силы в Китае, 1-ю и 2-ю Объединённые армии национальной обороны вместе с 5-м фронтом, сосредоточенные в метрополии. На островных территориях и в Юго-Восточной Азии действовали 8-й и 10-й фронты. Крупные силы входили в Объединённую воздушную армию и Объединённый флот Военно-морских сил.

Поражение Японии в Филиппинском морском сражении в 1944 г., потеря ею островов Иводзима и Окинава упрочили положение США и их союзников, которые успешно вели боевые действия на Филиппинах, Борнео (Калимантан), в Новой Гвинее и приблизились к внутренней линии обороны метрополии, проходившей от северной части Курильской гряды, вдоль восточных (тихоокеанских) берегов островов Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю, Рюкю, о-ва Формоза (Тайвань) и далее до берегов Юго-Западного Китая¹¹⁵. Военно-стратегический план окончательного разгрома Японии предусматривал бомбардировки важнейших военно-промышленных центров и блокаду японских островов с целью создания благоприятных оперативно-тактических условий для вторжения на о-ва Кюсю и Хоккайдо¹¹⁶.

За годы войны торгово-транспортный флот Японии лишился около половины тоннажа (в 1942 г. он составлял 7 млн т, в 1944 г. – 5,5 млн т, в 1945 г. – 3,5 млн т), что привело к резкому сокращению поставок стратегического сырья, в первую очередь нефти, бокситов, железной руды, редких металлов¹¹⁷. Вследствие понесённых потерь военная экономика Японии уже не могла в полной мере обеспечивать потребности войск, флота и авиации в вооружении и боевой технике, а также горюче-смазочных материалах. Особенно неблагоприятно сказалось сокращение ввоза нефти и нефтепродуктов, доставка которых шла в ограниченном объёме и только через Китай¹¹⁸.

Тем не менее милитаристская Япония имела мощную производственную базу и значительные стратегические запасы в Корее и Маньчжурии, превратила их в военно-экономическую базу и стратегический плацдарм для агрессии. Здесь находилось 55% мощностей японского производства синтетического горючего, действовали восемь заводов, в том числе два завода в Фушуне производительностью около 600 тыс. т в год, два в Гирине – 240 тыс. т и завод в Сыпине – 180 тыс. т¹¹⁹.

Маньчжурия была одним из основных поставщиков взрывчатых и отравляющих веществ: 12 заводов производили взрывчатку, наиболее крупные из них находились в Аньдуне, Анынгане, Гирине, Канченцзы (на п-ове Гуаньдун). В Дальяне, Шэньяне, Харбине, Чанчуне, Цзиньчжоу, Хуайдэ (Гунчжулине), Муданьцзяне и в других городах действовали заводы по производству промышленного оборудования и электроаппаратуры, артиллерийского и стрелкового вооружения, авиационные, танковые и автомобильные заводы. Производство маньчжурской стали в слитках в 1944 г. было доведено до 1,3 млн т при выплавке в целом по империи 5,9 млн т. В Корее на базе дешёвой электроэнергии и богатых источников сырья развивалось производство алюминия. Высокого уровня достигла добыча вольфрамовой руды (84% её добычи в Японии), плавикового шпата (94%), меди (40%) и графита (100%)¹²⁰.

Япония сохранила мощное авиационное и судостроительное производство. Так, за войну построено 62 754 боевых самолёта, и если в конце 1941 г. имелось

4,2 тыс. боевых самолётов, то в 1945 г. – 15 845, потери составили 51 109 машин. Годовая производительность японской судостроительной промышленности до начала войны на Тихом океане составляла 600 тыс. т, в 1943 г. – 1120 тыс. т, а в 1944 г. она не только не уменьшилась, но и возросла до 1550 тыс. т¹²¹.

Утверждения некоторых американских историков о том, что к августу 1945 г. войска США и Великобритании истощили военные ресурсы, сокрушили военно-экономический потенциал Японии и она не могла оказать сопротивление, являются несостоятельными. По мнению американских специалистов, для вторжения на японские острова требовалась семимиллионная армия, но к январю 1945 г. союзники по антигитлеровской коалиции имели на тихоокеанском театре военных действий лишь 2458 тыс. чел., 19 300 самолётов и 711 кораблей основных классов.

Большие надежды возлагались на скорое завершение войны в Европе и помощь Советского Союза (начать переброску войск планировалось через неделю после разгрома Германии). Американские дипломаты А. Гарриман, Ч. Болен считали, что для нанесения поражения Японии без помощи СССР требовалось 18 месяцев¹²², а потери войск США составят, по меньшей мере, 1 млн чел.¹²³ На официальных переговорах подчёркивалось: «...Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии», «...Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией»¹²⁴.

Принципиальное согласие на вступление СССР в войну на Тихом океане Верховный главнокомандующий И.В. Сталин дал на Тегеранской конференции (28 ноября-1 декабря 1943 г.). Однако только в конце сентября 1944 г. он поручил А.М. Василевскому подготовить расчёты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке СССР, необходимых для вступления в войну против Японии¹²⁵.

В первой половине октября 1944 г. в Москве состоялась конференция советского руководства с союзниками. Великобританию представлял премьер-министр У. Черчилль, а президента США – посол А. Гарриман. Генерал-майор Джон Р. Дин, глава американской военной миссии в СССР, проинформировал о военно-стратегическом положении на Тихом океане и поставил вопрос о готовности вступления СССР в войну с Японией¹²⁶.

Советская сторона сообщила, что военно-политические цели войны с Японией могут быть достигнуты лишь при наличии на дальневосточном театре военных действий трёх мощных наступательных группировок и значительного превосходства над противником в живой силе и технике. Для наступления потребуется 60 дивизий, из них необходимо перебросить 30, на что потребуется три месяца. Каждый фронт должен был создать запасы 3–5 боекомплектов боеприпасов (Забайкальский фронт – 4–5), 30 заправок авиа- и 2 – автобензина, 10 – дизельного топлива, шестимесячную потребность в продовольствии и фураже (суточных доз), а на Северном Сахалине, Камчатке и Чукотке – иметь годовые запасы¹²⁷.

Союзникам по антигитлеровской коалиции был передан перечень поставок (840 410 т твёрдых и 206 000 т – жидких грузов), который включал продукты питания, горюче-смазочные материалы, транспортные средства и прочие материальные ресурсы, рассчитанные на обеспечение советских вооружённых сил численностью 1,5 млн чел., 3 тыс. танков, 75 тыс. моторизованных транспортных средств и 5 тыс. самолётов в течение двух месяцев. Советская сторона считала

целесообразным доставить грузы морским транспортом через порты Дальнего Востока до 30 июня 1945 г.¹²⁸

До Ялтинской (Крымской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) детализация плана войны с Японией не проводилась. Разработанный план по развёртыванию и материально-техническому обеспечению войск на Дальнем Востоке¹²⁹ уточнялся в течение нескольких месяцев, а директива о проведении военно-стратегических операций утверждена Ставкой Верховного Главнокомандования, Центральным Комитетом ВКП(б) и Государственным Комитетом Обороны 28 июня 1945 г.¹³⁰

Учитывалось, что на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии у границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики японцы построили 17 укрепленных районов. Общая протяжённость полосы укреплений, в которой насчитывалось свыше 4500 долговременных сооружений, составляла около 800 км. Вдоль границ Маньчжоу-го с СССР созданы Калганский, Халун-Аршанский, Чжалайнор-Маньчжурский и Хайларский укрепленные районы; на севере – Сахалинский, Суньусский, Синшаньчжэньский, Сунгарийский и Фуцзиньский; на востоке – Жаохэйский, Хутоуский, Мишаньский, Суйфэньхэский (Пограничненский), Дуннинский, Дунсинчжэньский, Хуньчуньский и Кёнхынский¹³¹.

Укрепленный район занимал 50–100 км по фронту и до 50 км в глубину, состоял из 3–7 узлов сопротивления, включавших от 3 до 6 опорных пунктов. Узлы сопротивления и опорные пункты оборудовались, как правило, на господствующих высотах и имели перекрестную огневую связь. Их фланги упирались в труднодоступную горно-лесистую или лесисто-болотистую местность. Во всех укрепленных районах были построены долговременные огневые сооружения, состоявшие из артиллерийских и пулемётных долговременных огневых точек, бронеколпаков, бронированных наблюдательных пунктов, деревоземляных огневых точек, противотанковых рвов, стрелковых окопов и проволочных заграждений. Помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия, электростанции, система водоснабжения и вентиляционные устройства находились глубоко под землей. Развитая сеть подземных ходов сообщения (галерей) соединяла все сооружения в единый комплекс¹³².

Линию пограничных укрепленных районов японцы называли полосой прикрытия. Она состояла из трёх позиций: первая включала передовые узлы сопротивления и опорные пункты глубиной 3–10 км, вторая (3–5 км) – основные узлы сопротивления и третья (2–4 км) – располагалась в 10–20 км от второй позиции. Особенно сильные укрепления были созданы на восточных границах Маньчжоу-го. Так, Хутоуский укрепрайон занимал более 100 км по фронту и 40–45 км в глубину, состоял из трёх отдельных опорных пунктов и шести узлов сопротивления, самый мощный из которых – Хутоуский имел 7 артиллерийских и 12 пулемётных дотов, 8 пулемётных дзотов, 6 наблюдательных пунктов, 2 бронеколпака, 6 открытых артиллерийских позиций на 1 км фронта¹³³.

Значительное количество оборонительных сооружений создано на Сахалине и Курилах. На островах северной части Курильской гряды Шумшу и Парамушир установлены береговые артиллерийские батареи, укрытые в железобетонных сооружениях. Десантно-доступные места прикрыты системой проволочных заграждений и противотанковых рвов, а гарнизоны состояли из личного состава, получившего боевой опыт в войне с США на Алеутских островах. На Южном Сахалине и Курильских островах были сосредоточены войска 5-го фронта – три

пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельный пехотный и отдельный танковый полки.

К началу августа 1945 г. вблизи границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики была сосредоточена крупная стратегическая группировка японских и марионеточных войск. Её основу составляли Квантунская группировка войск – два фронта (1-й и 3-й) и две отдельные армии (24 пехотные дивизии, 9 смешанных бригад, 2 танковые бригады и бригада смертников), 2-я воздушная армия, а также Сунгарийская военная флотилия. Авиационная группировка в Маньчжурии и Корее включала 2-ю и 5-ю воздушные армии, насчитывавшие до 2 тыс. самолётов (600 бомбардировщиков, 1200 истребителей, более 100 разведчиков и до 100 вспомогательных самолётов). Сунгарийская военная флотилия состояла из отрядов кораблей (до 30 ед.), трёх полков морской пехоты с высадочными средствами (примерно 50 десантных мотоботов и 60 десантных моторных лодок).

Командованию Квантунской группировки подчинялись войска марионеточного государства Маньчжоу-го и японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана, предполагалось использовать другие формирования, а также вооружённые отряды резервистов-переселенцев. В качестве стратегического резерва для действий могли быть использованы многочисленные войска и крупные силы флота, находившиеся непосредственно в Японии.

По сообщению генерала Д. Макатура от 20 сентября 1945 г., численность только сухопутных японских войск на 15 августа составляла в метрополии 2 млн 253 тыс. солдат и офицеров. В составе военно-морских сил имелось около 650 кораблей основных классов (в том числе 30 повреждённых), из них 9 авианосцев и эскортных авианосцев (три повреждённых), 4 линейных корабля (два повреждённых), 4 тяжёлых крейсера (два повреждённых), 10 лёгких крейсеров (два повреждённых), 45 миноносцев всех типов (15 повреждённых), 60 подводных лодок и до 200 торпедных катеров¹³⁴. Для военных действий против Тихоокеанского флота и Северной Тихоокеанской флотилии (район Сахалина и Камчатки) японское командование держало 5 авианосцев, 2 линейных корабля, 3 тяжёлых и 3 лёгких крейсера, все эскадренные миноносцы и торпедные катера.

Таким образом, у советских границ были сосредоточены войска трёх фронтов, Отдельной армии, часть сил 5-го фронта, а также несколько отдельных полков, военная речная флотилия и две воздушные армии. Эта группировка имела 1215 танков, 6640 орудий и миномётов, 26 кораблей и 1907 боевых самолётов. Сухопутные силы японской армии к этому времени участвовали в крупных операциях только частично и находились в полной боевой готовности на случай вторжения американско-английских войск на острова метрополии.

В сложившихся условиях для выполнения военно-стратегических задач требовалось осуществить перегруппировку советских сил и средств с западного театра военных действий на восток, вдвое усилить группировку войск, подготовить транспортные коммуникации, восстановить железнодорожные пути и построить автогужевые дороги, подготовить места для выгрузки вооружения, военной техники и материальных средств в Забайкалье, Приамурье и Приморье¹³⁵.

Стратегическое развёртывание войск в восточных районах СССР осуществлялось заблаговременно. Осенью 1941 г. на территории Забайкалья и Дальнего Востока были сосредоточены силы прикрытия, способные нанести ответный удар. Несмотря на сложную военно-политическую обстановку на советско-

маньчжурской границе, в самые напряжённые периоды сражений под Москвой, Сталинградом Ставка использовала Дальневосточный фронт (ДВФ) и Тихоокеанский флот (ТОФ) в качестве одного из источников пополнения действовавших против фашистской Германии войск, создавая новые части и соединения. За годы войны из состава сухопутных войск Дальневосточной группировки передислоцировали 39 дивизий, 21 бригаду и 10 полков, свыше 5 тыс. орудий и миномётов, более 3300 танков. Выделенный из состава Тихоокеанского флота личный состав стал основой морских стрелковых бригад. 14 июля 1942 г. из Владивостока вышел отряд кораблей ТОФ в составе лидера «Баку» и эсминцев «Разумный» и «Разъяренный». С экспедицией особого назначения (ЭОН-18), преодолев за 762 ходовых часа 7360 миль по морям Дальнего Востока и Северного Ледовитого океана, 14 октября корабли прибыли в Полярный¹³⁶.

4 сентября 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял решение об усилении Северного флота за счёт перевода 6 подводных лодок с Тихого океана¹³⁷, а в 1944 г. для усиления Черноморского флота 10 подводных лодок типа «М» из состава ТОФ перевезли по железной дороге из Владивостока в Потти¹³⁸. В феврале 1944 г. по приказу наркома Военно-морского флота произвели смену экипажей – с подводной лодки «Л-19» ТОФ на экипаж «Л-20» Северного флота, а с лодок типа «Щ-130» и «М-116» ТОФ на экипажи «Щ-209» и «М-111» на Черноморском флоте¹³⁹. В течение всей войны ТОФ передавал на другие флоты и офицерский состав, только в 1944 г., кроме 10 подводных лодок с экипажами и трёх отдельных экипажей, передали два управления дивизионов подводных лодок и четырёх командиров подводных лодок¹⁴⁰.

Опыт перегруппировки боевых сил и средств, вооружения и боевой техники в годы Великой Отечественной войны использовался в организации перевозок личного состава и материальных средств в ходе подготовки кампании против Японии. Обеспечивались скрытность сосредоточения войск на соответствующих стратегических направлениях, их развёртывание, управление войсками и материально-техническое обеспечение.

На Дальний Восток направлялись в первую очередь управления различных командований для изучения театра военных действий: прибыли резервное фронтовое управление бывшего Карельского фронта, на которое возложили командование Приморской группой войск, из резерва Ставки – два укрепленных района полевого типа, полевое управление 5-й армии, три управления стрелковых корпусов с четырьмя стрелковыми дивизиями¹⁴¹.

Перебрасывались войска четырёх фронтов, завершивших боевые действия на советско-германском фронте. Среди них войска 3-го Белорусского фронта: управление 5-й и 39-й общевойсковых армий, 6 управлений стрелковых корпусов, 18 стрелковых и 2 зенитно-артиллерийские дивизии, 8 артиллерийских и 2 бригады реактивной артиллерии (60% всего количества соединений сухопутных войск, прибывших на Дальний Восток); из состава 2-го Украинского фронта – фронтовое и два армейских управления, шесть управлений стрелковых, танкового и механизированных корпусов, 10 стрелковых и зенитно-артиллерийских дивизий, 15 бригад основных родов войск; с Ленинградского фронта – управления артиллерийского и механизированного корпусов, 6 дивизий и 17 бригад различных родов сухопутных войск; с 1-го Белорусского – три бригады реактивной артиллерии, из Московского военного округа – две танковые бригады и непосредственно из резерва Ставки ВГК – резервное фронтовое управление,

три бригады и два укрепленных района. Из других военных округов на Дальний Восток прибыло большое количество тыловых частей и учреждений¹⁴².

На восток СССР направлялись войска, имевшие боевой опыт. Так, соединения и части 5-й и 39-й общевойсковых армий, имевшие боевой опыт в прорыве укрепленных полос в Восточной Пруссии, предназначались для штурма на главных направлениях приграничных японских укрепрайонов. Первая – в полосе наступления 1-го Дальневосточного фронта против Хутоуского, Мишаньского, Суйфэнхэского (Пограничненского) и других укрепрайонов восточного рубежа. Вторая – на Забайкальском фронте. Соединения 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, имевшие опыт действий в горностепной местности, включены в состав Забайкальского фронта для наступления на широких пустынных просторах и в горно-лесистых массивах Маньчжурии.

Таким образом, с мая по август 1945 г. советское военно-политическое руководство СССР скрытно передислоцировало с запада на восток огромное количество личного состава, боевой техники и вооружения (табл. 10.3.1).

Таблица 10.3.1. Стратегическое развёртывание войск на Дальнем Востоке СССР (май-август 1945 г.)

Показатели	Передислоцировано в период				
	май	июнь	июль	1-8 августа	Всего
Личный состав, чел.	33 456	152 408	206 042	11 449	403 355
Винтовки и карабины, ед.	13 343	79 295	83 334	4644	180 616
Пистолеты-пулеметы, ед.	4041	37 802	38 061	3073	82 977
Станковые и ручные пулеметы, ед.	1177	5800	3482	164	10 623
Орудия и минометы, ед.	504	2624	3723	286	7137
Танки и САУ, ед.	156	564	1229	170	2119
Грузовые автомашины, ед.	1059	4475	10 424	1416	17 374
Тракторы и тягачи, ед.	77	477	805	33	1492
Конский состав, голов	4983	18 533	12 764	–	36 280

Источник. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. С. 193.

В период стратегического развёртывания перегруппировано 2 фронтовых и 4 армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, 53 бригады основных родов сухопутных войск и 2 укрепленных района, что составило в общей сложности 30 расчётных дивизий.

В сформированный Особый округ железных дорог Дальнего Востока поступали части эксплуатационно-железнодорожных полков и эксплуатационных отделений из Польши и Румынии, возвратили спецподразделения с юго-западных магистралей численностью более 14 тыс. чел., ещё 8 тыс. военнообязанных, признанных ограниченно годными к строевой службе, прибыли в распоряжение Наркомата путей сообщения. На восстановление железнодорожного полотна направили две железнодорожные бригады и несколько специальных

формирований. Из Чехословакии в распоряжение 1-го Дальневосточного фронта прибыла 3-я железнодорожная бригада, которая на Приморской железной дороге развернула работы по усовершенствованию работы станций, системы водоснабжения и укреплению верхнего строения пути.

На участке 2-го Дальневосточного фронта для увеличения пропускной способности Амурской и Дальневосточной железных дорог с 25 до 30 пар поездов в сутки трудились бойцы 25-й железнодорожной бригады, дополнительно сформировали около 80 восстановительных поездов и летучек, обслуживаемых бригадами железнодорожников Амурской, Приморской и Дальневосточной дорог.

Материально-техническое снабжение войсковых соединений осуществлялось с использованием государственных ресурсов и поставок по ленд-лизу. Так, с 13 мая по 2 сентября 1945 г. судами Дальневосточного морского пароходства было доставлено из США в порты Дальнего Востока 209 764 автомобиля, 371 670 т нефтепродуктов, 235 607 т продовольствия¹⁴³.

Для координации действий войск и флота 30 июля 1945 г. создан специальный орган высшего управления – Главное командование советских войск на Дальнем Востоке, а согласно директиве от 2 августа – штаб Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. Главнокомандующим назначен Маршал Советского Союза А.М. Василевский, координировал действия Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской военной флотилии с войсками народный комиссар ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов, действиями авиации руководил командующий Военно-воздушными силами главный маршал авиации А.А. Новиков.

При главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке была создана оперативная группа тыла во главе с заместителем начальника тыла генералом В.И. Виноградовым. В неё входили группа офицеров штаба тыла, представители Центрального управления военных сообщений, Главного автомобильного управления, Главного дорожного управления, управлений снабжения горючим, продовольственного и вещевого снабжения, Главного военно-санитарного управления и Главного трофейного управления.

19 марта 1945 г. из состава Дальневосточного фронта выделена Приморская группа войск, командующим которой стал маршал К.А. Мерецков, обладавший большим опытом прорыва укрепленных районов. В состав группы войск включались 1-я Краснознамённая, 25-я и 35-я общевойсковые армии, 10-й механизированный корпус и 9-я воздушная армия¹⁴⁴. 5 августа 1945 г. Приморская группа войск преобразована в 1-й Дальневосточный фронт, а Дальневосточный фронт – во 2-й Дальневосточный. К 9 августа 1945 г. на Дальнем Востоке сосредоточена советская военная группировка 1577 тыс. чел., 26 137 орудий, 5566 танков и 3446 самолётов, развернуты Забайкальский (командующий – Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский), 1-й (командующий – Маршал Советского Союза К.А. Мерецков) и 2-й (командующий – генерал М.А. Пуркаев) Дальневосточные фронты. С ними должны были взаимодействовать 9-я, 10-я и 12-я воздушные армии, а также силы Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской военной флотилии (рис. 10.3.1). Таким образом, к началу августа 1945 г. Советский Союз в соответствии с обязательствами перед союзниками, закреплёнными в документах Крымской и Потсдамской конференций, завершил стратегическую перегруппировку войск и был готов к вступлению в войну с Японией¹⁴⁵.

Рис. 10.3.1. Система управления в Маньчжурской операции

Союзные войска США и Великобритании, запланировав вторжение на территорию Японии только на 1946 г., продолжали бомбардировки островов. 6 и 9 августа 1945 г. на города Хиросима и Нагасаки сброшены ядерные бомбы, что не привело к желаемому результату: Япония не прекратила военные действия и усиленно готовилась к сражениям, полагая, что Вооружённые Силы СССР начнут наступление не ранее сентября 1945 г. из западных и центральных районов Азии¹⁴⁶.

Японская разведка не сумела отследить перегруппировку войск на Дальний Восток и спрогнозировать сроки начала боевых действий. 8 августа 1945 г. в 17.00 ч (время московское) японскому послу в Москве вручили ноту о том, что с 9 августа СССР считает себя в состоянии войны с Японией. Главной военно-стратегической целью советских вооружённых сил в войне с Японией являлся разгром Квантунской группировки войск, освобождение Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи, восстановление исторических прав СССР на территории Южного Сахалина и Курильских островов.

Участие в разгроме японской группировки в Маньчжурии принимали войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанский флот, Краснознамённая Амурская военная флотилия, три армии противовоздушной обороны (Забайкальская, Приамурская и Приморская) и войска монгольской Народно-революционной армии во главе с маршалом Х. Чойбалсаном в составе конно-механизированной группы Забайкальского фронта.

План предстоящей наступательной операции был определён с учётом характера театра военных действий. Он заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассеяния и разгрома по частям основных сил Квантунской армии. В ходе операции предполагалось быстро разгромить японские войска прикрытия и силами трёх взаимодействующих фронтов выйти на рубеж, удобный для наступления на важные районы противника, и основными силами – в центральную часть Маньчжурии. Выбор направлений обусловлен своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системой обороны, что позволяло советским войскам в короткие сроки лишить Квантунскую армию сообщений с метрополией и ближайшими группировками в Северном Китае и Южной Корее и способствовало её полному окружению.

Наступление советских войск было начато 9 августа 1945 г. в 01.00 ч по хабаровскому, или 8 августа в 18.00 по московскому, времени одновременно на Забайкальско-Маньчжурском, Приамурско- и Приморско-Маньчжурском направлениях. Наступление широким фронтом было стремительным. Войска Забайкальского фронта (перед которыми было только прикрытия основной группировки противника) значительно продвинулись в глубину территории, 6-я гвардейская танковая армия преодолела хребет Большой Хинган и вышла на Маньчжурскую равнину в тыл Квантунской группировки войск.

В полосе наступления 1-му Дальневосточному фронту предстояло прорывать мощные оборонительные сооружения противника, и для усиления его мощи в район Имана (Дальнереченск) перебросили имевшуюся в составе ТОФ батарею 305-мм гаубиц. При этом войска 1-й Краснознамённой и 25-й армий начинали наступление без артподготовки, поскольку приходилось преодолевать широкую полосу тайги и наступать ночью. Войска 2-го Дальневосточного фронта форсировали Амур (от устья Уссури до устья Шилки), а также р. Уссури и оз. Ханка, развивали наступление на Сунгарийском, Жаохейском и Цицикарском направлениях, разъединяя на части главные силы Квантунской армии.

Краснознамённая Амурская флотилия обеспечивала переправу войск через р. Амур и Уссури, захват и удержание плацдармов на правом берегу Амура для последующего наступления на Бэйгуань – Цицикар, оказывала наступающим войскам артиллерийскую поддержку, стремилась не допустить прорыва кораблей противника к позициям советских войск¹⁴⁷.

К началу боевых действий в составе Краснознамённой Амурской флотилии (КАФ) имелось 130 боевых кораблей и вспомогательных судов, и ещё 15 транспортных судов подлежали переоборудованию в канонерские лодки. Боевое ядро составляли 7 мониторов (из них 2 – в ремонте), 11 канонерских лодок (2 – в ремонте), 52 бронекатера (БКА) и миномётных катера, 12 речных тральщиков (РТЩ), 30 катеров-тральщиков (КАТЩ), 7 минных и 3 сторожевых катера, 1 боносетевой и 2 минных заградителя. В состав флотилии входили 45-й истребительный авиаполк и 10-й отдельный авиаотряд связи (60 боевых самолётов), 9 отдельных дивизионов зенитной артиллерии, зачислялось 120 катеров пограничных войск, а также суда речных пароходств, способные перевезти значительное количество войск и обеспечить их действия в глубине территории противника. Во время боёв для перевозок использовались трофейные суда. Флотилию

возглавлял имеющий боевой опыт (ранее командовал Онежской флотилией) контр-адмирал Н. Антонов¹⁴⁸.

1-я бригада речных кораблей (2 монитора, 8 бронекатеров, 4 речных тральщика, 7 минных катеров, 12 катеров-тральщиков и 2 плавучие зенитные батареи) обеспечивала форсирование Амура войсками 15-й армии, 2-я бригада речных кораблей (8 бронекатеров, 4 речных тральщика, 6 катеров-тральщиков, 2 плавбатарей) вместе с частью кораблей 3-й бригады – форсирование Амура, овладение г. Фуюань и населённым пунктом Циндели. В форсировании р. Уссури на участке Шереметьево – Козловское и овладении приречными узлами сопротивления 5-му отдельному стрелковому корпусу содействовала 3-я бригада речных кораблей (6 канонерских лодок, 4 бронекатера, 12 катеров-тральщиков, плавбатарея и минный заградитель).

Зее-Бурейская (4-я) бригада речных кораблей (монитор, 5 канонерских лодок, 3 речных тральщика) вместе со Сретенским отдельным дивизионом речных кораблей (8 бронекатеров и 2 глиссера) и отдельным гвардейским дивизионом бронекатеров (12 бронекатеров, 6 катеров-тральщиков, 9 глиссеров) должны были не допустить переброски войск противника через Амур, уничтожить его плавсредства и начать форсирование Амура у Благовещенска. Уссурийский и Ханкайский отряды бронекатеров (по 4 бронекатера) содействовали войскам на берегах р. Уссури и оз. Ханка. Истребительный авиаполк флотилии прикрывал главную базу флотилии и коммуникации от Хабаровска до устья Сунгари. Среди моряков флотилии было много курсантов второго курса ТОВВМУ, проходивших корабельную практику комендорами в башнях на мониторах.

Главным направлением действий флотилии было Сунгарийское, на котором сосредоточились 1-я и 2-я бригады речных кораблей, а впоследствии присоединилась третья бригада. Мониторы «Дальневосточный комсомолец» и «Свердлов», канонерская лодка «Пролетарий» и бронекатера, приняв на борт батальон десанта, вышли по направлению к г. Фуюань у устья Уссури в 68 км от Хабаровска. Под ружейно-пулемётным огнём противника канонерская лодка высадила 274 десантника. Успешно действовала корректировочная группа старшего лейтенанта К. Хорошева, управляя огнём корабля. На мостике лодки находился её командир – выпускник ТОВВМУ 1941 г. старший лейтенант И. Сорнев, руководивший действиями экипажа.

Корабли флотилии своим огнём уничтожили несколько дзотов и дотов, разрушили 7 кирпичных казарм и другие укрепления. Город был освобождён от противника, потерявшего убитыми и ранеными более 100 чел., и 150 чел. попали в плен. Потери советских войск составили убитыми – 21 чел. и ранеными – 51. Проход вверх по Амуру был расчищен. 3-я бригада речных кораблей переправила 11 тыс. чел. личного состава, 583 автомашины, 1240 лошадей, 288 повозок и 904 т различных грузов и обеспечила форсирование р. Уссури и штурм г. Дунань. После выполнения поставленных задач бригада была переброшена на Сунгари¹⁴⁹.

10 августа 1945 г. в условиях малой видимости началось форсирование Амура у Благовещенска, десант высадился на набережную г. Сахальян (Хэйхэ). Высадка десанта в районе Айгуня встретила упорное сопротивление японцев, и для его подавления 12 августа 1945 г. отправлены монитор «Активный» и канонерская лодка «Красная Звезда», которые вели огонь по укреплениям противника в течение 33 ч, что позволило танковым частям выйти в тыл противника. Небольшие десанты были высажены в Цикэ и близлежащих посёлках.

В результате совместных действий 2-й Дальневосточной армии и Зее-Бурейской бригады речных кораблей всё побережье Верхнего и Среднего Амура освобождено от японских войск, а у Благовещенска создана переправа, функционирующая во время боевых действий, обеспечивая продвижение советских войск вглубь Маньчжурии. Корабли флотилии перевезли более 86 тыс. чел., около 1000 танков и самоходных артиллерийских установок, 4000 автомашин, 5500 лошадей и 2500 повозок, свыше 2000 т боеприпасов, горючего и других воинских грузов¹⁵⁰.

В верхнем течении Амура отдельный Сретенский дивизион катеров осуществил захват населённых пунктов и полицейских постов, высадил десант у уездного города Мохэ. Катера флотилии, действовавшие вместе с дальневосточными пограничниками на оз. Ханка, уничтожили пограничные заставы японцев. После высадки десанта у г. Лахасусу (Тунцзян) был захвачен плацдарм для продвижения вглубь Маньчжурии, организована переправа судами Нижнеамурского пароходства через Амур у с. Ленинское. Здесь были переправлены 91 тыс. бойцов, 150 танков, 413 орудий, 3 тыс. лошадей и 28 тыс. т различных грузов¹⁵¹.

После захвата плацдарма в устье Сунгари войска 15-й армии развернули наступление на Харбин. Однако их действия были крайне затруднены плохими дорогами, размытыми ливневыми дождями. Войска растянулись, тылы отстали, и армии лишились возможности наносить быстрые и сосредоточенные удары крупными силами по укрепленным районам противника.

В сложившихся условиях боевые корабли Амурской флотилии, обеспечивая высокие темпы наступления, выступали в роли передовых отрядов. Для управления штаб флотилии на корабле «Амур» выдвинулся к району боевых действий. 10 августа 1945 г. взяли расположенный в устье Сунгари г. Лахасусу (Тунцзян). Следующим крупным узлом обороны японцев был г. Фугдин (Фунзинь), гарнизон которого насчитывал до 1200 чел., включая морских пехотинцев, имелись 156 дотов и 33 дзота. Для овладения городом из 1-й бригады речных кораблей создали дозорно-разведывательный отряд (монитор «Сун Ят-сен», три бронекатера и шесть катеров-тральщиков) и отряд прикрытия (два монитора – «Ленин» и «Красный Восток» и три бронекатера). Для десанта предназначались два батальона пехоты и штурмовая рота, размещённые на кораблях прикрытия.

Ожидалось, что, отступая, японцы разрушат створы, бакены, перевальные знаки, однако из-за высоких темпов наступления они не успели этого сделать. Монитор «Ленин» высадил десант у дер. Тусикэ, откуда и началось наступление вдоль реки. 11 августа 1945 г. бронекатера ворвались на рейд, огнём мониторов все огневые точки противника были подавлены и высажен десант, завязавший бои в городе. Для ликвидации снайперов и диверсионных партий на берег высаживались небольшие отряды моряков из экипажей кораблей. Мониторы, имевшие артиллерию калибром 130-мм и надёжную броневую защиту, обладали неоспоримым огневым превосходством над японцами, у которых не было орудий крупнее 75-мм. Особенно успешно действовал монитор «Сун Ят-сен», уничтоживший и подавивший 5 дотов, 12 дзотов и 6 миномётных батарей. 13 августа с подходом главных сил город был взят.

Наступление войск 1-го Дальневосточного фронта осложнялось сильными ливнями, сделавшими невозможным применение авиации и ограничившими применение артиллерии. Пограничники ликвидировали 33 объекта обороны противника, большая часть советских войск перешла в наступление на широком фронте, нанося одновременно удары в нескольких направлениях.

1-я Краснознаменная армия 11 августа с ходу взяла г. Мулин, 12 августа – г. Мишань. 14 августа начались бои за Муданьцзян, но первый штурм не удался. Командование фронтом приняло решение обойти город и наступать в направлении Гирина. Продвигаясь по 10–12 км в сутки, советские войска овладели городами Дунин и Хуньчунь. Пытаясь остановить наступление, противник использовал подразделения диверсантов и отряды смертников, но не мог изменить положения. Советская авиация, завоевав господство в воздухе, наносила удары по железнодорожным узлам, станциям, аэродромам, портам Северной Кореи, парализовала движение по путям сообщений между японскими группировками.

В ходе проведенных операций советские и монгольские войска нанесли Квантунской группировке войск серьёзное поражение, разгромили 16 укрепленных районов. Забайкальский фронт, продвинувшись на расстояние 250–400 км, 2-й Дальневосточный – на 50–200 км и 1-й Дальневосточный – на 120–150 км, вышли на заданные рубежи. Однако в ряде укрепленных районов блокированный противник продолжал сопротивление (например, в Хайларе, Фуцзине, Суйфэньхэ, Муданьцзяне).

Ошеломлённые внезапными ударами советских войска японское командование пыталось организовать оборону в глубине Маньчжурии, однако сил прикрытия было недостаточно, и они не могли обеспечить отход японских войска на тыловой рубеж обороны. Контратаки японских войска потерпели неудачу. 14 августа 1945 г. японское правительство выступило с заявлением о капитуляции, но в армию приказ о прекращении сопротивления не поступил, и она продолжила военные действия.

16 августа 1945 г. 1-я и 2-я бригады речных кораблей высадили десант в Цзямусы – крупном городе на р. Сунгари, 19 августа – в г. Саньсин (Илан), где получили сообщение командующего флотилией о капитуляции Квантунской армии. 20 августа корабли флотилии под флагом командующего контр-адмирала Н. Антонова на корабле «Амур» вошли в Харбин, где приняли капитуляцию речной флотилии японцев. Трофеями советских моряков стали 4 башенных канонерских лодки, 9 бронекатеров, 8 сторожевых катеров, более 30 буксиров, 20 грузопассажирских пароходов и свыше 100 различных судов и барж, всего 260 ед. различных плавсредств¹⁵².

Корабли японцев сопротивления не оказывали и в боях почти не участвовали. Единственным боевым столкновением с кораблями противника был захват бронекатерами 1-го отряда на подходах к Цзямусы японского судна вместе с его командиром капитан-лейтенантом Цо. Во время перестрелки ранены и убиты 8 японских матросов, катера Амурской флотилии потерь не имели. Попытка японцев перекрыть дорогу нашим кораблям, взорвав железнодорожный мост у Цзямусы, тоже успеха не имела – бронекатера легко нашли проход между фермами разрушенного моста.

В сложившихся условиях советское командование принимает решение – ускорить наступление и не допустить отхода главных сил противника на Ляодунский полуостров и в Северный Китай. Для обеспечения танковой армии Забайкальского фронта была задействована транспортная авиация (2 дивизии), доставившая 2456 т горючего и 180 т боеприпасов. Несмотря на трудности наступления, 19 августа войска 6-й гвардейской танковой армии вошли в Чанчунь, в котором уже высадился советский воздушный десант. Войска советско-монгольской

конно-механизированной группы к 21 августа 1945 г. вышли на рубеж Великой Китайской стены и на разграничительную линию с 8-й китайской армией.

Понимая, что сопротивление бесполезно, 17 августа 1945 г. командование японской армии обратилось к маршалу А. Василевскому с предложением начать переговоры, но японские войска продолжали военные действия. 18 августа после ожесточённого боя с применением орудий большой мощности Хутоуский укрепрайон возле г. Иман (Дальнереченск) был взят, и 20 августа передовые отряды 1-й Краснознамённой армии вошли в Харбин. Советские войска соединились с частями Забайкальского фронта, захватили порты Северной Кореи, лишили японские войска связи и отрезали пути отступления.

Командующий Забайкальским фронтом направил в Чанчунь специальную миссию во главе с начальником оперативного управления полковником И. Артеменко, чтобы вынудить командующего Квантунской армией генерала О. Ямада подписать акт безоговорочной капитуляции. Миссию доставили самолётами, а вслед за ней – десант из 500 чел. из состава 6-й гвардейской танковой армии. Десантники заняли аэродром, генерал О. Ямада и премьер-министр Маньчжоу-го Чжан Цзин-хуэй 19 августа 1945 г. в 14 ч 10 мин подписали акт капитуляции и выступили по радио с обращением.

Для того чтобы не допустить разрушения важных объектов и ускорить капитуляцию войск, войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов высадили воздушные (посадочные) десанты в Тунляо (севернее Мукдена), Чанчуне, Мукдене (Шэньяне), Дальнем (Даляне), Порт-Артуре (Люйшуне), Харбине, Гирине, Яньцзы, Хамхыне, Пхёнъяне. На аэродроме Шэньяна десантниками был пленён император Маньчжоу-го Генри Пу И.

Однако не все японские войска капитулировали. Части 1-го Дальневосточного фронта вели ожесточённые бои с гарнизонами укреплённых районов. Только 22 августа 1945 г. после ожесточённой артиллерийской и авиационной подготовки удалось полностью овладеть Хутоуским узлом сопротивления, его трёхтысячный гарнизон был почти полностью уничтожен. Только с применением артиллерии особой мощности удалось принудить 26 августа 1945 г. к сдаче остатки гарнизона Дунинского укрепрайона и Шиминцзянского узла сопротивления.

В результате стратегической операции с участием трёх фронтов, военно-морских и военно-воздушных сил было нанесено поражение Квантунской группировке войск, лишившее Японию надежды на сопротивление.

10.4. Участие Тихоокеанского флота в разгроме милитаристской Японии

Задачи Тихоокеанскому флоту (командующий – адмирал И.С. Юмашев) на случай войны с Японией поставили ещё в 1941 г., а в 1944 г. – откорректировали. Предусматривалось нарушать морские коммуникации в Японском море силами авиации и подводных лодок; поддерживать прибрежные фланги советской армии в районе Северной Кореи и в Татарском проливе и, взаимодействуя с войсками фронта, не допустить высадки десантов противника на советское побережье; затруднить базирование противника в портах Северной Кореи (Юки, Расин, Сейсин), наносить удары по кораблям противника в военно-морских базах в Японском море и Татарском проливе.

Если в годы Великой Отечественной войны основной задачей ТОФ была оборона советского побережья, то в 1945 г. боевая подготовка проводилась с учётом планируемых наступательных операций. Однако сведений о противнике было недостаточно, его военно-стратегические возможности оценены приблизительно, не выявлено значение главной военно-морской базы Сейсин (Чхончжин) в Корее¹⁵³.

Опыт по преодолению обороны противника союзников не изучался, не были согласованы с союзниками зоны боевых действий, из-за чего границы операционной зоны сил флота и сухопутных войск (38°с.ш. в Корее) не совпадали на 200 миль. Разграничительная линия между зонами ответственности СССР и США от побережья Приморья на расстоянии 100–120 миль (≈ 200 км) создавала трудности для ведения оперативной разведки и привела к тому, что уже после вступления СССР в войну американцы продолжили минные постановки, затруднившие действия Военно-морских сил СССР. Кроме того, японская эскадра, достигнув дальневосточных берегов в ночное время на скорости 25–28 узлов, могла нанести удар. В результате при проведении десантных операций приходилось держать в боевой готовности в зоне ответственности СССР значительные силы флота. В зону ответственности нашего флота не входили Курильские острова, что обуславливалось явным превосходством Японии в крупных надводных кораблях и надеждой на противодействие им наших союзников.

В составе Тихоокеанского флота состояли 78 подводных лодок, 2 крейсера, 1 лидер и 12 эсминцев, 19 сторожевых кораблей, 2 монитора, 10 минных заградителей, 52 тральщика, 19 десантных кораблей, 204 торпедных катера, 22 больших и 27 малых охотников, а также другие корабли¹⁵⁴. Перед началом боевых действий прибыли полученные по ленд-лизу 10 фрегатов, 36 тральщиков, 30 десантных кораблей, 3 плавмастерские. Авиация флота имела 1749 самолётов (из которых 131 в ремонте и 86 в резерве), из них боевых самолётов – 1 495¹⁵⁵. Береговая оборона располагала 1677 береговыми батареями с орудиями калибром от 45-мм до 356-мм.

С 1944 г. личный состав ТОФ усиливался за счёт прибывавших краснофлотцев и командиров с Северного, Балтийского и Чёрного морей, прошедших школу борьбы с немецко-фашистскими захватчиками (в их числе герой обороны Ханко и Заполярья генерал-лейтенант С.И. Кабанов, генерал-лейтенант авиации Е.Н. Преображенский, бойцы 140-го разведотряда В.Н. Леонова).

Директива о приведении сил флота в боевую готовность № 1 была получена 8 августа 1945 г. в 3 ч 20 мин, менее чем за сутки до начала боевых действий. Предписывалось приступить к постановке минных заграждений, прекратить движение одиночных судов и организовать конвоирование транспортов военными кораблями. Близ Владивостока минные заградители «Аргунь», «Теодор Нетте» и три тральщика поставили в две линии 760 мин и 125 минных защитников, у Владимиро-Ольгинской военно-морской базы – 125 мин и 45 минных защитников. В Татарском проливе заградитель «Астрахань» (базировался в зал. Де-Кастри) поставил 465 мин, в Сахалинском заливе заградитель «Гижига» – 199 мин, у Петропавловска-Камчатского заградитель «Охотск» и тральщик «Веха» – 336 мин. Всего было выставлено 1885 мин и 170 защитников. Японский флот не проявлял активности у дальневосточных берегов, успешное наступление советских войск позволило прекратить постановки минных заграждений, которые ущерба противнику не нанесли, но их траление затянулось на долгие

годы (последний выход на боевое траление Тихоокеанским флотом осуществлён в 1962 г.).

В ходе Маньчжурской наступательной операции Тихоокеанский флот поддерживал сухопутные войска, высаживая морские десанты в порты Северной Кореи (4 тактических и 1 оперативный), в том числе в небольшой приграничный порт Юки (Унги) и крупнейший торговый порт Расин (Нанчжин). Кроме них в операционной зоне ТОФ находился небольшой порт Сейсин, как впоследствии оказалось, главная японская база в регионе. Крупнейшей морской крепостью Северной Кореи являлся Гензан (Вонсан).

Экономическое и оперативное значение данных портов для Японии заключалось в том, что через них вывозились стратегические материалы и продовольствие. Кроме того, японское командование могло этим путём подвозить или вывозить войска. Тихоокеанскому флоту предстояло не допустить подвоз резервов из Японии и эвакуацию Квантунской армии на Японские острова.

9 августа 1945 г. советские войска при поддержке береговой батареи с о-ва Фуругельма (выпустила 130 снарядов) форсировали р. Тюмень-Ула и начали освобождение Северной Кореи. Авиация Тихоокеанского флота нанесла ряд ударов по портам Кореи с целью затруднить их использование противником для снабжения и эвакуации войск. В операции были задействованы 2-я минно-торпедная, 10-я пикирующих бомбардировщиков и 12-я штурмовая дивизии.

9–10 августа 1945 г. произведено четыре массированных удара по порту Юки (145 самолётов-вылетов), 8 – по порту Расин (564 самолётов-вылета) и 64 самолётов-вылета по порту Сейсин. В результате в порту Юки (Унги) затоплено 5 судов, Расин (Нанчжин) – 5. Потери советской авиации составили 12 штурмовиков и 3 бомбардировщика. Ударами авиации в море потопили грузовой пароход «Икуцу-Го» (водоизмещением 1398 т) и эскортный корабль № 82, при атаке на который потеряно два ИЛ-4. Одновременно четыре торпедных катера ТОФ произвели боевую разведку порта Расин и пять – порта Сейсин, уничтожив 5 судов противника, а два катера у мыса Кикко захватили грузовую шхуну.

Первоначально планировалось десантировать в порт Сейсин 335-ю стрелковую дивизию, но Военный совет 1-го Дальневосточного фронта операцию отменил. Командующий Тихоокеанским флотом адмирал И.С. Юмашев добился разрешения маршала А.М. Василевского использовать находившуюся в резерве 13-ю бригаду морской пехоты и захватить порт силами флота¹⁵⁶. Вечером 12 августа 1945 г. четыре торпедных катера под командованием капитана 3-го ранга С.П. Кострицкого разведали порт Сейсин и не обнаружили противника, но расчёты на отсутствие сопротивления не оправдались. Японские части противодесантную оборону строили исходя из боевого опыта, когда основные силы были оттянуты, поэтому бои завязались уже после высадки десанта в городе. Сдерживая натиск, 140-й разведотряд и рота автоматчиков, рота 60-го отдельного батальона, 355-й отдельный батальон морской пехоты сохранили плацдарм до прибытия 13-й бригады морской пехоты (на переходе подорвались на минах транспорты «Ногин» и «Дальстрой»).

К исходу 16 августа 1945 г. Сейсин был очищен от противника. Советские потери в боях за город составили более 240 чел., в том числе в батальоне Бараболько – до 70% личного состава, а в пулемётной роте из 129 чел. в строю осталось только 29. В Сейсин на транспортах «Лозовский», «Ташкент», «Хабаровск» и «Ломоносов» в охранении шести сторожевых кораблей,

тральщиков и сторожевых катеров доставили основные силы 335-й стрелковой дивизии 1-го Дальневосточного фронта, которые разместили в г. Ранан, в 20 км от Сейсина.

Взятие Сейсина имело большое значение в сохранении темпа наступления войск фронта и отсекло японские части от моря. 19 августа со сторожевого корабля «Вьюга» и шести торпедных катеров в порт Оденцин (Кёсон) высадили десант усиленного батальона морской пехоты, без сопротивления овладевший городом (рыбацкий посёлок с тупиковой железнодорожной станцией). Эсминец «Войков», фрегат «ЭК-3», два тральщика и четыре торпедных катера осуществили высадку усиленного батальона морской пехоты численностью 2 тыс. чел. в Гёнзан и без сопротивления овладели им. На аэродромы прибыли десантники для занятия авиабазы. Сдача японских войск здесь затянулась до 26 августа 1945 г. С гидросамолётов был высажен десант под командованием генерал-лейтенанта Преображенского для принятия капитуляции японских морских частей в Порт-Артуре и Дальнем. Всего по воздуху с 22 по 28 августа 1945 г. доставлено 1102 чел. и 50 т грузов¹⁵⁷. Успешные действия Тихоокеанского флота по овладению портами северо-восточного побережья Кореи способствовали решению поставленных задач. Противник лишился морских и наземных путей, связывающих Квантунскую группировку войск с метрополией.

Тихоокеанский флот принимал активное участие в Сахалинской наступательной и Курильской десантной операциях¹⁵⁸. Войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта должны были 11 августа перейти государственную границу, наступая на Тоёхара (Южно-Сахалинск), разгромить группировку войск противника и во взаимодействии с Северной Тихоокеанской флотилией овладеть южной частью острова.

Японские войска на Сахалине располагали одной усиленной пехотной дивизией и при обороне границы опирались на Котонский укрепленный район (более 350 долговременных сооружений с гарнизоном 5,4 тыс. чел.), прикрывавший единственную дорогу, ведущую в южную часть острова¹⁵⁹. Командующему флотилией вице-адмиралу В.А. Андрееву была предоставлена полная самостоятельность в принятии решений по обороне побережья и действиях против сил противника, базирующихся на Южном Сахалине и Курильских островах. Флотилия имела в своём составе 9 подводных лодок, 1 сторожевой корабль, 3 минных заградителя, 2 монитора в устье Амура, 49 торпедных и 7 противолодочных катеров. Авиация флотилии насчитывала 267 самолётов.

Начав наступление, советские войска встретили упорное сопротивление. Попытка обойти противника силами стрелкового полка не принесла успеха. Только после подхода основных сил и улучшения погоды, позволившей использовать авиацию, удалось прорвать оборону противника. 18 августа 1945 г. гарнизон укрепрайона сложил оружие, войска 56-го корпуса начали наступление на южную часть Сахалина. Противник пытался организовать сопротивление у населённого пункта Футомата, но огнём с кораблей и авиации флотилии оно было подавлено.

Для поддержки сухопутных войск было решено высадить морские десанты в портах Торо и Эсутору (Шахтёрск и Углегорск) и Маока (Холмск). Для десанта в Торо из двух батальонов выделили около 1,5 тыс. чел., которых планировалось доставить на 30 кораблях, пароходе «Петропавловск» и судах рыболовецкого флота, сведённых в пять отрядов. Первый эшелон десанта (сторожевой ко-

рабль «Зарница» и 4 сторожевых катера с 320 морскими пехотинцами на борту) вышел из Советской Гавани, пересёк Татарский пролив и подошёл к порту Торо. Десантникам удалось подавить сопротивление оборонявших порт и овладеть им. Второй эшелон десанта (батальон морской пехоты) на 16 торпедных катерах, несмотря на пятибалльный шторм, прибыл в Торо без потерь.

Корабли третьего отряда (4 тральщика) обстреляла артиллерийская батарея из Эсутору, но они уклонились от огня и при поддержке авиации флотилии захватили порт. Успех десанта позволил перерезать пути сообщения основной группировки японцев в Котонском укрепрайоне и создать плацдарм для дальнейшего наступления вдоль западного побережья Сахалина.

Для высадки десанта численностью 3,5 тыс. чел. (113-я стрелковая бригада и сводный отряд моряков) в порт Маока выделили сторожевой корабль «Зарница», минный заградитель «Океан», 2 больших и 5 малых охотников, 4 тральщика, 6 транспортов, 4 торпедных катера и отряд охранения. Подводная лодка «Щ-118» предварительно высадил в Маока разведгруппу из пяти человек, а затем без предварительной артподготовки началась высадка десанта. Японцы пытались организовать сопротивление, но не смогли удержать город и отошли вглубь острова. 20 августа 1945 г. Маока был занят. Подводные лодки Л-11 и Л-18 доставили в порт 120 десантников, а затем на трёх конвоях (17 транспортов в сопровождении эсминцев, сторожевиков, тральщиков и больших охотников) 87-й стрелковый корпус.

Для того чтобы лишить противника возможности эвакуировать войска с Сахалина, срочно подготовили и провели десантирование в порт Отомари (Корсаков). Для этого выделили три батальона морской пехоты, минный заградитель «Океан», 8 тральщиков, 4 морских охотника и 6 торпедных катеров, которые, не встречая противодействия со стороны противника, заняли порт. 25 августа 1945 г. войска Японии на Южном Сахалине капитулировали, в плен взяли 18 320 чел.

Успешные действия советских вооружённых сил привели Японию к неминуемому поражению, но обстановка вокруг Курильских островов оставалась неопределённой. Требовалось принять незамедлительные меры, несмотря на то что по первоначальному плану военные операции здесь не предусматривались¹⁶⁰.

Японцы имели на двух островах Северной группы большой гряды Курильских островов мощную оборону глубиной 3–4 км, большое количество полевой и зенитной артиллерии, два аэродрома, до 60 танков. Их обороняла пехотная дивизия численностью до 23 тыс. чел., имевшая опыт боёв на Алеутских островах. На о-ве Шумшу японцы оборудовали 34 дота и много дзотов, соединённых подземными ходами с заглублением до 50 м, не уязвимых для авиабомб и снарядов, батарею из 75-мм орудий и две батареи – на мысах Кокутан и Котоомари в Первом Курильском проливе. Сеть дорог на острове позволяла маневрировать силами и средствами, а при необходимости для усиления обороны могли быть переброшены японские войска с о-ва Парамушир.

Войска Камчатского оборонительного района (командующий – генерал-майор А.Р. Гнечко) 15 августа 1945 г. получили приказ на высадку десанта на о-в Шумшу. Первоначально её планировали на 16 августа, но затем перенесли на 18 августа. Штаб Тихоокеанского флота не располагал достоверными сведениями об обороне островов. Авиация и подводная лодка Л-8 из-за плохих метеословий не смогли добыть необходимой информации. Доразведка боем района

высадки, проведённая тральщиком, лишь подтвердила отсутствие в Касивабаре военных кораблей и расположение известных ранее огневых точек противника во Втором Курильском проливе со стороны Охотского моря.

Несмотря на недостаток разведывательных данных, в штабе Петропавловской военно-морской базы в кратчайшие сроки (за 1–2 дня) разработали план проведения десантной операции под командованием командира Камчатской ВМБ капитана 1-го ранга Д. Пономарёва. Для десантирования выделили два полка 101-й стрелковой дивизии со средствами усиления, батальон морской пехоты Камчатской военно-морской базы и роту моряков-пограничников (всего 8824 чел.), 205 орудий и миномётов, другое вооружение, 64 боевых корабля и другие суда¹⁶¹ (16 десантных, 2 самоходные баржи, 4 кунгаса и рыболовецких катера типа «кавасаки»)¹⁶².

Из-за спешки и медленного прибытия войск погрузку на суда произвели недостаточно грамотно: грузы, которые должны были выгружаться в первую очередь, зачастую оказывались в трюмах и выгружались на берег последними. Не взяли и необходимых плавсредств – катеров кавасаки, которых в порту было достаточно. Попытка собрать суда Озерновского рыбокомбината у мыса Лопатка была пресечена пограничниками, не информированными о плане операции.

17 августа 1945 г. корабли и суда десанта начали движение из Авачинской бухты. Их прикрывали самолёты погранвойск и 128-й авиационной дивизии, 945-я береговая батарея 130-мм орудий на мысе Лопатка. Однако она открыла огонь рано (десантные корабли из-за тумана и задержек в пути не подошли к берегу) и демаскировала высадку. Противник оказал сопротивление, что привело к значительным потерям: 4 десантных судна и катер-тральщик КТ-152 были потоплены, 8 – получили серьёзные повреждения¹⁶³.

Десантные корабли не смогли подойти к берегу 180–200 м, и десантники высаживались в воду. Из-за плохой организации связи (из 22 радиостанций только один радист, старший матрос Мусорин со сторожевого корабля «Держинский», сохранил радиостанцию) артиллерийский огонь кораблей был недостаточно эффективным. Под обстрел попадали десантники, а при отражении воздушных атак был сбит советский истребитель «Аэрокобра».

Доставка на берег тяжёлого вооружения задержалась, и десантникам пришлось уничтожать доты и отражать танковые атаки противника лишь стрелковым оружием и гранатами. Закрывшие грудью амбразуры вражеских дотов Н. Вилков и П. Ильичёв, подрывавшие гранатами танки пять моряков старшего техника-лейтенанта А. Водынина помогли сломить сопротивление противника. При попытке подойти к базе Катаока советские корабли были обстреляны японской артиллерией и атакованы самолётами-торпедоносцами. Бои на Шумшу были самыми ожесточёнными, потери советских войск составили 1567 чел. убитыми и ранеными, японцев – 1018¹⁶⁴. Флот потерял 290 чел. убитыми и 384 ранеными (личный состав кораблей потерял соответственно 134 и 213 чел.).

Только 22 августа 1945 г. японские войска, находящиеся на Шумшу, капитулировали. На островах Шумшу и Парамушире в плен сдались около 13 тыс. чел., захвачено 45 танков, 66 орудий и большое количество другой техники. К 31 августа 1945 г. была занята северная группа Курильских островов. На островах Матуа и Уруп предпринимались попытки вооружённого сопротивления. Острова Малой Курильской гряды занимали войска с Сахалина и корабли Северной

Тихоокеанской флотилии. Японские войска на Шикотане сдались 1 сентября, последние гарнизоны на небольших островах – 4 и 5 сентября 1945 г. Все 56 Курильских островов были включены в состав СССР. Десанты готовились в короткие сроки и проводились со слабо отработанным взаимодействием разнородных кораблей при недостаточном гидрографическом обеспечении в сложных метеоусловиях, но поставленные задачи были решены.

Подводные лодки ТОФ вели боевые действия на коммуникациях лишь у берегов о-ва Сахалин и в прол. Лаперуза, где в результате торпедных атак 22–25 августа 1945 г. были уничтожены подводной лодкой Л-12 кабелеукладчик «Огасавара-Мару» (1403 брт), у п. Румои на о-ве Хоккайдо подводной лодкой Л-19 – «Тайто-Мару» (887 брт) и «Синко-Мару № 2» (2577 брт) и подводной лодкой Л-13 – «Дайто-мару № 49». Подводная лодка Щ-126 на позиции в Японском море артиллерийским огнём уничтожила мотобот. Совместными действиями разнородных сил Тихоокеанского флота на коммуникациях противника потоплено и повреждено более 40 кораблей и судов, при этом была потеряна подводная лодка Л-19, предположительно, подорвалась на mine¹⁶⁵.

Говоря о действиях флота, надо отметить, что по мере развития успеха наблюдалась некоторая самоуспокоенность, что привело к просчётам в организации обороны. Так, 18 августа 1945 г. на рейде Первой Речки (г. Владивосток) зенитками с танкера «Таганрог» был сбит атаковавший его японский самолёт-смертник. Береговые же батареи огня не открыли, а истребителей противовоздушной обороны над городом не было.

Нельзя было успокаиваться и в захваченных северокорейских портах. Так в п. Юкки (по данным исторического журнала ТОФ) после ввода советских войск переодетыми японцами и враждебными корейцами убиты 15 советских военнослужащих, из них один офицер. Приходилось тралить и мины, поставленные нашими союзниками (у Гензана (Вонсан) последняя постановка мин американцами была произведена 11 августа 1945 г.). Основная их часть была рассчитана на 1 проход корабля, но около 10% – 3–5 раз. Самоликвидация мин должна была наступить лишь в феврале 1946 г., и если бы не противоминные действия советского военно-морского флота, то высадка десантов в корейские порты была бы невозможна.

Советский флот нёс потери у корейских берегов – в зал. Корнилова подорвались суда «Сучан», «Камчатнефть», танкер «ТН № 1», тральщик, торпедный катер № 565 и охотник МО-8. Уже после окончания войны на минах подорвались несколько кораблей и судов (например, гидрографическое судно «Партизан»).

В результате боевых действий взяты в плен 593 990 чел., захвачено 686 танков и 15 самоходных орудий, 861 самолёт, 1836 орудий, все корабли Сунгарийской флотилии, большое количество гражданских судов и материально-технических средств. Большая часть захваченного вооружения и техники была передана китайским войскам, действующим под контролем Коммунистической партии Китая.

Советские потери составили 12 031 чел. убитыми и пропавшими без вести, 36 456 ранеными и больными; 62 самолёта, 78 танков, 232 орудия и миномёта, одна подводная лодка, 6 десантных судов, 6 катеров. Авиация флота потеряла 51 самолёт (из них 14 по не боевым причинам). Личный состав ВМФ потерял 1030 чел. убитыми и пропавшими без вести, ранеными и заболевшими более 700 чел.¹⁶⁶

О значении действий флота и их оценке Верховным командованием говорит такой факт: из 93 чел., получивших звание Героя Советского Союза за войну с Японией, 52 – из состава флота, 10 тыс. – награждены орденами и медалями. Отмечены наградами и корабли: эсминец «Войков» стал Краснознамённым, ордена Красного Знамени удостоилась и 1-я бригада торпедных катеров. Гвардейскими стали сторожевики «Метель» и ЭК-2, второй и третий дивизионы торпедных катеров, тральщики Т-278 и Т-281 (всего 18 частей и соединений флота стали гвардейскими или Краснознамёнными).

В ходе Маньчжурской операции Амурская военная флотилия вместе с судами Нижне-Амурского пароходства переправила более 120 тыс. чел., 150 танков и САУ, свыше 1 тыс. орудий и около 9 тыс. т грузов, высадила 20 десантов. Успех совместных действий сухопутных и морских сил был обеспечен отработкой взаимодействия в мирное время. Высокие темпы наступления сухопутных войск были обусловлены поддержкой кораблей флотилии, действия которой были высоко оценены: 7 чел. удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе И. Сорнев, выпускник ТОВВМУ.

Вступление в войну с Японией соответствовало союзническим обязательствам СССР, взятым на Ялтинской и подтверждённым на Потсдамской конференциях, отвечало интересам народов Азии.

10.5. Пограничные войска в войне с Японией

В начале 1945 г. дальневосточные пограничники кроме охраны государственной границы стали выполнять несвойственные им задачи: совместно с руководством Красной армии начали разработку наступательных действий в Маньчжурии, планирование взаимодействия между боевыми и резервными подразделениями пограничных и внутренних войск НКВД, общественными организациями приграничья. План совместных действий пограничные отряды представили в июле 1945 г., он являлся типовым для всех подразделений и отличался только количеством совместных операций и незначительными корректировками из-за условий дислокации на местности. Руководству пограничных войск и Красной армии предъявили план взаимодействия между 75-м пограничным отрядом и 192-м отдельным подразделением Красной армии, дислоцировавшимся на участке границы Архара – Иннокентьевка. В нём отражались задачи отдельных штурмовых подразделений пограничных войск, переходящих в оперативное подчинение Красной армии¹⁶⁷, и содержались пять основных пунктов пошаговых действий. С началом боевых действий границу переходят ударные отряды пограничных войск, в качестве прикрытия через определённое время выступает группировка войск Красной армии. После подавления сопротивления оборонительных сооружений на территории Маньчжурии выдвигаются основные боевые подразделения, тыловые подразделения разворачивают гарнизоны. Связисты погранвойск устанавливают полевую связь между гарнизонами и пограничными подразделениями на территории СССР, после чего командиры гарнизонов докладывают обстановку каждые сутки в штаб пограничных войск округа. При отсутствии полевой связи устанавливается радиообмен или применяется голубиная почта¹⁶⁸.

При отработке плана взаимодействия на месте возникали сложности. Командиры пограничных отрядов докладывали, что происходит недопонимание между пограничными заставами и подразделениями Красной армии, передислоцировавшимися в приграничную полосу (7,5 км от границы)¹⁶⁹. Красноармейцы, прибывшие в составе новых формирований и расположившиеся в приграничной зоне, инженерные войска, прокладывающие коммуникационные сети, не зная особенностей местности, становились невольными нарушителями государственной границы¹⁷⁰.

Для координации действий при выполнении поставленных задач в воинские части из пограничных войск направили инструкторов, наиболее опытных офицеров, сержантов и старшин. Особое внимание уделялось разведывательным подразделениям, изучавшим обстановку на границе, собиравшим сведения о противнике и его укреплениях, на основании которых составлялись карты-схемы расположения боевых подразделений (пикетов) на сопредельной стороне. Собранная информация военно-стратегического значения анализировалась в штабе Дальневосточного фронта при участии начальников Пограничных войск НКВД СССР¹⁷¹.

Пограничники перешли на усиленный режим охраны государственной границы, чтобы не допустить утечки информации о передислокации советских войск. В Хабаровском пограничном округе НКВД СССР установили новые посты и временные линейные заставы, проложили второй рубеж на расстоянии 15–20 км вглубь советской территории. За время усиленного несения службы пограничные войска нейтрализовали 163 агента иностранных разведок, 9 диверсионных групп, которые стремились не только собрать сведения о стратегических объектах Дальневосточного региона, но и прервать работу Транссибирской железнодорожной магистрали¹⁷².

Для дезинформации противника пограничники передали ложные сведения информаторам на сопредельной стороне о расположении войск и тыла Красной армии, имитировали перегруппировку сил, сохраняя видимость охраны границы на прежнем уровне и её отсутствия в отдельных местах. Командование Квантунской группировки войск не располагало достоверными сведениями о начале военных действий Советским Союзом в Маньчжурии¹⁷³.

В ходе подготовки и реализации Маньчжурской стратегической операции произошла структурная реорганизация пограничных войск Дальнего Востока. В Хабаровском и Приморском пограничных округах осталась лишь часть пограничников из тех, кто непосредственно охранял государственную границу, а две трети личного состава переведены в подчинение командующих фронтами, они участвовали в боевых операциях на самых ответственных участках, переправляли и снабжали войсковые соединения, охраняли тыл советских войск¹⁷⁴.

В состав 1-го Дальневосточного фронта из Приморского пограничного округа вошли Хасанский, Уссурийский, Гродековский отряды, а также Сахалинский и его морские подразделения. Им предстояло сломить сопротивление противника, уничтожить заградительные объекты пограничной полиции и регулярных войск. Уссурийский погранотряд должен был форсировать реки Уссури и Сунгач, уничтожить японские укрепления Лядидень, Цихулинхэ, Шаохулинцзы, Хехетунь, Калатун, Лун-ван-мяо и обеспечить продвижение войск Красной армии на территорию Маньчжурии.

Для ликвидации пограничных гарнизонов и постов противника, дислоцированных вблизи границы, создавались боевые группы пограничников – отряды нападения численностью от полутора до двукратного превосходства над противником. В состав отряда, как правило, входили группа разведки, 1–2 штурмовые группы и резерв, на речном участке группа (4–5 чел.) по охране плавсредств. При отсутствии огневой поддержки войсковой артиллерии создавались огневые группы, имевшие на вооружении 88-мм миномёты и станковые пулемёты. Вооружение отрядов нападения включало автоматы, винтовки, по 4 ручных гранаты, до 6 ручных пулемётов, 10–15 противотанковых гранат, 10–15 бутылок с горючей жидкостью, 15–20 кг взрывчатых веществ. Отдельные отряды имели 1–2 станковых пулемёта, от двух до четырёх 82-мм миномётов, 1–2 противотанковых ружья. Штурмовые группы обеспечивались ножницами для резки проволоки, веревками с крючьями на концах, ножами, карманными электрофонарями. В группе находились связисты с соответствующими инструментами для повреждения связи противника. В ряде случаев в состав разведывательных групп включались сапёры, имевшие при себе миноискатели и щупы. Плавсредства (катера, лодки) выделялись с таким расчётом, чтобы отряд мог переправиться за один рейс¹⁷⁵.

На сухопутном участке Приморского пограничного округа многие пограничные посты противника находились в полной боевой готовности, личный состав занимал огневые точки, в сторону границы были выставлены боевые охранения, засады. Особенно выделялся укреплённый район Сидоомидзцы, находившийся в сильно заболоченной местности, в окружении двух земляных валов высотой 4 м с двумя дзотами и рва глубиной 2 м.

Для выполнения поставленных задач из лучших пограничников создали специальные отряды численностью от 30 до 90 чел.¹⁷⁶ Семь штурмовых групп ночью 9 августа 1945 г. захватили плацдарм, освободили линию границы на участке от р. Туманная до оз. Ханка, обеспечив наступление 35-й армии. Потери Уссурийского пограничного отряда в ту ночь составили 4 чел. Из них орденом Красного Знамени награждены Борис Горинский и Роман Дымник посмертно¹⁷⁷.

Десять штурмовых групп Гродековского пограничного отряда в соответствии с указанием командования 1-го Дальневосточного фронта, ликвидировав пикеты Дяоцинзе, Цюпингоу, Янтучуань и другие, приступили к уничтожению японских бандитских групп в тылу 5-й армии. За проявленное мужество и героизм к правительственным наградам представили 36 пограничников. Хасанский погранотряд сформировал 10 штурмовых групп, которые уничтожили японские пикеты. Потери японской стороны составили 325 чел. убитыми, и 5 чел. попали в плен. Бойцы погранотряда вступили в бой и уничтожили 50 японских смертников. За период боевых действий с 9 августа по 10 сентября 1945 г. Хасанский погранотряд уничтожил 615 японских солдат, захватил 159 винтовок, 7 пулемётов и около 4 тыс. патронов¹⁷⁸.

Наступление 2-го Дальневосточного фронта обеспечивали 52, 56, 63, 65, 70, 75, 76, 77-й и 78-й пограничные отряды Хабаровского пограничного округа (начальник округа генерал-майор А.А. Никифоров). Им предстояло осуществить переправу через р. Амур и Уссури и ликвидировать отдельные объекты обороны противника. В частности, в посёлках Сябьяча, Сяохэцзэ, Тютюпай, Чуадэр, Хайцинъчжэнь концентрировались 5 крупных пограничных полицейских постов, в которых находились 41 офицер, 53 унтер-офицера, 151 солдат, вооружённые

лёгкими и тяжёлыми пулемётами, миномётами, винтовками. Руководили ими опытные офицеры, прошедшие обучение в разведывательных школах. На постах находились представители военно-фашистского общества «Се-хэ-хой» для ведения пропаганды среди населения, диверсанты, которые совершали диверсии на железных дорогах, вели радиоперехват и поставляли ложную информацию.

Помимо крупных, имелись средние и мелкие гарнизоны, обнесённые земляными валами и проволочными заграждениями, оборудованные дзотами для ведения пулемётного огня. Для их ликвидации из личного состава застав Тарабарово, Проточная, Уссурийская, Казакевичево создали отдельные оперативные группы общей численностью 100 чел., которые при поддержке бронекатеров Краснознамённой Амурской военной флотилии высадились на противоположный берег и начали штурм пограничных постов¹⁷⁹.

Важную стратегическую позицию занимал пост в пос. Суйтинзэ, находившийся на возвышенности, в 2 км от железнодорожной магистрали и обстреливавший поезда на территории СССР. В ходе его ликвидации пограничники под командованием майора Ладькова, капитана Протаса и ст. лейтенанта Самохвалова взяли в плен более 150 чел., группа ст. лейтенанта Ковалева ликвидировала мелкие формирования численностью 70 чел.¹⁸⁰

Пограничные полицейские посты Сыцзянь, Сантунь, Эртунь, Тутунь, Сяохецзы, Тетюпай, Хайцинъчжень сопротивления не оказывали. На участке Ленинского погранотряда штурм затянулся – через сутки были взяты посты Амунь, Дулон, Хаи, Гайдуз¹⁸¹. На отдельных участках погранотрядов было выявлено 20 ранее неизвестных объектов. В частности, группа капитана Артамонова в пос. Тунтунь выявила вооружённую группу, состоящую из нанайцев, и приступила к её ликвидации. В дальнейшем в приграничье обнаружили диверсионные группировки численностью до 20 чел., состоящие из малочисленных народов Дальнего Востока. Личный состав Кумарского, Благовещенского, Екатерино-Никольского, Ленинского, Казакевичевского, Бикинского погранотрядов, действуя в соответствии со сложившейся обстановкой, начал ликвидацию вооружённых отрядов, сдерживающих продвижение войск Красной армии¹⁸².

Морские пограничные соединения Хабаровского пограничного округа перешли в подчинение командующего Краснознамённой Амурской флотилией (КАФ) и обеспечивали переправу основных сил Красной армии через Амур и Уссури, поставляли разведанные, выставляли дозор и контролировали передвижение кораблей Сунгарийской военной флотилии по рекам¹⁸³.

Пограничники речного дивизиона Благовещенского отряда при помощи отдельной группы пограничных кораблей Хабаровского пограничного округа выполнили Сахалинско-Айгуньскую, Хадаянско-Тахарченскую, Маньчжунтуньско-Мачанскую боевые операции, задействовав 10 катеров, в том числе БК-63, БК-64, БК-65, БК-66, ЗИС-35, КМ-68, КМ-69, КМ-70. В ходе операций взяли под контроль г. Сахалин и Айгунь, с. Хадаян, с. Мачан и др.¹⁸⁴

За период с 9 августа по 2 сентября пограничные катера Хабаровского округа переправили 12 174 чел. личного состава погранвойск, Красной армии и структурных подразделений НКВД, военной контрразведки, 6,5 т боеприпасов, 384 автомашины, 152 пушки, 80 тракторов и 514 лошадей, 112 повозок. Экипажами погранкатеров захвачено 4 пассажирских и 3 буксирных парохода, 4 баржи, 3 полицейских и 2 речных катера, 2 катера типа «ласточка», потоплены 2 морских катера и 1 шаланда¹⁸⁵.

Высокое профессиональное мастерство при переправе показали матросы и офицеры. Мичман Дубровский, не заводя мотор катера, бесшумно высадил десант в назначенное место штурма малого пикета Сихетунь, создав эффект неожиданности. Старшина 1-й статьи Митин делал по два рейса и брал на борт 50–55 чел. вместо 18, под его руководством задержан оказавший сопротивление маньчжурский пароход с 26 гражданскими лицами на борту. Старшина 2-й статьи Тарасенко, совершая ежедневно по пять рейсов, перевозил на катере вместо положенных 12 по 35 чел.¹⁸⁶

Пограничники Сахалинского погранотряда действовали в полосе наступления 56-го стрелкового корпуса. Создав отдельную группу из 55 пограничников, они разгромили пограничные полицейские посты японцев на сравнительно небольшом участке хорошо укрепленной границы о-ва Сахалин, ликвидировали хорошо охраняемые посты в посёлках Амбеду и Кир, захватив 4 тяжёлых пулемёта и взорвав склад с боеприпасами. Противник потерял 20 чел. убитыми¹⁸⁷.

Для проведения Курильской десантной операции привлечены пограничные сторожевые корабли «Киров» и «Дзержинский» и 8 катеров типа «морской охотник» 2-го и 3-го дивизионов 60-го (Камчатского) погранотряда Сформированная из личного состава отряда сводная рота численностью 102 чел. первой высаживалась на берег о-ва Шумшу. Взвод пограничников под командованием лейтенанта А.Г. Вилюги пробился через огневую позицию японской миномётной батареи и уничтожил её, два других взвода заняли высоту и удерживали её до подхода главных сил десанта, отразив несколько контратак пехоты и танков противника. С 9 по 21 августа 1945 г. отряд провёл 22 боевые операции. За отличное выполнение боевых задач свыше 200 пограничников награждены орденами и медалями СССР, а весь личный состав отряда – медалью «За победу над Японией»¹⁸⁸.

В боевых действиях принимали участие 2 авиационных соединения (7-й и 8-й отдельные авиаполки) пограничных войск, которые совместно с пограничной службой катеров координировали действия ударных группировок. Они выполняли боевые вылеты на территорию Маньчжурии и о-ва Сахалин с разведывательными целями, обеспечивали связь между подразделениями Красной армии и погранвойск, перебрасывали оперативные группы на место ведения боевых действий, эвакуировали раненых, доставляли боеприпасы, грузы и почту на отдалённые участки границы. С 9 августа по 5 сентября 1945 г. 8-й авиаполк (10 экипажей, 40% новые и 60% – старые самолёты) совершил 240 вылетов (745 ч 32 мин), из них 65 разведывательных, 60 боевых (с целью ликвидации групп противника), доставка начальствующего состава – 90 вылетов, доставка почты – 25 вылетов, обнаружено вооружённых формирований – 651 чел., эвакуировано тяжелораненых – 16 чел.; 7-й отдельный авиаполк произвёл 24 самолётовылета, из них 10 – разведка, эвакуировано 10 раненых, переброшено 6 оперативных групп¹⁸⁹.

Из докладов боевых расчётов, оперативных, ударных группировок выявлялось, что между ними не было стабильной связи и координации действий. С соблюдением режима секретности группы не имели сведений о боевых действиях, нарушение координации способствовало разрозненности действий групп пограничных войск и Красной армии. Во время планирования не была учтена реальная численность личного состава подразделений пограничных войск, располагавшихся на линии границы. На месте основных прорывов пограничные войска

оказались недоукомплектованными личным составом, резервы не были переброшены на штурмовые участки. При формировании оперативно-штурмовых групп из состава линейных подразделений пограничных войск не учитывали подготовку, срок службы на заставе, знание местности. Группы отличались по составу: в одних находились профессионалы, в других – личный состав не имел опыта службы. Процесс переподчинения отдельных подразделений пограничных войск не был завершён, указания своевременно не передавались. В ходе наступательных действий руководство Красной армии не учитывало данные пограничной разведки, и в результате ударные группировки штурмовали хорошо обороняемые объекты, не имея достаточных сил и средств для подавления¹⁹⁰.

Боевые действия по ликвидации японских приграничных кордонов и других гарнизонов, служивших опорными базами, продолжались до середины августа 1945 г. После завершения операций на территории Маньчжурии устанавливалась военная администрация из числа лучших офицеров пограничных отрядов. На должность коменданта назначались по решению Военного совета фронта политически грамотные, морально устойчивые, обладающие твёрдым характером и большой волей коммунисты. По военно-политическим и административно-хозяйственным делам комендант подчинялся Военному совету фронта, в остальных вопросах решение принимал самостоятельно¹⁹¹.

Отступая, японские войска оставили замаскированные склады с оружием (только в г. Хулинь имелось более 2 тыс. винтовок), полицейские отряды, 6 вооружённых формирований общей численностью более 200 чел. и прояпонски настроенное местное население для дезорганизации тыла советских войск на территории Маньчжурии. Для их нейтрализации пограничники Уссурийского погранотряда развернули комендатуры, в которых дислоцировалось 75% личного состава, в городах Хутоу, Хулинь, Мишань, Дунань, Боли. Охранял тыл в районе городов Банцзыхе, Пиньяньжень, Лисучжень, Мулин личный состав Хасанского погранотряда¹⁹².

С поставленными задачами пограничники Приморского пограничного округа справились. Они первыми перешли в наступление, уничтожили 33 японских пикета и другие соединения. Противник потерял 864 чел. убитыми, взято в плен 16 чел. Камчатским морским пограничным отрядом интернировано 776 чел., захвачен один пароход, 11 катеров, 3 кавасаки, 37 кунгасов. Звеном самолётов 2-го авиаполка потоплен японский пароход «Касадо-Мару». Пограничники Приморья потеряли убитыми 68 чел., умерли от ран в госпитале 7 чел., ранены – 176, признаны безвестно отсутствующими – 3 чел.¹⁹³

Пограничники Хабаровского округа за время боевых действий с 9 августа по 5 сентября 1945 г. ликвидировали 5 крупных, 23 средних, 144 малых пограничных полицейских отряда, 12 гарнизонов, 7 отдельных узлов сопротивления, 6 вооружённых групп, разоблачили 215 японских агентов, взяли под контроль 145 населённых пунктов, из них 125 – пограничниками¹⁹⁴. В ходе ликвидации захвачено трофеев: 178 винтовок, 103 шашки, 20 пистолетов, 6 биноклей, 72 гранаты, 15 телефонных аппаратов, ручной пулемёт и автомат, 11 537 патронов, или 10 ящиков, 3 плавсредства. Потери японской стороны составили убитыми 329 чел., из них 39 офицеров, взято в плен 979 чел., из них офицеров – 174. Потери пограничников Хабаровского округа: убитыми – 29 чел., из них 4 офицера, ранены – 69 чел., из них 8 офицеров. За боевые действия 87 пограничников из Хабаровского округа награждены правительственными наградами¹⁹⁵.

В ходе наступательных операций пограничные войска участвовали в ликвидации японской пограничной охраны, наблюдательных пунктов и мелких гарнизонов, дислоцированных вблизи границы, содействовали частям 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, уничтожали противника на значительном удалении от линии границы. Они ликвидировали 214 японских погранполицейских кордонов и 33 гарнизона, 11 узлов сопротивления и опорных пунктов, уничтожили 51 диверсионную и 33 войсковые группы, заняли 191 населённый пункт, в том числе города Сахалин, Айгунь, Уюнь, Шивей, Джурганхэ, Мохэ, Оупу¹⁹⁶.

Дальневосточные пограничники, охраняя восточные рубежи, обеспечили скрытность перегруппировки войск на Дальний Восток СССР. После завершения наступательных операций на завершающем этапе Второй мировой войны пограничные войска стали многофункциональным, мобильным подразделением Вооружённых Сил СССР. Пограничники успешно взаимодействовали с войсками Красной армии, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, с местным населением. Полученный опыт лёг в основу совершенствования системы управления Пограничными войсками НКВД СССР.

10.6. Советская разведка и контрразведка против спецслужб Японии

Переход стратегической инициативы к союзникам антигитлеровской коалиции, разгром нацистской Германии, рост освободительного движения в оккупированных странах Юго-Восточной Азии означали коренной перелом во Второй мировой войне. Военно-политическое руководство Японии сознавало, что внешнеполитическая ситуация складывается не в их пользу, и стремилось выяснить отношение Советского Союза к событиям на тихоокеанском театре военных действий¹⁹⁷.

Разведывательным службам Японии удалось узнать об основных решениях Ялтинской конференции 1945 г.: Советский Союз намерен вступить в войну против Японии и обеспечить себе право голоса в определении будущего Восточной Азии. Стремясь урегулировать с ним отношения, на Дальнем Востоке Япония снизила активность проведения разведывательно-диверсионных операций¹⁹⁸. В директивах указывалось, что следует увлекаться не массовыми забросками агентуры с диверсионными заданиями, а подготовить небольшое число надёжных агентов, увеличить засылку разведчиков с целью получения данных о концентрации советских войск на дальневосточных границах¹⁹⁹.

Правительство СССР 5 апреля 1945 г. денонсировало советско-японский пакт от 13 апреля 1941 г. о нейтралитете, НКГБ СССР приступил к сбору информации о реакции Японии на это событие. Уже 6 апреля из НКГБ в ГКО была направлена записка, в которой сообщалось о том, что японские журналисты, узнав о денонсации советско-японского договора, говорили о необходимости принимать меры: «Теперь Япония должна ожидать неизбежного дальнейшего развития событий. Текст советского заявления не оставляет никаких надежд на невмешательство Советского Союза в тихоокеанскую войну»²⁰⁰.

Отделения и филиалы Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск (бывшие японские военные миссии) в Маньчжурии усилили разведку военных объектов в советской пограничной полосе,

частей Красной армии и воинских перевозок. В течение 1944 г. зафиксированы 171 случай нарушения границы и 39 фактов обстрела советской стороны. С 1 января по 8 августа 1945 г. пограничники Хабаровского и Приморского округов задержали 163 агента Японии²⁰¹. Особую активность японские разведывательные структуры проявляли в течение июня–июля 1945 г., когда из 110 арестованных агентов с начала года 65 – приходились на эти месяцы²⁰².

Япония начала активное формирование разведывательных отрядов из народностей, населявших Маньчжурию, в том числе из русских, японцев и малочисленных народов Дальнего Востока, для изучения системы охраны Государственной границы СССР. Японские и маньчжурские военнослужащие открыто, во многих случаях демонстративно, выставляли пропагандистские плакаты, запускали воздушные шары с агитационными материалами, вели антисоветские передачи по громкоговорителям и использовали иные способы морального разложения населения, личного состава пограничных войск и Красной армии.

Перебежчиков японская военная разведка отправляла в специальные лагеря. Здесь стремились получить от советских граждан информацию по широкому спектру вопросов, выявлялись лица, связанные с органами советской разведки, и личности, пригодные к использованию в контрразведывательных целях и для антисоветской пропаганды и агитации. В дислоцированном под Харбином лагере «Хогоин» с теми, кто представлял интерес, проводили занятия штатные сотрудники Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск, а тех, кто представлял опасность для Японии, расстреливали или направляли для физического уничтожения в отряд № 731. Установлено, что только в 1945 г. в бактериологический отряд отправили 2–3 группы заключённых, 40 чел. – в августе. По имеющимся данным, за 1941–1945 гг. в «Хогоине» были расстреляны 50 перебежчиков и около 100 – направлены на работы в Фушунские шахты²⁰³.

Японская военная разведка добывала нужные сведения, анализируя советскую периодическую печать (газеты и журналы), а также научную и техническую литературу на русском языке. Этим занимался русский отдел Бюро экономических исследований при Управлении Южно-Маньчжурской железной дороги, а также другие структуры, связанные с японской разведкой. В перечень получаемых советских периодических изданий входили газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная Звезда», «Труд», «Гудок», «Водный транспорт», «Советская торговля», «Финансовая газета», «Социалистическое сельское хозяйство» и даже «Вечерняя Москва». Через японское посольство и военных атташе отдел получал региональные газеты из Хабаровска, Владивостока, Читы, выписывал журналы «Большевик», «Мировая политика и хозяйство», «Плановое хозяйство», «Пропагандист», «Война и рабочий класс», «Новое время», «Новый мир», «Транспорт» и другие периодические издания по различным отраслям. Кроме того, приобреталось много книг, особенно по техническим вопросам²⁰⁴.

В Чанчуне находилась библиотека, где были сконцентрированы почти все центральные и областные советские газеты и журналы, техническая и научная литература по социально-политическому и социально-экономическому развитию Советского Союза, Российской империи. Необходимые публикации и книги переводились сотрудниками русского отдела Бюро на японский язык. Ежегодно издавались справочники, содержавшие систематизированный материал,

выходил журнал «Вестник о положении СССР», который по особому списку рассылался японским военным кругам и учреждениям²⁰⁵.

От советской внешней разведки поступали сведения, что правительство Японии не предполагало завершать войну на Тихом океане. Резиденты из Чунцина, Шанхая и Харбина сообщали о перебазировании войск для укрепления японских сил в Центральном и Северном Китае на случай войны с СССР²⁰⁶.

Занятое междоусобной борьбой руководство Гоминьдана и Коммунистической партии Китая не планировало активных действий против японских оккупантов. Так, на собрании партийных работников в Яньане 13 августа 1945 г. Мао Цзэдун определил, что «...война сопротивления японским захватчикам, как определённый этап, уже миновала: новая обстановка и новая задача – это борьба внутри страны» за плоды победы, одержанной союзниками Китая над Японией²⁰⁷.

Разведывательные и контрразведывательные органы Китая в 1939–1944 гг. почти не проводили разведывательных операций на территории СССР, их усилия были направлены на сбор информации о работе аппарата советских учреждений и организаций, военных специалистов в г. Чунцине. Однако в преддверии окончания Второй мировой войны разведка Гоминьдана значительно расширила деятельность, стремилась определить вероятный характер действий Советского Союза в связи с гражданской войной в Китае. В составе 2-го (разведывательного) департамента создаётся специальный отдел (7-й), на который возлагаются изучение внутреннего положения в СССР и деятельности советских учреждений, организаций за границей, сбор информации о работе советской разведки в Китае, о просоветских организациях и отдельных лицах, заброска агентуры в СССР. Для сбора разведывательных данных использовался и аппарат военного атташе при китайских посольствах в Москве, Франции, Англии, Турции и других странах, кадровые разведчики, действовавшие под прикрытием китайских консульств в городах Чита, Хабаровск, Владивосток, Ташкент, Андижан, и другие специальные подразделения, сформированные в приграничных районах Китая²⁰⁸.

В директиве комиссара госбезопасности 2-го ранга Б.З. Кобулова (№ 11 от 22 января 1945 г.) отмечалось, что под видом официальных дипломатических работников китайская разведывательная служба значительно усилила заброску агентуры из числа граждан некитайской национальности, имеющих связи на территории среднеазиатских советских республик, и необходимо усилить контрразведывательную работу против спецорганов Китая²⁰⁹.

В таких условиях особенно важно было поддержать китайских и корейских партизан, боровшихся против японских оккупационных войск и отвлекавших значительные силы Квантунской группировки войск, заставляя усиливать охрану тыла. В перспективе партизанские отряды, многие из которых возглавляли коммунисты, могли обеспечить РККА проводниками, переводчиками, агитаторами, стать опорой в Маньчжурии.

Победы Красной армии изменили взгляды эмигрантов в Маньчжурии. Симпатию к Советскому Союзу проявляли даже те, кто её раньше не испытывал: офицеры Белого движения, участники антисоветских формирований фашистского, монархического и националистического толка²¹⁰. Стремясь усилить их анти-японские настроения, с 14 февраля по 14 августа 1945 г. Управление НКГБ СССР по Хабаровскому краю провело уникальную операцию, вошедшую в историю советской внешней разведки под кодовым названием «Альфа». С использованием специально оборудованной радиостанции «Отчизна» с территории советского

Дальнего Востока от имени подпольной организации эмигрантов-оборонцев вышли в эфир 57 передач, которые всколыхнули русский Харбин, способствовали разоблачению антисоветской и антинародной деятельности руководящей верхушки Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи²¹¹.

С максимальным напряжением действовали органы советской разведки и контрразведки. Общее руководство работой разведывательных отделов советских войск на Дальнем Востоке осуществлял генерал-майор С.М. Чувьрин. Начальниками разведывательных отделов 1-го Дальневосточного фронта являлись генерал-майор Я.Н. Ищенко, имевший опыт специальной работы на Карельском фронте, 2-го – генерал-майор Н.С. Соркин, один из наиболее опытных специалистов, работавший в регионе ещё с 1920 г., Забайкальского фронта – генерал-майор П.А. Попов, владевший японским языком. Разведотдел Тихоокеанского флота возглавлял полковник А.З. Денисин, Краснознамённой Амурской военной флотилии – Б.Н. Бобков.

В июне 1945 г. в штаб Главного командующего советскими войсками на Дальнем Востоке в качестве главного оперативного начальника органов военной контрразведки прибыл генерал-лейтенант И.Я. Бабич с группой, состоявшей из 30 чел. оперативного состава. Начальником Управления контрразведки «Смерш» 1-го Дальневосточного фронта стал откомандированный с Карельского фронта генерал-лейтенант Д.И. Мельников, Забайкальского фронта – генерал-лейтенант П.В. Зеленин – с 3-го Белорусского, 2-го Дальневосточного – генерал-лейтенант И.Т. Салоимский – с Забайкальского фронта. На Тихоокеанском флоте контрразведкой продолжал руководить генерал-майор береговой службы Д.П. Мерзленко. На Дальний Восток выехали также 45 руководящих работников военной контрразведки, а позже ещё 100 фронтовых контрразведчиков.

По информации начальника Главного управления контрразведки генерал-полковника В.С. Абакумова, в органы «Смерш» Дальнего Востока вначале направили 310 фронтовых контрразведчиков, затем – ещё 200²¹². Все они, одолевшие сильного и опасного противника в лице германских спецслужб, боровшиеся с бандповстанческим движением в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Польше, имели опыт агентурно-оперативной и контрразведывательной работы, проведения фильтраций. На первых порах многие из них не могли определить этническую принадлежность противника, не говоря уже о языковом барьере. Эту специфику знали сотрудники местных, дальневосточных и забайкальских, подразделений. Боевой опыт одних, знания местных условий и противника других обусловили разгром японских спецслужб.

Органы госбезопасности СССР получали информацию о подготовке агентуры японской военной разведкой. В частности, в сводке, подготовленной 1-м (разведывательным) отделом Управления НКГБ СССР по Хабаровскому краю, содержались сведения о местонахождении харбинской школы разведчиков Квантунской группировки войск, подробно описывались её жилые и служебные помещения, система комплектования, контингент курсантов, программа обучения, распорядок дня²¹³.

Разведывательную деятельность против сил Тихоокеанского флота и военно-морских частей Пограничных войск НКВД осуществляло русское отделение 3-го (разведывательного) отдела Морского генерального штаба Японии главным образом через японские военные и военно-морские миссии,

находившиеся в Корее и Маньчжурии (Харбинская, Сеульская, Айсинская и др.). Кроме того, информацию собирали две резидентуры, созданные на советской территории (Камчатка, Северный Сахалин) и подчинявшиеся русскому отделению 3-го отдела Морского генштаба, а также японские морские погранотряды. Особую активность проявлял отряд, дислоцировавшийся на военно-морской базе в порту Расин (Корея). Сбор информации проводился через разветвлённую сеть агентуры, нелегально перебрасывавшуюся на территорию СССР с помощью команд рыболовецких шхун и капитанов японских торговых судов. В задачи разведорганов, помимо разведывательно-диверсионной деятельности, входило ведение политической и экономической разведки²¹⁴.

Показания разоблачённых японских агентов позволили штабам Пограничных войск НКВД Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов обобщить методы, применяемые нарушителями границы. Так, в обзоре Краснознамённых пограничных войск НКВД Хабаровского округа от 12 июня 1945 г. сообщалось об особенностях подготовки японской разведывательной агентуры, времени и способах её переброски на наиболее уязвимых участках советской границы.

На Дальнем Востоке охрану государственной границы с Маньчжурией (4083 км), Кореей (24 км), Японией (132 км) и морского побережья (15 495 км) осуществляли 4 пограничных отряда Забайкальского округа (53, 54, 55-й и 74-й), 9 погранотрядов Хабаровского округа (52, 56, 63, 65, 70, 75, 76, 77-й и 78-й) и 7 погранотрядов Приморского округа (57, 58, 59, 60, 61, 62-й и 69-й). В состав Забайкальского пограничного округа кроме названных частей входили также 64-й и 51-й пограничные отряды и 19-я отдельная комендатура, которые несли службу на границе СССР и МНР. В целях пресечения нарушений границы 5 июля 1945 г. начальник Краснознамённых пограничных войск Хабаровского округа генерал-майор А.А. Никифоров приказал создать нештатные пограничные посты численностью 12 чел. (офицер-разведчик, сержант и 10 бойцов) из наиболее подготовленных, дисциплинированных и морально устойчивых пограничников.

Важными условиями успешной борьбы с японской разведкой были координация работы и взаимодействие между органами разведки и контрразведки всех ведомств. В частности, в апреле 1945 г. на основании информации отдела контрразведки «Смерш» Тихоокеанского флота была подготовлена справка об обстановке в Корее с подробным освещением административного устройства, легализации прибывающих в Корею лиц, условий пребывания и передвижения на её территории, а также кратких характеристик некоторых городов страны²¹⁵.

С использованием сведений, полученных от взаимодействующих структур, были подготовлены аналитические записки о портовых городах Сейсин, Расин, Юки, а также о Дайрене и Порт-Артуре. В них содержалась подробная информация (с приложением схем и фотографий) о городах и пригородах с данными об административных учреждениях, промышленных объектах, источниках электроэнергии, средствах связи, транспортной инфраструктуре. Кроме того, приводились сведения о дислокации воинских частей Японии в корейской армии, полицейских управлений, средств ПВО, оборудовании портов. Документы послужили справочным материалом советским подразделениям и частям при подготовке к штурму и захвату указанных портов Кореи и Китая в августе 1945 г.²¹⁶

Крайне важно было поддержать социально-политическую стабильность на Дальнем Востоке. После изнурительной четырёхлетней войны с Германией население воспринимало войну СССР с Японией как неизбежную необходимость,

но на бытовом уровне стремилось сохранить и улучшить материально-бытовое положение. Между тем увеличение численности воинского контингента в регионе провоцировало противоправные действия как среди местного населения, так и среди военнослужащих.

Советские вооружённые силы образца 1945 г. не знали «дедовщины», зато имелись многочисленные случаи «выяснения отношений» между пехотинцами и моряками, артиллеристами и танкистами. Более того, родилось такое понятие, как «рокошсовцы». Связано это было с тем, что со 2-го Белорусского фронта, которым командовал маршал К.К. Рокоссовский, на Дальний Восток прибыло много бывших «штрафников», которые искупили вину и находились в составе обычных армейских частей. Тихим нравом они не отличались, на замечания командиров рвали на себе гимнастёрки и гордо заявляли: «Мы – рокошсовцы!»²¹⁷

Даже у пограничников, традиционно считавшихся наиболее морально устойчивыми и выдержанными воинами, ухудшилась дисциплина, появились случаи пьянства, утраты оружия и боеприпасов, перестрелок между пограничными нарядами, снижения качества охраны государственной границы, нарушения распорядка дня на заставах. С такими явлениями органы госбезопасности в войсках и на флоте вели жёсткую и бескомпромиссную борьбу, стремились не допустить конфликтной ситуации – в напряжённой обстановке следовало соблюдать выдержку.

Взаимодействие НКГБ с советско-партийными структурами региона в области обеспечения государственной и военной тайны позволило не допустить утечки значительной части информации военного и государственного значения и в определённой мере заблокировать действие разведки противника в данном направлении. Отделениям и филиалам Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск и их агентуре так и не удалось установить точные планы советского командования. В докладе командующего Квантунской группировкой войск генерала армии О. Ямады императору Японии Хирохито сообщалось о скрытной переброске советских войск с Запада на Дальний Восток, подготовке их к проведению наступательной операции, но заместитель начальника штаба генерал-майор Т. Мацумура констатировал, что «... для квантунского командования объявление войны Советским Союзом именно 8 августа 1945 г. стало полной неожиданностью»²¹⁸.

В то же время советская военная разведка установила факт скрытного отвода японских сил от линии передового базирования, что позволило разгадать замысел генерала армии О. Ямады: пожертвовав частями прикрытия, вывести главные силы Квантунской группировки из-под первого, как правило, массированного удара советской артиллерии и авиации, организовать оборону на подготовленных рубежах.

Военные разведчики выявили основные пункты управления Квантунской группировкой войск, добыли сведения об авиабазах и аэродромах, о местах расположения складов горючего, боеприпасов и продовольствия, наличии железных, шоссейных дорог и других важных объектов на глубину от 100 до 250 км. Силами разведывательных отделов проведено около 200 спецопераций, в ходе которых в тыл противника перебросили 188 разведывательных групп, 588 подготовленных разведчиков с радиостанциями для связи. Сведения о противнике добывали 2452 разведчика и агента. Среди них были русские, монголы, китайцы, нанайцы, владевшие китайским или японским языками, легко ориентирующиеся на местности²¹⁹.

Разгром нацистской Германии и её сателлитов в Европе позволил Советскому Союзу принять участие в ликвидации последнего очага Второй мировой войны. Основные усилия советской контрразведки сосредоточились на проведении оперативно-розыскных мероприятий на территории Маньчжурии. Продвигаясь вместе с наступающими частями, опергруппы «Смерш» и территориальных органов госбезопасности захватывали помещения японских разведывательных и контрразведывательных органов, белоэмигрантских организаций, проводили аресты отдельных лиц.

Кроме того, советская контрразведка продолжала контролировать настроения советского общества в связи с объявлением СССР войны Японии. Уже 10 августа 1945 г. нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов направил в ГКО информацию о реагировании населения, которое поддерживало и одобряло принятое решение, но вместе с тем отмечало, что «...стране придётся выдержать тяготы сухопутной войны. Придётся воевать в Маньчжурии и Китае, преодолевать большие расстояния, и если учитывать фанатизм японцев, то все это – дело нелёгкое, но избежать этой войны мы не можем». Звучали слова тревоги о новых страданиях советского народа, о новых больших жертвах, которые понесут советские люди, а также призывы «...проучить японцев и отобрать у них обратно то, чем они владели: Сахалин, Маньчжурию, Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур»²²⁰.

Органы НКГБ на Дальнем Востоке интернировали японцев, прибывших на Камчатку на рыболовные концессии. Всего были изолированы 776 чел. Подверглись аналогичной процедуре работники консульств Японии и Маньчжоу-Ди-го, дислоцированные во Владивостоке, Охе, Александровске-на-Сахалине, Петропавловске-Камчатском, Чите и Благовещенске²²¹.

К 11 августа 1945 г. органами «Смерш» трёх фронтов в Маньчжурии были арестованы 119 чел.: 75 сотрудников и агентов японской разведки и контрразведки, 44 активных участника белогвардейских и фашистских организаций. Оперативная группа «Смерш» 36-й армии Забайкальского фронта захватила отделение хайларского Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск в г. Маньчжурия со всеми архивами. В них обнаружили около 2 тыс. анкет на эмигрантов, которые оперативные работники использовали для проведения розыскных мероприятий. Опергруппа «Смерш» 1-го Дальневосточного фронта на ст. Пограничная арестовала 12 агентов японской разведки, подготовленных для переброски в тыл РККА, захватила документы отделения разведывательного управления и три машины с листовками, призывавшими красноармейцев переходить на японскую сторону и создавать «Русское дальневосточное правительство»²²².

В период войны с Японией резидентуры внешней разведки снабжали Центр, а через него советское военное командование информацией о дислокации подразделений японской армии, её командных пунктов, перемещениях войск. Ряд разведчиков включили в оперативно-чекистские группы. Они захватывали руководителей политических и военных кругов, сотрудников японских спецслужб, их архивы и наиболее крупных агентов.

В ряде случаев оперативно-чекистские группы десантировались впереди наступающих советских войск. Так, 16 августа 1945 г. в район г. Харбин забросили группу «Родина», сформированную Управлением Наркомата государственной безопасности СССР по Хабаровскому краю. Действуя под прикрытием

подпольной организации эмигрантов-оборонцев, при активном содействии китайских крестьян группа собрала разведывательные данные о дислокации японских гарнизонов, местной полиции, прохождении телефонно-телеграфных линий, подходах к городам. Используя антияпонские настроения населения, группа помогла организовать органы местного самоуправления в ряде населённых пунктов²²³.

Сотрудники военной разведки принимали участие в выполнении особых заданий командования в составе специальных десантных отрядов (групп). Так, представители разведывательного отдела штаба Забайкальского фронта находились в составе парламентёрской группы под руководством начальника оперативного отдела полковника И.Т. Артеменко (особый уполномоченный советского военного командования). Командующий фронтом Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский направил её в глубокий тыл противника (500 км от линии фронта) в штаб Квантунской группировки войск (г. Чанчунь). Генерал армии О. Ямада принял требование советского командования о полной и безоговорочной капитуляции, и 19 августа 1945 г. в 14 ч 10 мин акт о капитуляции Квантунской группировки войск был подписан и объявлен по радио²²⁴.

Наряду с решением основной задачи по разгрому японских специальных служб и захватом их оперативных документов и архивов органами контрразведки «Смерш» в сотрудничестве с территориальными органами безопасности пограничными войсками были достигнуты и другие важные результаты: 19 августа в аэропорту г. Мукден силами совмещенного с группой парламентёров десанта под руководством уполномоченного Военного совета начальника политотдела Забайкальского фронта генерал-майора А.Д. Притулы был захвачен и интернирован император Маньчжоу-Ди-го Г. Пу И с членами семьи и министрами правительства; интернирован штаб Квантунской группировки войск во главе с её командующим генералом армии О. Ямадой, начальником штаба генерал-лейтенантом Х. Хатой, начальником Информационно-разведывательного управления (бывшая главная ЯВМ в г. Харбине) генерал-майором Ш. Акикусой, начальником 2-го отдела штаба полковником С. Асадой и его заместителем подполковником Т. Кумазакой и др.

Советские воины столкнулись с явлением, совершенно не характерным для регулярной японской армии: массовой сдачей в плен солдат и офицеров. Отмечалось много случаев, когда подразделения Квантунской группировки войск под белыми флагами организовано складывали оружие перед советскими разведывательными дозорами. Самурайский дух, однако, потеряли далеко не все – японские военнослужащие в безвыходном положении предпочитали традиционное почётное самоубийство, нарушали обещания о сложении оружия, как это было, например, в дни Курильского десанта, чем увеличивали число жертв с обеих сторон²²⁵.

Советские войска встретили ожесточённое сопротивление в ряде глубинных районах Северо-Восточного Китая. Японская разведка оставляла агентуру для проведения шпионской, диверсионной и террористической деятельности. Предпринимались попытки убийства советских бойцов и командиров, совершения диверсионных актов на важных коммуникационных линиях. В связи с этим обосновывалась необходимость проведения массовых арестов официальных сотрудников японских спецслужб, агентов, активных участников белогвардейских и фашистских организаций, руководителей и сотрудников японских консульств,

проводивших разведывательную работу против Советского Союза. Личный состав японской полиции, жандармерии, тюрем, концлагерей, военных комендатур и органов военной прокуратуры предлагалось содержать в лагерях военнопленных, а террористов и диверсантов, застигнутых в момент совершения акта, – уничтожать на месте²²⁶.

Вначале охрану тыла и комендантскую службу осуществляли пограничные войска. В первые же дни войны в пограничной полосе Маньчжурии они разгромили 241 пограничный полицейский кордон, 31 мелкий гарнизон, 11 узлов сопротивления и опорных пунктов, заняли 194 населённых пункта, в том числе города Сахалин, Айгунь, Уюнь, Шивей, Джурганхэ, Мохэ и Оупу. На территории Маньчжурии пограничники ликвидировали 42 бандитско-диверсионные и 33 японские войсковые группы (численностью от 10 до 150 чел.), оторвавшиеся от своих частей, обеспечивая порядок в тылу фронтов, надёжно охраняли государственную границу, во многом способствовали и успеху наступательных действий РККА и ВМФ СССР²²⁷.

Однако, исходя из новых реалий, по совместному указанию наркома внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Круглова и генерала армии А.И. Антонова маршалу А.М. Василевскому от 16 августа 1945 г. охрану тыла фронтов в Маньчжурии стали осуществлять войска Красной армии и три дивизии войск НКВД. Пограничники постепенно освобождались от несвойственных им функций и возвращались на охрану границы²²⁸.

Японские диверсионные отряды, в состав которых входили белоэмигранты и смертники, активно действовали в тылу советских войск до конца августа 1945 г.²²⁹ Они систематически проводили небольшие по масштабам, но значительные по результатам специальные операции²³⁰. С 20 августа по 17 сентября 1945 г. подразделения и отдельные разведгруппы войск НКВД по охране тыла фронтов имели 11 боевых столкновений, в ходе которых уничтожили 612 и пленили 575 солдат и офицеров противника, взяли трофеи, потеряв при этом 13 чел. убитыми и 20 ранеными.

Так, боевые столкновения произошли в районе п. Чабачи (180 км северо-западнее г. Цзямусы по р. Танванхэ, или 120 км северо-западнее г. Таньюань), где дислоцировалось цзямусинское отделение Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск и скрывался руководящий состав из числа русских эмигрантов. 13 сентября 1945 г. разведгруппа 289-го стрелкового полка в количестве 15 чел. столкнулась с отрядом японцев до 200 чел. В результате боя уничтожено 30 японцев (остатки отряда скрылись в горах), подобрано 28 винтовок, потери разведгруппы – 1 чел. убит, 1 – ранен. 16 сентября разведчики этого же подразделения столкнулись с очередной группой японцев, уничтожили 80 солдат и офицеров противника, захватили 60 винтовок, 3 миномёта, 1 пулемёт, 5000 винтовочных патронов.

Выполняя охрану тыла фронтов, войска НКВД вели борьбу с многочисленными бандами хунхузов (участники вооружённых банд в Маньчжурии), разоружали отряды, формируемые центральным китайским правительством Чан Кайши, предназначенные для борьбы с 8-й Народно-революционной армией Китая. Только войсками по охране тыла Забайкальского фронта в октябре 1945 г. разоружено 5 таких отрядов общей численностью 1798 чел.²³¹

К 20 августа 1945 г. органы контрразведки Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов арестовали свыше 700 сотрудников японской разведки

и активных участников белогвардейских и других организаций. Флотские контрразведчики организовали и направили на территорию Кореи, Маньчжурии и Южного Сахалина 5 групп, в состав которых вошли 30 оперативных работников. В частности, в портах Расин, Юки, Сейсин они арестовали 13 полицейских, жандармов и агентов японских военно-морских миссий, обезвредили и уничтожили значительное число диверсантов и террористов, захватили архивы, выявили в порту Юки склад оружия (5 пулемётов, 24 винтовки, гранаты), которое жандармерия намеревалась использовать в тылу советских частей²³².

Активизировалась агентурно-оперативная работа по розыску и аресту шпионов, диверсантов, террористов, изменников Родины, предателей, лиц, занимавших бандитизмом. В результате проведённых мероприятий работники отдела контрразведки «Смерш» Тихоокеанского флота установили и арестовали большую часть личного состава отделений и филиалов Информационно-разведывательного управления Квантунской группировки войск ИРУ КГВ, ЯВММ, работников БРЭМ и иных эмигрантских организаций²³³.

По состоянию на 5 сентября 1945 г. только в числе разоружённого и интернированного личного состава штаба Квантунской группировки войск находились 11 генералов, 193 офицера и 724 рядовых. Задержали и арестовали начальников ключевых миссий: в г. Хайлар – подполковника И. Аmano, в г. Сахалин – полковника Т. Кондо, в г. Тойохара – майора Х. Каниэ, в г. Сейсин – капитана 1-го ранга Д. Минодзума и др.

В плену оказались непримиримые враги советской власти атаман Г.М. Семёнов, глава Российского фашистского союза К.В. Родзаевский, последний формальный начальник БРЭМ Л.Ф. Власьевский и ряд других руководителей эмигрантских организаций и групп. Кроме того, были выявлены и арестованы перебежчики из числа бывших советских военнослужащих, а также предатели из закордонной агентуры органов НКВД – НКГБ, пограничных войск, разведотделов штабов частей РККА, Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской военной флотилии, которые стали сотрудничать с иностранными спецслужбами.

Всего до середины декабря 1945 г. были арестованы 5484 сотрудника и агента японской разведки²³⁴. Огромную помощь в проведении оперативно-розыскной работы оказали переводы захваченных трофейных документов, которые не успели уничтожить, несмотря на приказ Генерального штаба японской Императорской армии. В результате их обработки только Управлением НКГБ СССР по Хабаровскому краю установлены среди японских военнопленных 693 кадровых разведчика, взяты на учёт около 50 тыс. агентов иностранных разведок и участников антисоветских организаций, объявлены в розыск 674 японских агента, из которых 142 вскоре арестовали²³⁵. В кратчайшие сроки деятельность японских спецслужб в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курилах была полностью парализована, а белоэмигрантские центры ликвидированы.

Научно-техническая разведка Наркомата государственной безопасности СССР выполнила возложенные на неё задачи. Ядерная проблематика стала одним из важнейших направлений её деятельности, получившим кодовое название операция «Энормоз». По решению ГКО разведывательную работу по атомным проектам осуществляла внешняя разведка НКГБ²³⁶. В июне 1945 г. резидентура в Нью-Йорке добыла подробную документацию по устройству американской атомной бомбы и её испытанию. Когда 24 июля 1945 г. Г. Трумэн проинформи-

рвал И.В. Сталина о создании в США нового оружия большой разрушительной силы и намерении применить его против Японии, советский руководитель уже имел необходимую информацию.

Мировое сообщество узнало об американских атомных бомбардировках японских городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., а уже 14 и 16 сентября советские военные разведчики подполковники К.П. Сонин, М.М. Романов, лейтенант Н.П. Кикенин, техник-интендант 1-го ранга А.В. Варшавский и оператор Центральной студии документальных фильмов М.М. Прудников смогли лично оценить последствия атомных ударов, характер и масштабы разрушений²³⁷, получить образцы грунта, воды, строительных материалов и фрагментов живой природы²³⁸.

Добытые сведения по радиолокации и реактивной авиации, размагничиванию кораблей и производству новейших лекарственных препаратов, чертежи и описания авиационных бомб, японских танков и самолётов морской авиации ускорили разработку в СССР новых образцов техники и вооружения. Материалы научно- и военно-технического характера оказали советским конструкторам и инженерам значительную помощь в разработке новых видов военной техники и вооружения, ускорили процесс создания опытных образцов и их серийного производства, позволили сократить расходы финансовых средств, производственных и материально-технических ресурсов при разработке атомного оружия. Вручая награды участникам работ по созданию советской атомной бомбы, И.В. Сталин заметил: «...Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе»²³⁹.

Подводя итоги деятельности японских и советских специальных служб в годы Второй мировой войны, следует отметить, что японская разведка в военное время имела преувеличенное представление о составе советских вооружённых сил на Дальнем Востоке, именно поэтому японское командование не решалось напасть на СССР. Советская внешняя и военная разведки в большинстве случаев объективно информировали руководство страны о японских военно-политических планах и реальной боеспособности вооружённых сил Японии. Оценка группировки войск противника, подготовленная советской военной разведкой, и реальные данные имели незначительные расхождения в нумерации японских частей, характере оборонительных сооружений в укреплённых районах.

Советской разведке и контрразведке удалось в значительной степени парализовать подрывную деятельность японских спецслужб против СССР, выявить и задержать значительную часть агентуры противника. Добываемая разведкой НКГБ информация позволяла установить основные направления внешнеполитической деятельности ведущих мировых государств и противодействовать их усилиям по дезинтеграции обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии.

10.7. Дальневосточное общество в августе–сентябре 1945 г.

Созданный в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке СССР военно-экономический потенциал был недостаточен для проведения активных военных действий против Японии. В январе 1945 г. Центральный Комитет ВКП(б), заслушав доклады первых секретарей краевых комитетов партии Г.А. Боркова и Н.М. Пегова о социально-экономической ситуации в Хабаровском

и Приморском краях, принимает решение о привлечении дополнительных ресурсов для повышения обороноспособности региона.

Для улучшения руководства магистралями Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока образовали особый округ железных дорог Дальнего Востока (возглавил заместитель наркома путей сообщения В.А. Гарнык). Осуществлялось строительство по временной схеме (с превышением допустимых технических нормативов) железнодорожных линий военного назначения к государственной границе, к базам Дальневосточной группировки войск для обеспечения сквозного движения по стратегическим и оперативным направлениям. Эксплуатационная протяжённость Амурской, Дальневосточной, Приморской железных дорог Наркомата путей сообщения увеличилась и составила 4026 км²⁴⁰.

В распоряжение управления дальневосточных железных дорог прибыли спецподразделения с юго-западных магистралей, три эксплуатационно-железнодорожных полка и три эксплуатационных отделения из Польши и Румынии, 800 локомотивов и более 14 тыс. железнодорожников. С мая по сентябрь 1945 г. по Забайкальской, Приморской, Амурской и Дальневосточной железным дорогам перевезено 116 тыс. вагонов грузов, или 2019 эшелонов²⁴¹.

На основании решения Государственного Комитета Обороны были приняты срочные меры по увеличению пропускной способности шоссейных и грунтовых дорог. К началу 1945 г. на территории Приморского края имелось 2239 км дорог общесоюзного значения (28 км – чёрного шоссе, 1772 км – гравийно-щебёночных, 174 км – грунтово-улучшенных, 265 км – грунтово-естественных), из них только 475 км обеспечивали пропускную способность 3 тыс. автомашин в сутки (потребность 4 тыс.), остальные – 300–400 автомашин. На дорогах из 1510 мостов общей длиной 30 299 м только 337 мостов (8188 м) соответствовали техническим нормативам пропуска подвижных единиц грузоподъёмностью 60 т, а остальные – 25 т. За короткое время только для восстановления земляного полотна, разрушенного паводками в 1943–1944 гг., необходимо было выполнить 160 тыс. куб. м земляных работ²⁴². Силами местного населения и военнослужащих удалось оборудовать 10 военно-автомобильных дорог протяжённостью 1509 км в местах дислокации войск 1-го Дальневосточного, 4 дороги (485 км) – 2-го Дальневосточного фронтов²⁴³.

Принимались меры по усилению охраны военных объектов, предприятий и транспорта, имущества и урожая колхозов и совхозов, приводились в порядок укрытия, противопожарные и противовоздушные средства. Состояние местной противовоздушной обороны неоднократно проверялось комиссиями НКВД, ведомственными наркоматами, партийными и советскими структурами, выявлялись и устранялись недостатки. На укомплектование формируемых батальонов Хабаровского края прибывал личный состав из Воронежа, Ярославля, Коврова²⁴⁴. Особые отделения обучались разминированию объектов. В Приморье под руководством прибывшего из Москвы инструктора было проведено 12 практических учений по тушению зажигательных и ликвидации неразорвавшихся авиабомб, в которых приняли участие 9,5 тыс. чел.²⁴⁵

В связи с началом военных действий с нуля часов 9 августа 1945 г. на территории Дальнего Востока СССР вводилось военное положение: устанавливался особый порядок управления и судопроизводства (военные трибуналы), ограничивалось передвижение гражданских и военных лиц, а признанных социально опасными – выселяли из населённых пунктов. По приказу военного командования в регионе режим светомаскировки вводился 8 августа 1945 г. с 23 ч по

местному времени (в приграничных районах за 10–15 мин до начала военных действий) путём отключения потребителей от электроснабжения и затемнения оставшихся источников света (светомаскировка отменена на большей части региона 22 августа, на Камчатке – 31 августа 1945 г.). Население пограничных районов оповещалось о введении угрожающего положения звуковыми сигналами во время артиллерийской подготовки, а в остальных населённых пунктах – скрытым порядком без использования ретрансляционных узлов (оповещение произведено за 1 ч 10 мин)²⁴⁶.

Для обеспечения государственной безопасности военные советы фронтов и армий имели право регулировать время работы учреждений и предприятий, торговых и коммунальных структур, ограничивать проведение зрелищных мероприятий, собраний и митингов, привлекать дальневосточников для выполнения оборонных работ и охраны важнейших объектов, изымать транспортные средства и помещения для военных нужд. Все их распоряжения исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся, государственные и общественные организации должны были выполнять немедленно и беспрекословно, за неисполнение предусматривался штраф в размере 3 тыс. руб. или наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев²⁴⁷.

На всех дорогах осуществлялась проверка документов военных и гражданских лиц независимо от звания и занимаемой должности. Военнослужащие, кроме удостоверения личности и красноармейской книжки, должны были предъявить командировочное удостоверение со специальным шифром, гражданское население в пределах территории проживания – паспорт, а за пределами – ещё и пропуск, выданный милицией. Автогужевой транспорт следовал по специальным пропускам и путёвкам, завизированным руководителями учреждений и предприятий²⁴⁸.

Круглосуточное дежурство руководящих работников устанавливалось на всех предприятиях и в учреждениях региона, в жилом секторе. С целью уменьшения видимости особо важных сооружений осуществлялась частичная окраска их в тёмные цвета. Так, на объектах Дальневосточной железной дороги было окрашено 203 здания, аналогичная работа проведена на заводах Хабаровска. Составленные ранее проекты сложных работ по технической маскировке промышленных предприятий и возведению ложных объектов не выполнялись в силу быстротечного характера военных действий²⁴⁹.

С введением военного положения для охраны общественного порядка и безопасности в Хабаровске привлекли 8295 чел., в Комсомольске-на-Амуре – 1242²⁵⁰. Во Владивостоке разработали схему передвижения автогужевого транспорта по второстепенным улицам и переулкам, объездным маршрутам с интервалом 50 м в дневное время, 100 м – в ночное. Охраняли наиболее важные объекты и порядок на улицах не менее 2,5 тыс. коммунистов и комсомольцев; 40 военных патрулей по 3 чел., вооружённых автоматом (два заряженных магазина) и винтовкой (30 патронов), по распоряжению военного коменданта контролировали соблюдение военного положения в городе. Проверялись все чердаки, полуподвальные и подвальные помещения на наличие посторонних лиц. Предоставляемые воинским частям для размещения отделов и учреждений флота здания и сооружения, материальные ценности, по приказу командующего ТОФ № 0424 от 9 августа 1945 г., принимались от Советов, предприятий и организаций по актам с указанием технического состояния и стоимости²⁵¹.

На приведение в готовность основных объектов местной противовоздушной обороны с переводом на казарменное положение 20–40% личного состава и всего штатного состава ведомственной охранной и пожарной служб потребовалось 3–6 ч. После рассредоточения и оснащения подразделений большая часть состава была распущена. По городам Хабаровского края оставили 5549 чел., в том числе по участковым формированиям более 1,7 тыс. чел., создали 218 групп самозащиты численностью 14 690 чел. В Комсомольске-на-Амуре действовали минно-подрывной взвод (30 чел.) и 3 аварийно-восстановительных (79 чел.), в Хабаровске – 5 взводов подрывников (160 чел.) и 96 аварийно-восстановительных звеньев (362 чел.), в Благовещенске – 87 звеньев (440 чел.), на Амурской железной дороге – 22 восстановительные летучки, предназначенные для восстановления железнодорожных путей, связи и водоснабжения²⁵².

Планы укрытия населения откорректировали, подготовили к эксплуатации бомбо- и газобезопасности. К августу 1945 г. в Хабаровском крае возвели более трёх десятков командных пунктов, 449 убежищ и 4446 укрытий полевого типа общей вместимостью 195 478 чел. В дни войны с Японией дополнительно оборудовали 2611 щелей и приспособили под укрытия более 800 сооружений вместимостью 91 443 чел., оборудовали 278 водоёмов на 14 642 куб. м воды. За короткое время в Николаевске-на-Амуре к водосточникам провели 29 км грунтовых дорог и 2 км подъездных путей, построили 1,2 км мостов и 5 переездов. Возросла активность населения. Только в Хабаровске создали 113 групп самозащиты и 52 поста МПВО, 546 санитарных постов и 12 санитарных дружин, 407 противопожарных постов и 15 дружин²⁵³.

На 1 января 1945 г. во Владивостоке выстроили 2303 убежища на 60,9 тыс. чел., в том числе 39 убежищ первой и второй категории на 4,2 тыс. чел., 2231 щель на 53,3 тыс., 23 землянки на 3,2 тыс. чел. В процессе строительства находилось ещё 33 объекта, включая командный пункт-бомбоубежище для 8 тыс. руководящих работников Приморского края (из запланированных 5,4 тыс. м штолен пройдено 3,6 тыс. м)²⁵⁴.

Из Владивостока в пригород эвакуировали 32–35 тыс. чел. (16 тыс. детей), которых разместили в пионерских лагерях, детских садах и незначительную часть – в частном секторе. Для их обеспечения на склады завезли 39,5 тыс. т продуктов (жиры, консервы, сахар, крупа, кондитерские изделия), ежедневно выпекалось 13 т хлеба в пекарнях на станциях 2-я Речка, Океанская, Седанка. В целом эвакуация населения проводилась организованно, хотя имелись случаи, когда детей и матерей с грудными младенцами отправляли, не проинформировав о месте размещения, в первой попавшейся машине без сопровождения, запаса воды и продуктов²⁵⁵.

Расчёты противопожарных, медико-санитарных, аварийно-восстановительных подразделений и подразделений управления местной противовоздушной обороны были укомплектованы личным составом, но имелись трудности с его размещением, так как помещений, инвентаря и казарменного имущества не подготовили, не решили вопросы организации питания. В боевых условиях их не задействовали, лишь аварийно-восстановительные службы привлекались для выполнения заданий военного командования. В частности, восстанавливали разрушенные артобстрелом линии связи на ст. Иман Приморской железной дороги, в Благовещенске оборудовали переправы через Амур, ремонтировали причал, обвалившийся во время переправы танков, участвовали в эвакуации раненых и их обслуживании в госпиталях²⁵⁶.

Введение военного положения не вызвало у дальневосточников паники и растерянности. О призыве в ряды Красной армии и немедленной отправке на фронт поступило, по неполным сведениям, 3 тыс. заявлений от добровольцев Приморья, 800 – из Приамурья²⁵⁷. В основном это была молодёжь (среди них много девушек), имеющая военные специальности и стремящаяся, как отмечено в письме учащегося ремесленного училища № 2 Приморского края, «...быстрее разбить подлого врага и продолжить нашу спокойную, красивую жизнь, которой мы жили до войны»²⁵⁸.

На многочисленных митингах и собраниях поддерживалось решение советского правительства об объявлении войны Японии. «...Не может быть мирной и спокойной жизни у нашего народа, когда соседом является такой злобный и коварный враг, как фашистская Япония», «...Мы ничего не забыли, помним все каверзные проделки японцев здесь у нас на Дальнем Востоке. Настал час расплаты», «...Японский агрессор будет полностью разгромлен объединёнными усилиями СССР, Англии, Америки и Китая. Народы Востока будут спасены от ига японских империалистов, и недалек тот день, когда восторжествует мир во всем мире», – отмечалось в резолюциях²⁵⁹.

Звучали призывы проявлять спокойствие, выдержку, бдительность и героизм «...Наступила и для нас пора фронтовой жизни. Раньше фронт был от нас далеко за тысячи километров, сейчас он рядом. Япония не хотела понять уроки, полученные гитлеровской Германией. Пора положить конец японской агрессии. Мы хотим, чтобы мир был везде: и на западе, и на востоке. Мы должны ответить на это событие повышением производительности труда, укреплением трудовой дисциплины», – констатировалось в выступлениях рабочих и служащих уссурийского вагоноремонтного завода²⁶⁰.

Социально-политической стабильности в регионе уделялось повышенное внимание. Население, высоко оценивая мощь советской группировки войск, сосредоточенной на восточных рубежах СССР, опасалось начала военных действий на территории Дальнего Востока. Официальная информация сопровождалась слухами: японские войска наступают, перерезали дальневосточную магистраль, самолёты разбомбили Спасск, Гродеково, Иман, дважды бомбили Владивосток, фиксировались высказывания пессимистического характера о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции²⁶¹.

В агитационно-массовой работе использовались факты провокаций японцев на дальневосточных границах. Пропагандировался ратный подвиг участников событий на Хасане и Халхин-Голе, советского народа в годы Великой Отечественной войны. Проводились лекции на темы «Япония – злейший враг советского народа», «Маньчжурский плацдарм для нападения на СССР», «Японский новый порядок в Восточной Азии», «Зверства японской военщины». Только во Владивостоке было издано 34 тыс. лозунгов и 600 больших плакатов, в Хабаровске провели 1,6 тыс. бесед и разослали 183 тыс. экз. печатной продукции, разъясняющей цели войны СССР с Японией, правила поведения в условиях военного времени²⁶².

Газеты выходили под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». «Будем достойными героических подвигов бойцов и командиров действующей Красной Армии!», «Хлеб – оружие победы!», «И колос, как штык, врага колет!» – такие призывы звучали в трудовых коллективах. В связи с невозможностью работы

в ночное время из-за введения светомаскировки рабочий день на дальневосточных предприятиях продолжался только в световое время (с 6 до 18 ч), и многие встали на стахановские вахты. Так, 11 августа 1945 г. по железнодорожному району г. Уссурийск объявили себя фронтовыми 53 бригады и смены 25 станков и агрегатов, 9 паровозных колонн, а на 20 августа уже имелось 73 фронтовых бригады, смены 55 станков и агрегатов, 27 фронтовых паровозов. Выполняя заказ 1-го Дальневосточного фронта по изготовлению подшипников, вместе с рабочими на станках трудились директор завода Павлов и главный инженер Рудиков с ежедневной выработкой 500% норм²⁶³.

Не считаясь со временем, работали на судостроительном заводе Комсомольска-на-Амуре более 100 комсомольско-молодёжных бригад, боровшихся за право называться фронтовой. На заводе им. Горького всем было известно имя слесаря-инструментальщика Евсеева. В августе он выполнял сменные задания на 440%, а в сентябре довёл ежедневную выработку до 6–7 норм²⁶⁴.

С большим напряжением трудились рабочие Дальзавода, в два раза быстрее выполнили военный заказ. Бригада судосборщиков Виника выполнила работу за 3 дня вместо 8, бригада Служенко – за 4 суток вместо 12 – по норме. Токари двух цехов постоянно выполняли дневное задание на 200–275%. За отличную работу при выполнении срочных заказов командование Тихоокеанского флота выразило коллективу Дальзавода благодарность²⁶⁵. По заданию военного командования 250 рабочих судовой Главлрэбсудостроя изготовили 18 тыс. деталей, переоборудовали 26 судов и отремонтировали торпедный катер, получивший повреждения в порту Расин, гораздо раньше установленного срока²⁶⁶.

Железнодорожники восточных магистралей осуществляли воинские перевозки не только по дорогам Дальнего Востока, но и Маньчжурии, нередко под огнём противника. Так, взамен вышедшего из строя бронепоезда был послан обычный паровоз из депо ст. Ворошилов-Уссурийский. Паровозная бригада во главе с машинистом М. Романюком 60 ч передвигала бронепоезд, а бригада машиниста Ружинского депо Еремеева под огнём противника доставила состав к месту назначения²⁶⁷.

С первого дня боевых действий речники Амура помогали Амурской Краснознамённой флотилии в перебазировании войск. Баржи переоборудовали в паромы для перевозки тяжёлой техники – орудий, танков. Несмотря на трудности светомаскировки, скопление множества судов на небольших участках, высадка на правый берег Амура прошла без единой аварии. Особенно много рейсов сделали пароходы «Н.В. Гоголь», «Н. Островский», которые вели молодые капитаны Ю.Д. Могильницкий, В.А. Петров. Пароход «Ереван» под руководством Д.Т. Сошников за время боёв, отражая вражеские налёты, доставил до полутора десятков караванов. Коллективы пароходов «Омск», «Батуми», «Донбасс», возглавляемые капитанами Б.К. Вальдее, М.И. Золотухиным, Н.В. Трушечкиным, участвовали в высадке десантов в южную часть Сахалина. В августе 1945 г. речники Амура перевезли грузов в 4 раза больше планового задания²⁶⁸.

Во многих районах Охотского и Японского морей ежедневно выходили на лов дальневосточные рыбаки, но значительная часть рыболовецких судов привлекалась к выполнению специальных заданий в районах боевых действий. Согласно постановлению ГКО, 90 промысловых судов Приморья, краболовы «Всеволод Сибирцев», «Чернышевский», «Менжинский», 2-й и 3-й краболовы, пароход «Петропавловск», «шхуна «Нельма», 18 сейнеров с баржами, 58 кавасаки

рыбокомбинатов, буксирные катера и транспортные суда вместе с экипажами выполняли распоряжения военных советов фронтов. Рыбаки сахалинских комбинатов, экипажи траулеров «Буревестник», «Дальневосточник», «Коккинаки», камчатский танкер «Максим Горький» под огнём противника доставляли оружие и боеприпасы²⁶⁹.

В десантных операциях в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах участвовало более 35 судов Дальневосточного пароходства, проявляя мужество и мастерство. В районе нефтебазы г. Владивосток 18 августа 1945 г. экипаж танкера «Таганрог» сбил японский самолёт. Доставляя десантников в район боевых действий, в порты Расин и Сейсин, пароходы «Сучан», «Ногин» подорвались на минах, «Невастрой» был атакован авиацией противника, и только выдержка экипажей позволила выполнить поставленную задачу. За образцовое выполнение заданий и проявленные при этом доблесть и мужество 282 работника Дальневосточного пароходства были награждены орденами и медалями СССР²⁷⁰.

Лётные подразделения Дальневосточного управления гражданского воздушного флота, участвуя в боевых операциях, совершили 439 вылетов, перевезли 1562 пассажира и 364,5 т оборонных грузов. Личный состав управления заслужил благодарность Военного совета Дальневосточного фронта, 26 чел. удостоены орденов и медалей СССР²⁷¹.

Каждую победу советских вооружённых сил над японскими агрессорами колхозники и рабочие совхозов встречали напряжённой работой на полях и фермах, увеличивали объёмы хлебосдачи. Мать Героя Советского Союза Е. Стрелец на общем собрании работников колхоза «2-я Пятилетка» Сучанского района Приморского края заявила: «...Мой сын с честью оправдал материнский наказ – беспощадно биться с немецкими захватчиками. Сейчас И. Сталин призвал помочь Красной Армии разгромить японскую военщину. Мне 50 лет, но я обязуюсь работать не покладая рук и ежедневно выполнять на уборке урожая не менее 1,5 норм»²⁷².

На сбор урожая в августе 1945 г. из городов и районных центров Приморского края выехали 20 тыс. чел. Свыше 500 комсомольско-молодёжных бригад, 145 молодёжных тракторных бригад, 128 молодёжных звеньев высокого урожая оспаривали первенство в соревновании на уборке урожая и хлебозаготовках. Лучший комбайнёр – коммунист Кировского района И.Г. Мажара выполнял две, а в отдельные дни – 4 нормы за смену. Колхозники сельхозартелей им. Тихоокеанской звезды Ивановского района, «Колхозный труд», «Красная звезда» Черниговского района досрочно выполнили годовые планы хлебозаготовок и подготовили красные обозы сверхпланового хлеба в фонд Главного командования Красной армии. Уже в августе 1945 г. труженики сельского хозяйства Приморья выполнили годовой государственный план хлебозаготовок на 50%²⁷³.

Перевыполнили месячное задание хлебозаготовок сельхозартели им. Ленина, им. Ворошилова, «Новый труд», им. Тельмана, «Прогресс», «Показатель», а колхоз «Красное знамя» Хабаровского края сдал зерна в 3 раза больше, чем предусмотрено августовским графиком. Труженики Амурской области вывезли на заготовительные пункты 112 тыс. т хлеба, досрочно выполнив план хлебозаготовок на 110,7%²⁷⁴.

В дни войны с Японией окрепла связь дальневосточников с воинами. Житель Бикина, участник Великой Отечественной войны С.П. Жарных обратился с просьбой разрешить ему приобрести на собственные сбережения танк для

брата, сражавшегося с японскими самураями, и передал на приобретение боевой машины 50 тыс. руб. в местную контору Госбанка²⁷⁵.

Дальневосточники оказывали помощь в приёме раненых и уходе за ними. Свыше 1100 сандружинниц и 58 медицинских сестёр Амурской области работали в госпиталях и санитарном поезде в г. Куйбышевка-Восточная, Свободный, в Тамбовке, дежурили в палатах, ухаживали за ранеными, писали для них письма, читали газеты. Молодёжь Еврейской автономной области для воинских частей за пять дней выстирала 35 тыс. пар белья, собрала для раненых бойцов 12 т овощей, 1 тыс. яиц, 120 кг мёда. От тружеников Сахалинской области раненым бойцам и командирам было вручено 280 ящиков с подарками²⁷⁶.

Приморцы передали госпиталям, расположенным близ Владивостока, 3 т картофеля, 2,2 т капусты, 1,35 т овощей, 480 л молокопродуктов, 1030 шт. яиц, 27 кг мёда, 50 кг мяса, 95 пачек сигарет, 150 карандашей и 20 тетрадей, 30 графинов, 57 стаканов, 98 тарелок, 300 коробок спичек, 10 флаконов одеколона, 2,5 тыс. руб. Для обустройства собрали 175 горшочков комнатных цветов и поставили свежие букеты²⁷⁷.

Большой размах получило донорское движение. Только жители Владивостока сдали 854 л крови. В полном составе явились на станцию переливания крови члены первичной организации Красного Креста завода «Металлист» и судововерфи, донорами стали 148 комсомолок Дальзавода. В Партизанске организовали 51 санитарный пост, создали донорский пункт, где в списках желающих сдать кровь раненым бойцам значились более 800 чел.²⁷⁸

Настоящими патриотами проявили себя в эти августовские дни студенты дальневосточных вузов и техникумов. Как только началась эвакуация населения из прифронтовых зон, многие студенты Владивостокского педагогического института были назначены руководителями и воспитателями групп детей, эвакуированных из города. Студенты работали агитаторами, в группах самозащиты ПВХО, на донорском пункте, который организовали в здании института, 400 юношей и девушек сдали кровь. Студентка истфака Н. Швец ушла добровольно в армию, вынесла с поля боя несколько десятков раненых, удостоена правительственной награды. Приморский крайздравотдел и институт переливания крови представили 22 студента к награждению значком «Отличный донор».

Студенты и научные сотрудники получили благодарность от Верховного главнокомандующего Красной армии за средства, собранные на постройку самолёта «Студент Приморья». Хабаровский краевой комитет Международной организации помощи борцам революции был удостоен почётных грамот, в его адрес поступили сотни писем от воинов. В одном из них, подписанном 17 ранеными бойцами и офицерами, сообщалось: «...Ваши подарки, дорогие шефы, показывают единство фронта и тыла, которое является источником силы Красной Армии. Мы, воины 2-го Дальневосточного фронта, с честью выполнили долг перед Родиной ...Ваше внимание и забота имеют большое значение в нашем выздоровлении и возвращении в строй»²⁷⁹.

Сверхплановый выпуск боеприпасов, вооружения, обмундирования, ремонт боевой техники на местных предприятиях, передача продовольствия, фуража действующей армии, разносторонняя помощь военным госпиталям, мобилизация тружеников Дальнего Востока на строительство оборонительных рубежей, дорог сыграли большую роль в бесперебойном обеспечении боевых действий РККА и Военно-морского флота.

10.8. Военная политика Японии в оценках на Токийском и Хабаровском процессах

Пройдя сквозь годы трагических испытаний и триумфальных побед в борьбе с фашистской агрессией, Вооружённые Силы СССР выполнили интернациональную миссию, освободили полностью или частично 11 государств Европы и две страны Азии от оккупационного и колониального гнёта. Ликвидация советскими войсками Квантунской группировки войск поставила 2 сентября 1945 г. победную точку во Второй мировой войне.

В ходе Токийского (3 мая 1946 г.–12 ноября 1948 г.) и Хабаровского (25–30 декабря 1949 г.) судебных процессов получены неоспоримые доказательства преступлений японских должностных лиц против мира и человечества. Международный военный трибунал в Токио был сформирован из представителей 11 стран (СССР, США, Великобритании, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Голландии, Китая, Индии, Филиппин). Суду предавались 28 главных японских военных преступников. Устав трибунала в Токио аналогичен Уставу Международного военного трибунала в Нюрнберге, но имел некоторые особенности. Так, трибунал в Нюрнберге учреждён на основе соглашения между четырьмя союзными державами (СССР, США, Великобританией и Францией), а Токийский – приказа главнокомандующего союзными оккупационными силами в Японии генерала армии Д. Макартура²⁸⁰. Он же назначил и членов трибунала, ему предоставлялось право утверждения вынесенного приговора²⁸¹.

В СССР подготовка к Токийскому трибуналу началась в соответствии с указаниями И.В. Сталина. 25 января 1946 г. заместитель народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозов информировал начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР генерал-полковника В.С. Абакумова, что Великобритания предварительно предоставляет на суд военного трибунала в Токио материалы на 20 военно-политических деятелей Японии, США – на 30–40, СССР – на 57. В связи с этим требовалось подобрать документы, которые можно использовать в качестве доказательств обвинения. Аналогичные сообщения отправили начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА генерал-полковнику Ф.Ф. Кузнецову, наркомам внутренних дел СССР генерал-полковнику С.Н. Круглову и государственной безопасности генералу армии В.Н. Меркулову. В полученных ответах предлагалось привлечь к ответственности и других лиц. В итоге обобщённый список включал более 100 чел.²⁸²

Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1946 г. учредило Комиссию по руководству Токийским процессом под председательством первого заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского. Главным обвинителем от СССР (защитники в процессе не участвовали) назначили члена Коллегии МИД, Чрезвычайного и Полномочного Посланника, члена-корреспондента АН СССР, доктора юридических наук, профессора С.А. Голунского, членом трибунала от СССР – члена Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майора юстиции И.М. Зарянова. Всего в советскую делегацию вошло около 70 чел.

20 марта 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву, в которой определялась главная задача советского обвинения – разоблачение японской агрессии против страны: русско-японская война 1904–1905 гг.; интервенция 1918–1922 гг.; захват и превращение Маньчжурии и Кореи в военный плацдарм; организация белогвардейских сил для враждебной Советскому Союзу

деятельности; организация японцами террористических актов, диверсий и саботажа на КВЖД; агрессивные действия на границе, нападение на СССР в районе оз. Хасан и на союзную Советскому Союзу Монгольскую Народную Республику в районе р. Халхин-Гол; сговор с Германией, подготовка к нападению на СССР и нарушение Японией пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

В январе 1946 г. была создана специальная группа по подготовке свидетелей для получения сведений по разоблачению агрессивной военно-политической стратегии Японии. Группу (более тысячи специалистов) возглавлял начальник Управления НКВД (с марта 1946 г. – Министерство внутренних дел) СССР по Хабаровскому краю генерал-лейтенант И.И. Долгих.

Японские военнопленные и интернированные, из числа которых могли быть отобраны кандидаты и представлены на Токийском процессе, находились в Хабаровске. Одна группа содержалась на спецобъекте № 45 УНКВД СССР по Хабаровскому краю (в настоящее время – городская клиническая поликлиника № 3) – 170 генералов Квантунской группировки войск и Северной армии, 22 министра Маньчжоу-Ди-го, император Г. Пу И (который выступил свидетелем на процессе) и его ближайшее окружение. Другая – в специальном лагерном отделении спецобъекта № 45 под Хабаровском (ныне с. Рошино, рядом с комплексом отдыха «Заимка Плюснина»), где находилось более 300 старших офицеров – сотрудников разведывательных структур Японии и жандармерии, а также влиятельных чиновников Маньчжоу-Ди-го. На 1 июня 1946 г. на спецобъекте № 45 содержались 227 чел.

В результате тщательного изучения собранных доказательств на японских военнопленных и интернированных лиц советская контрразведка отобрала 30 генералов, 36 старших офицеров и 11 чиновников, выразивших согласие выступить на судебном процессе. Информация о каждом из них была доложена И.В. Сталину, и он лично определил свидетелей советского обвинения на заседаниях Токийского трибунала, которых распределили в две группы по три человека. В первой группе были: начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-Ди-го генерал-лейтенант Т. Кусаба (в ночь с 19 на 20 сентября 1946 г., накануне выступления в трибунале, обнаружен мёртвым в здании бывшего штаба фирмы «Мицубиси», где размещались советские участники и свидетели процесса), второй заместитель начальника штаба Квантунской группировки войск (КГВ) генерал-майор Т. Мацумура и начальник отделения штаба КГВ подполковник Р. Сэдзима. Во второй группе – командующий 3-й армией генерал-лейтенант К. Мураками, правитель общих дел (премьер-министр) Маньчжоу-Ди-го Р. Такэбэ и начальник шифровального отдела штаба КГВ майор К. Мацуура.

Трибуналу в Токио в качестве доказательств были представлены: оригиналы и фотокопии японских секретных документов, добытых разведками союзных держав, а также изъятых в министерстве иностранных дел Германии; 650 письменных показаний свидетелей – очевидцев военных преступлений японских военнослужащих в различных странах. На основании совокупности разнообразных доказательств в обвинениях и приговоре было зафиксировано, что японские военнослужащие совершили преступления против человечности – они проявили массовое зверство относительно мирного населения. Так, к моменту вступления японской армии в столицу Китая г. Нанкин утром 13 декабря 1937 г. всякое сопротивление прекратилось, но японские солдаты «...проходили по улицам, без разбора убивая китайцев: мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы

и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали... Убийства и поджоги проводились планомерно, они продолжались в течение шести недель». Общее число гражданских лиц и военнопленных, убитых в Нанкине и его окрестностях в течение первых полутора месяцев японской оккупации, превысило 200 тыс. чел.²⁸³, а всего за 14 лет войны в Китае японскими войсками уничтожено более 35 млн китайцев²⁸⁴.

В документах судебного процесса найдено подтверждение тому, что советско-японский пакт о нейтралитете в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР. Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, оказывала значительную помощь Германии²⁸⁵. В частности, она наращивала численность Квантунской группировки войск, которую в течение многих лет усиленно готовили для выполнения главной задачи – нападение на СССР²⁸⁶; оказывала поддержку политического, экономического и разведывательного характера воюющей союзнице; систематически блокировала сообщение СССР с другими странами по тихоокеанским маршрутам в дальневосточные порты, топила советские торговые суда, совершала другие разбойничьи акты на море. Специальные службы империи осуществляли разведывательную и иную подрывную деятельность против СССР²⁸⁷.

Согласно документальным данным в 1941–1945 гг. японская сторона 433 раза нарушала советское воздушное пространство, 923 – незаконно пересекала сухопутную и речную и 206 – морскую границы, 189 раз задерживала советские торговые суда, 8 из которых потопила²⁸⁸. Создавая напряжённость на советском Дальнем Востоке и в Забайкалье, Япония сковывала силы РККА и ВМФ, оказывая тем самым военную помощь странам гитлеровской коалиции²⁸⁹.

К суду Токийского трибунала в качестве обвиняемых было привлечено 28 чел., текст стенограммы заседаний на русском языке составил 48 412 страниц (приговор 1214 страниц)²⁹⁰. 12 декабря 1948 г. 7 чел. – офицеры Х. Годзио, К. Доихара, С. Итагаки, И. Мацуи, А. Муто, Х. Кимура и бывший посол в СССР, бывший министр иностранных дел и бывший премьер-министр Японии К. Хирота приговорены к смертной казни через повешение, 16 обвиняемых – к пожизненному тюремному заключению, а бывшие министры иностранных дел С. Того и М. Сигэмицу – соответственно к 20 и 7 годам заключения. Обвиняемые бывшие министр иностранных дел Ё. Мацуока 27 июня 1946 г. и начальник Главного морского штаба О. Нагано 5 января 1947 г. умерли в период процесса, а идеологу японского милитаризма С. Окава приговор не выносился в связи с признанием невменяемым. Включённый в список военных преступников, подлежащих суду Международного трибунала, бывший три срока премьер-министром Японии принц Ф. Коноэ покончил с собой, успев принять яд 16 декабря 1945 г. накануне явки в тюрьму. Советский обвинитель на Токийском трибунале за смертную казнь не голосовал, так как высшую меру наказания в СССР отменили с 26 мая 1947 г. по 12 января 1950 г.

Политическому руководству Советского Союза пришлось считаться с послевоенной расстановкой сил. На стадии подготовки документальной базы советского обвинения в Токио обсуждалась целесообразность использования материалов о разработке Японией бактериологического оружия. Не единожды поднимался вопрос о необходимости передачи советской стороне начальника

отряда № 731 генерал-лейтенанта медицинской службы С. Исии, начальника общего отдела отряда²⁹¹ доктора медицинских наук полковника медицинской службы К. Оота, находившихся в плену у американцев, но каждый раз США отказывали под предлогом того, что «...у Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, якобы совершенных японцами над китайцами и маньчжурами», однако настаивали на выдаче генералов С. Китадзава и Х. Такуми (находились на территории СССР), обвинявшихся в жестоком обращении с военнопленными и массовых убийствах китайцев в г. Джохоре (полуостров Малакка)²⁹².

На заседании советской комиссии по руководству Токийским процессом 24 сентября 1947 г. решили провести повторный допрос свидетелей и проинформировать международное сообщество в Токио о наличии материалов, свидетельствующих о подготовке Японии к бактериологической войне²⁹³. Однако США не позволили вынести этот вопрос на обсуждение. Не удалось включить в число обвиняемых и императора Хирохито, который, согласно документам, вместе с другими представителями японской императорской семьи принимал участие в создании военно-бактериологических отрядов в Маньчжурии²⁹⁴.

Партийно-государственное руководство СССР осознавало, что на Токийском процессе к ответственности привлечены далеко не все военные преступники, а американские политики, преследуя свои далеко идущие цели, скрывают их от правосудия и не идут на сотрудничество. С инициативой проведения нового судебного процесса по японским военным и должностным лицам выступил 19 февраля 1948 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов, которого поддержали А.Я. Вышинский и В.М. Молотов. В проекте секретного постановления Совета Министров СССР от 7 сентября 1949 г. поручалось министерствам внутренних дел и юстиции, Прокуратуре СССР «...организовать в Хабаровске открытый судебный процесс над руководящими работниками так называемого противоземлемического отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериальных средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая». После согласований с И.В. Сталиным секретное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР № 4284–1788с от 8 октября 1949 г. утвердили на заседании Политбюро ЦК²⁹⁵.

Расследование проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю в период с 22 октября по 13 декабря 1949 г. К этому времени основная масса японских военнопленных была репатрирована, и в Советском Союзе остались лица, обвинявшиеся в совершении воинских преступлений. Среди них выявлено 206 чел., имевших отношение к деятельности отряда № 731.

С 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске военный трибунал Приморского военного округа рассматривал дело бывших военнослужащих японской армии по обвинению в подготовке и применении бактериологического оружия против советских, монгольских и китайских войск и мирного населения, в боях на р. Халхин-Гол (1939), в Китае (1940–1942), проведении преступных опытов над людьми.

По материалам уголовного дела № Н-20 058 (26 томов), хранящегося в Центральном архиве ФСБ России, проходили 12 японских военнослужащих, которые в нарушение Женевского протокола 1925 г. занимались разработкой, созданием и применением бактериологического оружия в годы Второй мировой войны.

Уголовное дело рассматривалось в открытых судебных заседаниях военного трибунала, в состав которого входили генерал-майор юстиции Д.Д. Чертков (председатель), члены – полковник юстиции М.Л. Ильницкий и подполковник юстиции И.Г. Воробьёв. Обвинение поддерживал государственный советник юстиции 3-го класса Л.Н. Смирнов, защиту осуществляли адвокаты Г.К. Прокопенко, В.П. Лукьянцев, Д.Е. Болховитинов, Н.К. Боровик, Н.П. Белов, С.Е. Санников, А.В. Зверев и П.Я. Богачёв.

В судебных заседаниях были рассмотрены материалы, собранные в ходе предварительного следствия, заслушаны показания обвиняемых, причастных к созданию и применению бактериологического оружия. В процессе проведения следственных действий собраны многочисленные доказательства, по которым суд определил общественную опасность деяний и виновность лиц, совершивших их. В качестве доказательств, в соответствии с уголовно-процессуальным правом, суду предоставлены показания свидетелей, показания обвиняемых, заключения судебно-медицинской экспертизы, протоколы следственных действий и другие документы.

Обвинение предъявлено бывшему командующему Квантунской группировкой войск генералу армии О. Ямаде, начальникам санитарного управления и ветеринарной службы КГВ, военнослужащим отрядов № 731 и № 100. В процессе разбирательства на документальной основе достоверно установлено, что в японской армии были созданы специальные особо секретные отряды. В частности, главный из них, возглавляемый генерал-лейтенантом медицинской службы С. Исии, зашифрован под № 731 (именуемый в документах «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии»). Дислоцируясь в Маньчжурии, совместно с множеством отделений и филиалов он занимался изысканием активных средств бактериологической войны, способов их распространения, а также самозащиты. Для проведения опытов на людях в распоряжение японских бактериологов было предоставлено свыше 31 тыс. чел.²⁹⁶

В качестве испытуемых в бактериологические отряды японскими военными миссиями, жандармерией и контрразведкой направлялись китайцы, корейцы, маньчжуры, советские граждане, оказавшиеся по различным причинам в Маньчжурии, русские эмигранты, заподозренные в симпатиях к СССР или в связях с советской разведкой. Особое место отводилось советским гражданам, уличённым или подозреваемым в связях со спецслужбами Советского Союза, разведчикам и агентам, а также военнослужащим 8-й Народно-освободительной армии Китая, военнопленным китайцам, китайским и корейским партизанам, боровшимся против японской оккупации Маньчжурии.

Аналогичные 731-му отряду военно-бактериологические подразделения создавались в местах дислокации японских армий в Северном, Центральном и Южном Китае, а также в странах южных морей. Так, отрядом № 100, именуемым «Иппозэизоотическое управление Квантунской армии», руководил генерал-майор ветеринарной службы В. Вакамацу. Располагался он в мест. Могатон (Мин-Цзетунь), в 10 км южнее г. Чанчунь. Противозидемическими отрядами «Нами» (№ 8604, г. Кантон), «Эй», он же «Сакаэ», «Тама» (№ 1644, г. Нанкин) руководил генерал-майор медицинской службы С. Сато. Противозидемический отряд 21-й японской пехотной дивизии во французском Индокитае (№ 4246, г. Ханой) возглавлял майор медицинской службы Хария. Отряды имели широкую сеть филиалов, расположенных на основных направлениях планировавшихся наступательных

операций (Читинском, Хабаровском, Благовещенском и других) в г. Хайларе, Сунью, Нанкине, Кантоне, Дуннине, Дуньяне, Линькоу, Кокузане и др.²⁹⁷

Филиалы являлись опорными пунктами для возможного бактериологического нападения на СССР, в силу чего их и располагали в непосредственной близости от советско-маньчжурской границы. В рамках японской военно-бактериологической программы отряды и их филиалы проводили исследования в области бактериологии с целью определения наиболее эффективных для боевого применения видов бактерий, разрабатывали способы их конвейерного производства и технические средства применения для массового поражения людей и нанесения экономического ущерба противнику путём заражения скота и посевов²⁹⁸.

Материалы архивного уголовного дела свидетельствуют о том, что решение об изготовлении бактериологического оружия и дальнейшее развитие деятельности в этом направлении были оформлены серией секретных указов императора Хирохито. На территории оккупированной Маньчжурии создавались совершенно секретные структуры, подчинявшиеся только императору, Генеральному штабу японской армии и как исполнителю – командующему Квантунской группировкой войск. У последнего права были ограниченными. Действия и распоряжения надлежало осуществлять лишь по приказам, предписаниям и по согласованию с императорской ставкой и Генеральным штабом японской армии²⁹⁹.

В частности, вопросами исследовательской работы в области подготовки бактериальных средств в целях войны руководили: 2-й (оперативный) отдел 1-го (оперативного) управления ГШ японской армии; Военное министерство Японии; Военно-медицинское управление Военного министерства Японии; командование Квантунской группировкой войск. Основным центром научно-исследовательской работы в данной области являлись Военно-медицинская школа (на правах академии) в Токио и собственно отряд № 731³⁰⁰. Однако сразу по окончании Второй мировой войны в интересах США император Японии и другие главные виновники секретной разработки и изучения «методов использования бактериальных средств с целью применения их в качестве оружия нападения» получили т.н. гарантию иммунитета от судебного преследования.

Подсудимый Хабаровского процесса, непосредственный участник производства и применения запретного оружия, начальник общего, 1-го, 3-го и 4-го отделов отряда № 731 генерал-майор медицинской службы К. Кавасима сообщил о причинах разработки планов бактериологической войны: «...Япония не имеет достаточных природных запасов металла и других видов сырья, нужного для изготовления оружия» и «...необходимо изыскивать новые виды оружия, одним из которых в то время считалось бактериологическое оружие», «...все великие державы ведут в этой области соответствующие работы, и Япония в этом вопросе не должна отставать»³⁰¹.

Большая работа проводилась бактериологическими отрядами в рамках подготовки к реализации плана «Кантокуэн». Так, во время планируемой войны Японии с СССР им предстояло, во-первых, применить бактериологическое оружие в ходе наступательных военных действий японских частей и соединений против РККА с целью вывода из строя её живой силы и, во-вторых, при вынужденном отступлении японской армии организовать бактериологическое отравление оставляемой территории (животного и растительного мира, водоисточников) для распространения эпидемий в войсках и среди местного населения.

Эти отряды были укомплектованы специалистами-бактериологами, научными и техническими сотрудниками, имели новейшее немецкое оборудование. Для размещения, производства, научных разработок, проживания персонала в отрядах построены капитальные здания, для проведения опытов по заражению животных – загоны для скота, а для проведения экспериментов на людях – внутренняя тюрьма и крематорий, оборудованы испытательные полигоны. Отряд № 731 имел авиационную часть для испытаний бомб и снарядов, начинённых смертоносными бактериями. Для удобства снабжения отряда проложили железнодорожную ветку от Харбина до ст. Пинфан (в японской транскрипции Хейбо) провинции Биньцзян (к югу приблизительно на 20 км).

Создание и выращивание бактерий остроинфекционных заболеваний, разработка способов их распространения (сброс авиабомб с блохами, носителями бактерий, заражение воды, пищи, скота и растений) велись в широком масштабе. 1 декабря 1949 г. генерал армии О. Ямада показал: «...в 1945 г. в связи с успешным завершением всех подготовительных работ по усовершенствованию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия наступил период массового производства бактериологического оружия в целях его практического применения в любом направлении по первому указанию императорской ставки»³⁰².

На этом основании и в соответствии с указанием заместителя военного министра Японии в марте 1945 г. О. Ямада отдал распоряжение об увеличении массового производства бактериологического оружия отрядами № 731 и № 100. Производство средств для бактериологической войны, а также численность грызунов и блох достигли колоссальных масштабов. С санкции О. Ямады массовой ловлей крыс, мышей и их доставкой в отряды занимались практически все наземные части КГВ и даже члены семей сотрудников отряда³⁰³. Грызуны использовались «для разведения блох, предназначенных для использования бактерий чумы»³⁰⁴. Бывший интендант отряда Р. Хотта показал на суде, что в 1945 г. С. Исии рассчитывал использовать для этой цели около 3 млн крыс³⁰⁵.

После многочисленных опытов и экспериментов японская сторона приняла чумных блох в качестве одного из самых эффективных видов бактериологического оружия. Их можно было рассеивать с самолётов в специальных фарфоровых бомбах, начинять артиллерийские снаряды, распылять посредством использования письменных автоматических ручек, прятать в потайные отверстия трости для ходьбы при совершении наземных диверсий и т.п.³⁰⁶

Опыты по проверке действенности бактериологического оружия проводились в лабораторных и полигонных условиях. По показаниям свидетелей и обвиняемых, преступные опыты на людях были в отрядах «обычным делом». Имеются свидетельства применения возбудителей брюшного тифа, паратифа, дизентерии, нарывного газа. Если испытуемый выживал, на нём проверялись другие бактерии, пока не наступала смерть. В целях эффективности опытов пища для заключённых, приготовленная в кухне тюрьмы, была вполне питательной и достаточной по количеству. Трупы, после предварительного анатомического исследования, сжигали в крематории отряда³⁰⁷.

Для проведения полигонных испытаний привлекались специалисты-бактериологи, сотрудники жандармерии, вольнонаёмные рабочие, лётный состав отряда. Заключённых привязывали в поле к железным столбам, после чего на них испытывали действие различных бактериологических снарядов.

В результате подобных экспериментов одни испытуемые умирали, другие, получив тяжёлые увечья, становились непригодными для дальнейших опытов, поэтому расстреливались либо умерщвлялись путём впрыскивания цианистого калия. «Смертность человеческих жертв, подвергавшихся искусственному заражению чумой, холерой, брюшным тифом, паратифом, дизентерией и кровоточащей лихорадкой, была различна, – показал К. Кавасима на допросе 11 августа 1946 г., – при экспериментах искусственного заражения человека без лечения смертность достигла: от сапа – 100%, от чумы – 70%, холеры – до 70%, брюшного тифа – до 60–70%. При лечении процент смертности понижался, а в отдельных случаях заражение излечивалось»³⁰⁸.

Испытания бактериологических средств проводились не только в лабораториях и на испытательных полигонах, но и в «экспедициях». Первая «экспедиция» проведена ещё в 1939 г. на р. Халхин-Гол, когда при отступлении японской армии в реку вылили болезнетворные бактерии. Вторая «экспедиция» была направлена в июле–августе 1942 г. в район Трёхречья и длилась 25 дней. В ходе её проводились испытания бактериологических средств около г. Хайлара, у р. Тербур, в 60–80 км от её впадения в пограничную с СССР р. Аргунь. Подобных «экспедиций» состоялось большое количество³⁰⁹.

В ходе судебного процесса военный трибунал установил степень виновности каждого обвиняемого. Подсудимые признали себя виновными. Перед оглашением приговора О. Ямада сказал: «...я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне. Я признаю свою вину за все злодеяния». А К. Кавасима признал: «...совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны», «...совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества»³¹⁰.

Учитывая, что смертная казнь в СССР была временно отменена, военный трибунал Приморского военного округа приговорил О. Ямаду, Р. Кадзицуку, Т. Такахаси и К. Кавасиму к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет, Т. Карасаву и С. Сато – на 20 лет, Т. Ниси – 18 лет, К. Митому – 15 лет, М. Оноуэ – 12 лет, Д. Хиразикуру – 10 лет, Ю. Курусиму – 3 года, Н. Кикучи – 2 года. После частичного отбывания наказания в конце 1956 г. всех осуждённых репатриировали на родину. Осуждённый Т. Такахаси умер в лагере для военнопленных № 48 (п. Чернцы Лежневского района Ивановской области, в 28 км от г. Иваново) от кровоизлияния в мозг.

По поручению советского правительства послы СССР 1 февраля 1950 г. вручили ноты правительствам США, Великобритании и Китая (копия – правительствам Австралии, Бирмы, Голландии, Индии, Канады, Новой Зеландии, Пакистана и Франции) с предложением предпринять совместные усилия по выявлению и осуждению главных организаторов и вдохновителей чудовищных преступлений, организовать новый международный процесс над японскими военными преступниками. Однако предложение СССР не встретило поддержки, комиссия по делам досрочного освобождения, созданная при штабе Д. Макартура, приступила к массовому освобождению японских военнопленных, включая лиц, причастных к военным преступлениям.

Главная военная прокуратура Российской Федерации в связи с обращением Японской ассоциации бывших военнопленных рассмотрела в 1993–1994 гг. материалы уголовного дела № Н-20 058 и вынесла постановление: все лица, прохо-

дящие по нему, осуждены обоснованно и реабилитации не подлежат³¹¹. Определением Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 1994 г. приговор военного трибунала Приморского военного округа оставлен в силе³¹².

Прецедент Токийского трибунала, давшего оценку преступному курсу Японии в годы Второй мировой войны, имеет непреходящее значение для современности. Актуальное звучание имеет, в частности, разоблачение трибуналом практики использования Японией для прикрытия преступных замыслов и моментов перехода к агрессивным войнам различных эвфемизмов типа «инцидент» и «конфликт» для обозначения военных действий любого содержания и масштаба, «обеспечение самообороны (национальной обороны)», «защита жизненной линии империи» и «проведение национальной политики» для обоснования «вынужденности» развернуть военные действия на чужой территории, «строительство сферы процветания в великой Восточной Азии», «создание нового порядка в Восточной Азии» и «борьба за освобождение народов Азии от гнёта белой расы» для пропаганды мнимых целей японской агрессии в регионе. Аргументация, что Япония войн не объявляла, а следовательно, и не несёт за них ответственности, была отвергнута³¹³.

Токийский трибунал вскрыл преступные замыслы и бесчеловечные методы осуществления японской экспансии в Азии и по справедливости наказал организаторов этих преступлений против мира и человечности. Хабаровский процесс не носил международного характера, тем не менее, этот исторический суд, рассматривавший ход подготовки и применения японскими военными преступниками бактериологического оружия, по-своему политико-правовому значению может быть поставлен в один ряд с международными военными трибуналами в Нюрнберге и Токио. Именно Хабаровский процесс 1949 г., и никакой другой, выявил факты медицинских экспериментов на людях, сопоставимых по жестокости с действиями немецких врачей-нацистов во время Второй мировой войны. В этом его безусловное историческое значение. Однако сегодняшняя официальная Япония проявляет неуважение к решениям международного сообщества в отличие от Германии, где осуждение нацистского прошлого закреплено и в политических, и в юридически обязывающих документах и реализуется в реальной политике государства. В Японии подобного, к сожалению, не произошло и не происходит.

* * *

Безоговорочная капитуляция фашистской Германии лишила Японию союзника, но она сохранила крупную, боеспособную сухопутную армию на дальневосточном театре военных действий, практически не пострадал Маньчжуро-Корейский военно-экономический район, и продолжали функционировать стратегические коммуникации Японии с Северным Китаем, Маньчжурией и Кореей. Японское правительство, надеясь на разногласия между союзниками, отвергло предложение правительств США, Англии и Китая о прекращении военных действий и безоговорочной капитуляции, рассчитывая оказать сопротивление в Маньчжурии и добиться выгодных условий заключения мира.

Американское руководство, обладая атомным оружием, по политическим соображениям не было заинтересовано, а по военно-стратегическим – настаивало на вступлении СССР в войну с Японией. В августе–сентябре 1945 г.

Дальневосточная группировка сухопутных войск при участии Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии, пограничных войск, войск противовоздушной обороны, соединений монгольской Народно-революционной армии провела Маньчжурскую стратегическую (9 августа–2 сентября 1945 г. – Хингано-Мукденская – Забайкальский фронт, Харбино-Гириная – 1-й Дальневосточный фронт и Сунгарийская – 2-й Дальневосточный фронт), Южно-Сахалинскую наступательную (11–25 августа), Сейсинскую (13–16 августа) и Курильскую десантные (18 августа–1 сентября) операции. Они характеризуются скрытным сосредоточением и развёртыванием крупных группировок советских войск по направлению главных ударов, захватом стратегической инициативы.

Основу Дальневосточной группировки войск составляли личный состав Дальневосточного фронта, пограничных войск и военно-морских сил, знавший театр военных действий, и военнослужащие с боевым опытом на фронтах Великой Отечественной войны. В результате были разгромлены Квантунская группировка войск, армия Маньчжоу-го и Внутренней Монголии, Суюаньская армейская группа, Сунгарийская речная флотилия, войска 5-го фронта. Япония потеряла основную промышленную и сырьевую базу в Северо-Восточном Китае и на Южном Сахалине, игравшую важную роль в военно-экономическом потенциале. За время боевых действий японская армия потеряла убитыми 83,7 тыс. чел. В плен взяты от 608, 3 тыс. до 643, 5 тыс., из них от 83, 5 тыс. до 105, 6 тыс. чел. – сняли с учёта (освобождены, умерли или бежали) до отправки в СССР³¹⁴.

Победа Вооружённых Сил СССР на Дальнем Востоке досталась ценой жизни многих советских военнослужащих. В тылу советских войск действовали японские диверсионные группы, отряды смертников, фанатиков-одиночек. Проводимые ими террористические акты отличались крайней жестокостью, сопровождалась пытками и надругательством над телами погибших. Общие потери советских войск с учётом санитарных составили 36 456 чел., соединений Монгольской народно-революционной армии – 197 чел.

Ратный подвиг дальневосточников высоко оценен. Более 308 тыс. воинов наградили орденами и медалями СССР, 87 – присвоено звание Героя Советского Союза, 6 – получили вторую медаль «Золотая звезда». За проявленный массовый героизм свыше 300 соединений, частей и кораблей удостоены орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Невского, Отечественной войны и Красной Звезды, 220 получили почётные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Харбинских, Мукденских, Порт-Артурских, Сахалинских, Курильских. Медалью «За победу над Японией» наградили всех участников советско-японской войны³¹⁵.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе состоялась официальное подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. От имени императора и правительства Японии документ подписали министр иностранных дел М. Сигэмицу и представитель имперской Главной ставки вооружённых сил Японии начальник Генерального штаба Е. Умэдзу, от союзных держав – генерал Д. Макартур, от США – адмирал Ч. Нимиц, от Китайской Республики – Су Юнчан, от Великобритании – Б. Фрезер, от СССР – генерал-лейтенант К.Н. Деревянко, затем представители от Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии.

В этом документе Япония принимала условия Потсдамской декларации союзных держав – немедленное прекращение военных действий, согласие на безоговорочную капитуляцию всех вооружённых сил Японии и вооружённых сил, находящихся под её контролем, а также обязательство выполнять все распоряжения Верховного главнокомандующего вооружёнными силами союзных держав или другого назначенного представителя, необходимые для выполнения условий капитуляции.

Подписав 2 сентября 1945 г. «Акт о безоговорочной капитуляции», Япония взяла обязательство, что «...правительство Японии и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой Декларации потребует Верховный командующий Союзных держав или любой другой назначенный Союзными державами представитель»³¹⁶.

Вторая мировая война закончилась. Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября был объявлен «...Днем всенародного торжества – праздником Победы над Японией».

Ссылки и примечания

- ¹ Hajime S. Nanshin-Ron: Its turning point in World War I // *The Developing Economies*. Vol. 25. Issue 4. 1987. P. 386–389; International Military Tribunal for the Far East. Judgment of 4 November 1948. The Tokyo War Crimes Trial, Vol. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/PTO/IMTFE/index.html> P. 85 (дата обращения: 2.09.2019).
- ² Основные принципы национальной политики (принято советом пяти министров 7 августа 1936 года) // *История войны на Тихом океане (в пяти томах)*. Т. 2. Японо-китайская война. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 340.
- ³ Основные принципы национальной политики (принято советом пяти министров 7 августа 1936 года)... Т. 2. С. 342–343.
- ⁴ Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А.А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 2 августа 1932 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 15. 1 января – 31 декабря 1932 г. М.: Изд-во политич. лит., 1969. С. 447.
- ⁵ Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 438–439, 464–468.
- ⁶ Cooh A.D. *Nomonhan: Japan against Russia, 1939*. Stanford University Press, 1990. P. 91.
- ⁷ *Economic Construction Program of Manchukuo. Issued on Its First Anniversary...* P. 6–7.
- ⁸ *Summary of Basic Contract for Operation of State Railways. March 1, 1933 // Japanese techniques of occupation. Key Laws and Official Documents. Vol. II. Manchukuo. Board of Economic warfare. Reoccupation Division in cooperation with the Enemy Branch. 1943. P. 432.*
- ⁹ Myers R.H. *The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945 // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. University of Washington, 1960. P. 38–39, 41–42.*
- ¹⁰ *Civil affairs handbook. Japan. Section 8a: Industry. Army Service Forces Manual M 354–8A. Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1944; Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии...* P. 226.
- ¹¹ Haywood S., Hansell Jr. *The Strategic Air War Against Germany and Japan: A Memoir / Washington D.C. Office of Air Force History. United States Air Force, 1986. P. 143–144.*
- ¹² Захарова Г.Ф. *Политика Японии в Маньчжурии...* С. 141–143, 146; *Civil affairs handbook. Manchuria. Section 7: Agriculture. Army Service Forces Manual M 367–7. Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1944. P. 55–56.*
- ¹³ Myers R.H. *The Japanese economic development of Manchuria...* P. 118.

- ¹⁴ Myers R.H. The Japanese economic development of Manchuria 1932–1945... P. 96–97.
- ¹⁵ Civil affairs handbook. Manchuria. Section 7... P. 21, 39.
- ¹⁶ Scherer A.M. Japanese Emigration to Manchuria: Local Activists and the Making of the Village-Division Campaign. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades einer Dr. phil. // Bochum: Ruhr-Universität Bochum. Fakultät für Ostasienwissenschaften. 2006. P. 34.
- ¹⁷ Civil affairs handbook. Manchuria. Section 7... P. 53.
- ¹⁸ Scherer A.M. Japanese Emigration to Manchuria: Local... P. 40, 41, 98.
- ¹⁹ Scherer A.M. Japanese Emigration to Manchuria: Local... P. 44.
- ²⁰ Piel L.H. The Family State and Forced Youth Migrations in Wartime Japan (1937–1945) // *Revue d'histoire de l'enfance «irreguliere»*. 2013. № 15. P. 148.
- ²¹ McDowell K. Japan in Manchuria: Agricultural Emigration in the Japanese Empire, 1932–1945. *Eras Journal*, 2008.
- ²² Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943). Japanese monograph № 77 // Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East, 1953. P. 6.
- ²³ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. С. 388.
- ²⁴ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 6, 49.
- ²⁵ Из обзора положения в Маньчжурии за февраль – первую половину марта 1940 г. разведотдела штаба Читинской фронтовой группы от 21 марта 1940 г. // Военная разведка информирует... С. 369.
- ²⁶ National Army Law. Imperial Ordinance № 71. Effective April 15, 1940 // Japanese techniques of occupation. Key Laws and Official Documents. Vol. II–Manchukuo. Board of Economic warfare. Reoccupation Division in cooperation with the Enemy Branch, 1943. P. 50–53.
- ²⁷ Jowett P.S. Rays of the Rising Sun. Armed Forces of Japan's Asian Allies 1931–1945. Vol. 1. China and Manchukuo. Solihull: Helion and Co, 2004. P. 7–9, 13–14.
- ²⁸ Brown R.G. Anti-Soviet Operations of Kwantung Army Intelligence, 1940–41 // *Studies in Intelligence* 6. 1962. № 2. P. 14–16.
- ²⁹ Из дневника посла СССР в Японии К.А. Сметанина // Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Т. XXIV. 22 июня 1941–1 января 1942. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 29.
- ³⁰ International Military Tribunal for the Far East. Judgment of 4 November 1948. The Tokyo War Crimes Trial, Vol. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/PTO/IMTFE/index.html> P. 794 (дата обращения: 2.09.2019).
- ³¹ Army Department order № 520 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401. № 1388 15 Dec. 1939–22 Aug. 1945. P. 121–131. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref.C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号～第1388号)。
- ³² Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 37–43.
- ³³ Imperial General Headquarters Army High Command Record Mid-1941 – August 1945. Japanese Monograph № 45 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 23.
- ³⁴ Army Department order № 523 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401 – № 1388 15 Dec. 1939–22 Aug. 1945. P. 136. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref.C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号～第1388号)。
- ³⁵ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 6–7; Nafziger G. Orders of battle collection. Japanese Air Forces in Manchuria, October 1941 / Combined Arms Research Library. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://usacac.army.mil/cac2/CGSC/CARL/nafziger/941JKAА.pdf> (дата обращения: 2.09.2019).
- ³⁶ Такусиро Х. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 44, 121.

- ³⁷ ЦАМО. Ф. 369. Оп. 6725. Д. 21. Л. 272, 273.
- ³⁸ ЦАМО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 9. Л. 75–77, 164–166.
- ³⁹ International Military Tribunal for the Far East. Judgment of 4 November 1948. The Tokyo War Crimes Trial, Vol. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/PTO/IMTFE/index.html> С. 923 (дата обращения: 2.09.2019).
- ⁴⁰ Naval operations against Soviet Russia. Japanese monograph № 106 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East С. 3, 5; Imperial Japanese Navy in World War II. A graphic presentation of the Japanese naval organization and list of combatant and non-combatant vessels lost or damaged in the war / U.S. Army Military history Institute, 1952. P. 13–15.
- ⁴¹ Naval operations against Soviet Russia. Japanese monograph № 106... P. 4; Хорикоши Д., Окумия М., Кайдин М. «Зеро!» (Японская авиация во Второй мировой войне) / пер с англ. А.Г. Больных. М.: АСТ, 2003. P. 56–59.
- ⁴² International Military Tribunal for the Far East. Judgment of 4 November 1948. The Tokyo War Crimes Trial, Vol. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/PTO/IMTFE/index.html> P. 939–942, 962–963 (дата обращения: 2.09.2019).
- ⁴³ Army Department order № 555 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401. № 1388 15 Dec. 1939–22 Aug., 1945. P. 164–177. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref.C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号～第1388号)
- ⁴⁴ Army Department order № 578 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401. № 1388. 15 Dec. 1939–22 Aug. 1945. P. 194. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref. C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号～第1388号)
- ⁴⁵ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 46.
- ⁴⁶ Army Department order № 655 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401. № 1388. 15 Dec. 1939–22 Aug. 1945. P. 245–246. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref.C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号～第1388号)
- ⁴⁷ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 31–32.
- ⁴⁸ Rottman G.L., Takizawa A. World War II Japanese tank tactics. Oxford: Osprey publishing, 2008. P. 13.
- ⁴⁹ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943)... P. 33, 48–58.
- ⁵⁰ ЦАМО. Ф. 1394. Оп. 0000001. Д. 0055. Л. 9.
- ⁵¹ Rottman G.L., Takizawa A. World War II Japanese tank tactics. Oxford: Osprey publishing, 2008. P. 11–12.
- ⁵² ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 396. Л. 2, 2 об., 17, 17 об., 18.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 341, 342, 343.
- ⁵⁴ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 369. Л. 54.
- ⁵⁵ Record of operations against Soviet Russia, Eastern Front (August 1945) Japanese monograph № 154 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East, 1954. P. 1.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 379. Оп. 11019. Д. 26. Л. 5, 6.
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 369. Л. 53.
- ⁵⁸ Imperial General Headquarters Army High Command Record Mid-1941 – August 1945. Japanese Monograph № 45 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 244.
- ⁵⁹ Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior 1943). Japanese monograph № 77... P. 58–64.

- ⁶⁰ Record of operations against Soviet Russia, Eastern Front (August 1945) Japanese monograph № 154 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 32, 33, 111, 275, 311.
- ⁶¹ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 293. Л. 83.
- ⁶² ЦАМО. Ф. 3298. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 3.
- ⁶³ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 293. Л. 83; Ф. 238. Оп. 1584. Д. 155. Л. 1; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 44. Л. 19.
- ⁶⁴ Полутов А.В. Разгром Квантунской армии в августе 1945 г. // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. статей. Владивосток: Рея, 2016. С. 83.
- ⁶⁵ Glantz D.M. August Storm: The Soviet strategic offensive in Manchuria. Fort Leavenworth. Kan.: Combat Studies Institute, U.S. Army Command and General Staff College, 1983. P. 186–187.
- ⁶⁶ ЦАМО. Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 17, 22, 27; Ф. 349. Оп. 0005753. Д. 0032. Л. 17, 18.
- ⁶⁷ Air operations in the China Area. July 1937 – August 1945. Japanese Monograph № 76 / Department of the Army. Office of the Chief of Military History, 1951. P. 192.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 349. Оп. 0005753. Д. 0032. Л. 20, 97, 98; Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 40.
- ⁶⁹ Interrogation № 55 // Statistical reports in the Japanese Army and Navy Air Forces. Intelligence Memorandum № 36 / Pacific Air Command United States Army. Tokio, 1946. P. 6.
- ⁷⁰ Glantz D.M. August Storm: The Soviet strategic offensive in Manchuria... P. 28.
- ⁷¹ Army Department order № 1245 // Адзиа рэкиси сирё сэнта (Японский центр азиатских исторических документов): Боеи сё Боейкэнкюсё (Национальный институт оборонных исследований), Рикюгун иппан сирё (Главный военный архив), Imperial General Headquarters Army Orders № 401. № 1388 15 Dec. 1939–22 Aug. 1945. P. 74. JACAR(アジア歴史資料センター) Ref.C14060914500、防衛省防衛研究所 陸軍一般史料 (第401号~第1388号)
- ⁷² Record of operations against Soviet Russia, Eastern Front (August 1945) Japanese monograph № 154 / Military history section. Japanese research division. Headquarters Army Forces Far East. P. 8.
- ⁷³ Final report progress of demobilization of the Japanese Armed Forces 31 December 1946. / General Headquarters Supreme Commander for the Allied Powers. Military Intelligence Section, General Staff, 1946. P. 56.
- ⁷⁴ Боевой состав Советской Армии. Часть V. Январь – сентябрь 1945 г. М.: Военное издательство, 1990. С. 199–203.
- ⁷⁵ Такусио Х. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 792.
- ⁷⁶ Кудрякова Е.Б. Русская эмиграция между двумя войнами (сводный реферат) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. История. № 2. С. 61, 64.
- ⁷⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 119. Л. 74.
- ⁷⁸ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 193. Л. 114–116 (подсчит. авт.).
- ⁷⁹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 193. Л. 258.
- ⁸⁰ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 193. Л. 114–117.
- ⁸¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 32. Л. 19–21.
- ⁸² Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на примере Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 72, 73.
- ⁸³ ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.
- ⁸⁴ ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 115. Л. 9–11.
- ⁸⁵ Заря. Харбин. 1932. № 43. С. 7.
- ⁸⁶ История Северо-Восточного Китая. XVII–XX вв. Владивосток, 1989. С. 146.
- ⁸⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 84.
- ⁸⁸ Что такое Кио-Ва-Кай. Харбин, 1938.
- ⁸⁹ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Част. коллекция, 2008. С. 50.
- ⁹⁰ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 211–212; Д. 145. Л. 15–153; Д. 216. Л. 1–14; Оп. 2. Д. 14. Л. 7–11.
- ⁹¹ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). 2008. С. 81–83.
- ⁹² Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). 2008. С. 83–85.
- ⁹³ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). 2008. С. 85–86.

- ⁹⁴ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). 2008. С. 61.
- ⁹⁵ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 107.
- ⁹⁶ Первоначально использование российского казачьего опыта практиковалось Японией во второй половине XIX в. при освоении пионерных территорий на острове Хоккайдо, где была создана особая система поселений солдат-земледельцев, так называемых тондэнхэй.
- ⁹⁷ Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сел в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоуго // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Японии): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 86, 87.
- ⁹⁸ Игауэ Нахо. Доклад по исследованию казачьих сел в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоуго // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 7, 89, 16–17, 31–59.
- ⁹⁹ Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сел в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоуго // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Японии): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 88–89.
- ¹⁰⁰ Белоглазов Г.П. Аграрная реформа в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай). 1945–1949 гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 14–15.
- ¹⁰¹ Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сел в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоуго // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Японии): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 90–96.
- ¹⁰² Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 113.
- ¹⁰³ Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сел в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоуго // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Японии): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 91.
- ¹⁰⁴ Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–95.
- ¹⁰⁵ Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 95–96, 98–99.
- ¹⁰⁶ Яковкин Е.В. Русские солдаты в Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 98.
- ¹⁰⁷ Икэда Гэндзи Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком. Токио: Компания «Асахи Симбунся», 1942. С. 28–32.
- ¹⁰⁸ Сонин В.В. Дальневосточная эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 40–41.
- ¹⁰⁹ Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сб. документов / вступительная статья, составление, приложение Е.Н. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994. С. 110.
- ¹¹⁰ Яковкин Е.В. Русские солдаты в Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 166–167.
- ¹¹¹ Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. С. 471.
- ¹¹² Яковкин Е.В. Русские солдаты в Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 185.
- ¹¹³ Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юрид. лит., 1985. С. 218–221.
- ¹¹⁴ Яковкин Е.В. Русские солдаты в Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 188, 200.
- ¹¹⁵ Крицкий Н.Н., Шугалай И.Ф. Боевые действия флотов союзников на Тихом океане (1941–1945). Ч. 2. Стратегическое наступление вооруженных сил союзников (1944–1945). Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2003. С. 28–87.
- ¹¹⁶ Reports of General MacArthur: Japanese Operations in South-West Pacific Area. Wash., 1966. Vol. 1. P. 395.
- ¹¹⁷ ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 119979. Д. 88. Л. 16, 17.
- ¹¹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. С. 421.
- ¹¹⁹ Коен Дж. Военная экономика Японии / пер. с англ. М., 1951. С. 140.

- ¹²⁰ АВП РФ. Ф. 146. Оп. 34. Д. 7. Л. 48.
- ¹²¹ ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 28518. Д. 1. Л. 51; Оп. 19979. Д. 88. Л. 620.
- ¹²² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. С. 32; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М.: Воениздат, 1991. С. 536, 537.
- ¹²³ Harriman A. Story of Our Relations with Russia. NY: Congressional Record. Vol. 97. Col. A. 5665.
- ¹²⁴ Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. Новое прочтение. М., 1981. С. 384.
- ¹²⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 1975. С. 352; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М.: Воениздат, 1985. Кн. 1. С. 374; Шугалей И.Ф. Некоторые аспекты вступления СССР в войну с Японией в 1945 г. // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 54. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2005. С. 142–144.
- ¹²⁶ Дин Дж.Р. Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. С. 217, 218.
- ¹²⁷ История Второй мировой войны 1939–1945... Т. 11. С. 177–179, 209.
- ¹²⁸ Дин Дж.Р. Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. С. 217, 218, 220.
- ¹²⁹ ЦАМО. Ф. 14а. Оп. 117. Д. 1. Л. 2–92; Ф. 15а. Оп. 1917. Д. 1. Л. 181–221; Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. 6-е изд. Кн. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 249.
- ¹³⁰ Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18 (7–1). М.: ТЕРРА, 1997. С. 332–336; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 197–211; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. С. 463–488.
- ¹³¹ Ястребов В. Фортификационная подготовка Японией маньчжурского плацдарма // Военно-инженерный журнал. 1946. № 1.
- ¹³² Ястребов В. Огневые фортификационные сооружения японских укрепленных районов // Военно-инженерный журнал. 1946. № 8, 9.
- ¹³³ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969. С. 59; Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 3. С. 5–14.
- ¹³⁴ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М.: Воениздат, 1949. С. 8.
- ¹³⁵ Зайцев Ю.М. Транспортные коммуникации Дальнего Востока СССР и их роль в обеспечении обороноспособности страны (1932–1945). Владивосток: ВУНЦ ВМФ «ВМА» им. Н.Г. Кузнецова (филиал г. Владивосток), 2012. 240 с.
- ¹³⁶ ЦВМА. Ф. 11. Д. 6177. Л. 13; Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941–1942. М.: Воениздат, 1992. С. 81, 85.
- ¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 74. Л. 34; Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 150; Зайцев Ю.М. Трансокеанский переход подводных лодок ТОФ в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 61–74.
- ¹³⁸ ЦВМА. Ф. 952. Оп. 1. Д. 102. Л. 27–29; Ф. 79. Д. 39840. Л. 352–354.
- ¹³⁹ ЦВМА. Ф. 952. Оп. 1. Д. 102. Л. 1, 2; Ф. 39839. Л. 299–300; Русский архив: Великая Отечественная война: приказы и директивы... С. 300, 301.
- ¹⁴⁰ ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 288. Л. 589.
- ¹⁴¹ Штыменко С.М. Генеральный штаб в годы войны... С. 223.
- ¹⁴² История Второй мировой войны 1939–1945... Т. 11. С. 191.
- ¹⁴³ Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2015. С. 297; Зайцев Ю.М. «Я никогда не обсуждаю публично любые интерпретации истории...». Деятельность

- бригадного генерала ВС США Филиппа Рис Файмонвила на посту руководителя миссии ленд-лиза в Москве (1941–1943) // Военно-исторический журнал. 2019. № 4. С. 38–46.
- ¹⁴⁴ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 225–228.
- ¹⁴⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 183–197.
- ¹⁴⁶ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941–1945. М.: Воениздат, 1973. С. 517, 518.
- ¹⁴⁷ Крицкий Н.Н., Шугалей И.Ф. Боевые действия флотов союзников на Тихом океане (1941–1945). Ч. 2. Стратегическое наступление вооруженных сил союзников (1944–1945). Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2003. С. 88–123.
- ¹⁴⁸ Вербовой А.О., Конеев А.Н. Амурская флотилия в Маньчжурской наступательной операции // Гангут. 2015. № 88. С. 77.
- ¹⁴⁹ Вербовой А.О., Конеев А.Н. Амурская флотилия в Маньчжурской наступательной операции... С. 91.
- ¹⁵⁰ Вербовой А.О., Конеев А.Н. Амурская флотилия в Маньчжурской наступательной операции... С. 91.
- ¹⁵¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 234.
- ¹⁵² Вербовой А.О., Конеев А.Н. Амурская флотилия в Маньчжурской наступательной операции... С. 99.
- ¹⁵³ Зайцев Ю.М. К вопросу о советско-японской войне 1945 г. // Великая Отечественная война: итоги и уроки. Сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 19–26.
- ¹⁵⁴ История военно-морского искусства. Т. 4. Военно-морское искусство периода Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1962. С. 394.
- ¹⁵⁵ Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Ч. 4. Военно-воздушные силы Тихоокеанского флота в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1963. С. 14, 15.
- ¹⁵⁶ Зайцев Ю.М., Шугалей И.Ф. Действия Тихоокеанского флота в морских десантных операциях на заключительном этапе Второй мировой войны // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 54. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2005. С. 38–51; Шугалей И.Ф. Формирование в бухте Новик сил высадки морского десанта в порты Северной Кореи // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 40. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2003. С. 77–78.
- ¹⁵⁷ Левшов П.В., Болтенков Д.Е. Век в строю ВМФ. Авиация военно-морского флота России (1910–2010). СПб.: Тайфун, 2012. С. 546.
- ¹⁵⁸ Зайцев Ю.М., Шугалей И.Ф. Действия Тихоокеанского флота в морских десантных операциях на заключительном этапе Второй мировой войны // Проблемы и методы разработки и эксплуатации вооружения и военной техники. Сб. науч. статей. Вып. 54. Владивосток: МО РФ ТОВМИ, 2005. С. 38–51; Зайцев Ю.М. Российские Курилы: взгляд с японских островов // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 2. Государственные и административные границы Северной Европы (по материалам конференции, 24 ноября 2011 г. СПб.: Политехника-сервис, 2012. С. 300–309.
- ¹⁵⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 285.
- ¹⁶⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (авг. 1941 г. – дек. 1945 г.) / Министерство иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. С. 279–288; Зайцев Ю.М. Российские Курилы: взгляд с японских островов... С. 300–309.
- ¹⁶¹ В десант входили кроме указанных десантно-высадочных средств 2 сторожевых корабля, 4 тральщика, 2 катера-тральщика, минный заградитель, плавучая батарея, 8 катеров-охотников и 17 транспортных и гидрографических судов. Для прикрытия десанта на буксире шли 2 торпедных катера и в море была выслана подводная лодка Л-8. К вечеру 19 августа прибыли дополнительно 13 кунгасов и 30 рыболовецких катеров и ботов, что позволило быстро завершить выгрузку техники и тылов десанта.

- ¹⁶² Салагин Я.Т. Опыт десантных операций в Отечественную войну. М.: Воениздат, 1947. С. 271, 277.
- ¹⁶³ Стрельбицкий К.Б. Август 1945. Советско-японская война на море – цена Победы. Львов: Московский клуб истории флота, 1996. С. 21.
- ¹⁶⁴ Акшинский В.С. Курильский десант. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1984. С. 146.
- ¹⁶⁵ Чернышёв А.А. Триумф Тихоокеанского флота СССР. Реванш за Цусиму. М.: Изд-во «Э»: Яуза, 2015. С. 98, 99.
- ¹⁶⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 253; Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 222, 223, 303, 305; Стрельбицкий К.Б. Август 1945... С. 26; Чернышёв А.А. Триумф Тихоокеанского флота СССР. С. 122.
- ¹⁶⁷ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1, 2.
- ¹⁶⁸ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1133. Л. 14.
- ¹⁶⁹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1133. Л. 3.
- ¹⁷⁰ Из справки Главного управления пограничных войск о результатах боевых действий пограничных частей Дальнего Востока по состоянию на 10 августа 1945 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М.: Наука, 1976. С. 18.
- ¹⁷¹ Нагибин В.П. Участие советских пограничных войск в разгроме Дальневосточного агрессора // Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне / отв. ред. Н.Н. Амелько. М.: Воениздат, 1986. С. 381.
- ¹⁷² Боярский В.И., Бурдужук В.И., Завацкий Ю.И. и др. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. М.: Граница, 2000. С. 318.
- ¹⁷³ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945) / гл. ред. К.Н. Маслов. М.: Граница, 2008. С. 402.
- ¹⁷⁴ Смирнов А.Г. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток, 2004. С. 166.
- ¹⁷⁵ Сечкин Г.П. Граница и война: пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993. С. 420, 421.
- ¹⁷⁶ Из донесения политотдела войск Приморского пограничного округа о боевых действиях частей по ликвидации японских пограничных пикетов в августе 1945 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945 гг. М., 1976. С. 890.
- ¹⁷⁷ Из истории боевой деятельности Уссурийского ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 872.
- ¹⁷⁸ Из описания боевой деятельности Хасанского пограничного отряда // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 878.
- ¹⁷⁹ Из описания боевых действий пограничников Приамурья против Японских гарнизонов // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 846.
- ¹⁸⁰ Из истории боевой деятельности пограничных войск Хабаровского округа в период ликвидации японских погранполицейских постов // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 853.
- ¹⁸¹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1126. Л. 4, 28, 29, 30; Д. 1128. Л. 36.
- ¹⁸² ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1126. Л. 5, 28, 29, 30.
- ¹⁸³ Указания командования Дальневосточного фронта «О взаимодействии Краснознаменной Амурской флотилии и пограничных войск Хабаровского округа с началом военных действий против Японии» // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 845.
- ¹⁸⁴ Из отчета командования дивизиона речных судов Благовещенского пограничного отряда о боевых действиях отряда с 9 по 12 августа 1945 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 857.
- ¹⁸⁵ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1128. Л. 137, 165.

- ¹⁸⁶ Из докладной записки и.д. ответственного редактора окружной газеты в политотдел войск Хабаровского пограничного округа о боевых действиях группы пограничных катеров с 9 по 30 августа 1945 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 864.
- ¹⁸⁷ Из истории боевой деятельности Сахалинского ордена Ленина пограничного отряда // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 881.
- ¹⁸⁸ Из истории боевой деятельности Сахалинского ордена Ленина пограничного отряда // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 881.
- ¹⁸⁹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1128. Л. 136.
- ¹⁹⁰ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1126. Л. 13; Д. 1128. Л. 245, 248, 249, 251.
- ¹⁹¹ Распоряжение начальника штаба войск Хабаровского пограничного округа командирам частей об организации комендантской службы в пограничных городах // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 860.
- ¹⁹² Из истории боевой деятельности Уссурийского ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 660–662.
- ¹⁹³ Из донесения начальника войск Приморского пограничного округа о боевой деятельности войск округа с 9 августа по 5 сентября 1945 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 663.
- ¹⁹⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1128. Л. 183.
- ¹⁹⁵ Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне... С. 645–650.
- ¹⁹⁶ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. документов. М.: Наука, 1968. С. 670–671.
- ¹⁹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 6 т. Т. 6. Победа (1 января – 9 мая 1945 г.). М., 2014. С. 106, 372, 485, 486.
- ¹⁹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). М., 2007. С. 311.
- ¹⁹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 91. Оп. 8 б. Д. 25. Л. 148–149.
- ²⁰⁰ Христофоров В.С. Общественные настроения в СССР: 1945 год // Великая Отечественная война. 1945 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 344–345.
- ²⁰¹ Подсчитано по: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 6. Д. 259. Л. 82; Сечкин Г.П. Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа: 1941–1945. М., 1993. С. 402; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны: 1939–1945. М., 1995. С. 332; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Т. 5. Кн. 1. С. 556.
- ²⁰² Тужилин С.В. Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1945 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 198–199.
- ²⁰³ ЦА ФСБ России. Ф. 91. Оп. 7 б. Д. 6. Л. 21–25.
- ²⁰⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 940. Л. 174.
- ²⁰⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р-48561. Л. 159, 200; Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М., 2013. С. 63.
- ²⁰⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. С. 487, 500.
- ²⁰⁷ Новейшая история Китая (1917–1970) / В.И. Глунин [и др.]; отв. ред. М.И. Сладковский. М., 1972. С. 211; История российской внешней разведки. Очерки. В 6 т. Т. IV. 1941–1945 годы. М., 2014. С. 651–653.
- ²⁰⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. С. 42–43; Указание Управления НКГБ СССР по Курской области от 2 марта 1945 г. № 2/21/985 начальникам разведывательных отделов НКГБ области об активизации мер по пресечению подрывной деятельности китайских спецслужб; Обзор НКГБ Казахской ССР от 15 апреля 1945 г. о подрывной работе иностранных разведок и антисоветских элементов на территории

- республики за период Отечественной войны. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. С. 229–231, 383–390.
- ²⁰⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. С. 41.
- ²¹⁰ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сб. документов / сост. А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова и др. М., 1968. С. 621.
- ²¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 65. Д. 4749. Л. 183 об. – 184 об.
- ²¹² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 840. Л. 221.
- ²¹³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Т. 5. Кн. 1. С. 551–555.
- ²¹⁴ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М., 2015. С. 170–171.
- ²¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 6. Д. 330. Л. 101–181.
- ²¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 6. Д. 330. Л. 183–202, 203–226, 228–296.
- ²¹⁷ Свидетельство ветерана органов госбезопасности генерал-майора П.П. Щелчкова, участника Советско-японской войны 1945 г. Данные факты также подтверждаются материалами военной цензуры.
- ²¹⁸ Тужилин С.В. Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке... С. 219.
- ²¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 312–313.
- ²²⁰ Христофоров В.С. Общественные настроения в СССР: 1945 год. С. 346–347.
- ²²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1021. Л. 1.
- ²²² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 840. Л. 219–221.
- ²²³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Д. 4749. Л. 177–178.
- ²²⁴ Гордеев Н.В., Жданова Н.Н., Бугреев В.И. Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 16–17.
- ²²⁵ Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне. М., 2014. С. 195.
- ²²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 840. Л. 272–273.
- ²²⁷ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 348.
- ²²⁸ Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 685–686.
- ²²⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 600.
- ²³⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 461.
- ²³¹ Внутренние войска в Великой Отечественной войне... С. 685–686.
- ²³² ЦА ФСБ России. Ф. 92. Оп. 1 б. Д. 38. Л. 157–163.
- ²³³ ЦА ФСБ России. Ф. 92. Оп. 1 б. Д. 37. Л. 165–169; Д. 43. Л. 123–160.
- ²³⁴ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 314.
- ²³⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 208, 743.
- ²³⁶ История российской внешней разведки. Т. IV. С. 671–687.
- ²³⁷ Доклад посла СССР в Японии Я.А. Малика В.М. Молотову «Атомная бомба (Материалы о последствиях применения атомной бомбы в Хиросима и Нагасаки; описания наших очевидцев и данные японской прессы)», который 22 ноября 1945 г. был перенаправлен в адрес И.В. Сталина, Л.П. Бериин, Г.М. Маленкова и А.И. Микояна.
- ²³⁸ Архив внешней политики РФ. Ф. 6. Оп. 8. П. 7. Д. 96. Л. 1–33.
- ²³⁹ Известия. 1992. 8 дек.
- ²⁴⁰ Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М., 1957. С. 262.
- ²⁴¹ Куманев Г.А. На службе фронта и тыла. М., 1976. С. 336, 340.
- ²⁴² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 61. Л. 8, 12.
- ²⁴³ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 395.

- ²⁴⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 34 об., 75 об.
- ²⁴⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 56. Л. 149; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 982. Л. 127.
- ²⁴⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210, Л. 35, 36.
- ²⁴⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. С. 70–74.
- ²⁴⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 61. Л. 116.
- ²⁴⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 208. Л. 64; Д. 210. Л. 35 об.
- ²⁵⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 36 об.
- ²⁵¹ ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1030. Л. 24–26, 45, 57.
- ²⁵² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 36, 36 об., 77 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 245. Л. 53.
- ²⁵³ ГАХК. Ф. П-30. Оп. 2. Д. 229. Л. 3, 10; Оп. 3. Д. 210. Л. 34, 36, 36 об., 77 об.; Ф. 1501. Оп. 2. Д. 10. Л. 105, 106; Д. 11. Л. 21.
- ²⁵⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 56. Л. 58, 59; Д. 63. Л. 170.
- ²⁵⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 39.
- ²⁵⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 37, 78.
- ²⁵⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. Л. 249; Д. 12. Л. 43; Тихоокеанская звезда. 1945. 14 авг.
- ²⁵⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 42.
- ²⁵⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 9; Оп. 35. Д. 20. Л. 252.
- ²⁶⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 9.
- ²⁶¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 13.
- ²⁶² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 208. Л. 61; Партийная организация Приморья... Т. 2. С. 218.
- ²⁶³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 16. Л. 23–24.
- ²⁶⁴ Единым дыханием. Хабаровский край в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 1985. С. 206; Тихоокеанская звезда. 1945. 10 авг.
- ²⁶⁵ Все для фронта. Сб. док. и материалов. Владивосток, 1985. С. 140.
- ²⁶⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. Л. 247.
- ²⁶⁷ Партийная организация Приморья... Т. 2. С. 219; Пегов Н.М. Далекое – близкое. М., 1982. С. 86.
- ²⁶⁸ Хабаровская краевая партийная организация... С. 286; Лаптев Н.М. Водный транспорт Сибири и Дальнего Востока в годы войны // Трудящиеся Сибири – фронту. Новосибирск, 1975. С. 105, 106.
- ²⁶⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 210. Л. 48; Оп. 34. Д. 86. Л. 92; Хроника Камчатской областной партийной организации. 1917–1981. Петропавловск-Камчатский, 1981. С. 52.
- ²⁷⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. Л. 254–257.
- ²⁷¹ Хабаровская краевая партийная организация... С. 287.
- ²⁷² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 43.
- ²⁷³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 16. Л. 25.
- ²⁷⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 2031. Л. 1; Тихоокеанская звезда. 1945. 28 авг.
- ²⁷⁵ Тихоокеанская звезда. 1945. 14 авг.
- ²⁷⁶ ГАХК. Ф. 617. Оп. 1. Д. 227 а. Л. 43 об.; Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 71–73.
- ²⁷⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 195. Л. 10, 11.
- ²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 834. Л. 30, 33, 34, 36.
- ²⁷⁹ ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 72.
- ²⁸⁰ Макартур Дуглас (1880–1964) – американский военачальник, генерал армии (1944), командующий американскими войсками в юго-западной части Тихоокеанского театра военных действий (1941–1945), командующий союзными оккупационными войсками в Японии (1945–1951).
- ²⁸¹ Николаев А.Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. М., 1990. С. 30–41.
- ²⁸² Кириченко А.А. За кулисами трибунала // Великая Победа. В 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Московск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. М., 2015. Т. 8. Расплата. С. 92.

- ²⁸³ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. 3-е изд., испр. М., 1984. С. 15–16, 467–468.
- ²⁸⁴ Луань Ц., Сюй Ч. Важный фронт всемирной антифашистской войны – война китайского народа против японских захватчиков // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / авт.-сост. А.А. Кошкин. М., 2010. С. 132–133, 139, 154; Гуансюань Ж. История не должна быть забыта // Последняя точка Второй мировой. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 54.
- ²⁸⁵ Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 151.
- ²⁸⁶ Иноуэ К., Ононоги С., Судзуки С. История современной Японии / сокр. пер. с яп. М., 1955. С. 239; Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане / пер. с англ. М., 1964. С. 38.
- ²⁸⁷ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 22. Л. 121–124; Коллекция видеоматериалов. Д. 2; Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 398–400; Хохлов Д.Ю. Отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ // Великая Отечественная война. 1943 год: исследование, документы, комментарии. М., 2013. С. 215–217, 219–220.
- ²⁸⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 6. Д. 262. Л. 268; Русский архив. Великая отечественная война. Т. 18 (7–1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 24–25; Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002. С. 130.
- ²⁸⁹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1975. С. 272; Военная история Отечества с древнейших времён до наших дней. В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 394.
- ²⁹⁰ Николаев А.Н. Об издании материалов Токийского международного военного трибунала // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 229.
- ²⁹¹ Общий, именованный также главным, отдел разделялся на плановую, хозяйственную и бухгалтерскую части. В ведении отдела находились секретариат, интендантская служба, плановое отделение, а также отделения кадров, печати, коммунально-эксплуатационное, секции фотографирования, телеграфа и пр.
- ²⁹² Романова В.В. От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 77.
- ²⁹³ Кириченко А.А. За кулисами трибунала. С. 93.
- ²⁹⁴ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я., Смирнов Л.Н. Бактериологическая война – преступное оружие империалистической агрессии (Хабаровский процесс японских военных преступников). М., 1950. С. 35–37, 45; Тужилин С.В. Роль японской императорской семьи в создании и деятельности военно-бактериологических формирований в Маньчжурии (1930–1940-е гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб в XIX–XXI веках. М., 2016. С. 86–104.
- ²⁹⁵ Романова В.В. Отряд 731 // Родина. 2015. № 12. С. 116–120.
- ²⁹⁶ Иноуэ К., Ононоги С., Судзуки С. История современной Японии. С. 729.
- ²⁹⁷ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 16. Л. 129; Т. 18. Л. 18; Т. 19. Л. 3; Т. 21. Л. 21–23.
- ²⁹⁸ Рудаков Д.П., Степанова Е.А. Японская военно-биологическая программа 1932–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 47–52.
- ²⁹⁹ Христофоров В.С. Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа. Т. 8. М., 2015. С. 103.
- ³⁰⁰ Подземный завод смерти // Правда. 1950. 11 февр.
- ³⁰¹ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 2. Л. 131–132.
- ³⁰² ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 1. Л. 234.
- ³⁰³ Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1949. 31 дек.

- ³⁰⁴ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 3. Л. 121.
- ³⁰⁵ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 370.
- ³⁰⁶ Организация специальных формирований для подготовки и ведения бактериологической войны // Тихоокеанская звезда. 1949. 25 дек.; Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Тихоокеанская звезда. 1949. 28 дек.; Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... С. 390–391.
- ³⁰⁷ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 2. Л. 140–141.
- ³⁰⁸ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 5. Л. 350.
- ³⁰⁹ Моримура С. Кухня дьявола. Правда об «отряде 731» японской армии. М., 1983; Тужилин С.В. Из истории применения Японией бактериологического оружия против СССР и союзных ему стран // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 96–106.
- ³¹⁰ ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 25. Л. 245, 243.
- ³¹¹ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 26. Л. 258–267.
- ³¹² ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 26. Л. 268–272.
- ³¹³ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. С. 472; Зимонин В.П. Сознательно преступившие грань... // Великая Победа. Т. 8. М., 2015. С. 86.
- ³¹⁴ Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 109.
- ³¹⁵ Победа на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 430–456, 511.
- ³¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы / ред.-сост. С. Майоров. В 3 т. Т. 3 (1 января–3 сентября 1945 г.). М., 1947. С. 481.

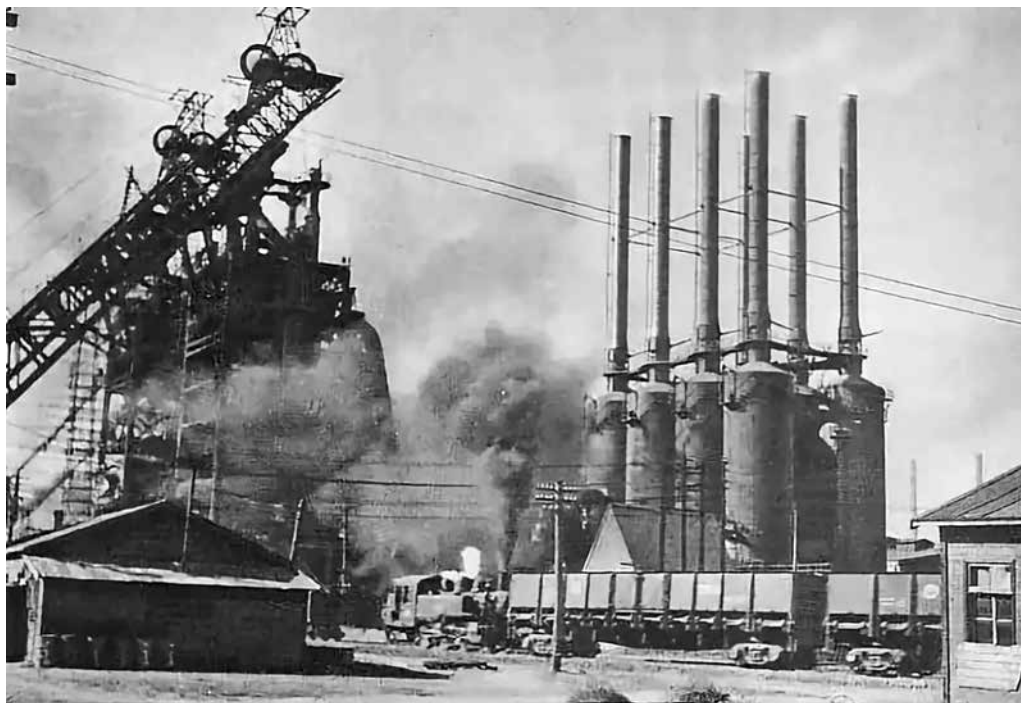
Иллюстрации гл. 10, п. 10.1

Командующий
3-й территориальной армией
Квантунской группировки войск
генерал Дзюн Усироку. 1944 г.

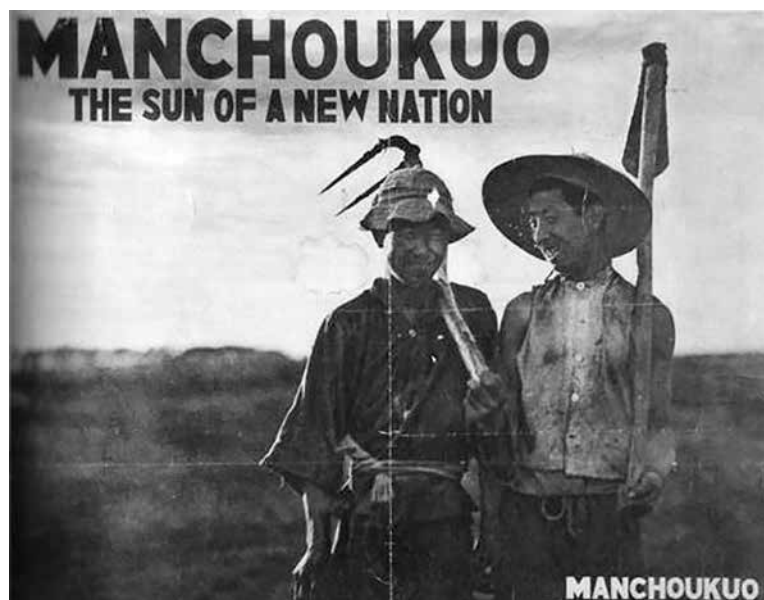
Командующий Квантунской
группировкой войск в 1944–1945 гг.
генерал Отодзо Ямада. 1944 г.

Металлургический завод в г. Аншане. *Маньчжоу-го*, 1940-е гг.

Японские переселенцы и солдаты Квантунской армии в Маньчжоу-го. 1940-е гг.

Японский пропагандистский плакат, призывающий переселяться в Маньчжоу-го. 1930-1940-е гг.

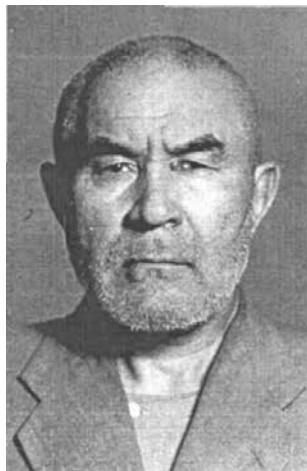

Солдаты 23-й пехотной дивизии Квантунской группировки войск на марше в Маньчжурии. 1940-е гг.

Хутоусский укрепленный район. Японское 150-мм орудие в бронебашенной установке, уничтоженное советской артиллерией. 1945 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.2

Начальник БРЭМ
в 1944–1945 гг. генерал
Л.Ф. Власьевский. 1945 г.

Группа военнослужащих бригады
Асано. Маньчжурия, 1940-е гг.

Помощник начальника Японской военной миссии в Харбине майор Акикуса Сюн
и лидер Всероссийской фашистской партии К.В. Родзаевский на банкете по случаю
учреждения БРЭМ. г. Харбин, 1934 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.3

Артиллеристы 159-й стрелковой дивизии в районе китайского города Дуньхуа. 1945 г.

Генералы И.П. Батуров и А.А. Дьяконов в кругу офицеров
79-й стрелковой дивизии. 1945 г.

Колонна советских танков входит в г. Дайрен. 1945 г.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом генерал армии М.А. Пуркаев (слева) и командир 56-го стрелкового корпуса генерал А.А. Дьяконов. 1945 г.

Командующий Забайкальским
фронтом Маршал Советского
Союза Р.Я. Малиновский. 1945 г.

Маршал Советского
Союза А.М. Василевский. 1945 г.

Маршал Советского
Союза К.А. Мерецков. 1945 г.

Маршалы Советского Союза К.А. Мерецков, Р.Я. Малиновский и А.М. Василевский на аэродроме Дайрен. 1945 г.

Советские бойцы водружают флаг над зданием вокзала г. Харбин. 1945 г.

Советские бойцы осматривают трофейные танки. Тип 95 «Ха-Го». 1945 г.

Советские бойцы с трофейными японскими флагами. 1945 г.

Советские офицеры рассматривают разрушенные японские укрепления. 1945 г.

Советский танковый десант занимает населенный пункт северо-восточнее Пхеньяна. 1945 г.

Солдаты японской армии складывают оружие. 2-й Дальневосточный фронт, 1945 г.

Танк Т-34-85 6-й гв.
танковой армии в горах
Большого Хингана. 1945 г.

Части 39-й армии Забайкальского фронта на марше в маньчжурской степи. 1945 г.

Экипаж бомбардировщика Пе-2 после боевого вылета.
1-й Дальневосточный фронт, 1945 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.4

Бойцы 355-го батальона морской пехоты Тихоокеанского флота перед высадкой
в г. Сейсин. 1945 г.

Бойцы сводного батальона морской пехоты Камчатского оборонительного района
после боя за о-в Шумшу. 1945 г.

Выгоревший корпус советского десантного корабля американского производства «ДС-9» (LCI-554) на пляже о-ва Шумшу. 1945 г.

Командир 355-го батальона морской пехоты Тихоокеанского флота майор М.П. Бараболько (справа) в г. Сейсин. 1945 г.

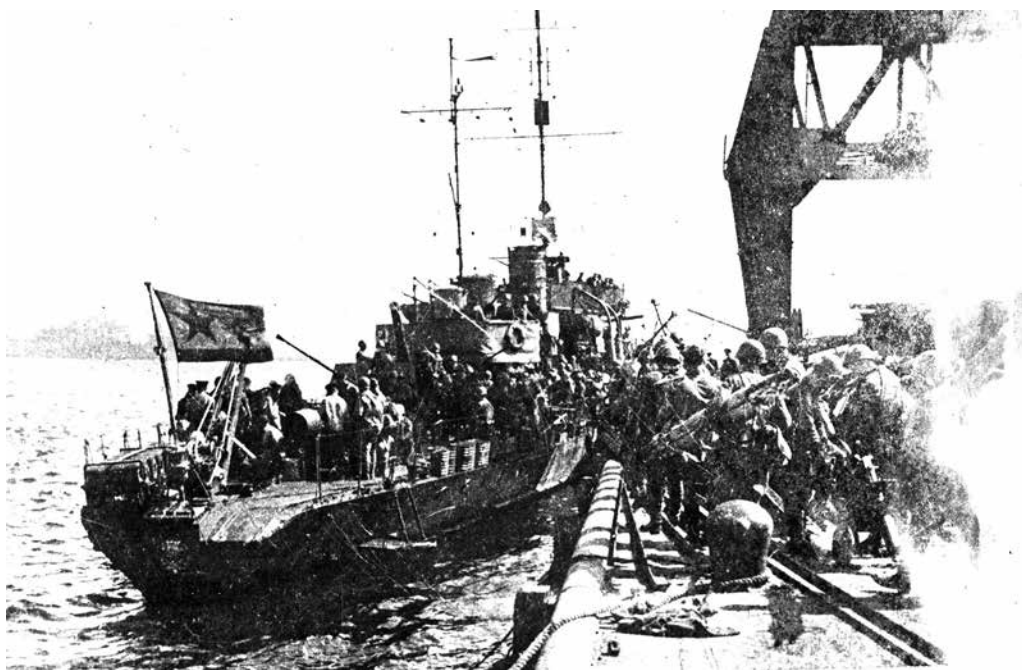
Командующий 91-й пехотной дивизией генерал-лейтенант Фусаи Цуцуми прибывает на переговоры о капитуляции гарнизона о-ва Шумшу. 1945 г.

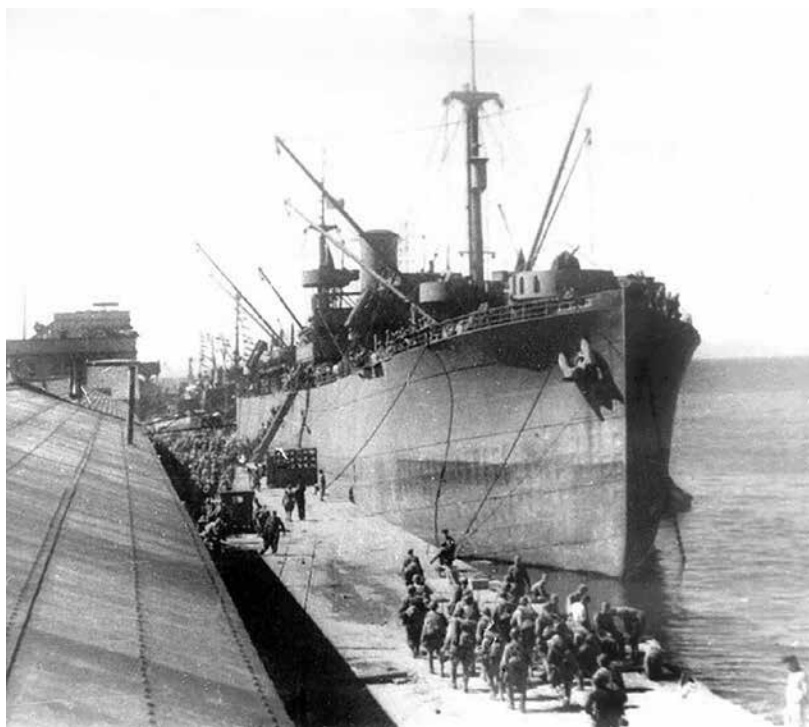
Морские пехотинцы Тихоокеанского флота занимают Порт-Артур. 1945 г.

Подвеска торпеды к самолету Ил-4т минно-торпедной авиации
Тихоокеанского флота. 1945 г.

Сторожевой корабль «Метель» принимает на борт десантников
13-й бригады морской пехоты. 1945 г.

Транспорт «Сталинград» высаживает десант в порту Отомари. 1945 г.

Участники боев за г. Торо и г. Эсутору из состава 365-го отдельного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота. 1945 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.5

Пограничники заставы им. Валентина Котельникова
с трофейным японским флагом. 1945 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.7

Жители г. Владивостока празднуют День Победы. 1945 г.

Колонна пленных японских солдат на ул. Ленинской во Владивостоке. 1945 г.

Празднование Дня Победы во Владивостоке. Май 1945 г.

Иллюстрации гл. 10, п. 10.8

Коллегия судей Международного трибунала по Дальнему Востоку. г. Токио, 1947 г.

Одно из заседаний Международного военного трибунала для Дальнего Востока.
г. Токио, 1947 г.

Подсудимый генерал Ямада Отодзо, бывший главнокомандующий Квантунской армии, произносит последнее слово. г. Хабаровск, 30 декабря 1949 г.

Хидэки Тодзио на скамье подсудимых Токийского трибунала. 1946 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задачи повышения обороноспособности восточных районов СССР реализовывались с учётом геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии. В глобальном противостоянии мировых держав в 1930-е гг. СССР не рассматривался не только в качестве союзника против фашистской Германии и милитаристской Японии, но и как страна, способная противостоять агрессии. В годы Великой Отечественной войны на основе военно-политического союза СССР, США и Великобритании, несмотря на наличие геополитических противоречий, сформировалась антигитлеровская коалиция.

В соперничестве за сферы влияния советское политическое руководство, используя военно-стратегические, идеологические, экономические ресурсы, стремилось упрочить свои позиции в странах Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, ориентируясь на укрепление власти демократического или коммунистического движения, создание военно-политического и экономического сообщества под руководством Советского Союза. Сопrotивление Китая в войне с Японией значительно усилилось благодаря военной и экономической помощи государств антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР и США.

Неприкосновенность дальневосточных границ при ограниченных людских ресурсах, слабо развитой системе коммуникационных связей и недостатке финансовых средств поддерживалась с использованием социально-политических и военно-экономических возможностей страны. В рамках политической системы была создана чрезвычайная модель управления мобилизационного характера, усилились централизация и директивность, приобретающие милитаризованные черты. Взаимодействие дальневосточных партийных организаций и исполнительных комитетов позволило согласовать внутри- и межрегиональные интересы и обеспечить выполнение оборонных задач.

Демографическая ситуация определила мобилизационные возможности региона. Ведомственный подход при распределении людских ресурсов сохранился, но потеряли значение оргнабор, межтерриториальные и межотраслевые договорные обязательства. Мобилизация военнообязанного резерва, внутри- и межрегиональное перемещение населения корректировались стратегическими государственными задачами. Увеличился дисбаланс между численностью городских и сельских жителей, кадровым потенциалом предприятий военно-промышленного и гражданского назначения, обострилась проблема трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР.

Государственное планирование по основным статьям расхода и финансирования, объемам валовой и товарной продукции, материальному

и ресурсному обеспечению ориентировалось, прежде всего, на потребности специализированных наркоматов, которые включали все виды металлообработки и машиностроения, топливно-энергетической и горнодобывающей промышленности. Исходной составляющей функционирования региональных организационно-производственных структур являлось обеспечение Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии вооружением, боевой техникой, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, предметами личного потребления и продовольствием.

Формирование многоотраслевого производства шло по вертикали (создание заводов-комбинатов с законченным циклом производства) и горизонтали (корректировались и устанавливались связи между отраслями), ориентировалось на производство готовой продукции при минимальном использовании централизованных поставок сырья, материалов и полуфабрикатов, опираясь на собственные возможности и максимальное упрощение конструкций выпускаемых изделий. Освоение новых видов военной продукции изменило связи между предприятиями разной ведомственной принадлежности, распределение материальных и финансовых средств, рабочей силы, потребовав от одних усовершенствования организации труда, от других – смены технологий и оборудования, а для многих это означало развёртывание (зачастую на тех же площадях) вспомогательных производственных цехов.

Дислокация на Дальнем Востоке воинского контингента являлась, с одной стороны, стимулом для развития жизнеобеспечивающих отраслей, а с другой – дополнительным бременем для ограниченных региональных ресурсов. Продовольственные фонды снабжения формировались за счет государственных поставок и поставок с подсобных хозяйств, индивидуального и коллективного огородничества, но Дальневосточный регион не мог обеспечить население и дальневосточные воинские формирования продукцией собственного производства, которые в значительной степени обеспечивались централизованно. Рыбная отрасль Дальнего Востока, расширив районы и объекты промысла, компенсировала потери других видов пищевой продукции.

Задачи функционирования военно-оборонных предприятий и стратегического развёртывания Дальневосточной группировки войск решались путём взаимодействия всех звеньев транспортной системы общесоюзного и регионального назначения. Структурная специализация районов, директивное планирование от достигнутого определили затратный характер промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта Дальневосточного региона. Основная ставка делалась на применение методов принуждения к труду. Способность исправительно-трудовых лагерей и колоний выполнять сложные народнохозяйственные задания в экстремальных условиях при минимальных государственных затратах убедила руководство страны в целесообразности расширения региональной пенитенциарной системы и лагерно-производственных комплексов.

В условиях войны, когда поступление индустриальных инноваций на периферию почти прекратилось и конечные результаты зависели от внутри- и межотраслевых связей с множеством промежуточных звеньев, новаторы Дальнего Востока, аккумулируя творческие идеи масс, добивались высоких технико-экономических показателей, решали проблемы специализации

и эффективного использования трудовых ресурсов. Из множества починов утвердились и получили наибольшее распространение те, которые стимулировали и обеспечивали без особых финансовых затрат выполнение плановых заданий, однако низкая производственная культура основных работников в сочетании с ограниченными технико-экономическими и социальными возможностями производства стали препятствием для модернизации.

В обеспечении жизненного уровня дальневосточников возрастает роль общественных фондов потребления. Введение нормированного снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости гарантировало получение минимума материальных благ большинством населения. Заметно увеличились выплаты пособий, пенсий, расширился круг лиц, имеющих право на их получение с одновременным увеличением материальной помощи за счёт внебюджетных средств.

Решения советско-партийных структур, стимулирующие выпуск в регионе продовольственной и промышленной продукции широкого потребления, остались не реализованными. Для товаров личного потребления централизованные рыночные фонды дальневосточникам в военные годы отпускались в количествах, не позволяющих осуществить снабжение в полном объёме даже с учётом местных ресурсов, а неритмичность их поступления и наличие отдалённых районов со слабой коммуникационной связью усугубляли положение.

Экзогенные факторы оказывали влияние на продолжительность жизни дальневосточников, но принимаемые меры по охране здоровья приносили как социальный, так и экономический эффект: сокращалась смертность, уменьшились потери рабочего времени. В тяжелейших условиях удалось сохранить социальную инфраструктуру городов на уровне, обеспечивающем воспроизводство рабочей силы.

Слабая продовольственная база, недостаток товаров народного потребления ограничивали возможности региональных структур в оказании поддержки дальневосточному социуму. Различного рода выплаты и льготы предоставлялись без учёта трудового вклада той или иной личности и были наиболее ощутимыми для малообеспеченных категорий дальневосточников. Социальная политика жизнеобеспечения, реализовывая общегосударственные интересы, помогала населению Дальнего Востока адаптироваться к условиям военного времени.

Пропаганда как одна из форм социально-политического взаимодействия властно-управленческих структур и социальных групп советского общества использовалась для мобилизации населения на защиту Отечества. Телеграфное агентство Советского Союза и Советское информационное бюро, Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии, Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, Комитет по делам кинематографии, а также многочисленные культурно-просветительные учреждения, общественные организации во главе с Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) контролировали информационное пространство страны.

Советское государство в условиях военного времени сохраняло многопрофильную систему социокультурных институтов, формировавших идеологические представления и политические установки населения Дальнего Востока. Проблема

всеобуча рассматривалась как государственная задача социально-политического значения. Принимались меры, направленные на сохранение существовавшей системы народного образования по организационно-педагогическому укреплению школы, повышению учебно-воспитательной работы, укреплению дисциплины среди учащихся. Введение обязательного всеобщего среднего образования было приостановлено, и на первый план выходит задача сохранения контингента учащихся общеобразовательной школы и профессионально-технического обучения при сокращении финансирования и материальной помощи со стороны государства. Главное место занимало идейно-политическое, военно-патриотическое и трудовое воспитание учащихся, усилилась связь теории с практикой.

Сложившаяся система государственного и отраслевого профессионально-технического образования предвоенных лет при сохранении преемственности была упрощена за счёт сокращения количественных и качественных показателей. Территориальная организация высшего и среднего специального образования отражала неравномерность развития социально-экономической структуры Дальневосточного региона. Приоритетное значение имела подготовка специалистов технического и медицинского направлений, преподавателей для общеобразовательных школ и образовательных учреждений на территориях с компактным проживанием малочисленных народностей. Ориентация их на сферу общественного производства обусловила преобладание в учебных программах специальных дисциплин и практических занятий, взаимосвязь с производством. Финансово-экономический кризис, вызванный войной, усугубил и без того сложное положение системы образования и просвещения на Дальнем Востоке. Удалось сохранить контингенты среднего и высшего образования, но удовлетворить потребности региона в высококвалифицированных специалистах не удалось.

Система образования на Дальнем Востоке имела общественно значимое содержание и высокую патриотическую направленность, демонстрировала устойчивость и адаптационные возможности, обеспечивая продолжение научно-образовательного процесса. Дальневосточные вузы и отраслевая наука осуществляли научные исследования по основным направлениям теоретических и экспериментальных разработок военно-технических проблем, инновационных изменений производственных процессов, сырьевых ресурсов – замена дефицитного сырья и создание новых видов материалов. Значительная часть работ была представлена естественнонаучными направлениями, преимущественно агробиологическими. Несмотря на сокращение ассигнований, эффективность научных исследований в регионе была высокой.

Дальневосточная культура являлась частью реализации советской социокультурной модели. Художественная литература военных лет создавала летопись подвига сражавшегося народа, его превосходства над врагом, отображала чувства и помыслы советского человека, отстаивающего свои завоевания. Главными составляющими были призыв к беспощадной борьбе с захватчиками и воспитание ненависти к врагу.

На функционирование культурных учреждений оказали влияние сложившиеся традиции, геополитическое положение и специфика занятости населения региона. Социокультурный процесс на Дальнем Востоке аккумулировал эстети-

ческое и идеологическое, просветительское и агитационно-пропагандистское, образовательное и досуговое направления. Искусство разъясняло цели всенародной войны и удовлетворяло эстетические потребности аудитории, формировало моральные и этические ценности, психологически воздействовало на аудиторию, создавало позитивные эмоции, расширяло коммуникативное пространство, усиливало его общественную значимость.

В государственно-конфессиональном и межконфессиональном взаимодействии отсутствовала концептуализация государственной политики в вероисповедной сфере. Религиозные институты использовались для национально-патриотической мобилизации населения и взаимодействия со странами антигитлеровской коалиции. На законодательном уровне создавался аппарат управления, который в своей деятельности использовал легальные и латентные административные механизмы контроля и распределения полномочий (прав и обязанностей), фиксируемых в организационных документах (уставах, положениях) деятельности уполномоченных по правам религий и религиозных организаций.

В годы войны одним из направлений политики советской власти было вовлечение малочисленных народов Дальнего Востока в экономическую и социально-культурную деятельность в рамках единого народнохозяйственного комплекса, формирование однотипной социальной структуры дальневосточного населения без учёта специфики бытового уклада малочисленных народов. Для облегчения восприятия новых ценностей использовались национально-патриотические чувства: выполнение и перевыполнение плановых заданий, трудовая дисциплина, преодоление трудностей воспринимались как необходимость. В этнической среде произошла социально-политическая идентификация коренного населения по отношению к стране, наметилась тенденция сплочения и консолидации с другими народами, что влияло на формирование межэтнических отношений в Дальневосточном регионе.

Основными причинами обострения криминальной обстановки являлись проблемы жизнеобеспечения населения и разрушение межличностных отношений. В целях стабилизации общественно-политической системы активизировалась работа специальных структур на Дальнем Востоке. Расширилась сфера их ответственности как в правоохранительной, так и в военно-организаторской деятельности, что привело к усложнению структуры для решения конкретных задач. На особом контроле находились имущественные и должностные преступления, противоправные действия против жизни и достоинства личности.

Органы правопорядка из-за проблем материально-технического и финансового обеспечения, нехватки и текучести кадров не могли справиться с возросшим уровнем преступности в Дальневосточном регионе. В партийные и советские структуры поступали заявления о злоупотреблениях сотрудников органов внутренних дел, жалобы на многочисленные случаи девиантных проявлений антисоциальных лиц, которые оставались безнаказанными. Однако милиции при участии общественности удавалось пресекать и предупреждать противоправные деяния граждан, тем самым контролировать ситуацию в Дальневосточном регионе.

В зависимости от изменения социально-политической обстановки в стране отечественные спецслужбы выполняли информационные, контрольно-

инспекторские, охранно-карательные функции, пресекали враждебную деятельность контрреволюционных элементов, антисоветскую агитацию и контрреволюционную пропаганду. С помощью специальных розыскных мероприятий им удалось выявить военно-стратегические планы Японии в отношении Советского Союза, Китая, Монголии, нейтрализовать деятельность иностранных разведок и обеспечить защиту основных оборонных объектов на Дальнем Востоке. Возможность непосредственного информирования советского и партийного руководства о положении дел в стране и на сопредельных территориях сделала их инструментом социально-политического контроля над советским обществом и принятия важных военно-стратегических решений.

Советская государственная политика по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке была направлена на увеличение плотности охраны границы и оптимизацию численности таможенных учреждений. Созданная система пограничного контроля противостояла провокациям на советско-маньчжурской границе и Тихоокеанском побережье СССР. Таможенный контроль на путях сообщения сыграл важную роль в международных отношениях, не позволил японским рыбопромышленникам хищнически истреблять биоресурсы советской части тихоокеанских вод. Контролируемые массовые перемещения, стимулирование труда, нормированное распределение потребления, защита различных социальных групп нейтрализовали социальную дезинтеграцию дальневосточного общества.

Защита населения и объектов народнохозяйственного комплекса от нападения противника как часть общегосударственных оборонных мероприятий осуществлялась структурами местной противовоздушной обороны с учётом формирования невоенизированных групп самозащиты, а подготовка населения – территориальными исполнительными комитетами совместно с добровольными общественными организациями. Военное обучение дальневосточников велось в рамках добровольного участия в оборонно-массовой работе и обязательного прохождения курса военной подготовки.

При определении численности вооружённых формирований на Дальнем Востоке учитывались отдалённость войсковых соединений и маловероятность внутри- и межрегиональной перегруппировки войск из-за огромной протяжённости морских и сухопутных границ. Повышение их боевой мощи достигалось за счёт усиления их оснащённости и подготовки резервов. Оборонные мероприятия на Дальнем Востоке СССР проводились в соответствии со стратегией активной обороны, предполагавшей не только отражение агрессии противника, но и разгром его воинских формирований в случае военных действий. На случай неблагоприятного начала военных действий разрабатывались планы эвакуации населения и ценного имущества из фронтовых и прифронтовых районов Дальневосточного региона, создавались очаги сопротивления. Укрепление обороноспособности Дальнего Востока СССР включало меры, направленные на поддержание воинских формирований в боевой готовности, создание стратегических запасов государственного и мобилизационного резервов, подготовку органов государственной власти и населения к работе в условиях военного времени.

В процессе реализации мобилизационной перестройки Дальневосточного региона ведущую роль играли центральные властные структуры, создававшие нормативно-законодательную базу обоснования основных направлений моби-

лизации людских, материальных, финансовых средств, унификации социальной политики, подбора и расстановки кадров, политического контроля и проверки исполнения решений. Изменение численности, размещения и состава трудовых и мобилизационных ресурсов Дальнего Востока СССР происходило в русле политических, демографических, социально-экономических процессов военного времени, обусловленное особенностями модернизации советского общества.

Форсированное вовлечение ресурсов восточных территорий страны приводило к их неравномерному и одностороннему социально-экономическому развитию, что усиливало дифференциацию между отдельными административными образованиями региона. Наибольшее развитие получили индустриально-аграрные, урбанизированные южные территории Приморского и Хабаровского краёв, Еврейская автономная и Амурская области с относительно развитой социально-бытовой инфраструктурой в промышленных центрах, тогда как в северных районах Приморского и Хабаровского краёв, Нижне-Амурской, Камчатской, Сахалинской областях, Чукотском и Корякском автономных округах, на Колыме сформировались локальные индустриальные зоны. Слабыми сторонами являлись неравномерная заселённость территории, недостаточные трудовые и мобилизационные ресурсы, неразвитые энергетическая, транспортная, военно-экономическая, инновационная инфраструктуры, низкий уровень жизнеобеспечения и интегрирования в общесоюзное пространство.

Политический центр обеспечивал социокультурную целостность и преобладание интеграционных тенденций. В зависимости от складывающейся геополитической ситуации и оценки военной опасности определялись система управления, структура и принцип комплектования, развертывания воинских формирований, создания запаса военно-обученного, мобилизационного резерва, оперативного оборудования территории Дальнего Востока. На законодательном уровне определялись порядок прохождения воинской службы, финансирование оборонных мероприятий, права и обязанности органов власти и управления, военнослужащих при осуществлении вооруженной защиты территориальной целостности СССР.

Приоритетная реализация общегосударственных интересов, обращение к национально-патриотическим традициям и осознание необходимости отражения агрессии явились важнейшими факторами морально-психологической и социально-экономической устойчивости дальневосточного социума. Движение «Всё для фронта, всё для победы!» стало символом советского патриотизма, гражданственности и жертвенности. Общность целей, справедливый характер войны помогли советскому народу вынести неимоверно тяжёлое и длительное испытание и одержать Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Как стратегический тыл регион изменил геополитические параметры безопасности СССР в Азии. Принимая обоснованное решение о вступлении в войну с Японией на стороне союзных держав, советское правительство преследовало справедливые цели: приблизить окончание Второй мировой войны, оказать помощь населению Восточной и Юго-Восточной Азии в освободительной борьбе, восстановить исторические права на отторгнутые территории и обезопасить восточные рубежи страны.

Война Советского Союза против Японии получила поддержку мирового сообщества. Токийский и Хабаровский военные трибуналы установили, что главные японские преступники нарушили международное право, договоры и соглашения, развязав агрессивные войны против других стран, совершили тяжчайшее преступление против человечества.

В 1939–1945 гг. милитаризация определила характер международных соглашений, военно-политических коалиций и межгосударственных союзов, распространение радикальных доктрин и учений, которые определили социально-политическую, экономическую и социокультурную сферы мирового сообщества. Подписанные лидерами трёх держав И. Сталиным, Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем международные соглашения предусматривали не только разгром фашистской Германии, Италии, милитаристской Японии и их союзников, но и сохранение мира, разграничение сфер влияния основных держав международной коалиции и урегулирование противоречий через Организацию Объединённых Наций. Сформированная система международных отношений подразумевала взаимодействие всех стран, но трансформация баланса сил привела к возникновению биполярной геополитики – США и СССР.

Всестороннее и объективное рассмотрение событий Великой Отечественной войны не является только научной проблемой поиска исторической истины с использованием различных концептуальных подходов. Священный долг российской исторической науки – защитить от фальсификаций подвиг советского народа, одержавшего Победу над фашистской Германией, участие Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции в разгроме фашистско-милитаристского блока во Второй мировой войне.

* * *

Коллективная работа подготовлена к изданию в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН совместно с учёными-историками России.

При написании работы авторами использованы материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), архивов Российской академии наук (РАН) и Дальневосточного отделения Российской академии наук (архив ДВО РАН), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России), Центрального пограничного архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ), Филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-морского флота, г. Гатчина) (Филиал ЦАМО РФ), Центрального военно-морского архива (ЦВМА), Центрального военно-морского архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦВМА МО РФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственных архивов Приморского (ГАПК),

Хабаровского (ГАХК), Камчатского (ГАКК, ГАКК (КФ) – корякский филиал) краёв, архивов Камчатской (ГАКО), Магаданской (ГАМО) и Амурской (ГААО) областей, текущего архива Приморского краевого статистического управления (ПКСУ, текущий архив), Николаевского-на-Амуре муниципального архива (НМА), архива Владивостокской таможни (АВТ).

Авторский коллектив и редколлегия выражают глубокую благодарность учёным, высказавшим предложения и замечания при подготовке труда к изданию.

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

Н.И. Абрамчук

АБРАМЧУК Николай Иванович, родился 20.11.1912 г. в с. Романовка ныне Волковыкского района Гродненской области в семье крестьянина. Русский. Жил в Уссурийске. Член ВКП(б) с 1938 г. Работал котельщиком Астраханского судоремонтного завода. В 1926 г. окончил школу ФЗУ. Учился на рабфаке Института инженеров водного транспорта. В Красной армии с 1932 г. В 1936 г. окончил Энгельсскую военную авиационную школу, по окончании получил направление на Дальний Восток.

На фронте с июня 1941 г. Командир эскадрильи 894-го истребительного авиационного полка (101-я истр. авиац. див. ПВО) капитан Н.И. Абрамчук к июню 1943 г. совершил 239 успешных боевых вылетов, лично сбил 11 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 9.10.1943 г.

С 1954 г. подполковник Н.И. Абрамчук – в запасе. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 1.02.1974 г. Похоронен в Киеве.

Б.И. Аказенок

АКАЗЕНОК Борис Иванович, родился 18.07.1913 г. в дер. Большая Будница ныне Невельского района Псковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Работал на шинном заводе в Ленинграде. В 1932 г. окончил учебный комбинат Балтийского морского пароходства. Штурман. В Красной армии в 1935–1937 г.

Во время Великой Отечественной войны плавал на лесовозе «Старый большевик» Мурманского морского пароходства рулевым. В мае 1942 г. лесовоз, находясь в составе союзного конвоя, подвергся нападению фашистских самолётов. От взрыва вражеской бомбы на судне возник пожар. Б.И. Аказенок первым бросился в трюм, где находились снаряды и зажигательные бомбы, 8 часов боролись за жизнь судна. «Старый большевик» вовремя прибыл в порт, доставив необходимые фронту военные грузы. Звание Героя Советского Союза присвоено 28.06.1942 г.

После войны учился, был 2-м помощником капитана на теплоходе «Алапаевсклес», штурманом Балтийского морского пароходства. Жил в Ленинграде. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 23.03.1996 г.

АКИМОВ Иван Алексеевич, родился 25.12.1910 г. в пос. Сорочинск, ныне город в Оренбургской области, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 6 классов. Работал на текстильном комбинате в Ташкенте. В Красной армии с 1932 г. В 1939 г. окончил школу комсостава.

И.А. Акимов

С 26.07.1942 г. на фронте. 238-й гвардейский стрелковый полк (81-я гвардейская стрелковая дивизия, 7-я гвардейская армия, Степной фронт), которым командовал гвардии майор И.А. Акимов, отличился в боях по освобождению Украины в конце сентября 1943 г. В районе с. Новый Орлик (ныне с. Орлик Кобелякского района Полтавской обл.) полк прорвал оборону противника и переправился на правый берег Днепра, где овладел плацдармом. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

В 1950 г. окончил курсы «Выстрел». Полковник запаса И.А. Акимов жил и работал в Хабаровске. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2 ст.,; двумя орденами Красной Звезды, медалями. Умер 5.08.1977 г.

Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст.

Скончался от ран 26.08.1944 г. Похоронен в дер. Телешово Невельского района Псковской области. В г. Болгое Калининской области установлена мемориальная доска.

А.С. Александров

АЛЕКСАНДРОВ Андрей Степанович, родился 14.10.1919 г. в дер. Карапсель ныне Иланского района Красноярского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование начальное. Работал трактористом. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны. Командир орудия 134-го артиллерийского полка (172-я стрелковая дивизия, 13-я армия, 1-й Украинский фронт) ст. сержант А.С. Александров в боях 28–29.01.1945 г. в районе г. Кёбен (Хобеня, Польша) огнём прямой наводкой уничтожил танк, БТР и несколько пулемётов противника, рассеял большую группу автоматчиков. Когда кончились снаряды, уничтожал гитлеровцев автоматным огнём, гранатами и в рукопашной схватке. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в г. Николаевск-на-Амуре Хабаровского края. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 27.07.1978 г.

Г.В. Амяга

АМЯГА Георгий Васильевич, родился в 1923 г. в дер. Кокшаровка Чугуевского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Образование среднее. В 1941 г. призван в Красную армию и направлен на фронт.

Командир отделения 191-го стрелкового полка (201-я стрелковая дивизия, 8-я армия, Ленинградский фронт) сержант Г.В. Амяга отличился в июле 1944 г. при штурме высоты у пос. Синимяэ (Кохтла-Ярвский район Эстония). Преодолев минное поле, он первым ворвался в траншею противника, дважды был ранен, но продолжал вести бой до тех пор, пока высота полностью не была очищена от врага. За период боёв отделение захватило в плен более 10 и уничтожило большое число гитлеровцев. 3.08.1944 г. погиб в бою. Звание Героя Советского

Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Путки Кохтла-Ярвесского района.

Н.Р. Андреев

АНДРЕЕВ Николай Родионович, родился 7.08.1921 г. в дер. Куроллешево, ныне Кологриво Сланцевского района Ленинградской обл., в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил н/среднюю школу и дорожно-механический техникум (1939 г.). Работал техником машинно-дорожной станции в Амурской области. В Красной армии с 1940 г.

С начала Великой Отечественной войны на фронте. Участвовал в боях на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, отличился 24–25.03.1943 г. в районе с. Рубежное (Волчанский район Харьковской обл.) и в с. Двуречье (ныне пос. городского типа Двуречная), где танковым взводом под его командованием было уничтожено 7 танков и до взвода автоматчиков. 6.08.1942 г. командир взвода 6-й гвардейской танковой бригады (1-я танковая армия, Сталинградский фронт) гвардии лейтенант Н.Р. Андреев со взводом атаковал колонну танков противника и сжёг 5 из них. Всего на его счету 27 уничтоженных танков (один из них тараном) и несколько десятков орудий. Звание Героя Советского Союза присвоено 5.11.1942 г.

В 1945 г. окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Генерал-лейтенант Н.Р. Андреев продолжил службу в армии. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1 ст., орденом Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями и иностранными медалями.

Умер 5.04.2000 г.

В.Д. Андреянов

АНДРЕЯНОВ Василий Дмитриевич, родился 21.07.1915 г. в с. Ташла ныне Ставропольского района Куйбышевской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал в колхозе. В Красной армии в 1936–1939 гг. Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г. Вновь призван в Красную армию в 1941 г. Хабаровским горвоенкоматом. С начала Великой Отечественной войны на фронте. Механик-водитель танка 37-го гвардейского танкового полка (15-я гвардейская механизированная бригада, 4-й гвардейский механизированный корпус, 3-й Украинский фронт) гвардии ст. сержант В.Д. Андреянов 21.08.1944 г. на высокой скорости ворвался в д. Аджилар (Суворовский район Молдавской ССР), уничтожил три пушки, два БТР и 5 автомашин противника. Затем в числе первых преодолел р. Прут западнее с. Минжир (Котовский район), способствуя переправе своего подразделения. Отражая контратаки противника, уничтожил 3 орудия, много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в Куйбышеве. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 13.06.1953 г.

Н.В. Антонов

АНТОНОВ Неон Васильевич, родился 6.01.1907 г. в с. Красково, ныне посёлок Люберецкого района Московской области, в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Образование среднее. Работал в г. Коломна. В 1926 г. призван в ВМФ. В 1930 г. окончил Военно-морское училище, служил на Дальнем Востоке в морской пограничной охране. С 1936 г. – командир сторожевого корабля «Воровский».

В 1941 г. окончил Военную академию им. К.Е. Ворошилова. Командовал дивизионом канонерских лодок Краснознамённого Балтийского флота (КБФ). С января 1942 г. – начальник штаба охраны водного района КБФ, с августа – начальник штаба Онежского отряда КБФ. С декабря 1942 г. – начальник штаба Онежской военной флотилии. С января 1944 г. – командующий Онежской военной флотилией, с сентября 1944 г. – командир Военно-морской базы Порккала-Удд (Порккала, Финляндия). С июня 1945 г. – командующий Амурской военной флотилией, контр-адмирал. В августе-сентябре 1945 г. участвовал в Сахалинской и Сунгарийской операциях. Боевые действия его флотилии получили высокую оценку командования. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал командовать флотилией. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Ушакова 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 24.10.1948 г. Похоронен в Краснофлотском районе Хабаровска, возле памятника морякам-амурцам, погибшим в Гражданскую войну. Бюст Героя установлен в мемориальном парке г. Коломна Московской области. Мемориальная доска установлена на улице его имени в г. Петрозаводск Карельской АССР.

Г.Ф. Арлашкин

АРЛАШКИН Григорий Фадеевич, родился 25.01.1918 г. в с. Напольное ныне Порецкого района Чувашской АССР в семье крестьянина. Мордвин. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил Горьковский коммунально-строительный техникум. В ВМФ с 1939 г. После окончания спецкурсов служил в береговых частях Тихоокеанского флота.

В 1943 г. окончил курсы переподготовки при Саранском военном пехотном училище и направлен в действующую армию. Командир 3-го стрелкового батальона 1174-го ордена Кутузова 3-й степени стрелкового полка (348-я Бобруйская Краснознамённая стрелковая дивизия, 3-я армия, 3-й Белорусский фронт). 15.02.1945 г. батальон под командованием майора Г.Ф. Арлашкина овладел высотой на подступах к г. Мельзак (Пененжно, Польша). Многочисленные контратаки противника были отбиты с большими для него потерями. После артподготовки батальон, преодолевая ожесточённое сопротивление врага, ворвался в город, штурмом овладел его центральной частью. В этом бою Г.Ф. Арлашкин погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 19.04.1945 г. посмертно.

Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., орденом Красной Звезды.

Именем Героя названы судно Министерства рыбного хозяйства, улица и школа в с. Напольное.

И.И. Афанасьев

АФАНАСЬЕВ Иван Иванович, родился 20.01.1901 г. в дер. Устье ныне Ломоносовского района Ленинградской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование среднее.

В годы Великой Отечественной войны – капитан лесовоза «Старый большевик». В конце мая 1942 г. лесовоз, гружённый военной техникой, боеприпасами и бензином, следовал из Рейкьявика (Исландия) в Мурманск в составе союзного конвоя и был атакован и подожжён вражескими самолётами. Одна из бомб попала в теплоход. На предложение английского командования покинуть судно капитан ответил отказом. Конвой ушёл, оставив горящий лесовоз. Экипаж спас свой теплоход от огня, устранил повреждения и доставил груз в Мурманск. 28.6.1942 г. И.И. Афанасьеву присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны – капитан теплохода «Маршал Говоров» Балтийского морского пароходства. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, медалями.

Умер 8.10.1952 г. Его имя носят школа-интернат в Ленинграде, спасательное судно Мурманского морского пароходства, улица в г. Сосновый Бор Ленинградской области.

М.А. Бабиков

БАБИКОВ Макар Андреевич, родился 31.07.1921 г. в с. Усть-Цильяна ныне Усть-Цилемского района Коми АССР в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил н/среднюю школу. Работал учителем, затем на комсомольской работе.

В ВМФ с 1940 г. Учился в объединённом учебном отряде Северного флота.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Воевал на Северном флоте. В период советско-японской войны в августе 1945 г. высаживался с десантами в порты Юки (Унги), Расин (Наджин), Сейсин (Чхонджин). Командир взвода отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота гл. старшина М.А. Бабиков 13.08.1945 г. со своими бойцами первым высадился в порту Сейсин (Чхонджин). Прорвавшись в тыл противника, десантники захватили мост и отрезали пути отхода. Был ранен, но не оставил поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

С 1946 г. – в запасе. В 1951 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Был на комсомольской и советской работе, служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями.

Умер 2.02.2009 г.

В.Н. Бабошин

БАБОШИН Виктор Николаевич, родился 2.12.1924 г. в г. Иман (ныне г. Дальнереченск) Приморского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1961 г. Окончил н/среднюю школу, работал на заводе в Новосибирске. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1943 г. Стрелок 218-го гвардейского стрелкового полка (77-я гвардейская стрелковая дивизия, 61-я армия, Центральный фронт) гвардии рядовой В.Н. Бабошин в ночь на 27.09.1943 г. под огнём противника в составе роты переправился на правый берег Днепра у с. Неданчичи (Репкинский район Черниговской обл.), отличился в боях на захваченном плацдарме, участвуя в отражении вражеских контратак. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

После войны демобилизован. Жил в Сухуми. Работал слесарем. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 8.08.1979 г.

К.С. Бадигин

БАДИГИН Константин Сергеевич, родился 29.11.1910 г. в Пензе в семье агронома. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. Работал в Ленинграде на такелажной фабрике «Красный водник», затем матросом на пароходе «Индибирка». В 1932 г. окончил Владивостокский морской техникум с дипломом судоводителя. С марта 1938 г. – капитан ледокольного парохода «Г. Седов», на котором научно-исследовательская экспедиция в 1937–1940 гг. совершила 812-дневный дрейф во льдах Северного Ледовитого океана. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.02.1940 г. Окончил Московский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг. Командир ледокольного отряда Беломорской флотилии, начальник штаба Архангельского штаба морских операций, первый заместитель начальника Управления Беломорских ледовых операций. В 1943–1945 гг. капитан теплохода «Клара Цеткин» на Тихом океане, перевозил оборонные грузы из США во Владивосток.

С 1946 г. – в запасе. Писатель. С 1973 г. председатель комиссии по морской художественной литературе Союза писателей СССР. Кандидат географических наук. Жил в Москве. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медалями.

Умер 17.03.1984 г. Его имя присвоено Мезенской районной библиотеке в Архангельской области.

БАДЮК Михаил Михайлович, родился 3.01.1920 г. в с. Чугуевка ныне Чугуевского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил Благовещенское речное училище в 1939 г. Работал начальником радиостанции порта Байкал Слюдянского района Иркутской области. В ВМФ с 1939 г. Окончил школу младших авиационных специалистов Тихоокеанского флота в 1940 г.

В боях Великой Отечественной войны с мая 1942 г. старший воздушный стрелок-радист 9-го гвардейского минно-

М.М. Бадюк

торпедного авиаполка (5-я минно-торпед. авиац. див., ВВС Северного флота). Гвардии старшина М.М. Бадюк к концу 1943 г. в составе экипажа торпедоносца совершил 86 боевых вылетов на постановку мин, бомбардировку аэродромов противника, разведку кораблей в Баренцевом море. Участвовал в потоплении 12 транспортов врага, сбил вражеский самолёт. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

В 1944 г. окончил военную школу лётчиков первоначального обучения ВВС ВМФ, в 1946 г. – Ейское военное авиационное училище, в 1955 г. – Военно-воздушную академию. Служил в авиации ВМФ. С 1962 г. майор М.М. Бадюк – в запасе. Жил в Ростове-на-Дону. Работал в педагогическом институте, а затем в институте сельскохозяйственного машиностроения. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 25.03.1993 г.

Я.И. Баляев

БАЛЯЕВ Яков Илларионович, родился 9.06.1924 г. в с. Кажа Красногорского района Алтайского края в семье крестьянина. Русский. Работал забойщиком на прииске в Горно-Алтайской автономной области. В Красной армии с 1942 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. Пулемётчик 355-го отдельного батальона морской пехоты (Сучанский сектор береговой обороны, Тихоокеанский флот) матрос Я.И. Баляев 14.08.1945 г. одним из первых высадился в порту Сейсин (Чхонджин, КНДР). При штурме высоты огнём пулемёта обеспечил продвижение своего подразделения. Погиб в бою 14.08.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалями.

Навечно зачислен в списки воинской части. Имя Героя присвоено Таштагольской школе-интернату в Кемеровской области, во дворе которой сооружён памятник. Во Владивостоке установлен обелиск, на улице его имени – мемориальная доска.

Л.Н. Балякин

БАЛЯКИН Леонид Николаевич, родился 19.08.1915 г. в дер. Бельково ныне Орехово-Зуевского района Московской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 3 курса Московского энергетического института. В ВМФ с 1937 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в 1939 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. Командир сторожевого корабля «Метель» (1-й дивизион сторожевых кораблей, Владивостокский морской оборонительный район, Тихоокеанский флот) капитан-лейтенант Л.Н. Балякин успешно действовал при высадке десанта в порту Сейсин (Чхонджин, КНДР), обеспечивая ему артиллерийскую поддержку, а также совместно с экипажами торпедных катеров – при высадке десанта в г. Одэджин. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1956 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1974 г. контр-адмирал

Л.Н. Балякин – в запасе, затем в отставке. Жил в Москве, был членом ЦК ДОСААФ – зам. председателя Федерации водно-моторного спорта. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 26.02.1981 г.

М.П. Бараболько

БАРАБОЛЬКО Михаил Петрович, родился 3.08.1909 г. в с. Новонетечинцы, ныне с. Нетечинцы Виньковецкого района Хмельницкой области, в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил н/среднюю школу и зоотехнические курсы в г. Каменец-Подольский. Работал зоотехником сельскохозяйственной опытной станции. В Красной армии с 1931 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. 355-й отдельный батальон морской пехоты (Сучанский сектор береговой обороны, Тихоокеанский флот) под командованием майора М.П. Бараболько 14.08.1945 г. был высажен в порт Сейсин (Чхонджин, КНДР). Захватив плацдарм, удерживал его около суток. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1950 г. окончил курсы «Выстрел». С 1957 г. полковник М.П. Бараболько в запасе. Жил в Одессе. Работал на Одесской киностудии, был заместителем председателя народного контроля Приморского района Одессы. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 08.02.1989 г.

М.Н. Барбашинов

БАРБАШИНОВ Михаил Никанорович, родился 22.01.1907 г. в с. Верхний Мамон ныне Верхнемамонского района Воронежской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1931 г. окончил Центральную партийную школу при ЦК КП Туркмении. В ВМФ с 1931 г. Окончил Ейскую школу морских лётчиков в 1934 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. 37-й штурмовой авиационный полк (12-я штурм. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) под командованием майора М.Н. Барбашинова в ходе боевых действий потопил 14 транспортов и эскадренный миноносец. М.Н. Барбашинов уничтожил один вражеский транспорт лично и два – в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжил службу в ВМФ. В 1952 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1958 г. полковник М.Н. Барбашинов – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями. Умер 6.04.1997 г.

БАРТАШОВ Макар Власович, родился 20.09.1909 г. в г. Жлобин ныне Гомельской области в семье рабочего. Белорус. Член ВКП(б) с 1931 г. Окончил н/среднюю школу. В ВМФ с 1929 г. Окончил Военно-теоретическую школу лётчиков в Ленинграде

М.В. Барташов

в 1930 г., школу военных лётчиков в Борисоглебске в 1931 г., Ейскую школу морских лётчиков в 1932 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. командир 12-й штурмовой авиационной дивизии. (ВВС Тихоокеанского флота) полковник М.В. Барташов лично потопил танкер. Лётчики под его командованием совершили 532 боевых вылета, нанеся противнику ощутимый урон. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1947 г. окончил академические курсы ВВС и ПВО при Военно-морской академии. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Погиб 7.02.1948 г. при исполнении служебных обязанностей. Похоронен на проспекте Мира в Калининграде. Именем Героя названа улица в Жлобине.

А.А. Баршт

БАРШТ Абрек Аркадьевич, родился 2.12.1919 г. в с. Старая Збурьевка ныне Голопристанского района Херсонской области в семье служащего. Еврей. Член ВКП(б) с 1942 г. В 1934 г. переехал во Владивосток, где окончил среднюю школу. В Красной армии с 1938 г. Окончил Батайскую военную авиационную школу в 1940 г.

В действующей армии с апреля 1942 г. Командир эскадрильи 118-го отдельного разведывательно-корректировочного авиационного полка (2-я возд. армия, 1-й Украинский фронт) майор А.А. Баршт к апрелю 1945 г. совершил 365 боевых вылетов на разведку и корректировку артиллерийского огня. Его экипаж сбил 4 самолёта противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

В 1949 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1965 г. полковник А.А. Баршт – в запасе. Жил в Ленинграде. Ст. инженер кафедры Ленинградского гидрометеорологического института. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 21.03.2006 г.

А.Е. Бахтин

БАХТИН Александр Егорович, родился в сентябре 1918 г. в с. Казанское ныне Ливенского района Орловской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил н/среднюю школу, работал в колхозе. С 1939 г. жил в Приморском крае, работал в леспромхозе. В Красной армии с 1942 г. Окончил курсы младших лейтенантов в 1942 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1942 г. Командир роты 615-го стрелкового полка (167-я стр. див., 38-я армия, 1-й Украинский фронт) старший лейтенант А.Е. Бахтин в конце сентября 1943 г. со своими бойцами в числе первых в полку форсировал Днепр севернее Киева, захватил плацдарм. 3–5.11.1943 г. в боях при освобождении Киева А.Е. Бахтин личным примером воодушевлял бойцов. Был ранен, но не покинул поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено

10.01.1944 г. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалью.

Погиб в бою 9.04.1944 г. Похоронен в с. Косов Чортковского района Тернопольской области.

В.К. Беломестных

БЕЛОМЕСТНЫХ Владимир Корнилович, родился 27.07.1913 г. в с. Баргадай ныне Зиминского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил Читинский горно-металлургический техникум. Работал старшим горным мастером на руднике в Амурской области. В Красной армии в 1936–1939 гг. и с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Командир 12-го отделения сапёрного батальона (106-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт) старшина В.К. Беломестных отличился при форсировании Днепра южнее пос. городского типа Лоев (Гомельская область). 15.10.1943 г. первым из группы десантников достиг правого берега. В течение 20 часов под огнём врага переправлял через Днепр на лодке воинов. Перевёз 185 чел. с вооружением и боеприпасами, эвакуировал 6 тяжелораненых. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г. В 1944 г. окончил Ленинградское военно-политическое училище.

С 1946 г. лейтенант В.К. Беломестных – в запасе. Жил в посёлке городского типа Канкунский Якутской АССР, работал начальником прииска. Жил в Сочи Краснодарского края. Работал экскурсоводом. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 8.08.2009 г.

М.П. Белоусов

БЕЛОУСОВ Михаил Прокофьевич, родился 12.11.1904 г. в Ростове-на-Дону в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1928 г. Образование н/среднее. Работал матросом на частных рыбацких судах на Азовском море. В 1925 г. окончил морское отделение Ростовского политехникума путей сообщения. Работал в Дальневосточном пароходстве, был капитаном ледокола «Красин». В Красной армии в 1927–1930 гг. Участник боёв на КВЖД в 1929 г.

С весны 1939 г. – капитан флагманского ледокола «И. Сталин» Главсевморпути. В декабре 1939 г. ледокол вышел в Гренландское море для спасения терпящего бедствие ледокольного парохода «Г. Седов». В сложных арктических условиях под угрозой сжатия льдами 13.01.1940 г. ледокол подошёл к пароходу «Г. Седов», передал на его борт топливо, воду, продукты и вывел его из ледового плена. За образцовое выполнение правительственного задания присвоено звание Героя Советского Союза 3.02.1940 г.

В годы Великой Отечественной войны работал зам. начальника Главсевморпути при СНК СССР, затем командиром ледокольного отряда, оказывавшего помощь кораблям Северного флота в проводке судов союзных держав с грузами для Красной армии. После войны капитан 1-го ранга М.П. Белоусов служил

в ВМФ. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 19.05.1946 г. Его именем назван ледокол.

М.Г. Беспалов

БЕСПАЛОВ Михаил Гаврилович, родился 28.9.1912 г. в с. Славногород ныне Краснопольского района Сумской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. В ВМФ с 1931 г. В 1935 г. окончил Ленинградское высшее военно-морское училище. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1938 г. командир сторожевого корабля «Зарница», затем сторожевого корабля «Метель». Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир бригады сторожевых кораблей (Тихоокеанский флот) капитан 3-го ранга М.Г. Беспалов отличился в десантной операции по овладению портом Сейсин (Чхонджин, КНДР), активно поддерживая атаку десанта огнём корабельной артиллерии. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1949 г. окончил Военно-морскую академию. С 1969 г. капитан 1-го ранга М.Г. Беспалов – в запасе. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Имя Героя носит улица в родном селе. Умер 27.11.1973 г.

И.К. Бирченко

БИРЧЕНКО Иван Кузьмич, родился 7.01.1913 г. в с. Карповка ныне Красноламанского района Донецкой области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1940 г. Образование начальное, работал в колхозе. В Красной армии с 1935 г. В 1938 г. окончил курсы младших лейтенантов.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир роты мотострелкового батальона 172-й танковой бригады (2-й Дальневосточный фронт) старший лейтенант И.К. Бирченко, действуя в составе передового отряда 5-го стрелкового корпуса, одним из первых 12.08.1945 г. ворвался в г. Дахэчжэнь (Китай), где в скоротечном бою рота уничтожила до взвода солдат противника, а 20 – взяла в плен. 14 августа она первой вышла к г. Баоцин (Китай) и во взаимодействии с соседями разгромила вражеский гарнизон и овладела городом. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1946 г. окончил Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу. С 1961 г. майор И.К. Бирченко – в запасе. Жил в г. Смела Черниговской области. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 12.01.1961 г.

БИРЮКОВ Борис Васильевич, родился 3.08.1916 г. в с. Щурово, ныне пригород Коломны Московской области, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил школу ФЗУ, аэроклуб, работал строгальщиком на машиностроительном заводе. В Красной армии с 1938 г. В этом же году окончил Борисоглебскую Краснознамённую военно-авиационную школу. Служил на Дальнем Востоке.

Б.В. Бирюков

На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Командир эскадрильи 92-го истребительного авиационного полка (44-я истр. авиац. див., 6-я армия, Юго-Западный фронт), комсомолец, лейтенант Б.В. Бирюков к ноябрю 1941 г. совершил 105 боевых вылетов, из них 40 – на штурм наземных войск противника, 15 – на разведку, 50 – на патрулирование. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.11.1941 г. Награждён орденом Ленина.

24.05.1942 г. погиб в воздушном бою. Его имя носила в годы советской власти пионерская дружина школы № 30, в его честь названа улица в Коломне. В мемориальном парке Коломны установлен бюст Героя, на здании аэроклуба – мемориальная доска.

К.П. Бирюля

БИРЮЛЯ Константин Пименович, родился 18.01.1919 г. в г. Мглин ныне Брянской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Жил в посёлке городского типа Дальнегорск Приморского края. Образование н/среднее, работал в районной газете «Трудовое слово». В ВМФ с 1939 г.

Участвовал в советско-японской войне 1945 г. Командир пулемётного отделения 355-го отдельного батальона морской пехоты (Тихоокеанский флот) сержант К.П. Бирюля отличился в боях за овладение портом Сейсин (Чхонджин, КНДР). В ночь на 15.08.1945 г. в ходе боя оказался в окружении, огнём станкового пулемёта отразил 15 атак противника, уничтожив десятки вражеских солдат и офицеров. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1946 г. демобилизован. Награждён орденом Ленина, медалями. Жил в г. Владивосток.

Умер 3.07.1949 г. Похоронен на Лесном кладбище Владивостока. Место захоронения было утеряно и обнаружено поисковыми отрядами только в 2002 г.

А.С. Благовещенский

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Алексей Сергеевич, родился 18.10.1909 г. в г. Брест-Литовск (Брест) в семье рабочего. Белорус. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончил Курский промышленно-экономический техникум. В Красной армии с 1927 г. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу лётчиков, затем Борисоглебскую военно-авиационную школу лётчиков.

С декабря 1937 г. по август 1938 г. участвовал добровольцем в боях с японскими захватчиками в Китае. Командир эскадрильи капитан А.С. Благовещенский совершил 73 боевых вылета, в 11 воздушных боях сбил лично 7 и в группе – 2 вражеских самолёта. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.11.1938 г. В 1939 г. учился на курсах при Военной академии Генштаба. Участник советско-финляндской войны 1939–40 г.

С начала Великой Отечественной войны генерал-лейтенант авиации А.С. Благовещенский был заместителем командующего ВВС Дальневосточного фронта, с октября 1942 г. – командир истребительного авиационного корпуса резерва ВГК. Корпус под командованием А.С. Благовещенского сражался на

Калининском, Волховском, Западном, Степном, Брянском, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. После войны – на лётно-испытательной работе. С 1960 г. – в запасе. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., Богдана Хмельницкого 2 ст., двумя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, высшим китайским орденом, медалями. Его фамилия помещена на мемориале в Курске и в музее Бреста.

Умер 25.05.1994 г.

В.А. Блохин

БЛОХИН Виктор Алексеевич, родился 1.04.1922 г. в с. Тютненья ныне Кузнецкого р-на Пензенской области в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал в колхозе, затем механиком на нефтенасосной базе в г. Находка. В Красной армии с 1941 г. С этого же года на фронте.

Командир отделения 173-го стрелкового полка (90-я стр. див., 21-я армия, Ленинградский фронт), комсомолец, сержант В.А. Блохин отличился 14.06.1944 г. при прорыве обороны противника в районе г. Выборг Ленинградской области. Исчерпав все возможности для подавления огня пулемёта, он грудью закрыл амбразуру вражеского дзота, чем содействовал выполнению боевой задачи. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.07.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Коскела Ленинградской области. В родном селе установлена мемориальная доска на доме, в котором жил. Памятная плита – на 49-м километре шоссе Ленинград – Выборг.

В.В. Богаткин

БОГАТКИН Владимир Владимирович, родился 29.07.1924 г. в Благовещенске Амурской области в семье командира Красной армии. Русский. Образование среднее. В Красной армии с августа 1941 г. Окончил артиллерийское училище в 1942 г.

В действующей армии с августа 1943 г. Командир 1-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 7-й гвардейской Режицкой стрелковой дивизии 10-й гвардейской армии (2-й Прибалтийский фронт), комсомолец, гвардии капитан В.В. Богаткин в числе первых 2.08.1944 г. ворвался на окраину г. Варакляны (Латвия) и, ведя огонь прямой наводкой, способствовал освобождению города, закреплению захваченного рубежа. 15.08.1944 г. в районе дер. Пургаили (Мадонский район) с открытых огневых позиций дивизион отразил контратаку противника. 17–18 августа отбил 3 контратаки в районе дер. Авотини, уничтожив несколько орудий и пулемётов и до роты вражеских солдат. 29 августа, прикрывая отход подразделения у дер. Индритени, огнём батареи остановил продвижение противника. Погиб в бою 30.08.1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст. Похоронен в Москве.

А.Н. Боголюбов

БОГОЛЮБОВ Александр Николаевич, родился 29.05.1900 г. в г. Чебоксары ныне Чувашской АССР в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. В 1931 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1938 г. – Военную академию Генштаба, где с 1938 г. был преподавателем.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Был начальником оперативного отдела штаба Резервного фронта, затем начальником штаба 43-й армии, позже работал в Генштабе. С марта 1943 г. начальник штаба Северо-Западного, затем 1-го Украинского, 2-го Белорусского фронтов. Участвовал в битве под Москвой, боях по освобождению Правобережной Украины, в Белорусской, Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Берлинской операциях. За умелое управление войсками и проявленное мужество 29.05.1945 г. генерал-полковнику присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны занимал должности начальника цикла, кафедры, зам. начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1951–1953 гг. – помощник главнокомандующего войсками Дальнего Востока, в 1953–1955 гг. – зам. начальника Главного управления боевой и физической подготовки сухопутных войск. С октября 1955 г. – в отставке. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., орденами Кутузова 1 ст., Богдана Хмельницкого 1 ст., иностранными орденами, медалями.

Умер 28.02.1956 г. Похоронен в Москве.

И.П. Болодурин

БОЛОДУРИН Иван Петрович, родился 1.02.1905 г. в с. Старошешминск ныне Нижнекамского района Татарской АССР в семье крестьянина. Русский. Окончил сельскую школу. Работал в леспромхозе Иркутской области. В Красной армии в 1931–1933 гг. и с сентября 1941 г. Служил на Дальнем Востоке. После демобилизации остался жить в Хабаровском крае, 6 лет работал в Хорском леспромхозе.

В действующей армии с сентября 1943 г. Командир пулемётного отделения 234-го гвардейского стрелкового полка (76-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии сержант И.П. Болодурин у с. Мысы (Репкинский р-н Черниговская обл.) с группой бойцов 28.09.1943 г. первым форсировал Днепр. Под огнём на лодке воины переправились на правый берег, ворвались во вражескую траншею, захватили противотанковую пушку и пулемёт. Стойко удерживали позицию, прикрывая переправу подразделения. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалями.

Похоронен в дер. Мысы. Его фамилия помещена на мемориале в Иркутске.

БОНДАРЬ Георгий Герасимович, родился 30.08.1910 г. в с. Громовка, ныне Лучинец Мурованокуриловецкого района Винницкой области, в семье крестьянина. Украинец. Член

Г.Г. Бондарь

ВКП(б) с 1944 г. В 1933 г. окончил Благовещенский строительный техникум. Работал на стройках в Хабаровске. В Красной армии – в 1933–1935 гг. и с 1942 г. В 1943 г. окончил Хабаровское военное пулемётно-миномётное училище и направлен в действующую армию.

Командир миномётного взвода 957-го стрелкового полка (309-я стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) мл. лейтенант Г.Г. Бондарь отличился 25.09.1943 г. на правом берегу Днепра в боях за с. Балько-Щучинка (Кагарлыкский район Киевская обл.). Его взвод отбил три контратаки противника, уничтожил много гитлеровцев. Дважды поднимал бойцов в атаку, был ранен, но поля боя не покинул. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.10.1943 г. Награждён орденами Ленина, Александра Невского, медалями.

Погиб в бою 3.04.1945 г. Похоронен в г. Болеславец (ПНР). Его имя в Хабаровске носят школа и улица, на одном из домов которой установлена мемориальная доска.

С.Г. Борисенко

БОРИСЕНКО Степан Григорьевич, родился 15(28).12.1910 г. в с. Монастырище ныне Черниговского района Приморского края в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование н/среднее. Работал в г. Владивосток. В Красной армии с июля 1941 г.

С марта 1942 г. на фронте. Командир орудия 655-го артиллерийского Кобринского Краснознамённого ордена Суворова полка (212-я стр. див., 61-я армия, 1-й Белорусский фронт) сержант С.Г. Борисенко 9.02.1945 г. в бою уничтожил 3 огневые точки и около взвода гитлеровцев. Был ранен, но не покинул поля боя. 15.02.1945 г. у г. Арнсвальде (Хощно, Польша), когда батарея попала в окружение, прямой наводкой подбил 2 танка. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

В г. Владивосток на территории трамвайно-троллейбусного парка Герою установлен памятник. Его именем названа улица города.

Вас. Ал-др. Борисов

БОРИСОВ Василий Александрович, родился 12.04.1913 г. в с. Гора-Пневицы ныне Калязинского района Калининской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. С 1925 г. жил в г. Богородск (ныне Ногинск) Московской области, где окончил 7 классов. Работал арматурщиком в управлении «Стальстрой» и на строительстве Ярославского резинового комбината. Окончил в 1933 г. Саратовский авиационный техникум, в 1935 г. – Тамбовскую авиационную школу Гражданского воздушного флота. Служил в Дальневосточном управлении гражданской авиации. С июля 1941 г. – командир эскадрильи специальной группы Аэрофлота по перегонке самолётов на фронт. В Красной армии с января 1942 г.

Командуя звеном 750-го авиационного полка (17-я авиац. див. авиации дальнего действия), майор В.А. Борисов к июлю

1942 г. совершил 80 боевых вылетов на бомбардировку важных стратегических объектов в тылу противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.12.1942 г.

С 1946 г. подполковник В.А. Борисов – в запасе. Работал в МВД. С 1952 г. – начальник Управления воздушного транспорта Дальстроя, с 1955 г. – командир Магаданского авиапредприятия, с 1959 г. – начальник международного аэропорта Шереметьево, с 1961 г. – в Полярном управлении Аэрофлота. Участник экспедиций на Северный, а в 1966–1967 гг. – на Южный полюсы. Заслуженный пилот СССР. Жил в г. Лобня Московской области Почётный гражданин города. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, медалями.

Умер 20.04.1993 г.

В.И. Бояршинов

БОЯРШИНОВ Василий Иванович, родился 7.03.1915 г. в с. Сыростан ныне Миасского горсовета Челябинской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование н/среднее. Работал на кирпичном заводе, на строительстве железной дороги в Приморском крае. В Красной армии с мая 1942 г.

В действующей армии с августа 1942 г. Отделение связи 627-го артиллерийского полка (180-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт), которым командовал кандидат в члены ВКП(б), младший сержант В.И. Бояршинов, в ночь на 2.10.1943 г. под сильным огнём противника проложило через Днепр севернее Киева две кабельные линии связи, что позволило корректировать артиллерийский огонь. Рискуя жизнью, В.И. Бояршинов устранял повреждения на линии. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

После войны старшина В.И. Бояршинов демобилизован, вернулся на родину, работал на Златоустовском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 15.03.1990 г.

Ф.Ф. Бруй

БРУЙ Фёдор Филиппович, родился 19.09.1907 г. в дер. Ивановские Огородники ныне Слуцкого района Минской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1937 г. Окончил 7 классов. Работал рабочим Слуцкого районного дорожного отдела. В Красной армии с 1929 г. В 1931 г. окончил военно-хозяйственную учебную команду при Смоленском военно-продовольственном складе, в 1942 г. – курсы «Выстрел». В строенное десятилетие командовал взводом и ротой в стрелковых войсках, участвовавших в сооружении важных народнохозяйственных объектов Хабаровска, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре.

В действующей армии с марта 1942 г. Батальон 520-го стрелкового полка (167-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт), которым командовал майор Ф.Ф. Бруй, 16.09.1943 г. участвовал

в освобождении г. Ромны (Сумская область), 26–28 сентября на подступах к Киеву форсировал Днепр, захватил плацдарм и отразил 10 контратак противника в районе с. Вышгород (ныне город). Был дважды ранен, но продолжал управлять боем. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.10.1943 г.

После войны продолжал служить в армии. С 1955 г. подполковник Ф.Ф. Бруй – в отставке. Работал инженером по снабжению Винницкого молочного завода. Почётный гражданин г. Слуцк. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 17.01.1982 г.

В.М. Брынь

БРЫНЬ Василий Мартынович, родился 12.01.1910 г. в с. Николаевка ныне Тамбовского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. В 1941 г. окончил сельскохозяйственный техникум. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии с июля 1941 г.

На фронте с июля 1942 г. Сапёр 89-го гвардейского отдельного сапёрного батальона (78-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии ефрейтор В.М. Брынь при форсировании Днепра в ночь на 25.09.1943 г. в районе с. Домоткань (Верхнеднепровский район Днепропетровской обл.) после 50-километрового марша сделал 12 рейсов на десантной лодке, переправив 70 бойцов, и на пароме из двух десантных лодок – 3 пушки с боеприпасами. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

В ноябре 1945 г. старшина В.М. Брынь демобилизован. Жил в г. Новороссийск Краснодарского края, работал экспедитором Курортторга. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 16.04.1983 г.

П.К. Брякин

БРЯКИН Павел Константинович, родился в 1922 г. в с. Большой Барандат ныне Тисульского района Кемеровской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. С 1931 г. с семьёй жил в посёлке городского типа Шимановск (ныне город) в Амурской области. Образование начальное. Работал токарем в железнодорожном депо. В Красной армии с февраля 1942 г.

На фронте с августа 1942 г. Наводчик орудия 202-го гвардейского стрелкового полка (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) гвардии ефрейтор П.К. Брякин 28.09.1943 г. у с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район Киевская обл.) во время контратаки фашистов уничтожил 2 станковых пулемёта. 2 октября гитлеровцы вновь пошли в контратаку силой до батальона при поддержке 14 бронемашин. Во время боя расчёт вышел из строя, было повреждено орудие. Однако П.К. Брякин проявил хладнокровие и мужество, исправил повреждение и продолжал отражать контратаки противника, уничтожив при этом десятки гитлеровцев и средний танк. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

В 1946 г. гвардии старшина П.К. Брякин демобилизован. Жил в Челябинске, работал рентгенологом по металлу на заводе им. Орджоникидзе, а затем слесарем и токарем на трубопрокатном заводе. Награждён орденом Ленина, медалями. Умер 15.08.1960 г.

И.Р. Бумагин

БУМАГИН Иосиф Романович, родился 17.10.1907 г. в г. Витебск в семье рабочего. Еврей. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил 7 классов. Служил в Красной армии в 1929–1933 гг. и с мая 1941 г. В 1937 г. переехал в г. Биробиджан Еврейской автономной области Хабаровского края. Работал мастером и парторгом кузнечного цеха завода «Дальсельмаш». Окончил военное пехотное училище в г. Владивосток.

В действующей армии с апреля 1945 г. Командир пулемётного взвода 396-го стрелкового полка (135-я стр. див., 6-я армия, 1-й Украинский фронт) лейтенант И.Р. Бумагин 24.04.1945 г. в уличном бою за г. Бреслау (Вроцлав, ПНР) под огнём противника выдвинул пулемёт вперёд и уничтожил несколько гитлеровцев. Продвижению наших подразделений мешал огонь двух станковых пулемётов, искусно скрытых в разрушенном доме. Подобравшись к дому, гранатами уничтожил один пулемёт, амбразуру другого закрыл своим телом. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью.

Похоронен в г. Вроцлав. Мемориальная доска на здании цеха завода «Дальсельмаш», улицы в г. Биробиджан и Витебск носят его имя.

Т.П. Бумажков

БУМАЖКОВ Тихон Пименович, родился 17.06.1910 г. в пос. Свягино ныне Спасского района Приморского края в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1930 г. С 1921 г. жил в Могилёвской области. Окончил Минский химико-технологический техникум. В 1933–1935 г. служил в Красной армии. С 1935 г. – на административно-хозяйственной, советской и партийной работе в Могилёвской и Гомельской областях, 1-й секретарь Октябрьского райкома партии (Полесская обл.).

С июня 1941 г. командир партизанского отряда «Красный Октябрь», затем его комиссар. Под руководством Т.П. Бумажкова во взаимодействии с частями Красной армии проведено несколько диверсий на железной дороге, взорваны мосты, разгромлены штабы и гарнизоны, находившиеся в ряде сёл и деревень Полесья. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.08.1941 г. Награждён орденом Ленина.

Во 2-й половине августа 1941 г. ст. батальонный комиссар Т.П. Бумажков направлен в действующую армию начальником политотдела кавалерийской группы (Юго-Западный фронт). Погиб в ноябре 1941 г. у с. Оржица (ныне посёлок городского типа Полтавской обл.) при выходе из окружения. Памятник установлен в посёлке городского типа Октябрьский Гомельской области. Его имя носят колхоз в Октябрьском районе, улицы в Минске и в посёлке городского типа Октябрьский,

речной буксир, кинотеатр, железнодорожная станция и музей 93-й школы Минска.

М.И. Буркин

БУРКИН Михаил Иванович, родился 10.02.1912 г. в Москве в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончил 3 курса рабфака, аэроклуб. В ВМФ с 1935 г. В 1936 г. окончил Ейскую школу морских лётчиков.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г., советско-японской – с августа 1945 г. Командир 52-го минно-торпедного авиационного полка (2-я минно-торпедная авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) подполковник М.И. Буркин с 9 по 22.08.1945 г. произвёл 138 боевых вылетов, уничтожил 2 транспорта, разрушил завод и портовые сооружения в корейских городах Сейсин (Чхонджин) и Расин (Наджин), вывел из строя железнодорожный мост. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1949 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1958 г. генерал-майор авиации М.И. Буркин – в запасе. Жил в Куйбышеве. Почётный гражданин города. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 10.01.2001 г.

Д.И. Буштрук

БУШТРУК Даниил Иванович, родился в 1909 г. в с. Воздвиженка ныне Уссурийского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. Образование 9 классов. Работал в кустарных мастерских в г. Уссурийск. В 1930 г. по комсомольской путёвке направлен во Владивосток, окончил военное пехотное училище.

В действующей армии с августа 1942 г. 200-й гвардейский стрелковый полк (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт), которым командовал гвардии подполковник Д.И. Буштрук, в ночь на 25.09.1943 г. форсировал Днепр в районе с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район Киевская обл.) и захватил плацдарм. За пять дней боевых действий уничтожил сотни солдат и офицеров противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.10.1943 г.

После войны полковник Д.И. Буштрук – в запасе. Жил и работал в г. Благовещенск Амурской области, в г. Куйбышев. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 19.09.1958 г.

БУЮКЛЫ Антон Ефимович, родился в 1915 г. в с. Александровка ныне Акимовского района Запорожской области в семье крестьянина. Болгарин. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал в колхозе в родном селе. В 1936–1939 гг. проходил срочную службу в Пограничных войсках НКВД СССР. Вторично призван в Красную армию в июле 1941 г.

А.Е. Буюклы

В годы Великой Отечественной войны служил на Дальнем Востоке. Участник советско-японской войны 1945 г. Командир пулемётного расчёта 165-го стрелкового полка (79-я стр. див., 16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) старший сержант А.Е. Буюклы 14.08.1945 г. в бою за Котонский (Харамитогский) укрепленный район у железнодорожной станции станицы Котон (пос. Победино Смирныховского района Сахалинской обл.) в критический момент боя грудью закрыл амбразуру дзота и ценой своей жизни обеспечил подразделению выполнение боевой задачи. 6.05.1965 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в пос. Леонидово Поронайского района Сахалинской области. Памятник установлен в с. Владимировка Акимовского района Запорожской области. Лесопромышленный комбинат, совхоз, посёлок, железнодорожная станция и теплоход ММФ носят его имя.

М.И. Важенин

ВАЖЕНИН Михаил Иванович, родился 19.09.1917 г. в дер. Камчатка ныне Шадринского района Курганской области в семье крестьянина. Русский. Окончив 3 класса, работал в колхозе, с 1939 г. – трактористом Батуриной МТС. В Красной армии с сентября 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Наводчик станкового пулемёта 4-го гвардейского воздушно-десантного полка (2-я гв. возд.-дес. див., 60-я армия, Воронежский фронт) гвардии рядовой М.И. Важенин отличился в бою 6.10.1943 г. у с. Губин (Чернобыльский р-н Киевская обл.): подпустив гитлеровцев на близкое расстояние, вёл меткий и точный огонь. В результате атака врага захлебнулась, что дало батальону возможность овладеть селом. 8 октября в бою за с. Медвин был тяжело ранен, но остался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

После войны демобилизован, вернулся на родину. Работал в колхозе, в 1969–1977 гг. – в Камчатском отделении совхоза «Батуринский». Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 14.07.1981 г.

С.Е. Валентеев

ВАЛЕНТЕЕВ Степан Елисеевич, родился 10.12.1911 г. в с. Бородинка ныне Варненского района Челябинской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Учился в педагогическом техникуме в г. Николаев. В Красной армии в 1936–1938 гг. и с июля 1941 г. Участвовал в боях у оз. Хасан в 1938 г. Жил в г. Зима Иркутской области, работал на лесозаводе.

На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941 г. Стрелок 363-го стрелкового полка (114-я стр. див., 7-я армия, Карельский фронт), кандидат в члены ВКП(б), ефрейтор С.Е. Валентеев отличился 21.06.1944 г. при форсировании р. Свирь в районе г. Лодейное Поле (Ленинградская обл.) в составе группы захвата. Одним из первых достигнув берега, забросал гранатами вражеский дзот. Увлекая за собой товарищей, преодолел минное поле, проволочное

заграждение. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.07.1944 г.

В 1944 г. окончил курсы младших лейтенантов. С 1946 г. младший лейтенант С.Е. Валентеев – в запасе. Жил и работал в г. Холмск Сахалинской обл., был матросом базы производственно-транспортного флота. Награждён орденом Ленина, орденом Славы 3 ст., медалями.

Умер 01.05.1978 г.

А.Д. Васильчук

ВАСИЛЬЧУК Александр Дмитриевич, родился 15.07.1923 г. в г. Дмитриевск, ныне г. Макеевка Донецкой области, в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1947 г. Окончил 9 классов и аэроклуб. В Красной армии с 1940 г. Окончил военную авиационную школу в 1944 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1944 г. Лётчик 75-го гвардейского штурмового авиационного полка (1-я гв. штурм. авиац. див., 1-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт) гвардии младший лейтенант А.Д. Васильчук к концу войны совершил 104 успешных боевых вылета. Уничтожил несколько десятков танков и автомашин, 3 самолёта на аэродромах, подавил 16 артиллерийских батарей. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г.

После войны продолжал службу в ВВС. В 1953 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1976 г. полковник А.Д. Васильчук – в запасе. Жил в г. Петропавловск-Камчатский. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 3 ст., медалями.

Умер 16.11.1998 г.

Я.И. Ватомов

ВАТОМОВ Яков Иосифович, родился 20.10.1918 г. в дер. Кибирева ныне Туринского района Свердловской области в семье крестьянина. Русский. Окончил семилетнюю школу. Работал трактористом в Туринской МТС. В Красной армии с 1938 г. Участник боёв на р. Халхин-Гол. Служил на Дальнем Востоке.

С первых дней Великой Отечественной войны на фронте. Командир отдельной роты разведки 212-й воздушно-десантной бригады (37-я армия, Юго-Западный фронт), кандидат в члены КПСС, сержант Я.И. Ватомов при выполнении боевых задач проявил мужество, отвагу, героизм. В одном из боёв, заменив выбывшего из строя командира, успешно руководил взводом. 12.08.1941 г. у хутора Теремки (ныне в черте г. Киев) взвод уничтожил миномётную батарею противника, а в ночь на 14 августа у с. Чабаны (ныне посёлок городского типа) – два пулемётных расчёта и группу автоматчиков. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.11.1941 г. Награждён орденом Ленина. Умер от ран 20.12.1941.

Похоронен в Кисловодске. Именем Героя названа улица в Туринске. На здании Туринского отделения «Сельхозтехника» установлена мемориальная доска.

А.М. Василевский

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Михайлович, родился 30.09.1895 г. в с. Новая Гольчиха ныне Кинешемского района Ивановской области в семье священника. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. В 1915 г. окончил ускоренный курс Алексеевского военного училища. В Первую мировую войну командовал ротой, батальоном, штабс-капитан. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1920–1931 гг. – помощник командира полка, командир полка. С 1931 г. в Управлении боевой подготовки РККА. В 1937 г. окончил Военную академию Генштаба, служил в Генштабе.

Во время Великой Отечественной войны зам. начальника Генштаба – начальник Оперативного управления. С июня 1942 г. начальник Генштаба, а с октября одновременно зам. наркома обороны СССР, являлся членом Ставки ВГК. Внёс большой вклад в развитие советского военного искусства, принимал участие в разработке и осуществлении плана наступательной операции под Сталинградом. По поручению Ставки ВГК координировал действия ряда фронтов. Маршал Советского Союза (1943 г.). С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом. За образцовое выполнение заданий ВГК по руководству операциями фронтов 29.07.1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

С июля 1945 г. Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке. Под его руководством была подготовлена и успешно проведена стратегическая операция по разгрому Квантунской армии. За умелое руководство советскими войсками на Дальнем Востоке во время войны с Японией 8.09.1945 г. награждён второй «Золотой Звездой».

В 1946–1949 гг. начальник Генштаба, 1-й зам. министра ВС СССР. В 1949–1953 гг. министр Вооружённых Сил СССР, а также военный министр СССР, в 1953–1957 гг. – 1-й зам. и зам. министра обороны СССР. С 1959 г. генеральный инспектор группы генеральных инспекторов МО СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1952–1961 гг. Депутат Верховного Совета СССР 2–4-го созывов. Награждён восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами «Победа», двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1 ст., Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., Почётным оружием, иностранными орденами. Умер 5.12.1977 г. Похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. Бронзовый бюст установлен в Кинешме. Его именем названы улицы в Москве, Энгельсе Саратовской области, Краснодоне Ворошиловградской области, площадь в Калининграде.

ВАСИЛЕНКО Михаил Абрамович родился 15.6.1913 г. в с. Винниково Михайловского района Амурской обл. в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил сельскохозяйственный техникум в 1938 г. В Красной армии с 1938 г. Учился в Хабаровском политическом училище.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Окончил Марьинское артиллерийское училище в 1944 г. В боях за рас-

М.А. Василенко

ширение плацдарма под г. Кюстрин (г. Костшин, Польша) взвод 1137-го лёгкого артиллерийского полка (169-я лёгкая арт. бригада, 14-я арт. див., 6-й арт. корпус прорыва, 5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) под командованием мл. лейтенанта М.А. Василенко 27–28.03.1945 г. уничтожил 12 танков противника, две миномётные батареи, 8 огневых точек и десятки гитлеровцев. Отражая вражескую контратаку, заменил выбывших из строя командира орудия и наводчика, лично уничтожил 4 танка и 3 пулемёта. Несмотря на ранение, остался в строю, Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

После войны лейтенант М.А. Василенко – в запасе, жил и работал в Благовещенске. Был директором завода «Амурэлектроприбор». Почётный гражданин Благовещенска. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 28.04.1978 г.

П.Е. Васильев

ВАСИЛЬЕВ Павел Ефимович, родился 14.01.1909 г. в с. Зириклы ныне Бижбулякского района (Башкирия) в семье крестьянина. Чуваш. Член ВКП(б) с 1932 г. В 1931 г. окончил Уфимский педагогический техникум. Работал зав. отделом пропаганды и агитации Белебеевского РК ВЛКСМ, редактором районной газеты. В 1933 г. был секретарём райкома комсомола, с 1937 г. – зав. отделом райкома партии. В Красной армии с 1941 г. Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. и советско-японской войны в 1945 г. В августе 1945 г. зам. командира по политической части 132-го отдельного мотостурмового инженерно-сапёрного батальона (21-я моториз. инж. штурм. бригада, 15-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) капитан П.Е. Васильев при прорыве Фуцинского укрепленного района японцев возглавил штурм самого мощного дота, в котором уничтожил весь гарнизон противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1947 г. капитан П.Е. Васильев – в запасе. Был на партийной и советской работе в Башкирской АССР. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 29.07.1978 г.

Н.Д. Веснин

ВЕСНИН Николай Дмитриевич, родился в декабре 1922 г. в дер. Орловка ныне Константиновского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Работал в колхозе. В Красной армии с 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир отделения 938-го стрелкового полка (306-я див., 43-я армия, 1-й Прибалтийский фронт), комсомолец, сержант Н.Д. Веснин одним из первых 24.06.1944 г. переправился через Западную Двину в районе дер. Шарипино (Бешенковичский район Витебская обл.). На том берегу реки обнаружил спрятанные немцами лодки и под огнём противника переправил

их на свой берег, обеспечив подразделение переправочными средствами. В этот же день, 24.06.1944 г., в жестоком бою на плацдарме погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью.

Похоронен в дер. Санники Бешенковичского района Витебской области.

Г.П. Ветчинкин

ВЕТЧИНКИН Григорий Петрович, родился 25.08.1923 г. в дер. Панфилово Савинского района Ивановской области в семье крестьянина. Русский. Окончил начальную школу. Работал трактористом. В Красной армии с декабря 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1943 г. Наводчик орудия 1330-го истребительного противотанкового артиллерийского полка 3-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады (33-я армия, Западный фронт), комсомолец, ефрейтор Г.П. Ветчинкин 17.11.1943 г. при отражении контратаки противника у дер. Козяны (Дубровенский район Витебская обл.), оставшись один, огнём прямой наводкой уничтожил до роты гитлеровцев и тем самым предотвратил удар по нашим подразделениям с фланга. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.03.1944 г.

После войны ст. сержант Г.П. Ветчинкин демобилизован. Жил в пос. Степное Уссурийского района Приморского края, до 1969 г. работал председателем колхоза. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 13.06.1997 г.

Н.А. Вилков

ВИЛКОВ Николай Александрович, родился 2.12.1918 г. в с. Ильинское ныне Заволжского района Ивановской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил Горьковское речное училище в 1939 г. Работал помощником капитана пароходов Восточно-Сибирского речного пароходства. С декабря 1939 г. – в ВМФ.

Участник советско-японской войны 1945 г. Боцман плавбазы «Север» (Петропавловская военно-морская база, Тихоокеанский флот), комсомолец, старшина 1-й ст. Н.А. Вилков 18.08.1945 г. при освобождении северокурильского острова Шумшу от японских захватчиков, действуя в составе десанта, закрыл собой амбразуру вражеского дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен на о-ве Шумшу. В г. Горький, Петропавловск-Камчатский и Наволоки Ивановской области Герою установлены памятники, а в с. Ильинское и на здании Горьковского речного училища – мемориальные доски. Мыс Пиннэклъ Поант (Башенный) в Авачинской губе переименован в мыс Вилкова. Его именем названы суда Министерства речного флота. Навечно зачислен в списки воинской части.

ВИХАРЕВ (ВИХОРЕВ) Алексей Васильевич, родился 16.10.1912 г. в с. Александровское, ныне в черте г. Андропов Ярославской

А.В. Вихарев

области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Окончил школу ФЗУ, работал на судах речного пароходства. В 1931–1933 гг. служил в ВВС. В 1936 г. окончил объединённую школу пилотов Гражданского воздушного флота, работал пилотом, командиром отряда гражданской авиации. С середины 1930-х гг. летал на трудных дальневосточных трассах. Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с января 1942 г. Командир экипажа 890-го авиационного полка (45-я авиац. див., 8-й авиац. корпус, авиационного полка дальнего действия) майор А.В. Вихарев к сентябрю 1943 г. совершил 203 боевых вылета, в том числе на бомбардировку военно-промышленных объектов в глубоком тылу противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.09.1943 г.

С 1946 г. майор А.В. Вихарев – в запасе, работал в Гражданском воздушном флоте. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 21.07.1952 г., похоронен в Москве. Его имя носит грузовой теплоход.

Н.К. Виноградов

ВИНОГРАДОВ Николай Константинович, родился 19.12.1914 г. в дер. Фокино ныне Гагаринского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. В 1929 г. окончил школу ФЗУ в Москве. Работал в Метрострое, затем в г. Спасск-Дальний Приморского края. В Красной армии с 1938 г.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1943 г. Командир противотанкового орудия 241-го гвардейского стрелкового полка (75-я гв. стр. див., 60-я армия, Центральный фронт) гвардии ст. сержант Н.К. Виноградов отличился при форсировании Днепра севернее Киева в р-не с. Глебовка (Вышгородский р-н). 24.09.1943 г. в числе первых переправил орудие через реку и метким огнём подавил вражескую пушку и 3 пулемёта противника. Успешно отражая контратаки, за два дня уничтожил десятки гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

С 1946 г. служил в органах МВД СССР. Жил в Омске. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденами Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 25.11.1991 г.

Мих. Ер. Волков

ВОЛКОВ Михаил Ермолаевич, родился 5.12.1913 г. в г. Сызрань ныне Куйбышевской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил н/среднюю школу, работал в посёлке городского типа Дейнау Чарджоуской области Туркменской ССР. В Красной армии в 1935–1938 гг. и с 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир взвода 665-го отдельного сапёрного батальона (385-я стр. див., 50-я армия, 2-й Белорусский фронт) ст. лейтенант М.Е. Волков 27.06.1944 г. одним из первых форсировал Днепр у дер. Дашковка (Могилёвский район Могилёвская обл.). Взвод вместе

с пехотинцами ворвался в траншею врага, участвовал в отражении контратак на плацдарме. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1945 капитан М.Е. Волков – в запасе. Жил в пос. Мангидай Александровск-Сахалинского района, работал директором лесопильно-бондарного завода на Сахалине. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 29.07.1957 г.

И.Т. Волынкин

ВОЛЫНКИН Илья Тихонович, родился в 20.07.1908 г. в дер. Упертовка ныне Богородицкого района Тульской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил сельхозтехникум. В ВМФ с 1934 г. В 1939 г. окончил Ейское военноморское авиационное училище. Служил в ВВС Тихоокеанского флота.

На фронте с конца 1943 г. Зам. командира эскадрильи 36-го минно-торпедного авиационного полка (5-я минно-торпедная дивизия ВВС Северного флота) капитан И.Т. Волынкин к концу войны совершил 68 боевых вылетов, уничтожил 2 транспорта, тральщик и баржу противника, участвовал в потоплении 5 транспортов, 4 сторожевых кораблей, тральщика, сторожевого катера и сухогрузной баржи. 5.11.1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1950 г. окончил Высшие лётно-тактические курсы авиации ВМФ, служил лётчиком-испытателем. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Подполковник И.Т. Волынкин 30.06.1956 г. погиб. Бюст установлен в музее авиации Северного флота.

С.И. Воробьев

ВОРОБЬЁВ Степан Иванович, родился 5.09.1911 г. в дер. Высокое ныне Шацкого района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. После окончания сельской школы работал на стройках Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. В Красной армии в 1933–1935 гг. и с августа 1941 г.

В действующей армии с 1943 г. Командир отделения 281-го штурмового инженерно-сапёрного батальона (19-я штурм. инж.-сап. бригада, 13-я армия, 1-й Украинский фронт) ст. сержант С.И. Воробьев проделал десятки проходов в минных полях, обезвредил более 300 мин. Особенно отличился 26.01.1945 г. при постройке моста в ходе форсирования р. Одер в районе г. Штейнау (Сьцинава, ПНР). Командовал взводом, заменив раненого командира. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны работал в Дальневосточном морском пароходстве. Жил во Владивостоке. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями. Умер в 1994 г., похоронен на Лесном кладбище.

Н.Т. Воробьев

ВОРОБЬЁВ Николай Тимофеевич, родился в 1924 г. в с. Кормовое Ремонтненского района Ростовской области в семье крестьянина. Русский. После окончания 7 классов в 1936 г. поступил учиться в педагогическое училище, которое окончил в 1939 г. По командировке Народного комиссариата просвещения приехал в Хабаровск, работал учителем начальных классов средней школы. В 1942 г. призван в Красную армию в Комсомольске-на-Амуре. После окончания 8-месячных курсов направлен в Хабаровское бронетанковое училище.

В действующей армии с апреля 1943 г. Командир отделения связи 492-го отдельного батальона связи (37-й стр. корпус, 46-я армия, 2-й Украинский фронт), комсомолец, мл. сержант Н.Т. Воробьев в ночь на 5.12.1944 г. под сильным артиллерийским и пулемётным огнём противника в числе первых на лодке проложил кабель через Дунай, обеспечил связь частям, форсирующим реку в районе населённого пункта Эрчи (25 км южнее Будапешта). С тремя бойцами, выйдя в тыл противника, уничтожил пулемёт. Оставшись на плацдарме, обеспечил бесперебойную связь командования с переправившимися стрелковыми подразделениями. В бою 14.02.1945 г. погиб. 24.03.1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Похоронен на Центральном кладбище советских воинов в Будапеште (Венгрия). Обелиск установлен в с. Воробьевка Приютненского района Калмыкской АССР. Имя Героя присвоено улице в с. Приютное и школе – в с. Воробьевка.

И.Ф. Воронин

ВОРОНИН Иван Фёдорович, родился 15.06.1916 г. в дер. Мухино ныне Задонского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 8 классов. В ВМФ с 1935 г. В 1938 г. окончил Ейское военно-морское авиационное училище.

Участник советско-японской войны 1945 г. Авиационная эскадрилья 37-го штурмового авиационного полка (12-я штурмовая, авиационная дивизия, ВВС Тихоокеанского флота), которой командовал капитан И.Ф. Воронин, наносила удары по японским кораблям и портам Расин (Наджин) и Юки (Унги) в Корее. Были потоплены танкер и эсминец, уничтожены три зенитные батареи, разбиты два эшелона с войсками и техникой врага. 14.09.1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1955 г. окончил Военно-морскую академию. С 1962 г. полковник И.Ф. Воронин – в запасе. Жил в г. Херсон. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 26.06.1997 г.

ВОРОНИН Иван Павлович, родился 15.05.1910 г. в с. Сосновка ныне Атбасарского р-на Целиноградской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Образование начальное. В Красной армии с 1932 г. После окончания действительного

И.П. Воронин

срока службы на Дальнем Востоке проживал на ст. Океанская, работал десятником на строительстве.

В действующей армии с сентября 1942 г. Командир мотострелкового батальона 37-й механизированной бригады (1-й мех. корпус, 2-я гв. танк. армия, 1-й Белорусский фронт) капитан И.П. Воронин 18.04.1945 г. с ротой и пятью танками переправился через р. Штобберов (восточнее Берлина) и захватил плацдарм. 24 апреля батальон одним из первых ворвался в Берлин и занял 8 кварталов; 28 апреля форсировал р. Шпрее и овладел новым плацдармом. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

В 1946 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава, в 1952 г. – курсы «Выстрел». С 1959 г. майор И.П. Воронин – в запасе. Жил в г. Житомир. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3 ст., Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 30 июня 1998 г.

М.Г. Воронков

ВОРОНКОВ Максим Георгиевич, родился 01.11.1901 г. в с. Верхние Лучки ныне Арсеньевского района Тульской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1919 г. Образование начальное. Работал на шахтах в Донбассе. В ВМФ с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил учебно-минный отряд Балтийского флота, курсы политсостава. С 1924 г. комиссар радиостанции Морских сил Дальнего Востока. В 1929 г. окончил параллельные классы при Военно-морском училище им. М.В. Фрунзе.

Участник советско-японской войны 1945 г. 2-я бригада речных кораблей (Амурская воен. флотилия), которой командовал капитан 1-го ранга М.Г. Воронков, переправила через р. Амур свыше 86 тыс. десантников, много танков и орудий, свыше 20 тыс. т боезапаса, горючего, разных грузов и военной техники. Бригада вела бои по овладению населёнными пунктами на правом берегу р. Амур. 14.09.1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны служил в ВМФ. С 1955 г. – в запасе. Жил и работал в Киеве. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 9.05.1976 г.

ВОРОПАЕВ Григорий Яковлевич, родился в 1913 г. в г. Владивосток в семье рабочего. Русский. Член КПСС. Образование н/среднее. В Красной армии с сентября 1943 г.

В действующей армии с 1943 г. Командир отделения 1140-го стрелкового полка (340-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант Г.Я. Воропаев с отделением 30.09.1943 г. первым переправился через Днепр севернее Киева. 1 октября отразил ряд ожесточённых контратак, удержав важный плацдарм для переправы подразделений полка. Погиб в бою 5.10.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

А.А. Воскресенский

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Александр Андреевич, родился 23.11.1921 г. в Москве в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1963 г. Окончил среднюю школу. В Красной армии с 1940 г. Окончил Хабаровское военное пехотное училище в 1942 г.

В действующей армии с октября 1943 г. Командир мотострелкового взвода 63-й механизированной бригады (7-й мех. корпус, 2-й Украинский фронт) лейтенант А.А. Воскресенский в апреле 1945 г. при освобождении Чехословакии одним из первых ворвался в с. Носислав (южнее г. Брно). Его взвод успешно форсировал р. Свратка, зашёл в тыл противнику и смело атаковал его. В бою за г. Брно заменил раненого командира роты. У дер. Медланки на окраине Брно А.А. Воскресенский был тяжело ранен, но не ушёл с поля боя. 15.05.1946 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны демобилизован, окончил Московский институт цветных металлов и золота. Жил и работал в Москве. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 6.05.2012 г.

Г.Г. Габайдулин

ГАБАЙДУЛИН Геннадий Габайдулович, родился 15.06.1914 г. в дер. Токаево ныне Комсомольского района Чувашской АССР в семье крестьянина. Татарин. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 5 классов. С 1932 г. работал на Балахнинской электростанции, затем на Горьковском автозаводе. В Красной армии в 1936–1939 гг. и с 1941 г.

На фронте Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Командир отделения разведчиков 24-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона (29-я армия, Калининский фронт) гвардии сержант Г.Г. Габайдулин в бою 7.02.1942 г. под г. Ржев проявил мужество и отвагу в борьбе с гитлеровцами. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1942 г. В 1943 г. окончил Арзамасское пулемётное училище, был командиром взвода управления в части гвардейских миномётов на Ленинградском фронте.

С декабря 1945 г. гвардии старший лейтенант Г.Г. Габайдулин – в запасе. Работал на Горьковском автозаводе, затем более 10 лет – машинистом электровоза на руднике в посёлке городского типа Хрустальный Кавалеровского района Приморского края. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 14.05.1981 г. На доме, где родился и жил Герой, установлена мемориальная доска.

А.М. Гагиев

ГАГИЕВ Александр Максимович, родился 16.06.1922 г. в г. Владикавказ, ныне г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР, в семье служащего. Осетин. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил два курса техникума электромеханизации и аэроклуб в Орджоникидзе. В ВМФ с 1939 г. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище. Служил лётчиком в ВВС Тихоокеанского флота.

В боях с мая 1944 г. Командир звена 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка (8-я минно-торпед. авиац. див., ВВС Балтийского флота) гвардии лейтенант

А.М. Гагиев к октябрю 1944 г. совершил 28 боевых вылетов, потопил 4 транспорта и 1 подводную лодку противника. 6.03.1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1953 г. окончил Военно-морскую академию. С 1975 г. полковник А.М. Гагиев – в запасе. Работал ст. инженером в НИИ в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 30.09.1981 г.

М.И. Гаджиев

ГАДЖИЕВ Магомет Имадутинович, родился 20.12.1907 г. в с. Мёгеб ныне Гунибского района Дагестанской АССР в семье крестьянина. Аварец. Член ВКП(б) с 1930 г. В ВМФ с 1925 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Служил минёром и помощником командира на подводных лодках на Черноморском флоте, с 1933 г. – на Дальнем Востоке.

Командовал подводными лодками типа «М» и «Щ». Окончил Военно-морскую академию.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. 1-й дивизион бригады подводных лодок Северного флота под командованием капитана 2-го ранга М.И. Гаджиева осуществил 12 смелых и сложных операций. На личном боевом счету М.И. Гаджиева к июню 1942 г. 10 потопленных транспортов и кораблей врага. 13.07.1942 г. подводная лодка «К-23», на которой в качестве обеспечивающего находился командир дивизиона М.И. Гаджиев, после успешного похода по проводке союзного конвоя на пути в базу подверглась атаке вражеского самолёта и погибла. 23.10.1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, медалями.

Навечно зачислен в списки воинской части, его имя присвоено одному из кораблей и заводу в Махачкале, улицам в г. Мурманск, Полярный, Усть-Каменогорск. В его честь воздвигнут монумент в пос. Гаджиево Мурманской области. Поставлены памятники и бюсты на родине и в г. Махачкала.

А.Н. Гайдаш

ГАЙДАШ Александр Никитович, родился в 1914 г. в Курской области. Член ВКП(б) с 1942 г. По путёвке Центрального комитета ВЛКСМ приехал строить Комсомольск-на-Амуре. Накануне Великой Отечественной войны стал курсантом артиллерийского училища. После его окончания в 1942 г. направлен на фронт.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1942 г. Окончил курсы мл. лейтенантов. Командир огневого взвода 92-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады (17-я арт. див., 7-й арт. корпус прорыва, 27-я армия, Воронежский фронт) мл. лейтенант А.Н. Гайдаш 18.08.1943 г. под г. Ахтырка (Сумская обл.) со взводом, ведя бой в окружении, подбил семь танков, две бронемашины, семь мотоциклов, уничтожил много гитлеровцев и вышел из окружения. Звание Героя Советского Союза присвоено 9.10.1943 г.

После войны окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу. С 1959 г. майор А.Н. Гайдаш – в запасе.

Жил в Москве. До 1979 г. работал начальником участка инкассации. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 17.01.2008 г.

Е.И. Генералов

ГЕНЕРАЛОВ Евгений Иванович, родился 21.08.1919 г. в с. Верхнее Шахлово ныне Серпуховского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Работал заведующим избой-читальней в деревне. С сентября 1939 г. в Красной армии. В 1941 г. окончил Хабаровское пехотное училище.

В действующей армии с ноября 1941 г. Зам. командира батальона 32-го гвардейского стрелкового полка (12-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт) гвардии капитан Е.И. Генералов в ночь на 29.09.1943 г. во главе передового отряда форсировал Днепр в районе дер. Глушец (Лоевский район Гомельская обл.). В бою за плацдарм отряд отразил несколько контратак, чем содействовал переправе остальных подразделений полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

После войны продолжал служить в армии. С июня 1959 г. майор Е.И. Генералов – в запасе. Жил в г. Воронеж, работал контролёром ОТК на Производственном объединении «Автогенмаш». Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 01.07.1997 г.

А.М. Герман

ГЕРМАН Александр Миронович, родился 29.06.1908 г. в с. Новомарковка ныне Ерментауского района Целиноградской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Работал бухгалтером на руднике в Ерментауском районе Целиноградской области. С 26.06.1941 г. в Красной армии.

На фронте с августа 1941 г. Командир взвода 121-го кавалерийского полка (32-я кав. Смоленская див., 3-й гв. кав. Гродненский корпус, 3-й Белорусский фронт) лейтенант А.М. Герман 28.06.1944 г. при освобождении Борисовского района Минской области во главе группы бойцов переправился через р. Березина в районе дер. Веселово, разведкал систему обороны противника и место для переправы полка. 29 июня его взвод захватил дер. Антосины на другом берегу реки и огнём обеспечил переправу эскадрона. В бою уничтожил 4 пулемёта, 2 миномёта, 3 танка, около 80 автомашин и несколько десятков гитлеровцев. В бою был ранен, но продолжал командовать взводом до подхода эскадрона. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

В 1946 г. уволен в запас. Работал секретарём парторганизации Тургайстроя. Жил в пос. Тетюхе (ныне город Дальнегорск)

Приморского края. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Умер 02.01.1959 г.

И.И. Гетман

ГЕТМАН Иван Иванович, родился 23.05.1913 г. в г. Нежин, ныне Черниговская область Украины, в семье рабочего. Украинец. Окончил 10 классов. С 1936 г. работал матросом на различных пароходах на Дальнем Востоке.

Участник 812-дневного дрейфа ледокольного парохода «Г. Седов» во льдах Северного Ледовитого океана, кочегар. В составе экспедиции перенёс все трудности и испытания. Проявил мужество и стойкость, старание и настойчивость в работе. 03.02.1940 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина, значком «Почётный полярник».

В действующей армии с 1942 г. 27.01.1943 г. пропал без вести. В г. Нежин установлены мемориальные доски на ул. Гоголя и на здании средней школы.

Н.И. Глотов

ГЛОТОВ Николай Иванович, родился 19.12.1919 г. в с. Алексеевка ныне Куйбышевской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1951 г. Окончил 7 классов. Работал на заводе «Дальэнергомаш» в Хабаровске. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил Черногорскую военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир звена 129-го гвардейского истребительного авиационного полка (22-я гв. истр. авиац. див., 6-й гв. истр. авиац. корпус, 2-я возд. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии младший лейтенант Н.И. Глотов за войну совершил 203 боевых вылета, в том числе 75 – на разведку. В 33 воздушных боях сбил 16 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.07.1945 г.

После войны продолжал службу в ВВС. В 1954 г. окончил Краснознамённую военно-воздушную академию. Командовал полком, был ст. преподавателем военно-авиационного училища. С 1973 г. полковник Н.И. Глотов – в запасе, жил в г. Чернигов. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 15.04.1993 г.

М.Ф. Глушко

ГЛУШКО Михаил Филиппович, родился 29.05.1920 г. в с. Максимовка ныне Кременчугского района Полтавской области в семье крестьянина. Украинец. Окончил 7 классов. Был в Хабаровске рабочим. В Красной армии с 1938 г.

Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 г. В 1942 г. окончил курсы младших лейтенантов. Командир взвода 574-го стрелкового полка (121-я стр. див., 60-я армия, Центральный фронт), кандидат в члены ВКП(б), мл. лейтенант М.Ф. Глушко отличился 8.09.1943 г. в районе с. Смелое (Роменский район Сумская обл.). Его взвод, отражая контратаки

противника, уничтожил десятки солдат и офицеров. Сам командир был ранен, но продолжал управлять взводом. В самый трудный момент боя поднял бойцов в атаку. В этом бою (08.09.1943 г.) погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Похоронен в с. Снежки Бурынского района Сумской обл.

А.Р. Гнечко

ГНЕЧКО Алексей Романович, родился 23.02.1900 г. в с. Червоная Гусаровка ныне Балаклеевского района Харьковской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1924 г. Окончил приходскую школу. Работал шахтёром в г. Красный Луч Ворошиловградской области. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. В 1927 г. окончил пехотную школу, в 1936 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе. Находился на командных и штабных должностях.

Командующий Камчатским оборонительным районом 2-го Дальневосточного фронта генерал-майор А.Р. Гнечко особо отличился в период с 16 по 31 августа 1945 г. Войска под его командованием в неблагоприятных погодных условиях при превосходящих силах японских милитаристов умело осуществили десантную операцию по захвату сильно укрепленных островов северной части Курильской гряды и вынудили противника капитулировать. Звание Героя Советского Союза присвоено 08.09.1945 г.

В 1951 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. С 1959 г. генерал-лейтенант А.Р. Гнечко – в отставке. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 07.04.1980 г.

Н.Н. Голубков

ГОЛУБКОВ Николай Николаевич, родился 25.04.1920 г. в дер. Дмитриевка ныне Белебеевского района Башкирской АССР в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. В ВМФ с 1940 г. После учебного отряда служил дальномерщиком, командиром отделения радистов в 67-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе Краснознаменной Амурской военной флотилии.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир отделения комендоров-зенитчиков плавучей зенитной батареи «ПВО-1232» (Амурская военная флотилия) старшина 1 ст. Н.Н. Голубков отличился 09.08.1945 г., когда с батареи был высажен десант в г. Фуюань (Северо-Восточный Китай). Десант встретил ожесточённое сопротивление противника, засевшего в дзотах и зданиях города. Отряд моряков стремительной атакой увлёк пехотинцев. В ходе наступления Н.Н. Голубков первым достиг позиции противника, забросал гранатами дзот и заставил его замолчать. В этом бою погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст.

Похоронен в Хабаровске. Навечно зачислен в списки корабля ВМФ. В Хабаровске установлен обелиск.

П.Е. Гора

ГОРА Пётр Евстафьевич, родился 28.12.1922 г. в дер. Светловка ныне Белогорского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов, работал шофёром МТС. В Красной армии с июля 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Помощник командира взвода 248-й курсантской стрелковой бригады (60-я армия, Центральный фронт) ст. сержант П.Е. Гора в числе первых 24.09.1943 г. с группой бойцов переправился через Днепр в районе с. Толокунь (Вышгородский район Киевская обл.) и захватил траншею противника. Заменив выбывшего из строя командира взвода, отразил несколько контратак врага, в рукопашных схватках лично уничтожил более 10 гитлеровцев. Был ранен, но не покинул поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

В 1945 г. окончил Харьковское военно-политическое училище. После увольнения в запас в 1946 г. работал в органах МВД г. Свердловск. В 1954 г. окончил юридический институт. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 11.05.2002 г.

И.П. Горчаков

ГОРЧАКОВ Иван Павлович, родился 12.06.1922 г. в с. Пыелдино ныне Сысольского района Коми АССР в семье рабочего. Коми. Член ВКП(б) с 1944 г. В Красной армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Дальневосточное артиллерийское училище.

Участник Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Командир батареи 997-го зенитного артиллерийского полка (12-я зен. арт. див., 65-я армия, 1-й Белорусский фронт) ст. лейтенант И.П. Горчаков отличился 4.10.1944 г. в боях за удержание плацдарма на р. Нарев в районе населённого пункта Дзбанице (севернее г. Сероцк, Польша). Батарее пришлось вести стрельбу по наземным целям, когда свыше 30 танков врага совместно с пехотными подразделениями атаковали позицию артиллеристов. Батарея уничтожила 7 тяжёлых танков, много гитлеровцев и удержала плацдарм. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.02.1945 г.

С 1946 г. капитан И.П. Горчаков – в запасе. В 1952 г. окончил Ленинградский государственный университет. Работал в органах КГБ. Подполковник в отставке И.П. Горчаков жил в Ленинграде. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями.

ГОТЛИБ Эмануил Давидович, родился 20.10.1908 г. в г. Кременчуг ныне Полтавской области в семье рабочего. Еврей. Член ВКП(б) с 1931 г. Образование н/среднее. Работал председателем колхоза. В Красной армии с 1930 г. В 1937 г. окончил Хабаровское военно-политическое училище. Участвовал в боях у оз. Хасан в 1938 г.

Э.Д. Готлиб

Участник Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Зам. командира 1336-го стрелкового полка (319-я стр. див., 22-я армия, 2-й Прибалтийский фронт) майор Э.Д. Готлиб 8.07.1944 г., командуя отдельной ротой, выбил противника из дер. Ковали (Россонский район Витебская обл.). Рота отразила 16 контратак врага. 6.08.1944 г. при форсировании р. Одзе (Латвия) спас мост, перерезав уже подождённый шнур фугаса. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

До 1959 г. полковник Э.Д. Готлиб продолжал службу в армии. Жил в Харькове. Работал заместителем директора Украинского НИИ почвоведения и агрохимии. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Суворова 3 ст., Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 6.05.1991 г.

А.И. Гривцов

ГРИВЦОВ Александр Иванович, родился 15.04.1914 г. в с. Лещина Плата, ныне с. Гололобовка Солнцевского района Курской области, в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. С 1932 г. жил в Хабаровске, работал каменщиком, водителем на Тимской автобазе. В Красной армии с 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Шофёр 504-го лёгкого артиллерийского полка (65-я лёгкая арт. бригада, 18-я арт. див., 3-й арт. корпус прорыва, 2-я уд. армия, Ленинградский фронт) рядовой А.И. Гривцов при форсировании р. Нарва в районе дер. Долгая Нива (Сланцевский р-н Ленингр. обл.) 11.02.1944 г. сумел по тонкому льду без потерь переправить материальную часть подразделения на другой берег. Доставляя боеприпасы и продовольствие окружённому врагом дивизиону, погиб 18.02.1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.07.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалями.

Похоронен в пос. Синимяэ Кохтла-Ярвского р-на (Эстония). Имя Героя носят профтехучилище в г. Нарва и улица в Ленинграде, где установлена мемориальная доска.

В.З. Гридин

ГРИДИН Вениамин Захарович, родился 10.12.1918 г. в дер. Соломатово ныне Халтуринского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил гидромеханический техникум в г. Халтурин в 1938 г. Работал землеустроителем. В Красной армии с 1939 г. Окончил Владивостокское военное пехотное училище в 1941 г., курсы «Выстрел» – в 1942 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 г. В ночь на 10.03.1944 г. мотострелковый батальон 4-й гвардейской механизированной бригады (2-й гв. мех. корпус, 28-я армия, 3-й Украинский фронт) под командованием гвардии старшего лейтенанта В.З. Гридина одним из первых в бригаде форсировал Днепр в районе с. Червоный Маяк (Бериславский район Херсонская обл.) и захватил плацдарм на правом берегу реки. Успешно действовали бойцы его батальона и при форсировании р. Ингулец. 13.03.1944 г. в ночном бою батальон выбил

гитлеровцев из укрепленного опорного пункта и захватил значительные трофеи. Звание Героя Советского Союза присвоено В.З. Гридину 03.06.1944 г.

С 1946 г. майор В.З. Гридин – в запасе. Жил в Тамбове, работал экономистом на автопредприятии. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 23.10.1981 г.

ГРИЩЕНКО Николай Данилович, родился в 1920 г. в с. Онор ныне Смирныховского района Сахалинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив 7 классов, работал в совхозе. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с мая 1942 г. 25.09.1943 г. в бою у дер. Заречье (Брагинский район Гомельской обл.) противник, имея численное превосходство, потеснил наши части. Одной из рот полка грозила опасность окружения. В миномётных расчётах кончились боеприпасы. В критический момент командир миномётного расчёта 360-го стрелкового полка (74 я стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) ст. сержант Н.Д. Грищенко приказал своему расчёту огнём автоматов и гранатами отбивать вражеские контратаки. Будучи тяжело ранен, остался в строю. Действия миномётного расчёта дали возможность стрелковому подразделению восстановить положение и удержать захваченный плацдарм. Н.Д. Грищенко погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. посмертно. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. Похоронен в дер. Заречье.

П.Я. Грищенко

ГРИЩЕНКО Павел Яковлевич, родился 9.06.1921 г. в с. Новобратка ныне Михайловского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил н/среднюю школу, работал счетоводом-кассиром. В Красной армии с ноября 1941 г.

В действующей армии с января 1942 г. Расчёт орудия 493-го истребительного противотанкового артиллерийского полка (13-я армия, 1-й Украинский фронт) во главе со ст. сержантом П.Я. Грищенко переправился 29.01.1945 г. через Одер в районе населённого пункта Тарксдорф (южнее г. Съцинава, Польша) и при штурме его уничтожил 3 танка. Когда орудие было разбито, командир организовал оборону и связками гранат подорвал 2 танка и бронетранспортёр. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны старшина П.Я. Грищенко демобилизован. В 1953 г. окончил Всесоюзный юридический институт. С 1969 г. служил в органах Министерства внутренних дел. Полковник милиции. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями. Умер 3.03.1997 г.

ГРОМОВ Иван Петрович, родился 21.11.1913 г. в дер. Верляйское ныне Удомельского района Калининской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив

И.П. Громов

н/среднюю школу, работал бригадиром в колхозе. В Красной армии с 1935 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1939 г., курсы «Выстрел» – в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с 1942 г. Во время советско-японской войны 1945 г. батальон 586-го стрелкового полка (396-я стр. див., 2-я Краснознамённая армия, 2-й Дальневосточный фронт) под командованием капитана И.П. Громова одним из первых 12.08.1945 г. вышел к узлам сопротивления главной оборонительной полосы противника – Сунью и Ганьчацзы (Китай). Командир умело организовал боевые действия, разгромив Ганьчацзыский и Хоэрмоцзиньский узлы сопротивления. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1948 г. окончил Каменец-Подольскую школу офицерского состава МВД, а в 1955 г. – курсы переподготовки при Саратовском военном училище МВД. С 1964 г. подполковник И.П. Громов – в запасе. Жил в Ульяновске. Работал в управлении снабжения и сбыта облисполкома. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 19.04.1993 г.

Г.П. Губанов

ГУБАНОВ Георгий Петрович, родился 31.05.1908 г. в г. Самара (Куйбышев) в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончив 7 классов и школу ФЗУ, работал слесарем. В Военно-морском флоте с 1927 г. Окончил Военно-теоретическую школу лётчиков в Ленинграде в 1928 г., 3-ю военную школу лётчиков и лётчиков-наблюдателей в Оренбурге в 1930 г.

Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г. 13-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья (ВВС Балтийского флота) под командованием майора Г.П. Губанова совершила 1423 боевых вылета, в воздушных боях уничтожила четыре финских самолёта. За умелую организацию боевых действий, личное мужество и отвагу Г.П. Губанову 21.04.1940 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 г. Командовал смешанным авиационным полком, авиационной дивизией, был заместителем командира Военно-воздушных сил Тихоокеанского флота, командовал ВВС Северной Тихоокеанской флотилии, ВВС Северного флота.

В 1949 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1969 г. генерал-майор авиации Г.П. Губанов – в отставке. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ушакова 2 ст., Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями.

Умер 11.08.1973 г. Похоронен в Куйбышеве.

ГУБКИН Георгий Никитович, родился 10.04.1919 г. в с. Семидомка ныне Константиновского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил Благовещенскую среднюю школу. Работал учителем. В Красной армии с 1941 г. Окончил Хабаровское военное училище в 1942 г.

Г.Н. Губкин

Участник Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Батальон 297-го стрелкового полка (184-я стр. див., 5-я армия, 3-й Белорусский фронт) под командованием капитана Г.Н. Губкина 17.08.1944 г. в боях в районе г. Кудиркос-Науместис (Литва) успешно прорвал сильную оборону противника и, преследуя врага, первым в Красной армии вышел к государственной границе с фашистской Германией. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. Участвовал в советско-японской войне 1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1949 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1962 г. полковник Г.Н. Губкин – в запасе. Жил в г. Химки Московской области. Работал старшим инженером в Министерстве машиностроения. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Богдана Хмельницкого 3 ст., Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями. На родине установлен бюст Героя. Почётный гражданин городов Шакай и Кудиркос-Науместис (Литва).

Умер 10.07.2003 г.

К.Д. Гулеватый

ГУЛЕВАТЫЙ Кирилл Дмитриевич, родился 17.03.1912 г. в дер. Верхнекульчум ныне Ермекеевского района (Башкирия) в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил 8 классов, затем ускоренный курс высшей агроколхозной школы. Работал секретарем райкома комсомола в г. Белебей (Башкирская АССР). В Красной армии с 1933 г. Окончил Хабаровское политическое училище в 1936 г., курсы военных комиссаров при Военно-политическом училище в Горьком в 1939 г. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Окончил курсы командиров дивизионов при Высшей офицерской артиллерийской школе в 1943 г. 274-й гвардейский лёгкий артиллерийский полк (198-я легкая арт. бригада, 2-я гв. танк, армия, 1-й Белорусский фронт) под командованием гвардии подполковника К.Д. Гулеватого обеспечил прорыв мотопехотой 2-й и 3-й линий вражеской обороны в боях на Кюстринском плацдарме 14.04.1945 г. 21 апреля полк первым в бригаде открыл огонь по центру Берлина. За неделю боёв артиллеристы полка уничтожили 16 артиллерийских и миномётных батарей, 12 орудий и миномётов, 48 пулемётов, 19 автомашин. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

В 1946 г. окончил курсы командиров полков в Ленинграде, в 1952 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1959 г. подполковник К.Д. Гулеватый – в запасе. Жил в Одессе. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 18.10.1996 г.

ГУЛЯЕВ Дмитрий Илларионович, родился 30.12.1910 г. в с. Конь-Колодезь ныне Хлевенского района Липецкой об-

Д.И. Гуляев

ласти в семье рабочего. Русский. Окончив начальную школу, работал электриком в Воронеже. С 1932–1935 гг. проходил военную службу в РККА в Приморье, после окончания которой остался жить и работать на станции Золотая Долина. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1938 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1942 г. Батальон 22-й гвардейской мотострелковой бригады (6-й гв. танк, корпус, 3-я гв. танк. армия, Воронежский фронт) под командованием гвардии капитана Д.И. Гуляева 23.09.1943 г. переправился на правый берег Днепра, захватил и удерживал плацдарм до подхода остальных частей бригады. Быстро продвигаясь, очистил от противника с. Григоровка (Каневский р-н Черкасская обл.) и овладел высотой. В течение трёх суток отбил 19 контратак врага и удерживал высоту. В бою 29.09.1943 г. погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалью. Похоронен в с. Григоровка.

Н.П. Гусев

ГУСЕВ Николай Прохорович, родился в 1919 г. в дер. Новинцы ныне Переславского района Ярославской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 5 классов. Работал наборщиком в типографии. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Радиотелеграфист взвода управления 107-го миномётного полка (3-я миномёт. бригада, 7-я арт. див. прорыва, 46-я армия, 2-й Украинский фронт) рядовой Н.П. Гусев отличился в ночном бою 5.12.1944 г. в районе железнодорожной станции г. Эрчи (Венгрия). Одним из первых под огнём противника переправился с радиостанцией через Дунай. Находясь непосредственно в боевых порядках стрелковых подразделений вместе с командиром батареи, корректировал по радио огонь миномётов. Во время одной из контратак противника разрывом вражеского снаряда была повреждена и засыпана землей радиостанция. Быстро устранив неисправность, продолжал передавать команды командира, чем способствовал успешному ведению боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны до 1966 г. старшина Н.П. Гусев продолжал сверхсрочную службу в армии. После увольнения жил в Хабаровске. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 23.05.1978 г.

И.А. Данильченко

ДАНИЛЬЧЕНКО Иван Андреевич, родился 22.09.1914 г. в с. Рудой Байрак ныне Валковского района Харьковской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. По окончании в 1934 г. Кировоградского автомобильного техникума – автотехник Константиновской МТС Амурской области. В Красной армии с 1936 г. Окончил Энгельсское военно-авиационное училище в 1940 г.

С началом Великой Отечественной войны в действующей армии. Штурман 237-го штурмового авиационного полка (305-я штурм, авиац. див., 9-й смешан, авиац. корпус, 17-я Возд. армия,

3-й Украинский фронт) капитан И.А. Данильченко к 8 марта 1944 г. произвёл 157 боевых вылетов на штурмовку укреплений, живой силы и техники противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.07.1944 г.

В 1949 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1969 г. полковник И.А. Данильченко – в запасе. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 28.10.1981 г. Похоронен в Москве.

Ник. Арх. Дёмин

ДЁМИН Николай Архипович, родился 19.12.1918 г. в г. Чита в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Образование начальное, работал помощником мастера, заместителем руководителя промартеля «Север» в г. Киров (обл.). В Красной армии с 1939 г. Окончил полковую школу. Служил на Дальнем Востоке.

Участник советско-японской войны 1945 г. Помощник командира взвода пешей разведки 8-го стрелкового полка (3-я стр. див., 2-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) старшина Н.А. Дёмин в августе 1945 г. одним из первых в составе разведывательного взвода преодолел Амур. Внезапным ударом его группа захватила посёлок с погранпостом Гаотань (северовосточнее г. Сунью, Китай) и взяла в плен 20 солдат. Затем было взорвано 2 дота противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в посёлке городского типа Поярково Михайловского района Амурской области. Работал машинистом компрессорной установки. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 25.07.1998 г.

Н.Т. Дёмин

ДЁМИН Николай Тарасович, родился 6.12.1922 г. в пос. Вольный ныне Ельниковского района Мордовской АССР в семье крестьянина. Мордвин. Член ВКП(б) с 1948 г. Образование н/среднее. Работал секретарём райсуда. В Красной армии с 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1942 г. Стрелок 303-го стрелкового полка (69-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт), комсомолец, рядовой Н.Т. Дёмин в районе посёлка городского типа Радуль (Репкинский район Черниговская обл.) под сильным огнём противника 16.10.1943 г. в числе первых переправился на правый берег Днепра. Подразделение, в котором он находился, броском заняло 3 траншеи противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

С 1946 г. мл. лейтенант Н.Т. Дёмин – в запасе. Работал в г. Южно-Сахалинск в военизированной охране. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 7.03.1968 г. Похоронен в пос. Вольный.

С.П. Денисенко

ДЕНИСЕНКО Сергей Петрович, родился 14.01.1921 г. в с. Новоселица ныне Сумского района Сумской области в семье крестьянина. Украинец. Окончил школу № 3 в Сумах. Жил в Уссурийске Приморского края. Окончил строительный техникум. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил Сумское артиллерийское училище. С этого же года на фронте.

Командир взвода 957-го стрелкового полка (309-я стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) лейтенант С.П. Денисенко в ночь на 24.09.1943 г. в числе первых переправился через Днепр. Взвод закрепился на западной окраине с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район Киевская обл.), в течение пяти суток отражал ожесточённые контратаки пехоты и танков противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.10.1943 г.

В 1947 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1953 г. капитан С.П. Денисенко – в запасе. Жил в Уссурийске, работал в милиции. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 1.12.1961 г.

Ф.И. Денисюк

ДЕНИСЮК Фёдор Игнатьевич, родился 10.07.1910 г. в с. Турчинка ныне Володарско-Волынского района Житомирской области в семье крестьянина. Украинец. Образование н/среднее. Работал в колхозе, рабочим на заводе в г. Белогорск Амурской области. В Красной армии с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Стрелок 177-го стрелкового полка (236-я стр. див., 46-я армия, Степной фронт) рядовой Ф.И. Денисюк отличился в боях на плацдарме на Днепре в районе с. Сошиновка (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.). 1.10.1943 г. в критический момент боя решительно возглавил группу бойцов, личным примером увлёк их на разгром врага, отразил 7 контратак противника. Был ранен, но не покинул поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г. В 1944 г. окончил курсы мл. лейтенантов.

С 1945 г. лейтенант Ф.И. Денисюк – в запасе. Жил и работал в г. Виляка Латвийской ССР. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 28.12.1948 г. В г. Виляка установлен обелиск.

Е.А. Дикопольцев

ДИКОПОЛЬЦЕВ Евгений Александрович, родился 23.11.1921 г. в с. Троицкое, ныне посёлок городского типа Нанайского района Хабаровского края, в семье крестьянина. Русский. Окончил школу № 1 в Комсомольске-на-Амуре, учился в Хабаровском педагогическом институте. В Красной армии с апреля 1942 г. После окончания школы младших специалистов был направлен на фронт.

Командир отделения роты связи 235-го гвардейского стрелкового полка (81-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт), комсомолец, гвардии сержант Е.А. Дикопольцев отличился осенью 1943 г. при форсировании Днепра в районе с. Бородаевка

(Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.). В бою 17.10.1943 г. постоянно находился на линии связи. Когда стягивал разорванный кабель, был ранен. Теряя сознание, зажал концы кабеля зубами, чем обеспечил связь. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г. Награждён орденом Ленина, медалями.

К.К. Дитюк

ДИТЮК Корней Корнеевич, родился 9.01.1922 г. в с. Булаховка ныне Павлоградского района Днепропетровской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование среднее. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил Тамбовское военно-пехотное училище и был направлен на фронт.

Командир мотострелкового батальона 5-й мотострелковой бригады (5-й танк, корпус, 2-й Прибалтийский фронт) майор К.К. Дитюк в районе ст. Эргли (Латвийской ССР) вместе с батальоном 21.08.1944 г. был отрезан от своих войск. Находясь 16 суток в тылу врага, вёл бой и разведку, затем сумел выйти из окружения с малыми потерями. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

В 1948 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1954 г. – её военно-исторический факультет. Работал военкомом Хабаровского края, начальником кафедры Высшего зенитно-ракетного инженерного училища. С 1983 г. полковник К.К. Дитюк – в отставке. Жил в Киеве. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР», медалями.

Умер 12.08.1990 г.

Г.Ф. Дмитрюк

ДМИТРЮК Григорий Федосеевич, родился 12.03.1920 г. в г. Владивосток Приморского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 9 классов школы № 28 и аэроклуб во Владивостоке. В Красной армии с 1938 г. В 1940 г. окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 г. Командир эскадрильи 19-го гвардейского истребительного авиационного полка (1-я гв. смешан. авиац. див., 7-я возд. армия, Карельский фронт) гвардии капитан Г.Ф. Дмитрюк к ноябрю 1944 г. совершил 206 боевых вылетов, участвовал в 37 воздушных боях, сбил 18 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 2.11.1944 г.

После войны продолжал службу в ВВС на командных должностях. В 1956 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1969 г. генерал-майор авиации Г.Ф. Дмитрюк – в запасе. Жил в Ленинграде. До 1980 г. работал начальником сектора ВНИИ радиоаппаратуры. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 27.04.1982 г.

П.П. Днепровский

ДНЕПРОВСКИЙ Пётр Павлович, родился в 1921 г. в с. Семиозёрка ныне Ивановского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал мотористом катера Зейской сплавной конторы. В Красной армии с 1941 г. В этом же году направлен в действующую армию.

Командир отделения 62-го гвардейского отдельного сапёрного батальона (3-й гв. мех. корпус, 47-я армия, Воронежский фронт) гвардии сержант П.П. Днепровский отличился в октябре 1943 г. при форсировании Днепра в районе с. Селище (Каневский р-н Черкасская обл.). Днём и ночью под огнём противника выходил в рейс на понтоне со своим расчётом для переправы срочных донесений, грузов, тяжелораненых. Сделал более 300 рейсов, обеспечивая захват и расширение плацдарма на правом берегу Днепра. Погиб 19.10.1943 г. во время очередного рейса. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.04.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

В честь Героя в г. Свободный Амурской области его именем названа улица, на доме установлена мемориальная плита.

В.И. Дончук

ДОНЧУК Василий Иванович, родился 10.12.1910 г. в Киеве в семье рабочего. Воспитывался в детдоме. Украинец. Член ВКП(б) с 1932 г. Образование среднее. С 1931 г. жил в Хабаровске. Окончил аэроклуб и Ейское лётное училище Гражданского воздушного флота. Лётчик гражданской авиации, летал на трассах Дальнего Востока, в Заполярье. В Красной армии с 1937 г. Участвовал в боях на оз. Хасан в 1938 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Командир 108-й отдельной разведывательной авиационной эскадрильи (7-я возд. армия, Карельский фронт) майор В.И. Дончук к октябрю 1944 г. совершил 270 вылетов на дальнюю разведку объектов, скопления живой силы и техники, выброску десантов и бомбардировку аэродромов, железнодорожных станций и промышленных объектов противника. Погиб 21.10.1944 г. при выполнении боевого задания в Северной Норвегии в районе населённого пункта Киркенес. Звание Героя Советского Союза присвоено 2.11.1944 г. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалью.

Именем Героя названы улицы в Киеве, Хабаровске, Воркуте. Его имя присвоено средним школам в Воркуте и Хабаровске. В Ленинграде, Архангельске, Воркуте установлены мемориальные доски.

ДОРОШЕНКО Трофим Тихонович, родился в 1907 г. в Хабаровске в семье рабочего. Русский. Окончил н/среднюю школу. Жил и работал в с. Николаевка, ныне посёлок городского типа Смидовичского района Еврейской автономной области. Служил в Амурской флотилии. Затем работал в народном хозяйстве. В Красную армию вновь призван в 1942 г. Биробиджанским райвоенкоматом.

Т.Т. Дорошенко

В действующей армии с марта 1943 г. Помощник командира взвода 203-го гвардейского стрелкового полка (70-я гв. стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) гвардии сержант Т.Т. Дорошенко в ночь на 21.09.1943 г. на подручных средствах во главе взвода переправился через Днепр в районе с. Теремцы (Чернобыльский район Киевская обл.). Затем, стремительно наступая, под огнём противника переправился через р. Припять, проник в тыл врага. 23.09.1943 г. отбил 2 ожесточённые контратаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в Тамбове. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. Умер 11.02.1970 г.

Н.И. Друздев

ДРУЗДЕВ Николай Игнатьевич, родился 8.05.1918 г. в с. Калинино ныне Гардабанского района (Грузия) в семье крестьянина. Русский. Окончил сельскую школу.

Учился в Тбилисском аэроклубе. В Военно-морском флоте с 1937 г. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище. Служил в ВВС Тихоокеанского флота.

Участник советско-японской войны 1945 г. Лётчики 34-го ближнебомбардировочного авиационного полка (10-я авиац. див. пикирующих бомбардировщиков, ВВС Тихоокеанского флота) под командованием капитана Н.И. Друздева к 30 августа совершили 211 самолётовывлетов, потопили 2 танкера, 3 транспорта, уничтожили 4 портовых склада, 3 нефтехранилища и 4 железнодорожных эшелона. Командир лично потопил танкер, взорвал склад, уничтожил железнодорожный мост. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в авиации ВМФ. Окончил Военно-морскую академию. С 1957 г. полковник Н.И. Друздев – в запасе. Жил и работал в г. Прохладный Кабардино-Балканской АССР. Награждён орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 12.04.1975 г.

К.Д. Дунаевский

ДУНАЕВСКИЙ Константин Дмитриевич, родился 27.05.1922 г. в г. Ржев ныне Калининской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил н/среднюю школу. Учился в Батайском авиационном училище, работал на Дальнем Востоке. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил Чкаловскую военную авиационную школу.

В боях Великой Отечественной войны с декабря 1943 г. Командир звена 47-го гвардейского отдельного разведывательного авиационного полка (4-я возд. армия, 2-й Белорусский фронт) гвардии ст. лейтенант К.Д. Дунаевский к апрелю 1945 г. произвёл 106 боевых вылетов на дальнюю разведку глубоких тылов и объектов обороны противника, из них 10 – в дневных условиях. 23.04.1945 г. пропал без вести. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.08.1945 г.

Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст.

Г.Л. Евишев

ЕВИШЕВ Григорий Лукьянович, родился 17.11.1912 г. в с. Адашево ныне Инсарского района Мордовской АССР в семье крестьянина. Мордвин. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование начальное. Работал в колхозе. В Красной армии в 1934–1938 гг. и с 1941 г. Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г. Работал на шахте в г. Сучан (ныне Партизанск) Приморского края.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир орудия 529-го стрелкового полка (163-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант Г.Л. Евишев отличился 11.10.1943 г. в боях за с. Гута-Межигорская (Вышгородский район Киевская обл.): его расчёт уничтожил четыре и подавил 2 вражеские огневые точки. 17.10.1943 г. в районе хутора Яблонка (того же района) при отражении контратак пехоты и танков противника заменил выбывшего из строя наводчика и подбил два танка, сжёг две автомашины с боеприпасами. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

В 1945 г. старшина Г.Л. Евишев демобилизован. Жил в с. Адашево, работал в колхозе. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 27.03.1976 г.

Г.И. Егоров

ЕГОРОВ Гаврил Иосифович, родился 29.11.1918 г. в с. Зырянское ныне Зырянского района Томской области. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование начальное. В Красной армии с 1938 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1943 г. Пулемётчик разведывательной роты 7-й гвардейской механизированной бригады (3-й гв. мех. корпус, 47-я армия, Воронежский фронт), кандидат в члены ВКП(б), гвардии сержант Г.И. Егоров в конце сентября 1943 г. с группой бойцов переправился на правый берег Днепра в районе с. Селище (Каневский район Черкасская обл.) и разведал опорные пункты противника. В боях за удержание и расширение плацдарма уничтожил десятки гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.06.1944 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в г. Южно-Сахалинск. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 24.04.1948 г.

Пав. Вас. Егоров

ЕГОРОВ Павел Васильевич, родился 29.06.1914 г. в г. Благовещенск ныне Амурской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил профтехшколу. Работал механиком в автопарке города. В Красной армии с 1940 г. Окончил военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 г. Штурман 62-го штурмового авиационного полка (233-я штурм. авиац. див., 1-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт) капитан П.В. Егоров к маю 1944 г. совершил 83 боевых вылета, из них 6 – на уничтожение самолётов противника на аэродромах. Нанёс врагу серьёзный урон в живой силе и боевой технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 г.

После войны продолжал службу в ВВС. С 1959 г. подполковник П.В. Егоров – в запасе. Жил в г. Ангарск Иркутской области. Работал на авторемонтном заводе. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3 ст., Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями, иностранными медалями.
Умер 9.03.1989 г.

Мих. Арт. Егоров

ЕГОРОВ Михаил Артёмович, родился в 1916 г. в с. Концеполье ныне Барятинского района Калужской области, в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Жил и работал в Приморском крае. В феврале 1943 г. призван в Красную армию и направлен на фронт.

Помощник командира взвода пешей разведки 861-го стрелкового полка (294-я стр. див., 52-я армия, 2-й Украинский фронт) ст. сержант М.А. Егоров отличился при прорыве обороны противника в районе с. Рыжановка (Звенигородский р-н Черкасская обл.). 5.03.1944 г. с группой бойцов отразил 2 контратаки противника. 9.03.1944 г., находясь в разведке в районе Умани, подорвал БТР, подавил огонь трёх пулемётов, забросал гранатами вражеский штаб и захватил ценные документы. В ночь на 28.03.1944 г. в районе с. Петрешты (Унгенский р-н, Молдавия) успешно отразил три контратаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.09.1944 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в Харькове. Награждён орденами Ленина, Славы 3 ст., медалями.
Умер 19.06.1964 г.

И.Г. Едунов

ЕДУНОВ Иван Григорьевич, родился 21.01.1924 г. в с. Дады Атяшевского района Мордовии в семье крестьянина. Русский. Член КПСС. Окончил 9 классов и школу ФЗУ № 6 во Владивостоке. Работал слесарем механических мастерских на Дальзаводе. В Красной армии с августа 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с апреля 1943 г. Разведчик взвода пешей разведки 212-го гвардейского стрелкового полка (75-я гв. стр. див., 60-я армия, Центральный фронт) гвардии рядовой И.Г. Едунов в ночь на 22.09.1943 г. в составе взвода переправился на правый берег Днепра с целью разведать силы противника в районе сёл Глебовка и Козаровичи (Вышгородский р-н Киевская обл.). Разведчики успешно выполнили боевую задачу. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

В 1946 г. окончил Тульское военное оружейно-техническое училище. С 1955 г. майор И.Г. Едунов – в запасе. Жил и работал в Туле. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.
Умер 5.12.1988 г.

ЕКИМОВ Григорий Андреевич, родился в 1909 г. на ст. Михайло-Чесноковская, ныне в черте г. Свободный Амурской области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г.

Г.А. Екимов

Образование начальное. Работал в совхозе, райсовете г. Свободный, охране Суражевской транспортной конторы «Амур-золото». В Красной армии в 1931–1933 гг. и с февраля 1942 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1942 г. Помощник командира взвода 536-го строительного полка (114-я стр. див., 7-я армия, Карельский фронт) ст. сержант Г.А. Екимов со взводом 21.06.1944 г. преодолел р. Свирь в районе г. Лодейное Поле (Ленинградская обл.), занял плацдарм на западном берегу, отражал контратаки врага. 27.06.1944 г. в бою за дер. Обжа (Олонецкий район Карелия) преодолел проволочное заграждение противника, забросал гранатами дот, лично уничтожил десятки вражеских солдат. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.07.1944 г. Награждён орденом Ленина.

Погиб в бою 17.07.1944 г. Похоронен в г. Питкяранта Карельской АССР. Его имя носят школа № 9 в г. Свободный и школа в посёлке городского типа Тында Амурской области.

А.Д. Емельяненко

ЕМЕЛЬЯНЕНКО Анатолий Дмитриевич, родился 10.10.1918 г. в пос. Богдановка ныне Табунского района Алтайского края в семье крестьянина. Украинец. Член КПСС. Окончил Бакинский морской техникум. Был помощником капитана танкера «Будённый» Каспийского пароходства. В ВМФ с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. С начала 1943 г. и в течение 7 месяцев старшина 2 ст. десантного мотобота № 13 (дивизион дес. мотоботов, Новороссийская ВМБ, Черноморский флот) А.Д. Емельяненко доставлял десантникам Малой земли в районе Новороссийска боеприпасы, продукты, эвакуировал раненых. В период Керченско-Эльтигенской десантной операции сделал 15 выходов на мотоботе № 6. Когда в ночь на 8.11.1943 г. шторм выбросил мотобот на берег, экипаж присоединился к десанту и до 25.11.1943 г. сражался в его составе. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.01.1944 г. В 1944 г. мл. лейтенант А.Д. Емельяненко был переведён на Тихоокеанский флот. Участвовал в десанте на Курильские острова в 1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1946 г. лейтенант А.Д. Емельяненко – в запасе. Жил в г. Ялта Крымской области. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 11.10.1988 г.

П.И. Ермоленко

ЕРМОЛЕНКО Пантелей Игнатьевич, родился 7.09.1909 г. в дер. Прудки ныне Шкловского района Могилевской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с мая 1943 г. Образование начальное. Работал шофёром в колхозе «Красный Лиман» Серышевского района Амурской области. В Красной армии с февраля 1942 г.

На фронте с августа 1942 г. Командир орудия 198-го гвардейского стрелкового полка (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) гвардии сержант П.И. Ермоленко 24.09.1943 г. в боях за плацдарм на правом берегу Днепра

в районе с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район Киевская обл.) уничтожил несколько десятков фашистов и подавил ряд огневых точек. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.11.1943 г.

В 1947 г. старшина П.И. Ермоленко демобилизован. Работал председателем колхоза, мастером сушильного агрегата в колхозе с. Лиманное Серышевского района Амурской области. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 24.10.1984 г.

В.И. Еронько

ЕРОНЬКО Виктор Иванович, родился 10.05.1920 г. в г. Полоцк, ныне Витебская область, в семье рабочего. Белорус. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование н/среднее. Работал слесарем на прииске «Дальстрой» в Магаданской области. В Красной армии с августа 1942 г.

На фронте с 1942 г. Наводчик орудия 922-го стрелкового полка (250-я стр. див., 3-я армия, 2-й Белорусский фронт) сержант В.И. Еронько 12.07.1944 г. в ходе боя в районе дер. Пески (Мостовский р-н Гродненская область), когда весь расчёт вышел из строя, продолжал огнём своего орудия уничтожать наседавших гитлеровцев. С расстояния 80–100 м уничтожил штурмовое орудие, 3 пулемёта и до роты солдат врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 г.

После войны жил в г. Новополоцк Витебской области. Работал слесарем-инструментальщиком в строительном тресте. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Славы 1 и 3 ст., медалями.

Умер 15.09.1991 г.

В.З. Ершов

ЕРШОВ Виктор Захарович, родился 22.11.1905 г. в дер. Макарово ныне Чухломского района Костромской области. Русский. Член ВКП(б) с 1927 г. В Красной армии в 1923–1938 гг. и с 1941 г. Призван Московским горвоенкоматом.

С началом Великой Отечественной войны в действующей армии. Командир 142-й пушечно-артиллерийской бригады (33-я армия, 1-й Белорусский фронт) полковник В.З. Ершов при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника 15.01.1945 г. на левом берегу р. Висла в районе населённого пункта Яновец (юго-западнее г. Пулавы, Польша) возглавил группу артиллерии дальнего действия. Огнём бригады было уничтожено пять и подавлено 11 артиллерийских батарей, сожжено 3 танка противника. В ходе наступления советских войск на Лодзь и Познань (Польша) управлял огнём бригады с передовых наблюдательных пунктов. Звание Героя Советского Союза; присвоено 6.04.1945 г.

Участвовал в советско-японской войне 1945 г. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2 ст., Суворова 3 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 29.11.1945 г. Похоронен в г. Спасск-Дальний Приморского края.

В.Н. Ерышев

ЕРЫШЕВ Василий Николаевич, родился 21.11.1921 г. в с. Астраханка ныне Ханкайского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил семилетнюю школу и курсы счётных работников. Работал бухгалтером Ханкайского отделения Ворошиловского мясокомбината Приморского края. В Красной армии с февраля 1941 г.

На фронте с августа 1941 г. Командир орудия 198-го гвардейского стрелкового полка (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) гвардии ст. сержант В.Н. Ерышев 24.09.1943 г. с расчётом одним из первых преодолел Днепр в районе с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район Киевской обл.). Отражая контратаки противника, расчёт уничтожил более взвода гитлеровских солдат и офицеров, вывел из строя 5 дзотов, подавил огонь нескольких орудий и миномётов. Своими действиями артиллеристы содействовали удержанию и расширению плацдарма. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.11.1943 г.

В 1945 г. окончил ускоренный курс Пензенского артиллерийского училища. В 1953 г. экстерном сдал экзамены за 10 классов, в 1961 г. окончил Центральные артиллерийские курсы в Ленинграде. С 1971 г. полковник В.Н. Ерышев – в запасе. Жил в Риге. Работал в производственно-техническом объединении «Альфа». Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 6.01.2008 г.

В.М. Ефимов

ЕФИМОВ Василий Мефодьевич, родился 25.08.1919 г. в с. Красный Яр ныне Уссурийского района Приморского края в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование н/среднее. Работал шофёром в совхозе. В Красной армии в 1939–1940 гг. и с 1942 г. В том же году направлен в действующую армию.

Водитель боевой установки 315-го гвардейского миномётного полка (37-я армия, Степной фронт) гвардии мл. сержант В.М. Ефимов при форсировании Днепра в районе с. Мишурин Рог (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.) и в кровопролитных боях по расширению плацдарма 30.09–19.10.1943 г. 14 раз выводил установку на прямую наводку, подбил и сжёг 2 танка, штурмовое орудие, 2 автомашины. Всего за время боевых действий с 5.07 по 20.10.1943 г. подбил 16 танков и уничтожил много живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

После войны работал шофёром в управлении «Дальолово» в Уссурийске Приморского края. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Погиб в автомобильной катастрофе 25 июля 1954 г. Именем Героя названа улица в пос. Утёсное Уссурийского района.

ЕФИМОВ Василий Трофимович, родился 11.03.1922 г. в с. Вешкайма, ныне посёлок городского типа Ульяновской области, в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса

В.Т. Ефимов

сельской школы. С 1934 г. жил на Дальнем Востоке. В Красную армию призван в феврале 1942 г. Ханкайским райвоенкоматом Приморского края и направлен в действующую армию.

Командир орудия 1285-го стрелкового полка (60-я стр. див., 47-я армия, 1-й Белорусский фронт) ст. сержант В.Т. Ефимов с расчётом при форсировании Вислы у г. Новы-Двур-Мазовецки (Польша) 16.01.1945 г., переправившись по льду на правый берег, поддержал огнём подразделения полка, нанёс врагу большой урон в живой силе и боевой технике. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г. посмертно. Награждён орд. Ленина, медалью.

А.Г. Ефремов

ЕФРЕМОВ Андрей Георгиевич, родился 9.06.1908 г. в г. Сретенск, ныне Читинская область, в семье служащего. Русский. Жил во Владивостоке. В 1927 г. окончил Владивостокский морской техникум, в 1933 г. – Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Работал преподавателем Владивостокского морского техникума, помощником капитана на ледоколе «Красин», ст. гидрографом-навигатором на ледоколе «Малыгин».

С августа 1937 г. по январь 1940 г., являясь старшим помощником капитана ледокола «Г. Седов», А.Г. Ефремов участвовал в дрейфе судна во льдах Северного Ледовитого океана, вёл большую научную работу, преподавал команде технические дисциплины. За мужество, стойкость и настойчивость, проявленные в работе, 3.02.1940 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны в составе Балтийского флота участвовал в обороне п-ова Ханко (Финляндия). Награждён двумя орденами Ленина. Почётный полярник. Погиб в бою в декабре 1941 г. В краеведческом музее г. Сретенск Герою посвящён стенд.

И.И. Ефремов

ЕФРЕМОВ Иван Илларионович, родился 25.05.1921 г. в дер. Лениво ныне Хвастовичского района Калужской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. В 1940 г. окончил среднюю школу. В Красной армии с 1940 г. Окончил военное пехотное училище в г. Комсомольск-на-Амуре в феврале 1942 г., в ноябре 1942 г. – филиал курсов «Выстрел».

В действующей армии с апреля 1943 г. Дивизион 489-го миномётного полка (5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) под командованием капитана И.И. Ефремова в наступательных боях на Берлинском направлении с 16 по 25.04.1945 г. уничтожил свыше 100 гитлеровцев, подавил огонь 12 пулемётов, двух артиллерийских и трёх миномётных батарей, трёх зенитных орудий. В уличных боях в г. Берлин 25 апреля блокировал и уничтожил силами дивизиона узел сопротивления, мешавший продвижению подразделений.

Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г. В 1947 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава, в 1954 г. – Военную артиллерийскую командную ака-

демию. С апреля 1972 г. полковник И.И. Ефремов – в запасе. Жил в дачном посёлке Болшево Калининградского горсовета Московской области. Работал инженером в Калининграде, в 1976–1986 гг. – инженером завода экспериментального машиностроения НПО «Энергия». Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.
Умер 20.02.1993 г.

А.С. Желтов

ЖЕЛТОВ Алексей Сергеевич, родился 28.08.1904 г. в Харькове. Русский. Член ВКП(б) с 1929 г. В Красной армии с 1924 г. В 1927 г. окончил Московскую пехотную школу, служил на командных должностях. В 1937 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1938 г. – Военно-политические курсы. Был военным комиссаром дивизии, членом Военного совета Приволжского военного округа. В феврале–августе 1941 г. член Военного совета Дальневосточного фронта.

На фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1941 г. Был членом военных советов Карельского, Донского, Юго-Западного фронтов, а с октября 1943 г. и до конца войны – 3-го Украинского фронта. Участник обороны советского Заполярья, Сталинградской битвы, разгрома противника на Украине, в Молдавии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Австрии. За умелое руководство войсками, личное мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, большой вклад в подготовку и повышение боевой готовности войск в послевоенный период генерал-полковнику А.С. Желтову 21.02.1978 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждён шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1 ст., двумя орденами Кутузова 1 ст., орденом Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями, иностранными орденами и медалями.

Умер 29.10.1991 г.

А.Л. Журавлев

ЖУРАВЛЁВ Андриян Лукич, родился 5.05.1913 г. в с. Жерлык ныне Минусинского района Красноярского края в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Переехал в г. Владивосток, работал грузчиком в торговом порту. В Красной армии с 1935 г. Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г., на р. Халхин-Гол – в 1939 г., советско-финляндской войны 1939–1940 г. В 1942 г. вновь призван в Красную армию и в октябре направлен на фронт.

Командир отделения сапёрного взвода 520-го стрелкового полка (167-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант А.Л. Журавлёв во время прорыва обороны противника 20.08.1943 г. в районе с. Великая Чернетчина (Сумский район Сумская обл.) сделал проходы в проволочном заграждении и разминировал местность за ним, обеспечив пехоте продвижение вперёд. С отделением за 4 часа построил мост через старое

русло Днепра в районе с. Вышгород (ныне город Киевской области). 2.10.1943 г. под огнём противника на пароме из двух лодок переправлял через Днепр миномёты и орудия. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.11.1943 г.

После войны ст. сержант А.Л. Журавлёв демобилизован. Жил и работал в г. Белая Церковь Киевской области. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 31.03.1966 г.

В.Н. Задков

ЗАДКОВ Василий Никифорович, родился 15.08.1907 г. в г. Владивосток в семье служащего. Русский. Окончил 9 классов в 1925 г. С 1926 г. работал на Дальзаводе подручным электросварщика. В Красной армии с 1927 г. В 1928 г. окончил Ленинградскую школу ВВС, в 1929 г. – Севастопольскую школу военно-морских лётчиков. Служил в ВВС Черноморского флота, затем командиром звена Энгельсской школы военных лётчиков. Участник советско-финляндской 1939–1940 г. и Великой Отечественной войн.

Командиру самолёта Главсевморпути В.Н. Задкову за отвагу и героизм, проявленные при выполнении спецзадания правительства, 6.12.1949 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Продолжительное время летал в условиях Арктики. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 31.10.1996 г.

С.Я. Заикин

ЗАЙКИН Сергей Яковлевич, родился 1.07.1914 г. в с. Константиновка ныне Октябрьского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. В Красной армии в 1936–1938 гг. и с 1940 г. В 1938 г. окончил авиационный техникум в г. Ульяновск, работал авиатехником в Томском аэроклубе. В 1942 г. окончил Новосибирскую военную авиационную школу пилотов.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1943 г. Командир звена 6-го гвардейского штурмового, авиационного полка (3-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт), комсомолец, гвардии лейтенант С.Я. Заикин к марту 1945 г. совершил 131 боевой вылет на штурмовку укреплений, артиллерийских позиций, аэродромов, скоплений войск и техники противника. Нанёс врагу большой урон в живой силе и боевой технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г.

С 1947 г. ст. лейтенант С.Я. Заикин – в запасе. Жил в Донецке. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 27.03.1984 г.

ЗАЙЦЕВ Василий Григорьевич, родился 23.03.1915 г. в с. Едино ныне Агаповского района Челябинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил строительный техникум в Магнитогорске. С 1936 г. – в ВМФ.

Вас. Гр. Зайцев

Окончил Военно-хозяйственную школу, до 1942 г. служил на Тихоокеанском флоте.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Снайпер 1047-го стрелкового полка (284-я стр. див., 62-я армия, Сталинградский фронт), кандидат в члены ВКП(б), мл. лейтенант В.Г. Зайцев с 10.10 по 17.12.1942 г. в боях за Сталинград уничтожил 225 солдат и офицеров противника.

Непосредственно на переднем крае обучал снайперскому делу бойцов и командиров, подготовил 28 снайперов. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1943 г.

После войны демобилизован. Работал директором Киевского машиностроительного завода. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., медалями. Его имя носит теплоход, курсирующий по Днепру.

Умер 15.12.1991 г.

А.З. Закиров

ЗАКИРОВ Ахмет Закирович, родился 19.03.1911 г. в дер. Кашкалево ныне Бураевского района Башкирской АССР в семье крестьянина. Башкир. Член ВКП(б) с 1953 г. Окончил н/среднюю школу. Работал на шахте в г. Кызыл-Кия Ошской области В Красной армии с 1933 г. В 1941 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир взвода 7-й стрелковой роты 239-го гвардейского стрелкового полка (76-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), кандидат в члены КПСС, гвардии мл. лейтенант А.З. Закиров в ночь на 28.09.1943 г. во главе группы из 20 бойцов переправился через Днепр в районе с. Комарин (ныне посёлок городского типа Брагинского р-на Гомельской обл.) и подавил огонь пулёмётной точки противника. Закрепившись на плацдарме, содействовал переправе других подразделений. Тяжело ранен в этих боях. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

С февраля 1944 г. лейтенант А.З. Закиров – в запасе. Жил в г. Уфа, работал машинистом на нефтеперерабатывающем заводе. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 29.03.1988 г.

И.П. Замятин

ЗАМЯТИН Иван Петрович, родился 21.06.1913 г. в дер. Новосёлки ныне Кимовского района Тульской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Жил в Москве. Окончил товароведческий техникум. В Красной армии с 1935 г. В 1939 г. окончил Ейское военно-морское авиационное училище. Служил на Дальнем Востоке, в 1944–1945 гг. в составе спецгруппы участвовал в перебазировании из США в СССР самолётов, поставляемых в соответствии с заключёнными договорами.

После Великой Отечественной войны служил в Заполярье в авиационном полку. Капитан И.П. Замятин в апреле 1949 г. возглавил спасение экипажа самолёта, потерпевшего аварию

в районе Арктики, проявил при этом высокие организаторские способности и мужество. 6.12.1949 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1960 г. подполковник И.П. Замятин – в запасе. Работал в Домодедовском аэропорту руководителем полётов. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 3.12.2003 г.

Н.Д. Захватаев

ЗАХВАТАЕВ Никонор Дмитриевич, родился 26.06.1898 г. в дер. Гари ныне Малмыжского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1925 г. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 г. В Гражданскую войну на штабных должностях в артиллерийских частях. В 1920 г. окончил артиллерийскую школу, в 1930 г. – курсы «Выстрел», в 1935 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1939 г. – Военную академию Генштаба.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Был заместителем начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, начальником штаба армии, командиром гвардии стрелковых корпусов, с мая 1944 г. командующим 1-й ударной, затем 4-й гвардейской армий. За умелое управление войсками армии в боях при прорыве обороны противника под г. Секешфехервар (Венгрия) и за участие в освобождении г. Вена гвардии генерал-лейтенанту Н.Д. Захватаеву 28.04.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Во время советско-японской войны 1945 г. командовал 35-й армией 1-го Дальневосточного фронта. После войны генерал-полковник (1945 г.) Н.Д. Захватаев – на командных и штабных должностях в войсках, командующий войсками военного округа, в 1955–1957 гг. заместитель начальника Генштаба Вооружённых Сил СССР. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденами Суворова 1 ст., Кутузова 1 и 2 ст., медалями, иностранными орденами. Умер 15.02.1963 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Его именем названа улица в г. Киров.

В.Н. Зачеславский

ЗАЧЕСЛАВСКИЙ Василий Никифорович, родился 6.07.1924 г. в с. Девица Острогожского района Воронежской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование 10 классов. Детство и отрочество прошли в г. Бикин. Работал пионервожатым в средней школе № 23. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1943 г. Разведчик взвода пешей разведки 212-го гвардейского стрелкового полка (75-я гв. стр. див., 60-я армия, Центральный фронт) гвардии рядовой В.Н. Зачеславский отличился 22–24.09.1943 г. В числе первых в составе группы переправился через Днепр в районе сёл Глебовка и Назаровичи (Вышгородский р-н Киевской обл.). Участвовал в боях за удержание захваченного

плацдарма на правом берегу реки. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

После войны продолжал службу в армии, окончил Московское военно-инженерное училище. Награждён орденом Ленина, медалями.

Майор В.Н. Зачеславский умер 1.01.1969 г.

В.А. Земских

ЗЕМСКИХ Владимир Афанасьевич, родился 5.02.1917 г. в г. Благовещенск, ныне Амурская область, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил 7 классов и школу ФЗУ. Работал токарем на судовой верфи, где был секретарём комсомольской организации. Был членом бюро Амурского обкома комсомола. В Красной армии с 1938 г. Окончил Иркутское военное авиационно-техническое училище в 1940 г. и Чкаловскую военную авиационную школу пилотов – в 1944 г.

В боях Великой Отечественной войны с июня 1944 г. Командир эскадрильи 569-го штурмового авиационного полка (199-я штурм. авиац. див., 4-й штурм, авиац. корпус, 4-я возд. армия, 2-й Белорусский фронт) лейтенант В.А. Земских к маю 1945 г. совершил 110 боевых вылетов на уничтожение живой силы и техники противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.08.1945 г.

С 1946 г. – в запасе. Работал в Благовещенском аэропорту руководителем полётов. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 2.09.1998 г.

А.И. Иванников

ИВАННИКОВ Афанасий Иванович, родился 24.01.1915 г. на хуторе Ганчуков ныне Пролетарского района Ростовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 3 курса Ростовского института инженеров-механизаторов сельского хозяйства в 1937 г. В ВМФ с 1937 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в 1939 г. Служил на Тихоокеанском флоте. В 1942–1943 гг. участвовал в приёме кораблей от США и проводке их в район дислокации Северного флота.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1943 г. Будучи командиром тральщика «Т-115» (6-й дивизион тральщиков, бригада траления охраны водного района Печенгской ВМБ, Северный флот), капитан-лейтенант А.И. Иванников к январю 1945 г. участвовал в 104 боевых походах. Его тральщик вместе с другими кораблями отконвоировал 232 союзных и отечественных транспорта с военными грузами, отразил 8 атак вражеских подводных лодок. В ноябре–декабре 1944 г. в условиях полярной ночи его тральщик произвёл 28 боевых выходов на траление фарватеров у населённых пунктов Петсамо (Печенга Мурманская обл.) и Киркенес (Норвегия), уничтожив и обезвредив 110 вражеских мин. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.04.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1953 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава при Военно-

морской академии. С 1960 г. капитан 1-го ранга А.И. Иванников – в запасе. Жил в Калининграде. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Нахимова 2 ст., Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 29.03.1996 г.

Л.И. Иванов

ИВАНОВ Леонид Илларионович, родился 8.08.1909 г. в г. Кашира ныне Московской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. Жил в Саратове, был разнорабочим в трамвайном парке, с 1930 г. работал фрезеровщиком на заводе «Красный пролетарий» в Москве. Окончил два курса машиностроительного института в 1932 г. В Красной армии с 1932 г. Окончил военную школу лётчиков в 1935 г., служил в истребительной авиации на Дальнем Востоке и Крайнем Севере. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир эскадрильи 147-го истребительного авиационного полка (1-я смешан, авиац. див., 14-я армия, Северный фронт) ст. лейтенант Л.И. Иванов в воздушных боях 26–27.06.1941 г. сбил два вражеских самолёта во время их налёта на город и железнодорожный узел Кандалакша (Мурманская обл.). Погиб в воздушном бою 28.06.1941 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1941 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, «Знак Почёта».

Похоронен в посёлке городского типа Африканда Апатитского горсовета Мурманской области. В пос. Белое Море Кандалакшского горсовета установлена мемориальная доска. Именем Героя назван рыболовный траулер.

М.И. Иванов

ИВАНОВ Михаил Иванович, родился 3.11.1908 г. в Самаре (Куйбышев) в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование среднее. Работал ремонтником на железнодорожной ст. Куйбышев. В Красной армии с 1930 г. Окончил курсы командиров артиллерийских взводов в 1931 г., Высшую военную школу штабной службы в 1940 г. С 1940 г. начальник штаба укрепрайона на Дальнем Востоке.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1942 г. Командир 136-го гвардейского артиллерийского полка (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) гвардии подполковник М.И. Иванов умело организовал 24–25.09.1943 г. форсирование полком Днепра в Кагарлыкском районе Киевской области и его огонь в бою за плацдарм на противоположном берегу, содействуя стрелковым подразделениям в отражении вражеских контратак. Погиб 11.10.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.12.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, медалью.

Похоронен в с. Сошников Бориспольского района.

ИВАНОВ Семен Павлович, родился 13.09.1907 г. в дер. Поречено ныне Смоленского района Смоленской области в семье

С.П. Иванов

крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1929 г. В Красной армии с 1926 г. Окончил в 1929 г. Московскую пехотную школу, Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1939 г. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г., начальник штаба стрелкового корпуса.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Был начальником штаба ряда армий, с декабря 1942 г. – Юго-Западного, затем Воронежского, 1-го Украинского, Закавказского, 3-го Украинского фронтов. Участник советско-японской войны 1945 г., начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. За умелое руководство войсками, личное мужество и отвагу, проявленные в боях, 8.09.1945 г. генерал-полковнику С.П. Иванову присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны был на высших командных и штабных должностях в войсках и в центральном аппарате МО СССР, командовал войсками СибВО. В 1968–1973 гг. генерал армии С.П. Иванов – начальник Военной академии Генштаба. С 1973 г. – военный инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва. С 1992 г. – в отставке. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1 ст., Кутузова 1 ст., Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями, иностранными орденами и медалями.

Умер 26.09.1993 г.

М.А. Ивасик

ИВАСИК Михаил Адамович, родился 1.05.1917 г. в дер. Петруши ныне Михайловского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов, был заведующим магазином в г. Уссурийск. В Красной армии с 1936 г. Участник боёв с японскими милитаристами у оз. Хасан в 1938 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1943 г. Батальон 380-го стрелкового полка (171-я стр. див., 3-я уд. армия, 2-й Прибалтийский фронт) под командованием капитана М.А. Ивасика по болотам в районе оз. Лубанас (Латвия) вышел 2.08.1944 г. в тыл противника и, оседлав единственную шоссеиную дорогу, отразил четыре вражеские контратаки. В этом бою М.А. Ивасик был дважды ранен, но продолжал командовать батальоном. Погиб в бою 18.08.1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Похоронен в Уссурийске. В г. Мадона (Латвия) установлен обелиск. Именем Героя названы улицы в этих городах.

ИВИН Тимофей Фёдорович, родился 23.02.1917 г. в с. Иннокентьевка, ныне посёлок городского типа Нанайского района

Т.Ф. Ивин

Хабаровского края, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончив 7 классов, работал на рыбзаводе в пос. Славянка Нанайского района. В Красной армии с 1938 г. В 1940 г. окончил курсы воздушных стрелков-радистов.

На фронте в Великую Отечественную войну с сентября 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1942 г. Дивизион 489-го миномётного полка (5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) под командованием капитана Т.Ф. Ивина во время прорыва обороны противника с Магнушевского плацдарма огнём обеспечивал продвижение штурмовых групп. 31.01.1945 г. одним из первых форсировал Одер, закрепился на его левом берегу в районе населённого пункта Киниц (севернее г. Зелов, Германия), отразив многочисленные контратаки. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1947 г. майор Т.Ф. Ивин – в запасе. Жил в г. Новошахтинск Ростовской области, работал помощником начальника шахты, зам. директора рыбзавода, коммерческим директором лесосплавной конторы. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова 3 ст., Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями. На доме, где жил Герой, установлена мемориальная доска.

Умер 10.07.1964 г.

Ф.Н. Ижедеров

ИЖЕДЕРОВ Фёдор Николаевич, родился 17.07.1922 г. в с. Рысайкино ныне Похвистневского района Куйбышевской области в семье рабочего. Чуваш. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив начальную школу, работал маляром на железнодорожной ст. Угольная Приморского края. В Красной армии с июля 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1942 г. Командир взвода 320-го гвардейского стрелкового полка (129-я гв. стр. див., 1-я гв. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии лейтенант Ф.Н. Ижедеров в бою 16.07.1944 г. у с. Ярчовцы (Зборовский район Тернопольской обл.) заменил выбывшего из строя командира роты, организовал отражение нескольких контратак противника. Утром 17 июля рота первой форсировала р. Стрыпа и ворвалась во вражеские траншеи, чем способствовала успешному продвижению полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1946 г. капитан Ф.Н. Ижедеров – в запасе. Работал столяром на мебельном комбинате в г. Похвистнево. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 13.04.1988 г.

В.А. Измадинов

ИЗМАДИНОВ Виктор Анреевич, родился 25.11.1919 г. в дер. Измоденово ныне Белоярского района Свердловской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии с 1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Моторист 5-го тяжёлого моторизованного понтонно-мостового полка

(65-я армия, 2-й Белорусский фронт) ст. сержант В.А. Измадинов 22–23.04.1945 г. при форсировании Вест-Одера южнее г. Штеттин (Щецин, ПНР) умело действовал на катере при сборке паромов и переправе танков и артиллерии. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г.

После войны демобилизован. Работал в управлении рыболовного и тралового флота в г. Корсаков Сахалинской области. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 12.09.1972 г. Похоронен в родной деревне.

П.И Ильичев

ИЛЬИЧЁВ Пётр Иванович, родился в 1927 г. в дер. Пугачевка Нижнеомского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса, работал в колхозе. В Красной армии с ноября 1944 г. Окончил объединённую школу учебного отряда Тихоокеанского флота.

Участник советско-японской войны 1945 г. Рулевой сторожевого катера «СК-253» (6-й дивизион сторожевых кораблей, Петропавловская ВМБ, Тихоокеанский флот), матрос П.И. Ильичёв в ночь на 18.08.1945 г. в составе батальона морской пехоты участвовал в бою на о-ве Шумшу. В критический момент боя комсомолец П.И. Ильичёв бросился на вражеский дзот и закрыл грудью амбразуру. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.09.1958 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен на о-ве Шумшу. Бюсты Героя установлены в дер. Пугачевка и в с. Паратунка Елизовского района Камчатской области. Его имя носят бухта и мыс на полуострове Камчатка, улицы во Владивостоке, Северо-Курильске Сахалинской области, в с. Нижняя Омка, совхоз в с. Антоновка Нижнеомского района, рыболовный траулер колхоза им. Ленина в Камчатской области. Навечно зачислен в списки экипажа корабля Тихоокеанского флота.

Г.Д. Ильяшенко

ИЛЬЯШЕНКО Георгий Данилович, родился 1.05.1918 г. в с. Воронцово-Александровское (г. Зеленокумск) Ставропольского края в семье крестьянина. Русский. Окончив 7 классов школы № 3 в г. Грозный Чечено-Ингушской АССР, работал фотографом в железнодорожном клубе. Окончил Грозненский аэроклуб. В ВМФ с 1939 г. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище.

Участник советско-японской войны 1945 г. Лётчик 4-го минно-торпедного авиационного полка (2-я минно-торпед. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) лейтенант Г.Д. Ильяшенко совершил 3 боевых вылета на порт Расин (Начжин, КНДР) и коммуникации противника. В составе звена потопил 2 транспорта. В последнем вылете он торпедировал цель и посадил горящий самолёт на воду. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

С 1947 г. ст. лейтенант Г.Д. Ильяшенко – в запасе. Жил в г. Каспийск Дагестанской АССР. Работал на Махачкалинском

авиапредприятии. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 2.08.1987 г.

С.П. Ионов

ИОНОВ Сергей Петрович, родился 10.09.1912 г. в с. Злобино ныне Каширского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив пять классов, работал трактористом в колхозе. В Красной армии в 1934–1939 гг. и с сентября 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с октября 1941 г. Механик-водитель танка 3-й танковой бригады (23-й танк. корпус, 2-й Украинский фронт) старшина С.П. Ионов в боях 21–23.08.1944 г. был в числе первых при освобождении г. Тыргу-Фрумос, Роман (Румыния), отличился при форсировании р. Сирет. Таранил вражеский танк и, отремонтировав свою машину, снова вступил в бой. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

В 1945 г. демобилизован. До 1952 г. работал трактористом в г. Ступино Московской области, затем плотником в г. Находка Приморского края. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны 2 ст., Славы 3 ст., медалями. Умер 16.03.1961 г.

В.Н. Исайченко

ИСАЙЧЕНКО Василий Нилович, родился 22.04.1919 г. в дер. Попово ныне Юргинского района Кемеровской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив 7 классов, работал плотником на ст. Юрга. В Красной армии с 1939 г. Окончил Владивостокское стрелково-пулемётное училище.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Командир пулемётной роты 276-го гвардейского стрелкового полка (92-я гв. стр. див., 37-я армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии лейтенант В.Н. Исайченко одним из первых 30.09.1943 г. форсировал Днепр у с. Успенка (Онуфриевский р-н Кировоградская обл.), участвовал в отражении контратак противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1945 и 1956 гг. окончил курсы «Выстрел». С 1959 г. майор В.Н. Исайченко – в запасе. Жил и работал в г. Юрга. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 22.02.1979 г. Именем Героя названа улица в Юрге, в школе № 10 открыта комната-музей.

ИСКРИН Николай Михайлович, родился 14.04.1918 г. в с. Августовка ныне Большечерниговского района Куйбышевской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. С 1933 г. жил в Хабаровске, где окончил 8 классов и школу ФЗУ, работал слесарем на заводе «Дальдизель». В Красной армии с 1939 г. Окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов в 1940 г.

Н.М. Искрин

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Зам. командира эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиационного полка (216-я смешан, авиац. див., 4-я возд. армия, Северо-Кавказский фронт) гвардии ст. лейтенант Н.М. Искрин к концу мая 1943 г. совершил 218 боевых вылетов, в 58 воздушных боях сбил лично 10 самолётов противника и 1 – в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.08.1943 г.

С 1945 г. – в запасе. Жил в Куйбышеве. До 1956 г. работал в Куйбышевском аэропорту и на других предприятиях города. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 28.08.1985 г. На обелиске, воздвигнутом на площади Славы в Хабаровске, есть и его имя.

А.С. Кобисской

КОБИССКОЙ Александр Сергеевич, родился 15.07.1920 г. в с. Михайловка ныне Михайловского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. По окончании 8 классов учился в медицинском техникуме. В Красной армии с 1938 г. Окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов в 1940 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941 г. Командир звена 721-го истребительного авиационного полка (286-я истр. авиац. див., 16-я возд. армия, 1-й Белорусский фронт) ст. лейтенант А.С. Кобисской к марту 1944 г. совершил 314 боевых вылетов, в 47 воздушных боях лично сбил 16 вражеских самолётов. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.07.1944 г.

После войны продолжал службу в ВВС. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Погиб при исполнении служебных обязанностей 15.03.1950 г. Похоронен в с. Михайловка. Именем Героя названа улица в родном селе.

П.П. Кагыкин

КАГЫКИН Пётр Петрович, родился 25.11.1912 г. в с. Волчно-Бурлинское ныне Крутихинского района Алтайского края. Русский. Образование начальное. С 1939 г. жил в с. Ленинское Еврейской автономной области Хабаровского края. В Красной армии в 1934–1936 гг. и с июня 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с октября 1942 г. Зам. командира орудия 1955-го истребительно-противотанкового полка (40-я отд. истр.-противотанк. бригада, 3-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) сержант П.П. Кагыкин 28.04.1945 г. в числе первых в составе штурмовой группы 79-го стрелкового корпуса форсировал р. Шпре. В уличных боях в Берлине уничтожил более десятка гитлеровцев. 30 апреля с группой бойцов участвовал в водружении красного флага над рейхстагом. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г.

После войны демобилизован, жил и работал в с. Ленинское. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 25.12.1951 г. в Москве. В с. Ленинское ЕАО Герою установлена мемориальная доска, его именем названы улица в этом селе и погранзаства в Дальневосточном пограничном округе.

Д.В. Казакевич

КАЗАКЕВИЧ Даниил Васильевич, родился 16.12.1902 г. в дер. Радзевце ныне Молодечненского района Минской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1925 г. Окончил среднюю школу. В Красной армии с 1920 г. Участник Гражданской войны. Окончил Высшую пограничную школу ОГПУ в 1929 г., Военную академию им. М.В. Фрунзе – в 1937 г. В 1939–1942 гг. исполнял обязанности начальника штаба пограничных войск Хабаровского округа.

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. 399-я стрелковая дивизия (48-я армия, 1-й Белорусский фронт) под командованием генерал-майора Д.В. Казакевича 3–8.09.1944 г. прорвала оборону противника на подступах к р. Нарев, с ходу форсировала её в районе г. Ружан (Польша) и, захватив плацдарм, отразила многочисленные контратаки врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.04.1945 г.

После войны служил в пограничных войсках. В 1952 г. окончил Всесоюзный юридический заочный институт. Депутат Верховного Совета СССР 4-го созыва. С 1959 г. генерал-лейтенант Д.В. Казакевич – в запасе. Работал в Гл. управлении по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями.

Умер 28.11.1988 г.

К.В. Казачинский

КАЗАЧИНСКИЙ Константин Васильевич, родился 25.01.1912 г. в Николаеве ныне Николаевской области, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов, школу ФЗУ. Работал штамповщиком на судостроительном заводе. В ВМФ с 1930 г. Окончил Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в 1934 г., Ленинградские специальные курсы состава в 1938 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир дивизиона торпедных катеров 1-й бригады торпедных катеров (Тихоокеанский флот) капитан 3-го ранга К.В. Казачинский 10–11 августа участвовал в набеговой операции на порт Расин (Наджин, КНДР), руководил высадкой десанта в порт Одэчжин (100 км южнее Расина), обеспечивал минно-заградительные операции, ночной поиск, доставлял боеприпасы в ряд портов. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1961 г. капитан 1-го ранга К.В. Казачинский – в запасе. Жил в Ленинграде. До 1975 г. работал на судостроительном заводе. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями, иностранным орденом.

Умер 27.03.1994 г.

К.П. Кайдалов

КАЙДАЛОВ Константин Потапович, родился 19.09.1917 г. в с. Новоцурухайтуй ныне Приаргунского района Читинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив н/среднюю школу, работал столяром на Шортандинском промкомбинате Акмолинской (ныне Целиноградской) области. В Красной армии с мая 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Командир орудия 179-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка (3-я гв. армия, Юго-Западный фронт) ст. сержант К.П. Кайдалов 26.09.1943 г. в ходе боя передовых подразделений за плацдарм на правом берегу Днепра в районе с. Магдалиновка (Ореховский район Запорожская обл.) уничтожил три штурмовых орудия. После выхода его орудия из строя расчёт продолжал бой стрелковым оружием, уничтожив группу автоматчиков противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

В 1946 г. окончил Чкаловское военное училище зенитной артиллерии. С 1947 г. мл. лейтенант К.П. Кайдалов – в запасе. Жил и работал в Киеве, Гродно. С 1956 г. жил и работал в Первомайском леспромхозе Смирныховского района Сахалинской области. В посёлке городского типа Шортанды на улице имени Героя установлена мемориальная доска. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 13.08.1996 г.

Д.Л. Калараш

КАЛАРАШ Дмитрий Леонтьевич, родился 12.12.1911 г. в Киеве в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. С 1913 г. жил в дер. Светлоруссовка Амурской области. Окончил 3 курса Хабаровского педагогического техникума. Работал бригадиром-бетонщиком. В Красной армии с 1929 г. Окончил Борисоглебскую военную авиационную школу лётчиков в 1932 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Штурман 236-й истребительной авиационной дивизии (5-я возд. армия, Закавказский фронт) подполковник Д.Л. Каралаш произвёл 242 боевых вылета, в воздушных боях сбил лично 11 самолётов противника и 6 – в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.12.1942 г. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почёта».

29.10.1942 г. в воздушном бою в районе пос. Лазаревское (ныне район г. Сочи Краснодарского края) таранил вражеский истребитель и погиб. Похоронен в Лазаревском. Навечно зачислен в списки воинской части. На здании педагогического училища в Хабаровске установлена мемориальная доска. Именем Героя названы улицы в г. Люберцы Московской области и Хабаровске, интернат № 17 в г. Свободный Амурской области.

КАЛИНИН Иван Андреевич, родился 20.01.1921 г. в с. Боровское ныне Добринского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Окончив 6 классов, курсы трактористов и шоферов, работал в совхозе. В Красной армии с 1940 г.

И.А. Калинин

На фронте в Великой Отечественной войне с октября 1941 г. Механик-водитель танка 586-го танкового батальона (219-я танк. бригада, 1-й мех. корпус, 37-я армия, Степной фронт), комсомолец, мл. сержант И.А. Калинин 2.10.1943 г. преодолел Днепр в районе сёл Солошино, Мишуринов Рог (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.). В бою у с. Калужино, участвуя в отражении многочисленных контратак противника, уничтожил танк, две пушки, миномётную батарею и десятки гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. Награждён орденом Ленина.

Погиб 14.08.1945 г. в бою под г. Муданьцзян (КНР) в период советско-японской войны 1945 г. Похоронен в г. Уссурийск Приморского края. Навечно зачислен в списки воинской части. На здании школы в родном селе установлена мемориальная доска, в посёлке городского типа Пограничный Приморского края – памятник. Имя Героя носит Добринская школа № 3.

Г.Г. Калинин

КАЛИНИН Гавриил Григорьевич, родился 15.08.1922 г. в дер. Воскресенка ныне Калачинского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив 7 классов, работал в типографии газеты «Камчатская правда». В Красной армии с июля 1941 г. Окончил Сталинградское танковое училище в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с октября 1942 г. Командир танка 441-го танкового батальона (110-я танк. бригада, 18-й танк. корпус, 1-я гв. армия, Юго-Западный фронт), комсомолец, мл. лейтенант Г.Г. Калинин 22.12.1942 г. первым ворвался в хутор Верхнечирский (Боковский р-н Ростовская обл.). В дальнейшем, преследуя противника, уничтожил до роты гитлеровцев, 9 противотанковых орудий, шесть миномётов. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.03.1943 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1949 г. окончил Высшую офицерскую школу в Ленинграде, в 1956 г. – Военную академию бронетанковых войск. Депутат Верховного Совета УССР 6-го созыва. С 1978 г. генерал-майор Г.Г. Калинин – в отставке. Жил в Киеве. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 22.03.1995 г.

М.Д. Капустин

КАПУСТИН Михаил Денисович, родился 18.11.1907 г. с. Микучичи ныне Бобруйского района Могилёвской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1941 г. С 1926 г. жил в с. Джогино Тайшетского района Иркутской области. В 1937 г. окончил курсы начальников лесопунктов, директоров лесспрохозов в Красноярске. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1942 г. Окончил курсы политсостава 3-го Украинского фронта в 1944 г. Парторг батальона 137-го гвардейского стрелкового полка (47-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 3-й Украинский фронт), гвардии

мл. лейтенант М.Д. Капустин отличился в боях на днестровском плацдарме северо-западнее Тирасполя (Молдавская ССР) 10–11.05.1944 г. Приняв на себя командование батальоном, умело организовал отражение контратак вражеской пехоты и танков. В течение двух дней батальон уничтожил много живой силы и боевой техники противника. 18.07.1944 г. в районе Ковеля (Волинская обл.) его батальон (дивизия действовала в составе 1-го Белорусского фронта) захватил важную высоту. Одним из первых переправившись через р. Западный Буг, М.Д. Капустин с группой бойцов захватил и удерживал плацдарм, обеспечивая переправу других подразделений. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1946 г. капитан М.Д. Капустин – в запасе. Работал директором Шиткинского и Юртинского леспромхозов в Иркутской области, был начальником лесоучастка в Хабаровском крае, с 1962 г. мастером лесозаготовок Долгомостовского леспромхоза Абанского района Красноярского края. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 8.02.1968 г. Похоронен в с. Долгий Мост.

Н.Ф. Карацупа

КАРАЦУПА Никита Фёдорович, родился 25.04.1910 г. в с. Алексеевка ныне Куйбышевского района Запорожской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. В пограничных войсках с 1932 г. Окончил Дальневосточную окружную школу младшего начсостава служебного собаководства, курсы подготовки начсостава при Центральной школе служебного собаководства пограничной и внутренней охраны НКВД, курсы переподготовки начсостава при Центральной школе служебного собаководства войск НКВД.

С 1933 г. проводник, инструктор служебных собак на пограничных заставах. С 1944 г. в пограничных войсках, с 1952 г. в штабе пограничного округа. За 20 лет службы на границе участвовал в 120 столкновениях с врагами, задержал 338 нарушителей границы, уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не сложивших оружия. В 1957–1961 гг. работал в Главном управлении пограничных войск. С 1961 г. полковник Н.Ф. Карацупа – в запасе. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.06.1965 г.

Жил в Москве. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 18.11.1994 г.

П.Г. Карелин

КАРЕЛИН Петр Григорьевич, родился 29.03.1922 г. в пос. Сретенск, ныне город в Читинской области, в семье рабочего. Русский. Жил и учился во Владивостоке у старшей сестры. Окончил Кустанайскую школу Гражданского воздушного флота. Учился в Омской авиационной школе. В Красной армии с 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Командир роты 9-го гвардейского стрелкового полка (3-я гв. стр. див., 2-я гв. армия, 1-й Украинский фронт), канд. в члены

ВКП(б), гвардии лейтенант П.Г. Карелин 8.04.1944 г. в бою в районе Армянска (ныне Республика Крым) телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.05.1944 г. посмертно. Награждён орд. Ленина, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Похоронен на кладбище № 2 г. Армянск. Памятник и мемориальная доска установлены в Чарске, одна из школ в этом городе названа именем Героя. Навечно зачислен в списки воинской части.

Т.Ф. Кармацкий

КАРМАЦКИЙ Тимофей Фёдорович, родился 15.12.1918 г. в с. Кротово ныне Аромашевского района Тюменской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил Бикинскую вечернюю школу № 1 (Хабаровский край). Работал бухгалтером. В Красной армии с 1938 г. Окончил Владивостокское военно-политическое училище в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с декабря 1942 г. Зам. командира батареи по политической части 839-го гаубичного артиллерийского полка (29-я гаубич. арт. бригада, 10-я арт. див., 40-я армия, Воронежский фронт) лейтенант Т.Ф. Кармацкий 12.03.1943 г. в оборонительном бою на юго-западной окраине г. Грайворон (Белгородская обл.) заменил тяжело раненого командира батареи. Артиллеристы успешно отразили атаку 16 танков противника, уничтожив 12 из них. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.09.1943 г.

В 1944 г. окончил курсы при Высшей офицерской школе в Ленинграде, в 1948 г. – Дальневосточные курсы усовершенствования офицерского состава, в 1959 г. – Центральные артиллерийские курсы. С 1973 г. полковник Т.Ф. Кармацкий – в запасе. Жил в Черкассах. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями.

Умер 10.05.2002 г.

И.Т. Карпенко

КАРПЕНКО Иван Трофимович, родился 14.12.1916 г. в пос. Лисичанск, ныне город в Ворошиловградской области, в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончив 7 классов и школу ФЗУ, работал слесарем на лисичанском заводе «Пролетарий».

В Красной армии с 1934 г. Окончил Ворошиловградскую военную авиационную школу пилотов.

Участник советско-японской войны 1945 г. Помощник командира 52-го бомбардировочного авиационного полка (2-я минно-торпед. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) майор И.Т. Карпенко умело командовал боевыми действиями полка при бомбардировке военных объектов и живой силы врага в японском порту Расин (Наджин) и военно-морской базе Сейсин (Чхонджин) в Северной Корее. Лично И.Т. Карпенко повредил два транспорта, потопил четыре десантные баржи, уничтожил много живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в авиации ВМФ. В 1948 г. окончил Высшие офицерские курсы авиации ВМФ, в 1952 г. – Военно-воздушную академию. Генерал-лейтенант (1962). Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 2.09.1970 г. Похоронен в Николаеве.

М.П. Карпов

КАРПОВ Михаил Павлович, родился 27.10.1906 г. в дер. Беляниха ныне Перевозского района Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Батрачил, работал грузчиком. С 1939 г. начальник Мещовского райотдела милиции Калужской области, затем работал в Хасанском районе Приморского края. В Красной армии в 1928–1931 гг. и с апреля 1943 г.

В боях Великой Отечественной войны с декабря 1943 г. Командир пулемётного расчёта 60-го гвардейского кавалерийского полка (16-я гв. кав. див., 7-й гв. кав. корпус, 1-й Белорусский фронт) гвардии ст. сержант М.П. Карпов 15-16.02.1945 г. в районе г. Хошно (Польша) участвовал в отражении ряда контратак противника, пытавшегося прорваться к окружённой группировке. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

После войны демобилизован, работал начальником отделения милиции в ряде районов Калужской области. До 1963 г. жил в Мещовске, затем в Горьком. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 29.06.1976 г. В Горьком, на доме, где жил Герой, установлена мемориальная доска.

И.П. Каторжный

КАТОРЖНЫЙ Иван Павлович, родился 11.09.1920 г. в с. Умыган ныне Тулунского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив н/среднюю школу, работал в колхозе, на лесоразработках. В ВМФ с 1941 г. Служил на Тихоокеанском флоте. Окончил школу младших командиров в 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Помощник командира взвода 125-го полка морской пехоты (Северный флот) ст. сержант И.П. Каторжный в октябре 1944 г. в составе десантного отряда участвовал в захвате порта Линахамари (Печенгский р-н Мурманская обл.) – крупного опорного пункта противника на подступах к населённому пункту Петсамо (посёлок городского типа Печенга). В бою заменил выбывшего из строя командира взвода и умело руководил действиями подразделения. Водрузил красный флаг над портом. Звание Героя Советского Союза присвоено 5.11.1944 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1950 г. окончил курсы политсостава при 2-м военно-морском политическом училище. С 1961 г. майор И.П. Каторжный – в запасе. Жил в Калининне. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. Почётный моряк порта Линахамари.

Полковник в отставке И.П. Каторжный умер 15.11.1982 г.

Ал-др Ив. Каширин

КАШИРИН Александр Иванович, родился 15.03.1911 г. в с. Пичаево ныне Жердевского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 6 классов и курсы ветфельдшеров. С 1930 г. жил в Хабаровске. Работал ветфельдшером в Среднебельском зерносовхозе Ивановского района Амурской области. В Красной армии в 1933–1938 гг. и с августа 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1941 г. командир противотанкового орудия 529-го стрелкового полка (163-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант А.И. Каширин в период наступательных боёв в конце сентября 1943 г. у с. Сакуниха (Недригайловский район Сумской обл.) и пос. Бровары (ныне город Киевской обл.) с расчётом уничтожил 9 огневых точек и около двух взводов пехоты противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.10.1943 г.

В 1945 г. ст. сержант А.И. Каширин демобилизован. Работал на Теплоозёрском цементном заводе Облученского района Еврейской автономной области Хабаровского края. Жил в посёлке городского типа Известковый Облученского района. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер в 1993 г.

И.П. Качанов

КАЧАНОВ Иван Петрович, родился 5.03.1920 г. в дер. Никифоровка ныне Веневского р-на Тульской области в семье крестьянина. Русский. С 1929 г. жил в Москве. Окончив среднюю школу, с 1936 г. работал в Московском пароходстве, затем токарем на заводе. В Красной армии с 1940 г. Окончил Хабаровское военное пехотное училище в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир батальона 233-го гвардейского стрелкового полка (81-я стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт) гвардии капитан И.П. Качанов 25.09.1943 г. с батальоном форсировал Днепр в районе с. Бородаевка (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.) и захватил плацдарм. В боях 26.09–10.10.1943 г. батальон углубился на 10 км, отразил множество контратак противника, нанеся ему значительный урон в боевой технике и живой силе. Звание Героя Советского Союза И.П. Качанову присвоено 26.10.1943 г. Окончил курсы «Выстрел» в 1945.

После войны продолжал службу в армии. В 1948 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1953 г. майор И.П. Качанов – в запасе. Жил и работал в Москве. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 13.02.1975 г.

КАЩЕЕВА Вера Сергеевна, родилась 15.09.1922 г. в с. Петровка ныне Троицкого района Алтайского края в семье крестьянина. Русская. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончила 7 классов, курсы медсестёр в Барнауле в 1941 г. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1942 г. Сан-инструктор батальона 120-го гвардейского стрелкового полка (39-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 3-й Украинский фронт), канд.

В.С. Кашеева

в члены ВКП(б), гвардии ст. сержант В.С. Кашеева 24.10.1943 г. в числе первых переправилась через Днепр южнее Днепропетровска. Будучи тяжело раненной, осталась в строю, поддерживая и воодушевляя воинов. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

В 1944 г. демобилизована. В 1948 г. окончила фельдшерско-акушерскую школу в Барнауле. С 1953 г. жила в посёлке городского типа Бира Облученского района Еврейской автономной области Хабаровского края, работала зав. детскими яслями и председателем поссовета, а с 1973 г. – в г. Апшеронск Краснодарского края, была фельдшером местного медпункта. Награждена орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Лейтенант медслужбы в отставке В.С. Кашеева. погибла в автомобильной катастрофе 20.05.1975 г.

Е.А. Ключников

КЛЮШНИКОВ Евгений Александрович, родился 1.01.1920 г. в Самаре (Куйбышев) в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил три курса Оренбургского сельскохозяйственного института в 1941 г. В Красной армии с июля 1941 г. В 1942 г. окончил курсы младших лейтенантов.

В боях Великой Отечественной войны с 1942. Командир батареи 91-го гвардейского артиллерийского полка (42-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) гвардии ст. лейтенант Е.А. Ключников 23.09.1943 г. в числе первых переправил батарею на правый берег Днепра в районе с. Гребени (Кагарлыкский р-н Киевской обл.), артиллерийским огнём оказал поддержку подразделениям в бою за плацдарм, нанес противнику значительный урон в живой силе и военной технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.10.1943 г.

С января 1946 г. майор Е.А. Ключников – в запасе. Работал заведующим отделом райкома партии, возглавлял военизированной охрану Западной, Оренбургской, Куйбышевской, Дальневосточной железных дорог. Жил в Днепропетровске. В 1962 г. переехал в Хабаровск. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 14.03.1989 г.

И.Н. Коваль

КОВАЛЬ Иван Нестерович, родился 28.05.1920 г. в с. Каменка (ныне посёлок городского типа) Молдавской ССР в семье рабочего. Молдаванин. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов и школу ФЗУ. Работал слесарем вагонного депо железнодорожной ст. Куйбышевка-Восточная Хабаровского края. В Красной армии с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир орудия 158-го гвардейского артиллерийского полка (78-я гв. стр. див. 7-я гв. армия, Степной фронт) гвардии сержант И.Н. Коваль 26.09.1943 г. во главе расчёта в составе штурмовой группы переправился через днепровский рукав на о-в Глинск-Бородаевский. 5 октября вновь форсировав Днепр в районе с. Домоткань (Верхнеднепровский район Днепро-

петровская обл.), расчёт в бою за плацдарм уничтожил танк и вёл огонь по пехоте. Когда враг попытался обойти с фланга, И.Н. Коваль поднял расчёт в атаку и отстоял рубеж. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

В 1945 г. окончил Рязанское артиллерийское училище. С 1946 г. майор И.Н. Коваль – в запасе. Жил в Кишинёве. Окончил республиканскую партшколу в 1949 г. и Кишинёвский техникум лёгкой промышленности в 1964 г. Работал председателем комитета профсоюза работников текстильной и лёгкой промышленности Молдавской ССР. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями.

Умер 5.02.1980 г.

С.А. Козак

КОЗАК Семен Антонович, родился 23.05.1902 г. в с. Искорость, ныне г. Коростень Житомирской области, в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1923 г. В Красной армии с 1924 г. Окончил среднюю школу, затем Киевскую военную артиллерийскую школу в 1928 г., Ленинградские автобронетанковые курсы усовершенствования командного состава в 1933 г. и Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1938 г. В 1938–1941 гг. преподавал в этой академии, затем работал в центральном аппарате НКО СССР.

На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1942 г. Командовал стрелковой дивизией и корпусом, был заместителем начальника штаба 64-й (7-й гв.) армии. С апреля 1943 г. командир 73-й гвардейской стрелковой дивизии (2-й Украинский фронт). За форсирование дивизией Днепра, закрепление на плацдарме на правом берегу и проявленные при этом отвагу и мужество 26.10.1943 г. гвардии полковнику С.А. Козаку присвоено звание Героя Советского Союза. За умелое руководство частями дивизии (3-й Украинский фронт) при форсировании Дуная 28.04.1945 г. гвардии генерал-майор С.А. Козак награждён второй медалью «Золотая Звезда».

После войны генерал-лейтенант С.А. Козак командовал стрелковым корпусом, армией, был помощником командующего войсками Дальневосточного военного округа. Депутат Верховного Совета СССР третьего созыва. Народный Герой Югославии. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 2 ст., медалями.

Умер 24.12.1953 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Бронзовый бюст установлен в Коростене. Его именем названы улицы в Волгограде и Коростене.

КОЛЕСНИК Василий Степанович, родился в 1923 г. в с. Боровая, ныне посёлок городского типа Харьковской области, в семье крестьянина. Украинец. Окончил 7 классов. Работал трактористом. В Красной армии с января 1942 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. Сапёр 75-го отдельного пулемётного батальона (112-й укрепленный

В.С. Колесник

район, 1-я Краснознамённая армия, 1-й Дальневосточный фронт), комсомолец, ефрейтор В.С. Колесник 10.08.1945 г. в составе подразделения участвовал в бою за опорный пункт врага в районе населённого пункта Шэбэнь-тунь (южнее г. Мишань, Китай). Продолав три прохода в проволочных заграждениях и разминировав минное поле, подполз к доту, из которого бил пулемёт. Израсходовав гранаты и патроны, своим телом закрыл амбразуру дота. Его подвиг позволил подразделению продвинуться вперёд. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в с. Турий Рог Ханкайского района Приморского края. Памятник и мемориальная доска установлены в посёлке городского типа Боровая, с. Турий Рог и во Владивостоке. Именем Героя названы улица во Владивостоке и школа в с. Турий Рог. Комсомольский билет, пробитый пулями, хранится в Центральном музее Вооружённых сил РФ в Москве.

П.Ф. Кольцов

КОЛЬЦОВ Павел Фёдорович, родился 20.01.1910 г. во Владивостоке в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1949 г. В 1926 г. окончил н/среднюю школу. В 1931–1932 и 1935–1940 гг. работал шофёром на автобазе в Омске; в 1940–1941 гг. работал шофёром в г. Майкоп Краснодарского края. В Красной армии в 1932–1935 гг. и с июня 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир пулемётного расчёта 905-го стрелкового полка (248-я стр. див., 5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) мл. сержант П.Ф. Кольцов 17.04.1945 г., участвуя в прорыве одерского оборонительного рубежа в районе населённого пункта Альт-Розенталь (южнее г. Врицен, Германия), с риском для жизни выдвинулся вперёд и пулемётным огнём во фланг противнику уничтожил 85 гитлеровцев. В уличных боях за Берлин с 27 апреля по 2 мая 1945 г. лично уничтожил 105 вражеских солдат и офицеров. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г.

В 1945 г. сержант П.Ф. Кольцов демобилизован. Жил в г. Зыряновск Восточно-Казахстанской области. Работал шофёром, с 1953 г. – слесарем на свинцовом комбинате. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 31.03.2011 г.

П.С. Колодяжный

КОЛОДЯЖНЫЙ Пётр Семёнович, родился 2.07.1921 г. в дер. Верхняя Зима ныне Зиминского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. С 1930 г. жил в Приморском крае, с 1937 г. – в Томске. Окончил среднюю школу. Работал в экспедиции Бампроекта. В Красной армии с апреля 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Командир отделения 104-го отдельного батальона 5-й инженерно-сапёрной бригады (57-я армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), ст. сержант П.С. Колодяжный 26.09.1943 г.

с отделением сапёров на двух лодках начал переправу стрелков на правый берег Днепра у с. Сошиновка (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.). Прикрывал высадку десанта. В дальнейшем в течение четырёх суток с небольшой группой находился на Днепровском острове, принимая огонь на себя и отвлекая внимание противника от переправы. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

В 1946 г. демобилизован. В 1947 г. вновь призван в армию. В 1951 г. окончил Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева. С 1972 г. полковник П.С. Колодяжный – в запасе. Жил в г. Красногорск Московской области. Работал в НИИ в г. Москва. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 15.12.2005 г.

А.Н. Комаров

КОМАРОВ Александр Николаевич, родился 15.07.1922 г. в дер. Изюк ныне Тевризского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. В 1939 г. окончил два курса пед. техникума. Работал директором Чудесненской начальной школы Тевризского района. В ВМФ с 1941 г.

Участник советско-японской войны с августа 1945 г. Зам. командира отделения автоматчиков 13-й бригады морской пехоты Тихоокеанского флота ст. матрос А.Н. Комаров в составе десанта высаживался в порт Сейсин (Чхонджин, Корея). Водрузил красное знамя в порту. Будучи трижды ранен, оставался в строю и продолжал прикрывать отход роты. Спас жизнь своему командиру. Попав в окружение, в течение четырёх дней продолжал вести борьбу с противником, пока не пробился в свою часть. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1953 г. окончил Военно-политическую академию. С 1974 г. капитан 1-го ранга А.Н. Комаров – в запасе. Жил в Ленинграде. Работал директором туристической базы областного совета по туризму и экскурсиям. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 17.08.1982 г. Именем Героя названы улица и район парка отдыха в с. Тевриз Омской области.

В.А. Конев

КОНЕВ Виктор Александрович, родился 21.08.1924 г. в пос. Шимановск, ныне город в Амурской области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование среднее. Работал слесарем по ремонту автодрезин железнодорожного транспорта. В Красной армии с августа 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с 1943 г. Окончил в 1943 г. ускоренный курс Хабаровского миномётного училища. Командир огневого взвода 45-мм пушек 288-го гвардейского стрелкового полка (94-я гв. стр. див., 5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии лейтенант В.А. Конев отличился в Висло-Одерской операции. 14.01.1945 г. форсировал р. Пилица у населённого пункта Михалув-Дольны

(15 км юго-западнее г. Варка, Польша), в бою за плацдарм на левом берегу подавил огневые точки и захватил батарею 75-мм пушек врага, что дало возможность стрелковым подразделениям продолжать наступление. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

Умер 03.02.1998 г.

Н.И. Кононенков

КОНОНЕНКОВ Николай Иванович, родился 9.05.1922 г. в дер. Пересуха ныне Щигровского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал трактористом. В Красной армии с февраля 1943 г.

В действующей армии с июля 1943 г. Сапёр 170-го инженерно-сапёрного батальона (14-я инж.-сап. бригада, 65-я армия, Центральный фронт), ефрейтор Н.И. Кононенков отличился в сентябре 1943 г. при форсировании Днепра в районе посёлка городского типа Лоев (Гомельская обл.). На лодке тремя рейсами переправил 75 бойцов. Под огнём противника перетянул на правый берег канат для организации паромной переправы и закрепил его. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

В 1945 г. окончил Саратовское танковое училище. С 1946 г. капитан технической службы Н.И. Кононенков – в отставке. В 1956 г. окончил сельхозтехникум в Улан-Удэ. Жил в с. Черниговка Приморского края. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 4.02.2011 г.

Г.А. Коптилов

КОПТИЛОВ Григорий Александрович, родился 20.09.1917 г. в г. Николаевск-на-Амуре ныне Хабаровского края в семье рабочего. Русский. Окончил начальную школу. Работал шахтёром в Душанбе. В Красной армии с 1938 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир отделения 842-го стрелкового полка (240-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант Г.А. Коптилов преодолел Днепр в ночь на 28.09.1943 г. у с. Лютеж (Вышгородский район Киевская обл.). Во главе отделения захватил рубеж на правом берегу, отбивал контратаки врага до подхода основных сил полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.11.1943 г.

В 1945 г. демобилизован. Жил в с. Басовка Сумского района Сумской области. Работал в колхозе. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 16.03.2000 г.

А.Н. Кореляков

КОРЕЛЯКОВ Алексей Николаевич, родился 27.03.1926 г. в дер. Громошиха Устюженского района Вологодской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1950 г. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. В Красной армии с ноября 1943 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Стрелок мотострелкового батальона 172-й танковой бригады (2-й Дальневосточный фронт), комсомолец, рядовой А.Н. Кореляков отличился в августе 1945 г. в боях за населённый пункт Дахэжэнь (северо-

восточнее г. Баоцин, Китай) и г. Баоцин. Первым поднимался в атаку. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1947 г. ефрейтор А.Н. Кореляков демобилизован. Жил в Ленинграде. Работал шофёром. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 18.06.1950 г. Его именем названа улица в г. Устюжна Вологодской области.

В.Д. Корнер

КОРНЕР Виктор Дмитриевич, родился 20.01.1912 г. в с. Ивангород ныне Александровского района Кировоградской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил сельхозтехникум. Работал агрономом в Ружинской МТС Житомирской области. В ВМФ с 1931 г. Окончил в 1933 г. в Ленинграде курсы комсостава ВМФ.

Участник советско-японской войны 1945 г. командир монитора 1-й бригады речных кораблей (Амурская флотилия) капитан 3-го ранга В.Д. Корнер во главе дозорно-разведывательного отряда кораблей прошёл с боями по р. Сунгари (Сев.-Вост. Китай) свыше 2 тыс. км. Корабль уничтожил пять дотов, 12 дзотов, 6 артиллерийских и миномётных батарей. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1949 г. окончил Военно-морскую академию. С 1973 г. контр-адмирал В.Д. Корнер – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 12.05.1984 г.

И.П. Коробкин

КОРОБКИН Иван Петрович, родился в 1921 г. в с. Родино ныне Родинского района Алтайского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Жил на железнодорожной ст. Манзовка, ныне посёлок городского типа Сибирцево Приморского края, где окончил 10 классов. В Красной армии с 1939 г. В 1941 г. окончил Ленинградское артиллерийское училище.

С началом Великой Отечественной войны на фронте. Командир дивизиона 233-го гвардейского артиллерийского полка (95-я гв. стр. див., 5-я гв. армия, 2-й Украинский фронт) гвардии капитан И.П. Коробкин в числе первых форсировал Днестр, участвовал в захвате плацдарма. 16.09.1944 г. у с. Ташлык (Григориопольский р-н Молдавия), умело управляя огнём, отразил контратаку и уничтожил четыре самоходных орудия. Когда при повторной контратаке вражеская пехота прорвалась к позициям артиллеристов, организовал круговую оборону и сумел восстановить положение. В этом бою погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями. Похоронен в с. Ташлык.

КОРОТКОВ Константин Александрович, родился 21.02.1920 г. в Москве в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г.

К.А. Коротков

Окончив 7 классов и школу ФЗУ, работал токарем. В Красной армии с 1940 г. Служил на Дальнем Востоке.

В боях Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Заряжающий миномёта миномётной роты, комсорг батальона 30-го гвардейского воздушно-десантного полка (10-я гв. возд.-дес. див., 37-я армия, Степной фронт), гвардии сержант К.А. Коротков в ночь на 1.10.1943 г. с первым эшелоном переправился на правый берег Днепра в районе с. Мишурино (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.). Рота захватила узкую полосу земли и, отражая многочисленные атаки врага, удержала плацдарм. Когда выбыл из строя командир роты, К.А. Коротков принял командование на себя и успешно выполнил задачу, овладев южной окраиной села. Был ранен, но не покинул поле боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалью.

Погиб в боях при освобождении Австрии 31.03.1945 г.

В память о Герое, который был чемпионом края по боксу, на Дальнем Востоке проводятся спортивные состязания на приз имени К.А. Короткова.

Вик. Ник. Косов

КОСОВ Виктор Николаевич, родился 3.01.1922 г. в с. Климоуцы ныне Свободненского района Амурской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал шофёром, электрослесарем. В Красной армии с марта 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1942 г. Командир отделения взвода пешей разведки 1116-го стрелкового полка (333-я стр. див., 12-я армия, Юго-Западный фронт) ст. сержант В.Н. Косов 26.09.1943 г. в составе десантной группы успешно преодолел Днепр в районе с. Войсковое (Солонянский р-н Днепропетровская обл.). Первым ворвался в траншею противника и в рукопашной схватке уничтожил нескольких гитлеровцев, с 26.09 по 4.10.1943 г. во главе отделения успешно отражал контратаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 19.03.1944 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в г. Спасск-Дальний Приморского края. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 12.12.1980 г.

А.Н. Костин

КОСТИН Александр Николаевич, родился 28.05.1926 г. в дер. Саньково Тихвинского р-на Ленинградской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1964 г. Образование н/среднее. Работал в колхозе. В Красной армии с ноября 1943 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1944 г. Наводчик станкового пулемёта 543-го стрелкового полка (120-я стр. див., 21-я армия, 1-й Украинский фронт) рядовой А.Н. Костин во время боя на подступах к г. Оппельн (Ополе, ПНР) 23.01.1945 г. заменил выбывшего из строя командира стрелкового отделения, умело руководил боем при отражении контратаки против-

ника. 31.01.1945 г. одним из первых переправился с расчётом на левый берег Одера. Расчёт огнём поддерживал переправу подразделений. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

В 1951 г. окончил Высшую офицерскую школу. С 1953 г. капитан А.Н. Костин – в запасе. Жил в с. Тамга Лесозаводского горсовета Приморского края. Работал в местном колхозе, затем в совхозе бригадиром. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 20.01.1994 г.

Е.Д. Костицын

КОСТИЦЫН Егор Дмитриевич, родился 23.08.1919 г. в дер. Чепчаны ныне Фаленского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование начальное. Работал в г. Комсомольск-на-Амуре. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир отделения 5-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона (61-я армия, 1-й Белорусский фронт) сержант Е.Д. Костицын отличился при форсировании Одера 17.04.1945 г. в районе населённого пункта Нидер-Вутцов (5 км юго-зап.г. Цедыня, Польша). Вместе с бойцами отделения собрал 30-тонный паром для переправы артиллерии и войск. Был ранен, но продолжал работать на переправе. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

В 1945 г. ст. сержант Е.Д. Костицын демобилизован. Жил и работал в посёлке городского типа Северный Коммунар Пермской области. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 1.02.1991 г.

С.П. Кострицкий

КОСТРИЦКИЙ Сергей Петрович, родился 25.09.1910 г. в г. Евпатория (Крым) в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 9 классов. Работал на Харьковском тракторном заводе. В ВМФ с 1931 г. Окончил в 1933 г. специальные курсы командного состава. Служил на торпедных катерах Тихоокеанского флота.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир 3-го дивизиона торпедных катеров (1-я бригада торпед. катеров, Тихоокеанский флот) капитан 3-го ранга С.П. Кострицкий умело организовал разведку боем, высадку и поддержку десанта. Дивизион под его командованием потопил 5 транспортных общим водоизмещением 41 тыс. т, сбил вражеский самолёт. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1970 г. контр-адмирал С.П. Кострицкий – в запасе. Жил в Риге (Латвия). Работал в Латвийском морском пароходстве первым помощником капитана теплохода «Сена». Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями, иностранным орденом.

Умер 3.02.1982 г.

В.А. Кот

КОТ Василий Андреевич, родился 8.03.1916 г. в дер. Найда ныне Житковичского района Гомельской области (Белоруссия) в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1940 г. После окончания н/средней школы учился в кооперативном техникуме. Работал бухгалтером в райпотребсоюзе. В Красной армии с октября 1937 г. В 1940 г. окончил Хабаровское военно-политическое училище.

Участник советско-японской войны 1945 г. Инструктор политотдела 101-й стрелковой дивизии (16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) ст. лейтенант В.А. Кот отличился при высадке десанта на о-в Шумшу (Курильские о-ва). 18.08.1945 г. под огнём противника одним из первых, увлекая за собой десантников, вплавь добрался до берега. После гибели командира стал командовать отрядом и несколько раз водил его в атаку. В тяжёлом бою отряд удержал плацдарм и обеспечил высадку главных сил дивизии. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1949 г. окончил 10 классов, в 1952 г. – Ленинградские высшие курсы Главного политического управления. С 1963 г. полковник В.А. Кот – в запасе. Жил во Львове. Работал начальником отдела кадров завода. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Почётный гражданин г. Северо-Курильск Сахалинской области.

Умер 10.11.1998 г.

Ф.П. Котляр

КОТЛЯР Феодосий Порфирьевич, родился 27.08.1904 г. на ст. Вяземская, ныне г. Вяземский Хабаровского края, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1928 г. Окончил 4 класса. В Красной армии с 1926 г. В 1931 г. окончил Оренбургскую военную авиационную школу, в 1938 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе. Участник освободительного похода советских войск в Западную Белоруссию Украину 1939 г., советско-финляндской войны 1939–1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. 4-я гвардейская бомбардировочная авиационная дивизия (3-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт) под командованием гвардии генерал-майора авиации Ф.П. Котляра отличилась в боях в Восточной Пруссии. В дивизии с мая 1943 г. по апрель 1945 г. произведено 2210 боевых вылетов. Лично Ф.П. Котляр за это время совершил 118 боевых вылетов. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г.

После войны окончил Военно-воздушную академию, Военную академию Генштаба. Занимал ряд командных должностей. С 1960 г. генерал-лейтенант авиации Ф.П. Котляр – в запасе. Окончил исторический факультет МГУ, кандидат исторических наук. Работал начальником спецкурсов ВВС в Москве. Награждён тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 18.09.1980 г.

И.В. Котов

КОТОВ Иван Васильевич, родился 7.01.1920 г. в с. Ликша ныне Лужского района Ленинградской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил в 1938 г. Лужское педагогическое училище. Работал учителем в с. Херпучи Хабаровского края. В ВМФ с 1940 г. Служил на Тихоокеанском флоте.

В боях Великой Отечественной войны с февраля 1942 г. Огневой взвод 436-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона (399-я стр. див., 48-я армия, 2-й Белорусский фронт) под командованием старшины И.В. Котова 3.09.1944 г., действуя в боевых порядках наступающей пехоты, уничтожил огневые точки противника и вышел к р. Нарев в районе населённого пункта Дроздово (в 11 км южнее г. Ружан, Польша). В ночь на 4 сентября организовал переправу взвода и в ожесточённом бою за удержание плацдарма уничтожил 3 танка и группу автоматчиков. Все контратаки были отбиты с большими для противника потерями. На счету огневого взвода семь сожжённых танков врага, три БТР, девять автомашин, восемь орудий, 27 пулемётов. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.11.1944 г.

В 1944 г. окончил курсы мл. лейтенантов. С 1946 г. лейтенант И.В. Котов – в запасе. Окончил в 1951 г. Ленинградский государственный университет. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономико-математического расчёта экономического факультета Ленинградского государственного университета. Жил в Ленинграде (с 1991 г – Санкт-Петербург). Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 28.08.2000 г.

М.И. Кочетков

КОЧЕТКОВ Михаил Иванович, родился 8.11.1910 г. в с. Варламово ныне Чебаркульского района Челябинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. Окончил 7 классов, курсы пропагандистов. Работал зав. отделом пропаганды Чебаркульского райкома комсомола. В ВМФ с 1931 г. Был на партийно-политической работе. С 1938 г. служил в морской пехоте Тихоокеанского флота. В 1944 г. сдал экзамены на командира стрелкового взвода.

В период войны против Японии зам. командира по политической части 355-го отдельного батальона морской пехоты (Тихоокеанский флот) капитан М.И. Кочетков 14.08.1945 г. в составе первого эшелона десанта высадился в порт Сейсин (Чхонджин, КНДР). Заменял погибшего командира роты и организовал оборону занятого участка. Под его командованием морские пехотинцы в течение двух суток сдерживали натиск превосходящих сил врага. Только за одну ночь было отражено 16 контратак противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1955 г. окончил Высшие академические курсы при Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1957 г. полковник

М.И. Кочетков – в запасе. Жил в Севастополе. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.
Умер 17.04.2000 г.

В.Г. Кочнев

КОЧНЕВ Владимир Георгиевич, родился 31.05.1914 г. на ст. Загарино, ныне посёлок городского типа Хилокского района Читинской области, в семье железнодорожного рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Детство и юность провёл на ст. Могзон, ныне посёлок городского типа Хилокского района. Окончил 7 классов и школу ФЗУ. Работал слесарем на Читинском вагоноремонтном заводе, учился в аэроклубе. Окончив Тамбовскую школу Гражданского воздушного флота, работал лётчиком в Хабаровске. С мая 1942 г. на курсах в лётном центре г. Новосибирск, с августа – на лётной работе в ГВФ.

Участник Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Зам. командира эскадрильи 26-го гвардейского авиационного полка (2-я гв. авиац. див., 2-й гв. авиац. корпус авиации дальнего действия) гвардии капитан В.Г. Кочнев к апрелю 1944 г. совершил 197 боевых вылетов, в том числе 186 вылетов ночью, на бомбардировку важных военных объектов на фронте и в глубоком тылу противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 19.08.1944 г. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст.

Погиб 15.04.1945 г. при выполнении боевого задания. Похоронен в с. Великая Александровка Бориспольского района Киевской области. Именем Героя названы улица в Хабаровске, ГПТУ № 3 в г. Хилок. На ст. Загарино сооружён обелиск.

Б.К. Кошечкин

КОШЕЧКИН Борис Кузьмич, родился 28.12.1921 г. в с. Бекетовка ныне Вешкаймского района Ульяновской области в семье служащего. В 1936 г. вместе с родителями переехал в Хабаровск. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. В 1937 г. окончил педагогический техникум, в 1938 г. – курсы усовершенствования учителей. Работал в Хабаровске. В Красной армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Казанское танковое училище.

Участник Великой Отечественной войны с 1943 г. Командир танковой роты 13-й гвардейской танковой бригады (4-й гв. танк. корпус. 60-я армия, 1-й Украинский фронт) гвардии лейтенант Б.К. Кошечкин 7.03.1944 г. в тяжёлых условиях распутицы вёл разведку в тылу противника. Выйдя на шоссе Збараж – Тернополь, отрезал путь отхода танкам и автомашинам противника. Вклинившись в колонну противника, уничтожил огнём из танковой пушки, пулемёта и гусеницами много живой силы и боевой техники противника. Первым ворвался на танке в Тернополь, поджёг два фашистских танка, уничтожил противотанковое орудие вместе с расчётом. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.05.1944 г.

В 1948 г. окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Работал ст. преподавателем военного училища. С 1972 г. полковник Б.К. Кошечкин – в запасе. Жил

в Киеве. Работал старшим инструктором организационного управления Украинского кооперативного союза. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 21.10.2017 г.

А.Г. Кравченко

КРАВЧЕНКО Андрей Григорьевич, родился 30.11.1899 г. на хуторе Сулимин, ныне с. Сулимовка Яготинского района Киевской области, в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1925 г. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Полтавскую военную пехотную школу в 1923 г., Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1928 г. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1941 г., командир 2-го, затем 4-го танковых корпусов. В ноябре 1942 г. 4-й (с 1943 г. – 5-й гвардейский) танковый корпус участвовал в окружении 6-й немецкой армии под Сталинградом, в июле 1943 г. – в танковом сражении под Прохоровкой, в октябре – в битве за Днепр. 10.01.1944 г. за умелое руководство корпусом и личную храбрость гвардии генерал-лейтенанту А.Г. Кравченко присвоено звание Героя Советского Союза. С января 1944 г. генерал-лейтенант танковых войск А.Г. Кравченко – командующий 6-й танковой армией (с сентября 1944 г. – гвардейская), которая после разгрома фашистской Германии участвовала в августе – сентябре 1945 г. в боевых действиях по освобождению Маньчжурии. 8.09.1945 г. за умелое командование танковой армией, героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами, генерал-полковник танковых войск (1944 г.) А.Г. Кравченко награждён второй медалью «Золотая Звезда».

В 1949 г. окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Командовал армией, бронетанковыми и механизированными войсками в ряде военных округов. С 1954 г. помощник командующего войсками Дальневосточного военного округа. С 1955 г. – в запасе. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., орденами Богдана Хмельницкого 1 ст., Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., медалями, а также иностранными орденами.

Умер 18.10.1963 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Бронзовый бюст установлен на родине.

КРАПИВНЫЙ Фёдор Андреевич, родился 28.07.1916 г. в с. Замостье ныне Суджанского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование 7 классов и школа ФЗУ. Работал бригадиром электрослесарей на заводе в Харькове. В 1937 г. окончил Донецкий аэроклуб. В ВМФ с 1938 г. В августе 1943 г. окончил школу пилотов ВВС Тихоокеанского флота. Служил в авиации Тихоокеанского флота.

Ф.А. Крапивный

В 1945 г. в период боевых действий против империалистической Японии командир звена 37-го штурмового авиационного полка (12-я штурм. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) мл. лейтенант Ф.А. Крапивный, совершая боевые вылеты на штурмовку вражеских войск, лично потопил в порту Юки (Унги, Корея) транспорт противника водоизмещением 2 тыс. т и в составе группы – транспорт водоизмещением 3 тыс.т. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

С 1958 г. майор Ф.А. Крапивный – в запасе. Жил в г. Николаев (Украина). Работал диспетчером на авиационном предприятии. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 22.07.2000 г.

А.Ф. Кретов

КРЕТОВ Александр Фёдорович, родился в 1918 г. в с. Сокольне Тимского района Курской области. Русский. Член ВКП(б). Окончив педагогическое училище в 1937 г., работал учителем в с. Нижнетамбовское Комсомольского района Хабаровского края. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Военный комиссар танковой роты 2-го танкового батальона (14-я танк. бригада, 40-я армия, Юго-Западный фронт) политрук А.Ф. Кретов в боях 14.01.1942 г. у дер. Выползово и 19 января у дер. Машнино (Солнцевский район Курская обл.) лично уничтожил пять и подбил два вражеских танка, подавил несколько огневых точек. Погиб в бою 19.01.1942 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.03.1942 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Похоронен в дер. Гридасово Солнцевского района Курской области. Мемориальная доска установлена в с. Нижнетамбовское.

М.П. Крыгин

КРЫГИН Михаил Петрович, родился 18.07.1918 г. в с. Кабановка ныне Кинель-Черкасского района Куйбышевской области. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил 7 классов, работал наборщиком в типографии. В ВМФ с 1939 г. Окончил военно-политические курсы. Служил в береговой обороне Тихоокеанского флота.

Участник советско-японской войны 1945 г. Оперуполномоченный отдела контрразведки СМЕРШ островного сектора береговой обороны (Владивостокский морской оборонительный район, Тихоокеанский флот) лейтенант М.П. Крыгин во главе разведгруппы 13.08.1945 г. высадился в порту Сейсин (Чхонджин, КНДР). Группа заняла разведцентр противника и захватила ценные документы. Увлекая за собой бойцов, М.П. Крыгин 12 раз водил их в атаку на врага. Погиб 14.08.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст.

Именем Героя названы улицы в Севастополе, Владивостоке. Его имя носят улица, школа и клуб в Кабановке, бюст М.П. Крыгина установлен в родном селе.

Н.И. Крылов

КРЫЛОВ Николай Иванович, родился 29.04.1903 г. в с. Галяевка, ныне Вишнёвое Тамалинского района Пензенской области, в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1927 г. Образование среднее. В Красной армии с 1919 г. В годы Гражданской войны был командиром взвода, роты, батальона. Окончил пехотно-пулемётные курсы красных командиров в 1920 г., курсы «Выстрел» – в 1928 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Начальник оперативного отдела штаба, начальник штаба Приморской армии. С сентября 1942 г. начальник штаба 62-й армии, с июня 1943 г. командовал 21-й, 3-й, 5-й армиями, участвовавшими в Белорусской, Восточно-Прусской операциях и в разгроме Квантунской армии в период советско-японской войны. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, 19.04.1945 г. генерал-полковнику Н.И. Крылову присвоено звание Героя Советского Союза. 8.09.1945 г. за умелое командование армией в боях с японскими милитаристами Награждён второй медалью «Золотая Звезда».

После войны был заместителем командующего Приморским военным округом, в 1947–1953 гг. – командующим войсками Дальневосточного округа, в 1953–1956 гг. – 1-й заместитель командующего войсками ДВО, затем командовал войсками Уральского военного округа, с 1958 г. – командующий войсками Ленинградского военного округа, с 1960 г – Московского военного округа. Маршал Советского Союза (1962). В 1963–1972 гг. – главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения СССР, – зам. министра обороны СССР. Член ЦК.

Умер 9.02.1972 г.

А.Н. Ксынкин

КСЫНКИН Алексей Николаевич, родился 15.03.1923 г. в с. Алгасово ныне Моршанского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1949 г. Окончил среднюю школу в 1941 г. Был комсоргом Харьковского ремесленного училища № 7. В Красной армии с января 1942 г. Окончил Благовещенское военное пехотное училище в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Командир взвода 29-го гвардейского стрелкового полка (12-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), комсомолец, гвардии лейтенант А.Н. Ксынкин в ночь на 29.09.1943 г. со взводом в числе первых преодолел Днепр у дер. Глушец (Лоевский р-н Гомельская обл.). На правом берегу реки блокировал врытый в землю танк, разгромил штаб вражеского батальона и захватил ценные документы. Принял на себя командование ротой и в течение двух суток удерживал рубеж до подхода подкрепления. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1964 г. подполковник А.Н. Ксынкин – в запасе. Жил в Харькове, работал ст. инженером в производственном объединении хлебопекарной промышленности. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 12.02.1984 г.

Л.В. Кудакровский

КУДАКОВСКИЙ Лев Власович, родился 29.09.1918 г. во Владивостоке в семье крестьянина-переселенца из Сумской области. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Жил в Москве, с 1936 г. в с. Рогинцы Роменского района Сумской области. Окончил среднюю школу. В Красной армии с 1937 г. Окончил военный факультет Московского государственного института физической культуры и спорта в 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1942 г. Командир батальона 992-го стрелкового полка (306-я стр. див., 43-я армия, 1-й Прибалтийский фронт) майор Л.В. Кудакровский 24.06.1944 г. в числе первых переправился через р. Западная Двина у дер. Шарипино (Бешенковичский р-н Витебская обл.), затем организовал переправу батальона. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени.

Был ранен и умер 29.07.1944 г. Похоронен в г. Вабальнинкас (Литва). Именем Героя названа школа № 7 во Владивостоке.

Вик. Пет. Кузнецов

КУЗНЕЦОВ Виктор Петрович, родился 24.11.1924 г. в Хабаровске в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил школу № 1 во Владивостоке в 1940 г. Работал фотографом. В Красной армии с августа 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с мая 1943 г. Командир отделения 1052-го стрелкового полка (301-я стр. див., 5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт), комсомолец, ст. сержант В.П. Кузнецов с отделением 14.01.1945 г. у населённого пункта Выборув (12 км западнее г. Магнушев, Польша) в рукопашной схватке уничтожил десятки гитлеровцев; 15 января В.П. Кузнецов подавил гранатами две огневые точки, обеспечив переправу роты через р. Пилица у населённого пункта Марынки (17 км западнее г. Магнушев). Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в Ташкенте, работал кинооператором. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Славы 3 ст., медалями.

Умер 10.12.1987 г.

А.Н. Кузнецов

КУЗНЕЦОВ Александр Николаевич, родился в 1923 г. в с. Тропино Колыванского р-на Новосибирской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив 7 классов, работал в колхозе. С 1936 г. жил и работал на Камчатке, с 1940 г. – в Бикинском районе Хабаровского края. В Красной армии с 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир орудия 87-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона (81-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт) гвардии ст. сержант А.Н. Кузнецов 25.09.1943 г. в составе части форсировал Днепр и участвовал в захвате плацдарма у хутора Потребил (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.). В бою 7 октября уничтожил при поддержке соседних орудий четыре «тигра». Был ранен, но вывел расчёт из окружения.

Умер 25.10.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г. Награждён орденом Ленина и медалью. Похоронен в с. Ольховатка Кобеляцкого р-на Полтавской обл.

Н.Г. Кузнецов

КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович, родился 24.07.1902 г. в дер. Медведки ныне Котласского района Архангельской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1925 г. В ВМФ с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил военно-морское училище в 1926 г., военно-морскую академию в 1932 г. Был помощником командира крейсера «Красный Кавказ», затем командиром крейсера «Червона Украина». В 1936–1937 гг. – военно-морской атташе и главный военно-морской советник в республиканской Испании. С 1937 г. заместитель командующего и командующий Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 гг., – нарком ВМФ СССР, зам. мин. ВС – главком ВМС.

В период Великой Отечественной войны умело руководил боевыми действиями Военно-Морского Флота, осуществлял взаимодействие флотов с сухопутными войсками Красной Армии. За образцовое выполнение заданий в ходе Великой Отечественной войны и проявленные при этом героизм и мужество адмиралу флота Н.Г. Кузнецову 14.09.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны занимал различные должности в ВМФ, в 1950 г. – командующий 5-м военно-морским флотом на Тихом океане, в 1951–1953 гг. – военно-морской министр, в 1953–1956 гг. 1-й заместитель министра обороны СССР – главнокомандующий ВМФ (в 1955–1956 гг. адмирал флота Советского Союза). Вице-адмирал (1956). Член ЦК ВКП(б) в 1939–1955 гг. Депутат Верховного Совета СССР 1, 2 и 4-го созывов. Награждён четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями, иностранными орденами.

Умер 6.12.1974 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

С.М. Кузнецов

КУЗНЕЦОВ Степан Матвеевич, родился 6.01.1911 г. в дер. Выдры ныне Зуевского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 7 классов и два курса рабфака Уральского лесотехнического института. Работал в Уралхлебторге в Свердловске (ныне – Екатеринбург). В ВМФ с 1933 г. В 1936 г. окончил курсы лейтенантов Уральского военного округа.

Участник советско-японской войны 1945 г. командир 71-го отряда особого назначения Амурской военной флотилии капитан С.М. Кузнецов в августе 1945 г. во главе разведывательных групп участвовал в разведке противника при взятии населённых пунктов Фуцзинь, Цзямусы и других (Сев.-Вост. Китай). В проведённых в этот период боях отряд уничтожил до 300 вражеских солдат и офицеров. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1955 г. окончил Военно-морское политическое училище (экстерном). С 1960 г. подполковник С.М. Кузнецов – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Умер 15.11.1983 г.

П.Н. Куницын

КУНИЦЫН Пётр Николаевич, родился 20.06.1921 г. в с. Михайловка ныне Благовещенского района Амурской области. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование среднее. Работал мастером ОТК в Благовещенске. В Красную армию призван в сентябре 1940 г.

В боях Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Командир отделения 132-го отдельного сапёрного батальона (38-я стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) ст. сержант П.Н. Куницын при переправе частей дивизии через Днепр в районе с. Григоровка (Каневский район Черкаска обл.) 23-30.09.1943 г. на пароме из подручных средств переправил 24 противотанковых орудия, 1700 бойцов с вооружением и до 6 т других грузов, чем способствовал захвату и удержанию плацдарма на правом берегу реки. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. В 1944 г. окончил курсы мл. лейтенантов.

С июня 1946 г. лейтенант П.Н. Куницын – в запасе. Работал слесарем на Жмеринском вагоноремонтном заводе (Винницкая обл.). Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. Умер 28.11.1967 г.

Д.А. Купцов

КУПЦОВ Дмитрий Александрович, родился 13.05.1915 г. в с. Зюзино ныне Раменского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Окончил школу крестьянской молодёжи в с. Кудиново Ногинского района Московской области в 1930 г. Работал слесарем Люберецкого электромеханического завода Московской области. С 1930 г. жил в Ольском районе Магаданской области. Работал коком на судах торгового флота. В Красной армии в 1937–1938 гг. и с августа 1943 г.

В боях Великой Отечественной войны с января 1944 г. Разведчик 257-й отдельной разведывательной роты (199-я стр. див., 49-я армия, 2-й Белорусский фронт) рядовой Д.А. Купцов в ночь на 27.06.1944 г. в составе роты одним из первых вплавь преодолел Днепр в районе дер. Требухи (ныне дер. Калиновая Могилевского района Могилёвской обл.), захватил рубеж и закрепился на нём. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в с. Вялки Раменского района Московской области. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 14.05.1997 г.

КУРБАЕВ Афанасий Афанасьевич, родился 31.03.1907 г. в с. Вольно-Надеждинское ныне Надеждинского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Работал в совхозе. В Красной армии с июня 1941 г.

А.А. Курбаев

В действующей армии с июля 1941 г. Стрелок 130-го гвардейского стрелкового полка (44-я гв. стр. див., 1-я гв. армия, Юго-Западный фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии рядовой А.А. Курбаев у ст. Красновка (Тарасовский район Ростовская обл.) в составе группы из 13 чел. 15.01.1943 г. ворвался на окраину сильно укрепленного пристанционного посёлка Донской. Из захваченных трёх домов бойцы отразили несколько вражеских атак, продолжая сражаться в подожжённых гитлеровцами строениях. В этом бою погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.03.1943 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в братской могиле на ст. Красновка. У перрона станции установлен памятник тринадцати героям. В Центральном музее Вооружённых сил имеется стенд «Тринадцать героев Красновки».

М.Т. Курбатов

КУРБАТОВ Михаил Тихонович, родился 15.01.1924 г. в посёлке городского типа Магдагачи Амурской области. Русский. Окончил 7 классов. В Красной армии с 1942 г. С того же года на фронте.

Помощник командира взвода 878-го стрелкового полка (290-я стр. див., 49-я армия, 2-й Белорусский фронт), комсомолец, мл. сержант М.Т. Курбатов 23–28.06.1944 г. заменил выбывшего из строя командира взвода, умело руководил боем. 28.06.1944 г. на окраине г. Могилев подполз к вражескому дзоту и уничтожил его, забросав гранатами. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. Награждён орденом Ленина.

Погиб 18.07.1944 г. Похоронен в братской могиле в г. Гродно. Его имя носят улицы в Гродно и Магдагачи, школа № 156 в Магдагачи. Установлен бюст Героя в Гродно на одном из заводов, обелиск – в Магдагачи.

А.В. Лапик

ЛАПИК Алексей Васильевич, родился 24.03.1906 г. в дер. Антоновка ныне Красногорского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Жил в с. Чугуевка ныне Чугуевского района Приморского края. Окончил начальную школу. Работал в леспромхозе. В Красной армии и на фронте с 1942 г.

Автоматчик 32-го гвардейского стрелкового полка (12-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт) гвардии рядовой А.В. Лапик в ночь на 29.09.1943 г. первым в полку у дер. Глушец (Лоевский район Гомельской обл.) на подручных средствах преодолел Днепр, ворвался в траншею противника, гранатами уничтожил несколько гитлеровцев и два пулемёта, мешавших переправе роты. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г. Награждён орденом Ленина, медалью.

Пропал без вести в боях в районе г. Мозырь в ноябре 1943 г. Его имя носит улица в с. Чугуевка.

ЛАРЁВ Иван Васильевич, родился в 1915 г. в с. Локоть ныне Целинного района Алтайского края в семье крестьянина.

И.В. Ларёв

Русский. Окончил 5 классов. Работал в колхозе. Призван в Красную армию в 1936 г., служил на Дальнем Востоке.

В действующей армии с февраля 1942 г. Окончил курсы мл. лейтенантов. Командир пулемётного взвода 936-го стрелкового полка (254-я стр. див., 52-я армия, Воронежский фронт), канд. в члены ВКП(б), лейтенант И.В. Ларёв в составе штурмовой группы с двумя пулемётными расчётами 1.10.1943 г. переправился через Днепр в районе с. Крещатик (Черкасский р-н Черкасская обл.), обеспечил огнём форсирование реки батальоном. Затем его взвод отразил две контратаки противника. Был ранен, но не покинул поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г. Награждён орденом Ленина.

Погиб в бою 30.01.1944 г. Похоронен в с. Поповка Смелянского р-на Черкасской области.

А.А. Ларионов

ЛАРИОНОВ Алексей Алексеевич, родился 12.03.1922 г. в с. Вязовка ныне Сызранского района Куйбышевской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1948 г. Окончил 8 классов. Работал токарем в пос. Южно-Морской Приморского края. В Красной армии с июня 1941 г., а с октября на фронте.

В 1942 г. окончил курсы мл. лейтенантов. Командир роты 12-го гвардейского стрелкового полка (5-я гв. стр. див., 11-я гв. армия, 3-й Белорусский фронт) гвардии капитан А.А. Ларионов в числе первых 14.07.1944 г. форсировал р. Неман севернее населённого пункта Меречь (Мяркине, Варенский район, Литва). Обеспечил захват ротой плацдарма, отражение вражеских контратак и переправу главных сил полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1962 г. – в запасе. Подполковник в отставке А.А. Ларионов жил и работал в г. Рязань. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 1.12.2014 г.

Н.А. Ласкунов

ЛАСКУНОВ Николай Алексеевич, родился 17.05.1911 г. в дер. Станиславово ныне Шумилинского района Витебской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1931 г. Окончил 7 классов. Был рабочим. В Красной армии с 1930 г. В 1934 г. окончил Киевскую военную школу связи, в 1941 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Участник советско-японской войны 1945 г. Заместитель начальника оперативного отдела штаба 15-й армии (2-й Дальневосточный фронт) подполковник Н.А. Ласкунов вылетел 11.08.1945 г. самолётом связи с боевым приказом в соединение, которое вело бой за г. Фуцзинь (Китай). При посадке был тяжело ранен, однако сумел не только вручить приказ, но и сообщить командиру соединения дополнительные сведения, необходимые для успешного ведения боя. В тот же день умер. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью. Похоронен на западной окраине г. Фуцзинь. В дер. Цавьи Шумилинского района Витебской области, где он жил и учился, установлена мемориальная доска.

П.Н. Лащенко

ЛАЩЕНКО Пётр Николаевич, родился 19.12.1910 г. в с. Турья ныне Щорского района Черниговской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1931 г. Работал в колхозе. В Красной армии с 1930 г. Окончил в 1933 г. Владивостокскую военную пехотную школу, в 1940 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир 322-й стрелковой дивизии (13-я армия, Центральный фронт) полковник П.Н. Лащенко умело организовал форсирование дивизией рек Сейм, Десна, Днепр и Припять в сентябре 1943 г., проявил личное мужество в этих боях. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г.

После войны был начальником Орловского, затем Рязанского военных пехотных училищ. В 1951 г. окончил Военную академию Генштаба, командовал армией, войсками военного округа. В 1968–1976 гг. генерал армии П.Н. Лащенко 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутных войск. С 1976 г. военный инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Член Центральной ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) в 1966–1971 гг. Депутат Верховного Совета СССР 7–9-го созывов. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Богдана Хмельницкого 2 ст., двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями, иностранными орденами.

Умер 21.04.1992 г.

В.Н. Леонов

ЛЕОНОВ Виктор Николаевич, родился 21.11.1916 г. в г. Зарайск ныне Московской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил н/среднюю школу в 1931 г., работал слесарем на Московском заводе «Калибр». В ВМФ с 1937 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Воевал на Северном флоте, рядовой, командир отделения, с 1942 г. заместитель командира по политчасти, затем командир 181-го особого разведывательного отряда морских разведчиков. 5.11.1944 г. за героизм и мужество, проявленные в боях за освобождение пос. Петсамо (посёлок городского типа Печенга Мурманской обл.) и северо-восточных районов Норвегии, лейтенанту В.Н. Леонову присвоено звание Героя Советского Союза. 14.09.1945 г. за боевые отличия при высадке морского десанта Тихоокеанского флота на восточном побережье Северной Кореи ст. лейтенант В.Н. Леонов награждён второй медалью «Золотая Звезда».

В 1950 г. окончил Каспийское высшее военно-морское училище. Работал в центральном аппарате ВМФ. С 1956 г. капитан 2-го ранга В.Н. Леонов – в отставке. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями, иностранным орденом.

Умер 7.10.2003 г. Бронзовый бюст установлен на родине.

А.А. Лещёв

ЛЕЩЁВ Анатолий Алексеевич, родился 23.02.1923 г. в с. Коршуновка Михайловского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Жил и учился в г. Николаевск-на-Амуре. Окончил 7 классов. Член ВКП(б) с 1943 г. В Красной армии с 1941 г. Проходил службу в Амурской военной флотилии.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир орудия 5-й гвардейской мотострелковой бригады (46-я армия, 3-й Украинский фронт) гвардии сержант А.А. Лещёв в бою 23–24.08.1944 г. в районе с. Татарбунары (ныне город Одесской области) огнём прямой наводкой уничтожил 5 орудий, 10 повозок и вынудил капитулировать 100 румынских кавалеристов. 25 августа в бою за г. Измаил открыл огонь по баржам с войсками противника и вынудил их сдаться в плен. Первым в дивизионе с орудием форсировал Дунай. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

В феврале 1946 г. демобилизован. Окончил Хабаровскую краевую партшколу. Жил и работал в Мурманске, затем в посёлке городского типа Охотск Хабаровского края в райкоме комсомола и в райкоме партии. С 1980 г. жил в г. Измаил. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 26.03.1995 г.

А.Я. Липунов

ЛИПУНОВ Александр Яковлевич, родился 25.02.1906 г. в дер. Хвойня ныне Петриковского района Гомельской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Жил с 1919 г. в г. Екатеринбург. Окончил в 1937 г. Свердловский горный техникум. Был направлен на работу в Хабаровский край, занимался геологической разведкой на Охотском побережье. В Красной армии с 1943 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1943 г. Мощник командира взвода разведки 447-го стрелкового полка (397-я стр. див., 61-я армия, 1-й Белорусский фронт) старшина А.Я. Липунов в бою за местечко Дзембово (10 км северо-западнее г. Ходзек, Польша) на германо-польской границе 25.01.1945 г. с группой разведчиков проник во вражеский тыл, разведал численность и огневые средства гарнизона города, захватил двух «языков». Этим содействовал разгрому гарнизона Дзембово. С 14.01 по 5.02.1945 г. неоднократно устанавливал расположение противника и его огневых средств в полосе наступления полка. За это время лично уничтожил около 40 и пленил 35 гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

В конце 1945 г. демобилизован. Жил и работал в г. Петриков, затем в Бобруйске. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 21.08.1962 г.. Похоронен в Бобруйске. Герою установлен обелиск в дер. Хвойня, одна из улиц г. Петриков носит его имя.

ЛИТВИНЮК Федор Григорьевич, родился в 1910 г. В с. Рыжовка ныне Уманского района Черкасской области в семье

Ф.Г. Литвинюк

крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование начальное. Жил и работал на ст. Ружино Лесозаводского горсовета Приморского края слесарем локомотивного депо. В Красной армии в 1932–1934 гг. и с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Помощник командира взвода 529-го стрелкового полка (163-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) ст. сержант Ф.Г. Литвинюк во главе одного из отделений взвода 16.09.1943 г. первым ворвался в г. Ромны, 1.10.1943 г. в числе первых под огнём противника переправился через Днепр севернее Киева. В бою 2 октября заменил раненого командира взвода, уничтожил несколько гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. Награждён орденами Ленина и Красной Звезды.

Умер от ран 6.02.1944 г. Похоронен в с. Яблоновка Белоцерковского района Киевской области. Перезахоронен в г. Белая Церковь. Именем Героя названа улица в с. Ружино Лесозаводского горсовета Приморского края, на доме № 2 этой улицы установлена мемориальная доска.

А.С. Личинко

ЛИЧИНКО Александр Сергеевич, родился 8.03.1918 г. в с. Кульнево ныне Почепского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. В Красной армии с 1939 г.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1943 г. командир отделения 239-го гвардейского стрелкового полка (76-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), комсомолец, гвардии ст. сержант А.С. Личинко 21.09.1943 г. в бою за г. Чернигов у с. Толстолес отделением отрезал контратакующих автоматчиков врага от танков и, уничтожив часть из них, вынудил остальных отступить. 28 сентября при форсировании Днепра лодка, в которой переправлялось отделение, от пробоин стала тонуть. Вплавь с отделением добрался до правого берега реки и захватил участок траншей. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

В конце 1945 г. демобилизован. Жил в г. Хабаровск. Находился на советской и хозяйственной работе. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 3.06.1956 г. Похоронен в с. Жирятино Брянского района Брянской области, где именем Героя названа улица.

Г.Д. Лопатин

ЛОПАТИН Георгий Дорощеевич, родился 23.08.1913 г. в с. Самара ныне Октябрьского района Еврейской автономной области Хабаровского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 6 классов в 1929 г. Работал участковым механиком Ворошиловской МТС. В Красной армии с июля 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с февраля 1942 г. Окончил курсы мл. лейтенантов 18-й армии в 1943 г. Командир взвода 166-го гвардейского стрелкового полка (55-я гв. стр. див., 28-я армия, 1-й Белорусский фронт), канд. в члены ВКП(б),

гвардии лейтенант Г.Д. Лопатин 26.06.1944 г. в бою у дер. Пружинищи (Октябрьский район Гомельская обл.) с тремя расчётами противотанковых ружей выдвинулся вперёд, подавил три пулемётных точки, уничтожил один тяжёлый пулемёт, чем обеспечил продвижение подразделений. 27 июня в ходе форсирования р. Птичь (в том же районе) вплавь преодолел реку, взял на вражеском берегу лодку и переправил на ней 3 пулемёта с расчётами и личный состав взвода. Вынудил врага покинуть позиции, участвовал в отражении 9 контратак. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С июня 1946 г. ст. лейтенант Г.Д. Лопатин – в запасе. Жил в с. Благодословенное Октябрьского района Еврейской автономной области. Работал главным инженером Октябрьского совхоза. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 4.09.2003 г.

П.К. Лобас

ЛОБАС Петр Калиникович, родился 23.06.1916 г. в с. Ляличи ныне Михайловского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. После окончания школы ФЗУ работал на Дальзаводе столяром, а по окончании Московского авиационного техникума (1939) – мастером на заводе. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил Армавирскую военную авиационную школу лётчиков.

На фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. Командир авиаэскадрильи 86-го гвардейского истребительного авиационного полка (240-я истр. авиац. див., 1-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии капитан П.К. Лобас к январю 1945 г. совершил 106 боевых вылетов, в воздушных боях сбил 15 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 19.04.1945 г. В 1951 г. окончил Военно-воздушную академию. С октября 1960 г. полковник П.К. Лобас – в запасе. Жил в Москве. С 1961 г. работал на руководящих должностях на одном из машиностроительных заводов. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 1.04.1985 г.

И.Н. Лоскутников

ЛОСКУТНИКОВ Иван Николаевич, родился 29.08.1920 г. в с. Куртамыш, ныне город Курганской области, в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 8 классов. Работал заместителем гл. бухгалтера на ст. Варгаши. В Красной армии с 1940 г. Окончил Дальневосточное артиллерийское училище в 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Командир батареи 49-го гвардейского артиллерийского полка (23-я гв. стр. див., 3-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии ст. лейтенант И.Н. Лоскутников в апреле 1945 г. на подступах к Берлину огнём батареи обеспечивал продвижение вперёд

стрелковой роты. 15–23 апреля трижды выводил батарею на прямую наводку, обеспечив подразделениям форсирование р. Альте-Одер. Был контужен, но поля боя не покинул. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

В 1956 г. окончил Военную артиллерийскую командную академию, в 1967 г. – Высшие академические курсы. С декабря 1975 г. полковник И.Н. Лоскутников – в запасе. Жил в Вильнюсе. Работал начальником Вильнюсской республиканской спасательной службы. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 29.10.1990 г.

В.Г. Лоскутов

ЛОСКУТОВ Виктор Георгиевич, родился 27.09.1923 г. в пос. Янаул, ныне город Башкирии. Русский. Член ВКП(б) с 1951 г. Окончил среднюю школу. В ВМФ с 1941 г. Окончил Военно-морское авиационное училище в 1944 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1944 г. Воевал на Черноморском и Балтийском флотах. Принимал участие в советско-японской войне. Лётчик 34-го ближнебомбардировочного авиационного полка (10-я авиац. див. пикирующих бомбардировщиков, ВВС Тихоокеанского флота), комсомолец, лейтенант В.Г. Лоскутов потопил один транспорт, уничтожил бронепоезд, мост, склады в порту Расин (Наджин, КНДР). Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1952 г. окончил Высшие офицерские лётно-тактические курсы авиации ВМФ, служил на различных командных должностях. С 1962 г. майор В.Г. Лоскутов – в запасе. Жил и работал в Калининграде. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями.

Умер 23.02.1970 г.

ЛЫСЕНКО Иван Тимофеевич, родился 22.04.1914 г. в с. Черкасовка ныне Ивановского р-на Амурской области в семье крестьянина. Образование начальное. В Красной армии с 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Помощник командира взвода 600-го стрелкового полка (147-я стр. див., 27-я армия, Воронежский фронт) ст. сержант И.Т. Лысенко 9.08.1943 г. в бою за с. Кириковка (ныне посёлок городского типа Великописаревского р-на Сумской обл.), отражая контратаку, вступил в бой против 15 танков, подбил семь из них. Остальные повернули обратно. Был ранен, но не покинул поля боя. В результате батальон удержал занятую часть села и прикрыл переправу через р. Ворскла. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

В конце 1945 г. демобилизован. Жил и работал в пос. Щербиновский Краснодарского края. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 20.01.1984 г.

И.И. Людников

ЛЮДНИКОВ Иван Ильич, родился 26.09.1902 г. в с. Кривая Коса, ныне посёлок городского типа Седово Новоазовского района Донецкой области, в семье рабочего. Русский. Член ВКП (б) с 1925 г.. В Красной гвардии с 1917 г. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Одесскую пехотную школу в 1925 г., Военную академию им. М.В. Фрунзе – в 1938 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. 15-й стрелковый корпус (13-я армия, Центральный фронт) под командованием генерал-лейтенанта И.И. Людникова в Курской битве выполнил свои задачи в обороне, а затем перешёл в контрнаступление. 22.09.1943 г. передовые части корпуса вышли к Днепру в районе севернее г. Чернобыль и с ходу начали форсирование. Овладев плацдармом на правом берегу, отразили контратаки и завязали бой по расширению плацдарма. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. Участник советско-японской войны 1945 г.

После победы над Японией продолжал командовать на Дальнем Востоке 39-й армией, одновременно был военным комендантом Порт-Артура и командующим Группировкой советских войск на Ляодунском полуострове (Квантун). С 29.11.1947 г. – командующий 10-й гвардейской армией Ленинградского военного округа. С 20.04.1948 г. – командующий 13-й армией в Прикарпатском военном округе. С 3.12.1949 г. по 17.11.1951 г. служил заместителем главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии. В 1952 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командовал войсками военного округа, работал в военно-учебных заведениях. С 1968 г. генерал-полковник И.И. Людников – в отставке. Депутат Верховного Совета СССР 2-го и 3-го созывов. Награждён тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1 ст., орденами Суворова 2 ст., Богдана Хмельницкого 2 ст., медалями и иностранными орденами. Почётный гражданин Витебска, где на улице его имени установлена мемориальная доска.

Умер 22.04.1976 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Л.П. Ляхов

ЛЯХОВ Логвин Прохорович, родился 30.11.1915 г. в дер. Николаевка ныне Мглинского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончил среднюю школу. Работал в колхозе. В Красной армии с 1937 г. Окончил Брянское военно-политическое училище.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1942 г. Заместитель командира по политчасти дивизиона 129-го миномётного полка (3-й гв. мех. корпус, 47-я армия, Воронежский фронт) ст. лейтенант Л.П. Ляхов 30.09.1943 г. вместе с дивизионом преодолел Днепр в районе с. Селище (Каневский р-н Черкасская обл.). В бою на плацдарме 2.10 заменил выбывшего из строя командира дивизиона и, несмотря на контузию, продолжал управлять огнём. Вражеская контратака была отражена. Звание Героя Сов. Союза присвоено 24.04.1944 г. Участник советско-японской войны 1945.

После войны продолжал службу в армии. С 1961 г. полковник Л.П. Ляхов – в запасе. Жил в Ивано-Франковске. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 7.08.1983 г.

И.П. Мазурук

МАЗУРУК Илья Павлович, родился 20.07.1906 г. в г. Брест-Литовск, ныне Брест, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1925 г. Окончил 7 классов. Работал в Орловском горкоме партии. В Красной армии с 1927 г. Окончил Военно-техническую школу ВВС РККА в Ленинграде в 1928 г., Борисоглебскую военную школу лётчиков в 1930 г., курсы усовершенствования командного состава при Военно-воздушной академии в 1939 г.

В 1930–1938 гг. – лётчик, командир отряда Гражданского воздушного флота. Одним из первых осваивал дальневосточные воздушные трассы Главсевморпути, в том числе на о-в Сахалин и п-ов Камчатка. Отличился при высадке первой научной экспедиции на Северный полюс. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1937 г.

Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г. Во время Великой Отечественной войны был командиром 2-й авиационной группы ВВС Северного флота. С 1943 г. командир авиационной дивизии, начальник особой воздушной трассы Аляска – Красноярск.

С 1953 г. генерал-майор авиации И.П. Мазурук – в запасе. Работал в Главсевморпути. Совершил 254 полёта на дрейфующие станции Северного полюса. В 1956 г. командир отряда первой советской морской экспедиции в Антарктиду. Депутат Верховного Совета СССР 1–2-го созывов. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 2.01.1989 г.

В.П. Майборский

МАЙБОРСКИЙ Владимир Петрович, родился 1.10.1911 г. в с. Зиньки ныне Белогорского района Хмельницкой области в семье крестьянина. Украинец. Окончил 4 класса. Батрачил, был колхозником, грузчиком в Херсонском морском порту. С 1939 по 1941 г. жил в г. Николаевск-на-Амуре, работал на строительстве речного торгового порта. В ВМФ с июля 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 г. В составе морской пехоты участвовал в обороне Севастополя. Попал в плен. Бежал. Боролся против врага в партизанском отряде на Украине. Пулемётчик 7-го стрелкового полка (24-я стр. див., 18-я армия, 4-й Украинский фронт) рядовой В.П. Майборский в бою за пос. Погар (Рожнятовский р-н Ивано-Франковская обл.) 21.06.1944 г. одним из первых ворвался в траншею противника и уничтожил до 20 гитлеровцев. 13.07, выполняя задание по уничтожению вражеского дзота у с. Черемхов (Коломыйский р-н Ивано-Франковская обл.), подобрался к амбразуре.

Был ранен, но нашёл в себе силы бросить противотанковую гранату в амбразуру. Дзот был взорван. Бойца считали погибшим, но он остался жив. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

В 1944 г. демобилизован по болезни. Вернулся в с. Зиньки, где работал председателем сельсовета. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями. Почётный солдат 4-й механизированной роты 2-го механизированного батальона 7-го мотострелкового полка 24-й механизированной дивизии.

Умер 7.01.1987 г.

Ф.М. Макитрук

МАКИТРУК Филипп Макарович, родился 1.09.1910 г. в пос. Данильченково ныне Лазовского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Окончил начальную школу. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии с июля 1941 г.

В действующей армии с сентября 1944 г. Командир отделения 12-го стрелкового полка (6-я стр. див., 53-я армия, 2-й Украинский фронт), рядовой Ф.М. Макитрук одним из первых добровольцев 7.11.1944 г. переправился на лодке через р. Тиса в районе с. Кишкёре (юго-западнее г. Хевеш, Венгрия), участвовал в боях за удержание и расширение плацдарма. Заменял раненого командира взвода, отразил шесть контратак врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. Участник советско-японской войны 1945 г.

В конце 1945 г. демобилизован. Жил в посёлке городского типа Преображение Лазовского района Приморского края, работал в системе Находкинского морского рыбного порта инспектором портнадзора. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 5 ноября 2001 г.

П.М. Максимихин

МАКСИМИХИН Павел Маркович, родился 12.12.1911 г. в с. Шептаки ныне Новгород-Северского района Черниговской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил Ленинградский строительный техникум. Работал техником-строителем Главвоенпорта в г. Ораниенбаум, ныне Ломоносов Ленинградской области. В Красной армии с 1933 г. Окончил Владивостокское военно-морское училище в 1938 г. и школу среднего начальствующего состава в 1940 г.

На фронте в Великой Отечественной войне с 1942 г. Командир батальона 8-й мотострелковой бригады (9-й танк. корпус, 33-я армия, 1-й Белорусский фронт) майор П.М. Максимихин участвовал в овладении 16.01.1945 г.г. Радом (Польша). 19.01.1945 г. его батальон ворвался в г. Лодзь, успешно форсировал р. Варта, овладел юго-восточной окраиной г. Варта и удерживал её, обеспечивая переправу частей. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

До 1957 г. подполковник П.М. Максимихин продолжал службу в армии. Жил в г. Ичня Черниговской области. Награждён

орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 9.09.1981 г.

М.Г. Малик

МАЛИК Михаил Григорьевич, родился 16.05.1911 г. в г. Николаевск, ныне Николаевск-на-Амуре Хабаровского края, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Образование среднее. Работал в филиале Реммаштрест. В ВМФ с 1933 г. Окончил специальные курсы комсостава Балтийского флота в 1935 г.

Участвовал в советско-японской войне 1945 г. Командир 2-го дивизиона торпедных катеров (1-я бригада торпед. катеров, Тихоокеанский флот) капитан-лейтенант М.Г. Малик участвовал в 18 боевых выходах, в 2 набеговых операциях на вражеские порты на северо-восточном побережье Кореи, в результате которых убито 11 и повреждено 2 транспорта противника. Высаживал десантные группы в порты Юки (Унги), Расин (Наджин), Гензан (Вонсан). Впервые при очистке от неконтактных мин фарватера порта Расин применил бомбометание глубинными бомбами с торпедных катеров. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1960 г. капитан 1-го ранга М.Г. Малик – в запасе. Жил во Владивостоке, работал в Реммаштресте. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 9.10.1980 г.

Р.Я. Малиновский

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич, родился 23.11.1898 г. в Одессе в семье железнодорожника. Украинец. Член ВКП(б) с 1926 г. В Красной армии с 1919 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1930 г. Начальник штаба 67-го кавалерийского полка, 10-й кавалерийской дивизии. В 1937–1938 гг. участвовал в национально-революционной войне испанского народа. С 1939 г. на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С марта 1941 г. командир 48-го стрелкового корпуса.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командовал корпусом, армиями, Южным, Юго-Западным, 3-м и 2-м Украинским, Забайкальским фронтами. Маршал Советского Союза (1944 г.). За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами, за умелое командование фронтами 8.09.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны – главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке, командующий войсками Дальневосточного военного округа, затем 1-й заместитель министра обороны СССР – главнокомандующий Сухопутными войсками, в 1957–1967 гг. министр обороны СССР. За заслуги перед Родиной в строительстве и укреплении ВС СССР 22.11.1958 г. награждён второй медалью «Золотая Звезда».

Канд. в члены ЦК ВКП(б) с 1952 г., член ЦК ВКП(б) с 1956 г.. Депутат Верховного Совета СССР 2–7-го созывов. Народный Герой Югославии. Награждён пятью орденами. Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., орденом Кутузова 1 ст., медалями, иностранными орденами. Награждён высшим советским военным орденом «Победа».

Умер 31.03.1967 г. Похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. Бронзовый бюст установлен в Одессе. Его имя носят Военная академия бронетанковых войск, гвардейская танковая дивизия, теплоход, улицы в Москве, Киеве, Хабаровске и других городах.

Д.Б. Маматов

МАМАТОВ Дмитрий Борисович, родился 7.03.1923 г. в с. Стрецово Красноармейского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Окончил 8 классов. Работал молотобойцем в леспромхозе, старателем на прииске. В Красной армии с 1942 г., с августа этого же года на фронте.

Командир пулемётного расчёта 885-го стрелкового полка (290-я стр. див., 10-я армия, Западный фронт) сержант Д.Б. Маматов отличился 21–27.12.1943 г. в боях за расширение плацдарма на правом берегу р. Проня в районе дер. Скварск (Чаусский р-н Могилёвская обл.). Участвовал в отражении 10 контратак врага. Был дважды ранен, но продолжал сражаться. Погиб в бою 27.12.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.07.1944 г посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Быново Чаусского р-на. Его имя носят улицы в родном селе и в посёлке городского типа Ольга Приморского края.

А.П. Маресьев

МАРЕСЬЕВ Алексей Петрович, родился 20.05.1916 г. в г. Камышин (ныне Волгоградская область) в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 8 классов, школу ФЗУ, три курса рабфака. Работал механиком-дизелистом в г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края. Окончил аэроклуб. В Красной армии с 1937 г. Окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов в 1940 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Лётчик 580-го истребительного авиационного полка (Северо-Западный фронт), лейтенант А.П. Маресьев к концу марта 1942 г. в воздушных боях сбил 4 самолёта противника. 4.04.1942 г. в воздушном бою в районе Демянского плацдарма (Новгородская обл.) его самолёт был подбит и упал в лес в тылу врага. 18 суток пробирался к своим войскам. После ампутации голени обеих ног, проявив необычайную силу воли, в июне 1943 г. вновь вернулся в строй. Заместитель командира эскадрильи 63-го гвардейского истребительного авиационного полка (3-я гв. истр. авиац. див., 1-й гв. истр. авиац. корпус, 15-я возд. армия, Брянский фронт) гвардии ст. лейтенант А.П. Маресьев во время боёв на Курской дуге сбил три самолёта противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.08.1943 г.

В 1946 г. майор А.П. Маресьев уволен из армии. В 1952 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1956 г. –

аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, канд. исторических наук. В 1956–1983 гг. ответственный секретарь, с 1983 г. 1-й зам. председателя Советского комитета ветеранов войны. Полковник в отставке А.П. Маресьев награждён двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов, Красной Звезды, медалями. Почётный солдат одной из воинских частей. Умер 18.05.2001 г.

Н.В. Марицкий

МАРИЦКИЙ Николай Васильевич, родился 22.05.1923 г. в с. Зуевка Солнцевского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал трактористом в колхозе, затем жил и работал в г. Хабаровск. В Красной армии с 1941 г. Окончил полковую школу.

На фронте Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Командир орудия 9-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона (10-я гв. возд.- дес. див., 37-я армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии ст. сержант Н.В. Марицкий отличился в боях за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе с. Днепровокаменка (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.). 1–14.10.1943 г. огнём орудия уничтожил три танка противника. 14.10.1943 г. подорвал фашистский танк двумя противотанковыми гранатами и погиб сам. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалью.

Похоронен в с. Днепровокаменка. В с. Зуевка установлена мемориальная доска.

Н.Г. Маркелов

МАРКЕЛОВ Николай Григорьевич, родился 15.09.1917 г. в дер. Степановка ныне Ртищевского района Саратовской области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 7 классов и рабфак Саратовского пединститута. Был учителем, затем работал на Дальнем Востоке в Ольгинском районе Приморского края. В ВМФ с 1939 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Парторг 355-го отдельного батальона морской пехоты (Тихоокеанский флот), ст. сержант Н.Г. Маркелов в бою за г. Сейсин (ныне Чхонджин КНДР) 14.08.1945 г., когда одна из рот была остановлена вражеским огнём, вместе с бойцами пробрался в тыл противника, подполз к огневым точкам, забросал их гранатами и из захваченного пулемёта открыл огонь по врагу, способствуя успеху атаки батальона. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу на флоте. В 1947 г. окончил Смоленское военно-политическое училище пропагандистов, в 1953 г. – Высший военный педагогический институт им. М.И. Калинина. С 1966 г. капитан 1-го ранга Н.Г. Маркелов – в запасе. Жил в Киеве. Работал в Киевской морской школе ДОСААФ. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 22.12.2004 г.

Н.В. Маркин

МАРКИН Николай Васильевич, родился 30.09.1920 г. в с. Б. Можары ныне Сараевского района Рязанской области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 8 классов и аэроклуб. В Красной армии с 1938 г. В 1940 г. окончил Энгельсское военное авиационное училище. Служил на Дальнем Востоке.

На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1943 г. Зам. командира эскадрильи 274-го истребительного авиационного полка (278-я истр. авиац. див., 8-я возд. армия, Южный фронт) ст. лейтенант Н.В. Маркин совершил 85 боевых вылетов, в 35 воздушных боях сбил 16 самолётов противника. 28.09.1943 г. погиб в воздушном бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Его имя носит улица в родном селе.

И.А. Мартынов

МАРТЫНОВ Иван Алексеевич, родился 19.09.1923 г. в с. Николо-Сергиевка Мордовского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 8 классов. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии с августа 1942 г. Окончил Хабаровское пулемётно-миномётное училище в 1943 г.

В действующей армии с сентября 1943 г. командир взвода 199-го гвардейского стрелкового полка (67-я гв. стр. див., 6-я гв. армия, 1-й Прибалтийский фронт) гвардии ст. лейтенант И.А. Мартынов отличился в боях 23–25.06.1944 г. при форсировании р. Западная Двина у дер. Дворище (Бешенковичский район Витебская обл.). Заменив погибшего командира роты, в числе первых переправился через реку, умело организовал оборону при отражении контратак превосходящих сил противника. Погиб в бою 25.06.1944 г. Плацдарм был удержан. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды. Похоронен в дер. Узречье Бешенковичского района.

П.П. Марунченко

МАРУНЧЕНКО Павел Поликарпович, родился 5.04.1917 г. в слободе Макеевка (ныне город Донецкой области Украины) в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 7 классов. Работал на металлургическом заводе, затем на железнодорожной станции Лазо (Дальнереченский горсовет Приморского края). В Красной армии с 1939 г. Окончил курсы усовершенствования командного состава в 1941 г.

В действующей армии с августа 1942 г. Зам. командира батальона по политической части 1-го гвардейского стрелкового полка (2-я гв. стр. див., 56-я армия, Северо-Кавказский фронт) гвардии ст. лейтенант П.П. Марунченко в составе штурмовой группы в числе первых 3.11.1943 г. форсировал Керченский пролив у с. Жуковка (ныне в черте г. Керчь Крымской обл.). Личным примером воодушевлял бойцов в боях за плацдарм. Уничтожил несколько гитлеровцев. Погиб в этом бою. Звание

Героя Советского Союза присвоено 17.11.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени.

Похоронен в с. Глазовка Ленинского района Крымской области.

И.И. Масленников

МАСЛЕННИКОВ Иван Иванович, родился 16.09.1900 г. на ст. Чалыкла ныне Озинского района Саратовской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1924 г. Работал телеграфистом на железной дороге. В 1917 г. в Красной гвардии. С 1918 г. в Красной армии. Участник Гражданской войны. Был командиром кавалерийской группы, полка и бригады. С 1928 г. в пограничных и внутренних войсках. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1935 г.

В Великую Отечественную войну – на должности командующего армиями на Западном и Калининском фронтах. В августе 1942 г. назначен на должность командующего Северной группой войск Закавказского фронта, с 1943 г. – Северокавказского фронта, затем зам. командующего ряда фронтов, командующим 42-й армией, с апреля 1944 г. командовал 3-м Прибалтийским фронтом. В августе 1945 г. назначен на должность заместителя главнокомандующего советских войск на Дальнем Востоке. Генералу армии (1944 г.) И.И. Масленникову за умелое руководство войсками в период разгрома японской Квантунской армии и проявленные при этом мужество и героизм 8.09.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны командовал войсками Бакинского и Закавказского военных округов. В 1948 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. С 1948 г. – в МВД СССР. Избирался кандидатом в члены ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов. Награждён четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1 ст., двумя орденами Кутузова 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 16.04.1954 г. Похоронен в Москве.

Н.П. Масленников

МАСЛЕННИКОВ Николай Петрович, родился 3.05.1920 г. в дер. Исаково ныне Немского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил педагогическое училище в г. Уржум Кировской области. Работал учителем в начальной школе зерносовхоза им. Мухина Кагановичского района Амурской области. В Красной армии с 1940 г. Окончил Хабаровское артиллерийское училище в 1943 г.

В действующей армии с декабря 1943 г. Командир батареи 127-го гвардейского артиллерийского полка (59-я гв. стр. див., 46-я армия, 2-й Украинский фронт) гв. лейтенант Н.П. Масленников, сопровождая боевые порядки пехоты, 4.12.1944 г. южнее г. Адонь (Венгрия) в числе первых переправился на правый берег Дуная, корректировал огонь дивизиона по радио. Все вражеские атаки были отражены. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны продолжал службу в войсках ПВО страны. В 1951 г. окончил Военно-политическую академию. Работал заместителем начальника политотдела Военной командной академии ПВО г. Калинин. С 1976 г. полковник Н.П. Масленников – в запасе. Жил в г. Калинин. Работал в политехническом институте, доцент. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями. Его имя носит начальная школа пос. Вольный Октябрьского района Амурской области.

Умер 9.01.2001 г.

Я.И. Матвеев

МАТВЕЕВ Яков Иванович, родился 27.12.1912 г. в дер. Кузнецовка ныне Вяземского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил 7 классов, школу ФЗУ. В ВМФ с 1932 г. В 1935 г. окончил Ейское военноморское авиационное училище. Служил на Черноморском и Тихоокеанском флотах.

Участник советско-японской войны 1945 г. Помощник командира 37-го штурмового авиационного полка по лётной подготовке (12-я штурм. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) капитан Я.И. Матвеев возглавлял вылет полка, нанесшего ряд бомбовых ударов по транспортам врага в порту Юки (Унги, КНДР). Потопил лично два и в группе – семь транспортов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1952 г. окончил Военно-морскую академию. С 1969 г. генерал-майор авиации Я.И. Матвеев – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 25.08.2001 г.

В.И. Матронин

МАТРОНИН Василий Иванович, родился 31.01.1904 г. в с. Поповка ныне Сенгилеевского района Ульяновской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1927 г. Окончил начальную школу, работал на руднике в пос. Салон Алагирского района Северо-Осетинской АССР.

В Красной армии с 1925 г. В 1927 г. окончил Тбилисскую пехотную школу, в 1935 г. – Высшую пограничную школу НКВД СССР, в 1941 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе.

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Командир 73-й стрелковой дивизии (48-я армия, 1-й Белорусский фронт) полковник В.И. Матронин в сентябре 1944 г. умело организовал прорыв сильно укрепленной обороны противника, затем форсирование р. Нарев и захват плацдарма в районе населённого пункта Бжузе-Мале (8 км юго-восточнее г. Ружан, Польша). Части дивизии, отбивая многочисленные контратаки противника, продолжали расширять захваченный плацдарм. В.И. Матронин погиб в бою 2.11.1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.04.1945 г. посмертно. Награждён

двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3 ст., Отечественной войны 1 ст., медалями.

Похоронен в г. Барановичи Брестской области, где на площади ему установлен памятник. Навечно зачислен в списки пограничной заставы Дальневосточного округа, носящей его имя. В г. Бикин Хабаровского края улица названа именем Героя.

В.Е. Матюшкин

МАТЮШКИН Василий Ефимович, родился 17.02.1921 г. в с. Новые Пичуры ныне Наровчатского района Пензенской области в семье крестьянина. Русский. После Гражданской войны вместе с отцом переехал в с. Шкотово Приморского края. Окончил 6 классов. В Красной армии с 1940 г. Служил в Приморье.

На фронте в Великую Отечественную войну с апреля 1943 г. Разведчик 543-й отдельной разведывательной роты (55-я стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), рядовой В.Е. Матюшкин в ночь на 20.09.1943 г. с группой бойцов вёл разведку обороны противника в районе с. Грязна (ныне с. Заречье Щорского р-на Черниговской обл.). В с. Старая Рудня группа внезапно атаковала штаб батальона врага, захватила знамя. 30.09 на плоту в числе первых В.Е. Матюшкин переправился через Днепр, с ходу вступил в бой с врагом. Погиб 5.10.1943 г. в боях на плацдарме. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Похоронен в с. Каменка Репкинского района Черниговской области.

И.В. Мацкевич

МАЦКЕВИЧ Игнатий Викентьевич, родился 28.5.1912 г. в дер. Заольша ныне Лиозненского района Витебской области в семье крестьянина. Белорус. Окончил 5 классов. Затем жил в Ленинграде, работал на строительстве железной дороги. В Красной армии в 1934–1936 гг. и с 1942 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с апреля 1942 г. В 1943 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище. Командир роты 109-го стрелкового полка (74-я стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) лейтенант И.В. Мацкевич одним из первых 22.09.1943 г. преодолел Днепр в районе дер. Колыбань (Брагинский район Гомельская обл.). Закрепившись на правом берегу, четыре дня отбивал с ротой контратаки противника, содействуя переправе подразделений батальона. Лично подбил два танка. Был дважды ранен, но остался в строю. Погиб в бою 26.09.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалью.

Похоронен в с. Оболонье Коропского района Черниговской области.

МАЮРОВ Иван Иванович, родился 26.10.1918 г. в дер. Убиенное ныне Юргамышского района Курганской обл. в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил Талицкий лесотехникум Свердловской области. Работал в лесопункте

И.И. Маюров

Алапаевского района Свердловской области. В Красной армии с 1939 г. Окончил артиллерийское училище Дальневосточного фронта (Хабаровск) в 1942 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Начальник разведки дивизиона 65-го артиллерийского полка (2-я Краснознамённая армия, 2-й Дальневосточный фронт) лейтенант И.И. Маюров в боях за населённый пункт Сунью (150 км восточнее г. Нуньцзян, Китай) 15.08.1945 г. вышел в тыл боевого охранения противника, разведал 10 огневых точек и захватил «языка». По разведанным дивизион уничтожил огневые точки и около 300 солдат и офицеров врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1975 г. полковник И.И. Маюров – в отставке. Работал в ПТУ № 1 в г. Орджоникидзе Северная Осетия. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 29.05.2000 г.

А.Е. Меньщиков

МЕНЬЩИКОВ Афанасий Емельянович, родился 29.01.1913 г. в с. Уненкер ныне Шилкинского района Читинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. Участвовал в зимовке на о-ве Новая Земля. В Красной армии в 1935–1938 гг. и с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 г. В 1942 г. окончил курсы мл. лейтенантов. Командир роты 685-го стрелкового полка (193-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), лейтенант А.Е. Меньщиков в числе первых 15.10.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Каменка (Репкинский район Черниговской обл.), выбил противника из траншеи, прикрыл переправу основных сил дивизии. Был ранен, но не покинул поле боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

С 1946 г. ст. лейтенант А.Е. Меньщиков – в запасе. Жил в г. Петропавловск-Камчатский.

Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 31.05.1986 г.

К.А. Мерещков

МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич, родился 7.06.1897 г. в дер. Назарьево ныне Зарайского района Московской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1917 г. Образование среднее. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, комиссар отряда, помощник начальника штаба бригады и дивизии. Окончил Военную академию РККА в 1921 г. В 1936–1937 гг. участвовал в национально-революционной войне испанского народа. Затем был заместителем начальника Генштаба, командующим войсками Приволжского военного округа, с 1939 г. – Ленинградского военного округа. В советско-финляндской войне 1939–1940 гг. командовал 7-й армией (Северо-Западный фронт). За умелое руководство войсками армии, личное мужество и отвагу 21.03.1940 г. присвоено звание

Героя Советского Союза. С августа 1940 г. начальник Генштаба РККА, с января 1941 г. заместитель наркома обороны СССР.

В годы Великой Отечественной войны представитель Ставки ВГК на фронтах, командующий армией, затем Волховским, Карельским и 1-м Дальневосточным фронтами. Маршал Советского Союза (1944 г.).

После войны командовал войсками ряда военных округов, в 1955–1964 гг. помощник министра обороны СССР по вузам, с 1964 г. генеральный инспектор группы генеральных инспекторов МО СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1939–1956 гг., член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) в 1956–1961 гг. Депутат Верховного Совета СССР 1–5-го созывов. Награждён семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом «Победа» четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., орденом Кутузова 1 ст., медалями, почётным оружием, иностранными орденами.

Умер 30.12.1968 г. Похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. Его имя присвоено Благовещенскому высшему танковому командному Краснознамённому училищу (расформировано в 1999 г.), в г. Зарайск установлен бюст Героя.

С.К. Мильченко

МИЛЬЧЕНКО Семён Калинович, родился 18.08.1921 г. в с. Григоровка ныне Барвенковского района Харьковской области в семье крестьянина. Украинец. Окончил 10 классов. Работал техником в ремонтной конторе. В Красной армии с 1939 г. В 1942 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище.

В действующей армии с 1942 г. Командир роты 203-го гвардейского стрелкового полка (70-я гв. стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) гвардии ст. лейтенант С.К. Мильченко с ходу 20.09.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Теремцы (Чернобыльский район Киевская обл.). Рота захватила на правом берегу плацдарм и, отразив пять контратак противника, удержала рубеж, что обеспечило форсирование реки основными силами полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г.

После войны уволен в запас. Жил и работал в г. Краматорск Донецкой области. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 12.11.1966 г.

А.П. Мин

МИН Александр Павлович, родился в декабре 1915 г. в с. Черсан-Дон ныне Шкотовского района Приморского края в семье крестьянина. Кореец. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 10 классов и три курса Саратовского финансового института. Работал в Казахстане. В Красной армии с 1941 г. В том же году окончил Рязанское военное пехотное училище и направлен на фронт.

Командир батальона 605-го стрелкового полка (132-я стр. див., 47-я армия, 1-й Белорусский фронт) капитан А.П. Мин в боях за г. Ковель (Волынская обл.) с батальоном 4–5.07.1944 г. отразил пять контратак врага. Преследуя отходящего противника, захватил с. Старые Кашары (Ковельский

район Волынская обл.). Погиб 9.07.1944 г. при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе с. Паридубы (Старовыжевский район Волынской обл.). Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награжден орденами Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды.

Похоронен в братской могиле в посёлке городского типа Луков Турийского района Волынской области. У здания средней школы в с. Бурыл Жамбылской области Республика Казахстан установлен бюст Героя.

Л.С. Миронов

МИРОНОВ Леонид Сергеевич, родился 16.06.1915 г. в с. Петрушино ныне Скопинского района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил среднюю школу, работал на Челябинском тракторном заводе. В ВМФ с 1934 г. Окончил в 1938 г. Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (Ленинград).

В действующем флоте в годы Великой Отечественной войны с 1943 г. Командир фрегата «ЭК-2» (1-я бригада сторожевых кораблей, Тихоокеанский флот), капитан-лейтенант Л.С. Миронов в боях за г. Сейсин (Чхонджин, КНДР) 13.08.1945 г. высадил в порту десант морской пехоты, огнём корабельной артиллерии поддержал его действия. В критический момент боя сформировал и высадил десантную группу из состава команды корабля, чем обеспечил выполнение боевой задачи. 22-23.08.1945 г. успешно высадил десант на южной оконечности о-ва Сахалин. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После окончания войны Л.С. Миронов продолжил службу в Военно-морском флоте СССР. Окончил спецкурсы офицерского состава и Военно-морскую академию с 1960 г. капитан 1-го ранга Л.С. Миронов – в запасе. Жил в г. Рига. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденами Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 10.10.1991 г.

В.С. Михайлов

МИХАЙЛОВ Владимир Степанович, родился 15.01.1920 г. в дер. Прудиче ныне Красногородского района Псковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 5 классов, затем курсы при Ачинском сельскохозяйственном техникуме (Красноярский край). Работал в колхозе в дер. Дубровка. В Красной армии с 1940 г. Служил на Дальнем Востоке, окончил полковую школу младших командиров. В 1943 г. учился в Благовещенском военном пехотном училище.

В действующей армии с марта 1943 г. Командир отделения взвода станковых пулемётов 241-го гвардейского стрелкового полка (75-я гв. стр. див., 60-я армия, Центральный фронт), комсомолец, гвардии мл. сержант В.С. Михайлов в числе первых 23.09.1943 г. форсировал Днепр в районе с. Глебовка (Вышгородский район Киевская обл.). Заняв огневую позицию, отбил

три атаки противника. 25.09.1943 г. в ходе боя заменил выбывшего из строя командира взвода. В критический момент боя выдвинулся с пулемётом во фланг наступающего противника и отбил его атаку. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

С 1946 г. майор В.С. Михайлов – в запасе. Жил в г. Красноярск. Окончил краевую партийную школу. Был на партийной работе в Красноярском крае. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 5.09.1991 г.

Е.В. Мишин

МИШИН Евгений Васильевич, родился 18.05.1921 г. в с. Молотычи ныне Фатежского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. С 1936 г. проживал во Владивостоке. Работал компрессорщиком автоматической машины на Подгородненском руднике Приморского края. В Красной армии с 1939 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир отделения 1035-го стрелкового полка (280-я стр. див., 60-я армия, Центральный фронт), комсомолец, ст. сержант Е.В. Мишин одним из первых 29.09.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Ротичи (Чернобыльский р-н Киевская обл.). С отделением обошёл противника с фланга и отвлек на себя его огонь. Своими действиями обеспечил успех атаки основных сил с фронта и продвижение вперёд подразделений полка. Был ранен, но остался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

В ноябре 1943 г. демобилизован по инвалидности. Вернулся на родину. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Славы 3 ст., медалями. Председатель общества слепых Курчатовского района Курской области.

Умер 18.10.1992 г.

В.Г. Моисеенко

МОИСЕЕНКО Владимир Григорьевич, родился 26.07.1926 г. в г. Ленинград. Русский. Образование н/среднее. В ВМФ с 1942 г. Окончил школу юнг.

Участник советско-японской войны 1945 г. Электрик фрегата № 34 (бригада сторожевых кораблей, Тихоокеанский флот) комсомолец матрос В.Г. Моисеенко в боях за г. Сейсин (Чхонджин, КНДР) 13–16.08.1945 г., действуя в составе корабельного десанта, гранатами подорвал 6 дзотов и 2 блиндажа, уничтожил несколько вражеских солдат и офицеров. Первым ворвался в окопы на сопке и подавил гранатами пулемёт, мешавший продвижению десантников. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1950 г. старшина 2-й ст. В.Г. Моисеенко – в запасе. Жил и работал в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 27.08.1973 г.

МОРОЗ Даниил Ефимович родился 10.07.1910 г. в с. Бубновщина ныне Прилукского района Черниговской области в семье

Д.Е. Мороз

крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил Благовещенский автодорожный техникум. Работал в Завитинском зверосовхозе Амурской области. В Красной армии с 1932 г. В 1936 г. окончил Уссурийское военно-политическое училище, в 1944 г. – Ростовское училище самоходной артиллерии.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1944 г. Командир батареи 1493-го самоходного артиллерийского полка (11-й танк. корпус, 1-й Белорусский фронт) ст. лейтенант Д.Е. Мороз в боях 17.07.1944 г. обеспечил огнём наступление танкового батальона и овладение г. Любомль (Волинская обл.). Его батарея одной из первых форсировала р. Западный Буг (Буг), участвовала в освобождении городов Парчев, Лукув, Седльце (Польша). Звание Героя Советского Союза присвоено 26.09.1944 г.

В 1949 г. окончил Высшую офицерскую школу самоходной артиллерии. С 1957 г. подполковник Д.Е. Мороз – в запасе. Жил в г. Алма-Ата. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, двумя орденами. Отечественной войны 1 ст., орденами Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями. Его имя носит школа № 1 в с. Бубновщина.

Умер 9.03.2002 г.

И.Д. Морозов

МОРОЗОВ Иван Дмитриевич, родился 3.02.1923 г. в дер. Ивановка Шимановского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 9 классов. Учился во Владивостокском художественном училище. В ВМФ с 1940 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1944 г. Командир пулемётного отделения 296-го гвардейского стрелкового полка (98-я гв. стр. див., 7-я армия, Карельский фронт), комсомолец, гвардии старшина И.Д. Морозов в ходе артподготовки при прорыве обороны противника на р. Свирь в районе г. Лодейное Поле (Ленинградская обл.). 21.06.1944 г. в составе группы бойцов участвовал в демонстрационных действиях с чучелами по имитации форсирования реки с целью вскрытия вражеской системы огня. Одним из первых достиг вражеского берега, проделал проход в проволочных и минных заграждениях, гранатами уничтожил снайпера и шестерых вражеских солдат. Удерживая захваченный плацдарм, способствовал быстрой переправе через реку штурмовых групп полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.07.1944 г.

После войны демобилизован. Жил в г. Владивосток Приморского края. С 1961 г. жил в Киеве. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 26.08.1966 г.

МУЗЫКИН Михаил Максимович, родился 27.01.1905 г. в дер. Матвеевка ныне Хабаровского района Хабаровского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. В Красной армии с 1924 г. Участник боёв на КВЖД в 1929 г. В ноябре 1941 г. вновь призван в Красную армию и направлен на фронт.

М.М. Музыкин

В 1942 г. окончил курсы «Выстрел», в 1944 г. – курсы усовершенствования офицерского состава. Командир 185-й стрелковой дивизии (47-я армия, 1-й Белорусский фронт) полковник М.М. Музыкин при прорыве обороны противника в междуречье Западного Буга и Вислы вывел дивизию к Висле, умело организовал её форсирование. 17.01.1945 г. дивизия вошла в г. Сохачев (ПНР). Звание Героя Советского Союза присвоено 6.04.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1963 г. генерал-лейтенант М.М. Музыкин – в запасе. Жил в Москве. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями. Почётный гражданин г. Житомир.

Умер 22.06.1992 г.

И.А. Науменко

НАУМЕНКО Иван Афанасьевич, родился 4.10.1918 г. в с. Харьково ныне Талалаевского района Черниговской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 7 классов, работал электромашинистом на заводе в г. Макеевка Донецкой области. В Красной армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Энгельсскую военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Заместитель командира эскадрильи 58-го гвардейского штурмового авиационного полка (2-я гв. штурм. авиац. див., 16-я возд. армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии ст. лейтенант И.А. Науменко к октябрю 1943 г. совершил 81 боевой вылет на штурмовку военных объектов и войск противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 4.02.1944 г. В 1944 г. окончил Военно-воздушную академию.

С 1946 г. майор И.А. Науменко – в запасе. Жил на Сахалине, работал командиром звена Дальневосточного управления Гражданского воздушного флота. В 1964 г. переехал в г. Ростов-на-Дону. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 15.09.1986 г.

Г.А. Найденов

НАЙДЁНОВ Григорий Артемович, родился 27.12.1915 г. в с. Селиверстово ныне Волчихинского района Алтайского края в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал на родине в сельском хозяйстве, затем на строительстве завода в г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской обл. В Красной армии с 1937 г. Окончил школу командиров. Участник боев у оз. Хасан в 1938 г. В 1940 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище.

На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Командир миномётного дивизиона 9-го отдельного миномётного полка (40-я армия, Воронежский фронт) ст. лейтенант Г.А. Найдёнов одним из первых переправился через Днепр и 10.09–10.10.1943 г. в боях за г. Белая Церковь (Киевская обл.) огнём дивизиона уничтожил восемь пулемётных точек, подавил три артиллерийских и миномётных батареи, уничтожил до

роты гитлеровцев, отбил три атаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.12.1943 г.

С 1946 г. ст. лейтенант Г.А. Найдёнов – в запасе. До 1975 г. работал директором райпромкомбината в г. Каменск-Шахтинский Ростовской области. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями. Почётный гражданин с. Селиверстово. Бюст Героя установлен в посёлке городского типа Волчиха.

Умер 29.09.2010 г.

В.А. Некрасов

НЕКРАСОВ Василий Александрович, родился 21.09.1924 г. в с. Карловка (ныне – Енбекшильдерский район Акмолинской обл., Казахстан) в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1957 г. Окончил 6 классов. Работал горным мастером на цементном заводе г. Спасск-Дальний (Приморский край). В Красной армии с августа 1943 г.

В действующей армии с сентября 1943 г. Автоматчик 360-го стрелкового полка (74-я стр. див., 13-я армия, Центральный фронт), комсомолец, рядовой В.А. Некрасов в бою у с. Городчан (Чернобыльский район Киевская обл.) в конце сентября 1943 г. при отражении контратак противника огнём из автомата вынудил залечь наступающих гитлеровцев, а затем поднял в атаку воинов взвода. Лично уничтожил 12 фашистов. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. В 1944 г. окончил курсы мл. лейтенантов.

В 1949 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава, в 1960 г. – курсы «Выстрел», в 1962 г. – экстерном Дальневосточное автомобильное училище. С 1972 г. полковник В.А. Некрасов – в запасе. Жил в г. Краснодар. Награждён орденами Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 25.7.1987.

В.П. Некрасов

НЕКРАСОВ Владимир Петрович, родился 14.01.1922 г. в с. Вятское ныне Хабаровского района Хабаровского края в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 10 классов, работал фрезеровщиком на заводе «Дальэнергомаш» в Хабаровске. В Красной армии с 1940 г. В 1943 г. окончил Бирскую военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1943 г. Заместитель командира авиаэскадрильи 483-го истребительного авиационного полка (336-я истр. авиац. див., 3-я возд. армия, 1-й Прибалтийский фронт) ст. лейтенант В.П. Некрасов к декабрю 1944 г. совершил 176 боевых вылетов, в 53 воздушных боях сбил 18 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.08.1945 г.

После войны продолжал службу в ВВС. С 1956 г. майор В.П. Некрасов – в отставке. Жил в посёлке городского типа Быково Раменского района Московской области. Награждён орденом. Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами

Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 13.08.1993 г.

Г.К. Нестеренко

НЕСТЕРЕНКО Григорий Карпович, родился 27.11.1916 г. в станице Каневская ныне Каневского района Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. Окончил Ростовский финансово-экономический институт. Работал в Сучанском горфинотделе (г. Партизанск Приморского края). В Красной армии с 1940 г. Окончил военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1943 г. Ст. лётчик 291-го истребительного авиационного полка (265-я истр. авиац. див., 3-й истр. авиац. корпус, 8-я возд. армия, 4-й Украинский фронт) лейтенант Г.К. Нестеренко к ноябрю 1943 г. совершил 55 боевых вылетов, в 23 воздушных боях сбил лично семь самолётов врага и один – в группе. 21.10.1943 г. при выполнении боевой задачи по прикрытию войск западнее г. Мелитополь (Запорожская обл.) был подбит. Горящий самолёт направил на скопление вражеских войск. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды, медалью.

Похоронен в братской могиле с. Новгородковка Мелитопольского района Запорожской области. Навечно зачислен в списки личного состава авиационной части. На здании Института народного хозяйства в г. Ростов-на-Дону установлена мемориальная доска.

В.А. Неупокоев

НЕУПОКОЕВ Владимир Александрович, родился 22.07.1907 г. в дер. Неупокоево ныне Муромцевского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1937 г. Окончил 7 классов. Был организатором и первым председателем колхоза в родной деревне. Работал в Муромцевском райфо, затем председателем Самохвальского сельсовета (того же района). В Красной армии в 1930–1933 гг. и с 1942 г.

В действующей армии с 1942 г. Командир пулемётного отделения 207-го гвардейского стрелкового полка (70-я гв. стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) гвардии сержант В.А. Неупокоев в сентябре 1943 г. участвовал в боях за плацдарм на р. Припять в районе с. Оташев (Чернобыльский район Киевская обл.). Пулемётчики отразили несколько вражеских контратак. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г.

В 1945 г. гвардии сержант В.А. Неупокоев демобилизован. Жил и работал сначала в Хабаровске, затем в Омске. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 15.06.1968 г.

НИКАНДРОВ Александр Михайлович, родился 25.12.1912 г. в дер. Устье ныне Усть-Кубинского района Вологодской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал на лесокомбинате в Мурманской области. В ВМФ с 1941 г.

А.М. Никандров

В боях Великой Отечественной войны с 1942 г. Командир взвода разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота мичман А.М. Никандров во время советско-японской войны в составе отряда 13.08.1945 г. высадился в порту Сейсин (Чхонджин). Взвод овладел железнодорожным мостом и отрезал пути отхода противнику. Будучи окружённым, взвод в течение суток отражал вражеские атаки, а затем сумел прорвать кольцо окружения. 15.08 взвод участвовал в отражении нескольких атак врага, обеспечил высадку в порт десанта морской пехоты. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в г. Омск. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 20.11.2003 г.

Н.М. Никитенко

НИКИТЕНКО Николай Михайлович, родился 19.03.1922 г. в с. Шурыгино Черепановского района Новосибирской области в семье крестьянина. Русский. В 1932 г. семья переехала в с. Князе-Волконское, Хабаровский край. Окончил среднюю школу, работал в Хабаровске авиамехаником, одновременно окончил аэроклуб. В Красной армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Бирмскую военно-авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с марта 1944 г. Командир звена 958-го штурмового авиационного полка (280-я смешан. авиац. див., 14-я возд. армия, 3-й Прибалтийский фронт), комсомолец, мл. лейтенант Н.М. Никитенко к октябрю 1944 г. совершил 115 боевых вылетов, уничтожил 12 танков, 41 автомашину, взорвал 6 складов с боеприпасами, потопил катер и две баржи, сбил 1 самолёт противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.02.45. К концу войны Н.М. Никитенко совершил 187 боевых вылетов на штурмовку и разведку войск врага, значительно увеличив свой боевой счёт.

С 1946 г. лейтенант Н.М. Никитенко – в запасе. Жил в Хабаровске. Работал пилотом-инструктором Дальневосточного управления ГВФ. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 27.02.1978.

НИКИТЧЕНКО Никита Васильевич, родился 12.09.1903 г. в дер. Новобелая Кантемировского района Воронежской области. Украинец. В Красной армии с марта 1942 г., призван Калининским райвоенкоматом Уссурийской области.

В действующей армии с мая 1944 г. Рядовой 42-го отдельного штурмового инженерно-сапёрного батальона (9-я штурм, инж.-сап. бригада, 3-й Прибалтийский фронт) Н.В. Никитченко в ходе боя 26.06.1944 г. у дер. Погостище (Псковский район Псковской обл.) под огнём противника заминировал танкоопасное направление перед передним краем наших войск. Во время контратаки танков противника с двумя противотанковыми минами бросился под вражеский танк и подорвал его.

Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Мурашино Псковского района Псковской области.

В.В. Никишов

НИКИШОВ Владимир Владимирович, родился 24.03.1923 г. в г. Моршанск Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 5 классов, работал в горторге. В Красную армию призван в июне 1941 г. и направлен на фронт.

В 1943 г. окончил курсы мл. лейтенантов. Командир взвода 1239-го стрелкового полка (373-я стр. див., 52-я армия, 1-й Украинский фронт) мл. лейтенант В.В. Никишов в числе первых 25.01.1945 г. под сильным огнём противника форсировал Одер в районе населённого пункта Раттвиц, юго-восточнее г. Бреслау (г. Вроцлав, Польша) и захватил плацдарм. Взвод отразил шесть контратак противника. В.В. Никишов лично уничтожил два танка. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

С 1945 г. ст. лейтенант В.В. Никишов – в запасе. Жил и работал в г. Моршанск, а с 1949 г. – в г. Южно-Сахалинск. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 24.09.1970 г.

А.М. Николаев

НИКОЛАЕВ Алексей Михайлович, родился 11.10.1910 г. в дер. Гусево ныне Волоколамского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Окончил 7 классов, работал на Рублёвской насосной станции в Московской области. В Красной армии с 1929 г. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу лётчиков в 1932 г., Энгельсскую военную авиационную школу пилотов в 1933 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир 26-го штурмового авиационного полка (12-я штурм. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота) майор А.М. Николаев участвовал в потоплении семи транспортов и сторожевого корабля противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВВС. В 1950 г. окончил курсы командиров авиационных дивизий, в 1955 – Военную академию Генштаба. С 1956 г. генерал-майор авиации А.М. Николаев – в отставке. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями. Жил в Москве.

Умер 7 ноября 1991 г.

НИКОЛЕНКО Павел Фёдорович, родился 24.08.1914 г. в с. Чалдыбар (ныне Чалдовар) Панфиловского района Киргизии в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов, работал счетоводом в колхозе. В Красной армии с августа 1941 г. Окончил Владивостокское военное пехотное училище в 1943 г.

П.Ф. Николенко

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Командир роты 9-го гвардейского воздушно-десантного полка (4-я гв. возд.-дес. див., 60-я армия, Центральный фронт) гвардии лейтенант П.Ф. Николенко отличился при форсировании Днепра. 6.10.1943 г. севернее с. Губин (Чернобыльский район Киевская обл.) повёл роту в атаку на врага, лично уничтожил до двух десятков гитлеровцев. Заменял раненого командира батальона и руководил боевыми действиями по отражению контратак противника до подхода главных сил полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г.

В августе 1944 г. уволен в запас по болезни. Работал бухгалтером, заведующим Госбанком в г. Пржевальск Иссык-Кульской области Киргизии. Затем жил в Харькове. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., медалями. Умер 3.01.1983 г.

С.В. Носов

НОСОВ Савелий Васильевич, родился 23.10.1923 г. в дер. Обухово (ныне не существует) Залесовского района Алтайского края в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Жил в г. Хабаровск, где окончил 10 классов и аэроклуб. В Красной армии с 1940 г. Окончил Бирскую военную авиационную школу пилотов.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1943 г. Командир звена 150-го гвардейского истребительного авиационного полка (13-я гв. истр. авиац. див., 3-й гв. истр. авиац. корпус, 5-я возд. армия, 2-й Украинский фронт) гвардии лейтенант С.В. Носов к маю 1945 г. совершил 101 боевой вылет, в 31 воздушном бою лично сбил 15 и в группе – 1 самолёт противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г.

После войны служил ст. штурманом в Черниговском высшем авиационном училище лётчиков. В 1956 г. окончил Военно-воздушную академию. Был заместителем начальника Борисоглебского высшего военного авиационного училища лётчиков. С 1978 г. полковник С.В. Носов – в запасе. Жил в Краснодаре. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., Славы 3 ст., медалями.

Умер 6.11.1999 г.

Н.В. Огарков

ОГАРКОВ Николай Васильевич, родился 30.10.1917 г. в с. Молоково ныне Молоковского района Тверской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил энергетический рабфак. В Красной армии с 1938 г. В 1941 г. окончил Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева.

В действующей армии с июня 1941 г. Полковой инженер на Западном и Карельском фронтах с декабря 1942 г. Помощник начальника штаба инженерных войск 32-й армии, с августа 1943 г. помощник начальника оперативного отдела штаба инженерных войск Карельского фронта. С мая 1944 г. дивизионный инженер 122-й стрелковой дивизии на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах.

После войны на ответственных должностях в штабах инженерных войск в Прикарпатском и Приморском военных округах и в штабе главнокомандующего войсками Дальнего Востока. В 1947 г. окончил оперативно-инженерный факультет Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, в 1959 г. – Военную академию Генштаба. С 1953 г. начальник оперативного отдела оперативного управления, с 1955 г. начальник оперативного управления – зам. начальника штаба Дальневосточного военного округа, в 1959–1961 гг. командир гвардейской мотострелковой дивизии в группе советский войск в Германии. С 1961 г. начальник штаба – заместитель командующего (с июля 1963 г. 1-й зам.) войсками Белорусского военного округа. В 1965–1968 гг. командующий войсками Приволжского округа. В 1968–1974 гг. 1-й зам. начальника Генштаба, с марта 1974 г. – зам. министра обороны СССР. В 1977–1984 гг. – начальник Генштаба – 1-й заместитель министра обороны СССР. Маршал Советского Союза (1977). С 1984 г. на ответственных должностях в Министерстве обороны СССР. Звание Героя Советского Союза присвоено 28.10.1977 г.

Член ЦК ВКП(б) с 1971 г. (канд. с 1966). Депутат Верховного Совета СССР 7–11-го созывов. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Суворова 1 ст., двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями, иностранными орденами и медалями.

Умер 23.01.1994 г.

**Ф.С. Октябрьский
(Иванов)**

ОКТЯБРЬСКИЙ (ИВАНОВ) Филипп Сергеевич, родился 9(21). 10.1899 г. в дер. Лукшино ныне Старицкого района Калининской области в семье крестьянина. Русский. Член РКП(б) с 1919 г. Работал на судах ныне Северо-Западного речного пароходства. В ВМФ с 1918 г. Участник Гражданской войны. В 1922 г. окончил курсы Петроградского (Ленинградского) коммунистического университета, в 1928 г. – курсы при Военно-морском училище им. М.В. Фрунзе. Служил на Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском флотах, командовал Амурской военной флотилией с февраля 1938 г. по март 1939 г., затем – Черноморским флотом.

В годы Великой Отечественной войны командовал Черноморским флотом (06.1941–04.1943 гг. и с 03.1944 г.) и Амурской военной флотилией (06.1943–03.1944 г.). Адмирал Ф.С. Октябрьский – один из руководителей обороны Одессы и Севастополя (Крымская обл.). За умелое руководство флотом и проявленные мужество, отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками 20.02.1958 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны до ноября 1948 г. командовал Черноморским флотом. В 1948–1952 гг. – 1-й заместитель главкома ВМС, затем служил в центральном аппарате ВМФ, был начальником Черноморского высшего военно-морского училища

им. П.С. Нахимова. С февраля 1941 г. член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР 1 и 2-го созывов. С 1960 г. – военный инспектор-советник в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Награждён тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1 ст., орденами Нахимова 1 ст., Суворова 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 8.07.1969 г. Похоронен в Севастополе. Почётный гражданин Севастополя. Его имя носят корабль, учебный отряд ВМФ, улица в Севастополе.

Н.Н. Олешев

ОЛЕШЕВ Николай Николаевич, родился 21.9.1903 г. в г. Ярославль в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1937 г. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. В 1926 г. окончил кавалерийскую школу, в 1941 г. – 1-й курс Военной академии им. М.В. Фрунзе. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир 113-го стрелкового корпуса (39-я армия, Забайкальский фронт) генерал-лейтенант Н.Н. Олешев отличился в советско-японской войне 1945 г. Корпус перешёл в наступление 9.08.1945 г. и стремительно форсировал хребет Б. Хинган. За 15 дней боёв корпус продвинулся на 950 км, захватил в плен около 2500 вражеских солдат и офицеров, а также много военной техники. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1948 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1963 г. генерал-лейтенант Н.Н. Олешев – в отставке. Жил в г. Рига. Награждён тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., Богдана Хмельницкого 2 ст., Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 2.11.1970 г. Имя Героя носит погранзаезда.

В.В. Орехов

ОРЕХОВ Владимир Викторович, родился 31.12.1948 г. в г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края в семье рабочего. Русский. Окончил 7 классов школы № 7 и СГПТУ № 6. Работал сборщиком корпусов в сборочном цехе автомобильного завода им. Ленинского комсомола. В Красной армии с 1968 г.

Пулемётчику, комсомольцу, мл. сержанту В.В. Орехову за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, 31.07.1969 г. присвоено Звание Героя Советского Союза посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в пос. Филино Дальнереченского района Приморского края. Навечно зачислен в списки воинской части. Именем Героя названа улица в г. Комсомольск-на-Амуре. В школе № 7, СГПТУ № 6 и в сборочном цехе завода им. Ленинского комсомола установлены мемориальные доски. В школе № 7 и СГПТУ № 6 созданы музеи, посвящённые жизни Героя.

ОРЛОВ Иван Петрович, родился 1.05.1911 г. в с. Пожня ныне Великописаревского района Сумской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное.

И.П. Орлов

Работал в управлении золотых приисков в Хабаровском крае. В Красной армии с августа 1943 г.

В действующей армии с января 1944 г. Стрелок 743-го стрелкового полка (131-я стр. див., 2-я уд. армия, Ленинградский фронт) рядовой И.П. Орлов в числе первых 25.07.1944 г. преодолел р. Нарва. На шоссе Нарва – Таллин (Эстония) гранатами подорвал 2 штабные автомашины, захватил важные оперативные документы, 5 пленных и доставил их в штаб. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны демобилизован. Вернулся на родину. Работал председателем сельсовета, бригадиром, лесником. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 15.06.1985 г.

Пол. Ден. Осипенко

ОСИПЕНКО Полина Денисовна, родилась 8.10.1907 г. в с. Новоспасовка (ныне с. Осипенко) Бердянского района Запорожской области, в семье крестьянина. Украинка. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончила начальную школу, курсы птицеводов. Работала заведующей колхозной птицефермой. В Красной армии с 1930 г. В 1932 г. окончила Качинскую военную авиационную школу. Служила лётчиком, командиром звена в истребительной авиации. В 1936–1938 гг. установила пять мировых авиационных рекордов высоты и дальности полёта для женщин.

Капитан, второй пилот самолёта «Родина», на котором 24–25.09.1938 г. вместе с М. Расковой и В.С. Гризодубовой совершила рекордный беспосадочный перелёт по маршруту Москва – Комсомольск-на-Амуре. За этот полёт 2.11.1938 г. ей присвоено звание Героя Советского Союза. Награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

Майор П.Д. Осипенко погибла при исполнении служебных обязанностей 11.05.1939 г. Похоронена в Москве у Кремлёвской стены. Её именем названы улицы и площади в Москве, Минске, Перми, Владивостоке, Владимире, Элисте и других городах, райцентр и район в Хабаровском крае. В с. Осипенко установлен её бюст, в дер. Высокое Рыбновского района Рязанской области – обелиск.

С.Д. Осипов

ОСИПОВ Семён Дмитриевич, родился 30.09.1919 г. в с. Новоиколаевка ныне Мошковского района Новосибирской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов, школу ФЗО (ныне ГПТУ № 15) в г. Новосибирск. Работал токарем на заводе «Труд». В Красной армии с 1939 г. В 1941 г. окончил Хабаровское военное пехотное училище.

В действующей армии с 1941 г. Мотострелковый батальон 20-й гвардейской механизированной бригады (8-й гв. мех. корпус, 1-я танк. армия, 1-й Украинский фронт) под командованием гвардии капитана С.Д. Осипова 24.03.1944 г. первым из бригады форсировал р. Днестр у с. Заленщики (Тернопольская обл. Украина), захватил плацдарм на правом берегу и удерживал его до подхода подкрепления. Звание Героя Советского

Союза присвоено 26.04.1944 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды.

Умер от ран 26.7.1944 г. Похоронен в Ровно, в этом же городе улица носит имя Героя.

В.А. Павлов

ПАВЛОВ Василий Александрович, родился 14.01.1924 г. в г. Челябинск в семье рабочего. Русский. Окончил 7 классов и курсы киномехаников. Работал киномехаником. В Красной армии с сентября 1941 г.

В действующей армии с ноября 1942 г. Командир отделения роты ПТР 189-го гвардейского стрелкового полка (62-я гв. стр. див., 37-я армия, Степной фронт) гвардии ст. сержант В.А. Павлов отличился при форсировании Днепра у с. Мишурин Рог (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.), 30.09–3.10.1943 г. с отделением на захваченном плацдарме отразил 8 контратак противника, уничтожил 3 танка, штабную автомашину и штурмовое орудие. Лично из ПТР подбил танк и штурмовое орудие. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

В 1947 г. демобилизован. Работал киномехаником в разных городах. С 1969 г. жил в с. Тамбовка Амурской области, работал строителем. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 16.08.1969 г.

И.М. Павлович

ПАВЛОВИЧ Иван Михайлович, родился 7.03.1896 г. в дер. Старое Село ныне Мстиславского района Могилёвской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1919 г. Окончил среднюю школу. Служил в русской армии. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1920 г. окончил Высшие пехотные курсы, в 1928 г. – Высшую пограничную школу НКВД, в 1938 г. – курсы усовершенствования командного состава.

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1943 г. Заместитель командира 399-й стрелковой дивизии (48-я армия, 1-й Белорусский фронт) полковник И.М. Павлович в ночь на 20.07.1944 г., находясь на наблюдательном пункте стрелкового полка близ дер. Новинник (Брестская обл.), руководил отражением массированной атаки пехоты и более 60 танков противника. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.04.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 3 ст., Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Похоронен в дер. Курашево Брестской области. Именем Героя названы улицы в г. Мстиславль и Хабаровск.

ПАВЛОВСКИЙ Алексей Андреевич, родился 17.05.1914 г. в г. Великие Луки ныне Псковской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил 5 классов и школу ФЗУ. Жил в г. Новокузнецк (Кемеровская обл.), работал на строительстве металлургического комбината, учился в Сибирском металлургическом институте, аэроклубе. Работал

А.А. Павловский

в Комсомольске-на-Амуре. В Красной армии в 1936–1939 гг. и с сентября 1942 г.

Участник Великой Отечественной войны с 1943 г. Командир батальона 19-го гвардейского воздушно-десантного полка (10-я гв. возд.-дес. див., 37-я армия, Степной фронт) гвардии капитан А.А. Павловский в начале октября 1943 г. в районе с. Мишуриин Рог (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.) с приданной батальону артиллерией в течение дня отбивал атаки противника, уничтожив 17 танков и до роты пехоты. Контуженным попал в плен и был сожжён гитлеровцами заживо 8.10.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в с. Днепровокаменка Верхнеднепровского района Днепропетровской области, где установлен памятник Герою. Его именем названа улица в Комсомольске-на-Амуре; он зачислен в бригаду литейщиков завода «Амурсталь». На здании завода – мемориальная доска.

Г.М. Паламарчук

ПАЛАМАРЧУК Георгий Михайлович, родился 15.01.1919 г. в г. Первомайск ныне Николаевской области в семье служащего. Украинец. Член ВКП(б) с 1944 г. С 1930 г. вместе с родителями жил в Хабаровске, учился в средней школе № 2. Окончил два курса Института инженеров морского транспорта в г. Одесса. В ВМФ с 1939 г. Окончил Каспийское высшее военно-морское училище им. С.М. Кирова в 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Командир торпедного катера 1-го отдельного дивизиона торпедных катеров (охрана водного района Главной базы Северного флота) ст. лейтенант Г.М. Паламарчук к апрелю 1944 г. совершил 80 боевых походов, потопил вражеский миноносец, высадил десант на побережье противника, спас шесть советских лётчиков, участвовал в 12 активных минных постановках в водах противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1975 г. капитан 1-го ранга Г.М. Паламарчук – в запасе. Жил и работал в Москве. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 10.10.2007 г.

А.С. Панов

ПАНОВ Александр Семёнович, родился 15.10.1922 г. на ст. Волочаевка 1-я ныне Смидовичского района Еврейской автономной области Хабаровского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1965. Окончил железнодорожное ремесленное училище. Работал в г. Красноярск слесарем в депо. В Красной армии с февраля 1942 г.

В действующей армии с ноября 1942 г. Сабельник 60-го гвардейского кавалерийского полка (16-я гв. кав. див., 7-й гв. кав. корпус, 1-й Белорусский фронт), комсомолец, гвардии рядовой А.С. Панов отличился в боях за г. Бранденбург (запад-

нее Берлина). 26–28.04.1945 г. в составе эскадрона форсировал Зило-канал (соединяет озёра Бецзе и Плауэфзе, сев.г. Бранденбург) и на захваченном плацдарме огнём ручного пулемёта сдерживал контратаки противника. Уничтожил три пулемётные точки, много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

В 1947 г. демобилизован. Работал на железнодорожной ст. Ин Смидовичского района и Известковая Облученского района (той же обл.). Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 5.05.1992 г.

Л.Н. Пантелеев

ПАНТЕЛЕЕВ Лев Николаевич, родился 25.08.1910 г. в г. Подольск ныне Московской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Окончил школу ФЗУ, работал фрезеровщиком на машиностроительном заводе в Подольске. В ВМФ с 1930 г. Окончил в 1934 г. Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе.

Участник советско-японской войны 1945 г. Начальник штаба 1-й бригады торпедных катеров (Тихоокеанский флот) капитан 3-го ранга Л.Н. Пантелеев умело осуществил в середине августа 1945 г. высадку десантных групп в корейские порты Сейсин (Чхонджин), Расин (Наджин), Гензан (Вонсан), обеспечивал прикрытие десанта огнём с катеров. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1956 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1967 г. вице-адмирал Л.Н. Пантелеев – в запасе. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, иностранными орденами.

Умер 14.04.1980 г. Похоронен в Москве.

С.В. Папулов

ПАПУЛОВ Семён Васильевич, родился в 1915 г. в с. Верхняя Полтавка ныне Тамбовского района Амурской области в семье рабочего. Русский. С 1921 г. жил в с. Константиновка Амурской области. Окончил горный техникум, затем работал в МТС с. Средне-Белая Благовещенского района Амурской области. В Красной армии с 1941 г. Окончил Владивостокское военное пехотное училище в 1942 г.

В действующей армии с июня 1942 г. Командир роты 360-го стрелкового полка (74-я стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) мл. лейтенант С.В. Папулов в сентябре 1943 г., отражая массированную атаку пехоты и танков противника в районе с. Оболонь (Коропский район Черниговская обл.), умело руководил боем роты, лично уничтожил много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст.

Погиб в бою 6.11.1943 г. Похоронен в с. Мостище Киевской области. Бюст Героя установлен на ст. Средне-Белая, мемориальная доска – в с. Горенка Киевской области.

К.Е. Парамонов

ПАРАМОНОВ Константин Ефимович, родился 3.06.1908 г. в дер. Мелисоново ныне Бижбулякского района Башкирии в семье крестьянина. Русский. Окончил начальную школу. Работал грузчиком в г. Белорецк, председателем сельсовета, на строительстве Комсомольска-на-Амуре. В Красной армии с 1941 г.

В действующей армии с ноября 1941 г. Командир роты 185-го гвардейского стрелкового полка (60-я гв. стр. див., 6-я армия, 3-й Украинский фронт) гвардии лейтенант К.Е. Парамонов отличился 25.11.1943 г. при форсировании Днепра юго-восточнее с. Разумовка (Запорожский район Запорожская обл.). Рота захватила плацдарм и удерживала его до подхода подкрепления.

Погиб в бою за расширение плацдарма 26.11.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст.

Похоронен в братской могиле в Разумовке. Имя Героя носят улицы в с. Разумовка и в г. Запорожье.

А.П. Пассар

ПАССАР Александр Падалиевич, родился 13.01.1922 г. в с. Домдон ныне Нанайского района Хабаровского края в семье рыбака. Нанаец. Член ВКП(б) с 1942 г. Образование н/среднее. Работал заведующим избой-читальней, учителем ликбеза. В Красной армии с июня 1941 г.

В действующей армии с июля 1941 г. Командир отделения пешей разведки 616-го стрелкового полка (194-я стр. див., 48-я армия, 1-й Белорусский фронт) ст. сержант А.П. Пассар с июня 1942 г. по июнь 1944 г. участвовал в захвате 26 «языков», уничтожил десятки гитлеровцев, много раз доставлял в штаб ценные сведения о противнике. Он подготовил несколько десятков разведчиков, из них трое стали Героями Советского Союза. При форсировании рек Угра, Десна, Сож, Днепр, Березина показал мастерство в преодолении водных преград и захвате пленных. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.08.1944 г.

В 1947 г. демобилизован. Жил в Хабаровске, работал в отделении связи, на заводе. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 26.10.1988 г.

Г.Н. Перекрестов

ПЕРЕКРЕСТОВ Григорий Никифорович, родился 17.01.1904 г. в с. Масляниковка, ныне в черте г. Кировоград (Украина), в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1928 г. Окончил ремесленное училище, где остался работать. В Красной армии с 1922 г. В 1925 г. окончил Киевское кавалерийское училище, в 1944 г. – Военную академию Генштаба.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир 65-го стрелкового корпуса (5-я армия, 1-й Дальневосточный фронт) генерал-майор Г.Н. Перекрестов умело руководил соединениями корпуса в Харбино-Гириной операции на Муданьцзянском направлении, проявил личное мужество и героизм. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1958 г. генерал-лейтенант Г.Н. Перекрестов – в запасе. Жил в Воронеже. Награждён тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., Отечественной войны 1 ст., медалями, иностранным орденом.

Умер 13.07.1992 г.

В.В. Пермяков

ПЕРМЯКОВ Владимир Васильевич, родился 14.01.1924 г. в с. Жидка Балейского района Читинской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1948 г. Жил в с. Кокуй Сретенского района. Окончил 6 классов и ремесленное училище, работал слесарем на Сретенском судостроительном заводе, затем на одном из золотых приисков в Амурской области. В Красной армии с 1942 г. Окончил курсы механиков-водителей.

В действующей армии с июня 1944 г. Механик-водитель танка 49-й гвардейской танковой бригады (12-й гв. танк. корпус, 2-я гв. танк. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии ст. сержант В.В. Пермяков на своём танке с 14 по 30.01.1945 г. с боями прошёл 500 км без единой поломки. В составе разведывательной группы участвовал в освобождении польских г. Блендув, Сохачев, Чарнкув и Иновроцлав. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

После войны демобилизован. Работал преподавателем ремесленного училища в пос. Кокуй, затем жил в г. Улан-Удэ, учился в Иркутской областной партшколе. Работал слесарем на бумажном комбинате в г. Поронайск на Сахалине. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 21.03.1995 г.

К.М. Петровский

ПЕТРОВСКИЙ Константин Максимович, родился 20.01.1892 г. в Петербурге (Ленинград) в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с июля 1919 г. Окончил гимназию, Владивостокский морской техникум, 2 курса Ленинградского института коммунального хозяйства. Работал на флоте.

В годы Великой Отечественной войны был первым помощником капитана по политической части лесовоза «Старый большевик» Мурманского морского пароходства. В мае 1942 г. лесовоз, находясь в составе союзного конвоя, был атакован и подожжён вражескими самолётами. К.М. Петровский спустился в трюм, где кроме техники находились снаряды и зажигательные бомбы, и в течение 8 часов вместе с экипажем боролся за жизнь судна. «Старый большевик» самостоятельно прибыл в порт, доставив необходимые фронту военные грузы. Звание Героя Советского Союза присвоено 28.06.1942 г.

С 1945 г. капитан-лейтенант К.М. Петровский – в отставке. Жил в г. Темрюк Краснодарского края. Работал инспектором Темрюкского рыбпортнадзора. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 9.06.1965 г.

ПИЛИПАС Валентин Викторович, родился 14.02.1920 г. в с. Новоселитьба ныне Белогорского района Амурской области

В.В. Пилипас

в семье крестьянина. Русский. Член КПСС. Окончил 7 классов. Учился в Благовещенском политехникуме водных путей сообщения. В Красной армии с 1939 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с октября 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1942 г. Зам. командира батальона 329-го стрелкового полка (70-я стр. див., 33-я армия, 2-й Белорусский фронт) капитан В.В. Пилипас с группой бойцов 27.06.1944 г. одним из первых переправился через Днепр и ворвался в г. Шклов (Могилёвская обл.). Своими действиями способствовал захвату плацдарма и форсированию реки частями дивизии. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны майор В.В. Пилипас – в запасе. Работал в системе Министерства заготовок СССР. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 18.09.1957 г. Похоронен на центральной усадьбе Балахтинского зерносовхоза Балахтинского района Красноярского края.

В.Е. Писклов

ПИСКЛОВ Василий Емельянович, родился 28.08.1921 г. в с. Солдатское ныне Ракитянского района Белгородской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 6 классов. Работал на железной дороге в г. Владивосток. В Красной армии с 1940 г. В 1941 г. окончил полковую школу.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1942 г. Помощник командира взвода 207-го гвардейского стрелкового полка (70-я гв. стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) гвардии ст. сержант В.Е. Писклов в ходе оборонительных боёв в районе дер. Ольховатка (Поныровский район Курской обл.) 6–10.07.1943 г. гранатами и бутылками с зажигательной смесью подбил и сжёг 10 вражеских танков, огнём из автомата уничтожил много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.08.1943 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1946 г. окончил Московское пехотное училище, в 1960 г. – курсы «Выстрел». С 1965 г. полковник В.Е. Писклов – в запасе. Жил в Москве. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 17.02.1998 г.

П.А. Плешков

ПЛЕШКОВ Пётр Антонович, родился 22.08.1904 г. в с. Склягино ныне Черновского р-на Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов, педагогические кооперативные курсы в г. Новосибирск. В 1927 г. после окончания действительной военной службы остался на Дальнем Востоке. Работал товароведом базы Верхмурпродснаба в посёлке городского типа Могоча Читинской области. В Красной армии в 1926–1927 гг. и с 1941 г. В 1927 г. окончил военную пехотную школу.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир 225-го гвардейского стрелкового полка (78-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт) гвардии майор П.А. Плешков отличился в ночь на 25.09.1943 г. Полк, выйдя к Днепру и используя подручные средства, форсировал реку в районе с. Домоткань (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.) и овладел плацдармом. В течение трёх суток отражал контратаки врага и расширил плацдарм в глубину на 2 км. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

С 1946 г. подполковник П.А. Плешков – в запасе. Жил и работал в г. Семипалатинск. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 1.02.1961 г.

М.П. Подымахин

ПОДЫМАХИН Матвей Прокопьевич, родился 2.11.1917 г. в дер. Ключи ныне Казачинско-Ленского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил педагогическое училище. С 1937 г. в ВМФ. Окончил военно-морское училище.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир звена 2-й бригады торпедных катеров (Новороссийская военно-морская база, Черноморский флот) ст. лейтенант М.П. Подымахин в 1943 г. наносил удары по портам Камыш-Бурун, Феодосия, в блокаде акваторий от Анапы до Керченского пролива, провёл 18 боёв с торпедными катерами противника у с. Мысхако. Во время штурма Новороссийска первым высадил десант и обеспечил прорыв остальных катеров в порт. 7.05.1944 г. под Севастополем потопил вражескую десантную баржу. Звание Героя Советского Союза присвоено 5.11.1944 г.

После войны служил на Тихоокеанском флоте. Окончил курсы усовершенствования офицерского состава при Военно-морской академии в 1953 г. С 1973 г. капитан 1-го ранга М.П. Подымахин – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 17.02.1993 г.

Н.М. Позевалкин

ПОЗЕВАЛКИН Николай Михайлович, родился в 1905 г. в пос. Бикин, ныне город Хабаровского края, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование н/среднее. В Красной армии с 1942 г.

В действующей армии с 1942 г. Командир расчёта миномётной батареи 360-го стрелкового полка (74-я стр. див., 57-я армия, 3-й Украинский фронт) ст. сержант Н.М. Позевалкин отличился 6.11.1944 г.

Его расчёт одним из первых форсировал р. Дунай в районе г. Апатин (Югославия), участвовал в захвате плацдарма, поддерживая огнём наступление стрелковых подразделений. В критический момент боя поднял бойцов в штыковую атаку.

Погиб в бою 29.01.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Похоронен на поле боя.

Н.Н. Покачалов

ПОКАЧАЛОВ Николай Николаевич, родился 25.11.1910 г. в с. Кривка 2-я ныне Грязинского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. Жил в г. Ровеньки Ворошиловградской области. Окончил 7 классов, совпартшколу в 1931 г. в г. Одесса. В Красной армии с 1932 г. Окончил в 1934 г. Одесскую пехотную школу и военную авиационную школу штурманов в 1936 г. в г. Харьков.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Штурман эскадрильи 101-го авиационного полка (1-я авиа. див., 7-й авиац. корпус авиации дальнего действия) майор Н.Н. Покачалов к марту 1944 г. совершил 331 ночной боевой вылет на бомбардировку военных объектов в тылу противника, доставлял боеприпасы партизанским отрядам, эвакуировал раненых. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.03.1944 г.

С 1947 г. – в запасе. Жил в г. Райчихинск Амурской области. Работал начальником участка Сорокинского разреза «Дальвостокуголь». Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 24.04.1952 г.

В.Л. Полещук

ПОЛЕЩУК Василий Лукьянович, родился 25.03.1918 г. в с. Кабарга ныне Лесозаводского горсовета Приморского края в семье рабочего. Русский. Образование н/среднее. В Красной армии с 1938 г.

На фронте Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир взвода 326-го стрелкового полка (21-я стр. див., 7-я отдельная армия), комсомолец, сержант В.Л. Полещук в боях 6–7.11.1941 г. успешно отразил 6 атак противника в р-не дер. Якдеба (северо-восточнее Ладожского оз.).

Взвод нанёс врагу большой урон в живой силе и боевой технике, удержал занимаемую позицию. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.02.1942 г.

С 1946 г. майор В.Л. Полещук – в запасе. Жил и работал в г. Шагонар Улуг-Хемского района Республика Тыва. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, медалями.

Умер 13.09.1952 г.

ПОЛТАВСКИЙ Евгений Николаевич, родился 28.07.1923 г. в г. Владивосток в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 10 классов в Хабаровске. В Красной армии с марта 1942 г. Окончил Хабаровское пулемётно-миномётное училище в 1943 г.

В действующей армии с 1943 г. Командир взвода 465-го стрелкового полка (167-я стр. див., 38-я армия, 1-й Украинский

Е.Н. Полтавский

фронт), комсомолец, мл. лейтенант Е.Н. Полтавский отличился в боях на подступах к Киеву. В трудную минуту боя 4.11.1943 г. заменил раненого командира роты. Бойцы ворвались в пос. Пуца-Водица (ныне посёлок городского типа Киевского горсовета), перерезали дорогу, по которой фашисты перебрасывали резервы. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г.

Окончил курсы усовершенствования офицерского состава в 1945 г. Служил в частях Дальневосточного и Киевского военных округов. С 1974 г. полковник Е.Н. Полтавский – в отставке. Жил и работал в Киеве. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 24.10.2002 г.

Д.Г. Пономарёв

ПОНОМАРЁВ Дмитрий Григорьевич, родился 3.11.1908 г. в г. Архангельск в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1930 г. Окончил Архангельское мореходное училище в 1929 г. Плавал штурманом на судах торгового флота. В Вооружённых силах в 1930–1931 гг. и с 1933 г. Прошёл обучение в учебном отряде подводного плавания им. С.М. Кирова в 1935 г. Служил на подводных лодках, командовал Петропавловской военно-морской базой ТОФ.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир Петропавловской ВМБ (Тихоокеанский флот), капитан 1-го ранга Д.Г. Пономарёв во время Курильской десантной операции в короткие сроки подготовил и в сложных погодных условиях успешно осуществил переход морем, произвёл высадку десанта на сильно укрепленные противником острова Шумшу и Парамушир, организовал подавление вражеских опорных пунктов и огневых точек. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1948 г. окончил академические курсы. С 1954 г. капитан 1-го ранга Д.Г. Пономарёв – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 26.12.1982 г.

Г.Е. Попов

ПОПОВ Георгий Евдокимович, родился в 1900 г. в с. Градище ныне Бондарского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал в г. Абакан (Красноярский край) и Николаевске-на-Амуре. В Красной армии в 1925–1927 гг. и с августа 1942 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Автоматчик 98-го отдельного пулемётного артиллерийского батальона (106-й укрепл. район, 25-я армия, 1-й Дальневосточный фронт) рядовой Г.Е. Попов 9.08.1945 г. во время наступления на высоту у приморской границы в Маньчжурии закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, препятствовавшего продвижению стрелковых подразделений. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в с. Фадеевка Октябрьского района Приморского края. Навечно зачислен в списки воинской части. На здании судостроительного завода в Николаевске-на-Амуре установлена мемориальная доска.

М.М. Попов

ПОПОВ Маркиан Михайлович, родился 15.11.1902 г. в станице Усть-Медведицкая, ныне г. Серафимович Волгоградской области, в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1921 г. Окончил начальное училище. В Красной армии с 1920 г. Участник Гражданской войны. В 1925 г. окончил курсы «Выстрел», в 1936 – Военную академию им. М.В. Фрунзе. Был начальником штаба 9-й отдельной механизированной бригады, затем – 5-го механизированного корпуса. С июня 1938 г. – заместитель командующего 1-й Краснознамённой армией на Дальнем Востоке. С сентября 1938 г. – начальник штаба 1-й Отдельной Краснознамённой армии. С июля 1939 по январь 1941 г. – командующий 1-й Отдельной Краснознамённой армией. С января 1941 г. командующий войсками Ленинградского военного округа.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 г. Командующий Северным и Ленинградским фронтами (июнь – сентябрь 1941 г.), 61-й и 40-й армиями (ноябрь 1941—октябрь 1942 г.). С октября 1942 г. заместитель командующего войсками Сталинградского, а с декабря 1942 г. – и Юго-Западного фронтов. Командовал 5-й танковой армией, Резервным, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами. С апреля 1944 г. и до конца войны начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов. За умелое командование войсками в годы Великой Отечественной войны и личное мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, 7.05.1965 г. генералу армии М.М. Попову присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны командовал войсками Львовского и Таврического военных округов. В 1956–1962 гг. начальник Главного штаба – 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками. С 1962 г. – военный инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2–6-го созывов. Награждён пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., двумя орденами Кутузова 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями, иностранными орденами.

Умер 22.04.1969 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Мемориальная доска установлена в г. Серафимович.

Г.Д. Попович

ПОПОВИЧ Григорий Данилович, родился 23.04.1905 г. в с. Моринцы ныне Корсунь-Шевченковского района Черкасской области. Украинец. Член ВКП(б) с 1930 г. Окончил 7 классов. В ВМФ с 1927 г. Окончил 2-ю Краснознамённую военную школу командиров звеньев в 1936 г.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1942 г. В составе ВВС Северного флота совершил 56 боевых вылетов. Потопил лично и в группе семь транспортов, танкер, сторо-

жевой корабль, уничтожил 15 самолётов противника. Участник советско-японской войны 1945 г. Помощник командира 4-го минно-торпедного авиационного полка по лётной подготовке (2-я минно-торпед. авиац. див., ВВС Тихоокеанского флота), майор Г.Д. Попович совершил два боевых вылета. Потопил эскортный корабль противника. Доставил командованию ценные разведданные о противнике. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

С 1948 г. подполковник Г.Д. Попович – в запасе. Жил и работал в г. Херсон. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Красной Звезды, медалями.

Умер 24.09.1966 г.

С.Н. Портнягин

ПОРТНЯГИН Сергей Николаевич, родился 17.10.1918 г. в с. Хлоптуново ныне Сухобузимского района Красноярского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал в Главкожобувьсбыте в г. Красноярск. В Красной армии с 1938 г. В 1941 г. окончил Хабаровское военное пехотное училище.

В действующей армии с августа 1941 г. Командир роты 310-го гвардейского стрелкового полка (110-я гв. стр. див., 37-я армия, Степной фронт) гвардии ст. лейтенант С.Н. Портнягин один из первых в полку 29.09.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Куцеволовка (Онуфриевский район Кировоградская обл.). Рота захватила плацдарм на правом берегу, успешно отразила контратаки противника, подбив девять танков. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1946 г. капитан С.Н. Портнягин – в запасе. Жил и работал на родине. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 23.07.1980 г.

М.Я. Потёмкин

ПОТЁМКИН Михаил Яковлевич, родился 30.09.1917 г. на ст. Хэндаохэцзы Китайско-Восточной железной дороги в семье рабочего-железнодорожника. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. С 1935 г. жил в г. Хвалынский Саратовской области Окончил техникум. Работал преподавателем физкультуры. В Красной армии с 1941 г. Окончил Могилёвское военное пехотное училище.

На фронте Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Командир 129-го стрелкового полка (93-я стр. див., 26-я армия, 3-й Украинский фронт) майор М.Я. Потёмкин умело командовал полком в тяжёлых боях в марте 1945 г. в районе оз. Балатон (Венгрия). Его полк отразил атаки противника и удержал занимаемые позиции. В последующих наступательных боях подразделения полка с ходу форсировали р. Раба и первыми вышли на австро-венгерскую границу. Погиб в бою 1.04.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 28.04.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 3 ст., Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., медалями.

В г. Хвалынск именем Героя названа улица. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

Т.А. Почтарёв

ПОЧТАРЁВ Тимофей Алексеевич, родился 3.11.1913 г. в дер. Колосы ныне Рогачёвского района Гомельской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил 1 курс механического института. Работал слесарем на заводе в Ленинграде. В ВМФ с 1934 г. Окончил Севастопольское военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ в 1938 г.

В боях Великой Отечественной войны с 1941 г. Воевал на Балтийском и Черноморском флотах. Участник советско-японской войны 1945 г. Офицер-оператор штаба береговой обороны (Петропавловская ВМБ, Тихоокеанский флот), майор Т.А. Почтарёв во время Курильской десантной операции во главе сводного батальона морской пехоты 18.08.1945 г. успешно высадился на о-ве Шумшу, захватил прибрежные оборонительные сооружения и смело начал продвигаться в глубину обороны противника. Его подразделение захватило штаб вражеского батальона. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1955 г. окончил Военно-морскую академию. С 1957 г. полковник Т.А. Почтарёв – в запасе. Жил в г. Сестрорецк ныне администрации Санкт-Петербурга. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст. и 2 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 18.09.1992 г.

Е.Н. Преображенский

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Николаевич, родился 22.06.1909 г. в с. Благовещенье ныне Кирилловского района Вологодской обл. в семье учителя. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил три курса Череповецкого педагогического техникума. В ВМФ с 1927 г. Окончил Военную школу морских лётчиков в 1930 г., курсы совершенствования командного состава в 1933 г. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. С августа 1941 г. командир 1-го минно-торпедного авиационного полка (8-я бомб. авиац. бригада, ВВС Балтийского флота) полковник Е.Н. Преображенский участвовал в нанесении первых бомбовых ударов по военным объектам Берлина. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.08.1941 г. С 1942 г. командир авиационной бригады, с сентября 1944 г. исполняющий обязанности командующего ВВС Северного флота, с февраля 1946 г. командующий ВВС Тихоокеанского флота. В 1950–1962 гг. командующий авиацией ВМФ. С 1962 г. генерал-полковник авиации Е.Н. Преображенский – военный консультант группы генеральных инспекторов МО СССР. Награждён тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Красной Звезды, медалями, иностранным орденом.

Умер 29.10.1963 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Его имя носят улицы в г. Череповец, Кириллов Вологодской области; в с. Волкославино Кирилловского района установлен бюст Героя.

П.А. Примак

ПРИМАК Павел Александрович, родился в 1911 г. в ныне Благовещенском районе Амурской области в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Работал на заводе в г. Благовещенск. В Красной армии с 1943 г.

В действующей армии с августа 1943 г. Пулемётчик 218-го гвардейского стрелкового полка (77-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт) гвардии мл. сержант П.А. Примак в ночь на 27.09.1943 г. одним из первых переправился через Днепр у с. Неданчичи (Репкинский район Черниговская обл.) и огнём из пулемёта прикрывал форсирование реки подразделениями полка. На плацдарме участвовал в отражении четырёх контратак противника. Был ранен, но не покинул поля боя. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Демарка Брагинского района Гомельской области. Навечно зачислен в списки воинской части.

Н.К. Приходько

ПРИХОДЬКО Назар Ксенофонович, родился 14.11.1915 г. в с. Ольховка ныне Кировского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов, работал в колхозе, затем слесарем на заводе во Владивостоке. В Красной армии с июня 1941 г.

В действующей армии с марта 1942 г. Механик-водитель танка 183-й танковой бригады (10-й танк. корпус, 40-я армия, Воронежский фронт) рядовой Н.К. Приходько отличился при форсировании Днепра в районе хутора Монастырёк (Кагарлыкский район Киевская обл.) в ночь на 24.09.1943 г. Под огнём противника на плоту переправился на правый берег, умело маневрируя машиной, обеспечил экипажу ведение прицельного огня. В этом бою экипаж уничтожил два противотанковых орудия, миномётную батарею. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.10.1943 г.

В 1945 г. старшина Н.К. Приходько демобилизован. Жил и работал в г. Владивосток. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, Славы 3 ст.

Умер 16.08.1984 г.

И.И. Проскуров

ПРОСКУРОВ Иван Иосифович, родился 18.02.1907 г. в с. Малая Токмачка ныне Запорожской области в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1927 г. Окончил рабфак, учился в Харьковском институте механики и электрификации. В Красной армии с 1931 г. Окончил Сталинградскую школу военных лётчиков в 1933 г., школу военно-морских лётчиков – в 1934 г.

Участник войны в Испании 1936–1937 гг. Командир эскадрильи бомбардировщиков ст. лейтенант И.И. Проскуров участвовал в уничтожении эшелонов с боеприпасами и горючим, в разгроме колонн мятежников на пути к Мадриду и в нанесении ударов по немецкому линкору «Дойчланд». За героизм, проявленный в боях, 21.06.1937 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Командовал авиационной бригадой, с 1938 г. – 2-й авиационной армией особого назначения, с сентября 1940 г. – командующий Военно-воздушными силами Дальневосточного фронта, помощник начальника Главного управления ВВС Красной армии по дальней бомбардировочной авиации. Генерал-лейтенант авиации (1940 г.). Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами. Красной Звезды. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Необоснованно арестован 27.06.1941 г. Расстрелян 28.10.1941 г.

Реабилитирован, восстановлен в звании Героя Советского Союза и в правах на награды 15.05.1954 г.

М.К. Пугач

ПУГАЧ Максим Кириллович, родился 5.06.1916 г. в с. Лучки ныне Хорольского р-на Приморского края в семье крестьянина. Русский. Окончил н/среднюю школу. Работал шахтёром в г. Артём Приморского края. В Красной армии с 1939 г.

В действующей армии с августа 1942 г. Окончил курсы мл. лейтенантов. Командир роты 248-й стрелковой бригады (60-я армия, Центральный фронт), канд. в члены КПСС, мл. лейтенант М.К. Пугач одним из первых 27.09.1943 г. форсировал Днепр в районе с. Ясногородка (Вышгородский р-н Киевская обл.). На плацдарме рота захватила тактически важную высоту, что помогло бригаде успешно форсировать реку. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г. Награждён орденом Ленина, медалью.

Умер от ран 21.11.1943 г. Похоронен в с. Карпиловка Козелецкого района Черниговской области. Именем Героя названа улица в с. Хороль Приморского края.

Я.А. Пузыркин

ПУЗЫРКИН Яков Афанасьевич, родился 10.05.1915 г. в с. Дмитриевка ныне Черниговского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил три курса строительного техникума. Работал электромонтёром в г. Таганрог. В Красной армии в 1939–1940 гг. и с июня 1941 г.

На фронте Великой Отечественной войны с октября 1941 г. В 1944 г. окончил Горьковское танковое училище. Командир взвода 53-й гвардейской танковой бригады (6-й гв. танк. корпус, 3-я гв. танк. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии лейтенант А.Я. Пузыркин в ходе наступления 15.01.1945 г. нашёл брод через р. Пилица у населённого пункта Малюшин северо-западнее г. Влошова, Польша), уничтожил два вражеских танка, шесть орудий и много гитлеровцев. В последующих боях подбил ещё два танка и два штурмовых орудия противника, первым перешёл бывшую польско-германскую границу 20.01.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

В 1949 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1970 г. полковник Я.А. Пузыркин – в запасе. Жил и работал в г. Череповец Вологодской области, в г. Воронеж.

Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 13.01.2002 г.

Н.П. Пустынцев

ПУСТЫНЦЕВ Николай Петрович, родился 1.12.1911 г. в с. Покровское ныне Бикинского района Хабаровского края в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. В 1941 г. окончил Воронежский педагогический институт. Работал учителем в средней школе. В Красной армии с сентября 1941 г.

В действующей армии с января 1942 г. Разведчик 47-й гвардейской отдельной разведывательной роты (48-я гв. стр. див., 57-я армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии ст. сержант Н.П. Пустынцев неоднократно отличался при ведении разведки в тылу врага, захватил четыре «языка». 17.10.1943 г. разведал цели в тылу врага в районе с. Домоткань (Верхнеднепровский район Днепропетровской области), обнаружил и передал по рации координаты вражеских артиллерийских и миномётных батарей. По этим данным артиллерийским огнём было подбито 12 орудий, семь миномётов и два танка противника, а также уничтожено много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г. В 1944 г. окончил курсы мл. лейтенантов.

С 1947 г. ст. лейтенант Н.П. Пустынцев – в запасе. Жил и работал в Мурманске. С 1972 г. жил в Москве. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 15.06.1990 г.

В.С. Раков

РАКОВ Василий Сергеевич, родился 1.01.1914 г. в с. Селичняя ныне Суземского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил начальную школу. Работал в совхозе. В Красной армии с 1936 г.

Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г. Командир отделения 23-го отдельного сапёрного батальона (46-я стр. див., 1-я армия) В.С. Раков отличился в боях за высоту Заозёрная. Умело командуя бойцами, без потерь достиг высоты и смело атаковал противника. Расстреливая и забрасывая гранатами врага, воины выбили его из занимаемых окопов. Звание Героя Советского Союза присвоено 25.10.1938 г.

В 1939 г. окончил курсы мл. лейтенантов. Продолжал службу на Дальнем Востоке. В 1943 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава инженерных войск. Участник советско-японской войны 1945 г. С 1961 г. майор В.С. Раков – в запасе. Жил в Брянске. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 26.06.2001 г.

РАСПОПОВА Нина Максимовна, родилась 31.12.1913 г. в с. Магдагачи, ныне посёлок городского типа Магдагачинского района Амурской области, в семье рабочего. Русская. Член

Н.М. Распопова

ВКП(б) с 1942 г. Окончила горнопромышленное училище, лётную школу в Хабаровске и курсы усовершенствования командного состава при Центральном аэроклубе в Москве. Работала геологом, инструктором-лётчиком в аэроклубах в г. Омск и Мытищи Московской области. В Красной армии с октября 1941 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 г. Командир звена 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка (325-я ночная бомб. авиац. див. 4-я возд. армия, 2-й Белорусский фронт) гвардии ст. лейтенант Н.М. Распопова к концу войны совершила 805 боевых вылетов, нанеся большие потери врагу в живой силе и боевой технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г.

После войны – в запасе. Жила в г. Мытищи. Работала ответственным секретарём районного отделения общества «Знание». Награждена орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умерла 2.07.2009 г.

М.И. Родионов

РОДИОНОВ Михаил Иосифович, родился 20.07.1902 г. в дер. Колесово ныне Задонского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1920 г. Окончил начальную школу, работал табельщиком на сахарном заводе в г. Елец. В Красной армии с 1920 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы усовершенствования командного состава в 1921 г, курсы усовершенствования командного состава при Орловской бронетанковой школе в 1932 г. С 1933 по 1940 г. находился в военно-строительных частях на Дальнем Востоке. Батальон, которым командовал М.И. Родионов, участвовал в сооружении промышленных объектов Хабаровска, строил Комсомольск-на-Амуре.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1942 г. 7-я гвардейская механизированная бригада (3-й гв. мех. корпус, 3-й Белорусский фронт) под командованием гвардии полковника М.И. Родионова отличилась в ходе Витебско-Оршанской операции: преследуя отступающего врага, бригада ворвалась в г. Лепель (Витебская обл.) и при поддержке других частей 28.06.1944 г. освободила его. Звание Герой Советского Союза присвоено 4.07.1944 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1952 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1952 г. генерал-майор М.И. Родионов – в запасе. Жил в Киеве. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 26.05 1987 г.

РЕДЬКО Филипп Ефимович, родился 26.12.1919 г. в с. Марусино, ныне район им. Лазо Хабаровского края, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончив 7 классов и курсы счётно-финансовых работников, работал ст. бухгалтером в райпромкомбинате. В Красной армии с марта 1942 г.

Ф.Е. Редько

На фронте в Великую Отечественную войну с июля 1942 г. Комсорг батальона 235-го гвардейского стрелкового полка (81-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт), комсомолец, гвардии мл. лейтенант Ф.Е. Редько во главе группы десантников-комсомольцев 26.09.1943 г. переправился через Днепр в районе с. Бородаевка (Верхнеднепровский район Днепропетровская обл.). Десантники участвовали в бою за плацдарм на правом берегу реки. Когда был ранен командир роты, Ф.Е. Редько принял командование на себя. Отразив 12 контратак противника, был тоже ранен, но остался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

С 1946 г. лейтенант Ф.Е. Редько – в запасе. Жил в Хабаровске. Работал в строительном управлении. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 28.09.1994 г.

А.В. Репкин

РЕПКИН Аким Васильевич, родился 20.09.1914 г. в с. Владимировка ныне Старооскольского района Белгородской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование начальное. Работал в колхозе. С 1938 г. жил в Благовещенске. В Красной армии в 1936–1938 гг. и с 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с августа 1941 г. Командир отделения 49-го моторизованного понтонно-мостового батальона (20-я моториз. инж. бригада, 4-я танк. армия, 1-й Украинский фронт) мл. сержант А.В. Репкин отличился 26.01.1945 г. при форсировании р. Одер в районе г. Кебен (Хобеня, Польша). Его отделение, собрав понтон, переправило на западный берег реки десант, который захватил плацдарм. В течение двух дней под огнём противника было переправлено до батальона пехоты с вооружением и боеприпасами. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в г. Старый Оскол. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 11.05.1989 г.

РОМАНЕНКОВ Николай Титович, родился 25.04.1919 г. в дер. Юшено ныне Ярцевского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Жил в Иркутске. Окончив н/среднюю школу, работал на авиационном заводе. В ВМФ с 1939 г. Служил на Тихоокеанском флоте. Окончил военно-политическое училище в 1943 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с марта 1944 г. Комсорг 1103-го стрелкового полка (328-я стр. див., 47-я армия, 1-й Белорусский фронт) капитан Н.Т. Романенков во время форсирования Вислы у населённого пункта Дзеканув (под Варшавой) 10.09.1944 г. находился в передовом батальоне. Когда пехота залегла под огнём противника, комсорг поднял бойцов в атаку. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды.

Погиб в бою за Берлин 28.04.1945 г. Похоронен в г. Познань (Польша). В Иркутске именем Героя названа улица, на авиационном заводе установлен памятник, на заводском здании – мемориальная доска.

РОМАНОВ Николай Фёдорович, родился 15.03.1916 г. в дер. Мартыново ныне Краснохолмского района Тверской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 5 классов. Работал бригадиром комбайнёров. В Красной армии с 1937 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1941 г. Командир танка 171-й танковой бригады (15-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) лейтенант Н.Ф. Романов в боях за г. Фуцзинь (КНР) 11.08.1945 г. своим танком умело прикрывал выход артиллерии на боевые позиции, подавил несколько огневых точек противника и разрушил дзот. Когда танк был подбит, в течение 6 часов продолжал бой. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1949 г. окончил Высшую офицерскую школу, был комендантом гарнизона в Калининградской области. С 1957 г. майор Н.Ф. Романов – в запасе. Жил в Калининграде. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалью. Умер 11.04.1963 г.

Н.И. Романюк

РОМАНЮК Николай Иванович, родился 9.05.1922 г. в с. Анновка ныне Ивановского района Амурской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал на мелькомбинате г. Благовещенск Амурской области. В Красной армии с июня 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с августа 1941 г. Командир отделения роты автоматчиков 234-го стрелкового полка (179-я стр. див., 43-я армия, 1-й Прибалтийский фронт) сержант Н.И. Романюк во главе отделения на подручных средствах 24.06.1944 г. одним из первых преодолел р. Западная Двина в районе дер. Вяжище (ныне Будилово Бешенковичского района Витебской обл.), захватил и удержал позицию на левом берегу. Отрадив все контратаки противника, бойцы способствовали успешному преодолению водной преграды другими подразделениями полка. Затем, захватив участок шоссе Витебск – Бешенковичи, истребили много живой силы и техники противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г.

В 1946 г. демобилизован. Жил в Благовещенске Амурской области, работал машинистом, слесарем на мелькомбинате. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 10.10.1995 г.

РОМАС Прокофий Митрофанович, родился 5.08.1918 г. в с. Чкаловское ныне Спасского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил

П.М. Ромас

гидромеханический техникум во Владивостоке. Работал судомехаником в Дальневосточном морском пароходстве. В Красной армии с 1939 г. Окончил Рязанское артиллерийское училище в 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с декабря 1941 г. Командир дивизиона 917-го артиллерийского полка (350-я стр. див., 13-я армия, 1-й Украинский фронт) капитан П.М. Ромас отличился в боях 30.07.1944 г. Под сильным огнём противника дивизион форсировал вместе с пехотой р. Висла в районе населённого пункта Лонжак (юго-западнее г. Сандамир, Польша), участвовал в отражении многочисленных контратак противника на захваченном плацдарме, обеспечивая переправу других частей дивизии. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.09.1944 г.

В 1946 г. окончил высшую артиллерийскую штабную школу, в 1956 г. – Центральные артиллерийские курсы усовершенствования офицерского состава.

С 1968 г. полковник П.М. Ромас – в запасе. Жил в Киеве. Работал в Центральном статистическом управлении УССР. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 4.08.2005 г.

А.Ф. Рубан

РУБАН Андрей Фролович, родился 5.11.1914 г. в с. Мальцы ныне Миргородского района Полтавской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил горный техникум. Работал зам. начальника участка шахты в г. Сучан (Партизанск) Приморского края. В Красной армии с 1936 г. Окончил Харьковскую военную авиационную школу лётчиков в 1939 г., 2-ю Высшую авиационную школу штурманов – в 1941 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1941 г. Штурман 990-го ночного бомбардировочного авиационного полка (313-я ночная бомб. авиац. див., 15-я возд. армия, 2-й Прибалтийский фронт), майор А.Ф. Рубан к марту 1945 г. совершил 835 боевых вылетов (из них 711 ночью) на бомбардировку скоплений войск, боевой техники и важных объектов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.08.1945 г.

После войны продолжал службу в ВВС. В 1951 г. окончил Военно-воздушную академию. С 1966 г. полковник А.Ф. Рубан – в запасе. Жил в Харькове. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 21.08.2007 г.

Н.М. Рудь

РУДЬ Николай Михайлович, родился 19.12.1922 г. в г. Иман (ныне Дальнереченск Приморского края) в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Образование среднее. В Красной армии с 1940 г. Окончил Чкаловскую военную авиационную школу лётчиков в 1941 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1942 г. Лётчик 745-го бомбардировочного авиационного полка (221-я бомб. авиац. див., 6-й смешан. авиац. корпус, 16-я возд. армия, 1-й Белорусский фронт) лейтенант Н.М. Рудь к августу 1944 г. совершил 190 боевых вылетов на разведку, бомбардировку и штурмовку военных объектов и живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 г.

После войны продолжал службу в ВВС. С 1953 г. капитан Н.М. Рудь – в запасе. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями. Жил в Москве. Умер 16.10.1978 г.

Х.А. Русских

РУССКИХ Харлам Акимович, родился 15.09.1915 г. в дер. Егоровцы ныне Селтинского района Удмуртской республики в семье крестьянина. Русский. Член КПСС. Окончил 7 классов, работал в леспромхозе. В Красной армии с 1936 г. Участник боёв у оз. Хасан в 1938 г. Окончил курсы младших лейтенантов в 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с февраля 1942 г. Командир взвода 20-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона (40-я армия, Воронежский фронт) ст. лейтенант Х.А. Русских при форсировании Днепра 23.09.1943 г. первым из офицеров-понтонеров с десантом на понтоне переправился в районе с. Козинцы (Переяслав-Хмельницкий район Киевская обл.) на правый берег, а затем в течение 10 суток переправлял через реку танки и пехоту. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.10.1943 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1956 г. майор А.Х. Русских – в запасе. Жил в Хабаровске. Работал инженером в домоуправлении. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 25.01.1975 г.

И.Т. Рыжов

РЫЖОВ Иван Тихонович, родился 19.10.1914 г. в с. Черниково ныне Колпнянского района Орловской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал в управлении геологоразведочных работ в г. Уссурийск Приморского края. В Красной армии в 1938–1940 гг. и с 1941 г.. Участник освободительного похода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию 1939 г. и советско-финляндской войны 1939–1940 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с 1941 г. Помощник командира взвода разведки 830-го стрелкового полка (238-я стр. див., 50-я армия, 2-й Белорусский фронт) ст. сержант И.Т. Рыжов в составе группы разведчиков 27.06.1944 г. в числе первых переправился через Днепр у дер. Луполово (ныне в черте г. Могилёв).

Бойцы скрытно проникли в расположение противника, обстреляли на шоссе вражескую колонну, подбили несколько автомашин и забросали гранатами дот. Своими действиями группа содействовала преодолению водного

рубежа и дальнейшему продвижению подразделений полка. Звание Героя Советского Союза И.Т. Рыжову присвоено 24.03.1945 г.

После войны старшина И.Т. Рыжов демобилизован. Жил в Йошкар-Оле, (Республика Марий Эл). Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями.

Умер 8.04.2004 г.

РЫСЕВЕЦ Флавиан Владимирович, родился 1.01.1923 г. в г. Свободный Амурской области в семье рабочего. Жил и учился в Ставрополе. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил сред. школу. В Красной армии с 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с июня 1941 г. Окончил Ульяновское танковое училище в 1942 г. Командир танковой роты 37-й механизированной бригады (1-й мех. корпус, 2-я гв. танк. армия, 1-й Белорусский фронт) ст. лейтенант Ф.В. Рысевец отличился при освобождении Польши. С 16 по 23.01.1945 г. в наступлении из района г. Мшонув (Польша) до форсирования р. Нотець (Польша) рота огнём и гусеницами уничтожила много вражеской живой силы, пленила 150 гитлеровцев, разгромила до 10 артиллерийских и миномётных батарей, подавила около 15 пулемётных точек. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1945 г. – в запасе. Жил в Ставрополе, был на партийной, административно-хозяйственной работе. С 1965 г. – на педагогической работе. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 22.10.1990 г.

А.Ф. Савельев

САВЕЛЬЕВ Александр Федорович, родился 15.6.1921 г. в пос. Решетиха ныне Дзержинского района Нижегородской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 8 классов. Работал слесарем на Решетихинской сетевязальной фабрике. В Красной армии с 1941 г. В 1943 г. окончил Хабаровское военное пехотное училище.

В действующей армии с июня 1943 г. Командир роты 745-го стрелкового полка (141-я стр. див., 1-я гв. армия, 1-й Украинский фронт), канд. в члены ВКП(б), лейтенант А.Ф. Савельев в боях за г. Станислав (Ивано-Франковск) и его пригороды 27.07.1944 г. умело руководил своим подразделением, возглавлял атаки роты. Рота первой ворвалась в город Станислав. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер от ран 9.05.1945 г. Похоронен в г. Добржищ (Чехия). На территории Решетихинской сетевязальной фабрики установлен бюст Героя. Учащиеся Решетихинской средней школы, где он учился, создали музей.

С.А. Савушкин

САВУШКИН Степан Аверьянович, родился 25.02.1917 г. в с. Большая Белозёрка (ныне г. Каменка-Днепровская) в Запорожской области (Украина) в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. В Красной армии с 1938 г. В 1940 г. окончил Омское военное пехотное училище.

Участник советско-японской войны 1945 г. Начальник физподготовки 101-й стрелковой дивизии (16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт), ст. лейтенант С.А. Савушкин при высадке десанта на о-в Парамушир (Северо-Курильский район Сахалинская область) 18.08.1945 г. в числе первых добрался до берега, собрал разрозненные группы бойцов и при появлении танков противника гранатами и противотанковыми ружьями отбил их атаку. Поднял бойцов на штурм высоты, захватил её. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в г. Северо-Курильск Сахалинской области. Именем Героя названо судно Министерства морского флота. На восточной окраине г. Северо-Курильск Сахалинской области установлена стела, в парке г. Каменка-Днепровская – горельеф.

А.Г. Свердлов

СВЕРДЛОВ Абрам Григорьевич, родился 8.05.1912 г. в г. Санкт-Петербург (Ленинград) в семье служащего. Еврей. Член ВКП(б) с 1930 г. Окончил 6 классов и школу ФЗУ. Работал токарем на заводе «Большевик». В ВМФ с 1931 г. В 1936 г. окончил военно-морское училище. Служил на торпедных катерах Тихоокеанского и Краснознамённого Балтийского флотов.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир отряда торпедных катеров 2-го дивизиона (бригада торпед. катеров Балтийский флот) капитан-лейтенант А.Г. Свердлов потопил семь кораблей противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. С 1960 г. капитан 1-го ранга А.Г. Свердлов – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Ушакова 2 ст., двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 2.04.1991 г.

Г.Г. Светецкий

СВЕТЕЦКИЙ Григорий Григорьевич, родился 27.10.1918 г. в посёлке городского типа Русская Поляна ныне Омской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов и сельскохозяйственный рабфак. В Красной армии с 1936 г. В 1938 г. окончил Омское военное пехотное училище. Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. В период советско-японской войны командир батальона 165-го стрелкового полка (79-я стр. див., 16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) капитан Г.Г. Светецкий со своим подразделением 14.08.1945 г. в бою за Харамитогские высоты у железнодорожной ст. Котон (ныне пос. Победино, Южный Сахалин) уничтожил 12 дзотов и 8 дотов врага, прорвал глубоко

эшелонированную оборону противника и во взаимодействии с другими подразделениями и частями завершил их окружение. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1950 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1971 г. полковник Г.Г. Светецкий – в запасе. Жил в Москве. Работал ст. инженером объединения «Союзметаллургпром». Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Школа в с. Молодёжное Тымовского района и школа № 4 в г. Корсаков Сахалинской области носят имя Героя.

Умер 8.09.2007 г.

Г.И. Сгибнев

СГИБНЕВ Григорий Иванович, родился 7.01.1920 г. в с. Нижняя Иреть ныне Черемховского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1951 г. Окончил 7 классов и школу механизаторов, работал комбайнёром. В Красной армии с 1939 г. Служил на Дальнем Востоке.

На фронте в Великую Отечественную войну с 1942 г. Помощник командира взвода 128-го гвардейского стрелкового полка (44-я гв. стр. див., 1-я гв. армия, Юго-Западный фронт) гвардии сержант Г.И. Сгибнев отличился в июле 1943 г. в районе г. Изюм (Харьковская область). В рукопашной схватке уничтожил двух гитлеровцев и захватил участок вражеской траншеи. В этом бою отважный воин был ранен, но продолжал сражаться до подхода подкрепления. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

В 1947 г. демобилизован. Вернулся в родное село. Работал бригадиром в колхозе. Награждён орденом Ленина, медалями. Умер 8.04.1982 г.

П.И. Седельников

СЕДЕЛЬНИКОВ Пётр Иванович, родился 27.12.1921 г. в г. Алексеевск (Свободный) ныне Амурской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 10 классов и Кемеровский аэроклуб. В Красной армии с 1940 г. В 1943 г. окончил Чкаловскую военную авиационную школу пилотов, затем курсы командиров эскадрилий.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1943 г. Командир звена 237-го штурмового авиационного полка (305-я штурм. авиац. див., 14-я возд. армия, 3-й Прибалтийский фронт) старший лейтенант П.И. Седельников к сентябрю 1944 г. совершил 110 боевых вылетов на штурмовку железнодорожных узлов, опорных пунктов, скоплений живой силы и техники противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.02.1945 г.

В 1946 г. окончил Высшую офицерскую школу ВВС, в 1954 г. – лётно-тактические курсы усовершенствования офицерского состава. П.И. Седельников жил в Москве. Награждён орденом Ленина, двумя орденами. Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Отечественной войны 2 ст., двумя орденами. Красной Звезды, медалями.

Умер 22.11.2017 г.

И.Ф. Селедцов

СЕЛЕДЦОВ Иван Федосеевич, родился 23.06.1914 г. в с. Кронштадтка ныне Спасского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил сельскую школу, курсы счетоводов. Работал экспедитором на хлебозаводе в г. Спасск-Дальний. В Красной армии с 1936 г. В 1939 г. окончил курсы мл. лейтенантов.

На фронте в Великую Отечественную войну с 1941 г. Командир батальона 156-й танковой бригады (38-я армия, Юго-Западный фронт) ст. лейтенант И.Ф. Селедцов в боях в районе г. Балаклея (Харьковская область) 10–12.06.1942 г. с экипажем уничтожил шесть орудий, два дзота, 20 грузовых автомашин и много гитлеровцев. 22.06.1942 г. в бою у дер. Ивановка (Шевченковского района) он повёл подразделение в контратаку, в ходе которой подбил 8 танков, 2 штурмовых орудия. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 5.11.1942 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени.

Похоронен у с. Коваленки Шевченковского района Харьковской области. На родине установлен бюст Героя.

П.И. Семеняко

СЕМЕНЯКО Павел Иванович, родился 7.01.1917 г. в станице Варениковская ныне Крымского района Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 10 классов. Работал счетоводом в колхозе. В Красной армии с 1937 г. В 1939 г. окончил Благовещенское кавалерийское училище.

На фронте в Великую Отечественную войну с августа 1942 г. Командир роты 629-го стрелкового полка (134-я стр. див., 69-я армия, 1-й Белорусский фронт) капитан П.И. Семеняко под огнём противника 29.07.1944 г. переправился через Вислу. Рота стремительным броском выбила врага из населённого пункта Люцима (юго-западнее г. Пулавы, Польша), в течение следующего дня отразила 15 контратак противника и удержала плацдарм. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны в запасе. Работал заместителем директора объединения «Харьковтрансгаз». Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 15.07.2008 г.

П.Ф. Сенчихин

СЕНЧИХИН Прокофий Федорович, родился 25.05.1923 г. в с. Нижнекаменка ныне Алтайского района Алтайского края в семье крестьянина. Русский. Жил в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия), окончил 7 классов. Работал слесарем на автотракторном заводе.

В Красной армии с 1942 г. В этом же году окончил Забайкальское военное пехотное училище.

В действующей армии с мая 1943 г. Командир батареи 261-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона (340-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт), кандидат в члены ВКП(б), мл. лейтенант П.Ф. Сенчихин в октябре 1943 г.,

обеспечивая переправу через Днепр у с. Борки (Киевская обл., ныне не существует), поддерживал огнём стрелковый полк. Вместе с подразделениями этого полка участвовал в боях за удержание плацдарма. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. Награждён орденом Ленина и медалью.

Погиб в бою 24.3.1944. Похоронен в пос. Микулинцы Терновлянского района Тернопольской области Украины. Имя Героя носит улица в родном селе и г. Улан-Удэ.

В.Е. Сергиенко

СЕРГИЕНКО Василий Емельянович, родился в 1920 г. в с. Осиновка ныне Михайловского района Приморского края в семье крестьянина. Украинец. Образование среднее. Работал на Владивостокском судоремонтном заводе. В Красной армии с 1942 г.

В действующей армии с июля 1942 г. В 1943 г. окончил курсы мл. лейтенантов. Командир взвода 337-го гвардии стрелкового полка (121-я гв. стр. див., 13-я армия, 1-й Украинский фронт) гвардии лейтенант В.Е. Сергиенко отличился при форсировании р. Одер, а также в дальнейших боях за расширение плацдарма на левом берегу реки, первым с взводом 29.01.1945 г. ворвался на окраину г. Раудтен (Рудна, Польша). Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Погиб 18.03.1945 г. Похоронен в 9 км восточнее г. Польковице (Польша). Его имя помещено на обелиске, установленном в г. Владивосток.

И.А. Серов

СЕРОВ Илья Александрович, родился 26.07.1917 г. в г. Москва в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил 7 классов. Работал слесарем на заводе. В Красной армии с 1935 г. В 1938 г. окончил Ейскую военную авиационную школу пилотов.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир эскадрильи 26-го штурмового авиационного полка (12-я штурм. авиационная див., ВВС Тихоокеанского флота) ст. лейтенант И.А. Серов совершил несколько боевых вылетов, в ходе которых потопил лично один и в группе один транспорт противника. Участвовал в подавлении японских зенитных батарей в порту Расин (Наджин), обеспечивая действия других авиационных групп. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1947 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава, в 1954 г. – Военно-воздушную академию. С 1969 г. полковник И.А. Серов – в запасе. Жил в г. Рига. Работал в Латвийском морском пароходстве. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами. Красной Звезды, медалями. Именем Героя названа улица в г. Владивосток.

Умер 3.03.2009 г.

СИВКОВ Вадим Александрович, родился 21.02.1925 в г. Усолье Пермского края в семье военнослужащего. Русский. Окончил

В.А. Сивков

школу. В Красной армии с 1942 г. Окончил Казанское танковое училище в 1943 г.

В действующей армии с февраля 1944 г. Командир танка 212-го отдельного танкового полка (3-й Украинский фронт), комсомолец, мл. лейтенант В.А. Сивков в ночь на 15.03.1944 г. на своём танке ворвался в с. Явкино (Баштановский р-н Николаевская обл.) и заставил противника оставить село. В ночь на 16.03.1944 г., сдерживая наступление противника, попал в противотанковый ров. Расстреляв все боеприпасы, экипаж поджёг танк и взорвал себя. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.06.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в с. Явкино. Памятники установлены в г. Сарapul и в с. Явкино. Именем Героя названа улица в г. Ижевск. Навечно зачислен в списки воинской части.

В.И. Сигов

СИГОВ Василий Иванович, родился 22.06.1919 г. в с. Белолазово ныне Тюкалинского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1951 г. Окончил 4 класса, работал в колхозе, с 1935 г. – мотористом катера на Камчатских рыбных промыслах. В Красной армии служил в 1939–1943 гг., красноармеец в зенитных частях на Дальнем Востоке. С 1943 г. уволен для работы в промышленности. Работал в Петропавловском порту на монтаже судов и строительстве порта. В 1945 г. призван в Военно-морской флот. Участвовал в операции по доставке переданных США по ленд-лизу десантных судов с Аляски на Камчатку.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир экипажа самоходной баржи № 1 отряда высадочных средств (Камчатская военная флотилия, Тихоокеанский флот), канд. в члены ВКП(б), старшина 1 ст. В.И. Сигов в период боевых действий на Курильских островах (авг. 1945 г.) в течение трёх дней перебрасывал орудия, боеприпасы и снаряжение для десанта. Был ранен, но оставался в строю до конца высадки десанта и окончательной капитуляции японцев на Курильских островах. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1946 г. демобилизован. Работал в Петропавловском порту, затем в г. Долинск Сахалинской области на молпищекомбинате. Жил в г. Чистополь (Республика Татарстан). Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 27.01.1987 г. Бюст памяти Героя установлен на площади Славы г. Южно-Сахалинск.

Б.С. Сидоренко

СИДОРЕНКО Борис Степанович, родился 10.12.1909 г. в пос. Коростышев (ныне город Житомирской области) в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил педагогический техникум. Работал учителем, директором Николаевской н/средней школы (Партизанский район Приморского края). В Красной армии в 1933–1935 гг. и с июля 1941 г.

В действующей армии с апреля 1943 г. Командир пулемётного взвода 69-й механизированной бригады (3-я гв. танк, армия, Воронежский фронт) лейтенант Б.С. Сидоренко в числе первых

22.09.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Зарубинцы (Каневский район Черкасская обл.). Взвод захватил рубеж и удерживал его до подхода батальона. 29.09.1943 г. Б.С. Сидоренко заменил выбывшего из строя командира роты. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.11.1943 г.

С 1946 г. ст. лейтенант Б.С. Сидоренко – в запасе. Работал заведующим Партизанским районным отделом народного образования, затем директором лесокомбината в г. Находка Приморского края. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 26.10.1956 г. Похоронен в г. Находка.

Н.А. Сикорский

СИКОРСКИЙ Николай Ануфриевич, родился 18.06.1920 г. в с. Чехи, ныне с. Дубовка Бердичевского района Житомирской области, в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил 9 классов в г. Свободный (Амурская обл.). Работал шофёром в вагоноремонтном заводе. В ВМФ с 1940 г. Проходил службу на Тихоокеанском флоте

В боях Великой Отечественной войны с 1941 г. Строевой 66-го отдельного отряда дымомаскировки и дегазации (Краснознамённая Днепровская военная флотилия), канд. в члены ВКП(б) матрос Н.А. Сикорский в бою 28.06.1944 г. за дер. Скрыгалово (Мозырский район Гомельской обл.) первым переправился через р. Припять, проделал проходы в проволочных заграждениях, затем в течение 12 часов из деревни, занятой противником, корректировал огонь бронекатеров. 12.07.1944 г. первый в составе десанта высадился в г. Пинск (Брестская обл.), участвовал в отражении 12 вражеских контратак, уничтожил несколько гитлеровцев и троих взял в плен. Звание Героя Советского Союза присвоено 7.03.1945 г.

После войны демобилизован. Жил в г. Евпатория (Крым). Работал в системе общественного питания. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 24.10.1990 г.

М.В. Симонов

СИМОНОВ Михаил Васильевич, родился 1.08.1913 г. в пос. Кутейниково, ныне посёлок городского типа Войковский Амвросиевского района Донецкой области. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов, Балашовскую школу лётчиков Гражданского воздушного флота в 1935 г. Работал лётчиком Дальневосточного управления Гражданского воздушного флота в Хабаровске. В Красной армии с января 1941 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир звена 2-го гвардейского авиационного полка (3-я авиационная дивизия авиации дальнего действия) гвардии капитан М.В. Симонов к началу октября 1942 г. совершил 150 боевых вылетов на бомбардировку военных объектов в тылу противника, уничтожение его живой силы и техники. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.12.1942 г.

В 1947 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1950 г. – лётчик-испытатель. С 1961 г. полковник

М.В. Симонов – в запасе. Жил в Казани. Награждён тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 24.04.2004 г.

Г.П. Силкин

СИЛКИН Григорий Петрович, родился 7.02.1920 г. в дер. Ольховец ныне Монастырщинского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 9 классов. Работал токарем на мебельной фабрике в г. Ростова-Дону. В Красной армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Владивостокское пехотное училище.

В действующей армии с сентября 1942 г. Командир взвода 794-го стрелкового полка (232-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) лейтенант Г.П. Силкин отличился 9.10.1943 г. в бою за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе с. Гута Межигорская (Вышгородский р-н Киевская обл.). Взвод отбил девять контратак противника уничтожил более 100 гитлеровцев и удержал захваченный рубеж. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.01.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью.

Похоронен в с. Гута Межигорская.

Н.И. Сипягин

СИПЯГИН Николай Иванович, родился 23.06.1911 г. в г. Ставрополь. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил Владивостокский морской техникум. Работал штурманом на судах. В ВМФ с 1939 г.

В боях Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир дивизиона сторожевых катеров охраны водного района (Новороссийская военно-морская база, Черноморский флот) капитан-лейтенант Н.И. Сипягин участвовал в обороне Одессы и Севастополя, высаживал десантные отряды, совершал налёты на вражеские базы и порты. В период Новороссийской десантной операции в ночь на 10.09.1943 г. под сильным огнём противника первым прорвал линию боновых ворот и высадил в порту 304 бойца с боевой техникой и боезапасом. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.09.1943 г. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст.

1.11.1943 г. в ходе высадки десанта на Керченский полуостров капитан 3-го ранга Н.И. Сипягин погиб. Имя Героя носят посёлок в Крыму, улицы в Новороссийске и во Владивостоке, рыбный завод и Дворец пионеров в Новороссийске, пограничный корабль, судно Министерства рыбного хозяйства. Навечно зачислен в списки корабля.

В.П. Ситников

СИТНИКОВ Василий Петрович, родился 14.01.1911 г. в с. Тишково ныне Володарского района Астраханской области. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 7 классов. Работал в колхозе, затем рыбаком в г. Советская Гавань Хабаровского края. В ВМФ с 1941 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир миномётного отделения 74-го батальона морской пехоты (13-я бригада мор. пехоты, Тихоокеанский флот), канд. в члены ВКП(б), ефрейтор В.П. Ситников в боях за г. Сейсин (Чхонджин, КНДР) заменил командира взвода 50-мм миномётов. Был ранен, но не покинул поле боя. Дважды поднимал личный состав в контратаки. Взводом отразил 7 вражеских атак, уничтожил три дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны демобилизован. Работал в Тишковском рыбокоопе. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 9.08.1969 г.

Н.М. Ситников

СИТНИКОВ Николай Михайлович, родился 16.09.1925 г. в с. Тютчево Лебедянского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. В Красной армии с января 1943 г.

В действующей армии с января 1943 г. В 1944 г. окончил Благовещенское пехотное училище. Командир взвода автоматчиков 54-й гвардейской танковой бригады (3-я гв. танк. армия, 1-й Украинский фронт), комсомолец, гвардии мл. лейтенант Н.М. Ситников в числе первых 23.01.1945 г. под сильным огнём противника во главе взвода преодолел Одер южнее г. Оппельн (Ополе, Польша). В бою за плацдарм взвод действовал дерзко и смело, уничтожил много гитлеровцев, захватил четыре станковых пулемёта. Личным примером воодушевлял бойцов, участвовал в рукопашной схватке. Уничтожил 18 гитлеровцев. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в населённом пункте Грошовиц (4 км южнее Ополе, Польша). Именем Героя названы улицы в г. Лебедянь, пос. Тербуны Липецкой области.

А.В. Скворцов

СКВОРЦОВ Александр Васильевич, родился 17.08.1901 г. в дер. Сонино ныне Костромского района, Костромской области в семье крестьянина. Русский. После окончания сельской школы до 17 лет работал в сельском хозяйстве родителей. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил Костромские пехотные курсы комсостава. Член ВКП(б) с 1926 г. Служил в Московском военном округе, с 1933 г. – на Дальнем Востоке. В 1939 г. окончил курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел». Один из первостроителей Комсомольска-на-Амуре. В течение нескольких лет был здесь комиссаром одного из военно-строительных батальонов, который участвовал в отрывке котлованов, закладке фундаментов заводов имени Ленинского комсомола, «Амурсталь». В июле 1940 г. назначен на должность начальника группы контроля при Военном совете Дальневосточного фронта, а в сентябре того же года – на должность командира 70-го стрелкового полка Дальневосточного фронта.

С началом войны А.В. Скворцов продолжал командовать 70-м стрелковым полком. На фронтах Великой Отечествен-

ной войны с августа 1942. В августе 1942 года назначен на должность командира 204-й стрелковой дивизии. Командуя дивизией, генерал-майор А.В. Скворцов отличился в битве за Днепр. С 25 по 26 сентября 1943 г. при использовании подручных средств дивизия одной из первых форсировала реку, после чего захватила плацдарм у с. Домоткань (Верхнеднепровский район, Днепропетровская область) и удерживала его до подхода основных сил армии. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г. В 1944 г. направлен на учёбу в Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова. После её окончания, в апреле 1945 г., назначен на должность командира 26-го стрелкового корпуса (1-я Краснознамённая армия, Дальневосточный фронт).

Во время советско-японской войны корпус под командованием А.В. Скворцова принимал участие в Харбино-Гириновской наступательной операции. После прорыва обороны противника корпус форсировал Мулинхэ и освободил город Муданьцзян. За ведение военных действий в Маньчжурии А.В. Скворцов награждён орденом Суворова 2 ст., а 26-й стрелковый корпус получил наименование Харбинского.

После окончания войны генерал-майор А.В. Скворцов продолжал командовать этим корпусом. В сентябре 1946 г. назначен на должность командира 11-го стрелкового корпуса в составе Московского военного округа.

Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2 ст., Кутузова 2 ст., медалями, иностранным орденом.

Умер 19.12.1948 г.

И.К. Скуридин

СКУРИДИН Иван Куприянович, родился 21.08.1914 г. в с. Отрадное ныне Макинского района Целиноградской области в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Работал в колхозе, затем бухгалтером в конторе «Заготзерно» в г. Макинск. В Красной армии в 1936–1940 гг. и с 1941 г. В том же году на фронте.

Командир отделения 4-го стрелкового полка (98-я стр. див., 67-я армия, Ленинградский фронт), канд. в члены ВКП(б), ст. сержант И.К. Скуридин в бою 17.01.1944 г. за дер. Сокули (Гатчинский район Ленинградская обл.) в критическую минуту своим телом накрыл вражеский пулемёт. Ценою жизни способствовал выполнению боевой задачи отделением. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.02.1944 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в дер. Гостилицы Ломоносовского района Ленинградской области в братской могиле мемориала «Гостилицкий». Мемориальная доска установлена в совхозе «Вильповицы» Гатчинского района Ленинградской области.

Именем Героя названы судно Министерства морского флота, совхоз на родине и улица в г. Магадан. Комсомольский билет и автомат Героя хранятся в фондах Центрального музея Вооружённых Сил СССР. Навечно зачислен в списки воинской части.

Г.А. Скушников

СКУШНИКОВ Георгий Арсентьевич, родился в 1903 г. в Иркутске в семье рабочего. Русский. Окончил н/среднюю школу. Работал формовщиком на Иркутском чугунолитейном заводе, учился в политехникуме. Затем работал на приисках треста «Приморзолото», директором Ульчского райпромкомбината Хабаровского края. В Красной армии в 1925–1930 гг. и с 1942 г. Участник боёв на КВЖД в 1929 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1942 г. Помощник командира взвода 529-го стрелкового полка (163-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт), ст. сержант Г.А. Скушников в числе первых 1.10.1943 г. преодолел Днепр в районе о-ва Жуков (южная окраина Киева). При отражении вражеской контратаки увлёк за собой бойцов, ворвался в траншею, забросал гранатами расчёт станкового пулемёта. Заменяя раненого командира взвода, организовал закрепление рубежа. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.10.1943 г. Награждён орденом Ленина, медалью.

Погиб в бою 19.10.1943 г. Похоронен в с. Мощун Киево-Святошинского района Киевской области. Увековечен в мемориале в Иркутске.

В.Н. Сластин

СЛАСТИН Василий Никонович, родился 9.05.1908 г. в с. Москвитино ныне Свободненского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование начальное. Работал в рыболовецком колхозе, затем старшиной катера в с. Богородское (Ульчский район Хабаровский край). В Красной армии с сентября 1942 г.

В действующей армии с февраля 1943 г. Сапёр 4-го отдельного сапёрного батальона (193-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт) рядовой В.Н. Сластин в ночь на 16.10.1943 г. переправился на правый берег Днепра у с. Каменка (Репкинский район Черниговская обл.), натянул канат для паромы, около часа работал в воде, устанавливая рязь для пристани. 17.10. на пароме переправил полковую артиллерию, 122-мм миномёты и боеприпасы. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в Хабаровске. Награждён орденами Ленина, «Знак Почета», Славы 3 ст., медалями.

Умер 30.07.1979 г. Имя Героя носит улица в с. Богородское.

Л.В. Смирных

СМИРНЫХ Леонид Владимирович, родился 14.04.1913 г. в дер. Круглое ныне Красноармейского района Челябинской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Окончил 7 классов в Челябинске. В Красной армии с 1930 г. В 1935 г. окончил военную школу в г. Николаевск-на-Амуре Хабаровского края.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир батальона 179-го стрелкового полка (79-я стр. див., 16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) капитан Л.В. Смирных отличился в боях за освобождение Южного Сахалина. Его батальон

прорвал укрепленный район обороны противника и, преследуя врага, овладел пятью дотами. Погиб в бою 16.08.1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награжден орденом Ленина, медалью. Похоронен в пос. Леонидово Поронайского района Сахалинской области. Его имя носят улицы в г. Челябинск, Александровск-Сахалинский, пос. Леонидово Смирныховского района Сахалинской области, посёлок городского типа Смирных, судно Министерства морского флота. В г. Поронайск, посёлке городского типа Смирных, пос. Леонидово установлены бюсты Героя. Навечно зачислен в списки воинской части.

Д.Ф. Соболев

СОБОЛЕВ Дмитрий Филиппович, родился 23.02.1903 г. в г. Урюпинск ныне Волгоградской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1925 г. Образование начальное. Работал подручным кузнеца. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1936 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе.

В действующей армии с января 1943 г. Командир 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (53-я армия, 2-й Украинский фронт) гвардии полковник Д.Ф. Соболев отличился при освобождении Румынии и Венгрии. За период 1.08–15.12.1944 г. дивизия под его командованием прошла с боями 1700 км, освободила 1380 населённых пунктов и 27 городов в Румынии, 70 населённых пунктов и 15 городов в Венгрии, нанеся врагу большой урон в живой силе и технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 28.04.1945 г.

В 1948 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1960 г. генерал-лейтенант Д.Ф. Соболев – в запасе. Жил в Ворошиловграде. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 2 ст., Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 4.03.1986 г.

Т.И. Соловьёв

СОЛОВЬЁВ Трофим Ильич, родился 30.06.1916 г. на хуторе Верхнекумский ныне Октябрьского района Волгоградской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал председателем сельсовета. В Красной армии в 1937–1940 гг. и с июля 1941 г. В 1937 г. призван в ряды Красной армии и служил на Дальнем Востоке в Приморье. Участник боёв у оз. Хасан. Участник освободительного похода советских войск в Западную Украину 1939 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с сентября 1941 г. В 1942 г. окончил артиллерийские курсы мл. лейтенантов. Командир батареи 9-й гвардейской механизированной бригады (3-й гв. мех. корпус, 47-я армия, Воронежский фронт) гвардии ст. лейтенант Т.И. Соловьёв в боях за расширение плацдарма на правом берегу Днепра у с. Селище (Каневский р-н Черкасская обл.) 1–3.10.1943 г. умело руководил подразделением, отразил 13 контратак, уничтожив три танка и до

роты пехоты противника. Умело корректировал огонь батареи. Звание Героя Советского Союза присвоено 25.10.1943 г.

В 1945 г. окончил Высшую артиллерийскую офицерскую школу, в 1949 г. – Высшую интендантскую офицерскую школу. С 1955 г. майор Т.И. Соловьёв – в запасе. Жил в Волгограде. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 9.08.1990 г.

И.И. Сопин

СОПИН Илья Иванович, родился 20.06.1917 г. в с. Новосёловка ныне Ясиноватского района Донецкой области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 6 классов. Работал на железнодорожной станции Ясиноватая. В Красной армии с 1938 г. В 1942 г. окончил Владивостокское пехотное училище.

В действующей армии с декабря 1942 г. Командир батальона 366-го стр. полка (126-я стр. див., 51-я армия, 4-й Украинский фронт) капитан И.И. Сопин отличился в боях за г. Мелитополь (Запорожская обл.). Батальон очистил от врага 27 кварталов города, отразил 16 контратак танков и пехоты. 22.10. 1943 г. И.И. Сопин лично возглавил атаку батальона и овладел железнодорожной станцией Мелитополь. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени.

Погиб 3.11.1943 г. Похоронен в братской могиле в Мелитополе, где именем Героя названа улица и установлена мемориальная доска. В Новосёловке его имя носит улица. Навечно зачислен в списки воинской части.

И.А. Сорнев

СОРНЕВ Игорь Андреевич, родился 19.02.1919 г. в г. Гжатск, ныне Гагарин Смоленской области, в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 10 классов. В ВМФ с 1937 г. В 1941 г. окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище, в 1943 г. – Высшие специальные классы ВМФ.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир канонерской лодки «Пролетарий» (2-й дивизион канонерских лодок, 3-я бригада речных кораблей Амурская военная флотилия), ст. лейтенант И.А. Сорнев в бою за г. Фуюань (Китай) 9.08.1945 г. умело маневрировал и непрерывно вёл обстрел вражеских позиций, высадил десантников, продолжал огнём поддерживать их действия. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

В 1957 г. окончил Военно-морскую ордена Ленина академию им. К.Е. Ворошилова. С 1978 г. вице-адмирал И.А. Сорнев – в запасе. Жил в Москве. Работал консультантом в Институте военной истории Министерства обороны СССР. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Умер 29.09.1982 г.

М.С. Соченко

СОЧЕНКО Макар Степанович, родился в 1917 г. в с. Новогориевка ныне Октябрьского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал в колхозе механизатором. В Красной армии с 1938 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с августа 1942 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1943 г. Командир сапёрного взвода 985-го стрелкового полка (226-я стр. див., 60-я армия, Центральный фронт) мл. лейтенант М.С. Соченко с группой бойцов 26.09.1943 г. переправился через Днепр, уничтожил боевое охранение противника, что способствовало успешному форсированию реки полком и захвату плацдарма в районе с. Толокунь (Вышгородский район Киевская обл.). Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г. Награждён орденом Ленина, медалью.

Лейтенант М.С. Соченко погиб в бою 16.04.1944 г. Похоронен в г. Городенка Ивано-Франковской области. Его имя носит средняя школа с. Короли Октябрьского района. В посёлке городского типа Екатеринославка установлена стела.

И.Я. Спицин

СПИЦИН Иван Яковлевич, родился 11.04.1914 г. в с. Спицино ныне Серышевского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии в 1936–1938 гг. и с 1942 г. С этого же года на фронте.

Командир отделения 685-го стрелкового полка (193-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), сержант И.Я. Спицин с группой бойцов у с. Каменка (Репкинский район Черниговская обл.) 15.10.1943 г. на плоту переправился на правый берег Днепра, подавив несколько вражеских огневых точек, способствовал форсированию реки подразделениями полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

После войны демобилизован. Жил и работал в г. Балхаш, затем в г. Фрунзе. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 12.06.1979 г.

В.Г. Стариков

СТАРИКОВ Валентин Георгиевич, родился 8.06.1913 г. в г. Сарапул ныне Удмуртской Республики в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил школу ФЗУ при паровозоремонтном заводе в г. Пермь. В ВМФ с 1931 г. В 1936 окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, в 1938 г. – спецкурсы комсостава подводного плавания. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир подводной лодки М-171 (бригада подвод, лодок Северного флота) капитан-лейтенант В.Г. Стариков, действуя на коммуникациях противника до января 1942 г., дважды прорывался на подводной лодке во вражеские базы, потопил пять транспортов. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.04.1942 г.

В 1948 г. окончил Военно-морскую академию, в 1953 г. – Военную академию Генштаба. Был начальником Тихоокеанского

высшего военно-морского училища. С 1972 г. вице-адмирал В.Г. Стариков – в отставке. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Ушакова 2 ст., Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 26.06.1979 г. Похоронен в Ленинграде.

Я.П. Степченко

СТЕПЧЕНКО Яков Павлович, родился 25.10.1914 г. в дер. Долотня ныне Мглинского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал в органах НКВД. В Красную армию призван Первореченским райвоенкоматом г. Владивосток в июне 1944 г.

В действующей армии с июля 1944 г. Стрелок 68-го гвардейского стр. полка (23-я гв. стр. див., 3-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии рядовой Я.П. Степченко 16.04.1945 г. с отделением выполнял боевую задачу по разведке переднего края обороны противника в районе Берлина. В критический момент боя, когда отделение попало под сильный миномётный и ружейно-пулемётный огонь противника и залегло, увлёк бойцов в атаку. Несмотря на ранение, достиг вражеской траншеи, гранатами уничтожил пулемёт и несколько гитлеровцев. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в Тиргартене (Западный Берлин). Бюст Героя установлен в с. Дегтярёвка Мглинского района Брянской области.

Ф.Н. Стоцкий

СТОЦКИЙ Феодосий Нестерович, родился 13.08.1911 г. в с. Мошки Овручского района Житомирской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1943 г. Жил на ст. Вяземская Хабаровского края. Образование среднее. Работал в Вяземском леспромхозе. В Красной армии с 1942 г.

В действующей армии с декабря 1942 г. Командир орудия 24-й гвардейской отдельной тяжёлой пушечной артиллерийской бригады (Воронежский фронт) гвардии сержант Ф.Н. Стоцкий в районе дер. Круглик (Обоянский район Курская обл.) в ходе отражения атаки танков противника 13.07.1943 г. уничтожил три из них. 15.08 южнее г. Богодухов (Харьковская обл.) подбил ещё две вражеские боевые машины. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.12.1943 г.

После войны старшина Ф.Н. Стоцкий демобилизован. Жил и работал в городах Уссурийск, Хабаровск. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 4.11.1974 г. Похоронен в Хабаровске.

Д.Л. Стрелец

СТРЕЛЕЦ Дмитрий Лаврентьевич, родился 1.09.1920 г. в дер. Гордеевка ныне Партизанского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 7 классов. Работал помощником машиниста паровоза на ст. Сучан и ст. Лазо. В Красной армии с июня 1941 г. В 1942 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище.

В действующей армии с мая 1942 г. Командир взвода 220-го гвардейского стрелкового полка (79-я гв. стр. див., 8-я гв. армия,

1-й Белорусский фронт) гвардии лейтенант Д.Л. Стрелец, заменив выбывшего из строя командира роты, 25.01.1945 г. в числе первых со своим подразделением форсировал р. Варта в районе г. Познань (Польша), захватил и удерживал рубеж, отразив несколько контратак противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

После войны капитан Д.Л. Стрелец – в запасе. Жил в г. Уральск. Работал председателем Западно-Казахстанского (Уральского) обкома профсоюза местной промышленности. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 11.12.1998 г.

В.А. Стрельцов

СТРЕЛЬЦОВ Василий Андреевич, родился 1.01.1923 г. в с. Новопетровка Константиновского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 2 курса речного училища в г. Благовещенск. В Красной армии с ноября 1941 г. Окончил курсы радиотелеграфистов.

На фронте в Великую Отечественную войну с января 1942 г. Командир отделения 230-го отдельного сапёрного батальона (163-я стр. див., 38-я армия, Воронежский фронт) сержант В.А. Стрельцов при форсировании Днепра в Вышгородском районе Киевской области в начале октября 1943 г. преодолел реку и протянул трос для паромной переправы. Принимал участие в переправе войск и техники на правый берег. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.10.1943 г.

В 1945 г. окончил Ленинградское военно-инженерное училище, в 1956 г. – Военно-инженерную академию. Был начальником военной кафедры Каунасского политехнического института. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Полковник В.А. Стрельцов умер 16.09.1971 г. Похоронен в г. Каунас, Литва.

М.М. Стяжкин

СТЯЖКИН Михаил Михайлович, родился 12.11.1920 г. в пос. Улалушка ныне Майминского р-на Республики Алтай в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 5 классов. Жил в г. Биробиджан Еврейской автономной области. Работал на мясокомбинате и в конторе «Заготзерно». В Красной армии с 1940 г., служил на Дальнем Востоке.

На фронте в Великую Отечественную войну с марта 1942 г. Командир орудия 57-го артиллерийского полка (95-я стр. див., 49-я армия, 2-й Белорусский фронт) сержант М.М. Стяжкин в бою за дер. Княжицы (Могилёвский р-н Могилёвской обл.) 28.06.1944 г. уничтожил более 10 автомашин, пять орудий, до полуроты пехоты противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.08.1944 г. Награждён орденом Ленина, медалью.

Умер от ран 24.12.1944 г. Похоронен в братской могиле в г. Брест. Мемориальные доски установлены в Биробиджане на улице его имени и на здании мясокомбината. Улица в Горно-Алтайске носит имя Героя.

В.И. Суворов

СУВОРОВ Василий Иванович, родился 15.05.1921 г. в с. Белокаменка ныне Колышлейского района Пензенской области в семье рабочего. Русский. Окончил 4 класса. Работал в Сивакском леспромхозе Амурской области. В Красной армии с февраля 1942 г. С этого же времени на фронте.

Понтонёр 135-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона (6-я понтонно-мост. бригада, 1-й Украинский фронт) ефрейтор В.И. Суворов отличился в конце января – начале февраля 1945 г. при строительстве мостов через Одер у населённого пункта Раттвиц и южнее г. Штейнау (Сьцинава, Польша), обеспечивших переправу на плацдарм боевой техники. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны мл. сержант В.И. Суворов демобилизован. Жил в посёлке городского типа Новобурейский Бурейского района Амурской области. Работал на Забайкальской железной дороге, затем в Бурейском каменном карьере. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями. Его именем названа улица на родине в посёлке Колышлей и в посёлке городского типа Ушумун Амурской области

Умер 6.07.1990 г.

И.С. Сундиев

СУНДИЕВ Иван Степанович, родился 23.02.1926 г. на хуторе Сухая Падина Минераловодского района Ставропольского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1952 г. Окончил 7 классов. Работал трактористом в колхозе в с. Новая Жизнь Буденновского района Ставропольского края. В Красной армии с февраля 1944 г.

В действующей армии с сентября 1944 г. Орудийный номер 178-го гвардейского стрелкового полка (58-я гв. стр. дни. 5-я гв. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии рядового И.С. Сундиева в ночь на 24.01.1945 г. в числе первых на участке полка преодолел Одер в районе м. Дёберн (Добжень-Вельски, северо-западнее г. Ополе, Польша), уничтожил пулемётчика и, захватив вражеский пулемёт, огнём прикрывал форсирование реки бойцами подразделения. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1945 г.

В 1946 г. демобилизован. В 1948 г. окончил Ленинградский бумажный техникум. Работал на Балахнинском целлюлозно-бумажном комбинате Горьковской области, затем в управлении «Дальэлектромонтаж» в посёлке городского типа Кавалерово Приморского края. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями. Именем Героя названы школа на хуторе Сухая Падина и школа № 4 в с. Новая Жизнь.

Умер 13.09.2003 г.

СУРНИН Георгий Иванович, родился 6.01.1918 г. в с. Воскресеновка ныне Сквородинского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1965 г. Окончил 4 класса. Работал трактористом в колхозе. В Красной армии с июля 1941 г.

Г.И. Сурнин

В действующей армии с февраля 1943 г. Командир отделения 188-го стрелкового полка (106-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт) старшина Г.И. Сурнин с отделением 15.10.1943 г. преодолел Днепр и захватил рубеж в районе посёлка городского типа Лоев (Гомельская обл.). 16–17.10, заменив выбывшего из строя командира роты, отразил несколько контратак противника, нанеся ему значительный урон. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г. В 1945 г. окончил курсы при Горьковском танковом училище.

С 1946 г. мл. лейтенант Г.И. Сурнин – в запасе. Жил в г. Сковородино. Работал начальником команды отряда военизированной охраны Забайкальской железной дороги. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями. Почётный гражданин г. Сковородино.

Умер 18.01.1991 г.

В.А. Суслов

СУСЛОВ Василий Афанасьевич, родился 23.02.1921 г. в дер. Орловка ныне Чердынского района Пермской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование 7 классов. Работал на судовой верфи в Амурской области. В Красной армии с 1940 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с февраля 1943 г. Командир орудия 5-го гвардейского артиллерийского полка (10-я гв. возд.-дес. див., 37-я армия, Степной фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии сержант В.А. Суслов с расчётом в ночь на 1.10.1943 г. преодолел Днепр в районе с. Переволочна (с. Светлогорское Кобелякского р-на, Полтавская обл.). На плацдарме участвовал в отражении многочисленных контратак противника. Огнём из своего орудия уничтожил три танка, четыре автомашины, двенадцать огневых точек и больше роты вражеских автоматчиков. 14 октября 1943 г. при отражении последней танковой атаки побил ещё четыре танка. Когда орудие оказалось разбитым, а большинство бойцов расчёта погибли, гвардии сержант В.А. Суслов, несмотря на контузию, гранатами подбил ещё один танк. Когда закончились боеприпасы, под вражеским огнём пробрался к своим, неся на плечах тяжело раненого красноармейца Жукова с оружием. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г.

В 1945 г. окончил Сталинградское танковое училище. С 1946 г. мл. лейтенант В.А. Суслов – в запасе. Жил в г. Соликамск Пермской области. Работал электрослесарем на Соликамском магниевом заводе. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 16.10.1998 г.

ТАНЦУРЕНКО Василий Дмитриевич, родился 5.03.1913 г. в с. Прилуки ныне Хорольского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Работал в совхозе, матросом в Дальневосточном морском пароходстве. В Вооружённых силах в 1937–1940 гг. и с апреля 1942 г. Служил в Амурской военной флотилии. В 1942 г. был направлен на фронт.

В.Д. Танцуренко

Стрелок 78-го гвардейского стрелкового полка (25-я гв. стр. див., 6-я армия, Юго-Западный фронт) гвардии рядовой В.Д. Танцуренко в составе взвода под командованием гвардии лейтенанта П.Н. Широнова 2.03.1943 г. участвовал в отражении атак танков, бронемашин и пехоты противника у железнодорожного переезда на южной окраине с. Тарановка (Готвальдовский район Харьковская обл.). Взвод удержал позиции, уничтожил 16 вражеских боевых машин и свыше 100 гитлеровцев. Подошедшее к вечеру подкрепление не нашло живых, все участники боя посмертно были представлены к присвоению звания Героя Советского Союза. В.Д. Танцуренко звание Героя Советского Союза присвоено 18.05.1943 г. посмертно. Награждён орденом Ленина.

Похоронен в братской могиле в с. Тарановка. В сёлах Тарановка и Соколово установлены памятники Героям. Железнодорожная платформа Тарановка переименована в Широново Их именем назван траулер «Герои Широинцы».

Вас. Фом. Тарасенко

ТАРАСЕНКО Василий Фомич, родился 4.12.1920 г. в с. Шаровка ныне Белебеевского района (Башкирия) в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил 9 классов и педагогические курсы в 1938 в г. Белебей. Работал учителем в дер. Анненково (Белебеевский р-н). В Красной армии с 1940 г. Окончил Владивостокское истребительное противотанковое артиллерийское училище в 1943 г. С этого же времени в действующей армии.

Командир батареи 282-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка (3-я гв. отд. истр.-противотанк. арт. бригада, 5-я уд. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии капитан В.Ф. Тарасенко отличился в боях 16–25.04.1945 г. при прорыве вражеской обороны в районе населённого пункта Лечин (15 км юго-восточнее г. Врицен, Германия), на подступах к Берлину и в городе. Артиллеристы под его командованием нанесли противнику значительный урон в боевой технике и живой силе. Был ранен, но остался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

После войны служил во внутренних войсках, затем в советской армии. С 1956 г. майор В.Ф. Тарасенко – в запасе. Жил в Рязани. До 1976 г. работал инженером-диспетчером на радиозаводе. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 15.08.1995 г.

Ю.В. Тварковский

ТВАРКОВСКИЙ Юрий Владимирович, родился 25.12.1921 г. в пос. Облучье, ныне город Еврейской автономной области Хабаровского края, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил среднюю школу. В Красной армии с 1939 г. Окончил Омское военное пехотное училище в 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с декабря 1941 г. Командир батальона 205-го гвардейского стрелкового полка

(70-я гв. стр. див., 13-я армия, Центральный фронт) гвардии ст. лейтенант Ю.В. Тварковский отличился в боях 23–26.09.1943 г. в районе ст. Верхлиевка (Чернобыльский район Киевская обл.): его батальон углубился на 10 км в оборону противника и устроил засаду, уничтожив до батальона гитлеровцев, затем форсировал Днепр южнее с. Комарин (ныне посёлок городского типа Брагинского района Гомельской обл.) и захватил плацдарм. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, медалями.

Погиб в бою 7.12.1943 г. Похоронен у с. Аннополь Черняховского района Житомирской области

С.Г. Терешкевич

ТЕРЕШКЕВИЧ Сергей Григорьевич, родился 23.04.1910 г. в с. Чкаловское ныне Спасского района Приморского края в семье крестьянина. Украинец. Окончил 4 класса. Работал плотником. В Красной армии с 1933 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1939 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с июля 1941 г. Рота 459-го стрелкового полка (42-я стрелковой див., 49-я армия, 2-й Белорусский фронт) под командованием ст. лейтенанта С.Г. Терешкевича первой в батальоне с ходу на подручных средствах 26.06.1944 г. форсировала Днепр в районе дер. Добрейка (Шкловский район Могилёвская обл.), захватила плацдарм, обеспечив переправу батальона. 27.06.1944 г. во время очередной контратаки противника у дер. Головчин в критический момент боя С.Г. Терешкевич со связкой гранат бросился под вражеский танк. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Похоронен в дер. Вешевка Березинского района Могилёвской области. На родине установлен бюст Героя.

Г.В. Терновский

ТЕРНОВСКИЙ Георгий Владимирович, родился 23.04.1915 г. в г. Нижний Ломов ныне Пензенской области в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончил 7 классов и школу ФЗУ. Работал слесарем. В ВМФ с 1934 г. Окончил Севастопольское военно-морское училище в 1938 г.

В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Флагманскому артиллеристу бригады сторожевых кораблей (Тихоокеанский флот) капитану 3-го ранга Г.В. Терновскому за умелое руководство морским десантированием и захватом укрепленных узлов сопротивления врага в Северной Корее в период советско-японской войны 1945 г. 14.09.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны окончил Военно-морскую академию. С 1954 г. капитан 1-го ранга Г.В. Терновский – в запасе. Жил в Москве. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 12.07.1970 г. Его именем названа улица в Пензе.

В.М. Тимощук

ТИМОЩУК Владимир Михайлович, родился в 1923 г. в с. Харьковцы Старосинявского района Хмельницкой области в семье крестьянина. Украинец. Работал слесарем в Дальневосточном геологическом управлении. В Красную армию призван Хабаровским горвоенкоматом в 1941 г., на фронте с мая 1942 г.

Разведчик гвардейской отдельной разведывательной роты 28-й гвардейской стрелковой дивизии (53-я армия, Степной фронт), комсомолец, гвардии сержант В.М. Тимощук отличился 3.08.1943 г. в бою на Белгородском направлении. Подобравшись к вражескому пулемёту, огнём из автомата уничтожил его расчёт, а в глубине обороны противника захватил немецкий мотоцикл с пулемётом и, подъехав на нём к вражеским траншеям, открыл огонь, уничтожил более 20 гитлеровцев и захватил пленного. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г.

После войны демобилизован. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 7.05.1966 г.

Ф.Ф. Титов

ТИТОВ Фёдор Фролович, родился в 1914 г. в дер. Ермолино Смоленской области в семье крестьянина. Русский. После окончания школы вместе с родителями приехал на Дальний Восток. Жил в Хабаровске. Работал учеником кондитера, затем мастером кондитерской мастерской. В Красной армии с 1939 г.

В боях Великой Отечественной войны с мая 1942 г. Наводчик самоходной артиллерийской установки 298-го гвардейского самоходного артиллерийского полка (4-й гв. танк. корпус, 5-я гв. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии старшина Ф.Ф. Титов отличился в ночь на 16.02.1945 г. в районе населённого пункта Шидглогвиц (Германия). Экипаж Ф.Ф. Титова первым ворвался в населённый пункт, уничтожил три вражеских танка и три орудия, отразил контратаку противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1945 г. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Погиб в бою 29.04.1945 г.

А.В. Трипольский

ТРИПОЛЬСКИЙ Александр Владимирович, родился 12.12.1902 г. в с. Мижиричка ныне Народичского района Житомирской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1926 г. Окончил 10 классов. В ВМФ с 1924 г. Учился в учебном отряде подводного плавания им. С.М. Кирова в Ленинграде.

Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г. Командир подводной лодки 2-го дивизиона (бригада ПЛ, Северный флот) капитан-лейтенант А.В. Трипольский потопил 10.12.1939 г. транспорт противника. 18.01.1940 г., пробиваясь сквозь льды, уничтожил самолёт врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 7.02.1940 г.

В годы Великой Отечественной войны руководил переходом группы подводных лодок с Тихоокеанского флота на Северный – из Владивостока в Полярный, через Тихий и Атлантический океаны и Панамский канал. Командовал соединением

подводных лодок. Был начальником штаба Порт-Артурской военно-морской базы. С 1949 г. капитан 1-го ранга А.В. Трипольский – в запасе. Жил в Москве. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Нахимова 2 ст. Отечественной войны 2 ст., медалями.

Умер 21.01.1949 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Его именем названа улица в г. Коростень Житомирской области.

Ф.А. Трифонов

ТРИФОНОВ Феоктист Андреевич, родился 19.08.1921 г. в с. Новоильинка ныне Колпашевского района Томской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 10 классов. В Красной армии с 1940 г. Окончил ускоренный курс Томского артиллерийского училища.

Участник Великой Отечественной войны с апреля 1943 г. Командир батареи 89-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады (12-я арт. див., 4-й арт. корпус прорыва, 65 я армия, Белорусский фронт) ст. лейтенант Ф.А. Трифонов отличился 18.11.1943 г. в районе дер. Романовка (южнее г. Речица Гомельской обл.), когда большая группа фашистских автоматчиков прорвалась к наблюдательному пункту батареи, вызвал огонь на себя. Погиб в бою 19.11.1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.12.1943 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Похоронен в Речице. Его именем названы улицы в Томске, Речице и Колпашево; в Томске и в с. Новоильинка установлены мемориальные доски. Бюст Героя установлен в родном селе.

Н.Н. Тростинский

ТРОСТИНСКИЙ Николай Николаевич, родился 14.05.1919 г. в Петрограде (Ленинград) в семье инженера-строителя. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 8 классов. Работал ст. инспектором горфинотдела. Жил в Москве. В Красной армии с 1939 г. В 1941 г. окончил Хабаровское военное пехотное училище.

В действующей армии с декабря 1942 г. Командир 1152-го стрелкового полка (344-я стр. див., 33-я армия, 2-й Белорусский фронт) подполковник Н.Н. Тростинский с полком первым вышел к Днепру, с ходу овладел посёлком городского типа Копысь (Оршанский район Витебская обл.) и 27.06.1944 г. форсировал на подручных средствах реку. Полк захватил плацдарм, обеспечил переправу других частей дивизии. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. Награждён орденами Ленина, Суворова 3 ст., Красной Звезды, медалями.

Погиб в бою 16.08.1944 г. Похоронен в г. Мариямполе, Литва. Навечно зачислен в списки воинской части.

ТРОФИМОВ Дмитрий Григорьевич, родился 21.09.1906 г. в г. Сретенск ныне Читинской обл. в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. Работал железнодорожником. В 1930 г. по путевке Дальневосточного крайкома ВЛКСМ направлен на работу в Дальневосточное пароходство. С 1930 г. плавал на

Д.Г. Трофимов

пароходах, был механиком на ледоколах «Литке» и «Ермак». Участвовал в спасении папанинцев.

В должности помощника капитана ледокола «Г. Седов» по политической части участвовал в 812-дневном дрейфе во льдах Северного Ледовитого океана с августа 1937 г. по январь 1940 г. Проявил в дрейфе мужество и стойкость, словом и личным примером вдохновлял экипаж на выполнение задачи. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.02.1940 г.

В годы Великой Отечественной войны участвовал в проводке транспортов на Севере. Жил в Ленинграде. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Умер 17.01.1959 г.

В.И. Трусов

ТРУСОВ Виктор Иванович, родился 10.04.1917 г. в дер. Белоусово ныне Новодугинского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов и школу инженерно-технического состава. Работал мастером в Главсевморпути в Москве. В Красной армии с 1938 г. Служил на Дальнем Востоке, после увольнения в запас остался работать во Владивостоке, работал в торговом порту.

На фронте в Великую Отечественную войну с ноября 1942 г. Разведчик взвода пешей разведки 43-го стрелкового полка (106-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), рядовой В.И. Трусов в составе группы захвата под сильным огнём противника 15.10.1943 г. форсировал Днепр в районе посёлка городского типа Лоев (Гомельская обл.). Первым ворвался в траншею, уничтожил несколько гитлеровцев. 16.10 с группой разведчиков захватил контрольного пленного, что позволило командованию раскрыть замысел противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

После войны продолжал службу в армии. Окончил Харьковское военно-техническое пограничное училище в 1947 г. С 1960 г. майор В.И. Трусов – в отставке. Жил в Москве. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 6.12.1989 г.

В.П. Трушин

ТРУШИН Василий Прокофьевич, родился 26.01.1899 г. в с. Владыкино ныне Ртищевского района Саратовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1921 г. Окончил начальную школу. Работал в селе. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1923 г. окончил Ташкентскую военную пехотную школу, в 1936 г. – высшие тактические курсы «Выстрел». Участник боёв на КВЖД в 1929 г.

Во время советско-японской войны 1945 г. генерал-майор В.П. Трушин командовал 13-й бригадой морской пехоты (Тихоокеанский флот). 14–16.08.1945 г. бригада овладела городом и портом Сейсин (Чхонджин, КНДР), где было уничтожено большое количество живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. С 1955 г – в запасе. Жил в Москве. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.
Умер 5.04.1974 г.

В.Ф. Трушкин

ТРУШКИН Василий Фёдорович, родился 12.04.1915 г. в с. Заулье ныне Севского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил горно-промышленное училище. Работал электрослесарем. Учился в аэроклубе. В ВМФ с 1937 г. В 1940 г. окончил Ейское военно-морское авиационное училище.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир эскадрильи 26-го штурмового авиационного полка (12-я штурм. авиационная дивизия, ВВС Тихоокеанского флота) ст. лейтенант В.Ф. Трушкин совершил четыре боевых вылета на штурмовку военных объектов противника. Лично потопил два транспорта противника. В составе группы разрушил южный пирс порта Расин. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1948 г. окончил Высшие офицерские курсы авиации ВМФ, в 1955 г. – академические курсы офицерского состава при Военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова. С 1967 г. генерал-майор авиации В.Ф. Трушкин – в запасе. Жил в г. Пушкин Ленинградского горсовета. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 23.11.1981 г.

А.П. Тульников

ТУЛЬНИКОВ Андрей Пантелеевич, родился 5.08.1923 г. в с. Пришиб Енотаевского района Астраханской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил 6 классов в г. Владивосток. Работал на рыболовецкой станции. В Красной армии с 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с августа 1942 г. Командир сапёрного отделения 416-го стрелкового полка (112-я стр. дивизия, 13-я гвардейская армия, 1-й Украинский фронт), комсомолец, сержант А.П. Тульников отличился при форсировании Одера в январе 1945 г. В течение трёх суток сооружал плоты и наводил переправы. 26.01 у населённого пункта Домбзен (Польша) сам переправился через реку и участвовал в боях на плацдарме. Звание Героя Советского Союза присвоено 11.04.1945 г.

С 1945 г. лейтенант А.П. Тульников – в запасе. Жил в г. Астрахань. Работал механиком лесопункта. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 4.01.2015 г.

ТЯГУШЕВ Ефим Владимирович, родился 26.01.1919 г. в с. Кендя ныне Ичалковского района Мордовии в семье крестьянина. Мордвин. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. В Красной армии с 1939 г.

Е.В. Тягушев

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Радист батальона связи 78-й отдельной стрелковой бригады (9-я армия, Южный фронт) рядовой Е.В. Тягушев в ночь на 22.04.1942 г. был послан на безымянную высоту у с. Долгенькое (Изюмский район Харьковская обл.) для поддержания связи со штабом бригады. Корректировал огонь, участвовал в отражении контратак противника, а когда враги окружили его, вызвал огонь на себя. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.12.1942 г.

В 1946 г. демобилизован. Окончил Благовещенское речное училище. Работал в Амурском речном пароходстве. Жил в г. Иман (Дальнереченск) Приморского края. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 27.01.1971 г. Похоронен в г. Дальнереченск.

В.М. Урзля

УРЗЛЯ Владимир Матвеевич, родился 20.01.1916 г. в с. Ключки ныне Ребрихинского района Алтайского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Окончил Семипалатинский сельскохозяйственный техникум. Работал зоотехником в пос. Бельагаш ныне Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан). В Красной армии с 1939 г. В 1941 г. окончил Хабаровское военное миномётное училище.

В действующей армии с 1942 г. Начальник штаба 504-го миномётного полка (40-я миномет. бригада, 24 я арт. див. 4-й Украинский фронт) майор В.М. Урзля отличился в бою 28.04.1945 г. у населённого пункта Долни Лгота на подступах к г. Моравска-Острава (ныне Острава, Чешская Республика). Передовой наблюдательный пункт, где находился В.М. Урзля, был атакован врагом. В. Урзля, раненный, отбивался до последнего патрона, но был схвачен гитлеровцами и после зверских пыток убит. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалью.

Похоронен в г. Глучин, Моравско-Силезский край Чешской Республики. Его имя увековечено на мемориале Славы в г. Барнаул.

И.И. Уткин

УТКИН Илья Ильич, родился 5.09.1909 г. в с. Герасимово ныне Суворовского района Тульской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил начальную школу. Работал в сельском хозяйстве, на лесозаготовках. В Красную армию призван в 1942 г. Бикинским горвоенкоматом Хабаровского края. Окончил школу мл. командиров.

В действующей армии с 1943 г. Командир взвода 45-мм пушек 24-го гвардейского воздушно-десантного полка (10-я гв. возд.-дес. див., 37-я армия, Степной фронт) гвардии старшина И.И. Уткин со взводом 1.10.1943 г. переправился через Днепр в районе с. Переволочна (ныне с. Светлогорское Кобелякского района Днепропетровской обл.) и не дал танкам противника вклиниться в боевые порядки батальона. 14.10.1943 г. с оставшимися в живых бойцами уничтожил 7 танков. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.12.1943 г.

После войны демобилизован. Жил в пос. Звеньевой Бикинского района, Хабаровского края. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Умер 20.11.1947 г.

Б.П. Ущев

УЩЕВ Борис Петрович, родился 31.03.1915 г. в г. Петропавловск ныне Северо-Казахстанская область (Республика Казахстан) в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 10 классов. Жил и работал в г. Свободный Амурской области. Учился в Ленинградском институте железнодорожного транспорта. В ВМФ с 1937 г. Окончил Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 г.

В боях Великой Отечественной войны с 1941 г. Командир 2-го отряда торпедных катеров (1-й гв. дивизион торпед, катеров, бригада торпед, катеров, Балтийский флот) капитан-лейтенант Б.П. Ущев провёл 93 боевых операции на постановку мин, поиск и уничтожение кораблей противника высадку разведывательных и диверсионных групп. Потопил вспомогательный крейсер и два миноносца противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.07.1944 г.

После войны продолжал службу на флоте. В 1953 г. окончил Высшие академические курсы при Военно-морской академии. С 1972 г. капитан 1-го ранга Б.П. Ущев – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Ушакова 2 ст., тремя орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, медалями.

Умер 13.03.1996 г.

М.А. Федотов

ФЕДОТОВ Михаил Алексеевич, родился 20.11.1916 г. в с. Тимлюй ныне Кабангского района (Бурятия) в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов и курсы трактористов, работал в МТС. В Красной армии в 1937–1939 гг. и с июня 1941 г. Учился в Челябинском танковом училище.

В действующей армии с сентября 1941 г. Командир танка 86-го отдельного гвардейского тяжёлого танкового полка (8-й мех. корпус, 65-я армия, 2-й Белорусский фронт) гвардии старшина М.А. Федотов отличился в бою на подступах к г. Данциг (Гданьск, Польша). 27.03.1945 г. он уничтожил два штурмовых орудия противника. Был ранен, но вдвоём с заряжающим подбил ещё бронетранспортёр. Когда кончились снаряды, гусеницами танка раздавил миномётную батарею, а расчёты забросал гранатами. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.06.1945 г.

После войны демобилизован. Работал в г. Болгое Калининской области. Жил в Южно-Сахалинске. Работал механизатором. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 27.10.1986 г.

ФЕДЮНИНСКИЙ Иван Иванович, родился 30.07.1900 г. в дер. Гилева ныне Тугулымского района Свердловской

И.И. Федюнинский

области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1930 г. Окончил сельскую школу. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражд. войны. Окончил Владивостокскую пехотную школу в 1924 г. Командовал взводом, ротой, батальоном. В 1931 г. окончил курсы «Выстрел».

Участвовал в разгроме японских милитаристов на р. Халхин-Гол в 1939 г. Умело командуя в этих боях 24-м мотострелковым полком (36-я мотостр. див., 1-я армейская группа), полковник И.И. Федюнинский проявил мужество и отвагу. Звание Героя Советского Союза присвоено 29.08.1939 г. Затем командовал дивизией, стрелковым корпусом. В 1941 г. окончил курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии Генштаба.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командовал стрелковым корпусом, войсками армии на Западном, Ленинградском, Волховском, Брянском, 2-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. С декабря 1943 г. и до конца войны возглавлял 2-ю ударную армию, особенно отличившуюся в Берлинской операции.

После войны на ответственных должностях в войсках. В 1948 г. окончил высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова, затем командовал войсками ряда военных округов, генерал армии (с 1955). С 1965 г. военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного СССР 5 и 6-го созывов

Награждён четырьмя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., двумя орденами Кутузова 1 ст., орденом Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями, иностранными орденами. Герой Монгольской народной республики.

Умер 17.10.1977 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Открыт Дом музей в дер. Гилева. Именем Героя названы улицы в пос. Тугулым, городах Брянск, Гомель, Ломоносов, Нарва, Ивангород, Тюмень. Карачев, Ропша. Почётный гражданин городов Брянск, Гомель, Волхов, Домоносов, Кингисепп, Таллин, Карачева, Чойбалсана (Монголия).

В.И. Филатов

ФИЛАТОВ Вячеслав Иванович, родился 17.03.1918 г. в с. Благовещенское ныне Муромского района Владимирской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил индустриальный техникум в г. Павлово-на-Оке Горьковской области, работал технологом на одном из заводов в Челябинской области. В Красной армии с 1939 г. Окончил Хабаровское артиллерийское училище в 1941 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1942 г. Командир огневого взвода 136-го гвардейского артиллерийского полка (68-я гв. стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт), гвардии лейтенант В.И. Филатов отличился при форсировании р. Днепр. В ночь на 26.09.1943 г. переправил батарею на правый берег в районе с. Балыко-Щучинка (Кагарлыкский район

Киевская обл.). Выкатив орудия на прямую наводку, расчёты своим огнём обеспечили наступление стрелковых подразделений, отразили несколько контратак противника, уничтожили три пулемёта, до взвода гитлеровцев, несколько автомашин. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.11.1943 г.

С 1946 г. ст. лейтенант В.И. Филатов – в запасе. Жил в г. Муром, работал на заводе им. Ф.Э. Дзержинского. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Умер 25.05.1973 г. Именем Героя названа улица в Муроме.

А.Я. Фирсов

ФИРСОВ Александр Яковлевич, родился 11.08.1925 г. в с. Поляки ныне Путятинского района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Образование н/среднее. Работал в колхозе. В Красной армии с 1943 г. Участник Великой Отечественной войны.

Во время советско-японской войны 1945 г. пулемётчик 567-го стрелкового полка (384-я стр. лив., 25-я армия, 1-й Дальневосточный фронт) мл. сержант А.Я. Фирсов отличился в бою 11.08.1945 г. за г. Дуннин (Северный Китай). При прорыве укрепленного района первым проник к вражескому доту и, израсходовав боеприпасы, закрыл своим телом его амбразуру. Ценою жизни способствовал выполнению боевой задачи подразделением. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награждён орд. Ленина.

Похоронен в пос. Полтавка Октябрьского района Приморского края. Мемориальная доска установлена во Владивостоке на улице, носящей его имя. Именем Героя названы улица в Рязани и посёлок в Хасанском районе Приморского края. Навечно зачислен в списки воинской части.

В зале Победы Центрального музея Вооружённых сил на мраморной стене имя Александра Фирсова высечено золотом.

Д.С. Фоломеев

ФОЛОМЕЕВ Дмитрий Сергеевич, родился 18.09.1913 г. в дер. Ивановка ныне Сараевского района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г.. Образование н/среднее. Жил и работал в Приморье на хабаровском заводе «Дальдизель». В Красной армии в 1934–1936 гг. и с июля 1941 г. Окончил курсы мл. лейтенантов.

В действующей армии с августа 1942 г. Командир взвода 306-го танкового батальона (106-я танк. бригада, 12-й танк. корпус, 3-я танк. армия, Воронежский фронт) лейтенант Д.С. Фоломеев под г. Россось (Воронежской обл.) 14.01.1943 г. ворвался на боевой машине в с. Михайловка, таранил танк врага. В течение ночи вёл бой с противником, участвовал в захвате штаба вражеской дивизии, знамени и документов. 17.01.1943 г. в бою за с. Татарино (Каменский р-н Воронежская обл.) танк Д.С. Фоломеева был подбит, но экипаж продолжал огневой бой до подхода наших войск. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.04.1943 г.

В 1950 г. окончил Высшую офицерскую автомобильную школу. Некоторое время служил в г. Бутурлиновка

Воронежской области, затем вернулся в Домодедово. С мая 1954 г. майор Д.С. Фоломеев – в запасе. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, медалями.

Умер 4.07.1954 г.

М.И. Харламов

ХАРЛАМОВ Михаил Иванович, родился 25.07.1916 г. в дер. Костюково, ныне с. Зимники Дальнереченского района Приморского края, в семье охотника. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование н/среднее. Работал трактористом в леспромхозе. В Красной армии с июня 1941 г.

В действующей армии с мая 1943 г. Командир отделения 685-го стрелкового полка (193-я стр. див., 65-я армия, Центральный фронт) мл. сержант М.И. Харламов в ночь на 15.10.1943 г. со своим отделением одним из первых переправился через Днепр в районе с. Каменка (Репкинский район Черниговская обл.). В боях по расширению плацдарма лично уничтожил десятки солдат противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 30.10.1943 г.

В 1944 г. демобилизован и вернулся на родину. Жил в г. Дальнереченск, где работал директором рынка, в последние годы – в Комсомольске-на-Амуре. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 3.06.1991 г.

Х.Х. Хасанов

ХАСАНОВ Хативи Хусаинович, родился в 1916 в дер. Алмаметьево, ныне в Моркинском районе (Республика Марий Эл), в семье крестьянина. Татарин. Член ВКП(б) с 1942 г. Образование н/среднее. Работал на железной дороге ст. Йошкар-Ола. В Красной армии в 1935–1937 гг. и с марта 1942 г.

В действующей армии с августа 1942 г. Командир пулемётно-го расчёта 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады (60-я армия, Центральный фронт), парторг роты, ст. сержант Х.Х. Хасанов отличился 29.08.1943 г. в бою за с. Прихотьково (Курская обл.). Приняв на себя командование ротой, он поднял бойцов в атаку. 12.09.1943 г. в бою за с. Нехаевка (Рыльский р-н Сумской обл.) был тяжело ранен, в бессознательном состоянии попал в плен и казнён. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью.

Похоронен в с. Нехаевка. Мемориальные доски установлены в Йошкар-Оле на железнодорожном вокзале и на улице его имени. Его именем названы улицы в Параньге, Алмаметьево, Морках и Йошкар-Оле.

ХАСАНШИН Майсур Рахипович, родился 12.12.1923 г. в Ростове-на-Дону в семье рабочего. Татарин. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 10 классов в г. Кизел Пермской области. В Красной армии с марта 1941 г. Окончил Смоленское артиллерийское училище в 1942 г.

В действующей армии с ноября 1942 г. Командир миномётной роты 9-й гвардейской механизированной бригады

М.Р. Хасаншин

(3-й гв. мех. корпус, 47-я армия, Воронежский фронт) гвардии лейтенант М.Р. Хасаншин отличился в конце сентября – начале октября 1943 г. при захвате плацдарма в районе с. Селище (Каневский район Черкасская обл.). 30.09.1943 г. в числе первых на подручных средствах его рота переправилась через Днепр и с ходу вступила в бой. При отражении многочисленных контратак противника 2.10.1943 г. миномётчики трижды вступали в рукопашные схватки. За три дня боёв рота гвардии лейтенанта М.Р. Хасаншина отразила 23 атаки. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.06.1944 г. В 1945 г. окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу.

После войны гвардии старший лейтенант М.Р. Хасаншин – в запасе. Жил в Южно-Сахалинске. Работал в механизированной колонне Дальэнергостроя. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 2 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 13.04.1975 г.

И.А. Хворостянов

ХВОРОСТЯНОВ Илья Алексеевич, родился 20.07.1914 г. в с. Салтыково ныне Белгородского района Белгородской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 г. Образование среднее. Работал счетоводом в совхозе. В ВМФ с 1935 г. Окончил Военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ в Севастополе в 1939 г. и Высшие специальные классы командного состава ВМФ в 1943 г.

Участник советско-японской войны. Командир Ханкайского отдельного отряда бронекатеров (Амурская военная флотилия) капитан-лейтенант И.А. Хворостянов руководил боевой операцией 1-го отряда с 9.08 по 14.08.1945 г. в районе Юнфан-дунь, в ходе которой был разгромлен штаб японской комендантуры и захвачено боевое знамя. В базе уничтожены несколько речных катеров японцев и укрепленные позиции. Совместно с пограничниками успешно высадил армейский десант. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в ВМФ. В 1952 г. окончил Военно-морскую академию. С 1974 г. вице-адмирал И.А. Хворостянов – в запасе. Жил в Ленинграде. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. Мемориальная доска установлена в г. Губкин Белгородской области на здании школы № 10.

Умер 19.02.1988 г.

И.И. Холобцев

ХОЛОБЦЕВ Иван Иванович, родился 16.08.1916 г. в с. Почепное ныне Дмитриевского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. В 1934 г. окончил 7 классов, работал в колхозе. В Красную армию призван в 1937 г. Участвовал в боях на оз. Хасан в 1938 г. В 1941 г. окончил Владивостокское военное пехотное училище.

В боях Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. 337-й гвардейский стрелковый полк (121-я гв. стр. див., 12-я армия,

1-й Украинский фронт) под командованием гвардии подполковника И.И. Холобцева форсировал р. Одер 26.01.1945 г. в районе дер. Хохбаушиц, захватил плацдарм на левом берегу и нанёс врагу существенный урон в живой силе и боевой технике. Вместе с бойцами отбивал многочисленные контратаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 10.04.1945 г.

После войны продолжал службу в армии. В 1945 г. окончил Высшие офицерские курсы «Выстрел». С 1965 г. полковник И.И. Холобцев – в запасе. Жил и работал в г. Кимры Калининской области. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 31.10.1969 г.

И.С. Хоменко

ХОМЕНКО Игнат Степанович, родился в 1914 г. в с. Синяны ныне Ракитнянского района Киевской области в семье крестьянина. Украинец. Образование начальное. Работал в г. Комсомольск-на-Амуре токарем, мастером цеха. В Красной армии в 1936–1938 гг. и с 1941 г.

В боях Великой Отечественной войны с июля 1941 г. Механик-водитель самоходки СУ-122 1817-го самоходного артиллерийского полка (52-я армия, 2-й Украинский фронт), канд. в члены ВКП(б), ст. сержант И.С. Хоменко отличился в боях 16–20.11.1943 г. за г. Черкассы. Огнём и гусеницами экипаж САУ нанёс противнику значительный урон в живой силе и технике. Будучи тяжело ранен, И.С. Хоменко продолжал управлять машиной одной рукой. 20.11.1943 г. самоходная установка с десантом автоматчиков одной из первых достигла железнодорожной ст. Черкассы. В этом бою И.С. Хоменко погиб. Звание Герои Советского Союза присвоено 22.02.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды.

Похоронен в с. Геронимовка Черкасской области. Его именем названа улица в Черкассах.

В.Г. Хомрач

ХОМРАЧ Владимир Гаврилович, родился 13.04.1920 г. в г. Уссурийск Приморского края в семье учителя. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование н/среднее. В Красной армии с мая 1941 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с сентября 1943 г. Помощник командира взвода 239-го гвардейского стрелкового полка (76-я гв. стр. див., 61-я армия, Центральный фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии ст. сержант В.Г. Хомрач в бою около дер. Кувечти (Репкинский район Черниговская обл.) 24.09.1943 г. увлек бойцов в штыковую атаку, нанеся противнику большой урон в живой силе. В ночь на 28.09.1943 г. в районе с. Мысы того же района одним из первых переправился через Днепр и ворвался в траншеи противника. Был ранен, но продолжал вести бой. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.1944 г.

После войны служил в пограничных войсках. С 1973 г. полковник В.Г. Хомрач – в запасе. Жил в Киеве. Работал ст. инженером в Минпищепроме (Украина). Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 7.10.1994 г.

М.П. Цисельский

ЦИСЕЛЬСКИЙ Михаил Петрович, родился 20.05.1909 г. в с. Стойково ныне Катеринопольского района Черкасской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил н/среднюю школу и школу ФЗУ. В 1928 г. переехал в Никольск-Уссурийский. Окончил курсы слесарей и работал на паровозоремонтном заводе. В Красной армии в 1932–1938 гг. и с 1939 г. В 1934 г. окончил Иркутскую авиационно-техническую школу, в 1936 г. – Ейское военно-морское авиационное училище.

В боях Великой Отечественной войны с 1941 г. Дублёр штурмана эскадрильи 12-го гвардейского авиационного полка (8-я минно-торпед. див., ВВС Балтийского флота) капитан М.П. Цисельский к декабрю 1944 г. произвёл 296 боевых вылетов на разведку, штурмовку кораблей и войск противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.03.1945 г.

С 1948 г. майор М.П. Цисельский – в запасе. Работал председателем колхоза в родном селе, бригадиром на заводе «Красный резинщик» в Киеве. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 3.11.1989 г.

М.Н. Цуканова

ЦУКАНОВА Мария Никитична, родилась 14.09.1924 г. в дер. Смоленка ныне Крутинского района Омской области в семье крестьянина. Русская. Окончила н/среднюю школу в пос. Орджоникидзевский (ныне Орджоникидзе) Красноярского края, стала работать телефонисткой в поселковом узле, была санитаркой в эвакуированном из Ростова-на-Дону госпитале. В 1942 г. уехала в Иркутск, поступила на машиностроительный завод, где участвовала в выпуске продукции для фронта. Без отрыва от производства окончила курсы медицинских сестёр и добровольно уехала на Восточный фронт. В июне 1942 г. добровольцем через военкомат Иркутска призвана в ВМФ и направлена на Тихоокеанский флот. В 1944 г. после окончания школы младших медицинских специалистов Мария была назначена санитаркой 3-й роты 355-го отдельного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота.

Во время советско-японской войны 14.08.1945 г. М. Цуканова в составе 355-го батальона морской пехоты участвовала в высадке десанта в корейский порт Сэйсин (ныне Чхонджин). Во время боя оказывала медицинскую помощь раненым, вынесла с поля боя 52 раненых десантника. Тяжело раненой попала в плен и была замучена японцами. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждена орденом Ленина.

Похоронена в братской могиле в г. Владивосток. На месте гибели сооружён мемориал. Именем Героини названы улицы в Омске, Иркутске, Барнауле и судно Министерства рыбного хозяйства. Памятники установлены в Иркутске и во Владивостоке. Навечно зачислена в списки воинской части.

П.Н. Цылёв

ЦЫЛЁВ Павел Николаевич, родился 10.07.1920 г. в посёлке завода Кирсинский (позднее рабочий посёлок Кирс, ныне город) Верхнекамского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов, Лысьвенский металлургический техникум. В Красной армии с 1941 г., зачислен в Челябинское авиационное училище.

На фронте в Великой Отечественной войну с сентября 1941 г. Командир отделения 117-го гвардейского отдельного сапёрного батальона (110-я гв. стр. див., 37-я армия, Степной фронт) гвардии сержант П.Н. Цылёв при форсировании Днепра в районе населённого пункта Солошино (Кобелякский район Полтавская обл.) 30.09.1943 г. доставил первую десантную группу. В дальнейшем в течение пяти суток переправлял на захваченный плацдарм боеприпасы, бойцов и продовольствие. Принимал участие в отражении контратак противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.1944 г.

После войны демобилизован. Окончил институт советской торговли и Высшие курсы Министерства торговли СССР. Жил и работал в г. Александровск-Сахалинский. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалями.

Погиб 5.10.1955 г. во время шторма при спасении людей и имущества. Похоронен в пос. Широкая Падь Александровск-Сахалинского района Сахалинской области.

С.Г. Чепелюк

ЧЕПЕЛЮК Сергей Георгиевич, родился 9.09.1921 г. в г. Иман, ныне Дальнереченск Приморского края в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Жил в г. Грозный (Чеченская Республика). Окончил 10 классов. В Красной армии с 1942 г., окончил Оренбургскую военную авиационную школу пилотов. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1942 г. Заместитель командира эскадрильи 144-го гвардейского штурмового авиационного полка (9-я гв. штурм. авиац. див., 1-й гв. штурм, авиац. корпус, 5-я возд. армия, 2-й Украинский фронт) гвардии мл. лейтенант С.Г. Чепелюк к июню 1944 г. совершил 155 боевых вылетов, в 44 воздушных боях сбил лично три и в группе два самолёта противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 г.

В 1951 г. окончил Военно-воздушную академию, в 1954 г. – адъюнктуру при ней, в 1976 – Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Генерал-майор авиации С.Г. Чепелюк работал в центральном аппарате МО СССР. С 1984 г. – в запасе. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст. орденами Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, Славы 3 ст., медалями.

Умер 19.07.1985 г.

К.Г. Черепанов

ЧЕРЕПАНОВ Корнилий Георгиевич, родился 26.09.1905 г. в с. Бутаково ныне Качугского района Иркутской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил 5 классов, курсы при сельскохозяйственном техникуме. Работал в колхозе. В Красной армии с 1927 г. В 1931 г. окончил Иркутские пехотные командные курсы. Участник боёв на КВЖД в 1929 г., у оз. Хасан – в 1938 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1941 г. 300-я стрелковая дивизия (1-я армия, 1-й Дальневосточный фронт) под командованием генерал-майора К.Г. Черепанова, участвуя в Маньчжурской операции, 9.08.1945 г. прорвала пограничные укрепления Мишаньского УР и 11 августа овладела г. Мулин (Бамяньтун). Развивая наступление в трудных условиях горно-таёжной местности, форсировала р. Муданьцзян, 16 августа овладела г. Муданьцзян и создала условия для окружения крупной вражеской группировки и развития наступления войск армии на Харбин. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

После войны – военком Московской области. С 1953 г. – в запасе. Жил в Москве. Работал в Центральном опытно-конструкторском бюро ВАСХНИЛ. Награждён тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 30.01.1999 г.

П.Н. Черненко

ЧЕРНЕНОК Павел Николаевич, родился 5.07.1920 г. в с. Картушино ныне Стародубского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1953 г. Окончил педучилище. В Красной армии с 1939 г. В 1941 г. окончил Гомельское стрелково-пулемётное училище, а в 1943 г. – курсы «Выстрел».

На фронте в Великую Отечественную войну с сентября 1943 г. Командир стрелкового батальона 173-го гвардейского стрелкового полка (58-я гв. стр. див., 5-я гв. армия, 1-й Украинский фронт) гвардии капитан П.Н. Черненко в ночь на 20.01.1945 г. со своим батальоном прорвался в тыл противника и освободил населённый пункт Боронув (юго-западнее г. Ченстохова, Польша). Преследуя отступающего противника, батальон с ходу форсировал р. Одер южнее г. Олау (Олава, Польша) и 21.01 штурмом овладел г. Гуттентаг (ныне Добродзень, Польша). Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1945 г.

Участвовал в боях советско-японской войны 1945 г. После её окончания продолжил службу в Красной армии. В 1950 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1968 г. генерал-майор П.Н. Черненко – начальник Уссурийского суворовского военного училища. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Умер 16.05.1971 г. Похоронен в Ленинграде.

И.М. Чертенков

ЧЕРТЕНКОВ Иван Матвеевич, родился в 1912 г. в с. Рождественка ныне Тимского района Курской области в семье крестьянина. Русский. Образование н/среднее. Жил и работал в г. Улан-Удэ. В Красной армии с января 1942 г. Служил в Амурской военной флотилии, затем в морской бригаде.

В действующей армии с 1943 г. Стрелок 78-го гвардейского стрелкового полка (25-я гв. стр. див., 6-я армия, Юго-Западный фронт) гвардии рядовой И.М. Чертенков 2.03.1943 г. в составе взвода под командованием гвардии лейтенанта П.Н. Широнова участвовал в отражении многочисленных атак танков, бронемашин и пехоты противника у железнодорожного переезда на южной окраине с. Тарановка (ныне Готвальдовский р-н Харьковская обл.). Взвод удержал позиции, уничтожил 16 вражеских боевых машин и до 100 гитлеровцев. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 18.05.1943 г. посмертно. Награждён орд. Ленина.

Похоронен в братской могиле в с. Тарановка. В сёлах Тарановка и Соколово установлены памятники Героям. Их именем назван траулер. Железнодорожная платформа у ст. Тарановка переименована в Широново. Именем И.М. Чертенкова названа улица в Улан-Удэ, на здании железнодорожного вокзала – мемориальная доска.

И.Д. Чернопятко

ЧЕРНОПЯТКО Иван Давидович, родился 11.09.1914 г. в с. Нижнее, ныне посёлок городского типа Первомайского горсовета Ворошиловградской области, в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1939 г. Учился в горном институте. Работал маркшейдером на Горско-Ивановском и Брянском рудниках в Донбассе. В Красной армии с 1936 г. Служил в пограничных войсках НКВД СССР. Окончил школу младших командиров.

Командир взвода маневровой группы 59-го Посыетского погранотряда, комсомолец, мл. командир И.Д. Чернопятко в боях у оз. Хасан в 1938 г. в ответственный момент принял командование ротой. В бою был дважды ранен, но продолжал руководить ротой. Звание Героя Советского Союза присвоено 25.10.1938 г.

Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1941 г. В годы Великой Отечественной войны служил в Главном управлении погранвойск, был зам. начальника погранотряда.

После войны выступал в качестве свидетеля на Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Награждён орденом Ленина, медалями. Майор И.Д. Чернопятко погиб в авиакатастрофе 11.12.1948 г. В его честь установлен обелиск в пос. Посыет Хасанского района Приморского края, названы улица в г. Горское Ворошиловградской области, судно Министерства рыбного хозяйства.

ЧЕРНЫШЁВ Василий Ефимович, родился 26.08.1908 г. в с. Красное ныне Ливенского района Орловской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1928 г. В Красной

В.Е. Чернышёв

армии в 1926–1927 гг. В 1927 г. окончил Орловское военное пехотное училище, в 1930 г. – Брянский коммунистический университет, был на комсомольской, с 1937 г. – партийной работе.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Был одним из руководителей партизанского движения в Белоруссии, подпольная кличка – «Батя Платон». Секретарь Барановичского обкома партии Белоруссии, с 1942 г. уполномоченный ЦК КП Белоруссии по организации партизанского движения в области, с 1943 г. – секретарь подпольного обкома партии и командир партизанского соединения. 1.01.1944 г. за успешное руководство партизанской борьбой, личное мужество и отвагу генерал-майору В.Е. Чернышёву присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1944 г. 1-й секретарь Брестского, 1948–1950 гг. Минского обкома партии, в 1950–1951 гг. секретарь ЦК КП Белоруссии. В 1951–1959 гг. 1-й секретарь Калининградского обкома, в 1959–1969 гг. – Приморского крайкома партии. С 1969 г. – заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Член ЦК ВКП(б) с 1952 г.. Депутат Верховного Совета СССР 3–7-го созывов. Награждён шестью орденами Ленина, орденами Суворова 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 12.11.1969 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Его именем названы улица и техникум лёгкой промышленности в Барановичах. Установлены мемориальные доски во Владивостоке и Калининграде.

И.М. Чистяков

ЧИСТЯКОВ Иван Михайлович родился 27.09.1900 г. в дер. Отрубниво ныне Кашинского района Калининской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1926 г. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны.

Окончил в 1920 г. пулемётную школу, в 1927 г. – курсы «Выстрел».

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командовал бригадой, дивизией, корпусом, 1-й гвардейской армией, 21-й армией (с апр. 1943 г. – 6-я гв.) на Донском, Воронежском, 2-м и 1-м Прибалтийском фронтах. За умелое командование войсками и проявленные при этом мужество и героизм генерал-полковнику И.М. Чистякову присвоено звание Героя Советского Союза 22.07.1944 г. В советско-японской войне 1945 г. командовал 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта.

После войны продолжил командовать 25-й армией Приморского военного округа на Дальнем Востоке. С февраля 1947 г. по апрель 1948 г. – командующий 5-й армией Дальневосточного военного округа. В 1949 г. окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С апреля 1948 г. – командующий 28-й армией в Белорусском военном округе. С декабря 1953 г. командовал 8-й гвардейской армией в группе советских войск в Германии.

С сентября 1954 г. – первый заместитель командующего войсками Закавказского военного округа. В июле 1957 г. назначен

генералом-инспектором инспекции Сухопутных войск Главной инспекции Министерства обороны СССР. С июля 1968 г. И.М. Чистяков – в отставке.

Депутат Верховного Совета СССР 2-го (1946–1950 гг.) и 4-го (1954–1958 гг.) созывов.

Награждён двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 ст., двумя орденами Кутузова 1 ст., орденом Суворова 2 ст., медалями, иностранными орденами.

Умер 7.03.1979 г. Похоронен в Москве.

Е.С. Чуйков

ЧУЙКОВ Егор Сергеевич, родился в 1915 г. в с. Голубиновка Гвардейского района Талды-Курганской ныне Алма-Атинской области Республики Казахстан в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил сельскую школу. Работал в колхозе. В Красной армии с 1937 г.

Рядовой 95-го стрелкового полка (32-я стр. див., 1-я Приморская армия Дальневосточный фронт) отличился в боях у оз. Хасан в 1938 г. Участвовал в пяти атаках на высоту Безымянная. Был ранен, но остался в строю, спас жизнь командиру роты. Звание Героя Советского Союза присвоено 25.10.1938 г.

Окончил Ленинградское военно-политическое училище. Продолжал службу на Дальнем Востоке. Во время советско-японской войны 1945 г. был заместителем командира батальона по политической части на 1-м Дальневосточном фронте. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2-й ст., медалями.

Капитан Е.С. Чуйков умер 18.05.1963 г. Похоронен в Ленинграде.

Н.Н. Чусовской

ЧУСОВСКОЙ Николай Николаевич, родился 10.5.1910 г. в с. Александровка (ныне Нюрбинский район Республики Саха-Якутия) в семье охотника. Якут. Член ВКП(б) с 1931 г. В Красной армии с 1928 г. Окончил Якутскую военную школу, в 1935 г. – Омское военное пехотное училище, в 1937 г. – шестимесячные бронетанковые курсы. Служил на Дальнем Востоке. Принимал участие в боях у оз. Хасан.

Первые военные годы служил на Дальнем Востоке. На фронте в Великую Отечественную войну с мая 1944 г. Командир батальона 127-го гвардейского стрелкового полка (57-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии капитан Н.Н. Чусовской отличился при штурме Зеловских высот (вост. Берлина). Преодолев сложную и прочную линию обороны противника, батальон ворвался 17.04.1945 г. в г. Зелов и после тяжёлых уличных боёв очистил от противника юго-восточную часть города. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

С 1946 г. – в запасе. До 1949 г. работал в Якутском обкоме партии. В 1952 г. окончил Высшую партийную школу ЦК КПСС, вновь был призван в армию и до 1957 г. служил в Москве. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 26.07.1977 г. Похоронен в Якутске. Именем Героя названа улица в пос. Нюрба. Его имя присвоено Куочайской начальной школе и школе в с. Антоновка.

В.П. Шабанов

ШАБАНОВ Василий Прокофьевич, родился 24.03.1905 г. в дер. Великая Буромка ныне Чернобаевского района Черкасской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1924 г. Окончил 7 классов, Киевскую совпартшколу. Работал агрономом в Житомирской и Киевской областях. В Красной армии в 1927–1930 гг. и с 1936 г. Окончил курсы «Выстрел». Участник советско-финляндской войны 1939–1940 г.

На фронте в Великую Отечественную войну с июня 1941 г. Командир 383-го стрелкового полка (121-я стр. див., 60-я армия. Центральный фронт) подполковник В.П. Шабанов отличился в августе – сентябре 1943 г. в битве за Днепр. 31.08 его полк форсировал р. Сейм и принял участие в освобождении г. Рыльск Курской области. 21.09 на подручных средствах полк форсировал р. Десна в районе с. Сваромье, а затем Днепр – у с. Глебовка (Вышгородский район Киевская обл.). В течение 20 дней полк вёл упорные бои по удержанию и расширению плацдарма, успешно отразив все контратаки противника.

Звание Героя Советского Союза присвоено 27.10.1943 г.

С 1946 г. полковник В.П. Шабанов – в запасе. Жил и работал в Харькове, в с. Рокини Волынской области Украины, в Хабаровске. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 3 ст., Александра Невского, медалями.

Умер 20.01.1963 г. Похоронен в Хабаровске.

И.Л. Шапшаев

ШАПШАЕВ Иван Леонтьевич, родился в 1910 г. в с. Новоспасск Хабаровского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1938 г. Окончил н/среднюю школу. Работал шахтёром в Буреинском угольном бассейне, на строительстве Турксиба. В Красной армии в 1933–1935 гг. и с июля 1941 г.

В действующей армии с июля 1941 г. Командир 19-го гвардейского стрелкового полка (8-я гв. стр. див., 10-я гв. армия, 2 и Прибалтийский фронт) гвардии подполковник И.Л. Шапшаев отличился во время освобождения Прибалтики: его полк прорвав оборону противника, принимал участие в освобождении Риги, а затем в разгроме Курляндской группировки врага. При отражении вражеских контратак 26–28.03.1945 г. был ранен, но продолжал управлять боевыми действиями полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.1946 г.

После войны – в отставке. Жил и работал в Алма-Ате, затем в Калинин (ныне Тверь). Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 2.10.1967 г.

ШАХМАТОВ Семён Семенович, родился 22.01.1915 г. в дер. Харино ныне Искитимского района Новосибирской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г.

С.С. Шахматов

Окончил 4 класса. Работал на Ливинских угольных шахтах. В Красной армии с 1936 г. Служил на Дальнем Востоке. Окончил Куйбышевское военно-пехотное училище в 1942 г. и продолжил службу на Дальнем Востоке

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир взвода 630-го стрелкового полка (388 я стр. див., 15-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) лейтенант С.С. Шахматов со взводом 9.08.1945 г. ворвался на окраину г. Фуян (Китай) и уничтожил два дзота противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

С 1947 г. ст. лейтенант С.С. Шахматов – в запасе. Окончил курсы горных техников. До 1970 г. трудился на различных хозяйственных и административных работах на Ливинских шахтах. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 29.12.1981 г. Похоронен в пос. Линёво Искитимского района.

С.Ф. Швецов

ШВЕЦОВ Степан Фёдорович, родился 22.02.1913 г. в с. Липовка ныне Добровский район Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса. Работал на строительстве Комсомольска-на-Амуре. В Красной армии с июля 1942 г. С этого же времени в действующей армии.

Командир орудия 87-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона (81-я гв. стр. див., 7-я гв. армия, Степной фронт) гвардии старшина С.Ф. Швецов в числе первых 25.09.1943 г. в районе с. Бородаевка (Верхнеднепровский р-н Днепропетровская обл.) форсировал Днепр и участвовал в захвате и расширении плацдарма, уничтожив несколько огневых точек противника. 7.10 заменил выбывшего из строя командира батареи. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1943 г.

После войны демобилизован. Жил в г. Мичуринск Тамбовской обл. Работал в Заворонежском лесничестве. Награждён орденом Ленина, медалями.

Умер 28.01.1975 г. В Мичуринске установлена мемориальная доска.

В.Г. Шелест

ШЕЛЕСТ Василий Галактионович, родился 3.07.1923 г. в с. Орловка Константиновского района Амурской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал слесарем, затем токарем на хабаровском заводе «Дальди-зель». В Красной армии с марта 1942 г. Окончил Хабаровское пулемётно-миномётное училище в 1943 г.

В действующей армии с августа 1943 г. Командир пулемётного взвода мотострелкового батальона 53-й гвардейской танковой бригады (6-й гв. танк. корпус, 3-я гв. танк. армия, Воронежский фронт), канд. в члены ВКП(б), гвардии мл. лейтенант В.Г. Шелест в первом эшелоне бригады со взводом 23.09.1943 г. форсировал Днепр в районе с. Григоровка (Каневский район Черкасская обл.). Взвод обеспечил переправу батальона, отражая ожесточённые контратаки противника. 3.10.1943 г. в бою

за с. Григоровка погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 3.06.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., медалью.

Похоронен в братской могиле в с. Григоровка. Именем Героя названы Хабаровское профтехучилище № 4, лучшая комсомольско-молодёжная бригада завода «Дальдизель», улица в Хабаровске. В инструментальном цехе завода «Дальдизель» установлена мемориальная доска.

П.С. Шемендюк

ШЕМЕНДЮК Пётр Семёнович, родился 29.06.1916 г. в с. Липняжка ныне Добровеличковского района Кировоградской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил Одесское строительное училище. Работал плотником в г. Комсомольск-на-Амуре. В Красной армии с 1938 г. В 1940 г. окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Заместитель командира эскадрильи 157-го истребительного авиационного полка (273-я истр. авиац. див., 5-й истр. авиац. корпус, 16-я возд. армия, Центральный фронт) ст. лейтенант П.С. Шемендюк к июню 1943 г. совершил 261 боевой вылет, в 40 воздушных боях лично сбил 13 и в группе – шесть самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.08.1943 г.

С 1946 г. майор П.С. Шемендюк – в отставке, жил в г. Херсон. Работал директором Музея истории комсомола Херсонщины. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 ст., медалями.

Умер 19.07.2001 г.

П.С. Шитов

ШИТОВ Павел Степанович, родился 6.11.1916 г. в с. Трубило ныне Буйского района Костромской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). В 1932 г. переехал в г. Спасск Приморского края. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командир орудия 1076-го стрелкового полка (314-я стр. див., Ленинградский фронт) ст. сержант П.С. Шитов в бою за дер. Заречье (Кингисеппский район Ленинградская обл.) 31.01.1944 г., замаскировав орудие в сарае, огнём поддерживал свою пехоту, отражавшую контратаку противника. Обнаружив его, гитлеровцы подожгли сарай. Отважный воин продолжал вести огонь до последнего снаряда. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, медалью.

Похоронен в дер. Красный Партизан Кингисеппского района. В г. Кингисепп установлена мемориальная доска.

ШТЕРН Григорий Михайлович, родился 6.08.1900 г. в местечке Смела, ныне город Черкасской области, в семье врача. Еврей. Член РКП(б) с 1919 г. Образование среднее. В Красной армии с 1919 г. В Гражданскую войну – военком полка и бригады. Окончил курсы усовершенствования высшего начсостава

Г.М. Штерн

при Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1926 г. и Восточный факультет той же академии в 1929 г. В 1929–1936 гг. состоял в распоряжении народного комиссара по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилова (с 1934 г. – нарком обороны СССР). В 1937–1938 гг. под фамилией «Григорович» являлся главным военным советником при республиканском правительстве во время Гражданской войны в Испании.

С мая 1938 г. начальник штаба Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии, руководил боевыми действиями войск в районе оз. Хасан в 1938 г. Командовал 1-й отдельной Краснознамённой армией. В 1939 г. возглавлял фронтовое управление, координировавшее действия советских и монгольских войск во время боёв на р. Халхин-Гол.

За героизм и мужество, проявленные в боях с японскими захватчиками, 29.08.1939 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время советско-финляндской войны 1939–1940 г. командовал 8-й армией Северной Карелии. В январе – апреле 1941 г. генерал-полковник Г.М. Штерн – командующий Дальневосточным фронтом, затем начальник Главного управления ПВО НКО. Член ЦК ВКП(б) в 1939–1941 гг. Депутат. Верховного Совета СССР 1-го созыва. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью. Необоснованно репрессирован.

Погиб 28.10.1941 г. Реабилитирован 25.08.1954 г. Похоронен в Москве.

А.А. Шумейко

ШУМЕЙКО Авксентий Андреевич, родился 1.01.1908 г. в с. Стретенка ныне Дальнереченского района Приморского края в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б) с 1931 г. Учился в сельской школе. В 1919–1922 гг. участвовал в Гражданской войне на Дальнем Востоке будучи воспитанником партизанского отряда. После Гражданской войны работал в органах ВЧК на ст. Иман, шахтёром и токарем в Уссурийске. Окончил рабфак. В Красной армии в 1929–1935 гг. и с 1941 г. Участвовал в боях на КВЖД в 1929 г. Окончил Ейскую военно-авиационную школу лётчиков в 1933 г. Работал пилотом в Гражданском воздушном флоте.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Заместитель командира 12-го бомбардировочного авиационного полка (334-я бомб. авиац. див., 13-я возд. армия, Ленинградский фронт) майор А.А. Шумейко отличился 9.06.1944 г. при бомбардировке воинских эшелонов и узлов сопротивления противника на Карельском перешейке. 10.06.1944 г. в районе Большое Калелово погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 2.08.1944 г. посмертно. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени.

ШУТОВ Петр Иванович, родился 24.01.1905 г. в с. Ильинское ныне Слободского района Кировской области в семье крестьянина. Русский Член ВКП(б) с 1946 г. Окончил школу учителей

П.И. Шутов

и совпартшколу. Работал учителем в начальной школе, рабочим на Березниковском химкомбинате. В Красной армии с 1927 г. Экстерном сдал экзамены за курс Казанской военной школы в 1931 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Заместитель командира 138-го стрелкового полка (101-я стр. див., 2-й Дальневосточный фронт) майор П.И. Шутов отличился при освобождении Курильских островов. 18.08.1945 г. отряд захвата берега под его командованием, сломив ожесточённое сопротивление противника, высадился на о-ве Шумшу в районе мыса Кокутан-Саки и обеспечил условия для высадки передового десанта. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1946 г. окончил курсы «Выстрел». С 1953 г. подполковник П.И. Шутов – в запасе. Жил в Москве. Награждён тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Умер 25.07.1982 г. Почётный гражданин г. Северо-Курильск. Имя Героя носят улица этого города и Ильинская школа.

Г.И. Щедрин

ЩЕДРИН Григорий Иванович, родился 1.12.1912 г. в г. Туапсе ныне Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1939 г. Окончил Херсонский морской техникум в 1932 г. Работал ст. помощником капитана теплохода. В ВМФ с 1934 г. Окончил в 1937 г. командный класс учебного отряда подводного плавания. Служил на подводных лодках Тихоокеанского флота. В 1942–1943 гг. участвовал в переходе подводных лодок с Тихоокеанского на Северный флот.

В боях Великой Отечественной войны с марта 1943 г. командир подводной лодки «С-56» 2-го дивизиона бригады подводных лодок (Северный флот) капитан 2-го ранга Г.И. Щедрин к августу 1944 г. совершил 8 боевых походов. Потопил три транспорта, два танкера, эскадренный миноносец, два сторожевых корабля противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 5.11.1944 г.

В 1948 г. окончил академические курсы при Военно-морской академии, в 1954 г. – Военную академию Генштаба. Был командиром военно-морской базы, гл. редактором журнала «Морской сборник». С 1973 г. вице-адмирал Г.И. Щедрин – в отставке. Жил в Москве. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Нахимова 2 ст., Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. Почётный гражданин г. Туапсе, почётный курсант Херсонского мореходного училища, почётный член экипажа ряда судов Министерства морского флота.

Умер 7.01.1995 г.

УДИН Сергей Тимофеевич, родился 6.08.1916 г. в с. Новоромановка ныне Сандыктауского района Акмолинской области Республики Казахстан в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1945 г. Окончил 7 классов. Работал слесарем на сахарном заводе, затем в лесхозе. В Красной армии с октября 1937 г.

С.Т. Юдин

Участвовал в боях на оз. Хасан в 1938 г. Окончил в 1939 г. курсы мл. лейтенантов.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир роты 157-го стрелкового полка (79-я стр. див., 16-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) ст. лейтенант С.Т. Юдин особо отличился 14.08.1945 г. при овладении Котонским (Харамитогским) укрепленным районом противника (Южный Сахалин). Рота захватила три дота, разгромила превосходящие силы противника. В бою С.Т. Юдин был ранен, но оставался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

В 1946 г. окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1953 г. подполковник С.Т. Юдин – в запасе. Жил в г. Черкассы. Работал на консервном комбинате. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. Умер 21.12.1983 г.

И.С. Юмашев

ЮМАШЕВ Иван Степанович, родился 9.10.1895 г. в Тбилиси в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1918 г. Окончил реальное училище. С 1912 г. служил на Балтийском флоте. В ВМФ с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1925 г. окончил специальные курсы командного состава флота, в 1932 г. тактические курсы командиров кораблей при Военно-морской академии. Командовал дивизионом эсминцев, бригадой крейсеров, был начальником штаба флота, командующим Черноморским флотом.

В 1939–1947 гг. командовал Тихоокеанским флотом, который в период советско-японской войны 1945 г. содействовал войскам 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в разгроме войск Квантунской армии, освобождении Северной Кореи, Южного Сахалина, Курильских о-вов. 14.09.1945 г. за умелое руководство флотом и проявленные при этом мужество и героизм адмиралу (1943 г.) И.С. Юмашеву присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1947 г. заместитель министра Вооружённых Сил СССР, главнокомандующий ВМС. В 1950–1951 гг. – министр Военно-морского министерства СССР. В 1951–1957 гг. начальник Военно-морской ордена Ленина академии им. К.Е. Ворошилова. С 1957 г. – в отставке.

Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1941–1956 гг. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Награжден шестью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями, иностранными орденами.

Умер 2.09.1972 г. Похоронен в Ленинграде. Его именем названы большой противолодочный корабль, улицы во Владивостоке и Севастополе.

ЮНИН Иван Михайлович, родился 10.10.1910 г. в с. Леденгское, ныне Бабушкино Бабушкинского района Вологодской области, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1941 г.. Окончил 7 классов, курсы лесного хозяйства. Работал в Междуреченском леспромхозе. В Красной армии с 1933 г. Окончил Владивостокское военное пехотное училище в 1938 г.

И.М. Юнин

На фронте в Великую Отечественную войну с октября 1941 г. Командир батальона 646-го стрелкового полка (152-я стр. див., 46-я армия, 3-й Украинский фронт) капитан И.М. Юнин отличился при форсировании Днепра в районе с. Диевка (ныне в черте г. Днепропетровск). 23–25.10.1943 г. его батальон, форсировав Днепр, успешно отразил несколько контратак противника и, перейдя в наступление, захватил железнодорожный вокзал Днепропетровска. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.11.1943 г.

С 1946 г. майор И.М. Юнин – в запасе. Жил в Ворошиловграде, работал директором фабрики и на других административно-хозяйственных должностях. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, медалями.

Умер 11.0.1958 г.

И.И. Юрков

ЮРКОВ Иван Иванович, родился 6.01.1924 г. в с. Сиваковка Хорольского района Приморского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Образование среднее. В Красной армии с августа 1942 г.

В боях Великой Отечественной войны с января 1943 г. Командир отделения автоматчиков 34-й гвардейской мотострелковой бригады (12-й гв. танк. корпус, 2-я гв. танк. армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии старшина И.И. Юрков неоднократно участвовал в разведпоисках, захватил четверых контрольных пленных. 28.07.1944 г. во главе небольшой группы бойцов в боях на подступах к Варшаве пленил 24 солдат и офицеров противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

После демобилизации вернулся на родину. Награждён орденами Ленина, Славы 3 ст., медалями.

Умер 31.05.1946 г. Имя Героя присвоено Сиваковской средней школе и улице в с. Хороль.

Н.К. Якимович

ЯКИМОВИЧ Николай Кондратьевич, родился 3.03.1919 г. в с. Полтавка, ныне посёлок Октябрьского района Приморского края, в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1947 г. Окончил 2 курса педучилища, работал учителем начальных классов, затем токарем в Уссурийске. В Красной армии с 1939 г.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Окончил Саратовское танковое училище в 1943 г. Командир танкового взвода 181-й танковой бригады (18-й танк. корпус, 53-я армия, 2-й Украинский фронт) мл. лейтенант Н.К. Якимович, прорвавшись на танке 8.10.1944 г. в район переправы противника через р. Тиса северо-западнее г. Сентеш (Венгрия), в течение нескольких часов отражал ожесточённые атаки противника, стремившегося обеспечить отход своих колонн через Тису. Было уничтожено три вражеских танка, пять орудий, 12 автомашин, значительное количество живой силы. В этом бою Н.К. Якимович был тяжело ранен. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945 г.

С 1946 г. лейтенант Н.К. Якимович – в запасе. Жил в Уссурийске. В 1952 окончил Приморскую краевую партийную школу.

Работал в строительных организациях. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 12.02.2002 г. Похоронен в почётном секторе городского кладбища (ул. Русская) г. Уссурийска.

Имя Н.К. Якимовича носит одна из улиц Уссурийска

И.М. Якубин

ЯКУБИН Иван Максимович, родился 23.03.1916 г. на хуторе Северо-Кубанский ныне Тбилисского района Краснодарского края. Русский. В Красной армии и на фронте с августа 1941 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир отделения 132-го моторизованного штурмового инженерно-сапёрного батальона (15-я армия, 2-й Дальневосточный фронт), комсомолец, ст. сержант И.М. Якубин 13.08.1945 г. при блокировке штурмовой группой одного из крупнейших дотов Фуцзиньского укрепленного района, спасая жизнь офицера, погиб в рукопашной схватке. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалями.

Похоронен в г. Фуцзинь (КНР). Его именем в станице Тбилисская названы улица, средняя общеобразовательная школа.

М.Е. Янко

ЯНКО Михаил Егорович, родился 18.08.1922 г. в с. Всеволодка ныне Северо-Казахстанской области Казахстана. Русский. Окончил 10 классов. В ВМФ с 1940 г. Окончил Военно-морское авиационное училище в 1944 г. Служил в авиации Тихоокеанского флота.

Участник советско-японской войны 1945 г. Командир звена 37-го штурмового авиационного полка (12-я штурмовой авиационной див., ВВС Тихоокеанского флота), комсомолец, мл. лейтенант М.Е. Янко совершил три боевых вылета. Участвовал в подавлении зенитных батарей противника, нанесении ударов по его транспортам. При налёте на порт Расин (Нанчжин, КНР) 14.08.1945 г. его самолёт был подбит. Лётчик направил горящую машину на вражеский транспорт и взорвал его. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г. посмертно. Награждён орденом Ленина, медалью.

Именем Героя названы улицы во Владивостоке и в с. Володарское, судно Министерства рыбного хозяйства.

А.С. Яровой

ЯРОВОЙ Артемий Сергеевич, родился 2.11.1908 г. в с. Петровици, ныне посёлок Хорольского района Приморского края, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. Окончил 5 классов. Работал на строительстве Приханкайской железнодорожной линии, шахтёром на Артёмовском руднике, милиционером во Владивостоке. В Красной армии с 1930 г. Служил в пограничных войсках. Окончил Саратовскую пограничную школу НКВД в 1934 г., курсы «Выстрел» в 1942 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Батальон 214-го стрелкового полка (12-я стр. див., 2-я армия, 2-й Дальневосточный фронт) под командованием капитана А.С. Ярового 9.08.1945 г. форсировал р. Амур, освободил города Цике

и Сюнхэ (КНР). В бою за Мананьтуньский узел сопротивления А.С. Яровой лично возглавлял атаки. Будучи ранен, остался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 8.09.1945 г.

С 1957 г. полковник А.С. Яровой – в запасе. Жил в Москве. В 1959–1979 гг. работал в системе гражданской обороны. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер 21.08.1994 г.

И.М. Яроцкий

ЯРОЦКИЙ Иван Михайлович, родился 18.06.1916 г. в с. Подгорное ныне Кокпектинского района Восточно-Казахстанской области Казахстана в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов. Работал бригадиром тракторной бригады в Краснопартизанской МТС. В Красной армии с 1937 г. Участвовал в боях на оз. Хасан в 1938 г. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1939 г.

Участник советско-японской войны 1945 г. Рота автоматчиков 390-го батальона морской пехоты (13-я бригада мор. пехоты, Тихоокеанский флот) под командованием ст. лейтенанта И.М. Яроцкого 13.08.1945 г. совместно со 140-м разведывательным отрядом высадилась в тылу японских войск в порту Сейсин (Чхончжин, КНДР). В ходе боя И.М. Яроцкий был трижды ранен, но остался в строю и руководил действиями десанта до подхода основных сил. Звание Героя Советского Союза присвоено 14.09.1945 г.

После войны продолжал службу в Вооружённых силах. С 1971 г. подполковник И.М. Яроцкий – в запасе. Жил в г. Пушкин Ленинградского горсовета. Работал в учебных мастерских. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Полковник в отставке И.М. Яроцкий умер 25.07.1980 г.

Г.Е. Ячменёв

ЯЧМЕНЁВ Григорий Егорович, родился 9.01.1915 г. в дер. Мосина ныне Каменского района Свердловской области в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса. Был рабочим на руднике в г. Асбест, плотником в г. Комсомольск-на-Амуре, работал в Боготольском леспромхозе Красноярского края. В Красной армии с 1942 г.

На фронтах в Великой Отечественной войне с 1942 г. Командир миномётного расчёта 69-й механизированной бригады (9-й мех. корпус, 3-я гв. танк. армия, Воронежский фронт) рядовой Г.Е. Ячменёв при форсировании Днепра в районе с. Трахтемиров (Каневский район Черкасская обл.) 25.09.1943 г. первым из миномётчиков батальона на плоту под огнём противника переправил на плацдарм миномёт и боеприпасы. Был ранен и контужен, но оставался в строю. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.11.1943 г.

В 1944 г. демобилизован по ранению. Работал в Боготольском лесничестве. Жил в Красноярске. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Умер в 1991 г.

В.Н. Яшин

ЯШИН Виктор Николаевич, родился 29.01.1922 г. в Хабаровске в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1943 г. Окончил 7 классов и школу ФЗУ, работал токарем на машиностроительном заводе в г. Мытищи Московской области. Там же окончил аэроклуб. В Красной армии с 1938 г. Окончил Качинскую военную авиационную школу пилотов в 1940 г.

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Командир эскадрильи 133-го истребительного авиационного полка (234-я истр. авиац. див., 6-й истр. авиац. корпус, 16-я возд. армия, 1-й Белорусский фронт) капитан В.Н. Яшин к августу 1944 г. совершил 184 боевых вылета, в 42 воздушных боях лично сбил 16 самолётов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 г.

В 1946 г. окончил Липецкую высшую офицерскую лётно-тактическую школу ВВС. С 1949 г. – в запасе. Жил в г. Улан-Удэ, Бурятия. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, медалями.

Умер 28.10.1952 г.

Источники

1. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь в двух томах. Т. 1. Абаев – Любичев. М.: Воениздат, 1987. 909 с.
2. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2. Любков – Ящук / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. – М.: Воениздат, 1988. – 863 с.
3. Золотые звезды Приморья: [Сборник / авт.-сост. К.П. Прохоцкий]. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1983. 256 с.
4. Подвиги их бессмертны: хабаровчане – Герои Сов. Союза: сборник / сост. К.П. Прохоцкий. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1975. 319 с.
5. Подвиги их бессмертны: рассказ о Героях Сов. Союза, получивших это звание за подвиги в Великой Отеч. войне, которые родились, работали или служили в Хабаров. крае. [Сборник / сост. К.П. Прохоцкий, Ю.Л. Яхнин; предисл. В. Петрова]. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. 224 с.

Именной указатель

А

Абакумов В.С. 672, 687
Абанькин П.С. 551
Абрамски Ч. 25
Абрахам П. 403
Авдеева Н.А. 374, 376
Автоль А. 446
Агапов Н. 139
Агдумсала Александра
(дочь) 456
Агдумсала Григорий (сын)
456
Агдумсала Датку (жена)
456
Агдумсала Т. 456
Агеева М.А. 377
Агишев Р. 402
Агранян С. 408
Адабовская Е.В. 376
Адако П.Г. 466, 470
Адамчик К.А. 374
Адуканов 442
Адуканов С. 478
Адуканов В.К. 448
Адян И. 472
Азаров В.С. 401, 403
Азелицкий Д.Д. 592
Айвангу 453
Акайкин М.А. 374, 376, 377
Акикуса Ш. 497, 676
Акимов И.Н. 303,
Акира Ириэ 27
Акосек 476
Аксёнов Г.Ф. 112
Актанка П.Т. 469
Актанка Т. 471
Актанко Т. 466
Акулов А.А. 19, 20
Акунка 471
Акунка Н. 465, 472
Акунка П. 468, 472
Акунка Т.П. 466, 469, 472
Акунка Г.А. 469
Акшинский В.С. 14
Алабин Г. 405
Аладьин В.В. 20,
Алафузов В.А. 551
Александров А. 408

Александров М.Н. 592
Александров Н.Ф. 446
Алексахин 233,
Алексеев А. 403
Алексеев А.М. 226
Алексеев А.Н. 593
Алексеев П. 402, 478
Алексий (Симанский) 412,
417
Аллахвердов М.А. 498
Алов И.А. 372
Алтунин Е.В. 16
Амагачан К. 466
Аmano И. 678
Амосов Г. 467, 468, 471
Анавтагин 462
Ангин М.Л. 472, 478
Андига А.В. 472
Андреев 233
Андреев А.А. 109, 209
Андреев И.С. 139
Андреев В.А. 551, 659
Андреев М.Н. 469
Андреева А.Н. 638
Аниган Ф. 449
Аникин А.Г. 388
Анисимов 534, 564
Анисков В.Т. 13
Антонов А.И. 89, 90, 108,
677
Антонов Н.В. 551, 653, 655
Антошенков Г. 402
Апанасенко И.Р. 59, 495,
550, 580, 597
Аптекарев И. 407
Арапов М.И. 551
Арго А. 408
Ардентова М.Д. 374
Аржанов И.С. 469
Аристов В.М. 374
Армстронг Т. 24
Арнович Б. 25,
Арнольд Г.А. 374
Артамонов 666
Артёменко И.Т. 656, 676
Артёмов А. 393, 397
Артюх Н.Б. 226, 229
Артюх С.П. 414

Аруев В. 466
Арутюнян Ю.В. 13
Асада С. 676
Асано 641, 642, 643
Асано Макото 618
Асаэда С. 498
Аткун А. 469, 471
Атлонова Р.Л. 18
Аттуги-Танле 462
Ауканка В. 472
Ауканка С. 472
Аурилене Е.Е. 18,
Афанасьев А.И. 135
Афанасьев А.А. 227
Афанасьев Вяч. 393, 397
Афанасьев И.И. 278
Ацуси Кокэцу 27
Аюшин В.Н. 386
Айявач 467

Б

Бабиевский М.С. 226
Бабич И.Я. 672
Бабкин И.Г. 420
Бабковский С.А. 377
Бадигин К.С. 226
Баенко Н. 138
Байков И.И. 551
Байков З.И. 565
Бакаев Ю.Н. 19
Бакшеев А.П. 497, 636
Бакшеева Е.Б. 19
Бакшутлов С.Н. 17, 19
Балакшин П.П. 26
Балдин С.С. 19
Балицкий В.Г. 18
Бальзак О. 404
Банкович В.М. 225
Барабанов М.Н. 376
Барабаш А.А. 521, 525
Бараболько 658
Баранников И.Г. 478
Баранчеев 390
Барбачков А.И. 565
Бардин И.П. 384
Барек 448
Баринов И.Ф. 593
Барнхарт М.А. 23
Баскаков Н. 398, 400

- Баскаков Т. 471
 Баталин А.М. 388
 Батицкий П.Ф. 57
 Батум К. 468, 472
 Батум Т. 472
 Батюк Н.Ф. 134
 Бауман Ф.М. 568
 Бацаев И.Д. 15
 Башкиров К.А. 386, 390
 Башутский А.В. 374
 Бегильдеев А.П. 593
 Бедный Д. 449
 Безверхов Я.П. 133
 Безносиков П.С. 307
 Безродный В.В. 398
 Беккерев А. 442, 471
 Белковский К.Д. 137
 Белобородов А.П. 133
 Белов 536,
 Белов Н.П. 691
 Белова Е.В. 376
 Белозёров И.А. 223
 Белошапкин Г.С. 229
 Бельды 465
 Бельды М. 18
 Бельды Н. 449, 469
 Бельды С. 468
 Бельды Т. 466
 Бельды А. 471
 Бельды Б.Д. 469
 Бельды И.А. 469
 Бельды Л. 502
 Бельды Ф. 471
 Беляев А.А. 13
 Беляев Б.Л. 376
 Беляева Н.А. 17
 Бенедиктов И.А. 209
 Бентхен П.П. 383
 Бенько А.В. 17
 Берёзкина Н.И. 19
 Берестенко Н.В. 17
 Берзарин Н.Э. 135
 Берия Л.П. 108, 109, 240,
 249, 494, 495, 501
 Бетин В.В. 563
 Бибииков Г. 392
 Бивербрук У.М. 83
 Бикенин З.К. 228
 Бикс Г. 23
 Бинюков И. 139
 Бирнс Дж. 22
 Бирюлин Г.М. 563
 Бисянка И. 472
 Блантер М. 403
 Блинов А.А. 232
 Блощаненко А.Ф. 113, 414
 Бобков Б.Н. 672
 Бобковский С.А. 374, 388
 Бобров С.Н. 388
 Бога Б.Н. 464
 Богаевский В.Г. 388
 Богачёв П.Я. 691
 Богданов С.А. 19
 Богдашевский Н.Е. 278
 Богденко В.Л. 551
 Богомоллов Д.В. 55
 Богомоллов Б.Т. 224
 Божек Н.А. 234
 Боженко П.В. 20
 Божок И.Е. 141
 Бойко И.Ф. и А.Л. (супруги)
 138, 275
 Бойль П. 25
 Болдухинов А.Ф. 447
 Болдырев 230
 Болдырев А.К. 260
 Болен Ч. 22, 465, 645
 Болховитинов Д.Е. 691
 Бондарь Г.В. 142
 Бордюгов И.А. 523
 Борисов В.А. 135
 Борисов Т. 393
 Борков Г.А. 117, 416, 679
 Боровик Н.К. 691
 Бородин А. 409
 Бочек А.П. 226
 Бочков В. 249
 Боякова С.И. 16
 Боян А.Ф. 464
 Боярская П.Н. 17
 Брант А.Л. 372
 Бриан А. 73
 Бринько 135
 Бричалов И.С. 445
 Бровкин Ф. 393
 Бруштейн А. 406
 Брэдли Дж. Х. 24
 Бубнов В.К. 559
 Бугреев В.И. 20
 Бугрименко С.Г. 376
 Будённый Г. 408
 Будённый С.М. 108
 Будников 536
 Бузданов В.Д. 223
 Буков С. 466
 Буковский Б.И. 565
 Булганин Н.А. 108
 Булгарова В.Т. 520
 Булдакова В.Г. 18
 Булычев А.П. 138
 Бунин В. 406
 Бурлаков Н.В. 234
 Буров Ф.И. 521
 Бурый В.А. 19
 Бушуева М.И. 374, 376
 Буяков А.М. 17
 Быков В.Т. 374, 376, 388
 Быков А.И. 232
 Быков Г.Г. 521, 523, 527
 Бырдин Е.В. 374
 Быцек А.Н. 565
 Бычкова В.Ф. 328
 Бьюэлл Б.Т. 24
 Бэй Ян 59

В

 Вада Х. 25
 Вайнберг Г. 25
 Вакамацу В. 691,
 Вальдее Б.К. 684
 Вальдю 454,
 Вальдю Т. 466
 Вальдю И. 457
 Ван Б. 468
 Ван Дэтай 59
 Ван Мингуй 59, 61
 Ван Сяомин 61
 Ван Цзинвэй 74
 Ван Чжунхай 55
 Ванников Б.Л. 197
 Вареник В.С. 563
 Варрен Р. 467
 Варфоломей (архиепископ
 Новосибирский и Барна-
 ульский) 413, 416
 Варшавский А.В. 679
 Василевский А.В. 91, 108
 Василевский А. 656

- Василевский А.М. 645, 650, 658, 677
 Васильева Е.В.
 Васильева Г.П. 19, 527
 Васьковский А.П. 260
 Вахов А. 402
 Вдовченко Л. 221
 Веденский Е.В. 229
 Вейнберг Р. 25
 Вербовой А.О. 20
 Вергун К. 471
 Верёвкин Николай 465
 Верёвкин Степан 465
 Веремеенко 233
 Вершинин А. 471
 Виктор (Святин) архиепископ 416, 417
 Вилков Н. 661
 Вильчинский Р.В. 374
 Вилюга А.Г. 667
 Виник 684
 Виниченко И.М. 536
 Виноградов В.И. 650
 Виноградов И.И. 134
 Винокуров М. 471
 Виталий (Введенский) митрополит 414
 Вичикова Л.П. 563
 Вишневский Н.В. 18
 Вишневский Вс. 401, 403
 Власов С.А. 17
 Власов Ф.К. 376
 Власов П.Г. 385
 Власьевский Л.Ф. 636, 678
 Внотченко Л.Н. 14
 Вогзыбина Г.Д. 18
 Водынин А. 661
 Вознесенский А.Н. 578
 Вознесенский Н.А. 108, 109
 Войнич Л.В. 521
 Войнич Э. 404
 Войцехович Г.А. 234
 Волегов И.Д. 224
 Воликов М.Е. 248
 Волчков 233
 Вольф В. 403
 Вольф Ф. 405
 Воривода К.М. 386
 Воробьев Д.П. 384
 Воробьев И.Г. 691
 Воронаев Е.И. 411
 Воронин В.И. 565
 Воронов М.А. 558
 Воронченко 560
 Ворошилов К.Е. 57, 108, 109, 122
 Ворошилов С.М. 592
 Ворошпин Л.П. 565
 Воскобойников С.Е. 229
 Вострикова А.А. 13
 Вуквол 478
 Вуквукай С.И. 453
 Вульф Л. 26
 Вутыльхин 453
 Высоцкий В. 397, 400, 401
 Выходзь Д.И. 522
 Выхтун В.А. 471
 Вышинский А.Я. 687, 690
 Вэй Чэньминь 59
- Г**
- Гавлин В. 471
 Гаврилов В. 20, 226
 Гаврилов И.Г. 226
 Гаджиев М.И. 135
 Гай А. 396, 408
 Гайдук И.И. 523
 Галаницкий А. 376
 Галкин А.Г. 530
 Гамаюнова Е.А. 384, 389
 Гапоненко Б.П. 563
 Гарбузов И.П. 374
 Гарднер Л. 23, 25
 Гарнык В.К. 680
 Гарриман А. 22, 83, 88, 91, 645,
 Гвишиани М.М. 495, 530
 Гегешидзе А.С. 135
 Гейкер 465
 Гейкер З. 466
 Гейкер П. 445
 Гельфонд Г.М. 14
 Гелюта З.А. 414, 415
 Георгиевская В. 404
 Герасимов С. 405
 Гераськов 560
 Герман Ю. 402
 Гилканов В. 447
 Гитлер А. 80, 122, 124, 126,
 497
 Гладышева Л.С. 522
 Глазунов И.Л. 15
 Глантц Д. 24
 Глинка М. 409
 Глотов Н.И. 135
 Глушин Н.П. 139
 Глущенко Л.П. 135
 Гнатовская Е.Н. 17
 Гнедич Н. 402
 Гнечко А.Р. 660
 Гоглидзе С.А. 495, 530
 Гоголев Н.А. 13
 Годяев П. 467
 Голенченко 390
 Голованов А.И. 593
 Головатый Ф. 447
 Головатый Ф.П. 138
 Головина В.В. 521
 Головкин И.А. 523
 Головня Е.И. 558
 Головня Н. 409
 Головчинер В. 401, 402, 404
 Голубев В.П. 17
 Голунский С.А. 687
 Гольдони К. 404
 Гонсировский А.А. 565
 Гончарук К.Д. 563
 Гопкинс Г. 22, 82, 92
 Горбатов С. 392
 Горбачев И.В. 374, 388
 Горбунов А.И. 558
 Горбунов С.В. 18
 Горбунов И. 397, 398, 399, 400,
 Гордеев Н.В. 20,
 Гордеев В.Д. 388
 Гордиенко С.Г. 374
 Горелик В.С. 374
 Горинский Б. 665
 Горкин А.Ф. 109
 Горлач Б.Т. 401
 Горький М. 402, 403, 404
 Горящая 418
 Грант Б. 25
 Грачев А.В. 16, 17, 19
 Гребенников Б.М. 417
 Гребенщиков 230
 Гребнер Г. 403

- Грегори П. 26
 Грецова Т.М. 563
 Гречко 230
 Грибин В.П. 229
 Григорьев В.Ф. 372
 Григорьев С.Г. 376
 Григорьев Г.А. 419
 Гресс Е. 24
 Громов В.А. 467
 Громов С.М. 467
 Громов В. 471
 Грустная А.В. 374
 Грязнова Г.А. 520
 Губкин Г. 596
 Губкин Г.Н. 135
 Гуйшэн Чжу 28
 Гуменок Ф.И. 19
 Гумилев Дж. 24
 Гурбан Н.Я. 20
 Гурвич И. 25
 Гуринов И. 466
 Гурьева А.Д. 418
 Гусаревич С.Д. 14
 Гусев В. 405
 Гусева А.П. 521
 Гусевская Е.П. 371
 Гусинский Б.И. 14
 Гутникова З.Н. 384
 Гуторов 447
 Гутчесон 470
 Гутчесон И.Н. 469, 470
 Гушин А.М. 551
 Гэддис Дж. 25
 Гэннон Р. 23
 Гюго В. 403
- Д**
 Давыдов Б.В. 558
 Далл П. 24, 25
 Даллек Р. 23
 Даллес А. 22, 506
 Данилевский В. 392
 Данченко М.Я. 536
 Дарси Ж. 24
 Дашкевич А. 398, 400
 Двинский П.А. 209
 Деканозов В.Г. 687
 Деладьё 7
 Дель Д.
 Демидов А.А. 224, 226
- Дёмин Н.Ф. 593
 Денисин А.З. 672
 Денисов К.С. 17
 Денисов Р.П. 19
 Денисова С.Е. 374
 Деревянко А.Н. 70
 Деревянко К.Н. 696
 Державин П.И. 135
 Деркунский 233
 Дерябин А. 393
 Дечули А.Ф. 472
 Дечули М. 466, 469
 Дечули П.Н. 472
 Дечули А. 478
 Дешко Л. 398, 399
 Джандиери А.Е. 521
 Дивайн Р. 23
 Дигор 465, 467
 Дигор И. 466, 470
 Диковский С. 397
 Дикопольцев Е. 372
 Дилкс Д. 25
 Дин Дж. Р. 22, 83, 84, 87, 88, 88, 89, 90, 91, 645
 Диодоров Д. 446
 Дмитриев 560
 Дмитриенко В.И. 385
 Добрюк К.И. 13
 Довгаль Г.Г. 17
 Догончин В. 478
 Доихара К. 689
 Долгих И.И. 530, 688
 Долматовский Е. 468
 Домашенкина Г.П. 374
 Домбровский Р.Я. 374
 Донкан А. 466
 Доржеева В.В. 18
 Доценко (супруги) 138
 Доценко А.Н. 226
 Драбкин Е.И. 272
 Драги А.А. 388
 Дракохруст А. 397
 Древель В.Р. 371
 Дрейер Е.П. 521
 Дригоде А.Е. 563
 Дуан Н.П. 472
 Дубинский А.М. 71
 Дубовой П.А. 228
 Дубровин П.П. 565
- Дубровский 667
 Дувалкин И.Ф. 413
 Дуван Г.Д. 472
 Дуван И. 457
 Дударёнок С.М. 19
 Дударь Л.А. 17
 Дудник А. 565
 Дукова О.Г. 376
 Дунаевский И. 408, 409
 Духинов В. 466
 Дымник Р. 665
 Дыхно А.М. 389
 Дьячина А. 377
 Дьячков П.П. 457
 Дьячкова А. 446
 Дьячковский Н. 448
 Дьячук И.Л. 225
 Дэбин Ли 30
 Дэван 493
 Дэван (кн.) 647
 Дэль Д. 403
 Дякул И.М. 478
 Дякул Н. 449
 Дякул У. 449
 Дятала А. 471
 Дятала В.Г. 464
 Дяфу М. 466
 Дяфу М.И. 470
- Е**
 Евсеев 684
 Евстафьев П. 398
 Егоров А.Ф. 376
 Ежели У.В. 17
 Еланцев Ф.Е. 467
 Еланцева О.П. 16
 Елкин 230
 Елкин В.Г. 414
 Ёлкин И. 397, 398, 400
 Елков Т. 466
 Емелин П.С. 529
 Емельянов А.М. 558
 Емельянов А.А. 383
 Еминка А. 472
 Емкай 466
 Енли 454
 Еремеев 684
 Ерёменко Е.В. 229
 Ермацанс И.А. 19
 Ёсида Макото

Ефанов А.М. 275
 Ефименко В. 397
 Ефимов А. 560
 Ефимов С.П. 13
 Ефимова А.Я. 563

Ж

Жадан А.В. 17
 Жарных С.П. 685
 Жаткин П. 403
 Жданов А.А. 109
 Жданова Н.Н. 20
 Жданович Ю.А. 565
 Желтоухов Е.Е. 374, 376
 Жигарев П.Ф. 57
 Жирнова Е.Л. 371
 Жолобов В.Т. 372
 Жуков Е.М. 374
 Жуков Г.К. 108, 133
 Жукова Л. 408
 Журомская Л.П. 19
 Жюли Дж. 24

З

Завьялов В. 398, 400
 Загорский А. 21
 Загорулько Е.В. 527
 Задорнов Н. 392, 396
 Заев М.И. 457
 Зайцев 408
 Зайцев Ю.М. 16, 20
 Зайцев В. 134
 Зайцев В.М. 536
 Зайцев Г.Ф. 551
 Зайцев К.А. 229
 Зайцев Л. 393
 Зайцева А.В. 387
 Закиров З.З. 142
 Заколотная А.С. 19
 Закусило А.А. 530
 Замула 233
 Заочный П.А. 467
 Запороцкий С.П. 447
 Заруцкая Е.В. 13
 Зарянов И.М. 687
 Захаркин Ф.Г. 387
 Захаров С.Е. 551
 Зверев А.В. 691
 Зеленин П.В. 672
 Зелинский Е.П. 560

Зеляк В.Г. 15
 Землячка Р.С. 311
 Зенкова Р. 465, 468
 Зиланов В.К. 20
 Зимонин В.П. 20
 Зобов В.В. 592
 Золотницкий В.А. 384, 387
 Золотов В.П. 303
 Золотухин М.И. 231, 684
 Зорге Р. 497
 Зорин Г. 401
 Зубарева А. 404
 Зубов А.И. 383
 Зуев В.Ф. 16
 Зуенко В. 401
 Зырянов И. 398

И

Ибрагимов Я.И. 565
 Иванис А. 13
 Иванов А.С. 19
 Иванов Г.П. 561
 Иванов С. 402
 Иванова А.А. 521
 Иванова М. 416
 Иванченко И. (пресв.) 419
 Иващенко Л.Я. 13, 20
 Игнатюк Н. 371
 Иевлев Н. 134
 Ижевский В.К. 638
 Изотова Е. 221
 Иковав С. 465
 Иконникова Т.Я. 13
 Икроун 449
 Икэда Гэндзи 642
 Илунга М. 468
 Илунга М.С. 472
 Ильин Б.Д. 565
 Ильичёв П. 661
 Ильницкий М.Л. 691
 Ильченко 453
 Ильяшенко П.М. 523, 525
 Иноземцев В. 398
 Интенши Н. 469
 Иоффе А.Ф. 384
 Исаев А.А. 17
 Исаков А.Н. 17, 262
 Исии С. 690, 691, 693
 Истомин В.М. 112, 124
 Истошин Ю.В. 563

Итагаки С. 689
 Иткин Л. 403
 Ича В. 471
 Ищенко Я.Н. 672

Й

Йоанес Р.Х. 24

К

Кабанов С.И. 657
 Кавав М. 465
 Кавасима К. 692, 694
 Кагаёси Тайра 27
 Каганович Л.М. 108, 109
 Кагыкин П.П. 135
 Кадзицука Р. 694
 Кадзу Нагаи 27
 Казьмин Г.Т. 386
 Кайгородов С.М. (он же
 Логинов Г.П., Моисеев
 А.Я.) 504
 Кайдалов В. 398, 400
 Кайке Чэнь 29
 Калаканов А. 478
 Калараш Д.Л. 135
 Карасава Т. 694
 Калачникова Д. 398
 Календзюга С.Ч. 469
 Калескатегин 467
 Калина Н.В. 419
 Калиникова М.И. 376
 Калинин 560
 Калинин М.И. 109
 Калинин Г.А. 565
 Калиновский В.С. 388
 Калмыков 408
 Калыка И.И. 457
 Кальман И. 403
 Калягин А.Я. 57
 Камайн И.К. 471
 Камардина Н.В. 17
 Каменева Н. 221
 Камын 453
 Каниэ Х. 678
 Кант 453
 Канталин 453
 Кантатко 453
 Канчуга 457
 Канчуга Г.К. 469
 Канчуга Д. 466

- Канчуга Е. 465
 Канчуга Н.Г. 469, 478
 Капица П.Л. 384
 Каплин Н. 478
 Кар Э. 26
 Карабут Е. 221
 Карамзины 448
 Карауге 448
 Каращук П.М. 376
 Карпеев И.А. 563
 Карпенко Д.И. 133
 Карпенкова А.И. 138
 Карпов Г.Г. 412, 415
 Карпов М.П. 536
 Касаткина Н.А. 19
 Катаев В. 405
 Каутагин 453
 Кауфман Я. 393
 Кафтанов С.В. 384
 Кахчин 448
 Кац М. 402
 Кацуба Р.К. 371
 Качияни А.И. 389
 Качу В.М. 472
 Каштанова Ю.С. 371
 Каштелян С. 407
 Кваме Нкруме 77
 Кеккетын Кецай 397, 468, 478
 Келетегин 453
 Кельтэ 466
 Кемп П.К. 24
 Кендаку В.В. 447
 Кеннан Дж. 22, 91
 Кергинто 467, 471
 Кергувье 448
 Кехан П.П. 471
 Киви (Щегоцкая) К.И. 374
 Кизеветтер И.В. 386, 389
 Кикенин Н.П. 679
 Кикучи Н. 694
 Киле 465
 Киле П. 466, 502
 Киле А. 449
 Киле Б.Г. 469
 Киле З. 445, 468
 Киле И.С. 470
 Киле Н. 449
 Киле Н.Б. 469
 Киля П.Д. 469
 Ким Ир Сен он же Цзин Жичен 59, 60, 61
 Кимболл У. 22
 Кимонко С.У. 469
 Кимура Х. 27, 689
 Кипкук Е. 449
 Киреев А.И. 560
 Кирияненко А.А. 372
 Киров Н.В. 228
 Кирьянов П.П. 374, 376
 Кислицын В.А. 635, 636
 Кисличко А.С. 18
 Кисов А.И. 135
 Кистан К. 469
 Китадзава Тейдзиро 628
 Китадзава С. 690
 Кихляп Д. 465
 Кишешева А.А. 374
 Кищик Е.В. 19
 Кияв 449
 Клецов П.А. 563
 Климахин Ф.С. 376
 Клишин С.Ф. 13
 Клушин М.П. 223
 Князев П.Г. 558
 Кобаков С. 471
 Кобулов Б.З. 671
 Кобылинский Л.В. 19
 Ковалёв 666
 Ковалёв Л. 134
 Ковалёва 233
 Коваль Ф.А. 565
 Ковальский Д. 406
 Ковтун А.А. 419
 Ковтун А.Д. 17
 Ковтун Ф. 371
 Когановский А.Г. 386
 Когановский С.М. 386
 Козелл М. 398, 400
 Козлов А.Г. 19
 Козловская М.А. 374
 Козырев А.В. 374
 Койфсман У. 371
 Кокай 449
 Кокорин Ф.Ф. 13
 Коларц В. 25
 Колбин Н. 393
 Колесников Б.П. 383, 386
 Колосовский И.И. 229
 Колофидин Н. 402
 Кольнкин И.Т. 135
 Кольцова Н.К. 374
 Комаров В.Л. 383, 384
 Комаров П. 394, 395, 396, 399, 400, 468
 Комбагир С.Н. 466
 Комбс Дж. 24
 Кондо Т. 678
 Кондратьев К.Г. 226
 Кондратюк М.Г. 224
 Конев И.С. 577
 Коневский К.Л. 229
 Конеев А.Н. 20
 Конка В.И. 472
 Конквест Р. 25
 Коновалов П.Ф. 372
 Коноз Ф. 62, 68, 689
 Константинов А.А. 372
 Коньков П.С. 388
 Конюхов И.Е. 275
 Копинка (Сеудинка) Ф. 472
 Кошштейн А. 397
 Корешов Г. 393, 397
 Корнакова-Бринер Е.И. 637
 Корнейчук А. 401, 402, 403, 405
 Коробков А.Н. 419
 Коровин В.С. 374, 377
 Коровин Е. 393
 Коровин И.А. 234
 Королёва В.А. 19
 Королук В.П. 19
 Коростылёв М.А. 13
 Коротков К. 596
 Корэтика Анами 625
 Косицина А.Н. 371
 Косицын В.И. (пресв.) 418
 Космин В.Д. 634
 Коссов Н.Б. 643
 Костанов А.И. 19
 Костелло Дж. 24
 Костиков И.И. 412
 Костин В. 398
 Костина Л.А. 520
 Кострицкий С.П. 658
 Костылев В.В. 374
 Косыгин А.Н. 303, 311,

- Косыгин Ф. 465
 Котляров А. 404
 Котов В.Ф. 551
 Кочегарова Е.Д. 8
 Кочетков А. 403
 Кочубей О.И. 18
 Кошкаров М. 449
 Кошкин А.А. 20
 Кравцов В.С. 13
 Кравцов Л.П. 565
 Кравцов С. 560
 Кравченко Г. 397
 Крамов А.Г. 374
 Краснов В.Н. 16
 Краснова А.В. 13
 Краснова И.В. 16
 Красножен И.Г. 562
 Краснопёров С.П. 229
 Краснополюсовский Н.К. 565
 Краусс М. 403
 Крахмалюк 560
 Крашенов А.И. 522
 Кретинин К.В. 521
 Кривеля И. 560
 Крицберг А. 402
 Крицкий В.С. 19, 20, 229
 Крицкий Н.Н. 15, 17, 229
 Крогиус Ф.И. 386
 Кроль Г.Ф. 568
 Крон А. 401, 403
 Кроули Д. 23
 Крохин Е.М. 386
 Круглов С.Н. 677, 687, 690
 Крылов Ф.И. 568
 Крюков И.В. 19
 Крючков А.И. 592, 593
 Кузменко К.Х. 560
 Кузнецов И.И. 18
 Кузнецов А.В. 376
 Кузнецов Б. 560
 Кузнецов В.В. 303
 Кузнецов Н.Г. 108, 560, 578, 650
 Кузнецов С. 596
 Кузнецов Ф.Ф. 687
 Кузнецов Я.Н. 529
 Кузьмин Д.Н. 563
 Куйсали 449
 Куйсали С.Х. 472
 Куйсали С. 478
 Кукино 454
 Куклин М.А. 581
 Кукуэм 466
 Кукченко Н. 465
 Куликов 374
 Куликов М.С. 374, 376
 Куликов С.И. 137
 Кульбертинов И.Н. 468
 Культин 452
 Культын 442
 Куля В.И. 563
 Кумазака Т. 676
 Куникильто 448
 Куницына Н.И. 520
 Куприенко А. 221
 Куракин В. 400
 Куренцов А.И. 386
 Куренцова Г.Э. 384
 Куриленко Я. 401
 Курилов Н. 277
 Курилов Ф. 138
 Куринов 278
 Курносоев В.А. 419
 Курусима Ю. 694
 Кусаба Т. 688
 Кустов В.И. 372
 Кутузов М.И. 400
 Кухаренко (Сафронова) Н.С. 479
 Куц 535
 Куцый Г.С. 353, 354, 355
 Кучашев В.Ф. 536
 Кучерин К.Е. 565
 Кучеров И.П. 563
 Кучерявенко В. 393
 Кушнарев М.А. 565
 Кырка К. 471
 Кюсиро Кавада 27
 Кюсс М. 409
 Кялундзига Н. 479
 Кялундзюга Т. 468
- Л**
- Лабзин 374
 Лавренёв Б. 402
 Лаврентьев А.В. 16
 Лаврик Л.А. 17
 Лавринойтис И.И. 234
 Ладьков 666
 Лазарева С.И. 18
 Лазоренко А.А. 138
 Лайвокан 467
 Лайнер С.В. 374
 Лакер У. 26
 Ламонт К. 25
 Лапин Б. 397
 Ларин А.Е. 376
 Ларин И.Я. 135
 Ларский А. 405
 Латтимор О. 21
 Латышев И.А. 20
 Лаузган П. 449.
 Лашин Б.П. 593
 Лебедев И.И. 520
 Лебедев-Кумач В. 408
 Левин Н. 25
 Левитин Д. 371
 Левковская А.Ю. 18
 Левченко А.В. 224
 Левченко С.Ф. 415
 Легенченко Н. 181
 Лезгун 478
 Лемешко П.М. 17
 Лемза А.К. 13
 Ленин В.И. 366
 Ленсен Дж.А. 23
 Ленский В. 402
 Леонов В.Н. 657
 Леонов Л. 401, 405, 406
 Леонова Г.Е. 13
 Лермонтов М. 402
 Летувьев Вакчако 457
 Лефлер К.А. 478
 Лиго 446
 Лин Гао 30
 Линденбаум В. 402
 Линденбратен В.Д. 372
 Линдли Ф. 73
 Линник И.П. 139
 Липицкий А.Г. 13
 Липскеров К. 403
 Лисовченко В. 125
 Литвинов Т.Е. 418
 Литтон В. 73
 Лихарев Д.М. 19
 Ли Чжаолинъ 59
 Лобанов П.П. 209
 Лобастов 230

- Логинов А.А. 478
 Логинов Василий 467
 Логинов Д. 468
 Логинов Ф.А. 467, 471
 Логинов А.А. 464
 Лозовский 408
 Лозовский С.А. 65, 80
 Локтионов 123
 Локшин Б.Ш. 260
 Лонгинов П.П. 478
 Лосин 374
 Лотков М. 405
 Лукашева А. 278
 Лукашук Н.М. 416
 Лукин А.П. 593
 Лукин С.Г. 303
 Лукьянов Филипп 465
 Лукьянов К. 478
 Лукьянов Куприян 465
 Лукьянов Ф. 469
 Лукьянцев В.П. 691
 Лулупан 462
 Лутков М.Р. 565
 Лынка Е. 468
 Лынша О.Б. 19
 Лысанская Л.А. 371
 Лысенко О.И. 374, 376
 Лысенко И.Я. 522
 Любимов А.В. 303
 Любимова Б.И. 13
 Любич И.С. 374
 Лялько С.М. 551
 Лянглун Жао 31
 Ляпунов Д.М. 472
 Ляпунов П.Д. 472
 Ляпустин С.Н. 17
 Ляскина Н.В. 17
- М**
- Мадонов В.Г. 521
 Мажара И.Г. 685
 Мазуренко Н. 398, 400
 Мазурук И.П. 233, 264
 Мазыкин И.М. 325
 Майбогов К. 393
 Майданюк Н.Н. 278
 Майер Э. 26
 Майерс Р. 23
 Макаренко В.Г. 19
 Макаров А.Г. 14
- Макаров А.И. 234
 Макаров М.А. 402, 418
 Макартур Д. 71, 91, 647, 687, 694, 696,
 Макдауэлл К. 23
 Макнейл У. 24
 Маклюков А.В. 15, 17
 Макнейлл У. 24
 Маковский А.В. 17
 Макото Икута 27
 Максимец Н.А. 568
 Максимчук З.И. (регент) 418
 Малахов 560
 Маленков Г.М. 108, 109, 201
 Малик ЯА. 65
 Малиновский Р.Я. 650, 676
 Мамин В.С. 467
 Ман И.А. 226
 Мангрин Г.К. 469
 Мандел В. 21
 Мандрик А.Т. 13, 17
 Мао Цзэдун 28, 58, 671
 Марголина Ф.М. 522
 Мариненко Н.С. 374
 Мариненко Е.А. 520
 Маринка Т. 465
 Марков Г. 478
 Марченко П.П. 231
 Маршалл Дж. 67
 Масаки Миякэ 27
 Масловский Г. 134, 142
 Матвейчук В.П. 19
 Матковский Н.А. 636
 Матов В.М. 374
 Матрохов В.А. 14
 Матюшенко Г.Ф. 417
 Мацуи И. 689
 Мацумаэ 629
 Мацумура Т. 674, 688
 Мацуока Ё. 63, 64, 492, 623, 689
 Мацуура К. 688
 Мдивани Г. 401, 403
 Медведева Л.М. 16
 Меерович 387
 Мезенцев Г.А. 227
 Мейер А. 408
 Меленчук В.И. 521
- Мельник Л.В. 420
 Мельников С.М. 17
 Мельников Д.И. 672
 Мельничук А.В. 525
 Мельчин А. 393
 Мерецков К.А. 650
 Мерзленко Д.П. 672
 Меркулов В.Н. 494, 495, 675, 687
 Мессер Р. 23
 Метакон М. 467
 Мехлис Л.З. 109
 Мешков И.Г. 593
 Мешкова 560
 Мизинов П.И. 563
 Микоян А.И. 108, 109, 579, 580
 Мильгунов М.И. 415
 Мильчин А. 401
 Миляева О. 221
 Минеев И.О. 536
 Миродзума Д. 678
 Миренков В.Д. 523
 Митерев Г.А. 311
 Митико Китахара 28
 Митин 667
 Митома К. 694
 Михадмок Г. 471
 Михайленко А. 400
 Михайлов А.М. 565
 Михайлов Н.А. 109
 Михайлов Я.Г. 593
 Мишин А.С. 228
 Мищенко А.И. 386
 Миямото М. 28
 Могильницкий Ю.Д. 684
 Могожин П.Ф. 223
 Моисеев А.Н. 565
 Моисеев И. 408, 409
 Моисеев П.А. 386
 Молодяков В.Э. 20, 21
 Молоков В. 331
 Молоствов Г.В. 5, 6, 416
 Молотов В.М. 57, 64, 68, 91, 108, 109, 251, 690
 Моор Х.Л. 22
 Морозов И.С. 593
 Моссе Р. 21, 22
 Москатов Г.П. 163, 180
 Мулдин В. 398

Мулинка К. 466, 478
 Мундерло М.М. 24
 Мураками К. 688
 Мурин М. 23
 Мусорин 661
 Муссолини 7
 Муто А. 689
 Муханов Д.С. 123
 Мухин И.С. 228
 Мухина К.Р. 18
 Мышевский С.П. 229
 Мэйерс Д. 25

Н

Наачина 446
 Наволочкин Н. 397
 Нагано О. 689
 Нагишкин Дм. 395, 396,
 397, 400
 Надибаидзе Ш.Г. 279
 Назаров Ф.А. 234
 Назарова Р.Ф. 13
 Накамура К. 27
 Налётов 233
 Нантук 449
 Нарочницкая Н.А. 21
 Нарыков В. 402
 Ната И. 28
 Наумов Т.К. 133
 Невский А. 400
 Негенбля И.Е. 16
 Немьшин 374
 Ненен 448
 Нерига В.Я. 447
 Нестеров Г.И. 223
 Нестеров П. 409
 Неупокоев В.А. 372
 Низяев С.А. 374
 Никитенко Н.М. 135
 Никитченко Н. 134
 Никифоров А.А. 665, 673
 Никишов И.Ф. 252, 255,
 265, 268
 Николаев В.Н. 593
 Николаева К.И. 303
 Николай (Ярушевич) 412
 Никулин А. 393, 397
 Нимиц Ч. 696
 Нисбет Р. 25
 Ниси Т. 694

Новиков А. 371
 Новиков А.А. 650
 Новиков М.А. 138
 Номоконов С.Д. 449, 471
 Номоконов М. 478
 Номоконов С. 468
 Ноянов К.А. 478
 Нудьга А.И. 371
 Нуманкай 466
 Нупатагин С. 467
 Нутенеут 446
 Нутетеин 451

О

о. Передрий Диомид 414
 Обливанцев Б.А. 231
 Обухов М.М. 442
 Ованесов П.И. 374
 Овечкин 233
 Овчинников В. 401
 Одесин К.Н. 472
 Одзаки Х. 497
 Одзял А. 466
 Одзял Б. 466
 Одисин К. 478
 Окабэ Исао 640, 641
 Окава С. 689
 Оказенок Б.И. 278
 Окамото Суэмаса 68
 Октябрьский Ф.С. 551
 Окулов А.Ф. 413
 Олден Дж. Д. 24
 Олейнчук П. 596
 Олеле 453
 Оленева Е.Н. 386
 Ольгина М.Н. 637
 Омельчак В.П. 13, 17, 18
 Омремкот 448
 Онегина С.В. 18
 Оненко 465, 467
 Оненко Б. 466
 Оненко К. 449
 Оненко С.С. 464442
 Онодэра Ю. 68
 Оноуэ М. 694
 Оота К. 690
 Органов М.Г. 391
 Орел С.Я. (проповедн.) 420
 Орлов А.А. 226
 Орлов А.С. 637

Орнацкая Т.А. 19
 Оруэлл Дж. 5
 Осиме Х. 497, 498
 Осипова Э.В. 19
 Останцева А.К. 371
 Остриков 560
 Островерхова Ф. 221
 Островский А. 402, 404
 Островский А.Н. 637
 Остроумов А. 596
 Остряков Н.А. 135
 Отке 442
 Отмахов В.П. 388
 Отто Э. 492
 Охата Т. 28

П

Павленко С.П. 414
 Павленко Т.А. 388
 Павликов И.Я. 563
 Павлов 684
 Павлов В.С. 411
 Павлов Д.В. 579, 580
 Павчинский В. 398, 399,
 400
 Падерин Степан (братья)
 466
 Падерин Семён 466
 Пади Тынди (дочь) 456
 Пади Хаттиль (жена) 456
 Пади Чупляка (невестка)
 456
 Пади К. 456
 Паика 453
 Пак Ген Сик 28
 Паленко И.А. 376
 Палшков И. 400
 Памьяне 446
 Паникаха М. 134
 Панков К. 478
 Панова В.В. 637
 Панькин С. 371
 Панюшкин А.С. 496
 Папахристон Дж. 23
 Паперно А.Х. 16
 Парилло М. 23, 24
 Пашков А.М. 14
 Парфенов С.Я. 560
 Паршин П.И. 197
 Паршина Е. 278

- Передерий А.Х. 278
 Пассар 465
 Пассар А. 449, 468
 Пассар Иван 465
 Пассар М. 134, 409, 445, 468
 Пассар А.П. 471
 Пассар Инокентий 465
 Пассар Максим 465
 Пасхалов А.П. 372
 Пая Д. 478
 Пегов Н.М. 117, 122, 331, 581, 679
 Пеонка В. 469
 Первенцев А. 401, 402, 404
 Первушина Т.Н. 521
 Передерий А.Х. 278
 Перекин А.Г. 522
 Петренко П.Т. 14
 Петров В.А. 137, 684
 Петров В.В. 18
 Петров К.Н. 17
 Петров Н.А. 275
 Петров Н.Д. 519, 520, 522, 525, 527
 Петровский К.М. 278
 Петухов В.В. 20
 Петухов И. 401
 Печерица В.Ф. 17, 18
 Пешков И.А. 641, 643
 Пильтыргин 466
 Пименов А.С. 412, 415
 Пирогов А. 560
 Пихарев Г.А. 389
 Плахотник А.Р. 563
 Плотников 233
 Побережный С.А. 139
 Погарцев В.В. 20
 Погребняк 135
 Подвойский П. 371
 Подлесных А.Я. 563
 Поздняков А.Ф. 16
 Позина Н. 19
 Покрасс Дм. 407
 Поликов А.М. 14
 Полонски А. 23
 Полосухин В.И. 133
 Полтавский Е.Н. 142
 Полутов А.В. 16, 20
 Полянский И.В. 417
 Пономарёв Д. 661
 Пономаренко Г.П. 388, 563
 Понятаева М.Т. 376
 Попков-Бодренков А.И. 275
 Попов А.Г. 467, 470, 471
 Попов В.М. 565
 Попов Г. 596
 Попов И.Я. 522, 525
 Попов П.А. 672
 Попов С. 409
 Попова Е.Я. 371
 Портнов И.Б. 495
 Поседко Б.Е. 390
 Потёмкин В.П. 343
 Преображенский Е.Н. 657, 659
 Прест А.Р. 23
 Присяжнюк А. 402
 Притула А.Д. 676
 Притчин А.М. 457
 Приходько А.Н. 14
 Приходько В.А. 13
 Продаус А.И. 224
 Прозоровская Л.В. 563
 Прок А.Ю. 374, 376
 Прокопенко Г.К. 691
 Проскурина Л.И. 17
 Просянок М.М. 521
 Протас 666
 Прохоров В.М. 16
 Проценко В.Т. 135
 Прудников М.М. 679
 Прусс Ю.В. 19
 Пу И Генри 72, 73, 656, 676, 688
 Пугин М.П. 523
 Пудзя Е. 472
 Пупорев А.С. 536
 Пуркаев М.А. 550, 650
 Пустовойт Г.А. 19
 Пучкова Е.Н. 374
 Пушкарёв Ф.Г. 522, 523
 Пырерка А. 478
 Пятигорский А. 383
- Р**
- Рабинков Г. 402
 Райзман Д.И. 18
 Райкин А. 407
 Рамзес В. 21
 Резникова Н.Я. 371
 Рейнард 408
 Релькоу Р. 453
 Ренева Т.Г. 371
 Ржетминский Г.В. 563
 Ржешевский А. 402
 Риббентроп И. 5, 6, 497, 499
 Рид Дж. 23
 Робертс Дж. 25
 Рогаль Н. 396
 Роговер В. 24
 Роговой С.И. 139
 Рогозин 374
 Родзаевский В.К. 678
 Родзиевский В.К. 636
 Родин В.Н. 563
 Рожанский Г.С. 388
 Рожнов Н.А. 135
 Розмарин Ш.В. 372
 Рознер Э. 407
 Рокоссовский К.К. 674
 Романов В.В. 19
 Романов М.М. 679
 Романюк М. 684
 Ромашева А.Г. 563
 Роскилл С.А. 24
 Росугбу В. 478
 Рошупкин Г.Г. 13
 Рубцов 560
 Руденко И.К. 565
 Рудиков 684
 Руднев Г. 14
 Рудниченко Л. 139
 Рузвельт Ф. 22, 25, 67, 79, 80, 81, 82, 86, 87, 88, 89, 92, 499, 737
 Румянцев 374
 Румянцев А.И. 386
 Румянцев В. 409
 Рыбалко П.С. 57
 Рыбачук И. 401
 Рыбочкин А. 397
 Рыковский П.И. 386
 Рынка 448
 Рынтыне 446
 Рынтыргин И.И. 463
 Рытхэу Ю. 451

- Рычагов П.В. 57
 Рябов Н.И. 374
 Рябов А. 403
 Рябцун К.Ф. (дьякон) 418
- С**
- Сабуров М.З. 109
 Садао Асада 27
 Савенко В.В. 371
 Савин Михаил (брат) 465
 Савин П. 464, 465
 Савин С.П. 465
 Савиных Н.Г. 232
 Савицкий Е.А. 135
 Сажина А. 221
 Салбиев В.Г. 468
 Салоимский И.Т. 672
 Самар 465, 467
 Самар А. 134, 397, 466, 468, 478
 Самар Михаил 465
 Самар В.М. 470
 Самар Г.А. 466, 470
 Самар П. 471
 Самар Тихон 465
 Самарина В.А. 13
 Самарченко В.А. 60
 Самбикин 391
 Самойленко В.П. 275
 Самохвалов 666
 Самунин М. 393
 Санжар А.П. 14
 Санников С.Е. 691
 Саплин В. 21
 Сараджан Г.С. 16
 Сарванов А.М. 372
 Саркисов К. 21
 Сато Н. 64, 65, 68,
 Сато С. 691, 694
 Сафонов Д.А. 17
 Сафронов В.П. 20
 Сахаров Н. 478
 Севинков Е. 371
 Седельников Ф.С. 551
 Седорчук Н.П. 224
 Седых К. 392
 Селецкая Г.С. 563
 Сельвинский И.В. 388
 Семёнов Г.М. 497, 635, 641, 678
 Семёнова А. 221
 Сеочёнок В. 472
 Серветников В.С. 17
 Сергеев О.И. 18
 Сергей 417
 Сергей (патриарх Московский и всея Руси) 412, 414
 Сергей (Страгородский) 412
 Сердюк М.Б. 19
 Сигэмицу Мамору 64
 Сигэмицу М. 689, 696
 Сигэнори Т. 64
 Сидоренко Н.Н. 392
 Сидоров Н.В. 17
 Симидзу 639
 Симонов М.В. 137
 Симонов К. 394, 401, 403, 404, 405, 406
 Симонова З.И. 371
 Синжзи Ёкотэ 27
 Синь-минь Ма 28
 Синявский А. 138
 Синяев С.И. 374
 Сиполс В.Я. 20
 Сипягин Н.И. 135
 Скирда Ф.И. 138
 Скляр М.И. 376
 Скобов Д.П. 374
 Скорик П.Я. 471
 Скоропадский 77
 Скриб Э. 404
 Скрипка М. 278
 Кулкин С.В. 537
 Скуридин И. 134
 Слабко А.С. 387
 Слабнина Л.А. 17
 Славинский Б.Н. 20, 21
 Слепцов Н.М. 469
 Слепцов И.И. 469
 Слепцов Н. 471
 Слепченко В. 398, 400
 Слепян Д. 401, 402, 404
 Слинкин Н.В. 376
 Служенко 684
 Смагин Н.В. 229
 Смелов А. 400
 Сметанин К.А. 492, 623
 Смирнов А.Г. 20, 386
 Смирнов С.В. 18
 Смирнов Л.Н. 691
 Смирнова Н.А. 374
 Смоляков С. 397
 Смолянов 391
 Смыковский Ф.И. 376
 Соколинский Р.В. 522, 525
 Соколов А.П. 374, 376
 Соколов П.Н. 414
 Соколов А.А. 495
 Соколова В.К. 374
 Солинек В.А. 386, 390
 Соловьёв А.П. 200
 Соловьёв В. 402, 405
 Соловьёва Е. 402
 Солодяков И. 471
 Солоненко М.А. 376
 Сольский Л.П. 374
 Сонин К.П. 679
 Соркин 470
 Соркин Н.С. 672
 Сорнев И. 653, 663
 Сорокин 593
 Сорокин А.В. 565
 Сошников Т.Д. 684
 Спектор Р. 24
 Спектор А. 87
 Спивак И.Т. 376, 402
 Сталин И.В. 12, 22, 25, 57, 66, 67, 68, 70, 71, 82, 88, 89, 108, 109, 122, 123, 124, 240, 251, 259, 274, 275, 343, 366, 376, 386, 385, 390, 400, 412, 415, 416, 470, 494, 495, 501, 645, 678, 679, 685, 687, 688, 690, 737
 Старостин Е.А. 376
 Старцев А.Ф. 18
 Стоценко А.В. 374, 376, 377, 388
 Степанов 560
 Степанов Н.Н. 565
 Степанов А. 392
 Степанов И. 393
 Степанов И.М. 122
 Степанов П.И. 536
 Степанчиков 233
 Степченко Я.П. 536

Стеттиниус Э. 22, 67
 Стефан Дж. 23, 25, 26
 Столер М. 23
 Стимсон Г. 71, 81
 Столопов В. 466
 Стофер П.П. 226
 Стоценко А.В. 374, 376, 388
 Стрелец Е. 685
 Стрельбицкий К.Б. 20, 65
 Стрельников Н. 403
 Стручков П. 468
 Стручков М. 465
 Стручкова И.Е. 448
 Су Юнчан 696
 Субботин К.П. 209
 Суверов Е.В. 18
 Суворов А.В. 400
 Сугихара Т. 76
 Сугияма 623, 624
 Судзуки К. 69
 Судоплатов П.А. 502
 Суздалов 447
 Суй Чжан 31
 Сунь Шилунь 29
 Сукрутов 390
 Супрун М.Н. 16
 Сурков А. 394
 Сулова М.Г. 371
 Сутурин П.М. 234
 Сушкевич Б. 406
 Сыму Лю 28
 Сырцов А. 371
 Сыса Е.А. 536
 Сэдзима Р. 688
 Ся Юньцзе 59
 Сянь-тянь Сюэ 29
 Сяогэ Ван 29

Т

Тагрыгырган Б.И. 453
 Такаси Сайто 26
 Такахаши Т. 694
 Такаяма С. 27
 Такият 462
 Такуми Х. 690
 Такэбэ Р. 688
 Такэда Цунэёси 70
 Такэяма М. 26
 Тальяавтын 452, 453
 Тамтам 453

Таранец А.Я. 386
 Тарановский В.И. 560
 Тарасенко 667
 Тарасов С.В. 593
 Тарутина И.В. 563
 Татаринцов С.П. 563
 Твардовский А. 405
 Твердяков В. 393
 Тебекин А.В. 374
 Тебеньков В.П. 383
 Тевлянто 442
 Тельканов С. 394
 Тенелькута 442
 Терентьев Я.М. 259
 Терешков А.Д. 133
 Тесельская И.П. 16, 17
 Тетюева М.В. 15
 Тибекин А.Р. 13
 Тимошенко С.К. 108, 122
 Тимченко А.П. 275
 Тихвинский С.Л. 20
 Тихонов Н. 397, 398, 399
 Тищенко И.С. 565
 Ткалич А.П. 19
 Ткачева Г.А. 13, 16, 17, 18,
 Тнато 467
 Того С. 64, 689
 Тодзио Х. 63, 689
 Токарев А.П. 523
 Токусино Хаттори 27
 Толкачева Н.В. 15
 Толстой А. 404
 Томбак С. 408
 Томгум 453
 Томиока С. 492
 Томский В.И. 637
 Томских П.И. 374, 376
 Тотынто А. 462
 Травников 233
 Трахалев А. 466
 Трескин И.В. 226
 Трофимов А. 448
 Трофимов Е.Г. 457
 Трумэн Г. 22, 25, 67, 70, 71,
 90, 91, 678
 Трушечкин Н.В. 684
 Тужилин С.В. 16
 Тулупов С.В. 416
 Тулупов С.П. 416, 412

Тупиков М.Ф. 374
 Тур (бр.) 401, 402
 Тураев В.А. 18
 Туркин В. 397
 Туркин Н. 397, 400
 Турмов Г.П. 19
 Тымнетагин Д. 478
 Тымныэттыкай 453
 Тынелькульт 462
 Тыхта А. 466, 469, 471
 Тэраяма Киосукэ 27
 Тяньсы Ли 29

У

Убака С.П. 464
 Уваров А. 471
 Уваува 453
 Увачан И.П. 471
 Удинцова А.В. 374
 Удольская М. 405
 Удыгир Т. 471
 Уза М. 466
 Уза В. 478
 Улаев Г. 278
 Уланка С. 472
 Умэдзу Е. 696
 Умэдзу Ё. 493
 Умятов 462
 Уоллес Г.Э. 22, 85, 86, 258
 Уорд А. 84
 Урангин Н.П. 472
 Усов А.В. 20
 Устиев Е.К. 260
 Устинов Д.Ф. 197
 Утёсов Л. 407
 Утлинский Е. 372
 Ухов Г.А. 225
 Ушаева М.Б. 374
 Уэллес С. 82

Ф

Фабричный М.И. 13
 Фаворский В. 399
 Фадеев А. 392
 Фан Ши 30
 Феденко М.И. 529
 Фёдоров М.И. 551
 Федорчук З.И. 224
 Федотов В. 331
 Федотов В.Ф. 226, 227

Федотов С. 469
 Федюнинский М.М. 141
 Фейс Г. 24
 Фельдман К. 403
 Феокистов С. 394
 Ферро М. 6,
 Фетисов А. 397
 Филимонов И. 466
 Филиппов П.А. 525
 Филлипс Г. 22
 Фирсов А.П. 139
 Фишер Э.Г. 374
 Флегонтов А.К. 502
 Фомина Н.В. 19
 Фортунатов Л.А. 563
 Фрезер Б. 696
 Фридман О. 398
 Фризен П.Д. 18
 Фролов Н.И. 374, 376
 Фролов Я. 560
 Фролов А.А. 568
 Фролов А.И. 468
 Фролов С.А. 551
 Фурман Д.Е. (св.) 413, 415,
 416
 Фын Чжунъюань 60
 Фын Чжунюнь 59
 Фэн Юэ 31

Х

Хабаров А.П. 457
 Хабаров В. 478
 Хабаров Е. 400
 Халилецкий Г. 393
 Халиман В.П. 17
 Хангени В. 466
 Хандурин 374
 Ханжин М.В. 505
 Хария 676
 Харриет Л. 23
 Хасегава Ц. 25, 71
 Хаселева Б.Л. 374
 Хага Х. 676
 Хагхил Ч. 466
 Хацревин З. 397
 Хаяси Сабуро 27
 Хелимский М.А. 372
 Хеуни А. 466
 Хеуни Р.К. 447
 Хикосабуро Х. 70

Хиразакура Д. 694
 Хирота Коки 617, 689
 Хирохито 68, 70, 690, 692
 Хисамутдинова Н.В. 19
 Хобсбаум Э. 27
 Ходжер 26, 465
 Ходжер Т. 466
 Ходжер Д. 502
 Ходжер К. 457
 Ходоско А.П. 275
 Хойт Э.П. 23, 24
 Холодный С. 393
 Хомченко Н.М. 234
 Хорошев К. 653
 Хосогая Босиро 624
 Хосойя Х. 28
 Хосокава М. 27
 Хотта Р. 693
 Хохонины Дм.Ф. и Евд.Б.
 139
 Христофоров В.С. 16
 Хромов Г. 560
 Хрулёв А.В. 575, 578, 579,
 580
 Хрущёв Н.С. 109
 Ху Цяому 29
 Худобородов А.Л. 18
 Худяков П.П. 17
 Хуркан И. 457
 Хэлл К. 22, 79, 87

Ц

Цанко Т.А. 593
 Цапко Г.А. 563
 Царёв Г.С. 229
 Цареградский В.А. 260
 Царёк И.Ф. 18
 Цвид Ф.А. 376
 ЧжуГуэйшэн 29
 Цейтлина Г.И. 374
 Целибеев Б.А. 372
 Целлер К. 403
 Цзинхэ Луань 29
 Цзунхай Чжан 31
 Цибаровский М. 397
 Цибин Н.Т. 275
 Цивилёв Г. 398, 400
 Ципкин Ю.Н. 16, 17
 Цирульников Н.И. 551
 Цуёси Хасэгава 27

Ци Ван 29
 Цунэо Ито 27
 Цупенкова И.А. 19
 Цыбек А.А. 384, 390
 Цяому Ху 29

Ч

Чайургин 448
 Чалеева-Бельская Е. 402
 Чан Кайши 55, 56, 57, 58,
 87, 91, 499, 677
 Чарушников В. 560
 Чекрыгов П.И. 521
 Челябин Г.И. 232
 Чемберлен 7
 Чепрасов П. 560
 Чепурин Ю. 402
 Чепурной Ю.И. 138
 Червяков С.А. 228
 Черевко К.Е. 20, 65
 Черепанов В.С. 478
 Черепанов А.И. 57
 Черканов Г. 478
 Черненко О.П. 371
 Чернов С.И. 224
 Чернолуцкая Е.Н. 17
 Черноусов З.Ф. 413
 Черных И.И. 467, 471
 Чернышёв А.А. 20
 Чернышев В.А. 525
 Чернявский А. 399
 Чертков Д.Д. 691
 Черчилль У. 22, 67, 82, 90,
 645, 737
 Чешев А.А. 376
 Чжан Шоуцзян (Чжан Шоу-
 цаянь) 60, 61
 Чжан Сюэлян 635
 Чжан Цзин-хуэй 656
 Чжао Шанчжи 59
 Чжао Вэньцзинь 29
 Чжиминь Сюй 29
 Чжичен Ван 30, 31
 Чжоу Баочжун 59, 60, 61
 Чжэн Вэйчжи 29
 Чжэньдэ Ван 28
 Чиркова Э.Я. 418
 Чирухин В.А. 16
 Чистяков И.М. 592
 Чистяков П.С. 530

Чихман Ф. 133
 Члаидзе Е.М. 386
 Чойбалсан Х. 651
 Чубаров Б.К. 113
 Чубриков И.С. 275
 Чувьрин С.М. 672
 Чудаков Е.А. 384
 Чудновцев Б.М. 565
 Чуйко А.С. 138
 Чуйков В.И. 57
 Чуньин Че 31
 Чуприкова Т.Т. 563
 Чурина М.Т. 374
 Чэньдэ Хоу 28

Ш

Шабельникова Н.А. 17, 19
 Шадрина 560
 Шалкус Г.А. 15
 Шанцберг А.Ф. 226
 Шапиро С.Е. 372
 Шапошников Б.М. 108
 Шарль Де Костер 403
 Шассен Л.М. 24
 Шаталов Е.Т. 260
 Шахурин А.И. 197
 Шварц Б.А. 372
 Шварц С. 25
 Шверник Н.М. 109, 163, 303
 Швец А.В. 17
 Швец В.М. 139
 Швец Н. 686
 Швецов А. 371
 Шебеко К. 401
 Шевелев Г.М. 415
 Шейнин Л. 401, 402
 Шекспир У. 405
 Шендер К.Е. 376
 Шепунов Б.Н. 642
 Шервуд Р. 22
 Шергин П.И. 519
 Шерер А.М. 23
 Шеридан Р. 404
 Шеронов В.С. 17
 Шестаков А.Д. 232
 Шестаков С.И. 229
 Шестакова Ю. 396
 Шиллер Ф. 402
 Шилунь Сунь 28, 29
 Шинкарёв Н.Б. 232

Шинкаренко А. 409
 Шипилова К.И. 13
 Ширинкин М.Н (пресв.)
 419
 Широков А.И. 15, 17
 Широков Н.П. 593
 Широкоград А.Б. 20
 Шитиков И. 467
 Шишенин Л. 408
 Шишкин А. 397, 400
 Шишков В. 392
 Шкраб В. 401
 Шкуратов П.С. 593
 Шландакова У.А. 563
 Шлапунов Г.С. 13
 Шлизенгер А. (мл.) 24
 Шмагина З. 465
 Шолик П.М. 563
 Шофилд Б.Б. 24
 Шофман Д. 398, 399
 Шпунтенко С.Ф. 523
 Штейнгардт 80
 Штерн Г.М. 550
 Шток И. 403
 Шуан Лю 30
 Шугалей И.Ф. 16, 19, 20
 Шулубина С.А. 17
 Шулятьев Д.А. 13
 Шумкин В.Н. 374, 376, 377,
 388
 Шустерман Х.Б. 374
 Шусяо Ли 31

Щ

Щебенькова Е.А. 328
 Щеглов М.К. 275
 Щеглова В.У. 537
 Щербаков 374
 Щербаков А.С. 109
 Щетинина А.И. 170, 226,
 229,

Ы

Ыча В.В. 472

Э

Эдмондс Р. 25
 Эйдай Хаяси 28
 Экшэн Э. 24
 Элентух А.В. 387
 Эллис И. 405

Эмиот И. 25
 Энбе Н. 403
 Энмина 446
 Эриксон Дж. 25
 Этакай 462
 Эттакай-Тато 448
 Эттувги 453
 Этянкэу 450
 Эчино 453

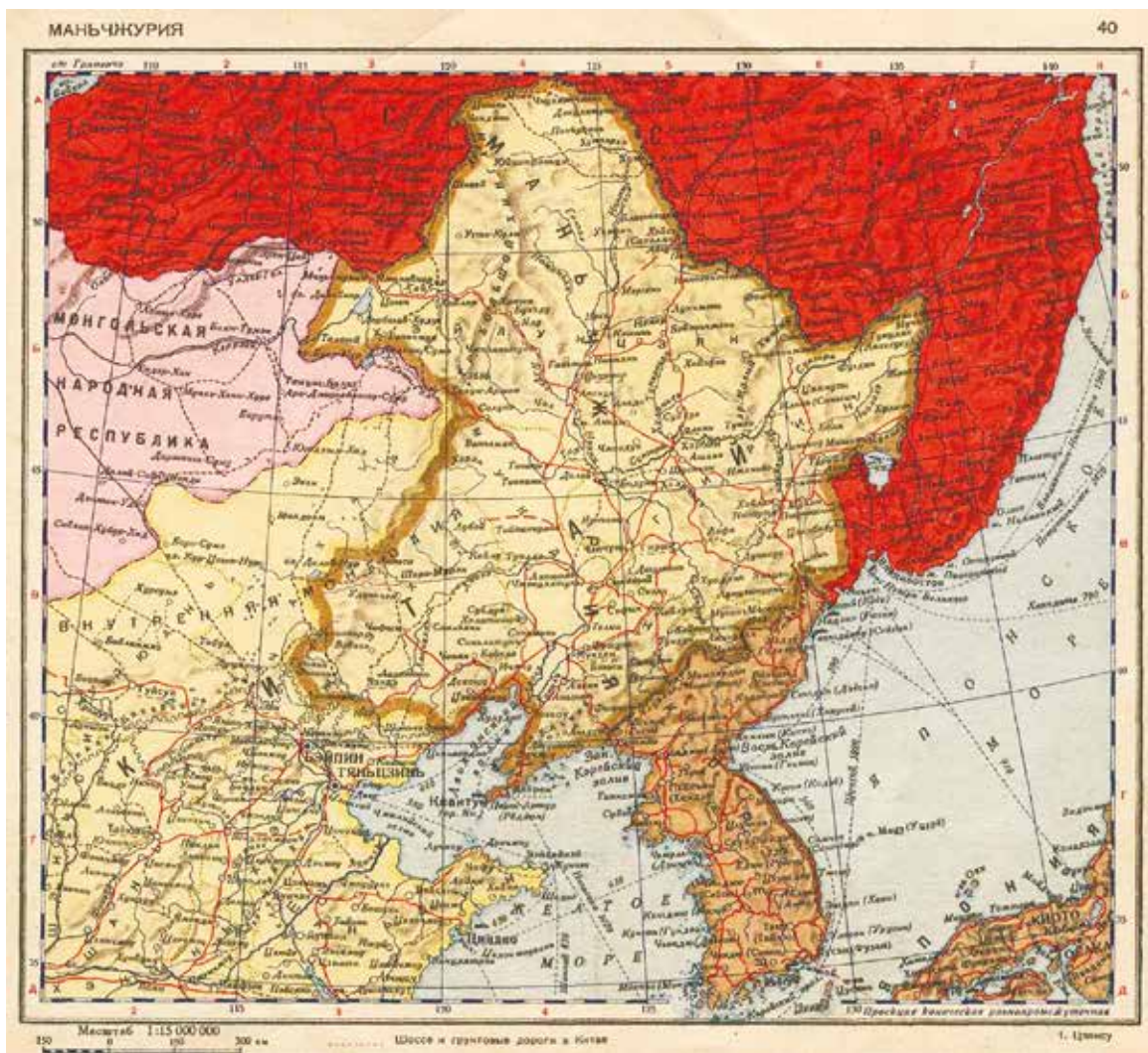
Ю

Юдина Н.В. 18
 Юмашев И.С. 551, 656, 658
 Юньчан Ли 29
 Юровецкий Е.Б. 388
 Юрчаков А.Е. 231
 Юрченко Н.М. 565
 Юхак 453
 Юхвид Л. 403
 Юшкова Е.В. 371
 Юшин В.С. 16
 Юшина Т.В. 16
 Ююка В.Г. 453

Я

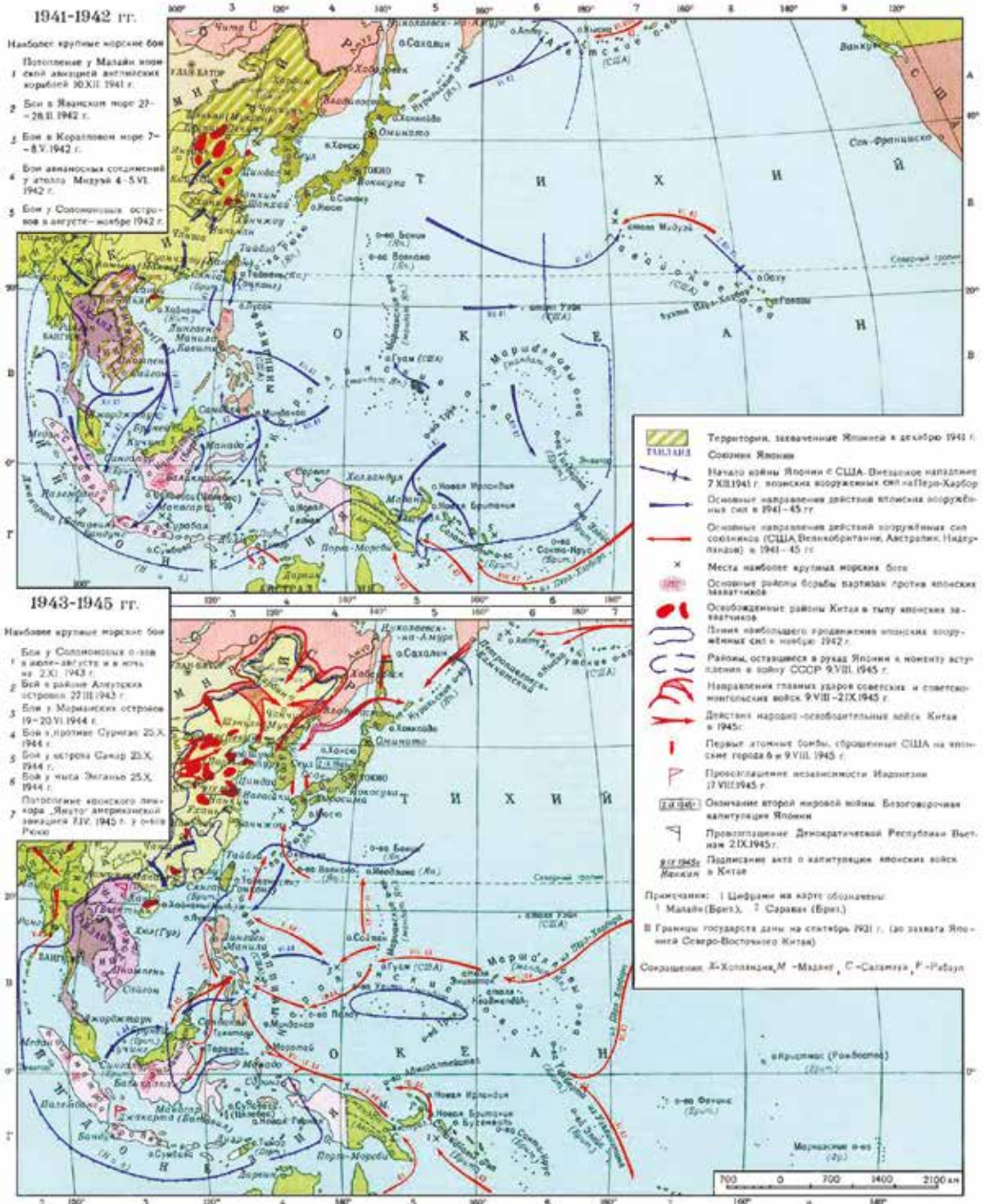
Явчик Н. 470
 Яганов Н. 471
 Яковенко М.Г. 551
 Яковлев З. 468, 471
 Яковлев В.А. 275
 Яковлев С.Т. 226
 Яковлева Н. 405
 Якунин П.И. 386
 Якушев Н.В. 523
 Ямада О. 71, 498, 656, 674,
 676, 691, 693, 694
 Ямасита Томоюки 625
 Янагиту Г. 493, 641
 Ян Цзинъюй 58, 59
 Яншевский Б. 404
 Яриков Ф. 405
 Ярославский Ем. 412
 Ярославцев А.В. 17
 Яскевич А.П. 226
 Ястребов В.Я. 374
 Яттыргин 467
 Ятыргин 471
 Яхонтов В.А. 22
 Яценко 418
 Ячин Е. 7, 376

Иллюстрации гл. 1, п. 1.2

Карта Маньчжурии. 1940 г.

Иллюстрации гл. 1, п. 1.4

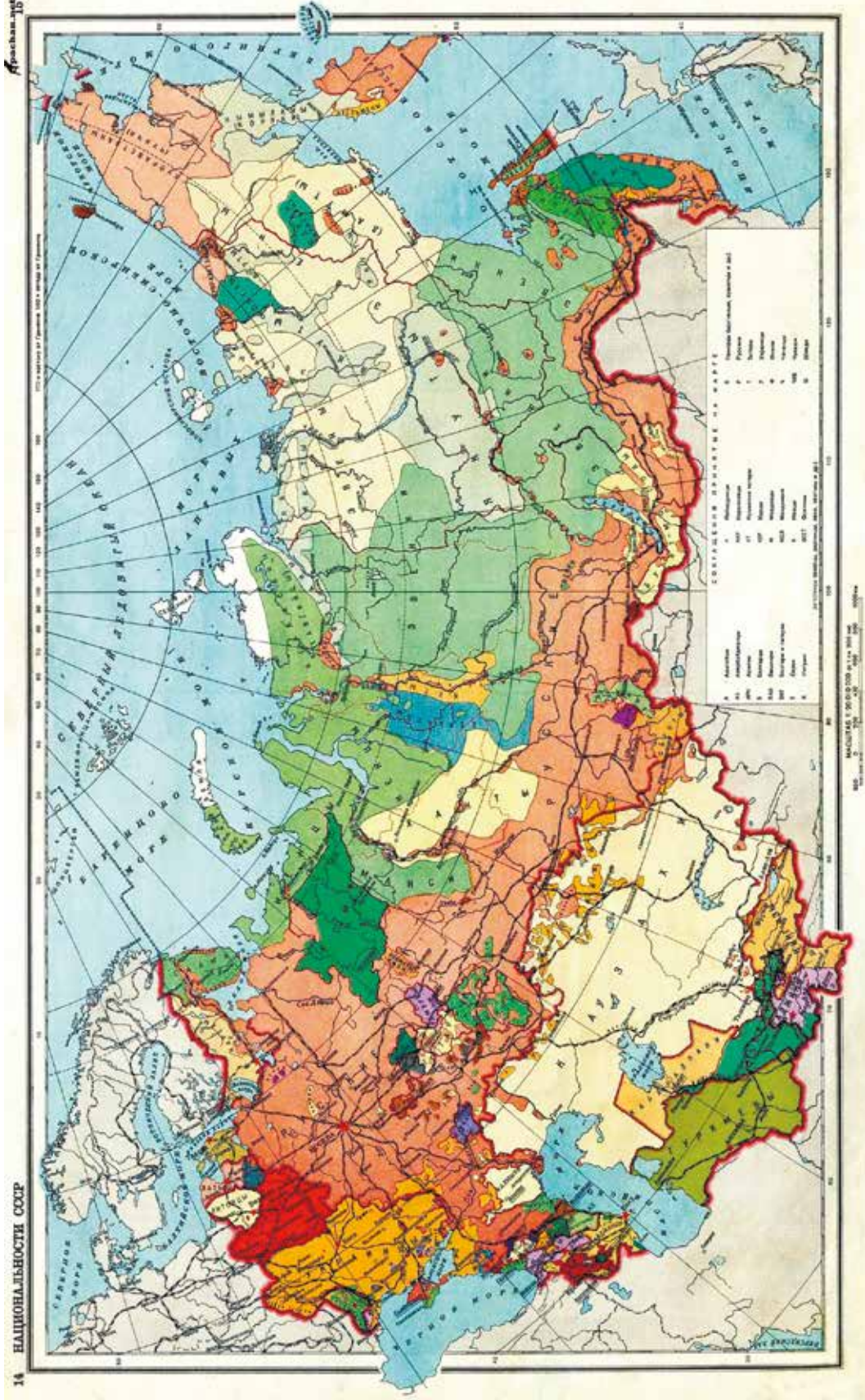

Боевые действия на Тихом океане 1941-1945 гг.

Иллюстрации гл. 2, п. 2.1

Дальневосточный край. Административно-территориальное деление. 1938 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Авторы разделов	10
Историография истории Дальнего Востока 1941–1945 гг.....	11
Глава 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	55
1.1. Дальневосточный вектор советско-китайского сотрудничества.....	55
1.2. Советско-японские отношения.....	62
1.3. Маньчжоу-го в системе международных отношений.....	72
1.4. Советско-американские отношения на Тихом океане	78
Глава 2. ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	108
2.1. Функционирование органов государственной власти и управления в чрезвычайных условиях.....	108
2.2. Общественно-политические настроения в регионе.....	121
2.3. Дальневосточники – защитники Отечества.....	128
2.4. Патриотическое движение дальневосточников.....	136
Глава 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА	156
3.1. Численность и состав населения	156
3.2. Трудовые ресурсы промышленности и транспорта.....	163
3.3. Производственные кадры дальневосточной деревни.....	172
3.4. Подготовка рабочих на Дальнем Востоке.....	180
Глава 4. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА ...	194
4.1. Деятельность предприятий промышленного комплекса.....	194
4.2. Вклад Дальневосточного региона в продовольственную базу страны.....	209
4.3. Дальневосточный транспорт в условиях военного времени.....	219
4.4. Принудительный труд в экономике региона.....	236
4.5. Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР в годы войны.....	251
4.6. Движение за высокопроизводительный труд в регионе	275
Глава 5. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ.....	303
5.1. Социальная поддержка тружеников тыла	303
5.2. Лечебно-профилактическая деятельность учреждений здравоохранения	311
5.3. Обеспечение населения Дальнего Востока продовольственными и промышленными товарами	323
5.4. Жилищно-бытовые условия дальневосточников	329
Глава 6. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.....	343
6.1. Дальневосточная школа в годы войны.....	343
6.2. Трудовые резервы Дальнего Востока в условиях военного времени	359
6.3. Подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием на Дальнем Востоке.....	370
6.4. Наука на Дальнем Востоке в годы войны	383

6.5. Литературная жизнь советского Дальнего Востока.....	391
6.6. Художественная культура Дальневосточного региона в военные годы.....	397
6.7. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны.....	410
Глава 7. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.....	441
7.1. Общество и власть в национальных районах Дальнего Востока	441
7.2. Традиционное хозяйство коренных народов.....	451
7.3. Образование и культура малочисленных народов	459
7.4. Коренные малочисленные народы на фронтах Великой Отечественной войны.....	464
7.5. Социально-демографические и этнокультурные последствия войны для малочисленных народов Дальнего Востока.....	472
Глава 8. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА	491
8.1. Органы государственной безопасности на Дальнем Востоке СССР в годы войны.....	491
8.2. Пограничные войска на охране дальневосточных рубежей.....	507
8.3. Таможенная служба Дальнего Востока в условиях военного времени.....	519
8.4. На страже закона: дальневосточная милиция в годы войны.....	530
Глава 9. ОБОРОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР	550
9.1. Развёртывание Вооружённых Сил СССР на Дальнем Востоке	550
9.2. Обеспечение безопасности мореплавания в акватории дальневосточных морей.....	557
9.3. Деятельность аварийно-спасательной службы Тихоокеанского флота	567
9.4. Продовольственное обеспечение военной группировки войск на Дальнем Востоке СССР	575
9.5. Подготовка командных кадров для Дальневосточного фронта	585
9.6. Военная подготовка населения Дальневосточного региона.....	594
Глава 10. ВОЙНА СССР С ЯПОНИЕЙ. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ...	617
10.1. Советско-японское противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	617
10.2. Российская эмиграция в северо-восточных районах Китая.....	633
10.3. Разгром японской группировки войск в Маньчжурии	644
10.4. Участие Тихоокеанского флота в разгроме милитаристской Японии.....	656
10.5. Пограничные войска в войне с Японией	663
10.6. Советская разведка и контрразведка против спецслужб Японии.....	669
10.7. Дальневосточное общество в августе–сентябре 1945 г.	679
10.8. Военная политика Японии в оценках на Токийском и Хабаровском процессах.....	687
Заключение	731
Приложение. Золотые звезды Дальнего Востока СССР.....	740
Именной указатель	923
Приложение. Карты.....	937

Научное издание

История ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Том 3
Книга 3

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СССР: 1941–1945 гг.

Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН Н.Н. Крадина

Ответственный редактор
доктор исторических наук Г.А. Ткачева

Электронный набор и правка Т.И. Шаленко
Корректор Н.В. Давыденко
Компьютерная верстка С.В. Филатов

Подписано в печать 27.03.2020 г.
Формат 70x100/16. Усл. п. л. 76,5. Уч.-изд. л. 74,7.
Тираж 1000 экз. Заказ № 20/1034

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.
Тел. +7 9147067252. E-mail: dalnauka@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»
690106, г. Владивосток, пр-т «Красного знамени», 10